

В. А. Янчук

Введение В СОВРЕМЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ПСИХОЛОГИЮ

SOCIAL
PSYCHOLOGY

ББК 88.5я7
УДК 159.9(075.8)

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор В. И. Секун
доктор психологических наук, профессор И.А. Фурманов

Янчук В.А.

Я66 Введение в современную социальную психологию. Учебное пособие для вузов. – Мн.: АСАР, 2005. – 768 с.
ISBN 5—7367—0146—0

С позиций развиваемого автором интегративно-эклектического подхода представлена панорама современных социально-психологических знаний, накопленных в мировой науке и практике к началу третьего тысячелетия. Отличительной особенностью учебного пособия является подробное описание широкого спектра психологических подходов к анализу основных проблемных областей с представлением ведущих персоналий, теоретических моделей и понятийного аппарата, привлекаемого к изучению и объяснению изучаемых явлений. Многие подходы и разделы предлагаются русскоязычному читателю впервые.

Предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей психологических специализаций, заинтересованных в получении современных знаний, накопленных в мировой социальной психологии, а также широкого круга читателей, стремящихся познакомиться с социально-психологической проблематикой.

УДК 159.9(075.8)
ББК 88.5я7

ISBN 985-6038-34-0

© Оформление, АСАР, 2005
© Янчук В. А., 2005

От автора

Идея данной книге родилась у автора в результате длительных размышлений о ситуации, сложившейся в отечественной социальной психологии в 1990-е годы. Разрушение многолетней информационной изоляции от мировой социальной психологии, доступной до того времени лишь избранным, да и то испытывавшим сильнейшее идеологическое давление, привело к осознанию факта существования огромного количества исследований в неведомых проблемных областях и неожиданных интерпретаций. Сохранение предшествующего идеологического апломба о существовании единственно правильной и самой верной из всех – советской социальной психологии стало по меньшей мере неуместным. Надежды на то, что после открытия границ внешний интерес обрушится на нас, оказались чистой воды иллюзией. Увы, по сложившейся в мире традиции, место под солнцем надо завоевывать и завоевывать не апломбом, а знанием того, что в нем делается. И коль мы стремимся к интеграции в единую мировую социальную психологию, то ее, как минимум, надо знать. Отсутствие же этого знания может привести только к одному – дополнительным сложностям в самопредъявлении. Конечно же, ортодокс от науки может воскликнуть – ну и не нужны они нам. Ему то может и не нужны, но новые знания, информированность о том, что делалось и делается в мире социальной психологии нужно подрастающему поколению социальных психологов, стремящемуся к интеграции в мировое сообщество и развитию.

Сказанное и послужило основным мотивом для написания книги, в которой заинтересованный читатель может получить широкую панораму представлений о том, что делалось и делается в мире и не только западном, но и восточном. Собственный авторский опыт чтения лекций в университетах Великобритании, участие в конференциях и семинарах, владение современной англоязычной литературой и достаточный уровень эрудированности в широком спектре проблемных областей социальной психологии, обусловили стремление написать книгу, в которой представлены размышления о ситуации в ней.

Основная задача, которую автор ставит перед собой – дать по возможности предельно четкое определение предмета социальной психологии, представить вехи ее становления, обозначить перспективу дальнейшего развития в свете достижений современной науки и практики.

В идеологии книги лежит интегративно-эkleктический подход, разрабатываемый автором на протяжении последних лет и обосновывающий необходимость и продуктивность сотрудничества и партнерства различных психологических традиций друг с другом, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие. Данный подход определяет стремление представить в максимально полной и доступной форме наиболее продуктивные традиции и школы, познакомить с наиболее известными исследователями и их разработками, описать суть различных проблемных областей.

Избранный подход определяется интернациональностью воззрений автора. Будучи расположенным к Европейской, на мой взгляд более философичной традиции, мы постараемся показать и все достойное обсуждения в самой плодотворной и

мощной – американской традиции, не оставляя без внимания и наиболее близкие к ним разработки отечественных авторов.

Авторское написание подобного рода книги связано, конечно же, с определенными трудностями. В отдельных областях исследований и психологических традициях мы менее информированы, в других – более. Поэтому, не претендуя на абсолютность оценок, мы будем стараться придерживаться максимально остраненного взгляда. Единое авторство, наряду с отмеченными ограничениями, обладает и достоинствами – возможностью выдерживания единой логики, последовательности изложения и сохранения авторской позиции.

Я приглашаю читателей не к авторскому монологу, а к диалогу, в котором могут сформироваться новые знания, взгляды и подходы к интереснейшему миру социально-психологической феноменологии. И проникновение в этот многообразный мир даст продуктивные всходы в лице приобщенности к мировой социальной психологической традиции и получения широких и многоплановых оснований для принятия самостоятельных оценочных суждений.

Архитектоника книги построена по принципу продвижения от общего к частному, исходя из авторских представлений о необходимости информирования читателя в общем спектре проблем, метатеоретических основаниях, а затем переходу к их детализации и конкретизации на примере прикладных исследований. Учитывая большую потребность в практико-ориентированных знаниях, при необходимости, приводятся подробные описания технологических решений.

Книга начинается с представления исторических особенностей оформления социальной психологии как самостоятельной области психологического знания, ее теоретико-методологических оснований, основных подходов и исследовательских традиций. Существующее многообразие подходов предваряется объяснением его культурно-исторической и философско-методологической подоплеки, позволяющей читателю разобраться в особенностях эволюции гуманитарного знания к знанию постмодернистского типа.

Так как социально-психологическое знание выражается в форме различного уровня сложности теорий, значительное место отводится знакомству читателя с особенностями теоретического доказательства в социальных науках. Дефицит специальных работ по данному вопросу обусловил максимально подробное ознакомление с критериями, принципами построения научной социально-психологической теории, способами ее доказательства и проверки. Раздел теории представлен значительно шире по объему чем в зарубежных учебниках, что обусловлено стремлением автора к более глубокому ознакомлению отечественного читателя с малодоступными разработками в данной области и крайней скудностью отечественных изданий по данному вопросу. Столь же подробный анализ представлен и по отношению к методологическим основаниям, так как именно в них кроется фундамент идеи многомерности как знания.

Любая теория строится на определенной исследовательской методологии методах. В книге большее внимание уделяется особенностям социально-психологического исследования как такового, сопровождаемых детальным описанием его промежуточных этапов и требований к обеспечению научной объективности. Методы исследования изложены в ракурсе их эволюции и взаимодополнения. Существенное место отведено объяснению изменений, происшедших в подходах к мето-

дам изучения социально-психологической феноменологии и сложностям, связанным с ее качественной спецификой по сравнению с естественнонаучным познанием.

Ввиду слабой информированности отечественного читателя в многообразии теоретических традиций, существующих за рубежом, приводится широкий обзор их специфики с акцентом на прослеживание культурно-исторической обусловленности определенных трактовок социально-психологической феноменологии. Особое внимание уделено теоретическим традициям, не получившим должного освещения в русскоязычной литературе – экзистенциально-феноменологической, социально-конструктивистской, психодинамической, интеракционистской и гендерной. Общая логика представления этих традиций предполагает рассмотрение предпосылок становления, методологических оснований, понятийного аппарата, теоретических основоположений, персоналий и перспектив развития.

В качестве базовой категории, на которой основывается все здание социальной психологического знания, избрана категория «личность» в ее социально-психологическом ракурсе и именно категория самости, как составляющей ядро социальной сущности индивида. Проблематика личности, как и проблематика других областей, рассматривается с точки зрения различных теоретических перспектив и подходов.

В последующих разделах детально рассматриваются основные области современной социальной психологии: социально-познавательная активность личности; социальное объяснение; социально-психологическое воздействие; межличностное взаимодействие; феноменология малой группы; просоциальное поведение; агрессивное поведение; социальные предубеждения.

Ориентированность издания на студентов и аспирантов психологов предполагает более строгий научный стиль изложения с корректным цитированием первоисточников и приведением популярных иллюстраций лишь при необходимости. Целесообразность информирования в литературе вопроса определяет приведение ссылок на наиболее интересные зарубежные первоисточники, что обусловлено расширением реальных возможностей ознакомления с ними, а так же полным отсутствием отечественных изданий по некоторым проблемным областям.

Структура пособия включает глоссарий, вопросы для обсуждения, краткие задания на осмысление изложенного, список основной и дополнительной литературы.

Фамилии зарубежных исследователей приводятся в русскоязычной транскрипции в случае их представленности в русском языке и оригинальном написании в других случаях. Это связано с тем, что те их транскрипции, которые встречаются в русскоязычной литературе часто весьма далеки от оригинальных и создают предпосылки для дезориентации читателя.

Предлагаемое учебное пособие будет полезным и для преподавателей социальной психологии и персонологии, специалистов других областей гуманитарного знания, интересующихся социальной феноменологией, широкого круга читателей.

Доктор психологических наук, профессор
В. А. Янчук

to be accepted as witness
I was in the County of Talbot
Confederation of one hundred and
fifty cents shd to my father
of Seneca in the County of Talbot
whereof I be the only person who
had contented with the same
sell convey and confirm to the
certain peace of the County of
Township of Seneca
five Acres & better in Decree
ing at the South East Corner of
by the Highway running
be round thence the Line
one hundred & thirty six rods to
the South West Corner of the same
North 6 Degrees East thirty six rods
of Acres in my West Line thence
one hundred and fifty rods to a
the West Side of the Highway
thence to the first mentioned Corner
South or East West and North
West South East North East
Corner of the same

ЧАСТЬ I. ПРЕДМЕТ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Предмет социальной психологии

Эволюция представлений о предмете социальной психологии

Социальная психология является одной из самых молодых отраслей психологического знания. Её возникновение связано с появлением уникальной познавательной ниши, определяемой обращением внимания на класс явлений, которые не могли быть объяснены ресурсами прародительниц – психологии и социологии. Например, в рамках традиционной психологии крайне сложно объяснить феноменологию малой группы как простую сумму психологических особенностей составляющих ее индивидов. Изменение в поведении, которые имеют место в группе у отдельного индивида, столь очевидны, что игнорировать их стало невозможно. А в рамках социологии так же остро ощущалась проблема дефицита внутриличностных оснований для объяснения социальных процессов и явлений. Компромиссным решением этого расхождения стало появление социальной психологии. Главной ее задачей стало конституирование истинно научного знания, претендующего на объективное изучение общественной активности людей, открытие универсальных законов социального поведения (не только в мире человека, но и в мире животных).

Для прослеживания динамики социально-психологических представлений следует определиться в содержании анализируемого понятия. Итак, социальная психология – это область знания, занимающаяся изучением особенностей социального взаимодействия и взаимовлияния людей и их социального контекста. Отталкиваясь от положения о социальной сущности человека как производной от его взаимодействия с окружающей средой, социальная психология фиксирует внимание на вопросах межличностного взаимодействия в рамках объединений различного уровня сложности. Изучаемый круг вопросов ранжируется от внутриличностных процессов (формирование и проявление самости, социальной идентичности, социального познания, переживания и тому подобного) до межличностных взаимоотношений.

Официальной датой оформления социальной психологии как самостоятельной области знания считается 1908 год – время опубликования «Введения в социальную психологию» W. McDougall и «Социальной психологии» L. Ross. Первая книга посвящена естественным склонностям и способностям человеческого мышления, вторая – будущему и настоящему, возникающему между людьми как следствие формирующихся ассоциаций. Как видим, у обоих авторов весьма отдаленное отношение к предмету социальной психологии в современном его понимании. В американской традиции социальная психология подается как новая дисциплина, предметом которой являются индивидуальные и интраличностные процессы (McDougall, 1908; Simmel, 1908). В европейской традиции предметом ее является исследование роли социальных (структурных контекстов) в отношении индивидуальных процессов.

Расхождения в ориентациях на интраиндивидуальные и социально-контекстуальные процессы приводят к параллельному существованию двух видов социальной психологии – психологической и социологической. В 1990-е годы более известной становится психологическая социальная психология, фокусируемая на психологических процессах влияния социальных стимулов на индивида (включая экспериментальную методологию).

Менее известной, но более глубокой является идущая от интеракционистских разработок Ч. Х. Кули (Cooley) и Дж. Г. Мида (Mead) социологическая социальная психология, сосредотачивающей свое внимание на анализе взаимодействия общества и индивидов (включая наблюдение, опросы, интервью).

Н. Tajfel, обсуждая проблему социального измерения, считает, что «социальная психология должна включать в качестве своих теоретических и исследовательских приоритетов прямую заинтересованность во взаимоотношениях между психологическим функционированием человека и широкомасштабными социальными процессами и событиями, формирующими это функционирование и формируемыми им» (1981, с. 7). М. Deutch конкретизирует эти различия посредством выделения четырех уровней анализа социально-психологического исследования: 1) интрапсихологический – фокусируется на механизмах, посредством которых люди организуют свое восприятие и оценку социального окружения; 2) интериндивидуальный и ситуационный уровни, охватывающие интериндивидуальные процессы в том виде, в котором они реализуются в данной ситуации; различные позиции, занимаемые индивидом и принимаемые во внимание по отношению к ситуации; 3) социально-позиционный – охватывающий экстраситуационные различия в социальных позициях, таких, как принадлежность к различным группам и категориям членства участников; 4) идеологический – относящийся к системам представлений, репрезентаций, оценок и норм, разделяемых субъектом в ситуации эксперимента (1986). Он утверждает, что американцы в своих исследованиях концентрируются в основном на первом и втором уровнях, в то время как европейцы – на третьем и четвертом. Однако сегодня наметилось некоторое согласие между ними в определении предмета социальной психологии (A. Manstead, M. Hewstone, 1999, с. 588).

В советской науке предметом социальной психологии было изучение закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных их включением в социальные группы, и изучение психологических характеристик самих этих групп.

В качестве основополагающего провозглашался принцип единства сознания и деятельности, в качестве метаподхода – деятельностный подход. Строгой методологической основы, как видим, не было. Наиболее оригинальной категорией, разработанной в рамках советской социальной психологии, стала категория «общение», которая действительно содержит несколько продуктивных идей.

Применительно к современной социальной психологии с большей или меньшей долей условности можно говорить об экспериментальной, когнитивистской, интеракционистской, психодинамической, экзистенциально-феноменологической, гендерной и социально-конструктивистской идеях исследования. Какой-либо универсальной теории пока нет. Наличие огромного количества мини-теорий приводит к фрагментации социально-психологических представлений и, следовательно, – к необходимости интегрирующего их теоретического основания. Одна из попыток такого рода представлена в рамках теории социальных репрезентаций С. Московичи (Moscovici). Автор стремился разрешить одну из фундаментальных проблем социальной психологии – преодолеть разрыв психологии на академическом уровне и на уровне обыденного сознания.

Становится все более очевидной ограниченность возможностей лабораторного эксперимента, жестко структурированных опросных методик и наблюдения, ориентированных на количественную констатацию данных, что приводит к обострению дискуссий о научной достоверности в условиях специфического предмета, не подлежащего прямой операционализации (количественному измерению) и верификации (пространственно-временному подтверждению). Социальная жизнь оказалась значительно более богатой и многообразной, не желающей вписываться в жесткие рамки научного анализа. Человек не просто отражает окружающий мир, но и переживает его. Чувства, охватывающие его, не вписываются ни в какие рациональные схемы, приводя к тому, что он не может различить очевидного для всех окружающих. Уподобляясь в определенных условиях реагирующему на стимулы автомату, в других – он превращается в суперкомпьютер, решающий мириады задач в процессе принятия решений. Миллионами связей он соединен с окружающими людьми, воткан в социальную жизнь, что делает крайне сложным нахождение ответа на вопрос о том, что в нем его собственное, а что результат влияния окружающих.

Представленные сложности в определении предмета социальной психологии во многом связаны с ее привязанностью к социокультурному контексту. Обладая материальной оболочкой, человек буквально пропитан культурой, которая определяет его само- и мироотношение. И эта культурная детерминированность сказывается на возрастании интереса к изучению культуры, формированию культурной психологии, анализу ее исторической подоплеки, что в конечном счете позволит прийти к более адекватному пониманию социальной сущности человека в его взаимодействии с окружающей средой.

Области социально-психологических исследований

Социальная психология в интерпретации В. Вундта начинается со сравнительных исследований культуры. Он считал, что психология должна изучать те ин-

теллектуальные продукты, которые создавались сообществом человеческих жизней и являются, таким образом, необъяснимыми в понятиях индивидуального сознания, так как предполагают взаимодействие множества людей. Основными социокультурными продуктами, порождаемыми этим взаимодействием, являются язык, мифы, обычаи, содержание которых привлекает особое психологическое внимание, формирует высшие мыслительные функции, т.е. знание.

Другой областью исследовательских интересов, имеющей непосредственное отношение к проблематике социальной психологии, стали массовидные явления, изучаемые такими исследователями, как Г. Лебон, В. Макдауголл, В. М. Бехтерев и др. Именно в таких феноменах, как поведение толпы, проявлялась качественно иная, по сравнению с индивидуальной, феноменология духа. Явления деиндивидуализации человека в толпе, эффекты ее поведения вызывали пристальный интерес психологов. Однако проблема описательности все время соседствовала с проблемой научности, и в наблюдениях такого рода в основном применялись субъективные интроспективные методы, как правило, несущие на себе отпечаток личности исследователя. Эта субъективность, как в вопросах интерпретации, так и в методике доказательства, ставила под сомнение научный статус социальной психологии и стимулировала ученых к поиску новых решений. Учитывая сложившееся к тому времени доминирование позитивистской методологии в доказательстве научной объективности, в социальной психологии резко активизировало ее применение.

В широко известной работе Меде «Экспериментальная психология толпы» (1920) автор, применительно к анализу толпы, вводит понятие группы и, как считают многие исследователи, с этого времени изучение группового поведения людей становится ведущей областью социально-психологических исследований.

Большое влияние на развитие социальной психологии как экспериментальной науки оказал Г. Олпорт (Allport), рассматривавший ее как отрасль, занимающуюся изучением поведения индивидов в их стимулирующем влиянии на поведение других. Введение Олпортом эксперимента в социальную психологию наряду с установлением измеряемости аттитюдов (социальных установок), послужило основанием для признания ее научности.

Категория «аттитюд» стала одной из ведущих в социально-психологическом исследовании. С ней связывались большие надежды в плане изучения природы социальной активности человека. Предполагалось, что знание об устойчивых отношениях человека к объектам окружающего мира может послужить фундаментом, во-первых, для понимания специфики его социального поведения, во-вторых, основанием для прогнозирования поведения – давняя мечта психологов. Первоначально эти ожидания в какой-то мере оправдывались, но впоследствии встали проблемы, связанные с валидностью их измерений.

В 1930-е годы, благодаря блестящим экспериментам М. Шерифа, в социальную психологию входят такие понятия, как социальное восприятие, нормативное поведение, групповое давление и др. К. Левин, изучая атмосферу в группе, вводит понятие групповой динамики, ставшее отправной точкой в экстенсивном исследовании малых групп.

В последующие годы больше внимания стали уделять изучению социально-познавательной активности, в рамках которой были разработаны теоретические

подходы к изменению аттитюдов, подчинению, взаимозависимости, социальному обмену, социальному сравнению и т.д.

В 1950-е годы Ф. Хайдер (Heider) инициирует изучение атрибутирования, т.е. причинного объяснения поведения – направление, которое сохраняет свою значимость и сегодня. Принципиальная новизна подхода Хайдера заключается в том, что он реминисцировал интерес к самоотчетам испытуемых как к научно значимым эмпирическим данным. Анализ самоотчетов показал, что человек не просто отражает окружающие его социальную и физическую реальность, реагируя на ее воздействия подобно стимульно-реактивным автоматам. Он пытается объяснить себе причинные основания происходящего, формулируя гипотезы и проверяя их. При этом эти объяснения могут быть как адекватными, так и искаженными, создающими проблемы в реальной жизни. Именно эта субъективная интерпретация реальности (а не ее субъективно-объективный образ) и выступает в качестве основы для взаимодействия с окружающим миром, приводя к адекватному поведению в случае адекватной интерпретации и к неадекватному – в случае неадекватной интерпретации.

В 1970-е годы возобновляется интерес к изучению социально-познавательной активности, но уже под влиянием так называемой компьютерной метафоры и ассоциируемого с ней информационно-процессуального подхода. Процесс социально-познавательной активности начинает рассматриваться в ракурсе компьютерной метафоры. Человеческий опыт выступает в качестве своеобразной базы данных, а психическая активность – по аналогии с программным обеспечением. В структуре этой активности выделяется ряд единиц (категории, прототипы, эвристики, схемы), особенности функционирования которых и становятся предметом исследований.

Сегодня в социальной психологии произошел заметный переход от интраличностной и интерситуационной ориентации, характерной для этапа становления, к интерличностной и ситуационно-контекстуальной. Для первой наиболее характерны такие категории как аттитюд, малая группа (в контексте стимула), различные ее характеристики, связанные с нею, для второй – социальные репрезентации, социальное познание, социальное мышление, социальное взаимовлияние. Все эти категории объемны по содержанию, так как охватывают более широкий класс явлений социального бытия.

В сфере прикладных исследований можно, с некоторыми оговорками, выделить следующие области: 1) личности в контексте формирования и проявления ее социальной сущности (самость, социализация, социальный опыт, социальная идентичность); 2) социального познания (социальное восприятие, объяснение, мышление); 3) личности в ее взаимодействии с непосредственным социальным окружением (социальное влияние и взаимовлияние; воздействие и взаимодействие); 4) взаимоотношений личности с ее окружением (малая группа; групповое влияние; групповая динамика и т.д.); 5) личности в опосредованном социальном окружении (субкультура, общество и т.д.); 6) массовидные явления (толпа, паника, мода и др.). К числу категорий, наделяемых самостоятельным статусом, часто относят агрессивное, асоциальное, просоциальное поведение, предубеждения.

Оценивая перспективы развития социальной психологии, можно с определенной долей уверенности сказать, что, наряду с приобретением все большего статуса самостоятельности, внутренней интеграции, сближения с обыденностью социального бытия. Для нее характерны тенденции интеграции с пограничными областями знаний – антропологией, этнографией, социологией, культурологией.

История развития социальной психологии

Развитие социальной психологии за рубежом

Традиционно история становления той или иной области знаний представляется как последовательная эволюция, предполагающая их развитие, уточнение, углубление. Однако применительно к социальной психологии такая логика вряд ли уместна, что обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего это связано с самим понятием социальная психология, которое, как пишет К. Грауманн – историк этой науки, сегодня используется по отношению: 1) к отрасли психологии, в рамках которой проведено большинство социально-психологических исследований и опубликовано большинство работ; 2) к области исследований в (микро) социологии; 3) к любой отрасли социальных наук, занимающихся изучением индивида в обществе; 4) ко всем социальным психологиям, включая два основных их подразделения и ряд сфер специализаций, которые скорее ориентированы в будущее, нежели в прошлое и настоящее социальной психологии. Данное обстоятельство предполагает четкое определение предмета исторического анализа и его источниковедческой базы.

Применительно к самому историческому анализу предмета можно говорить по крайней мере о двух тенденциях. Первая выражается в стремлении к объективному анализу первоисточников позитивистского толка и выстраиванию некоего последовательного развития знания. Вторая, более продуктивная тенденция, предполагает привязку вопроса о развитии знания к социально-историческому контексту с целью формирования более глубокого понимания и объяснения тех или иных теоретических подходов и моделей без какой бы то ни было предвзятости, осознавая, что на каждом исторически конкретном промежутке существуют свой пласт культуры, багаж обыденных и научных познаний, на которые опирается исследователь и за рамки которых он может выйти разве что в абстракции.

Сложность данного вопроса связана еще и с тем, что существует, как минимум, две точки зрения на предмет социальной психологии. Некоторые ученые (Ross, 1908) считают, что социальной психологии надлежит сосредоточиться на социальном (структурном) контексте. А. Реритоне, например, полагает, что коллективная социальная психология того типа, который представляет Росс, по большей части остается социологией, тогда как для психологии единственной реальностью является человек.

Наконец, еще одна особенность рассматриваемой проблемы заключается в том, что можно говорить о двух развитых социально-психологических традициях –

американской и европейской, различающихся в отношении к изучению социально-психологической феноменологии. В рамках отечественной традиции тоже наработано немало продуктивных идей, к сожалению, практически не известных за рубежом.

Американская социальная психология. Культура индивидуализма и прагматизма, свойственная американскому обществу, наглядно проявилась в научных направлениях Чикагской школы. По меткому замечанию Д. Картрайта (Cartwright), создание социальной психологии как отдельной области эмпирического исследования может рассматриваться как бунт всего поколения против кабинетных методов социальной философии (1979, с. 83). Здесь, по оценке Ф. Оллпорта, индивидуалистская концепция срослась с экспериментальным бихевиористским подходом, а социальная психология стала «наукой, изучающей поведение индивида в тех областях, где это поведение стимулирует других людей или является реакцией на такое поведение» (1924, с. 12). Однако если «бихевиористские взгляды» были только способом постижения фактов, то экспериментальные методы дают обильный урожай этих фактов. Сочетание индивидуалистского подхода, бихевиористских взглядов и экспериментального метода было необходимо, чтобы превратить социальную психологию в солидную научную дисциплину; в этом направлении она развивалась первые три-четыре десятилетия своего существования (Cartwright, с. 4).

Следует отметить, что Оллпорт во многом опирался на работы учеников Вундта. В этой связи А. Репитоне тоже говорит о «немецких корнях экспериментальной традиции в социальной психологии» (1981, с. 975). Самое заметное развитие после первой мировой войны она получила в США, научный климат и прагматизм которых способствовал превращению социальной психологии в экспериментальную «науку о человеке» (Allport, 1924, с. 4). Погоня за результатами исследований позитивистского толка привела к превращению эксперимента в некую маниакальную идею, а в конечном счете – к изучению объектов вне их социального контекста. Отчасти это было связано с поиском универсальных решений социальных проблем посредством открытия законов человеческого поведения и принципов его стимулирования.

Стимульно-реактивная модель применительно к социально-психологической проблематике действительно была продуктивной в тогдашнем контексте культуры. Примером такого рода являются работы Д. Карнеги, детальнейшим образом прописывавшего, что именно надо делать в тех или иных обстоятельствах для достижения преследуемых целей. Осознание же того, что любое решение должно привязываться к конкретной ситуации и что один и тот же стимул, в зависимости от обстоятельств, может приводить к диаметрально противоположным результатам, пришло несколько позже. Тем не менее такого рода литература, привела к явному росту популярности психологии как области знания. В 30-х годах многие книги психологов бихевиористского толка входили в число бестселлеров. Надежды на возможность нахождения универсальных решений тешили и самих психологов, создававших утопические модели построения совершенного социального общества. Более того, было и немало желающих реализовать такого рода государства «всеобщего благоденствия» на практике – Сталин, Гитлер, Муссолини, «радевшие»

за благо человека вообще и испытывавшие сложности в отношении человека конкретного; не вписывавшиеся в их модели люди рассматривались как артефакты со всеми негативными последствиями для последних.

В 1930-1940-х годах свои оптимистические надежды социальные психологи стали увязывать с категорией аттитюда, чему способствовал ряд обстоятельств: во-первых, аттитюд измеряем, во-вторых, относится к характеристике внутреннего мира личности, определяющей социальное поведение, в-третьих, обладает потенциалом прогностичности. Априори предполагалось, что, зная аттитюды человека по отношению к объекту, можно прогнозировать и его поведение. В эти годы был разработан обширный набор средств измерения аттитюдов (шкалы Lickert и Thurstone, семантический дифференциал Osgood и др.), и интерес к ним сохранялся достаточно долго, практически до осознания его низкой прогностичности, подтвержденной неудачной попыткой использования аттитюдов избирателей в качестве индикаторов выборной активности. Неудачи такого рода прогнозов привели к острой дискуссии в отношении аттитюдов как базовой категории социальной психологии. Спектр позиций распространялся от утверждений об искусственности самого понятия, на одном полюсе, до нахождения усилителей прогностического потенциала его измерений, на другом. Предлагалось много компромиссных решений, одним из которых стало выделение аттитюда на объект и на ситуацию М. Рокичем в контексте широко известных экспериментов социолога Р. Т. Лапфера.

Разочарование в аттитюде как базовой категории социальной психологии не отразилось на ее экспериментальной ориентации. Эксперимент и сегодня предпочитается большинством социальных психологов. Лежащая в его основании однозначность интерпретации, обеспечиваемая измеряемостью и количественной выражаемостью позволяет использовать широчайшие возможности статистического анализа и математического моделирования. Проблемы с низкой экологической валидностью (соответствием процессам реальной жизни) рассматриваются как менее значимые и имеющими временный характер.

Большое влияние на развитие американской социальной психологии оказал К. Левин (1890–1947), сформировавшийся как ученый в традициях немецкой гештальтпсихологии, идеи которой оказались весьма продуктивными для развития социальной психологии. Такие понятия, как гештальт, изоморфизм, прагматность, перцептивная группировка и др. привнесли в проблематику восприятия и интерпретации человека человеком много новых аспектов.

В книге «Принципы топологической психологии» Левин формулирует основополагающую цель теоретической психологии – разработка системы понятий, демонстрирующих все характеристики гештальта (качество, обретаемое целым, но не сводимое к простой сумме составляющих его частей). Называя превалировавший в психологии того времени подход аристотелевским, Левин, оценив прежнюю психологию как преднаучную, подверг критическому рассмотрению характерную для нее жесткую категоризацию, статистическое определение закономерности, фенотипический подход и описательную методологию. В качестве альтернативы он предложил конструктивный метод, опирающийся на положения: 1) о критериях закономерности, не зависящих от повторяемости; 2) о приоритетной роли интерпретаций, основанных на взаимоотношениях событий по отношению к классификационным;

3) об определении феномена как существующего в континууме; 4) о методологии, утверждающей контролируемый эксперимент и количественные измерения.

В отличие от предшествующих индивидуалистических подходов Левин подчеркивал неразрывность взаимосвязи личности с ее окружением. Наиболее наглядно он отразил это в своей известной формуле $V = f(P, E)$, (где V – поведение, E – окружение, P – личность), часто представляемой в модифицированном виде $V = f(P, S)$, где S – ситуация. В соответствии с этой формулой адекватная психология должна оперировать всей совокупностью сил, воздействующих на поведение человека, а не отдельными, вырванными из их общей совокупности, как укоренилось в психологической традиции. Это в большей мере общеметодологический, чем теоретический подход, потому что в данном случае внимание концентрируется на принципе взаимозависимости, превосходстве целого (ситуации или поля) над частным. Левин использовал здесь конструктивные, а не классификационные методы. Такая методология позволяла ему ставить эксперименты с группами (как прототипами «силового поля»): работать с ними в ходе повседневной жизни с целью изменения группового поведения, морали, предубеждений, стиля руководства и т. д., т.е. использовать подход, именуемый изучением групповой динамики. Определить понятие «групповая динамика» достаточно сложно, но в целом оно ассоциируется с влиянием группы на индивида и индивида – на группу: группа изменяет восприятие и поведение индивида, а это, в свою очередь, приводит к изменению восприятия и поведения группы. Исследование групповой динамики включает также изучение структуры групп по отношению к лидерству (демократическое – авторитарное) и эффективность структуры лидерства по отношению к различного рода задачам и ситуациями.

Интересы Левина распространялись на широкий спектр групп (индустриальных, учебных, по интересам и т.д.) и социальных программ, которые давали ему возможность проверить данные психологической теории в обыденной жизни. Он проводил наблюдения в четырех проблемных областях одновременно, связанных с изучением: 1) возможностей повышения продуктивности деятельности групп и изучением причин остановки в росте эффективности и отклонения от поставленных целей; 2) коммуникации и распространения слухов; 3) социальной перцепции, межличностных отношений, групп членства регулятивной функции групп; 4) подготовки лидеров, которое привело к созданию в 1946 году Национальной лаборатории обучения и развития тренинговых, или Т-групп, которые предназначались для подготовки эффективных лидеров, открытых линий коммуникации, борьбы с предубеждениями и деструктивными аттитюдами. В последующем Т-группы получили широкое распространение в образовании, консультировании, производственной и клинической практике.

После второй мировой войны в США в теоретических воззрениях, как отмечает К. Грауманн, произошел переход от бихевиористского к когнитивному и от широкого к более узкому теоретическому рассмотрению, что было характерным не только для социальной, но и для общей психологии. Включение компьютера в культуру мышления, перспективы, связанные с ним, не могли не оказать влияния на социальную психологию. Господствующим в ней стал информационно-процессуальный подход с его представлением о человеке как системе, перерабатывающей информационные ресурсы. Рамки экспериментализма позитивистского толка с

ориентированностью на операционализацию и верификацию обусловили использование в качестве метода научного теоретического доказательства индуктивно-дедуктивный метод, предполагающий строгое эмпирическое подтверждение любого гипотетического предположения. В рамках такого рода теоретизирования становится невозможным выход за пределы проверяемых гипотез, что, в свою очередь, приводит к появлению большого числа мини-теорий, направленных на описание локальных аспектов изучаемого явления.

Хотя, как утверждает К. Грауманн, о бихевиористском подходе (заимствовавшем ключевые идеи из концепции И. П. Павлова) можно главным образом говорить как об американской разработке, и считается, что переход к когнитивизму был вызван появлением в Америке гештальтпсихологии, все же популярность когнитивного подхода обусловлена компьютерной революцией в науке и культуре. Другое дело, что разработки гештальтпсихологов оказались наиболее пригодными для такого поворота в психологическом познании. В результате из социальной психологии начинает вымываться категория социального поведения, заменяясь когнитивным отображением, предшествующим поведению (планирующим), сопровождающим его (контролирующим) и возникающим вслед за ним (запоминающим).

Радужные перспективы, связанные с когнитивизмом в социальной психологии, сопровождалась лавиной эмпирических исследований. Столь бурная активность стимулировалась тайной надеждой на свойственный экспериментализму стремление к установлению универсальных законов складирования, переработки и последующего воспроизведения информационных ресурсов, их последующей привязки к практике социального поведения людей. Однако, как это часто бывает, «гора родила мышь», что и привело к кризису в социальной психологии 1970-х годов, проявившемуся в осознании невозможности решения глобальной задачи – более глубокого понимания социальной активности – посредством информационно-процессуального подхода. Из мини-теорий не синтезировались макро-теории; все очевиднее становилась необходимость в новых идеях.

Тем не менее когнитивная революция привела к изменению статуса американской социальной психологии: она, как пишет Berscheid, «заняла почти центральное положение в современной психологической науке» (1992, с 531), хотя, на наш взгляд, такой вывод излишне оптимистичен, поскольку американская экспериментальная психология представляет собой в основном эмпирическое описание социально-психологических особенностей американских студентов, так как подавляющее количество данных было получено в результате исследования именно их.

В конце 1950-х годов эта же проблема поднималась Ф. Хайдером в связи с игнорированием в качестве психологических фактов самоописаний исследуемых как субъективных. Для возможности включения этих данных в качестве объектов социально-психологического анализа Хайдеру понадобились разработка и конституирование весьма искусственной модели «человека как наивного ученого», в соответствии с которой в своих самоотчетах он представляет не только спонтанные результаты интроспекции, но и формулирует гипотезы, проверяет их, т.е. проводит верификацию, отделяя случайное от неслучайного. Привлечение самоотчетов привело к появлению одной из самых продуктивных, связанных с феноменологией реальной жизни областей социальной психологии – атрибутирования.

В 1970-е годы намечается своеобразный бунт социального конструктивизма, подвергающего резкой критике объективистскую методологию эксперименталистской социальной психологии. Конструктивисты прямо ставят вопрос о социально-культурной детерминированности отражения. Один из лидеров этого движения К. Герген (Gergen) подчеркивает, что для социальной психологии гораздо важнее проследить особенности формирования культурных значений, нежели констатировать эмпирические факты в их объективности. Используемая социальными конструктивистами метафора мира как текста, прочтение которого определяется аккумулярованными в культуре значениями, обладает значительно большей перспективностью. Более того, наряду с движением радикальной психологии, подвергающей жесткой критике позитивизм эксперименталистской психологии, конструктивисты возрождают идеи становления культурной социальной психологии. Свой вклад в новые идеи ее развития привносят представители кросс-культурной и гендерной психологии, показывающие бесперспективность универсалистской модели рассмотрения социально-психологической природы людей, не учитывающей уникальности (имики) каждой культуры и субкультуры, рассмотрения мужчин и женщин как обладающих уникальными свойствами и качествами, не соизмеримыми по критериям универсального толка и применимыми к другим представителям животного мира (крысам, собакам и т. п.).

Давая общую оценку роли американской социальной психологии в науке, нельзя не отметить, что именно благодаря прагматизму она завоевала место под солнцем, привела, с одной стороны, к экстенсивному тиражированию своих стандартов, с другой – к унификации социально-психологических представлений. В этом отношении европейские традиции в социальной психологии, по нашему мнению, более глубоки и разносторонни.

Социальная психология в Европе. Впитав в себя традиции таких выдающихся умов своего времени как В. Вундт, Э. Дюркгейм, К. Левин и др., европейская социальная психология представляет собой поле оригинальных и глубоких идей, актуализация которых происходит и сегодня, хотя, как говорит Кох, «каким бы ни был исторический вклад Европы в развитие психологической науки – английская постдарвинистская сравнительная психология, русские концепции школы Павлова, эмиграция гештальтпсихологии, разработки Ж. Пиаже, «даже» феноменология и, конечно, неопозитивистская философия венского кружка – все это с энтузиазмом принималось, усваивалось и перерабатывалось в нечто американское, частично смешанное с местной ветвью бихевиоризма и насквозь индивидуалистическое» (1985, с. 25).

Однако, по оценке Грауманна, «то, что позже окрестили “американизацией” европейской (например, немецкой) психологии, на деле было весьма необходимой реконструкцией и интернационализацией социальной науки, проделанной с помощью американцев и принятой в Европе с благодарностью. И лишь в случаях, когда ею, проблемы и их решения принимались и усваивались без критического подхода, возможно применение термина “американизация”» (2001, с. 38). Правда, в самой европейской психологии эта оценка не столь однозначна, хотя состояние социальной психологии в довоенной Европе было довольно плачевным по сравнению с США. В Великобритании этими проблемами занимался С. Бартлетт (Bartlett), в Гер-

мании – Меде (Moede, 1920), заложивший основания экспериментальной психологии групп; Hellpach, основавший в 1921 году первый Институт социальной психологии и издавший первый систематизированный немецкий учебник по социальной психологии. Тем не менее эти отдельные достижения не сопровождались попытками к развитию социальной психологии в рамках европейского научного сообщества.

Такая же ситуация наблюдалась в Европе и после 1945 года, и хотя отдельные специалисты и группы ученых занимались социально-психологическими исследованиями и преподавали в различных европейских университетах, они, по словам Грауманна, «не подозревали о существовании европейских коллег. Обмен информацией проходил в основном между отдельными научными центрами и Соединенными Штатами» (2001, с. 39).

В 1966 году была создана Европейская ассоциация экспериментальной социальной психологии (EAESP), которая стала ядром научного общества социальных психологов этой части света. Среди первых, кто занялся поиском путей самоопределения европейской социальной психологии, были Тэджфел (Tajfel) и Московичи, которые пытались предложить ориентиры так называемого европейского пути, избегая наиболее уязвимых мест эмпирицизма и экспериментализма в социально-психологических исследованиях, связанных с неадекватностью позитивистской методологии по отношению к изучению социальной феноменологии. Проблема связи социальной психологии с реальной жизнью является наиболее актуальной в рамках теории социальных репрезентаций, разработанной С. Московичи и его последователями. В этом аспекте идеи европейских психологов являются более продуктивными.

Со своей стороны Тэджфел и его ученики акцентировали внимание на социальных характеристиках индивидуального и группового поведения. Именно влияние переживания человеком своего бытия на поведение, зависимость человека от ценностных ориентаций культуры и общества, в котором он живет, определяют контекст европейской линии в развитии социально-психологических исследований. Эту идею Московичи дополняет аргументом о том, что общество «содержит собственные структуры, которые не могут описываться в тех же понятиях, что и характеристики личностей» (1972, с. 54). Поэтому «социальная психология может и должна прямо связывать свои теоретические и исследовательские разработки со взаимоотношением между функционированием человеческой психики и крупномасштабными социальными процессами и событиями, которые формируют это функционирование и сами им формируются» (Tajfel, 1981, с. 7).

Возможно, именно многообразие социальных и культурных характеристик европейской жизни вызывало такую озабоченность социальным (т.е. культурным) контекстом социального поведения и его психологических исследований. Внимание к этому аспекту особенно заметно в работах Тэджфела, посвященных стереотипам, предрассудкам и межгрупповому поведению, а также в работах Московичи по социальному воздействию, групповым меньшинствам и социальным репрезентациям. В то же время налицо ситуация разобщенности: многие центры социально-психологических исследований не интересуются проблемой европейской самобытности, а лишь «следуют на определенной дистанции и с опозданием за прихотливыми изменениями главной линии американской социальной психологии» (там же,

с. 6). Как следствие, их теории и исследования мало отличаются от таковых в любом научном психологическом центре Северной Америки. Но независимо от того, происходит ли полная смена ориентации европейской социальной психологии или только отчасти, как замечает в этой связи Джасперс, в «европеизации» социальной психологии есть и некоторые достижения: психологи стали активнее взаимодействовать (Jaspers, 1986, с. 12).

Однако Scherer на основе анализа неформальной переписки между американскими и европейскими коллегами и сравнения учебников делает вывод о «постепенно увеличивающемся разрыве между европейской и североамериканской ветвями дисциплины» (1992, с. 184). По результатам его опроса, примерно 80 членов EAESP и ее американского аналога SESP разделяют мнение о том, что американская социальная психология более индивидуалистична, этноцентрична, и ориентирована на лабораторный эксперимент, чем европейская (1993, с. 549). Что же касается тематики исследований, то складывается впечатление, что интересы европейцев преимущественно склоняются в сторону «межгрупповых отношений, социальной идентификации и социального влияния в ракурсе групповых факторов» (1992, с. 184), в то время как социальное познание индивидов, разрабатываемое под сильным влиянием когнитивной традиции с ее акцентами на информационно-процессуальный подход, является «ключевым направлением развития» американской социальной психологии (1992, с. 188). Шерер выдвигает в качестве объяснения их то обстоятельство, что в Северной Америке и Европе направления развития были обусловлены различиями в культурных ориентациях: в США – на личность и ее функционирование, в Европе – на социальные и культурные детерминанты познания и поведения (1993, с. 520). Этот вывод соответствует утверждению J. M. Jaspers о приближении века социальной психологии в Европе. «Мы движемся в сторону более углубленного изучения социального поведения в соответствии с расширенным социальным контекстом – со всей очевидностью для того, чтобы теоретически обоснованно связать результаты своих исследований с реальными социальными событиями» (1980, с. 427).

В целом европейская социальная психология с момента своего организационного оформления в 1960-х годах пытается адаптироваться к ситуации многообразия культурных оснований, не предпринимая попыток к гомогенизации типично европейского разнообразия подходов. Во многом этому способствует то обстоятельство, что сами основатели ее были эмигрантами из разных европейских культур и испытывали на себе «дружеские объятия» американских коллег, всячески от них дистанцировались. Преимуществом и одновременно уязвимостью европейских подходов к анализу социально-психологической феноменологии является включение в предмет исследований метатеоретического уровня анализа познавательной активности и социального взаимодействия. Дебаты последних лет между представителями обоих направлений – индивидуальной познавательной активности и теории социальных репрезентаций – способствуют прояснению различий в оценках роли социальных контекстов в формировании индивидуальных знаний и действий. Европейские психологи более строго подходят к анализу понятий социальной идентичности и межгрупповых отношений в контексте использования языка и влияния его особенностей.

К сожалению, приходится констатировать практически полную изолированность от этих процессов отечественных социальных психологов, только начинающих предпринимать робкие попытки к установлению и развитию контактов с европейским социально-психологическим сообществом. Во многом повторяется ситуация довоенной Европы, с ее отдельными контактами, не сопровождающимися поддержкой каких-либо организационных структур.

Развитие советской социальной психологии

История развития социальной психологии в рамках постсоветского пространства освещалась в многочисленных публикациях, но в основном, как отмечает Г. М. Андреева, в них речь шла о так называемой психологической социальной психологии, тогда как социологическая социальная психология оставалась как бы на заднем плане. Сегодня, когда обе ветви этого знания получили в нашей стране права гражданства, уместно обратиться к некоторым историческим этапам их взаимодействия (1997, с. 6).

О появлении социальной психологии в современном понимании ее предмета можно говорить только в советский период. До этого с некоторой натяжкой находим лишь отдельные работы, например труды В. М. Бехтерева.

На ранних этапах своего становления социально-психологическая проблематика разрабатывалась преимущественно в некоторых разделах социологии в плане самых общих представлений о ее предмете, круге ее задач, понятийном аппарате. Специфика советской социальной психологии во многом определялась идеологизацией ее проблем.

Термин «коллективная (социальная) психология» был предложен М. М. Ковалевским (1910) в работе «Социология». Выясняя взаимоотношения социологии с другими науками, автор уделяет внимание ее связи с психологией, подробно анализируя концепцию Г. Тарда и именуя социологию психологией коллективной или групповой. Полемизируя с Тардом по поводу отдельных положений его концепции, М. М. Ковалевский согласен с ним в общем определении предмета и актуальности социально-психологического знания. Единственное средство познать психологию масс, как он считает, – это изучить всю совокупность их верований, учреждений, нравов, обычаев и привычек, провести исследование народных сказок, былин, пословиц, поговорок, юридических формул, писаных и неписаных законов; именно этим длинным путем, а не прямым анализом душевных движений посетителей того или иного салона, будут положены прочные основания для изучения коллективной психологии.

Во многом повторяя традицию психологии народов В. Вундта, обращающуюся к анализу коллективного мифотворчества, российская социальная психология ориентирована, по мнению А. Копельмана, на изучение народного духа, проявляющегося в деятельности и переживаниях групп людей и коллективов (1908). Интересные идеи содержались в трудах Л. Н. Войтоловского П. А. Сорокина и др. Самым же крупным явлением в этой области несомненно были фундаментальные работы В. М. Бехтерева: «Объективная психология» (1907) и «Внушение в обще-

ственной жизни» (1908). Если в первой речь шла преимущественно о предмете новой области науки (психологическая жизнь не только индивидов, но и «групп лиц» – толпы, общества, народов), то во второй – анализировался важнейший механизм воздействия – внушение, рассматриваемое не только на индивидуальном уровне. В обоих трудах были заложены идеи концепции «коллективной рефлексологии», намечено экспериментальное исследование отношений между личностью и коллективом, влияния общения на социальные процессы, зависимости развития личности от различных типов коллективов. В. М. Бехтереву принадлежит и заслуга прочтения курса лекций по социологии, в котором были поставлены проблемы соотношения социологии и социальной психологии.

В ходе дискуссии 1920-х годов, активное участие в которой принимали виднейшие российские философы, социологи и психологи (В. А. Артемов, В. М. Бехтерев, К. Н. Корнилов, Г. И. Челпанов и др.), резко обозначилась тенденция к новой материалистической науке, основанной на идеях марксистской философии. Но и здесь наметилась определенная поляризация мнений. Г. И. Челпанов, в частности, не возражая против «союза» марксизма с психологией, акцентировал внимание на необходимости разделить психологию на две части: эмпирическую, в качестве естественнонаучной дисциплины, и социальную, базирующуюся на социокультурной традиции. Основания для такого разделения действительно существовали, и Челпанов, опираясь на труды Русского географического общества, видел их, в частности, в том, что в России уже давно сложились предпосылки для построения «коллективной психологии», или «социальной психологии». Другая сторона программы Челпанова была обусловлена его критическим подходом к переводу психологии на рельсы марксизма. Социальную психологию он признавал той частью психологии, которая обязана базироваться на принципах нового мировоззрения, в то время как эмпирическая психология, оставаясь естественнонаучной дисциплиной, вообще не должна быть связана с каким-либо философским обоснованием сущности человека, в том числе и с марксистским.

В. М. Бехтерев выдвинул идею «коллективной рефлексологии», в предмет которой включаются поведение коллектива и личности в коллективе, условие возникновения социальных объединений, особенности их деятельности, взаимоотношения их членов. Такое понимание предмета представлялось преодолением субъективистской социальной психологии, поскольку все проблемы коллективов толковались как соотношение внешних влияний с двигательными и мимико-соматическими реакциями их членов. Социально-психологический подход следовало обеспечить единством принципов рефлексологии (механизмов единения людей в коллективы) и социологии (особенностей коллективов и их отношения с обществом). Предметом коллективной рефлексологии было, по определению, изучение возникновения, развития и деятельности собраний и сборищ, проявляющих свою соотносительную деятельность как целое благодаря взаимному общению входящих в них индивидов (Бехтерев, 1994, с. 100). Хотя это по существу есть предмет социальной психологии, сам Бехтерев настаивал на термине «коллективная рефлексология» вместо обычно употребляемого термина «общественная, или социальная психология» (там же, с. 23).

В концепции В. М. Бехтерева содержалась весьма полезная идея: коллектив есть нечто целое, в котором возникают новые качества, возможные лишь при взаимодействии людей. Однако эти взаимодействия трактовались достаточно механистически: личность объявлялась продуктом общества, но в основу ее развития были положены биологические особенности, и прежде всего социальные инстинкты; для объяснения социальных связей личности привлекались законы неорганического мира (тяготение, сохранение энергии и пр.), хотя сама идея биологической редукции подвергалась критике. В русле дискуссии 1920-х годов позиция Бехтерева противостояла Челпанову, в том числе и в вопросах существования социальной психологии как отдельного предмета.

Однако четкого определения в ее концепциях не было. С одной стороны, она отождествлялась с учением о социальной детерминации психических процессов; с другой – увязывалась с исследованием особого класса явлений, связанных с совместной деятельностью людей. В результате самостоятельного статуса социальная психология не получила. Попытки построения ее как особой дисциплины прекратились на довольно длительный срок. Даже в относительно более «безопасной» в идеологическом плане области знания, какой была психология, особого прогресса не наблюдалось.

Безусловно следует иметь в виду и общий контекст развития социальной психологии в мире. После первой мировой войны эта область знаний переживала период бурного расцвета в США, приобретая вид развитой экспериментальной дисциплины, обладающей большим социально-значимым потенциалом. А поскольку она продолжала развиваться в немарксистской традиции, ряд советских ученых отождествлял ее с «реакционной» наукой.

Таким образом, о «самостоятельном» существовании этой дисциплины речи не было и в помине, но отдельными учеными разработки продолжались – в рамках философии (Г. В. Плеханов), педагогики (А. Н. Макаренко, 1963), общей психологии (Л. С. Выготский). Начав с идеи об историческом происхождении высших психических функций, Выготский, в частности, развивал мысль о культурно-исторической детерминации процесса их развития, их «интерпсихической функции» (1983, с. 145). Именно эти идеи стали популярными за рубежом в рамках конструктивистски ориентированной социальной психологии.

В начале 1960-х годов развернулась новая дискуссия о предмете социальной психологии и ее роли в советском обществе. Этому способствовало: решение экономических, социальных и политических проблем, требовавшее более пристального внимания к психологической стороне. Начавшаяся «оттепель» позволила снять клеймо «буржуазности» с социальной психологии; установились контакты с зарубежной наукой, способствовавшие трансляции идей, существенно отличавшихся от представленных в отечественной традиции. Началось конструирование социальной психологии как относительно самостоятельной дисциплины. Стали создаваться социально-психологические лаборатории и центры при психологических учреждениях, и даже непосредственно на производстве.

Взаимоотношения социальной психологии с марксизмом строились несколько по иной модели, чем в социологии: прямого идеологического диктата здесь не было, но контроль как таковой существовал. Оценка западных школ социальной психологии шла в русле критики ложной методологии. Обращение к текстам тех

лет укрепляло в читателе идею о превосходстве советской социально-психологической школы, о недалёковидности зарубежных авторов, хотя познакомиться непосредственно с работами зарубежных авторов было довольно сложно.

Психологическая теория деятельности, созданная на основе учения Л. С. Выготского о культурно-исторической детерминации психики и разработанная в трудах С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, была с некоторыми оговорками принята большинством представителей психологической науки в СССР. Кардинальная идея этой теории заключается в том, что в ходе своей деятельности человек не только преобразует мир, но и как субъект деятельности развивает и себя как личность (Леонтьев, 1975). Социальная психология в этом контексте была «адаптирована» к основному предмету ее исследования – группе (Петровский, 1967). Содержание деятельности раскрывалось применительно к группе, а группа рассматривалась в роли субъекта, что позволяло изучать ее характеристики как атрибуты субъекта деятельности, а отношения в ходе совместной деятельности – как фактор интеграции группы. Наиболее полное выражение этот принцип получил в психологической теории коллектива, построенной на идее единообразия как высшей ценности (ценностно-ориентационное единство и т. п.). Сегодня такого рода единообразие вряд ли может ассоциироваться с положительными достижениями. Те же концепции, которые прикрываются знаменем деятельностного подхода, очень напоминают зарубежные, построенные на иных методологических основаниях.

Продуктивность идей такого подхода к изучению социально-психологической феноменологии не столь очевидна: смещение акцентов на деятельность приводит к ущербу в социально-контекстуальном и личностном аспектах. Деятельность здесь выступает в качестве самоценности, хотя в реальности она тесно связана с ситуативным и личностным контекстами.

Преломленная таким образом марксистская методология не отгораживала отечественную социальную психологию от мировой науки. Напротив, некоторые ее идеи оказались весьма близкими современным поискам, особенно европейской социальной психологии, подчеркивающей необходимость учета «социального контекста». Определенную роль в таком оформлении социальной психологии сыграла общекультурная традиция российской мысли, задав большую, чем, например, американская, ориентацию на гуманитарный характер знания, или как минимум – на примирение сциентистских и гуманистических принципов (например, в наследии М. М. Бахтина). Правда, эта культурная традиция сегодня более востребована зарубежными исследователями, чем своими собственными. В ситуации потери строгих ориентиров они бросились в другую крайность – адаптации западных идей – к постсоветской действительности, забывая о том, что все оригинальное рождается только на родной почве со всеми ее особенностями.

Итогом новой дискуссии о социальной психологии стало признание ее как «маргинальной» дисциплины (Социальная психология: саморефлексия, 1995), стремящейся к интеграции с мировой социальной психологией. Однако реализация такой интеграции связана с рядом сложностей приобщения ее к уже сформировавшемуся понятийно-концептуальному аппарату; освобождения от сложившихся штампов мышления; умения донести накопленный опыт до социально-психологического сообщества развитых стран.

Становление и развитие белорусской социальной психологии

Белорусская социальная психология сформировалась в 1960-х годах. Ее становление имеет свою предысторию, определившую своеобразие развития и современное состояние. С определенной долей условности можно говорить о периодах ее развития:

1. Конституирования – до 1920-х годов – характеризующийся усилиями по конституированию социально-психологического знания как обладающего правом на самостоятельный статус.
2. Подготовительный – с 1920-х годов до середины 1960-х годов – характеризующийся формированием методологических оснований и приоритетов в социально-психологических исследованиях.
3. Педагогический – с середины 1960-х до конца 1980-х – характеризующийся исследованием социально-психологической феноменологии в условиях педагогической деятельности.
4. Экстенсивный – с 1990-х годов по настоящее время – характеризующийся расширением областей социально-психологических исследований и самоопределением в методологии и приоритетах исследований в новых исторических условиях.

Период конституирования социальной психологии пришелся на дореволюционные годы и осуществлялся в рамках Российской империи, роль Беларуси в которой была весьма незначительна. Поэтому вполне обоснованно говорить о том, что для этого периода были характерны те же особенности, что и для отечественной социальной психологии в целом, описанные в предыдущем разделе. Выделение данного периода как самостоятельного обусловлено необходимостью рассмотрения особенностей исторической ситуации зарождения социальной психологии, позволяющих понять последующую историю ее развития. К числу таких особенностей относится поиск предмета исследования и конституирования как области знания, имеющей право для самостоятельного статуса существования. Поэтому первые работы в области социальной психологии акцентировали внимание на тех явлениях и фактах, не объясненных другими науками. Вот почему первые исследования концентрируются на групповых процессах и явлениях.

Второй особенностью является необходимость популяризации социально-психологического знания с целью его внедрения в общественное сознание, что обусловило акцентирование внимания на тех вопросах, которые были этим сознанием востребованы. Наконец, третьей особенностью является интернациональный характер социально-психологического знания, проявляющийся в отсутствии в то время четко выраженных идеологических границ, свидетельством чему является перевод на русский язык практически любых заслуживающих внимания научных трудов, вне зависимости от их методологической позиции. Это обстоятельство нашло свое выражение в том, что психологи того времени свободно оперировали интернациональными первоисточниками, дискутируя в свободном пространстве предметной и межпредметной областей. Примером являются первые работы Л. С.

Выготского, отличительной особенностью которых была полемика без границ. Конечно, следует заметить, что и само социально-психологическое знание было не столь масштабным, что не позволяло стать ему локализованным в рамках одной государственной системы.

Революционный период 1920-х годов не мог не сказаться на развитии социальной психологии. Решение практических задач общественного устройства, характерное для конца 1910-х начала 1920-х годов, сменилось смещением акцентов на идеологию, что было обусловлено существованием в рамках враждебного окружения. Поэтому период относительного плюрализма в области методологии закончился и начался этап внедрения диалектико-материалистической методологии во все области научного знания. Такого рода внедрение осуществлялось через философию и педагогику, обеспечивающих трансляцию новой идеологии в сознании граждан. Именно под их влиянием и осуществлялся поиск исследовательских приоритетов и в социальной психологии в частности. В это время социальная психология как самостоятельная область знания делала только первые шаги в поиске своего предмета и места в системе не только психологического, но и социального знания в целом. Вполне естественно, что она, как включающая в свой предмет вопросы функционирования социальных групп, не могла не оставаться без внимания идеологов господствующего класса. Не обошли эти процессы и Беларусь. Подтверждением этого является тот факт, что первые работы в области социальной психологии были связаны с методологической проблематикой. В 1920-1930-е годы методологические вопросы психологии активно разрабатывались Б. Э. Быховским, С. Я. Вольфсоном, В. Н. Ивановским, С. З. Канценбогеном и др., принимавшими активное участие в широкой философской дискуссии, направленной против господства механицизма и субъективизма в научном познании. Эта дискуссия, проходившая в определенном историко-культурном контексте, привела к изменению методологических установок. Ярким примером этому является эволюция воззрений Б. Э. Быховского, исходно рассматривавшего учение З. Фрейда как диалектико-материалистическое, а впоследствии – как субъективистское и мистическое. Государственная идеология начинает себя защищать, и эта защита в конечном счете приводит к превращению социальной психологии из интернационального знания в национальное, свидетельством чему является прекращение публикаций идеологически чуждых авторов после 1927 года.

Представленный исторический контекст делает понятным специфику последующего становления и развития белорусской социальной психологии, акцентирующей внимание в процессе становления на методологической и педагогической проблематике. Первый директор научно-исследовательского института психологии и педагогики (1929) П.Я. Панкевич, под руководством которого в 1927 году были проведены выборочные исследования образа жизни, состояния нравственного сознания и быта студентов БГУ, известен попыткой реализации диалектико-материалистического подхода в практику социально-психологических исследований. Он обосновал, что изучению должно подлежать поведение людей, в процессе которого выявляется истинная природа индивида. Можно отметить роль психотехнической лаборатории, возглавлявшейся С. М. Василевским, проводившей иссле-

дования уровней общежизненного и общекультурного развития различных возрастных, половых, национальных и социальных групп населения БССР. Ознакомление с содержанием этих исследований и выводами создает представление об их идеологической направленности. Однако использование психотехниками и педологами объективных методов психологического исследования привело к расхождению результатов с идеологическими догматами, что во многом и послужило предпосылкой известного постановления ЦК ВКП(б) 1936 года «О педологических извращениях в системе наркомпроса», по существу «прекратившего» «идеологически чуждые» психологические исследования, пропагандирующие существование неравенства между людьми. В этом аспекте показателен пример знаменитых туркестанских экспериментов Л. С. Выготского и А. Р. Лурия, разительно отразившихся на всей их последующей судьбе. Показав особенности психического развития туркестанских дехкан, выражающиеся в отличии восприятия и интерпретации объектов окружающего мира от европейцев, эти исследователи вынуждены были сменить области своих исследовательских интересов, а также места работы. Такого рода идеологический пресс не мог не сказаться на развитии социальной психологии на долгие годы.

Некоторая смена ситуации в послевоенные годы приводит к возобновлению интереса к психологии. Именно в эти годы начинается становление белорусской психологической школы. Значительным шагом в создании которой стало создание в 1947 года на филологическом факультете отделения логики, психологии и русского языка, просуществовавшего до 1955 г. Выпускники этого отделения (Р. И. Водейко, М. С. Клевченя, А. Б. Широкова и др.), отличавшиеся высоким уровнем философской и общекультурной образованности, много сделали для популяризации психологического знания и через своих учеников во многом повлияли на развитие белорусской социальной психологии. Отличительной особенностью перечисленных психологов является и их знакомство с современным международным психологическим знанием, популяризации которого они уделяли много внимания в своей педагогической деятельности, существенно расширяя горизонты студентов.

На этапе становления белорусской психологической школы несомненно сказалось позитивное влияние таких известных педагогов, как С. А. Умрейко, М. Я. Мышко, Н. Е. Лакин и др., обладавших выдающимися организаторскими способностями, во многом определившими рост популярности психологического знания в педагогической среде. Особо следует отметить С. А. Умрейко – первого заведующего кафедрой психологии и педагогики БГУ, чьи заслуги в обретении высокого статуса психологии непереоценимы. Именно при его руководстве и непосредственном участии был инициирован настоящий психолого-педагогический диалог, способствовавший взаимообогащению и взаиморазвитию этих двух областей знания. И во многом благодаря этому влиянию белорусская социальная психология преимущественно развивалась в области изучения феноменов и процессов, связанных с педагогической деятельностью.

Но собственно социально-психологические исследования, во многом определяющие белорусскую традицию, начинаются с работ доктора психологических наук Я. Л. Коломинского по проблеме взаимоотношений между учениками в классе. Именно с его исследований и начинается третий, педагогический период

развития белорусской социальной психологии. С определенной долей условности можно говорить и о конкретной дате начала этого периода – 1968 год – доклад Я. Л. Коломинского на III съезде психологов СССР «Опыт социально-психологического изучения дошкольных групп». Он опубликовал ряд фундаментальных работ (Психология личных взаимоотношений в детском коллективе; Психология взаимоотношений в малых группах, 1976; Психология детского коллектива. Система личных взаимоотношений, 1984; и др.), определивших на долгие годы приоритеты социально-психологических исследований. Следует отметить и несомненную заслугу Я. Л. Коломинского во внедрении «идеологически чуждого» социометрического подхода. Именно эта исследовательская методология, значительно модернизированная и адаптированная к детским ученическим коллективам, и определила перспективы развития белорусской социальной психологии на продолжительную перспективу. Следует отметить и большой вклад Я. Л. Коломинского в дело популяризации социометрической исследовательской методологии в советскую социальную психологию, находившуюся под постоянным идеологическим контролем. Реализация социометрической методологии и привела к обретению белорусской социальной психологией собственного уникального лица.

Под руководством Я.Л. Коломинского проведены многочисленные и многоаспектные исследования различных детских ученических коллективов и реализованы многочисленные оригинальные идеи, оформившиеся в целую область социально-психологического знания – социальную педагогическую психологию (совместно с А. А. Реаном). Также изучались психология совместной деятельности и педагогического общения (А. А. Амельков, С. С. Харин), социально-психологические проблемы группы дошкольников (А. Н. Белоус, А. М. Счастливая, Д. В. Финькевич).

Другое направление – межличностное понимание в общении изучалось ученицей В. Н. Мясичева и Б. Г. Ананьева доктором психологических наук С. В. Кондратьевой, также создавшей свое направление в социальной психологии. Широкую известность получили ее работы по социальной перцепции и перцептивно-рефлекторной регуляции поведения субъекта познания. Ее ученики изучали возрастные, половые, профессиональные, индивидуально-психологические особенности социально-перцептивной активности субъекта. Как и для школы Я. Л. Коломинского для направления С. В. Кондратьевой также характерна ориентация на психолого-педагогическую проблематику.

Наряду с дальнейшим развитием исследований по педагогической проблематике, характеризовавшихся появлением новых аспектов, в частности социально-психологических факторов избирательности педагогического взаимодействия, психологической культуры и др. появляются исследования в новых, ранее не изучавшихся белорусскими социальными психологами областях.

С 1990-х годов начинается четвертый экстенсивный период развития белорусской социальной психологии. Во многом его своеобразие определяется новым историко-культурным контекстом перестроечных времен, характеризовавшимся обретением Беларусью статуса суверенного государства, остро поставившим вопрос о формировании собственной психологической идентичности, а также резким возрастанием международных контактов. Эти контакты, а также многочисленные

переводы зарубежных социально-психологических работ создали предпосылки для переосмысления структуры, содержания и приоритетов социально-психологического знания.

Появляется новая генерация социальных психологов, сформировавшихся в этом изменившемся историко-культурном контексте, осознающая необходимость преодоления границ чисто педагогической направленности социальной психологии и знакомая с существованием мировой традиции, отличающейся значительно более широким спектром исследовательских направлений и методологий. Выход за заданные предшествующей историей развития рамки оказался непростым, но обогащающим.

Еще одной предпосылкой перехода к данному этапу явилась трагедия чернобыльской катастрофы, стимулировавшая изучение ее социально-психологических последствий. Они стали предметом исследований центра психолого-педагогических проблем Чернобыля, возглавлявшегося доктором психологических наук Л. А. Пергаменщиком, занимавшимся проблемой социально-психологической адаптации человека к кризисным событиям жизненного пути. Вместе с сотрудниками центра им был исследован ряд ее аспектов, еще требующий теоретического и эмпирического осмысления. Центром был проведен ряд международных конференций, позволивших войти в международное сообщество и ознакомиться с его достижениями в данной и пограничных областях исследований.

Экстенсивный характер переживаемого сегодня периода развития белорусской социальной психологией выражается в том, что в ней наряду с классическим педагогическим направлением начали развиваться и ранее не представленные направления: агрессивное поведение, межличностное взаимодействие, организационная психология, социальная психология спортивного коллектива, кросс-культурные исследования и др.

Исследования агрессивного поведения стали предметом научных интересов доктора психологических наук И. А. Фурманова, внесшего большой вклад в разработку проблематики детской, подростковой и юношеской агрессивности и ее коррекции. В его исследованиях рассмотрен широчайший круг вопросов, связанных с особенностями его социализации, механизмов формирования нарушений поведения, диагностики, направлений психосоциальной помощи и др.

Проблематика социально-психологических особенностей дошкольников в отличающемся от классического ракурсе начала изучаться доктором психологических наук Т. В. Сенько, исследовавшей базисную структуру межличностного взаимодействия в старшем дошкольном возрасте, а также взаимодействия ребенка со сверстниками и взрослыми.

Проблематика социальной психологии личности и трудового коллектива являлась предметом исследований отдела социальной психологии личности института социологии АН РБ, возглавлявшегося доктором психологических наук В. И. Секуном с 1990 года. Под его руководством был проведен комплекс прикладных социально-психологических исследований научных, учебных, производственных и армейских коллективов. Им же в сотрудничестве с доктором психологических наук В. А. Янчуком и коллегами из Сассекского университета (Великобритания) и уни-

верситета Ваксхо (Швеция) были проведены первые масштабные кросс-культурные исследования социально-психологических особенностей менеджеров предприятий в сравнении с 77 странами мира.

Экстенсификация социально-психологических исследований и их интеграция в мировую систему, характеризующуюся методологическим и парадигмальными многообразием и плюрализмом, поставила проблему самоопределения и выработки оснований диалога в условиях этого многоголосия, ставшую предметом исследований В. А. Янчука. Он разработал интегративно-эклетикический подход, идеи которого представлены в данной книге. Интегративная эклектизация знания, строящаяся на идее взаимообогащения и взаиморазвития посредством равноправного диалога различающихся подходов и точек зрения стимулировала, во-первых, интерес к альтернативным подходам и решениям и, во-вторых, появление ряда новых направлений и исследовательских методологий, ранее не известных в отечественной социальной психологии.

Оценивая ситуацию сегодняшнего дня и ближайшую перспективу можно с определенной уверенностью говорить о том, что в белорусской социальной психологии начали появляться ростки многообразия, проявляющиеся в первых попытках реализации различных исследовательских методологий: качественных, кросс-культурных, феноменологических и гендерных исследований, дискурсного, нарративного и герменевтического анализа, диалогических методологий и др. Она обещает получение новых и интересных результатов.

Новая генерация социальных психологов уже формируется в новом плюралистическом и многомерном социальном контексте, способствующем углублению и расширению представлений о социально-психологической феноменологии. Знакомство с достижениями мировой социальной психологии соединяется с достоинствами культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, что создает хорошие основания для обретения ею своей новой идентичности и перспектив развития.

Глоссарий

Верификация – процедура обеспечения объективности эмпирических данных, предполагающая пространственно-временную их воспроизводимость и подтверждаемость.

Внушение – способ воздействия, ориентированный на некритическое усвоение внушаемого содержания и подчинение воле внушающего, например гипнотизера.

Гедонизм – доктрина, согласно которой любая активность мотивируется стремлением к удовольствию и желанием избежать страданий.

Индивидуализм – подход, выдвигающий на первый план права, ценности и интересы личности, из которых должны выводиться и по которым должны оцениваться все права и ценности общества (этический и политический индивидуализм). В социальной психологии индивидуализм выражается в требовании рассмотрения проблематики как личностно детерминированной (методологический индивидуализм). В кросс-культурной

психологии противопоставляется коллективизму как растворению личности в социальном окружении, выражающемуся в нивелировании индивидуальности и диффузии персональной ответственности.

Инсайт – понятие гештальтпсихологии, обозначающее внезапное, невы выводимое из прошлого опыта понимание существенных отношений и структуры ситуации в целом, посредством которого достигается осмысленное решение проблемы.

Операционализация – процедура обеспечения объективности эмпирических данных, предполагающая их измеримость и количественную выражаемость.

Психология толпы – изучение особенностей психической активности массовых объединений людей, толпы, индивидов толпы.

Позитивизм – методологический подход, определяющий в качестве оснований объективности научного познания принципы операционализации и верификации эмпирических данных.

Социология – наука об обществе, занимающаяся социальными системами – структурами, такими, как общественные отношения, общественные институты, целые сообщества.

Утилитаризм – доктрина, согласно которой личностные и общественные действия определяются утилитарной полезностью, т.е. целью социального действия должно быть максимальное счастье для наибольшего числа людей (этический утилитаризм).

Völkерpsychologie (психология народов – нем.) – ранняя форма (XIX–XX вв.) исторической и сравнительной социокультурной психологии, занимавшаяся культуральными продуктами (язык, мифы, обычаи и т.д.) социального взаимодействия.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы отличительные особенности североамериканской, европейской и отечественной социально-психологических традиций?
2. Каковы особенности конституирования социальной психологии как научного знания?
3. Каковы отличительные черты двух направлений – психологической социальной психологии (ПСП) и социологической социальной психологии (ССП)?
4. Что подразумевается под термином «групповое сознание» и как оно использовалось для объяснения поведения толпы? Обсудите основные характеристики психологии народов (Völkерpsychologie).
5. Каковы главные совпадения и различия между американским и европейским направлениями социальной психологии?
6. Когда социальная психология стала самостоятельной дисциплиной и какие наиболее заметные изменения произошли в ней с тех пор?

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе. Теоретические ориентации. М., 1978.
3. Андриенко Е.В. Социальная психология – М.: Издательский центр «Академия», 2000.

4. История психологии в Беларуси. Хрестоматия / Составители Л. А. Кандыбович, Я. Л. Коломинский. – Мн.: Тесей, 2004.
 5. Кандыбович Л. А. История психологии в Беларуси: Учеб. пособие. – Мн.: Тесей, 2002.
 6. Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М., 1995.
 7. Шульц Д., Шульц Л. История современной психологии. – М.; СПб.: Изд-во Питер, 1998.
-

Основные источники

1. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
2. Андреева Г. М. К истории становления социальной психологии в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. № 4, с. 6-17.

Основные тенденции развития социально-психологического знания

Роль метатеоретических метафор в развитии психологического знания

Культурно-исторический контекст развития психологических представлений, находящий свое выражение в их трансформации, смене представлений, теоретических моделей и приоритетов, создает основания для констатации их зависимости от сформировавшихся в общественном самосознании культурных аналогий, или метафор. Рассмотрение такого рода полезно по причине динамики изменений взглядов на социальную природу и сущность человека. В этом смысле присутствуют две линии познания. Первая связана с традиционным для эмпирической психологии стремлением к открытию универсальных, внеисторичных законов, постижения сути вещей такой, какова она есть. Однако такая логика сталкивается с большой объемом социальной феноменологии и отсутствием непосредственного доступа к ней. Единственной возможностью познания является выстраивание предположений, основанных на косвенных проявлениях универсальной реальности, с неизбежным отбором наиболее репрезентативных ее проявлений, достраиванием тех пробелов, которые присутствуют в любой реконструкции. Отсюда – значимость гипотетических моделей социальной сущности, построенных на основании аналогий, или культурных метафор.

Другая линия рассуждений, связанная больше с традициями социального конструктивизма, исходит из постулата принципиальной непостижимости универсальной сущности, конструируемости ее посредством значений, поставляемых культурой, в качестве своеобразных проводников для построения соответствующих психологических теоретических моделей изучаемой феноменологии.

Само понятие «метафора» (от древнегреческого *metaphora* – перенос) определяется как оборот речи, заключающий скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения, часто ассоциируется с аналогией, иносказанием. В психологическом контексте оно определяется как выведение, расширение, перенос одной реальности дискурса или содержания на другое, более яркое, вспоминающееся (Reber, 1995, с. 19), т.е. нечто большее, чем образ, способствующий более глубокому пониманию или видению. Метафора требует способности отражения вопроса за его рамками для образования его возможной связи с чем-то другим, для понимания чего-то сложного, более отчетливо и быстро сравнивая его с чем-то хорошо известным и понятным.

В методологическом аспекте понятие метафоры было использовано П. Рикором (P. Ricoeur) в его противостоянии позитивизму с помощью разработанной им

теории метафорической истины (1977), которая, суть метафорическое рассуждение, обладает творческим и изобретательным характером. Исследуя параметры человеческой активности, он разработал метод герменевтической рефлексии.

Метафоры играют особую роль в процессе создания нового видения проблемы. Они связаны со временем и культурой. По мнению S. Duck, им принадлежит решающая роль в творческом расширении мышления, значений и понимания, зависящих от контекста, в котором это расширение имеет место. Автор подчеркивает: «Мы все используем язык для проведения исследований, и этот язык структурирует исследование, расширяя и ограничивая процесс размышлений об исследовании» (1994, с. 32). Эти структуры информируют и ограничивают процесс рассмотрения феномена. Каждый видит феномен в соответствии с исходной точкой зрения, и относительность различных точек зрения может помочь нам увидеть что-то фундаментально важное.

Проблема метафоричности научного сознания достаточно очевидна при проведении сопоставительного анализа вновь сконструированных теоретических моделей, ставших приоритетными в общественном сознании. Каждое уже свершившееся великое открытие в области естествознания или просто культурно-историческое явление неизбежно становится своеобразными метафорическими аналогиями для построения соответствующих теоретических моделей в психологии.

В. С. Степин в этой связи отмечает, что в «процессе становления и развития картины мира наука активно использует образы, аналогии, ассоциации, уходящие корнями в практическую деятельность человека (образы корпускулы, волны, сплошной среды, образы соотношения части и целого как наглядных представлений и системной организации объектов)» (1989, с. 10).

В истории психологии реально просматривается ряд общекультурных метафор: синкретическая – многобожество, схоластическая – Священное Писание, механическая – часы, статистическая – бухгалтерский отчет, энергетическая – закон сохранения энергии, системная – баланс, кибернетическая или компьютерная, гендерная, синергетическая и более частные, каждая из которых обуславливала соответствующие теоретические модели (энергетическая модель личности З. Фрейда, компьютерные модели в когнитивной традиции и т. п.). Именно общекультурные метафоры выступают, в силу отсутствия прямого доступа к объективной реальности, в качестве аналогий для интерпретации социально-психологической феноменологии, определяя ассоциативное поле исследователя, создавая предпосылки для теоретического многообразия.

Общекультурная метафоризация социально-психологического знания, возможность множественной интерпретации изучаемого феномена сопряжены с проблемой влияния личности исследователя на выбор методологии, ход исследования и интерпретацию его результатов.

Эволюция социально-психологического знания: от модернизма к постмодернизму

Эволюция социальной психологии определяется теми процессами, которые происходят в ее предмете – обществе, являющемся своеобразной результирующей

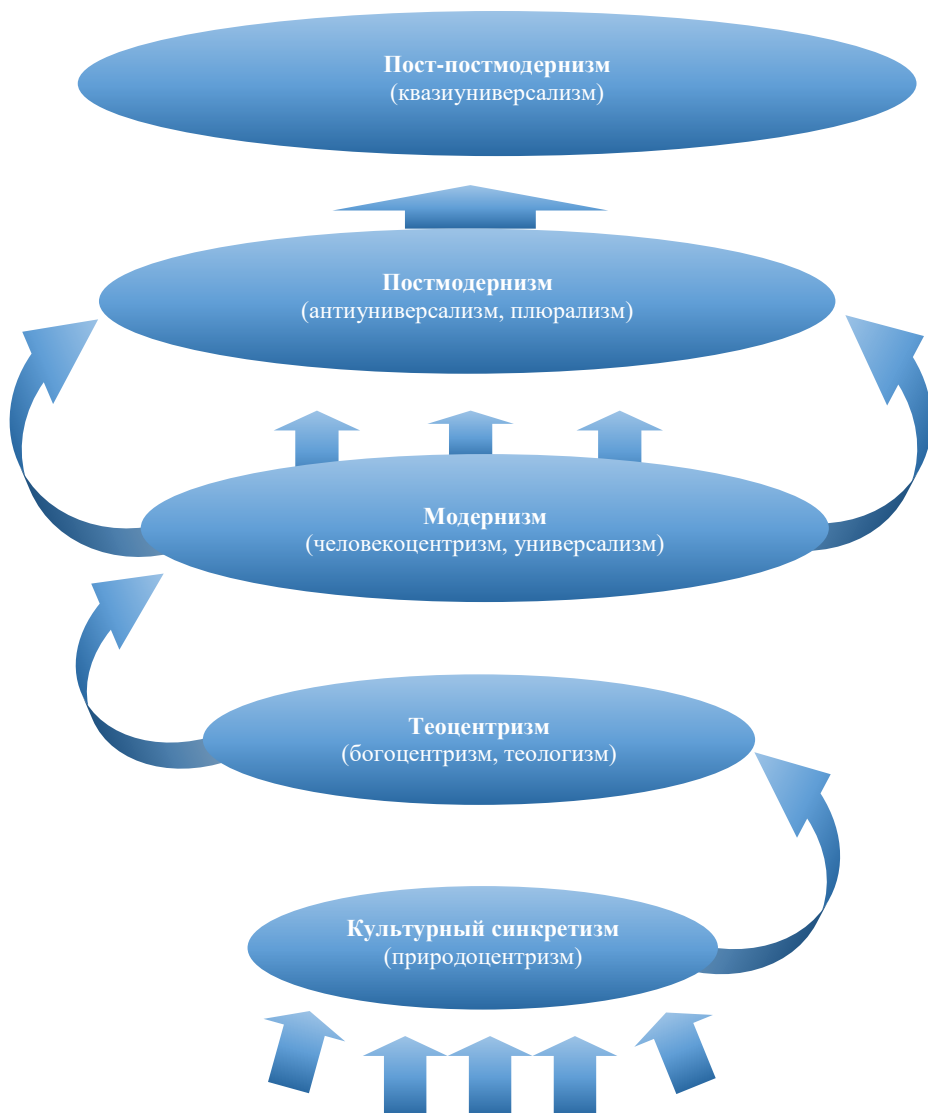
межличностного взаимодействия. Продуктом этого взаимодействия является не только общество само по себе, но и культура. Популярными сегодня рассуждения о культурной детерминированности психических процессов и явлений, связанные в большей степени с именем Л. С. Выготского, ставят вопрос о том, что именно в культуре и благодаря чему их меняет. Следует отметить и то, что само понятие культуры является одним из наиболее сложно определяемых. Наиболее общий ответ заключается в том, что культура меняет системы понятий, в которых закодирован общечеловеческий опыт, и связанных с ними значений и смыслов, благодаря расширению и усложнению которых мир в сознании людей становится все более многогранным и богатым содержательно. К. Дженкс, один из крупнейших специалистов в области ее изучения, пишет в этой связи: «Идея культуры охватывает такое множество предметов, процессов, различий и даже парадоксов, что только самоуверенный или мудрый человек может решиться о ней рассуждать и, возможно, только глупец станет писать об этом книгу» (1993). Если добавить, что содержание культуры крайне разнородно (она включает в себя и материальные, и духовные, и художественные разновидности человеческой деятельности; ее процессы, продукты, проявления в самом человеке), то станет понятным, почему в изучение культуры включены самые разные науки, а каждой из них свойственна своеобразная «абerrация гносеологического зрения» – сведение целостности культуры к подведомственной ей части, стороне, аспекту этого целого. Так, этнограф и социолог, психолог и технолог, искусствовед и педагог смотрят на культуру разными глазами и видят в ней разное» (Философия культуры, 1998, с. 9).

Усложнение символической репрезентации мира приводит к углублению представлений о нем, создавая новые возможности и основания для последующего развития знания и культуры в целом и через них к углублению и усложнению само- и мировосприятия. Сегодня стало вполне очевидным, что, благодаря развитию культуры и связанного с ней знания, человечество получает новые ресурсы в своем взаимодействии с физическим миром, одновременно сталкиваясь с проблемами, являющимися следствием неразумности и потребительского отношения к природе. В результате резкое возрастание экологических проблем, побуждающих человечество к нахождению более бережных и продуманных решений.

Изменения представлений человека о мире и своем месте в нем отражаются в культурно-научных традициях, представляющих собой сформировавшиеся в определенных исторические эпохи системы знаний о природе сущего и способах обращения с ним. Эти представления актуализируются в индивидуальных общественных сознаниях в виде конкретных знаний о сути наблюдаемых процессов и явлений и способах обращения с ними. В целом можно говорить о том, что *культурно-научная традиция* представляет собой, цитируя И. И. Ильина: «Многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений ... характеристику определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и

оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире» (2001, с. 206). В истории человечества с определенной долей условности можно выделить синкретическую, теоцентрическую, модернистскую, постмодернистскую и в перспективе – пост-постмодернистскую традиции, представленные на схеме 1.

Схема 1. Эволюция культурно-научных традиций

Синкретическая традиция характерна для заре человечества и ассоциируется с гилозоизмом (одушевлением объектом природы) и многобожеством. Человек, осознавая свое бессилие перед всемогущим природным окружением, обожествлял его и реализовывал стратегию подчинения и улаживания (жертвоприношения) в надежде выжить в этом враждебном мире.

На смену многобожию приходит единобожие с доминированием богоцентризма и свойственного ему богопочитания. Бог как творец мира и единственный обладатель законов сущего становится единственным авторитетом и носителем истинного знания. Приобщение к этому знанию становится возможным только при обращении к нему. Так как возможность непосредственного обращения к Богу доступна лишь избранным, то постижение истинного знания становится их уделом и заключается в толковании божественных текстов. Человек предстает как полностью зависимый от бога и, как следствие, вся его познавательная и преобразовательная активность находится под божественным контролем.

Культурно-научная традиция модернизма, сформировавшаяся в эпоху Просвещения, базируется на идее научного открытия универсальных законов сущего, на безграничных возможностях человеческого познания в сфере науки, культуры, производства. И если прежде единственным вершителем этих законов был бог, то в эпоху модернизма его место занимает человек. Познание объективных законов становится главной установкой соответствующей научной методологии, квинтэссенция которой в ее наиболее четком виде была представлена в позитивизме с его принципами операционализации и верификации как условия научной объективности и беспристрастности: если есть возможность количественного выражения изучаемых свойств объекта (операционализация) и есть возможность их пространственно-временной подтверждаемости (верификация), то имеются все основания для установления объективной закономерности.

Применительно к психологии эта идея была реализована в абсолютизации экспериментального метода как инструмента выявления объективных законов психики, понимаемой как свойство материи, как своего рода универсум, требующий постижения своих собственных законов функционирования. Так как в естествознании такая возможность, на основе позитивистской методологии доказывалась, то гипотетически обосновывалась идея ее переноса в сферу психического. Однако в отличие от физика, химика и т. п., которые имеют непосредственный доступ к изучаемой реальности, пусть и опосредованного научными приборами, у психолога такой возможности нет. Здесь носитель сознания выступает и в качестве объекта изучения. А поскольку он субъективен и не лишен некоторой предубежденности, его описания не могут быть критерием объективности научного исследования. Остается одно – косвенная реконструкция закономерностей психического через выявление устойчивых, экспериментально подтвержденных повторяемостей в поведении. Именно эта идея лежит в основании экспериментальной социальной психологии.

Эта идея проявилась в многочисленных попытках нахождения абсолютных, универсальных решений практически во всех сферах активности человека – науке, художественной культуре, производстве и т. п. В живописи – это реализм с его стремлением достижения совершенных способов передачи содержания, формы, цвета. В архитектуре – это поиск универсального жилья, нашедший через десятилетия неожиданное воплощение в форме индустриального домостроения (знаменитые хрущевки). В литературоведении – это поиск совершенной структуры текста (структурализм). В производстве – конвейеризация производства. Во взаимоотношениях с природой – смелое ее преобразование (вплоть до поворота рек). В развитии общественного устройства – идеи социалистов-утопистов, провозглашавших универсальность принципа равенства. Не устоял против соблазна создания модели такого рода универсального обустройства общества и выдающийся бихевиорист Б. Скиннер, написавший специально посвященную этому вопросу книгу Walden II.

Эта же идея реализована в уравнивании человека с подопытной крысой, обоснованная тем, что психология занимается изучением универсальных законов поведения и функционирования психики. На каком «материале» они будут выявлены принципиального значения не имеет.

Однако с течением времени обнаружилась и ахиллесова пята универсализма – торможение прогресса в области науки, художественной культуры и производства. Лучшие реалистические произведения живописи достигли предела совершенства передачи формы, содержания и цветовых решений. Более того, с изобретением фотокамеры стало понятно, что ее обогнать не удастся. Развитие индустриального домостроения привело к тому, что города стали похожи друг на друга. Попытки реализации структуралистских идей в литературе привели к появлению массы подобных художественных текстов и потере ими уникальности. Попытки воплощения универсальных принципов обустройства общества привели к возникновению фашизма и тоталитаризма. Не обошла эта участь и нашу страну. Развиваясь на первых порах достаточно высокими темпами, такие социально-политические системы вскоре начинали отставать и утрачивать преимущества. Все это вместе взятое стимулировало поиск иных решений.

На смену универсализму приходит антиуниверсализм. На смену классическому реализму в живописи приходят различные «измы» (сюрреализм, импрессионизм, абстракционизм и т. п.). Знаменитые произведения нашего земляка М. Шагала мало чем напоминают классические произведения живописцев. Ценность их не в совершенстве передачи формы реальности, а в ином ее видении. В архитектуре формируется культ уникальных решений. В литературоведении на смену структурализму приходит постструктурализм, отрицающий саму возможность универсального написания художественных текстов. В общественном устройстве начинают доминировать демократические принципы, провозглашающие право личности на свободу выражения своих мыслей, инакомыслие и защищающие мнение меньшинств.

В работах ряда философов, занимавшихся проблематикой развития научного познания, красной нитью проходит констатация уязвимости позитивистов в подходе к процессу познания в плане непосредственного доступа к объективной действительности: во-первых, это связано с инструментальными возможностями, во-вторых – с личностью самого исследователя, который, будучи существом социальным, вовлеченным в контекст культуры и своего окружения, не может полностью абсолютизироваться от них.

Доминирование в психологическом исследовании позитивистских установок во многом обусловлено человеческим, т.е. психологическим, фактором, стремлением психологии к конституированию себя как научной области естествознания. Понадобилось несколько десятилетий, чтобы этот вопрос хотя бы начал обсуждаться. Окончательное же развенчивание позитивизма как научной методологии происходит с эпохой постмодернизма.

Анализируя общее состояние психологической науки в этот период, К. J. Gergen выделяет четыре фундаментальные особенности:

1. Исчезновение предмета исследования. Фундаментальный вопрос, поставленный постмодернистами, сводится к утверждению, что наш язык о мире оперирует как зеркало этого мира, на основе социальных процессов, которые кристаллизуются во

- множестве различных теорий, в результате чего предмет исследования размывается, становится множественным, фрагментарным.
2. Переход от универсальных свойств к контекстуальному отражению исторических обстоятельств вопроса, к критической само-рефлексии.
 3. Маргинализация метода. Экспериментальная методология модернистов ставит человека в позицию механического автомата, поведение которого является продуктом внешнего ввода; таким образом отрицается его активность и личная ответственность; проводится искусственное обособление исследователя, утверждается первичность знания, достигаемого через отчуждение.
 4. Миф о прогрессе. В рамках модернизма прогресс научного познания рассматривается как процесс поступательного преодоления трудностей на пути достижения истинного знания; ставится под сомнение и само понятие истины, и исследование как средства ее достижения (1997, с. 23–25).

В эпоху постмодернизма берется курс на обеспечение тесной связи психологической науки с повседневной жизнью человека, но целью становится не поиск истин, а предложение альтернатив, отражающих многообразие трактовок того или иного явления. Вместо объективных оценок психолог приглашается к идентификации с позицией личности, профессионала и политика. Активность, деконструкция (освобождение от собственных предубеждений), диатропика (идея многомерности биологического развития) и др. категории и средства берутся на вооружение представителями гендерной, дискурсной, критической, экзистенциально-феноменологической традиций, подробное представление которых ждет читателя на страницах этой книги. Вместо того, чтобы говорить о причинах того или иного явления, психолог постмодерна говорит о том, каким оно может быть. Он проповедует смелость преодоления барьеров здравого смысла, введения новых форм, теорий, интерпретаций, интеллектуальности.

Дж. Шоттер (J. Shotter), анализируя перспективы развития социальной психологии, акцентирует внимание на необходимости изменения характера психологического исследования, на трансформацию обособленного проверяющего теорию созерцателя, заинтересованного, интерпретирующего, проверяющего процедуру наблюдателя; одностороннего стиля исследования к двусторонней интерактивной модели. Эту мысль он конкретизирует так: вместо образа а), мышления как (пассивного) зеркала природы, б) знания как точной репрезентации и исследователя как внешнего наблюдателя» предлагается ряд других образов: образ в) ученого как одного из членов сообщества действующих вслепую людей, исследующих собственное окружение с помощью стека или другого подобного рода инструмента; г) для которых знание значимо как средство обращения с ним, знание происходящего во-круг, путей коммуницирования между ними; и д) мышление как активно создающее смыслы относительно инвариантных свойств, открываемых при помощи инструментально обеспеченных исследований собственного окружения – изменения познания посредством наблюдения за познанием посредством нахождения в контакте или соприкосновении с изучаемым феноменом (1997, с. 58).

Таким образом, психологическая наука должна изменить свою исходную позицию, должна включать в плоскость рассмотрения континуальность феноменологии и способы легитимизации обретенного знания, связанного с отношением к экзистенциальным переживаниям. В более детализированном виде это изменение, по мнению Шоттера, должно отталкиваться от:

- теоретизирования к практическому обеспечению, инструктивному описанию;
- заинтересованности в обстоятельствах к заинтересованности в активности и использовании мыслительных средств или психологических инструментов собственного изобретения;
- поворота от того, что происходит в головах индивидов, к интересам (социальным), к сфере окружения, к тому, к чему это может приводить, что и чему может способствовать;
- перехода от процедур простого согласования к диалогу;
- исходной позиции отражения (когда поток взаимодействий приостанавливается) к локальным точкам, вплетенным в исторический поток социальной активности;
- языка репрезентации реальности к его роли как координатора многообразия социальных действий, с его репрезентативной функцией, реализующейся в ряде лингвистически конституированных социальных отношений;
- доверия к жизненному опыту как основе понимания мира к рассмотрению социальных процессов его конструирования;
- исследования, основанного на фундаменте приоритетов и авторитетов, к исследованию, предполагающему возможность корректирования ошибок в локальных пространственно-временных ситуациях (1991, с. 59–60).

Целью научного психологического познания является не только описание, что тоже существенно, но и рассмотрение той роли, которую играет знание в жизни общества, как оно сохраняет память о прошлом и предьявляет себе в настоящем. Формулируя задачи «нарративной психологии», Лиотар (J.-F. Lyotard) выделяет три типа исследовательской компетентности – знать, как, знать, как излагать, и знать, как слушать (1984, с. 21).

С. Квейле (S. Kvale), описывая возможный сценарий будущего развития психологического знания, отмечает движение от археологии психики к культурному ландшафту представления мира, что предполагает «поворот лицом к укорененности человеческого существования в специфических исторических и культурных ситуациях, открытость инсайтам, поставляемым искусством и человечеством. Основные исследовательские вопросы должны включать лингвистическое и социальное конструирование реальности, взаимозависимость локального контекста и самости в сети взаимоотношений. И это должно требовать принятия открытого, ориентированного на перспективу и неопределенную природу знания и его проверки в практике, должно предполагать многометодный подход к исследованию, включая качественное описание многообразия отношений человека с миром и деконструкции текстов, пытающихся описать эти отношения. Остается открытым вопрос, насколько радикально и быстро эти изменения займут свое место в психологической науке, имеющей прочные индивидуалистические и рациональные корни» (1997, с. 53).

Рисуя контуры будущего психологии, один из современных авторитетов Л. А. Первин (L. A. Pervin) обозначает многообразие, плюрализм и расширение горизонтов как определяющие перспективу ее развития. Комплексность личности, согласно его точке зрения, обуславливает комплексность рассмотрения ее с позиций разных подходов. Время гегемонии каких-либо методов закончилось. Существует готовность к установлению связей с различными теоретическими дисциплинами. Решающим фактором нормального развития персонологии сегодня являются: серьезное отношение к вкладу альтернативных подходов; исследование психологических феноменов максимально возможным числом разнообразных способов; возвращение к старым проблемам посредством их изучения новыми методами. Современная персонология акцентирует внимание на личности как системе, включая взаимодействие между постоянством и многообразием, стабильностью и изменчивостью, интеграцией и конфликтами, и на изучении людей в различных контекстах на протяжении достаточно длительного времени существования паттернов, в мире их внутренних мыслей, чувств, публичного поведения (1990, с. 725–726), что приведет к более быстрому решению актуальных проблем социальной психологии.

Эти постмодернистские идеи являются новыми для отечественного читателя, привыкшего к нахождению единственно «правильных» решений. Но знакомство с существующим в мировой психологии многообразием, на наш взгляд, будет способствовать развитию нового и так необходимого сегодня качества мышления – самостоятельности анализа, умения непредвзято сопоставить, проанализировать, взвесить все за и против, совершив собственный, обоснованный выбор. Самостоятельность мышления делает человека более свободным и автономным как в выборе собственного пути, так и в адекватной оценке возможных его последствий.

Глоссарий

Дискурс – любой фрагмент речи больше предложения (абзац, фрагмент текста и т.п.), выражающий относительно законченную мысль. В дискурсивном анализе – единица анализа речевого высказывания, позволяющая определиться в его смысле и значении. В социальной психологии – целостное рассуждение для себя, предназначенное для передачи другому человеку с учетом возможности его наиболее адекватного понимания.

Метафора – выведение, расширение, перенос одной реальности дискурса или его содержания на другое, более яркое, вспоминающееся. В научном познании метафора выступает в виде культурной аналогии, позволяющей определиться в средствах описания исследуемых явлений, найти объяснения, вписывающиеся в логику здравого смысла и позволяющие продуктивно исследовать определенный класс явлений. **Метафора** – это попытка нахождения простого способа понимания чего-либо сложного более отчетливо и быстро посредством сравнения его с чем-либо хорошо известным и понятным.

Модернизм – основанная на европейском рационализме культурная традиция, ориентированная на раскрытие универсальных законов сущего и обосновывающая его принципиальную возможность. В науке и культуре эта традиция проявляется в поиске универсальных стандартов и решений оптимального свойства. Прогресс научного знания рассматривается как линейный и кумулятивный.

Плюрализм (от лат. *pluralis* – множественный) – культурная традиция, утверждающая возможность существования множественных подходов и решений как оснований для углубления в познании. Плюрализм в культуре взаимоотношений предполагает признание права на *инакомыслие*.

Постмодернизм в культуре – традиция, основывающаяся на идее о необходимости культурного многообразия как основания развития человечества. В отличие от модернизма с его ориентацией на универсализм и единообразие, постмодернизм приветствует разнообразие мнений, считая, что в многоплановости позиций заключается возможность углубления знания.

Вопросы для обсуждения

1. Каково значение и роль культурно-исторических метафор в развитии научного познания?
2. Какие научные метафоры использовались в социально-психологическом знании и в чем их особенности?
3. Каковы особенности развития социально-психологических представлений?
4. Каковы отличительные черты модернистского и постмодернистского подходов в психологическом познании?
5. Какие недостатки позитивистского подхода к изучению социально-психологических явлений отмечают известными психологами и почему?

Какие перспективные области развития социальной психологии определяются социальными психологами? Каков потенциал их продуктивности?

Для дополнительного чтения

1. Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г. Психология науки. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998.
 2. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. – М.: Аспект Пресс, 2000.
 3. Социальная психология: саморефлексия маргинальности. – М., 1995.
 4. Шульц Д., Шульц Л. История современной психологии. – СПб.: Речь, 1998.
 5. Янчук В.А. Методология, теория и метод в социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.
-

Основной источник

- Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

ЧАСТЬ II.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Анализ теории методологии в социальной психологии обусловлен тем, что без понимания сути теоретического знания, лежащего в основании той или иной науки, невозможно постижение концепций, сложившихся в диапазоне различных исследовательских моделей, направлений и школ.

Обратим внимание на вопросы конструирования социально-психологической теории, ее своеобразия, критерии отбора и проверки. Начнем с понятия «научная теория» и специфики теорий частных наук.

Теоретические основания социальной психологии

Понятие теории в социальных науках

Что представляет собой теория? В широком смысле этот термин обозначает любую концептуальную репрезентацию или объяснение феномена. С. Franklin так говорит об этом: «Теории в социальной психологии представляют совокупность связанных понятий и предположений о социальном взаимодействии между людьми; об индивидуальных процессах в ситуации социального стимулирования и социальных структурах в их отношении к индивидам» (Franklin, 1982, с. 28). А. Ребер определяет теорию как связный набор формальных утверждений, который дает полную и последовательную характеристику четко определяемой области исследований с объяснением всех относящихся к ней фактов и эмпирических данных (1995, с. 793). В прагматическом контексте под теорией часто понимается общий принцип или система взаимосвязанных общих принципов, выдвигаемых в целях объяснения ряда известных фактов или полученных эмпирических данных.

Говоря о теориях в целом можно сделать два обобщения: 1) все теории суть абстракции. Любая теория является частичным объяснением, определенных вопросов, фокусируясь на одних аспектах проблемной области, опускает другие; 2) все теории рассматриваются как конструкции, создаваемые людьми. Будучи способом видения наблюдателями их окружения, сами по себе теории не являются реальностью. А. Каплан пишет в этой связи: «Теория представляет собой способ рассмотрения фактов, организации и репрезентации их, но по существу она создает свой собственный мир» (1964, с. 309).

Наиболее общим, сущностным элементом теории является понятие. Весь наш символический мир базируется на формировании понятий, которые мы обозначаем обычными словами, а теоретик видит в них то, что он рассматривает как наиболее существенное.

Некоторые останавливаются на концептуальном уровне, т.е. дают перечень понятий и определений без объяснения того, как они взаимосвязаны и как взаимодействуют. Теории, опирающиеся на такой аппарат, получили название таксономий. Правда, большинство исследователей не считает таксономии теориями.

Другим общим для теорий элементом является объяснение, которое выходит за рамки простого наименования и определения переменных, идентифицирует регулярность в их взаимоотношениях, отвечает на вопрос «почему?», основываясь в первую очередь на принципе необходимости.

Принцип необходимости предполагает установление некоторой логической зависимости между переменными, которая и делает конкретный результат необходимым. Если *икс*, то с необходимостью или большой вероятностью будет и *игрек*. Необходимость берется чаще как вероятностная модель. Существует достаточное многообразие разновидностей необходимости, а следовательно, и объяснений.

Каузальная необходимость объясняет события с позиций причины–следствия, в которой поведение рассматривается как следствие причинных сил. Практическая необходимость объясняет события с позиции действие–последствие, в которой поведение рассматривается как интенциональное действие, направленное на достижение определенной цели или будущего состояния, как реакция на стимулы, в то время как практическая – выдвигает в качестве причины особенности поведения личности и волю.

Модель теоретического объяснения каузальной и причинной необходимости предлагают К. и М. Gergen. Они подразделяют их на личностно- и ситуационно-центрированные. Первые базируются на факторах внутри действующей личности, вторые – находящихся вовне. Некоторые ситуационно-центрированные объяснения фокусируются на факторах, имеющих место до совершения действий, другие – после их совершения (табл. 1).

В зависимости от ведущего метода интерпретации традиционно различаются три типа теорий: основанные на законах, проясняющих универсальные причинные отношения между переменными; основанные на правилах, предполагающие возможность выбора и изменения правила; основанные на системном подходе, концентрирующиеся на выявлении логических отношений между элементами и взаимосвязи между событиями.

Таблица 1.

Формы объяснения поведения

	Дающие возможность объяснения (причинное)	Не дающие возможности объяснения (практическое)
Ситуационно-центрированное (предшествующее)	От него это требовалось Ее вызвали	Она воспользовалась некоторой информацией Люди говорят об этом
Личностно-центрированное	Это привычка Это черта характера	Он так решил Она так считала
Ситуационно-центрированное (последующее)	Это его судьба	Он сделал это во имя достижения цели

Приводится по Gergen, K. J., Gergen, M. M., 1982, с. 127–154.

Традиционный идеал и развитие теории

В социальных науках традиционно используются методы исследований, сформированные в естествознании, а именно: 1) изучение проблемы; 2) формулирование гипотез; 3) проверка гипотез; 4) формулирование теории. То есть применяется *гипотетико-дедуктивный метод*, исследования комплексных феноменов при четком определении их составляющих.

В основе гипотетико-дедуктивного метода лежат пять понятий – *гипотеза, операционализация, контроль и манипуляция, открытый закон, предсказание*.

Гипотеза представляет четко сформулированное предположение о взаимоотношениях между переменными. Она может основываться на интуиции, личном опыте, результатах предыдущих исследований и теорий. Проверке гипотез часто предшествует процесс рассмотрения обобщений.

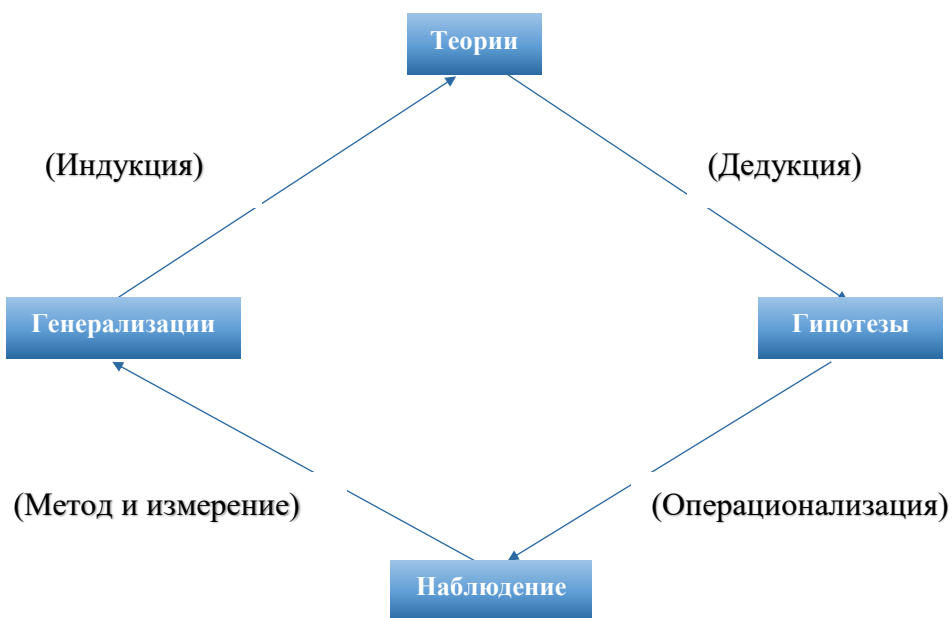
Все гипотезы должны быть проверяемыми или, другими словами, все анализируемые переменные должны быть определены так, чтобы любой исследователь мог использовать их подобным же образом, или при случае опровергнуть их. В реальности процесс проверки гипотез идет методом исключений (схема 2).

Операционализация предполагает установление всех переменных, содержащихся в гипотезе таким образом, чтобы дать ориентиры, как должно рассматриваться исследуемое понятие.

Операциональность основывается на *измерении*, в котором выводятся точные, обычно количественные, индексы наблюдаемого. Измерения, позволяющие выявлять различия между наблюдаемыми переменными, оцениваются по двум критериям: *валидности и надежности*.

Схема 2.

Классический идеал науки

Приводится по W. L. Wallace, 1969.

Валидность характеризует степень измерения того, что должно быть измерено, и насколько полученные показатели характеризуют изучаемое явление. В исследовательском арсенале имеется целый ряд методов оценки валидности. Чем валиднее исследование, тем ярче выражается в нем то качество, ради измерения которого проводилось исследование.

Надежность характеризует степень точности психологических измерений. Чем надежнее измерение, тем свободнее оно от погрешностей. Иногда надежность рассматривается как стабильность результатов при повторном исследовании; иногда как проявление степени эквивалентности двух одинаковых по форме и цели параллельных исследований. Валидность и надежность взаимосвязаны друг с другом. Последняя является необходимым, но недостаточным условием валидности.

Контроль и манипуляция в наблюдении представляют единственный путь установления причинности. Если один ряд переменных фигурирует как постоянный (контроль), а другой как изменяемый (манипуляция), исследователь должен выявить влияние манипулируемой переменной, не обращая внимания на другие переменные, скрывающие причину. Контроль и манипуляцию можно проводить непосредственно в эксперименте, или путем статистической обработки данных.

Открытый закон – теоретическое утверждение о причинности и следствиях конкретного ряда переменных в различных ситуациях. В традиционной науке это важнейший элемент в силу его способности прогнозировать будущие события. В этом контексте все классические теории представляют собой утверждения об открытых или, точнее, гипотетических законах.

Предсказание является важнейшим результатом исследования. Как результат оно вооружает людей знаниями о закономерностях и особенностях реального мира, путях его преобразования. Часто гипотезы представлены в форме: если x и y , то z . Применительно к социальной психологии проблема предсказания приобретает дополнительные сложности, связанные с бесконечностью личностных и ситуативных переменных, могущих оказать решающее влияние на социальное поведение людей.

В рамках традиционной парадигмы социальных наук К. Левин вычленил «аристотелевскую» и «галилеевскую» парадигмы. Называя предшествующую психологию преднаучной, а ее подход аристотелевским, он подверг критическому рассмотрению характерную для нее жесткую категоризацию, статистическое определение закономерности, фенотипический подход к психологии, описательную методологию. В качестве альтернативы он предложил конструктивный метод, опирающийся на положения о: 1) критериях закономерности, не зависящих от повторяемости; 2) приоритетной роли интерпретаций, основанных на взаимоотношениях событий по отношению к классификационным; 3) определении феномена как существующего в континууме; 4) методологии, утверждающей контролируемый эксперимент и количественные измерения.

По отношению к конструктивному методу, названному им галилеевским, Левин утверждал, что доказательство закономерности зависит от «чистоты случая», а не от частоты повторяемости, подчеркивая при этом важность индивидуального случая. В отличие от аристотелевского подхода к структуре науки, подчеркивавшего необходимость классификации событий в дискретные группы, Левин выдвигает необходимость исследования функциональных отношений между событиями, считая, что более важным является понимание основополагающих отношений и выявление функций, нежели структуры и содержания феномена. Репрезентация феномена в континууме будет более адекватно показывать сходства и различия их по сравнению с дискретной категоризацией. Именно этот подход позволил разработать систему теории поля (Lewin, 1951).

Понятие парадигмы в последние годы получило весьма широкое распространение в науке. Более подробный его анализ будет дан ниже, а пока приведем классическую трактовку, сделанную Т. Куном: парадигма – это коллективно установленный ряд аттитюдов, ценностей, процедур, техник и т. д., разделяемых научным сообществом в рамках конкретной проблемной области в определенный временной момент. Представители альтернативной парадигмы подвергают критике два следующих основных положения традиционной: 1) реальность не обладает единственно установленной и статичной структурой, открытой и представленной в теории; она изменяется, может быть представлена многообразными путями, что является ключевым для проверки гипотез и валидности теории; 2) человеческое поведение можно свести к ряду отдельных переменных, детерминируемых причинными силами, в силу чего не всегда возможны открытый закон и предсказание.

Теория представляет собой абстракцию, имеющую под собой некоторые основания в реальной жизни. Практика оказывает такое же влияние на теорию, как и теория на практику.

Одной из фундаментальных в области разработки теории является работа Куна «Структура научных революций» (1970). Начав с занятий теоретической физикой, он в последующем сконцентрировался на истории и теории науки. Для понимания специфики развития научного знания он считал необходимым включить в плоскость анализа историю развития структур научного сообщества, которое обладает своим интеллектуальным потенциалом, стандартными источниками ссылок, учебниками, способами решения проблем, влиянием на формирование мировоззрения исследователя.

Особый интерес для него представлял процесс развития науки во времени. Кун утверждал, что на ранней, преднаучной, стадии существует конкуренция различных школ и систем мышления. Они разрабатывают свои определения, методы и основоположения; одни в силу тех или иных обстоятельств становятся более предпочтительными, другие добиваются определенных достижений в области актуальной проблематики, задают направление дальнейших исследований, переходя к стадии науки.

Нормальная наука систематизирует прошлые достижения, определяет проблемные области и методы, т.е. создает традицию, в рамках которой работает большинство ученых. Для определения нормальной науки Кун вводит понятие общей плеяды представлений, ценностей, техник и т.п., разделяемых членами данного сообщества (1970, с. 175). Этот термин также применяется и к конвенциональным подходам разрешения проблем. Экономичность использования парадигм определяется тем, что они помогают определить рамки работы ученого, установить легитимные методы анализа и способы рассмотрения проблем

Непосредственная практика, как и исследования, создает базу для формулирования теории, ее верификации, выдвижения новых гипотез и уточнений. Для «традиционалистов» это есть процесс развития гипотез о реальном мире. Для «альтернативистов» – научно организованный процесс интерпретации фактов, поступающих из бесконечного потока бытия.

Развитие теории предполагает проведение: 1) специального исследования фактов, заслуживающих внимания; 2) проверку предсказательных возможностей теории или ее интерпретационной полезности; 3) дальнейшее развитие и артикуляцию теории (Kuhn, 1970, с. 25–27).

Можно выделить три потенциальных способа развития теорий: 1) *через ее расширение*, предполагающее накопление знаний, продвижение от одного бита информации к другому, углубления прежних понятий; 2) *через интенсификацию*, т.е. разработку и уточнение отдельных понятий и аспектов; 3) *через научную революцию*, предполагающую что научная интерпретация фактов начинает вступать в противоречие с традиционными взглядами и требует их коренного пересмотра. Примером такого рода в психологической науке является антагонизм ортодоксального бихевиоризма с необихевиоризмом, или когнитивизмом, смысл которого заключается в осознании необходимости включения в анализ поведения элементов внутренней активности человека, которая игнорировалась основателями классического подхода.

В научной революции понятия и операции начинают концептуализироваться радикально отличным образом. По меткому замечанию Куна, исследователь, окунувшийся в мир науки после научной революции, по-новому начинает относиться к предшествующему ее состоянию, и тогда становится понятным, почему критики традиционных научных подходов называют свой подход «новой парадигмой», в то время как консерваторы относятся к термину «парадигма» с некоторой настороженностью.

Однако начиная с 1960-х годов в естествознании все чаще подвергается сомнению факт единственного объективного метода исследований. Химик Дж. Хильдебранд (Hildebrand), физик П. Бриджмен (P. W. Bridgman), лауреат Нобелевской премии зоолог Р. В. Медавар, вообще отрицают необходимость такой вещи как научный метод, поскольку ученые используют огромное количество стратегем, и ни одна из процедур открытия не может быть логически предписана (Medawar, 1985; 51).

Критические отношения к существованию единственного научного метода людьми, добившимися существенных успехов в науке, свидетельствует о том, что на сегодняшний день нет особых оснований для утверждения абсолютной точности, строгости, связности и объективности науки.

П. Фейерабенд (P. K. Feigl), в своей книге «Против метода» (1975) даже подчеркивает, что он определяет философскую науку как анархическую теорию знания, отрицая какой-либо анархизм в истории политических наук, считает возможным использование понятия анархизма в эпистемологии. «Идея и метод, содержащие строгие, неизменные и абсолютно обязательные принципы, обуславливающие деятельность науки встречаются значительные сложности; когда сталкиваются с результатами исторических исследований, – нет отдельного правила, каким бы гибким оно ни было и в то же время строго обоснованным в эпистемологии, которое не имело бы несовершенств в том или ином. Становится очевидным, что эти несовершенства не являются случайными; они не являются следствием недостаточности знаний или невнимательности, которую можно избежать. Наоборот, мы видим, что они являются необходимыми для прогресса», – пишет ученый (1975, с. 23).

Творческий исследователь отрицает правила, преобразует их, поддерживает интуитивно формируемые гипотезы, работает индуктивно и дедуктивно, иногда во имя единства, иногда во имя плюрализма. «Одним из замечательных достижений недавних дискуссий в области истории и философии науки, – пишет он далее, – является осознание того факта, что такие события и достижения, как атомизм в античности, коперниканская революция, современный атомизм (кинетическая теория, теория дисперсии, стереохимия, квантовая теория), волновая теория света, оказались возможными лишь потому, что некоторые мыслители либо сознательно решили разорвать путы «очевидных» методологических правил, либо произвольно нарушали их» (Фейерабенд, 1986, с. 153).

Позиция Фейерабенда заключается в необходимости более внимательного исследования истории научных открытий, более детального эмпирического анализа того, что делается в мире науки. Возможно ли использование одного и того же метода ученым химиком и астрономом? Является ли метод абстракций алгебраиста таким же, как метод биолога? Существует ли возможность изобретения метода,

адаптируемого к различным областям научного знания, или многообразия методов, пригодных лишь для специфических областей? От ответов на эти и другие вопросы во многом зависит дальнейшее развитие научной теории – будет ли это превращение процесса развития науки в диалогизму, диатропику, анархию и т. п. Перейдем к более детальному рассмотрению функции научной теории.

Функции научной теории.

Для понимания специфики и роли научной теории полезно знакомство с ее функциями. В существующем многообразии подходов к данному вопросу выделим систематизацию, предложенную Ст. Литтлджоном (S. Littlejohn, 1994, с. 28–29). Он акцентирует наше внимание на функциях научной теории.

Функция организации и обобщения знаний. В нашем восприятии мир не представлен как некий набор единиц информации. Существующее многообразие данных о нем обуславливает необходимость их систематизации, организации, синтеза построения различных моделей, установления связей между событиями и фактами, объяснения происходящего. Один из возможных путей подобного рода организации и представляет собою теория. Другим полезным аспектом ее конструирования является аккумуляция знания. Студент, практик или исследователь при наличии разработанной теории легче ориентируются в объеме полученных данных, могут внести в них, при необходимости, коррективы, увидеть те пробелы, ликвидация которых порою составляет целую исследовательскую область.

Функция фокусирования позволяет сосредоточить внимание на значимых переменных и взаимоотношениях между ними подобно географической карте, ориентирующей на местности, в данном случае «местности» науки, которую дает теория.

Функция прояснения наблюдаемого помогает исследователю разобраться в анализируемых проблемах, и в этом смысле социально-психологические теории представляют собою своеобразный путеводитель для интерпретации, объяснения и понимания сложности человеческих взаимоотношений.

Функция организации наблюдения дает возможность не только ориентироваться в том, что следует наблюдать при изучении интересующего нас явления, но и как это делать. Особенно это характерно для тех теорий, которые выдвигают операциональные определения как наиболее точные индикаторы содержания, помогающие исследователю выявлять детали, тщательно прорисованные в теории.

Функция предсказания – одна из наиболее дискутируемых в последние годы в науке. Предсказательные возможности теории особенно значимы в прикладных науках и конкретных областях. Вместе с тем предсказательные возможности теории объективно ограничены. В психологии они ограничены в силу целого спектра ситуативных и личностных детерминант человеческого поведения, которые зачастую не осознаются самим субъектом.

Эвристическая функция в теории обладает высоким потенциалом генерирования исследований, являя собой своеобразное руководство в том или ином

направлении исследований, в аспектах, требующих уточнения и развития, и тем самым в совершении открытий, столь необходимых для обогащения знаний.

Коммуникативная функция позволяет исследователю сделать теорию достоянием других ученых, создает дополнительные возможности для развития и самой теории, и исследователя. Через коммуникацию различных теоретических моделей изучаемого феномена становится возможным изучение, сравнение данных, дальнейшее углубление познания.

Функция контроля связана с ценностными ориентирами исследователя в этической сфере определенного теоретического подхода. Такие функции обозначаются как нормативные, так как придерживаются определенных норм исполнения. Однако большинство теорий остаются на чисто описательном уровне.

Генеративная функция относится в основном к интерпретационной и критической традициям так называемой альтернативной парадигмы. По определению К. J. Gergen, эта функция есть «способность изменять руководящие основоположения культуры, ставить фундаментальные вопросы рассмотрения современной социальной жизни, ускорения пересмотра того, что имеется, и на этой основе генерировать новые альтернативы для социальных действий» (1982, с. 109).

Представленный перечень функций, выполняемых теорией, наглядно демонстрирует ее потенциал. Тем не менее, понимание сущности теории невозможно без анализа ее положений на уровне метатеории, как объекта философии.

Анализируя различные теоретические подходы, можно, при всем их многообразии говорить о критерии оценки с позиций идеальной теории.

Теоретические возможности теории определяются ее современностью и содержательностью, способностью к широкой генерализации, которая устанавливает необходимость объективных обобщений, выходящих за рамки исследуемых феноменов, а не просто спекулятивный, т.е. чисто теоретический, подход.

Литтлджон различает два типа генерализованности (1994, с. 35). Первый предполагает освещение широкой области знаний целого ряда феноменов. Примером тому являются системные теории. Однако далеко не все теории касаются широкого круга вопросов. Многие из них имеют дело с рассмотрением довольно узкой сферы – это второй тип теорий, который, тем не менее, может давать интерпретацию довольно большому количеству ситуаций. В науке данное типологическое разграничение именуется метатеориями и теориями среднего уровня.

Соответствие. Это понятие связано с проблемой уяснения, насколько эпистемологические, онтологические и аксиологические выводы соответствуют содержанию и методам, используемым теорией. Если исследователь придерживается той точки зрения, что люди обладают свободой выбора в совершении собственных действий, это будет находиться в противоречии с догмами детерминистской обусловленности, провозглашаемой бихевиористами. Если же он придерживается тезиса о том, что регулирующие поведение структуры до конца не осознаются индивидом, вряд ли корректно использовать в качестве научных фактов оценочные критерии испытуемых.

Одним из условий теории является ее логическая непротиворечивость предположениям и выводам. Например, многие представители когнитивной традиции в

психологии придерживаются взгляда об активном характере переработки человеком поступающей к нему информации и, следовательно, о целенаправленности его действий. Однако такая позиция находится в полном противоречии с их стремлением к установлению универсальных законов поведения, ведь каждый человек руководствуется своей собственной целенаправленностью действий.

Эвристическая ценность теории зависит от того, насколько обладает потенциалом стимулирования новых исследований и обобщений. Примером такого рода является теория поля Левина: она дает ориентиры в спектре проблематики, связанной с социальным поведением и описанием адекватного инструментария.

Валидность в широком смысле отражает истинность теории, которую нельзя понимать как нечто абсолютное и неизменное. Речь скорее идет о правомерности существования различных теоретических истин, и в этом смысле валидность (Brinberg, McGrath, 1985) как критерий теории может быть трех типов.

Первый – суть *ценность или достоинство теории*. Это вопрос значимости или полезности, концептуальной или прагматической ценности; это первичная форма валидности для интерпретативных или критических теорий.

Второй тип – суть *соответствие или пригодность*. Это вопрос о том, каким образом понятия и отношения, проясняемые в теории, могут быть представлены в анализируемых явлениях реальной жизни. Классическая наука утверждает возможность единственно научной репрезентации событий; интерпретативно-критическая традиция утверждает возможность одновременного существования ряда репрезентаций.

Третий тип валидности – *генерализуемость теории*, т. е. степень применимости принципов теории к различным случаям. Это классическое определение валидности; оно находится в полном соответствии с идеалом традиционной, ориентированной на открытия теории, ищущей универсальные законы.

Экономичность теории часто ассоциируется с ее логической простотой. При рассмотрении валидности двух или более теорий, достовернее будет та, которая более компактна, логически проста, определена. Примером подобного рода может служить теория когнитивного диссонанса, демонстрирующая идею соответствия.

Философские основы социальной психологии

Области философского анализа

Развитие любого знания, в том числе и психологического, с неизбежностью предполагает его осмысление на разных уровнях обобщения. Высшим уровнем такого рода осмысления является метатеоретический.

Метатеория представляет собой область размышлений, выходящую за пределы конкретного содержания. Она рассматривает более фундаментальные вопросы: за чем должно вестись наблюдение, каким образом, в какую форму должна вылиться соответствующая теория.

Глобальное рассмотрение фундаментальных вопросов познания действительности ведется в рамках философии. Здесь исследуются основоположения и методы доказательств, используемые в генерации познаний всех аспектов жизни и их анализу. Применительно к нашей проблеме это: эпистемология (познание), онтология (существование) и аксиология (ценности) и соответственно им три общих уровня – метатеоретический, гипотетический, описательный.

Метатеоретический уровень является наиболее общим и представляет основополагающие выводы исследователя.

Гипотетический – дает картину представлений исследователя о реальности и установленные рамки знания.

Описательный – включает утверждения и операции, непосредственно совершаемые исследователем в ходе наблюдения тех или иных явлений. Опирируя одним уровнем, исследователь неизменно соотносит его с двумя и более другими, добиваясь тем самым более глубокого познания (таблица 2).

Таблица 2.

Области философского анализа

	Эпистемологический	Онтологический	Перспективный	Аксиологический
Метатеоретический	Методологические вопросы	Метафизические вопросы	Вопросы дефиниций	Вопросы этики и ценностей
Гипотетический	Методы и процедуры	Теории, понятия, гипотезы, законы и схемы интерпретации	Определения и метафоры	Этические и моральные посылки и ценности
Описательный	Инструменты и техники	Утверждения о наблюдением	Фокусы внимания	Решения
Вещей-самих-по-себе		Поток событий		

Приводится по Littlejohn, S.W., 1994, с. 31.

Так как психологическое познание связано с феноменами социальной жизни, одним из центральных, в частности, в сфере социальных наук, является вопрос – *можно ли феномены социальной жизни быть объяснены таким же образом, как явления неживой природы?* Ответ на него включает три аспекта. Прежде всего *методологический*, т. е. вопрос о научном методе и его универсальности по отношению к естественным и социальным наукам. Второй аспект – *эпистемологический*, т.е. проблематика знания вообще и мышления в частности. Третий – *онтологиче-*

ский аспект, предполагает выяснение того, с чем мы имеем дело или что есть бытие? Не менее значимыми остаются и ответы на вопросы о типах феноменов, проявляющихся в социальном мире, об адекватности методов исследований, критериях истинности знаний.

Все они предполагают уяснение того, как продуктивнее исследовать социальный мир, – посредством изучения активности человека (индивидуализм), структур (холизм) или в их единстве? Как лучше проводить анализ – сверху вниз (объяснение) или снизу вверх (понимание)? Анализ сверху вниз приводит к объяснению, а анализ снизу вверх – к пониманию. Мы будем исходить из обоих этих типов анализа и воспользуемся матрицей, предложенной М. Hollis (таблица 3).

Таблица 3. Четыре ключа к анализу социальных действий.

	Объяснение	Понимание
Холизм	Системы	Культуры
Индивидуализм	Рациональный выбор	Субъективные значения

Приводится по: Hollis, M., 1996, p. 359.

Выделение индивидуалистического и холистического аспектов связано, прежде всего с тем, что это есть своеобразный водораздел к пониманию социальной феноменологии. В истории философии, связанной с Юмом, Гоббсом и Миллем, осознаваемые и неосознаваемые мотивы поведения личности являются внутренне присущими человеческой природе (индивидуализм). В холистической версии, часто ассоциируемой с Дюркгеймом, перевес отдается функциональному объяснению. Социальное поведение, являясь элементом целостной социальной системы, подчиняется принципу равновесия, и любое его нарушение приводит к формированию устойчивых сил, направленных на его восстановление. Как индивидуалистическая, так и холистическая модели имеют своих сторонников и противников, аргументы которых связаны с предпочтением одного из аспектов: эпистемологического, онтологического и аксиологического. Остановимся на них подробнее.

Эпистемологические основы.

Эпистемология (от древнегреческого *episteme*, что означает понимание, знание). В философии охватывает область знания, которая занимается сферой познания, т.е. ищет ответы на вопросы о том, как люди познают мир, приходя к выводу о том, что они знают. Понимание природы познания и процессов, посредством которых оно осуществляется, существенным для любого научного знания, в том числе и для психологии. Психологи всегда проявляли особый интерес к эпистемологическим проблемам, а в последние годы этот интерес особенно возрос.

Здесь тоже наиболее существенны вопросы:

Априорно или апостериорно наше знание? Понятие *a priori* означает предшествующее, а *posteriori* – постшествующее. Апостериорность в со времен Канта определяется как основанное на эмпирическом опыте, априорность – основанное на

очевидности. Примером априорного знания является утверждение типа: мы не можем существовать и не существовать одновременно. Философы и психологи всегда дебатировали об априорности природы познания (например в понимании добра и зла); о его полной зависимости от эмпирического опыта как основы достоверности знаний. Не смотря на укоренившуюся в психологии тенденцию признания приоритетности эмпирического опыта как основы познания, в этом вопросе имеется и ряд расхождений.

Сторонники природного подхода, или нативисты, утверждают наличие в человеке специфических природных структур и функциональных свойств нервной системы, наследуемых уже при рождении и определяющих в дальнейшем его восприятие. Эмпирики же провозглашают полную его зависимость от опыта; в классических исследованиях показано, что новорожденный уже обладает перцептивными способностями определения удаленности предметов и пространственной локализации звуков (Wertheimer, 1961).

Другую сопряженную с этим область представляет соотношение инстинктивного – научаемого. В истории психологии и социальной психологии, в частности, имеется немало примеров противоположных утверждений. Например, для Фрейда и МакДауголла была вполне очевидной инстинктивность человеческого поведения. С укреплением бихевиоризма получила распространение точка зрения о полной научаемости поведения. Так Куо (Куо, 1924) в своей работе «Психология без вражды» показывает наученность враждебным отношениям мышей и кошек. В то же время в работах этолога К. Лоренца и социобиолога Эд. Уилсона, представителей биологического и экологического подходов в психологии, отрицание роли инстинктов в поведении не столь очевидно.

Каковы критерии истинности наших знаний? На каком основании мы приходим к убеждению в обладании истиной? На основании авторитетности источника? Обоснованности? Данности свыше? По этим вопросам Эпистемологи спорят с представителями естественных наук, с религиозными адептами и т.п. Одним из методов утверждения истинности является ссылка на авторитеты – книги, институты, родители и т.п. Однако в истории немало примеров неблагоприятной роли авторитетов в торможении развития знания, например, в случае Джордано Бруно. В своей книге «Человек для самого себя» (1947) Э. Фромм, предупреждая об опасности слепого следования авторитетам, которые в случае авторитаризма порождают потребность в постоянном направлении с их стороны. В их качестве могут выступать теоретические построения, традиции, инструменты, схемы обоснования и т.п. Все они обладают как положительными сторонами (например, создают систему ориентиров и эталонов), так и отрицательными (сдерживают развитие нового, выходящего за рамки традиций, отрицают то, что не вписывается в систему их представлений и т. п.).

Не менее важным критерием истинности является эмпирическая достоверность – познания, основанные на наблюдении фактов объективной реальности. Однако и эмпиризм сталкивается с рядом проблем, например, с тем же соотношением априорности и апостериорности знания. К тому же наши органы чувств, в силу

ограниченности своих возможностей, не дают адекватного представления о внешней среде и в существенной степени ограничена эмоциями, социальным контекстом, жизненным опытом, мотивацией и т.д.

Еще одним критерием истинности выступает рационализм – утверждающий, что мышление обладает своими собственными внутренними организующими функциями, фильтрующими и перестраивающими информацию, поступающую от органов чувств, позволяющими активно формировать понятия, не представленные в чувственном опыте. Эмпирики и рационалисты видимо еще долго не сойдутся в мнениях. Своеобразный критерий истинности предлагает эстетизм, утверждающий принцип красоты для всех областей мышления. В числе сторонников эстетизма можно назвать психологов Дж. Уотсона (Watson) и Эд. Крика (Crick), физиков П. Дирака (Dirac) Н. Бора и др., придерживавшихся того мнения, что теоретик должен подумать и о красоте теоретических и практических выкладок.

Прагматизм в философии выдвигает в качестве критерия истинности утилитарность знания. Если теоретическое построение работает на конечный результат, можно смело говорить о его истинности. Однако даже сам В. Джемс – один из основателей прагматизма – признавал верность этого тезиса лишь в применении относительной истины, т.к. то, что является верным сегодня, может оказаться ложным завтра.

В истории философии и психологии имеются примеры и вовсе отрицания самой объективного знания – чистой воды скептицизм. Например, Рене Декарт утверждал, что есть только одна истина, в которой можно не сомневаться – это необходимость сомневаться во всем. Не следует, однако, представлять скептиков негативистами, скорее их позиция ориентирована на отрицание статичности и монополичности истины, на уяснение способности человека отличать знание от мнения о нем.

Вопрос: *Что есть истина?* – самый значимый из эпистемологических вопросов бытия. Им занимались мудрецы всех веков и всех поколений человечества. Видимо, логика доказательства анализируемого факта является критерием его истинности. Общей чертой большинства теорий истины (корреспондентной, когерентной, прагматической, дескриптивной и их вариаций) является, по И. Т. Касавину (1990, с. 65), трехзвенная структура, которая помогает уточнению истины (например, соответствие знания и реальности, мышления и ощущений, внутренняя согласованность знания и т.п.). Конечно, можно понимать истину как соответствие знания реальности, но как устанавливать это соответствие – вопрос довольно не простой.

Истина обладает множественными показателями: ложность или доказуемость (соотношение альтернативного истинному), когерентность (согласованность в системе знаний, включая отношение истинной теории к исследуемой), проективность (способность истинного знания к прогрессивному сдвигу проблем, расширению базисной теории), конструктивность (показатель существования и способ утверждения идеальных объектов), инвариантность (независимость от конкретной системы преобразований) и т. п.

Истину в разных концепциях можно рассматривать как непосредственно интуитивно (знание–знакомство у В. Рассел), как сопоставление предложений языка

объекта и метаязыка (А. Tarsky), теории и фактов (верификационизм, фальсификационизм, т.е. знания, основанные на том или ином истолковании практики). Короче, всякий раз соответствие знания реальности каждый раз устанавливается по-своему, что придает специфический смысл понятию истины. В качестве критерия истины всегда выступает некоторая норма, с помощью которой и определяется истинность знания. И все же соотношение всех этих концепций имеет место в рамках некоторой нормы (таблица 4).

В *корреспондентной теории истины* в качестве критерия выступает практика, однако она не всегда является универсальным основанием его оценки. Часто знание весьма далеко от своего практического применения, а иногда вообще не находит отражения в оценках истинности: имеется в виду конкретное знание и конкретная практика.

Таблица 4.

Основные концепции истины.

Название концепции	Сущность концепции	Критерий истинности
• Корреспондентная	Соответствие действительности	Практика
• Когерентная	Соответствие знанию, достоверность не вызывает сомнений	Логика
• Прагматическая	То, что приносит результат	Эффективность
• Феноменологическая	То, что имеется в наличии	Очевидность
• Доксическая	Соответствие общему мнению, консенсуальность	Правдоподобие
• Дескриптивная	Особый тип философской рефлексии результатов сравнения разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости	Рефлексивное самоопределение (позиционирование)

В *когерентной концепции истины* знания должны соответствовать определенным нормам их выведения, и в то же время в рамках этого подхода остается неясным, почему должна использоваться та, а не иная система норм и критериев.

В *прагматической концепции истины* в качестве ведущего критерия выступает утилитарный, т. е. истинно то, что приносит результат. А результат, как известно, явление временное: казавшееся результативным сегодня – завтра может оказаться тупиком.

В *дескриптивной концепции истины* процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии, описательного сравнения результатов разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием ограниченности познания и его бесконечности. Такая логика дескриптивного обоснования истинности знания на данной ступени развития человечества представляется наиболее приемлемой для развития идей диатропики и интегративной эклектики.

В какой степени знание может предшествовать жизненной практике? Многие исследователи считают, что знание порождается жизненной практикой: мы наблюдаем окружающий нас мир и на этой основе приходим к знанию о нем. Однако есть ли что-либо в нашей природе, что дает нам знания о мире до момента соприкосновения с ним? Философы отвечают на этот вопрос в основном положительно. Такого рода знание должно предполагать наличие механизмов мышления и восприятия. Например, очевидно, что дети обучаются языку не только посредством речи и слушания. Существует много подтверждений того, что они могут говорить, используя внутренне присущие им модели проверки того, что они слышат.

В какой степени наши знания могут быть познаны? Дискуссия по этому вопросу продолжается сотни лет. Исследователи, придерживающиеся точки зрения о познаваемости объективных знаний, признают, что здесь они пока не достигли полной истины. Релятивисты же считают, что объективное знание не достижимо в принципе, т.к. не существует такой универсальной реальности, которую можно познать до конца.

Посредством, каких процессов обретается знание? Можно выделить четыре позиции по сути данного вопроса. *Рационалисты* полагают, что знание возникает в восприятии. Мы переживаем, мир и в буквальном смысле видим, что происходит. *Прагматики* считают, что люди формируют знания из чисто прагматических соображений жизни. Люди проецируют себя на то, что они испытывают. *Конструктивисты* думают, что феномены окружающего мира можно продуктивно концептуализировать разными способами. Знание рождается из того, чем человек занимается в мире. Наконец, *социальные конструктивисты* утверждают, что знание является результатом символической интеракции в социальных группах, т.е. реальность конструируется как продукт групповой и культурной жизни.

Как лучше познается знание – целостно или по частям? Представители гештальт традиции считают, что истинное знание целостно и несводимо к составляющим его частям. Все феномены его в высокой степени взаимосвязаны и оперируют как системы. Аналитики же, придерживаются взгляда, что знание предполагает понимание обособленного функционирования частей.

В какой степени знание эксплицитно? Другими словами представлено ли оно в опыте? Одни считают невозможным познание того, что не представлено в

опыте. Другие считают, что большая часть знания является латентным, что оно оперирует на основе чувствительности к тому, что не осознается и что, следовательно, не может быть выражено. Такое знание определяется как тацитное (от латинского *tacit* – молчаливое, безмолвное). Третьи полагают вполне познаваемым то, что базируется на ощущениях.

Эпистемологические выводы, которых придерживаются исследователи, лежат в основе методологии научного исследования, *мировоззрений*. Применительно к области психологии последние можно свести к двум типам, определяемым Литтлджоном (Littlejohn, 1994, с. 32) как Мировоззрение I и Мировоззрение II.

Мировоззрение I основывается на идеях эмпиризма и рационализма. Она относится к реальности, как отличной от человеческого бытия, как к чему-то, открываемому людьми вне себя, как к реальности объективной, познаваемой, доступной подготовленному исследователю.

Для данной позиции важнейшей является категория открытия: мир ожидает постижения себя учеными. Мировоззрение I часто определяется как *приобретенный взгляд*. Важным аспектом его является объективность и точность определения операций, используемых в ходе наблюдения за изучаемыми событиями. В рамках этой традиции работает физическая наука, в рамках психологии – подходы, основывающиеся на позитивистской методологии.

Мировоззрение I стремится к установлению закономерностей исследуемых феноменов, вырабатывает обобщения, сохраняющие свою истинность во времени и в различных ситуациях, пытается выявить что представляет исследуемое явление и как оно функционирует. Для ученого с таким мировоззрением характерен высокий уровень аналитичности, строгости в определении каждого элемента и субэлемента изучаемого объекта.

Мировоззрение II, по сути конструктивизм, относится к миру вещей как процессу, а к людям – как активно участвующим в построении субъективной структуре знаний. Мир вещей существует вне индивида, но он обладает способностью их концептуализации многообразными способами, а в процессе взаимодействия между познающим и познаваемым возникает знание – результат открытия, таким образом приобретает изучение перцептивных и интерпретативных процессов.

Традиция Мировоззрения II не пытается открыть универсальные законы, она описывает его богатейший бытийный контекст, в котором живет и оперирует индивид, она интерпретирует индивида и стимулирует его.

В контексте рассмотрения психологического познания особый интерес представляет анализ эволюции пяти познавательных моделей, предложенных Ю.В. Чайковским (1993, с. 105–111).

Ю. В. Чайковский подчеркивает, что в каждую эпоху обычно господствует одна – две модели, образующие ядро познавательных средств эпохи, тогда как остальные составляют в это время периферию познания. Схоластическая модель рассматривает природу как божественную книгу; механическая – как машину; статистическая – как совокупность балансов; системная – как целостный живой организм, диатропическая – рассматривает природу и общество как совокупность уникальностей.

Возможно, для понимания развития научного познания данную типологию можно дополнить моделью синкретической, представляющей как бы исходную

точку в эволюции познания, когда знание представлено как синкретическое целое, без вычленения каких либо областей знания или прототипичных моделей. Происходит своеобразное нащупывание некоторых обобщений, тенденций, повторений без какого либо общеобразующего фундамента. Примером подобного рода познавательной модели может служить философия древнего мира, своеобразная прама-терь всех наук.

Диатропическая познавательная модель предполагает смещение акцентов в сторону рассмотрения природы и общества с позиций множественности, разнообразия, одновременного сосуществования иногда диаметрально противоположных, подходов к анализу явлений социального и физического мира, что дает возможность находить новые аспекты и грани, синтезировать и объединять их друг с другом, находить общее, выстраивать линию познания.

В рамках философии и методологии научного познания не менее важный аспект представляет онтология.

Онтологические основы.

Онтология является областью философии исследующей природу бытия или, более узко, природу феноменов, которые мы стремимся познать (Gergen, 1985). Фактически эпистемология и онтология неотделимы друг от друга, т.к. наше понимание знания отчасти зависит от наших же представлений о природе познаваемого. В психологии, и особенно в социальной, онтологический аспект в большей степени связан с природой человеческого существования. Все психологические подходы или парадигмы в явном или неявном виде базируются на достижениях в области познания человеческого бытия, онтологического аспекта реальной действительности.

Что есть реальность? Представлена ли реальность в сознании? Является ли человеческое сознание независимым от деятельности мозга? Существует одна реальность (монизм), две (дуализм), или множество реальностей (плюрализм)? Если есть две и более реальностей, как они сосуществуют друг с другом, как влияют они друг на друга? Является ли объектом исследований психолога активность сознания или таковым является социальное поведение, взаимодействие и т.п.? В какой степени человек обладает реальным выбором? Как лучше понимать человека – с позиций анализа его состояний или черт? Какие факторы являются доминирующими в человеческом существовании – индивидуальные или социальные? В какой степени контекстуализировано поведение личности? Ответы на эти и другие вопросы определяют исследовательскую позицию, принадлежность к той или иной психологической традиции, парадигме. Попробуем представить спектр возможных, зачастую альтернативных подходов современной психологии.

Что есть реальность и сколько реальностей существует? В логике монизма реальность во всей совокупности составляющих ее частей представляет собой единство, универсум. По замечанию М. Вертгеймера (Wertheimer, 1972), монизм приходит в двух основных и глубоко противостоящих формах. Подлинная ре-

альность понимается либо как физическая (материализм), либо как мыслимая (объективный идеализм). Две эти формы имеют радикально отличное значение в научной психологии. Для материалистов «мышление» сводится к простой активности мозга. Идеалисты считают, что мысль (идея Платона) являет собой фундамент всех наук. Переживания, сознание, осведомленность априорны по отношению к мозгу. Единственным доступным миром является мир переживаний. Материалистический подход к психологическим феноменам сегодня обладает большим влиянием, тем не менее, применительно к таким категориям, как «опыт», «осведомленность», «сознание» более продуктивным является использование идеалистического подхода.

В логике дуализма утверждается существование двух фундаментальных порядков, двух универсальных реальностей – физической и психической. Каждая из них обладает своим статусом – наряду с переживанием психической реальности, человек испытывает и влияние физической реальности. Как они существуют? Независимо одна от другой? Если они влияют одна на другую, то каким образом? В соответствии с *интеракционистским подходом* психическое влияет на физическое, и наоборот. При кажущейся приемлемости такого вывода возникает вопрос, как нематериальная психическая система может выступать в роли причиннообуславливающей в отношении физической и наоборот, и где находится локус этого взаимодействия? В *психофизиологическом параллелизме* утверждается тезис о независимом, параллельном сосуществовании двух реальностей. Центральной проблемой здесь выступает некий предустановленный, координирующий и синхронизирующий механизм, регулирующий взаимоотношения обеих реальностей. В *эмерджентизме* независимое сосуществование психического и физического признается лишь при том условии, что первое является продуктом второго, но продуктом, приобретающим иное качество. Особой разновидностью эмерджентизма выступает *эпифеноменализм*, рассматривающий психическое как бипродукт активности мозга, но продукт, обладающий причинной действенностью и независимым статусом. В отличие от эмерджентизма, претендующего на выход за рамки материализма, эпифеноменализм является разновидностью последнего.

Плюрализм утверждает, что мы живем в многомерности, включающей существование многих обособленных порядков вещей или реальностей. Он принимает существование физического и психического, но не признает, что они исчерпывают все возможности. Обсуждая проблему онтологического плюрализма Маккормак (MacCormac, 1990) утверждает, что понятия не всегда являются порождением только мозговой активности (с. 417); его причинные источники могут быть весьма разнообразны. Онтологический плюралист считает, что могут существовать фундаментально отличные типы осознания действительности, не подчиняющиеся известным правилам (Viney, 1994, с. 31). Плюралистический подход в последние годы завоевывает все большую популярность, но порождает и много проблем, главная из которых сосуществование этих реальностей друг с другом. Например, классиче-

ский дуалист пытается установить, как взаимовлияют дух и тело, классический теист сражается за проблему теодосии (отношения бога к миру; дословно, оправдание Бога, т.е. праведное всемогущество Бога в мире) и т.п.

Основной вариацией онтологического плюрализма является *атрибутивный плюрализм*. Он предметом своего рассмотрения делает анализ взаимоотношений между объектом и словом, используемым при описании объекта. Согласно этому подходу люди, как пользователи слов, имеют возможность атрибутирования объекту ряда качеств. Например, на вопрос о том, что представляет собой закат?: физик ответит по-своему, физиолог и психолог - по-своему, поэт привнесет свои нюансы, монист и плюралист, опять-таки выскажут суждения.

В какой степени человек обладает реальным выбором? Практически все исследователи сходятся в том, что человек обладает свободой выбора. Детерминисты, однако, утверждают, что его поведение детерминировано множеством предшествующих условий, люди в своем поведении и пассивны и реактивны. Прагматисты усматривают в человеке целенаправленный, планируемый характер поведения. Люди принимают решения, обладают активным бытием, влияют на свою собственную судьбу. Есть и другой подход, утверждающий, что человек обладает свободой выбора в ограниченном числе ситуаций, что некоторые типы поведения детерминированы, некоторые являются результатом свободной воли.

Как лучше понимать человека - с позиций анализа его состояний или черт? Широкий спектр походов к данному вопросу предложен J. R. Andersen (1986) и L. Pervin (1990), которые утверждают, что характер человека динамичен проходя через множество состояний на протяжении дня, года, всей жизни. Меняются сами, меняется образ мышления. Сторонники, скажем, доминантного подхода того положения, что в человеке какие-то черты главенствуют, доминируют, придерживаются позиции предсказуемости поведения людей, т.е. что люди в большей своей части все же статичны. Есть сторонники синтетического подхода, полагающего значимость, как состояний, так и черт характера по отношению к поведению.

Какие факторы являются доминирующими в человеческом существовании – индивидуальные или социальные? Многие психологи придерживаются персонцентрического, или индивидуального подхода, к человеку. Признавая тот факт, что люди не могут быть изолированы друг от друга и что категория взаимодействия является важной для понимания специфики человеческого поведения, они объясняют его прежде всего личностными детерминантами, атрибутами. В качестве единицы анализа поведения для этих исследователей выступает индивидуальная человеческая жизнь. Другие придерживаются приоритета социальной жизни как единицы анализа: человека можно понять только во взаимоотношении с другими людьми, группами, культурами. Этот подход особенно характерен для интеракционистской традиции в психологии.

В какой степени контекстуализировано человеческое поведение, т.е. регулируется ли оно некими универсальными принципами или исключительно ситуационными факторами? Одни считают, что человеческая жизнедеятельность опреде-

ляется универсальными факторами; другие – что поведение в высокой степени контекстуализировано и какие-либо обобщения вне конкретной ситуации сделать довольно трудно. Представители синтетического подхода придерживаются значимости как личностных, так и ситуативных факторов. Применительно к социальной психологии водораздел по данному вопросу проходит между бихевиористами и когнитивистами, интеракционистами и т. д. Так же присутствует и объединительная традиция, подчеркивающая значимость как ситуативных, так и личностных детерминант взаимодействия.

Такая многоаспектность человеческого поведения, рассматриваемая через призму эпистемологического и онтологического аспектов, демонстрирует различные возможности реализации того или иного построения в рамках конкретного психологического вмешательства, а следовательно напрямую связано с аксиологическим или этическим аспектами.

Аксиологические основы.

Аксиология представляет собой область философии, изучающую ценности. В сфере психологического знания для нее актуальны следующие вопросы:

Обладает ли исследователь свободой воли? Безусловно! Классическая наука придерживается точки зрения, что исследователи нейтральны в своих попытках получения фактов, такими как они представлены в реальном мире. Если ценности исследователя начинают сказываться на результатах его работы, то имеет место несовершенная наука, не обладающая объективной методологией исследования. Свобода воли означает свободу выбора исследователя, но подчиняется таким метакценностям, как истина, объективность, ценность науки как таковой. Другие утверждают, что наука не обладает свободой воли в принципе, т.к. исследовательский поиск направляются интересами ученого как члена научного сообщества в проведении определенного рода исследований.

С другой стороны, вполне понятно что исследование никогда не может обладать свободой воли ни в методе ни по существу. Исследователь выбирает то, что он будет изучать, но этот его выбор уже детерминирован как личностными, так и институциональными ценностями. На выборе волею или не волею сказывается влияние правительства, учреждения, финансирующего исследования, политика, идеология, культура и т.п.

В какой мере процесс проведения исследования воздействует на полученные результаты? Традиционно признается, что наблюдения ученого точны и объективны, во всяком случае должны быть таковыми независимо от результатов, к которым они приводят. Критики выражают сомнения в верности подобного утверждения. С их точки зрения, наблюдение по самой своей природе искажает наблюдаемый объект. В одном случае это искажение велико в другом нет, но оно всегда присутствует.

Знание само по себе влияет на ход человеческой жизни и заметно – на самого человека. Иллюстрацией сказанному является происшедшая ценностная переоценка у многих ученых – ядерщиков после применения атомной бомбы в Хиросиме и Нагасаки.

В какой мере исследователь должен добиваться позитивных социальных изменений? Многие считают, что миссия ученого в продуцировании знаний, а дальше уже дело техников и политиков. Другие в корне не согласны с таким подходом: ученый должен всячески стремиться к позитивным изменениям в жизни.

В плане аксиологии правомерно обсуждать и такие вопросы: обладает ли человеческое бытие имплицитной моралью (т.е. какие мы от рождения – хорошие, плохие, нейтральные?). Что составляет адекватное объяснение? Какие формы анализа наиболее пригодны к психологическим феноменам? Эти и другие вопросы можно обсуждать и обсуждать. Диатропическое многообразие дает возможность схватывать множество оттенков социальной реальности, и в частности, психологических феноменов.

Глоссарий

Аксиология – область философии изучающая ценности. Аксиологический аспект познания связан, прежде всего, с обсуждением роли этических принципов в научном познании. В его рамках обсуждается вопрос имеет ли право ученый вмешиваться в жизнь, не имея исчерпывающего представления о возможных последствиях такого рода вмешательства.

Априорность – означает предшествующее знанию. Примером априорного знания является утверждение типа - мы не можем существовать и не существовать одновременно. Применительно к психологическому познанию априорность означает наличие своеобразного предзнания, например, структур зрения, определяющих предметность восприятия, без которых человек просто не в состоянии различать отдельные предметы.

Апостериорность – означает постигаемое знание. В современном значении, со времен Канта, апостериорность определяется как знание, основывающееся на эмпирическом опыте. Применительно к психологическому познанию примером такого знания является научение.

Диатропика – учение о многообразии. Диатропическая познавательная модель, предполагает смещение акцентов в сторону рассмотрения природы и общества с позиций множественности, разнообразия, одновременного сосуществования многих, иногда диаметрально противоположных, подходов к изучению и рассмотрению явлений социального и физического мира, предоставляющих возможность многозначности трактовок, способствующих нахождению новых, зачастую недоступных какому-либо одному подходу, аспектов и граней, их синтезу и объединению друг с другом.

Дуализм – философская доктрина, утверждающая существование двух фундаментальных порядков, универсальных реальностей – физической и психической. Каждая из этих реальностей обладает своим статусом – наряду с переживанием психической реальности, человек испытывает и

влияние физической реальности. Дуализм в психологии выражается в соотношении физического и психического, биологического и социального.

Когерентность – согласованность высказываний системы или систем знания, включая отношение истинной теории к исследуемой.

Конструктивизм – устанавливает то, что люди формируют знания для прагматического функционирования в жизни, они как бы проецируют себя в то, что испытывают. Конструктивисты считают, что феномены окружающего мира могут быть продуктивно концептуализированы многими способами. Знание представляет то, что человек делает в мире. Наконец, еще более решительный шаг предпринимают социальные конструктивисты, утверждающие, что знание является результатом символической интеракции в социальных группах.

Монизм – философская доктрина утверждающая, что реальность во всей совокупности составляющих ее частей представляет собой единство. Все принадлежит всему остальному – представляет универсум. Монизм приходит в двух основных и глубоко противостоящих формах. Подлинная реальность понимается либо как физическая (взгляд, определяемый как материализм), либо как мысленная (взгляд, определяемый как идеализм). Две эти формы имеют радикально отличное значение в научной психологии. Для материалистов «мышление» сводится к активности мозга. Идеалисты считают, что умственное являет собой фундамент всех наук. Переживания, сознание, осведомленность априорны по отношению к мозгу. Единственным доступным миром является мир переживаний.

Онтология – область философии исследующая природу бытия или более узко природу феноменов, которые мы стремимся познать. Фактически онтология неотделима от эпистемологии, т.к. наше понимание знания и познания отчасти зависит от наших же представлений о природе познаваемого. В психологии, и особенно в социальной, онтологический аспект в большей степени связан с природой человеческого существования.

Плюрализм – философская доктрина, утверждающая, что мы живем в многомерности, включающей существование многих обособленных порядков вещей или реальностей. В психологии плюрализм проявляется в существовании разных (зачастую альтернативных друг другу) традиций, по разному трактующих одни и те же феномены и явления.

Рационализм – доктрина, провозглашающая априорность обоснований или внутренне присущих идей. Рационалисты утверждают, что мышление обладает своими внутренними организующими принципами, фильтрующими и перестраивающими информацию, поступающую от органов чувств, активность мышления, его способность формировать понятия не представленные в чувственном опыте.

Тацитность знания (*tacit* – безмолвность) – философская доктрина, утверждающая, что большая часть знания является скрытым, что оно оперирует на основе чувствительности к тому, что не осознается и не может быть выражено.

Теория социально-психологическая – совокупность связанных понятий и предположений о социальном взаимодействии между людьми; индивидуальных процессах в ситуации социального стимулирования; взаимоотношения между индивидами и социальной структурой.

Фальсифицируемость – установления ложности положения, альтернативного истинному. В соответствии с рассуждениями Поппера знание, не фальсифицируемое не может признаваться истинным, т.к. оно как не доказуемо, так и не опровергаемо. Примерами такого рода знаний Поппер определял марксизм и психоанализ.

Эмпиризм – доминировавшая в естествознании на протяжении многих десятилетий доктрина, провозглашающая единственным основанием знания факты, основанные на наблюдении и представляющие объективную реальность.

Эпистемология -- сам термин происходит от греческого *episteme*, обозначающего понимание или знание. В философии под ним понимается область знания, занимающуюся изучением познания. Эпистемологи пытаются найти ответы на вопрос о том, как люди приходят к выводу о том, что они знают.

Вопросы для обсуждения

1. В чем необходимость теоретического доказательства в социальной психологии?
2. Охарактеризуйте основные функции теории?
3. Что означают понятия «валидности» и «надежности» по отношению к теоретическому доказательству?
4. Что означает понятие «парадигма»? Какие особенности присущи процессу изменения и развития парадигм?
5. Что подразумевается под эпистемологическими основаниями научного познания? Какие вопросы рассматриваются в области эпистемологии и в чем сложность нахождения однозначных решений по ним?
6. Что подразумевается под онтологическими основаниями научного познания? Какие вопросы рассматриваются в области онтологии и в чем сложность нахождения однозначных решений по ним?
7. Что изучается в области аксиологии? Какие вопросы рассматриваются в области аксиологии и в чем сложность нахождения однозначных решений по ним?

Для дополнительного чтения

1. Аллаhverдян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998.
2. Левин К. Конфликт между Аристотелевским и Галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии (10–ые – 30–ые годы. Период открытого кризиса): Тексты. – М.: ИЗД-ВО МГУ, 1992. – 364 с. – С. 47–78.
3. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
4. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. Т. 1, 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996.

5. Юревич А.В. Социальная психология науки. – СПб: Изд-во РХГИ, 2001.
 6. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб: ИГУП, 1999.
-

Основной источник

Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

МНОГООБРАЗИЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ КООРДИНАТ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Существующее в современной социальной психологии многообразие подходов, часто придерживающихся диаметрально противоположных методологических позиций в отношении тех или иных явлений, ставит перед заинтересованным читателем несколько проблем: 1) В чем причина этого многообразия? 2) Почему при, казалось бы, обоснованной аргументации верности той или иной позиции она не становится общепризнанной и единственно верной? 3) Почему в разных традициях используются разные исследовательские инструменты и способы теоретического доказательства? 4) Почему существуют разногласия между традициями? Эти и множество других вопросов стимулируют поиски ответов на них, предполагая не просто отсылку к соответствующим аргументам и фактам, по-разному воспринимающимся оппонировавшими сторонами, но и объяснений, понятных участникам диалога, и взаимоприемлемых решений.

Такого рода диалог может стать продуктивным при четком определении предмета разногласий и спектра позиций. Наиболее продуктивным в данном вопросе является понятие парадигмы, широко используемой в методологии науки.

Понятие парадигмы и его психологическая специфика

Использование понятия парадигмы представляется целесообразным прежде всего в контексте обоснования интегративной эклектики, по соображениям его применения в научной литературе, определения параллельных, многомерных тенденций в рамках различных психологических традиций.

Понятие парадигмы ассоциируется в философии науки с работой Т. Куна «Структура научных революций» (1970), в которой он утверждает, что определенные научные работы, такие, как «Принципы, или Новая система философии химии Джона Гальтона», представляют законченную систему: ряд понятий, результатов и процедур, предоставляющих возможность структурирования последующих работ

(Blackburn, 1996, с. 276). Нормальная наука исходит из такого рода построений или парадигм, включающих ряд фундаментальных принципов и предположений, понятийный и инструментальный аппарат, принятый в научном сообществе. В психологическом контексте под парадигмой обычно понимается «коллективно установленный ряд аттитудов, ценностей, процедур, техник и т.п., формирующих общепризнанное направление в рамках определенной научной дисциплины в конкретный период времени» (Reber, 1995, с. 534). Одни из парадигм обладают общесоциологической природой и охватывают широкие пласты знания, другие направляют исследовательское мышление в весьма специфические ограниченные области знания.

Парадигма столь же существенна для науки, как и наблюдение, она определяет мировоззрение исследователя, ориентирует его в проблемной области, вооружает понятийным и инструментальным аппаратом, предоставляет возможность диалога с научным сообществом по существу. Парадигмы выполняют не только познавательную, но и нормативную функцию – в дополнение к тому, что они являются утверждениями о природе реальности, они устанавливают допустимые методы и набор стандартных решений. Под воздействием парадигмы все основания в какой-то отдельной области подвергаются коренному переопределению. Одни проблемы и решения, представлявшиеся ранее ключевыми, могут быть объявлены несообразными или ненаучными, другие – отнесены к иной проблемной области.

Новая, радикальная теория никогда не будет, по мнению Куна, приращением к существующим знаниям, она меняет основные правила, требует решительного пересмотра фундаментальных допущений прежней теории, проводит переоценку существующих фактов и наблюдений. Сегодня как в естествознании и философии, так и в психологии, в частности, формируются предпосылки новой научной революции, ставящей под сомнение одномерную логику развития Куна. В данном контексте мы вполне согласны с аргументацией П. Фейрабенда, подвергающего сомнению доводы Куна в отношении нормальной науки: «Кун не только признает, что множественность теорий изменяет стиль аргументации, он также приписывает этой множественности определенную функцию, признает, что опровержения без альтернатив невозможны, подробно описывает, каким образом альтернативы увеличивают значение аномалий и тем самым подготавливают научные революции» (1986, с. 122).

Сам Кун относил область социальных наук и социальную психологию к предпарадигмальным в силу отсутствия у различных традиций единого смыслово-понятийно-инструментального поля. Однако впоследствии он выделил два основных компонента парадигмы: частные случаи (exemplars) и «дисциплинарные матрицы» (disciplinary matrices). Последние представляют собой решение конкретных задач, оформленное в понятиях и принимаемое группой работников данной научной дисциплины в качестве символического обобщения ее проблем. Дисциплинарная матрица – это общие представления в данной профессиональной области, содержащие символические обобщения, модели и примеры (1970, с. 463). Как пере-

фразирует это Suppe, дисциплинарная матрица содержит все общие элементы, которые необходимы для относительной полноты профессиональной коммуникации и для анонимности профессионального суждения» (Suppe, 1974, с. 495).

Х. Айзенк (1993, с. 10) адаптирует понятие парадигмы применительно к психологии, определяя ее как «теоретическую модель, разделяемую большинством работников в данной области, включающую согласованные методы исследования, принятые нормы доказательства, опровержения и процедуры экспериментальной проверки». Учитывая, что Х. Айзенк является последовательным представителем экспериментальной парадигмы, которая не является единственной в многообразии психологического знания, считаем нецелесообразным включение в рабочее определение парадигмы понятия «экспериментальная проверка». Это обусловлено тем, что лишь незначительную часть феноменологии социального бытия личности и ее окружения можно проверить экспериментально. Более того, экспериментирование в социальной психологии и персонологии с неизбежностью приводит к препарированию, дискретизации и статизации живого человеческого бытия.

Мы будем исходить из следующего определения, согласно которому *парадигма есть коллективно сформированное на основании конкретных метатеоретических и онтолого-эпистемологических оснований научное психологическое мировоззрение в отношении изучаемой феноменологии, признаваемое и разделяемое психологическим сообществом на протяжении относительно продолжительного временного периода, включающее согласованный ряд основоположений в отношении описания и объяснения исследуемой феноменологии, способов и критериев доказательства научности получаемого знания, его верификации, методов и процедур исследования*. Это определение является наиболее пригодным для укоренившихся в психологии традиций, имеющих оригинальный подход к актуальной для современной социальной психологии проблематике, поскольку оно, во-первых, включает элемент онтолого-эпистемологической детерминированности психологического мировоззрения, определяющей специфику объекта, предмета и метода исследования, логику описания и объяснения полученного знания; во-вторых, оно включает элемент конституирования мировым психологическим сообществом и временной привязки к конкретной культурно-исторической ситуации, определяющей общекультурные метафоры и аналогии, привлекаемые исследователем к теоретической интерпретации; в-третьих, согласованный ряд основоположений, выступающих в качестве аксиом и постулатов выведения теоретического знания и обоснования его последовательности и доказательности; в-четвертых, способы верификации полученного знания в контексте соотнесения полученного знания с фрагментом исследуемой реальности и ее репрезентантами; в-пятых, метод исследования, во многом определяющий характер получаемой информации и ее интерпретацию.

Одни из парадигм обладают общефилософской природой и охватывают широкие пласты знания, другие направляют исследовательское мышление в весьма специфических, ограниченных областях знания. Психологические парадигмы как бы определяют своеобразный тип психологической ментальности, сложившийся в

рамках конкретного научного сообщества, объединенного под эгидой соответствующей методологической или теоретической традиции, школы и т.п. Они детерминируют методологию и технику исследования, тип описания, характер интерпретации психологической феноменологии.

Парадигма столь же важна для науки, как и наблюдение, она определяет мировоззрение исследователя, ориентирует его в проблемной области, обеспечивает понятийный и инструментальный аппарат, предоставляет возможность диалога с научным сообществом по существу данной проблемы. Парадигмы выполняют не только познавательную, но и нормативную функцию – будучи утверждениями о природе реальности, они определяют проблемное поле, устанавливают допустимые методы и набор стандартных решений.

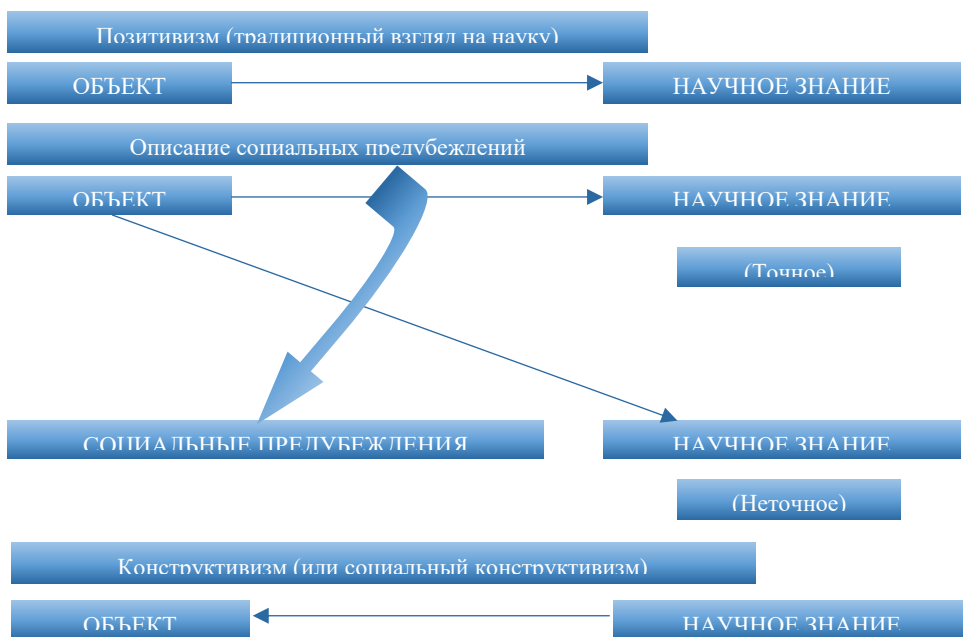
Сложность выбора парадигмы обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, а во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах – следованием обязательным нормативам научности или выходом за их рамки в целях приближения к реальной жизни, что наиболее рельефно прослеживается в известном антагонизме между статистическими и клиническими методами исследования.

Разноуровневость парадигм, сформировавшихся в психологическом знании, ставит проблему их иерархизации. Одна из таких иерархий, построенная по критерию общих типов когнитивных схем, предложена А. В. Юревичем (1999), выделяющим метатеорию, парадигмы, социодигмы и метадигмы. С нашей точки зрения, применительно к различным традициям и подходам, сформировавшимся в психологическом знании, оправданной является двухзвенная иерархия – метапарадигм и парадигм. К первым отнесем глобальные системы парадигмальных координат, приближающиеся к теориям познания и охватывающие различные традиции и подходы на общеметодологическом уровне, ко вторым – более частные, содержащие интегрированную сумму представлений по наиболее фундаментальным категориям.

В общем плане – на уровне метапарадигм – можно выделить позитивистски-ориентированную систему парадигмальных координат (признающую в принципе возможность получения объективного знания; подход социальных предубеждений (или критический), в целом придерживающийся позитивистских постулатов, но признающий существование научных предубеждений, требующих разработки особых инструментов их снижения) и социально-конструктивистскую систему (исходящую из посылки о принципиальной невозможности получения объективного знания, т.е. о социальной конструируемости окружающего мира). Отличительные особенности перечисленных парадигм представлены на схеме 3 (приводится по: Pidgeon, Henwood, 1998, с. 248).

Схема 3.

Метапарадигмы психологического

Глобальный характер метапарадигм проявляется в том, что они пронизывают разные системы парадигмальных координат, определяя отношение к объекту научного знания, к способу познания и методу исследования. Определяющий характер метапарадигм по отношению к развитию психологического познания проявляется в том, что зафиксированные в них нормы и эталоны интериоризируются исследователями и на протяжении достаточно длительного периода выступают в роли абсолютных истин, направляющих характер исследовательской деятельности и отношение к альтернативным способам познания и объяснения, часто выражающееся в конфронтационном неприятии. При этом сам объект – социальное бытие личности и ее окружение – превращается в препарированный объект науки, лишенный многообразия жизненных проявлений. Верификация этого объекта осуществляется не с его реальными проявлениями, которые не вписываются в жесткие рамки позитивистской схемы, с его абстрактными репрезентациями.

Приверженность научной позитивистской ортодоксии связана со слишком дорогой платой – потерей целостности понимания. Прогрессирующее дробление предмета исследования ведет к узкой специализации и в результате – к утрате контекста. Сущность социально-психологической феноменологии, наоборот, требует умения восстанавливать этот контекст, более того, включать его в работу, буквально «держат под рукой». В противном случае ускользает само качество психического. В естественнонаучной логике идеалом является умение предсказать некое явление, основываясь на законе, которому оно подчиняется. Стремление предсказывать неизбежно сдвигает исследователя к изучению следствий из этой сущности, более поверхностных ее проявлений.

В контексте обсуждаемого метапарадигмального многообразия А. Р. Вочнер вводит представление о трех уровнях научной методологии в социальных науках, в частности, в психологии, как соответствующих трем целям науки. Развернутая расшифровка приводится в таблице 5.

Таблица 5.

Схема уровней научной методологии

Перспектива	Эмпирицизм	Герменевтика	Критицизм
Цели	Предсказание и контроль	Интерпретация и понимание	Критичность и социальные изменения
Взгляд на феномены	Факты (внеисторические)	Смыслы (контекстуальные)	Ценности (исторические)
Функции	Подвести под закон	Поместить в объяснимые рамки	Просвещение и эмансипация
Каким образом производятся знания	Объективирование (зеркальное)	Путем наставлений (бесед)	Рефлексия (критическое оценивание)
На основании чего выносятся суждения об истинности	Фальсификация (Поппер)	Экспертное подтверждение (Рикер)	Свободный консенсус (Хабермас)

Приводится по Vochner A. P., 1985, с. 39

Естественнонаучный уровень методологии здесь обозначен как эмпирицизм. Наиболее подходящей для социальных наук парадигмой на данном историческом этапе, по мнению Бохнера, является герменевтика. Представляя скорее некую эклектику способов научного мышления, Бохнер не заботится о выстраивании единой логики, обосновывая тезис о том, что ни один из них не может претендовать на статус безотносительно предпочтительного. Предпочтение герменевтике предполагает, на наш взгляд, ряд оговорок. Безусловно, она способствует «оживлению» психологической науки за счет включения интерпретационных процессов, имеющих место во внутреннем мире реального человека, одновременно помогая освободиться от элементов субъективизма. Но не следует, во-первых, впадать из одной крайности в другую – на поиски «нового универсального» подхода, а во-вторых – отказываться полностью от достижений «объективной» психологии с ее скрупулезно разработанной процедурой эксперимента и наблюдения. Более корректным будет включение в анализ психологической феноменологии элементов герменевтики.

М. S. Poole и R. D. McPhee предложили классификацию способов объяснения и понимания психологической феноменологии на конвенциональные и диалектические, выводимые из ряда допущений о характере зависимости между исследователем и объектом исследования, предлагаемых формах объяснения и критериев их оценки; предположений о дальнейших ориентирах исследований.

Каузальный способ объяснения психологической феноменологии исходит из допущения о том, что исследователь является независимым наблюдателем изучаемых феноменов. Причинное объяснение предоставляет ему преимущественно в отношении определения конструктов, выделения причинных связей, проверки причинных гипотез. В перспективе исследователь должен адекватно описать изучаемый им объект. Конвенциональное – из положения о независимости исследователя от объекта изучения. Вместе с тем допускается, что мир есть социальный продукт, а человек в нем выступает в качестве его создателя или исходной точки этого мировоззрения. Объяснение состоит в демонстрации того, как испытуемые приравнивают свое поведение к соответствующим условиям: нормам, правилам, алгоритмам. В качестве результата уже нет необходимости в установлении причинности и обобщенности, достаточным считается подведение наблюдаемых феноменов под одну из уже известных объяснительных или поведенческих схем, которые могут быть проверены:

а) модельно – сопоставлением поведения, которое из них следует, с реальным поведением людей;

б) практически – проверкой того, действительно ли по ним может действовать обученный со стороны человек;

в) экспертно – прямым опросом испытуемых, имеют ли место выделенные правила или схемы.

Диалектический способ объяснения, как и конвенциональный, исходит из допущения, что объекты изучения заданы социально. При этом исследователь не считает себя независимым от исследуемой реальности, как при каузальном подходе, а рассматривает научное исследование как опосредованное его и испытуемого взглядами, не предоставляя преимуществ ни одному из них. Диалектическое объяснение комбинирует аспекты причинности и условности.

Таким образом, каузальный подход фокусируется на объективных силах, конвенциональный – на субъективности (или межсубъектности), диалектический – на обусловленности субъективности (или межсубъектности).

В советской психологии Г. А. Ковалев (1987, с. 9) предложил следующие виды парадигм:

1. *Объектная, или реактивная, парадигма*, в соответствии с которой психика и человек в целом рассматриваются как пассивный объект воздействия внешних условий и продукт этих условий.
2. *Субъектная, или акциональная, парадигма*, основанная на утверждении об активности и индивидуальной избирательности психического отражения внешних воздействий, где субъект, скорее сам оказывает преобразующее воздействие на поступающую к нему извне психологическую информацию.

3. *Субъект-субъектная, или диалогическая, парадигма*, где психика выступает в качестве открытой и находящейся в постоянном взаимодействии системы, которая обладает внутренним и внешним контурами регулирования.

Психика в этом случае рассматривается как многомерное и «интерсубъектное» по своей природе образование.

Эти виды парадигм соотносятся, по замыслу автора, с типами научной абстракции на уровнях общего (объектная), особенного (субъектная), единичного (диалогическая). Теоретические объяснения формулируются в виде законов, правил или гипотез.

Е. Л. Доценко обнаруживает несколько оснований, по которым можно ориентироваться в выборе метода исследования:

Отношение к феноменам – то, к какому классу относит их исследователь: к фактам, результату истолкования реальности, вневременным смыслам, преходящим или устойчивым ценностям и т. д.

Цели, на которые ориентируется исследователь, – для чего будут использованы полученные знания: для объяснения, предсказания и контроля, истолкования и понимания, для оценки и внесения изменений в изучаемую реальность.

Характер знаний, которые исследователь намерен получить, – всеобщие законы, частные закономерности, ограниченные объяснительные схемы, едва намечаемые тенденции или единичные уникальные сведения.

Способ установления истинности знаний – аппаратная (внесубъектная) проверка, тщательное планирование экспериментов, экспертные суждения, личное участие, непосредственное переживание соответствующего опыта и пр.

Исходные допущения (представления, верования, убеждения) о том, как этот мир устроен, т. е. мировоззренческие установки исследователя. Они представляют результат его философских предпочтений, базовые положения которых нередко носят аксиоматический характер и основаны на редко рефлекслируемых верованиях (1997, с. 21–22).

Несколько отличается подход А. В. Юревича, считающего, что «главный водораздел между различными метадиagramмами состоит в том, что они опираются на разные типы рациональности, которых, по мнению А. Кромби, человечество выработало не менее шести» (1999, с. 6). По его оценкам, психология, «оказавшись в наиболее “горячей точке” взаимодействия различных метадиagramм, испытывает на себе их противоречивое влияние, которое отображается в ее внутренних противоречиях, воспринимаемых как кризис психологического знания и традиционных способов его получения. Ее кризис носит системный характер: 1) общий кризис рационализма; 2) функциональный кризис науки; 3) кризис естественнонаучности и традиционной – позитивистской – модели получения знания. Все три составляющие имеют социальные корни; кризис психологии как кризис психологического знания и способов его получения обусловлен преимущественно социальными причинами; это кризис не столько самой психологической науки, сколько системы ее взаимоотношений с обществом, а потому может разрешиться только социальным путем» (там же, с. 8).

Соглашаясь с высказанной оценкой в целом, следует отметить, что кризис психологической науки является для нее перманентным и выход из него видится в

поиске путей в системе взаимоотношений с обществом, аккумуляции общекультурных метафор, продуктивного диалога между представителями альтернативных подходов к анализу и интерпретации психологической феноменологии.

Приведенный выше анализ метапарадигмальных координат психологического знания позволяет констатировать наличие триады, каждый из элементов которой имеет свою уникальность в мировоззренческом и инструментальном аспектах. Сосуществование этих метапарадигм становится возможным на интегративно-эклетическом основании, предполагающем нахождение путей и средств продуктивного межпарадигмального диалога, направленного на углубление понимания сущности социального бытия личности и ее окружения.

Оценочные критерии соотнесения психологических парадигм

В общеметодологическом плане исчерпывающий анализ характеристик «добротной научной теории» предложен Т. Куном: «Во-первых, теория должна быть точной: следствия, дедуцированные из теории, должны обнаруживать согласие с результатами существующих экспериментов и наблюдений. Во-вторых, теория должна быть непротиворечива, причем не только внутренне или сама с собой, но также с другими принятыми теориями, применяемыми к близким областям природы. В-третьих, теория должна иметь широкую область применения, следствия теории должны распространяться далеко за пределы тех частных наблюдений, законов и подтеорий, на которые ее объяснение первоначально было ориентировано. В-четвертых (это тесно связано с предыдущим), теория должна быть простой, вносить порядок в явления, которые в ее отсутствие были бы изолированы друг от друга и составляли бы спутанную совокупность. В-пятых, это менее стандартная, но весьма важная для реальных научных решений характеристика – теория должна быть плодотворной, открывающей новые горизонты исследования; она должна раскрывать новые явления и соотношения, ранее остававшиеся незамеченными среди уже известных» (1996, с. 62).

Более пестрая картина подходов к проблеме определения критериев научности теории представлена в психологическом знании. Л. Хьелл и Д. Зиглер ставят ряд фундаментальных вопросов в отношении многообразия теоретических подходов, представленных в персонологии: как при наличии огромного количества альтернативных теорий оценивать достоинства каждой из них? Как, не затрагивая вопроса об их объяснительной и прогностической функции, решать, благодаря чему одна теория лучше другой? (1997, с. 35).

Долгие дебаты научного психологического сообщества завершились достижением временного согласия в отношении следующих шести оценочных критериев:

- верифицируемость, характеризующая открытость положений для проверки, осуществляемой независимыми исследователями;
- эвристическая ценность, отражающая способность теории стимулировать ученых проводить дальнейшие исследования;

- внутренняя согласованность, предполагающая свободу теории от внутренних противоречий;
- экономность, предполагающая предпочтительность более простых и четких объяснений;
- широта охвата, проявляющаяся в широте и разнообразии охватываемых феноменов;
- функциональная значимость, отражающая способность теории оказывать помощь в решении проблем повседневного поведения людей» (там же, с. 35–39).

К. Герген (Gergen) предлагает дополнить данную систему критериев критерием полноты, характеризующим способность теории объяснять как можно больше проявлений изучаемого феноменального поля (1997, с. 109).

Однако данная система оценочных критериев, даже с учетом возможных дополнений и усовершенствований, носит все тот же номотетический характер, не позволяя выявить уникальное своеобразие той или иной теоретической традиции, разобраться в конкретных деталях ее своеобразия и возможностей. Эта абстрактность послужила основанием для разработки альтернативных критериальных оснований.

К. Холл и Г. Линдсей предлагают в качестве оценочных критериев теорий ряд параметров: цель; бессознательные детерминанты; подкрепление; смежность; формальный анализ; структура личности; наследственность; ранний опыт; последовательность развития; организмичность; половой подход; уникальность; молярные единицы; механизмы гомеостаза; психологическая среда; Я-концепция; детерминанты группового членства; междисциплинарный подход; множественность мотивов; сложность механизмов; идеальная личность; аномальное поведение (1997, с. 673). Наиболее уязвимым звеном подобного параметрического подхода являются потенциальная бесконечность параметров и отсутствие гарантии их представленности в соотносимых теоретических подходах.

W. Mischel выделяет ряд других оценочных критериев: основные единицы; поведенческие проявления; причины поведения; пользующиеся преимуществом данные; наблюдаемые проявления поведенческих реакций; фокусы исследования; подходы к изменению; роль ситуации (1993, с. 561).

D.P. McAdams предлагает в качестве оценочных критериальных оснований – основные цели изучения; основоположения; предпочитаемые методы исследования; репрезентативность (1994, с. 28).

Не менее разноречивая картина представлена и в рамках отношении социально-психолого-теоретических подходов. Одной из самых удачных, по нашему мнению, является система оценочных критериев соотнесения теорий, предложенная R. Sapsford с соавторами (1998). Они предлагает десять измерений сопоставления и сравнения различных традиций и теорий:

- основоположения;
- понятия (концепты);
- приоритеты в описании и объяснении;
- типы объяснения;
- отчетливость в дифференцированности и проверяемости,
- методологические основания;

- фокусы и диапазон пригодности;
- «внешняя» или «внутренняя» перспектива;
- уровень анализа;
- формальность предъявления (там же, с. 46).

Аргументируя предложенную схему, Sapsford показывает, что любая традиция или теория представляет ряд основоположений, т. е. путей подхода и рассмотрения предмета, рассматриваемых теоретиком как допустимых. Они выступают в качестве фундаментальных оснований теории, отражают специфику занимаемой автором позиции, без уточнения которых невозможно понимание сути приложения теории.

Проведенный анализ различных оценочно критериальных сопоставительных измерений теорий позволяет сформулировать собственную систему, включающую следующие параметры: метатеоретические основания (картина мира, стиль мышления, идеалы и нормы); основоположения; базовые категории; ведущие методы изучения; приоритеты в описании и объяснении; дифференцируемость; прагматизм; верифицируемость и фальсифицируемость; удобство и экономичность; перспектива (внешняя – внутренняя); эвристический потенциал; уровни анализа; типы объяснения и интерпретации; возможности; ограничения.

Критерий *метатеоретических оснований*, характеризующий картину мира, стиль мышления, идеалы и нормы теоретика, позволяет определиться в исходной системе его парадигмальных координат, задающих рамки, методологию исследования и характер интерпретации полученных результатов. Значимость этого критерия определяется тем, что он позволяет дифференцировать основополагающие черты методологических метаустановок, направляющих последующие рассуждения теоретика, особенности онтолого-эпистемологических оснований, предпочитаемого способа теоретизирования и верификации полученного.

Непосредственно примыкающим к метатеоретическим измерениям выступают *основоположения*. Они отражают исходную систему теоретических воззрений, постулатов, в качестве отправной точки рассуждений теоретика, определяя его позицию как в отношении предполагаемой схемы объяснения изучаемого явления, так и предпочитаемого способа доказательства адекватности (объективности) полученных результатов и их интерпретации. Одним из путей рассмотрения специфики той или иной теоретической традиции является «определение основополагающей модели личности» (Stevens, Wetherell, 1996, с. 48). J. S. Chafetz утверждает, что, если в области знания присутствует одна или несколько парадигм, требуется определение того, что должно изучаться, какие вопросы должны ставиться и какие правила использоваться для интерпретации полученных результатов (1978, с. 97).

Базовые категории создают возможность прояснения характера представлений исследователя об изучаемом феномене, фиксировать отличия избранного категориального аппарата от других, используемых в отношении той же феноменологии. Категориальные различия, в случае их кардинальности, служат свидетельством проблемности данной исследовательской области и ее поискового характера. «Проблема может заключаться и в том, что одни и те же слова могут обладать разными значениями в контексте разных теоретических подходов. Как пример, инстинкт в этологии понимается как наследуемый специфический паттерн поведения.

В стандартной интерпретации психоаналитической теории, тем не менее, он характеризует более общий инстинктивный драйв, который может проявляться различными путями» (Stevens, Wetherell, 1996, с. 49). Соотнесение базовых понятий друг с другом предполагает определенную работу по уточнению их контекстуальных значений.

Своеобразие теоретического подхода отражено и в *методах исследования*, которые демонстрируют инструментальные предпочтения теоретика, характер его представлений о необходимых эмпирических подтверждениях правомерности обобщений, способах проверки научности полученных результатов. Различие в методах предопределяет исследовательскую стратегию, своеобразие интерпретации и экстраполяции полученных результатов. Различия очевидны. В экспериментальной традиции строгое наблюдение и измерение рассматриваются как необходимое условие обеспечения научности результатов, что, в свою очередь, определяет критическое отношение к качественным методам и субъективным переживаниям. Полная противоположность представлена в других традициях и подходах (психодинамический, экзистенциально-феноменологический, социально-конструктивистский), рассматривающих жизненные переживания, значения, придаваемые людьми самим себе и окружающему миру как основной вопрос социальной психологии.

Приоритеты в описании и объяснении отражают позицию теоретика в отношении изучаемого явления, его исследовательские приоритеты, своеобразие и возможности предлагаемых объяснений природы изучаемого. Описательный и объяснительный потенциал теорий может различаться. Так, теория способна концентрироваться на объяснении того, почему данное поведение имеет место, одновременно предоставляя минимальные возможности для описания наиболее продуктивного поведения в соответствующих ситуациях повседневной жизни.

Дифференцируемость теории определяет ее способность к кристаллизации изучаемого явления, схватыванию тончайших нюансов поведения и жизненных переживаний человека, которая может варьироваться от простой до комплексной. Описание любого объекта, поведения или события предполагает помещение их в сеть умозаключений, связанных с их другими наблюдаемыми свойствами и эффектами: оно включает выход за пределы данной информации.

Прагматизм характеризует утилитарную значимость предлагаемого теоретического объяснения, способность давать конкретные результаты. В существующем теоретическом многообразии он выступает в качестве индикатора практической ценности теории для решения конкретных задач. Критерий прагматизма позволяет дифференцировать теоретические модели по уровню их абстрактности и сопряженности с запросами реальной практики. D. E. Polkinghorne в этой связи подчеркивает: «В то время как академическая психология концентрировалась на открытии общих законов поведения, психология практики фокусировалась на прагматических действиях, направленных на разрешение проблем умственного здоровья и личностного развития людей. Практическая психология находит эпистемологические обязательства академической психологии как вызывающие сомнения и имеющие ограниченную применимость к потребностям клиентов»; эпистемологическими основаниями практики у него выступают следующие утверждения: а) не существует эпистемологических оснований для установления утверждений об объективности истинности полученного знания; б) совокупность знания состоит из

фрагментов понимания, а не из системы логически интегрированных утверждений; в) знания представляют конструкцию, построенную вне когнитивных схем и вовлеченную во взаимодействие с окружением; г) проверка знаний осуществляется через оценку его полезности для достижения преследуемых целей, а не в производности от одобряемого ряда методологических правил» (1997, с. 147).

Верифицируемость и *фальсифицируемость* представляют собой критериальные измерения проверяемости теории. В случае верификации речь идет «о процессе установления истины или корректности гипотезы. На научном языке она относится к контролируемым процессам сбора объективных данных с целью оценки истинности теории или гипотезы» (Reber, 1995, с. 840). В расширительном толковании под верификацией понимается способность уточнять верность наблюдаемого, соответствует ли то, что кажется, тому, что есть на самом деле. Психологическая проблема как раз и заключается в том, что в разных традициях процесс верификации строится по-разному.

Понятие фальсификации ассоциируется с работами философа науки К. Поппера, утверждавшего, что научная теория не может быть признана истинной, если она не поддается фальсификации. С этой точки зрения научная теория может быть принята не по причине того, что включает корректную кодификацию класса исследуемых феноменов, а потому, что она не демонстрирует своей искусственности и неточности (1996, с. 280). Эта позиция обычно противопоставляется верификационизму, утверждающему, что научное исследование представляет собой попытку обосновать (верифицировать) свою точность логическим и эмпирическим путем. Сложность доказательства истинности психологических результатов путем верификации связана прежде всего с тем, что не существует прямого соотнесения того, что исследуется, с тем, что есть на самом деле. Тем не менее, выделение данного измерения полезно ввиду того, что большинство теорий все-таки предполагает верификацию позитивистского толка, ее фиксация позволяет, по крайней мере, позиционировать предлагаемый подход.

Удобство и *экономичность* представляют характеристику минимально возможного привлечения доказательных и описательно-объяснительных средств в теоретическом доказательстве. Предполагается, что чем компактнее и экономичнее теория, тем она совершеннее. Как отмечает S. Littlejohn, наличие небольшого числа основоположений и исходных посылок, логически приводящих к многообразным заключениям, свидетельствует о совершенстве теоретической конструкции (1994, с. 36).

Существенные различия между теоретическими подходами имеют место и с точки зрения занимаемой ими *позиции в отношении перспективы* (внешняя–внутренняя). Наиболее известное и глобальное различие представлено в персонцентризме (внутренняя позиция или позиция «первого лица») и ситуационизме (внешняя позиция или позиция «третьего лица»). Соотносимыми с представленной дихотомией являются субъективное – объективное, жизненные переживания – поведение. Стевенс подчеркивает в этой связи, что «внешний» взгляд является не более объективным и валидным или реальным чем взгляд «внутренний». Две эти позиции взаимодополняют друг друга, предоставляя возможность понимания, включающего позитивный потенциал альтернативного подхода (1998, с. 59). Тем не менее определяемая позиция задает своеобразие исследовательскому мировосприятию и

интерпретации; учет последней при сопоставлении теоретических подходов оказывается полезным.

Многими исследователями отмечается значимость такого измерения, как *эвристический потенциал*. S. Kvale пишет в этой связи: «Одной из первостепенных функций теории является оказание помощи исследователю в определении того, что наблюдать и как» (1997, с. 35). Способность теории раскрывать новые горизонты в исследовании проблемной области и в интерпретации полученных результатов, формировании новых инсайтов и перспектив является, несомненно, значимым оценочным измерением, позволяющим иерархизировать теоретические подходы с точки зрения их эвристического потенциала.

Обоснованным является и включение в качестве оценочно-сопоставительного критерия уровней анализа. Так как человек является не обособленным индивидуумом, а членом общества, он может рассматриваться как элемент организованного целого: места в более широкой структуре – окружения, коммуникации, структуры власти, иерархии статусов, работы, ресурсов и т. п. «На нижнем уровне анализа, люди могут быть концептуализированы как члены различных групп и субкультур; на еще более низком уровне мы можем изучать людей как обладающих особым жизненным опытом и поведением» (Stevens, Wetherell, 1996, с. 60). Подчеркивается, что для более глубокого понимания людей мы нуждаемся в наличии возможности, хотя бы идеальной, понимания специфики каждого уровня и их взаимосвязи друг с другом. Определение уровня претензий теории, таким образом, становится важным оценочным критерием ее возможностей и отличий.

Основным предназначением теорий являются объяснение, понимание, описание сути происходящего или определенного типа феноменологии. Так, теория может быть направлена на демонстрацию того, почему имеет место данное поведение, не давая описания поведения превосходящего по объяснительным возможностям уровня житейской практики. В экспериментальной теоретической традиции представлено много теоретических подходов, описывающих влияние тех или иных переменных на поведение, не раскрывая того, что происходит во внутреннем мире людей. В то же время в рамках психодинамической и интеракционистской традиции накоплен большой материал описательного и объяснительного характера, не сопровождаемый соответствующей экспериментальной эмпирической базой.

В качестве оценочных измерений неизбежно присутствуют их возможности и ограничения по отношению к объяснению, описанию, предсказанию и т. п. В конечном итоге любое соотнесение различных теорий друг с другом направлено на выяснение потенциала их возможностей применительно к исследуемому классу задач.

Обоснованность и продуктивность предлагаемой системы оценочно-сравнительных критериальных измерений демонстрируется на приводимой в таблице 6.

Таблица 6.

Система концептуально-критериального анализа психоаналитической теоретической традиции

1.	Метатеоретические ос-нования	Клинические – гипотезы порождаются (и проверяются) частично из разговоров с клиентом и анализа их ассоциаций, сновидений и т. п.
----	------------------------------	--

2.	Основоположения	Важное влияние на поведение оказывают: биология (драйвы, принцип удовольствия); социализация и конфликты, которые она может вызывать (репрессия, сублимация и т. п.); решающую роль играют ранние жизненные переживания
3.	Базовые категории	Либи́до, Ид, Эго, Супер-Эго, интернализация, репрессия и т.д.
4.	Ведущие методы исследования	Беседы с клиентом; анализ сновидений или использование свободных ассоциаций для выявления значений жизненных переживаний
5.	Приоритеты в описании и объяснении	Описательные понятия (например, проекция, формирование реакций) строго связываются с объяснительными выводами. Объяснения выводятся из драйвов, биологически запрограммированного развития и конфликтов, вызываемых между ними и интернализациями из переживаний, связанных с людьми и событиями, особенно в раннем детстве. Объяснения сконцентрированы на значениях (особенно неосознаваемых), которыми обладают для заинтересованного человека события и поведение. Широко распространены неоперационализируемые конструкции
6.	Степень дифференцируемости	Обладает большим <i>дифференцировочным</i> потенциалом
7.	Прагматизм	Низкий
8.	Верифицируемость и фальсифицируемость	Низкая
9.	Удобство и экономичность	Низкая
10.	Перспектива (внешняя, внутренняя)	Принимает как <i>внешнюю, так и внутреннюю перспективу</i> , заинтересован в анализе поведения и переживаний с внешней перспективы аналитика, но также заинтересован в значениях, требующих рассмотрения точки зрения самого субъекта
11.	Эвристический потенциал	Высокий
12.	Уровни анализа	<i>Фокусируется</i> на эмоциональных переживаниях и поведении, но включает широкий <i>спектр</i> теорий. Может быть использован как к поведению и переживаниям индивидов, так

		и к группе, а также к феноменам культуры (например, мифология и искусство)
13.	Типы объяснения	Объяснения выводятся из драйвов и биологически запрограммированного развития и конфликтов, вызываемых между ними и интернализациями из переживаний, связанных с людьми и событиями, особенно в раннем детстве. Объяснения сконцентрированы на значениях (особенно неосознаваемых), которыми обладают для заинтересованного человека события и поведение. Широко распространены неоперационализируемые конструкты.
14.	Степень формализуемости	Исходно не был установлен как ряд <i>формальных предположений</i> , но исследователи, заинтересованные в проверке идей психодинамики, показывают, что большинство идей с достаточной легкостью конвертируемо в пропозициональную форму
14.	Возможности	Исследование сферы бессознательного, использование клинических методов, нетрадиционные инсайты, методы терапевтическая практика, изучение реальных переживаний и проблем клиента
15.	Ограничения	Высокий субъективизм, метафористичность, низкая валидность, ориентированность на прошлое в ущерб настоящему и будущему в развитии субъекта

Предлагаемая система не является исчерпывающей, но обладает рядом преимуществ над приводившимися выше подходами, которые состоят во включении ряда интегративно-эклетицированных и дополнительных оценочных измерений, позволяющих, во-первых, включить плоскость метатеоретических оснований; во-вторых, интегративно-эклетицировать продуктивные решения, представленные во всех известных нам подходах к проблеме оценочно-сравнительных критериальных оснований соотнесения теории; в-третьих, доказать продуктивность интегративно-эклетицического подхода к соотнесению и оценке существующего теоретического многообразия.

Анализ концептуально-понятийного аппарата современной социальной психологии и персонологии показал общую тенденцию его кристаллизации, конвергенции и обобщения. Категории, ранее применявшиеся в рамках одних традиций, начинают диффундировать в другие, часто приобретая новый смысл и значение (McClure, 1991). Это, в свою очередь, приводит к формированию путаницы в используемой терминологии и их инструментальном обеспечении, к дискуссиям о разных явлениях, обозначаемых одними и теми же понятиями, либо сходных обобщений, обозначаемых разными понятиями.

Огромное количество понятий, которыми оперируют современная социальная психология и персонология, требуют систематизации, классификации и обобщения. Попытки такого рода анализа были предприняты исследователями в рамках

разных теоретических подходов и школ. Проведенный А.-М. De Rosa контент-анализ концептуально-понятийного аппарата современной социальной психологии подтверждает общую ситуацию хаоса и неупорядоченности. Ею была предпринята попытка иерархизации концептуально-понятийного аппарата с точки зрения выделения уровней. В качестве критериев таковой она берет индекс цитируемости и соподчиненности. К сожалению, данный анализ был проведен в рамках монолинейной схемы когнитивной традиции в психологии. Сопоставительный анализ результатов исследования с концептуально-понятийными системами других традиций (гендерной, деятельностной и дискурсной, интеракционистской, психодинамической, экзистенциально-феноменологической и системной), дополненный критериями принадлежности к определенной традиции и интегративной эклектизируемости, позволяет сформулировать иерархизированную систему (таблица 7).

Таким образом, феноменальное поле современной социальной психологии и социального аспекта персонологии может концептуализироваться базовыми категориями: «самость», «жизненные переживания», «социальный опыт», «социализация», «социальное познание», «социальное объяснение», «социальное мышление» и «социальное взаимодействие» (общение), «социальное окружение».

Эти категории, во-первых, охватывают весь спектр изучаемой феноменологии, во-вторых, фиксируют историческую эволюцию исследовательских приоритетов и акцентов, в-третьих, определяют перспективу последующего развития концептуального аппарата. Причем эволюционный аспект социально-психологического концептуально-понятийного аппарата демонстрирует общую тенденцию – от дискретных и статичных единиц описательного характера, представленных в исследованиях социальной перцепции, через описательно-объяснительные единицы теорий атрибуции, к объяснительным категориям социального мышления. Второй тенденцией является изменение акцентов с универсально статичных категорий естественнонаучного характера, представленных на уровне социальной перцепции, к социально насыщенным категориям понимания с позиции здравого смысла, представленным в рамках подхода теории социальных репрезентаций. Наконец, в качестве третьей тенденции прослеживается эволюция представлений от жесткой структурной организации изучаемой феноменологии к экзистенциально-феноменальной и континуальной.

Таблица 7.

Представленность социально-психологических категорий в разных системах парадигмальных координат.

Базовые категории	Примеры субкатегорий	Традиции
Самость	Идентичность, аутентичность, эго-протяженность и т. д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социализация	Институты, механизмы, стадии, нормы, процессы и т. д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП

Социальный опыт	Структура, формирование, репрезентация, проявление и т. д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Жизненные переживания	Жизненный смысл, экзистенции, кризис, самоактуализация и т. д.	ГП, КП, ИП, ПП, ЭФП
Социальное познание	Категоризация, стереотипизация, социальная репрезентация,	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное объяснение	Атрибутирование, стиль, процессы, атрибутивная терапия	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное мышление	Смыслообразование, инсайтирование, творчество и т. д.	ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное поведение	Поведенческие алгоритмы, поведенческий репертуар и т. д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное взаимодействие (общение)	Воздействие, коммуникация, координация, понимание и т. д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП
Социальное окружение	Малые и большие группы, групповая динамика и т. д.	БП, ГП, ДП, ИП, КП, ПП, ЭФП

Изучение данного поля и конкретизирующего его концептуального аппарата должно осуществляться в контексте экзистенциально-феноменальной поточности, динамичности и пространственно-временной континуальности, отражающих реальность социального бытия личности и ее социального окружения. Признавая безусловность данного утверждения, остается констатировать сложность его инструментальной выполнимости. Тем не менее, учитывая поступательное развитие психологического знания, проблема должна решаться. Возможные решения предлагаются в рамках подходов сенсмейкинга и обоснованной теории.

Исходное осознание поточности и пространственно-временной континуальности социального бытия приводит к пониманию того, что любая фрагментаризация, статизация, дискретизация, атомизация и т.п. феноменального поля должна сопровождаться проблемой соотношения дискретизированного, статизированного фрагмента с реально существующим полем, что является необходимым условием обеспечения взаимосвязи изучаемого феномена с его аналогом в реальном социальном бытии (В.Е. Франкл, 1990; R. Stevens, 1998).

Во многом проблемное поле, сложившееся с изучением феноменальности в ее экзистенциальной и пространственно-временной континуальности, связано с используемыми в социальной психологии и персонологии для описания изучаемого феноменального поля базовыми категориями «личность», «ситуация» и «активность». Эти категории также должны рассматриваться в континуальной экзистенциально-феноменальной диалектической взаимозависимости. Во многих фундаментальных исследованиях показано, что любое акцентирование на одном из компонентов данной базовой триады неизбежно приводит к ограниченности понимания сути описываемой феноменологии и гипертрофированию одних аспектов в

ущерб другим. На практике же преобладают исследования, концентрирующиеся на одном из компонентов данной триады – личности (персоноцентризм, персонология); ситуации (ситуационизм, бихевиоризм); активности (акционизм, мыследеятельностный подход и т.п.). Возможным решением проблемы соотношения личности, ситуации и активности является разработанный А. Бандурой принцип взаимного детерминизма (1986).

Этой же позиции придерживается интеракционистский подход в целом, исходно сформировавшийся в рамках социологического течения в социальной психологии на основе фундаментальных идей Дж. Мида о социальной сущности личности и ее окружения, но в последующем в большей степени переключившегося на обсуждение проблемы соотношения биологического и социального (1974).

D. Magnusson подчеркивает, что в основе понимания личности с позиций современного интеракционизма лежат три положения, рассматриваемые во взаимосвязи друг с другом. Индивид развивается и функционирует как всеобщность, интегрированный организм; текущее функционирование и развитие которого не происходит в отдельных элементах самих по себе, в изоляции от тотальности. Он развивается и функционирует в динамическом, продолжающемся и взаимном процессе взаимодействия со своим окружением. Характерный путь развития и функционирования индивида во взаимодействии с окружением и влияет на процесс взаимодействия между подсистемами мыслительных и биологических факторов (1990, с. 196).

Взаимозависимость и взаимодействие факторов, детерминирующих социальное поведение личности и ее окружения, являются основной характеристикой классического интеракционизма. Она представлена у авторов разными категориями – трансакционность (Pervin); взаимный детерминизм (Bandura); диалектический контекстуализм (Baltes, Reese, Lispitt); процесс – личность – контекст (Bronfenbrenner, Crouter); развивающийся контекстуализм (Lerner, Kauffman).

Несмотря на различие используемых обозначений и моделей, смысл этих подходов можно свести к следующему:

- актуальное поведение представляет функцию продолжающегося процесса многомерного взаимодействия обратных связей между индивидом и ситуацией, в которой он находится;
- в процессе взаимодействия индивид является интенциональным активным агентом;
- со стороны личности наиболее существенными детерминантами поведения во взаимодействии являются когнитивные и мотивационные факторы;
- со стороны ситуации наиболее значимым фактором выступает ее психологическое значение для личности (Magnusson, 1990, с. 198).

Проведенный анализ дает общее представление об особенностях психологических теорий в условиях диатропичности парадигмальных координат, для которой характерно многообразие способов теоретизирования, критериев определения

научности теории и диатропичность концептуально категориального поля в его экзистенциально-феноменальной и пространственно-временной континуальности.

Критериальное поле соотношения парадигмальных координат

Все основания, по которым мы могли занять какую-то методологическую позицию, в конечном итоге оказываются производными от мировоззренческих установок, которыми руководствуется исследователь или практик.

Эта зависимость четко обозначена В. С. Библером (1991) при сопоставлении различных видов логик познания. Современное познание (на которое сориентированы естественные науки) предполагает стремление объективно, отстраненно, «бесконтактно» проникнуть в сущность вещей. Исходная философская посылка гласит: Я и Мир стоят по разную сторону онтологической пропасти. Задача науки заключается в стремлении гносеологически преодолеть эту пропасть – познать объективную реальность, данную нам в органах чувств.

Разнообразные попытки преодоления этой пропасти представлены, как мы видим, в наиболее диатропической форме на уровне парадигмального поля координат, менее связанного по сравнению с метапарадигмальным полем с глобальными проблемами методологического свойства и, как следствие, более свободного в способах постижения феноменологии реального бытия.

В числе психологических парадигм, утвердившихся в современной психологии, конституированы:

- по критерию отношения к реальности (как к объективной или субъективной) – позитивистская, феноменологическая и критическая;
- по критерию конституированности в научном психологическом сообществе – поведенческая, биологическая, когнитивная, психодинамическая, экзистенциальная, гуманистическая, герменевтическая, социально-конструктивистская, системная, деятельностная, феминистская (гендерная), синергетическая парадигмы;
- по критерию антропоцентризма – натурализм, социоморфизм, культурализм, теологизм, гносеологизм и антропологизм;
- по критерию активности или типа научной абстракции – объектная или реактивная, субъектная или акциональная, субъект-субъектная или диалогическая ;
- по критерию культурно-исторической традиции – модернистская, постмодернистская, пост-постмодернистская, пост-постмодернистская;
- по критерию метатеоретических оснований – когнитивизм, бихевиоризм, психоанализ.

Каждая из этих парадигм имела свою исторически и культурно обусловленную подоплеку, свое преимущество в решении тех или иных дискуссионных в психологической науке вопросов; каждая обладает рядом существенных ограничений, не позволяющих претендовать на универсальность. Следует отметить, что диатропика парадигмальных координат не является следствием согласия исследователей

разных психологических традиций и школ с ее объективной неизбежностью, скорее она связана с невозможностью создания единого, последовательного, устраивающего всех конструкта.

Ключевая идея В. С. Библера заключается в том, что мы живем в период смены логики, которой руководствуется человечество в своем стремлении понять мироустройство. А именно, от одной логики (рациональной на данном этапе) мы переходим к диалогике. Логика XXI века, т. е. диалогика, способна совместить уже существовавшие в прежние исторические эпохи логики и новые, только проявляющиеся (1991).

Как подчеркивает Е. Л. Доценко, «идея о принципиальной совместимости разных логик представляется весьма привлекательной по нравственно-экологическим соображениям. К тому же она имеет уже и свои операциональные конкретизации: во-первых, начинать необходимо со знакомства с феноменологией, на первом шаге пытаясь проникнуться богатством ее связей, а, во-вторых, это должен быть диалог несовпадающих логик. Не борьба, не высокомерное (или тревожное) игнорирование, а всестороннее обсуждение общих проблем на различных языках. Исследователю для этого надо будет освоить несколько языков, а практику – переосмыслить эклектичность как многоресурсность» (1997, с. 24). «Если вы выбираете одно из теоретических направлений, то закрываете путь к пониманию всех граней функционирования личности,» – отмечают Mayer и Sutton (1996, с. 156).

Основной проблемой формирования отношения к существующему парадигмальному многообразию является наличие соответствующих ориентиров соотношения различных психологических мировоззрений. Причем сложность осуществления выбора обусловлена, во-первых, наличием разных (иногда диаметрально противоположных) систем парадигмальных координат, а, во-вторых, самоопределением в исследовательских приоритетах – следование предписываемым нормативам научности или выход за их рамки во имя нахождения соответствия с реалиями жизни, что наиболее рельефно прослеживается в известном антагонизме между статистическими и клиническими методами исследования.

Достаточно наглядная демонстрация такого рода диатропичности с выбором концептуально-критериальных, оценочно-сопоставительных измерений в персонологии приводится Л. Хеллом и Д. Зиглером (1997, с. 40). Причем анализ целого ряда фундаментальных критериев, представленный ими в форме биполярных конструктов: свобода–детерминизм; рациональность–иррациональность; холизм–атомизм; наследственность–окружающая среда; изменяемость–неизменность; субъективность–объективность; активность–реактивность; гомеостаз–гетеростаз; познаваемость–непознаваемость, исчерпывающе показывает наличие многообразия альтернативных решений. Следует заметить, что в силу определенного нами предмета исследования–социально-психологического и персонологического аспектов феноменологии социального бытия личности и ее окружения, избрание в качестве концептуально-критериальных оценочно-сопоставительных измерений только измерений персоналистского толка было бы исходно неверным. Точно так же, как ошибочным был бы выбор системы сравнительно-оценочных измерений без обсуждения лежащих в ее основании принципов, что характерно для приведенной выше системы, при понимании того, что она не является единственной.

Конституированность в психологическом знании многообразия парадигмальных координат ставит проблему их соотнесения друг с другом с точки зрения оценки потенциала продуктивности решений тех или иных проблем.

Сопоставительный анализ различных систем концептуально-критериальных оснований для оценки парадигм и теорий позволил выделить ряд онтолого-эпистемологических дихотомий или оппозиций, отражающие наиболее проблемные для социально-психологического знания вопросы, ответы на которые носят поливариантный характер, а так же наиболее дискуссионные проблемы, касающиеся методов исследования психологической феноменологии.

В основе концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотнесения систем парадигмальных координат положены следующие принципы:

- онтолого-эпистемологической значимости, предполагающий включение наиболее фундаментальных для метатеоретических построений вопросов, определяющих мировоззрение исследователя;
- конституированности в научном психологическом сообществе, предполагающий фиксацию основоположений, методологии и метода исследования в психологической научной литературе;
- иерархичности, предполагающий иерархизацию концептуально-критериальных оценочных измерений от высшего к низшему и от общего к частному;
- сравнительного альтернативизма, предполагающий наличие альтернативных подходов и решений в форме оценочно-сравнительных дихотомий.

Анализ литературы позволил выделить следующие оценочно-сравнительные критерии: *объективность–субъективность; детерминизм–индетерминизм; мужское–женское; прошлое–будущее; наследственность–изменчивость; гомеостаз–гетеростаз; статичность–динамичность; активность–реактивность; атомизм–хололизм; познаваемость–непознаваемость; рационализм–иррационализм; идиографическое–номотетическое; интраличностное–интерличностное; биологическое–символическое (рефлексивное); количественное–качественное.*

Посредством предложенной матрицы были проанализированы наиболее разработанные в психологической литературе метапарадигмы и парадигмы.

В качестве основных метапарадигм к анализу были привлечены позитивистская, критическая, социально-конструктивистская метапарадигмы, охватывающие весь спектр возможных решений проблемных вопросов исследования психологической феноменологии социального бытия личности и ее окружения. В качестве объекта анализа выступили фундаментальные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные анализу метатеоретических оснований психологического знания. В результате анализа определены основные особенности данных метапарадигмальных систем координат, представленные в таблице 8.

К анализу парадигмальных координат были привлечены биологическая, бихевиористская, гендерная, гуманистическая, деятельностная, интеракционистская, когнитивистская, психодинамическая, экзистенциально-феноменологическая и социально-когнитивно-наученческая парадигмы.

В основании биологического подхода лежат разработки физиологов и этологов. По существу, в рамках данной традиции человек в социальном мире рассматривается по аналогии с другими высокоорганизованными представителями животного мира. С одной стороны, в русле биологической традиции подчеркиваются аспекты континуальности и универсальности аспектов человеческого поведения, влияние генетической наследственности, детерминированности деятельностью мозга. С другой стороны, особенно в аспекте социобиологии, обсуждается роль культурной детерминированности человеческого бытия при признании неподверженности ее влиянию некоторых биологических параметров. Используя возможности множественной интерпретации аспектов поведения, определяемыми социальными и биологическими факторами, акценты в исследованиях делаются именно на последние. Избрание в качестве метапарадигмального основания позитивизма определяет приоритетность метода экспериментального исследования и общую ориентированность на поиск универсальной истины.

Бихевиористский подход, накопив огромный эмпирический материал в рамках стимульно-реактивной схемы исследований, доведя до совершенства процедуру экспериментального исследования и статистического анализа эмпирических данных, столкнулся с непродуктивностью данной методологии по отношению к идиографии человеческого бытия, активной сущности личности и ее окружения.

В основании гендерной традиции исходно лежат идеи феминизма, осознание психологическим сообществом того, что многие аспекты человеческого бытия должны пониматься в контексте половых различий. S. L. Bem (1987) и J. T. Spence (1982) сформировали так называемый «новый взгляд» в психологии на проблему половых сходств и различий, чуть позже приведший к мысли, что маскулинность и феминность не являются противопоставлениями в рамках единого континуума, а скорее являются обособленными и независимыми (Ashmore, 1990, с. 503). Другим несомненным достижением данного подхода являются убедительное доказательство маскулинной предвзятости традиционных методов психологического исследования, необходимость многомерного подхода к анализу психологической феноменологии.

При отсутствии собственных метатеоретических оснований гуманистическая традиция опирается на эклектику идей экзистенциальной, феноменологической и социально-конструктивистской традиций. Не разработан и собственный метод исследования. Тем не менее, пропагандируемые в его рамках идеи исходной гуманистической природы личности и самоактуализации – способность творить себя – привели к популяризации психологического знания и его продуктивных возможностей, создавая тем самым нестрогие основания для отнесения их к парадигме или традиции.

Интеракционистская традиция менее распространена в социально-психологическом знании в силу ее отнесения к так называемому социологическому направлению в психологии. Однако перемены, произошедшие с 1980-х годов в психологии в связи с кризисом идей, обусловили заметный интерес к накопленным в ее рамках результатам и инсайтам. Отличительной особенностью данной традиции являются базовые категории взаимодействия специфически разных сущностей человека – биологической и символической. Скрупулезная проработка проблемы социальной сущности человеческого бытия сопровождается столь же фундаментальной проработкой категории рефлексии и природы человеческой рефлексивности.

Основанный на компьютерной или кибернетической информационно-процессуальной метафоре когнитивный подход выработал свое мировоззрение, методологию и метод психологического исследования. В рамках позитивистской естественнонаучной метапарадигмы эта традиция сталкивается с негативными последствиями исследовательской схемы препарирующего типа, будучи не в состоянии разрешить класс проблем, связанных с объяснением диатропики социального бытия, свидетельством чему является кризис 1980-х годов.

Психодинамическая парадигма в силу ее многоплановости и разнопредставленности анализируется с позиций исследователей, придерживающихся как классических оснований, заложенных З. Фрейдом, так и с позиций представителей новой волны – теории объектных отношений и эго-психологии. Сложность ситуации, связанной с построением целостной концепции современных психодинамических воззрений, обусловлена прежде всего наличием диаметрально противоположных подходов к рассмотрению социальной сущности личности и ее бытия в условиях непосредственного окружения.

Исследователи, ориентирующиеся на теорию объектных отношений, в большей степени разделяют идеи социального конструктивизма, в то время как представители эго-психологии – идеи когнитивного подхода. Тем не менее, характеризуя психодинамическую парадигму в социальной психологии, можно говорить о подчеркивании в ее рамках роли непосредственного социального окружения и интерпретаций в социальном бытии личности. Общим является и использование интерпретативистских или герменевтических инструментов исследования.

Отличительной особенностью экзистенциально-феноменологической традиции является обращение к феноменологии реального бытия и признанию с подчеркиванием его идиографического и диатропического характера. Акцентация на диатропику и идиографию предопределяет избрание соответствующей методологии исследований, направленной на выявление и постижение интерпретаций и переживаний личностью и ее окружением своеобразия реального бытия. Включение в плоскость рассмотрения экзистенций расширяет горизонты рассмотрения бытия через призму осознания его проблемности и конечности, что приводит к более глубокому анализу жизненных переживаний. Сложности, испытываемые представителями данной традиции, связаны с реализацией ими идей онтологического плюрализма, подчеркивающего множественность мироощущений и мировоззрений, и трудностью соотнесения их друг с другом, при отсутствии хотя бы рамочной системы сравнительных координат.

Социально-когнитивно-наученческая традиция представляет новую волну в психологии, основанную на работах как ее отцов-основателей, так и современных исследователей, стремящихся дать критический анализ. В разработках этих несомненно выдающихся психологов, представлен ряд оригинальных идей, которые привели к существенному углублению представлений о личности как субъекте поведения. По когнитивно-наученческой линии удалось предложить решения, которые не были найдены по линии когнитивного подхода, в частности, активной поведенческой алгоритмики, потенциала поведения, определения психологической ситуации, процесса генерализации ожиданий, взаимного детерминизма, личностных переменных и т. д. Представляя попытку интеграции поведенческой, когнитивной

и интеракционистской традиций, данный подход позволил анализировать проблему соотношения личности, ситуации и активности в их детерминации поведения.

В силу избрания активности личности в качестве ведущей категории деятельностный подход внес немалый вклад в разработку проблематики развития психики, правда, не избежав негативных последствий глобализации одной из наличных детерминант социального бытия личности. Критики деятельностного подхода отмечают, что подлинный источник его трудностей кроется в том, что существо психики как деятельности не открывается непосредственному наблюдению, что без действующей личности (у человека, особи – у животных) деятельность превращается в натуральный процесс, перестает быть деятельностью. Так понимается основная проблема личности (П. Я. Гальперин, 1997, с. 6). Сегодня много критических оценок связано с марксистским фундаментом деятельностной традиции. О. В. Гордеева, в частности, отмечает: «Следование марксистскому принципу объяснения явления через раскрытие их происхождения исключает из плана анализа собственные закономерности рассматриваемого явления, лишая тем самым его собственного онтологического статуса, что может привести к серьезным ошибкам в рассуждении, если использование данного объяснительного принципа недостаточно рефлексивируется» (1997, с. 20).

Рассмотрение выделенных систем парадигмальных координат проводилось при посредстве концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы их соотношения в таблице 8.

Представленный в таблице 8 обзор онтолого-эпистемологических приоритетов различных систем парадигмальных координат свидетельствует о широчайшем спектре альтернативных подходов, определяющих своеобразие мировосприятия исследователей, работающих в той или иной психологической традиции. Результаты анализа показывают, что в каждой традиции наряду с возможными пересечениями ее по тем или иным онтолого-эпистемологическим дихотомиям имеется и ряд существенных расхождений. В них тоже есть несомненный позитивный потенциал, так как смещение акцентов в ту или иную сторону в различных их комбинациях позволяет, во-первых, схватывать новые грани исследуемого феномена; во-вторых, привлекать дополнительные ресурсы альтернативных методов; в-третьих, преодолевать жесткую заданность схем; в-четвертых, создавать предпосылки для новых исследовательских инсайтов.

Таблица 8.

Концептуально-критериальная оценочно-сравнительная матрица соотношения парадигмальных координат

Элемент дихотомии	Доминирующей	Смешанный	Доминирующей	Элемент дихотомии
Объективность	БП; ДП; КП; ПМ; КП; БиП	ГП; ПП; ИП	ГуП; ЭФП; СКМ	Субъективность
Детерминизм	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	КМ; ГП	ЭФП; СКМ; ГуП	Индетерминизм

Мужское	БП; ДП; КП; ПМ	КМ; ИМ; БиП; ГуП	ГП	Женское
Прошлое	ПП	БП; ДП; ПМ; БиП	КП; ГуП	Будущее
Наследствен- ность	ДП; КП; ПМ; БиП		БП; ИП; ЭФП; СКМ; ГуП	Изменчивость
Гомеостаз	БиП	БП; ДП; КП; ПМ; ЭФП; СКМ	ГуП	Гетеростаз
Статичность	БП; ДП; ПМ	БиП	КП; ЭФП; СКМ; ГуП	Динамич- ность
Реактивность	БП; ПМ	КМ; ИМ	ДП; КП; ЭФП; СКМ	Активность
Атомизм	БП; КП; ПМ	ДП; ГуП	ЭФП; СКМ	Холизм
Познавае- мость	ДП; КП; ПМ; КМ; ПП; БиП; ГуП		БП	Непознавае- мость
Рационализм	БП; ДП; КП; ПМ; БиП; ГуП		ПП	Иррациона- лизм
Номотетиче- ское	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ИП	ПП; ЭФП; СКМ; ГуП	Идиографиче- ское
Интралич- ностное	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ГуП;	ИП; ЭФП; СКМ	Интерлич- ностное
Биологиче- ское	ДП; КП; ПМ; БиП	КМ; ИМ; ГуП;	ЭФП; СКМ;	Символиче- ское
Количествен- ное	БП; ДП; КП; ПМ; БиП	ИП	ЭФП; СКМ; ГуП	Качественное
Условные обозначения:				
ПМ	– позитивистская метапара- дигма	ГуП	– гуманистическая парадигма	
КП	– критическая метапарадигма	ДП	– деятельностная парадигма	
СКМ	– социально-конструктивист- ская метапарадигма	ИП	– интеракционистская пара- дигма	
БиП	– биологическая парадигма	КП	– когнитивистская парадигма	
БП	– бихевиористская парадигма	ПП	– психодинамическая пара- дигма	
ГП	– гендерная парадигма	ЭФП	– экзистенциально-феномено- логическая парадигма	

Глоссарий

Верификация – процесс установления истины или корректности гипотезы. На научном языке она относится к контролируемым процессам сбора объективных данных с целью оценки истинности теории или гипотезы. В расширительном толковании под верификацией понимается способность уточнять верность наблюдаемого, соответствует ли то, что кажется, тому, что есть на самом деле.

Парадигма – законченная система научного знания, включающая ряд понятий, результатов и процедур, предоставляющих возможность структурирования последующих работ, включая ряд фундаментальных принципов и предположений, понятийный и инструментальный аппарат, принятый в научном сообществе. В психологическом контексте под парадигмой обычно понимают коллективно установленный ряд установок, ценностей, процедур, техник и т. п., формирующих общепризнанное направление в рамках определенной научной дисциплины в конкретный период времени. Некоторые из парадигм обладают общепризнанной природой и охватывают широкие пласты знания, другие направляют исследовательское мышление в весьма специфических, ограниченных областях знания.

Дифференцируемость теории определяет ее способность к кристаллизации изучаемого явления, схватыванию тончайших нюансов поведения и жизненных переживаний. Она может варьироваться от простой до комплексной.

Дисциплинарные матрицы (*disciplinary matrices*) представляют собой решения конкретных задач, оформленные в понятиях и принимаемые группой работников данной научной дисциплины в качестве символического обобщения ее проблем в виде представлений, содержащих символические обобщения, модели и примеры.

Основоположения отражают исходную систему теоретических воззрений, постулатов, которые выступают в качестве отправной точки рассуждений теоретика, определяя его позицию как в отношении предполагаемой схемы объяснения изучаемого явления, так и предпочитаемого способа доказательства адекватности (объективности) полученных результатов и их интерпретации.

Вопросы для обсуждения

1. В чем причины теоретического многообразия в современной социальной психологии?
2. В чем смысл понятия парадигмы и какова его специфика применительно к психологическому знанию?
3. Каковы основные тенденции развития современного социально-психологического знания?

4. Каковы основные дискуссионные вопросы в современной социальной психологии?
5. В чем преимущество мультипарадигмального подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
6. Каковы критерии соотнесения различных систем парадигмальных координат и в чем их специфика?

Для дополнительного чтения

1. Аллаhverдян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки. Учеб. пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998.
2. Айзенк Г. Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? Критерии таксономической парадигмы. – Иностранная психология. 1993. Том 1. № 2. с. 9-23.
3. Библиер В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997.
5. Ковалев Г. А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия. // Вопросы психологии. 1987. № 3. С. 41-49.
6. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Под ред. С.Р. Микулинского, Л. А. Марковой. – М.: Прогресс, 1977.
7. Левин К. Конфликт между Аристотелевским и Галилеевским способами мышления в современной психологии // История психологии (10-ые – 30-ые годы. Период открытого кризиса): Тексты. — М.: ИЗД-ВО МГУ, 1992, с. 47–78.
8. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб: ИГУП, 1999.
9. Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. М: Наука, 1990.
10. Юревич А. В. Системный кризис в психологии // Вопр. психол., 1999. № 2. С. 14-23.
11. Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 5-18.

Основной источник

Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

Бихевиористская традиция в социальной психологии

Бихевиоризм начал свое развитие как система, однако в реальности представлял собой нечто большее, привлек внимание широкой общественности, вызвал полемику в печати, о чем говорят индексы цитирования в периодике с 1924–1931-х годов (Viney, 1994, 289), а также целый перечень опубликованных в это время работ

– «Человек или робот» (McDougall, 1926), «Есть ли у бихевиориста мышление?» (Johnson, 1927), «Бихевиоризм и его антирелигиозное значение» (Frick, 1928) и т. п. С другой стороны, стремление к построению подлинно научной психологии часто ставило под вопрос этические и моральные аспекты исследований.

Бурная экспансия бихевиористских идей оказала заметное воздействие на литературу, философию, политику и социологию, что находилось в разительном контрасте со многими направлениями самой психологии. Бихевиористам пришлось приложить немало усилий, прежде чем добиться признания в психологических кругах.

Бесспорным остается тот факт, что именно благодаря их активности произошло окончательное утверждение научного статуса психологии и обретение ею широкой популярности.

Бихевиоризм является одним из самых дискуссионных направлений в социально-психологическом знании, что во многом объясняется противоречивостью его методологических установок, теоретических воззрений, этических предпочтений, своеобразием истории его формирования и развития.

В методологии бихевиористская социальная психология отличается своей приверженностью операционализму, основным постулатом которого является непризнание какой-либо научной ценности понятий, представляющих собой, с точки зрения его приверженцев, всего лишь процедуру измерения исключительно самих себя, потому что личное, субъективное ощущение, по мнению бихевиористов, не может быть объективно измерено и воспроизведено в контролируемых условиях, следовательно, не может быть принято в качестве научного факта. «Самость» в этом случае есть всего лишь результат теста двадцати утверждений на вопрос кто я?.

На первый взгляд бихевиористская социальная психология не может считаться атеоретичной, а выступает скорее как описательная. На самом же деле в её рамках разработано достаточно большое число теоретических обобщений и экспериментально полученных фактов.

Ее часто обвиняют в тавтологии результатов, логической непоследовательности и т. п., хотя все это может рассматриваться как следствие развития данного исследовательского направления.

Вплоть до 1970-х годов, в силу игнорирования внутренней активности личности в ее социальном взаимодействии, в силу противоречий и консервативности теоретических построений, бихевиористское направление редко упоминалось в западной социально-психологической литературе. Возрождению интереса к нему способствовали два обстоятельства: популярность среди социальных психологов ряда бихевиористских публикаций и сопротивление безоглядному отрицанию поведенческих идей со стороны небольшой группы информированных исследователей: S. Vijou и D. Baer «Развитие ребенка: системная и эмпирическая теория» (1961), а также A. Staats и C. Staats «Комплексное человеческое поведение: системное расширение принципа научения» (1963). В этих работах предпринята попытка оперирования современными социально-психологическими представлениями, применения достижений бихевиористского подхода к рассмотрению актуальных проблемных областей. Особый в этом плане интерес вызвали статьи R. Burgess и D. Akers

«Являются ли оперантные принципы тавтологичными» и «Дифференциальные ассоциации: теория подкрепления и криминальное поведение», опубликованные в *Psychological Record* (1966). Большой вклад в восстановление интереса к бихевиористским идеям внес социальный психолог J. H. Kunkel, известный своей работой «Общество и экономический рост: бихевиористское направление социальных изменений» (1970). В 1973 году он публикует свою «Бихевиористскую модель человека: предположения и применение», в 1975 году «Поведение, социальные проблемы и изменение», где достаточно убедительно использует аппарат бихевиористской традиции в решении и объяснении актуальных социально-психологических проблем. Дальнейшее формирование понятийного аппарата, принципов и оснований современного бихевиоризма в существенной степени определяется положениями классического бихевиоризма Б. Скиннера, «интербихевиоризма» Дж. Кантора, «модификации поведения» А. Бандуры и «анализа поведения» S. Vijou и D. Ваег. Но об этом чуть ниже. Сейчас рассмотрим содержание понятий, используемых в современной бихевиористской традиции.

Основные понятия современного бихевиоризма

Понятийный аппарат бихевиористского подхода к социальной психологии мало чем отличается от того, который представлен в общей психологии. Нет особой разницы и в концептуальном подходе, основывающемся на идее о том, что, в силу невозможности операционализации внутренней активности субъекта, внимание исследователя должно сосредоточиваться на ситуативных факторах как детерминантах социального поведения. С точки зрения бихевиористов, применение строго психологического эксперимента вместе с использованием аппарата статистического анализа позволяет выявлять универсальные закономерности, знание которых, в свою очередь, позволяет прогнозировать и описывать поведение человека в тех или иных обстоятельствах. В отличие от классического бихевиоризма, оперировавшего понятием универсальности психического для всего биологического вида и рассматривавшего поведение человека всего лишь как частный случай (отсюда эксперименты на крысах, собаках и т. п.), современный бихевиоризм стал менее амбициозным и пытается выявить специфику именно социального поведения человека.

Понимание специфики бихевиоризма невозможно без знакомства с категориальным аппаратом, тем более что в русскоязычной психологической литературе он представлен довольно слабо. Остановимся на нем подробнее.

Оперант является центральным понятием для современного бихевиоризма. Фактически оно помогает установлению основного различия между современным бихевиоризмом и его старой стимульно-реактивной версией. *Оперант* – это *поведение (реакция) личности, вызывающее изменение в ее окружении*: улыбка, ворчание, словесная ремарка, молчание. Улыбка, например, может означать выражение дружественного расположения к другому, ворчание – вызвать агрессивную реакцию по отношению к его источнику и т. п.

Респондент – это реакция организма на определенного рода стимуляцию. Например, при приближении какого-либо объекта к глазам наблюдается защитный

рефлекс моргания, при постукивании по коленному суставу – подергивание ноги и т. п. Операнты контролируются стимулами, *следующими* за ними, респонденты – стимулами, *предшествующими* им. В качестве иллюстрации можно привести пример просьбы ребенка к родителям купить сладостей: «просьба» представляет собой оперант, влияющий на окружение, и таким образом становится причиной его изменения (т. е. следствием), в то время как удар молоточком предшествует подергиванию ноги. Можно сказать, что респондентное поведение является произвольным, а оперантное – произвольным. С этим утверждением согласно большинство современных исследователей, работающих в рамках бихевиористской традиции.

Стимул – это *событие, последствие или изменение в окружении индивида, оказывающее воздействие на его поведение, вызывающее его реакцию*. В основном стимулы охватывают пять категорий: позитивные подкрепления, негативные подкрепления, нейтральные события, позитивные наказания, негативные наказания.

События, последствия или изменения в окружении индивида, обусловленные некоторым оперантом, повышающим вероятность его проявления, называются *позитивным подкреплением*. Реагирование на просьбу ребенка о стакане воды со стороны родителя повышает вероятность повторения таких просьб в будущем. Примером позитивного подкрепления является плата за проделанную работу, похвала за услугу и т.п. Во всех этих случаях речь идет о стимулах, способствующих проявлению желательного поведения.

Негативное подкрепление представляет собой стимулы, которые способствуют устранению проявления определенных оперантов, т. е. речь идет о сокращении воздействий со стороны окружения. Например встреча с человеком сквернословящим побуждает к сокращению, а то и вовсе избеганию встреч с ним. Точно так же родители могут лишать ребенка чего-либо, не выполнив его желания, поощрить тем самым желаемое поведение.

Так называемые *нейтральные подкрепления* представляют собой события и последствия, следующие за некоторым оперантом и не оказывающие влияния на вероятность его проявления в будущем. Например, на назойливые попытки заговорить со стороны незнакомого человека можно реагировать нейтрально, однако в реальности сложно предположить ситуацию, что эта «нейтральность» приведет к какому-то ожидаемому эффекту, так как даже внешнее отсутствие реакций предполагает определенную внутреннюю активность.

Процесс социальной жизни включает не только стимулирование проявлений «нужных» оперантов посредством позитивного или негативного подкрепления. Во многих случаях приходится добиваться «изытия» нежелательного поведения из поведенческого репертуара. В этом случае мы сталкиваемся с другим классом стимулов – *позитивным наказанием* и *негативным*. Наибольший вклад в разработку этих категорий внес социолог R. Burges. Согласно его рассуждениям, в качестве позитивных наказаний выступают те события, последствия или изменения в окружении индивида, которые в случае применения после их проявления приводят к снижению вероятности будущих проявлений. Примером тому является приглашение нерадивого студента «на ковер» к декану – один из стимулов, направленных на изменение поведения студента в лучшую сторону.

Влияние негативного наказания построено по тому же принципу, что и позитивного. Отличие лишь в том, что происходит не добавление стимулов в окружении, а их сокращение или устранение. Например, можно говорить о лишении студента стипендии.

Вероятность подкрепления относится к условиям, при которых в окружении индивида проявляются определенные оперантные действия в соответствующих обстоятельствах и которые нередко как схемы подкрепления подразделяются на *непрерывные* и *перемежающиеся*.

Если подкрепление непосредственно следует за реакцией или оперантом организма, речь идет о *непрерывном подкреплении*. Например, формирование правильного произношения ребенка осуществляется посредством непрерывного подкрепления удачных проявлений. Однако использование его не в лабораторных условиях маловероятно, т. к. сложно представить возможность контроля за всеми действиями, совершаемыми человеком в его повседневном поведении. Более распространенными являются *перемежающиеся схемы* подкрепления, характеризующиеся подкреплением некоторых вызванных оперантов и игнорированием других. По существу вся социализация человека строится на перемежающихся или избирательных схемах подкрепления, когда речь идет о поощрении желательных типов поведения.

Все схемы избирательного подкрепления являются производными от двух типов: *интервальных* и *пропорциональных*. Интервальные основываются на *времени* между применением подкрепления и конструируются так, что подкрепляется каждая первая реакция после определенного временного промежутка. Временной промежуток между подкреплениями может быть *фиксированным* (например, подкрепляется каждая первая реакция, поступающая через каждые пять минут) и *варирующимся* (когда в среднем за каждые пять минут подкрепляется только одна первая реакция), например, в первые пять минут подкрепляется реакция, поступившая на пятой минуте, во второй пятиминутке – реакция, поступившая на восьмой минуте, и т. д.). Первый тип называется *фиксированным интервальным*, второй – *варибельным интервальным*.

Пропорциональные схемы основываются на числе реакций между подкреплениями. Они конструируются таким образом, что подкрепление следует за каждой *n*-й реакцией. В случае *фиксированных пропорциональных схем* (FR) подкрепление следует за каждой *n*-й реакцией (например, каждая четвертая). В случае вариативных пропорциональных схем подкрепление следует за некоторым усредненным числом реакций (например, подкрепления могут совершаться на третьей, шестой и двенадцатой минутах в течение пятнадцати минут и число подкреплений в последующие 15-минутки будет также равно трем).

Дифференциальное подкрепление является одним из наиболее значимых с точки зрения бихевиористов. Особо оно проявляется при научении языку, формировании групповых норм, принятии решений, во многих других индивидуальных и групповых поведенческих реакциях человека. Дифференциальное подкрепление имеет место в тех социальных ситуациях, в которых человеку предстоит выбор

между двумя или несколькими альтернативными линиями поведения, приводящими к одному и тому же результату. Следуя этой логике рассуждений, внимание родителей со стороны ребенка может быть результатом и примерного поведения, и вспышки гнева. Какая линия поведения будет для него предпочтительней? Конечно, для адекватного ответа следует иметь представление о специфических взаимоотношениях, сложившихся в конкретной семье. Знание необходимых компонентов ситуации с позиций социально-психологических перспектив. Кто-то может объяснить неучливое поведение ребенка особенностями его личности, кто-то – социализацией, ответственной за формирование соответствующего поведения. С позиций бихевиористского подхода, оно является следствием дифференциального подкрепления, часто неосознанного, без представления о возможных последствиях.

В соответствии с принципом дифференциального подкрепления, если имеется ряд оперантов, большей результативностью будет обладать тот, который производит подкрепление, с большей частотой и вероятностью. Дифференциальное подкрепление подразумевает укрепление одних типов поведения и ослабление других. Примером тому является адаптация эмигрантов к новой культуре. Очень часто представители этнических меньшинств в процессе адаптации проявляют поведенческие действия, характерные для коренного большинства, что сопряжено с целой системой подкрепляющих стимулов. Поведение, соответствующее данной культуре, подкрепляется существенно чаще, чем не соответствующее. Так, эмигрант, стремящийся получить работу, вынужден демонстрировать нормы и эталоны, поощряемые новой средой обитания. Дифференциальное подкрепление присутствует и в процессе овладения правильным языковым произношением – когда подкрепляются удачные попытки и погашаются неудачные.

Дискриминантный стимул. В крайне сложном социальном мире человеку в повседневной жизни приходится сталкиваться с огромным количеством сторонних воздействий. В свою очередь и он воздействует на свое окружение, вызывая в нем те или иные изменения. Некоторые поведенческие действия кажутся основывающимися на стимульно-реактивной основе, другие – не демонстрируют такой очевидности. Наиболее явным примером стимульно-реактивных следствий является респондентное поведение. По отношению к оперантному эта связь менее заметна. Тем не менее можно говорить, что человеческое поведение регулируется стимулами извне в качестве своеобразных индикаторов актуализации определенных поведенческих действий. Причем зачастую это осуществляется автоматически, без какого-либо рационального обоснования. Стимулы, вызывающие у индивида определенные операнты, получили название *дискриминантных*. Другими словами, они как бы сигнализируют о наличии, появлении стимула. Так, присутствие преподавателя в аудитории выступает в качестве определенного сигнала о необходимости совершения студентами соответствующих действий. В качестве подобных индикаторов могут выступать и сами операнты, получившие название дискриминантных в силу их контролируемости предшествующими стимулами.

Стимулы, сигнализирующие обстоятельство вызывания операнта и вероятность его актуализации, относятся к типу SDs. Однако далеко не все стимулы ассоциируются с усилением операнта. Некоторые из них, наоборот, связаны с уменьшением силы и вероятности актуализации операнта. Этот тип стимулов обозначается как S-delta. В качестве примера можно рассмотреть случай поведения ребенка, остающегося дома с няней, когда родители уходят на работу. В это время он может совершать поступки, связанные с отсутствием родителей. Когда же они возвращаются, увеличивается вероятность того, что ребенок перестает их совершать. Таким образом, присутствие родителей выступает в качестве дискриминантного стимула (S-delta), который снижает вероятность проявления определенного поведения.

Генерализация стимулов имеет место тогда, когда стимулы в силу их вторичных ассоциаций с подкреплением становятся подкрепляющими и / или дискриминантным стимулом, а другие стимулы, имеющие сходство с ними, также приобретают подкрепляющие и / или дискриминантные свойства. Генерализация стимулов – неотъемлемая часть повседневного социального взаимодействия. Примером ее являются суждения этнического большинства в отношении меньшинств типа – «все лица кавказской национальности одинаково плохи», «все цыгане криминальны» и т.п. Однако в реальной жизни представители большинства с великим усилием могут определить конкретные условия проявления подробного рода реакций. Более того, человек пытается найти обоснование нехарактерности подобного рода генерализаций в отношении конкретного человека, относящегося к данному социальному типу, но вызывающему положительное отношение. Так, суждение «все продавцы жулики» из уст мужчины, жена которого является продавцом, может вызвать защитное оправдание «лишь она является среди них белой вороной».

Генерализация и дифференциация реакций. Люди научаются устанавливать четкие различия между классами реакций в силу избирательного подкрепления. Более того, эти реакции (операнты) обычно обладают очень высокой вероятностью актуализации в одних ситуациях и низкой – в других (дискриминация стимулов). Тем не менее, усиление одной реакции данного класса может привести к усилению других. Успешная сдача при помощи определенной стратегии поведения экзамена одному преподавателю может стимулировать вероятность ее применения и в отношении других преподавателей. Большая часть из, казалось бы, новых поведенческих решений людей на самом деле является следствием генерализации реакций.

Дифференциация реакций проявляется при их длительном и интенсивном подкреплении, особенно в условиях дискриминации стимулов и / или дифференциального подкрепления. В рамках социального взаимодействия лесть в отношении определенного рода людей, при условии желаемого результата, приводит к определению социального типа «особо предрасположенных» и интенсификации применения к ним данной поведенческой стратегии.

Затухание представляет собой процесс возвращения операнта в исходное состояние при неподкреплении условий его проявления. В отдельных случаях оно

включает отсутствие наказаний за проявление операнта. Примером является техника «мелких уколов», направленная на выведение партнера из состояния равновесия. Если он выдерживает атаку, вероятность ее использования по отношению к нему со временем уменьшается. Другим примером является нереагирование педагога на готовность ученика отвечать на уроке, сигнализируемую поднятием руки. В случае неоднократного неподкрепления это стремление может угаснуть. В основном это означает, что угашение в существенной степени зависит от нейтральных стимулов, следующих за актуализацией операнта (т. е. ненаказания и неподкрепления). Основной трудно разрешаемой проблемой являются поиски адекватных нейтральных стимулов в ситуации социального взаимодействия.

При всем критическом отношении к стимульно-реактивной схеме, доминирующей в бихевиористском подходе, нельзя отрицать главного – его продуктивности в условиях отсутствия более глубоких объяснительных теорий. Сегодня процесс научения во многом строится на принципах подкрепления, впрочем, как и процесс воздействия, используемый в рекламе, пропаганде и т. п.

Представленный обзор основных понятий бихевиористской социальной психологии, конечно же, не отражает всего богатства ее категориального аппарата, но все же дает возможность разобраться в сути разрабатываемых им теоретических построений. Обладание культурой бихевиористской психологической ментальности создает предпосылки для конструктивного использования достижений данной традиции в пределах развития других психологических построений.

Основные идеи современного бихевиоризма.

Рассмотрим идеи, лежащие в основании социального поведения человека.

1. Человеческий организм динамичен в социальном взаимодействии – положение, являющееся центральным для понимания современной бихевиористской социальной психологии. В отличие от ортодоксального бихевиоризма Уотсона, рассматривающего первичность стимулов по отношению к реакциям, современный бихевиоризм предполагает первичность реакций по отношению к стимулам, т.е. человек воспринимается не как пассивно реагирующий на воздействующие извне стимулы, а как динамично активной в своем отношении к ним и к изменениям в окружающем его социальном мире.

2. Операнты продуцируют стимульные события, создавая возможность их будущего повторения. Социальные действия, совершаемые людьми, рассматриваются как способные влиять на окружение, вызывать позитивные, негативные или нейтральные последствия, которые, в свою очередь, увеличивают, уменьшают или вовсе не оказывают никакого влияния на будущую актуализацию определенных поведенческих действий. Без этого не только трудно объяснить формирование поведения, но и обсуждать вопрос о сохранении поведения или снижении возможностей его проявления.

3. Поддержание активного поведенческого репертуара является функцией подкрепления, обретенное поведение будет актуализироваться только при соответствующих стимульных условиях. Несмотря на достаточную гибкость обсуждаемого положения, оно все же не дает ответа на вопрос, почему человек при определенных обстоятельствах совершает определенные действия. Разве что подкрепление увеличивает вероятность актуализации операнта или утверждение о функциональных отношениях, о котором мы скажем ниже.

4. Повторяемость активности в сходных обстоятельствах. В своей работе «Поведенческая модель человека: предположения и применение» Kunkel и Nagasawa приходят к выводу, что стимулы не только генерализуются, но и будучи представленными в ситуации, могут сигнализировать о возможном проявлении определенной активности (закон дискриминации стимулов), примером чему является поведение тех же студентов в аудитории, сигнализирующее о необходимости следования определенным социальным нормам. Итак, если активность следует за подкреплением, вполне вероятно, что она будет повторно воспроизведена при сходных обстоятельствах.

5. Депривация (лишение). Если человек какое-то время лишен желаемого объекта, этот объект начинает со временем проявлять тенденцию к обладанию потенциалом подкрепления; если человек не лишен объекта, он не обладает подкрепляющей силой. Это положение является существенным для бихевиоризма прежде всего потому, что депривация проявляется в поведении человека значительно более эффективно, нежели принцип подкрепления. Реальная практика социальной жизни демонстрирует достаточно большое число примеров «сладости запретного плода». Однако не вызывает сомнений, что данное положение носит отнюдь не универсальный характер.

Эффективность подкрепления остается предметом дискуссии и сегодня. Так, устанавливают, что «свойства подкрепления многих стимулов (не всех) зависят от их пригодности или приемлемости на достаточно длительный период» (1978, с. 26–27).

6. Моделирование и научение. Актуальным для современной бихевиористской социальной психологии является и положение о моделировании – процессе научения, в котором индивид актуализирует реакции, полученные посредством наблюдения за действиями и их последствиями со стороны других людей. Продолжающаяся актуализация определенного поведения в данной логике рассуждений является производной от того, в какой степени наблюдаемое поведение подкреплено (Kunkel, Nagasawa, 1978, с. 534). Общий вывод сводится к следующему – если активности можно научить через моделирование, то вполне вероятно, что она будет воспроизведена наблюдающим в сходных обстоятельствах (при условии, что поведение наблюдаемого было подкреплено).

Особый вклад в разработку научения через моделирование внес А. Бандура. Автор утверждает, что результаты наблюдения за действиями других помогают определить природу и возможную эффективность непосредственно воспринимаемых действий, делать оценки последствий наблюдаемых действий – пригодных, полезных или наоборот.

Конечно, когнитивная революция в психологии не могла не оказать влияния на теоретические построения бихевиористов. Игнорирование таких категорий, как мышление, сознание, самость, социальный опыт, внутренняя активность и т. п., не могло не сказаться здесь. Поэтому в современных теоретических построениях бихевиористов все больше представлены элементы внутренней активности человека. В то же время, вполне естественно, отказ от фундаментальных постулатов происходит не так легко, как хотелось бы. В 1990-е годы обозначились кризисные тенденции и в когнитивной, и в гуманистической социально-психологических традициях. Наблюдается интерес ко многим наработкам в рамках бихевиористской и психодинамической традиций, возврат к анализу поведения человека на метатеоретическом уровне.

Специфика бихевиористского подхода к рассмотрению социально-психологической феноменологии

В соответствии с логикой рассуждений, анализ поведения должен строиться на следующих основополагающих представлениях: 1) детерминизме окружающей среды, включающем взаимодействие между организмами (в том числе генетическую одаренность) и их социальным окружением; 2) принципе эволюционности, в соответствии с которым поведение осуществляется на основе соответствующих механизмов в процессе эволюции; 3) объективном наблюдения как инструменте познания действительности; 4) функциональности анализа взаимодействий и объяснений.

Отличительной особенностью анализа поведения является подчеркивание влияния окружения, среды на человеческий организм, генетических данных организма, чувствительности к подкреплению в соответствии с его ролью для выживания.

S. Vijou и D. Baer определяют анализ поведения человека как его психологическое развитие, включающее прогрессивные изменения в ходе взаимодействия с событиями и фактами реальной жизни. Пытаясь оставаться в рамках естественнонаучного подхода, авторы пытаются избежать включения ненаблюдаемых гипотетических построений – причин поведения – и, наоборот, придерживаются идеи о том, что человеческое поведение представляет собой некоторую функцию специфических характеристик биологического созревания организма в его взаимодействии с окружающим миром.

Поведение разграничивается на две категории – респондентное и оперантное. Расширение значения понятия «реакция» достигается за счет введения понятия «класс реакций», основывающегося на суждении о том, что реакции человека изменчивы во времени. Класс реакций относится к тем варьирующимся формам реагирования, которые выполняют сходную функцию. Одни представители класса реакций сходны, другие весьма отличны, и лишь одно остается неизменным – влияние на окружение или одинаковое реагирование на сходные события в окружении.

Человек рассматривается не только как источник респондентных и оперантных реакций, но и как источник стимулов, как своего рода окружение внутри собственной самости. Представленность окружения в индивиде может измеряться по косвенным проявлениям: либо через предшествующие наблюдавшиеся взаимодействия, генерируемые биологическими структурами и их функционированием (например, желудочная боль от перенасыщения), либо собственно поведением (например, речью, мускульным напряжением и т. д.). Таким образом, индивид может быть источником стимулов, которые обуславливают респондентное поведение, источником стимулов усиливающих, ослабляющих либо не оказывающих никакого влияния на существующие условия. Именно по этой причине анализ поведения рассматривает индивида как «группу взаимосвязанного оперантного и респондентного поведения и как источник стимулов, приобретающих специфические функциональные качества для этого поведения». Большинство же стимулов, влияющих на поведение человека, обладают внешними источниками, и каждый должен быть измерен с помощью инструментов или посредством изменений в поведении индивида.

Окружение индивида включает два компонента: «специфические стимульные события», интегрирующие физические объекты (дома, машины и т. д.), химические объекты (аромат цветов, пищи, парфюмерии и т. д.), организмы и социальные объекты (действия и взаимодействия других), «обрамляющие объекты», или контекст, в котором происходит стимульно-реактивное взаимодействие. Обрамляющие объекты включают в свою очередь физические и химические обрамления (земля–вода, чистый воздух–загрязненный воздух и т. д.), организмические (насыщенное, ограниченное, опасное поведение, присутствие наркотиков в организме, физиологический цикл и т. д.), социальные (культура, дом, церковь, присутствие значимых других и т. п.)

Специфические стимульные события как компоненты окружения могут анализироваться в характеристиках их физических измерений и / или функциональных аспектов. Когда они описываются в характеристиках их физических атрибутов (красный автомобиль, высокий голос и т. п.), конкретизируются физические характеристики стимулов. Стимулы могут измеряться изменениями в поведении индивида, и это составляет их функциональный аспект (функция стимулов). Если поведение показывает наличие значимой связи между стимулом и реакцией, для анализа становится значимой и функция стимула. Понятие стимульной функции позволяет организовать многообразие стимульных событий и на этой основе избежать субъективизма понятий.

Класс стимулов позволяет систематизировать сходные стимулы, проявляющиеся в разных обстоятельствах. В рамках одного класса они могут существенно различаться физически или быть схожими, однако их эффект по отношению к поведению должен быть одинаков (так, сцена из телепередачи, картина, запах из кухни могут приводить к одному и тому же эффекту – желанию поесть).

Обрамляющие факторы раскрывают характеристики конкретных стимулов функции реакции в их взаимодействии. Природа обрамляющих факторов может быть физической, химической, органической или биологической, социальной или

культурной, а в повседневной жизни они могут представлять в различных комбинациях, что повышает вероятность актуализации поведения человека, усиливает его стимульно-реактивные функции.

Наконец, в качестве решающих аспектов анализа поведения выступает продолжительность взаимодействия между индивидом и окружением.

Поведенческий анализ устанавливает, что утверждение функциональных отношений адекватно отвечает на вопрос «почему?» и якобы гипотетически отрицает объяснение, так как оно нарушает соответствие между теоретической и эмпирической деятельностью в науке. В любом случае система современного анализа поведения рассматривает стимульные условия, предшествующие или следующие, не как причину реакций, а как один из факторов множественного поля, и строится она на понимании всевозможных взаимодействий человеческого поведения и окружения.

К числу заслуг бихевиористского направления в социальной психологии следует отнести привнесение аспектов научности, строгости теоретических построений, их обязательного подтверждения в эксперименте, детальной проработки вопросов формирования, проявления и изменения поведения.

Следует также отметить все большую его конвергенцию с когнитивной традицией в социальной психологии, однако после кризиса когнитивизма начала 80-х годов стала очевидной необходимость новой спирали в построении интегративной социальной психологии, в которой роль бихевиористской традиции будет по-прежнему расти.

Глоссарий

Вероятность подкрепления – условия проявления определенных оперантных действий в соответствующих обстоятельствах. Обстоятельства проявления определенных оперантов часто определяются как схемы подкрепления.

Генерализация стимулов – имеет место тогда, когда стимул (стимулы) в силу их повторных ассоциаций с подкреплением становятся подкрепляющими и / или дискриминантными стимулами, а другие стимулы, имеющие сходство с ними также приобретают подкрепляющие и / или дискриминантные свойства.

Депривация – состояние лишения желаемого объекта, выражающееся в обретении со временем объектом тенденции обладания потенциалом подкрепления, становление «запретного плода» сладким.

Дискриминантные стимулы – индикаторы проявления определенных оперантов, сигнализирующие об обстоятельствах вызывания стимула.

Дифференциальное подкрепление – имеет место в тех социальных ситуациях, в которых человеку предстоит выбор между двумя или несколькими альтернативными линиями поведения, приводящими к одному и тому же результату.

Затухание – процесс возвращения операнта в исходное состояние при неподкреплении условий проявления операнта.

Моделирование – процесс научения, в котором индивид (индивиды) актуализирует реакции, наученные посредством наблюдения за действиями и их последствиями со стороны других людей.

Негативное наказание – сокращение или устранение событий, последствий или изменений в окружении, приводящее к снижению проявлений нежелательного поведения.

Негативное подкрепление – стимулы, способствующие устранению проявления определенных оперантов. В случае негативного подкрепления речь идет о сокращении окружения, способствующем прекращению проявлений нежелательного поведения.

Нейтральные подкрепления – события и последствия, следующие за некоторым оперантом и не оказывающие влияния на вероятность его проявления в будущем.

Оперант – поведение (реакция) личности, вызывающая изменение в его окружении.

Поведение – родовый термин, охватывающий действия, деятельность, реакции, движения, процессы, операции и т.д., т.е. любые измеряемые реакции.

Позитивное наказание – сокращение или устранение событий, последствий или изменений в окружении индивида, приводящее в случае применения после их проявления к повышению вероятности будущих проявлений желательного поведения.

Позитивное подкрепление – события, последствия или изменения в окружении индивида, обусловленные некоторым оперантом, повышающим вероятность его проявления.

Респондент – реакция организма на определенного рода стимуляцию. Основное различие между оперантом и респондентом заключается в отношении поведения к стимулу. Операнты контролируются своими последствиями (стимулами, следующими за ними), в то время как респонденты контролируются стимулами, предшествующими им.

Стимул – события, последствия или изменения в окружении индивида, оказывающие воздействие на его поведение.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие бихевиористского подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
2. В чем причины избрания естественнонаучного подхода (позитивистского) как ведущей методологии исследования?
3. Каковы основные тенденции развития современного бихевиоризма в социальной психологии?
4. Почему бихевиористы избегают рассмотрения внутренней активности личности как детерминанты поведения?

Для дополнительного чтения

1. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2000.

2. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Основной источник

Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Психодинамический подход в социальной психологии

Психоанализ, а точнее психодинамический подход в социальной психологии, явление достаточно дискуссионное и неоднозначное. Воспринимаясь многими исследователями, в силу своей склонности к анализу бессознательных психических процессов, как ненаучный, психоанализ достаточно убедительно доказал в последние годы свою продуктивность при рассмотрении в том числе и социально-психологической феноменологии. Привлечение концептуального и инструментального аппарата психоанализа оказалось продуктивным применительно, по крайней мере, к двум фундаментальным областям социально-психологических исследований – области самости, в аспектах ее структуры, формирования, развития и функционирования, а также групп, как больших, так и малых, в аспекте бессознательных процессов, реализующихся в них.

Историко-культурные основания психодинамического подхода

Теоретические основания психодинамического подхода основываются на идеях классического психоанализа З. Фрейда, для понимания которых необходимо погружение в историко-культурный контекст их формирования. Прежде всего следует упомянуть эволюционное учение Ч. Дарвина и биогенетический закон Э. Геккеля. Большое влияние на него оказало пребывание в физиологическом институте в Брюкккк, где он написал свою первую научную статью и познакомился с Й. Брейером. В больнице Сальпетриер в Париже он встретился с известным психиатром Ж.-М. Шарко и познакомился с методом гипноза. Большое влияние на него оказали такие великие личности, как В. Лейбниц, создатель учения о монадах – мельчайших духовно-психических частицах, врач и естествоиспытатель К.-Г. Карус, установивший, что бессознательная психическая деятельность проявляется через психические переживания и сны; философ Э. фон Гартман, написавший трехтомник «Философия бессознательного»; философ и педагог И. Гербарт, описавший влечения, которые могут быть вытеснены «за порог сознания»; философ А. Шопенгауэр, чья «Воля к жизни» имеет много общего с фрейдовским инстинктом или «Эросом».

Фрейд был эрудитом, много времени уделявшим художественной литературе. Наконец, он творил во время величайших открытий в области естествознания: атомарной модели Э. Резерфорда, принципа относительности А. Эйнштейна, явления радиоактивности супругов Кюри и др. Все это вместе взятое и интегрированное в блестящем мышлении Фрейда и создало предпосылки для построения известнейших топографической (сознание–предсознание–бессознательное) и структурной моделей (Супер–Эго–Эго–Оно), лежащих в основе психоанализа.

На примере психоанализа особенно явственно прослеживается идея влияния контекста на понимание происходящего. Психоанализ на этапе формирования отличался исходной направленностью на аккумуляцию достижений всей человеческой культуры применительно к пониманию ее субъекта и объекта – человека во всем многообразии его проявлений и тайн, не доступных рациональному пониманию и объяснению. Психоанализ добился признания себя как достижения культуры и оказал на нее огромное влияние. На его примере читателю должно стать понятно, что понять нечто можно только обратившись к его корням, вскрыв тот культурный контекст, который в существенной степени и определил его уникальность. Уникальность психоаналитической трактовки социально-психологической феноменологии как раз и заключается в том, что ее понимание становится возможным при реконструкции этого историко-культурного контекста. Как уже отмечалось, Фрейд формировался как исследователь под влиянием определенных людей и связанных с ними идей, его видение психологической проблематики происходило в конкретное время войн и связанных с ними разрушений, демонстрировавших со всей наглядностью звериное нутро человека, освобождающееся в экстремальных ситуациях от сдерживающих рамок морали. Наконец, непосредственное влияние на него оказали достижения естествознания этого времени с его акцентом на проблематику энергетики. Открытия физиков-ядерщиков создали основание для использования метафоры энергии и предложили атомарный вариант его структурного носителя. Идеи диалектики повлияли на включение в эту структуру противоположных первоначал (эрос–танатос, Оно–Сверх-Я), единство и борьба которых и составляют личность (Эго) и ее движущие силы (энергетический резервуар), насыщающий активность личности.

Не останавливаясь на анализе специального понятийного аппарата психоанализа, не имеющего прямого отношения к предмету социальной психологии, отметим, что только благодаря гению и харизме Фрейда в рациональное мышление была введена сама идея иррационального и необходимости использования особой исследовательской методологии, обладающей способностью схватывать не лежащее на поверхности сознания и свободной как по структуре, так и по содержанию. Именно погружение в мир другого человека с целью выявления скрытой подоплеки его проблемного поля и составляет отличительную особенность психоанализа и его последующих, в том числе и психодинамических, модификаций. Именно в психодинамическом подходе впервые ставится вопрос о роли личности исследователя в

процессе познания и его проекциях, делающих это познание не свободным от самого себя, и необходимости принятия специальных усилий и использования специальных средств для приближения к пониманию сути происходящего.

Как уже отмечалось, психоанализ обладает уникальным рядом понятий, языком и методом для исследований субъективных переживаний. Он обладает теорией о том, что побуждает социальную жизнь. Он описывает и изучает процессы, посредством которых социальный мир становится частью внутреннего мира, создавая наше социальное бытие, а нас социальными сущностями. Посредством психоанализа можно изучать содержание нашего внутреннего мира, подразумевая по этим же пути, посредством которых мы формируем значение внешнего мира и впоследствии репрезентируем его символически в том же внутреннем мире, создавая свою собственную физическую реальность и самость. В психоанализе присутствие и влияние других людей постоянно и глубоко как в отношении внешней реальности, так и по отношению к собственному внутреннему миру. Психодинамика может быть представлена как средство для проверки того, как индивиды конструируют и интернализируют социальный мир и сами конструируются им.

С точки зрения представителей психодинамического подхода вещи не являются такими, какими они кажутся на первый взгляд. Большая часть из того, что мы считаем присущим нам, социальной жизни и обществу требует переосмысления.

Так как психодинамический подход предоставляет всестороннее описание субъективных переживаний со своей собственной позиции, а эти переживания являются предметом изучения и объяснения и других традиций и подходов, представленных в данной книге, он создает одно из оснований диалогического углубления в понимание их природы на интегративно-эклетическом основании. В чем-то эти описания пересекаются друг с другом, а в чем-то психодинамический подход отличается от всех других. Такого рода отличия и совпадения создают фундамент для очень важного – развития самостоятельного анализа и рефлексии самого читателя. Сопоставляя различные подходы друг с другом, соглашаясь или не соглашаясь с ними в тех или иных вопросах, мы развиваемся как самостоятельные личности, способные принимать самостоятельные и обоснованные решения.

Специфика психодинамического подхода в социальной психологии

В целом психодинамический подход занимается выяснением того, как, когда и с каким результатом мы конструируем нашу внутреннюю символическую репрезентацию внешнего мира. Основопологающей для них является идея о том, что структура и содержание нашей самости или осознания самих себя задаются в первые годы жизни в процессе взаимодействия со значимым окружением. Этот микросоциальный контекст рассматривается как связь между индивидом и обществом.

В соответствии с психодинамическим подходом каждый из нас существует в собственной психической реальности. Наши собственные уникальные репрезентации мира являются предубежденными или сконструированными в своих собственных целях. В нашем внутреннем мире наша психическая реальность является

единственной и приводит к отрицанию, преувеличениям, идеализациям или самым разнообразным фантазиям. Демаркация между реальностью и фантазией крайне сложна. Многообразие вариаций внутренних символических репрезентаций реальности, осознанные и неосознаваемые фантазии и воспоминания постоянно переплетаются в наших субъективных жизненных переживаниях и самым непосредственным образом влияют на то, как мы действуем в мире.

С учетом изложенного специфику рассмотрения социально-психологической феноменологии с позиций психодинамического подхода можно представить в ряде особенностей, связанных с его экологической валидностью, фокусированием на смыслах и субъективных переживаниях и специфических методах доказательства, к разворачиванию которых мы и переходим.

Экологическая валидность. Представители психодинамического подхода обычно исследуют процессы и явления, имеющие длительную продолжительность во времени, даже если они только начали изучаться. Это традиционные для психоанализа сеансы, многочисленные встречи с клиентом и группой, получившая широкое распространение групповая терапия. В отличие от экспериментальной психологии, имеющей отношение к краткосрочным группам незнакомых людей, в психодинамическом подходе осуществляется работа с группами и клиентами, имеющими длительную историю совместного функционирования. Причем проявления этой истории, ее внутреннего контекста могут носить как осознанный, так и неосознанный характер. Когда человек входит в новую группу, при всех стараниях экспериментатора обеспечить «чистоту» эксперимента ему это не удастся. У члена новой группы, как и у клиента психоаналитика, во время консультативного сеанса, есть своя внутренняя история, его взгляды и предубеждения, отношение к происходящему и многое другое. В этом смысле психодинамическое исследование выгодно отличается от классического экспериментального именно своей экологичностью, жизненностью, а не препарированностью. Правда, провоцируя обвинения в субъективизме, психодинамический подход пытается дополнить понимание личности и группы более множественными и неосознаваемыми типами научения, конструкциями реальности и самости.

Фокусирование на смыслах и субъективных переживаниях. Психодинамический подход пытается заглянуть внутрь того, что происходит, выйти за пределы наблюдаемого поведения, чтобы в понятиях ухватить те значения, которыми обладает для них происходящее и связанные с ним субъективные переживания и эмоциональные состояния. Он концентрируется на неосознаваемых мотивах людей, на неосознаваемой коммуникации между ними, на динамике коллективного бессознательного.

Методы доказательства. Психодинамика в практике своих исследований использует методы, которые неприемлемы для экспериментальной традиции. Ее методы предполагают наблюдение, становление исследователя частью наблюдаемого, осознание собственной вовлеченности в происходящее, давление неосознанной коммуникации. Будучи одновременно аналитиком и участником, исследователь получает возможность реального видения и мониторинга того, что происходит на уровне обыденного сознания, может рефлексировать собственные наблюдения, реакцию на происходящее, делать выводы об основополагающих значениях. Все

эти наблюдения и самоанализ производятся во времени и часто при таких обстоятельствах, которые дают ему возможность для динамического анализа изменений в ходе происходящих процессов. Все эти особенности психодинамического подхода показывают его сильные стороны, одновременно обнажая слабые – прежде всего субъективизм и герменевтичность с точки зрения традиционной экспериментальной социальной психологии. В то же время они полностью соответствуют системе эпистемологических и онтологических оснований современной социальной психологии, способствуют оживлению психологической науки.

Основополагающие понятия индивида и группы

Первые исследования по вопросам групповой психодинамики связаны с исследованиями W. Вion в Тэвистокской клинике (1961), показавшими наличие скрытой неосознаваемой жизни группы, связанной с интрагрупповым напряжением, взаимоотношениями и эмоциями. Социально-психологические представления, обусловленные спецификой межличностного обращения, формированием, развитием и функционированием самости как социальной сущности, отражены во многих работах представителей эго-психологии и теории объектных отношений. Поскольку понятия об индивиде были разработаны в рамках психодинамической традиции раньше по времени и более многоаспектно, не удивительно, что они в существенной степени предопределили специфику рассмотрения бессознательных процессов в группе. Для всех разновидностей психодинамических подходов характерными являются следующие три кластера понятий и выводов о природе личности: неосознаваемая мотивация; влияние обращения в раннем детстве; контроль беспокойства.

Неосознаваемая мотивация – как признание того, что вещи не являются такими, какими они кажутся (Morgan и Thomas, 1996, с. 73), что человеческое поведение и сознание в высокой степени детерминированы бессознательными мотивами, которые могут пробуждать кажущиеся иррациональными чувства и поведение. Для психодинамики характерна идея признания бессознательного как фактора детерминирующего поведение, часто противоположное осознаваемым целям. Если этот тезис принимается, можно предположить, что люди, объединяющиеся в группу с той или иной целью, могут быть детерминированными как осознаваемыми, так и неосознаваемыми факторами. Примеры внешне иррационального поведения достаточно известны в условиях семьи, рабочей группы и т.п. Но поскольку мы обычно не принимаем этих неосознаваемых сил, становится трудным или невозможным рефлексировать то, что происходит, адекватно изменять поведение и адаптировать роли. Примером такого рода иррационализма является провоцирование конфликта с преподавателем студенческой группой при осознании того, что ей в недалеком будущем придется столкнуться с ним на экзамене. В данном случае мы имеем дело с параллельным существованием двух групп – одной, полностью осознающей последствия конфликта, и второй – неосознаваемой группы, заинтересованной в эмоциональной жизни группы как целого.

Влияние обращения в детстве. Второй кластер выводов связан с влиянием (специфики обращения со значимыми другими в очень раннем детстве) на характер переживаний взрослого человека. С этой точки зрения, ранний жизненный опыт приводит к формированию устойчивых внутренних миров, которые эмоционально заряжают конструкции внешних миров, их эмоциональное переживание, представляют сконструированные основания психической реальности.

Интернализированные (интроецированные) версии других людей и их отношений, запечатленные в раннем детстве, составляют главное этих внутренних миров. В теории объектных отношений идентификации с данными интроекциями рассматриваются как источники самости, создаваемой другими людьми. Интроецируются не только отдельные люди, но и люди в группах. Все эти комбинации внутренних объектов и объектных отношений потенциально доступны для нашей идентификации с ними, построения самих себя и как шаблонов для нового воспроизведения посредством неосознаваемых процессов трансфера. Идея «неосознаваемой группы» представляет новое направление в размышлении о влиянии членства в группе; ограничении линии раздела между индивидом и другими членами группы.

Практически во всех культурах ранний опыт взаимоотношений формируется в семьях и в среде родственников. В соответствии с психодинамическим подходом он выступает в качестве блоков, лежащих в основе построения нашего жизненного поведения, использования других в обстоятельствах группового взаимодействия. Мы часто используем одни и те же зафиксированные в детстве шаблоны построения взаимоотношений, проецируем прошлое на настоящее, используем примитивные формы защиты от грозящей опасности, чувствуем себя разорванными на части. Это особенно характерно для людей в состоянии стресса, подавленности, болезни и т. п. В группе беспокойство может вызвать ассоциация с поведением, связанным с соперничеством, завистью, запугиванием, испытанными в детстве со стороны братьев и сестер и т. п. Однако под этой не всегда рациональной логикой скрываются и рациональные начала; если провести аналогию с импринтингом, можно предположить, что шаблоны, усвоенные в детстве, могут устойчиво фиксироваться в поведенческом опыте и импульсивно воспроизводиться в случае быстрого нахождения рациональных альтернатив.

Контроль беспокойства связан с психологической защитой, направленной на преодоление внутреннего дискомфорта. Практически для всех школ психодинамики характерно признание того, что сознание и наши внутренние версии мира – установленные в детстве – систематически меняются с целью избегания беспокойства. Психологическая защита направлена на создание внутренних версий мира, делающих жизнь более терпимой. Так как она часто проявляется бессознательно, с действием ее механизмов связаны многие иррациональные поступки и представления.

Если такая защита функционирует на уровне индивида, легко предположить ее существование и на уровне группы как целостного организма. Член группы, осознанно или нет, но может передать свое беспокойство другим. Когда этим беспокойством заражается несколько членов группы, они неосознанно могут выработать

единую стратегию защиты, направленную на преодоление этого беспокойства. Такие же процессы могут происходить и в больших группах, в частности в толпе.

Вполне возможно, что транслируемое другим членам группы беспокойство может быть спровоцированным эмоциями и конфликтами, пережитыми в раннем детстве. Одним из наиболее существенных источников беспокойства является попытка дифференцировать собственную самость от других людей, сохранив свою собственную идентичность.

Глоссарий

Бессознательное – в «топическом» смысле слова, в трактовке З. Фрейда, состоит из содержаний, не допущенных в систему «Предсознание–Сознание» в результате вытеснения. В более широком понимании под бессознательным понимается все то, что не осознается индивидом, но оказывает влияние на него. Основными чертами бессознательного являются: репрезентация влечений; управляемость особыми механизмами первичных процессов (сгущением и смешением); нагруженность энергией влечений, стремящихся вернуться в сознание и проявиться в поведении, достигаемые лишь в результате компромиссов, опосредуемых цензурой.

Защита – совокупность действий, нацеленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего цельности и устойчивости биопсихологического индивида. Поскольку эта устойчивость воплощается в Эго, которое всячески стремится его сохранить, его можно считать действующим лицом в этих процессах. В целом речь идет о защите от внутреннего возбуждения (влечения) и особенно от представлений (воспоминаний, фантазий), причастных к этому влечению, а также о защите от ситуаций, порождающих такое возбуждение, которое нарушает душевное равновесие и, следовательно, неприятно для Эго. Подразумевается также защита от неприятных аффектов, выступающих в роли сигналов к защите. Защитный процесс осуществляется механизмами защиты, в той или иной степени интегрированными в Эго.

Неосознаваемая группа – в трактовке Бип, группа людей (воображаемая или реальная), оказывающих скрытое, неосознаваемое влияние на поведение человека.

Предсознание – то, что ускользает от актуального сознания, но не является бессознательным. Охватывает содержание и процессы, относящиеся преимущественно к Эго и Супер-Эго. Изначально введено как система психического, четко отличная от системы бессознательного. Предсознание отличается от бессознательного, т. к. его продукты остаются доступными сознанию. С метапсихологической точки зрения оно управляет вторичным процессом, будучи отделенным от бессознательного цензурой.

Супер-Эго – аппарат цензуры по отношению к Эго, ответственный за нравственное сознание, самонаблюдение и формирование идеалов. Обычно трактуется как наследник Эдипова комплекса, образуясь как результат интериоризации родительских требований и запретов.

Танатос – (от древнегреческого Thanatos – смерть) термин обозначающий влечение к смерти по аналогии с термином «Эрос». Этим подчеркивается радикальный характер человеческих влечений, их всеобщий и основополагающий характер. Единство инстинктов смерти (Танатос) и

продолжения рода (Эрос) представляют собой резервуар энергии, насыщающий активность человека и представляющий ее первоатомы.

Эго – термин, обозначающий своеобразную производную от Оно и Сверх-Я, а также запросов реальности. Хотя Эго и выступает посредником, защищающим интересы личности в целом, оно обладает лишь относительной самостоятельностью. В динамическом аспекте оно представляет собой прежде всего полюс в невротическом конфликте, приводя в действие ряд защитных механизмов. Эго выступает также как связующее звено между различными психическими процессами, но неся на себе отпечаток первичного процесса. Эго выступает и в качестве приспособительного аппарата, отделившегося от Оно при контакте с внешней реальностью и как результат отождествлений, приведших к формированию в недрах личности объекта, нагруженного энергией Оно.

Эрос – слово, обозначающее у греков любовь или бога любви. В последней теории влечений Фрейда – совокупность влечений к жизни, противоположных влечениям к смерти (см. Танатос).

Вопросы для обсуждения

1. Каковы историко-культурные особенности возникновения психоанализа?
2. Назовите основные понятия психоаналитического подхода и попытайтесь объяснить их значение.
3. В чем своеобразие психодинамического подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
4. Каковы основные тенденции развития современного психодинамического подхода в социальной психологии?
5. Почему представители психодинамического подхода концентрируются на бессознательной внутренней активности?

Для дополнительного чтения

1. Андриенко Е. В. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия». 2000.
2. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Пер. с франц. Н.С. Автономовой. – М.: Высш. шк., 1996.
3. Куттер П. Современный психоанализ: Введение в психологию бессознательных процессов. – СПб: Питер, 1997.
4. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 1. Теория пер. с англ. / Общ. ред. А. В. Казанской. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1996.
5. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 2. Теория пер. с англ. / Общ. ред. А. В. Казанской. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1996.

Основной источник

1. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Интеракционистский подход в социальной психологии и его специфика

Философские предпосылки интеракционистского подхода

Наибольшую популярность интеракционизм приобрел в рамках социологии и социологического направления в социальной психологии, долгое время игнорировавшегося в психологической ветвью. Специфика интеракционистского подхода определяется, по мнению С. Franklin, в следующем: 1) индивид и общество неотделимы друг от друга; 2) индивиды представляют собой рефлексивную и интерактивную сущность, обладающую самостью; 3) индивиды реагируют на объекты окружающего мира в соответствии со значениями, которыми они имеют для них. Акцентация на мире значений, которыми оперирует человек в своем взаимодействии с окружающим миром, нашла свое выражение в названии *символический интеракционизм*, основы которого формировались в работах философов, экономистов, психологов и историков, прослеживаются в учении Аристотеля, но в более целостном виде представлены в шотландской философии морали, как первой предшественницы символического интеракционизма. Именно А. Смит, Д. Юм и А. Фергюссон заложили предпосылки философского прагматизма, оказавшего самое сильное влияние на создание интеракционизма.

Основные принципы шотландской философии морали можно свести к следующему: 1) приверженность к индукции как теоретической стратегии и интроспекции как методологическому методу; 2) приверженность к эмпиризму, подчеркивающему значимость практики; 3) принятие в качестве источников человеческого поведения таких явлений, как симпатия, привычка, чувства и представления морали; 4) представление о том, что симпатия как основной источник поведения представляет собой основу для формирования взаимосогласия между людьми в обществе; 5) представление о том, что обычаи и привычки являются источниками человеческого поведения, приобретаемыми в процессе коммуникации между людьми.

Эти положения отражают идеи американского прагматизма, явившегося философской первоосновой символического интеракционизма.

С точки зрения философского прагматизма, значение объекта не является внутренне присущим объекту, а порождается поведением объекта, проявляемым от ситуации к ситуации. Именно этот постулат прагматизма в его модифицированном виде принимается интеракционистами. Подчеркивая активную роль человека в формировании его окружения, интеракционисты приходят к выводу, что значение объекта представлено в поведении, направленном на него, а не в объекте самом по себе. Точка зрения В. Джемса на то, что люди изменяют объекты своими решениями, идеями, восприятиями и чувствами, является наилучшей иллюстрацией сказанного.

Еще одной методологической посылкой этого подхода является признание мыслительной активности как процессуальной, которая по своей природе существенно расширяет возможности социально-психологической феноменологии, хотя и создает ряд сложностей для теоретических построений и эмпирического подтверждения последних. Это приводит к доминированию имплицитно-структурированного теоретизирования со всеми его преимуществами и недостатками.

Современный символический интеракционизм представляет достаточно пеструю картину школ, направлений и отраслей, из которых можно выделить два основных направления: процессуальный символический интеракционизм и структурный. К первому относят те ветви, которые фокусируются на аспектах природы взаимодействия как процесса; ко второму – те ветви, которые фокусируются на влиянии социальной структуры (например, ролей, определенной ситуации, статуса и т. д.), т. е. на социальном взаимодействии.

Процессуальный символический интеракционизм

Хронологически первой фундаментальной категорией в качестве объекта анализа интеракционистов стала человеческая самость (self) в ее социальном аспекте. Особый вклад в разработку этой проблематики внесли В. Джемс и Ч. -Х. Кули.

В. Джемс развивает тезис о самости как явлении социальном, определяя ее как сумму всеобщности. Она включает мысли человека о самом себе, его настроение и состояние, реальные и нереальные обладания и т.д.

Признавая четыре вида самости (материальную, духовную, социальную и чистое Эго), Джемс рассматривает социальную самость как состоящую из рефлексивных характеристик, главных для интеракционистского подхода. Самость, как и другие объекты, может рассматриваться индивидом, может обладать значением и отношением к ней и вести себя с ней так, как и с другими внешними объектами. В своей «Психологии» он обсуждает два аспекта самости: самость как познающая («I») и самость как познанная («Me»).

Понятие «I» представляет то, что в каждый данный момент осознается индивидом или, иными словами, это есть познающее. Каждое моментальное состояние сознания замещается другим таким же состоянием, устанавливая, таким образом, функциональные отношения между ними. Именно поэтому один и тот же объект осознается и как личностное единство, и как тождество происходящего. Другими словами, личностное единство существует при условии успешности познающего, так как все познающее существует с некоторой степенью осведомленности о том, что было в прошлом. В качестве примера можно привести тот факт, что после ознакомления с данным материалом ваше сознание отличается от исходного, и то же время испытываете личностное единство потому, что осведомлены о прошлом.

Понятие «Me» представляется как «сумма всеобщности, известной о ней» и существующая в том, что получено друг от друга. Джемс считал, что человек обладает врожденной способностью к достижению такого узнавания, результатом которого является множественность самостей индивида по отношению к значимым

для него группам. Самость, по Джемсу, характеризуется непрерывностью и многообразием: непрерывность сохраняется I, а многообразие предоставляется Me.

Другой не менее заметной фигурой для становления идеи интеракционизма был Ч. -Х. Кули. Самость рассматривается им как отражение мыслей других людей по поводу себя самого и являет собою представление личности о себе самой, конструируемое на основе осознания реакций окружающих людей. Интегральный аспект самости представляет собой самоотношение, сформированное на инстинктивной основе, обладающей необработанной формой на момент рождения, но изменяющейся и переопределяющейся в процессе социального взаимодействия. Это означает, что общество и вся социальная жизнь могут рассматриваться как хранящиеся в мышлении людей, что делает в качестве основной задачи социальной психологии и социологии рассмотрение и интерпретацию мыслительной активности людей. Такое рассмотрение обуславливает необходимость создания особого методологического инструмента для социальной психологии. Этот инструмент, названный *симпатической интроспекцией*, включает воображаемый перенос себя в положение другого человека в целях приближения к его опыту. Представляя жизнь других, человек анализирует и описывает собственный опыт.

Самой авторитетной фигурой, собственно определившей популярность идей интеракционистского подхода в психологическом сообществе, является Дж. -Г. Мид (Mead). Значение его работ для утверждения интеракционизма не переоценимо. Опубликование его конспекта лекций под названием «Мышление, самость и общество» заложило фундамент для развития социальной психологии.

Значение работ Мида связано с определением природы социальной сущности человека. Избирая самость как центральную категорию, Мид рассматривает ее как рефлексивную. Это означает, что индивид становится объектом самого себя или собственной самости, адаптируясь к позиции других и рассматривая себя с их точки зрения. Совершая подобное, человек способен не только испытать действия, совершаемые по отношению к другим, но и погрузиться в эти действия.

По Миду, человек не просто реагирует на действия других, а прежде всего интерпретирует их. Если моя интерпретация действий (оценка значения сигнала) синонимична значению, придаваемому другим, начинаются согласованные действия. Только потому, что я отвечаю на свои собственные сигналы с точки зрения другого человека, и потому, что другой отвечает на его собственные сигналы с учетом моей точки зрения, становится возможным взаимодействие этих сигналов. Когда люди подобным образом осознают значения, они в воображении формируют ответные реакции через принятие соответствующей роли, способствующей пониманию направления действий другого и приспособлять свое поведение к его поведению. Когда люди овладевают опытом других, вследствие реагирования на собственные сигналы, они тем самым включают поведение других в свое собственное и поведение становится действительно социальным. Именно в этом контексте общество представляет собой процесс символической интеракции. Мид утверждает, что: 1) самость существует через социальное взаимодействие; 2) только обладание самостью делает возможной символическую интеракцию – необходимое условие совместной деятельности.

Он обосновывает процессуальный характер символической интеракции, отмечая, что процесс, в котором порождается самость, социален; он подразумевает взаимодействие индивидов в группе, полагающее предсуществование группы и некоторую совместную деятельность, в которую включены различные члены группы. Только через социальное взаимодействие появляется возможность существования самости, становление ее определенной и переопределяемой. Ребенок является объектом социальным по своей природе, но изменяющимся через социальное взаимодействие.

Подчеркивая зависимость человеческой самости от других, Мид акцентировал внимание на ответственности человека за свое окружение; последняя существует в силу социальной природы человеческого окружения, состоящего из объектов и активности, концентрирующейся вокруг них. Объекты не обладают внутренне присущим значением сами по себе, а обладают значением по отношению к конкретному индивиду. Окружающие играют решающую роль в детерминации социальных значений, и в формировании которых принадлежит активная роль и самому индивиду.

Основные идеи Дж. Блумера в этом аспекте отражены в работе «Символический интеракционизм: направления и методы». Сущность их сводится к следующему:

Личность действует по отношению к объектам (физическим, социальным и абстрактным) на основе значений, которыми они обладают для нее и которые порождаются в процессе социального взаимодействия, куда они включены; значения, придаваемые объектам, перерабатываются и изменяются в процессе интерпретации объекта, с которым сталкивается личность.

Смысл этого общего вывода сводится к тому, что человеческое поведение не является следствием таких психологических состояний, как предрасположенность к определенному роду действиям (аттитюды), осознаваемый или неосознаваемый мотив, направленность личности, симпатия и т. д.; оно рассматривается как функция того, как индивид определяет объект и организует взаимодействие с ним.

Значение объекта приобретает личность в процессе взаимодействия с ним. Смысл этого обобщения сводится к тому, что значение объекта становится данностью для индивида из взаимодействий с ним со стороны других людей; оно не существует само по себе и не может быть найдено в мышлении индивида; оно приобретает во взаимодействии с окружающими людьми.

Значения объекта организуются и изменяются в процессе интерпретации его индивидом. По Блумеру, индивид использует полученные значения для вступления в само взаимодействие. В отличие от других подходов в символическом интеракционизме доминирует мнение, что индивид использует значение в своем поведении для интернализации объекта, обладающего значением. Более того, значение, полученное из социального взаимодействия, проходит процесс некоторого изменения в свете тех ситуаций, в которые индивид сам помещает себя, и в изображенном направлении действий. Изменение в этом контексте рассматривается как интерпретация – словообразующий процесс, в котором значения используются для управления поведением.

Следуя этой линии рассуждений, социальные нормы и разделяемые значения проходят процесс ситуационного обсуждения, личность объединяет их и получает возможность управлять действиями, как своими, так и других. Это делает возможным продуцирование совместных действий в групповом поведении, но не означает статичного поведения, построенного на переговорах. Согласование действий, новое предъявление их являются источниками динамизма социального взаимодействия.

Заметной фигурой, внесшей существенный вклад в развитие интеракционистского подхода, является И. Гофман (Goffman), известный работой «Презентация самости в повседневной жизни». Он определяет самость не как структуру, а как социальный процесс коммуницирования, получения и интерпретации информации о социальных актерах (actor – деятель), как попытку индивида освободить себя от определений других.

Работы Гофмана ассоциируются с социально-драматургическим подходом, анализом социального взаимодействия как театрального спектакля. «Я рассматриваю пути презентирования себя индивидом и своей деятельности другим людям, пути управления и контроля впечатлений, формируемых у них о презентующем и способах предъявления собственного исполнения перед ними», – писал он (Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*, p. XI).

По Гофману, личность во взаимодействии предъявляет исполнение, состоящее из предъявляемого образа, фасада, характеризующегося окружающей обстановкой, присутствием и образом действий. В порядке достижения желаемого впечатления исполнитель использует окружающую обстановку, которая помогает исполнителю произвести впечатление на зрителей с точки зрения значимых людей. Драматургическая метафора, используемая автором, подчеркивает конструируемость социального взаимодействия, фиксируя двусторонность динамической самости. Один аспект этой самости недоступен, скрыт от мира, другой предъявляется ему для награждения и одобрения.

В книге «Asylums» (убежище) Гофман пытается заглянуть за скрытое от мира, за маску актера, разработать взгляд на самость личности как проявление вторичного регулирования, проявляющегося в таких институтах, как армия, тюрьма, больница для умалишенных, нивелирующих необходимость приспособления к окружению. Так как в реальной жизни человеку приходится исполнять различные социальные роли и ритуалы, требуемые социальным окружением, у него возникает проблема дифференциации себя от них. Ему становится сложно найти ответ на вопрос где его собственное Я, а где социальная роль? Вторичная регуляция определяется им как микроакты протеста или неповиновения, которые индивид проявляет в случае сдирания покровов предшествующей социализации, ресоциализации и публичной деградации. Это определенного рода сопротивление институциональному контролю, сдерживающему естественное проявление самости личности. Гоффман подразумевает, что под социально сконструированной самостью лежит «внутренняя» самость, а последние его работы «обнажают» самость, существующую за пределами официально предписанной публичной самости.

Развитие идей ролевого поведения связано с именем Р. Тарнера (R. Turner), который в своей работе «Процесс принятия роли или конформность» (1962) попытался подойти к рассмотрению ролевого поведения, отличного от традиционных ролевых теорий.

Развивая идеи Гофмана об «искреннем поведении» личности, Тарнер концентрирует внимание на характеристиках слияния роли с личностью, подразумевая, что «искреннее» исполнение представляет лишь одну из составляющих процесса соединения личности с ролью. Двумя другими составляющими выступают исполнение роли в неподходящей ситуации и некоторые ритуальные роли в ситуации, когда более подходящие, но менее знакомые роли заменяются более знакомыми и освоенными. В отличие от Гофмана, Тарнер считал, что личность конструирует свою самопрезентацию (роли, исполнение и т. д.) на основе собственной Я-концепции. Это приводит к аксиоматичному выводу, что внутренняя и внешняя проверки определенным образом комбинируются и создают единство роли с личностью.

В других работах Тарнер анализирует проблематику реальной самости, утвержденной либо установлением, либо импульсом. Когда люди полностью принимают чувства, аттитюды и действия, зафиксированные в установлениях и проявляющихся в институциональных, целеориентированных действиях, со всей очевидностью проявляется их реальная самость. Когда же они в существенной степени испытывают состояние «вторичного контроля», включающее эмоциональные всплески, институционально контролируемые формы проявления истинного состояния самости, последняя приобретает импульсивную направленность.

Еще одно направление исследований, индуцированных идеями Мида, представляет *теория социальных реакций* или *теория обозначений*. Ф. Танненбаум (Tannenbaum), Х. Беккер (Becker) и другие, объединенные общей идеей о том, что общество стимулирует определенного рода поведение в целях предотвращения возможностей проявления его отклоняющихся форм, считают, что отклонение социально по своей природе и подобного рода поступки провоцируются прямо или косвенно обществом. В частности Беккер отмечает, что отклонение – не просто форма поведения, а, скорее, результат определенного воздействия на поведение индивида со стороны других. Оба утверждения являются развитием понятия Мида о социальных объектах:

- Природа объекта конструируется значениями, обладаемыми людьми, для которых он выступает в качестве объекта.
- Значение не является внутренне присущим объекту, а порождается тем, как индивид исходно подготовлен к взаимодействию с ним.
- Все объекты являются социальными продуктами, так как они формируются и трансформируются в процессе определения, реализующегося в социальном взаимодействии.
- Люди подготовлены к действию с объектами на основе их значений для них.
- Так как объект представляет собой нечто обозначенное, человек может организовать взаимодействие с ним или принять решение о том, следует ли его организовывать вообще (Blumer, 1969, с. 68-69).

По Гофману, обозначение самости является результатом рассмотрения себя с точки зрения обобщенного другого, что, в свою очередь, приводит к рассмотрению себя как внешнего социального объекта, наделяемого новым значением. На этой основе происходит формирование готовности к действию с самим собой как с другим человеком. На этом базируются такие понятия, как первичное отклонение, клеймо (*stigma*), каждое из которых отражает степень переопределения собственной самости. Причем вторичное отклонение не просто осознание себя как иного с точки зрения генерализованного другого, но и отождествление себя как иного, и взаимодействие с другими с позиций этой переопределенной самости.

Сосредоточив свое внимание на категории «самость как объект», теория обозначения оказала заметное влияние на исследование особенностей отклоняющегося поведения, сохраняя свою значимость и сегодня.

В рамках символического интеракционизма немалое внимание уделяется рассмотрению процесса интерпретации, который находится в поле анализа представителей одного из направлений процессуального интеракционизма – *этнометодологии*. Такие ее представители, как G. Garfinkel и A. Cicourel, подчеркивают невозможность раскрытия механизма интерпретационных процессов посредством категорий саморефлексивности, определения ситуации, внутреннего рассмотрения значимых сигналов и т. д. По их мнению, привлечение их к процессу анализа не позволяет проследить динамику интерпретации. Последняя может быть раскрыта лишь через демонстрацию того, как индивид достигает упорядочивания и овладения содержанием объекта.

Такая возможность упорядочивания значений, по мнению Garfinkel, заключается в анализе деятельности индивида в повседневной жизни. В статье «Исследования в этнометодологии» он пишет, что обычно люди пытаются объяснить свое собственное поведение в социально приемлемых понятиях. Это означает, что они сами создают и обстоятельства, и собственное понимание их.

Кое-что для уяснения интерпретации дает использование ряда процедур, предложенных Cicourel (1970, 1972). Разделяя понятия *интерпретация* и *процедура интерпретаций*, он рассматривает интерпретацию как вплетенную в социальные культурные обстоятельства, комбинация которых и обуславливает ее. Таким образом, интерпретация является не функцией процедур, а скорее функцией социальных и культурных обстоятельств высокого уровня упорядоченности.

Процедуры интерпретации могут подразделяться в перспективе 1) взаимности, 2) взаимосвязанности и 3) нормальности формы. В первом случае это предполагает вывод человека о том, что его опыт сходен с опытом других людей и может быть одинаково трактуем в случае взаимообмена местами и позициями. Во втором случае речь идет о возможности осознания того, что взаимопроизнесенное известно как себе, так и другим. В третьем случае речь идет о приемлемости значений для описания и прояснения собственного опыта. Эти формы помогают уяснить, что испытывает индивид, как осуществляет интерпретацию, как конструирует свой собственный мир.

Основные идеи процессуального символического интеракционизма

Отсутствие единства в трактовке категорий и анализе феноменологии обуславливает некоторые трудности для целостных обобщений, тем не менее можно говорить об основоположениях процессуального символического интеракционизма, а именно:

1. Отличительной особенностью социального поведения и взаимодействия является опосредованность символами и их значениями. Это центральная идея символического интеракционизма, в соответствии с которой человек не просто реагирует на воздействия других людей по стимульно-реактивной схеме, но реагирует на каждый стимул на основе собственных символических значений, формируемых в этом взаимодействии. Эти значения не являются внутренне присущими свойствами объектов, они суть именно социального взаимодействия, направленного на уточнение значений объектов. Индивид действует на основе интерпретаций объектов, приобретая таким образом их значения для себя.

2. Индивид очеловечивается, т. е. социализируется, или обретает социальную сущность, через взаимодействие с другими людьми. Индивид не рождается социальной сущностью. Это означает, что от рождения он не обладает способностью очеловеченных действий. Его очеловечивание происходит через социальные ассоциации. Постепенно он обретает способность анализировать значимые сигналы, используя символы и становясь объектом для самого себя. Взаимодействие с другими людьми способствует эмпатическому пониманию, осмысленному поведению и саморефлексии – уникально человеческим качествам как социальной сущности.

3. Человеческое общество наиболее полезно воспринимать как состоящее из людей, находящихся во взаимодействии друг с другом.

Это положение говорит о процессуальной природе человеческого общества; предполагает конструируемость социальной структуры, сохранение и изменение людей в социальном взаимодействии, а не только автономность и самоуправляемость.

4. Человек активен в бытийном аспекте своего поведения. Это положение иллюстрирует недетерминистский взгляд символического интеракционизма на человеческое поведение. Человек не «играет» социальные роли, он подчиняется социальным нормам, отбирает стимулы, интерпретирует их, делает выбор между альтернативами действий.

5. Сознание или мышление включают взаимодействие с самим собой. Способность людей включаться во внутреннее рассмотрение, будучи отличительно человеческим качеством, означает, что индивид может становиться объектом для самого себя и выступать сигналом для себя. Взаимодействие с другими людьми дублируется им по отношению к самому себе и выступает как осмысленное поведение или мышление.

6. Бытие диктует характер человеческого поведения, обладает сущностной природой, не рассматривается как продукт предшествующего опыта или предуста-

новленных значений; представляет собою функцию взаимодействия между индивидами, частично характеризующегося интерпретированием, планом действий, избирательностью.

Понимание человеческого поведения требует исследования мотивов скрытого поведения. Так как оно процессуально, символическое взаимодействие включает как видимую, так и невидимую деятельность. Более того, изучение поведения с позиций символического интеракционизма предполагает средства оценки значений, которыми оперирует действующий для объяснения своего поведения. Это означает, что к изучению поведения необходимо привлекать и симпатическую интроспекцию.

Обратимся к другой разновидности символического интеракционизма – структурному символическому интеракционизму.

Структурный символический интеракционизм

Главным архитектором структурного символического интеракционизма является М. Н. Kuhn). Он приобщился к символическому интеракционизму в Висконсинском университете. В 1946 году продолжил свою преподавательскую карьеру в Айовском университете, где организовал Айовскую школу символического интеракционизма. Исходными теоретическими посылками для него послужили следующие положения Мида: 1) объекты не обладают внутренне присущими значениями, которые порождаются социальными определениями; 2) индивид взаимодействует с объектами на основе их значений; 3) индивид не просто пассивно, автоматически реагирует на группы определенных значений объектов.

Эти исходные посылки определяют особенности интересов и методологических предпосылок Куна, отличающие его подход от процессуального символического интеракционизма. Во-первых, Kuhn определяет самость в понятиях структуры. Он рассматривает ее как структуру аттитюдов (планов действий) по отношению к собственному мышлению и телу – как организации аттитюдов, которые фактически являются интернализированными индивидуальными ролями. Kuhn рассматривает самость как продукт социального взаимодействия и как конструкцию, в которой осуществляется социальное взаимодействие. В данном случае подразумевается, что представление индивида о самости порождается тем, что другие сообщают о себе для себя в процессе взаимодействия, принимая социальные роли и определяя статус. В частности Я-концепция способствует определению социальной ситуации в контексте определения возможного направления социального взаимодействия. Иными словами, самость для него представляет устойчивый набор значений, придаваемых себе как объекту. В более структурированном виде самость – продукт словесных утверждений индивида о себе, порождаемых «ориентирующими другими». Эти «ориентирующие другие» представляют собой людей, которым индивид эмоционально и психологически доверяет, которых он считает ответственными за используемые основополагающие понятия и категории, которые со-

ставляют содержание значимых социальных ролей и которые через межличностную коммуникацию выступают в качестве источников поддержания или изменения Я-концепции.

Kuhn вводит разграничение между самостью как социальным объектом и другими социальными объектами. Самость всегда связана с индивидом по мере его продвижения от ситуации к ситуации. Благодаря этой вездесущности, самость выступает в качестве основы формирования аттитюдов по отношению к различным ситуациям. Самость существует за социальным взаимодействием с другими и формирует сдерживающее начало по отношению к другим.

Наконец, по Kuhn, самость показывает степень закреплённости в обществе. Совместно с Макпортлендом (McPartland) он выделяет две специфические категории самости – *согласованные* и *подсогласованные* утверждения, выводимые на основе контент-анализа их широко известного *теста двадцати утверждений кто я такой?* К первым относятся атрибуты, черты и их классы, выводимые из общего знания об ограничениях и условиях членства в группе, т. е. согласованных. Ко вторым – требующие прояснения отношения к другим людям, т. е. несогласованные. Примером согласованных утверждений являются утверждения типа: «белый», «чёрный», «демократ», «республиканец», несогласованных – «расист», «шовинист» и т. д. Кун отмечает изменчивый характер самоаттитюдов и необходимость выхода за пределы субъективного отождествления. Авторы разрабатывают и другие плоскости социальных исследований в целях развития символического интеракционизма как направления. Они включают роли личности, предпочтения, ролевые ожидания, самооценку, характеристики отбора референтных групп и т. д.

Основоположения структурного символического интеракционизма.

В целом влияние структурного символического интеракционизма огромно и многоаспектно. Мы отразим лишь наиболее значимые особенности структурного подхода к анализу центральной категории – самости.

Дальнейшее развитие идей структурного символического интеракционизма связано с разработкой проблемы взаимосвязи самости с ролями, статусом, социальным типом и другими базовыми категориями.

В рамках этого подхода самость рассматривается как структура, состоящая из самопознаний и самоощущений и, в целом, из многочисленных представлений о себе. Этот тезис основывается на том, что представления о самости порождаются в процессе исполнения различных ролей применительно к различным ситуациям. Иными словами, индивид рассматривается как обладающий множественными представлениями о самости или «ролевыми идентичностями», которые в общей совокупности и составляют ее. Ролевая идентичность представляет собой субъективное соответствие индивида занимаемой социальной позиции. Разработка различных аспектов ролевой идентичности представлена в работах Страйкера (Stryker, 1980). Этот же исследователь попытался сформулировать в систематизированном виде основоположения структурного символического интеракционизма:

1. Поведение зависимо от обозначенного или классифицированного мира. Наименования или классы обозначений, придаваемые различным аспектам физического и социального окружения, имеют форму

разделяемых поведенческих ожиданий, формирующихся в социальном взаимодействии. Во взаимодействии с другими людьми человек научается классифицировать объекты, формировать ожидания в отношении взаимодействия с ними.

2. Среди класса наименований, используемых во взаимодействии, имеются символы, используемые для обозначения позиций, которые являются относительно стабильными, морфологическими компонентами социальной структуры. Эти позиции обозначают разделяемые поведенческие ожидания, которые обозначены понятием «роли».
3. Люди, действующие в контексте организованных обстоятельств поведения, т. е. в контексте социальной структуры, обозначают друг друга как занимающих определенные позиции, тем самым формируя ожидания в отношении взаимного поведения.
4. Люди, действующие в контексте организованного поведения, применяют эти обозначения и к самим себе. Это рефлексивно применяемое определение собственной позиции, становящееся частью самости, создает интернализированные ожидания в отношении собственного поведения.
5. Встречаясь с ситуацией взаимодействия, человек определяет ее, применяя к ней соответствующее обозначение, так же как и к партнерам по взаимодействию, к себе самому и к характеристикам ситуации, и использует результирующее определение для организации собственного поведения.
6. Однако социальное поведение детерминировано не только этим определением, так как оно может сдерживаться более ранними определениями, препятствующими возможности существования во взаимодействии альтернативных определений. Поведение является продуктом процесса создания ролей, инициируемого ожиданиями, формирующимися в процессе определения ситуации, но развивающегося через предварительное, иногда крайне неуловимое их апробирование в поведении, которое может переделать форму и содержание взаимодействия.
7. Процесс создания роли и ее исполнения, также как конституирующие элементы, включенные в структуру роли, в существенной степени будут зависеть от более широкой социальной структуры, в которую включена ситуация взаимодействия. Одни структуры являются «открытыми», другие относительно «закрытыми» по отношению к нововведениям в содержание и предписание ролей и их исполнение. Все структуры навязывают некоторые ограничения на ряд определений, которые можно назвать игровыми, и таким образом ограничивают возможности взаимодействия.
8. В зависимости от того, создается роль или исполняется как данная, могут иметь место изменения в характере определения и в возможностях взаимодействия. Они могут, в свою очередь, привести к изменениям в более широкой социальной структуре, в которой реализуется взаимодействие.

Интеракция символическая – социальное взаимодействие, в процессе которого формируется поле значений объекта.

Процессуальный символический интеракционизм – рассматривает природу межличностного взаимодействия как процесс формирования символических значений, определяющих его содержание и особенности.

Роль социальная – система требований, предъявляемых к поведению индивида, занимающего определенную позицию в структуре межличностных отношений.

Самость – сумма всеобщности принадлежащего ей, включающая мысли человека о самом себе, его настроение, состояние, реальные и нереальные владения и т. д.

Симпатическая интроспекция – воображаемый перенос себя в положение другого человека в целях приближения к его опыту.

Структурный символический интеракционизм фокусируется на вопросах влияния социальной структуры (например, ролей, определений ситуации, статуса и т.д.) на социальное взаимодействие.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие интеракционистского подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
2. Почему интеракционисты концентрируются на символической составляющей внутренней активности личности?
3. С какого момента можно говорить об индивиде как о социальной сущности с точки зрения Мида?
4. Опишите основные особенности формирования социально разделяемых значений.
5. Что понимается под символическим взаимодействием в интеракционизме?
6. Каково место социальных ролей в регуляции межличностного взаимодействия?
7. В чем основные отличия между процессуальным и структурным символическим интеракционизмом?
8. Каковы основные тенденции развития современного интеракционизма в социальной психологии?

Для дополнительного чтения

1. Андриенко Е. В. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2000.
2. Андреева Г. М., Богомолова Н. И., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе. – М.: ИЗД-ВО МГУ, 1978.

Основной источник

Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984

Специфика когнитивного подхода к социальной психологии

Теоретические основания когнитивного подхода к анализу социально-психологической феноменологии

Отличительной особенностью когнитивного подхода к проблематике социальной психологии является использование информационно-процессуальной модели в интерпретации изучаемых феноменов. Некоторые исследователи концентрируются на изучении особенностей концептуализации людьми окружающего мира, другие больше внимания уделяют анализу вопросов, связанных с уяснением того, что люди думают о себе, своих взаимоотношениях с другими.

Внедрение компьютерной метафоры в психологические исследования позволяет сосредоточиться на процессах переработки информации, поэтому когнитивный подход можно назвать информационно-процессуальным.

В его основе лежат аналогии, связанные с компьютеризацией психологической ментальности, трансформированной со временем в когнитивную революцию.

Будучи эксплицитированным из культуры, информационно-процессуальный подход сформировал своеобразный интерпретационный фрейм повестки дня, предопределяющий очевидность «видения» когниций, схем, эвристик, семантических полей, кластеров, соответствующих процессов переработки информационных единиц и базы данных. Более наглядно эта модель переработки социальной информации представлена N. R. Crick и K. A. Dodge (схема 4).

Одной из важных компонентов анализа социальной психологии является область социального познания. Как человек познает окружающий его мир? Как ориентируется в собственной социальной сущности? Как познает других? Как выстраивает взаимоотношения с ними? Эти и множество других вопросов уясняются через призму различных традиций, школ и направлений социальной психологии. Знакомство с их теоретическими построениями, зачастую противоречащими друг другу, позволяет глубже разобраться в специфике социального познания человека, познать его особенности, выявить лежащие в его основе механизмы.

Попытки формирования представлений о познавательной активности людей связаны с именем В. Вундта (1887) – основателя современной эмпирической психологии. Он использовал в этих целях методы самонаблюдения и интроспекции, которые в последующем, в силу развернувшейся борьбы за конституирование научности психологического знания, были подвергнуты жесткой критике.

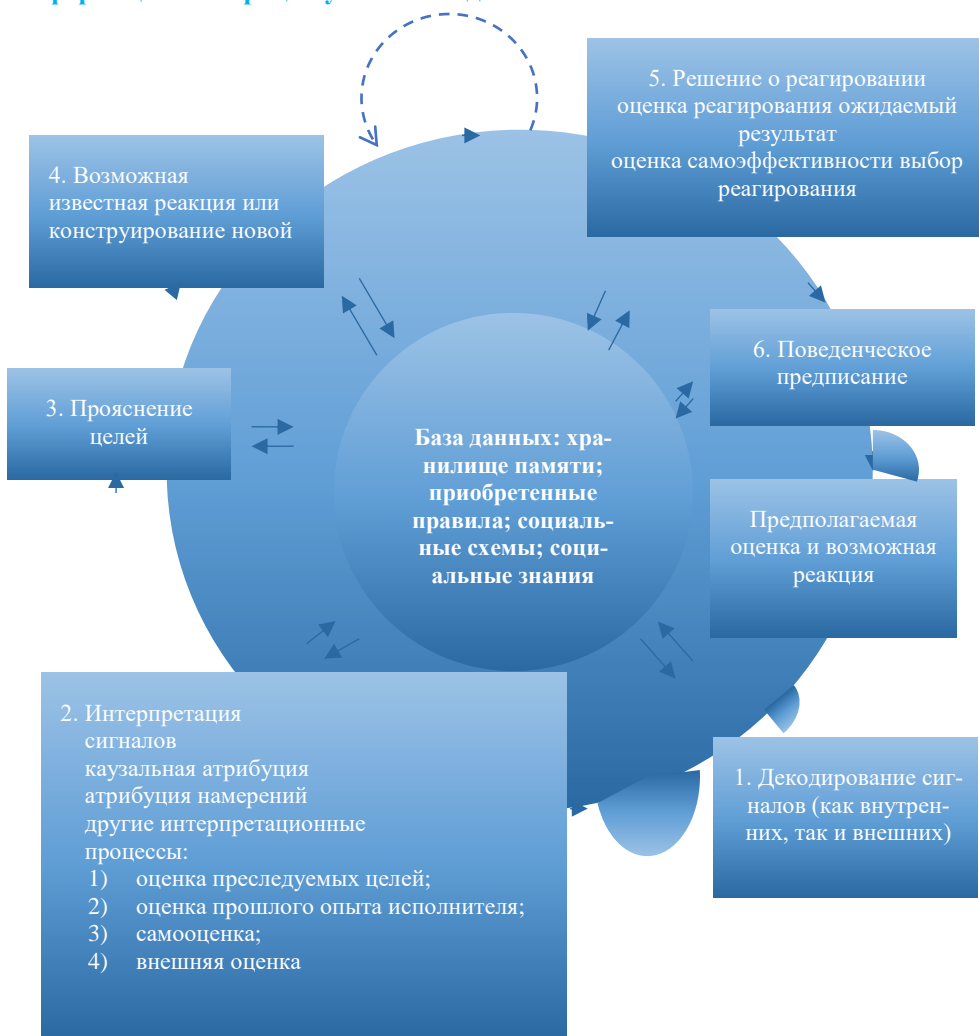
Критика его методологии была связана с ее «ненаучностью» по причине невозможности использовать данные собственного опыта для опровержения данных опыта других. Однако в 1980-х годах произошло возвращение к интроспективному анализу, но в форме дискурсивной психологии.

Волна интереса к познавательной активности человека была отчасти обусловлена неадекватностью бихевиористских объяснений человеческого языка и коммуникации, отчасти изучением средств манипуляции и передачи информации.

Ресурсы стимульно-реактивной схемы информационного воздействия были практически исчерпаны и дальнейшее развитие знаний без включения внутренней познавательной активности человека стало невозможным. Компьютерная и связанная с ней когнитивная революция в психологии сделали возможным моделирование сложнейших познавательных процессов. Компьютер превратился в своеобразную метафору человеческой мыслительной активности, лежащей в основе познания, а компьютерщики превратились в заказчиков более усложненных моделей организации познавательной активности как аналогов совершенствования самих компьютеров, что узаконило статус научности когнитивной психологии.

Схема 4.

Информационно-процессуальная модель познания

Предпосылки ее были заложены уже в гештальт-традиции, убедительно доказавшей возможность реконструирования процессов внутренней активности человека.

Безусловно, процессы познания мира были прерогативой не только когнитивной традиции. Достаточно много продуктивных идей было сформулировано в русле интеракционистской, экзистенциально-феноменологической, конструктивистской, психодинамической традиций. Тем не менее остановимся подробнее на когнитивной.

Социально-когнитивные модели рассмотрения человека как субъекта социально-познавательной активности

В основе когнитивного подхода лежи компьютерная метафора, предлагающая рассмотрение социально-познавательной активности человека по аналогии с процессом переработки информации, происходящем в компьютере. При этом биология человека выступает в форме своеобразного компьютерного «железа», а познавательная активность – программному обеспечению. Проблема сводится к описанию того, как сохраняется, перерабатывается и воспроизводится информация в процессе решения различного рода информационных задач. Отсюда доминирование рациональных теоретических моделей, наиболее известными из которых являются модели рассмотрения человека как: рационалиста; наивного ученого; обрабатывающего данные лаборанта; когнитивного скупца; мотивированного тактика или социального агента (М. Hewstone, W. Stroebe, 1996, с. 121).

Модель рациональной, или последовательной, личности основывается на идее о том, что человек стремится к конструированию последовательной, связанной и непротиворечивой системы представлений о себе самом и окружающем мире. Любое нарушение баланса между ними приводит к росту напряженности, побуждающей человека к поискам путей его восстановления. Примерами такого рода поисков являются теории: баланса (F. Heider, 1958); асимметрии (Т. Newcomb, 1953); соответствия (С. Е. Osgood, Р. Н. Tannenbaum, 1955); когнитивного диссонанса (L. Festinger, 1953).

Существенное влияние на развитие когнитивной традиции оказала модель человека как наивного ученого, предложенная Ф. Хайдером. Подоплека метафоры «человек как наивный ученый» кроется, во-первых, в осознании невозможности дальнейшего игнорирования информации, поставляемой реальными людьми в самоотчетах и самоописаниях, во-вторых, в обосновании таких данных и оперирования ими как научными фактами, что было делом далеко непростым в силу доминирования в классической психологии негативного отношения к подобного рода данным по причине их якобы субъективности.

Последующее игнорирование «живых» самоописаний было связано с риском окончательного отрыва социальной психологии от «житейского» бытия человека, превращения ее «академическую науку», не имеющую непосредственного выхода на практику.

Смысл модели человека как наивного ученого сводится к тому, что люди способны создавать связанные и социально разделяемые представления о ком-либо, начиная с самых разнообразных единиц информации (Leyens, Dardenne, 1996, с. 122). Из этих разрозненных «битов» информации формируются последовательные системы людских представлений о себе и окружающем их мире на основе рациональных рассуждений, научной обработки знаний не на фундаменте собственных мини-теорий, а на детальной их верификации.

Своеобразным детищем когнитивизма, или компьютеризации психологического знания, стала модель человека как обрабатывающего данные лаборанта (Anderson, 1981). Процесс выведения знаний представляется в виде алгебраического линейного интеграла рейтингов, придаваемых различным аспектам изучаемого объекта. Сопоставляя различные информационные ресурсы друг с другом, оценивая их с точки зрения уровня значимости по отношению к решаемой задаче человек выдвигает гипотезы и тщательно проверяет их, приходя к окончательному выводу. Искусственность данной модели в описании поведения реальных людей очевидна: человек не всегда рационален, не лишен предубеждений, делает немало ошибок. Но в компьютерном варианте эта модель выглядит достаточно привлекательно, демонстрируя, как далеко может увести научная абстракция от реальности.

Осознание неадекватности попыток описания социального поведения посредством рационализированных моделей привело к другой крайности – модели человека как когнитивного скупца (*cognitive miser*). Провозглашая главным в поведении человека принцип экономии сил, данная модель утверждает, что в познании человек действует путем быстрого и экономичного анализа и сравнений, используя наличные эвристики, «домашние заготовки» и т. д. (Л. Росс, Л. Нисбетт, 1999). Но для этого же поведения, заметим, характерно и весьма долгосрочное обдумывание различного рода ситуаций, подчас даже самых тривиальных.

S. T. Fiske и S. E. Taylor предлагают модель человека как мотивированного тактика, или социального агента, в соответствии с которой он рассматривается как полностью вовлеченный мыслитель, обладающий множественными стратегиями и возможностью выбора в соответствии с мотивами, целями и потребностями (1991, с. 13). Ключевыми аспектами избираемой стратегии выступают когнитивные ресурсы, мотивы и цели, характер которых определяет своеобразие поведения.

Представленные модели человека отражают эволюцию исследовательских метафор, сформировавшихся в когнитивной традиции и косвенно определяющих понятийный аппарат исследователей.

Анализ социально-познавательной активности

Исходная ориентация на познавательную активность предопределяет и специфику концептуально-понятийного аппарата в когнитивном подходе к психологической феноменологии. Во многом он определяется категорией познания как активности, с помощью которой перерабатывается информация. С информационно-процессуальной точки зрения этот процесс означает приобретение, организацию и применение знания посредством познавательных психических процессов.

Когнитивный процесс рассматривается через призму основополагающих единиц познавательной активности: категоризация, прототипы, схемы, скрипты, эвристики, стереотипы, социальные репрезентации.

Исходным пунктом познания выступает категоризация, с помощью которой происходит упорядочивание и систематизация окружающего мира, дискретизация или статизация потока информации об исследуемых объектах, что с неизбежностью приводит к потере многих их динамических свойств и качеств. И тем не менее цель оправдывает средства, так как без наличия стабильных дискретных единиц познания невозможна ориентация в настоящем и прогнозирование событий в будущем.

Принадлежность объекта, свойства или качества категории носит скорее вероятностный характер с уклоном в репрезентативность – от менее типичного к более типичному. Это обстоятельство обуславливает наличие такой познавательной категории, как прототип. Прототип обозначает наличие сходных элементов ряда категорий при одновременном различии их. В целом это позволяет выделить класс категорий по совокупности их существенных признаков, по аналогии свойств и качеств изучаемой модели.

Абстрактность такой прототипизации уточняется методом экземплярного подхода (Leyens, Dardenne, 1996, с. 113); последний предполагает, что в процессе познания память человека воспроизводит конкретные примеры или образцы, выступающие в качестве аналогов для распознавания нового объекта такого же или аналогичного ряда.

Люди, в отличие от объектов неживой природы, классифицируются в соответствии с социальными категориями положения в обществе, этнической принадлежности, религии, национальности и т. п. Как показывают исследования M. Rothbart и D. M. Taylor, социальные категории обладают ядром – «ядро социальной категории, ее основополагающая сущность, направляет нас на поиск логического обоснования наиболее существенных качеств на основе внешних характеристик, проявляя тенденцию обращения с независимыми категориями как с взаимоисключающими и наполнения часто арбитражной по своему содержанию категоризации глубинными значениями» (1992, с. 12).

Еще одной познавательной единицей, активно обсуждаемой в психологической литературе, является категория схемы, под которой подразумеваются «когнитивные структуры, репрезентирующие знания о понятиях или типов стимулов, включающие их существенные атрибуты и взаимоотношения между атрибутами» (Fiske, Taylor, 1991, с. 98). Они представляют ряд взаимосвязанных когниций (мыслей, представлений, аттитюдов), способствующих быстрому распознаванию объектов при наличии ограниченных ресурсов информации о них, «организуют репрезентации людей в отношении тех или иных аспектов окружения; эта организация иерархична, имеет низший (воробей), базовый (птица) и высший (животные) уровни» (Leyens, Dardenne, 1996, с. 116). Наиболее продуктивным является базовый уровень, позволяющий совершать обобщения и заключения и на этом основании антиципировать не представленные непосредственно свойства и качества объекта.

Определяя роль схематизации в социальном познании, отмечается, что, во-первых, любой объект обладает ценностью. Во-вторых, схемы, объединяясь друг с другом, образуют семантические сети, и чем теснее они связаны друг с другом, тем больше вероятность их одновременной активации. В-третьих, отношения между атрибутами схем также могут выступать источником широкого спектра заключений. Наконец, схемы высшего уровня могут быть выведены из схем низшего уровня.

Схематический подход к объяснению процесса социального познания довольно продуктивен. Многие особенности поведения людей в различных ситуациях становятся понятными благодаря достраиванию познаваемых объектов окружающего мира, в том числе и неадекватным образом.

Широкое распространение в психологической литературе, связанной с проблемами социального познания, получила категория эвристики. Эвристики, по мнению А. Тversky и Д. Kahneman (1974), представляют собой неформальные руководства, рассматриваемые людьми как полезные при принятии решений и формировании прогнозов в отношении новых объектов или будущего развития событий. Эти прогнозы, или предвосхищения, носят вероятностный характер и тем не менее в существенной степени определяют развитие взаимоотношений и взаимодействия, нередко являются основанием многочисленных ошибок, проявляющихся в приписывании объектам или людям тех характеристик, которых на самом деле нет.

Наиболее разработанной категорией социального познания является социальный стереотип. Информация, на которой он основывается, соотносится не с самим объектом, а со знаниями о нем, которые могут оказаться и ложными.

Основой формирования социальных стереотипов являются отсутствие у человека полной информации об объектах или событиях, давление, оказываемое традициями, нормами, ценностными ориентациями и правилами общественного поведения при наличии выраженной потребности в такого рода ориентирах.

Начиная с 1980-х годов, происходит интенсивное развитие исследований познавательной активности с позиций теории социальных репрезентаций, разработанной С. Московичи. Продолжая линию рассмотрения человека как «наивного ученого», разработанную Ф. Хайдером (1956), он идет значительно дальше – пытается дополнить схему процесса познания, развиваемую в когнитивной традиции, элементами жизненных переживаний и иррациональности. Сами социальные репрезентации, как их понимает Московичи, представляют ряд понятий, утверждений и объяснений, порождаемых в повседневной жизни в процессе интер-индивидуальной коммуникации. В обществе они эквивалентны системам представлений и мифов традиционных обществ и являются современными восприятиями здравого смысла: незнакомое, неизвестное, странное становится знакомым и понятным (1981, с. 181).

В отличие от имплицитных теорий личности и схем, традиционно представленных в рамках когнитивного подхода, объекты социальных репрезентаций не имеют ограничений, включая идеи, мысли, образы, знания, коллективно разделяемые членами сообщества (Augustinos, Inns, 1990, с. 215).

Исследования с позиций теории социальных репрезентаций представляют своеобразную «новую волну» в изучении социального познания и в то же время находятся в довольно жесткой контрадикции с классическим рационально-ориентированным когнитивизмом, продолжающим игнорировать «субъективизм». Тем не менее у многих именно с этой теорией связан оптимизм в решении одной из самых фундаментальных проблем современной социальной психологии и персонологии – стремление к более адекватному описанию особенностей социального бытия личности и ее окружения.

Глоссарий

Категоризация – процесс расчленения информационного потока окружающего мира на значимые единицы, характеризующие свойства и качества объектов по принадлежности их к определенному классу объектов и обладающие относительной стабильностью в пространстве и времени

Прототип – понятие, обозначающее наличие сходных элементов ряда категорий при одновременном различии их. Как единица познавательной активности прототип позволяет выделить класс категорий в совокупности их существенных признаков, посредством обращения к наиболее типичному представителю класса, что позволяет проводить детальную характеристику объекта.

Социальные репрезентации – ряд понятий, утверждений и объяснений, порождаемых в повседневной жизни в процессе интер-индивидуальной коммуникации, характеризующих понимание объектов с позиций здравого смысла, или обыденного сознания.

Схемы – когнитивные структуры, репрезентирующие знания о понятиях или типах стимулов, включающие их существенные атрибуты и взаимоотношения между атрибутами.

Эвристики – предположения, рассматриваемые людьми как возможные при принятии ими решений и формировании прогнозов в отношении новых объектов или будущего развития событий.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие когнитивного подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
2. Каковы особенности информационно-процессуального подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
3. В чем отличия основных моделей рассмотрения социально-когнитивной активности человека?
4. Каковы основные тенденции развития современного когнитивизма в социальной психологии?
5. Почему когнитивисты концентрируются на информационно-процессуальном аспекте активности личности?

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. – М.: Аспект-Пресс, 1997.
2. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Основной источник

1. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004..

Феноменологический подход в социальной психологии

Человек не просто отражает окружающий мир, а переживает его. Он не просто рационально констатирует происходящее, но и относится к нему, испытывая чувства. Каждое такое переживание глубоко уникально и неповторимо. Именно на эти аспекты и обращают внимание экзистенциальные феноменологи.

Многие реакции человека на происходящее не имеют под собой абсолютно никаких рациональных оснований, проявляясь в создании образов самого себя и окружающего его мира, живя ими, интерпретируя их. При всей метафоричности такого постижения реальности, в ней проглядывает стремление к «жизненной» феноменологии, «живой» эмпирии, живого конкретного человека, а не сухой, выхоленной абстракции.

В социальной психологии эта ориентация наиболее последовательно представлена в экзистенциалистами, позиции которых разделяются психологами феноменологического, экзистенциального, конструктивистского, гуманистического направлений, многими исследователями когнитивной и психодинамической традиций, занимающихся проблемами человеческой самости, социального познания, интра- и интерсубъективности.

Методологические основания экзистенциально-феноменологического подхода

Фундаментом экзистенциально-феноменологического подхода в социальной психологии являются онтологический плюрализм, экзистенциализм и феноменология, создающие предпосылки для критики естественнонаучного подхода, доминирующего во многих направлениях психологических исследований.

Феноменология изучает явления, связанные с переживанием человеком реальной действительности и с тем, как он представлен в его сознании. *Экзистенциальный* аспект феноменологии основывается на идее о том, что содержанием человеческого бытия является его существование, которое обнаруживается в процессе движения от бытия к небытию. Взятая в контексте психологии экзистенциально-феноменологическая психология превратилась в психологическую дисциплину,

которая ищет объяснения *сущности, структуры* или *форм* человеческой жизнедеятельности и поведения посредством *описательных* по своей сути техник.

Феноменология, как философская система, зародилась в начале XX века. Ее основатель Э. Гуссерль (E. Husserl), первоначально занимавшийся математикой и естественными науками, поставил себе целью ее разработку как фундаментальной философии науки, но столкнулся с проблемой противопоставленности субъекта и объекта в естественных науках, и с фундаментальным единством, основанным на феномене сознания, раскрыть которое и призвана феноменология. М. Хайдеггер (M. Heidegger) (1889–1976) в свою очередь сконцентрировался на вопросах человеческого бытия, также обозначив важные вехи в развитии экзистенциальной феноменологии.

В то время как доминирующие в философии и психологии взгляды говорили об обособленности или различии между индивидом и миром (между самостью и другими, между субъектом и объектом), экзистенциально-феноменологическая модель предлагает целостный взгляд на бытие, согласно которому все, что есть или может быть, все, что осознается, что мы отражаем, определяем или различаем, порождается отношением. Само переживание бытия получает свое отражение, когда помещается в контекстуальные отношения бытия-в-мире. Таким образом, отражение бытия и фокус внимания, или объект отражения, являются взаимно фундаментально определяемыми или со-конституируемыми, через их различные экзистенциальные отношения (Heidegger, 1962).

Структурная тенденция или «данность», через которую существуют отношения в экзистенциально-феноменологической теории, была обозначена как *интенциональность*. Последняя рассматривается как фундаментальные, одновременные, не обособляемые отношения между человеческим сознанием и миром (следует сказать, что наше сознание всегда представляет какую-либо «вещь»), в которых «реальность, как человечески переживаемая, формируется или интерпретируется. Рассматриваемая с точки зрения «бытия» интенциональность обнаруживает, что через реконструирование значений-возможностей «вещей», с которыми мы находимся в отношениях, мы реконструируем их значения-возможности посредством самих же вещей. А это означает, что «самость» и «другие» («мир») делаются значимыми или «приходят в бытие» через их взаимозависимые, со-конституированные отношения. Одним из следствий этой аргументации является то, что каждый из нас активно вовлекается в конструирование или пытается означить переживания себя самих, других людей, всех качеств, объектов и умственных процессов, создающих нашу жизненную реальность.

Этот взгляд расходится с естественнонаучными выводами о возможности безличностной истины, т. е. об объективной природе реальности. Экзистенциально-феноменологическая модель утверждает, что мы никогда не будем обладать абсолютным знанием о реальном мире, а лишь знанием о мире интерпретируемом, мире, который существует в нашем отражении. В таком случае все наши утверждения о мире или любом его аспекте, включая, конечно, и самих себя, являются в лучшем случае приближениями. Мы никогда не сможем говорить о фактах с полной

уверенностью в их истинности в силу того, что мы ограничены нашими же способностями описать или понять вещи такими, какими они есть на самом деле.

Некоторые, если не большинство, из таких выводов могут быть сделаны эксплицитно, другие являются плодом наших собственных вымыслов и воображения. Ни одно из биологических, нейропсихологических, а иногда и психических ограничений не может быть преодолено, они будут в любом рефлексивном утверждении, которое мы делаем о мире или самих себе. Открытие и разъяснение интерпретативных ограничений нашего опыта формируют один из самых важных аспектов экзистенциально-феноменологического подхода, представляющего попытку преодоления социокультурно и психологически обусловленных предубеждений и выводов.

Основным инструментом, посредством которого экзистенциально-феноменологическая модель исследует вопросы о сущности и существовании, является особый метод, обязывающий исследователя искать: 1) пути *приостановления влияния собственных предубеждений и предположений* на доступность чьих-либо переживаний, и жизненный опыт; 2) возможности оставаться на *описательном уровне интерпретации* в целях сосредоточения на непосредственных данных опыта; 3) средства *горизонтализации* единиц описания, избегая построения какой-либо иерархии значимости между ними – особенно на ранних этапах исследования. Несмотря на то что данный метод обречен на неполноту и незавершенность, он дает все же возможность большей адекватности и предположений, воздействующих на любое наше столкновение с миром.

Экзистенциально-феноменологическая модель познания

В соответствии с экзистенциально-феноменологической моделью человеческое бытие обнаруживает «всеобщность, неразрывное единство или взаимосвязанность индивида и его мира. В истинном смысле личность рассматривается как не обладающая существованием вне мира, а мир – как не обладающий существованием вне личности» (Valle и др., 1989, с. 7).

В применении к таким наукам, как социальная психология, экзистенциально-феноменологический подход обладает возможностью огромного ряда жизненных проявлений. Такой позиции избегают, однако, другие современные теоретические модели личности, предпочитающие ее категоризацию и типологизацию, дифференциацию ее до уровня анализа отдельных частей или компонентов. «Экзистенциально-феноменологический подход стремится к сохранению описательного и открыто-закрытого уровня анализа человеческой жизни, которая одновременно признает как уникальность каждого бытия-в-мире, так и видоразделенность транскультуральной данности бытия человеком, устанавливающей границы – или инварианты данности – для возможностей нашей жизни» (Woolfe, Dryden, 182–183).

В этом случае человеческие органы чувств как основа информации, переводимой в перцептивные образы нашим мозгом, являются видообусловленными и ограниченными. Предоставляя возможность осознанного переживания стимулов

внешнего мира, органы чувств в силу их ограниченности делают невозможной гипотезу о том, что они способны улавливать всевозможные стимулы, воздействующие на них. В отличие от других живых организмов, чьи сенсорные характеристики могут быть отличными или гармонизированными иным образом, человеческое бытие регулируется некоторыми фиксированными «инвариантами» на видовом уровне.

В то же время на само- и мировосприятии человека сказываются влияния, обусловленные социокультурным контекстом, который, в свою очередь, влияет и на способ перцептивной переработки, и на интерпретацию объектов восприятия. Психолог, интересующийся перцептивными процессами, принимает во внимание огромное число таких инвариантов видового и социокультурного уровней. Более того, существуют искажения, порождаемые самим индивидом, т. е. формируемые жизненной практикой и взаимодействиями, которые имеет каждый из нас. Все эти ограничения приводят к выводу, что мы интерпретируем мир в пределах «данностей» наших возможностей, находимся под влиянием предубеждений и предположений, порождаемых социокультурными различиями вообще и уникальностью нашего собственного развития в частности.

По мнению E. Spinelli, данностями нашего вида могут казаться специально обозначенные или наименованные вещи, которые каждый из нас осознает, и способ того, как это происходит, что зависит от различных лингвистических и социокультурных влияний, влияний нашего собственного опыта, предрасполагающего или предубеждающего нас воспринимать мир таким образом, каким мы его воспринимаем.

Эта позиция помещает человеческую личность в неопределенную, релятивистскую реальность, будучи в которой вне зависимости от значений, которые мы обнаружили для себя, и от уверенности в их истинности они никогда не будут полностью объективными, лишены предубеждений. Более того, возможности человеческого переживания ограничены и формируются с помощью ряда инвариантов, посредством которых каждое бытие-в-мире интерпретируется уникальным образом. Кроме того, в силу со-конституированности существования каждое бытие-в-мире является характерно открыто-закрытым и постоянно изменчивым и пластичным, а не фиксированным и полностью определенным, а, значит, переменные, составляющие переживания каждого человеческого бытия, не целостны и не совершенны по отношению к любому другому человеческому бытию. В лучшем случае речь может идти о достижении приближения к ощущению особенностей переживания мира другим человеком, более-менее адекватном их восприятию, но ни в коем случае не об исчерпывающем их постижении. С позиций экзистенциально-феноменологической психологии этот вывод можно проинтерпретировать так: каждый из нас является одиноким в собственном переживании реальности, и, как ни парадоксально, мы одиноки именно потому, что находимся во взаимоотношениях друг с другом.

Пытаясь осознать влияние подобного рода идей, мы сталкиваемся как бы с бессмысленностью бытия в силу того, что оно не имеет внутренне свободной значимости. «Наша потребность наделять вещи значениями (определяя, расчленяя или ограничивая их) кажется другой “данностью” нашего вида. Наша нетерпимость к

бессмысленности оказывается глубоко укоренившейся, даже фундаментальной характеристикой. Бессмысленность внушает нам беспокойство – что-либо кажущееся бессмысленным беспокоит нас таким образом, что мы отказываемся принимать его и пытаемся придать ему значение – обычно посредством связывания с другими объектами, значение которых известно нам и с которыми он, кажется, обладает сходными характеристиками, или посредством приписывания ему определенного рода функциональных предназначений, которые снова помещают его в «означенный» контекст, порождаемый нашим опытом». Эта мысль, принадлежащая Spinelli, во многом совпадает с механизмами формирования социальных репрезентаций, описанных Московичи, предполагающих своеобразное сцепление нового знания со старым путем трансформации в понятную для здравого смысла форму, не вызывающую когнитивного диссонанса. Это в свою очередь ведет к пересечению идей в отношении специфики социально-познавательной активности людей с позиций разных научно-теоретических традиций и школ.

Экзистенциально-феноменологическая модель беспокойства по поводу бытия использует понятие «страх» – *«angst»*, вызванный осознанием того, что в мире нет иных значений, кроме относительных, которые мы создаем сами; что мы не можем полагаться на несомненность фактов или целей, не можем знать того, что с нами произойдет, когда мы перестанем быть людьми. Эта временность, выражающая наше событийное ничтожество, являет собою наиболее фундаментальный источник страха.

Ничтожество, бессмысленность, одиночество являются той ценой, которую мы платим за свою свободу, за попытку быть *аутентичным* человеческому бытию (Heidegger, 1962). Чтобы избежать страха, мы «дегуманизируем» себя, становимся пассивными, безответственными, кажемся детерминированными волей и капризами других, ищем спасения от внешней правды, перманентных значений, утверждений о высшей заинтересованности в истинности своих целей. Такая позиция в отношении к жизни была определена как *неаутентичность* (Heidegger, 1962), или *нечестность* (Sartre, 1956), ее апелляции явно сводятся к снижению беспокойства и неопределенности бытия-в-мире.

Экзистенциально феноменологическая идея выбора часто неверно интерпретируется и сводится к утверждению о том, что мы обладаем полной свободой выбора кем и каким быть. Но это неверно. Выбор, в котором мы свободны, порождается ситуативной свободой, т. е. в рамках границ наших интенциональных отношений друг к другу как со-конституированности «бытия-в-мире». Мы скорее свободны в выборе не того, чего хотим, а того, как реагировать на неизбежные «стимулы», короче «мы осуждены на выбор» (Sartre, 1956). Следовательно, наш выбор соответствует уровню интерпретаций, а не событийному или стимульному уровню. В этом контексте *angst* не столько представляет беспокоящий аспект жизни, с которым приходится работать психологу, сколько возможность и ответственность бытия – быть радостным или отчаявшимся, жизнеутверждающим или конформным по отношению к своей событийной ничтожности.

Особенности экзистенциально-феноменологического подхода в социальной психологии

Каждый человек видит мир по-своему, отражая в нем и свою собственную природу субъективности переживаний, процессов и механизмов, лежащих в основе его предубеждений, иррациональных действий и т. п.

Смещение акцентов в сторону «оживления» социальной психологии посредством обращения к феноменологии жизни реальных людей было ускорено, в частности, бунтом студентов психологических факультетов американских университетов против академической психологии с ее ориентацией на использование естественнонаучной методологии и лабораторного эксперимента. Едкие замечания о том, что американская социальная психология дает лишь знания об особенностях американских студентов–психологов, составлявших подавляющее большинство участников лабораторных экспериментов, и ничего более, подвигли ученых к поиску новых подходов и инструментов исследования.

Теории, основывающиеся на позициях экзистенциально-феноменологического подхода, оказались наиболее продуктивными в плане «жизненной» эмпирии и интерпретации.

Поток переживаний Чикченмихая. Как уже отмечалось, в 1990-е годы наблюдается своеобразная реминисценция интересов к понятию самости. Наиболее интересной версией рассмотрения самости как потока сознания является версия, предложенная Чикченмихай (Csikszentmihalyi).

Анализируя феномен «потока переживаний» под влиянием ощущений, которые испытывают люди, он заинтересовался аспектом удовлетворенности человека самим собой, осознания некоторых специфических событий (ощущений, мыслей, интенций), которыми он может управлять, т. е. можно говорить об осознанно, интенциально упорядоченной информации (Чикченмихай, 1992, с. 26). Чикченмихай сравнивает концентрацию внимания с психической «энергией», рассматривая способность контролирования данных ресурсов (способность произвольной концентрации внимания, а не созерцание потока сознания) как обладающую бесценным значением для жизни, противопоставляя ее тому, что он называет «энтропией» (распад упорядоченности сознания из-за вторжения посторонних событий и мыслей). Поток сознания имеет место тогда, когда поступающая информация соответствует преследуемой цели, способствуя усилению потока энергии. Это состояние определяется исследователем как «оптимальное переживание», т. е. в нем проявляется полная управляемость вниманием, способствующая большей его мобилизации и концентрации.

Примерами подобного рода является ощущение актером удачного исполнения роли; шахматистом – полной реализации замыслов игры; родителями – успешности воспитания детей и т. п.

Поток сознания предполагает концентрацию его для достижения определенного итога, цели; он обусловлен не только характером исполняемой деятельности, но и природой активности человека.

Если людям удастся добиться того, что поток переживаний у них возникает регулярно, это приводит к заметному возрастанию качества жизни.

Применительно к экзистенциально-феноменологическому подходу работы Чикченмихая фиксируют принципиальную возможность управления человеком потоком своих переживаний, проявляемых в самых разнообразных видах социальной активности.

Состояния мышления Дональдсон. М. Дональдсон (M. Donaldson) пришла к изучению проблемы состояний мышления после долгих лет исследований в области психологии развития, будучи скорее ориентированной на эмпирические, нежели феноменологические его аспекты.

Основываясь на собственных наблюдениях в детской психологии и исследованиях других авторов, она пришла к заключению, что каждому состоянию мышления (точечному, линейному, конструктивному, трансцендентному) соответствует свое собственное ощущение пространства и времени. *Точечное состояние* относится к непосредственному опыту, реализующемуся здесь и сейчас. *Линейное* характеризуется возможностью припоминать прошлое и антиципировать будущее. *Конструктивное* представляет способность конструирования понятий, независимых от конкретных примеров, *трансцендентное* появляется с развитием абстрактного мышления.

По мере взросления ребенка происходит переход из одного состояния в другое. *Линейное* состояние мышления формируется к 8–10 месяца и в последующем дифференцируется на четыре отличные одна от другой формы – мышление, эмоции, восприятия, целенаправленные действия. *Конструктивное* состояние начинает формироваться к 3–4 годам и характеризуется повышенным интересом к природе вещей. Существуют интеллектуальный, ценностный и ядерный типы этого вида состояний. На уровне интеллектуального типа состояния, доминируют интеллектуальные и познавательные интересы. Ценностный тип состояния характеризуется чувствами и ценностями. На уровне ядерного типа происходит формирование конструктов, включающих сложное переплетение когнитивных и аффективно-ценностных элементов. «По мере развития, – пишет Дональдсон, – мы совершенствуем свои представления о природе универсума, о своих социальных группах, о социальных группах других и о самих себе» (1992, 83).

Именно в ядерных конструктах представлено все своеобразие конкретной человеческой самости, ее характера, ее аттитюдов.

Особым является трансцендентное состояние, характеризующееся полной абстрактностью, рудиментарные формы его проявляются только к 9 годам. Эта форма мышления является производной от интеллектуальной и эмоциональной. Интеллектуальное трансцендентное состояние представляет реальность абстрактных мыслей, аналогичных математике и логике. Ценностное же, или эмоциональное, трансцендентное состояние проявляется в духовных и религиозных переживаниях, в искусстве.

По мнению R. Stevens (1998), рассуждения Дональдсон не всегда последовательны, не всегда доступны пониманию, зачастую кажутся умозрительными. Более адекватным представляется все же термин «сознание» в контексте описания его

различных состояний. Выделение интеллектуального, ценностного или переживаемого состояний кажется недостаточно аргументированным. Очевидными являются оригинальность подхода, подчеркивание динамичности и своеобразия состояний индивида, подкрепление богатой эмпирической и феноменологической базой.

Изучение трансцендентных состояний. Проблема изучения трансцендентных состояний получила достаточно широкое развитие, причем иногда в самых противоречивых проявлениях, например в подходе к изучению феноменологии с использованием психоделических наркотиков и медитативных техник.

Начало этому было положено психологами Гарвардского университета Т. Лири (Leary), Richard и Alpert. В 1960-е годы, стимулированные наркотиками психические «путешествия» стали особенно популярными. Особое развитие получили эти исследования в рамках психодинамической эго-психологии, пытавшейся таким образом добраться до свободного от импульсов, конфликтов, рационального мышления сфер Эго. Последователи классического психоанализа пытались таким образом дойти до «ощущения» чистого чувства, до более тесной связи с телесными ощущениями, свободы от социальных рамок, жить здесь и сейчас.

Действительно, такие наркотики, как ЛСД, способствовали описанию многих специфических феноменов, связанных с «открытым» сознанием, с интенсивными чувствами, однако приводили к серьезным психическим нарушениям, что привело к отказу от их использования.

Другой подход к исследованиям трансцендентных состояний сознания был связан с использованием различных медитативных техник, аутогенных тренировок, групп встреч и марафонов. Наиболее показательными в этом контексте являются гештальттерапия (Perls), расширение человеческой осведомленности в достижении «удовлетворенности» и искренней коммуникации (Schutz, 1967), вызывание «пика переживаний» и «самоактуализации» (Maslow, 1971). В ранних версиях гештальттерапии рассматривались элементы конфронтации, которые драматически изменяли характер описываемых участниками переживаний, иногда интерпретируя их как поверхностные и защитные. В более поздних версиях уже налицо эмпатические попытки постижения внутренних переживаний индивида в его собственных понятиях. Основной целью такого рода усилий является осознание участниками более полных и искренних самоощущений. Процесс продвижения как самоосведомленности, так и осведомленности в межличностных отношениях ставится в центр внимания психотерапевта в попытках создать условия для более полного соприкосновения с миром переживаний.

Идеи экзистенциально-феноменологического подхода в последние годы обретают все большее число сторонников. Интерес к тому, как человек конструирует интерпретацию событий и рассматривает себя в окружающем мире, вызывает все возрастающее число исследований (таблица 9).

Таблица 9.

Основные черты феноменологического подхода

Основные единицы	Переживаемая самость;
------------------	-----------------------

	личностные конструкты и Я-концепции; субъективные ощущения и восприятия; атрибуции
Причины поведения	Я-концепции; чувства и конфликты, атрибуции; свобода выбора; личные переживания, восприятия и интерпретации
Способствующие данные	Сигналы (внутренние состояния личности, восприятия или эмоции)
Наблюдаемые реакции	Экспрессия; человеческий потенциал и самоактуализация; эмоции; атрибутирование
Фокусы исследований	Я-концепции
Подходы к изменению личности	Самоосведомленность и увеличение самоосведомленности; искренность личности; внутреннее соответствие и самопринятие; изменение конструктов; альтернативные истолкования контекста переживаний и выбора
Роль ситуации	Концентрация на ситуации, как она воспринимается

Приводится по Mischel, W. 1994, с. 281.

Как следует из схемы, основными единицами анализа экзистенциально-феноменологического подхода являются самость, представления и чувства личности. Индивид рассматривается как обладающий свободой выбора и потенциалом направленных самоизменений. В качестве основных данных выступают описания личностных конструктов и чувств, позволяющих проникнуть во внутренние состояния, эмоции, видение мира глазами клиента.

Экзистенциально-феноменологический подход в современных версиях создает мощную альтернативу относительно узкому, механистическому рассмотрению личности и социально-психологической проблематики в целом.

Концентрация на прошлом и будущем, на здесь и сейчас, как оно переживается человеком составляет его сильную сторону. Общая характеристика его слабых сторон представлена в таблице 10.

Одним из уязвимых мест экзистенциально-феноменологического подхода является наличие многочисленных предубеждающих искажений, иллюзий, ошибок у людей, а также ограниченность информации о своей самости, на что исследователи обращают самое пристальное внимание.

Таблица 10.

Вклад и ограничения экзистенциально-феноменологического подхода

Вклад	Ограничения
<p>Фокусирование на ранее избегавшихся вопросах: текущие субъективные переживания субъекта, эмоциях и восприятиях; научное изучение самости.</p> <p>Фокусирование на настоящем и будущем.</p> <p>Отношение к личности как к ученому и потенциальному эксперту, но способном допускать систематические ошибки и нарушения.</p> <p>Фокусирование на здоровой личности и позитивных стремлениях.</p>	<p>Сложность связывания восприятий и переживаний личности с объективными условиями и внешними причинами.</p> <p>Отрицание прошлой истории развития.</p> <p>Личность может обладать искаженными представлениями и описаниями; сложность объективации переживаний личности.</p> <p>Чрезмерная вера в личностный рост; не применимость к острым нарушениям в психике, лицам с задержками в психическом развитии и с отсутствием устной речи.</p>

Приводится по Mischel, W., с. 282.

Глоссарий

Angst – беспокойство, возникающее в связи с признанием того, что в мире нет никаких иных значений, кроме тех относительных, которые мы создаем сами, что мы не можем полагаться на несомненность фактов или целей, что мы не можем знать того, что с нами произойдет, когда мы перестанем быть людьми.

Dasein – бытие-в-мире – всеобщность, неразрывное единство или взаимосвязанность индивида и его мира. В истинном смысле личность рассматривается как не обладающая существованием вне мира, а мир – как не обладающий существованием вне личности.

Интенциональность – структурная тенденция, или «данность», через которую существуют фундаментальные, одновременные и не обособляемые отношения между человеческим сознанием и миром, в которых реальность как человечески переживаемая формируется или интерпретируется.

Поток переживаний – состояние осознания собственного превосходства над всем происходящим, безграничности возможностей. Поток имеет место в случае, если поступающая информация соответствует преследуемой цели, способствуя усилению потока энергии. Это состояние определяется как «оптимальное переживание».

Феноменология – методологический подход, обосновывающий необходимость рассмотрения человека с позиций постижения его жизненных переживаний и интерпретаций с целью прояснения того, как переживается человеком объективный мир, как он представляется ему в его сознании. Так,

феноменология пытается более адекватно понять человеческие состояния, как они проявляются в условиях жизненных переживаний.

Экзистенциальный аспект феноменологии – идея о том, что содержанием человеческого бытия является его существование, которое обнаруживается в неизбежном процессе движения от бытия к небытию.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие экзистенциально-феноменологического подхода?
2. В чем суть феноменологического метода исследования?
3. В чем выражается экзистенциальный аспект феноменологии?
4. Опишите особенности экзистенциально-феноменологической модели познавательной активности.
5. Охарактеризуйте особенности анализа потока переживаний Чикенмихай.
6. Опишите специфику подхода Дональдсон.
7. Каковы основные тенденции развития современного экзистенциально-феноменологического подхода в социальной психологии?

Для дополнительного чтения

1. Бисвангер Л. Бытие в мире: Избранные статьи. – М.: «КСП+», СПб.: «Ювента», 1999. – 300 с.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: ИЗД-ВО МГУ, 1984. – 200 с.
3. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. – СПб.: Питер, 2001.
4. Леонтьев Д. А. Что такое экзистенциальная психология. / Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. – М.: РАПС, 1998.
5. Мадди С. Теории личности: Сравнительный анализ. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003.
6. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. – Мн.: Университетское, 1994. – 144 с.
7. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 256 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
9. Ялом И. Д. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 575 с.
10. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

Основной источник

1. Тихонравов Ю. В. Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. – М.: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998.

Конструктивистский подход в социальной психологии

Методологические основания социально-конструктивистского подхода

Понятие «конструктивизм», уходящий своими корнями в фундаментальные работы таких философов, как Вико и Кант, является термином, который сегодня применяется для обозначения многочисленных подходов в различных областях научного знания, включая экономику, биологию, математику, физику, социологию, социальную психологию.

В психологии конструктивизм, как отмечает М. J. Mahoney, относится к ряду теорий, разделяющих утверждение о том, что человеческие знания и жизнедеятельность предполагают (про)активное участие индивидов» (1988, с. 2). Понимание последнего опосредовано социальным контекстом, в котором это участие реализуется. Границы между личностью и контекстом весьма неопределенны, что создает сложности для определения их роли в характере и особенностях взаимодействия. С позиций конструктивизма, социальный мир – это социальная история, социальная практика, социальные структуры, социальные сферы, обуславливающие повседневные размышления и взаимодействия; и все это должно быть стержнем психологических исследований.

Двумя другими характерными чертами конструктивистских психологических теорий являются «морфогенические ядерные структуры» и «самоорганизуемое развитие». Первые структурированы таким образом, что ядерные процессы доминируют над периферическими аспектами личностного функционирования. Второе по существу означает, что каждый из нас организует свое развитие таким образом, чтобы поддерживать в равновесии и сохранять собственную идентичность, т. е. акцент смещается от чистого психологизма к социологизму и антропологизму.

Анализ социального конструирования мира связан с вопросом культурных оснований самопознания и самопонимания личности. Особое внимание здесь уделяется роли влияния на культуру языка и дискурса.

По мнению R. Stevens и M. Wetherell, «социальный конструктивизм внес наибольший вклад в формирование сомнений о самой возможности достижения истинных знаний вне зависимости от личностных и культурных влияний. Если мышление формируется через интериоризацию социального, как утверждается в рамках данного подхода, то наши попытки осмысления социальной жизни, вне зависимости от того, является ли она академической или правовой, будут отражать нашу социальную, культурную и историческую ситуацию» (1996, с. 359). В этой связи К. J. Gergen, один из апологетов социального конструктивизма, утверждает, что социальная психология с неизбежностью принимает форму истории, т.е. описаний, применимых к определенным обстоятельствам.

Теоретик социального конструктивизма Р. Харре (R. Harre) подчеркивает особую роль в осмыслении человеком своего бытия дискурса и языка, и «если вести речь о фундаментальных или наиболее основополагающих видах социально-психологической активности, то наиболее подходящими на эту роль являются рассказы и социальные взаимодействия. Существенная часть нашего бытия как раз и заключается в диалогах, монологах, обменах мнениями, аргументации, сплетнях. Многообразие авторских позиций отражает таблица 12.

Таблица 12.

Многообразие конструктивистских подходов

Подход	Представители
Анализ рассуждений	Atkinson, Heritage (1984)
Дискурсный анализ	Potter, Wetherell (1987)
Этнометодология	Button (1991)
Этогеника	Harre (1992)
Феминистские исследования	Radke, Stam (1994)
Постструктурализм	Culler (1983),
Постмодернистские политические исследования	Hollway (1989)
Риторика	Derian, Shapiro (1989)
Рефлексивная этнография	Billig (1987)
Социология научного знания	Clifford Marcus (1986)
Социокультурная психология	Latour Woolgar (1986)
Символический интеракционизм	Wertsch (1991)
	Hewitt (1994)

Приводится по Porter J., 1996.

Ориентация в существующем многообразии предполагает прослеживание особенностей наиболее известных теоретических моделей и идей, доминирующих в социальном конструктивизме теорий среднего уровня. Одной из наиболее разработанных является теория личностных конструктов Дж. Келли.

Основные теоретические подходы в социальном конструктивизме

Теория личностных конструктов Келли основывается на философском выводе о «конструктивном альтернативизме», утверждающем, что все наши настоящие интерпретации универсума являются субъектом ревизии и изменения (Kelly,

1955, с. 15). Таким образом, мы не только конструируем мир, но и обладаем способностью реконструировать его. В предлагаемом Дж. Келли тезисе человека как наивного ученого, каждый из нас уподобляется исследователю, формулируя гипотезы, проверяя их и пересматривая. Эта, по сути антиципационная, природа человеческого функционирования выражается в фундаментальном постулате: личностные процессы психологически канализированы путями антиципации событий.

Келли расширил этот постулат, сделав 11 выводов, детализирующих процесс конструирования. Центральным в них является идея о развитии человеком системы биполярных конструктов. Так, человек, ядерным конструктом которого является неуверенность в собственной эффективности, с большими опасениями относится к стратегии трансформации себя в плоскость обладания большей уверенностью. Выбирая, какой полюс конструкта применить к событию, он должен сделать такой выбор, который с большей вероятностью повысит его способности антиципировать мир, уменьшит параметры самодеструктивного поведения. Подтверждением этому являются данные исследования Баннистера и Франселлы, изложенные в книге «Новый метод исследования личности». Авторы показали, что логоневротики не увеличивают интенсивность заикания до того момента, пока читаемый ими текст носит для них множественные возможности антиципирования мира как мира заик, т.е. люди существенно различаются друг от друга в индивидуальных системах личностных конструктов. Конструирование особенностей процесса интерпретации других составляет сущность близких отношений и требует ролевых взаимоотношений.

По мнению Келли, каждый из нас организует собственные конструкты по принципу иерархии, в которой одни элементы доминируют над другими. Отношения соподчинения детерминируют наши предсказания в отношении мира, т.е. человек с низкой эффективностью в установлении межличностных взаимоотношений с незнакомыми людьми будет соответствующим образом антиципировать возможный исход своих будущих контактов с ними.

Наши предсказания будущих событий могут быть либо валидными, либо нет. Столкновение с невалидностью может привести к реконструированию в различной форме. Неоднократное подтверждение невалидности конструкта первоначально приводит к его ослаблению, а затем к изменению с возможным понижением уровня иерархии. Вполне очевидно, что человек, сталкивающийся с неподтверждением основанных на его представлениях ожиданий, начинает задумываться о переосмыслении случившегося. Особенности отношения к такого рода невалидности конструктов определяются среди прочих факторов типом конструкта. Например, в многочисленных исследованиях показана особая устойчивость к изменениям конструктов на высших уровнях иерархии. В частности, М. Рокич (1979) установил особую трудноизменяемость типа А представлений, усваиваемых на ранних этапах социализации. Объяснение этому видится в том, что в подобных случаях изменения затрагивают слишком большое число нижерасположенных конструктов и представлений. В качестве примера, иллюстрирующего эту сложность, можно взять развод. Факт развода сопряжен с изменением статуса, нахождением как само-, так и внешних оправданий, решением проблемы детей, имущества, будущего и т.п.

Конструкты высокого уровня иерархии, центральные для идентичности личности, были обозначены Келли как ядерные конструкты. Они особенно устойчивы к изменениям, а их нестабильность обуславливает угрозу всеобъемлющих изменений в ядерных структурах человека. Ряд конструктов, обозначаемых как ядерные ролевые, определяет индивидуальные характеристики способов взаимодействия с другими людьми. По Келли, чувство вины сопряжено с очевидным смещением ядерных ролевых структур. Важно отметить, тем не менее, что вина не обязательно связана с социально неодобряемым поведением. Используя пример человека с низкой эффективностью межличностных контактов, можно ожидать, что чувство вины могут вызывать у него любые попытки проявить свою эффективность.

Беспокойство, в транскрипции Келли, увязывается с осведомленностью о том, что какие-то конструкты не дают необходимых прогнозов будущего развития событий. Для снятия беспокойства человек может использовать самые разнообразные стратегии: сужать рамки собственного мира событий, в котором необходимо предсказывать; расширять их за счет включения нового жизненного опыта в надежде, что он поможет разработать новую систему конструктов, позволяющих повысить предсказуемость, и т. п.

Оптимальное функционирование такого рода конструктов включает циклическую взаимозаменяемость стратегий поведения, что характерно для нормальных людей и не характерно для лиц с психическими отклонениями.

Келли придерживался холистического взгляда на природу личности, не делая различий между когнитивными, аффективными и волевыми составляющими деятельности. Не нуждался он и в категории мотивации, так как рассматривал личность как форму движения; наконец, не использовал и понятие неосознаваемого, признавал наличие конструктов различных уровней когнитивной осведомленности – причина того, что люди не всегда осведомлены в основаниях своего выбора. Некоторые из конструктов низкого уровня осведомленности, являются у него превербальными, отсутствие вербальных обозначений обусловлено тем, что они формируются у человека до момента его научения языку.

Подход V.F. Guidano u G.A. Liotti. Guidano и Liotti (1983) разрабатывали теорию прикрепления центральной для развития познаний индивида о самом себе и о мире, для «организации значений личности». Guidano (1987), в частности, рассматривает процесс развития с учетом взаимодействия когнитивного роста и «эмоциональной дифференциации», с учетом развития «эмоциональных схем», используемых в ассимилировании жизненного опыта индивида. Кластеры схем формируют своеобразные «картины», изображающие различные аспекты жизненного опыта личности. Повторение жизненного опыта приводит к развитию прототипических «ядерных картин», каждая из которых включает циклическое взаимодействие между двумя кластерами эмоциональных схем. Правила для связей ядерных картин разрабатываются в форме «скриптов» (предоставляющих стабильное и связанное чувство самости и мира), которые впоследствии могут быть организованы в «метаскрипты» (представляющие программы жизни индивида). Эмоциональные схемы и скрипты представляют всего лишь невыражаемый словами уровень знаний, а не эксплицитные модели самости и мира индивида.

Guidano сравнивает нормальное функционирование с организацией значимой личности, обладающей гибкостью и устойчивостью к возрастающим уровням сложности посредством диалектического процесса ассимиляции их противоречий. В такого рода системах присутствует существенное напряжение между противодействующими процессами, включая противоречия между процессами сохранения и изменения. Динамический баланс требует абстрактной переработки, включающей «децентрацию» от мира непосредственно переживаемой жизни и «рецентрацию» самости. Индивид должен проявлять тенденцию избирательного отношения к данным, совместимым с его личностной идентичностью и, при необходимости, перерабатывать жизненный опыт, несовместимый с индивидуальными представлениями о самости и мире, что достигается реконструированием личностной идентичности.

Проявление особого интереса к процессу социального конструирования мира обуславливает особое внимание к постижению мира значений, посредством которых он репрезентируется и осознается. Отсюда интерес конструктивистов к дискурсу и его привязка к социальному контексту. Через постижение дискурсов, влияния на них социального контекста и языка как детерминированных культурой становится возможным постижение подлинного смысла человеческой жизни.

Дискурсный подход. Дискурсный подход, опирающийся на идеи социальной конструируемости мира, дает возможность рассматривать природу межличностного взаимодействия, коммуникации не как процесс, который подчиняется какой-то универсальной схеме, будь то линейная модель взаимодействия как обмена информацией или порождения неких смыслов.

В дискурсном подходе утверждается, что межличностное взаимодействие, в котором участвуют субъекты, невозможно изучать объективными методами, так как внутренний мир его участников – неприступная крепость для так называемых объективных методов, поэтому, дескать, пусть сами субъекты взаимодействия участвуют в его изучении, ведь именно они являются истинными носителями того смыслового поля, которое нельзя нащупать, если выключить их из исследовательского контекста.

В последние годы достаточно интенсивное развитие получил дискурсный анализ – как бы производная социальной психологии и теории коммуникации. Данная ветвь, явно направленная на антиреализм и конструктивизм, подчеркивает способ, с помощью которого создается описание мира, событий, внутренней психической жизни человека. Здесь, с одной стороны, позиция собеседников, с другой – позиция исследователя и его версии о событиях, т.е. имеет место своеобразное столкновение с реальностью и дискурс в результате предстает в роли объекта исследования.

Особая роль в дискурсном анализе принадлежит идее рефлексивности, предполагающей пристальное внимание к способу, с помощью которого текст создает версию, избирательную связность или бессвязность, историческую последовательность, представляющую или на самом деле устанавливающую объективную реальность.

Этот вид анализа рассматривает дискурс как тексты, включенные в социальную практику. Это значит, что акцент делается не на язык как абстрактную сущность, с его лексиконом и грамматическими правилами, не на систему дифференциальных признаков (как в структурализме) или свод правил трансформаций, а наоборот – на дискурс как средство взаимодействия; анализ дискурса – это анализ того, что делают люди. Здесь подчеркивается тема риторической и аргументативной организации беседы и текста.

Отличительной особенностью дискурсного подхода является признание того факта, что психологические феномены обладают общественной и коллективной реальностью. Е. Вигман и I. Parker (1993) подчеркивают, что язык, организуясь в дискурсы, начинает обладать собственным влиянием на способ переживания людьми, в том числе и психологами, окружающего мира и взаимодействия с ним. Именно язык включает большинство базовых категорий, используемых для понимания людьми самих себя, эмоционально влияя на действия мужчин и женщин, репродуцируя пути определения собственной культурной идентичности. Когда мы говорим о любом феномене, мы оперируем отдельными их значениями и паттернами, которые представлены в сознании в форме словесных описаний, наделенные субъективно уникальным своеобразием, определяющим в конечном счете характер интерпретации объектов. Если в сознании объекты представлены в форме словесных описаний, постижение смыслов, которыми оперирует человек во взаимодействии с миром, становится возможным только посредством выяснения особенностей их формирования. Отсюда ориентация представителей дискурсного подхода на анализ текстов.

Традиционные психологические методы, по мнению представителей дискурсного подхода, не могут ухватить семантические процессы, реализуемые в языке реальной жизни не как статичные фиксации неизменных смыслов, а как творение этих разделяемых смыслов в их постоянном взаимодействии и изменении. Именно схватывание языка как действия составляет отличительную особенность дискурсной психологии. Оно становится возможным лишь при условии целесообразности рассмотрения проявлений социальной жизни как текстов, к которым можно применить инструменты дискурсного анализа.

В дискурсном анализе аналитическая процедура, с помощью которой получается вывод, часто совершенно отлична от способа, которым этот вывод проверяется. Чаще всего он основывается на выработке навыков и умений самого исследователя, что приводит к сомнению в адекватности дискурсно-аналитического метода, поскольку тут и случаи расхождения оценок, и суждения самих участников дискурса о направленности их идей, и разные способы об аналитической интерпретации. Однако все это только стимулирует дальнейшие поиски психологов.

Дискурсный анализ в подавляющем большинстве случаев имеет качественный характер, что не означает принципиального отказа от квантификации. Возражения вызывает лишь применение подсчетов при работе с текстом (Potter, Wetherell, 1987). Если в традиционных исследованиях мир описывается как состоящий из дискретных переменных и дискретных реакций, то в дискурсном анализе существуют конструкции и версии, которые могут быть приняты, отвергнуты, на них может даваться ответ, но к ним не приложимы понятия факторов и результатов.

При необходимости предлагается замена категоризации на партикуляризацию для поиска идиографического содержания дискурса (Billig, 1991). Такая замена приводит к оттеснению номотетического аспекта на вторые роли. Нормы всегда имеют определенную ориентацию, но это не значит, что они задают шаблоны для действий. Они всего лишь дают направления для понимания и интерпретации отклонений.

Приоритетность дискурса обуславливает становление в качестве основного объекта исследования языка. Язык, по мнению представителей дискурсного подхода, организован в дискурсы (некоторые называют их репертуарами репрезентаций), направляющие поведение людей; содержит основные категории, используемые людьми для самопонимания.

Дискурсы не просто описывают окружающее социальное пространство – они создают его карту, причем субъективную, которая акцентирует внимание на одних факторах и искусственно принижает значение других. Тем самым люди выстраивают свою собственную картину мира, конструируя представления и репрезентации по своему вкусу, часто неосознанному. Паркер утверждает в этой связи: «Дискурсы воспроизводят окружающую нас реальность в трансформированном виде» (1994).

По мнению Е. Вигман, язык организован посредством дискурсов и может оказывать не только сильное влияние на поведение людей, но в некоторой степени, и прогнозировать его. В нем содержатся определенные базовые категории, которые используются ими для осознания своих внутренних переживаний, своего культурного и социального статуса, отношения к другим и т. д. Данное свойство было выявлено психотерапевтами в работе с клиентами, замечено, что большинство ситуаций, происходящих с людьми, ставшими клиентами психотерапевтов и психологов-консультантов, довольно схематичны и подобны друг на друга. Единственное, что их различает, так это тот способ, которым человек их интерпретирует, воспринимает, переживает. Именно здесь проявляется в полной мере индивидуальное своеобразие «дискурсного пространства» каждого из нас.

Основным объектом изучения в дискурсном анализе является текст в любой его форме – рассказы, интервью, отчеты, дебаты, слухи и т. д., все, что может передать исследователю картину «внутреннего мира» его автора. Конечно, с текстом работают этнография, семиотика, социолингвистика и другие науки. Специфичным же для собственно дискурсного анализа является то, что в нем текст рассматривается не как непосредственный объект, а как основа для развития теоретических и аналитических представлений о речевом взаимодействии.

Несмотря на отсутствие общепризнанной схемы дискурсного анализа, общим является внимание к смыслообразующим моментам. Т. Van Dijk описывает основные элементы при проведении дискурсного анализа, особо отмечая, что дискурсный анализ, во-первых, считается критическим подходом в современной социальной психологии, во-вторых, является результатом интеграции ряда смежных дисциплин – психологии, семиотики, психолингвистики, лингвистики, антропологии и др.

Требования к дискурсному анализу следующие.

1. В качестве его предмета должен использоваться естественный разговор или текст. Полученные данные не должны подвергаться какой-либо фильтрации или обработке, а анализироваться в том виде, в каком добыты (видео- или аудиозаписи разговоров, интервью, анализ дневников, писем и т. п.).
2. Обязательный учет контекстных переменных (локального, глобального, социального, культурного контекстов); своеобразных маркеров так называемой контекстной релевантности, которые необходимо идентифицировать и подвергать тщательному анализу.
3. В исследовании предпочтение должно отдаваться изучению естественных устных текстов (непосредственному общению).

Данный постулат связан с тем, что при анализе письменных текстов значительно труднее восстановить детали контекстов, актуальных во время написания.

4. Рассмотрение дискурса как социальных практик.

Дискурсы есть своего рода способы конструирования реальности, причем не только индивидуальной, но также групповой, социальной и даже культурной.

5. Дискурс – сложная конструкция, имеющая в себе разные по уровню организации и сложности элементы, которые работают по определенным правилам и стратегиям.
6. Дискурсы имеют смысловое и функциональное измерения.

Данное положение говорит о том, что язык несет в себе не только информативную, но и побуждающую функцию, и что при анализе необходимо уделять внимание не только вопросам, что именно произнес участник общения, но и почему он произнес именно это в данной, конкретной ситуации.

7. Дискурсы подчиняются определенным правилам.

Необходимо учитывать, что дискурсы, также как и язык, с помощью которого они актуализируются, подчинены определенным правилам – грамматическим, синтаксическим, коммуникативным или интерактивным (правилам построения взаимодействия).

8. Дискурс связан с обществом через социальные когниции.

Дискурсы включают в себя личные воспоминания и опыт, используемые модели поведения и атрибуции, а также разные групповые социальные структуры (репрезентации, аттитюды, ценности, стереотипы).

Критика дискурсного анализа исходит как из чисто теоретических и философских взглядов, так и практических возможностей. Естественно, что в качестве критических выдвигались традиционные вопросы, касающиеся валидности, надежности, субъективности исследователя и т. д. I. Parker, исследуя возможное влияние схемы и индивидуальных особенностей исследователя, приходит к выводу, что дискурсный анализ в конечном итоге может оказаться «исследовательскими идеями с примерами» и ничем большим» (1992). В числе других критических замечаний, предъявляемых к дискурсному анализу: обвинение в субъективизме, возможность построения «объективного видения» исследуемых феноменов.

В заключение отметим, что с точки зрения интегративно-эkleктического подхода дискурсивный анализ представляет собой продуктивное измерение изучения феноменологии социального бытия личности и ее окружения в ракурсе, отличном от других традиций.

Специфика конструктивистского подхода в социальной психологии

Анализируя социально-психологическую специфику социально-конструктивистского подхода, наиболее продуктивно обращение к работам одного из его основоположников К. J. Gergen, выделяющего следующие основоположения (1994):

1. Понятия, посредством которых мы описываем мир и самих себя, не являются предписываемыми обуславливающими их объектами (с. 49).
2. Понятия и формы, посредством которых мы достигаем понимания мира и самих себя, являются социальными артефактами, продуктами исторически и культурно определяемых взаимообменов между людьми.
3. Степень, в которой данное описание мира или самих себя поддерживается во времени, не зависит от объективной валидности описаний, а зависит от изменений социальных процессов.
4. Язык порождает свои значения в человеческих отношениях способами, посредством которых он функционирует в паттернах отношений (с. 52).
5. Оценка существующих форм дискурса заключается в оценке паттернов культурной жизни; такие оценки предоставляют голос другим культурным анклавам (с. 53).

Акцентируя внимание именно на культуральном аспекте социальной конструируемости мира, Gergen обращается к работам Брунера и Выготского. Дж. Брунер отмечает, что «научная психология может достичь более эффективных позиций в отношении культуры, если придет к признанию того, что народная психология обычных людей не является просто рядом самоуспокаивающих иллюзий, а культурными представлениями и рабочими гипотезами о том, что делает возможным и способствующим совместную жизнь людей. Именно с них начинается психология, неотделимая от антропологии» (с. 32).

Л. С. Выготский полагал, что любой процесс в развитии высших мыслительных функций реализуется дважды – сперва на социальном уровне, а позже на индивидуальном; сперва между людьми (интерпсихологический), затем внутри ребенка (интрапсихологический). Исследования культурной контекстуализации психологических процессов сегодня существенно обогатились.

Несмотря на то что переход от кросс-культурной к культуральной психологии является интеллектуально стимулирующим деколонизацию психологических установок, остается еще немало проблем. Первое: культуральная психология обходит вопросы универсальной метатеории, допуская независимое существование ряда явлений (культуры, мышления, социализации), адекватность эмпирической

или интерпретативной методологии в оценке и отражении характера этих явлений, возможность кумулятивного (или фальсифицируемого) знания о процессах социализации, требующих доказательств.

Используемая в движении культуральной психологии методология происходит из эмпирицистской метатеории. Методы ее проникают между исследователем и изучаемой культурой, ограничивая, транслируя и трансформируя культуральную реальность в собственных понятиях (категориях, переменных, стандартизированном языке, цифрах и т. п.). Культуральные исследователи, кажется, предоставляют голос респондентам, но затем заменяют его методами, детерминирующими реальность. Профессиональный исследователь (часто из другой культуры) таким образом, утверждает в исследовании авторитарное знание, т. е. методологические универсалии стирают значения аборигенной культуры. Заключительной проблемой современной культурной психологии являются вопросы моральной, политической, идеологической значимости, недостаточно разработанные в ней сегодня. Мало внимания уделяется способам, посредством которых понятия и методы репрезентации внедряются в культуру.

Эти проблемные вопросы послужили основанием для возникновения культурной конструктивистской психологии. Контуры ее были обозначены в ряде каталитических диалогов на протяжении последних 20 лет в социально-гуманитарном знании, направленных на понимание значимости культурального конструктивизма.

На сегодняшний день нет какой-либо одной «теории социального конструирования», нет и сформировавшегося ряда предписывающих «конструктивистских практик». Тем не менее можно говорить о ряде обобщений, включающих следующие основные моменты.

Не существует трансцендентально привилегированных описаний того, что мы принимаем как существующее. Не существует конфигурации слов или фраз, которые позволяют определить мир на «не здесь» и «здесь». Мы можем надеяться на согласие в том, что «что-то существует», но что «есть» не может быть описано посредством конфигурации фонем или фраз, используемых людьми в коммуникации об этом.

Описание, даваемое нами миру или самости, находит свое происхождение во взаимоотношениях. Язык обретает способность к значению из тех способов, которые люди используют для координации самих себя и мира для них. Любой дискурс произрастает из сообщества пользователей языка, и каждый конструкт, который мы принимаем, является сингулярным объектом в разных аспектах. Сообщество физиков может определять объект как «конфигурацию атомов», рекламщики описывают его как «легкий и прочный», историки искусства как «модернистский». Именно благодаря такого рода взаимоотношениям наши миры создаются: через то, что мы воспринимаем как полезное, ценное, заслуживающее внимания, конституируются наши обязательства. Благодаря взаимоотношениям, мы можем в любое время начинать процесс реконструирования мира.

Язык в первую очередь функционирует как социальное действие, конституирующее одну или несколько традиций. Так как то, «что есть», не предъявляет внутренне присущих требований к нашему языку, слова обретают свои значения через их использование в человеческих взаимоотношениях. В этом смысле фрагменты

речи связываются с улыбкой, рукопожатием, объятиями; являются формой действий, обретающих значение через координацию людей. Участие в языке является, таким образом, участием в жизни, традиции.

Дискурсивно конституируемые традиции являются и существенными, и опасными. Как только мы включаемся в координацию, мир становится «значимым» для нас. Мы обретаем идентичность как конкретные люди со своими интересами, целями, идеалами и пристрастиями. Оценка ценностей появляется именно в процессе наших взаимоотношений, мы генерируем их, определяем свой выбор, обособляем себя от других.

Через коммуникативные взаимоотношения мы можем генерировать новую упорядоченность значений, из которых появляются новые формы действий. Так как значение является продуктом мыслительной деятельности человека, в случае возникновения сомнений в отношении их пригодности к существующим условиям координации действий они всегда открыты для трансформации представлений о мире, что, в свою очередь, будет приводить к новым формам действий.

Конструктивизм является антифундаментализмом. Не существует фундаментальной реальности или очевидных оснований, направляющих любую форму интеллектуальной активности в области исследований социальных наук. Возможны различные теории, методы и практики, каждая из которых отражает те или иные традиции, те или иные формы жизни.

Конструктивизм провозглашает следующие линии исследований.

Рефлексивное освобождение. В качестве отправной точки конструктивистский диалог ускоряет витальную рефлексивную позицию. Во-первых, он привлекает внимание к способам, посредством которых аналитики конструируют предмет исследования. Во-вторых, конструктивистский диалог повышает нашу чувствительность к способам, посредством которых понимание включается в культурную жизнь и используется людьми для поддержки, изучения или избегания некоторых паттернов культурной жизни.

Углубление понимания достигается за счет включения рефлексивных механизмов, позволяющих выявить и по возможности снизить влияние культурных и научных стереотипов, задающих и направляющих интерпретацию происходящего.

Омногокультуривание методологии. Хотя конструктивисты не призывают к отказу от эмпирицистских методов исследования, анализ рефлексивного освобождения со всей очевидностью должен быть экстраполирован на область методологии. Вопросы, связанные со способами, посредством которых методы предписывают возможные конструкции предмета исследования, отношения власти, внутренне присущие позиционированию предмета, распределение преимуществ исследовательских результатов, должны быть в фокусе внимания. Для культурных конструктивистов конкретным следствием традиционных методов исследования является тенденция способствования внедрению в сознание идеологии индивидуализма, утверждающей универсальную валидность и истинность научного метода позитивистского типа. Они проявляют тенденцию к установлению исследователя как авторитета в области определения предмета исследования, формулирования гипотез; сбора данных, анализа и интерпретации результатов исследования и их распространения. Избранные респонденты (традиционно обозначаемые как субъекты)

внимательно отбираются для получения соответствующей информации, но крайне редко предпринимаются попытки структурирования исследовательских вопросов, защиты значений их поведения, речи или контроля над способами репрезентации, понимания их действий. Западные методологии остаются изолированными от культур, которые они исследуют. Культурные конструктивисты проповедуют открытость взаимобмену и более равновесному участию в получении исследовательского результата.

Конструктивистские диалоги стимулировали появление исследовательских инноваций в широком контексте постмодернистского освобождения (Denzin, Lincoln, 1994). Большинство из них заметно в области качественных методов.

Нарративная методология ориентирована на самоописания исследуемых. Сегодня она достаточно многообразна. Самоописания (автобиографии, рассказы и т.п.) дополняются уточнениями и интерпретациями авторов, а также рефлексиями о точности их понимания исследователем. Одна из особенностей этой методологии состоит в том, что при исследовании измерения «коллективизм–индивидуализм» (измерение, введенное Хофстедом для сравнения кросс-культурных особенностей) статистические сравнения центральной тенденции заменяются подробными описаниями того, что различные взаимоотношения означают для представителей разных культур, времен и народов. Эти исследования показывают наличие выраженных субкультуральных различий в казалось бы гомогенных культурах. В своей работе по исследованию гендера и биографии популярных людей М. Gergen (1992) уделяет не только экстенсивное внимание биографиям мужчин и женщин, но и анализирует их описания с позиции соответствующих ученых. При таком подходе снижается влияние авторитета исследователя на анализ конкретного случая, предоставляется возможность более тонкого, многослойного, чувствительного изображения сделанного. В отличие от кросс-культурных исследований индивидуализма-коллективизма нарративные методы заменяют статистическое сравнение центральной тенденции с описаниями, содержащими многочисленные нюансы того, что означают различные взаимоотношения в культуре и как по-разному они могут пониматься в различное время и месте. Вероятно, такие исследования могут также обнаруживать сложные вариации этого в рамках, казалось бы, гомогенной культуры.

Многоголосое (multivoiced) исследование основывается на идее читательского прочтения результатов исследования. Так как и исследователь и исследуемые представляют собственную интерпретацию происходящего, находящегося под влиянием собственных предубеждений, то выход видится в том, что общее заключение предоставляется читателю предоставляемых ими текстовых описаний. Поэтому в итоговый отчет включаются описания явления и его интерпретации всеми участвующими сторонами. Одним из наиболее инновационных и обогащающих примеров таких методологий является многоголосая методология, разработанная Р. Lather и К. Smithie и описанная в книге «Troubling with Angels» (1997). В данном случае исследователи работали с группой женщин, инфицированных СПИД. Исследовательский отчет включал первичные описания их жизни и мироощущения женщин. Не желая нивелировать собственную позицию, исследователи посвятили специальную главу описанию своих переживаний и пониманию себя как членов группы. Для компенсации путей избегания дискурсов медицины, экономики и средств массовой

коммуникации авторы снабдили текст более научными материалами и собственными комментариями участников.

Нарративный и многоголосый подходы могут быть также интегрированы. В своем исследовании плохого обращения с детьми, например К. Фох (1996), представляла собственные взгляды совместно с рассказами детей, переживших сексуальное насилие, и самих насильников. Голос последних практически полностью отсутствует в описаниях детского сексуального насилия. Исследовательница использовала широкие свободные интервью и включенные наблюдения посещения терапевтических сессий с насильниками. Опубликованный текст сопровождается тремя колонками, репрезентирующими три точки зрения. Поток текста позволяет читателю рассмотреть три различные перспективы – отдельно и во взаимосвязи. Изложение ведется от имени говорящих. Не смотря на то, что целостное описание было сделано Фох, каждый из участников имел возможность прочитать и прокомментировать материалы. Такого рода построение способствовало не только обмену воспоминаний, интерпретаций и инсайтов, но и выражению противоречивости, сожаления, гнева и любви.

Совместные исследования исходят из принципа открытости изучаемых паттернов многообразным культурным традициям и альтернативным интерпретациям. Разделяя общую идею многоголосого исследования о том, что максимальным доступом к переживаемой реальности обладает только сам ее переживающий, последователи этой методологии пытаются демонтировать исследовательскую иерархию, заменив традиционную автономию исследования новыми формами, ориентированными на сотрудничество. Исследователь вооружает исследуемых соответствующими инструментами и средствами анализа, консультирует их, получая описания с внутренней перспективы. Параллельно он проводит и собственное исследование. Наиболее известным примером такой методологии является изучение совместных действий, при котором исследователь реагирует на запросы исследуемых и помогает им применять различные инструменты для достижения поставленных целей. Чувствительность к влиянию различных культурных традиций включает открытость альтернативным интерпретациям изучаемых партнеров. Для оказания помощи в создании этой новой методологии появились попытки демонтажа исследовательской иерархии и замещения традиционной автономии исследователя формами, направленными на сотрудничество, более очевидной формой на исследование совместных действий (Brydon-Miller, 1997; Reason, 1994), использование различных средств для достижения поставленных целей.

Теория и исследование как культурная основа. Если рассматривать результаты теории и исследования не как установление истины, а как дискурсивные проявления культурной жизни, встанет вопрос о потенциале исследования, т. е. кем они могут быть использованы, по отношению к кому, для каких целей.

Возможности конструктивистских диалогов довольно обширны.

Придание доступности, т. е. целью здесь будет не помещение «другого» в комфортабельный концептуальный ящик, а трансформация концептуальной структуры, посредством которой осуществляется понимание; не подавление культурных традиций, а развитие в них, участие, интерпретация.

С конструктивистской точки зрения, такое «постижение» с неизбежностью преодолевает традиционность интерпретации и действий и позволяет более глубоко и многогранно постигать культурную жизнь.

Глоссарий

Личностный конструкт – обобщенное представление человека о каком-либо аспекте окружающего мира, которого он придерживается в своем взаимодействии с ним и отражающее биполярное соотношение составляющих элементов.

Дискурс – смыслово завершенный фрагмент текстового отражения реальности, способный выступать в качестве самостоятельной единицы анализа. Часто используется в качестве определения процесса рассказа субъектом для самого себя того, что он намеревается коммуницировать другим людям. В широком смысле дискурс, по мнению Т. Ван Дейка, есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушателем (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контекстах. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. В узком смысле под дискурсом понимается только вербальная составляющая, подразумевающая только «текст» или «разговор». В этом смысле термин «дискурс» обозначает завершенный или продолжающийся продукт коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентом (получателем).

Дискурсный анализ – анализ отраженных в текстовых формах процессов смыслообразования, привязанный к их ситуативным контекстам. Предполагает реконструкцию поля значений, которыми оперирует субъект в своем взаимодействии с миром, и влияние на них ситуативных контекстов.

Методология второго лица (диалогическая методология) – исследовательская методология, направленная на углубление понимания жизненных переживаний человека посредством обращения к его оценочным суждениям в отношении предполагаемых выводов и объяснительных моделей. Вступая в диалог с исследуемым, психолог получает возможность прояснения и уточнения тех аспектов, которые не были выяснены посредством традиционных процедур.

Вопросы для обсуждения

1. В чем заключается своеобразие дискурсного подхода?
2. В чем отличие широкого и узкого понимания дискурса?
3. Каковы теоретико-методологические основоположения дискурсного подхода и в чем их особенности?
4. Что означает дискурсное действие?
5. В чем специфика дискурсно-аналитического исследования особенностей взаимодействия человека с окружающим миром?
6. Какие особенности присущи методу дискурсного анализа, в чем отличительные особенности данного метода по сравнению с традиционными?

Для дополнительного чтения

1. Ван Дейк Т. К определению дискурса <http://www.hum.uva.nl/~teun/>.
2. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. – СПб.: Питер, 2001.
3. Хьюстон М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
4. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М.: Прогресс, 1997.
5. Шоттер Д. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы». // Вопросы психологии. 1996. № 6, с. 107-117.
6. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. – Мн: Бестпринт, 2000.

Основной источник

Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке. // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3, с. 113-121.

Гендерный подход в социальной психологии

Гендерный подход в социальной психологии сформировался на так называемом фоне феминизма в культуре и науке. Само понятие «гендер» было введено лингвистами применительно к правилам, ассоциируемым с грамматической категорией мужского и женского (С. Martin, 1999, с. 253). Сегодня это понятие используется и как предмет полемики применительно к понятию «пол», используемому в психологической литературе. Эта полемика концентрируется в основном вокруг вопросов причинности или каузальности, заключающихся в выяснении соотношения природного и приобретенного в различиях, присущих мужчинам и женщинам. Некоторые исследователи считают, что понятие «пола» должно использоваться при объяснении биологических различий, а понятие гендера – по отношению к социокультурным различиям. Другие исследователи считают, что причины различий коренятся в биологических и социокультурных факторах и не сводимы к какому-либо отдельному причинному основанию. Относительно распространенной считается точка зрения о том, что понятие пола скорее применимо к различию между мужчинами и женщинами, а гендера – к объяснению феноменов маскулинности и феминности.

Сегодня пол и гендер являются многомерными понятиями. В психологической литературе представлены различные аспекты данной проблемы, включая биологический гендер, гендерные социальные отношения, атрибуты гендера, стилевые и символические особенности и т. п. Для оценки содержательных аспектов гендера привлекаются различные методы исследования. Многомерность этого явления обусловила наличие широкого спектра позиций в отношении данных вопросов. Порой

они носят характер радикальной конфронтации между представителями радикального феминизма с одной стороны, и ортодоксального сциентизма – с другой. Тем не менее сегодня можно говорить и о некотором отрезвлении с обеих сторон, проявляющемся в поиске возможных компромиссных решений. В наиболее общем плане эволюцию гендерного подхода можно свести к следующим этапам:

1. Критика маскулинности психологического знания. Эмпирическое доказательство маскулинной предубежденности психологических исследований, выражающейся в демонстрации преимуществ мужчин над женщинами, основанной на использовании неадекватных эталонов сравнения.
2. Предложение фемининных теоретических альтернатив. Эмпирическое доказательство преимуществ женщин над мужчинами при использовании иных сравнительных эталонов.
3. Этап переосмысления накопленных знаний, приведший к осознанию непродуктивности конфронтации и необходимости поиска компромиссных решений. Осознание порочности традиционной сравнительной логики, строящейся по принципу «или – или» и необходимости ее замены на логику «и – и».

Эволюция представлений, привязанная к изменениям в культуре, привела к пониманию того, что невозможно сравнивать несравнимое, так как мужчины и женщины различаются биологически и социально. Следовательно, необходимо смещать акценты не на нахождение различий, а на поиск сходств и наиболее продуктивных путей сосуществования.

Определяя содержательные рамки гендерного подхода в социальной психологии, к ним, по мнению Ш. Берн, можно отнести исследование «социальных норм, обуславливающих то, как реагируют на половые различия отдельный человек, группа или целое культурное сообщество» (2001, с. 22). В этой связи А. J. Lott считает, что социальная психология не может оставаться вне гендерной проблематики, так как «изучать условия, которые формируют и поддерживают социальное поведение, означает изучать то, как культура выстраивает гендер» (1991, с. 506).

Следует отметить и то несомненно позитивное влияние, которое гендерный подход и проводимые под его эгидой исследования оказали на процесс переосмысления многих теоретических и методологических представлений в современной психологии. По степени влияния гендерные исследования вполне соизмеримы с кросс-культурными исследованиями, привнесшими в социальную психологию немало принципиально новых продуктивных идей и решений.

Эпистемологические основания гендерного подхода

Исходно гендерный подход в социальных науках формируется на критике объективистской или позитивистской эпистемологии, выступая в качестве альтернативной эпистемологии. Такой критицизм имеет под собой вполне естественные основания. Именно в рамках позитивистской эпистемологии, анализ которой был представлен в предыдущих разделах, наиболее рельефно просматривается тенден-

ция к единообразию и универсальным решениям с акцентом на обеспечение объективности научного знания. Причем эта объективность приобретает весьма тенденциозную направленность, нивелируя или представляя в качестве артефактов не вписывающиеся в ее рамки подходы и результаты исследований. Представителями феминистской волны в социальных исследованиях вполне обоснованно показана маскулинная природа такого рода объективизма как в теории познания, так и в методологии изучения.

Первый тезис этой критики сосредоточивается на традиционном для позитивистской методологии стремлении к дистанцированию от объекта исследования с целью снятия так называемого влияния личностного фактора, выражающегося в субъективизме, преодолению которого и должны способствовать соответствующие процедуры, например операционализация и верификация. Подробный анализ возможных направлений и аргументов критики позитивистской методологии нами приводился выше; там же мы очерчивали и контуры альтернативной так называемой гуманитарной парадигмы, во многом пересекающейся с гендерной.

В гендерном подходе, наоборот, признается, что познающий субъект обладает конкретными желаниями и интересами, процесс познания локален, контекстуален и преодолеть субъективность исследователя невозможно в принципе. Призывы к беспристрастности и личностной невовлеченности являются самообманом, тщательно маскируемыми соответствующими спекуляциями. Как отмечают Е. Здравомыслова и А. Темкина, исследователь, не осознавая своей имплицитной заинтересованности, тем более «будет способствовать сохранению и воспроизведению существующего социального порядка и властных отношений» (2001, с. 177).

Второй тезис связан с критикой предмета исследования, который в классических подходах определяется как нахождение «соответствия с реальностью», а не с идеальными понятиями или социальными конструктами. В разделе, посвященном проблеме онтолого-эпистемологических оснований психологического знания, эта проблема обсуждалась достаточно подробно; здесь же отметим, что гендерный подход во многом пересекается с социально-конструктивистским в своем утверждении контекстуальности реальности. «Позитивистская методология маскирует интересы познающего, выдавая субъект за аксиологически свободный и безэмоциональный. На самом деле внеположенной социальной реальности не существует. Она сконструирована взаимодействием познающего и познаваемого» (там же, с. 178). В радикальном варианте эта критика утверждает, что исследователь не может «прорваться к объективной реальности: рамки личного и группового опыта пронизывают весь процесс познания и сказываются в его результатах. Различия между “фактом” и “фикцией” исчезают полностью, “истина” и “объективность” становятся синонимами “лжи” и “субъективности”» (Stanley S., Wise S., 1993, с. 171).

Утверждая, что пережитый и переживаемый опыт неизбежно находит превращенное выражение в создании социальной реальности, в позиции познающего и в процессе социального познания, представители гендерного подхода ставят в качестве своей основной задачи деконструкцию этой позиции. Отказавшись от критериев научной объективности, предложенный позитивистской эпистемологией,

они утверждают, что предпонятия, эмоции, предрассудки задают рамки исследования, которые находят свое выражение в выборе предмета изучения, формулировке задач, языке обсуждения, методах сбора данных, анализе и в конечном счете интерпретации полученных результатов.

Третий тезис связан с критикой позитивистских критериев обеспечения научной объективности знания – операционализации и верификации. Ранее уже была показана сложность обеспечения измеряемости и повторяемости выявленных закономерностей в социальном знании ввиду отсутствия непосредственного доступа к самой изучаемой реальности, что имеет место в естествознании. Представители гендерного подхода считают, что новое знание озвучивает «молчавшее бытие», которое контекстуально, индивидуально и зачастую уникально, т.е. не проверяемо и не повторяемо. По существу, тут продолжают дебаты о соотношения идиографического и номотетического. При внешней привлекательности полюса идиографии в ней всегда присутствует опасность растворения предмета психологического исследования, так как теряется возможность соотнесения отдельных идиографий друг с другом.

Развивая критику позитивистской методологии, представители гендерного подхода пытаются переосмыслить представления о субъекте и объекте познания, предлагая их новые определения. Обосновывая маскулинную природу понятия «субъект», в качестве альтернативы предлагается понятие познающего (познающий в английском языке представляет отглагольное существительное гендерно-нейтрального рода. – В.Я.). В данном контексте подчеркивается социальная детерминированность позиции познающего. Вместо термина «объект познания», предполагающего внеположенность и объективность социальных фактов, предлагается использовать категорию «познаваемое». В целом гендерная деконструкция приводит к заключению о властном характере субъект-объектных отношений.

Критика эпистемологических оснований позитивистской методологии не является огульной. В гендерном подходе предлагается альтернативная эпистемология, претендующая на междисциплинарность.

В качестве основания таковой предлагается обращение к женскому опыту как отличному от традиционно господствующего в научном мышлении опыта мужского. Это прежде всего опыт инакомыслия, обладающий ресурсом преодоления стереотипов традиционного мышления с его тенденциозностью и предубежденностью, и имеющий три измерения: 1) специфический женский опыт, отличающий их от мужчин; 2) опыт женщин – участниц движения против дискриминации по признаку пола; 3) опыт женщин-исследовательниц, развивающих критическую перспективу в оценке накопленного психологического эмпирического материала и его теоретической интерпретации с позиции андроцентризма маскулинного типа.

Первым тезисом альтернативной эпистемологии является признание разных эпистемологий; определение в их координатах увязывается с целями исследования. Такая эпистемология называется номадической (кочующей), полагающей, что представления о познающем и познаваемом, об истинном и ложном могут быть разнообразными в зависимости от целей и задач исследования.

Альтернативная эпистемология основывается, по мнению Е. Здравомысловой и А. Темкиной, на феминистском эмпиризме, позиционизме, социальном конструктивизме и постмодернизме (2001, с. 185). Эмпиризм представляет собой исследовательскую стратегию включения женщин в позитивистский дискурс. Предполагается, что такого рода включение позволит сформировать «новый взгляд» на психологическую феноменологию, более свободный от сложившихся патриархальных стереотипов. Перелagается несколько способов включения: 1) физический, предполагающий включение женщин в сообщество исследователей социальной феноменологии; 2) формирование женской темы в ряде традиционных исследовательских областей, направленной на выявление женской идиографии или имики в изучаемой феноменологии; 3) изучение специфических женских опытов, например насилия и т. п. с позиции переживания этих практик и их изменений. Общая идея развития феминистского эмпиризма в рамках позитивистской методологии заключается в обосновании необходимости свежего или нового взгляда на изучаемые явления, способствующего получению более объективных оснований для интерпретации.

Позиционизм также исходит из тезиса о том, что объективное знание может быть получено на основе общего женского опыта угнетения. В духе марксизма утверждается, что социальная позиция угнетенного создает возможности для истинного знания. «Осмысление женского опыта происходит по аналогии с осмыслением опыта пролетариата» (там же, с. 187). В соответствии с этой логикой женщина-исследователь обладает рядом преимуществ: аутентичность знания, полученного через опыт страданий и сопротивления; возможность проблематизации тех сфер жизни и практики, которые оказались упущенными патриархальной наукой; чувственность и конкретность женского мышления, позволяющая изучать особые опыты и практики, не попадающие в сферу интересов традиционной науки. В исследовательской работе женщин основными метафорами исследования становятся «рука, интеллект и сердце» (Rose H., 1983). Гендерные различия обнаруживаются в интерпретации познающего, познаваемого и процесса познания как единства «физического, умственного и эмоционального».

Социальный конструктивизм избирается из-за его основного тезиса о конструируемости мира в процессе повседневного взаимодействия. Ранее представлялась общая характеристика этого подхода в психологии. В соответствии с задачей исследования становится реконструкция гендерных отношений в разных контекстах, создаваемая из множества локализованных дискурсов, нарративов и систем репрезентаций. Контекст, в котором находится исследователь, также становится предметом обсуждения. Предполагается, что рефлексивность знания повышает его релевантность, включение же в процесс исследования интеллектуальных биографий исследователей помогает понять влияние позиции исследователя на результаты данных, их интерпретацию.

Четвертый вариант альтернативной эпистемологии вписывается в рамки постмодернизма, отрицающего идею нейтральных «фактов», существующих независимо от теории. Полученное знание по своей природе порождается ценностями и интересами познающего, представляя собой культурное производство власти, поэтому любые претензии на объективную истину беспочвенны. Дискурс, который является структурой познания, определяет, какие идеи могут быть выражены, какие отвергнуты; устанавливает «режим истины», определяя область анализа, т. е. то, что подлежит осмыслению и чему позволено быть истинным. Как только знание признается истинным, оно становится императивом власти, главное здесь – деконструкция гендерного порядка.

Предложенные альтернативные эпистемологии подвергались критике. Однако эмпиристское направление фактически не преодолевает слабостей позитивистского подхода. Аргументация же о большей объективности женщин в исследованиях по сравнению с мужчинами не выдерживает критики уже по самой постановке вопроса – на каком основании? Конструктивистская эпистемология подвергается критике как релятивистская. Во-первых, тезис о различии опыта женщин, принадлежащих к разным социально-культурным группам, подрывает исходное положение об универсальном мужском господстве и тем самым лишает конфронтацию теоретических оснований. Во-вторых, локализованное знание не может претендовать на статус научного в силу отсутствия надежных оснований доказательности. Эти же критические замечания можно адресовать и постмодернизму.

Тем не менее, гендерная эпистемологическая альтернатива конституирует новые исследовательские темы, устанавливает новые междисциплинарные соотношения, ставит вопрос о необходимости гендерно-чувствительного подхода к процессу познания. Она может рассматриваться так же как и своеобразная рефлексия современности, подвергающая сомнению основополагающие принципы рационализма в культуре и науке.

Специфика методов исследования в гендерном подходе

В гендерных исследованиях проблема обсуждения философско-методологических оснований, в частности эпистемологии, напрямую связана и с методологией, которая, в свою очередь не может быть независимой от теоретических оснований, на которых строятся исследования. Несмотря на то что в гендерном подходе речь идет не об особенностях методов, а об особенностях их применения, все же можно говорить о некоторой расположенности к качественным, или более «мягким» методам. Их преимущество в том, что они в меньшей степени навязывают позицию исследователя и стремятся к более глубокому озвучиванию различных миров. Наибо-

лее популярны наблюдение, биографический метод, феноменологическое и нарративное интервью, фокус-группы и т. п. В последнее время широко используются методы, относящиеся к так называемой методологии второго лица, предполагающие тесное взаимодействие между исследователем и участниками исследования, в частности, многоголосое исследование. Как правило, все эти методы способствуют повышению валидности результатов исследования.

Исследователи пытаются переосмыслить отношения между познающим и познаваемым на предмет выявления влияния властных отношений и нахождения путей их преодоления. Власть, пронизывающая дискурс, проникает и в исследовательскую ситуацию, проявляется в асимметрии положения исследователя и исследуемых, в возможностях манипулирования и управления последними, ведь исследователь всегда находится в преимущественном положении и, обладая монополией на знание, задает вопросы, анализирует ответы, обладает более высоким социальным статусом и «властью».

В гендерных исследованиях имеет место постоянная рефлексия интерпретации полученных результатов. Но ее возможности лишь в небольшой мере изменяют отношения между исследователем и исследуемыми. В качестве дополнительных инструментов используются диалоговые или интерактивные интервью, направленные на преодоление отчуждения исследуемых в процессе исследовательских процедур, включение их в обсуждение результатов. Идеальной ситуацией считается совместная интерпретация полученных результатов всеми заинтересованными сторонами. Признается, что исследователь – это не невидимый, автономный, беспристрастный субъект, а исторически локализованная личность с конкретными желаниями и интересами, влияющими на постановку задач, на способы исследования, интерпретацию его результатов.

В то же время речь идет не только об установлении аутентичности или обеспечении экологической валидности. Достаточно серьезное внимание уделяется усилиям по снижению влияния искажающих факторов, что, в свою очередь способствует совершенствованию измерительных инструментов, более качественному анализу. Возможности контроля за измерительным процессом заключаются в поддержании интерсубъективности как баланса между перспективой исследуемых и условиями контекста, достигаемого посредством включения ряда интерпретаторов. Аналогичную роль в обеспечении валидности играет процедура методологической триангуляции, предполагающая оптимальную комбинацию количественных и качественных методов, позволяющая утроить контроль за счет не только расширения круга интерпретаторов, но и применяемых методов анализа, теоретических подходов, исследовательских данных.

Гендерная проблематика в социальной психологии

Исследования гендерной проблематики базируются на констатации того факта, что пол и гендер являются понятиями многомерными; это биологические основания гендера, активность и интересы, соотношение личностных и ситуативных

факторов, гендерный аспект социальных отношений, стилистическое и символическое содержание. К изучению содержания гендера привлекаются различные подходы, включая оценку понятий и представлений, самопрезентацию, предпочтения аттитюды, ценности и т. п. Важность многомерного подхода к изучению гендерной проблематики обусловлена тем, что с его помощью возможно установить отношения между различными аспектами этого сложного социально-психологического феномена.

Бурное развитие гендерных исследований в 1970-е годы связано с понятием андрогинии, обозначающим людей, успешно сочетающих в себе как традиционно мужские, так и традиционно женские психологические качества (Вем, 1974). По ее мнению, андрогинные люди, в силу обладания маскулинными и фемининными чертами, обладают широким спектром доступных типов поведения, наиболее эффективных по отношению к определенному ситуативному контексту; очень гибки в межличностных отношениях. Люди однополовой идентичности, наоборот, крайне ограничены в возможностях поведения (либо маскулинного, либо фемининного) и в силу этого проявляют более низкий уровень гибкости. Андрогинные люди легче психологически регулируются. Для определения уровня маскулинности и фемининности, понимаемых как независимые измерения личности, был разработан специальный опросник, в котором мужчины и женщины подразделяются на четыре группы (таблица 13).

Таблица 12.

Характеристики маскулинности и фемининности

Типы	Выраженность маскулинности	Выраженность фемининности
Маскулинный	Высокая	Низкая
Фемининный	Низкая	Высокая
Андрогинный	Высокая	Высокая
Недифференцированный	Низкая	Низкая

Приводится по Клецина И.С., 1998.

В работах Бем показано, что не только мужчины, но и женщины могут быть маскулинными, и не только женщины, но и мужчины могут быть фемининными, сохраняя при этом психологическую комфортность и адаптированность к различным ситуациям. Плещ (1987) тоже обосновывает идею о расщепленности, фрагментарности, гендерных ролей, которая находит свое выражение в ролевых конфликтах, ранее объяснявшихся наличием низкой самооценки. Примером такого рода является конфликт ролей деловой женщины (независимой, честолюбивой, сильной, активной и т. п.) и матери (эмпатичной, воспитывающей, хозяйственной и т. п.).

Однако и в отношении к андрогинии был выявлен ряд противоречий (Deaux, 1984). В частности отмечалось несоответствие между путями ее измерения и концептуализации (Martin, 1999). Типичным методом оценки андрогинности является

идентификация индивидов, демонстрирующих высокий уровень маскулинных и фемининных качеств личности, но маскулинность отражает только инструментальный аспект оценки личности, в то время как фемининность – экспрессивный, что не дает возможности выявления всего спектра аспектов маскулинности и фемининности.

Следующим шагом в контексте сказанного было представление о гендере как о схеме или концепте, который был введен культурой и выступал как когнитивно-аффективная структура для упорядочивания индивидуального опыта, организации человеком своего поведения (Е. Иванова, 2001). Гендер начал понимать как социальную категорию процессуального свойства, как динамическую, ситуационно детерминированную характеристику, а не как некую статичную черту личности.

«Гендерных исследований в психологии стало значительно больше, однако распределены они неравномерно: в одних областях их больше, в других – меньше» (там же, с. 313). В социальной психологии гендерные исследования в большей степени связаны с проблемами гендерной идентичности, социализации, межличностного взаимодействия, стереотипизации и социальных отношений. Понятие гендерной идентичности обычно используется для описания субъективных ощущений индивида в отношении себя как мужчины или как женщины. Причем рассматривается она как независимая от подчинения соответствующим ролевым представлениям или специфическим качествам личности. В рамках социальной психологии развития большое внимание уделяется процессу формирования ролевых представлений и самооощущений себя как мальчиков и девочек.

Понятие гендерной роли используется также для представления гендерных стереотипов или гендерных отличий. В более узком смысле оно обозначает социально предписываемые роли, традиционно ассоциируемые с полом. В феминистской психологии в работах М. Мид убедительно показана несостоятельность убеждения предуготованности мужчин и женщин к соответствующим социальным ролям. Ее наблюдения за жизнью трех племен в Новой Гвинее показали, что мужчины и женщины исполняли совершенно различные роли, иногда прямо противоположные общепринятым стереотипам, считающиеся «естественными» для обоего пола.

Многообразие гендерных ролей в различных культурах свидетельствует о культурной детерминации их и связанных с ними стереотипов. Представители разных культур по-разному решают вопрос о распределении домашней работы, воспитании детей, об отношении к карьере и т. п.

В свою очередь И.С. Кон пишет: «Если рассматривать этот вопрос исторически, нельзя не заметить, что традиционная система дифференциации половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности – фемининности отличалась следующими характерными чертами: 1) мужские и женские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными; 2) эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми; 3) мужские и женские функции были не просто взаимодополняемыми, но и иерархическими – женщине отводилась зависимая, подчиненная роль, так что даже идеальный образ женщины конструировался с точки зрения мужских интересов» (1981, с. 53).

Сегодня изменения в социокультурной ситуации привели к изменению соответствующих гендерных стереотипов. Доказано, что не существует «чисто» мужской или женской личности, в обыденном и научном сознании осознается факт социокультурного происхождения гендерных стереотипов.

На основании данных, полученных в исследованиях социальных стереотипов, G. Tajfel пришел к ряду обобщений, вполне применимых к гендерной проблематике. Люди с легкостью проявляют готовность характеризовать обширные человеческие группы недифференцированными, грубыми и пристрастными признаками. Такие стереотипы проявляют тенденцию сохранять стабильность на протяжении длительного времени. Конечно, они могут изменяться в зависимости от социальных, политических или экономических изменений, но этот процесс довольно долгий. Стереотипы усваиваются очень рано и используются детьми задолго до формирования их собственного мнения о тех группах, к которым они относятся.

Социокультурная детерминированность стереотипов создает предпосылки и для их изменения, и для изменения методики социально-психологических исследований – отказ от идеи внеполовой универсальности и поиск альтернативных решений.

В целом значение гендерной традиции можно определить так:

1. Гендерные исследования стали неотъемлемой частью психологической науки, пронизывающей широчайший спектр проблемных областей.
2. Гендерный подход продемонстрировал социокультурную детерминированность многих социально-психологических феноменов и явлений, необходимость переосмысления методологии и методов исследования.

Глоссарий

Андрогиния – от греческого *andros* (мужчина) и *gune* (женщина) – условия, при которых у представителя одного пола проявляются характеристики обоих полов. Термин используется как в отношении биологических/физических, так и психологических / поведенческих характеристик.

Гендер – социально-биологическая характеристика, с помощью которой определяются понятия «мужчина» и «женщина». В силу многих сложностей, возникающих в связи с определением его соотношения с понятием «пол», часто используется для описания различий между мужчинами и женщинами, идентичности, социальных ролей и т.п.

Гендерная идентичность – понятие, используемое для описания субъективных ощущений себя как женщины или мужчины.

Гендерная роль – сформировавшаяся в культуре система нормативных представлений о поведении мужчин и женщин, выраженная в форме пространственных стереотипов. В более специальном значении гендерные роли включают культурно-специфические наборы качеств личности и поведения, ассоциируемые с тем или иным полом.

Маскулинность – состояние организма, отражающее или проявляющее присутствие качеств и поведенческих паттернов мужских представителей вида.

Мизогиния – женоненавистнический характер маскулинной науки позитивистского толка, проявляющийся в использовании неадекватных сравнительных исследовательских эталонов, исходно ставящих женщину в неравное положение с мужчинами.

Фемининность – состояние организма, отражающее или проявляющее присутствие качеств и поведенческих паттернов женских представителей вида.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие гендерного подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
2. Каковы основные тенденции развития гендерного подхода в социальной психологии?
3. Почему представители гендерного подхода концентрируются на критике позитивистской методологии?
4. В чем специфика гендерного исследования особенностей взаимодействия человека с окружающим миром?
5. Какие особенности присущи методам исследования в гендерной традиции?
6. Каковы основные достижения гендерного подхода в развитии психологического знания?

Для дополнительного чтения

1. Берн Ш. Гендерная психология – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
2. Вильямсон Ю. Создание гендера // Труды СПб. ИС РАН СП б, 1997. С. 96-134.
3. Грошев И. В. Полоролевые стереотипы в рекламе // Психол. журн. 1998. Т 19, № 3, с. 112-119.
4. Клещина И. С. Гендерная социализация. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998.
5. Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 51—60.

Основной источник

1. Введение в гендерные исследования. Ч. 1. Учебное пособие / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ 2001; СПб.: Алетейя, 2001.

Интегративно-эkleктический подход

Методолого-психологические основания подхода

Ориентация в многообразных системах парадигмальных координат современного социально-психологического знания создает трудности для отечествен-

ного читателя, привыкшего к одномерной логике существования истины и, соответственно, ищущего единственно верные решения. Принципиальная невозможность нахождения такого рода «правильных» решений в сфере социально-психологического знания послужила основанием для методологического подхода, построенного на иной, многомерной, логике, предполагающей возможность использования достижений психологического знания, накопленного в разных, в том числе и альтернативных, традициях, для более глубокого постижения социально-психологической феноменологии.

Познакомившись с многообразием существующих сегодня в социальной психологии подходов, читатель наверняка пришел к вопросу – как ориентироваться в них и какой из них является лучшим? Ответ на этот вопрос найти не просто, потому что каждый подход имеет как достоинства, так и ограничения. Своеобразие ситуации в современном научном знании характеризуется и тем, что в нем формируется своего рода вариативное мышление, которое оперирует множеством решений проблемных ситуаций, а задачу выбора «абсолютных истин» заменяет поиском комплиментарности, т. е. дополнительности гносеологических результатов. Выбор того или иного методологического подхода определяется, прежде всего задачей, которую ставит перед собой исследователь. Если он стремится «за занавес» рациональности, может использовать психодинамический подход, если стремится углубиться в жизненные переживания – подход экзистенциально-феноменологический, если хочет разобраться в своеобразии мужчин и женщин, в подход гендерный и т.д. Ну а если ему хочется интегрировать несколько подходов, то ему лучше избрать подход интегративно-эклетический, который по своей сути и предлагает пути и средства налаживания продуктивного межпарадигмального диалога, предполагающего, как минимум, наличие развитого диатропического мышления.

Необходимость такого диатропического мышления становится очевидной прежде всего с осознанием иллюзорной, утвердившейся в традиционной научной ментальности, уверенности в успехе познания, как бы «обязанном» завершиться объективной истиной. Отрыв от реалий жизни, уклон в области абстракции, находится в полном противоречии с тем, что в действительности познание обрекает исследователя не в меньшей степени на неудачи, нежели на успехи. Эта ситуация особенно характерна для академической психологии, в которой результаты экспериментального исследования, да еще обработанные математически, приобретают самодовлеющее значение даже при очевидном расхождении с практикой жизни. При этом последняя объявляется «наивно психологической», не имеющей научной ценности. Забывается тот факт, что социальная психология призвана описывать жизнь человека в ее реальном переживании; что исходные данные для последующего научного анализа опять-таки поставляются этим же «наивным» человеком и что в действительности он полагается не на научную картину происходящего, а на свои собственные интерпретации происходящего. Более того, результаты исследования, в том числе и экспериментальных все равно неизбежно соотносятся с реалиями жизни. Это и определяет их экологическую валидность, становящуюся все более популярной у социальных психологов.

Особенность современного научного познания в целом такова, что в нем преодолевается асимметричность противоположения единственной истины множеству заблуждений за счет допущения многоликости истинного результата, его конструирования посредством множества мнений, путей и средств. Для современного анализа проблемных ситуаций это оказывается не менее плодотворной, если не единственной альтернативой, так как факт существования множества подходов к решению общей задачи раскрывает ее конструктивный потенциал. Наглядный пример – современные неклассические логики, показывающие, что, подобно тому, как теория познания строилась в соответствии с принципами двужначной логики Аристотеля (верно–неверно), в современной теории познания используются многомодальные логики (верно и неверно одновременно).

В. С. Библер определяет современную европейскую культуру как «многоместное множество», как «контрапункт самостоятельных Разумов, различных ответов на различным образом поставленный вопрос: «Что означает понимать – себя, других людей, вещи, мир?» (1991, с. 4). Плюрализм мнений, оценок, людей, свободных в своем выборе и имеющих серьезные основания для него, – это идеал гуманистического общества.

Подтверждением сказанному является мысль А. Эйнштейна о том, что «в глазах последовательно мыслящего философа он предстает как оппортунист, бросающийся из одной крайности в другую. Как человек, пытающийся понять мир, не зависящий от актов восприятия, он кажется реалистом. Как человек, считающий понятия и теории свободными (не выводимыми логическим путем из эмпирических данных) творениями человеческого разума, он кажется идеалистом. Как человек, считающий свои понятия и теории обоснованными лишь в той степени, в которой они позволяют логически интерпретировать соотношения между чувственными восприятиями, он является позитивистом. Он может показаться точно также и платонистом, и пифагорейцем, ибо считает логическую простоту непреложным и эффективным средством своих исследований» (1967, с. 311).

В то же время «своеобразное окунание в море» альтернативных подходов интерпретаций создает еще одну проблему – механическое соединение несоединяемого. Иллюстрацией этому является включение в содержание курсовых дипломных и диссертационных работ качественно различающихся теоретических моделей и исследовательских методологий. Сегодня мы можем столкнуться с попытками стандартизации проективных техник и феноменологического интервью и многого другого. При этом такого рода стандартизированные инструменты начинают тиражироваться в среде практикующих психологов под прикрытием остепененных авторов или вполне уважаемых организаций. Авторы такого рода инструментов часто и не подозревают о том, что сама идеология тех же психоанализа и феноменологического подхода идиографичны по своему характеру и стандартизации не подлежат в принципе. Точно так же как не подозревают они и того, что и интерпретация полученных данных с позиций «идеологически чуждых» подходов скорее свидетельствует о профессиональной некомпетентности, чем способствует углублению представлений о сути исследуемых явлений.

Такая же ситуация проявляется и в области теоретического доказательства. Любое доказательство предполагает строгость и следование согласованным принципам и критериям определения научности. Уже отмечалось, что эксплицитно-структурированное и имплицитно-структурированное доказательство обладают своими плюсами и минусами, которые должны учитываться при их избрании и соответствовать преследуемым целям и решаемым задачам. Первое используется при поиске общих закономерностей, тенденций, т. е. номотетического в социально-психологической феноменологии. Второе используется при углублении и расширении существующих представлений о природе изучаемых феноменов, нахождении уникально-специфического, т. е. идиографического.

Научная строгость и определенность, адекватность и последовательность как в области теоретического, так и эмпирического доказательства и составляют психологическую культуру исследования. На формирование этой культуры доказательства и направлен интегративно-эклетический подход, ориентированный на теоретико-методологическое обеспечение научного диалога в существующих условиях многомерности подходов и решений.

Этот переход к многомерности обусловлен переходом от модернизма к пост-модернизму, для которого характерна множественность истин, типов реальностей, логик, наконец, диатропичность в целом. Осознавая тот факт, что в реальном взаимодействии с миром человек стремится аккумулировать наиболее интересные и продуктивные знания вне зависимости от их парадигмальной принадлежности и находит самые неожиданные пути сочетания противоречивых аспектов в качестве базовой категории, была предложена интегративная эклектика, на протяжении ряда лет успешно используемая в рамках психотерапевтической и клинической практики.

Интегративно-эклетический подход к анализу социально-психологической феноменологии предполагает *достижение природы феномена через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование различных традиций, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии*. Суть его заключается в *многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного инсайтирования, предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, диатропичности феномена*. Включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия результатов, позиционирование в системе парадигмальных координат и способе доказательства предоставляют возможность острого анализа как «вечного двигателя» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополии истины со всеми вытекающими отсюда последствиями, а о свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивным инструментарием.

Методологический фундамент интегративной эклектики составляют такие понятия, как *поливариантность истины, онтологический плюрализм, диалогика и диатропика*. Интегративная эклектика предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех подходов, которые с большей отдачей работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей,

их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности и на этой основе – продвижению к более глубокому постижению исследуемого феномена, более высокому уровню обобщения, более активному рассмотрению теоретических построений разных порядков сложности.

В дескриптивной концепции процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии результатов разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, в котором плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости. Применительно к развитию психологического знания подобная рефлексия, осуществляемая через равноправный диалог альтернативных традиций, свободных от предубеждений, приводит, *во-первых*, к преодолению доминанты абсолютной истины собственных предпочтений; *во-вторых*, рефлексивной идентификации с правомерностью рассуждений партнера; *в-третьих*, к нахождению точек соприкосновения и пересечения подходов и позиций, создающих возможность совместной проработки идей на более высоком диалогическом основании.

Онтологический плюрализм предполагает существование разных типов реальности, что уже само по себе освобождает воображение исследователя от сковывающих рамок одномерности. Наличие таких реальностей (биологической, символической и рефлексивной как базовых), отличающихся качественно и требующих разных исследовательских методологий, создает основания для обсуждения вопросов, их соотнесения и сопряжения друг с другом; разграничения круга и компетенции исследуемых аспектов, при обсуждении их соотношения с целым – социальным бытием личности и ее окружением; рассмотрения вопросов концептуально-критериальных оснований научности, их возможных вариаций.

Методологический плюрализм утверждает, что наука должна рассматриваться как развивающийся процесс, имеющий место в структуре исторических обстоятельств, используя многообразие методов, а не какой-нибудь один инвариантный, универсальный метод. Н. Sankey предлагает пять тезисов, представляющих основные темы исторического подхода:

1. Множественность правил: ученый применяет многообразие методологических правил в оценке теории и осуществлении рационального выбора между альтернативными теориями.
2. Методологическое варьирование: используемые ученым правила подвергаются изменению и ревизии в процессе развития науки.
3. Конфликт методологических правил, возможный в применении к конкретной теории.
4. Отменяемость: методологические правила, применяемые скорее индивидуально, нежели совместно, отменяемы.
5. Неалгоритмизированная рациональность: рациональный выбор между теориями не управляется алгоритмизированной процедурой принятия решений, направленных на выбор единственной теории среди множества конкурирующих (Sankey, 1997, с. 3).

Диалогика обосновывает необходимость привлечения разных логик к процессу глубинного постижения социальной феноменологии. Так диалог разных традиций, разных взглядов и подходов, их инструментальных ресурсов способствует расширению горизонтов видения и изучения проблемных областей, преодолению парадигмальной и личностной предубежденности, нахождению новых решений и перспектив развития. В. С. Библер при сопоставлении различных логик познания, доминирующих в истории науки, отмечает, что спор о том, какая лучше, на деле оказывается спором о том, чье представление о мироустройстве вернее. Однако обозримая историческая ретроспектива и перспектива не дает оснований для скорого решения мировоззренческих проблем. Ключевая идея В. С. Библера заключается в том, что мы живем в период смены логики, которой руководствуется человечество в своем стремлении понять мироустройство, – от доминирующей сегодня рациональной логики к диалогике – диалогу разных логик – «диалогической полифонии (и взаимопереходе) многих логик, многих всеобщих форм мышления» (Библер, 1991). Наука XXI века способна совместить в себе как существовавшие в предшествующие эпохи, так и зарождающиеся сегодня логики.

Диатропика парадигмальных координат, культурных, субкультурных, индивидуальных миров личности и ее окружения позволяет создать необходимые предпосылки определения оптимального соотношения идиографии и номотетики в психологическом исследовании, признания уникальности индивидуальности, как и человеческой природы вообще. Ю. В. Чайковский понимал под диатропикой совокупность отношений различия и сходства между элементами этого множества (1993, с. 6); в его версии разнообразие имеет свои собственные законы, достаточно общие и существенные, но не формальные и строго однозначные. Разнообразие – не хаос, но и не космос ... Оно – как бы цемент, скрепляющий здание материальных объектов и представлений о них (там же, с. 7–8). Общее, характерное для систем (изоморфизм) неизбежно сочетается с особенным, уникальным (полиморфизм), наконец, есть свойства разнообразий, не зависящие от природы элементов, образующих множества (параллелизм).

Разрабатывая идею упорядоченности наблюдаемого, автор выделяет три ее типа – линейный, параллельный и иерархический, обосновывая тезис их достаточности для формулировки разнообразия. Каждая психологическая традиция обладает своими уникальными особенностями, но объект их един – человеческое поведение. И узнавание его новых граней, обусловленное иным подходом, дает возможность углубления в понимание природы изучаемых феноменов, сохраняя свободу поиска в рамках каждой традиции и подстегивая творчество в ней конкуренцией.

Любую фундаментальную категорию социальной психологии и персонологии можно рассмотреть с разных сторон и прийти к диаметрально противоположным, но, главное, научно обоснованным результатам. Так, поведение личности в социальном мире при анализе с позиций биологической перспективы, основывающейся на физиологии и этологии, рассматривается по аналогии с поведением представителей животного мира в их естественной среде обитания.

В рамках когнитивного подхода, ориентирующегося на эксперимент и выявление номотетики, в качестве исходной предпосылки выступает признание объективной реальности. Как следствие, особое внимание уделяется операционализации

предмета исследования. Другой основополагающей метафорой выступает компьютер и лежащие в основе его функционирования процессы переработки информационных баз данных. Но и в рамках этого рационалистического подхода присутствуют элементы эклектики. С одной стороны, отмечается потенциальная регулярность взаимодействия людей и их интерпретации окружающего мира, являющейся результатом фиксированных характеристик перерабатывающих информацию систем (таких, как категоризация). С другой – влияние культуры на когнитивный стиль показывает наличие огромной подвижности.

В рамках экзистенциально-феноменологического подхода, служащего методологическим основанием гуманистической традиции, акценты смещаются в сторону субъективных жизненных переживаний и рефлексивной осведомленности. Отсюда акцентация на феноменологическом анализе жизненных переживаний и концептуализация путей переживания мира. И в этом случае имеет место эклектизация рационального анализа и схватывания жизненных переживаний, ведь субъективные переживания обладают способностью не только репрезентировать, но и генерировать. Посредством рефлексии и мышления возможен подход к изменениям и новизне. Другое основоположение заключается в признании человеческой способности к рефлексированию собственных переживаний, которое может играть существенную роль в генерировании того, о чем мы думаем, что ощущаем, делаем, кем становимся; мы обладаем способностью создавать самих себя, и в то же время отмечается присутствие некоторых характеристик человеческого существования (например, ограниченность, способность выбора), которые являются фундаментальными и присущи всем людям (обладание правом игнорирования возможности выбора).

Социальные конструктивисты исходят из утверждения ведущей роли языка и дискурса в конструировании человеком социального мира. Утверждается, что язык и дискурс конструируют социальную и индивидуальную реальность. Как и экзистенциальные феноменологи, социальные конструктивисты подвергают сомнению полезность экспериментального подтверждения абстрактных обобщений о поведении человека. Одновременно сомневаются и в самосодержательности и личности субъективных переживаний, утверждаемых экзистенциальными феноменологами. Их скорее интересует история рассуждений об экзистенциальных потребностях, нежели рассмотрение их в качестве фундаментальных аспектов человеческой сущности. В то время как представители биологического подхода больше акцентируют внимание на универсальной природе основополагающих процессов, например эмоциональной экспрессии, социальные конструктивисты больше интересуются тем, как осуществляется взаимодействие между социальным и биологическим.

Психологи, работающие в рамках психодинамического подхода, при всех их специфических отличиях от оригинальной версии З. Фрейда, едины в одном, а именно в том, что «структура, содержание и динамика психики не обязательно доступны сознанию» (Thomas, 1996, с. 286). Если социальный конструктивизм приглашает к радикальному переосмыслению природы человеческих переживаний и социальной жизни, то же самое делают и представители психодинамического подхода. Но в отличие от первых, психодинамики выдвигают биологическую природу

и бессознательное. В отличие от рационализма когнитивистов и, с определенными оговорками, экзистенциальных феноменологов делают акценты на иррациональность.

При рассмотрении проблемы социального поведения с разных позиций возникает вопрос о стратегиях взаимодействия. При неизбрании такой стратегии минимизируется потенциал взаимообогащения идеями и решениями.

Одной из самых сложных проблем межпарадигмального диалога является нахождение точек сопряжения несопрягаемого. R. Stevens и M. Wetherell ставят в этой связи ряд вопросов: Что должно быть сделано? Какой позиции должен придерживаться исследователь, сталкиваясь с различиями такого рода? Каковы знания, его истинность, природа реальности.

Эти же авторы предлагают две возможные стратегии:

1. Дискуссии между перспективами и существованием конкурирующих объяснений могут рассматриваться как эмпирическая проблема, означающая, что расхождения могут быть преодолены в ходе установления истинности и природы реальности. В случае невозможности проведения итогового эксперимента мы должны рассматривать данную проблему как решаемую в будущем по мере развития теории.
2. Признание конструируемости реальности. В соответствии с данной позицией не существует реальности, независимой от наших концепций и теорий: в этом случае дискуссии являются серьезным вопросом, так как они связаны с выяснением путей сопряжения несовместимых мировоззрений при присутствии ограниченного числа критериев для арбитраживания. Единственное, что мы можем сделать в данной ситуации, это убеждать друг друга при помощи аргументов и будущих исследований, проясняющих дебатлируемые вопросы. Изменения наступят со временем (не обязательно лучшие) скорее через разработку новых мировоззрений и новых парадигм научных дискуссий, нежели при помощи эмпирических решений (Stevens, Wetherell, 1998, с. 366).

В случае избрания первой стратегии возникает проблема критериев и оценок, которые могут быть применены к столь несовместимым подходам. В то время как биолог апеллирует к осязаемым измерениям физиологических процессов, социальный конструктивист может делать заключения, исходя только из идеологии и ее влияния; представитель экспериментального направления полагается на результаты эксперимента; экзистенциальный феноменолог обращается к жизненным переживаниям.

K. J. Gergen, например, пропагандирует вторую стратегию, отрицая идею о том, что любое знание может репрезентировать некоторые фундаментальные основания или универсальность в понимании реальности. По его мнению, направления в психологии должны рассматриваться как проникновение в дискурсивную практику мира (1980, с. 103). Оптимальные формы одного дискурса нуждаются в оценке со стороны других дискурсов – литературы, политики, мнений людей. Разговоры и

диалоги между ними являются необходимыми и континуальными; в этом контексте социальный психолог имеет этические и политические обязательства внести собственный вклад в аргументацию, реализующуюся в демократическом обществе. Эта идея продуктивности междисциплинарного подхода к пониманию социально-психологической феноменологии делает само собой разумеющимся признание того же и в отношении социально-психологической науки во всем многообразии присутствующих в ней традиций и подходов.

Подводя итог сказанному, определим интегративно-эклетический подход как средство теоретико-методологического обеспечения межпарадигмального диалога, направленного на углубление представлений и понимания психологической феноменологии, посредством привлечения их вазимообогащающих ресурсов. Его практическая реализация предполагает определение соответствующих механизмов интегративной эклектики, к рассмотрению которых мы и переходим.

Механизмы интегративной эклектики

Нахождение ресурсов продуктивного межпарадигмального диалога или позиционирования решения уже само по себе является достаточно сложной проблемой ввиду противоположности исходных онтолого-эпистемологических оснований и становится абсолютно невозможным в рамках логики, строящейся по принципу верно–неверно, либо–либо. В то же время диалоги такого рода нужны хотя бы для проверки границ той или иной теоретической модели с точки зрения оценки ее возможностей и генерализироваться на другие аспекты и контексты.

Решение этой проблемы допустимо и на гипотетическом уровне, но осуществление его предполагает разработку специальных механизмов, позволяющих определить своеобразные «правила игры», и согласование полученных выводов в виде соответствующих конвенций. Такого рода механизмы должны строиться на обеспечении коммуникации представителей различных традиций и подходов посредством создания соответствующих условий и разработки принципов организации научного диалога. Так как в научную коммуникацию вовлечены люди, придерживающиеся разных взглядов (в том числе и альтернативных), возможно использование наработок социальных психологов для разрешения конфликтов, принципов ведения дискуссий, принятия управленческих решений. Продуктивная коммуникация даже на уровне межличностных взаимоотношений предполагает, во-первых, четкое определение своей позиции; во-вторых, анализ и принятие к размышлению всего существующего спектра мнений; наконец, в-третьих, переосмысление своей исходной позиции с учетом узнанного, т. е. рефлексии. Если мы знаем, чего хотим, если мы знаем, чего и почему хотят другие, мы получаем возможность нахождения интегративного решения, основанного не только на своем опыте, но и на опыте других людей. Такое решение может представлять собой нахождение компромисса, расширение рамок или нахождение дополнительных ресурсов для вывода об обоснованности исходного. Если решение выдержало проверку опровержениями со стороны альтернатив, то и содержание его стало более обоснованным и более верным.

Эти положения и лежат в основании механизмов интегративной эклектики: *парадигмального позиционирования; интегративно-эклектического диалога альтернативных традиций; критического рефлексивного позиционирования.*

Теория и практика налаживания продуктивного диалога предполагает в первую очередь четкое определение предмета разногласий, уточнение обсуждаемых понятий и аргументов, выработку установки на принятие суждений оппонента как имеющих под собой определенные, пусть и не согласующиеся с собственными, основания. Такую возможность предлагает *парадигмальное позиционирование* – четкое определение исходных позиций, которых придерживается исследователь, включая и онтолого-эпистемологические основания, способ теоретизирования и метод исследования, фиксацию их возможностей, ограничений и сферы экстраполяции результатов. Парадигмальное позиционирование позволяет налаживать продуктивный диалог, освобождая оппонентов от необходимости доказательства универсальности предлагаемой модели. Позиционируя подход, констатируя его потенциал и ограничения, исследователь получает возможность свободного соотношения собственной позиции с позицией оппонента, при принятии правомерности таковой как обусловленной исходно выбранной системой исследовательских координат. Уже сам факт принятия позиции оппонента, его логики и оснований несет в себе потенциал позитивности. Он также формирует понимание того, что логика контраргументации должна предполагать, во-первых, признание того, что альтернативная логика имеет право на существование, во-вторых, строится с учетом вероятности собственных ограничений, в-третьих, быть направленной скорее на нахождение точек соприкосновения, нежели на усугубление антагонизма позиций. Разговор «глухих» не приводит ни к какому другому результату, кроме поляризации мнений.

Применительно к практике психологического исследования, с которой наш читатель сталкивается, будь то при написании курсовой работы или выполнении дипломного проекта или диссертационного исследования, парадигмальное позиционирование предполагает четкое самоопределение в системе парадигмальных координат. Такого рода самоопределение предполагает использование понятий, исследовательской методологии и способов интерпретации данных соответствующих ее основоположениям и принципам. Теоретическое доказательство может быть только эксплицитно-структурированным и включать соответствующие способы проверки. При этом надо понимать, что результаты исследования будут иметь номотетический, но никак не идиографический характер. В его результате могут быть получены только общие сравнения. Например, если исследование строится в рамках позитивистской методологии, предполагающей использование метода эксперимента, то необходимо сформулировать четкую гипотезу исследования, соответствующую его объекту и предмету, дать адекватное номинальное определение и сформулировать развернутое операциональное определение, включающее индикаторы проявления изучаемого феномена (свойства, характеристики), а также средства их измерения. Должны быть обоснованы валидность и надежность результатов исследования, а также определены адекватные способы их статистической обработки и интерпретации полученных данных. В случае если у исследователя воз-

никнет необходимость уточнения данных, полученных посредством количественных методов, качественными методами, то он обязан прописать процедуру методологической триангуляции. Такое прописывание предполагает определение схемы перевода качественных данных в количественные, предварительно обосновав ее адекватность и объективность. Никакое дополнение одних данных данными другого качества в такой схеме не является принципиально возможным. В частности, в последнее время в практике эмпирических исследований получило распространение привлечение проективных методов исследования. При этом следует напомнить, что данные методы относятся к качественно отличной исследовательской методологии – психоаналитической. Проективный метод рассматривается в ней как обман цензуры, что по духу противоречит самой идее позитивизма и эксперимента. Попытки стандартизации проективных методов методологически безграмотны, так как получаемые данные носят исключительно идиографический характер. Речь может идти только об использовании проективного стимульного материала, и не более. При этом и интерпретация полученных данных ни в коей мере не может соотноситься с идеей психоаналитического проектирования и не может интерпретироваться в контексте механизмов психологической защиты.

Если исследователь пытается реализовать интегративно-эkleктический подход, предполагающий использование разных систем парадигмальных координат и их исследовательских методологий, то он должен детально прописать механизм и процедуру интеграции результатов, используя, например, процедуру интегративной эkleктики путем триангуляции. В противном случае ни о какой интегративной эkleктизации не может быть и речи. В данном случае разнокачественные описания должны рядопологаться, а их интерпретация должна предоставляться заинтересованному читателю для вынесения собственных решений и выводов, как в случае диалогических методологий, в частности многоголосого исследования. При этом теоретическое доказательство должно быть имплицитно-структурированным, основанным на соответствующих принципах его проверки.

Получение результатов в рамках определенного парадигмального позиционирования налагает исходные ограничения на их интерпретацию и возможности понимания сути изучаемого феномена. Как показывалось выше, любая теоретическая схема акцентирует внимание на одних аспектах, игнорируя или снижая значимость других. В этом случае возникает вопрос о нахождении возможных ресурсов расширения и углубления понимания сути изучаемого явления. Как правило, в рамках избранной парадигмальной системы или исследовательской методологии это сделать крайне сложно или практически невозможно. Возможные новые ракурсы видения проблемы появляются лишь при обращении к альтернативным системам координат и исследовательским методологиям. Это предоставляет суть второго механизма или принципа интегративно-эkleктического подхода – интегративно-эkleктического диалога альтернативных традиций. Этот диалог предполагает принятие и понимание позиции оппонента, ее оценивание в контексте собственных взглядов и аргументов, уяснение их неопровержимости и обоснованности.

Интегративно-эkleктический диалог альтернативных традиций предполагает максимальное использование возможностей других традиций, направленное

на расширение представлений о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению избранного проблемного поля или феномена. Иллюстрация использования данного принципа представлена в теоретико-аналитической части исследований, традиционно включающей обзор существующих подходов. Правда, в отечественной традиции этот принцип часто используется либо искаженно и носит ярко выраженную критическую направленность, акцентируя внимания на якобы слабых сторонах этих подходов и подчеркивая собственные преимущества, либо носит чисто ритуальный характер. В этом случае ни о каком диалоге как таковом не идет и речи.

Продуктивный диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условия понимания оппонента и налаживания продуктивного взаимодействия с ним, подчиненного общей цели – углублению представлений о сути изучаемого феномена, поиску путей и способов сотрудничества. Выслушивая другого, пытаясь понять его, исследователь включает предлагаемую систему суждений в свой внутренний мир, формируя собственное отношение. Вполне возможно, как это показано Фестингером в его теории когнитивного диссонанса, использование трех стратегий: 1) исходного отвергания, непринятия; 2) расширения системы собственных представлений посредством добавления нового знания, нахождения условий его вписывания; 3) радикального изменения собственной позиции в пользу альтернативной. Каждая из представленных стратегий возможна, но, к сожалению, на современном этапе доминирует скорее первая, хотя наибольшим потенциалом продуктивности, по нашему мнению, обладает вторая стратегия.

В методическом плане использование принципа интегративно-эkleктического диалога альтернативных традиций целесообразно как на этапе вхождения в проблему, так и на этапе интерпретации полученных данных. В первом случае оказывается полезным знакомство с альтернативными исследованиями, создающее основания для авторского самоопределения. Реализация этого принципа осуществляется, например, посредством разработки сравнительных таблиц, демонстрирующих используемые в разных подходах понятия, методы, интерпретации и основные результаты. Такое сравнение позволяет наглядно определить достоинства и ограничения того или иного подхода или решения. Во втором случае он предоставляет возможность проверки исчерпанности и всесторонности интерпретации полученных результатов, а также наметить направления, пути и средства возможных дополнительных исследований и интерпретации данных.

Л. Лаудан предлагает разногласия о фактическом разрешать на методологическом уровне; а методологические расхождения улаживать на аксиологическом уровне (1996, с. 313). Л. Первин, один из ведущих персонологов современности, пишет: «Вместо того чтобы рассматривать клинический, корреляционный и экспериментальный подходы как конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых инсайтов о поведении человека, каждый из которых потенциально информативен для другого» (1996, с. 310).

Наконец, третьим условием продуктивной коммуникации является рефлексия принятых решений в аспекте принципиальных возможностей опровержения или, точнее, фальсификации (в логике Поппера) сформулированных выводов. Так

как зачастую принятие решения не является свободным от влияния эмоционального контекста, усилия снижения его негативного или позитивно искажающего воздействия являются более чем необходимыми. Такая возможность предоставляется *критическим рефлексивным позиционированием*, реализующимся через рефлексивную идентификацию с альтернативными позициями, создающими основание для расширения горизонтов видения проблемной области, снижения парадигмальной и личностной предубежденности, фиксации исходных координат и связанных с ними ограничений. Рефлексивное позиционирование создает предпосылки для острого взгляда на выстроенную объяснительную версию, преодоления эмоциональных блокировок, связанных с влиянием собственных исследовательских приоритетов, наконец, эмоций и чувств в отношении окружающих людей как носителей соответствующего знания и занимающих определенную исследовательскую позицию.

В методическом аспекте данный механизм реализуется посредством попыток опровержения полученных выводов и результатов всеми наличными ресурсами, включая и альтернативные подходы. В этом случае прослеживается некоторая аналогия с процессом принятия управленческих решений, одним из важнейших элементов которых является «разбивание» всеми возможными средствами подготовленного решения. Если это не удастся, решение оценивается как обоснованное.

Процесс рефлексии позволяет не только удостовериться в обоснованности полученных результатов и выводов, но и наметить перспективу исследований, так как в нем могут возникать идеи и решения, исходно не планировавшиеся.

Рассмотренные механизмы интегративной эклектики актуализируются в ряде условий, обеспечивающих повышение потенциала продуктивности научного исследования:

- Четкое определение парадигмальных координат, в рамках которых проводится исследование, связанных с ними возможностей и ограничений в экстраполяции результатов.
- Создание максимальной информационной базы теоретической и эмпирической проработанности проблемной области в разных системах парадигмальных координат при наличии таких возможностей и претензий на высокий уровень обобщений.
- Прохождение критического рефлексивного круга альтернативного позиционирования как условия раздвижения парадигмальных рамок, освобождения от предубежденности и перехода на метатеоретический уровень более высокого порядка.

Перечисленные условия, конечно же, не исчерпывают всего спектра нюансов, обеспечивающих продуктивность коммуникации, но вместе с механизмами интегративной эклектики образуют фундамент культуры психологического мышления и научного доказательства в рамках диалога ученых, стремящихся углубить свои представления об изучаемой феноменологии и максимально освободиться от влияния собственных предубеждений. Они должны формировать и культуру научного мышления студентов, стремящихся к развитию в высшей степени гуманистического стиля мышления, к пониманию партнера, признанию его уникальности, формированию разделяемого поля значений.

Глоссарий

Дескриптивная концепция истины – подход к процессу установления истинности знания как особого типа философской рефлексии результатов сравнения разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса, если плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости.

Диалогика – философская доктрина, обосновывающая необходимость привлечения разных логик к процессу глубинного постижения социальной феноменологии. С ее позиций диалог разных традиций, разных взглядов и подходов, их инструментальных ресурсов способствует расширению горизонтов видения и изучения проблемных областей, преодолению парадигмальной и личностной предубежденности, нахождению новых решений и перспектив развития.

Интегративно-эклетикический диалог альтернативных традиций – механизм интегративной эклектики, предполагающий максимальное использование возможностей диалога с представителями альтернативных традиций, позволяющий расширить представление о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению избранного проблемного поля

Интегративная эклектика – постижение природы феномена через сопровождаемое критической рефлексией интегрирование, эклектику различных традиций, подходов, логик и инструментов при сохранении их автономии в последующем развитии.

Критическое рефлексивное позиционирование – механизм интегративной эклектики, предполагающий создание оснований для расширения горизонтов видения проблемной области, снижения парадигмальной и личностной предубежденности, фиксации исходных парадигмальных координат и связанных с ними ограничений, реализующийся через рефлексивную идентификацию с альтернативными позициями,.

Онтологический плюрализм – философская доктрина, предполагающая возможность существования разных типов реальности, освобождающая воображение исследователя от сковывающих рамок одномерности.

Парадигмальное позиционирование – механизм интегративной эклектики, предполагающий четкую фиксацию исходных позиций, которых придерживается исследователь, включающее определение в онтолого-эпистемологических основаниях, способе теоретизирования и методе исследования с фиксацией их возможностей, ограничений и сферы экстраполяции результатов.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие интегративно-эклетикического подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
2. Какие механизмы углубления постижения социально-психологической феноменологии предлагает интегративная эклектика?
3. В чем причины невозможности нахождения единых универсальных решений в современной социальной психологии с позиции интегративно-эклетикического подхода?

4. Подумайте как можно использовать механизмы интегративной эклектики в написании своей курсовой, дипломной или диссертационной работы.
5. Проведите парадигмальное позиционирование своего исследовательского проекта и сделайте его обоснование.
6. Проанализируйте как изучаемая Вами проблема могла бы рассматриваться в иных системах парадигмальных координат.
7. Проведите критическую рефлексию полученных Вами выводов с учетом особенностей ее решения в альтернативных исследовательских подходах.
8. Приведите примеры использования интегративно-электического решения в современном психологическом знании.

Для дополнительного чтения

1. Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки: Учебное пособие. – М.: Московский психосоциальный институт Флинта, 1998.
2. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991.
3. Юревич А. В. Методологический плюрализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 5–18.
4. Юревич А. В. Социальная психология науки. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
5. Янчук В. А. Всемирная энциклопедия: Философия. – М.: АСТ; Мн.: Современный литератор, 2001, с. 312–313.
6. Янчук В. А. Интегративно-электический подход к анализу психологической феноменологии: Словарь-справочник. – Мн.: АПО, 2001. – 48 с.

Основной источник

Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: Интегративно-электический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

Межпарадигмальный диалог современного социально- психологического знания

Представленный в предшествующем разделе концептуально-критериальный оценочно-сравнительный, сопоставительный анализ многообразия психологических систем парадигмальных координат послужил основанием для анализа их возможностей с целью формирования интегративно-электических ориентиров полилинейного парадигмального поля психологического знания. Сложность такого сопоставления обусловлена прежде всего тем, что каждая из выделенных систем

парадигмальных координат (правда, в разной степени) претендует на универсальность, приводит соответствующие обоснования справедливости выдвигаемых ею претензий.

Например, спектр дискуссий 1970-х годов, по оценке А. Н. Сухова, охватывал ряд таких острых тем, как: 1) соотношение теоретического и прикладного знания; 2) социальная релевантность и репрезентативность полученных результатов; 3) возможность их практического использования; 4) вероятность социально-психологических прогнозов; 5) проблема социальной базы лабораторных экспериментов, их нравственные границы, роль субъективных установок экспериментатора и ценностных аспектов поведения субъектов экспериментальных ситуаций (1998, с. 31). Каждая из психологических традиций привносит свою лепту в критику оппонентов, правда, рефлексирова (за исключением деятельности) и свои ограничения.

В этой рефлексии, с определенной долей условности, можно выделить ряд этапов:

Конец 1960 – начало 1970-х годов – констатация теоретического неблагополучия и попытки нахождения компромиссных решений, не меняя ничего по существу.

1970-е годы – осознание новой ситуации в социальной психологии как попытки «смены парадигмы», поиски неэциентистских концептуальных рамок для описания и объяснения социально-психологических явлений (А. Н. Сухов, 1998, с. 32).

1980 – 1990-е годы – посткризисное развитие социальной психологии, характеризующееся попытками нахождения оснований для межпарадигмального диалога не только в рамках психологического знания.

В этом контексте особенно полезной оказывается рефлексия возможностей и ограничений различных систем парадигмальных координат (таблица 14).

Проведенный сопоставительный анализ возможностей и ограничений различных систем парадигмальных координат показывает, что ни в одной из них нет достаточных оснований для создания единой интегрированной одномерной теоретической конструкции, позволяющей сформулировать гомогенные методологические основания, сконструировать последовательную непротиворечивую описательную и объяснительную логику социально-психологической и персонологической феноменологии без акцентации на одних аспектах в ущерб другим. Следовательно, возможным выходом из сложившейся ситуации выступает переход от монологии к диалогике, от одномерности в рассмотрении феноменов к многомерности, от монополии на истину к ее поливариантности, диалогичности, позволяющих (и создающих для того методологические основания) охватить все богатство психологической феноменологии.

Таблица 13.

Достоинства и ограничения психологических парадигм

Тип	Достоинства	Ограничения
Метапарадигмы		

М е т а п а р а д и г м ы	Позитивистская	Объективность (в естествен- нонаучном понимании), опе- рационализированность, ве- рифицируемость, высокие валидность и надежность	Объективизм, детерминизм, универсализм, метафизичность, механицизм, экстраспектив- ность, статичность, рациона- лизм, невозможность схватыва- ния реальных жизненных пере- живаний субъекта, прослежи- вания и объяснения их дина- мики
	Соци- ально-кон- структи- вистская	Исследование активности субъекта по конструирова- нию собственного и окружа- ющего мира, акцентация на интерпретационных процес- сах	Интерпретационизм, абсолюти- зация возможностей социаль- ного конструирования, игнори- рование вопроса соотношения конструируемого и реального бытия
	Критиче- ская	Критичность, рефлексив- ность, эклектизм	Отсутствие единого методоло- гического основания при при- сутствии претензии на него, эк- лектизм, попытки соединения несоединяемого
Парадигмы			
П а р а д и г м ы	Экзистенци- ально-фено- менологиче- ская	Акцентация на реальных жизненных переживаниях субъекта, его интерпрета- циях происходящего, связь с реальной феноменологией социального бытия, интенци- ональность, ориентирован- ность на постижение экзис- тенций	Субъективизм, интроспектив- ность, множественная интер- претируемость, нестрогость ме- тодов и интерпретаций
	Бихевио- ристская	Позитивистские; анализ по- веденческой практики, праг- матизм	Позитивистские; игнорирова- ние активности сознания и субъективного опыта
	Психоди- намиче- ская	Исследование сферы бессоз- нательного, использование клинических методов, нетра- диционные инсайты, методы терапевтической практики, изучение реальных пережи- ваний и проблем клиента	Высокий субъективизм, мета- фористичность, низкая валид- ность, ориентированность на прошлое в ущерб настоящему и будущему в развитии субъ- екта
	Когнитивистская	Позитивистские; включение в плоскость анализа активнос- ти сознания, активное ис- пользование математиче- ского моделирования	Позитивистские; рационализм, оторванность от реальных пе- реживаний субъекта и его фе- номенологии бытия

Гумани- стическая	Ориентация на человека как активного строителя собственного бытия, обладающего неограниченными способностями и возможностями	Индетерминизм, игнорирование естественной обусловленности человеческого бытия
Герменев- тическая	Акцентация на интерпретационных процессах	Текстуализация человеческого бытия
Системная	Системное рассмотрение	Кибернетизация, роботизация и рационализация человеческого бытия
Деятель- ностная	Деятельностная опосредствованность человеческого бытия	Отрыв деятельности от субъекта деятельности и его экзистенциальной феноменологии
Гендерная	Акцентация на гендерных различиях, фиксация необходимости разных подходов к социуму с учетом гендерных различий (проекций)	Замыкание на проблемах гендера

Идея о принципиальной совместимости разных логик представляет возможное временно обусловленное решение. «К тому же, – как отмечает Е. Л. Доценко, – она имеет уже и свои операциональные конкретизации: во-первых, начинать необходимо со знакомства с феноменологией, на первом шаге пытаюсь проникнуться богатством ее связей, во-вторых, это должен быть диалог несовпадающих логик. Не борьба за высокомерное (или тревожное) игнорирование, а всестороннее обсуждение на различных языках. Исследователю для этого надо будет освоить несколько языков, а практику – переосмыслить эклектичность как многоресурсность» (1997, с. 24).

Новый научный подход должен с неизбежностью приводить к осознанию исторической и культурной детерминированности любого социального знания в целом и психологического знания в частности. Эта культурно-историческая локализованность должна трактоваться не как гомогенная, а как гетерогенная, предполагающая наличие на уровне социального индивида наряду с элементами номотетики (общего) элементов идиографии (индивидуального), а на уровне культуры и субкультуры – наряду с элементами итики (общего в различных культурах) элементов имики (уникально специфичного для данной культуры или субкультуры).

Как отмечает D. E. Polkinghorne: «Несмотря на значительное многообразие отдельных паттернов, используемых каждым человеком, некоторые интерпретационные паттерны являются общими для всех людей. Разнообразие является результатом различных исторических, культурных, социальных и личностных условий, в которых мы локализованы. Общность результатов обусловлена родовой биологической наследственностью, которую мы разделяем друг с другом. Это собрание

культуральных и индивидуальных паттернов не является статическим. Если взаимодействие не ассимилируется настоящим паттерном, паттерны изменяются, аккомодируя ранее не интерпретируемые и бессмысленные взаимодействия. Изменения происходят посредством метафорических и метонимических процессов воображения от более общих к более дифференцированным паттернам» (1997, с. 150–151).

Проблематика культурной детерминированности социального бытия личности и ее окружения, нахождения эффективных средств взаимодействия в поле многообразия особенно активно изучается и обсуждается в рамках кросс-культурной психологии. Именно имический (культурно-специфичный) аспект обусловил необходимость нового осмысления возможностей использования инструментов, разработанных в отношении к западной и другим культурам. Преодоление этноцентризма в исследованиях было обусловлено необходимостью отказа от традиционных позитивистских методологических оснований и господствовавшего в течение многих десятилетий, особенно в бихевиоризме, стремления к открытию универсальных законов поведения.

По мнению одного из крупнейших представителей кросс-культурной психологии Н. Triandis, прежде чем делать какие-либо обобщения в отношении интеллектуальных различий, исследователь должен обсудить вопрос об отличиях (1994, с. 57). Отличия в области идиографии и номотетики, итики и имики можно перечислять, до бесконечности. Проблема заключается не в констатации различий, а в механизмах их преодоления. Эта же проблема касается и межпарадигмального диалога, направленного на достижение согласованных, отнюдь не универсальных и единственных, позиций и решений. К нему могут быть применимы выработанные кросс-культурными психологами условия продуктивности исследований: «Прежде чем выявлять различия между культурами, необходимо определить максимально возможное количество сходств между ними. Наличие этих сходств является определенной гарантией адекватной оценки. Необходима разработка исследовательских методов в отношении ко всем сравниваемым культурам с учетом их своеобразия. Для исследовательских процедур полезно привлечение фокусных групп и специалистов, представляющих данную культуру. Посредством варьирования предъявления стимульного материала, уточнения его интерпретаций со стороны представителей изучаемой культуры необходимо добиваться тождества значений.

Культурные различия должны демонстрироваться посредством привлечения нескольких методов. Особенно важным является разнообразие привлекаемых методов, как оперантных, предполагающих предъявление минимума стимульного материала и получение множественных ответов, так и респондентных, наоборот, предполагающих однозначную реакцию изучаемых на стимульный материал»; «при анализе полученных результатов не следует забывать и о собственной субъективности в их интерпретации и снижении влияния проекций, а также этноцентрических и андроцентрических предубеждений. Нужно стремиться к преодолению собственной субъективности, но нельзя забывать и о том, что выбор самих проблем, теорий и методов также находится в плену этих предубеждений» (там же, с. 61–62).

Он предлагает и ряд критериев квалифицированного кросс-культурного исследования, которые могут быть продуктивны и в отношении межпарадигмального диалога:

- исследование, включающее как можно большее количество сходств между изучаемыми культурами и лишь дополняемых различий;
- исследование, использующее мультиметодные и конвергирующие процедуры;
- исследование, включающее имическое измерение итических конструкторов, сопровождаемое разработкой итических показателей, генерируемых для каждой культуры для выявления итических конструкторов;
- этически проведенное исследование, предполагающее учет влияния этноцентрических и андроцентрических предубеждений самого исследователя» (там же, с. 85–86).

В рамках кросс-культурных исследований нарабатан большой эмпирический массив данных по эффективной межкультуральной коммуникации и технология кросс-коммуникации, позволяющая наладить продуктивный диалог, направленный на формирование единого поля значений. Кросс-коммуникация предполагает многократный обмен передаваемым содержанием с постоянным уточнением на каждом последующем шаге правильности понимания значений как необходимое условие взаимопонимания.

Наличие кросс-коммуникации в межпарадигмальном диалоге обусловлено тем, что в рамках разных парадигмальных координат часто используются одни и те же системы знаков (понятий, конструкторов), обладающих различным значением. Отсутствие единства смыслов, которыми оперируют субъекты диалога, приводит к конфронтации, лишенной на то объективных оснований. Сложность формирования поля единых смыслов в рамках межпарадигмального диалога обусловлена еще и тем, что он осуществляется по большей части посредством текстов, установление которых предполагает обладание, во-первых, доступом к культуре значений, сформировавшейся в рамках данной системы координат; во-вторых, способностью остранения от собственных парадигмальных предубеждений (критической рефлексией); в-третьих, возможностью уточнения адекватности понимания переданных смыслов и значений. Выход из этой ситуации один – налаживание непосредственных контактов с представителями альтернативных парадигм, постоянная работа по уточнению аутентичности трактовки усвоенного содержания при неизбежности возможных разночтений.

Особенно полезно в этом контексте обращение к дискурсной психологии, в русле которой проблема расшифровки значений и реконструкции контекстов представлена наиболее полно.

I. Parker выделяет ряд ступеней дискурсного анализа:

- Обращение с исследуемым объектом как с текстом, представленным в словах.
- Изучение коннотаций при посредстве свободных ассоциаций, что лучше совершать вместе с другими людьми.
- Определение объектов и их описание.

- Рассуждение о рассуждениях как объекте дискурса.
- Определение специфики или типологии людей, о которых говорится в дискурсе и отдельные из которых могут быть идентифицированы как объекты.
- Рассуждение о том, что можно представить в дискурсе и дополнить идентификацией с людьми, осуществляющими дискурс.
- Очерчивание образа мира, рисуемого дискурсом.
- Работа над тем, как текст, использующий данный дискурс, может преодолевать терминологические разночтения.
- Установление противоположных образов говорения, сопоставление дискурсов друг относительно друга, рассмотрение различных объектов, сравниваемых ими.
- Идентификация точек пересечения дискурсов различных объектов, т. е. выделение сходства их представленности в дискурсах.
- Ссылки на другие тексты для выяснения того, как осуществляется дискурс посредством адресования его различным аудиториям.
- Отражение терминов используемых для описания дискурса, вопросов, включающих моральный и политический выбор как часть анализа.
- Рассмотрение того, как существует дискурс.
- Описание того, как он изменяется, рассуждение о том, как осуществляется открытие происходящего.
- Идентификация институтов, подкрепляющихся использованием того или иного дискурса.
- Идентификация институтов, подвергаемых нападкам со стороны тех или иных дискурсов.
- Рассмотрение того, в каких категориях личность находит и теряет производство дискурса.
- Идентификация институтов, подвергаемых атакам при появлении того или иного дискурса.
- Показ того, как дискурс связывается с другими дискурсами, санкционирующими подавление.
- Показ того, как дискурсы предоставляют возможность доминирующим группам формулировать свои нарративы о прошлом в порядке прояснения настоящего.

Представленный анализ дискурса не является единственным; сегодня наличествует многообразие подходов и школ, отличающихся своей спецификой. Тем не менее налаживание продуктивного межпарадигмального диалога является более чем продуктивным.

Эта же проблема, в привязке к научному дискурсу, тщательно обсуждается в рамках критической традиции в психологии и социологии. М. Lipman выделяет ряд способностей критического мышления, которыми являются: «умелое, ответственное мышление, способствующее принятию верных решений, так как они а) полагаются на критерии, б) самокорректируются, в) чувствительны к контексту (1995, с. 3).

М. Weinstein конкретизирует их в виде ряда последовательных утверждений. Требование умелости по отношению к критическому мышлению увязывает его с эпистемологическими и другими нормативно относящимися рассмотрениями практики. Умелость акцентируется на том факте, что критическое мышление вплетено в контекст снабжения надежной информацией, гарантированной методологией. Критическое мышление не индифферентно к нормам других областей; скорее оно рассматривает соответствующую практику с позиции стандартов, продвигающих полезные и гарантированные исследования любого рода к наиболее гарантированной информации, исходя из которой исследование утверждает свою уместность и силу.

Ответственное мышление устанавливает отношения между критическим мыслителем и сообществом, которому оно адресовано. Критический мыслитель рассматривает обязательства, соответствующие существующим условиям в свете приемлемости стандартов или изменения их при наличии убедительных аргументов.

Критический мыслитель рассматривается как побуждаемый на нестандартное мышление, которое не может быть адекватным алгоритмам или другим механическим процедурам. Оно скорее предназначено для тех ситуаций, в которых рассмотрение должно быть взвешенным, альтернативно оцениваемым, имеющим ссылку на приоритеты, детерминацию истинности и уместности.

Критический мыслитель призывается к формулированию своих критериев ясно, доступно для своего собеседника с вычленением того, что им рассматривается как главное. В общем критерии должны отражать центральные понятия и методы в тех областях исследования, в которое они включены, но должны рассматриваться не как абсолютные, проверяющиеся, изменяющиеся, заменяющиеся по мере прогресса мышления.

Самокоррекция предполагает, чтобы мыслитель использовал процесс критического мышления как метод раскрытия и корректировки используемых им процедур, подвергал процесс рефлексивному скрупулезному рассмотрению, используя нормы, открытые для критики и переоценки.

Чувствительность к контексту акцентируется на аспекте критического мышления, обращении к основным критериям в каждом конкретном случае, тщательной проверке соответствия и возможного изменения применительно к своеобразию ситуации принятия решения. Критический мыслитель, таким образом, рассматривает критерии в их соответствии контексту использования» (1993, с. 5–6), акцентируется на динамике изменения знания, при полной гарантии исследовательских результатов. «Критическое мышление, – подчеркивает Weinstein, – является диалогическим, что означает – включающим обсуждение того, какие именно критерии следует развивать, как проводить идентификацию контекстов, плоскостей рассмотрения и процессов, воздействующих на осуществление оценок» (там же, с. 6). В отношении критических дискуссий Lipman (1995) указывает на их продуктивность в исследовательском сообществе, искренне заинтересованном в нахождении истины, столкновении позиций и т. д. Результат дискуссий должен быть скорее эпистемологическим или аксиологическим, нежели риторическим.

Налаживание межпарадигмальной коммуникации, направленной на углубление представлений о сущности социального бытия личности и ее окружения, является ориентиром будущего развития психологической науки и практики. Постигание этого ориентира в существующем полилинейном парадигмальном поле психологического знания с позиций интегративно-эклетиического подхода предполагает:

- Углубление межпарадигмального диалога, предполагающего взаимообогащение друг друга за счет налаживания эффективной научной коммуникации, обеспечивающей условия для формирования поля адекватных смыслов и значений, представленных в той или иной системе координат или традиции, их позиционирования, создания возможностей для острого анализа и критической рефлексии в целях последующего обмена суждениями и нахождения взаимоприемлемых решений, способствующих научному прогрессу.
- Привлечение ресурсов различных традиций и областей психологического знания (кросс-культурной психологии, дискурсного анализа, герменевтики и др.) для обеспечения более продуктивной межпарадигмальной коммуникации, направленной на повышение возможностей адекватной интерпретации объяснительных моделей и прикладных способов психологических исследований.

Глоссарий

Критическое мышление – научная традиция, предполагающая четкую проработку, прозрачность и аргументированность критериев доказательности научного знания. Но критерии должны рассматриваться не как абсолютные, а скорее как проверяющиеся, изменяющиеся, заменяющиеся по мере прогресса критического мышления.

Межпарадигмальный диалог – диалог исследовательских традиций, направленный на взаимообогащение друг друга результатами исследований, новыми методологиями и теоретическими инсайтами, направленными на углубление психологического знания.

Межпарадигмальная коммуникация – процесс обмена научными достижениями, направленный на расширение существующих представлений и приобретение новых идей и исследовательских методологий.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие современной ситуации в социально-психологическом знании, выражающееся в присутствии многообразных систем парадигмальных координат?
2. В чем причины невозможности нахождения единых универсальных решений в современной социальной психологии?
3. В чем своеобразие различных парадигмальных подходов в современном социально-психологическом знании?
4. В чем заключается необходимость позиционирования в той или иной системе парадигмальных координат?

5. Приведите примеры решений в современном социально-психологическом знании, построенных на межпарадигмальном диалоге.

Для дополнительного чтения

1. Аллавердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки: Учебное пособие. – М.: Московский психосоциальный институт Флинта, 1998.
2. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
3. Еникеев М.И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. – М.: «Изд-во ПРИОР», 2002.
4. Шульц Д. П., Шульц С. Э. История современной психологии / Под ред. А. Д. Наследова. – СПб.: Изд-во «Евразия», 2002.
5. Юревич А. В. Методологический плюрализм в психологии / Вопросы психологии, 2001, № 5, с. 5-18.
6. Юревич А. В. Социальная психология науки. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2002.

Основной источник

Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

ЧАСТЬ IV.

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Специфика социально-психологического исследования

В любой области знания одним из наиболее важных вопросов является вопрос о том, как и посредством чего изучать определенную предметную область тем более такую, как социальные отношения людей. Эти отношения не подлежат непосредственному измерению как в естественных науках, к ним нельзя прикоснуться, более того, они не являются очевидными исходно. Социальная феноменология настолько многогранна и бесконечна во времени и пространстве, что охватить ее как какую-либо завершенную целостность практически невозможно. Любое теоретическое объяснение социальной феноменологии является гипотетическим представлением о том или ином ее фрагменте, выступающим в форме предположения о соотношении составляющих его элементов. Но предположение только тогда становится научным, когда оно имеет под собой определенную доказательную базу, которая и создается при помощи соответствующих методов.

С момента своего конституирования социальная психология полагалась на классические методы исследования, получившие признание в естествознании – наблюдение и эксперимент. Предполагалось, что изучение психологических явлений должно строиться по аналогии с естественными науками: необходимо тщательное объективное наблюдение, количественное измерение переменных, нахождение логических связей между причиной и следствием, воспроизводимость результатов. Этот подход имеет под собой и более широкую культурно-научную подоплеку – традицию модерна, с которой мы уже знакомы, ориентированную на открытие универсальных закономерностей. Именно поэтому бихевиористски ориентированную социальную психологию часто называют экспериментальной наукой. В этом легко убедиться открыв любой учебник по социальной психологии, в котором изложение любой теории подкрепляется многочисленными экспериментальными исследованиями.

Определяя в качестве предмета исследования поведение (и ее социальную форму как частный случай), бихевиористы исходно были ориентированы на нахождение закономерностей, присущих не только людям, но и высокоразвитым животным. Вот почему в качестве подопытных испытуемых во многих исследованиях выступали крысы, собаки, обезьяны и т.п. Так как исходно предполагалось, что использование научного объективного метода позволяет открыть универсальные законы поведения, ну а на каком конкретно объекте это будет сделано с их точки зрения не является принципиальным.

Проследивая эволюцию методологических подходов к психологическому исследованию, можно говорить о своеобразной трансформации от описательного через эмпирическое (экспериментально установленное), к понимающему знанию, каждому из которых свойственен определенный набор методов исследования. Ее схематическая иллюстрация представлена на рис X. На описательном этапе превалировал метод наблюдения со всеми его достоинствами и недостатками, позволявший провести первичную систематизацию социально-психологических явлений. Но полагание на наблюдение и самонаблюдение обладает весьма существенным недостатком – субъективностью или многотрактуемостью, приводящей в конечном счете к научной бездоказательности. Одна субъективная интерпретация происходящего может не совпадать с другой. Если не находится оснований, однозначно принимаемых обеими сторонами, доказательство становится невозможным в принципе.

Рис. 5.

Эволюция социально психологического познания.

Поиск однозначных оснований доказательности получаемых выводов и побудил бихевиористов к принятию позитивистской методологии с ее принципами операционализации и верификации как основаниями однозначной интерпретации и экспериментального метода, позволяющего отделить случайное от неслучайного, повторяющегося. Однако полагание на измерение и пространственно-временное подтверждение, при внешней гарантии абсолютной объективности, в реальности сталкивается со спецификой предмета социальной психологии – отсутствием возможности непосредственного доступа к нему в силу представленности социально-психологической феноменологии как в сознании людей, так и в «эфире» межличностных взаимоотношений. Надежда на принципиальную возможность косвенного выведения закономерностей внутренней активности личности посредством детального и многоаспектного изучения ее внешних проявлений оказалась иллюзорной. Более того, социальная психология буквально утонула в море эмпирических фактов, не приводящих к углублению знания. Выявление общих закономерностей поведения абстрактного человека вообще начало сталкиваться с необходимостью доказательства их реализации в поведении человека конкретного, обладающего уникальными свойствами и качествами, отличающими его от других людей.

Это обстоятельство подкреплялось и все большим осознанием того, что человек в своем взаимодействии с окружающим социальным и физическим миром полагается не на некую объективную реальность, а на ее субъективный образ, своеобразии которого детерминировано культурой. Так как этот субъективный образ представлен в сознании познающего и действующего субъекта, то без нахождения возможностей и методов его изучения дальнейшее углубление представлений оказалось весьма призрачным. Обращение же к сознанию представляет возврат к интроспекции, т.е. все тем же самоотчетам с их субъективизмом. Более того, получая самоописания исследователь сталкивается не с переживаниями испытываемыми изучаемой реальностью, а со знаковыми системами или текстами, в которые обличены эти переживания. Но знаки требуют расшифровки обозначаемых ими значений, что значительно усложняет процесс познания и исследования и предполагает применение качественно отличных методологий и методов.

Лишь начиная 1950-х годов благодаря титаническим усилиям двух выдающихся психологов Дж. Келли и Ф. Хайдера, предложивших теорию человека как наивного ученого, обосновывающую принципиальную возможность использования самоотчетов испытуемых в качестве научных эмпирических фактов, начался новый объяснительный этап в развитии социально-психологических исследований. Включение в плоскость анализа самоотчетов привело к качественному прорыву в развитии социально-психологических представлений. Исследования показали, что человек не просто отражает или познает окружающий мир, фиксируя его особенности, но и пытается объяснить причинность происходящего, т.е. интерпретирует его. И именно интерпретации, а не объективные свойства познаваемого, определяют своеобразие взаимодействия человека с самим собой и окружающим людьми. Таким образом социальная психология становится объясняющей социальное поведение с позиции реализующего его субъекта.

Следующий прорыв в развитии социально-психологических представлений связан с осознанием того, что человек не только объясняет происходящее, ища его

причинные основания, но и пытается понять его, наделяя значениями и смыслами. Причем последние являются уникальным достоянием, определяющим ближайшую и отдаленную перспективу человеческих действий и отношение к ним. Постигание специфики понимания социально-психологической феноменологии становится возможным в результате диалогического взаимодействия с исследуемым, направленного на выяснение значений и смыслов, которые не являются раз и навсегда данными, а создаваемыми, уточняемыми и развиваемыми. Понимание происходящего не может быть схвачено извне, точно так же как оно не может быть объяснено с позиции наблюдателя, реконструирующего устанавливаемые причинно-следственные связи. Оно становится возможным в результате погружения в поле значений и смыслов.

Таким образом развитие социально-психологического познания представляет процесс усложнения и углубления представлений о природе социально-психологической феноменологии, предполагающее усложнение и взаимодополнение исследовательских методологий и методов. Оно представляет своеобразное балансирование между объективностью и субъективностью, но выступающих не как взаимоисключающие альтернативы, а как взаимодополняющие перспективы.

Сегодня с полной уверенностью можно говорить о необходимости использования всех типов исследовательских методологий как взаимодополняющих друг друга. Точно так же, как можно говорить, что любое игнорирование измерений сразу же приводит к резкому возрастанию субъективизма и многогранности получаемого знания. Без наличия сравнительных шкал (пусть и не до конца универсальных и объективных) невозможно соотнести одного человека другим, а это в свою очередь приводит к размыванию предмета психологии. Следуя исторической хронологии мы начнем рассмотрение социально-психологического исследования с выяснения специфики и роли измерения в нем.

Измерение в социальной психологии

В психологии измерение явлений есть процесс определения, в какой степени человеку или группе людей присуща та или иная характеристика, которая находит свое отражение на определенном континууме (шкале). Измерение является преимущественно количественным процессом – мы придаем количественные величины явлениям, объектам и пр. Например, если приписать 0 любому психологически нормальному лицу, а 1 лицу – с психологическими нарушениями, то после обследования некоторой выборки можно подсчитать количество людей, входящих в каждую из этих категорий. Тем не менее рассматриваемый способ измерения позволяет выразить всего лишь зависимость типа «все» или «ничего», но не степень нормальности, ее продолжительность и т.д. Для этого необходимо использовать шкалу с большим числом градаций, например шкалу от 1 до 10, на которой следует расположить данные, полученные в дифференцированном эксперименте.

Каждое измерение должно быть связано с чисто описательной процедурой и никогда не должно являться лишь суждением об измеряемой величине, т. е. оценкой. Измерение в отличие от оценки есть описательное суждение об эмпирическом факте. Психология стала научной, когда строгое наблюдение, базирующееся на из-

мерении, заменило произвольность оценок. На первых этапах своего развития психология обратилась к физическим методам, и таким образом зародилась одна из первых ее областей – психофизика. Значение исследования зависит как от методов измерения, так и от плана исследования. Необходимо проверить, соответствует ли выбранный метод предмету исследования и обеспечивает ли он соответствующее измерение рассматриваемых переменных.

Критерием точности и надежности методов являются следующие положения.

1. *Достоверность.* Процесс измерения является тем более достоверным, чем слабее влияние случайных факторов и чем стабильнее его результаты. При создании методов для измерения переменных характеристик (например, поведения), считается, что нестабильность результатов во времени не обязательно является показателем ошибки. Понятие достоверности, следовательно, включает также понятие стабильности и однородности. Под стабильностью подразумевается постоянство полученных результатов при различных условиях применения одного и того же инструмента. Необходимо различать изменчивость как результат реальных модификаций изучаемой характеристики и изменчивость как результат модификаций, вызываемых инструментом. Наиболее известна методика 50/50, которая состоит в расчете корреляции между зарегистрированными измерениями в каждой из двух половин одного и того же теста.
2. *Объективность.* Каждое измерение, проведенное человеком, допускает определенную степень субъективности. Существуют статистические методы для определения степени объективности измерения, но в целом она определяется оценкой достоверности, поскольку считается, что достоверность методики обусловлена ее объективностью.
3. *Валидность.* В данном случае оценивается, измеряется ли только рассматриваемая характеристика или измерение отражает влияние других факторов. Валидность инструмента измерений оценивается в зависимости от степени соответствия результатов другим фактам, результатов использования другого инструмента измерений.

В гуманитарных науках мало методик, которые удовлетворяют всем этим критериям. Задача исследователя заключается в том, чтобы отделить результаты измерений, связанные с реальными отличиями, существующими между испытуемыми, от результатов, полученных за счет случайных влияний, т. е. установить ошибку измерения. Исследователь должен знать, какие статистические процедуры позволяют аннулировать эти влияния.

Методики различаются по источнику информации и информированности участников. Возможны следующие три типа источников:

1. *Сам испытуемый.* Выводы основываются на ответах самого испытуемого (например, интервью, анкеты, тесты и др.), который знает, что подвергается процедуре измерения.

2. *Исследователь.* Наблюдения являются открытыми, если испытуемый знает, что за ним наблюдают, и скрытыми, если не знает об этом.
3. *Архивные записи.* Испытуемым известно, или неизвестно, что они подвергаются исследованию.

Такие наиболее часто используемые и популярные методы измерения, как субъективные отчеты и открытые наблюдения, являются характеризуются большой вероятностью ошибок. Субъективные самоотчеты можно использовать только в ограниченном диапазоне: для анализа некоторых форм поведения и для описания внутренних состояний. Субъективные отчеты – наиболее недостоверный источник информации, поскольку они связаны с субъективной оценкой поведения и состояний как в случае самонаблюдения, так и в случае наблюдения за другими людьми. Архивные записи, как правило, фрагментарны и число их ограничено.

Методика считается простой, если она характеризуется отсутствием начальной установки, легкостью сбора информации, низким процентом иррелевантного материала. Относительно данных характеристик субъективные отчеты наиболее удобны, так как позволяют получить максимально полное описание изучаемого явления.

Если заранее известно, что валидность измерений будет низкой (например, из-за особенностей источника информации), единственная стратегия, ведущая к увеличению валидности, состоит в систематическом использовании различных измерений одной и той же переменной (повторные измерения).

Ошибки измерения могут возникать:

- если испытуемый осведомлен, что за ним наблюдают, и дает различные ответы в зависимости от своих интересов и мотивов;
- за счет низкого качества используемого инструмента измерения;
- за счет особенностей исследователя, т.е. изменчивость ответов может зависеть от характеристик интервьюера (пола, возраста, опыта и т.д.), которые влияют на испытуемого в ходе эксперимента. Возможны факторы, связанные с состоянием самого исследователя, например, усталость;
- за счет характеристик выборки, например, малочисленности обследуемой группы, которое проходит обследование, или нестабильности группы (т.е. изменения численности к моменту повторного исследования). Это может привести к ошибочному выводу об изменении измеряемого параметра (переменной) в зависимости от времени и условий эксперимента, тогда как изменения обусловлены особенностями выборки (нестабильностью, несопоставимостью, нерепрезентативностью).

Понятие переменной связано с понятием измерения. Переменная представляет некоторое свойство реального события, которое было измерено. Переменные в отличие от теории суть реальности. Предположим, что, согласно теории, усиление тревожности приводит к росту мотивации субъектов к вступлению в члены какой-либо группы. Чтобы оценить данное теоретическое предположение, необходимо найти взаимосвязь между тревогой и мотивацией к вступлению, с одной стороны, и реальными переменными – с другой. Теория является абстрактным утверждением, в котором отражаются сложные связи реального мира. Итак, можно измерить

тревогу по шкале, тенденцию к вступлению в члены оценить с помощью расстояния, на котором субъекты исследования расположены один относительно другого. Эти измерения являются переменными в эксперименте. Вычисление корреляции между двумя переменными позволит проверить гипотезу. Наличие или отсутствие корреляции между переменными считается проверкой теории, которая привела к эксперименту.

Можно говорить о следующих типах переменных:

1. *Независимые переменные*, подразделяемые на экспериментальные и дифференциальные.

Экспериментальные переменные, которые экспериментатор изменяет по своему желанию и наблюдает их влияние на зависимые переменные, варьируя сложность задания или интенсивность стимула.

Дифференциальные переменные, которые экспериментатор не может изменить по своему желанию, и принимает как данность (пол, возраст, уровень образования, психологические характеристики испытуемого, его интеллект).

2. *Зависимые переменные* представляющие реакции испытуемых, полученные в ходе эксперимента. В некоторых исследованиях мы не знаем, какие переменные являются зависимыми, а какие нет. Например, мы можем думать, что существует связь между насилием и телевидением. Однако трудно выяснить, является ли просмотр определенных телепрограмм причиной насилия или человек, который смотрит эти программы, уже был предрасположен к насилию. В данном случае идентификация независимой переменной является целью исследования.

3. *Переменные помех (нарушения)* не контролируются в ходе эксперимента и которые могут оказывать влияние на зависимые переменные. Помехи ошибочно могут быть отнесены к экспериментальным переменным, например неприятный (надоедливый, навязчивый) шум в комнате, в которой субъекты проходят тест на интеллект.

4. *Переменные вмешательства (случайные переменные)* состоят из некоторых характеристик субъектов, которые могут влиять на результаты эксперимента (усталость, низкая мотивация и т. д.).

Описанные типы переменных наиболее характерны для экспериментального или «научного исследования, ориентированного на получение «объективных» или однократуемых данных. Однако в социальной психологии используется и ряд «преднаучных» методов, характеризующих так называемую психологию «здорового смысла». Распространенность этих методов обусловлена тем, что в своих выводах о наблюдаемом человек неизбежно полагается на свои субъективные ощущения. Особенность такого «полагания» чревата рядом издержек:

1. *Научное упрямство*. Экспериментатор упрямо верит во что-либо и не расположен к объективному анализу и сравнению.

2. *Полагание на интуицию*. Считается, что истина постигается с помощью интуиции.

3. *Полагание на авторитеты*. Любые утверждения специалиста в какой-либо области принимаются слепо, без критики, считаются безупречной истиной.

4. *Следование логическим правилам*. При получении новых знаний экспериментатор выстраивает цепь рассуждений, используя известные логические правила.

5. *Эмпирицизм*. Опыт, полученный непосредственно из факта, считается единственным критерием истины. Доверяют только информации, полученной через сенсорный опыт. Этот метод может являться источником ошибок, потому что то, над чем мы экспериментируем, представляет собой только небольшую выборку из множества потенциальных ситуаций.

Проявление такого рода субъективизма неизбежно, особенно при отсутствии необходимой исследовательской квалификации. Для психологии важно выяснить, существует ли выявленная взаимосвязь в действительности или является только кажущейся. Именно с этим аспектом связано понятие валидности.

Валидность социально-психологического исследования

Понятие валидности было введено в употребление в психологию Кэмпбеллом и Стэнли в 1960-е годы применительно к результатам исследования, точно репрезентирующих характеристики феномена, подлежащего описанию или объяснению. В общем плане валидность представляет собой соответствие результатов исследования тому, что изучалось в нем. Проблема соответствия изучаемого избранному исследовательскому и теоретическому инструментарию остается дискуссионной и сегодня в силу многогранности самого объекта – социально-психологической феноменологии. В социальной психологии представлены десятки определений валидности, часто пересекающихся с другим, не менее важным понятием надежности, определяемым как точность исследовательского инструментария и его способность давать стабильные показатели. Проблема валидности чаще всего обсуждается в контексте экспериментальной социальной психологии.

Предложенное определение валидности относится к установлению научной строгости, к обоснованности выводов исследования и подчеркивает относительный характер истинности знания в социальных науках. Как отмечает Э. Дзуки, в любом научном исследовании исследователь должен уметь находить ответы хотя бы на следующие вопросы:

- Существует ли зависимость между двумя переменными?
- Носит ли эта зависимость причинный характер?
- Является ли данная зависимость значимой?
- Действительно ли процедуры измерения и наблюдения относятся к исследуемым конструктам?
- Могут ли быть обобщены причинные зависимости, выявленные в ходе исследования (1997, с. 24)?

Нахождение ответов на данные вопросы крайне важно по той причине, что исследователь часто не задумывается, соответствуют ли избираемые им методы и процедуры особенностям изучаемого явления, можно ли судить по полученным результатам об их адекватности и т.п. В этой связи можно говорить о нескольких типах валидности: внутренней и внешней; валидности статистических выводов и процедур исследования; конструктивной и экологической валидности.

1. *Внутренняя валидность* – степень, в которой результаты исследования позволяют сделать причинно-следственные выводы о влиянии одной

переменной на другую. Большинство социально-психологических исследований эксперименталистского толка заинтересованы в выяснении того, как социальные силы, воздействующие на индивида, влияют на его социальное поведение и принятие решений. В этом аспекте одним из важных типов валидности является тип, определяющий отношения между зависимыми и независимыми переменными. Данная валидность связана с особыми процедурами, которые позволяют определить, насколько выводы, сделанные в данном исследовании, достоверны. После того как установлено существование зависимости между переменной X и переменной Y, необходимо решить, какая из переменных является причиной, а какая следствием, т. е. определить направление данной взаимосвязи. Если Y наблюдается после X, можно сказать, что X является причиной Y.

Однако может оказаться, что отношение зависимости между X и Y вызвано третьей переменной C. Для установления внутренней валидности необходимо рассмотреть всевозможные влияния третьей переменной C на X и Y и исключить их. Считается, что исследование обладает внутренней валидностью, если доказано, что существует зависимость причинно-следственного типа между зависимыми и независимыми переменными.

В отношении внутренней валидности часто возникают два вопроса. Первый связан с выяснением наличия реального влияния. Ответ на него предполагает выяснение того, имеем ли мы основания для вывода о наличии различий в измерении зависимой переменной (т. е. существуют ли реальные статистические различия).

Второй вопрос связан с выяснением, действительно ли данный эффект связан с влиянием данной переменной или чего-либо другого. Если различия принимаются как статистически значимые, можно сделать вывод о том, что они являются следствием прямого влияния исследуемой переменной.

Причины снижения внутренней валидности исследования.

- *Смешение переменных* – одна из наибольших опасностей для валидности эксперимента. Если в ходе его какой-либо случайный фактор (неэкспериментальная переменная) взаимодействует с зависимой переменной и это не может быть измерено отдельно от взаимосвязи зависимой и независимой переменных, то влияние случайной и независимой переменных неразличимо. Проблема смешения переменных является особенно острой в тех исследованиях, где экспериментатор не может контролировать независимую переменную.
- *Изменения, связанные с испытуемыми* – это переменные изменения, произошедшие между двумя моментами наблюдения, они могут быть вызваны не независимыми переменными, а изменениями, произошедшими с самими испытуемыми (например, событиями личной жизни, изменением тех или иных свойств личности и т. д.), т. е. факторами «зрелости» и «истории».

Под «зрелостью» понимают изменения, которые произошли с испытуемым между моментом пред-теста и моментом пост-теста и которые не были связаны с влиянием независимых переменных. Например, в экспериментах по моторной координации у испытуемых может наблюдаться ее улучшение за счет тренировок в период между экспериментами. Данное влияние нельзя смешивать с влиянием независимой переменной. Под фактором «истории»

подразумеваются события, которые уже произошли с испытуемыми и повлияли на результаты эксперимента.

- *Влияние пред-теста* вызывает изменения у испытуемых и, следовательно, результаты эксперимента в некоторых случаях могут в основном зависеть от него, а не от зависимой переменной.
- *Изменение навыков исследователя* может быть продиктовано временем, усталостью и другими факторами.
- *Регрессия к среднему* – явление, наблюдаемое, когда индивиды подвергаются повторным испытаниям относительно одной и той же переменной. Установлено, что если испытуемые получили в первом испытании результаты, по величине близкие к высшим показателям шкалы, то при повторном эксперименте их результаты снижаются и становятся ближе к средним показателям, в то время как испытуемые, которые получили в первом испытании результаты, близкие к низшим, при повторном измерении достигают лучших показателей. Регрессия к среднему наблюдается также в случае ошибок, связанных с изменением переменной.
- *Отсев*. Известно, что в ходе исследования некоторые испытуемые покидают группу. Оставшиеся, естественно, отличаются от выбывших.

Предположим, что исследуются два метода модификации поведения для контроля за весом тела. Группе 1 предписана диета; к тому же испытуемые должны ежедневно записывать в дневник все, что они едят, точно взвешивать все блюда, подсчитывать калорийность пищи. Группе 2 была просто предписана диета. Вполне обоснованно можно предположить, что некоторые испытуемые с более обременительным заданием выйдут из эксперимента, в конце его процент испытуемых с высокой мотивацией в этой группе будет больше. У испытуемых с более высокой мотивацией больше вероятность похудения, поэтому исследователь может прийти к ошибочному выводу, что условия в первой группе эффективнее для похудения.

2. *Внешняя валидность* – это возможность обобщения результатов исследования, т. е. генерализации выводов, полученных на экспериментальной выборке, на всю совокупность. Социальные психологи стремятся к выводам, генерализируемым на очень широкую социальную общность, часто исходя из идеи о наличии закономерностей глобального характера. Результаты исследований с высокой степенью генерализируемости, соответственно, обладают и высоким уровнем внешней валидности. Внешняя валидность существенно зависит от способа формирования выборки.

Существуют три типа выборки.

Случайная, когда результаты исследования группы подростков, сформированной случайным способом, будут справедливы с некоторой степенью вероятности для всех подростков данной национальности. Такое исследование может оказаться очень сложным и дорогостоящим, так как выборка должна быть многочисленной и однородной.

Гетерогенная (неоднородная), когда выделяются различные группы населения, на которых предполагается получить результаты исследования и затем анализируется случайная выборка, чтобы убедиться, что она содержит достаточное количество представителей каждой группы.

Выборка типичного случая, состоящая из индивидов, удовлетворяющих этому определению. В этом случае, если проводится эксперимент со студентами, например на способность к ведению переговоров, нельзя рассчитывать, что полученные выводы будут применимы для глав государств. Тем не менее основные выводы получены именно на студенческих выборках, что дает повод для их критики.

Внешнюю валидность снижает также несоответствие между явлениями, наблюдаемыми в лаборатории, и явлениями в естественных условиях. Трудно определить, имеет ли место выявленная зависимость только в лаборатории или она наблюдается и вне ее. Внешняя валидность обеспечивается неоднократным проведением эксперимента в гетерогенных условиях.

Можно говорить, как минимум, о четырех возможностях ограничений генерализации результатов исследований или внешней валидности:

1. Будет ли тем же результат с другими группами людей или со всеми людьми, который получен в ходе экспериментальной выборки?
2. Случится ли то же самое в других местах?
3. Будет ли получено то же самое в другое время?
4. Будет ли получено то же самое при других типах измерений?

Первый вопрос был связан с популяционной (Braht), а второй с экологической (Glass) валидностью.

3. *Популяционная валидность* означает степень генерализуемости результатов исследования на все население определенного региона, края и т.д. Вспомним, как часто у нас вызвали состояние напряжения отдельные журнальные статьи о том, что повышенный радиационный фон таким-то образом отражается на новорожденных. Такое же впечатление создавалось от отдельных экспериментальных «находок» в отношении той или иной биологической подоплеку криминальности, аддиктивности и т. п.

Возможность широких обобщений варьируется от исследования к исследованию, но часто воспринимается как само собой разумеющийся тот или иной признак у всего населения, что порою противоречит реальным фактам, например не все лица «кавказской национальности» криминальны и социально опасны и т. п. Внешняя валидность крайне важна для прикладных исследований, направленных на выяснение того, как та или иная система воздействия «работает» в принципе, и менее важна в выяснении того, как она реализуется в специфических условиях и в определенных субкультурах и контекстах. С определенной степенью уверенности можно говорить о том, что популяционная валидность становится все более актуальной в связи с попытками нахождения оптимальной пропорции идиографии и номотетики, или итики и имики, т. е. уникально-специфичного, общего для различных групп населения. По крайней мере многими исследователями отмечается отход от ориентации на выявление абсолютно универсальных закономерностей, что актуально и в контексте проблемы «оживления» социально-психологического знания, соотнесенности его с реальной жизнью людей и с экологической валидностью.

4. *Экологическая валидность* – это соответствие результатов исследования, используемых процедур и инструментов изучению и объяснению феноменологии. Большой проблемой лабораторных экспериментов является

генерализируемость результатов на обстоятельства, происходящие непосредственно в практике человека. Исследование обладает высокой экологической валидностью, если его результаты подтверждаются в полевых исследованиях. Но и это не дает гарантий для автоматического признания результатов экологически валидными, так как предполагает генерализацию и на другие обстоятельства и контексты.

Обвинения в адрес многих исследований в низкой экологической валидности часто связаны с невозможностью их повторения в обстоятельствах обычной жизни. Carlsmith предложил обозначать высокоэкологические исследования термином «мировой реализм», экспериментальные, т. е. проводимые в искусственных условиях, – термином «экспериментальный реализм» (1976). Примерами такого рода исследований являются оригинальное лабораторное исследование конформности С. Аша и известные эксперименты С. Милгрэма, вызвавшие бурю дискуссий по проблеме психологической этики. Следует отметить и то обстоятельство, что в определенных ситуациях люди ведут себя в реальных условиях так же, как и в лабораторных (например, новорожденные или пассажиры самолета), в то время как в других условиях они демонстрируют выраженные отличия. Точно так же, как одни сохраняют постоянство в реальной жизни и в лаборатории, другие и тут, и там демонстрируют заметно выраженные отличия. При всем критическом отношении к экологической валидности классических социально-психологических экспериментов у них нельзя отнять главного – объективности в ее классическом понимании, обеспечивающей однозначность трактовок и воспроизводимость опытов, т. е. подтверждаемость. Последняя непосредственно связана со статистической валидностью.

5. *Валидность статистических выводов* подразумевает вероятностную проверку статистической значимости зависимости между двумя переменными. Тем не менее в обыденном сознании часто имеет место некоторая идеализация статистики. У исследователей доминанта статистического подтверждения нередко перекрывает усилия по валидации полученных данных. И здесь можно говорить о двух типах ошибок: о том, что зависимость является значимой, в то время, когда это не соответствует действительности; и о том, что значимая зависимость между переменными отсутствует, в то время, когда она, наоборот, имеется.

Существуют ряд факторов, которые могут снижать валидность статистических выводов, а именно:

- слабая чувствительность исследований, которая проявляется при недостаточной по численности выборке или при большой изменчивости в сравниваемых группах, т. е. испытуемые являются слишком разными относительно некоторых переменных;
- низкая надежность методик измерения или процедур манипулирования переменными, которые используются в исследовании;
- помехи, присутствующие в условиях эксперимента;
- нарушение принятых правил проведения эксперимента и обработки данных.

Стратегия повышения валидности статистических выводов состоит в уменьшении ошибки путем применения, например, схемы исследования с повторными пробами или использования однородных групп. Статистическая

состоятельность исследования может диагностироваться как на стадии проектирования исследования (проверка расчета величины выборки), так и после него (оценка результатов).

6. *Валидность процедур* позволяет варьировать и измерять переменные, ведь порою необходимость определить в операциональных терминах концептуальные переменные, значимые для исследования, уже является источником риска. Действительно, «перевод» понятия на уровень конкретных операций может неадекватно отражать теоретические положения исследования.

Существуют так называемые «переменные-паразиты», которые могут активизировать изменения переменных. Бывают «переменные-паразиты» 1) *особого типа*, т.е. переменные, связанные только с определенными операциями, производимыми в данном исследовании; 2) *общего типа*, т.е. переменные, связанные с экспериментальными условиями косвенно, например с ожиданиями исследователя.

Часто исследователь неосознанно стимулирует ответ, который он ожидает получить. Избежать этого можно, используя стратегии невмешательства в исследование и соответствующие методы измерения. Во время исследования испытуемые не должны знать, что за ними наблюдают: это позволяет снять нежелательную мотивировку по отношению к эксперименту.

7. *Конструктивная валидность* подразумевает соответствие между полученными результатами и теорией, которая лежит в основе исследования. Чтобы оценить конструктивную валидность, необходимо исключить другие возможные теоретические объяснения результатов. Если есть сомнения в соотношении экспериментальных результатов с теоретическими, необходимо спланировать новый эксперимент, который позволит выбрать одно из нескольких теоретических объяснений результатов. Этот тип валидности наиболее трудно получить, потому что есть немало теорий, с помощью которых можно объяснить соотношение переменных, полученное в эксперименте.

Первой причиной снижения конструктивной валидности является слабая связь между теорией и экспериментом. Во многих психологических исследованиях даются нечеткие операциональные определения теоретических понятий. Втор – то, что испытуемые очень часто начинают играть роль «хорошего» объекта исследования и «подыгрывать» экспериментатору, у некоторых из них, особенно в экспериментах, измеряющих их интеллектуальные способности или эмоциональную стабильность, развивается высокая тревожность в отношении ожидаемой оценки.

Необходимо решить, какой тип валидности является главным для данного исследования, ибо процедуры, используемые для повышения одного ее типа, могут снижать другие. Для повышения валидности статистических выводов исследователь должен использовать максимально разнородные объекты, снижая таким образом возможность ошибки, внешняя валидность при этом уменьшается.

Тип приоритетной валидности зависит от особенностей проводимого исследования. Например, если в экспериментальном исследовании устанавливается причинно-следственная зависимость между переменными, внутренняя валидность является основной. При вычислении корреляционных

связей между переменными невозможно установить направление причинно-следственных отношений, поэтому в данном случае внутренняя валидность менее значима по сравнению с другими типами.

С понятием валидности тесно связано понятие *контроля* любого средства, используемого для исключения возможности снижения валидности исследования. На практике исследователь проверяет, какие факторы могут снизить валидность исследования и какие средства могут быть использованы для их нейтрализации.

Различают шесть основных методов контроля.

Первый – наиболее часто используемый эксперимент с группой испытуемых, не подверженных влиянию исследуемой переменной, которые сравниваются с испытуемыми, подверженными этому влиянию. Например, исследуются две группы относительно независимой переменной. Группа 1 получает воздействие и называется экспериментальной. Группа 2 не получает воздействия и называется контрольной. Результаты экспериментальной группы сравниваются с результатами контрольной. Если две группы были одинаковыми до экспериментального воздействия, любое различие между ними, зафиксированное после эксперимента, может быть отнесено за счет этого воздействия (таблица 15).

Таблица 14.

Эксперимент с контрольной группой

	Пред-тест	Экспериментальное воздействие	Пост-тест
Группа 1 (экспериментальная)	Да	Да	Да
Группа 2 (контрольная)	Да	Нет	Да

В таблице представлена экспериментальная группа 1, в которой проводился пред-тест, предварительное измерение. Затем осуществлялось экспериментальное воздействие и, наконец, проводился пост-тест. Контрольная группа 2 подвергалась только пред-тесту и пост-тесту и не получала экспериментального воздействия.

Однако для некоторых измерений данная процедура не имеет смысла. Например, при исследовании двух методов преподавания можно использовать группу, которая посещает только лекции, и группу, которая посещает лекции и семинары. Это дает возможность определить, какой метод обучения лучше, не используя группу, которая никогда не посещала лекций.

Второй – используется при наличии двух групп испытуемых, подвергаемых различным по форме или интенсивности воздействиям. Каждая группа используется в качестве контрольной для другой. Вместо того, чтобы группу 1 подвергать воздействию, а группу 2 использовать в качестве кон-

трольной, обе подвергаются воздействиям, различным по форме и интенсивности, например в них используются два различных метода преподавания (таблица 16).

Таблица 15.

Эксперимент с группами, подвергающимися воздействиям различной интенсивности

	Пред-тест	Экспериментальное воздействие	Пост-тест
Группа 1 (экспериментальная)	Да	1	Да
Группа 2 (контрольная)	Да	2	Да

Третий – строится на том, что каждый испытуемый подвергается всем экспериментальным воздействиям. В данном случае вместо контрольной группы имеется только контрольное воздействие, т. е. испытуемые служат для контроля самих себя. Данные эксперименты проводятся на одном испытуемом. Третий тип контроля используется в некоторых областях психологии, например в исследованиях ощущений и восприятия.

Четвертый – предполагает преобразование помех. Если факторы, которые мешают в эксперименте и влияют на результаты трудно устранимы, они могут рассматриваться экспериментатором как независимые переменные.

Например, при сравнении студентов-психологов дневного и вечернего обучения факторы, которые определяют разницу между этими группами (студенты вечернего отделения старше, относятся к социальной группе рабочих, устают и т.д.) могут рассматриваться как помехи; однако они могут быть преобразованы экспериментатором в независимые переменные.

Пятый – статистический. Существуют специальные процедуры статистического контроля, которые осуществляются в основном на уровне данных.

Шестой – повторение, проведение эксперимента. Количество повторений определяется экспериментатором.

Повторение может быть непосредственным, т. е. эксперимент повторяется без изменений, но редко, так как считается примитивным. Если же повтор проводится на испытуемых различного типа или в нем используются различные операциональные определения теоретических понятий, эксперимент может рассматриваться как эффективный метод контроля. Совпадение результатов первого и последующих экспериментов говорит о том, что последние взаимно подтверждают.

Имеются два основных способа сравнения измерений.

1. *Сравнение внутри объекта исследования*, когда различные испытуемые подвергаются воздействию различных значений независимой переменной, т.е. двум различным воздействиям, или один испытуемый подвергается воздействию, другой – нет, и т. д.

2. *Сравнение между объектами исследования*, когда одни и те же испытуемые подвергаются воздействию каждого из значений независимой переменной.

Начнем с рассмотрения первого способа, т. е. сравнения внутри объекта исследования. В объекте выделяется несколько групп испытуемых, которые подвергаются различным по величине значениям независимой переменной. Он может использоваться как для экспериментальных, так и для корреляционных исследований, но он создает проблемы для внутренней валидности. Спрашивается, можно ли изменение, которое наблюдается в независимой переменной, отнести за счет самой переменной или оно определяется существующими различиями в группах испытуемых? Тогда необходимо до манипуляции с независимой переменной сформировать группы испытуемых, которые максимально подобны между собой. Чтобы уменьшить разницу между ними при сравнении внутри объектов исследования, т. е. в подгруппах, используются три метода.

1. Контроль посредством постоянства, который называется также *K-методом*. Выбирается только одна величина характеристики субъектов, и все группы имеют только эту величину. Например, решено провести исследование всех женщин, тогда выбирается одна величина одной или более характеристик при уверенности, что все группы, все индивидуумы показывают именно эту величину.
2. Контроль посредством каузальной вариации, так называемый *R-метод*. В данном случае меняются случайным образом характеристики субъектов, которые могли бы повлиять отрицательно на результаты. Посредством привлечения многочисленных субъектов можно постулировать, что характеристики субъектов распределяются внутри каждой группы так же как в генеральной совокупности. При достаточно большом количестве объектов исследования может вступать в действие закон нормального распределения.
3. Метод парного контроля, или *M-метод*. В этом случае субъекты приписываются к различным группам согласно данным систематических изменений их характеристик. Речь идет о распределении субъектов по группам так, чтобы испытуемый, обладающий определенной характеристикой, был представлен и в другой группе и т. д. Следовательно, испытуемые попарно объединены в две группы или уравниваются относительно переменной, которая, как предполагается, может повлиять на результаты. Таким образом, проводя эксперимент, можно предположить, что уровень образования повлияет на результаты, если в каждой группе будет одинаковое количество лиц с низким, средним и высоким уровнями образования, т. е. если испытуемые выровнены относительно одной переменной (в данном случае уровня образования).

Второй способ – сравнение измерений. Одних и те же испытуемых подвергают воздействию каждого значения независимой переменной. Это более чувстви-

тельное измерение, потому что разницу между независимой переменной нельзя отнести за счет разницы между самими испытуемыми. Этот способ не может использоваться в случаях, если:

- независимая переменная исследуется корреляционным методом, например, при установлении зависимости между полом испытуемых и их творческими способностями;
- при сравнении на всех уровнях имеется риск изменить ответ испытуемого по сравнению с тем, каким он мог бы быть, если бы испытуемый не был подвергнут другим воздействиям.

Проведение социально-психологического исследования

Проведение социально-психологического исследования предполагает подчинение ряду выработанных научным сообществом стандартов, позволяющих придерживаться согласованных правил. В международной практике в качестве таких принимаются правила, разработанные Американской психологической ассоциацией, которые включают шесть этапов исследования.

Первый – предусматривает изучение существующей литературы и библиографический поиск публикаций по интересующей теме, обращение к специализированным журналам, к аннотации публикаций, ознакомление с ключевыми идеями и персоналиями в избранной области. Развитие информационных технологий существенно расширило возможности поисковых единиц: ими могут выступать ключевые слова, авторы, конкретные прикладные области, списки публикаций за год в специализированных журналах (на русском языке это «Белорусский психологический журнал», «Вопросы психологии», «Психологический журнал», и др.); обращение в Internet, где представлено множество психологических сайтов, содержащих разноплановые ресурсы; обращение к поисковым серверам. Правда, в последнем случае придется проводить скрупулезную работу по выявлению действительно ценной информации из потока информации, большая часть которой имеет весьма косвенное отношение к социальной психологии.

Второй – касается формулировки проблемы исследования, которая, как правило, ограничивается специфическим вопросом. Затем проводится эмпирическая проверка гипотез исследования. Чем четче сформулированы гипотезы, тем легче они для проверки. Одновременно следует учитывать, что жестко сформулированная гипотеза приводит к структуризации исследования, повышающей возможность ее подтверждения в ущерб валидности.

Третий – предусматривает выбор испытуемых. Следуя принципам «экономии сил» и «доступности», в психологических исследованиях часто в качестве испытуемых выступают студенты университета. При этом возникает проблема валидности результатов исследования и возможности их генерализации на более широкий круг исследуемых. Но количество испытуемых, участвующих в исследовании, влияет на точность эксперимента. Чем их больше, тем меньше отклонение от истинных значений. Увеличение выборки часто сопровождается «законом больших чисел», проявляющимся в нахождении любых значимых связей при большом массиве статистических данных.

Четвертый – предполагает проведение пилотажного исследования, в котором на малой выборке осуществляется проверка инструмента исследования. Это позволяет выявить возможные дефекты, присущие им.

Пятый – проведение исследования и анализ результатов.

Шестой – публикация результатов.

Важным моментом является этический аспект исследования. В этическом кодексе Американской психологической ассоциации представлен ряд правил проведения исследования. Прежде всего исследование должно базироваться на оценке вклада, который оно может внести в психологию и человеческое благосостояние. Иногда возникают противоречия между предполагаемым вкладом исследования и связанными с ним издержками. Психологи должны уважать испытуемых, которые участвуют в эксперименте, обеспечить их психофизическое благополучие, нести полную ответственность за этическую приемлемость исследования, соблюдение мер предосторожности, защищающих права испытуемых, сообщать им об аспектах эксперимента, которые могут повлиять на их желание или нежелание участвовать в нем. Иногда методика эксперимента требует, чтобы цель исследования на время проведения была сокрыта от испытуемых, поскольку в противном случае они будут вести себя по-другому, что может сказаться на объективности результатов. Но, как правило, исследователь должен говорить об истинных целях эксперимента, уважать свободу человека, его право не участвовать в эксперименте, и при желании выйти из него в любой момент, когда он того пожелает. Необходимо учитывать, находится ли испытуемый в положении подчинения относительно экспериментатора (например, в случае, если исследователь – преподаватель, а испытуемый – студент). Испытуемые имеют право не давать личную информацию. Исследователь должен защищать испытуемых от чрезмерных физических, умственных или эмоциональных нагрузок; все измерения проводить так, чтобы свести к минимуму любой риск для испытуемых, максимально устранить возможные неудобства. Запрещено использовать процедуры, которые могут нанести им какой-либо физический или моральный ущерб. Необходимо учитывать, что любая новая ситуация, например, такая, как психологический эксперимент, может вызывать стресс у испытуемых. Поэтому после исследования необходимо предоставить им всю необходимую информацию, исключить недоразумения, возникшие во время эксперимента. Когда участникам указана истинная цель исследования, этот опыт для них может тоже оказаться полезным.

Информация об испытуемых, полученная во время исследования, является конфиденциальной. Субъекты имеют право не называть себя. Это особенно важно при исследовании лиц с девиантным поведением, преступников и т. д. Кроме того, известно, что испытуемые часто в ходе эксперимента ведут себя таким образом, чтобы удовлетворить социальные ожидания экспериментатора, или дают ответы, чтобы произвести впечатление на него, что иногда неосознанно влияет на ответы субъектов, следовательно, необходимо быть внимательным и не допускать этого. Испытуемые в ходе эксперимента, как правило, беспокоятся по поводу оценки их интеллектуального или личностного уровня. Поэтому лучше не сообщать им результаты тестов (особенно отрицательные), если они (по тестам на интеллектуальность или личностным тестам) могут создать причины для переживаний.

Как писать статью? Нет смысла начинать ее с новых теоретических разработок. Гораздо важнее четко определить существо проблемы и ее актуальность. Умение ставить проблему и представлять ее является признаком квалификации исследователя. После постановки проблемы необходимо проведение ее теоретического анализа, включающего рассмотрение существующих теоретических подходов и эмпирических результатов. Этот анализ позволяет обосновать и определить собственную исследовательскую нишу. Важно, определить цели и задачи исследования, показать как могут быть использованы его результаты, четко сформулировать гипотезы. В силу существования различных парадигмальных координат психологического знания важно позиционироваться в них. Такого рода позиционирование позволяет обеспечить научную строгость, последовательность и доказательность предполагаемых результатов, а также их границы.

Проведение эмпирического исследования предполагает определение в его методологии и методах. Поэтому надо подробно описать все, что предполагалось сделать и как. Особого внимания заслуживает вопрос исследовательской выборки. Необходимо указать, с помощью какого метода она была сформирована и пригодна ли для исследования проблемы. Выборка должна быть описана надлежащим образом: недостаточно сказать, что исследование проведено на группе детей, необходимо уточнить их возраст, социальную принадлежность, образование родителей, отметить, насколько сравниваемые группы однородны по демографическим характеристикам, указать, имеется ли контрольная группа и соответствует ли она экспериментальной. Далее следует описать зависимые переменные, т. е. те переменные, которые находятся под контролем экспериментатора. Что касается метода исследования, необходимо хорошо описать его и обосновать валидность. Затем необходимо отметить, сколько замеров было проведено, имелись ли эксперты в случае наблюдения, насколько согласуются их выводы между собой; зафиксировать, известно ли испытуемым о целях исследования, были ли процедуры идентичными для всех групп.

О независимых переменных сообщается, были ли они экспериментальными или дифференциальными. В случае независимых экспериментальных переменных необходимо показать, варьировались ли они, какие аспекты процедур и какие именно независимые переменные могут снизить внешнюю валидность исследования.

Излагая результаты исследования, необходимо отразить тот факт, соблюдались ли принципы проведения статистического анализа, последовательно описать его процедуру и указать значимость результатов. Если они не являются значимыми, следует обязательно отметить это, поскольку это тоже важный статистический результат.

В заключение необходимо указать, какая из переменных влияет на другие, и быть осторожным в выводах, так как не все виды статистического анализа позволяют однозначно утверждать о наличии выявленных закономерностей; привести, в случае их наличия, альтернативные объяснения результатов.

Методы социально-психологического исследования

Любое исследование, в том числе и социально-психологическое, проводится при помощи определенных методов, благодаря которым и изучаются особенности избранного фрагмента социально-психологической реальности. Наряду с общепсихологическими в социальной психологии используются и специфические методы, ориентированные на выяснение особенностей феноменологии, возникающей в результате социального взаимодействия людей. Она обладает качественным своеобразием, трудно схватываемым традиционными методами. Не ставя себе целью подробное описание основных социально-психологических методов, знакомство с которыми возможно при обращении к специальной литературе (Дзуки, 1997; Пайнс, Маслач, 2000; Янчук, 2000; и др.), мы дадим их общую панораму, ориентируя читателя в общих особенностях их использования.

Эволюция исследовательских методологий в социальной психологии

Проследив эволюцию методов социально-психологических исследований можно говорить о своеобразном триадическом движении, – от «методологии первого лица» (first person methodology) или интроспекции, через «методологию третьего лица» (third person methodology) или экстраспекция к методологии «второго лица» (second person methodology) или диалогической методологии, представленном на схеме 5.

Обозначенная триада представляет поиск оптимального сочетания уже рассматривавшейся проблемы субъективного и объективного в понимании социальной природы человека. Необходимость нахождения такого оптимума обусловлена тем, что как только мы избираем в качестве приоритета субъективные ощущения (по существу единственный источник знаний о внутренних переживаниях человека), возникает проблема доказательности и однотрактруемости предлагаемого знания. Как только исследователь дистанцируется от субъективных переживаний, полагаясь на «объективные» данные эксперимента, теряется связь с реальностью, что создает основания для «научной предубежденности», обусловленной влиянием избранной методологии и способом интерпретации данных. Обращение к статистическому анализу не решает проблемы, так как на «сухом» языке цифр нельзя отразить всего многообразия человеческих переживаний по причине отсутствия непосредственного доступа к внутреннему миру человека и следовательно, точности измерений.

Причина такого рода балансирования очевидна – сложность и многоаспектность человеческой природы, представляющей сочетание биологического, символического и рефлексивного начал, каждое из которых обладает своей уникальной спецификой и требует соответствующей методологии. В качестве компромисса выступает методология второго лица, предполагающая уяснение адекватности полу-

ченного знания путем диалога с изучаемыми людьми как носителями непосредственных жизненных переживаний. Но как только включается такого рода диалог, появляется проблема двойной субъективности исследуемого и исследователя, что обуславливает включение механизмов рефлексии и объективного анализа.

Схема 5.

Эволюция исследовательских методологий в социальной психологии

В современной социальной психологии представлено много авторских попыток классификации методов. Уже обсуждавшаяся классификация может быть дополнена подразделением методов на описательные и экспериментальные. Первые предназначены описания социально-психологической феноменологии в ее реальных проявлениях. К ним относятся естественное или включенное наблюдение, нестандартизированный опрос, метод изучения документов и многие другие. Вторые представляют попытку манипулирования социальными процессами посредством варьирования некоторыми аспектами ситуации или переменными. Эксперимент не обязательно сообщает нам о том, что и как будет происходить за пределами лаборатории, а скорее помогает нам понять и объяснить, что происходит и почему.

Наиболее широкая классификация методов предполагает подразделение всего их многообразия на два больших класса, основывающихся на различающейся методологии: количественные и качественные. Отличительной особенностью первых является обязательное измерение и выражение результатов в количественных показателях, создающее основание для однотрактуемости или объективного описания. На практике это выражается в жестком структурировании процесса исследования. К ним относятся классический эксперимент, структурированные или стандартизированные наблюдение и опрос, тестирование и тому подобное. В классической социальной психологии доминируют первые. Количественные методы

направлены на установление того, что представляют исследуемые процессы, как часто они происходят и какое количественное выражение они имеют на протяжении времени. В целом они направлены на выявление повторяемостей или номотического аспекта социальной феноменологии.

Качественные методы, получившие наибольшее распространение в постнеклассической социальной психологии, описывают какие процессы происходят и акцентируют внимание на особенностях их проявления во времени. Являясь менее строгими, они позволяют выявить уникально-специфичные характеристики изучаемых явлений или их идиографию. К ним можно отнести неструктурированные наблюдения и опросы, нарративный анализ, фокус-группы и тому подобное. В целом они направлены на выявление идиографического аспекта социальной феноменологии.

В современной социальной психологии обе группы методов рассматриваются как взаимодополняющие друг друга и помогающие преодолеть естественные ограниченности возможностей. Сама констатация факта наличия ограничений как у количественных, так и у качественных методов ставит вопрос об их научной ценности. С точки зрения классической науки этот вопрос правомерен, с точки зрения неклассической и постнеклассической – нет. Причем данный вывод касается не только социальной психологии, но и естественных наук, в рамках которых осознается искажающая роль опосредующих доступ к изучаемой реальности приборов, да и самих исследователей, обладающих известной долей теоретической и личностной предубежденности как в сборе, так и в интерпретации полученных данных. Хорошую иллюстрацию существующих ограничений и преимуществ количественных и качественных методов предоставляет таблица 17.

Таблица 16.

Достоинства и ограничения количественных и качественных методов

Метод	Описание	Достоинства	Ограничения
Методы описательных взаимосвязей			
Естественное наблюдение	Скрытое описание поведения, происходящего в естественных условиях Пример: исследование флиртующего поведения женщин Мооге	<ul style="list-style-type: none"> • Поведение является спонтанным. • Оно не основывается на способности людей предоставлять отчеты об их переживаниях 	<ul style="list-style-type: none"> • Исследователи могут оказывать влияние на поведение. • Некоторые интересные типы поведения крайне редко проявляются. • Исследователь может избирательно относиться к одним событиям и игнорировать другие. • Ограниченность времени наблюдения.

Изучение случая	Интенсивное изучение отдельного человека или группы Пример: исследование массовых самоубийств в секте Ч. Менсона	<ul style="list-style-type: none"> • Большие возможности для выдвижения гипотез. • Предоставляет возможность изучения редко встречающегося поведения 	<ul style="list-style-type: none"> • Предубежденность наблюдателя. Сложная генерализация особенностей, выявленных на одном случае.
Анализ документов	Предоставляет возможность изучения описаний многих случаев. Пример: исследовании полицейских отчетов убийств в Детройте Wilson и Daly	<ul style="list-style-type: none"> • Легкий доступ к большому количеству записанных фактов. 	<ul style="list-style-type: none"> • Много интересных проявлений человеческого поведения никогда не описывалось
Опрос	Непосредственный опрос исследователем исследуемых. Пример: исследование сексуального поведения Kinsey	<ul style="list-style-type: none"> • Позволяет изучать трудно наблюдаемое поведение, мысли и чувства. 	<ul style="list-style-type: none"> • Отвечающие могут быть не репрезентативными. • Отвечающие могут быть предубежденными или неискренними.
Психологические тесты	Исследователь пытается оценить способности, когниции, мотивацию или поведение индивида. Пример: стандартизированный опросник, SAT	<ul style="list-style-type: none"> • Позволяет измерять не всегда наблюдаемые характеристики. 	<ul style="list-style-type: none"> • Тексты могут быть нереалистичными (устанавливая рассогласовывающиеся показатели). Тексты могут быть надежными, но не валидными (не измеряющими актуальные характеристики, которые они должны измерять)
Экспериментальные методы			
Лабораторный эксперимент	Исследователь манипулирует переменными и наблюдает их влияние на поведение участников в лабораторных условиях. Пример: исследование агрессии и анонимности Zimbardo	<ul style="list-style-type: none"> • Позволяет устанавливать причинно-следственные связи. • Позволяет контролировать посторонние переменные 	<ul style="list-style-type: none"> • Искусственное манипулирование может не соответствовать особенностям проявления изучаемых явлений в естественных условиях. реакции испытуемых могут быть неестественными, т.к. они осо-

			знают, что находятся под наблюдением
Полевой эксперимент	Сходен с лабораторным экспериментом, но испытуемые находятся в естественных условиях	<ul style="list-style-type: none"> • Позволяет устанавливать причинно-следственные связи. • Испытуемые проявляют более естественные реакции. 	<ul style="list-style-type: none"> • Манипулирование может не представлять особенности изучаемого явления в его проявлении в естественных условиях. • Меньший контроль за влиянием посторонних факторов.

Приводится по Kenrick, Neuberg, Cialdini, 1999, с. 29

Очевидно, что каждая из групп методов обладает и плюсами и минусами, теоретически дополняя возможности друг друга. Тем не менее, проблема их соотношения и возможностей комбинирования является заслуживающей более детального обсуждения.

Соотношение количественных и качественных методов

В наиболее рельефной форме эта проблема проявляется в контексте «оживления» психологии, отказа от методов, разработанных для анализа неживой природы в естествознании, перехода к методам, учитывающим специфику сущности человека.

Ряд исследователей рассматривает количество и качество как фундаментальную дихотомию в исследовании социальной феноменологии, по отношению к которой существуют три возможных решения: 1) признание количественных измерений единственно научными, так как только при их наличии возможно оперировать «объективными» данными по аналогии с естественными науками (позитивизм); 2) количественные измерения не применимы к психологической феноменологии в принципе, так как измеряемы лишь косвенные проявления психики в виде поведенческих реакций (социальный конструктивизм); 3) возможен компромисс, позволяющий использовать продуктивные возможности как количественных, так и качественных данных (методологическая триангуляция).

Ряд авторов придерживается мнения, что конфронтация количественного и качественного подходов является искусственной, так как на деле они представляют два подхода к изучению одних и тех же феноменов, две стадии одного и того же процесса исследования, в котором качественный подход поставяет идеи, изучаемые в последующем посредством количественного подхода.

Требование надежности исследовательских результатов сводит на нет изучение необычных или исключительных человеческих переживаний, в то время как поиск генерализируемых правил приводит к созданию нормативных методов, в

свою очередь сводящих на нет возможности изучения уникальных для данной личности человеческих переживаний. Валидность переопределяется самоустраивающимся образом, делая акцент на сравнение новых методов с предустановленными критериями и тем самым снижая возможность соотнесения изучаемого поведения с его проявлениями в условиях повседневной жизни.

Попытки привлечения компьютерного моделирования к исследованию психологической феноменологии опять-таки приводят к неудаче. Блестящая имитация все равно не походит на реальность. Как подчеркивает D. E. Polkinghorne: «наша виртуальная реальность создана биологической природой, культурой и языком, в которые мы вплетены. Не существует машин, способных проверить валидность наших переживаний. На наши переживания нельзя полагаться как на репрезентирующие реальность, точно так же, как наши размышления не являются зеркалом порядка реальности. У нас нет надежных эпистемологических оснований для построения наших знаний. Наши переживания всегда фильтруются интерпретативными схемами» (1997, с. 149). Так как эта фильтрация неизбежна, становится невозможной точность количественных показателей реальности в силу недоступности подхода к ней количественными методами.

Критическое отношение к последним привело к повышенному интересу к качественным методам, что особенно ощутимо на исследовательском уровне. Качественное исследование часто ассоциируется с субъективизацией, гуманитаризацией и тому подобной терминологией, в то время как количественное – с научностью, особенно в естествознании.

Анализируя соотношение объективистски ориентированных количественных и субъективистски ориентированных качественных методов, представители новой парадигмы указывают на следующие моменты: во-первых, при использовании количественных методов человек исследуется вне социального контекста, без присущих ему связей с другими; во-вторых, исследуемое поведение отличается от естественного, так как действия испытуемого строго ограничены и даже заранее обусловлены, он не может планировать и реализовывать свое поведение, как это происходит в обычных условиях. Кроме того, моделируемые явления настолько узки, что вряд ли они встречаются в таком виде в реальной жизни.

Было бы большим преувеличением говорить о триумфе качественных методов в психологических исследованиях. Трансформация сознания психологов-профессионалов, социализирующихся на количественных методах, вооруженных инструментарием статистического анализа, формирует естественные барьеры на пути переоценки ценностей. Тем не менее изменения в психологической ментальности очевидны, как очевидна и другая крайность – игнорирование продуктивных возможностей количественных методов. Сравнительная характеристика специфики, возможностей и ограничений анализируемых методов представлен в таблице 18.

Из таблицы видно, что у обоих методов есть уязвимые места, ограничивающие возможности психологического исследования. У количественных методов оно проявляется в ограниченности возможностей по отношению к изучению феноменологии жизни человека в его экзистенциальной-феноменальности.

Таблица 17.

Сравнительная характеристика специфики, возможностей и ограничений количественных и качественных методов

Характеристики, ассоциируемые с подходом	Методы	
	Количественный	Качественный
Информация	Объективная	Субъективная
Характеризующие понятия	Экспериментальный; количественные данные; статистика	Описательный; естественный; словесно-ориентированный
Ключевые понятия	Переменные; операционализация; надежность; гипотезы; валидность; статистическая значимость; повторяемость	Значение; понимание здравого смысла; процесс; социальное конструирование; темы; правдоподобность
Организация	Структурированные; предтерминированные; формальные; специфические; детализированный план операций	Включенные; гибкие; общие; согласованные; чувствительные к продолжению
Примеры	Большие; многослойные; контрольные группы; строгие; произвольный выбор; контроль за побочными переменными	Небольшие; теоретические примеры; целевые примеры; предполагающие возможность включения как можно большего числа контекстов
Техники или методы	Эксперимент; структурированное интервью; квази-эксперимент; структурированное наблюдение; ряды данных; тесты	Наблюдение; включенное наблюдение; изучение документов и артефактов; неструктурированное интервью
Данные	Количественные; операционализированные переменные; квантифицируемое кодирование; статистические; подсчитываемые	Описательные; обыденная речь; личные документы; полевые заметки; артефакты; официальные документы; аудио- и видеозаписи; стенограммы
Инструменты и средства	Опросники; описания; шкалы; тестовые показатели;	Аудио и видеопленки; воспроизводящие устройства; записи;

	компьютеры; индексы	часто единственным инструментом является сам исследователь
Анализ данных	Дедуктивный; статистический; имеет место по завершении сбора данных	Индуктивный продолжающийся; моделирование; тематический; понятийный; метод сравнительных констант
Внутренняя валидность	Высокая	Низкая
Условия	Искусственные	Реалистические, естественные
Схема	Структурированная	Неструктурированная
Реализм	Низкий	Высокий
Конструктивная валидность	Высокая	Низкая
Надежность	Высокая	Низкая
Проблемы применения	Контроль других переменных; задающий характер подхода; валидность	Временная затратность; нестандартизованность процедуры; надежность

Главной проблемой качественных методов является их субъективность. Еще в конце XIX века Дильтей утверждал необходимость четкого разделения между науками о природе, *Naturwissenschaften*, и науками о человеке, *Geisteswissenschaften*. По мнению Дильтея, первым соответствуют внешнее наблюдение и причинно-следственное объяснение, вторым – постижение значений или понимания. Как отмечают Pidgeon и Henwood, «если исследователь стремится к пониманию участия человека в социальном мире, он обязан быть вовлеченным в теснейшую проверку того, как этот мир воспринимается глазами самого участника – с его феноменальной и социальной перспективами» (1998, с. 249).

В традиционном социально-психологическом разрезе эта проблема рассматривается в аспекте соотношения внешней и внутренней перспектив. Сегодня утверждается, что исследователь и исследуемое взаимозависимы, и постижение субъекта возможно только с позиций взаимогенерации знаний, а не «холодной» нейтральности или дистанцирования от изучаемого, что предполагается позитивистской методологией.

Сегодня очевидно, что феномен человека не может полностью контролироваться или быть изолированным, как это предполагается в экспериментальном исследовании. Исключая качественные методы, исследователи могут упустить многие феномены социальной сущности человека, которые могут быть поняты только в контексте обстоятельств.

В то же время, исключая причинные взаимосвязи между переменными, устанавливаемые посредством количественных методов, а также квантификацию и анализ этих переменных для определения статистической вероятности, мы можем

столкнуться с отсутствием какого-либо осязаемого результата вообще. Более того, не полагаясь на количественную определенность, мы лишаемся возможности сравнения как исследуемых феноменов, так и изучаемых характеристик человека или конкретного сообщества людей. Другое дело проблема критериев и способов соотнесения их друг с другом, что особенно остро стоит в кросс-культурных исследованиях.

Количественное исследование стремится к идентификации и обособлению определенных переменных (поиск корреляций, взаимоотношений, причинности), в то время как качественные фокусируются на холистическом подходе к исследованию (анализ документов, изучение случая, наблюдение, интервью). Вместе они дополняют друг друга. нераскрытым остается фундаментальный вопрос, связанный с разграничением их компетенции. Должно быть, создаваемые на данном основании оценочно-сравнительные системы координат должны восприниматься как относительные и требующие, во-первых, постоянного уточнения в связи с динамикой истории, во-вторых, адаптации к конкретной культуре и субкультуре, как обладающими собственной итикой и имикой, обуславливающими своеобразие мира смыслов и значений, определяющих понимание происходящего и отношение к нему.

Пути оптимального сочетания количественных и качественных методов

Осознание ограниченности попыток углубления психологических представлений в рамках одного из полюсов исследовательской дихотомии количественное–качественное стимулировало поиск поля возможных решений, предпринимаемых в психологии, социологии, антропологии, педагогике и т. п. При внешней простоте решения в виде простого механического объединения или интегративной эклектизации продуктивных возможностей данных двух групп методов оно сталкивается с рядом объективных сложностей: нахождением механизмов сопряжения разнокачественных подходов; переводом «живых», эмоционально и экзистенциально окрашенных, холистичных и поточно-процессуальных переживаний на «препарированный», «сухой», дискретный, статичный язык количественных данных.

Все попытки решения этой непростой проблемы, с определенными оговорками, сводятся к трем вариантам:

1. Нахождение дополнительных ресурсов расширения и углубления возможностей количественных методов при признании их единственно научными.
2. Нахождение дополнительных возможностей расширения и углубления возможностей качественных методов, сопровождаемое обоснованием их научности.
3. Нахождение так называемого третьего пути (методологическая триангуляция), интегрирующего возможности количественных и качественных методов, сопровождаемое обоснованием путей и механизмов их интеграции.

Не останавливаясь на первых двух, мы больше внимания уделим третьему, практически неизвестному отечественному читателю.

Методологическая триангуляция

Несмотря на существующее многообразие способов комбинирования количественных и качественных методов, направленного на продуктивное использование их потенциала, J. C. Greene и V. J. Caracelli (1997) предлагают пять их возможных сочетаний:

1. Триангуляция, предполагающая проверку согласованности данных, полученных посредством различных вариаций качественных и количественных методов.
2. Взаимодополнение, предполагающее прояснение и иллюстрацию результатов, полученных методами одного класса методами другого класса.
3. Развитие результатов, полученных методами одного класса, результатами, полученными методами другого класса.
4. Инициация новых исследовательских вопросов или изменение результатов, полученных методами одного класса, методами другого класса.
5. Экспансия, предоставляющая обогащение и детализацию исследуемого явления с использованием специфических качеств методов разных классов.

Одной из наиболее распространенных разновидностей подобного комбинирования, поддерживаемой большинством исследователей, является методологическая триангуляция – термин, используемый в навигации и геодезии и описывающий технику построения третьей точки на основе двух известных.

Применительно к методологии психологического исследования впервые данный термин был использован D. Campbell (1959). В современной психологии под триангуляцией понимается «использование данных, собранных из различных источников различными методами, различными исследователями и, по возможности, всеми триангуляционными техниками, обладающими необходимой надежностью» (Robson, 1998, с. 404). Такое определение позволяет схватить все многообразие авторских версий и смыслов, вкладываемых в данный подход, его ограничения и возможности.

По мнению ряда авторов, комбинирование качественных и количественных методов, получившее название третьего пути, приводит к единению преимуществ обеих методологий, и как следствие – более надежным данным. Минимизируется неадекватность отдельных методов, что в итоге приводит к высокой внутренней надежности. J. Bradley подчеркивает в этой связи, что «крайне желательно в интересах методологического плюрализма исследовать основоположения всех исследований в контексте их полезности для понимания конкретной исследовательской проблемы. Активное обсуждение того, что мы знаем, в свете того, как создается наше знание, может только расширить наше понимание» (1993, с. 448).

V.J. Breitmayer считает, что «триангуляция комбинирует независимые и взаимодополняющие методы для:

- улучшения описания исследуемых процессов или процесса;
- идентификации хронологии событий;
- предоставления оснований для очевидности внутренней валидности;
- подтверждения или валидизации результатов исследования»;
- для понимания и контекстуальной репрезентации результатов исследования феномена» (1993, с. 195).

При относительно независимом друг от друга сборе и оперировании данными они сопоставляются в завершение каждого исследовательского цикла для формулирования возможно новых гипотез, проверки выводов, их коррекции.

J. Morse (1991) предлагает подразделять методологическую триангуляцию на одновременную и последовательную. Первая предполагает параллельное использование количественных и качественных методов, вторая – их последовательное использование, при котором полученные при посредстве одной методологии данные используются для последующего привлечения альтернативной методологии.

Первым шагом применения триангуляции является детерминация специфической и исследовательской проблемы. Подобное имеет место в случае перехода от индуктивно построенной теоретической конструкции к эмпирически подтверждаемой дедуктивной конструкции. E. Mitchell (1986) утверждает, что триангуляция дает возможность подвижности и глубинности, которой лишены отдельные методы. Для обеспечения эффективности следует соблюдать следующие требования:

- четкое определение исследуемого вопроса;
- компенсация сильных и слабых стороны каждого из методов продуктивными возможностями друг друга;
- пригодность избранных методов для исследуемого феномена;
- продолжающаяся циклическая оценка продуктивности и валидности используемого подхода.

Продуктивность методологической триангуляции была подтверждена и в ряде других исследований. M. Duffy (1987), например, приводит ряд преимуществ использования методологической триангуляции:

- Используемая концептуальная структура, предоставляющая теоретическую базу исследования, может целиком или частично основываться на результатах качественных исследований.
- В областях, в которых были получены пересекающиеся результаты, отдельные качественные данные могут быть верифицированы посредством количественных.
- Качественные данные, полученные в процессе интервью или наблюдения, могут быть использованы в качестве основания для отбора единиц или индикаторов при последующем создании исследовательских инструментов, ориентированных на получение количественных данных.
- Внешняя валидность эмпирически генерированных конструктов может быть достигнута в результате использования интервью или наблюдения: там, где имеют место возможные рассогласования, могут быть применены пилотажные исследования, создающие основания для выявления слабостей и неадекватных интерпретаций тестируемых индивидов.
- Уточнение неопределенных и провокационных ответов опрашиваемых может быть достигнуто посредством перепроверки в полевых условиях.
- Количественные данные могут предоставлять информацию об исходных неточностях в концептуальных построениях исследователя, не предусмотренных им ранее.

- Использование обзорных количественных данных по всем предусмотренным аспектам исследования может способствовать корректировке качественного исследования, проводимого на репрезентативной группе испытуемых.
- Использование количественных оценок может корректировать «хολистические ошибки» (представления исследователя о полной конгруэнтности всех аспектов данной ситуации, притом, что представления самого исследователя могут оказаться следствием уже сформировавшегося взгляда). Одновременное использование количественных инструментов может помочь верификации наблюдений, полученных в процессе неформального полевого наблюдения.

В тоже время методологическая триангуляция приводит к снижению внутренней валидности результатов исследования. К проблемным вопросам исследования, построенного на методологической триангуляции относятся следующие:

- Как комбинировать цифровые, лингвистические и составные данные?
- Как интерпретировать дивергентные результаты цифровых и лингвистических данных?
- Что делать с пересекающимися концептами данных, сложно отделяемыми друг от друга?
- Когда и как оценивать вес полученных данных?
- При каких условиях различные методы могут рассматриваться как одинаково чувствительные и равновесные?

Триангуляция не является панацеей от всех сложностей социальных исследований. Тем не менее многими авторами она рассматривается как компромиссное решение, способное максимизировать сильные и минимизировать слабые стороны каждого отдельного подхода. Она способствует углублению исследования и развития знаний о феномене, может приводить к открытию парадоксов и противоречий как теоретических построений, так и эмпирических выводов, полученных в рамках традиционного количественного подхода к исследованию психологической феноменологии. А. А. Вгuman (1988) называет ее технической версией количественно-качественных дискуссий. Он указывает, что количество и качество не представляют несоизмеримых парадигм вообще, а всего лишь методологии, избираемые по принципу наибольшей пригодности к изучению определенного класса проблем.

Авторские разработки в данной области проводятся в аспекте повышения продуктивности количественных и качественных методов в отдельности и оптимального сочетания их в целях более глубокой информации об изучаемом явлении.

Преимущества использования смешанной методологии в исследованиях вполне убедительно показаны в ряде прикладных исследований. G. Tsourvakas (1997) выделяет следующие:

- Качественные методы, особенно наблюдение или неструктурированное интервью, позволяют исследователю разработать целостный «портрет» исследуемого субъекта, что особенно важно для начальной стадии исследования.
- Количественный анализ более пригоден для изучения поведенческих или описательных компонентов.
- Описательный анализ способствует выделению репрезентативных примеров для последующего качественного исследования.

- Использование качественных методов позволяет исследовать непредвиденное развитие событий.
- Количественный анализ может дополнять результаты качественных открытий, показывая степень их распространения.
- Количественный анализ может подтверждать (или опровергать) кажущуюся (или реальную) значимость полученных результатов.
- Количественные методы имеют значительно более низкую объяснительную ценность, качественные дают основания для более глубокого объяснения изучаемого феномена.

Как отмечает С. Robson, «не существует правила, предопределяющего использование одного метода в исследовании. Использование более чем одного метода в исследовании может давать существенные преимущества и в то же время с неизбежностью увеличивает время исследования, так как нам никогда не удастся получить результатов, на которые не оказывал бы влияния метод их получения, единственной возможной стратегией является использование многообразия методов» (1998, с. 290).

Robson очерчивает ряд возможных плоскостей продуктивного использования методологической триангуляции. Вместо того чтобы сосредоточиваться на отдельном исследовательском вопросе, они (множественные методы. – ВЯ) могут быть использованы для адресования различным, но взаимодополняющим вопросам для усиления взаимоиинтерпретируемости, доступа к достоверности угроз валидности результатов первичных исследований. Эта тактика особенно часто применяется в случае квази-экспериментальных исследований.

К числу наиболее известных разработок относится подход с позиций обоснованной теории и sensemaking.

Общим для обоих является наличие исследовательской спирали, предполагающей уточнение исследователем смыслов, которыми оперирует информант в форме диалога, направленного на формирование разделяемого поля значений между исследователем и исследуемым.

Однако и эти исследовательские методологии обладают рядом вполне естественных ограничений:

- огромные объемы информации, подлежащей анализу;
- неопределенность вопроса о том, сколько срезов и в какой последовательности необходимо для схватывания смыслов;
- произвольное формирование определенной структуры межличностных взаимоотношений между участниками исследования, повышающими возможность субъективной интерпретации.

Любое качественное продвижение в области исследовательской методологии не преодолевает всех проблем изучения реальной социальной жизни в ее экзистенциальной феноменальности и пространственно-временной континуальности. Не решается она и в исследовательских компромиссах количественной и качественной методологий.

Некоторые исследователи утверждают, что проблема заключается не в нахождении методов сопряжения количественных и качественных методологий исследования. А. А. Bryman (1988) считает подобную постановку вопроса не верной в принципе. По мнению G. Morgan и L. Smircich, «проблема состоит в плоскости поиска механизмов сопряжения разных парадигмальных координат и сопутствующих им методологических эпистемологических и онтологических оснований» (1980, с. 494). N.W. Blaikie считает, что «комбинирование методов, основанных на различных теоретических основаниях, невозможно в принципе» (1991, с.

134). При внешне кажущемся радикализме представленных суждений, есть в них один крайне важный аспект: соотнесение или сопряжение методов, адресованных разным типам реальности, и самих этих реальностей в их проявлении исследователю и наблюдателю.

Интегративная эклектика путем триангуляции

Проблема метода исследования не сводится только к нахождению оптимальных оснований сочетания количественных и качественных методов исследований. Она гораздо шире – в сопряжении качественно отличных человеческих природ – биологической, символической и рефлексивной, каждая из которых требует и адекватных исследовательских методологий. Мы можем по-разному комбинировать количественные и качественные методы, используя различные процедуры методологической триангуляции и не добиваться углубления представлений, так как возникает проблема их адекватности по отношению к изучаемым реальностям или человеческой природе.

Уже из классической психологии известно различие первой и второй сигнальной систем, качественно отличных физиологической и символической форм активности, наконец активности рефлексивной, ставшей предметом рассмотрения психологов лишь совсем недавно. Сегодня проблема соотношения биологической, символической и рефлексивной природ человеческой активности стала не только полем поиска теоретических, но и методологических решений.

Наиболее разработанную теоретическую модель соотношения названных природ предлагает R. Stevens (1998), разработавший тримодальную теорию оснований человеческой активности. Автор подчеркивает, что надо иметь в виду очень различающиеся оценочные критерии, требуемые этими отличными эпистемологиями и, соответственно, социально-психологическими традициями, которые с ними связаны. В номотетическом измерении, используемом для исследования биологических оснований действий, критическим вопросом является «проверка истинности». Хороши ли предсказания теории? Является ли понимание, сформированное теорией, валидным? Когда мы перемещаемся к герменевтическим стратегиям, вовлеченным в символическую, второсигнальную область, мы нуждаемся в прояснении любого анализа или прикосновений, которые мы делаем: оценки того, насколько эффективно они репрезентируют систему значений (представлений, чувств и т.д.), на которой они фокусируются. Мы нуждаемся в познании того, что наше описание «схватывает смысл» того, что делает информант, что он чувствует и думает, а также в формировании некоего осмысления самих себя в аспекте его сходства с описаниями, которые может давать своим переживаниям сам информант. Критерии определения валидности в этом случае не будут столь внушающими доверие или откровенными; они будут скорее включать оценки правдоподобности и соответствия и будут освобождены от необходимости выводов о природе и основаниях человеческих переживаний и действий. По отношению к транс-

формационной эпистемологии, соответствующей третичному уровню – рефлексивности, мы сами становимся субъектами «проверки истинности», сопровождая ее еще более сложными вопросами, связанными с осознанием того, что часто мы говорим не то, что люди являются такими и способны делать то-то, а что они способны быть такими и делать это; таким образом, призывы к реальности могут оказаться не решающими. То, что поставлено на карту на третичном уровне, не может быть более точным, а, скорее, возможным или желательным» (1998, с. 82).

Обсуждение трех модальных типов оснований человеческих действий в контексте их качественного различия и целесообразности использования не снимает вопроса о нахождении иной методологической триангуляции, строящейся на принципе многомерности, предполагающем привлечение возможностей не только качественных и количественных методов исследования, но и отличающихся теоретических подходов и традиций.

Основание для таких поисков предлагает интегративная эклектика, предполагающая многоплоскостной, многомерный, разновекторный анализ, создающий возможность качественно иного инсайтирования, рассмотрение аспектов множественности, диалогичности, диатропичности феномена.

Наличие единых сопрягающих оснований по измерению системообразующих дихотомий (оппозиций): количественное–качественное и идиографическое–номотетическое, биологическое–символическое–рефлексивное обусловлено тем, что при всем понимании ограниченности, а зачастую и объективной неадекватности количественного подхода к описанию и объяснению живого, пульсирующего социального бытия личности и ее окружения, необходимо наличие систем, пусть и относительных, грубых, сравнительного соотнесения людей друг с другом, т. е. нахождения номотетики и итики. Эти сопоставительно–сравнительные системы координат должны варьироваться от уровня индивидуальной культуры с доминированием идиографии и имики до уровня общечеловеческой культуры, с доминированием номотетики и итики.

Предлагаются следующие уровни сопоставительно–сравнительных систем координат:

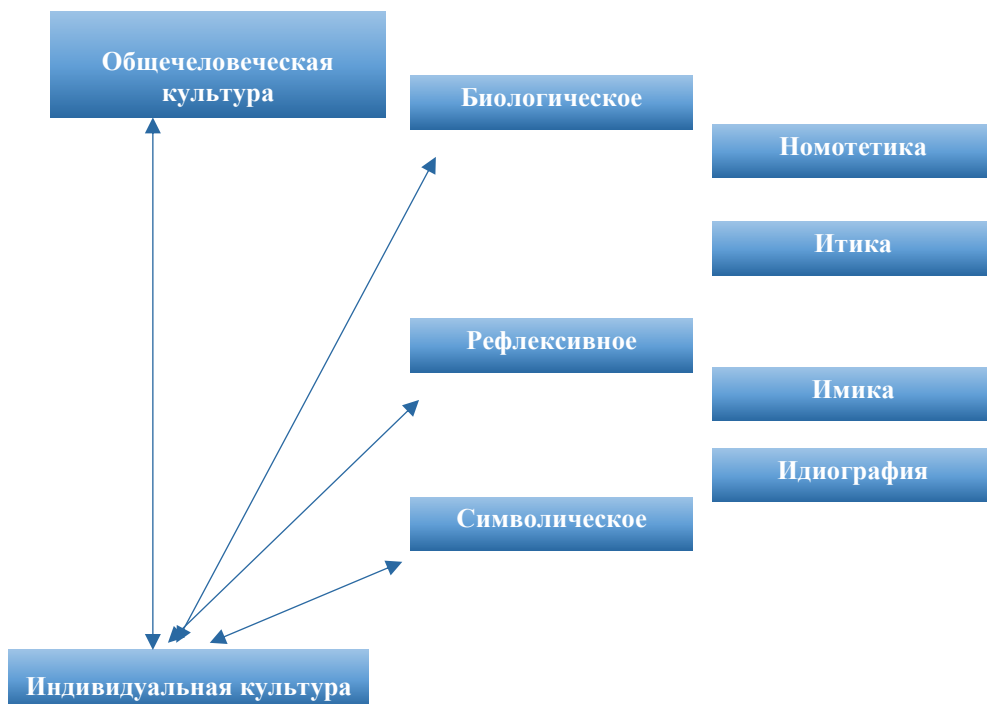
- индивидуальной культуры;
- субкультуры;
- национальной культуры;
- межнациональных сообществ;
- общечеловеческий.

Продвижение от уровня индивидуальной культуры, характеризующейся доминированием идиографии и имики, к уровням более высокого обобщения, сопровождается снижением веса идиографии и имики и повышением веса номотетики и имики. Уровень индивидуальной культуры предполагает доминирование качественных методов исследования, сопровождаемое ростом веса количественных исследований при переходе на более обобщенные уровни.

По измерению биологическое–символическое–рефлексивное также присутствует движение от доминирования номотетики и, соответственно, предпочтительности и большей информативности количественных методов, к доминированию идиографии и качественных методов на уровне рефлексивной модальности (схема 7).

Схема 7.

Подход интегративной эклектики путем триангуляции

В своей практической конкретизации этот подход предполагает использование позитивистски ориентированных методов на уровне выявления номотетических и итических особенностей; герменевтически ориентированных методов на уровне идиографических и имических особенностей; рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования – на уровне острого анализа субъективности и преубежденности.

На уровне биологической номотетики существенна роль внутренней и конструктивной валидности, на уровне символической идиографии – экологической валидности, на уровне рефлексивной идиографии и номотетики – критической рефлексии, достигаемой посредством рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования.

Жестко валидизированные схемы экспериментального типа, наиболее ярко представленные в комбинации, известной под названием многочертной-многометодной матрицы, позволяют схватить особенности функционирования человека как представителя биологического вида. Особая сложность в этом случае связана с

обеспечением «освобождения» исследования от «наносных влияний» культуры, проявляющихся в символической и рефлексивной природ человека.

Наиболее полное постижение идиографии последней в ее экзистенциальной феноменальности достигается методом типа sensemaking и подхода обоснованной теории, ориентирующихся на схватывание динамики значений. Еще большими возможностями в схватывании глубинных смыслов и переживаний человека обладают техники, наработанные в рамках психоанализа и феноменологии, ориентированных на скрупулезное постижение эмоционального поля человека (таблица 19).

Таблица 18.

Схема соотношения количественных и качественных методов в зависимости от уровня исследуемой культуры

Уровни	Идиография	Имика
Индивидуальная культура	К _ч М	К _ч М
Субкультура	К _ч М; К _ч М	К _ч М; К _ч М
Национальная культура	К _л М	К _л М
Межнациональная культура сообществ	К _л М	К _л М
Общечеловеческая культура	К _л М	К _л М
	Номотетика	Итика

где К_л М – количественные методы, К_ч М – качественные.

Рефлексивный уровень постижения сущности бытия продуктивно схватывается средствами рефлексивных практик и критического рефлексивного позиционирования.

В целом подход интегративной эклектики методом триангуляции предполагает определение в системе исследовательских координат по измерениям идиографическое–номотетическое, итическое–имическое, биологическое–символическое–рефлексивное. Все это очерчивает круг исследовательских интересов и, соответственно, возможностей и ограничений предполагаемых результатов; позволяет определиться в приоритетных методах исследования (количественные–качественные), их комбинациях, определяемых исследовательскими приоритетами; наметить зону согласия в аспекте межуровневого, межпарадигмального диалога.

Глоссарий

Андроцентризм – понятие, используемое в кросс-культурной психологии для обозначения феномена влияния на объективность, адекватность изучения и интерпретацию исследуемого феномена принадлежности переводчика и интерпретатора к изучаемой аборигенной культуре, выражающегося в дискредитации им своей прошлой культуры, мотивируемого стремлением снять внутриличностные конфликты, связанные с адаптацией к новой культуре. На практике данный эффект проявляется скорее

всего в том, что интерпретатором по мере идентификации с новой культурой теряется адекватность в оценке своей прошлой культуры, образуется своеобразная производная от двух культур, не позволяющая адекватно оценить и проинтерпретировать ни одну из них.

Идиография (производное от греч. *idios*) обозначает личное, частное, самопродуцируемое, уникальное; конкретно специфичное, индивидуальное в человеке. Используется для обозначения теоретических подходов, ориентированных на изучение неповторимости каждого человека, его отличий от других людей (Reber, 1995, 356). В качестве парной категории к идиографическому предлагается номотетический подход, ориентированный на изучение общего, характерного для людей в целом.

Имика – термин, введенный лингвистом К. Л. Pike (1967) для характеристики культурно-специфического, уникального, отличающегося от других культур; данное понятие есть производное от лингвистического «фонемика», имическая точка зрения является результатом изучения поведения изнутри системы.

Интегративная эклектика путем триангуляции – авторская модификация подхода методологической триангуляции, разработанная В. А. Янчуком. Представляя комбинирование продуктивных возможностей количественных и качественных методов исследования, она предполагает использование процедур альтернативных методологий, направленных на выявление динамического, экзистенциально-феноменального, неосознаваемого аспектов исследуемого явления за счет схватывания и уточнения тождественности значений и смыслов в системе исследователь – исследуемый. Привлечение процедур феноменологического и психоаналитического интервью, дискурсного анализа и сенсейкинга позволяет достичь необходимого уровня взаимопонимания с позиции методологии второго лица.

Итика – термин, введенный лингвистом К. Л. Pike (1967) для характеристики общего, универсального в культурах. Ценность итического подхода в следующем: 1) он предоставляет широкую перспективу и возможность обучения распознаванию того, что различные события, происходящие в мире, обладают распознаваемыми сходствами и различиями; 2) приобретаются техники описания различных феноменов; 3) итический подход является исходным, так как не существует каких-либо других способов анализа, не предполагающих грубой, пробной (неточной) оценки»; 4) итическое сравнение выбранных культур может помочь исследователю достичь поставленных целей с минимальными затратами. Наибольшее распространение получил в кросс-культурной психологии, занимающейся изучением особенностей культурного многообразия и адаптации к другой культуре.

Качественные методы, ориентированные на схватывание индивидуально-специфичного, уникального, максимально приближенного к условиям реальной жизни. Исходя из посылки о невозможности дискретизации и статизации точности человеческого бытия без ущерба для понимания его сущности и схватывания тончайших нюансов индивидуального переживания и интерпретации происходящего, качественные методы ориентированы на неструктурированность, максимальную адаптируемость к изменению условий, выявлению новых контекстов и идей. Примерами качественных методов являются неструктурированное или свободное интервью, неструктурированное или полевое, а также

включенное наблюдение, изучение документов или артефактов, феноменологическое интервью, *sensemaking*, фокус группы и т. п. Преодолевая традиционные ограничения количественных методов исследования, качественные методы акцентируются на своеобразии контекстов, выявлении значений и своеобразия интерпретаций, они гибки, диалогичны, интерактивны по процедуре, естественны по характеру.

Количественные методы, ориентированные на получение строго объективных, количественно выраженных данных. Основываясь на позитивистской методологии, утверждающей в качестве оснований научности исследования операционализацию и верификацию, количественные методы отличаются высоким уровнем валидности и надежности, структурированностью, при одновременно низком уровне реалистической естественности, конструктивной и экологической валидности. Примерами количественных методов являются эксперимент, структурированные интервью, наблюдение, квази-эксперимент, ряды данных, тесты и т.п.

Методологическая триангуляция – комбинирование качественных и количественных методов, получившее название третьего пути, приводящее к соединению преимуществ обеих методологий, и как следствие – более надежным данным. Под триангуляцией подразумевают термин, используемый в навигации и геодезии, описывающий технику построения третьей точки на основе двух известных. Впервые по отношению к методологии психологического исследования данный термин был использован Д. Кэмпбеллом (1959). В современной психологии под триангуляцией понимается использование данных из различных источников, добытых различными методами и исследователями, по возможности, всеми триангуляционными техниками, обладающими необходимой надежностью.

Номотетика – нечто общее, универсальное, присущее всем людям. Традиционный позитивистский, объективистский подход к исследованию психологической феноменологии, ориентированный на нахождение универсальных свойств, качеств, черт, характеризующих личность и ее поведение. Примерами такого рода подхода являются различные факторные теории, пытающиеся определить универсальные характеристики личности, выступающие в качестве своеобразных сопоставительных шкал.

Этноцентризм – понятие, используемое в кросс-культурной психологии для обоснования неадекватности англосаксонских эталонов, доминирующих в психологическом тестировании, по отношению к другим культурам, так как эти эталоны исходно навязывают другим культурам критерии, которые могут быть в них просто не представленными.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы исторические причины дискуссий по проблеме метода в социальной психологии?
2. Каковы отличительные особенности количественных и качественных методов в социально-психологических исследованиях?
3. В чем специфика и ограничения экспериментального метода в социально-психологическом исследовании?
4. В чем причина неудовлетворенности позитивистскими основаниями методов социально психологических исследований?
5. Какая альтернатива предлагается представителями гуманитарной парадигмы в отношении социально-психологических исследований?
6. Каковы особенности сравнительных исследований в социальной психологии?

7. В чем особенности кросс-культурных исследований в социальной психологии?
8. Какие методы наиболее часто используются в рамках социально-конструктивистского подхода к анализу социально-психологической феноменологии?
9. В чем особенности подхода методологической триангуляции к изучению социально-психологических явлений?

Задания для самостоятельной работы

1. Проведите сопоставительный анализ возможностей и ограничений количественных и качественных методов в социальной психологии.
2. Приведите доводы в защиту объективистского подхода с позиций позитивистской методологии в отношении методов социально-психологических исследований.
3. Сформулируйте критические замечания в отношении предлагаемого представителями гуманитарной парадигмы решения проблемы метода в социальной психологии.

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: КСП, 2000.
2. Дзуки Э. Введение в методологию социально-психологического исследования. – Милан–Новосибирск, 1997.
3. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал, 1993, Т. 2, с. 113 – 126.
4. Лаак Я. Психодиагностика: проблемы содержания и методов. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
5. Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
6. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2003.
7. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Основной источник

Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

ЧАСТЬ V

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Проблема личности в социальной психологии имеет свою историю. Анализ дискуссии о категории «личность» в системе социально-психологического знания, проведенный Г. М. Андреевой (2000), показывает наличие целого ряда аргументов как за, так и против. Одни исследователи задачей социальной психологии считают именно изучение личности (Платонов К.К., 1979, с. 272), в том числе и в контексте группы. Другие не придерживались точки зрения, что для социальной психологии личность – отнюдь не главный объект исследования, поскольку «замысел» этой отрасли психологического знания состоит в том, чтобы изучать «психологию группы». При такой аргументации предполагалось, что собственно личность выступает как предмет исследования в *общей* психологии и персонологии, а отличие *социальной* психологии от них состоит в другом фокусе интереса.

По мнению Г. М. Андреевой, необходимость включения категории «личность» в предмет социальной психологии диктуется и другими соображениями. Проблема личности – это задача всей совокупности психологических наук, и поэтому, даже если мы определим «границы» между ними, мы не решим вопрос о специфике анализа личности полностью. Практически все общественные науки обращаются к этому предмету исследования: философия и социология; этика, педагогика, генетика. Совместность этих усилий, конечно, предполагает комплексный подход к исследованию личности, но и он возможен лишь при достаточно точном определении области поиска каждой из вовлеченных в него дисциплин.

Для социальной психологии важно, как минимум, установить отличие своего подхода к личности от двух других «родительских» дисциплин: социологии и психологии. Вся трудность решения этой проблемы заключается в том, что в зависимости от понимания личности в какой-либо конкретной социологической или психологической концепции только и можно понять специфику ее как предмета исследования в социальной психологии.

Разведение плоскостей социально-психологического и социологического рассмотрения личности является принципиально важным в контексте возможного

дублирования исследовательской проблематики. Хотя в этом вопросе есть еще одна, часто не фиксируемая сложность, связанная с присутствием двух социальных психологий – психологической и социологической, история взаимоотношений которых характеризуется переходом от полного игнорирования друг друга на протяжении многих десятилетий до относительного признания и налаживания диалога к концу второго тысячелетия.

В структуре социологического знания довольно точно обозначен раздел «Социология личности», но еще более прочную традицию имеет раздел «Психология личности», наконец есть и «Социальная психология личности».

Что касается отличий социально-психологического подхода к исследованию личности от социологического подхода, то эта проблема решается более или менее однозначно. «Если система социологического знания имеет дело преимущественно с анализом объективных закономерностей общественного развития, то естественно, что главный фокус интереса здесь – макроструктура общества, и прежде всего такие единицы анализа, как социальные институты, законы их функционирования и развития, структура общественных отношений, а следовательно, и социальная структура каждого конкретного типа общества. Все сказанное не означает, что в этом анализе нет места проблемам личности» (Андреева, с. 264).

В. А. Ядов, отмечая специфику социологического интереса к личности, усматривает ее в том, что для социологии она важна не как индивидуальность, а как обезличенная личность, как *социальный тип*, как деиндивидуализированная, деперсонифицированная личность (1969, с. 13). Гораздо сложнее обстоит дело с разделением проблематики личности в общей психологии, персонологии и социальной психологии. Косвенным доказательством этого является многообразие точек зрения, существующих по этому поводу в литературе и зависящих от того, что и в общей психологии, и в психологии личности нет единства в подходе к пониманию этой категории. Правда, тот факт, что личность описывается по-разному в системе общепсихологической науки и персонологии различными авторами, не касается вопроса о ее социальной детерминации – здесь пока согласны все.

Многогранность категории личности в ее содержательном аспекте часто приводит к разворачиванию по существу бессмысленных дискуссий без четкого предмета спора. Как отмечает И. С. Кон, многозначность понятия приводит к тому, что «одни понимают под личностью *конкретного субъекта деятельности* в единстве его индивидуальных свойств и социальных ролей, другие понимают личность как социальное свойство индивида, как совокупность интегрированных в нем *социально значимых черт*, образовавшихся в прямом и косвенном взаимодействии данного лица с другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения» (1969, с. 7). Хотя второй подход чаще всего рассматривается как социологический, он имеет место и в общей психологии и психологии личности в качестве одного из полюсов.

«Трудности выделения специфического социально-психологического угла зрения, – пишет Г. М. Андреева, – при этом только начинаются. Было бы легко вычленить круг его проблем, если бы на его долю осталась вся область социальной детерминации личности. Но такой подход был бы уместен (и он действительно имеет место) в тех системах психологии, где допускается первоначальное рассмотрение личности вне ее социальных связей. Социальная психология

в такой системе начинается там, где начинают анализироваться эти социальные связи. При последовательном же проведении идей, сформулированных Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, такой подход просто непромерен. Все разделы психологической науки рассматривают личность как изначально данную в системе социальных связей и отношений, детерминированную ими и притом выступающую в качестве активного субъекта деятельности. Собственно социально-психологические проблемы личности начинают решаться на этой основе» (2000, с. 266).

Здесь исключается один существенный и едва ли не решающий момент – сама возможность социально-психологического знания вне рамок его субъекта, т.е. той самой личности, изучение межличностных взаимоотношений и порождаемых ими эффектов без представления о природе личности, пусть и в аспекте ее социальной сущности. Игнорирование этих вопросов делает социальную психологию не социальной, а абстрактной, несоотносимой с реальной жизнью человека в системе его отношений с другими людьми.

Еще одна проблема связана с определением в исследовательской методологии и привлекаемой феноменологии. Так как соприкосновение с изучаемой реальностью возможно только на уровне конкретной личности в ее реакциях на происходящее, то описание и объяснение социального взаимодействия становятся невозможным без обращения к ней. В противном случае возникает ощущение некоего социально-психологического «эфира», в котором существуют и оказывают влияние на конкретных людей социально-психологические закономерности. Наконец, без обращения к личности становится невозможной верификация получаемого знания. «Эфир» является теоретическим полем, полагающимся на определенные аксиомы, постулаты, правила выведения знания, не нуждающиеся в конкретных людях и проявлении тех или иных закономерностей в практике их социального поведения. Отсюда часто критикуемый разрыв между академическим и практическим аспектом. Первый интересуется строгое соблюдение принципов научности и объективности, второй – соответствие реалиям социального бытия. Первый в качестве критериев результативности выдвигает соответствие техническим правилам и принципам, второй – соответствие тому, что происходит практически.

Специфика социально-психологической проблематики личности.

В структуре социально-психологического знания о личности можно отталкиваться от задачи, сформулированной Б. Д. Парыгиным, – «раскрыть структурную сложность личности, которая является одновременно как объектом, так и субъектом общественных отношений» (1971, с. 109).

Можно подойти к специфике социально-психологического знания о личности и описательно, т. е. просто перечислить подлежащие решению задачи, и

этот путь тоже будет вполне оправдан. Некоторые считают, что в основе социально-психологического понимания данной категории «лежит характеристика социального типа личности как специфического образования, продукта социальных обстоятельств, ее структуры, совокупности ролевых функций, их влияния на общественную жизнь» (Шорохова, 1975, с. 66). Отличие от социологического подхода не определяется здесь достаточно четко и, очевидно, поэтому дополняется перечнем задач исследования: социальная детерминация психического склада личности; социальная мотивация ее поведения и деятельности в различных общественно-исторических и социально-психологических условиях; классовые, национальные, профессиональные особенности; закономерности формирования и проявления общественной активности, пути и средства ее повышения; проблемы внутренней противоречивости личности и пути ее преодоления; самовоспитание личности и пр. Каждая из этих задач сама по себе представляется очень важной, остается ответить на вопрос в чем же специфика исследования личности в социальной психологии?

Социальная психология не исследует специально вопрос о социальной обусловленности личности не потому, что он не является для нее важным, а потому, что он решается *всей* психологической наукой, и в первую очередь – общей психологией. Социальная психология, пользуясь определением личности, которое дает общая психология, выясняет, в *каких конкретных группах личность*, с одной стороны, *усваивает* социальные влияния (через какую из систем ее деятельности?) а с другой – *в каких конкретных группах она реализует свою* социальную сущность (через какие конкретные виды совместной деятельности).

Отличие такого подхода от *социологического* заключается не в том, что для социальной психологии не важно, каким образом в личности представлены социально-типические черты, а в том, что она выявляет, каким образом *сформировались* эти социально-типические черты, почему в одних условиях они проявлялись в полной мере, в других возникли какие-то иные социально-типические черты вопреки принадлежности ее к определенной социальной группе. Здесь в большей мере, чем в социологическом анализе, делается акцент на микросреду формирования личности, хотя это не означает отказа от исследования и макросреды; здесь принимаются в расчет такие регуляторы поведения и деятельности личности, как вся система межличностных отношений, внутри которой наряду с их деятельностной опосредованностью изучается и их эмоциональная регуляция.

Названный подход отличается от *общепсихологического подхода* не тем, что здесь изучается весь комплекс вопросов социальной детерминации личности (в общей психологии – нет), а тем что социальная психология рассматривает поведение и деятельность «социально детерминированной личности» в *конкретных реальных социальных группах*, индивидуальный вклад каждой личности в деятельность группы, причины, от которых зависит величина этого вклада в общую деятельность.

На основании таких отличий Г. М. Андреева вычленяет следующую проблематику личности в социальной психологии:

- выявление тех закономерностей, которым подчиняются поведение и деятельность личности, включенной в определенную социальную группу;

- изучение конкретного жизненного пути личности, тех ячеек микро- и макросреды, через которые проходит путь ее развития, т.е. проблема социализации;
- результат активного освоения личностью всей системы социальных связей, т.е. проблема социальной установки (2000, с. 270-273).

Несколько иной позиции придерживается западная социальная психология, акцентирующая внимание на ситуативном аспекте поведения личности. Как отмечает S. Hampson, «психология личности и социальная психология долго рассматривались как противоположные подходы к объяснению поведения, первая акцентирующаяся на личности, последняя – на ситуации. На самом деле это различие является упрощенным, и обе области знания тесно переплетены в своих усилиях по пониманию социальных феноменов» (1999, с. 442). Рассмотрение личности как социально конструируемой позволяет интегрировать ее в социальную психологию. Например, изучение таких вопросов, как социальное познание, социальное объяснение (атрибутирование), формирование и управление впечатлением, является традиционно социально-психологическим, но не отделяемы от личности, так как именно она является ее субъектом. Соответственно, много пересечений и в отношении фундаментального понятия самости, одинаково активно исследуемого в рамках обеих перспектив. Простое обращение к современным зарубежным учебникам по социальной психологии («Введение в социальную психологию: Европейский подход», 2004) показывает резкое изменение пропорции разделов, посвященных личности и группе. Первые составляют едва ли не три четверти. В одном из самых интересных учебников последних лет авторы Д. Кенрик, С. Ньюберг, Р. Кьялдини «Социальная психология: разгадка мистерии» (2003) первые главы посвящены таким вопросам, как «личность в ситуации»; «социальное познание: понимание себя и других»; «презентирование самости» и т. д. Самим же групповым процессам посвящено всего лишь 40 страниц из 535. Изменение приоритетов очевидно, как очевидно и бесперспективность изолированного, монодисциплинарного постижения социальной сущности человека и его поведения. Сегодня новый контекст рассмотрения проблемы выдвигает следующие области социально-психологического изучения личности:

- самость во всем многообразии ее проявлений;
- социально-познавательная активность, направленная на самопостижение и постижение окружающего мира;
- формирование и проявление социального опыта;
- социальное объяснение, как нахождение причинных истоков происходящего и их осмысление,
- социальное мышление, направленное на углубление представлений о себе в мире и мире для себя, выход за рамки непосредственного опыта и формулирование ориентиров будущего развития событий;
- просоциальное поведение;
- социальные предубеждения;
- социальная экология и др.

Переосмысление традиционных областей социально-психологического анализа личности предполагает замену субъект-объектной парадигмы на субъект-субъектную; монологического характера активности личности на диалогический;

номотетической ориентации на идиографическую; монокультурной на кросс-культурную и т. д.

В обозримой перспективе развитие исследований в социальной психологии будет связано с дополнением традиционной диады личность – ситуация третьим элементом – активностью (деятельностью, поведением). К тому же оно находится в полном соответствии с разработанным А. Бандурой принципом взаимного детерминизма (1996), подчеркивающим взаимозависимость личности, ситуации и активности. Любое смещение акцентов в сторону той или иной базовой категории приводит к однобокости в постижении социального бытия человека. Вполне очевидно влияние активности на ситуативный контекст и на саму личность. Точно так же, как очевидно влияние ситуативного контекста на личность и характер ее активности. Наконец, столь же существенно влияние самой личности на ситуативный контекст и на осуществляемую активность.

Теоретические подходы к проблематике личности

Личность является одной из наиболее существенных категорий психологии. Спектр теоретических подходов к ней чрезвычайно широк. Наиболее полное представление о них можно получить из недавно опубликованных работ ряда зарубежных исследователей (Л. Хьелл, Д. Зиглер, 1997; Л. Первин, О. Джон, 2000 и др.).

Традиционно проблематика личности увязывается с изучением ее структуры, процессов и развития. Что представляет собой личность (структура), как личность влияет на поведение (процесс), почему индивид обладает такими личностными особенностями (развитие) – все эти вопросы по-разному решаются в разных теоретических традициях: психодинамической, когнитивной, интеракционистской и конструктивистской. На общей характеристике их остановимся подробнее.

Психодинамический подход многим обязан разработкам З. Фрейда. Введя в широкий научный обиход понятие бессознательной психической активности, обратил внимание на то, что отнюдь не все в поведении человека осознается и подлечит рациональному объяснению. Факт наличия бессознательного, во многих случаях оказывающего существенное влияние на самоощущение и самореализацию человека, поставил вопрос о необходимости изучения личности, предполагающей включение в плоскость рассмотрения косвенных проявлений психической активности, подвергаемой цензурированию. Отсюда внимание к свободным ассоциациям, проекциям, сновидениям и т. п., к исследовательской методологии на углубление в мир переживаний человека с последующей реконструкцией их подоплеку.

Будучи свободным от традиционных рамок «объективности» изучаемой феноменологии, психодинамический подход привнес множество оригинальных идей в рассмотрение проблемного поля личности. Несмотря на жесткую критику классического психоанализа за субъективность, «ненаучность», «нефальсифицируемость» и т. п., он широко используется и сегодня, обогащая психологическое познание личности новыми идеями и исследовательскими метафорами.

Применительно к социально-психологическому аспекту изучения личности продуктивными оказались идеи зависимости личности от влияния непосредственного социального окружения, или первичных воспитателей, определяющих как самоотношение, так и мироотношение формируемого субъекта. В рамках теории объектных отношений (М. Klein, О. Kernberg, Н. Kohut, D. Winnicott и др.) получила развитие идея эмоциональной валентности, определяемой характером взаимоотношений со значимыми другими.

Столь же большим потенциалом продуктивности обладает и категория «эго», в современных версиях отождествляемая с широко распространенной в других традициях категорией самости. Самость рассматривается как конструкт, используемый для описания и организации мыслительной активности. Давая обобщенные объяснения происходящего, самость является и переживанием эго. Мы не только воспринимаем себя как некоторую конструкцию, но и переживаем себя как центр бытия и активности (К. Thomas, 1996); при этом наши переживания самих себя могут быть только частичными, так как большинство их сокрыто от нас в силу вытесненности в подсознание и искаженности психологической защиты. Самость выступает в качестве центра активности, хотя и сама может быть защитной иллюзией. Формы и патологии ее варьируются в различных культурах на протяжении истории. Именно культурная обусловленность человеческой самости становится объектом анализа современного психодинамического подхода.

Когнитивный подход ориентируется на компьютерную метафору в социально-психологическом рассмотрении личности, акцентируя внимание на социально-познавательной активности, на том, как человек конструирует свои представления о самом себе и окружающем мире. Пытаясь оставаться в рамках эксперименталистского подхода и номотетики, когнитивисты понимают, что без анализа внутренней активности личности предмет социальной психологии будет неполным.

Прежде всего они исходят из того, что реальность является субъективно переживаемой, зависимой от восприятий людей. Соответственно мысли людей о самих себе и окружающем мире играют определяющую роль по отношению к социальному поведению. J. Kelly, например, определял личность как систему конструктов, используемых индивидом для понимания самого себя и той среды, в которой он находится в результате обобщенных представлений о тех или иных аспектах реальности. Полагаясь на эти обобщения, он получает возможность прогнозирования событий и более четкой ориентации в происходящем.

Социально-когнитивно-поведенческий подход представлен такими именами, как М. Rotter, А. Bandura и W. Mischel. Rotter считает, что люди формируют генерализованные ожидания реальности в плане контроля над соотношением их поведения и подкрепления (в качестве мотиватора поведения); обладают огромными способностями в многозначности и гибкости интерпретации ситуаций, в которых они действуют. Значит, для стимулирования соответствующего поведения необходимо учитывать субъективную значимость и самих ситуаций, и связанных с ними возможностей подкрепления.

Сходной логики рассмотрения первоначально придерживался и А. Bandura, выдвинувший в качестве ведущей детерминанты ожидаемую эффективность как

определяющую характер и направленность активности человека в отношении той или иной задачи. Если ожидаемая эффективность высока, уровень активности по достижению поставленных целей тоже высок. Если низка – все наоборот. Именно работа с ожидаемой эффективностью определяет степень успешности в разрешении проблемного поля людей. В последующие годы ученый расширил систему факторов, детерминирующих социальное поведение личности, указав, что поведенческие влияния, порождаемые личностью и исходящие от ее окружения, само поведение ее являются элементами системы взаимовлияющих и взаимодетерминирующих один другого. Ситуативные факторы не менее значимы, чем личностные. Точно также значимым является характер выполняемой активности, могущий определять отношение к ситуативному контексту, включение тех или иных личностных качеств. В рамках такого подхода становится очевидной бесперспективность дисциплинарной обособленности в рассмотрении проблематики социального поведения личности с позиций или только социальной психологии, или только персонологии, или только общей психологии.

Установке «или – или» должна прийти на смену установка «и – и», что реализовано и в концепции Mischel, считавшего, что вместо выяснения того, какие черты личности в ее динамике, или какие аспекты окружения контролируют поведение ее в данном конкретном случае, следует пытаться определить, как сама личность осмысливает ситуацию, как она когнитивно конструирует внутреннее и внешнее окружение. Mischel не просто сместил акценты на внутреннюю активность личности в организации социального взаимодействия, но и предложил ряд концептов: когнитивные переменные личности; когнитивное и поведенческое конструирование компетентности; стратегии кодирования и личностные конструкты; субъективная ценность стимулов. Расшифровка этих концептов давалась выше в разделе, посвященном общей характеристике социально-когнитивно-наученческой традиции, здесь отметим только интегральный, междисциплинарный характер предлагаемых решений.

Интеракционистский подход представляет попытку объединения ситуативного и личностного аспектов социального поведения. Выдвинув в качестве базовой категории «взаимодействие», интеракционисты наиболее полно определяют само содержание понятия «социальная сущность личности». Дж. - Г. Мид, как подчеркивалось ранее, обосновывает тезис, что человек становится существом социальным лишь тогда, когда включает в свой внутренний мир других людей, когда соотносит свои собственные действия с возможными реакциями или оценками их.

В современном интеракционизме проблема соотношения личностной и социально-психологической проблематики рассматривается в контексте универсальной формулы поведения Левина как функции личностных и ситуативных факторов, рассматриваемых в процессе постоянного взаимодействия друг с другом. Какой-либо единой теоретической концепции в рамках интеракционистского подхода пока нет. Тем не менее, по мнению D. Magnusson, здесь можно обозначить четыре основополагающих постулата:

1. Актуальное поведение является функцией процесса многостороннего взаимодействия или обратной связи между индивидом и ситуациями, с которыми он сталкивается.
2. Индивид является интенциональным, активным агентом в этом процессе взаимодействия.
3. По отношению к личностной стороне взаимодействия наиболее существенными являются когнитивные и мотивационные факторы.
4. По отношению к ситуативной стороне важнейшим детерминирующим фактором является психологическое значение ситуаций для индивида (1977, с. 4).

В соответствии с этими постулатами формируются две наиболее важные исследовательские задачи. Первая предполагает строгое изучение взаимодействия ситуативных и личностных факторов, обуславливающих поведение. Это изучение направлено на выявление психологических принципов объяснения и прогнозирования поведения. Вторая заключается в систематическом описании и классификации стимулов, ситуаций, окружений. В соответствии с четвертым постулатом это направлено на понимание процессов, посредством которых объективные ситуативные сигналы трансформируются индивидом в субъективно значимые репрезентации собственного социального мира. Кроме того, данная задача предполагает поиск исчерпывающих таксономий ситуаций, дополняющих анализ индивидуальных различий с личностной стороны.

А пока можно остановиться на определении, предложенном Endler: «Личность представляет связанный образ взаимодействий с самим собой и с окружением» (1983, с. 179). В. Крахе в качестве компонентов, способствующих идентификации достаточно обоснованных характеристик выделяет:

1. Компонент действующего, представляющий поведенческие тенденции, усредненные по отношению к партнерам по множественным взаимодействиям (например, частота, с которой личность проявляет доминантное поведение по отношению к партнеру).
2. Компонент партнера, отражающий степень, в которой индивид вызывает сходные реакции в многообразии социальных взаимодействий (например, частота, с которой личность вызывает покорное поведение в отношении различных партнеров).
3. Компонент отношений, выражающий уникальность взаимодействий между двумя партнерами в любых обстоятельствах, очищенных от эффектов как действующего, так и партнеров (например, частота, с которой два партнера улыбаются друг другу по отношению к их способности вызывать улыбки со стороны других партнеров в различных обстоятельствах (1994, с. 78).

Динамическое понятие взаимодействия рассматривается как центральное для интеракционистского подхода, однако приемлемых способов решения проблемы описания специфики и особенностей взаимодействия на уровне личности пока нет. По оценкам Крахе, это объясняется отсутствием пригодных измеритель-

ных моделей и инструментов, способных схватывать продолжающееся взаимодействие внутренних качеств, характеристик ситуаций и наблюдаемого поведения. Важным шагом на пути решения этой проблемы является предложенная D. Bem (1983) «троичная модель» типологии личности, ситуации и поведения, которая специфицирует типы ситуаций и поведения, эквивалентные определенным типам личностей, дает некоторое основание для понимания конкретных паттернов сходств и различий в индивидуальном поведении на протяжении времени и ситуаций, выступающих базовыми для понимания целостности личности.

Менее изученным по сравнению с личностным является ситуативный аспект взаимодействия. В соответствии с четвертым постулатом психологическое значение ситуации является важным детерминирующим фактором социального поведения. Таким образом, фокус внимания интеракционистов концентрируется скорее на субъективной интерпретации ситуативных стимулов, нежели объективных характеристик в физическом их понимании. Бесперспективность объективного описания ситуации, традиционно ставившегося во главу угла в классических исследованиях восприятия и интерпретации человека человеком, у интеракционистов не вызывает сомнения. Так как личность по-своему, т. е. субъективно, воспринимает и интерпретирует ситуацию, опирается в своих действиях на свои собственные представления о ней, последние и должны ставиться во главу угла.

Тем не менее общая установка на номотетическое описание ситуации, ориентированная на нахождение универсальных характеристик, в том числе и субъективных репрезентаций ситуаций в сознании личности, послужила основанием для разработки *стимульно-аналитического* и *реактивно-аналитического* подходов. Первый направлен на описание и классификацию ситуаций в понятиях их воспринимаемых значений, т. е. ситуации рассматриваются как сходные в той степени, в которой они одинаково интерпретируются разными людьми, например две ситуации, обуславливающие возникновение состояния тревоги, определяются как сходные в том случае, если осознаются как угрожающие или вызывающие неприятие. В случае реактивно-аналитического подхода они классифицируются по критерию реакций, которые вызывают у индивида, например, учащенное сердцебиение, тремор и т. п.

Включая различные уровни анализа ситуаций по отношению к их влиянию на восприятие и реагирование индивида на различные ситуативные контексты, представители интеракционистского подхода сталкиваются с рядом серьезных проблем. *Первая* связана с определением временных и пространственных границ ситуации. На основании чего индивид, или исследователь, приходит к выводу о начале ситуации? Какие сигналы включаются в субъективные репрезентации из объективно существующего ряда стимульных воздействий?

Вторая связана с поиском критериев, полагаемых индивидом в их субъективную интерпретацию ситуации, выступающих в качестве основополагающих для формирования субъективного значения ситуации. При понимании того, что по отношению к определенным ситуациям такие критерии будут полностью уникальными или идиографическими, существует и ряд общих, переходящих из ситуации

в ситуацию критериев, позволяющих категоризировать и типологизировать ситуации.

Третья связана с описанием познавательной активности индивида, реализующейся в определенной ситуации. Здесь часто избирается категориальный аппарат когнитивной традиции, позволяющий описать специфику познавательной активности в ситуации при помощи таких процессов, как категоризация, прототипизация, схематизация и т. п.

Сама постановка проблемы взаимодействия ситуативного и личностного аспектов социального поведения, сопровождаемая поисками возможных решений в области понимания специфики их взаимодействия, является отличительной чертой интеракционистского подхода в целом. Это привело к ряду оригинальных переосмыслений, традиционных для социальной психологии проблемных областей. В частности, по проблеме лидерства интеракционисты пытаются найти ответы на вопрос, какие характеристики ситуации в комбинации с какими характеристиками личности способствуют достижению эффективных групповых результатов. Один из возможных ответов на данный вопрос представлен в теоретической модели лидерства Фидлера. Попытки исследования эмоционального аспекта проблемы взаимодействия привели к констатации факта приверженности людей выбору ситуаций, конгруэнтных их личностным предпочтениям и позитивному эмоциональному состоянию. В исследованиях E. Staub (1980) был сделан вывод о просоциальном поведении как результате соответствия между просоциальными целями и активизирующим потенциалом ситуации.

Наиболее уязвимым аспектом для критики интеракционистского подхода остаются вполне обоснованные упреки в отсутствии цельной теории и в скатывании на позиции эмпиризма, недооценке роли культурно-исторического контекста по отношению к социальному поведению. Тем не менее именно благодаря разработкам интеракционистов эмпирицистской ориентации стал уже абсолютно невозможным отрыв социально-психологического аспекта поведения от личностного, и наоборот.

Социально-конструктивистский подход рассматривает личность как создаваемую посредством коллективистских процессов и таким образом существует интерперсонально, а не интраперсонально. В более радикальной форме они настаивают на существовании лингвистической реальности, приоритетной по отношению к актуальному поведению. В менее радикальной они представляют личность как социальную конструкцию, основанную на реальности (Hampson, 1999, с. 441), включающую три базовых элемента: действующего, наблюдателя, самонаблюдателя. *Действующий* представляет собой комбинацию наследственных и приобретенных факторов, включающих историю прошлых переживаний. В качестве *наблюдателя* выступает другой человек, присутствующий реально или воображаемо в процессе осуществления действий и оказывающий влияние на их осуществление. Это происходит и за счет предоставления необходимой информации, поддержания обратной связи, результативности реализуемого поведения, внешнего впечатления и возможностей. *Самонаблюдение*, или *способность к самоосведом-*

ленности, отражает способность личности к самомониторингу, самоконтролю и рефлексии. Все три компонента функционируют в единстве, конструируя личность. Этот процесс усложняется тем, что действующий и наблюдатель находятся в стадии постоянного взаимодействия друг с другом и самонаблюдения. Совершая какое-либо действие, человек находится под наблюдением других людей, в том числе представляя себя и с их позиции. В то же время любое действие, как и оценка со стороны, подвергаются самоанализу. Соответственно процесс конструирования личности есть континуальный процесс согласования позиций действующего и наблюдателя.

Одним из достоинств рассмотрения личности как социально конструируемой является то, что это дает возможность интеграции вопросов и аспектов традиционно изучаемых обособлено в рамках отдельных дисциплин и областей психологического знания. Например, как отмечает S. E. Hampson, традиционные для социальной психологии области изучения – социальная перцепция, атрибутирование, формирование впечатления – отражают особенности рассмотрения личности с позиции наблюдателя. В то же время такая фундаментальная область, как самость во всем многообразии ее аспектов, изучается с позиции самонаблюдения. Отсутствие какой-либо интеграции между обозначенными элементами, в том числе и единой категории, приводит к расчленению личности и обособлению социально-психологической проблематики.

Проблемное поле изучения личности в современной социальной психологии

Изучение личности в принципе представляет собой своеобразный интеграл исследований, накопленных в различных традициях психологической науки и практики. Многие перспективы, представленные в них, продуктивно дополняют друг друга, вносят новое видение, дают возможность взаимообогащения и инсайтирования.

Центральной категорией, своеобразным ядром социально-психологической проблематики личности, выступает категория самости, рассматриваемая с различных позиций в интеракционистской, когнитивистской, психодинамической, экзистенциально-феноменологической и других традициях. Несмотря на разночтение в содержании самости (Эго, Я-концепция и т. п.), существует согласие в том, что она суть стержневое образование, определяющее как само-, так и миропонимание субъекта. Это достаточно наглядно продемонстрировано в исследованиях социального познания, или социальной перцепции, где показана зависимость само- и мировосприятия от особенностей личности, задающей приоритеты и формирующей отношение к отдельным аспектам воспринимаемого. В области социального объяснения, или атрибутирования, хотя и исследуемой чаще всего с позиции наблюдателя, также показана зависимость тех или иных оснований от индивидуальных особенностей атрибутирующего. В области межличностного общения накоплен огром-

ный эмпирический материал, показывающий детерминированность процесса личностными особенностями взаимодействующих и ситуативным контекстом. Причем характер взаимодействия и ситуативный контекст лежат в основании самоотношения личности. В области изучения групповых процессов также не менее очевидным является активное участие личности в них: личность не просто подчиняется сложившимся в группе нормативным регуляторам, «плывет по воле волн», но и принимает активное участие в их формировании, свидетельством чему являются различные типологии подчинения групповому воздействию. Перечень аргументов в пользу признания активного участия личности в социально-психологической феноменологии может быть существенно дополнен. Без обращения к личности как субъекту и объекту межличностных отношений мы останемся в плену чисто спекулятивных рассуждений.

В работе ведущих зарубежных социальных психологов «Введение в социальную психологию: Европейский подход» (о ней уже отчасти говорили выше). В числе разделов, непосредственно связанных с личностью, являются: социальное познание; теории атрибуции; социальные установки; эмоции, коммуникация и отношения; просоциальное поведение; агрессивное поведение; социальные предубеждения. Данный перечень не включает, однако, базовой, системообразующей категории, в качестве которой многими авторами предлагается категория самости. В учебнике по социальной психологии, написанном авторским коллективом в составе Д. Кенрик, С. Ньюберг, Р. Кьялдини «Социальная психология: разгадка мистерии» стержневая глава посвящена анализу проблемы личности в ситуации, о чем говорят уже сами подразделы ее: «Загадка обычного и необычного человека»; «Мотивационная система»; «Репрезентативная система»; «Аффективная система»; «От личности к поведению». Далее рассматриваются такие проблемные вопросы, как: понимание себя и других; презентация самости; убеждающее воздействие, социальное влияние; аффилиация и дружба; любовь и романтические отношения; просоциальное поведение; агрессия; предубеждения, стереотипизация и дискриминация; группы; глобальные и социальные дилеммы. Из них мы получаем представление о социальной психологии как об области знания, с которой человек непосредственно сталкивается в повседневной жизни, в которой есть место этому человеку, которая пытается объяснить, что происходит с ним в мире окружающих его людей.

Мы включим в логику рассмотрения личностной проблематики: самость, социализацию; социальное познание, социальное объяснение и будем раскрывать их с интраличностной и интерличностной перспективы, с позиций самонаблюдения и внешнего наблюдения в их непосредственной привязке к социальному поведению, включая принцип детерминизма, предполагающий взаимообусловленность личностного, ситуативного и активностного компонентов социального поведения. Именно такое построение позволит представить социальное поведение как целостное, привлечь максимально возможное число детерминирующих факторов, использовать идею интегративно-эклетического подхода, обосновывающего продуктивность рассмотрения анализируемой феноменологии с позиций различных парадигмальных и теоретических перспектив.

Глоссарий

Интенциональность – структурная тенденция, или «данность», через которую существуют фундаментальные, единовременные, не обособляемые отношения между человеческим сознанием и миром, в которых реальность как человечески переживаемая формируется или интерпретируется.

Принцип взаимного детерминизма – утверждение о взаимообусловленности личностных, ситуативных и поведенческих факторов по отношению к социальному бытию человека; предложен А. Бандурой в рамках разрабатываемой им метатеории поведения человека.

Самость – по Джемсу, сложное, динамическое единство, отражающее реализующееся поведение, опосредующее и регулирующее его. В отечественной традиции самость определяется как интегральная целостность, «одноличие», «подлинность» индивида, его тождественность самому себе, на основании которой он отличает себя от внешнего мира и от других людей.

Я-концепция в западной традиции – многоаспектный феномен, включающий в себя набор образов, схем, понятий, прототипов, теорий, целей или задач. В отечественной традиции под Я-концепцией понимается относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к самому себе. В отличие от самости, включающей все аспекты человеческой сущности, в том числе и неосознаваемые, Я-концепция включает только осознаваемые аспекты, фиксируемые человеком и выступающие для него в качестве ориентиров для самооценки, саморазвития и т. п.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы исторические причины изменения представлений о роли и месте категории личности в структуре социально-психологического знания?
2. Каковы отличительные особенности рассмотрения проблематики личности в отечественной социально-психологической традиции?
3. Каковы отличительные особенности рассмотрения проблематики личности в зарубежной социально-психологической традиции?
4. С чем связаны дискуссии по предмету социальной психологии в контексте определения места и роли категории личность в нем?

Для дополнительного чтения

1. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1999.
2. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. – СПб.: Питер, 2001.
3. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

4. Мадди С. Теории личности: Сравнительный анализ. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003.
5. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2000.
6. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. М.: Аспект Пресс, 1999.

Основные источники

1. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
2. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.

Самость как системообразующее ядро личности

Понимание категории самости связано с необходимостью рассмотрения социально определяемой идентичности (включая ролей и взаимоотношений) самой личности во всем многообразии ее содержания и проявлений, знания о собственной самости (т.е. Я-концепции) и др.

Ошибочным здесь является утверждение о самости как однородной, константной, полностью последовательной и унитарной категории (Manstead, Newstone, 1996, с. 496).

Однако же и многоликость самости не должна преувеличиваться. Атрибуты, роли, мотивы и субъективные состояния изменчивы и все же принадлежат одной и той же самости, в силу чего ее можно определять как фундаментальное единство, включающее многообразие сторон.

Термин «самость», или «Эго», был использован по отношению к: «внутренней природе», или «неотъемлемой природе» (essential nature) человека (Фромм); практике и содержанию самоосведомленности (Chein, 1944); индивиду, известному как индивид (Hilgard); совокупности аттитюдов, относящихся к «I», «Me» или «Mine», опыту (Джемс); индивидуальной идентичности и единству личностного характера (Эриксон, 1956), ряду мыслительных процессов, оперирующих в интересах способствования внутренним драйвам (Фрейд, 1933); просто к личности; всеобщности представлений и чувств индивида по отношению к себе.

Многоаспектность использования термина «самость», его частое отождествление с понятиями «эго» и «Я-концепцией», находят свое отражение в существующих определениях.

По Ф. Bruno, самость 1) являет собой уникальную человеческую сущность, представленную в пространстве и во времени; 2) представляет своеобразное эго

личности; 3) представляет ощущение собственной идентичности, отражение собственного бытия на протяжении всей истории жизни человека (1986, с. 206-207).

Рассмотрение самости должно включать *физическое тело, социально определяемую идентичность* (т.е. роли и взаимоотношения), *личность и представления человека о самом себе* (т.е. Я-концепцию) (R. F. Vaumeister, 1995), должно также пониматься как *активный агент, принимающий решения, инициирующий действия*.

В последние годы в западной психологической традиции принято определение самости как *сложного, динамического единства, отражающего реализующееся поведение, опосредующее и регулирующее его* (Kilhstorm, Cantor, 1984; Markus, Wurf, 1987; Pervin, 1990).

В отечественной традиции *самость* определяется как *интегральная целостность, «одноличие», «подлинность» индивида, его тождественность самому себе, на основании которой он отличает себя от внешнего мира и от других людей*.

Наиболее часто ассоциируемым с самостью понятием является Я-концепция, попытки же отождествления этих родственных понятий ошибочны. Если самость включает все аспекты человеческой сущности, в том числе и неосознаваемые, то Я-концепция – только осознаваемые, фиксируемые человеком и выступающие для него в качестве ориентиров самооценки, саморазвития и т.п.

Понятие «Я-концепция» в западной традиции определяется как *многоаспектный феномен – как набор образов, схем, понятий, прототипов, теорий, целей или задач* (Markus, 1983; Pervin, 1990). В отечественной же традиции под Я-концепцией понимается *относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к самому себе*.

Представленный перечень определений как самости, так и к Я-концепции, демонстрирует широкий спектр подходов, отраженных в литературе, а также их эволюцию, что особенно важно для понимания данной категории.

Многообразие теоретических подходов к изучению самости

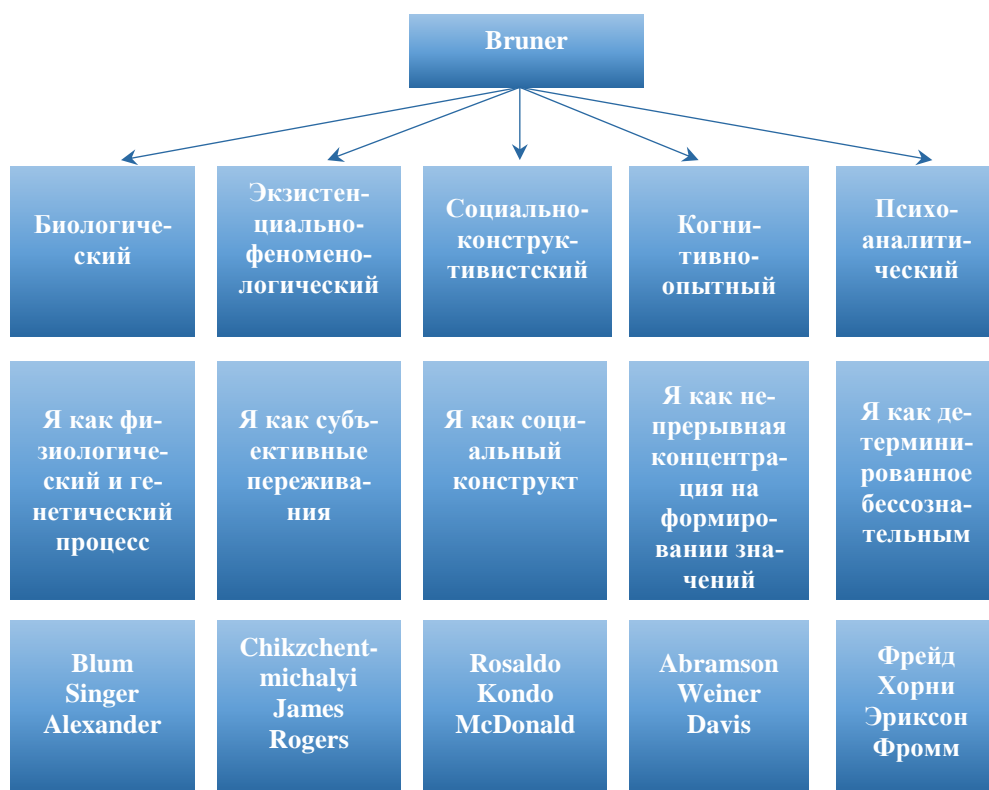
Категория самости является предметом рассмотрения во многих парадигмальных системах координат, традиций и школ. Это обусловлено тем, что в каждой из них человеческая самость выступает в качестве системообразующей категории, на которой строится вся концептуальная схема теоретических представлений. Без наличия категории, имеющей непосредственное отношение к человеку со всей совокупностью его жизненных проблем, теоретическая конструкция становится чисто умозрительной. Приводим основные теоретические подходы (по J. Bruner) к рассмотрению самости (схема 7).

Биологический подход делает акцент на то, что социальное поведение поддерживается физиологическими и генетическими процессами, и доказывает, что в его основе лежат генетические склонности, которые отбираются в ходе эволюции.

Поведение определяется структурой нервной системы, состоящей из миллионов клеток. Нервная система получает информацию из внешней и внутренней среды с учетом секреции гормонов в крови. Наша способность продуцировать мысли и чувства зависит от целостности нервной системы. Я ощущаю себя как движущую силу, придаю ей такое направление, чтобы другие считали меня рациональным человеком; при патологии мозга у них будет создаваться впечатление патологического поведения.

Схема 8.

Подходы к анализу категории самости

Гены, которые кодируют нервную систему и называются «эгогенами», представляют собой структуру, которая в свою очередь кодируется протеинами. Нервная система будет определяться комплексом взаимодействий генов и внешнего мира. Гены передаются от родителей. Небольшие мутации в генетическом материале могут быть благоприятными, неблагоприятными, нейтральными. Мутанты, как правило, бесплодны, благоприятные гены закрепляются.

В этом подходе учитываются и влияние физической внешности на нас и на нашу самооценку (дети в школе) подверженность людей стрессам (тип А и тип В); феномен боли как парадоксальный (с одной стороны, это чувство универсально, ее испытывают все, с другой – субъективно); влияние наркотиков и алкоголя на орга-

низм и, следовательно, на личность человека. Люди, которые их употребляют, деградируют, теряют свою уникальность, постепенно разрушаются физически. Потеря уважения семьи и друзей, растущая изоляция. При употреблении алкоголя животное или человек ощущают позитивный эффект наркотизации. При этом сформировавшийся доминантный очаг возбуждения по существу блокирует любые проявления самокритики: изменяется уровень мозга, начинается распад личности.

В основе этих склонностей часто лежит внутренний дисбаланс, который с помощью наркотических веществ и алкоголя может временно устраняться. Zinger рассматривал употребление наркотиков как попытку достигнуть чего-то не только в социальном контексте, но и в своем внутреннем Я. Мы все имеем «реальное Я», «идеальное Я», «долженствующее Я» (ожидания семьи или соратников о том, каким должен быть индивид). Большие различия между идеальным и реальным Я ведут к печали и депрессии. Между реальным и долженствующим Я – к страху и напряжению. Александр отмечал, что употребление наркотиков – это форма адаптивного поведения.

В то же время сторонники биологического подхода понимали, что природа человека не исчерпывается пониманием исследуемых явлений (например, альтруизм в ингруппе превращается в эгоизм в аутгруппе), поэтому их дальнейшие объяснения опирались и на социальные факторы (например, на социальную матрицу).

Психодинамический подход основан на классических идеях З. Фрейда о структуре Эго и работах его последователей, пытающихся в той или иной мере пересмотреть излишнюю сексуализированность понятия самости. Особое внимание уделяется изучению бессознательных мыслей, чувств, защитных стратегий, чтобы избежать тревоги, боли (и не только физической), несущей угрозу чувству Эго как полноценной личности. Появляется концепция защитного Эго, хотя употребления термина «Эго» в этой традиции избегают. Утверждается, что структура и содержание Эго формируются в раннем детстве посредством микросреды первичных воспитателей. Внутренние представления о внешнем мире являют собой своеобразные внутренние эмоциональные конструкты, именуемые психической реальностью. Довольно быстро они начинают управлять побуждениями и поведением ребенка по отношению к внешнему миру, его пониманием и интерпретацией обретенного опыта. Наше представление о мире преувеличено, идеализировано, искажено. Психическая реальность, созданная нашим сознательным и бессознательным, нашими фантазиями и памятью, переплетается таким образом и взаимодействует с миром. Психическую боль реальности мы переносим с трудом, а потому создаем свой вариант мира, который уменьшает эту боль до терпимого уровня, однако чаще всего такая защита вредна для Я и для решения проблемы. Защитные процессы в основном бессознательны, а чувство же тревоги, будучи предупреждающим механизмом, основано на базе прошлых травм, на прогнозе будущих возможных фрустраций; может стимулироваться внешними событиями и быть отражением внутреннего конфликта и пр.

Развитие классического психоанализа по проблеме самости происходит по двум линиям: эго-психологии и теории объектных отношений. Первая инициирована дочерью З. Фрейда – Анной Фрейд и концентрируется на изучении механики

психологической защиты. Большой вклад в развитие представлений о самости внес Г. Салливен. Самость, или Я, для него является центральным понятием, развивается оно из чувств Я, пережитых во взаимодействии с другими, из отраженных оценок, из восприятия того, какую ценность Я, он или она представляют для других и как этими другими оцениваются. Важными сторонами Я, особенно в связи с переживанием чувства тревоги или, наоборот, безопасности, являются Я-хорошее, связанное с приятными воспоминаниями, Я-плохое, связанное с болью и угрозами потери безопасности, и не-Я, т. е. та самая часть Я, которая отрицается из-за непереносимой тревоги. В последующие годы в рамках эго-психологии предпринимаются попытки когнитивизации психоанализа за счет включения в плоскость рассмотрения процессов, реализуемых во внутреннем мире человека.

Более оригинальной линией является ориентация на теорию объектных отношений, получившая свое развитие в работах ряда теоретиков (Кернберга, Клейна, Кохута, Фейрбейрна и др.). М. Клейн зафиксировала присущую детям тенденцию дифференциации мира на плохой и хороший, рассматривая жизнь как борьбу между позитивными чувствами – любви и негативными чувствами – ненависти. Этот конфликт приводит к расщеплению мира на благожелательный и неблагоприятный компоненты. Индивидуальное своеобразие такого рода расщепления определяется спецификой обращения с ребенком со стороны первичных воспитателей. Доминирование негативной компоненты приводит к отношению к окружающему миру как враждебному. А то, что транслируется им, воспринимается как таящее потенциальную опасность, и наоборот.

О. Кернберг характеризует отношения ребенок – первичные воспитатели как биполярные репрезентации, каждая из которых создается образом ребенка самим по себе, образом значимых других (матери) и чувствами, формируемыми между ними в процессе взаимоотношений. Если ребенок испытывает состояние депривации, это способствует негативной окраске биполярных репрезентаций, в противном случае – позитивной. Биполярные репрезентации интернализируются или метаболизируются как результат переживаемых взаимодействий. Данные интернализации обуславливают различные типы последствий для разных возрастных периодов развития ребенка. В последующем аккумулированные репрезентации становятся интернализированными единицами структур мышления, выступая в качестве своеобразных линз или фильтров рассмотрения собственной самости во взаимоотношениях с окружающими, обусловленных ранее интернализированными шаблонами репрезентаций.

Придавая особую роль развитию самости, О. Кернберг включает в ее контекст процесс переживания мира в положительно и отрицательно окрашенных чувствах. На этом этапе мир еще не дифференцирован на объекты (других людей, включая мать). Эмоциональное расщепление переживаний и объектов на хорошие и плохие, позитивные и негативные продолжается и в последующие периоды.

Наиболее значимый здесь объект – первичный воспитатель (как правило, мать) – первоначально представлен только как образ. По мере когнитивного развития, а также развития речи ребенок начинает интернализировывать не только образ

матери, но и материнские рассказы в форме внутреннего диалога. Некоторые из них озвучиваются.

С течением времени на этой основе начинает оформляться самость; ребенок начинает рассматривать себя как хорошего или плохого в зависимости от дифференциации эмоциональных переживаний. Самоощущение проявляется в особенностях самооценки или ее отсутствии. По мере продолжения дифференциации образуются многообразие самостей, представленных в таких категориях, как половая идентичность, родительская и т. п.; каждая такая идентичность окрашивается в позитивно-негативные тона.

Особое место в развитии идеи объектных отношений принадлежит Х. Кохуту, который пытался разработать теоретическое объяснение феноменологии и симптоматики нарциссизма. В центре этого анализа также – категория самости. Первоначально рассматривая ее как некоторую коллекцию саморепрезентаций (иногда как структуру эго, а когниции как функции эго), позже Кохут начал рассматривать его как дополнение к классической теории драйвов и защиты, а к концу жизни пришел к выводу, что критической областью для психологии являются именно дефекты самости, а не конфликты, и что классический психоанализ должен быть заменен психологией самости. В последних работах он соотносит самость по значимости с такими категориями, как Id, Ego, Super-Ego; последняя описывается им как биполярная, включающая полюса честолюбия и идеалов и опосредующая их способности и умения. Эти структурные элементы составляют ядро, которое наряду с позитивным ощущением собственной самости пытается актуализировать человек. Если ему это удастся, налицо психологическое здоровье, если нет – болезненное нарушение. Состояние данных элементов обусловлено своеобразием их развития у первичных воспитателей, их защищенностью и самооценкой. По Кохуту, честолюбие, идеалы и потребность в самоуважении являются тремя базовыми мотивационными системами.

Теория развития Кохута, как и большинство других психодинамических теорий, постулирует факт слабой дифференцированности у новорожденных собственной самости от самости других. Для новорожденных характерна слабая стадия дифференцированности репрезентаций, именуемая *стадией фрагментаризованной самости*. На втором году жизни начинает развиваться «ядерная самость», ядро чувства самости, обладающее биполярной структурой. Это означает, что ребенок побуждается, с одной стороны, фантастическими образами самости как всемогущей и всезнающей, называемой Кохутом «грандиозной самостью», с другой – создаваемым родителями и сходным по грандиозности идеализированным образом их. Если воспитатели не эмпатичны, ориентированы на актуализацию собственных потребностей, а не потребностей ребенка, он формируется с дефектной самостью, что может привести его к неадекватности, заниженной самооценке, стимулированию отчаянного стремления быть принятым и обожаемым, стремлению к чувству собственной идентичности.

У. Фейрбейрн, представитель британской школы объектных отношений, исходил из постулата первичной мотивированности ребенка на эмоциональный контакт с окружающими людьми. Он основывал свою теорию на двух посылах: 1)

ребенок нуждается в чувстве быть любимым первичным воспитателем (обычно матерью), а затем другими членами семьи; 2) ощущении последними того, что их любовь принимается и ценится. Если эти два условия не соблюдаются, нарушается развитие психики. В своих рассуждениях Фейрбейрн отталкивался от наблюдений за шизоидными личностями, характеризующимися фрагментарностью представлений о себе. Он отмечал, что рудиментарная расчлененность психики наблюдается у всех новорожденных, но ее укоренение может приводить к тому, что различные части ее будут оперировать в собственных реалиях.

Фейрбейрн предложил собственную модель организации внутреннего мира. По его мнению, первичная мотивация связана с реальными внешними объектами, но то, что интернализуется, связано прежде всего с разочаровывающими, фрустрирующими аспектами реальных отношений.

Ребенок формирует две пугающие его версии первичного воспитателя: отвергающий (антилибидозный объект) и потенциально любящий (либидозный объект). Эти две пары (эго плюс объект) изолируются от центрального ядра эго (самости) и прикрепляются к идеализированной, десексуализированной версии оригинального объекта (матери).

В рассуждениях Фейрбейрна имплицитно присутствует идея о том, что такого рода защитные структуры детей формируются в целях предохранения их от возможных неудачных взаимоотношений с воспитателями.

Экзистенциально-феноменологический подход анализирует еще один крайне существенный аспект самости – ее вплетенность в ткань жизненных переживаний. С точки зрения экзистенциальных феноменологов, человек не просто отражает мир, а *переживает* его, осознавая свою взаимозависимость и взаимосвязь с другими. Центральная категория экзистенциальной феноменологии «бытие-в-мире» определяет неразрывность человеческого существования с жизненными переживаниями. Без знания их невозможно понимание того, что испытывает человек в тот или иной момент времени, как он интерпретирует их, как относится к происходящему. В то же время «схватывание» этих жизненных переживаний практически невозможно посредством позитивистски ориентированных, «препарирующих» человека методов исследования. Феноменологический подход пытается изучать человеческое сознание с позиции природы субъективных переживаний, их концептуализации. Главный метод исследования здесь – интроспекция, автобиография, клинический отчет; а поскольку субъективные переживания являются сугубо личными, феноменологические самоописания включают в себя перспективу человека, знакомящегося с ними. Понимание того, что опыты жизненных переживаний отличны, с необходимостью предполагает наличие процедуры уточнения адекватности взаимопонимания. Такого рода методология исследования получила название диалогической, или методологии второго лица. Экзистенциалисты же изучают субъективные переживания, фокусируясь на динамике человеческих качеств; они рассматривают людей как всегда существующих в процессе становления. Для них быть личностью значит:

- ощущать себя как существо в мире своих субъективных переживаний;
- быть активной действующей силой; быть тем, кто влияет на мир; наша жизнь целенаправленна, а цели могут быть отражением результатов прошлого, равно как и предвосхищающей рефлексией;

- владеть рефлексивным сознанием.

Одного из родоначальников исследований в области самости В. Джемса интересовали те универсальные черты сознания, которыми владеет каждый из нас. Он говорил, что сознание непрерывно и подобно движению реки; а разум является сценой театра одновременных возможностей, сравнения одной возможности с другой, отбором одной и подавлением другой (например, силой внимания). Разум работает с полученными данными так же, как скульптор с деревом или камнем. Отбор и внимание играют центральную роль в процессе сознания. Джемс выделял активное, или произвольное, внимание и вегетативное, или пассивное. Чикченмихай изучал такое явление, как поток переживаний – ряд ситуаций, которые люди находят как удовольствие или скуку. Он определял сознание как умышленно заказываемую информацию, т. е. мысли, восприятие, побуждения, которыми мы можем управлять. Причем фокус внимания он приравняет к «психической энергии» и противопоставляет потоку сознания то, что он называет энтропией навязчивые события или мысли, разрушающие намеренность. При потоке информация должна быть постоянной, конгруэнтной целям, способствующей естественному потоку психической энергии. Чикченмихай обозначил это явление как «оптимальный опыт» и подчеркивал, что такой поток переживаний – в основном удовольствия, которые необходимы для нашего комфортного существования. Например, люди испытывают неудовлетворение от современных развлечений (например, телевизора), так как они являются больше созерцателями их, остаются пассивными, не делая большого вклада в поток опыта; энергия их могла бы быть использована на комплекс других целей, обеспечивающих им удовольствие, но фактически растрачивается на модели стимуляции, которые только имитируют реальность.

М. Дональдсон выделяла следующие модели разума, которые создаются в течение развития индивида (хотя их правомернее было бы назвать моделями сознания).

- Здесь и теперь (младенец) – «моментальная модель».
- Линейная модель – когда вспоминается прошлое и прогнозируется будущее (8–10 мес.).
- Конструктивная модель (3–4 года) – способность конструировать понятия независимо от отдельных событий; развитие мнения о себе, о социальных группах; тут же и первый источник отражения нашего Я.
- Трансцендентная модель (около 9 лет) – развитие уровня абстрагирования; эмоциональный аспект этой модели включает в себя религиозный и духовный опыт, некоторые реакции на поэзию и музыку.

Теория личностных конструктов Дж. Келли является достаточно спорной и скорее относится к когнитивно-экспериментальному подходу, нежели к феноменологическому. Келли создает метод репертуарных решеток, что дает возможность наметить для любого человека его переживания, но лишь при индивидуальной работе. Этот метод есть нечто большее, чем наложение предметного каталога на соответствующие переживания. Главное понятие в теории Келли – личностный конструкт, биполярное измерение, представляющее различные отношения, с помощью которых мы создаем свой собственный опыт переживания о мире (благоприятный – неблагоприятный и т. д.). Большинство людей не осознает, что конструкты, которые они использовали, основываются на их опыте. Здесь также учитываются соот-

ношения конструкторов (например, к физически привлекательный – физически непривлекательный добавляется конструктор высокомерный – внимательный. Так, человек проявляет тенденцию считать красивых людей высокомерными; часто подобные ассоциации даже не осознаются). Обобщение и анализ конструкторов может привести к пониманию своего или чужого поведения, узнать причины, из-за которых демонстрируется именно эта линия поведения. Обычно нам нравятся люди, чьи конструкторы похожи на наши собственные.

К. Роджерс считал, что Я-концепция индивида должна быть приближена к Я-идеальному; тогда его поведение становится более социализированным и зрелым; т. е. это уже состояние принятия себя и других. Как выяснилось, представления Я-идеального гораздо более стабильны, чем у Я-реального, в процессе терапии изменяется именно Я-реальное.

Немалое внимание уделяется также воображению и фантазиям – они делают наш опыт разнообразным, а рефлексия помогает представить, какое впечатление произведет такая модель поведения на других. Дети используют воображение и фантазии в своих играх, пытаясь перенять поведение взрослых. С началом юности они больше проявляются во внутреннем плане человека и необходимы для формирования различных идентичностей. Да и взрослые любят мечтать – они оживляют в своих воспоминаниях приятные или значимые события, направляют свои фантазии на недоступного или отсутствующего человека, делают свои мечты частью субъективного опыта, что помогает им уточнить планы, пробуждает надежды, делая их порой сутью нашей жизни.

Я-рефлексивное является одним из главных аспектов личности, осознающей себя дающей самооценку, ищущей более удовлетворительные формы поведения, сталкивающейся с вопросом выбора. В то же время у людей могут появиться тревога, страх, потеря почвы под ногами, так как Я-рефлексивное предполагает автономность и, следовательно, отсутствие определенной поддержки. Некоторые считают, что этот страх сильнее страха смерти. Процесс выбора означает, что альтернатива будет исключена и мы никогда не узнаем, какими будут переживания. В этом подходе рассматривается проблематика жизненного смысла, источниками которого являются:

- телесные нужды – их надо удовлетворять или человек погибнет;
- бессознательные переживания;
- культурные ценности.

Ялом выделил следующие варианты жизненного смысла:

- гедонизм удовольствия и наслаждения;
- самоактуализация – саморазвитие индивида;
- творчество;
- альтруизм и самопожертвование – обслуживание других.

В. Франкл видел смысл жизни в творчестве и чувстве красоты.

Социально-конструктивистский подход исходит из посылки о том, что социальная сущность людей конструируется (наполняется содержанием, значениями) социумом и культурой, т.е. человек представляет и, главное, описывает себя, посредством понятий, обладающих определенными значениями, меняющимися по мере развития культуры. В целом положения этого подхода сводятся к следующему:

- личность – индивид с разумом, сознанием, уникальностью;

- каждый индивид имеет свой личный, согласующийся набор характеристик, предпочтений, которые суммируются в личности и могут быть измерены;
- мысли и чувства людей могут быть выражены публично посредством языка, поступков и других символических действий;
- индивид продуцирует действия, в которых пытается реализовать себя, свои планы, мнения, желания.

Для конструктивистов социальный мир – это социальная история, социальная практика, социальная структура и т. д. Я здесь рассматривается как дистрибутивное, размытое, непрерывно изменяющееся, нелокализованное, статичное. При различных взаимодействиях существует целый ряд контекстуальных Я. Переплетение Я и социального контекста наиболее очевидно при проведении антропологических исследований других культур, где учитывается жизненный быт данной страны. Маусс выделяет два понятия Я: «*пои*» – чувство своего тела в пространстве, которое может быть у каждого человека, и «*personer*» – культурно специфичный вид Я, разный в различных культурах (пример с Японией, островами Тихого океана). Заметим, что особенно ярко эти различия проявляются в языке.

Не остается без внимания и эмоциональный аспект человека, который объясняется психологами практикой индивида, увязывается с мифами, историей, обычаями культуры. В результате некоторые варианты выражения эмоций и способы их понимания становятся характерными для данной культурной группы. Эмоции, различаемые в нашей культуре, – стыд, любовь, ярость, вина, зависть и т. д. – непосредственно связаны с восприятием Я и практикой. Некоторые исследователи утверждают, что существует несколько базисных эмоций, но в различных группах их описание тоже различно.

В этом же подходе изучаются развитие человека как социального существа, изменение чувства Я в процессе социализации, развитие самосознания, влияние других языков на эти процессы. Макдональд описывает ряд возрастных особенностей процесса развития представлений об идеальном Я:

- в раннем детстве происходит идентификация с одним из родителей;
- в юности нашим идеалом может стать живой человек. Но чаще всего это или культурный стереотип, или данные собственного эмпирического опыта.

В этих исследованиях представлены скорее результаты экспериментального изучения различных аспектов самости. Тем не менее в последние годы все больший интерес приобретают попытки построения более целостных концепций самости, обращенных к миру интерпретаций человека, отражающих своеобразие его само- и мировосприятия. При этом изучение самости осуществляется на:

- внутриличностном уровне – когнитивные процессы, мотивация, эмоции и т.д. (самоуважение, самоконтроль и т.д.);
- межличностном – на отношениях между людьми (самопрезентация);
- общественном – влияние культуры на процесс интерпретации.

Однако большинство исследований сфокусировано на когнитивных факторах, представляющих скорее рациональное, информационно-процессуальное описание самости, лишенное контекста жизненных чувств.

В данном подходе рассматривается такой феномен, как категоризация, т. е. классификация событий по тем особым признакам, набор которых и определяет соответствующее членство – категорию. Л. Витгенштейн предположил, что категоризация основана на идее семейного сходства и зависит от сравнения данной инстанции с прототипом данной категории. Источник нашего прототипа – все, что окружает нас. В большинстве случаев мы формируем прототип событий, о которых мы не имеем прямого знания, а черпаем их из книг, телевидения, газет, семьи, друзей, личного опыта.

Интерпретация нашего внутреннего состояния может влиять на восприятие нами других людей и на поведение по отношению к ним. Люди осознают себя и других как движущую силу, поэтому наблюдатели в основном объясняют поведение актера в личностных понятиях, из-за чего могут возникать атрибутивные ошибки, объясняемые в свою очередь следующими факторами:

- фокус восприятия – наблюдатели уделяют больше внимания актеру, чем ситуации; при наблюдении за действующим ситуация становится фоном; с другой стороны, действующий наблюдает за своим поведением в каком-то контексте, вследствие чего иногда появляются трудности в коммуникации;
- информационный – наблюдатель и актер получают разную информацию о происходящем: наблюдатель информирован лишь об одном событии и имеет тенденцию генерализовывать ее; действующий имеет информацию о своем поведении на долгий период времени;
- мотивационный – объяснение поведения в личностных понятиях помогает конструировать будущие действия исполнителя и соответственно организовывать их.

С другой стороны, актер хочет большей свободы действий, предпочитая видеть свое поведение более ситуативным, чем некий устойчивый паттерн.

Представители данного подхода выделяют такой стиль поведения, как атрибутивный – тенденция личности объяснять свое поведение определенными понятиями, упуская из виду другие. Так, успех, как правило, объясняется в личностных понятиях, но если в них нет личностных черт, это, по мнению М. Е. Seligman, приводит к возникновению депрессии, т.к. подобные объяснения разрушают уверенность в себе (глобальные черты почти неизменяемы). Различия наличествуют в культурах Запада и Востока – в самоописаниях людей Запада преобладают личностные черты, людей восточной культуры – описания своих социальных ролей или ситуативных понятий, причем понятия здесь более конкретны, чем в западной культуре. Возможно, эти различия возникли на почве различия религий.

Контроль – одно из главных понятий этого подхода. Личность будет предпочитать те объяснения, которые предполагают контроль за результатами поведения. Такие феномены, как счастливый случай, удача, никогда не интерпретируются, так как контроля над ними нет. Чувство, противоположное контролю, – беспомощность – лежит в основе депрессии; люди не могут ничего делать, ни к чему не испытывают интереса, утрачивают способность самооценки.

Социальная идентичность как существующая концепция самости

Постижение самости осуществляется при посредстве выявления ее содержательных характеристик. Они поставляются человеку непосредственным и опосредованным социальным окружением, создающим своеобразное зеркало для узнавания им самого себя. Но сам этот процесс предполагает и наличие средств узнавания, которые также поставляются извне. Смотрясь в это «волшебное зеркало» самопознания, интернализуя внешние оценки и сравнивая себя с другими людьми, человек начинает обретать собственную социальную идентичность, к рассмотрению которой мы и приступаем.

Понятие социальной идентичности

Традиционно социальная идентичность рассматривается как элемент Я-концепции, порождаемый членством в социальной группе и обособляемый от личностной идентичности, связываемой с индивидуальными особенностями и взаимоотношениями с другими людьми (R. Turner, 1982). Осознавая условность такого рода дифференциации, следует отметить, что определение собственной идентичности (как социальной, так и личностной) имеет крайне важное значение для человека: она помогает ему строить отношения с самим собой и с другими людьми, определиться в качествах, идентифицируемых с собственной персоналией и со своим окружением. Без такого рода идентификации человеческое Я предстает в виде ничего не значащей абстракции: лишь описав себя, т. е. идентифицировав набор своих качеств, свойств и особенностей, я начинаю осознавать себя для самого себя и себя в мире людей.

Любое относительно полное описание существующей концепции самости должно содержать следующие четыре области.

Первая – части (содержание самости); *вторая* – взаимоотношения между частями (структура самости); *третья* – пути описания всех частей как целого (измерения самости); *четвертая* – границы объекта (эго-протяженность).

Части, или компоненты, самости включают элементы социальной идентичности, диспозиции и физические характеристики; в то время как элементы социальной идентичности обычно выражаются в языке именами существительными, диспозиции или черты выражаются именами прилагательными, или описательными фразами, включая глаголы.

Социальная идентичность является характеристикой человеческого мышления, направленного на классификацию частей реальности, которые существуют в виде категорий. Едва ребенок входит в мир, он уже классифицируется в понятиях пола, возраста, расы, национальности, религии, семейного статуса, легального статуса (законнорожденный, незаконнорожденный), имени и т. д. В процессе жизни

появляются новые критерии классификации: доктор, машинист, демократ, масон и т. д.

Именно эти категории составляют социальную идентичность индивида – что означает группу, статус или категорию, к которым он социально принадлежит. На сегодня можно выделить шесть категорий социальной идентичности: социальный статус, группу членства; наименование (label); приоритетный статус; тип; личностную идентичность.

1. Социальный статус является универсальной основой социальной классификации и самоопределения. Пол, возраст, семейный статус, стратификационная позиция и занимаемое место являются критериями классификации в любом обществе.
2. По мере развития общества статусные характеристики подразделяются на группы, базирующиеся на добровольном объединении, сходстве представлений или интересов, разделяемых в культурах или субкультурах, общности происхождения, физического или регионального единства и т. д.
3. Наименование социальной идентичности базируется на процессе «социального обозначения» (labeling). Когда человек ведет себя в противоречии с социальными нормами, его поведение рассматривается как отклоняющееся (алкоголик, проститутка и т.д.). По мере перехода языка глаголов на язык существительных (часто пьющий – алкоголик. – В.Я.), скорее через процедуру формального удостоверения или общего социального признания, начинается процесс обозначения и порождаются ситуативные элементы социальной идентичности.
4. Приоритетный статус имеет свои корни в истории и биографии индивида, в существенной мере обусловлен статусом, группой членства или другими обозначениями. Так, человек может быть классифицирован, как бывший осужденный, бывший алкоголик и т. д. Эти категории влияют на его жизнь разнообразно, когда он включается в скрываемый статус (бывший осужденный), или на основе признания причин прошлых достижений (заслуженный деятель искусств на пенсии).
5. Более общие формы категоризации могут быть названы социальными типами, для них характерны некоторые интересы, аттитуды, привычки, которые социально понимаются как рядоположенные, например интеллигент, плейбой и т. д. Эти типы крайне разнообразны, не поддаются упорядоченной классификации, так как могут относиться к тому, как индивид видит себя, что он думает о себе, каким хочет показаться окружающим, на деле вовсе таким не являясь.
6. Последним компонентом социальной идентичности, как это ни парадоксально, является личностная идентичность, термин, часто используемый по отношению к глубинным мыслям, представлениям и желаниям, но не отражающий их сути.

Важно заметить, что элементы социальной идентичности несколько больше, чем просто согласованные категории, в которых определяется индивид; скорее это социальные модели, служащие стандартом для самооценки. Женщина не просто воспринимает себя как доктора, верующую или мать, она относится к себе как к

«хорошим» – доктору, верующей или матери, т. е. берет на себя некоторую идеальную социальную роль, которая содержит в себе много таких элементов, как черты, аттитюды, поведение, ценности, нормы, и др.

Как отмечает М.А. Ногг (1999), социальная идентичность регулирует поведение именно таким образом, как это осуществляется на практике в силу самокатегоризации. На основании самоопределения как личности, опыта взаимоотношений с другими людьми, в групповой принадлежности (что относится к ингруппе и к аутгруппе) люди формируют свои представления о возможном развитии событий, возможной реакции со стороны окружения, своей роли в нем, проявляют тенденцию к снижению внутригрупповых и концентрации на межгрупповых отличиях. Категоризируя других как ингруппу (своих) или аутгруппу (чужих), мы акцентируем внимание на соответствующих прототипах, часто носящих этноцентрическую окраску. Когда мы категоризируем себя, мы определяем, воспринимаем и оцениваем себя в понятиях ингрупповых прототипов и ведем себя в соответствии с ними. Самокатегоризация продуцирует ингрупповое нормативное поведение и самостереотипизацию, определяя таким образом основу группового поведения, деперсонализирует поведение людей, делая его соответствующим ингрупповым нормам.

Теория самокатегоризации, разработанная R. Turner (1985), пытается объяснить явление межгрупповой дискриминации при помощи понятий потребности в позитивной самоидентичности. При этом личностная идентичность рассматривается как уникальность человека, проявляющаяся в его отличиях от других членов ингруппы. Социальная же идентичность связана с категоризацией себя и других как обладающих сходством с определенной категорией в противопоставлении с другими людьми, относящимися к другой социальной категории.

Исходно эта теория разрабатывалась для объяснения группового поведения. Предполагалось, что разделяемая социальная идентичность становится характерной в случае продвижения от индивидуального самовосприятия к деперсонализации, т. е. когда член группы начинает воспринимать себя как менее отличного от остальных членов некоторой социальной категории. Например, когда человек подчеркивает, что он мужчина, он противопоставляет себя женщинам, акцентирует свое сходство с другими мужчинами и отличие от женщин. Его самость изменяется и по уровню, и по содержанию, а самовосприятие и поведение становятся деперсонализированными. Деперсонализация самости представляет собой субъективную стереотипизацию себя в понятиях соответствующей социальной категоризации и рассматривается как когнитивное основание группового поведения.

Эмпирические исследования процесса самокатегоризации показали активную избирательность людей в использовании категорий по критериям полезности, уместности и подтверждаемости в реальных обстоятельствах. В процессе этой избирательности проявляются два типа приспособления: *сравнительный* и *нормативный*. Первый тип основывается на принципе метаконтраста, в соответствии с которым утверждается, что ряд стимулов с большей вероятностью будет категоризован как (высокоупорядоченный) единый в той степени, в которой их воспринимаемые отличия будут меньше их средних отличий от исходной точки отсчета. Например, ряд людей с большей степенью вероятности будет восприниматься как

относящийся к одной социальной категории в случае, если различия между привлекаемыми социальными категориями будут больше, чем различия между этими людьми.

Второй тип приспособления относится к содержательному аспекту противопоставления проясняемой категории и представленного примера. Например, для категоризации людей как католиков относительно протестантов необходимо не только нахождение отличий от протестантов (в аттитюдах, действиях и т. п.), но и правильное направление в измерении специфического содержания сравнения. Сходства и отличия должны соответствовать нормативным представлениям о существовании социальной категории.

Гипотеза приспособления предсказывает, что самокатегоризация относительна, вариативна, гибка относительно точки отсчета, всегда зависит от контекста, не отражает фиксированных, абсолютных качеств воспринимаемого. Эта гипотеза послужила основанием для многих современных исследований, использующих идею социально контекстуальных оснований самокатегоризации для понимания того, как общество формирует знания посредством процессов, реализующихся в самости.

Представленный анализ социальной идентичности в ее соотношении с личностной, роль социальной категоризации в их формировании и проявлении в большей степени отражает доминирующую сегодня когнитивную версию социально-психологической интерпретации. Однако наряду с ней присутствуют и другие теоретические подходы, имеющие значительно большую историю рассмотрения проблемы.

Теоретические подходы к социальной идентичности

Подход к проблеме идентичности с позиций символического интеракционизма связан с концепцией самости Дж. Мида, под которой он понимал способность человека воспринимать свое поведение и жизнь как связанное единое целое.

Типы идентичности. Рассматривая проблему соотношения социальной детерминации идентичности и свободы личности, Дж. Мид выделяет неосознаваемую и осознаваемую идентичности. Неосознаваемая базируется на неосознанно принятых нормах, привычках; это принятый человеком комплекс ожиданий, поступающих от социальной группы, к которой он принадлежит. Осознаваемая идентичность возникает, когда человек начинает размышлять о себе и о своем поведении. Здесь подчеркивается значение когнитивных процессов, так как переход от неосознаваемой к осознаваемой идентичности возможен только при наличии рефлексии. Человек осознает свою идентичность, размышляя о себе с помощью приобретенного в социальном взаимодействии языка. Следовательно, осознаваемая идентичность не означает автономии личности от социума: она формируется при помощи категорий, выработанных в языке. В то же время наличие ее означает момент относительной свободы личности, так как человек перестает следовать ритуализированному развертыванию действий и начинает думать о тактике своего поведения. Соотношение между социальной детерминацией и самодетерминацией личности ре-

шается Дж. Мидом через аспекты идентичности «I» и «Me». «Me» описывает человека как существо, детерминированное социально заданными условностями и привычками. Это как бы представитель общества в индивидууме: оно состоит из интернализированных «генерализованных других». «I» описывает человека как существо, которое способно реагировать на социальную ситуацию своим индивидуальным неповторимым образом. При интерпретации человеческого поведения необходимо учитывать оба аспекта идентичности.

Идею Дж. Миды о наличии типов идентичности – социально заданной идентичности и отражающей индивидуальное в человеке – развивает И. Гофман. Он выделяет три вида идентичности: 1) социальную – типизацию личности другими людьми на основе атрибутов социальной группы, к которой он принадлежит; 2) личную – речь идет об индивидуальных признаках человека: а) уникальных признаках данного человека (например, отпечатки пальцев; б) уникальной комбинации фактов истории его жизни; 3) Я-идентичность – субъективное ощущение индивидом своей жизненной ситуации, непрерывности и своеобразия. Личная идентичность также является социальным феноменом: восприятие ее происходит при условии, что информация о фактах жизни человека известна его партнеру по взаимодействию.

Для анализа взаимодействия И. Гофман вводит понятие знака. *Знак* – это любой признак человека, который используется им в ситуации взаимодействия для подчеркивания некоторых своих качеств, своего отличия от других. Для понимания этого процесса вводится различие между актуальной и виртуальной социальной идентичностью. Актуальная – это типизация личности на основе атрибутов, которые легко доказуемы, очевидны. Виртуальная – это типизация личности на основе атрибутов, которые только можно предположить. Влияние человека на информацию о себе, идущую на социальное окружение, И. Гофман называет «политикой идентичности». Для осуществления такого влияния используются различные техники. Например, «техники избегания» направлены на то, чтобы принять меры изоляции от того человека, который мог бы открыть нежелательные знаки. «Техники компенсации» включают меры, с помощью которых информация человека о себе искажается или фальсифицируется. Возможны техники «деидентификации», направленные на изменение интерпретации признаков виртуальной идентичности в желаемом направлении, и др.

Модели И. Гофмана близка модель «борьбы идентичностей» R. D. Fogelson (1982), где выделяются четыре вида идентичности: 1) реальная – самоотчет индивида о себе, его самописание «я сегодня»; 2) идеальная (позитивная) идентичность, индивид стремится быть таким, каким бы ему хотелось себя видеть; 3) негативная, «вызывающая страх», – когда индивид стремится избегать того, каким он не хотел бы себя видеть; 4) предъявляемая – набор образов, которые индивид транслирует другим, чтобы повлиять на оценку своей идентичности. Человек старается приблизить реальную идентичность к идеальной, максимизировать дистанцию между реальной и негативной, что достигается путем манипулирования предъявляемой идентичностью в социальном взаимодействии с помощью «работы идентичности» – процесса, аналогичного «политике идентичности».

Развитие идентичности. Дж. Мид считал, что при рождении человек не обладает идентичностью, она возникает только при условии включенности индивида

в социальную группу, в общении с членами этой группы. При этом исключительное значение придается символической коммуникации – вербальной и невербальной.

Развитие идентичности идет от неосознаваемой к осознаваемой. Осознаваемая предполагает наличие способности к рефлексии. Аспекты «I» и «Me» олицетворяют сосуществование принципов социального изменения, социального контроля, социальности, индивидуальности. С одной стороны, общество определяет идентичность индивида, задавая нормы и законы ее существования; с другой – индивид задает собственное окружение в смысле выбора целей, ценностей, потребностей.

Возможны ситуации, когда человек стоит перед проблемой, каким образом достичь переживания себя как взаимосвязанного целого. Такие ситуации возникают, когда он находится между социальными группами, имеющими разные нормы и ценностные ориентации. В таком случае могут возникнуть две различные идентичности.

L. Krappman (1985) систематизировал идеи Дж. Мида об осознаваемой идентичности; он рассматривал условия социальной ситуации, при которых идентичность остается сохранной, и назвал ряд способностей, необходимых человеку для сохранения своей идентичности в ситуации взаимодействия. Представления принимающих участие во взаимодействии партнеров о значении одних и тех же символов не только бывают различны, но часто и противоречивы. Постоянно поступающая в процессе взаимодействия новая информация должна перерабатываться индивидом так, чтобы привести ее в соответствие с накопленным опытом. При этом особенно важна самопрезентация во взаимодействии. Успех поддержания идентичности зависит от наличия у человека способности к ролевому дистанцированию, эмпатии, толерантности, успешной презентации своей идентичности.

По Ю. Хабермасу, Я-идентичность образуется из совокупности личностной и социальной, фактически двух измерений, в которых реализуется балансирующая Я-идентичность (концепция баланса идентичности). Вертикальное измерение – личностная идентичность – обеспечивает связность истории жизни человека. Горизонтальное измерение – социальная идентичность – обеспечивает возможность выполнять различные требования всех ролевых систем, к которым принадлежит человек. Я-идентичность возникает в балансе между личностной и социальной. Установление и поддержание этого баланса происходит с помощью техник взаимодействия, среди которых исключительная роль отводится языку. Во взаимодействии человек проясняет свою идентичность, стремясь соответствовать нормативным ожиданиям партнера. В то же время стремится к выражению своей неповторимости.

Ряд идей относительно природы идентичности, зародившихся в рамках символического интеракционизма (выделение двух аспектов идентичности – ориентированного на социальное окружение и ориентированного на уникальность человека; представление о взаимосвязи между этими аспектами, а также о необходимости определенных усилий со стороны индивида для поддержания идентичности), получили развитие в исследованиях когнитивно ориентированных авторов.

Психодинамический подход к проблеме идентичности традиционно связывают с именем Э. Эриксона, который определил идентичность как внутреннюю

непрерывность и тождественность личности, выделив следующие элементы ее на уровне индивидуального опыта:

- чувство идентичности – чувство личностного тождества и исторической непрерывности личности;
- сознательное чувство личностной идентичности, основанное на восприятии себя как тождественного и осознании непрерывности своего существования во времени и пространстве и восприятии того, что и другие признают мое тождество и непрерывность;
- переживание чувства идентичности с возрастом и по мере развития личности усиливается: человек ощущает возрастающую непрерывность между тем, что он пережил за свое детство, и тем, что он предполагает пережить в будущем; между тем, кем он хочет быть, и тем, как воспринимает ожидания других по отношению к себе (Антонина, 1996, с. 132).

Все эти наблюдения относятся к форме существования идентичности: обладать идентичностью – значит 1) ощущать себя, свое бытие как личности неизменным, независимо от изменения ситуации, роли, самовосприятия; 2) прошлое, настоящее и будущее переживаются как единое целое; 3) человек ощущает связь между собственной непрерывностью и признанием этой непрерывности другими людьми. Об идентичности Э. Эриксон говорит, что это есть конфигурация, которая возникает путем успешного эго-синтеза и ресинтеза в течение детства, постепенно объединяя конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли (Erikson, 1960, с. 49).

Таким образом, чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни, уверенности во внешнем одобрении.

Э. Эриксон в своих работах не прибегал к эмпирическим исследованиям, ограничиваясь теоретическим анализом проблемы идентичности. Когда же последователи попытались обосновать его идеи эмпирически, оказалось, что они метафоричны и широки; это не позволяло выделить переменные эмпирического исследования, появились попытки дать более строгое и операциональное определение идентичности

Ж. Е. Marcia (1970) определил идентичность, в основном, на исследованиях подростков как «структуру эго – внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории». Для операционализации понятия идентичности он выдвинул предположение, что данная гипотетическая структура проявляется феноменологически через наблюдаемые паттерны «решения проблем». Например, подросток для достижения идентичности должен решить: идти ему учиться или работать, какую выбрать работу, вести ли половую жизнь и т. п. Решение каждой, даже незначительной, жизненной проблемы вносит определенный вклад в достижение идентичности. По мере принятия все более разнообразных решений относительно себя и своей жизни развивается структура идентичности, повышается осознание сильных и слабых сторон, целенаправленности, осмысленности жизни. Marcia подчеркивает, что развитие идентичности может включать многие другие аспекты, но его модель базируется именно на аспекте решения проблем.

В работах А. S. Waterman (1982) в большей степени акцентируется ценностно-волевой аспект развития идентичности. Он считает, что она связана с наличием у человека четкого самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений, которым он следует в жизни. Они формируются в результате выбора из различных вариантов в период кризиса идентичности и являются основанием для определения смысла жизни.

Waterman рассматривает идентичность с процессуальной и содержательной сторон. Во-первых, процесс формирования ее охватывает средства, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели и убеждения, которые впоследствии станут элементами его идентичности. Так, подросток делает выбор из огромного количества потенциальных элементов идентичности, оценивая преимущества, ограничения каждого из них, его значимость для собственной личности. Во-вторых, идентичность невозможно рассматривать без учета содержательной специфики целей, ценностей и убеждений, которые человек выбирает. Каждый элемент идентичности относится к какой-либо сфере человеческой жизни; Waterman выделяет следующее: 1) выбор профессии и профессионального пути; 2) принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; 3) выработка политических взглядов; 4) принятие набора социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства. Исследование идентичности следует вести с учетом процессуальной и содержательной сторон в их единстве и взаимосвязи, это даст возможность не только проследить пути формирования идентичности, но и понять значения для личности выборов, сделанных в той или иной сфере жизни.

Типы идентичности по Э. Эриксону, следующие: а) эго-идентичность и более широкое понятие идентичности; б) позитивная и негативная идентичность. В статусной модели Marcia выделяются четыре состояния (статуса) идентичности. Для построения модели используются два параметра: 1) наличие или отсутствие кризиса — состояние поиска идентичности; 2) наличие или отсутствие единиц идентичности — лично значимых целей, ценностей, убеждений (таблица 20).

Таблица 19.

Статусы идентичности

Единицы идентичности	После кризиса	Кризис	До кризиса
Сформировались	Достигнутая идентичность	–	Преждевременная идентичность
Не сформировались	Диффузная идентичность	Мораторий	Диффузная идентичность

Приводится по Антонова Н.В., 1996, с. 134.

Для исследования идентичности Marcia разработал метод полуструктурированного интервью: на основе анализа магнитофонной записи интервью группа экспертов приписывала индивиду один из следующих статусов идентичности.

Достигнутая идентичность – статус человека, прошедшего период кризиса и самоисследований и сформировавшего определенную совокупность лично значимых для него целей, ценностей и убеждений. Такой человек знает, кто

он и чего хочет, и соответственно структурирует свою жизнь. Ему свойственно чувство доверия, стабильности, оптимизма в отношении будущего. Осознание трудностей не уменьшает его стремления придерживаться избранного направления. Свои цели, ценности и убеждения он переживает как лично значимые, обеспечивающие ему чувство уверенности и осмысленности жизни.

Мораторий – термин, который, вслед за Э. Эриксоном, Marcia использует по отношению к человеку в состоянии кризиса идентичности и активно пытающемуся разрешить его, пробуя различные варианты. Такой человек постоянно в поисках информации, полезной для разрешения кризиса (чтение литературы, беседы с друзьями, родителями, реальное экспериментирование со стилями жизни), на ранних стадиях человек переживает чувства радостного ожидания, любопытства.

Преждевременная идентичность – статус, приписываемый человеку, который никогда не переживал состояния кризиса идентичности, но обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений. Содержание и сила этих элементов могут быть такими же, как у достигших идентичности, различен процесс их формирования. У людей с преждевременной идентичностью элементы формируются относительно рано не в результате самостоятельного поиска и выбора, а в основном вследствие идентификации с родителями или другими значимыми людьми. Принятые таким образом цели, ценности и убеждения могут быть или сходными с родительскими, или отражать ожидания их.

Диффузная идентичность – состояние, характерное для людей, которые не имеют прочных целей, ценностей и убеждений и не пытаются активно сформировать их. Они или никогда не находились в состоянии кризиса, или вовсе не способны решить возникшие проблемы. При отсутствии ясного чувства идентичности люди переживают ряд негативных состояний: пессимизм, апатию, тоску, неизъяснимую злобу, отчуждение, тревогу, чувство беспомощности и безнадежности.

Развитие идентичности Э. Эриксон трактовал как взаимодействие биологических, социальных и эго-процессов, причем эго ответственно за интеграцию первых и вторых. Результатом интегративной работы эго, или эго-синтеза, является некоторая конфигурация элементов идентичности, которая строится в течение детства и обеспечивает переживание чувства идентичности. В подростковом возрасте происходит переструктурирование совокупности детских идентификаций в новую конфигурацию посредством отказа от некоторых из них и принятия других, т. е. происходит одновременная интеграция и дифференциация различных взаимосвязанных элементов (идентификаций). Для каждого человека они образуют уникальный гештальт. Всякий раз, когда возникают какие-либо изменения – биологические или социальные, необходимы интегрирующая работа эго и переструктурирование элементов идентичности, так как разрушение структуры ведет к потере идентичности и связанным с этим негативным состояниям, вплоть до депрессии и самоубийства.

Процесс формирования идентичности не заканчивается в юношеском возрасте, это лишь фаза в развитии идентичности, период наиболее яркого ее кризиса.

В эпигенетической диаграмме Э. Эриксона выделяет восемь стадий развития идентичности, каждая из которых имеет свою проблему, требующую разрешения; новые элементы должны быть интегрированы в уже имеющуюся структуру, старые – реинтегрированы или отброшены. Развитие идентичности нелинейно, оно проходит через так называемые кризисы – периоды, когда возникает конфликт между сложившейся к данному моменту конфигурацией элементов идентичности с соответствующим ей способом «вписывания» себя в окружающий мир и изменившейся биологической или социальной нишей существования индивида. Для выхода из кризиса индивид должен приложить определенные усилия, чтобы найти и принять новые ценности, новые виды деятельности.

Marcia отмечает два пути достижения идентичности: 1) постепенное осознание некоторых данных о себе (имя, гражданство, наличие способностей и т. п.), приводящее к формированию присвоенной, или преждевременной, идентичности; 2) самостоятельное принятие человеком решений относительно того, каким ему быть, – приводящее к формированию конструируемой, или достигнутой, идентичности.

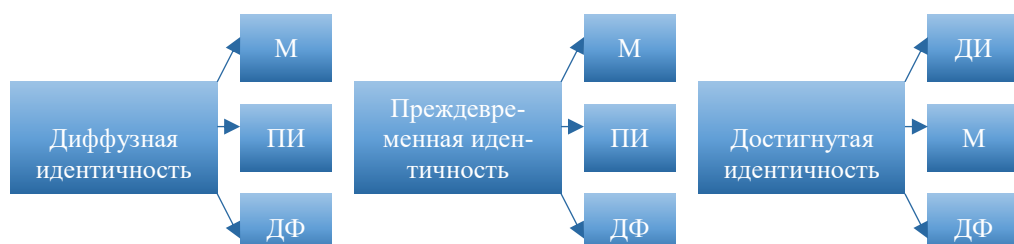
Кризис идентичности, как правило, не охватывает всей жизни человека, а фокусируется на ограниченном числе проблем его жизненных сфер, т. е. в каждый момент жизни человек имеет смешанное состояние идентичности и отнесение его к тому или иному статусу достаточно условно. D. R. Matteson (1975) ввел понятие «многофазового кризиса», обнаружив, что в разных сферах жизни идентичность развивается по-разному (например, проблема независимости в раннем подростковом возрасте). Аналогичные выводы сделал и I. C. Coleman (1974), считая, что человеческая жизнь предстает как путь преодоления различных по содержанию кризисов идентичности.

A. S. Waterman смотрел на формирование идентичности как не на единичный акт, а на серию взаимосвязанных выборов, посредством которых человек принимает личные цели, ценности, убеждения (схема 8).

Согласно модели Waterman, развитие идентичности не является линейным процессом, оно может идти и вспять, возвращаться на более низкий уровень. Даже имея достигнутую идентичность, человек может вновь испытать кризис и ввернуться в аморфное состояние. Чувство решенности, достижения идентичности разрушается по мере того, как цели, ценности и убеждения теряют свою силу, перестают соответствовать требованиям изменившейся жизни. Если при этом наблюдается процесс разрешения кризиса, есть шанс вновь достичь идентичности. Но, если человек не хочет замечать происходящих изменений и затрачивать усилия на личностные поиски, возникает опасность погрузиться в состояние апатии.

Схема 8.

Модель развития идентичности

ДФ — диффузная идентичность; ПИ — преждевременная идентичность; М — мораторий; ДИ — достигнутая идентичность.

Когнитивный подход к проблеме идентичности. Идея о наличии двух аспектов идентичности – ориентированного на социальное окружение и на уникальность проявлений человека – наиболее полно воплотилась в теории социальной идентичности Н. Tajfel и R. Turner.

Идентичность, или Я-концепция, представляется здесь как когнитивная система, выполняющая роль регуляции поведения в соответствующих условиях и включающая в себя две подсистемы идентичности: *личностную* и *социальную*. Первый относится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт. Второй складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, национальности, полу и т. д. По мнению Н. Tajfel, эти идентичности представляют собой два полюса одного континуума. На одном – поведение, полностью определяющееся личностной идентичностью, на втором – поведение, полностью определяющееся социальной идентичностью. Более типичным является поведение, находящееся между этими двумя полюсами. G. Breakwell по-иному решает проблему соотношения личностной и социальной идентичности. С точки зрения реальной динамики, это не различные аспекты единой идентичности, а разные точки в процессе развития последней. Он выделяет следующие структурные компоненты идентичности, представленные на схеме 10.

1. *Биологический организм.* Идентичность является продуктом взаимодействия биологического организма с социальным контекстом. Биологический организм – «сердцевина» идентичности, однако со временем он становится все менее значимой ее частью.
2. *Содержательное измерение.* Включает все характеристики, которыми индивид пользуется, чтобы описать себя, и которые описывают его как уникальную личность.

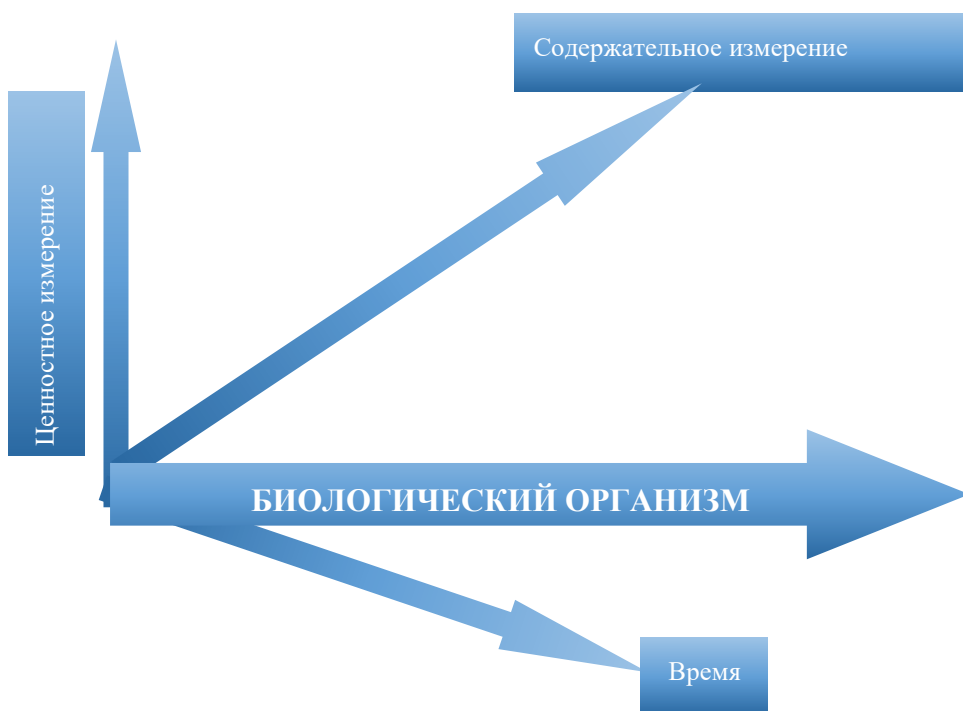
Содержательные характеристики, образующие это измерение, относятся как к социальной (роли, групповое членство), так и к личностной (ценности, мотивы, эмоции, установки, каузальные схемы, персональные конструкты) идентичности. Предполагается, что содержательное измерение непрерывно во времени и сводит воедино характеристики, относящиеся к личностной и социальной идентичности. Если признать, что социально-ролевые категории порождают личностные установки, поддержание дихотомии между социальной и личностной идентичностью теряет смысл.

Содержательное измерение расширяется по мере жизни человека. Актуальные содержания идентичности не статичны, как и структурная организация этих содержаний. Они трансформируются в соответствии с изменениями социального контекста. Люди различаются по степени связанности между элементами идентичности. Одни обладают строгой иерархической структурой содержательных элементов идентичности, другие – хаотическим набором отдельных ее элементов. В зависимости от актуальной ситуации какие-то из них более «выпуклы», какие-то менее.

3. *Ценностное измерение.* Каждый элемент содержательного измерения имеет свою оценку, позитивную или негативную, которая приписывается ему индивидом, исходя из социальных норм и ценностей. Оценки также не статичны, они могут меняться в соответствии с изменениями в социальной ситуации.
4. *Время.* Развитие идентичности протекает в плане субъективного времени. Биографическое время определяется содержательным и ценностным параметрами измерения идентичности, влияя, в свою очередь, на их структурную организацию.

Схема 10.

Структура идентичности по G. Breakwell

Развитие идентичности. По Н. Tajfel, достижение идентичности возможно как посредством развития личностной, так и через формирование социальной идентичности. В целях приспособления к различным ситуациям Я-концепция регулирует поведение человека, делая более выраженным осознание либо социальной, либо личностной идентичности. Один и тот же человек будет действовать как личность при актуализации личностной идентичности и как член социальной группы при актуализации социальной идентичности. J. Turner развил идею биполярного континуума; ввел понятие самокатегоризации – когнитивного группирования себя с некоторым классом идентичных объектов выделив 1) самокатегоризацию себя как человеческого существа (человеческая идентичность); 2) групповую самокатегоризацию – социальную идентичность; 3) личностную самокатегоризацию – личностную идентичность. Между ними существует функциональный антагонизм: с

позиции личностной идентичности человек не видит сходства между группами, с позиции групповой идентичности – не различает индивидуальных характеристик отдельных членов группы. Любые факторы, усиливающие выраженность групповой самокатегоризации, ведут к увеличению воспринимаемого тождества между собой и членами ингруппы и таким образом деперсонализируют индивидуальное самовосприятие (концепция деперсонализации). Деперсонализация относится к процессам «самостереотипизации», посредством которых люди воспринимают себя как взаимозаменяемые экземпляры социальной категории, а не как уникальные личности.

G. Breakwell подчеркивает социальное происхождение идентичности, причем считает личностную идентичность вторичной по отношению к социальной. Во взаимодействии с социальным миром человек активно усваивает понятия, с помощью которых познает себя. Усвоенные им категории социальной идентичности и социальных ролей обеспечивают: а) формирование структуры личностной идентичности (набора характеристик, используемых для самоописания); б) оценку элементов содержательной структуры (моральные и социальные нормы, задаваемые референтной группой). Таким образом, личностная идентичность является продуктом социальной, но будучи сформированной активно влияет на последнюю. Эволюция идентичности человека – процесс непрерывного диалектического взаимодействия личностной и социальной идентичности.

На схеме 9 показан рост идентичности, начиная с рождения человека, в процессе взаимодействия биологического организма с социальным контекстом. Содержательное и ценностное измерения изображены как расширяющиеся в течение жизни, но не обязательно сопровождающиеся усложнением структурной организации идентичности. Можно было бы сказать, что люди с простой структурой имеют незрелую идентичность, однако Breakwell считает, нет оснований полагать, что иметь идентичность с более дифференцированной структурой «лучше», чем с простой. Содержательное и оценочное измерения идентичности развиваются в соответствии с особенностями социального опыта индивида. Если опыт ограничен, может сформироваться простая структура идентичности. Но даже при полном прекращении изменений во внешнем мире (если такое возможно) в структуре идентичности они не прекращаются, обеспечиваясь взаимодействием между ее элементами.

Развитие идентичности осуществляется с помощью 1) ассимиляции и аккомодации: происходит отбор новых компонентов в структуру идентичности, а затем приспособление структуры к этим компонентам (переструктурирование); 2) оценки значения содержаний идентичности, новых и старых, при этом процесс оценивания может влиять в плане отбора на содержание ассимиляции и на форму аккомодации. С другой стороны, ассимилируются ценности, которые задают критерии оценки. Взаимодействие этих процессов во времени приводит к формированию содержательного и ценностного измерений идентичности.

Так как социальные изменения постоянны, индивид сталкивается с изменением информации для ассимиляции. Для поддержания своей идентичности он может какое-то время не воспринимать эти изменения, используя для этого различные стратегии защиты.

Н. В. Антонова в свете сказанного приходит к следующим обобщениям:

1. Идентичность имеет структурное строение. Основными параметрами ее измерения являются содержательный и оценочный, находящиеся во взаимодействии и взаимосвязи. Идентичность существует в плане субъективного времени.
2. Возможно выделение двух аспектов идентичности – личностного и социального. Онтогенетически личностная идентичность является вторичной по отношению к социальной, формируясь на основе использования выработанных в процессе социальной категоризации понятий.
3. Идентичность – динамичная структура, она развивается на протяжении всей жизни человека, причем это развитие нелинейно и неравномерно, проходит через преодоление кризисов идентичности, может идти и в прогрессивном, и в регрессивном направлениях.
4. Возможно выделение различных типов идентичности. Классификации основываются на таких параметрах, как наличие или отсутствие кризиса идентичности, сила и наличие решений, принятых относительно себя и своей жизни, открытость новому выбору. Способность к изменению идентичности связана с использованием защитных стратегий.
5. На поведенческом уровне возможно рассмотрение идентичности как процесса решения жизненно значимых проблем, причем каждое принятое решение по поводу себя и своей жизни (самоопределение) будет вносить вклад в формирование структуры идентичности в качестве ее элемента.
6. Идентичность является социальной по происхождению, так как она формируется в результате взаимодействия индивида с другими людьми и усвоения им выработанного в процессе социального взаимодействия языка. Изменение идентичности обусловлено изменениями в социальном окружении индивида.

Проведенный анализ проблемы идентичности показывает перспективность межпарадигмального диалога, способствующего углублению представлений, определяет рамки соотношения понятия идентичности с более объемными понятиями самости и Я-концепции.

Я-концепция в структуре самости

Многогранность и многоаспектность самости создает сложности для ее описания как целостного феномена. Поэтому в социальной психологии используется ряд вспомогательных категорий, наиболее широкой и изученной из которых является Я-концепция. Выше мы рассматривали ее определение и соотношение с другими категориями. Здесь же подчеркнем ее отличительную особенность – осознанность представлений человека о самом себе. Все те знания, которые осознаются как относящиеся к самому себе и составляют структуру и содержание Я-концепции к рассмотрению которых мы и переходим.

Структура и содержание Я-концепции

Люди обладают огромным объемом информации о самих себе, зафиксированной в структурах памяти и определенным образом структурированной. Психологи предпочитают рассуждать о Я-концепции не как о некоей унитарной сущности, а как о системе представлений человека о самом себе, фиксирующей уникальное своеобразие собственного Я. Причем в последние годы чаще речь идет о схемах самости, что является некоторым упрощением, так как фиксируется скорее на общем, нежели уникально-специфичном в ней.

Рассмотрение Я-концепции как всеобщности мыслей и чувств индивида по отношению к самому себе как объекту, по мнению М. Rosenberg, предполагает вычленение следующих составляющих: 1) *компонентов*, 2) *структур*, 3) *измерений*, 4) *фокусов внимания*, 5) *областей*, 6) *планов* и 7) *мотивов* (1982, с. 1 – 12).

Компонентами Я-концепции являются части, элементы или единства, составляющие ее. В первую очередь они представлены именами существительными (белорус, мужчина, студент и т. п.) и прилагательными (интеллигентный, чувствительный, добропорядочный и т. п.). Действительно сталкиваясь с вопросами – кто Вы такой или какой Вы? человек начинает описывать себя при помощи имен существительных и прилагательных причем на такого рода описании самым непосредственным образом сказывается уровень общей культуры, представляемый в том числе и богатством языка. Чем более развит язык, т. е. широка и многообразна понятийная система, тем больше возможностей передать различные тонкости и нюансы собственного Я, и наоборот – чем она менее развита, тем более упрощена характеристика. Например, мир известного персонажа Элочки-людоедки представлен всего 32 понятиями, за рамки которых она объективно и выйти не может, так как нечем это сделать. Чем более разработан понятийный аппарат, тем богаче и самописание личности, тем больше граней собственного Я она фиксирует. Вот почему важен анализ самоописаний, по которому можно судить о богатстве представлений человека о самом себе.

По отношению к этим компонентам весьма сложно сформировать какую-либо упорядоченную классификацию из-за обилия слов, обозначающих по-разному характеристики личности в разных языках и по разной их представленности в конкретных индивидуальных самосознаниях. Тем не менее попытки создания общих словарей самоописаний достаточно многообразны. Одной из наиболее успешной явилась попытка С. Gordon, систематизировавшего ответы опрашиваемых по широко применяемому опроснику «Кто Я?», что позволило ему сформировать 30 широких категорий, охватывающих более 5000 слов. Эта во многом софистическая классификация явилась наглядной иллюстрацией множественности элементов Я-концепции. В русскоязычной психологической литературе такая же попытка была произведена В. Ф. Петренко, составившего тезаурус, состоящий из 1500 слов. Подобное расхождение англоязычного и русскоязычного словарей, по нашей оценке, вовсе не свидетельствует о богатстве английского языка по сравнению с русским, а скорее о менее скрупулезной работе автора. Свидетельством является наличие более 20 000 слов, описывающих характеристики Я в словаре Даля. Понятно, что многие из них дублируют друг друга, рядоположны и т. д. но они никак не сводимы к упомянутым 1500 словам.

Структура – категория, отражающая взаимоотношения элементов относительно один другого, способ их упорядочения. Не все компоненты в ней равноположны; одни являются основополагающими, другие – периферическими. Вместе с тем крайне важно выяснение того, насколько характерен тот или иной компонент для данной личности, какой является наиболее значимым. Важной характеристикой также является последовательность частей, описанная J. Morse и K. Gergen (1970, с. 148-156), как степень, в которой (индивид) рассматривает различные компоненты Я-концепции как формирующие связное целое.

Последовательность элементов Я-концепции, по мнению W. J. McGuire, не обязательно обусловлена мотивом самоуважения. В отдельных случаях в качестве наиболее характерных элементов могут осознаваться и негативные качества. Вопрос не в том, является то или иное качество хорошим или плохим, а в том, насколько характерным оно воспринимается.

Особенности структуры Я-концепции, ее взаимосвязь со структурами Я-концепций других людей иллюстрирует вставка 1, в которой приведена разработанная Ю. Н. Емельянов «Методика изучения Я-концепции личности» (1985, с. 124-128).

Вставка 1.

Методика изучения Я-концепции личности

Вероятно, у каждого человека есть своя собственная теория, касающаяся того, что именно делает его уникальным, единственным в своем роде индивидом, отличающимся от всех остальных людей. При этом невольно возникает вопрос: разделяют ли окружающие мое мнение о самом себе, видят ли меня другие таким же, каким я считаю себя? Если они определяют меня иначе, то, что же лежит в основе их восприятия и оценки?

Попробуем выяснить этот вопрос в ходе выполнения следующих заданий. Возьмите несколько листов чистой бумаги и напишите на одном из них в правом верхнем углу одно из своих имен, к которому Вы в наибольшей степени привыкли (это могут быть имя и отчество, просто имя, фамилия уменьшительное имя, кличка и т. п.). После этого:

А. Дайте 10 ответов на вопрос: Кто я такой? Сделайте это быстро, записывая свои ответы точно в той форме, как они сразу приходят в голову.

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

Б. Ответьте на тот же вопрос так, как, по Вашему мнению, отозвались бы о Вас Ваши отец или мать (выберите одного)

1. _____
2. _____

3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

В. Ответьте на тот же вопрос так, как, по Вашему мнению, отозвался бы о Вас Ваш лучший друг (подруга).

1. _____
2. _____
3. _____
4. _____
5. _____
6. _____
7. _____
8. _____
9. _____
10. _____

Теперь сравните эти три набора ответов и в письменной форме укажите следующее:

1. В чем состоит сходство? _____

2. Каковы различия? _____

3. Если есть различия, то как Вы их объясняете применительно к самому себе? В какой степени Вы ведете себя по-разному с разными людьми и какие роли принимаете на себя при общении с близкими людьми?

4. Каким образом эти различия объяснимы, исходя из индивидуальных особенностей этих других лиц, т.е. как их ожидания формируют те суждения о Вас, которые Вы им приписываете?

5. Укажите, какие из 10 ответов Вашей самохарактеристики (пункт 1) касались:

а) физических качеств (облик, сила, здоровье и т. п.)

б) психологических особенностей (интеллект, эмоциональная сфера и т.п.) _____

в) социальных ролей (профессиональная деятельность, семейное положение и

т.п.) _____

Теперь установите очередность, которую Вы считаете целесообразной при перечислении этих трех групп качеств. Остается ли Вы теперь на

своих первоначальных позициях в составлении своей самохарактеристики?

Если нет, то запишите новый порядок следования упомянутых Вами в самом начале качеств. Прибавились ли или заменились какие-либо из них и чем Вы это объясняете?

Если Вы выполнили упражнение, то написанный Вами итог можно определить как словесное определение Вашей Я-концепции, т. е. относительно зафиксированного представления о самом себе. Тут же отметим зависимость Я-концепции от воспринимающих Вас других людей, предпочитаемого Вами варианта своего имени, который, кстати, тоже во многом зависит от окружающих.

Теперь попробуем разобраться в том, как на суждения о других людях влияет наше отношение к ним, т. е. выяснить особенности Я как субъекта восприятия других.

Упражнение 2. Вступая во взаимодействие с окружающими, мы обычно обнаруживаем, что они нам нравятся или не нравятся. Как правило, эту оценку мы связываем с внутренними качествами воспринимаемых нами людей, а не с особенностями собственного восприятия. Данное упражнение ставит целью продемонстрировать существование переменных, заключенных в нас самих и не относящихся к оцениваемым другим людям. Это наглядно проявляется в нашем отношении, часто противоречивом, к людям, которых мы хорошо знаем.

А. Вспомните двух людей, которые Вам очень нравятся (для обозначения используйте их инициалы). Укажите пять качеств, которые Вам в них нравятся.

Инициалы первого _____	Инициалы второго _____
Качества	
_____	1. _____
_____	2. _____
_____	3. _____
_____	4. _____
_____	5. _____

Б. Вспомните двух людей, которые Вам совсем не нравятся. Обозначив их по той же схеме, запишите их качества, которые Вам не нравятся.

Инициалы первого _____	Инициалы второго _____
Качества	
_____	1. _____
_____	2. _____
_____	3. _____
_____	4. _____
_____	5. _____

В. Указав эти качества, Вы сможете увидеть, в чем схожи те люди, которые Вам нравятся и не нравятся. Например, включают ли два первых списка одни и те же прилагательные (предположим, «добрый», «щедрый»)? Произведя такое же сравнение второй пары списков, Вы увидите сходство не нравящихся Вам людей в отмеченных Вами качествах (например, «жестокий», «косный»). Теперь сравните все четыре перечня и

определите, какие личностные параметры людей заставляют вас любить их или, напротив, ненавидеть. Отметьте, какие качества людей важны для Вас, что Вы ищете в окружении и что Вас в них возмущает и отталкивает. Запишите свои выводы.

Измерения отражают некоторые абстрактные качества, характеризующие особые компоненты Я-концепции, или самости как всеобщности. Примерами их являются *самооценка, стабильность Я-концепции, самоуверенность, самокристаллизованность*. Проиллюстрировать все это можно на примере такого значимо личностного качества, как ум: во-первых, выяснить, как он сам оценивает себя по данному параметру (самооценка); во-вторых, является ли это отношение постоянным или изменчивым (стабильность); в-третьих, насколько уверен в этой своей характеристике человек (самоуверенность); в-четвертых, насколько четко он структурирует суждения о типе и уровне своего интеллектуального развития (самокристаллизованность). Эти же измерения могут быть отнесены к отношению индивида к себе как к целому. Так понимание Я-концепции может привести нас к выводам, является ли она положительной, стабильной, сохраняет ли уверенность в себе по мере перемещения в жизненном пространстве, устойчива ли, кристаллизована ли.

Наиболее распространенным измерением является *самооценка* личности. Фактически человек постоянно сравнивает себя с различного рода внешними или внутренними эталонами. Результатом такого рода сравнений и является самоотношение и самоудовлетворенность или несамоудовлетворенность. Наиболее сложным вопросом в этом случае является адекватность самооценки. Практика показывает, что люди могут либо недооценивать, либо переоценивать себя. Как в первом, так и во втором случае это приводит к неадекватности во взаимоотношениях с окружающими. Человек с завышенной самооценкой часто не может понять, почему окружающие недооценивают его. Человек с заниженной самооценкой часто замыкается в самом себе и не берется за решение задач, объективно доступных ему.

Сложность определения уровня самооценки заключается и в том, что она может сильно отличаться в зависимости от оцениваемого качества или измерения личности. Существовавшие ранее представления о наличии некоего универсального уровня самооценки, характеризующего самоотношение человека вообще, с течением времени показали свою несостоятельность. Человек может высоко оценивать себя по одному параметру (например, внешности) и низко по другому (например, обучаемости). Таких параметров величайшее множество. Более того, они могут меняться во времени и от ситуации к ситуации. Вы можете оценивать себя определенным образом в учебной группе и противоположным в компании друзей на вечеринке. В современных представлениях общая самооценка представляет своего рода интеграл различного рода самооценок по многим и многим параметрам. Существенна роль и контекста или системы координат, в которой она производится. Можно быть лучшим среди худших и худшим среди лучших. В первом случае

оценка будет позитивной, во втором – скорее негативной. По этой причине самооценочный инструментарий должен привязываться к конкретной оценочной системе координат и опираться на измерения понятные и субъективно значимые для человека. Пример такого рода инструментария представлен во вставке 2.

Вставка 2.

Методика самооценки личности (модификация В. А. Янчука)

<p>В процессе группового обсуждения сформируйте список из 20 наиболее значимых для выполнения значимого для Вас вида деятельности или аспекта личности, значимого для взаимоотношений с окружающими. Например, квалифицированный психолог должен обладать следующими качествами ... Хороший учитель должен обладать следующими качествами ... Успешный в межличностных отношениях человек должен обладать следующими качествами ... На первом этапе старайтесь зафиксировать как можно больше качеств, чтобы на следующем этапе отобрать наиболее характерные из них, и внесите их в приводимую ниже бланковую таблицу. В представленном вашему вниманию примере приводится список качеств личности, способствующий успешности деятельности, сформированный на одном из занятий с практическими психологами.</p>					
№ п/п	Качества личности	<i>N</i>	<i>N_{гр.}</i>	<i>d</i>	<i>d²</i>
	Профессиональная компетентность				
	Коммуникативная компетентность				
	Эмпатия				
	Креативность				
	Самопрезентация				
	Рефлексия				
	Гибкость				
	Толерантность				
	Коммуникабельность				
	Презентабельность				
	Предприимчивость				
	Стремление самосовершенству				
	Интеллект				
	Здоровье (психическое и физическое)				
	Аналитичность				
	Оптимизм				
	Терпение				
	Коллективизм				
	Трудолюбие				
	Гуманизм				
					Σd^2

На следующем этапе испытуемым предлагается ранжировать эти качества с точки зрения их значимости для успешности в избранном виде деятельности (например, практического психолога), присвоив каждому из перечисленных качеств номер от 1 до 20, и внести их в колонку в левой колонке от списка (№ п/п). Каждое качество получает свой уникальный ранг или номер. Максимально значимому качеству присваивается ранг 1, незначимому – 20. Затем в правой колонке N эти качества ранжируются по такому же принципу с точки зрения их выраженности у самого себя. В колонку $N_{гр}$ может быть внесено ранжирование, полученное в результате группового обсуждения. Основным принципом проведения группового ранжирования является консенсус. Список рангов должен быть принят всеми членами группы. Как правило, процесс группового обсуждения достаточно продолжителен и требует нахождения компромиссов, а также организаторских способностей со стороны неформального лидера – организатора обсуждения. Полезность такого обсуждения непереоценима, т. к. оно дает дополнительную информацию о поведении каждого из членов группы, а так же способствует формированию коллективного мнения, которое часто является решающим для оценки отдельных членов группы. В качестве дополнительного задания, направленного на оценку адекватности может быть включено предложение участникам, предварительно разбившимся на пары, предположить, как провели второе ранжирование их партнеры, не знакомясь с их результатами непосредственно. После проведения такого рода ранжирования партнеры предъявляют друг другу свои результаты, выясняя адекватность своих предположений. Это задание полезно также для развития рефлексивных способностей, а также ознакомления с теми представлениями о себе, которые сформировались у партнеров. В последующем возможно обсуждение вопроса о том, почему именно сформировалось у них такое представление друг о друге.

На этапе обработки данных проводится корреляционный анализ двух рядов ранжирования, представленных в колонках № и N , в которых представлены идеальный и реальный образ Я. Возможно и сравнение ранжирований N и $N_{гр}$. Последнее важно для получения субкультурального сравнения, так как человек оценивает себя не относительно какого-то абстрактного эталона, а относительно конкретного окружения, в котором он и реализует и оценивает самого себя.

Далее вычисляется разница между реальным и реальным Я, которая заносится в колонку d . Эта разность возводится в квадрат и вычисляется общая сумма Σ . Затем вычисляется коэффициент корреляции по данным в таблице формулам

$$r = 1 - \frac{\Sigma d^2}{(n - n^2)n} = 1 - \frac{\Sigma}{0,00075}$$

В результате произведенных преобразований мы получаем упрощенную формулу подсчета коэффициента корреляции, рассчитанную для 20 пар переменных $r = 1 - 0,00075 \times \Sigma d^2$. эта формула доступна для любого человека, владеющего арифметическими действиями и существенно ускоряет процедуру подсчета.

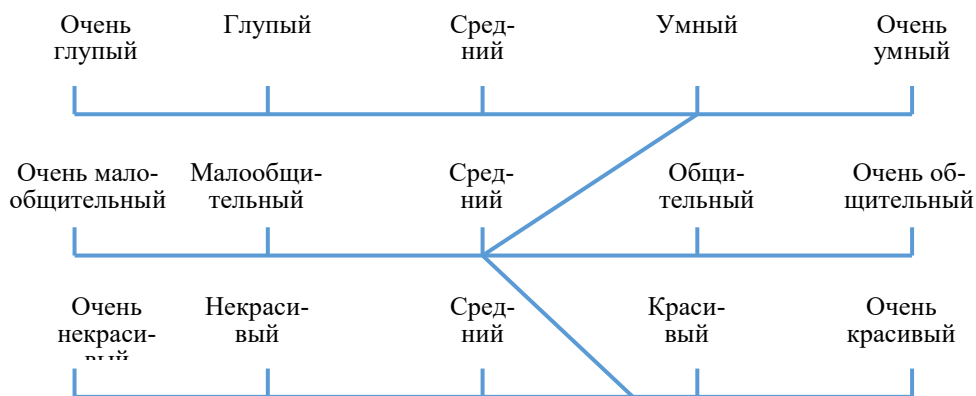
Полученная в результате корреляционного анализа величина может колебаться в пределах от 0 до 1. Чем ближе она к единице, тем самооценка выше, чем ближе к 0, тем самооценка ниже. В более подробной интерпретации показатели по 0,3 включительно свидетельствуют о низкой самооценке, в пределах 0,4 – 0,6 – средней, от 0,6 и выше – о высокой самооценке.

Следует заметить, что данная самооценка касается только конкретного измерения (например, практического психолога), не более. По другим измерениям описанная процедура должна осуществляться снова.

Для общей ориентации вполне пригодными могут оказаться и методики шкалирования, общая иллюстрация принципа которых представлена на приводимой схеме 10.

Схема 1.

Шкала самооценки

Преимуществом метода шкалирования является и возможность формирования общего самооценочного профиля, позволяющего создать представление об особенностях структуры измерений самооценки. Следует отметить и ограниченные возможности соотнесения различных шкал друг с другом. Индивидуальные критерии отнесения того или иного оценочного параметра к соответствующему пункту шкалы могут сильно отличаться.

Измерение самоуверенности, или самоэффективности, характеризует степень владения человеком самим собой на пути к достижению целей, особенности возложения ответственности за свои действия. J. V. Rotter предложил своеобразную классификацию людей на два типа: с внутренним и внешним локусом контроля (1966). Первые проявляют тенденцию к объяснению причинности собственных достижений своими способностями и усилиями, вторые склонны возлагать ответственность на внешние обстоятельства. По аналогии, Franks и Marolla предложили различать *внутреннюю* и *внешнюю* самооценку (1976, с. 324-341). Первый проявляется в склонности приписывать причинность своим способностям, второй – внешнему миру. Проблема самоэффективности исследовалась А. Бандурой, проанализировавшим особенности ее формирования и техники развития. Самоуверенность и самооценка представляют различные измерения: последняя отражает степень принятия человеком самого себя, уважения к себе, значимость.

Фокусы внимания относятся к сфере центральности Я-концепции в сознании индивида применительно к тем или иным ситуациям; позволяют выявить место, которое занимает Я-концепция в сознании человека: сосредоточено его внимание преимущественно на себе или на внешнем мире, озабочен он своими внутренними качествами или особенностями своей самопрезентации и т. п. Фокусы внимания ассоциируются с такими категориями, как «само-осведомленность», «само-направляемое внимание» и «само-фокусирование».

S. Duval и R. A. Wicklund (1972) сформулировали теорию, часто определяемую как объективная самооосведомленность, в соответствии с которой человек рассматривается как объект собственного анализа. Этот анализ, или фиксация внимания на определенных аспектах собственного Я, приводит к определению интернализированных аттитюдов, ценностей, морали, физического бытия и, наконец, на таком образовании, каким выступает самость. Как только в поле зрения оказывается тот или иной аспект самости, в область анализа включаются связанные с ней характеристики. Интересно отметить, что, пока человек не обращает внимания на какую-нибудь негативно характеризующую его деталь внешнего облика, он чувствует себя относительно спокойно. Фиксация же в сознании его дефекта другим формирует у него гипертрофирование роли данного негативного аспекта. Как следствие, он теряет произвольность управления своим внешним обликом, начинает прятать дефект и тем самым выдает себя. Внешний наблюдатель фиксирует в своем сознании элемент искусственности в поведении наблюдаемого и начинает для себя выяснять его причину. В случае фиксации негативной моральной самохарактеристики часто используется другая стратегия – проявляющаяся либо в избегании ситуаций возможной оценки морального Я, либо дискредитация оценщика.

В этой связи Duval и Wicklund различают *субъективную* и *объективную самооосведомленность*. Субъективная представляет состояние сконцентрированности сознания на внешних по отношению к индивидуальному сознанию событиях, личной истории, в то время как объективная сфокусирована исключительно на самости личности. Как отмечают эти же исследователи, можно говорить о наличии хронических индивидуальных различий в самооосведомленности.

Механизм самооосведомленности способствует своеобразному введению самости в ролевую игру. Человек, концентрирующийся на себе, начинает действовать в соответствии с интернализированными аттитюдами и моральными стандартами. Противоречия между этими стандартами и реальным поведением, включаясь в плоскость осознания, начинают преодолеваться с той степенью интенсивности, с какой личность оценивает их значимость для себя самой в конкретной ситуации.

Области Я-концепции включают широкие пласты, или сферы, к которым относят телесное и социальное; внутреннее и внешнее; сознательное и бессознательное; аутентичное и неаутентичное; эго и эго-протяженность и т.п. Особый интерес представляют для нас области аутентичного и неаутентичного, эго и эго-протяженности.

Аутентичное обычно определяется как осознаваемое человеком, т. е. как относящееся к его самости. Это своеобразное искреннее согласие человека с тем, что такого рода особенности присутствуют в структуре его Я-концепции. Причем аутентичное не всегда ассоциируется с положительными характеристиками: чело-

век может осознавать свою неискренность, необязательность, несдержанность, непунктуальность и т. п. Так же обстоит дело и с неаутентичным – осознаваемым человеком как не характерное для себя, но предъявляемым в соответствии с ситуативно решаемыми задачами, примером чему является повышенная «интеллигентность» в присутствии особо значимого лица. Предъявляя это идеальное Я, человек может осознавать, что в реальной жизни и при других обстоятельствах он далеко не всегда соответствует данному идеалу, и это осознание собственной неаутентичности может вносить в его сознание элементы эмоционального напряжения. Хотя и в данном случае процесс осознания этого не одномерен: человек может идентифицироваться с неаутентичным и искренне «верить», что как раз оно-то и является аутентичным. Хорошей иллюстрацией сказанному являются романтические взаимоотношения, в которых партнеры, особенно на первых порах, стремятся создать образ идеальных рыцаря и принцессы, демонстрируя набор качеств, которыми не всегда предполагается оперировать в будущем. Общей особенностью такого рода идеализированных самопрезентаций является осознание партнером элементов собственной неаутентичности при наивной уверенности, что партнер как раз аутентичен и таким будет всегда. В частности, именно на этом обстоятельстве основаны многочисленные прозрения, сопровождаемые предъявлением искренних претензий и обвинений в адрес друг друга.

Область *эго-протяженности* охватывает круг объектов (одушевленных и неодушевленных), сопричастных к самости человека и косвенно характеризующих ее. Это родители, родственники, вуз, квартира, книги, увлечения, город и т. п., оказывающее определенное влияние на становление личности и косвенно характеризующее его внутренние психологические особенности. Так, квартира человека дает характеристику таким его особенностям, как аккуратность, вкус и т. д. Родители также создают некоторые основания для характеристики возможных особенностей их детей. Не случайно в народе существует убеждение в точном прогнозе в отношении будущего поведения жениха или невесты на основе анализа взаимоотношений между их родителями. Определенные основания для такого рода утверждений, конечно же, имеются. Именно родители часто выступают в качестве эталонов или моделей для решения определенного класса задач и именно они формируют огромное количество поведенческих алгоритмов, схем и эвристик, воспроизводимых при решении сходных задач. Причем вооружение подобного рода поведенческим алгоритмом часто является основанием для будущего проблемного поля у детей, обусловленного ее неадекватным применением. В любом случае можно констатировать, что область эго-протяженности является крайне важной и информативной в отношении Я-концепции человека.

Плоскости Я-концепции характеризуют уровни ее осмысленности. Люди склонны рассматривать себя такими, какими являются в реальности, какими могли бы быть в идеале, в динамике, в глазах других людей и т. п. Наряду с этим Я-концепция включает в себя аспекты реального, возможного, фантазии, морали, исполнения и т.п.

Соответственно различаются образы Я-реального, Я-идеального, Я-динамического, Я-воображаемого, Я-фантастического, Я-должного и Я-представляемого, как бы характеризующие представления человека о том, каким он видит себя в данный момент; какое Я кажется ему возможным; кем он воображает себя; каким хотел

бы стать; каков образ его морального Я и т. п. Каждый такой образ формирует своеобразную когнитивную схему, имеющую собственную систему координат. Особый интерес представляет соотношение Я-реального и Я-идеального, часто определяющее проблемное поле человека. Во вставке 3 представлен метод их изучения, разработанный G. M. Butler и G. V. Naigh (1954).

Вставка 3.

Тест различий между идеальным и реальным Я

- Первой задачей является определение в том, каким Вы видите себя. Для этого:
 1. Прочтите приводимые ниже 50 утверждений, мысленно отмечая те из них, которые вы считаете наиболее характерными и наименее характерными для Вас сейчас.
 2. Проставьте карандашом (это даст Вам возможность внести коррективы при изменении мнения) в первой колонке, обозначенной реальное Я, 1 балл пяти наиболее присущим Вам сегодня характеристикам Я из нижеприводимого списка.
 3. В этой же колонке проставьте 5 баллов следующим пяти наименее присущим Вам сегодня характеристикам Я из нижеприводимого списка.
 4. В этой же колонке проставьте 2 балла 12 не очень характерным Вам сегодня характеристикам Я.
 5. В этой же колонке проставьте 4 балла 12 не совсем неприсущим Вам сегодня характеристикам.
 6. Это позволит Вам избавиться от 16 не очень характерных и нехарактерных для Вас характеристик. Присвойте этим характеристикам 3 балла.
 7. Еще раз вернитесь к этим характеристикам, проверив степень Вашей уверенности в вынесенных оценках. Если Ваше мнение изменилось, внесите необходимые коррективы. Прделанная работа позволяет вынести суждение о Вашем сегодняшнем образе реального Я.
- Второй задачей является определение того, каким Вам хотелось бы видеть себя.
 8. Полоской бумаги закройте колонку реальное Я со сделанными оценками, чтобы она не оказывала влияния на Ваши последующие решения.
 9. Повторите шаги 1-7, но только в отношении Вашего идеального Я - того, каким бы Вы хотели стать. Поместить Ваши балльные оценки во вторую колонку «идеальное Я».
- Третьей задачей является определение степени различия между Вашим реальным и идеальным Я. Для этого:
 10. Подсчитайте разницу между количественными выражениями вашей реальной и идеальной самостей, представленных в соответствующих колонках. Например, если в колонке реальной самости у определенной самохарактеристики стоит цифра 5, а в колонке идеальной самости - 1, то фиксируемая разница составит 4 балла.
 11. Суммируйте разницу всех 50 характеристик. Чем большая разница между реальным и идеальным Я, тем больше, по всей вероятности, будет Ваша неудовлетворенность самими собой. (Вполне очевидно, что если ваши идеальное и реальное Я не расходятся, то разница будет нулевой).
 12. Постарайтесь запомнить те характеристики, по которым разница между идеальным и реальным я составляет 4 балла. Вероятно, это именно те плоскости Вашего Я, по которым Вы наиболее не удовлетворены собой. По всей видимости они являются и теми направлениями Вашего самосовершенствования, которые требуют максимального приложения сил.

Я	Я	п/п	
		1	Я приятный человек
		2	У меня обманчивый внешний вид
		3	Я часто чувствую себя униженным
		4	Я совершенно спокоен и ничто не беспокоит меня
		5	Я трудолюбивый работник
		6	Я интеллигентен
		7	Я испытываю чувство безнадежности
		8	Мне трудно контролировать свою агрессивность
		9	Я самоуверен
		10	Я понимаю себя
		11	Я общительный человек
		12	Я обычно нахожусь настороже с людьми, которые проявляют большую дружелюбность, чем я ожидаю
		13	Обычно я ощущаю себя ведомым
		14	Я удовлетворен собой
		15	Решения, которые я принимаю не являются моими
		16	Я напористый
		17	Я враждебный человек
		18	Я инициативен
		19	Я честолюбивый
		20	Я чувствую себя апатичным
		21	Я не доверяю своим эмоциям
		22	Я толерантен
		23	Я рациональный человек
		24	Я уравновешен
		25	Я чувствую себя не разбирающимся в происходящем
		26	Я стараюсь не задумываться над своими проблемами
		27	Я удовлетворен
		28	Я не один такой. Ничто не по мне
		29	Я презираю себя
		30	Я сексуально привлекателен

		31	Я не уважаю себя
		32	Я нравлюсь большинству людей, которые знают меня
		33	Я боюсь полного разногласия с людьми
		34	Я прихожу в замешательство
		35	Я неудачник
		36	Самое трудное сражение у меня с самим собой
		37	Обычно я строю комфортные взаимоотношения с окружающими людьми
		38	Я с ужасом ожидаю неудачи в отношении всего. К чему стремлюсь
		39	Мне обычно нравятся все люди
		40	Для меня не существует проблемы самоконтроля
		41	Я на самом деле обеспокоен
		42	Я чувствую себя не защищенным перед самим собой
		43	Я защищаю себя стараясь найти оправдания
		44	Я ответственный человек
		45	Я ненадежен
		46	У меня теплые эмоциональные отношения с другими
		47	Я никчемный человек
		48	Причина моих тревог я сам
		49	Я предъявляю строгие требования к себе
		50	У меня не много ценностей и стандартов к себе

Приводится по: Rogers C.R., Dymond R.F. (Eds.) *Psychotherapy and personality change*. – Chicago: University of Chicago Press, 1954, p. 62

Плоскости могут пересекаться, входить в конфликты друг с другом, взять хотя бы, в частности, конфликт идеального Я с Я-реальным. Здесь особую роль играет плоскость самопрезентации – образ, представляемый для окружающих. Он строится с учетом особенностей саморефлектирования, идентификации с адресатом предъявления и очень часто рассогласовывается с Я-реальным. Общее представление об особенностях самомониторинга можно получить из приводимой во вставке 4 методики.

Вставка 4.

Шкала самомониторинга M. Snyder (сокращенный вариант)

Отвечая на предлагаемые вопросы, выберите один из совпадающих с вашим мнением ответов.

Для вопросов 1, 5, 7 отметьте ответы, которые кажутся вам неверными. Для оставшихся вопросов выберите ответ, который вам кажется верным			
1	Мне трудно подражать поведению других людей	Верно	Не верно
2	Я воспринимаю как спектакль свои попытки произвести впечатление на других людей или поддерживать отношения с ними	Верно	Не верно
3	Мне кажется, что я мог бы быть неплохим актером	Верно	Не верно
4	Я произвожу на других впечатление человека, испытывающего значительно более глубокие эмоции, чем это есть на самом деле	Верно	Не верно
5	Я обычно нахожусь в центре внимания окружающих меня людей	Верно	Не верно
6	В различных ситуациях и с разными людьми я веду себя как совершенно другой человек	Верно	Не верно
7	Я могу только доказывать идеи, в которые я верю	Верно	Не верно
8	Для того чтобы не остаться в одиночестве и нравиться другим людям, я стараюсь быть таким, каким они меня хотят видеть и никаким другим	Верно	Не верно
9	Я могу вводить в заблуждение других людей, демонстрируя дружелюбие даже если они не нравятся мне	Верно	Не верно
10	Я не всегда такой, каким кажусь	Верно	Не верно
Интерпретация:			
0 - 3	Низкий уровень самомониторинга		
4 - 6	Средний уровень самомониторинга		
7 - 10	Высокий уровень самомониторинга		

Приводится по Snyder, M. The many Me's of the self-monitor // Psychology Today, March, 1980, pp. 33-92.

Мотивы, или импульсы, побуждающие человека действовать в интересах Я-концепции, столь же многообразны. Люди предпочитают высокую самооценку низкой, ясное представление о себе размытому, стабильную Я-концепцию изменчивой, ощущение высокой самооэффективности низкой и т. п. Многие авторы в качестве ведущих мотивов Я-концепции называют мотивы самоуважения и самосоответствия.

Отношение человека к себе никогда не бывает безразлично-нейтральным, незаинтересованным, причем, по словам И. С. Кона (1984), эмоциональная тональность, направленность (как положительная, так и отрицательная), интенсивность этих чувств, пронизывают все сферы человеческой жизнедеятельности. Позитивное самоотношение является условием психологического благополучия и в конечном итоге – «психологического здоровья» человека. Согласно Steele (1988), люди

обладают ярко выраженной потребностью в самоутверждении, в позитивном представлении себя и в своих позитивных особенностях, свойствах и качествах. Снижение самоуважения в каком-либо данном аспекте может быть компенсировано повышением самооценки в другом. Последнее обстоятельство иллюстрирует распристраненную тенденцию людей к поиску сильных сторон и всяческому подчеркиванию их как перед самими собой, так и перед другими.

Существует множество возможностей позитивизации образа собственного Я и связанного с ним самоотношения. Одной из наиболее часто используемых является способность избирательной переработки как поступающей извне, так и зафиксированной в структурах памяти информации. Другая возможность представлена в избирательном атрибутировании (причинном обосновании) позитивного характера совершаемых действий, в том числе и явно социально не одобряемых. Этот процесс стал специальным объектом рассмотрения Н. Markus (1990) в рамках концепции возможных самостей, суть которой будет изложена ниже. Смысл его сводится к тому, что, обладая большим числом возможных самостей, или Я-концепций, люди мотивированы на использование желаемых и игнорирование нежелаемых. Во многих исследованиях, да и в эмпирическом опыте, представлено немало примеров того, как человек проявляет исключительные «творческие способности» для вытеснения, рационализации, т. е. оправдания своих негативных деяний, могущих отразиться на позитивном самоотношении.

Тенденция к поддержанию и развитию данного самоотношения характерна и для сферы межличностных взаимоотношений. А. Tesser (1988) в своей модели сохранения самооценки показал зависимость самооценки от следующих переменных: исполнения, близости, уместности, в которых отражается тенденция людей к демонстрации собственной успешности в деятельности, наличия связей с сильными мира сего, наконец, значимости осуществляемого поведения для собственной самооценки. Вместе взятые они подчеркивают весомость публичной самости, обуславливающей достаточно сильную зависимость людей от общественного мнения. Понятно, что в данном случае речь идет не об общественном мнении как некоей абстрактной данности, а о мнении конкретного окружения, от которого во многом зависит их собственное благополучие. Причем эта зависимость затрагивает и плоскость эго-протяженности, чем, в частности, объясняется стремление людей соответствующим образом принять гостей, не «ударить в грязь лицом» во внешнем облике себя и своих детей, презентуя их значимым другим, и т. п.

Столь же важно чувство постоянства собственного Я, позволяющее поддерживать и сохранять устойчивость сложившейся «схемы самости» даже при условии ее иллюзорности и неадекватности. Именно стабильность представляет своеобразную основу для прогнозирования своего поведения, ориентирования в будущем развитии событий. W. V. Jr. Swann в своих работах по теории самоверификации показывает наличие поддержания обратной связи по уточнению образа собственного Я, причем самоверификации избирательной, позволяющей фиксировать устраивающие самоподтверждения и игнорировать не устраивающие.

В социальной психологии имели место многочисленные попытки интеграции описанных конкурирующих базовых мотивационных сил в адекватное описание самомотивации. Одна из гипотез подчеркивает аффективный характер мотива на позитивное самоотношение, проявляющееся в гибкости и пластичности прояв-

лений образа Я, в когнитивном подходе мотива к самостабильности. Другая гипотеза выдвигает наличие некоего стабилизирующего начала для самоопределенности и динамического – для саморазвития. Здесь же следует иметь в виду и индивидуальные особенности, проявляющиеся в экстра- или интровертированности. Повидимому, для экстравертов характерна большая динамичность, для интровертов – большая самостабильность.

Данный обзор структуры и содержания Я-концепции не носит, конечно, исчерпывающего характера. Основной нашей целью была демонстрация находок, накопленных в социальной психологии в отношении описания различных конституирующих Я-концепции и их соотношения друг с другом.

Теоретические модели организации системы Я-концепции

Общую схему возможного описания и построения системы представлений человека о самом себе и окружающем его мире предоставляет теория когнитивного диссонанса L. Festinger. Она формулирует общий принцип конструирования, очерчивает возможные линии взаимодействия с поступающей извне актуальной информацией, дает описание возможных стратегий преодоления внутреннего дискомфорта, связанного с наличием существенных противоречий в значимых представлениях. Это обуславливает необходимость более глубокого ознакомления с основными положениями теории.

Теория когнитивного диссонанса была опубликована в 1957 году. Основу ее составили принципы теории поля К. Левина, подчеркивавшие общую тенденцию когнитивных процессов к установлению и поддержанию равновесия в системе.

В своих размышлениях L. Festinger попытался дать ответы на поставленные К. Левиным кардинальные вопросы, что лежит в основе определенной линии поведения человеком в той или иной ситуации? Почему он реагирует именно данным образом, а не каким-либо иным?

Исходным тезисом для него являлось положение теории поля о том, что «человеческий организм стремится к установлению внутренней гармонии, последовательности или соответствия между своими взглядами, аттитодами, знаниями и ценностями» (Festinger, 1957, с. 260). Суть его теории представлена в следующих основоположениях:

1. Между когнитивными элементами могут существовать отношения несовместимости или диссонанса.
2. Возникновение диссонанса обуславливает стремление к снижению диссонанса с целью избежания возможности его усиления.
3. Проявление этого стремления включает изменение поведения, знаний и осмотрительности в отношении к новой информации и к новым взглядам.
4. Максимально возможный диссонанс между двумя любыми элементами равен общему сопротивлению изменения между всеми менее диссонирующими элементами. Величина диссонанса не может превышать эту сум-

марную величину потому, что она является предельно возможной и изменение ценности этих менее устойчивых элементов может привести к снижению диссонанса.

Само понятие *диссонанс* определяется как несоответствие между когнитивными элементами. В случае, если последние вытекают один из другого, имеет место когнитивный консонанс. Когнитивные элементы представляют собой взгляды, представления и знания человека об окружении, самом себе и своем поведении. Именно отношения между элементами создают возможность возникновения как диссонанса, так и консонанса. Причем эти элементы должны находиться в значимой для человека связи. Величина диссонанса может быть представлена при помощи формулы:

$$\text{Величина диссонанса} = \frac{\text{значимость } X \text{ второго когнитивного элемента}}{\text{значимость } X \text{ первого когнитивного элемента}}$$

Исследования последних лет, проводимые в плоскости изучения своеобразия структуры и проявлений системы человеческих представлений, показывают ее иерархическую организацию. Одной из первых и наиболее удачных в анализируемой области является работа М. Roseach (1973).

Выстраивая иерархию представлений, он выделяет пять типов: **A, B, C, D**, и **E** соответственно: а) *первичные представления о природе окружающей реальности*; б) *представления, основывающиеся на углублении в личную практику*; в) *представления, полученные от авторитетных источников*; д) *периферические представления полученные от авторитетных людей*; е) *беспоследственные представления* (таблица 21)

Остановимся на более подробной интерпретации представлений.

Первичные представления тип А находятся в центре схемы Roseach. К ним относятся общепринятые мнения о природе физической и социальной реальности, личности о самой себе. Примером такого рода являются мои представления о том, что меня зовут Владимир Янчук, и т. п.

Отличительной особенностью их является то, что они фиксируются в форме своеобразных аксиом, бесспорных для людей истин, разделяемых, по их мнению, всеми. Вполне очевидно, что в силу этого они наиболее устойчивы к попытке их изменения, в том числе и по причине их фундаментальности для всех иных типов представлений. Аналогию этому можно привести в виде фундамента, на котором стоят самые различные по архитектуре здания: общим является то, что разрушение фундамента приводит к ломке всего строения, в то время как разрушение отдельных его элементов связано с меньшими последствиями.

Таблица 20.

Иерархические типы представлений

Тип представлений	Определение	Примеры
-------------------	-------------	---------

Тип А первичные представления	Представления, которые являются бесспорными, т.к. каждый человек, находясь в данной позиции, будет думать также	Я знаю, что солнце всходит на востоке. Я знаю, что меня зовут Милтон Рокич
Тип В+ основные представления Тип В-	Представления, которые являются бесспорными, т.к. я буду их придерживаться вне зависимости от того, будут ли с ними соглашаться другие люди	Я считаю себя интеллигентным человеком. Я считаю себя рациональным человеком Я считаю себя ненормальным человеком. Я считаю себя неинтересным для других.
Тип С авторитетные представления	Представления, которых придерживаются или не придерживаются авторитетные люди	Глава государства, Эйнштейн, ученые, родители и т. п.
Тип D периферические представления	Представления, которые получены от авторитетных лиц	Я считаю, что развод аморален. Я знаю, что Юпитер имеет двенадцать лун.
Тип E беспоследственные представления	Представления, изменение которых не отражается на остальных представлениях	Я считаю, что Софи Лорен лучше Элизабет Тейлор.

В качестве еще одной иллюстрации можно представить тот существенный кризис личности, который происходит в ситуации, когда ребенку открывается факт, что родители его не являются ему родными, и т. д. Одновременно можно проследить и взаимосвязь этих представлений с другими типами, проявляющуюся в том, что изменение фундаментальных основ самовосприятия приводит к трансформации различных аспектов мировосприятия, например таких категорий, как добро и зло, истина и ложь и т. п.

Основные представления относятся к типу В. В ходе социализации у человека формируется определенная система представлений, которая приобретает некоторую автономность от оценочных суждений со стороны социального окружения. Они бесспорны для личности вне зависимости от того, верит ли в них и согласен ли с ними еще кто-либо. Многие носят позитивный характер (тип В+), многие – негативный (тип В–). Позитивные представления дают информацию о том, что именно мы представляем и что собираемся делать, негативные – информацию о наших страхах и тревогах.

Иллюстрируя проявление позитивных представлений, можно привести в качестве примера характерное для Я-концепции стремление к самоуважению и удовлетворенности, в которых в частности видится одна из причин характерной для многих людей тенденциозной избирательности по отношению к внешним оценочным суждениям. Так, несколько вопросов, адресованных человеку, могут спровоцировать в нем преувеличение его собственной интеллектуальности. Точно так же, как другого просто доброжелательная манера диалога может привести к гипертрофированию собственной значимости и шарма. Тип В+ представлений есть как бы позитивный образ себя и окружающего мира, как бы создает возможности для формирования амбиций и демонстрации собственных достоинств.

Другая крайность выражена в типе В– представлений, относящихся к собственным людям фобиям, комплексам, навязчивым идеям, невротическим страхам по поводу здоровья, самоидентичности и компетентности. Например, любые попытки успокоивания и опровержения, в том числе основанного на объективных фактах, человека, внушившего себе идею о своей невзрачности или неизлечимой болезни, встречаются с устойчивым игнорированием. Любопытной особенностью представлений данного типа является то, что наличие их в отдельных случаях выступает своеобразной демонстрацией собственной уникальности, а потеря той или иной негативной характеристики вызывает страх потери этой уникальности.

Авторитетные представления типа С формируются у людей в отношении мнений и оценочных суждений авторитетных источников. Многие факты физической и социальной действительности получают разное толкование и альтернативные интерпретации в связи с возможными изменениями в знаниях и невозможностью личностного обоснования и доказательства. Каждый человек в огромном количестве ситуаций нуждается в авторитетах для определения ориентиров и критериев.

В качестве таковых могут выступать родители, сверстники, педагоги, ученые, политики и т. д. Именно к ним обращаются люди в поисках ответов на актуальные вопросы. Причем и по отношению к авторитетам выстраиваются субъективные иерархии, приводящие к большему доверию к одним и к меньшему – к другим. Примерами подобного рода буквально пронизана человеческая жизнь. Так, в ситуации политического выбора по отношению к гражданам в качестве авторитетов могут выступать диаметрально противоположные источники, а иногда и вовсе случайные. Точно так же, как и в ситуациях разрешения внутриличностного конфликта.

Периферические представления тип D также получают из авторитетных источников. Отличие их в том, что они не затрагивают личностных устоев или интересов и в этом смысле периферийны. Например, я считаю, что у Юпитера 12 лун не в результате собственных исследований, а потому, что доверяю источникам информации. Исходно я готов к возможному изменению своих представлений, если получу более авторитетную информацию. Если и эти авторитеты дискредитировали себя, обращусь к другим.

Беспоследственные представления типа E существенно не отражаются на системе взглядов в целом. Например, если я, как замечает Roseach, откажусь от те-

зиса о том, что Софи Лорен как актриса лучше Элизабет Тейлор, вряд ли это кардинально отразится на моем само и мировосприятии, и в этом смысле данные представления определяются как беспоследственные. В то же время этот пример можно рассмотреть в качестве адекватного по отношению к нейтральному человеку; если же он страстный поклонник таланта Тейлор, изменение его представлений будет сопряжено с некоторыми сложностями.

Обосновывая взаимоотношения между выделенными уровнями иерархии типов представлений, Роквич выдвинул в качестве ведущего критерий сложности изменения: «Система представлений любого человека ранжируется по значимости от беспоследственной, через периферическую, к авторитетным представлениям и, наконец, к основным, максимально устойчивым к изменениям, не зависящим от социального одобрения и, что парадоксально, от всеобщего социального одобрения. Все эти представления в совокупности организуют единую систему, которая имеет определенное содержание и структуру. Ее функционирование заключается в оказании помощи индивиду в регуляции и выживании, благодаря формированию позитивной самооценки и минимизации негативной самооценки. У каждого человека имеется потребность в познании себя и окружающего мира в той степени, в какой это возможно, в том числе игнорируя информацию неизвестную» (Social Psychology, 1973, с. 35-36).

В качестве объективных оснований вычленения представленных пяти типов представлений, Roseach приводит исследование J. Reiker и R. Wiseman из Мичиганского университета, исследовавших возможность изменения представлений посредством гипноза. Результаты их со всей очевидностью подтвердили существование иерархии представлений и сложность изменений высших уровней относительно низших. Была выявлена также зависимость представлений одного уровня от других. Причем наибольшим эффектом обладали типы А и В, меньшим – С, еще меньшим – D, наименьшим – E.

Существенной в подходе Roseach является постановка вопроса о иерархичности зафиксированных в социальном опыте личности представлений в контексте их возможного изменения. Во многом он носит эмпирический характер, но знаменует своеобразную веху в социально-психологических исследованиях структуры совокупного социального опыта в плане перехода от рациональных, равновесных, машинных моделей организации систем к иерархизированным, динамическим. Подтверждением отмеченной тенденции является попытка иерархизации по критерию семантической дистанции относительно структур самости (Reikovski, 1984) и т. д.

Принципы формирования Я-концепции

На сегодняшний день в рамках различных психологических традиций и школ накоплен огромный фактический материал, со всей очевидностью демонстрирующий зависимость самости и Я-концепции от социального окружения. Причем эти доказательства получены в области психологии развития (Stern, Trevarthen),

зоопсихологии (Gallup), теории объектных отношений (Machler, Kernberg, Fairbairn) и др.

Формирование Я-концепции является сложным процессом, рассматриваемым с позиций различных теоретических подходов, выдвигающих в качестве базовых те или иные принципы. Все они как бы дополняют друг друга, высвечивая те или иные аспекты представлений человека о самом себе.

Зеркальное отражение. Откуда же появляются эти представления у человека? Стандартный ответ на этот вопрос предлагает символический интеракционизм – из реакций на себя со стороны других, точнее – из социально значимого окружения. С. -Н. Cooley описывал понятие зеркальной самости как следствие воображений или предположений одними людьми решений других людей в отношении их самости. Эта же идея была скрупулезно проработана и Дж. Мидом, рассматривающим процесс формирования представлений о самом себе как интернализацию мнений и оценок значимых других.

Появившись на белый свет, человек постепенно усваивает эти оценки и формирует на их основе свою собственную систему критериев и представлений. В многочисленных исследованиях показана зависимость Я-концепции от отношений с первичными воспитателями, ровесниками и иными значимыми другими. Особенно это влияние возрастает в отношении тех компонентов Я-концепции, для которых нет достаточных оснований для собственных выводов и заключений. Не трудно представить, что, если вам коллективно внушается мнение о бездарности, это может, как минимум, привести вас к вопросу об основаниях для подобного рода оценок. Чувствительность к ним вкупе с повышенной само-абсорбцией может привести к высокой изменчивости, которую М. Rosenberg (1986) назвал «барометрической Я-концепцией», флуктуирующей от ситуации к ситуации в зависимости от реальных или воображаемых оценок других людей.

Эта зависимость от других, от рефлексивного одобрения (неодобрения) во многом определяет поле будущих проблем человека. В частности, как свидетельствуют проведенные под нашим руководством исследования феномена стигматизации Ю. С. Смирновой (2004), ситуация человека в роли «козла отпущения» во многом определяется его повышенной чувствительностью к негативным оценкам других. Сталкиваясь с ними, он либо смиряется, либо озлобляется, неадекватно реагируя на происходящее. Формирование этой предустановленности к недоброжелательному отношению отрицательно проявляется и при смене социального окружения. Попадая в новую среду, человек со страхом ожидает той же враждебности, что приводит к неадекватной интерпретации нейтральных реакций со стороны людей, к формированию предубежденного отношения к ним. Еще несколько таких подтверждений собственной стигматизации может вызвать полную беспомощность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Рефлексивное одобрение может привести к росту самоактуализации личности, неодобрение – к краху ее; именно оно лежит в основе социальной адаптации лиц с отклонениями. В частности, в технологии, применяемой анонимными алкоголиками, упор делается на применение рефлексивного одобрения со стороны «друзей по несчастью» на заседаниях групп. Сталкиваясь в обычной среде с косвенными подтверждениями соб-

ственной ущербности (предложение выпить, ирония, скепсис и т. п.), бывший алкоголик нуждается в поддержке, которую и получает со стороны таких же, как он. Во-первых, это круг общения, не связанный с необходимостью в алкоголе «для раскрепощения». Во-вторых, никто иной, как бывшие алкоголики, не может так оценить и эмпатироваться к ситуации реабилитируемого, так как хорошо понимают, к каким последствиям может привести возврат к пьянству.

Понятно, что возможности социального одобрения не безграничны, но по отношению к определенным проблемам они обладают высоким позитивным потенциалом. В исследованиях М. Rosenberg (1973) показано, что дети от 3 до 12 лет уже обладают потенциалом избирательности в отношении мнений значимых других. В частности, используя механизм дискредитации, Розенберг приходит к выводу, что мы склонны рассматривать себя подобно тому, как нам кажется, думают другие, являющиеся значимыми для нас, и чьему мнению мы доверяем. Эти другие представляют своеобразную внутреннюю референтную группу для нас, которая может быть реальной, а может и гипотетической. Дж. Мид по этому поводу говорил, что мы рассматриваем себя не так, как нас рассматривают другие, а скорее как генерализованные другие (1934). В свете современных представлений мнение значимых других выступает в качестве, во-первых, «повестки дня», как бы формирующей круг вопросов, на который обращает внимание человек при оценке самого себя, во-вторых, интерпретационного фрейма, задающего характер и направленность интерпретации наблюдаемого и анализируемого.

Социальное сравнение. По мере формирования критериев самооценки, человек начинает все больше сравнивать себя с другими. Этот процесс стал объектом серьезного психологического анализа в работах Джемса, затем Фестингера, разработавших теорию социального сравнения. Определение самоуважения как результата деления успеха на уровень притязаний показывает, что чем он выше, тем сложнее его удовлетворить. Фестингер (1954) показал, что, сравнивая себя с другими, индивид получает возможность оценки собственных способностей, привлекательности, качеств личности и корректности поведения или взглядов. Автор выделяет две функции сравнения человека себя с другими: нормативную и сравнительную. В соответствии с первой он научается нормам, ценностям и аттитюдам, которые могут быть интернализированы и могут стать регулятором поведения; со второй – получает информацию о своих способностях, характеристиках и атрибутах. Фестингер считал первичной функцией социального сравнения точную оценку способностей и аттитюдов.

Опираясь на принцип социального сравнения, можно сделать следующее определение – человек, формируя представления о самом себе, сравнивает, во-первых, свое настоящее с прошлым, а притязания – с достижениями; во-вторых, сравнивает себя с другими не в абстрактной, а в конкретной системе координат. Лучший ученик в никудышной школе по самоощущению будет отличником, точно так же, как худший ученик элитного лицея, прошедший сложную процедуру отбора, по самоощущению будет середнячком. Понятно, что человек живет не в замкнутой системе. Пользуясь средствами массовой коммуникации, вроде бы предлагающей ему массу оценочных эталонов и идеалов, в реальной жизни он все равно выходит в конкретную аудиторию и соотносит себя непосредственно с ней, получая от этого

удовлетворение или разочарование. Обладая высокой степенью свободы и активности, он может сам стать эталоном, используя все наличные ресурсы кумирзации и дискредитации. В ситуации конкуренции всегда есть возможность либо дискредитации, либо устранения конкурента, либо абсолютизации собственных достоинств в заведомо выигрышной системе координат.

Отмеченная Festinger склонность людей сравнивать себя с другими приводит порой к феномену своеобразного подыгрывания себе в верификации собственных выводов. К кому обращается человек, принимая решение по какому-либо значимому вопросу? К близким. Забывая при этом, что близкие или придерживаются сходных с ним взглядов, или не хотят обидеть его вынесением отличных от косвенно навязываемых оценок спрашивающего. В то же время существует огромное количество людей, придерживающихся отличных, порой диаметрально противоположных, мнений и оценок.

Роль принципа социального сравнения в формировании Я-концепции была показана во многих исследованиях. G. S. Wood (1989) обозначает три функции социального сравнения: самооценку, саморазвитие и самовозвышение. В случае самооценки индивид сравнивает себя с другими для диагностирования и дифференциации информации о своих способностях. Получение такой информации создает основания для саморазвития, последнее в свою очередь создает предпосылки для самовозвышения.

Сравнение является необходимым условием саморазвития и самоизменения. По этой причине, прогнозируя коррекционную работу по развитию тех или иных свойств и качеств личности, надо включать создание среды сравнения, на которой человек может фиксировать позитивную динамику. Если такой среды нет, сложно убедить человека в позитивных последствиях осуществляемых им действий.

Самопрезентация и самоверификация. Формирование Я-концепции включает процессы самопрезентации и самоверификации. Формируя некоторый образ собственного Я, человек делает выверку адекватности представлений о самом себе – моделирует свой образ в воображении, затем – в презентации; здесь антиципирует возможные реакции на данное предъявление его со стороны других в качестве основного критерия адекватности-неадекватности; затем сравнивает антиципируемую реакцию с реальной и, в случае субъективной констатации совпадения, укрепляется в осознании адекватности, в случае несовпадения – предпринимает шаги по корректировке собственных представлений о самом себе.

Наиболее полно процесс самопрезентации представлен в работах W. B. Jr. Swann, (1987) в рамках теории самоверификации.

Самоатрибуция. По мере накопления человеком некоторой суммы представлений о себе и об окружающем мире Я-концепция стабилизируется, и человек в большей степени начинает полагаться либо на собственное мнение, либо на устойчивые оценочные шаблоны, зафиксированные в опыте. Этот аспект, связанный с эмпирической констатацией полагания на свои, пусть даже неадекватные, оценочные суждения, стал предметом теории самовосприятия D. Bem (1972). Bem отмечает, что в определенных случаях люди приходят к постижению своих внутренних состояний из наблюдений за своим открытым поведением и / или из обсто-

ятельств, в которых это поведение реализовывалось. В качестве примера он приводит ситуации, когда у людей нет необходимых оснований для объяснения тех или иных состояний, а испытывая их, например подавленность, они объясняют это тем, что они пытаются найти этому внешние причины.

Это же имеет место и по отношению к ситуационным факторам. Оказываясь в тех или иных обстоятельствах и испытывая соответствующее состояние, человек приписывает его их влиянию, хотя все дело в самой ситуации. В частности, многим из нас известны примеры тенденциозных придилок к окружающим в состоянии раздражения. Причем человек искренне верит в то, что именно они являются первопричиной. Ветт отмечает, что в зависимости от степени неопределенности, размытости и трудно интерпретируемости внутренних импульсов человек функционально может оказаться в том же состоянии, что и наблюдатель, полагающийся на внешние сигналы, делая выводы о внутреннем состоянии наблюдаемого.

В соответствии с принципом самоатрибуции, в процессе формирования представлений о самом себе и причинности совершаемых действий, человек полагается на информацию из трех следующих источников: анализа внутренних импульсов; наблюдения за своим открытым поведением; анализа обстоятельств, в которых это поведение реализуется. Чем противоречивее и неопределеннее внутренние импульсы, тем в большей степени он полагается на свои поступки и обстоятельства, в которых они реализовывались. Причем этот принцип имеет место и на уровне общественного самосознания. Так, в 1960-1970-е годы большинство жителей СССР легко «справлялись» с «происками» западной пропаганды в отношении недостатков социалистического строя, находя в качестве контраргументов многочисленные примеры «язв капитализма», подсовываемые отечественными средствами массовой информации. Когда же эта уверенность рухнула к концу 1980-х годов, они стали повышено доверчивы к суждениям любого западного, да и отечественного шарлатана.

Иерархизация. По мере накопления представлений об особенностях формирования и проявления Я-концепции на первый план начали выходить исследования, связанные с выявлением ее структурной организации. М. Rosenberg (1986) предложил иерархическую структуру, в которой реализуется принцип соподчинения: вышестоящие элементы определяют нижестоящие и в конечном итоге – само- и мироотношение личности.

К ядру Я-концепции относятся те элементы, свойства, качества, социальные роли и т. п., которые оцениваются как субъективно значимые. Это своеобразные струны души человека, к которым он особенно чувствителен. В качестве таковых могут выступать внешний облик в целом или какая-то его деталь, интеллект, положение в обществе, материальные возможности и многое другое (курносый нос, веснушки, фирменная одежда и т.п.). Причем в тот или иной момент времени эта психологическая черта может быть доминантной, направлять все помыслы человека, например – стремление к косметической операции, встреча с кумиром и т.п.

Психологические центральности индивидуализированы и обладают возрастной спецификой. Если человек чувствителен к своей внешности, любое критическое замечание в ее адрес может вызвать весьма болезненную реакцию. Если моральное Я находится на периферии, любое взывание к совести обречено и т. д.

Смысловая интеграция. Вполне понятно, что все эти принципы не функционируют в отдельности, что они связаны друг с другом, и доминирование одного сказывается на других. Идею единства и смысловой интегрированности в формировании Я-концепции отмечал И. С. Кон, подчеркивавший, что «понятие смысловой интеграции – более емкое – подчеркивает не только системность, целостность «образа Я», но и его ценностно-смысловой характер, неразрывную связь когнитивных аспектов «самости» (что, насколько и благодаря чему осознается) с мотивационными» (1984, с. 240). Другое дело, что сама эта смысловая интегрированность далеко не всегда описывается в ее проявлениях рациональностью и целостностью; что человек в своих проявлениях часто демонстрирует диаметрально противоположные грани собственного Я, а это создает сложности в объяснении интегрированности его образа.

Возрастная динамика Я-концепции

Вопрос о том, как и когда возникает Я-концепция, довольно труден для рассмотрения прежде всего по причине сложности вычленения из самосознания взрослого человека своеобразия его эволюции, а у ребенка – освобождения интерпретации его проявлений опять-таки от теоретического интерпретационного фрейма самого исследователя, видящего в тех или иных проявлениях либо подтверждение, либо опровержение своей модели.

Тем не менее общепризнанной считается точка зрения о том, что образ собственного Я первоначально неотделим от образа первичного воспитателя (Bretherton, 1988; Stern, 1985). В возрасте 9 месяцев образ Я у ребенка выступает в виде небольших отдельных эпизодов жизненных переживаний. Повторяясь, эти эпизоды организуются и предстают как генерализованные репрезентации взаимодействий. Посредством различного рода комбинаций вербальных и невербальных реакций первичный воспитатель формирует реакции младенца, фиксируя их. Эти фиксации Стерн называет аффективными настройками, а сам тип этих взаимоотношений во многом сходен с «жестовым общением», посредством которого формируется и уточняется образ Я.

Большинство исследователей придерживаются точки зрения, что собственно о самости можно говорить лишь при появлении способности осознавать роль других, которая начинается после одного года. Именно эта модель определяет возрастающую способность ребенка управлять переживанием мира. В исследованиях последних лет она получила название схемы самости, организующей репрезентации прошлых жизненных переживаний и избирательно воздействует на переработку всего континуума информации, на кодирование, сохранение, воспроизведение, выведение, планирование и антиципацию, изменяясь и совершенствуясь по мере новых поступлений.

С обретением языка начинается процесс дифференциации самости. Некоторые аспекты ее обозначаются и, таким образом, объективируются. Этот новый канал предоставляет возможность очень эффективного разделения жизненных переживаний; взаимозависимость между самостью и другими становится все более вербальной. Появление языка создает предпосылки для обретения нового качества самости – личных жизненных переживаний, недоступных другим (Singer и Kolligian,

1987). Таким образом, субъективная самость отделяется от самости объективной, создавая основания для становления самости уникальной, осознания того, что наблюдаемое другими может отличаться от того, что есть на самом деле. С этого момента у ребенка начинает формироваться ряд схем самости. К 7–8 годам можно говорить о наличии у него стабильной, хорошо дифференцированной Я-концепции.

Damon и Hart (1988) в процессе становления самости выделяют ряд последовательных стадий самопонимания. В раннем детстве оно обычно сосредоточивается на характеристиках собственного состояния, предпочтениях и антипатиях. В отрочестве дети предпочтительнее используют социальное сравнение относительно значимых других, описывая себя в определенной системе координат. В юности акценты смещаются на межличностные характеристики, в старости – на мировоззрение, философию и мораль. М. Rosenberg (1986), подчеркивая полностью межличностный характер самости на протяжении ее становления и развития, отмечает в то же время возрастное изменение ее формы. У детей характерной особенностью является включение других в самоописание, взрослые более склонны к включению в описания самих себя межличностных чувств, взаимодействий с другими людьми.

В целом характеризуя возрастную динамику развития Я-концепции, можно отметить увеличение количества описательных категорий; гибкость и определенность в их использовании, повышение уровня избирательности, последовательности, сложности и интегрированности информации; использование все более тонких оценок и связей между ними, способностей анализировать и объяснять поведение людей, большее внимание к изложению материала, желание сделать его более убедительным.

В процессе взросления образы Я становятся:

- более дифференцированными и многокомпонентными;
- более обобщенными, переходя от фиксации случайных, внешних признаков к более широким поведенческим характеристикам и, наконец, к глубоким внутренним диспозициям;
- более индивидуальными и психологическими, подчеркивая скрытые детерминанты, мотивы поведения, свои отличия от других людей;
- собственное Я кажется более устойчивым;
- возникает и постепенно усиливается разграничение и противопоставление наличного и идеального (желаемого, должного) Я;
- меняется удельный вес и значимость осознаваемых компонентов и свойств самости (Кон, 1984, с. 189).

Динамический аспект самости не исключает интереса к аспекту статическому. Понимая, что аккумулируемая человеком информация должна создавать предпосылки для постоянного изменения его представлений о самом себе, нельзя не заметить существенного элемента стабильности этих представлений. Рассмотрим этот элемент функционирования самости ниже.

Психологическая устойчивость Я-концепции и механизмы ее поддержания

Одной из центральных проблем рассмотрения специфики функционирования Я-концепции личности является проблема ее устойчивости. Констатация того, что человек находится в постоянном потоке информации, меняющей его представления о мире и о самом себе, сталкивается с фактами избирательного отношения к этой информации в целях некоторой устойчивости своих представлений. Подоплека этого понятна – если представления будут изменяться по мере поступления любого нового знания, то человек будет просто дезориентирован в происходящем. Более того, у него не будет точек опоры как в миро-, так и самоотношении, нивелируя его способность к прогнозам развития событий. Как человеку сохранить относительную стабильность в ориентирах? Чем он жертвует и во имя чего? Какие механизмы использует и как? Попытаемся ответить на эти и многие другие вопросы.

Наша обыденность представляет столь огромное количество фактов, что человек часто не замечает очевидного для других, что он делает множество, казалось бы, не имеющих рационального объяснения ошибок. В чем их причина? Что кроется за ними? Видимо, желание устойчивого отношения к самому себе. Посредством каких механизмов? Посредством субъективной интерпретации происходящего, избирательного отношения к поступающей информации. Этот процесс, получивший название социально-психологической самозащиты, рассматривается современными авторами как один из наиболее мощных ресурсов поддержания устойчивости самости в целом и Я-концепции в частности.

В широком спектре психологической самозащиты особый интерес вызывает психодинамический подход, предлагающий ряд механизмов как способов поддержания представлений человека в относительно устойчивом и стабильном состоянии. Привлечение психодинамической традиции к анализу категории самости является тем более продуктивным, что именно в ее рамках появляется возможность нахождения достаточно оригинальных и полезных решений по ряду вопросов, вызывающих сложности с позиций когнитивной и других социально-психологических традиций.

Представления о психологической защите обычно ассоциируются с психоанализом З. Фрейда, хотя он по сути не был автором этого понятия и не считал теорию защитных механизмов проработанной. Упоминания они в различных его работах. В соответствии с его моделью структуры личности (бессознательные желания и инстинкты – «Id», «Ego», «Super-Ego» – система интериоризованных норм и запретов) психологическая защита рассматривается как бессознательные, приобретенные в процессе личности способы «Я» достижения компромисса между противодействующими силами «оно» и «Сверх-Я» и внешней действительностью. Направлены они на уменьшение тревоги, вызванной интрапсихическим конфликтом, и представляют собой специфические бессознательные процессы, с помощью которых Я пытается избегнуть неврозов, сохранить интегративность и адаптивность личности.

Описание механики психологической самозащиты как совокупности способов поддержания стабильности и устойчивости системы представлений человека о

самом себе и окружающем его мире сопряжено с определенными сложностями. Во-первых, описано большое количество различных механизмов психологической самозащиты; во-вторых, они неопределенны и, как следствие, многотрактуемы; в-третьих, лишь часть из них имеет отношение к социально-психологической самозащите, направленной на поддержание устойчивости представлений человека.

Сконцентрируемся на конкретных механизмах, так или иначе проявляющихся в обеспечении устойчивости самости.

Вытеснение – подавление, исключение из сознания информации, вносящей напряжение и тревогу. Сталкиваясь с такой информацией, человек предпринимает целенаправленные неосознаваемые усилия, чтобы «честно» забыть ее, обеспечивая сохранение позитивного самоотношения. Примером применения такого рода защиты является целенаправленное выталкивание из сознания негативных действий или событий, отрицательно характеризующих личность.

Подавление – блокирование неприятной, нежелательной информации, осуществляемое при переводе ее из воспринимающей системы в память либо при выводе из памяти. Нежелательная информация маркируется таким образом, чтобы в последующем не воспроизводиться. Исследования когнитивных психологов показали наличие существенных сложностей, связанных с припоминанием информации, вызывающей отрицательные эмоции.

Отрицание – стремление избежать новой информации, несовместимой со сложившимися представлениями. Человек становится невосприимчив к тем граням своей жизни, которые чреваты неприятными ощущениями; человек ничего не хочет видеть и слышать, тревожась, что выстроенный им иллюзорный мир рухнет.

Избегание – тенденция миновать фрустрирующую ситуацию или объекты, ассоциирующиеся с неприятными воспоминаниями. Этот механизм проявляется в стремлении людей не встречаться со знакомыми, оказавшимися свидетелями их негативных проявлений, избегать мест, напоминающих о неприятных событиях.

Обособление – изоляция внутри сознания особых зон, связанных с травмирующими факторами, часто ведущих к расщеплению, диссоциации личности. В рамках сохранения «собственного лица» люди часто как бы обособливают свои негативные действия, объясняя их себе тем, что они вынуждены экстраординарными обстоятельствами. В обычной ситуации эти действия просто не имели бы места. Так, человек, совершивший хамский поступок и вызвавший осуждение, оправдывает себя ссылкой на вынудившие его обстоятельства.

Рационализация – самообман, попытка рационально обосновать абсурдный импульс или идею. Примером рационализации является стремление найти у несимпатичного человека уйму недостатков. Причем рационализация может быть негативно и позитивно валентной. Примером последней является кумирозация или идеализация героя, вождя, идола и т. п. В частности, влюбленные часто приписывают друг другу качества, объективно не присущие партнеру, но приписываемые идеалу, что часто создает основу для последующих разочарований. Логика тут простая – моим избранником может быть только идеал, следовательно, у него должен быть набор только позитивных характеристик.

Проекция – бессознательный перенос собственных чувств, влечений, качеств на другое лицо. Нечистый на руку видит и других такими же. Курильщик

снимает тревогу в кругу, находя себе подобных. Двоечник ищет «друзей по несчастью». Здесь тоже можно говорить о позитивно и негативно валентных разновидностях. В первом случае человек начинает проецировать свои позитивные качества на другого, забывая, что наличие их вовсе не является нормой. Человек, отдающий долги, не сомневается, что такой же ответственностью обладает и берущий в долг. Правда, у берущего может сработать и иная логика – беру чужие ненадолго, отдаю свои навсегда.

Идентификация – разновидность проекции, неосознанное отождествление себя с другим человеком и перенос на себя желательных свойств и качеств. Особенно это характерно для младшего возраста, в котором часты случаи ролевой идентификации с героем. Ребенок начинает верить в то, что он Рембо, ощущает себя сильным и уверенным.

Конверсия – изменение значения или содержания явления на более приемлемое. Человек обозначает то или иное негативное деяние более мягким термином, тем самым, уменьшая остроту переживаний. Не украл, а взял, не сбежал, а ушел, не стащил, а унес и т. п. Причем конверсия часто используется и для успокоения общественного самосознания.

Регрессия – замена значимой, но труднодостижимой цели на менее значимую, но легче достижимую. В данном случае человек, опасаясь возможной неудачи в решении сложной задачи (например, поступление в престижный вуз), выбирает ношу полегче, а себе рассказывает «сказку» о том, что образование можно получить везде, приложив усилие и способности, в наличии которых у себя он не сомневается.

Компенсация – неудачи в одной сфере деятельности компенсируются сверхдостижениями в другой. Пример тому – «уход» в работу, семью и т. п., когда человек, предчувствуя возможные претензии в собственный адрес, начинает создавать почву для самооправданий по поводу своих неудач, отдавая «бразды правления» другому. Шаблоны типа «своих детей не умеешь воспитывать – нечего воспитывать чужих», однако, вовсе не являются аксиомой. Существуют примеры, когда человек неудачливый в собственной семейной жизни, добивается выдающихся успехов на производстве и пр.

Фантазия – использование в качестве реальных мнимых образов. Человек достигает в мечтах глобальных целей и тем самым удовлетворен. Примером тому является маниловщина.

Формирование реакций включает подчеркивание представлений и характеристик, противоположных наличным недостаткам. Например, мать неосознанно ненавидящая ребенка, всячески демонстрирует свою любовь к нему, человек, склонный к гомосексуализму, становится Дон Жуаном (Rosenberg, 1986, с. 550).

Перечисленные механизмы социально-психологической самозащиты, конечно же, не исчерпывают всего их многообразия. Важно показать, какими ресурсами обладает человек для поддержания позитивного в своей самости, оправдания собственных деяний. Обладая способностью множественной интерпретации событий, люди имеют возможность наделять их самыми разнообразными смыслами.

Теоретические подходы к описанию структуры и содержания самости

Представленный выше обзор характеристик Я-концепции носит скорее описательный характер, что не является свидетельством отсутствия попыток построения обобщающих моделей и авторских концепций применительно к самости и Я-концепции. В основном виде это теории среднего уровня и теории, претендующие на более высокий уровень обобщения. В этих теоретических моделях, как правило, акцент делается на каком-либо одном аспекте или исследовательской методологии.

Теории среднего уровня

В настоящее время (что особенно характерно для американской когнитивной традиции) доминируют теории среднего уровня, которые позволяют тем не менее систематизировать определенный класс эмпирических данных. В числе наиболее известных концепции возможных самостей Н. Markus (1990), самоидентификаций В. R. Schlenker (1992), саморуководств Higgins (1990), самоописаний D. McAdams (1994). Причем здесь можно выделить два направления: рассмотрение самости как 1) дискретной и 2) как целостного гештальта.

Возможные самости. В рассуждениях Markus самость представлена как совокупность вообразяемых и вызывающих опасения самостей, представленных в саморефлексии и выступающих в качестве регуляторов поведения. Возможные самости представляют собой множественные образования, не обладающие какими-либо ограничителями со стороны динамического Я, функционирующего в данный момент времени, но информированные о деталях и валентности происходящего. Они специфичны по содержанию и многообразны в отношении репрезентированных областей жизни (1990, с. 142).

Возможные самости используются как основания для самоизменений. Являя собой многоликий образ с позитивно-негативными валентностями, основанный на жизненном опыте и представлениях о будущем, они выступают в качестве своеобразных моделей для ориентации, развития и изменения в жизненном пространстве. Примером применения самостей к разрешению кризисных состояний являются позитивные реминисценции о прошлых достижениях. Представляя различные образы Я, возможные самости позволяют человеку определить свое нынешнее состояние, сориентироваться в динамике личностного развития, вычлнить эталоны следования. Будучи социальными по своей природе, репрезентируя субъективную версию желанного и нежеланного, возможные самости, рефлексируя реакции со стороны значимого социального окружения, позволяют увереннее двигаться в личностном пространстве.

Самоидентификации. Концепция самоидентификаций В. R. Schlenker фокусируется на проблематике социальной идентичности, определяя ее как «теорию самости (или схемы), формируемой и сохраняемой посредством актуального или вообразяемого согласия в отношении того, какой должна быть самость. В рамках

идентичности у человека формируется ряд самоидентификаций, позволяющих ему приспособливаться к различным обстоятельствам и их динамике. Рассматривая самость как дискретную, он утверждает наличие в ее структуре многочисленных, часто противоречащих друг другу самоидентификаций, связанных с оптимальным приспособлением к различного рода ситуативным контекстам. Такая позиция, хоть и является излишне прагматизированной, позволяет найти объяснение противоречивости человеческого Я.

Желаемые социальные идентичности привязаны прежде всего к требованиям конкретных ситуаций, социального окружения и преследуемым целям. Они выступают в качестве представлений человека о том, что он должен делать в той или иной ситуации, какие последствия его ожидают, как избежать негативных результатов. В схеме, предлагаемой Членкером, люди рассматриваются как мультимотивированные, активно работающие над самосответствием, развивающие позитивный образ собственного Я, прилагающие усилия для преодоления ситуаций, представляющих угрозу для самоидентичности. Осуществляемый в межличностном взаимодействии процесс соотнесения Я—другие также таит в себе многочисленные ограничения для самоидентификации и самопрезентации. Процесс адаптации к идентичностям часто строится по схеме теории обмена—взвешивания затрат и получаемых выгод от взаимодействия личных и социальных императивов. Причем не только индивид взвешивает последствия проявления той или иной идентичности, но и социум включает свои регулятивы для стимулирования желательных ему самоидентичностей.

Саморуководства. Higgins (1990) рассматривает человека как репрезентирующего для себя актуальное, возможное и будущее Я, адаптируя различные точки зрения в собственный адрес и других людей и на этой основе формулирующего своеобразные саморуководства в отношении своих проблемных полей. Эти саморуководства формируются в детстве через различные типы социализации и к периоду взрослости обретают относительно устойчивый, ситуационно привязанный характер, поддерживаемый за счет ресурсов саморегуляции. Актуализация саморуководств в поведении осуществляется на основе сигналов, ассоциируемых эмоциональных состояний и текущего ситуационного контекста. Первоначально имея поисковый характер, в последующем они начинают автоматически воспроизводиться в сходных обстоятельствах и требуют значительно меньшего произвольного контроля. Конечно, включение саморуководств носит дискриминативный характер, так как человек вынужден сопоставлять различные точки зрения, в том числе и со стороны значимого окружения, адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, однако определенный элемент константности в них все же присутствует.

Самоописания. Несколько иной позиции придерживается D. McAdams. Работая в традиции социальных мотивов, он утверждает, что люди формируют целостные самоописания в отношении определения того, кем они являются, кем были, кем собираются быть. Представляя собой своеобразные связности и единства самости, они служат выражением диспозиций мотивов интимности, аффилиации и власти. Обладая структурой с ключевыми темами, эпизодами, сценами, персонажами и завершениями, самоописания позволяют антиципировать будущее развитие событий и сформировать отношение к ним.

Главным элементом самоописаний выступает временная перспектива, отражающая интегрированность обозрения индивидом своего прошлого, настоящего и будущего. Они содержат поворотные пункты, центральные темы, повторяющиеся эпизоды. Ядро описаний формируется в детстве, развивается в последующем, обогащается контекстами. Различные периоды взросления включают и различные темы, которые в конечном итоге определяют приоритеты в жизненных целях и самооотношении. Самоописания не просто отражают мотивационные диспозиции, а представляют ориентирующую перспективу в отношении саморазвития, создают предпосылки для него. Содержат они и поворотные точки, связанные с периодами переосмысления собственного Я, внесения корректив; по мере взросления становятся более целостными, последовательными, интегрируют историю жизненного пути.

Наряду с теориями среднего уровня, применительно к самости, в социальной психологии накоплено достаточно большое число мини-теорий, основанных на объяснении определенной эмпирической фактуры. К числу таких минитеорий Cantor и Zirkel (1990; 145-152) относят концепции *обусловленных паттернов* Thorn (1987), *ядерных сцен* Carlson (1981), *частных аудиторий* Baldwin и Holmes (1987), *личностных стремлений* Emmons (1989), *личностных задач* Little (1989), *текущих интересов* Klinger (1987) и других авторов.

В центре внимания Thorn находится анализ внутренних репрезентаций ключевых социальных условий, определяющих выражение центральных диспозиций личности. Самоописания человека в большинстве случаев включают паттерны обстоятельств. Наибольшей субъективной значимостью обладают именно фрустрирующие паттерны, особенно сформированные в детстве. Эта констатация находится в полном соответствии с рассуждениями теоретиков объектных отношений, подчеркивающих психотравматический характер подобных жизненных эпизодов. Причем повторение их приводит к еще большему укреплению и возрастанию их роли в регуляции поведения.

Carlson, вводя понятие ядерных сцен, подразумевает под ними четко обособленные, аффективно насыщенные, персонифицированные события, выступающие в виде своеобразных руководств в знаниях, умениях и действиях человека. Многообразные по содержанию они формируются также в раннем детстве и проявляются в сознании индивида в форме особенно ярких жизненных впечатлений. Их отличительной чертой является то, что они сильно привязаны к исходным, эмоционально остро окрашенным событиям, детерминирующим отношения к последующим событиям данного типа. Процесс формирования новых ядерных сцен характеризуется постоянным согласованием эпизодов прошлого и настоящего: предшествующая негативно окрашенная сцена формирует соответствующую эмоциональную предубежденность для последующей и т. д.

Baldwin и Holmes подразумевают под частными аудиториями явление повышенной чувствительности человека к социальному одобрению-неодобрению. Взаимодействие здесь осуществляется в форме своеобразного диалога, осуществляемого осознанно или неосознанно и выступающего в виде регулятива самооценки. Диалог с частной аудиторией является формой активизирующей или сдерживающей саморегуляции. Отличительной особенностью его является подчеркивание

особой роли социального окружения по отношению к самости личности и ее поведению, так как включает в плоскость рассмотрения проблематику репрезентированности социального окружения в сознании и самости личности.

В последнее время внимание к анализу неразрывного единства личности и ее социального окружения становится все более очевидным. Последнее во многом определяет контекст социального поведения и самоотношения личности. Причем выяснение репрезентированности данного социального окружения в структуре самости позволяет определить своеобразие интерпретации индивидом происходящего. Поэтому в сферу анализа все чаще включаются единицы репрезентированности социального контекста в самости, ориентированные в будущее и дающие возможность нахождения ответов на вопрос, во имя чего и что движет человеком в его социальном поведении.

Когнитивно-жизненно-переживаемая теория самости Эпштейна

Характеризуя различные теоретические подходы к самости и ее аспектам, нельзя оставить в стороне одну из наиболее разработанных теоретических моделей самости, предложенную S. Epstein (1990). Известная под названием когнитивно-жизненно-переживаемой его теория самости получила поддержку в среде исследователей. В ней утверждается, что в процессе самопознания люди развивают имплицитную личностную теорию реальности, включающую в качестве компонентов теорию самости, теорию мира и предположения об их взаимосвязи. Личностная теория реальности являет собой иерархически организованный ряд схем и их сетей, большинство из которых представлено в виде постулатов. Наиболее фундаментальные из них следующие:

- о доброжелательности–недоброжелательности мира;
- о степени означенности (включая представления о контролируемости, предсказуемости и др.);
- о степени благожелательности отношений со стороны других;
- о степени, в которой самость рассматривается как достойная.

Эти постулаты определяют своеобразие само- и мироощущения субъекта; изменение каждого из них приводит к существенному дестабилизирующему эффекту в отношении всей действующей структуры. По мере снижения уровня схемы в иерархии они становятся все менее глобальными, все более конкретизированными, связанными непосредственно с жизненным опытом.

Схемы нижнего уровня включают ситуационно специфические знания и не связаны с более высоко расположенными личностными конструктами. Их изменение не приводит к каким-либо существенным последствиям (здесь прослеживается некоторая аналогия с иерархией личностных представлений Roseach (1979)). S. Epstein различает два типа схем: *описательные* и *мотивационные*. Первые представляют содержательную характеристику самости и мира, вторые – цели и желания. Мотивационные схемы основываются на эмоционально значимом опыте. Они, как

и описательные, относятся к различным уровням обобщения и сложности и выступают в форме ценностей, целей и жизненных планов.

Личностная теория реальности выполняет функции: ассимиляции данных реальности (сохранение ассимилируемой концептуальной системы); поддержание и способствование сохранению баланса удовлетворенности-неудовлетворенности; поддержание чувства связности с другими; поддержание удовлетворяющего уровня самооценки. В отличие от других подходов, провозглашающих отдельные из перечисленных функций, в данной конструкции центральная роль отводится каждой из перечисленных.

Поведение представляет компромисс четырех базовых мотивов: самоудовлетворенности; поддержания стабильности концептуальной системы; поддержания взаимоотношений с другими; укрепления самооценки. Нарушение баланса приводит к колебанию системы в целом, что чревато кризисными последствиями для личности. Наряду с базовыми выделяются основополагающие представления, отражающие интуитивные оценки собственной теории реальности. Эти оценки показывают, насколько окружающий мир: 1) доброжелателен; 2) означен (предсказуем, контролируем, справедлив); 3) достоин взаимоотношения с другими людьми; 4) насколько достойна собственная самость.

В отличие от других теоретических моделей, рассматривающих, как правило, одну концептуальную систему, S. Epstein выделяет рациональную систему, оперирующую на уровне сознания; концептуальную систему, оперирующую на уровне предсознания; ассоциативную систему, оперирующую на уровне неосознаваемого. Традиционная Фрейдовская триада наделяется здесь иным содержанием. Рациональная система функционирует в соответствии с социально предписываемыми правилами коммуникации и выведения. Ассоциативная система оперирует в соответствии с правилами первичного мышления и представляется источником творческой активности. Концептуальная система жизненных переживаний опосредована ощущениями, включающими чувства, не осознаваемые индивидом, и эмоции, которые обычно осознаваемы. При столкновении индивида с ситуациями, требующими реагирования, в зависимости от предшествующего опыта, он испытывает определенные чувства. Общая направленность действий подчинена достижению позитивных и преодолению негативных состояний. Эмоциональные состояния обуславливают не только выбор действий, но и характер мышления. Оперирование концептуальной системой жизненных переживаний осуществляется по следующей схеме – сталкиваясь с ситуацией, требующей некоторого рода реагирования, индивид, в зависимости от предшествующего опыта, начинает испытывать определенные чувства. Если они положительны, поведение направлено на их поддержание, если негативны, – наоборот. Причем это касается как чувств, так и характера мышления. Общие правила оперирования концептуальной системы жизненных переживаний представлены в таблице 22.

Таблица 21.

Сравнение атрибутов рациональной системы и системы жизненных переживаний

№ п/п	Система жизненных переживаний	Рациональная система
1.	Холистическая	1. Аналитическая
2.	Эмоциональная: ориентированная на жизненные удовольствия	2. Логическая: ориентирована на обоснование
3.	Поведение опосредовано прошлым опытом	3. Поведение опосредовано осознанным одобрением событий
4.	Кодирует реальность в конкретные образы и метафоры	4. Кодирует реальность в абстрактные символы: слова и числа
5.	Быстрая переработка: ориентирована на мгновенную реакцию	5. Медленная переработка: ориентирована на отсроченное действие
6.	Трудно изменяемая: изменяется при повторном опыте, прямом или косвенном	6. Быстрая изменяемость: изменяется со скоростью мышления
7.	Научение осуществляется через непосредственный жизненный опыт	7. Научение через символическую репрезентацию опыта
8.	Грубо дифференцируемая и интегрируемая: ассоциативная, категорическая и организованная в эмоциональные комплексы	8. Более высоко дифференцированная и интегрированная
9.	Пассивно и предсознательно переживаемая: мы охватываемся нашими эмоциями	9. Активно переживаемая и осознаваемая: мы контролируем наши мысли
10.	Самоочевидно валидна: чувствую - представляю	10. Требуется уяснения через логику и очевидность

Приводится по Epstein, S., 1990, с. 168.

Рассмотренные выше теоретические подходы к содержательной проблематике самости представляют скорее позицию психологии личности, хотя на современном уровне психологических представлений эта дифференциация весьма условна. Социально-психологическое рассмотрение личности все же теснее ассоциируется с категорией межличностной самости.

Глоссарий

Аутентичность – понятие, обозначающее тождественность внешне демонстрируемых качеств личности их внутренней присущести. Как правило, рассматривается во взаимосвязи со своей противоположностью – неаутентичностью, под которой понимается осознание того, что внешне демонстрируемое не совсем (или совсем) не соответствует внутренне присущему.

Самость (Self) – всеобщность присущего ей (В. Джемс). В широком смысле – все то, что связано с человеком и оказывает влияние на его само- и мироотношение. По П. Бруно, она, во-первых, являет собой уникальную человеческую сущность, представленную в пространстве и во времени; во-вторых, представляет своеобразное Я, Эго личности; в-третьих, является оциуением собственной идентичности, отражением собственного бытия на протяжении всей истории жизни человека. По объему категория «самость» шире родственных ей категорий «Эго» и «Я-концепция», так как включает и то, что выходит за рамки конкретного человека, в частности его эго-протяженность, осознаваемое и неосознаваемое, культуру и субкультуру и т. п.

Социальная идентичность – элемент Я-концепции, порождаемый членством в социальной группе. Обычно он обособляется от личностной идентичности, связываемой с индивидуальными особенностями и взаимоотношениями с другими людьми. Личностная идентичность рассматривается как уникальность человека, проявляющаяся в его отличии от других членов группы. Социальная же идентичность связана с категоризацией себя и других как обладающих сходством с определенной социальной категорией в противопоставлении к людям, относящимся к другой социальной категории. Социальная идентичность является характеристикой человеческого мышления, направленного на классификацию объектов реальности, которые существуют в виде категорий.

Эго-протяженность – в широком смысле все то, на что проецируется самость человека, и все то, что оказывает непосредственное или опосредованное влияние на нее (семья, субкультура, место жительства, страна и т. п.). Причем эго-протяженность носит пространственно-временную континуальность, так как на человека оказывают опосредованное влияние его предки, потомки и многое другое.

Я-концепция – в западной традиции определяется как многоаспектный феномен, как набор образов, схем, понятий, прототипов, теорий, целей или задач. В отечественной традиции под Я-концепцией понимается относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к самому себе

Вопросы для обсуждения

1. В чем необходимость введения в социальную психологию столь обширной категории, каковой является «самость»?
2. Как соотносятся категории «самость», «эго» и «Я-концепция» друг с другом? В чем они сходны, а в чем различны?

3. Что представляет собой социальная идентичность человека? Чем она отличается от личностной?
4. Опишите особенности и процессы самокатегоризации. Как она отражается на самоидентификации человека?
5. Как соотносятся друг с другом когнитивный, аффективный и оценочно-волевой компоненты Я-концепции? Чем обусловлено их выделение?
6. Опишите содержательные конституирующие самости. В чем они дополняют друг друга?
7. Какие принципы лежат в основе процесса становления и развития самости?
Чем обусловлено столь сильное влияние на формирование содержания самости непосредственного социального окружения человека?

Для дополнительного чтения

1. Андриенко Е. В. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В. А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2000.
2. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Педагогика, 1986.
4. Грановская Р. М., Никольская И. М. Психологическая защита у детей. – СПб.: Речь, 2003.
5. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
6. Пайнс А., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.
7. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Основной источник

1. Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2003.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Понятие социализации

Одним из важнейших в сфере социальной психологии является вопрос о том, как человек развивается и как он входит в социальную жизнь. Обычно данная проблематика ассоциируется с категорией «социализация»; в наиболее общем смысле

это процесс, посредством которого индивид приобретает знания ценности, усваивает язык, социальные умения и социальную чувствительность, позволяющие ему интегрироваться в общество и адаптивно вести себя в нем» (Reber, 1996, с. 732).

Понятие это было введено в социальную психологию в работах А. Bandura и J. Coleman, изучавших особенности формирования социального опыта личности. В разных научных школах оно получило различную трактовку: в поведенческой психологии – как социальное научение; в символическом интеракционизме – как результат социального взаимодействия; в гуманистической психологии – как актуализация самости; в психоанализе – как стадийный процесс биосоциального созревания и т. д. В советской психологии проблема социализации развивалась в основном в рамках иерархии диспозиций, синтезирующих систему регуляции социального поведения в зависимости от включенности в общественные отношения (Петровский, Ярошевский, 1990, с. 373). К сожалению, отечественные исследования в области социализации существенно идеологизированы и сегодня находятся в глубоком кризисе.

Не менее важной проблемой является природа социализации. О наличии какого-либо общепризнанного подхода тут говорить рано, поэтому рассмотрим ее в контексте широкого спектра подходов в разных традициях.

Казалось бы процесс социализации достаточно прост по своему содержанию, и в то же время довольно трудно определить, как он осуществляется непосредственно. Можно проследить, как люди пытаются социализировать других (например, как родители обучают, направляют или корректируют своих детей), но способности воздействия, как правило, интернализуются и могут быть выведены лишь из внешне проявляемых действий и поступков, а о том, что происходит во внутреннем мире человека, можно только догадываться, что не исключает многообразных, зачастую взаимоисключающих друг друга теоретических подходов.

Понимание процесса социализации определяется и мировоззрением исследователя, работающего, как правило, в рамках конкретной психологической парадигмы. Правила поведения и система ценностей пронизывают огромное количество феноменов, от непосредственной повседневной практики, ожиданий общества в отношении соответствующего возрасту, полу, классу и т. п. поведения до разработки социальных структур и системы морали. Научение эффективному оперированию в рамках каждого из них включает не только огромную базу информации, но и изменение личностной ответственности (например, переход от детской зависимости к автономии), где задействовано множество сторон и институтов – включая родителей, родных, ровесников, церковь, школу, средства массовой коммуникации и т.п., вклад каждого из них и дополняет друг друга, и может вступать в конфликт.

В процессе социализации осуществляется включение индивида в общественные отношения, благодаря чему происходит изменение его психики. Л. С. Выготский, рассматривая проблему перехода ребенка на более высокий уровень развития, подчеркивал необходимость специального обучения; суть его – в ознакомлении с системой знаков, универсальным выражением которых выступают слова. Будучи взаимосвязанными, развитие психики и социализация не являются тождественными понятиями. Первое является более широким, включающим в себя и спонтанные процессы, обусловленные созреванием, и социальное развитие.

Социализация, начинающаяся в большинстве своем в детстве, не заканчивается никогда, включая приобретение новых социальных ролей, вовлечение в новые отношения и институты, приспособление к изменениям в сообществе и массе других. Стало быть, понимание ее особенностей связано с многими теоретическими подходами.

Сторонники природного подхода считают, что ребенок генетически запрограммирован на обладание позитивной (или негативной) природой. Сторонники приобретенного подхода, наоборот, уподобляют новорожденного «белому листу», на котором общество пишет желаемое. Существует и третья линия, пытающаяся найти компромисс между природным и приобретенным в развитии личности. Познакомимся со спецификой предлагаемых подходов к развитию личности. Наиболее характерными из них являются психодинамический, поведенческий, когнитивный, гуманистический, деятельностный, системный и эклектический подходы. Начнем с психодинамического.

В самом широком смысле в отечественной традиции понятие социализации трактуется как совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Человек, постепенно усваивая социальный опыт, использует его в целях адаптации к социуму. Такое усвоение происходит и стихийно, и целенаправленно. Целенаправленность определяется усилиями семьи, школы, различных общественных организаций. Стихийность – многообразными аспектами жизни, свидетелем которых является человек.

Один из крупнейших специалистов в этой области К. Durkin определяет социализацию как процесс, посредством которого люди приобретают правила поведения, систему представлений и установок, обеспечивающих им возможность эффективного функционирования в качестве членов конкретного общества (1996).

Многообразие аспектов социализации создает объективные сложности ее анализа. Правила регулирования поведения и системы ценностей, варьируясь от культуры к культуре, охватывают огромное количество феноменов от повседневной житейской практики конкретного индивида, его семьи, сети межличностных отношений, соответствующих общественных ожиданий в отношении поведения в соответствии с полом, возрастом, классом, другими характеристиками, социальными структурами, моральными нормами.

Как отмечает Е. В. Андриенко, (2000), в системе отечественной психологии употребляются два термина в качестве синонимов социализации: развитие личности и воспитание. Не давая пока точной дефиниции понятия социализации, скажем, что интуитивно угадываемое содержание этого понятия состоит в том, что это процесс вхождения индивида в социальную среду, усвоения им социальных влияний, приобщения его к системе социальных связей и т. д. Определение же социализации как совокупности социальных процессов вызывает ряд возражений у отечественных исследователей, а именно: если личность изначально социально детерминирована, то какой смысл говорить о вхождении ее в систему социальных связей. Не будет ли при этом повторяться старый тезис, что новорожденный не есть еще человеческое существо, что ему еще предстоит пройти путь «гоминизации». Как известно, Л. С. Выготский решительно

протестовал против изображения ребенка как существа, которому еще надо гоминизироваться. Родившись, он уже задан как элемент определенной культуры и определенных социальных связей. Если социализацию отождествлять с гоминизацией, есть все основания крайне негативно относиться к «ней». Сегодня общепризнано, что новорожденные обладают рефлексам, способностью и преддиспозициями, позволяющими изучать этот мир, реагировать на него, на людей и предметы. Исследования новорожденных, основанные на выявлении ситуативных предпочтений, продемонстрировали их предрасположенность к определенным сенсорным ощущениям. Например, они скорее предпочитают родителей движущихся и говорящих, нежели родителей, не подающих признаков своего присутствия, внимлот активнее голосовым звукам, нежели другим. Исследования взаимоотношений в системе родитель – ребенок, основанные на использовании микроаналитических техник анализа моментальных срезов экспрессивного и коммуникативного поведения родителей и новорожденных, показали наличие взаимных усилий на создание максимально оптимальных условий взаимодействия.

Вместе с тем следует иметь в виду, что каждый из элементов этого взаимодействия имеет право на рассмотрение без опасения, что внимание к одной из сторон обернется ее абсолютизацией и недооценкой другой. Подлинно научный вопрос о социализации ни в коей мере не снимает проблемы развития личности, а, напротив, предполагает, что последняя понимается как становящийся активным социальный субъект, обладающий свойствами системного динамического целого, – утверждение, демонстрирующее проблему соотношения атомистического и холистического подхода в психологии.

Социализация относится к тем явлениям, посредством которых человек учится жить и эффективно взаимодействовать с другими людьми. Она непосредственно связана с социальным контролем, поскольку включает в себя усвоение знаний, норм, ценностей общества, обладающего всеми видами санкций формального и неформального характера. Это двусторонний процесс не только из-за диалектического единства усвоения и воспроизводства социального опыта, но и из-за единства стихийного и целенаправленного влияния на становление человека как субъекта общественных отношений.

Социально-контролируемые аспекты воздействия на личность реализуются прежде всего в воспитании и обучении. Стихийное, спонтанное влияние осуществляется через средства массовой коммуникации, ситуации реальной жизни и другие факторы. Двусторонность процесса социализации проявляется в единстве ее внутреннего и внешнего содержания. Внешнее – совокупность всех социальных воздействий на человека, регулирующих проявление присущих субъекту импульсов и влечений. Внутреннее – формирование целостной личности. Социализация может изучаться в филогенетическом плане (родовых свойств человечества) и онтогенетическом (конкретных типов личности).

В процессе усвоения и воспроизводства социального опыта человек выступает как объект и как субъект социализации. Б. Г. Ананьев определяет человека как объект в отношении социальных воздействий, направленных на него; и прежде чем рассматривать личность с точки зрения ее внутреннего содержания,

т. е. как субъекта общественных отношений, необходимо сначала охарактеризовать совокупность всех социальных сил и влияний, которые воздействуют на нее извне. Иными словами, определив человека как объекта общественного развития, можно понять внутренние условия его становления как субъекта общественного развития.

Социализация имеет свои культурно-исторические особенности, зависит от ее реализации на данном отрезке времени, обладает рядом специфических особенностей, определяемых соотношением имического (общекультурного) и итического (культурно специфического) аспектов. Различные общества поддерживают радикально отличные системы ценностей и поведенческой практики даже в отношении таких, казалось бы, фундаментальных вопросов, как мораль, отношение к агрессии, полу, возрастным группам, групповым и индивидуальным целям. Доминирование универалистских тенденций в психологическом знании привело к упущению из поля зрения многообразия социализации. С ростом популярности конструктивистского подхода происходит изменение и в теории социализации. Отталкиваясь от кросс-культурных данных социальности, Shweder показывает, что дети приобретают правила поведения в результате повторяющегося включения в моральный дискурс с членами сообщества, указывающим им границы этической реальности и помогающим структурировать ее (1991). Такой же точки зрения придерживается и Goodnow, утверждающий, что дети социализируются посредством участия в повседневной жизни, непосредственно вплетающей их в систему ценностей сообщества (1990). Подчеркивание роли существующих социальных репрезентаций не снижает роли активности самих детей и когнитивных ограничений ассимиляции социальной информации, хотя на этот счет имеются различные точки зрения.

Сегодня социализация рассматривается как направленная и контролируемая эволюция, сопровождаемая ростом осведомленности личности о включенности в социальную активность, посредством которой осуществляется репродукция системы ценностей.

Отказ от универсальных представлений и осознание эволюционной природы социализации обуславливают необходимость переосмысления ее на современном этапе развития науки и новых технологий, влияющих на все сферы жизни.

В современной социализации заметно возрастание ее временной продолжительности по сравнению с прошлым. Детство как первичный период социализации значительно увеличилось; изменился сам статус детства. Если раньше оно рассматривалось лишь как подготовка к жизни, то в современном обществе к нему относятся как к особой среде жизнедеятельности, который обладает не меньшей ценностью, чем жизнь взрослого человека; появляются даже законы, охраняющие права детей, на межгосударственном уровне, например, Конвенция о правах ребенка от 2 сентября 1990 г.

История знает немало примеров достаточно жесткого обращения с детьми – от хладнокровного уничтожения слабых в Древней Спарте до сдачи детей чужим людям на подсобные работы и массовых убийств при дефиците питания на ранних стадиях развития общества. Примерно с XV века отношение общества к детям постепенно меняется. Сначала ребенок рассматривается как исходный пластичный материал, из которого воспитатель может лепить что угодно, при

этом всякая детская самостоятельность, инициатива и независимость пресекается. С XVIII века наблюдаются более мягкое отношение к детям, конечно, при полном контроле со стороны родителей. Постепенно общество начинает стремиться к развитию интеллекта, воли, социальных качеств у детей средствами воспитания и обучения, а сегодня осуществляется целенаправленный процесс массовой социализации, активная помощь детскому развитию и воспитанию.

В. М. Бехтерев отмечал, что для нормального развития такие организации, как школа или семья не только должны, но и вынуждены заботиться об устранении порабощения духа, которое легко прививается к человеку с молоком матери (1905, с. 113). Ребенок – это не маленький взрослый; это человек определенной стадии развития и культуры. В большинстве развитых стран современная социализация характеризуется гуманизацией детства – ребенок выступает там в качестве главной ценности семьи и общества.

Чтобы быть полноправным членом общества, способным оптимально функционировать среди других, человеку требуется много времени, короче – приходится социализироваться всю жизнь. Перманентное состояние переходного периода со всеми его издержками приводит к тому, что усвоенный социальный опыт устаревает очень быстро. Меняются не только технологии, другими становятся ценности, нормы, идеалы. Процесс изменения ставших неадекватными отношений получил название ресоциализации. Однако существуют ценности, которые являются неизменными, выработанными человечеством в веках: это справедливость, совесть, истина, красота, любовь, простота, совершенство и др. – уникальные источники взаимопонимания людей разных культур, разных экономических и общественно-политических систем и религий.

Особая роль в современной социализации принадлежит образованию и приобретению профессии. Поскольку смена новых поколений техники быстро опережает смену новых поколений работников, человеку приходится добывать новые знания и использовать их в новых условиях. Здесь важно, насколько он самостоятелен в информационном пространстве, каковы его ориентировочные способности, как быстро он выбирает то, что ему действительно подходит, в чем сможет достигнуть более высокого профессионализма, поскольку сложнейшее производство требует и соответствующих специалистов. Профессиональные ошибки при современных технологиях все дороже обходятся обществу, а иногда платой за них является гибель людей (при технических авариях, катастрофах).

Развитие образования как обязательного условия современной социализации связано с многообразием общественных и личностных проблем. Во-первых, все большее количество молодых людей стремится получить высшее образование, связывая с ним надежды на успешную карьеру, оптимальный уровень жизни и социальной адаптации. Во-вторых, качественное образование является весьма дорогостоящей процедурой не только для общества, но и для конкретного индивида, и сегодня заметна явная тенденция к повышению его стоимости. Чем больше возможностей предлагает человеку общество, тем большие сложности он испытывает в профессиональном выборе. Более того, сегодня работа уже не рассматривается только как средство высокого жизненного уровня, она становится еще и своеобразным источником удовольствия – таким же, как досуг. Эти относительно

новые тенденции современной социализации охватывают все большую часть населения, в то время как в предшествующие эпохи такой взгляд на образование и профессиональную деятельность был свойствен лишь слоям элиты.

Сочетание разнонаправленных характерологических черт, иначе – амбивалентность, обеспечивает взаимную компенсацию их проявлений в поведении человека. Кроме того, сложность и динамика социализации требуют максимальной гармонизации черт личности в процессе развития, предполагающей единство противоположных начал: пластичности и устойчивости, экстернальности–интернальности, конформности–нонконформизма, экстраверсии–интроверсии, мобильности–ригидности и т. д. Если такая гармонизация невозможна, необходима, по крайней мере, компенсация слабовыраженных или чрезмерно доминирующих качеств.

Д. В. Ярцев, исследуя особенности социализации современного подростка, сформулировал в этой связи ряд выводов:

1. У современного подростка затруднено формирование таких ценностных ориентаций, которые бы способствовали его безболезненному вхождению в систему социально-экономических отношений. Причиной тому служит изменившаяся социально-экономическая ситуация и как следствие – ослабление референтной функции современной семьи в плане формирования долговременных личностных установок ребенка.
2. В настоящее время подростки не спешат создавать близкие и доверительные отношения со своими сверстниками, предпочитая более легкие, ни к чему не обязывающие контакты, однако потребность в глубоком интимно-личностном общении сохраняется, не находя своего удовлетворения.
3. Современный подросток стремится получить от школы не только предметные знания, но и определенный жизненный опыт, который бы помог ему в дальнейшем быть более эффективным в социальной среде. Но данная потребность сегодня в значительной степени снижена ввиду неспособности современной школы транслировать такой опыт.
4. Возникшая на современном этапе развития социально-экономических отношений потребность подростка в индивидуальной экономической деятельности не находит своего полного удовлетворения. Негативные проявления, сопровождающие раннюю включенность подростка в экономические отношения, обусловлены, с одной стороны, отсутствием реальной возможности наиболее полного и адекватного удовлетворения данной потребности, с другой – несформированностью соответствующих культурных традиций (Вопросы психологии. 1999, № 6).

Технократия и прагматизм общества, сопровождаемые ростом индивидуализма, приводят к актуальности проблем гуманизма и духовности. Социальная сущность индивида обуславливает проблему гармоничного сосуще-

ствования людей на основе идеалов общечеловеческой культуры. Идея толерантности, способности признавать ценности другого, учитывать их во взаимодействии с ним суть приоритеты сегодняшнего дня.

Развитие кросс-культурных исследований, реализация идей конструктивистского подхода с его ориентацией на активное построение мира значений субъекта; налаживание межпарадигмального диалога; переосмысление предшествующих взглядов и позиций – направления, которые в этом контексте придерживается и социальная психология.

Теоретические подходы к проблеме социализации

Отсутствие какой-либо единственно верной теоретической концепции, еще недавно порождавшее чувство неопределенности, а в отдельных случаях и стремление обойти проблему социализации вообще, стимулирует стремление к налаживанию диалога различных парадигм. И если раньше они либо не вписывались в идеологическую схему, либо игнорировались, либо подавались в критикуемой форме, то сегодня воспринимаются как обладающие определенным потенциалом продуктивности. В рамках интегративно-эkleктического подхода представляется полезным непредвзятое знакомство с основными психологическими традициями, внесшими оригинальный вклад в ее разработку. К числу таковых относятся: психодинамическая, когнитивная, интеракционистская, социального научения, деятельностная.

Психодинамический подход как наиболее продуктивный и разноплановый объединяет исследователей, придерживающихся позиции о решающем значении для будущего личности раннего детства.

Классические основания его разработаны З. Фрейдом, рассматривавшим ребенка как природно-импульсивного, легковозбуждаемого, обладающего низкой способностью к самоограничению или задержке удовлетворения потребностей. Социализация происходит в результате подавления и дисциплинирования со стороны общества своего нового члена, принятия ими общественно признанных конвенций. Проблемы, связанные с этим принуждением, будут проявляться в психике позже, отражая напряжение между потребностями и побуждениями развивающегося организма, ограничениями и целями социального окружения.

В теории психосексуального развития Фрейд в качестве предмета исследования берет человеческие влечения, эмоции, полоролевое поведение. Показывает как в процессе пяти стадий психосексуального развития формируются жизненные перспективы ребенка. Если ведущие конфликты на каждой стадии разрешаются успешно, процесс социализации безболезнен, если нет – создается проблемное поле, требующее своего разрешения. На каждой стадии интересы ребенка и окружающих его людей (первичных воспитателей) сосредоточены вокруг какой-то определенной части тела (эрогенной зоны), служащей источником удовольствий, но тут же налицо и конфликт между стремлением к удовольствию и ограничениями, навязываемыми первичными воспитателями, а впоследствии и «Супер-Эго».

Основываясь на результатах наблюдений за поведением детей и выделяя ведущие точки их соприкосновения с реальностью бытия, обладающие потенциалом проблемности, З. Фрейд выделил следующие стадии психосексуального развития:

1. *Оральная* (от рождения до 2 лет). На этой стадии эрогенной зоной является рот. Энергия младенца направлена на то, чтобы получить удовлетворение через него (в основном сосание, прием пищи). Чрезмерное удовлетворение на стадии грудного вскармливания может привести к тому, что, став взрослым, человек будет предельно самостоятельным без видимых на то оснований. И наоборот, неудовлетворенность, неприятные ощущения в этот период могут обусловить формирование очень зависимого взрослого. Примерами неудачного разрешения данного конфликта являются люди, которые постоянно раздражены, агрессивны, саркастичны, склонны к переданию, грызут ногти, много говорят, курят, любят жевательную резинку, леденцы. Эти особенности поведения З. Фрейда свидетельствуют о том, что они «застряли на оральной стадии развития».

2. *Анальная* (от 2 до 3 лет). Доминирующей проблемной зоной на этой стадии становится анус (задний проход) в силу того, что ребенок сталкивается с необходимостью самоограничений в области исправления естественных потребностей, связанных с формированием навыков туалета. Дети, успешно прошедшие данную стадию, отличаются гибкостью мышления, великодушием, аккуратностью – чертами, которые сохраняются на всю жизнь. Быстрое и сопряженное с насилием приучение к туалету может обернуться тем, что ребенок «защелкнется» на излишней приверженности правилам гигиены, чрезмерной опрятности. И наоборот, если родители не обращают внимания на то, куда и как ребенок ходит в туалет, в результате может сформироваться взрослый, склонный к негативизму, анархичности и лидерству.

3. *Фаллическая* (от 4 до 5 лет). На этой стадии дети внимательны к своим половым органам и главным источником удовольствий для них становится пенис или клитор. В этот период начинают проявляться полоролевые различия между мальчиками и девочками. У детей появляются симпатия к родителям противоположного пола и чувство неприязни к родителям одного с ними пола. Связанные с этими чувствами конфликты Фрейд назвал Эдиповым комплексом (у мальчиков) и комплексом Электры (у девочек).

Дети, успешно преодолевшие данную стадию, обычно легко разрешают конфликты посредством отождествления себя с родителями того же пола. При этом начинают копировать образцы поведения, интонацию речи, прическу и т. п. родителей соответствующего пола. З. Фрейд полагал, что мальчики, испытавшие трудности на этой стадии, в дальнейшем становятся робкими, застенчивыми, пассивными. Что касается девочек, то они несут комплекс Электры всю жизнь, только в каждый возрастной период это проявляется по-разному. Обычно это выражается в неадекватно интенсивном стремлении к половой связи с мужчинами или в желании иметь сына в качестве компенсации в случае отсутствия такой связи.

4. *Латентная* (от 6 до 12 лет). На данной стадии либидо не концентрируется на какой-то определенной части тела или органе, а сексуальные потенции как бы дремлют в состоянии бездействия, покоя. Дети, успешно идентифици-

ровавшие себя с представителями того же пола, начинают не только копировать, но и быстро усваивать нормы поведения, соответствующие их полу и одобряемые обществом.

5. *Генитальная* (от 12 до 18 лет). На этой стадии сохраняются некоторые особенности, характерные для ранних, но главным источником удовольствия становится половое сношение с представителем противоположного пола.

Последним двум стадиям Фрейд уделил мало внимания, так как считал, что основные личностные характеристики закладываются в 5–6 лет.

Критика либидозной направленности З. Фрейда, приведшая к постфрейдизму (Адлер, Фромм, Хорни, Юнг), пытающемуся найти иные базовые основания, привела Э. Эриксона к концепции психосоциального развития, основывающейся на приоритетности взаимоотношений с непосредственным социальным окружением ребенка. Э. Эриксон полагал, что лишь здоровый взрослый человек способен удовлетворять свои потребности в личностном развитии, желаниях собственного Эго (Я), запросах общества. В отличие от Фрейда, он чаще употребляет понятие «социальное развитие» человека, подчеркивая влияние на него социальных, исторических и культурных факторов. Автор выделил ряд стадий *психосоциального* развития личности, которые даются в сравнении со стадиями психосексуального развития З. Фрейда (таблица 23).

Расширяя рамки социализации практически на всю жизнь человека, Эриксон приходит к выводу о зависимости реализации его установок от успешности разрешения им ведущих конфликтов:

- между доверием и недоверием к окружающему миру (с рождения до 1 года);
- между чувством независимости и ощущением стыда и сомнения (1–3 года);
- между инициативностью и чувством вины (4–5 лет);
- между трудолюбием и чувством неполноценности (6–11 лет);
- между пониманием принадлежности к определенному полу и непониманием форм поведения, соответствующих данному полу (12–18 лет);
- между стремлением к интимным отношениям и ощущением изолированности от окружающих (ранняя взрослость);
- между жизненной активностью и сосредоточенностью на себе, своих возрастных проблемах (средняя взрослость);
- между ощущением полноты жизни и отчаянием (позднее взросление).

Таблица 22.

Стадии психосексуального и психосоциального развития

Психосексуальные стадии (Z. Freud)	Психосоциальные стадии (E. Erikson)	Основные задачи развития	Некоторые детерминанты позитивного развития
---------------------------------------	--	--------------------------	---

Оральная (0-18 месяцев)	Доверие / недоверие	Развитие достаточного доверия для исследования мира	Мама, теплое, любящее взаимодействие
Анальная (от 18 месяцев до 2-3 лет)	Автономия / стыд и сомнения	Развития чувства контроля над поведением; реализация преследуемых интенций	Поддерживающие родители; подражание
Фаллическая (от 2-3 до 6 лет)	Инициатива / стыд	Развитие чувства самости через идентификацию с родителями и чувства ответственности за собственные действия	Поддерживающие родители; идентификация
Латентная (6-11 лет)	Производство / неполноценность	Развитие чувства собственной ценности через взаимодействие с ровесниками	Школа, учителя; научение и обучение; ободрение
Генитальная (11 лет и старше)	Идентичность / диффузия идентичности	Развитие определенного и устойчивого чувства идентичности – эго (самости); отбор различных потенциальных самоостей	Ровесники и ролевые модели; социальное давление
Генитальная (ранняя взрослость)	Интимность / изоляция	Развитие тесных взаимоотношений с другими; приобретение интимности, требуемой для женитьбы	Супруги, коллеги, партнеры, общество
Генитальная (взрослость)	Генеративность / погруженность в себя	Обобщение ответственности роли взрослого в сообществе; привнесение собственного вклада; обретение заслуг	Супруги, дети, друзья, коллеги, сообщество
Генитальная (старшая взрослость)	Интеграция / отчаяние	Столкновения со смертью; преодоление потенциального отчаяния; понимание смысла жизни	Друзья, родственники, дети, супруги, сообщество

Выделение этих конфликтов связывается у него с понятием жизненных кризисов, характерных для определенного возраста. В отличие от З. Фрейда, он выводит эти кризисы из наблюдений за реальными проблемами людей, возникающие у них в различные периоды жизни, пытаясь найти им соответствующие объяснения социетального свойства. Последующие критики Эриксона указывали на слишком малую выборку испытуемых (чуть более 100 человек), не дающую оснований для сколько-нибудь обоснованных обобщений. Тем не менее концепция его объясняет

достаточно распространенные проблемы, связанные с переоценкой человеком самого себя.

Эриксон полагал, что, если стадийные конфликты разрешаются успешно, кризис не принимает острых форм и заканчивается формированием определенных личностных качеств, в совокупности составляющих тот или иной тип личности. Неудачное разрешение кризиса на какой-то из стадий приводит к тому, что, переходя на новую, человек переносит с собой ряд противоречий, испытывая определенные сложности. Отмечая вклад Э. Эриксона в развитие представлений об особенностях и условиях продуктивности социализации, следует отметить его эвристическую и объяснительную ценность.

Проблема социализации получила свое развитие и в работах теоретиков объектных отношений. М. Клейн, фактически родоначальница этого подхода, зафиксировала присущую детям тенденцию деления мира на плохой и хороший, рассматривая жизнь как борьбу между позитивными чувствами любви и негативными – ненависти. Этот конфликт приводит к расщеплению мира на благожелательный и неблагоприятный компоненты. Своеобразие такого рода расщепления определяется спецификой обращения с ребенком со стороны первичных воспитателей. Доминирование негативной компоненты вызывает у него отношение к окружающему миру как к враждебному. А все то, что транслируется им, воспринимается как таящее потенциальную опасность, и наоборот.

О. Kernberg характеризует отношения ребенок – первичные воспитатели как биполярные репрезентации, каждая из которых создается образом ребенка самим по себе, образом значимых других (матери), а также чувствами, формируемыми между ними в процессе выстраивания взаимоотношений. Если ребенок испытывает состояние депривации, это способствует негативной окраске биполярных репрезентаций, в противном случае – позитивной. Биполярные репрезентации интернализуются или метаболизируются как результат переживаемых взаимодействий. Данные интернализации обуславливают различные типы последствий для возрастных периодов развития ребенка. В последующем аккумулированные репрезентации становятся интернализированными единицами структур мышления, выступая в качестве своеобразных линз, или фильтров, рассмотрения собственной самости во взаимоотношениях с другими. Последующие взаимоотношения, в свою очередь, рассматриваются как обусловленные ранее интернализированными шаблонами репрезентаций.

Особое место в развитии идеи объектных отношений принадлежит Н. Kohut, который пытался дать теоретическое объяснение феноменологии и симптомологии нарциссизма, полагая, что тремя базовыми мотивационными системами, определяющими своеобразие само- и мироотношения, являются честолюбие, идеалы и потребность в самоуважении.

Теория развития Н. Kohut, как большинство других психодинамических теорий, постулирует факт слабой дифференцированности репрезентаций у новорожденных собственной самости от самости других – это *стадия фрагментаризованной самости*. На втором году жизни у них начинается развиваться «ядерная самость», т. е. ядро самости, обладающее биполярной структурой; ребенок побуждается, с одной стороны, фантастическими образами самости как всемогущей и все-

знающей (у Н. Kohut это «грандиозная самость»), с другой – создаваемым родителями и сходным по грандиозности идеализированным образом родителей. Если воспитатели не эмпатичны, ориентированы на актуализацию собственных потребностей, а не потребностей ребенка, он формируется с дефектной самостью, что может привести к неадекватности, заниженной самооценке, стимулированию отчаянного стремления быть принятым и обожаемым, к установлению связанного чувства собственной идентичности.

W. Fairbeim исходил из постулата первичной мотивированности ребенка на эмоциональный контакт с окружающими людьми. Он основывал свою теорию на двух посылах: первая – ребенок нуждается в чувстве быть любимым первичным воспитателем (обычно матерью), затем другими членами семьи; вторая – ощущение того, что их собственная любовь принимается и ценится. Если эти два условия не соблюдаются, нарушается развитие психики. В своих теоретических рассуждениях W. Fairbeim отталкивался от наблюдений за шизоидными личностями, характеризующимися фрагментированностью представлений о себе. Он отмечал, что рудиментарная расчлененность наблюдается у всех новорожденных, но ее укоренение может приводить к тому, что различные части ее будут оперировать в собственных реалиях.

W. Fairbeim предложил собственную модель организации внутреннего мира. По его мнению, первичная мотивация связана с реальными внешними объектами, но то, что интернализуется, связано прежде всего с разочаровывающими, фрустрирующими аспектами реальных отношений.

Ребенок формирует две пугающие его версии первичного воспитателя – отвергающего (антилибидозный объект) и потенциально любящего (либидозный объект). Эти две пугающие пары (эго плюс объект) изолируются от центрального ядра эго (самости) и прикрепляются к идеализированной и десексуализированной версии оригинального объекта (матери).

Когнитивный подход акцентирует внимание на развитии познавательной сферы человека, часто ассоциируется с информационно-процессуальным подходом, основанным на компьютерной метафоре. Аналогия с компьютером направляет внимание исследователей на выяснение того, как человек усваивает, перерабатывает и актуализирует информацию об окружающем его мире, как информационный опыт отражается на взаимодействии человека с другими, какие закономерности определяют развитие личности. Одни авторы рассматривают такое развитие как непрерывную смену универсальной последовательности стадий, каждая из которых есть результат предыдущей и подготавливает последующую. Другие авторы (А. Баллон) представляют подобное развитие как прерывистую последовательность реорганизаций, включающих подавление или возникновение каких-либо функций в определенные моменты.

Наиболее полно проблемы интеллектуального развития были разработаны швейцарским ученым Ж. Пиаже. Согласно его теории, на каждой стадии развития формируются новые познавательные навыки, которые определяют пределы того, чему можно научить человека в этот период. Было установлено, что способность к логическому мышлению закладывается в младенчестве и совершенствуется от года к году, подчиняясь определенным закономерностям. Навыки мыслительной деятельности приобретаются по мере общего развития

детского организма и расширения горизонтов изучаемого мира. Значительная часть активности детей приходится на игры, которые Пиаже рассматривал как неперенный компонент работы по исследованию окружающих объектов – людей, явлений, предметов. Он считал, что такая форма обучения необходима для нормального умственного развития и успешного процесса взросления.

Пиаже выделял следующие стадии когнитивного развития:

- сенсомоторную (от рождения до 2 лет), когда у детей формируется способность сохранять в памяти образы предметов окружающего мира, до завершения этой стадии детям кажется, что предметы перестают существовать, когда они на эти предметы не смотрят;
- предоперациональную (от 2 до 7 лет), когда дети учатся различать символы и их значения;
- стадию конкретных операций (от 7 до 11 лет), когда дети учатся мысленно совершать действия, которые раньше они выполняли только руками;
- стадию формальных операций (от 12 до 15 лет), когда подростки овладевают навыками решения абстрактных математических и логических задач, осмысливать нравственные проблемы, рассуждать о будущем.

Важной социально-психологической проблемой является нравственное взросление, в науке ее иногда называют проблемой морального развития ребенка.

По мнению Пиаже, нравственное развитие происходит не так, как умственное, и зависит от опыта общения ребенка с окружающими людьми и предметами, в ходе которого моральные размышления и умственное развитие оказываются взаимосвязанными. Пиаже обнаружил интересный факт: у детей, как и у взрослых, то, о чем они говорят, часто противоречит тому, что они делают, т. е. между словом и делом – дистанция огромного размера.

Реплики детей 3-летнего возраста согласуются с их поведением, хотя объяснить правила игры они еще не могут, так как не понимают их смысла и считают, что их можно менять по собственному усмотрению в зависимости от характера игры.

К семи-восемью годам игра приобретает отчасти социальный характер, т. е. правила ее согласовываются участниками.

Опираясь на труды Пиаже об интеллектуальном развитии детей, американский психолог Л. Kohlberg разработал теорию нравственного развития ребенка, показывающую взаимосвязь морального обоснования и умственного развития. В серии такого рода исследований Л. Kohlberg ставил детей и подростков перед гипотетически моральными дилеммами. Вот одна из них: «В одном из небольших городов заболела женщина. Доктор сказал, что есть единственное лекарство, которое может вылечить ее. Его придумал и продает один человек, живущий в этом городе. Затраты на изготовление лекарства почти в десять раз меньше, чем его продажная цена. Муж заболевшей не имеет достаточных средств, чтобы купить его. Обратившись к родственникам и знакомым, он собрал только половину требуемой суммы и с ней пошел к продавцу. Тот отказался отпустить лекарство за полцены или в долг, хотя знал, что женщина умирает. Тогда муж ее ночью пробрался в дом владельца и украл лекарство».

Детям разного возраста, прослушавшим рассказ, задавали следующие вопросы: Имел ли моральное право так поступить муж этой женщины? Что в поведении людей в данной ситуации было правильным и неправильным? Каждый из опрашиваемых должен был объяснить, почему поступки людей он считает правильными или неправильными. На основе ответов были выделены три уровня, включающие шесть стадий морального развития (таблица 24).

Таблица 23.

Стадии морального развития

Уровень	Описание	Стадии
I. Преконвенциональная (4–10 лет)	<p>Дети в основном реагируют на культурный контроль в целях избегания наказания и достижения удовлетворения.</p> <p>Выделяются две стадии:</p>	<p><i>Стадия 1.</i> Наказание и подчинение. Дети подчиняются правилам и порядку во имя избегания наказания; нет заинтересованности в моральной чистоплотности.</p> <p><i>Стадия 2.</i> Наивный инструментальный бихевиоризм. Дети подчиняются правилам, но только в чисто собственных интересах; они смутно представляют о необходимости справедливости в отношении других, но поступают так только в собственных интересах</p>
а. Конвенциональная (около 10—13 лет)	<p>Дети стремятся к получению одобрения как от других, так и от общества. Они не только подчиняются, но и активно поддерживают социальные стандарты.</p> <p>Выделяют две стадии:</p>	<p><i>Стадия 3.</i> Дети ищут одобрения со стороны других, формируется ментальность «хорошего ребенка».</p> <p>Поведение регулируется интенцией «надо делать хорошо».</p> <p><i>Стадия 4.</i> Ментальность закона-и-порядка. Дети заинтересованы в авторитете и сохранении социального порядка. Корректное поведение является «нашим долгом».</p>
б. Постконвенциональная (после 13 лет)	<p>Если формируется истинная мораль (внутренний моральный код), то это происходит</p>	<p><i>Стадия 5.</i> Индивид совершает моральные решения на основании законности или согласованности; это озна</p>

	<p>именно в эти годы. Индивид не апеллирует к моральным решениям других людей; они совершаются «просвещенным сознанием».</p> <p>Выделяют две стадии:</p>	<p>чает, что большинство ценностей поддерживается законом, потому что они приняты всем обществом. Если возникает конфликт между индивидуальными потребностями и законом, индивид должен прилагать усилия для изменения законов.</p> <p><i>Стадия 6.</i> Информированное сознание определяет, что является правильным. Люди действуют не под влиянием страха, одобрения или закона, а под влиянием собственных интернализованных стандартов правильности и неправильности.</p>
--	--	---

Приводится по Kohlberg, L., 1976.

Уровень нравственного развития ребенка определяется не самим ответом «да» или «нет», а пониманием того, почему был дан именно такой ответ, умением объяснить причину своего выбора.

Как видим, каждая последующая стадия основывается на предыдущей, преобразует ее, включает в себя, подготавливает новые критерии моральных суждений. Люди в любой культурной среде, согласно Kohlberg, проходят эти стадии в одном и том же порядке. Различие заключается лишь в скорости прохождения и в том, насколько далеко они продвигаются в рамках той или иной стадии. Kohlberg полагал, что итог нравственного развития достигается в среднем к 25 годам. Но пока развитие продолжается, последовательность стадий остается неизменной.

Если свести характеристику всех стадий к минимальному объему, получится следующий ряд утверждений:

Уровень 1 – предконвенциональный.

Стадия 1. Я должен сделать то, что обещал, иначе накажут.

Стадия 2. Раз ты меня обидел, я тебя тоже обижу.

Уровень 2 – конвенциональный.

Стадия 3. Хочу делать то, что приятно другим.

Стадия 4. Я обязан соблюдать закон.

Уровень 3 – постконвенциональный.

Стадия 5. Я должен исполнять эти законы, так как их установило общество.

Стадия 6. Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой.

Теоретические модели Пиаже и не являются исчерпывающими. В разное время они подвергались вполне обоснованной критике, которая сводится к следующим основным моментам:

- стадии не являются однородными и однозначными, не образуют строго неизменной последовательности;
- Kohlberg и Пиаже включают в понятие нравственного развития моральный закон, честность, ответственность, но ведь представления о них у различных людей могут формироваться по-разному;
- теория Колберга ориентируется только на мужское поведение, игнорируя особенности женского.

Гораздо продуктивнее попытки конструктивного развития этих идей. R. Enright (1991) разработал теоретическую модель прощения как частное приложение к явлению милосердия, исходя из посылки об отсутствии исчерпывающей определенности в трактовке справедливости у разных людей и наличии у них существенных различий. Например, он акцентировал внимание на иных, по сравнению с Kohlberg, аспектах моральных дилемм, в частности, задавая вопрос о том, что будет делать человек, получив информацию об употреблении наркотиков другим – заявлять куда следует или прощать. Enright вводит ряд полезных отличий между стадиями справедливости Kohlberg и стадиями прощения (таблица 25).

Таблица 24.

Стадии развития справедливости и прощения

	Стадии справедливости	Стадии прощения
Стадия 1	Ориентация на наказание и подчинение. Я считаю, что справедливость должна устанавливаться авторитетами, которые могут прибегнуть к наказанию	Мстительное прощение. Я прощу своего обидчика, если отомщу ему в равной степени
Стадия 2	Относительная справедливость. У меня есть чувство взаимности, которое определяет справедливость для меня, если вы помогаете мне. Я буду помогать вам.	Возмещающее или компенсирующее прощение. Если я верну потерянное, то прощу. Если мне будет стыдно за то, что я не могу простить, я прощу, чтобы стыд не мучил меня
Стадия 3	Справедливость хорошего мальчика / девочки. Я считаю, что групповое согласие (консенсус) должно определять, что правильно, а что не правильно. Я буду делать то, что будет одобрено другими	Ожидающее прощение. Я могу простить, если другие оказывают давление на меня, чтобы я простил. Легче простить, когда другие люди ожидают этого
Стадия 4	Справедливость закона и порядка. Социальные законы выступают в качестве моих критериев справедливости. Я поддерживаю законы для того чтобы	Ожидаемая законность прощения. Я прощаю, если моя религия требует этого. Отметим, что это не прощение, подобное второй стадии, когда я прощаю, чтобы стыд не мучил меня

	существовало упорядоченное общество	
Стадия 5	Ориентация на социальный контракт. Я проявляю интерес к тому, что создает общество, но понимаю, что существуют и несправедливые законы. Таким образом, я понимаю, что надо действовать для изменения системы	Прощение как социальная гармония. Я прощаю, когда это помогает установлению гармонии взаимоотношений с обществом. Отметим, что прощение является одним из путей контроля общества; это путь сохранения мирных отношений
Стадия 6	Ориентация на универсальные этические принципы. Мое чувство справедливости основывается на сохранении индивидуальных прав всех людей. Скорее мое сознание, а не законы определяет то, что я буду принимать в случае возникновения сомнений	Прощение как любовь. Я прощаю без всяких условий, так как это способствует истинному чувству любви. Этот тип отношений открывает возможность примирения и закрывает двери для мщения. Отметим, что в этом случае прощение не зависит от социального контекста, как на пятой стадии. Прощающий не контролирует других прощением; он или она отпускают на волю других

Модель, предложенная Enright, в большей степени соотносится с представлениями сегодняшнего дня и позволяет найти объяснения более широкому классу ситуаций, но и она не является исчерпывающей. В логике интегративно-эклетиического подхода полезными являются обе модели, каждая из которых более продуктивна в одних аспектах и менее продуктивна в других. Вместе они углубляют представление о феноменологии социализации в целом и морального развития в частности.

Гендерный подход. Теоретическую модель морального развития, в контексте гендерного подхода, предлагает С. Gilligan (1988), подвергнувшая сомнению валидность теории Колберга по отношению к женщинам. Она считает, что качества взрослого человека, положенные в основание теории (автономное мышление, четкое принятие решений и ответственные действия), соотносятся скорее с маскулинностью, нежели фемининностью. По ее мнению, характеристики, ассоциируемые с хорошей женщиной (мягкость, такт, заинтересованность в чувствах других, проявление чувств) соотносимы с другим понятием морали. Как следствие, Gilligan утверждает, что различные образы Я приводят к различным интерпретациям морального поведения. Девочки, воспитываемые с представлением о том, что привязанность является желательной, развиваются с осознанием неравенства; мальчики, воспитываемые на представлениях о желаемой обособленности, развиваются с осознанием независимости.

В силу того, что решения женщины основываются скорее на этике заботы, нежели морали справедливости, Gilligan обосновывает наличие отличных усло-

вий для морального развития женщин. Для мальчиков обособление от матери является существенным для развития маскулинности, в то время как для девочек фемининность ассоциируется с привязанностью к матери. Половая идентичность мальчика подвергается угрозе в случае привязанности и, наоборот, такой угрозе подвергается половая идентичность девочек в случае обособленности. Женщины определяют себя через контекст человеческих взаимоотношений и оценивают себя по критерию заботливости. Gilligan разработала собственную модель развития женщины, состоящую из трех стадий (схема 26).

Схема 25.

Теория морального развития женщин

Уровень I. Ориентация на индивидуальное выживание
<p>Решения концентрируются на самости и интересы прагматичны.</p> <p>Первый переход: от ориентированности на себя к ответственности</p> <p>По мере формирования привязанности к другим происходит переопределение интересов в свете определения «что следует делать».</p>
Уровень II. Положительность как самопожертвование
<p>Появляется чувство ответственности за других (традиционный взгляд на женщину как хранительницу очага)</p> <p>Положительность приравнивается к самопожертвованию и заинтересованности в других.</p> <p>Второй переход: от положительности к истине.</p> <p>Женщина начинает совмещать свои интересы с интересами других. Можно ли быть ответственной и за себя и за других? Ответ требует знаний; таким образом, здесь имеет место изменение положительности на истину. Признание собственных потребностей не является самодостаточным, а скорее искренним и беспристрастным.</p>
Уровень III. Моральность без насилия
<p>Разрешение конфликта между собственными интересами и интересами других приводит к выдвиганию в качестве регулирующего принципа ненасилия. Моральными действиями управляют гармония и сострадание к себе и к другим. Уровень III определяет как фемининность, так и взрослость.</p>

Приводится по Elliot, S.N., Kratochwill, T.R., Littlefield, J., Travers, J.F., 1996, с. 142.

Продуктивность идей Gilligan применительно к рассмотрению процесса социализации проявляется прежде всего в том, что в ее теоретической конструкции наглядно продемонстрированы, во-первых, наличие гендерных различий, а во-вторых, необходимость рассмотрения идиографического аспекта социализации.

Она не обосновывает преимуществ мальчиков или девочек одних над другими, а скорее показывает наличие отличий у них; признание различных моделей

развития предполагает более комплексное описание жизненных переживаний, признание значимости обособления и привязанности в жизни мужчин и женщин, проявление особенностей их в мышлении и языке. Отличительной чертой гендерного подхода, по крайней мере в его нерадикальной части, является бесперспективность доказательства преимуществ одного пола над другим. К мужчинам и женщинам надо подходить как к сущностям, обладающим отличиями в биологии и в психологии. Но признание этих отличий должно сопровождаться поиском сходств, выстраиванием взаимоотношений с их учетом. В гендерном подходе наиболее аргументировано обосновывается необходимость изменения принципа «или – или» на принцип «и – и».

Бихевиористский подход. Основным в развитии личности считают расширение репертуара поведения, которое достигается путем научения. Так, один из родоначальников этого направления Дж. Уотсон полагал, что человек таков, каким научился быть. Гипертрофируя роль научения в формировании личности, он утверждал о том, что при наличии контролируемых условий из любого здорового человека можно сформировать кого угодно – выдающегося актера, ученого, жулика и т. п.

Выделяются три *типа научения*: 1) классическое обусловливание; 2) оперантное обусловливание; 3) обучение посредством наблюдения.

1. *Классическое обусловливание* – простейший тип обучения, в процессе которого используются произвольные, врожденные рефлексy детей. Ребенок сначала автоматически реагирует на какие-либо внешние стимулы, затем учится реагировать таким же образом на стимулы, несколько отличающиеся от первых. Например, ребенка можно научить боязни белой мыши, используя неожиданно громкий звук. При этом испуг автоматически включает механизм плача. Аналогично и другие поведенческие реакции не были заученными прежде формами поведения, а появлялись в ответ на неожиданные раздражители.

Громкий звук, по терминологии бихевиоризма, называется безусловным стимулом, а реакция испуга и плача – безусловным ответом на него, чтобы выработать у ребенка реакцию испуга на белую мышь, проводился следующий эксперимент: ученые показывали ему игрушечную мышь, позволяя дотронуться до нее; никаких реакций при этом не возникало. Затем давали ему мышь второй раз, и как только он прикасался к ней, раздавался сильный резкий звук. Малыш пугался. При повторах появления мыши даже без звукового сопровождения ребенок начинал плакать.

Мышь в данном эксперименте, согласно теории поведения – условный стимул, плач – безусловный ответ. Подобную реакцию (чувство страха) вызывали у него все вещи, похожие на мышь (белый заяц, белый медвежонок, маска Санта Клауса и т.д.). Реакцию страха, которая переносится с одних вещей на другие, бихевиористы назвали генерализацией, т.е. обобщением.

2. *Оперантное обусловливание* – специфический тип обучения, который разработал Б. Скиннер. Суть его в том, что человек контролирует свое поведение, ориентируясь на его вероятные последствия (положительные или отрицательные). Например, в ходе эксперимента Скиннер учил крыс нажимать на задвижку клетки: как только они нажимали на нее, он давал им пищу, тем самым

подкрепляя их реакцию. В цирке поведение дрессированных животных есть результат применения оперантного обусловливания. Возникает вопрос: Какое отношение к детям имеет крыса или животное в цирке? Дело в том, что дети перенимают у других различные формы поведения посредством методов обучения, относящихся к оперантному обусловливанию, особенно таких, как подкрепление и наказание.

Подкрепление – это любой стимул, увеличивающий вероятность повторения определенных реакций, форм поведения. Оно может быть негативным и позитивным.

Позитивным является подкрепление, приятное человеку, удовлетворяющее какую-то его потребность и способствующее устойчивости форм поведения, заслуживших поощрения.

Негативным является такое подкрепление, которое заставляет повторять реакции неприятия, отторжения, отрицания чего-либо. Например, многие автолюбители, садясь за руль, забывают пристегнуть ремни безопасности, что может привести к негативным последствиям. По Скиннеру, нерадивых автомобилистов можно приучить пристегивать ремни следующим образом: как только человек садится за руль машины, раздастся резкий звонок, неприятный для слуха; когда водитель застегивает ремень безопасности, звон смолкает.

Сторонники бихевиористской теории установили, что наказание как специфическое средство обучения есть стимул, заставляющий отказаться от вызвавших его форм поведения. Нельзя путать понятия «наказание» и «негативное подкрепление». При наказании человеку или навязывается нечто неприятное, или же у него отбирается нечто приятное, а в результате и то и другое вынуждает его прекратить какие-то действия. При негативном подкреплении убирается нечто неприятное с целью поощрения определенного поведения. Позитивное подкрепление – более действенное средство контроля за поведением, а наказания следует всячески избегать.

3. *Обучение посредством моделирования.* А. Bandura всё же считает, что в жизни гораздо чаще обучение происходит в процессе наблюдения: ребенок наблюдает за тем, что делают, как ведут себя родители, бабушки и дедушки, сверстники, другие люди в его окружении, и старается им подражать.

Суть обучения посредством наблюдения заключается в том, что человек, копируя образцы, формы, модели поведения, не ожидает какого-либо поощрения или наказания за это. Однако если он видит, что какие-то дела, поступки, поведенческие реакции его сверстников поощряют, то скорее всего он будет стараться копировать их, охотнее подражая, однако, тем людям, которыми он восхищается, которых любит, которые в его жизни значат больше, чем другие. Дети никогда не станут копировать образцы тех, кто им неприятен или кого они боятся.

Гуманистический подход. В рамках этого подхода основы развития личности представлены в форме личностного роста, самоактуализации, саморазвития. Представляя по существу скорее набор деклараций, нежели какую-то последовательную систему идей, базирующихся на едином методологическом основании, данный подход возникает как протестное движение в отношении дегуманизиро-

ванной академической психологии, «препарирующей» личность и представляющей ее в форме некоего универсально описываемого абстрактного существа, не обладающего свободой выбора.

А. Маслоу в своей книге «Психология бытия» сформулировал взгляд на природу человека в виде 43 «основных допущений». В интерпретации А. Б. Орлова (1999) можно свести к следующим характеристикам внутренней природы человека:

- инстинктивна; потенциальна; слаба; отчасти всеобща, отчасти индивидуальна; познаваема; бессознательна, но в принципе осознаваема; как правило, неистребима (1–7);
- проявляется отчасти при самораскрытии, отчасти в самотворчестве (8);
- вызывает болезни личности в случаях недостаточной проявленности (9);
- позитивна, представляет собой «добро»; вызывает внутреннее чувство вины, когда личность предает ее; не связана со «злом», природа которого реактивна, а не сущностна (10–12);
- открывается благодаря способности человека к «регрессу» (13);
- проявляется в общем исцелении, здоровье личности при условии принятия ее такой, какая она есть (14);
- нуждается в признании своего существования (а не в контроле) как условия самовыражения человека, в любви и помощи в духе даосизма, в удовлетворении основных (как материальных, так и духовных) потребностей – в безопасности, принадлежности к группе, уважении и свободе, в контакте с реальностью природы и других людей, а также в самовыражении (15–19);
- живет и реализуется в «естественном мире» и в «мире психическом»; самовыражается и самоактуализируется в мире, но не адаптируется к нему; связана с познанием природы и человека такими, каковы они есть в своем бытии (20–23);
- достигает самореализации менее чем в 1% случаев; реализуется вопреки вторичным негативным переживаниям и силам, препятствующим самореализации, страху, печали, одиночеству, ностальгии, страданию, невежеству и т. п. (24–26);
- выражается в натуралистической системе ценностей; отрицает невротическое «самовыражение» как частичное и деформированное проявление человеческого потенциала; является базой мировоззрения и истинно человеческих ценностей, основанных на личном опыте (27–29);
- обеспечивает интеграцию, синергию и кооперацию оппозиций, дихотомий и различий психической жизни: долга и удовольствия, работы и игры, внешнего и внутреннего, Я и «всех остальных», сознания и бессознательного, импульсивности и контроля, первичных и вторичных познавательных процессов, рационального и иррационального, различных психических функций, в том числе абстракт-

ного (теоретического, вербального, «книжного») и конкретно-чувственного (интуитивного, довербального, созерцательного) познания (30–33);

- связана с психическим здоровьем и универсальными формами творчества, фантазией, юмором и радостью; проявляется в пиковых переживаниях (как моментах полного психического здоровья) и в уходе человека от невротических псевдопроблем к реальным экзистенциальным проблемам; обнаруживает себя первоначально в половых (мужских или женских) и конституциональных проявлениях и лишь затем – в общечеловеческих (34–37);
- реализуется путем освобождения человека от любых внешних авторитетов; является источником развития, находящимся исключительно внутри индивида, тогда как любой социум представляет собой лишь совокупность условий этого развития (38–39);
- проявляется в интеграции внешнего и внутреннего миров в жизни человека, во взаимопереходах от действия к недействию, в росте общей гомономности человека, все более живущего не в прошлом или будущем, а в настоящем (40–43). (1999, с. 87–88).

В соответствии с подходом Маслоу, каждый человек обладает мотивационным набором, который помогает ему удовлетворять потребности пяти уровней. Мы не вправе ожидать от ребенка, что он сам начнет заниматься такими видами деятельности, которые будут способствовать его самореализации (рисованием, развитием навыков чтения, налаживанием хороших отношений со сверстниками и т. п.), если не удовлетворены его важнейшие биологические потребности и чувство безопасности, если нет уверенности в том, что они и в будущем будут удовлетворяться нормально. При наличии такого состояния он может переходить к удовлетворению других, более высоких потребностей – в любви, принадлежности к конкретной группе (социальный статус), самооценке, самореализации. По мнению Маслоу, люди становятся готовыми к самоактуализации, когда они сыты, одеты, имеют кров, принадлежат к какой-либо группе, в меру уверены в своих способностях. Человек должен стать тем, кем он хочет и может стать. Тем не менее «в известном смысле потребность в самоактуализации никогда не может быть полностью удовлетворена. Она включает в себя поиск истины и понимания, попытку достичь равенства и справедливости, созидание прекрасного и стремление к нему» (Крайг, 2000, с. 94). Так как все перечисленное находится в постоянном движении, достижение его носит процессуальный характер.

Велико влияние на развитие гуманистической психологии идей К. Роджерса. В своей книге «Свобода учиться для 1980-х» он формулирует своеобразное завещание педагогам и воспитателям:

- создание психологического климата доверия между учителями и учащимися;
- обеспечение сотрудничества в принятии решений между всеми участниками учебно-воспитательного процесса;
- актуализация мотивационных ресурсов учения;
- развитие у учителей особых личностных установок, наиболее адекватных гуманистическому обучению;

- помощь учителям и учащимся в личностном развитии (Маркова и др., 1990, с. 186).

Формулируя идеал учителя фасилитатора, Роджерс выделяет ряд личностных установок: истинность, открытость, поощрение, принятие, доверие, эмпатическое понимание. Именно эти установки определяют гуманистический характер взаимовоспитания и взаимодействия, способствующих самоактуализации личности.

Оценивая значение гуманистического подхода в развитии представлений по проблеме социализации, следует подчеркнуть его несомненно позитивное влияние на развитие психологии в контексте богатства возможностей реальной жизни, расширение методов воспитания детей, основанных на уважении уникальности каждого ребенка и педагогических методов, направленных на гуманизацию внутрискольных межличностных отношений.

Тем не менее, как пишет Г. Крайг, в качестве научной, или генетической, психологии у гуманистической перспективы есть свои ограничения. Понятия типа самоактуализации определены нечетко, их нелегко использовать в типовых исследовательских проектах. Более того, разработка их применительно к различным отрезкам жизненного пути человека, не завершена. Психологи гуманистического направления могут определить изменения в развитии, происходящие на протяжении курса психотерапии, но испытывают трудности при объяснении нормального человеческого развития на протяжении жизни (2000, с. 95). Не вызывает сомнения, что гуманистическая традиция оказывает положительное влияние на развитие психологических представлений в силу своей ориентированности на холистический подход, критический по отношению к упрощенной трактовке человеческого мышления и поведения.

Деятельностный подход, согласно которому развитие личности происходит в процессе включения в различные виды деятельности, разрабатывали П. П. Блонский и Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев. Одни виды деятельности, как известно, являются на данном этапе ведущими и имеют большее значение для дальнейшего развития личности, другие – меньшее. Одни играют главную роль, другие – подчиненную. Поэтому нужно говорить о зависимости развития психики не от деятельности вообще, а от ведущей деятельности.

Важным этапом формирования личности ребенка является, например, игровая деятельность, социальная по своему содержанию.

Исследования М. И. Лисиной показали, что у младенцев существует особая форма деятельности – непосредственно эмоциональное общение «Комплекс оживления», возникающий на третьем месяце жизни, является сложным по составу действием, которое имеет задачу общения со взрослым и возникает до того, как ребенок начинает манипулировать предметами, т. е. до формирования акта хватания, после чего эти действия не растворяются, а сохраняют свое особое содержание и средства. Дефицит эмоционального общения (как и избыток) оказывает решающее влияние на психическое развитие в этот период, так как в нем закладываются ориентировочные и сенсомоторно-манипулятивные навыки, овладение общественно выработанными способами действий с предметами. Сделать это без участия взрослых невозможно, они показывают их детям и выполняют вместе с ними. Взрослый выступает, хотя и главным, но всего лишь элементом ситуации

предметного действия. Непосредственно эмоциональное общение с ним со временем отходит на второй план, на первый выступает «деловое» сотрудничество. Ребенок занят предметом, действием с ним и уже как бы не замечает взрослого.

В этот период происходит интенсивное овладение предметно-орудийными операциями – формируется «практический интеллект», возникают символические функции, совершается перенос этих действий на другие предметы, сходные, но не тождественные первому, имеет место обобщение действий.

Анализ речевых контактов ребенка (он в это время обладает относительно богатым лексическим составом и грамматическими формами) показывает, что речь используется им, главным образом, для налаживания общения со взрослыми. Сами предметные действия, успешность их выполнения являются для него способом налаживания такого общения.

В дошкольном возрасте ведущей деятельностью является игра в ее наиболее развернутой форме (ролевая игра). Главное значение ее состоит в том, что, благодаря особым игровым приемам ребенок моделирует в ней отношения между людьми. В ролевой игре происходит ориентация ребенка в смыслах человеческой деятельности, формируется стремление к общественно значимой деятельности, которое является важным моментом готовности к школьному обучению. В этом основное значение игры для психического развития, и это же является ее основной функцией.

Л. С. Выготский считал, что для умственного развития детей школьного возраста главное значение имеет обучение, в процессе которого происходит усвоение новых знаний и умений и управление которой составляет главную задачу обучения, является ведущей в этот период. В процессе ее происходит интенсивное формирование интеллектуально-познавательной сферы, через нее опосредствуется вся система отношений ребенка с окружающими взрослыми, вплоть до личностного общения в семье.

Представление развития, в том числе и социализации, как поэтапной смены ведущих деятельностей сталкивается с определенными сложностями. Например, крайне трудно выделить основную деятельность в подростковый период. Констатация того, что ведущей продолжает оставаться учеба сталкивается с проявляющимися противоречиями реальной жизни подростков. Не стоит забывать, что это критический период в развитии организма человека – период полового созревания, которое оказывает существенное влияние на формирование личности и все же не является первичным. Как и другие изменения, связанные с ростом интеллектуальных и физических способностей ребенка, это влияние идет опосредованно – через отношение его к окружающему миру, сравнение себя с взрослыми и своими ровесниками, т. е. внутри всего комплекса происходящих изменений.

В подростковом возрасте развивается особая деятельность – деятельность общения, связанная с установлением интимно-личных отношений между подростками. Ее отличие от других форм взаимоотношений (например, делового сотрудничества) заключается в том, что основным содержанием является другой подросток как человек с определенными личными качествами. В личном общении отношения строятся не только на основе взаимного уважения, но и полного доверия, общности внутренней жизни, что в этом возрасте играет особо важную роль.

В рамках деятельностного подхода была разработана теория развития личности как процесс вхождения ее в различные социальные группы, который включает: 1) адаптацию, 2) индивидуализацию, 3) интеграцию. Сначала человек приспосабливается к группе (семье, группе дошкольников, школьному классу, дружеской компании и т.д.), потом демонстрирует свою индивидуальность, потом сливается с группой, начиная трансформировать ее жизнедеятельность. В то же время свойственная данному подходу акцентация на аспекте активности личности в ущерб личностным детерминантам и влиянию ситуативного контекста приводит к односторонней, часто искусственной, характеристике социализации, что дополняется выраженной тягой к последовательному универсализму, выражаемому в строго последовательной иерархии ведущих видов деятельности, которая, во-первых, не является однозначно принимаемой, как другие универсальные модели, во-вторых, игнорирует много других факторов, определяющих особенности социализации личности.

Все рассмотренные нами аспекты развития личности (психосексуальный, психосоциальный, интеллектуальный, морально-нравственный, поведенческий, гуманистический) взаимосвязаны и взаимообусловлены (особенно в ранние возрастные периоды), поэтому изучение и реализация их должны проводиться *системно*.

Стадии социализации

В процессе социализации личность выступает как субъект и объект общественных отношений. А. В. Петровский выделяет три стадии социализации: *адаптацию, индивидуализацию и интеграцию*. Анализ их особенностей сделан Е. В. Андриенко (2000). На *стадии адаптации*, которая обычно совпадает с периодом детства, человек выступает как объект общественных отношений, на которого направлено громадное количество усилий родителей, воспитателей, учителей и других людей, окружающих ребенка и находящихся в той или иной степени близости к нему. Здесь происходит вхождение в мир людей: овладение некоторыми знаковыми системами, созданными человечеством, элементарными нормами и правилами поведения, социальными ролями; усвоение простых форм деятельности. Если же такое не происходит, те, кто по каким-то причинам не усваивал и не воспроизводил в своем развитии социального опыта, кто вырос в изоляции от людей или воспитывался в сообществе животных (определение К. Линнея). Когда таких детей находили, выяснялось, что никакие процессы воспитания и обучения не являются достаточно результативными. Дети так и не смогли усвоить язык людей, простые привычки и нормы поведения, вели себя так, как водится у животных, и только после многочисленных усилий исследователей, направленных на социальное обучение, были получены некоторые результаты: феральные дети кое-как общались со своими сверстниками в интернатах для умственно отсталых.

С определенными оговорками эти факты можно объяснить с позиции биологического подхода и его теории импринтинга (К. Лоренц), связывающей успешность развития с соответствием определенным периодам сензитивности. В частности в период до 5–7 лет биологический организм ориентирован

на усвоение опыта. Этим объясняются поразительная способность детей усваивать огромные объемы информации. По некоторым данным в период до 7 лет человек усваивает до 70% объема информации, получаемой за всю жизнь. Любое «выпадение» из этого сензитивного периода приводит к непоправимым задержкам в развитии.

Очевидно, ребенок, не прошедший стадию адаптации и не усвоивший основ социальной жизни, крайне сложно обучаем этому впоследствии. В отличие от взрослого человека, который, даже проведя много времени в одиночестве (пример Робинзона Крузо), остается личностью, легко возвращается к людям, воссоздает социальные привычки, связанные с культурой того общества, в котором он вырос. Стадия адаптации в процессе социализации очень важна, поскольку сензитивные периоды детства необратимы.

На *стадии индивидуализации* происходит некоторое обособление индивида, вызванное потребностью персонализации. Здесь личность – субъект общественных отношений, уже усвоивший определенные культурные нормы общества, способный проявить себя как уникальная индивидуальность, создавать нечто новое, в чем, собственно, и проявляется его личность. Если на первой стадии наиболее важным было усвоение, то на второй – воспроизводство в индивидуальных формах. Индивидуализация во многом определяется противоречием, которое существует между достигнутым результатом адаптации и потребностью в максимальной реализации своих особенностей. Речь идет о процессе реализации своего Я, самопроявления как индивидуальности (на уровне темперамента, типологических свойств высшей нервной деятельности, индивидуальных особенностей), так и личности (на уровне убеждений, ценностей, интересов, социально-личностных особенностей). Стадия индивидуализации способствует проявлению именно того, чем один человек отличается от другого. В то же время индивид подходит к проблеме разрешения противоречия между человеком и обществом, но пока не до конца, поскольку нет соответствующего баланса, т.е. личность недостаточно интегрирована в социальный мир.

Интеграция, третья стадия развития человека в процессе его социализации, предполагает уже достижение определенного баланса между человеком и обществом, интеграцию субъект-объектных отношений личности с социумом. Индивид, наконец, находит тот оптимальный вариант жизнедеятельности, который способствует процессу его самореализации в обществе, принятию им его меняющихся норм. Очевидно, данный процесс весьма сложен, поскольку общество всегда характеризуется противоречивыми тенденциями в своем развитии. Однако существуют оптимальные способы жизнедеятельности, в наибольшей степени способствующие адаптации человека. На этой стадии складываются так называемые социально-типические свойства личности, которые свидетельствуют о принадлежности ее к определенной социальной группе. Б. Г. Ананьев относил формирование социально-типических черт характера, как и образование социальных установок личности, к психологическим эффектам, которые свидетельствуют о мере и глубине социализации.

В процессе социализации осуществляется динамика пассивной, активной, активно-пассивной позиции индивида. Пассивной – когда он усваивает нормы и служит объектом социальных отношений; активной – когда он воспроизводит социальный опыт и выступает как субъект социальных отношений; активно-пассивной – когда он способен интегрировать субъект-объектные отношения. Этот тройной цикл может повторяться на протяжении жизни много раз и связан с необходимостью ресоциализации индивида в меняющемся мире.

Механизмы социализации

Социализация человека происходит посредством сознательного или бессознательного усвоения и воспроизводства социального опыта. В широком спектре механизмов социализации наиболее принятыми являются внушение, убеждение, подражание, имитация, идентификация, эмпатия. Очень многие социальные отношения могут быть представлены в модели «родитель – ребенок». Имеются в виду не только отношения взрослых и детей, но и отношения между взрослыми, которые воспроизводят опыт других, стремятся копировать некоторые модели поведения, отождествляют себя в той или иной мере с социальными ролями, переживают взгляды других. Г. Тард считал эти отношения типовыми, рассматривая общество как продукт взаимодействия индивидуальных сознаний через передачу людьми друг другу и усвоение ими ценностей, установок, норм и т.д. Но, разумеется, ведущее значение данный механизм имеет в процессе взросления человека. Ребенок, подражая родителям, имитирует их слова, жесты, мимику, действия и поступки.

Если мы посмотрим на детскую игру с точки зрения действия данного механизма, увидим воспроизведение многих социальных отношений, о которых ребенок знает, особенно в сюжетно-ролевых играх. И здесь не имеет никакого значения то, какие именно социальные отношения (положительные или отрицательные) воспроизводятся в игре. Это могут быть как формальные конвенциональные отношения, например игра в «школу», так и межличностные – игра в «дочки-матери». По тому, как ребенок имитирует данные отношения, с достоверностью можно судить о том, что он видел в школе или семье.

Выделяют также механизм полоролевой идентификации, или типизации. Сущность ее состоит в усвоении субъектом психологических черт и особенностей поведения, характерных для людей определенного пола. В процессе первичной социализации индивид усваивает нормативные представления о соматических, психологических, поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин. Ребенок сначала осознает свою принадлежность к определенному полу, затем у него формируется социальный идеал полоролевого поведения, отвечающий его представлениям о наиболее положительных чертах данного пола (чаще всего матери или отца), и наконец, стремится имитировать определенный тип полоролевого поведения, трансформируя первоначально «идеальную» модель в конкретную через включение собственных личностных особенностей.

Как механизм социализации полоролевая идентификация претерпевает существенные изменения в современном мире. В традиционных обществах,

лишенных ярко выраженной социальной динамики, полоролевая идентификация отличается относительно жесткой определенностью, что связано с четкой социальной фиксацией маскулинности (социальный эталон мужественности) и фемининности (социальный эталон женственности). Еще в XIX веке маскулинные и фемининные черты считались взаимоисключающими.

Сейчас маскулинность и фемининность не рассматриваются как противоположные качества. Напротив, их представляют как независимые друг от друга параметры. Например, женщина может быть мужественной, не снижая при этом своих чисто женских психологических качеств.

Современная дифференциальная психология выделяет в этой связи три типа людей: маскулинные индивиды с ярко выраженными традиционно мужскими качествами – честолюбием, решительностью и т. д.; фемининные индивиды с ярко выраженными традиционно женскими качествами – мягкостью, эмоциональностью и т. д.; андрогинные индивиды, сочетающие в себе традиционно мужские и традиционно женские психологические качества, т. е. люди с неопределенной психологической половой идентичностью, маскулинности либо фемининности.

Для людей, сочетающих в себе мужские и женские психологические качества, американский психолог С. Бем ввела понятие андрогинии. Индивиды такого рода выступают в процессе социализации как наиболее адаптивные, поскольку, не нарушая эталонных моделей поведения представителей своего пола, обладают некоторыми психологическими качествами, составляющими достоинства представителей другого пола. Это относительно новое явление социализации несомненно связано с бурным развитием цивилизации и культуры, практически упразднившими разделение труда на традиционно женский и мужской, особенно в высокоразвитых странах.

Чем патриархальнее страна, тем жестче деление деятельности на традиционно мужскую и традиционно женскую. Д. Майерс рассматривает такое деление в зависимости от факторов культуры и эпохи. По его мнению, половая социализация имеет существенные различия в индустриальном и земледельческом обществах, в культурах кочевников и собирателей процессы полоролевой идентификации существенно изменились за последние 50 лет.

Половые различия, определяющие набор ожидаемых образцов поведения, обозначаются обычно как гендерные социальные роли; именно они обуславливают деление общества на две социальные группы: мужчин и женщин. Актуализация социально-психологических исследований гендерных ролей связана с проблемами устойчивости и стабильности семьи, роли супругов в воспитании детей, особенностей социальной адаптации мужчин и женщин.

Динамика процессов полоролевой идентификации в условиях современной социализации способствует зарождению негативных социально-психологических явлений. Мы не можем не отметить нарушения данного механизма социализации, когда выраженность маскулинности и фемининности либо отсутствует, либо не соответствует биологическому полу. Такие нарушения возникают чаще всего при неправильном воспитании, например, когда родители очень хотели мальчика, а родилась девочка, которую они воспитали как мальчика, и наоборот.

рот. Если в воспитании ребенка принимает участие только один родитель – эталон или мужского, или женского поведения – возникает путаница ролей, приводящая к нарушению нормальных отношений одного пола с представителями другого. Иногда на эти процессы может негативно повлиять даже мода, если она нацелена на устранение различий в стиле одежды, манерах поведения, характерных проявлениях мужчин и женщин.

В качестве еще одного механизма социализации выступает оценка желаемого поведения, осуществляемая в процессе социального контроля (С. Парсонс), на основе изученного З. Фрейдом принципа удовольствия – страдания чувств, которые испытывает человек в связи с вознаграждениями (положительным) и наказаниями (отрицательными), поступающими от других людей. В этом случае подкрепляющим и формирующим фактором служит реакция окружающих, а образ взаимного восприятия является регулятором поведения. Многие бихевиористские модели обучения, воспитания, тренировки построены на основе данного механизма.

Люди по-разному воспринимают друг друга и по-разному влияют один на другого. Одни действуют, опираясь на доброжелательность, другие – опираясь на критичность, т. е. присутствие одних стимулирует, присутствие других тормозит деятельность человека. Эти так называемые эффекты действия механизма социальной оценки получили наименование социальной фасилитации и социальной ингибиции.

Первая предполагает стимулирующее влияние одних людей на поведение, деятельность и общение других. В присутствии фасилитатора человеку легче действовать активно, раскованно и эффективно. Очевидно, что эффект ее возникает при положительном отношении людей друг к другу. Как правило, они складываются между друзьями, любящими родителями и детьми, хорошими педагогами и способными учениками и т. д. Вероятно, фасилитацию следует рассматривать не только как социально-психологический эффект социальной оценки, но и как необходимое условие всех процессов обучения и воспитания; отсутствие данного феномена способствует формированию коммуникативных барьеров между людьми. К сожалению, далеко не все социальные отношения сопровождаются фасилитацией. В семье, например, могут быть и совсем другие отношения между родителями и детьми, не говоря уже о формальных отношениях.

Психологический эффект обратного действия носит название социальной ингибиции: она проявляется в негативном, тормозящем влиянии одного человека на другого, что возникает обычно тогда, когда индивиды испытывают друг к другу чувство страха, пренебрежения, неуважения, ненависти, презрения и т. д. Социальная ингибиция актуализирует негативные переживания – стыд (переживание разоблачения и позора, связанное с реакциями других людей), осознание вины (переживание, связанное с угрызениями совести) и др. В такой ситуации снижается уровень собственного достоинства, падает самооценка, имеет место развитие детских дидактогений – определенных психических состояний ребенка, которые возникают вследствие социальной ингибиции. Нарушение педагогического такта со стороны учителя, чрезмерные требования, не соответствующие возрастным и индивидуальным особенностям ребенка,

подчеркивание его недостатков, невыгодные сравнения с другими – все это условия, порождающие дидактогении, т. е. подавленность, фрустрацию, повышенную конфликтность, депрессию. Практически во всех ситуациях обучения и воспитания, когда критичность воспитателей преобладает над доброжелательностью, можно наблюдать эффект социальной ингибиции.

К числу механизмов социализации относятся также конформность и негативизм, традиционно трактуемые как личностные детерминанты эффективности группового давления, что не совсем правомерно, так как в этом случае речь идет всего лишь о предрасположенности или непредрасположенности к влиянию социального окружения.

Н. А. Шевандрин предлагает в качестве социально-психологических механизмов социализации:

- подражание – сознательное или бессознательное воспроизведение навязываемых моделей поведения, опыта значимых других людей, почерпнутого из иных источников;
- внушение – неосознаваемое, некритическое усвоение и последующее воспроизведение опыта, мыслей, чувств, шаблонов и алгоритмов, предлагаемых другими;
- убеждение – осознанное, критическое усвоение и последующее воспроизведение ценностей, норм, ориентиров, поведенческих алгоритмов и т.д.
- идентификацию – отождествление себя с определенными людьми или социальными группами, посредством которого осуществляется усвоение разнообразных норм, отношений, форм и алгоритмов поведения;
- эмпатию – эмоциональное сопереживание через чувственную идентификацию себя с другим.

Все эти механизмы представлены в последовательности, отражающей их привязанность к возрастным особенностям. При этом автор подчеркивает, что первоначально у ребенка нет необходимого багажа критического отношения к поставляемой информации, а поэтому преимущество имеют те механизмы подражания и внушения, посредством которых формируется фундамент для последующего критического отношения к транслируемому опыту, обуславливающему выход механизму убеждения. Это же касается и механизмов эмпатии и идентификации. Идентифицируя себя со значимым другим, ребенок получает возможность как бы аккумуляции опыта, формирования отношения к нему. Более того, роль эмпатии неопределима, так как она задает валентность предлагаемых фрагментов опыта, определяющую его последующую востребованность. Не случайно теоретики объектных отношений большое внимание уделяют характеру эмоциональных отношений между ребенком и его первичными воспитателями. От последних во многом зависит, каким будет мир для ребенка – враждебным или радостным, какое отношение сформируется у него к конкретной ценности, норме, поведенческому алгоритму: будут они вызывать эмоционально положительное стремление к воспроизведению их или, наоборот, – реакцию отторжения.

Научение через последствия реакций считается наиболее рудиментарным, предполагает развитие через процедуру оперантного обуславливания. Поведение,

реализуемое индивидом в повседневной практике, либо приводит к искомому результату – подкрепляется, либо не имеет никакого эффекта, либо приводит к неудаче – наказывается. Успешное, в терминологии А. Bandura, поведение отбирается, неуспешное – устраняется. Отбор и устранение являются функцией дифференциального подкрепления, включающей осведомленность части людей в том, что одни их действия имеют позитивные последствия, другие – нет. Эта осведомленность представляет когнитивный элемент научения.

Научение через последствия реакций выполняет ряд функций: информативную, мотивационную, функцию подкрепления. Первая представляет собой информацию, полученную индивидом из наблюдения за различными последствиями влияния собственных действий. Посредством таких наблюдений люди формулируют гипотезы о соответствии тех или иных своих действий социальным обстоятельствам. Если гипотеза корректна, исполнение будет успешным; если нет – жди неудачи. Этот процесс избирательно подкрепляет и отбирает знания, которые непосредственно связаны с поведением. Вторая функция также важна по отношению к поведению: размышляя о своем прошлом поведении, люди получают возможность антиципации последствий собственных реакций, выстраивают ожидания о полезности тех или иных своих действий, что становится своеобразным мотивом их осуществления.

А. Bandura, поддерживаемый другими теоретиками научения, подвергает сомнению основополагающий тезис бихевиоризма о способности автоматического подкрепления реакций; он подчеркивает информативную и мотивационную функции подкрепления и утверждает, что более корректным является рассмотрение подкрепления как регуляции поведения.

Научение через моделирование поведения означает, что люди наблюдают за поведением других и на этой основе формируют идеи о своем поведении, что впоследствии служит направляющей линией (информацией) для их собственного поведения. В исполнение включен целый ряд процессов: внимание, сохранение, двигательная репродукция, мотивационный процесс.

Для научения через наблюдение человек должен обладать способностью точного восприятия наиболее весомых деталей моделируемого поведения. Существенными аспектами здесь выступают избирательное внимание и избирательное восприятие. Ассоциируемые образы, характеристики модели, форма предъявления модели – вот те основные факторы, которые определяют эффективность работы внимания. Для продуктивного моделирования поведения человек должен обладать способностью установления взаимосвязей между характеристиками одной модели с другими, хранящимися в опыте. Индивидуальный опыт определяет и те характеристики поведения, которые субъективно выступают как наиболее существенные или функциональные. Существенную роль играют форма, в которой представлена модель, природа моделируемого поведения (его характерность, сложность), способности наблюдающего продуктивно перерабатывать информацию и его перцептивные установки (прошлый опыт, ситуативные требования).

Сохранение поведения наряду с вниманием также обладает существенной ролью, выступая в качестве ключевого в процессе научения на основе воображения и вербальной системы. Воображение дает возможность оперировать с моделью или объектом, непосредственно не воздействующими на органы чувств, либо вообще

не представленными в чувственном опыте. Повторное воспроизведение и установление тесных ассоциаций между событиями позволяет переживать или воспроизвести события необходимым образом. Роль вербальной системы в научении через наблюдение выражается в том, что подавляющее число когнитивных процессов осуществляется в вербальной, а не в визуальной форме, и в том, что она обладает значительно большей скоростью переработки и сохранения информации. Вербальное кодирование моделируемого поведения дает возможность обретения поведения, сохранения и последующего его воспроизведения в форме информации об управлении наблюдаемым поведением. В качестве других факторов влияния сохранения выступают формулирование предписаний к осуществлению моделируемого поведения, мысленное проигрывание и развитие уровня наблюдаемого.

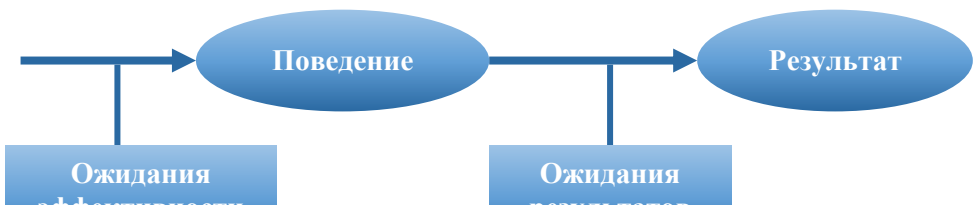
Особая роль в научении через моделирование принадлежит мотивационным процессам. Люди значительно чаще адаптируют поведение, ассоциируемое с положительными достижениями, нежели с непредсказуемыми, а тем более – с отрицательными; осуществляя предварительную оценку результативности действий, они предпочитают те, которые скорее ассоциируются с возможной удовлетворенностью, нежели с неудовлетворенностью. В целом А. Bandura считает, что особая роль в научении принадлежит символам. «Способность использовать символы дает людям мощный инструмент обращения с окружением. Через словесные символы и образы люди перерабатывают и сохраняют переживаемый опыт в репрезентативной форме как руководстве для будущего поведения. Возможность интенциональных действий коренится в символической активности. Образы желаемого будущего ускоряют направление действий, предназначенных для достижения более отдаленных целей. Посредством символов люди могут решать проблемы без необходимости актуализации на практике различных альтернативных решений; они могут предвидеть вероятные последствия различных действий и соответственно организовывать поведение. Без мощи символизации люди были бы не способны к рефлексивному мышлению. Таким образом, теория человеческого поведения не может развиваться при отрицании символической активности» (1977, с. 13).

Развитие теории социального научения он увязывает с понятием самоэффективности (self-efficacy). С его точки зрения психологические процессы, вне зависимости от их формы, служат средством укрепления ожиданий личной эффективности; ожидаемая эффективность отличается у него от ожидаемого результата (схема 11).

Ожидаемый результат – это оценка личностью того, что данное поведение приведет к преследуемому результату. Ожидаемая эффективность – это убежденность в том, что человеку по силам поведение, требуемое для достижения преследуемого результата. Различаются они в силу того, что индивид может представлять те действия, которые приведут к его цели, и в то же время испытывать серьезные сомнения, насколько ему по силам реализовать их в своем поведении.

Схема 12.

Диagramматическое представление различий между ожидаемой эффективностью и ожидаемым результатом (Bandura A., 1977, с. 191)

В этой понятийной системе ожидания в отношении собственного мастерства может влиять как на инициацию, так и на сопротивление осуществлению данного поведения. Уверенность людей в себе существенно влияет на решительность их действий в ситуации. На исходном уровне осознаваемая эффективность влияет на выбор поведения: люди испытывают тревогу и стараются избежать тех ситуаций, в которых требуются отсутствующие у них умения и способности.

Ожидаемая эффективность определяет выбор активности и обстоятельств, она может влиять и на предпринимаемые усилия в отношении действий, которые уже начаты. Ожидаемая эффективность детерминирует продолжительность и интенсивность поведения перед лицом обстоятельств, противодействующих его осуществлению. Чем увереннее человек в собственной эффективности, тем он активнее.

Сами по себе ожидания не приводят к желаемому исполнению при отсутствии способностей. Более того, люди могут делать очень многое, но не делают из-за отсутствия побуждений. При наличии же необходимых способностей и побуждений ожидаемая эффективность становится решающей детерминантой выбора активности, прилагаемых усилий и их продолжительности.

С позиций теории социального научения ожидание личной эффективности основывается на следующих источниках информации: совершенстве исполнения, известном опыте других, словесном убеждении и физиологическом состоянии. Любой из приведенных методов может оказаться полезным в соответствии с индивидуальными особенностями исполнителя. Примером повышения уверенности может служить часто используемое студентами во время экзаменов моделирование ситуации сдачи их и последовательность процедуры. Одни предпочитают идти в первой пятёрке и обязательно под определенным номером, другие фетишизируют «счастливый» наряд и т.п. В целом, постулируя общие механизмы оперирования, теория представляет концептуальную схему изучения поведенческих изменений, достигаемых различными способами обращения.

Успех повышает ожидаемую эффективность, неудача – снижает ее. Подтверждение на практике адекватности ожидаемой эффективности снижает влияние ситуативных неудач, стимулирует интенсивность и длительность прилагаемых усилий. Будучи единожды установленной, ожидаемая эффективность проявляет тенденцию к генерализации на другие ситуации, поведение в которых ранее было малоэффективным. Причем в исследованиях Vandura была установлена возможность трансфера не только на сходные, но и на весьма отличные ситуации. Однако наибольший эффект имеет место в близких видах деятельности.

Категория «ожидаемая эффективность» как базовая в развитии идей социального научения, явилась своеобразной вехой на пути построения универсальной теории человеческого поведения, которую можно отнести к разряду метатеорий. Обосновывая в качестве метапринципа принцип взаимного детерминизма, Vandura

подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость трех категорий – личности, ситуации и активности, т. е. личность влияет и на ситуативный контекст и характер активности, а те, в свою очередь оказывают влияние на личность и на самих себя. Понимание сути феномена социализации при любом акцентировании внимания на одном из обозначенных аспектов становится однобоким, что характерно для деятельностного и других однополярных подходов.

В психоаналитической традиции в качестве механизмов социализации называются:

- имитация – осознанное стремление ребенка копировать определенные модели поведения;
- идентификация – усвоение детьми родительского поведения, установок и ценностей как своих собственных;
- стыд – переживание разоблачения и позора, связанное с реакцией других людей;
- чувство вины – переживание разоблачения и позора, связанное с наказанием самого себя, вне зависимости от других людей (Смелзер, 1994, с. 119–120).

Механизмы имитации и идентификации, абстрагируясь от специфически психоаналитического контекста, несут смысловую нагрузку. Стыд и чувство вины выступают в качестве своеобразных регуляторов, ограничителей социализации, каковыми являются моральные нормы.

В социально-психологической литературе отмечены и другие явления, рассматриваемые как механизмы социализации, – групповые экспектации, ролевое научение и др. Мы выделили пока только наиболее распространенные из них.

Институты социализации

Социальное становление человека происходит в течение всей жизни и в разных социальных группах. Такие группы, задающие системы внешней регуляции поведения индивида, называются *институтами социализации*. Наиболее влиятельные из них – семья, школа, производственная группа.

Семья является уникальным институтом социализации, поскольку ее ничем заменить невозможно. Здесь проходит первый адаптационный период в жизни человека, определяется система его отношений к себе, близким людям, различным видам действий; складываются субъективные оценочные суждения, определяемые значимыми отношениями; формируется характер; усваиваются нормы, развиваются социальные качества. В случае неправильного воспитания нарушается социальная адаптация; положительное влияние семьи способствует благополучной социальной адаптации индивида не только в детском возрасте. Позиции, которые у ребенка формируют родители в системе социальных отношений, определяют в дальнейшем то, что Э. Берн называл жизненным сценарием.

Как социальный институт семья имеет следующие функции: репродуктивную, педагогическую, хозяйственно-экономическую, терапевтическую и организации досуга. Дестабилизация института семьи, проявляющаяся в конфликтах

и разводах, имеет серьезные психологические последствия, которые сказываются на качестве социализации подрастающего поколения. Поскольку семья рассматривается как самый ригидный институт социализации, она несет в себе относительно большое количество традиционных и патриархальных норм, в отличие от школы или производственной группы, склонных к значительным изменениям, особенно в кризисный период.

Школа в этом плане также имеет свои особые функции: образовательные и социализирующие. Социализирующие связаны не столько с обучением и воспитанием, сколько с объективным процессом социальной дифференциации детей в свете их достижений. Функция эмансипации ребенка от эмоциональной привязанности родителей определяется тем, что ребенок попадает в систему межличностных отношений, где эмоциональные проявления взрослых по отношению к нему обусловлены не столько его личными качествами, сколько учебной деятельностью. Функция усвоения общественных ценностей и норм на уровне социальных стандартов группы является ведущей. Несмотря на то, что школьный класс имеет формальную и неформальную структуры межличностных отношений, следует отметить их регламентированность. По сравнению с семьей школа обладает более жесткими социальными нормами, нарушение которых сопровождается обязательными формальными санкциями. Функция селекции и распределения индивидуумов применительно к ролевой структуре взрослого общества связана с тем, что в школе ребенок имеет достаточно широкий диапазон социальных отношений, позволяющий ему апробировать различные роли на конвенциональном и межличностном уровнях.

Школа является не менее уникальным институтом социализации, чем семья, и пока что не существует в мире более успешных институтов социализации молодого поколения, которые бы составили достойную альтернативу современной школе. К тому же школа влияет на социальное становление молодого человека в течение довольно длительного периода. Социально-психологические закономерности влияния ее остаются неизменными вне зависимости от типа школы, места нахождения, качества образования, которое она дает. Следует отметить, что социализирующие функции школы привлекают внимание значительно меньшего числа исследователей, чем ее образовательные функции, поскольку образовательные функции являются непосредственными, а социализирующие выступают в качестве побочного эффекта.

Что касается профессиональной группы или трудового коллектива, то их значение в социализации определяется возможностями самореализации и самоактуализации человека в интересующей его деятельности. Этот институт социализации становится важным на интегративной стадии социального развития. Для взрослого человека семья и работа являются основными социальными сферами жизнедеятельности. Они обеспечивают психологический баланс за счет стимулирования положительных эмоций (радость и интерес). На работе человек проводит много времени, и, если его выбор оказался неудачным, если он испытывает разочарование в своей профессиональной деятельности, это может послужить

серьезной причиной для нарушения всех других социальных отношений и способствовать социальной дезадаптации личности.

Институты социализации реализуют свои функции по отношению к обществу, другим социальным институтам, различным социальным слоям и по отношению к конкретной личности. В целом, институты, механизмы, субъекты социализации представляют собой особую структуру социальной системы общества, где служебная роль одного из элементов системы по отношению к другим определяет зависимость, при которой изменения в одной части являются производными от изменений в другой части. Сам же процесс социализации индивидов является главным механизмом, обеспечивающим нормальное функционирование социальной системы.

Феноменология и направления социализации

В процессе социализации осуществляется вооружение личности инструментами адаптации к социальному миру. Человек усваивает стереотипы поведения, нормы и ценностные ориентиры социальной среды, в которой он функционирует. Без этих ориентиров социальное взаимодействие человека становится невозможным, более того, под угрозой становится и его выживание как биологического существа.

Рассматривая феноменологию процесса социализации, Н. И. Шевандрин выделяет в качестве ведущих феноменов усвоение стереотипов поведения, действующих социальных норм, обычаев, интересов, ценностных ориентиров и т. п. (1995, с. 198). В зарубежных исследованиях к феноменологии социализации относят социальное поведение в целом, а так же про- и асоциальное поведение и моральное развитие, уже анализировавшееся выше на примере ряда теоретических моделей. По крайней мере большинство современных исследований посвящено именно этим проблемным вопросам. Более того, сталкиваясь с проявлениями асоциальности в поведении, общество формирует своеобразный социальный заказ социальным психологам на изучение проблематики социализации.

Процесс социализации, в силу его всеобъемлемости находится под влиянием огромного числа факторов – от глобальных, связанных с политическим строем общества, до частных, связанных с душевным комфортом. Причем при определенных обстоятельствах роль этих, казалось бы, частных факторов может оказаться очень значимой. В качестве ведущих факторов социализации можно выделить взаимоотношения в семье, роль которых многими исследователями разных психологических традиций рассматривается едва ли не как решающая, взаимоотношения с непосредственным окружением (сверстники, родственники, знакомые и т. д.), массовую коммуникацию (печатные издания, аудио и видео и т. п.). Родители или первичные воспитатели вооружают ребенка основными инструментами ориентировки и действия в социальном мире, они формируют отношение к его различным аспектам. Ровесники транслируют эталоны, адаптированные к конкретному возрасту, определяя интерпретацию явлений, событий, и т. п. Одна из сложностей социализации в системе взрослый – ребенок как раз и связана с тем, что часто взрослый

коммуницирует собственный опыт без привязки к своеобразию его интерпретации ребенком. Эталоны же и ценности взрослого не всегда доступны ребенку и далеко не всегда воспринимаются им как субъективно значимые. В этом плане интерпретация ровесников ближе и доступнее – они оперируют сходными системами значений и ценностей, что и определяет в определенных ситуациях их большую ответственность.

Основные направления социализации, по мнению Шевандрина, соответствуют ключевым сферам жизнедеятельности человека: поведенческой, эмоционально-чувственной, познавательной, бытийной, морально-нравственной, межличностной (1995, с. 199). В процессе социализации люди обучаются тому, как себя вести, эмоционально реагировать на различные ситуации, переживать и проявлять различные чувства; каким образом познавать окружающий социальный и физический мир; как организовывать свой быт; каких моральных ориентиров придерживаться; как эффективно участвовать в выстраивании формальных и неформальных взаимоотношений и многое другое.

От того, каков будет процесс социализации, во многом определяется и последующая гармония или дисгармония социального бытия человека. Взрослые ответственны за взрослое бытие их детей. Именно они задают отношение к миру, вооружают способами обращения с ним, а несовершенство последних задает будущие проблемы их детей. Эмоционально депривированный ребенок, во-первых, не обладает необходимой адекватностью в эмоциональной оценке происходящего, во-вторых, воспринимает мир как враждебный, генерализируя эту враждебность на многие объекты, видит опасность там, где ее попросту нет.

Наряду с эмоциональной валентностью первичные воспитатели вооружают своих воспитанников огромным количеством микро-поведенческих алгоритмов, представляющих собой огромный спектр способов решения конкретных житейских задач. Первичные воспитатели учат воспитанников тому, как зажигать спички, как мыть посуду, готовить еду, как осуществлять покупки в магазине, как реагировать на определенные действия, как не поддаваться на провокации и т. п. Этих поведенческих шаблонов, социализируемых в процессе взаимодействия с первичными воспитателями, миллионы. Их действенность и роль в гармонии последующего бытия обусловлена тем, что, сталкиваясь со многими житейскими задачами, человек просто использует зафиксированную в опыте заготовку (если она имеется) и приходит к осознанию ее неадекватности лишь при явной неудаче, начиная искать либо следующую, либо включать процесс решения задачи, направленный на нахождение уникального решения. Первичность использования уже имеющихся в жизненном опыте заготовок создает множество проблем в случае их неадекватного применения. В частности, родители с дисгармоничными взаимоотношениями в семье по существу задают возможную дисгармонию во взаимоотношениях в семьях их детей. Так, мать одиночка, непроизвольно подготавливает своего ребенка к такому же одиночеству, вооружая его шаблонами, провоцирующими дисгармонию во взаимоотношениях с партнером.

Эта алгоритмическая вооруженность при всех ее издержках имеет огромное значение для чисто физического выживания человека. Если бы любая житейская задача требовала принятия уникального решения, человек попросту не выдержал бы такой перегрузки напряжения. Алгоритмическая и валентная вооруженность

предоставляет ему возможность быстрой предварительной оценки ситуации избрания первичных способов реагирования на нее. Отсутствие таковой выступает одной из первопричин трудной адаптации к условиям реальной жизни выпускников детских домов, не имеющих опыта социализации в семье. Выходя за ворота своего учреждения, они просто теряются в реальном мире, не обладая необходимой поведенческой алгоритмикой, и либо они испытывают своеобразный шок, и тягу к возвращению в родные пенаты, либо становятся добычей криминальной среды. Сложность проблемы социализации такого рода людей заключается еще и в том, что многому их можно научить только в реальных условиях и при наличии родителя в качестве первичного воспитателя. Родитель простит ошибку, пожалеет в случае неудачи, подскажет возможное решение, проконтролирует повторную попытку, приласкает. В этом смысле заменить семью чрезвычайно сложно, возможно, продуктивным выходом являются дома семейного типа в которых хотя бы приблизительно воспроизводятся процессы социализации. Правда, и здесь есть одно существенное *но* – детям не хватает моделей реальных взаимоотношений, в которых присутствуют родные мама и папа, а в качестве таковых выступают воспитатель, директор либо еще кто-нибудь, не способные воссоздать модель взаимоотношений в реальной семье.

Глоссарий

Андрогинность – индивидуально-типическая особенность личности, проявляющаяся в сочетании традиционно мужских и традиционно женских психологических качеств, отличающаяся неопределенностью половой идентичности.

Маскулинность – индивидуально-типическая особенность личности, выражающаяся в ярко выраженном проявлении с учетом культуральных особенностей традиционно мужских качеств – честолюбия, решительности и т.д.

Полоролевая идентификация – усвоение субъектом психологических черт, особенностей поведения, характерных для людей определенного пола посредством интернализации нормативных представлений о соматических, психологических, поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин.

Социализация – процесс, посредством которого люди приобретают правила поведения и системы представлений и аттитюдов, обеспечивающие им возможность эффективного функционирования в качестве членов конкретного общества.

Фемининность – индивидуально-типическая особенность личности, выражающаяся в ярко выраженном проявлении традиционно женских качеств – мягкости, эмоциональности и т. д.

Вопросы для обсуждения

1. В чем сущность социализации личности? Дайте несколько определенных социализации, исходя из понимания ее сущности.
2. Какие факторы социализации действуют стихийно, а какие целенаправленно?

3. Что в большей степени предопределяет усвоение и воспроизводство социального опыта человека: стихийное или целенаправленное влияние социализации?
4. Подумайте, какие новые особенности социализации человека могут появиться в XXI веке, исходя из тенденций развития общественной жизни, науки, производства, политики и т. д.?
5. Почему механизмы социализации рассматриваются как относительно сложные способы усвоения социального опыта? В чем заключается их сложность?

Литература для дополнительного чтения

1. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
2. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
3. Мид М. Культура и мир детства – М.: Прогресс, 1988.
4. Мудрик А.В. Социализация и воспитание подрастающих поколений – М.: Педагогика, 1990.
5. Социальная психология: учебное пособие / Отв. Ред. А.Л. Журавлев. – М.: ПЕРСЭ, 2002.

Основной источник

Андриенко Е.В. Социальная психология: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Слостенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2000.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИРА

Социальное познание личности и особенности его организации

Социальное познание одна из самых важных областей анализа социальной психологии. Как человек познает окружающий его мир? Как он ориентируется в собственной социальной сущности? Как он познает мир других людей, строя социальные взаимоотношения с ними? Эти и множество других вопросов находят самые разнообразные ответы через призму различных традиций, школ, подходов и направлений социальной психологии. Знакомство с их теоретическими построениями, в том числе и противоречащими друг другу, позволяет глубже разобраться в специфике социального познания человека, познать его особенности, выявить лежащие в основе механизмы.

Первые попытки формирования представлений о познавательной активности людей связаны с именем В. Вундта (1887) – отец-основатель современной эмпирической психологии. Для понимания сути познавательной активности человека он использовал методы самонаблюдения и интроспекции, которые в последующем по причине развернувшейся борьбы за конституирование научности психологического знания были подвергнуты ostracismu. Критика избранной Вундтом методологии была связана с объявлением ее «ненаучности» в силу того, что результаты исследований и их теоретические обобщения являлись субъективными или многотрактуемыми, не подлежащими однозначному доказательству. В 1980-х годах произошло возвращение к анализу данных интроспективного анализа, но уже в качественно ином виде и в форме дискурсивной психологии.

Борьба за утверждение научности психологического знания привела к доминированию в социальной психологии бихевиористского подхода с его игнорированием внутренней активности человека как объекта анализа и позитивистской методологии с ее принципами операционализма и верификации. Это привело к смещению акцентов с внутренней познавательной активности на внешние, наблюдаемые

и контролируемые события. Наиболее ярко эта трансформация представлена в радикальном бихевиоризме первой половины XX века (например, Skinner, 1963; Thorndike, 1940; Watson, 1930). Познавательная активность превратилась в ругательное и тщательно избегаемое слово почти на четверть века. Подоплека подобной трансформации уже была представлена ранее при рассмотрении бихевиористской традиции. Для этого периода стало характерным исследование влияния внешних стимулов на поведение человека, что привело к созданию так называемой «кнопочной модели», предполагающей формирование некоего желаемого поведенческого багажа реакций посредством поощрения и наказания.

Лишь начиная с 1960-х годов формируется новая волна интереса к плоскости познавательной активности человека, отчасти обусловленная громоздкостью и неадекватностью бихевиористских объяснений человеческого языка и коммуникации (Chomsky, 1959). Другой причиной возрастания интереса к данной проблемной области явилось возрастание интереса к изучению вопросов манипуляции и передачи информации (Broadbent, 1984). Ресурсы стимульно-реактивной схемы информационного воздействия были практически исчерпаны и дальнейшее развитие знаний без включения внутренней познавательной активности человека стало невозможным. Компьютерная и связанная с ней когнитивная революция в психологии сделали возможным моделирование сложнейших когнитивных процессов. Компьютер превратился в своеобразную метафору человеческой мыслительной активности, лежащей в основе познания. Более того, компьютерщики превратились в заказчиков более усложненных моделей организации познавательной активности как аналогов совершенствования самих компьютеров. Это привело к узакониванию статуса научности когнитивной психологии (Anderson, 1990; Neisser, 1967).

Следует отметить, что предпосылки когнитивной революции в психологии были заложены в уже представленной выше гештальт-традиции, убедительно доказавшей даже в рамках позитивистской научной парадигмы принципиальную возможность реконструирования процессов внутренней активности человека. Интересно отметить в этой связи огромное влияние работ Левина на развитие социальной психологии, практически исходно формировавшейся в рамках когнитивно-интеракционистской ориентации. Левин считал, что социальное поведение наиболее продуктивно понимать как функцию восприятия людьми их собственного мира и управления изменением такого рода восприятий. По этой причине познавательная активность становится одной из центральных для социальной психологии.

Безусловно, процессы социального познания мира являлись прерогативой не только когнитивного подхода. Достаточно много идей было сформулировано и в рамках интеракционистской, экзистенциально-феноменологической, конструктивистской, да и психодинамической традиций. Тем не менее по причине того, что познание является центральной категорией когнитивного подхода, мы подробнее остановимся именно на нем.

Социально-познавательные процессы

Когнитивный взгляд на природу и особенности социально-познавательной активности ассоциируется с основоположениями информационно-процессуального подхода. В основе его лежит компьютерная метафора, в соответствии с которой человек представляется как система, занимающаяся переработкой, хранением и последующим воспроизведением информации, поступающей из окружающего мира. На определенном этапе развития социально-психологического знания эта идея выглядела весьма перспективной и существенно расширила и углубила представления о специфике социально-познавательной активности за счет введения новых понятий и моделей, позволивших, во-первых, придать новый импульс развитию исследований в области; во-вторых, дать доступные объяснения многим феноменам повседневной жизни; в-третьих, наметить новые перспективы исследований.

Анализируя саму специфику социально-познавательной активности, J. -P. Leyens и L. Darden делают вывод о том, что познание может быть квалифицировано как социальное по трем основаниям. Первое, и наиболее очевидное, оно имеет социальный объект, так как анализирует социальные по своей природе объекты. Второе, обладает социальной природой. Третье, социально разделяется, будучи общим для различных членов данного общества или группы (1996: 118).

Социальное содержание процесса познания было применено ко многим объектам: самости (Linville, Carlson, 1994); другим людям (Kenny, 1991); воображаемым людям (Fiske, Neuberg, 1990); межличностным взаимоотношениям (Mackie, 1987); группам (Oakes, Haslam, Turner, 1994); памяти о социальной информации (Smith, Zarate, 1992). На сегодняшний день является вполне общепризнанным, что вычленение из процесса социального познания его социального содержания возможно лишь в абстракции. В реальной жизни даже в процессе взаимодействия с объектами неживой природы человек оперирует теми их смыслами и значениями, которые транслированы культурой, т.е. социально означены.

Социальная природа познания определяется самой сущностью человека, его второй природой, от которой он не отделим. В многочисленных исследованиях со всей убедительностью показано влияние социального окружения даже на способ размышлений людей о самих себе, а также огромное его влияние и на другие объекты природы (Leyens, Darden, 1996, с. 119).

Социальная разделяемость познания проявляется и в том, что люди взаимодействуя друг с другом, обладают способностью формировать пересекающиеся оценочные суждения, приближающиеся друг к другу и по содержанию, и по объему. Более того, процесс коммуникации между людьми становится возможным в принципе, если существует возможность оперирования разделяемыми значениями и смыслами. Последнее вызывает особый интерес для европейской традиции в социальной психологии и наиболее активно исследуется в рамках теории социальных репрезентаций. Проблема разделения значений, оперирования едиными смыслами достаточно сложна и не может найти исчерпывающих объяснений в рамках какой-либо одной психологической традиции. На наш взгляд, перспективнее использование разных традиций с их взаимодополняющим концептуальным аппаратом и ин-

струментарием. Об этом свидетельствует рост популярности в последние годы социально конструктивистского подхода и дискурсного анализа, в частности к переосмыслению эмпирического материала, накопленного в когнитивной традиции.

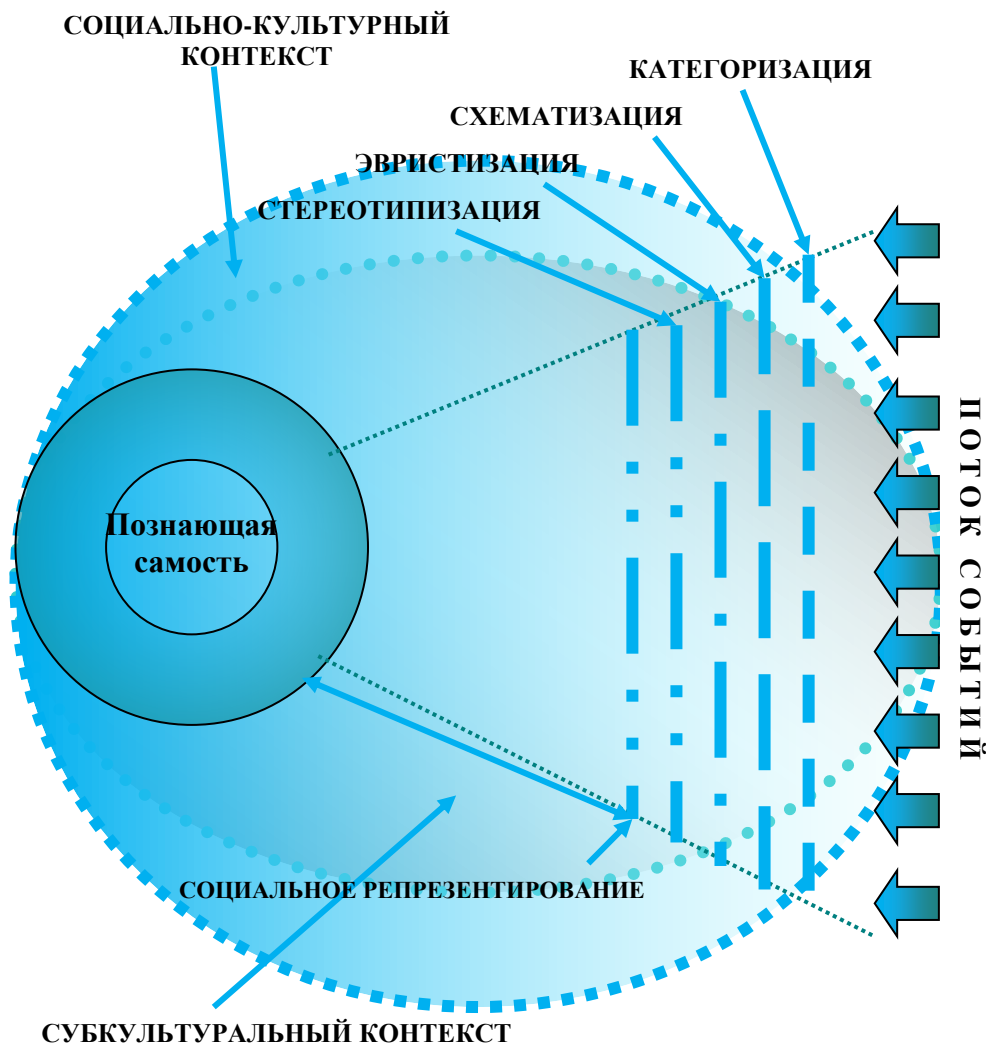
Учитывая то обстоятельство, что основной категориальный аппарат анализа процесса социального познания исходно был сформирован в рамках когнитивного подхода и прочно зафиксировался в социально-психологической ментальности сегодняшнего дня, мы начнем свой анализ именно с его представления. Согласно подходу человек в своем взаимодействии с окружающим миром сталкивается с нерасчлененным потоком информации, поступающей из окружающего мира. Ориентация в нем предполагает наличие инструментов общей и более углубленной ориентации, в качестве которых выступают специализированные социально-познавательные процессы. Общая логика этой ориентационной активности представлена на схеме 12.

Для того чтобы осуществить первичную ориентацию в потоке информации, его надо, во-первых, остановить, во-вторых, фрагментировать на мир значимых относительно обособленных информационных единиц. Такого рода фрагментаризация осуществляется посредством своеобразного наложения зафиксированной в индивидуальном опыте понятийной сетки, представляющей собой своеобразную сеть, позволяющую их улавливать. Первичная фрагментаризация информационного потока осуществляется посредством процесса категоризации, который позволяет разделить его на ряд категорий, отражающих наиболее существенные признаки или характеристики класса объектов. Так, попадая в учебную аудиторию, мы получаем возможность посредством процесса категоризации вычлнить из общего фона отдельные объекты (столы, стулья, окна и т. п.), как представители их классов, категорий. Даже попадая в относительно неизвестное пространство и сталкиваясь с незнакомыми объектами, мы можем классифицировать их по отдельным признакам, т. е. категоризировать. Более подробная характеристика особенностей и содержания категоризации будет представлена ниже.

Категориальная сетка формируется в процессе культурной социализации, вооружающей субъекта первичными ориентирами и значениями объектов и знаниями об их взаимоотношениях.

По мере накопления индивидуального опыта взаимодействия с объектами окружающего мира формируются обобщения в отношении знакомых объектов и их классов, а также способах взаимодействия с ними. В этих обобщениях также представлены их наиболее существенные характеристики, но уточненные в процессе собственного опыта взаимодействия с ними. Этот процесс получил название схематизации, которая более подробно также будет рассмотрена далее. Ее отличительной особенностью является превалирование индивидуального опыта в оценке объекта и выборе способа взаимодействия с ним. Если в категоризации происходит вычленение объекта из информационного потока или фона на основании отнесения его к определенному классу и наделение его общеориентационными характеристиками, то в схематизации первоначально имеет место идентификация объекта и наложение на него зафиксированных в индивидуальном опыте отличительных особенностей и содержательных характеристик, определяющих отношение к нему и последующее взаимодействие.

Схема 13. Социально познавательные процессы

Сформировавшийся опыт играет решающую роль и в процессе эвристики, включающие ожидания в отношении будущего развития событий или содержательных характеристик объекта. Наличие этих ожиданий позволяет подготовиться к ним и определиться в реагировании.

Представления и ожидания в отношении определенных социальных групп, как правило, негативно оцениваемых (аутгрупп) и включающих потенциально опасные характеристики, включены в процесс социальной стереотипизации. Преимущественная ориентация именно на негативные характеристики обусловлена высокой значимостью индивидуальной безопасности, во имя которой и происходит своеобразное жертвование точностью и объективностью.

Расширение представлений путем интернализации нового знания и его вписывания в уже имеющийся и понятный опыт происходит посредством процесса социального репрезентирования. Он обеспечивает увязывание нового, неизвестного

в систему известного посредством нахождения своеобразных «якорей» или оснований для аналогий и обобщений.

Все кратко охарактеризованные процессы детерминированы культурой, посредством которой транслируется содержание объектов и способов взаимодействия с ними. Их детализация и конкретизация осуществляются посредством субкультуры, которая во многом определяет и межкультурные различия как в содержательных характеристиках, так и способах обращения с ними. Если на уровне культуры транслируются общие ориентиры, на уровне субкультуры они наполняются конкретным содержанием и сопровождаются необходимыми пояснениями.

Перечисленные социально-познавательные процессы обеспечивают взаимодействие человека с внешним и внутренним миром. К их более подробному рассмотрению мы и переходим.

Категоризация

В качестве базового процесса социального познания традиционно выделяется категоризация. Процесс категоризации является одним из основных для социального познания, так как оно с необходимостью предполагает расчленение потока внешних воздействий на мир дискретных единиц (объектов, категорий). Заимствованный из когнитивной психологии и поисковых работ E. Rosch (1978) процесс категоризации относится, прежде всего, к тому, как мы идентифицируем стимулы и группируем их как членов одной категории, находя сходства и отличая от других категорий.

Обычно под *категорией* понимается группировка двух или более различаемых объектов, к которым могут быть применены сходные способы обращения. Мир представлен в сознании человека в виде значимых категорий. Классический взгляд на категории был сформирован J. Bruner в работе «Исследования мышления» (1956). В соответствии с данным подходом принадлежность категории детерминирована необходимыми и достаточными атрибутами объекта. Все объекты, к которым применимо данное определение категории, равноправны. Границы между категориями должны быть четкими и легко устанавливаемыми: объект может либо принадлежать, либо не принадлежать категории. Более того, и это особенно существенно, категории должны быть произвольными. Ничто в мире или в когнитивной системе не преддетерминирует их. Категории основываются на культуре и языке B. I. Whorf (1956). Основываясь на принципе, впервые сформулированном Витгенштейном (Wittgenstein, 1953), когнитивные психологи считают, что категории лучше описывать как коллекцию образцов, обладающих семейным сходством (Cantor, Mischel, 1977, 1979). Взаимоотношения между категориями рассматриваются как иерархические – от менее представительных к более представительным. Как показывают исследования, люди предпочитают полагаться на более усредненные представления, нежели на крайности.

Для анализа социального познания интерес представляют не категории сами по себе, а процесс категоризации, под которым понимается «психический процесс отнесения единичного объекта, события, переживания к некоторому классу, в качестве которого могут выступать вербальные и невербальные значения, символы,

сенсорные и перцептивные эталоны, социальные стереотипы, стереотипы поведения и т. п.» (Петровский, Ярошевский, 1990, с. 159). В индивидуальном опыте категоризация выступает формой его упорядочивания через присвоение и трансформирование субъектом категорий и эталонов общественного сознания. Посредством категоризации человек расчленяет информационный поток, поступающий извне, на мир означенных единиц, что предоставляет ему возможность ориентировки и временной стабилизации этого потока. Без наличия возможности категоризации человек просто утонул бы в бесконечном море информации, не имея возможности ориентировки в нем. Более того, учитывая непрерывность их изменений, происходящей в информационном потоке, без возможности его временной дискретизации и стабилизации мир вообще потерял бы способность быть осмысленным.

Категоризация рассматривается как фундаментальная для процессов восприятия, мышления, языка и деятельности. Когда мы идентифицируем и обозначаем объект как что-либо (книга, животное, дерево), мы категоризируем. В подавляющем большинстве случаев категоризация осуществляется автоматически и не требует сознательной активности. Категории налагают упорядоченность на сложное многообразие стимульного мира и благодаря этому позволяют эффективно взаимодействовать с ним.

Как отмечают J. -P. Leyens и L. Darden (1996, с.113), процесс категоризации способствует когнитивной экономии, позволяет категоризирующему выходить за рамки данной информации и, в случае комбинирования позволяет формировать сложные понятия. Конечно же, подобная статизация и дискретизация информационного потока наряду с положительными моментами включает и отрицательные. Не всегда присутствует возможность схватывания тончайших нюансов объектов и динамики их изменения. Вычленив и делая статичным характеристику объекта, мы сразу же придаем ей момент инерционности, приводящей к недостаточно быстрому фиксированию происшедших изменений или неточностей отражения. Но, повторяю, эти издержки являются объективно необходимыми, ибо, в противном случае, не будет возможности фиксации характеристик объектов вообще.

Еще большей сложностью по сравнению с категоризацией объектов обладает социальная категоризация. Выделяя какое-либо основание для категоризации, мы понимаем, что в отличие от несоциальных объектов они могут сильно варьироваться, причем как у самих объектов (людей). Так и по прототипам, которые чаще всего и выступают в качестве таких оснований. Например, категоризируя людей, мы обычно в качестве критериев избираем их определенные характеристики (красота, национальность, вспыльчивость и т. п.), осознавая при этом, что могут быть существенные различия между представителями одной и той же национальности, что вспыльчивость может по разному оцениваться различными людьми и т. д. Тем не менее категоризируя людей и ситуации, мы получаем возможность структурирования социального мира и на этой основе антиципирования будущего развития событий и взаимоотношений. Так что связанные с процессом категоризации издержки с лихвой окупаются достоинствами. Категоризация людей и событий предоставляет возможность прояснять и структурировать социальный мир, придавать событиям жизни некоторую связанность и предсказуемость.

Работы Роша и коллег по таксономиям естественных объектов так же показали, что категории различного уровня абстракции варьируются по богатству дедуцируемой информации. Категории среднего уровня наиболее оптимальны для описания объектов в характеристиках их качеств и черт, дифференцирующих их от тесно связанных категорий. Более абстрактные категории проявляют тенденцию к слишком широкому охвату и не предоставляют такого же богатства информации, наконец, категории низшего уровня слишком детализированы, требуя значительных познавательных усилий (Augoustinos, Walker, 1996, с. 35).

Прототипизация

Наиболее близкой к категории единицей социального познания выступает прототип, представляющий своеобразную абстракцию, усреднение образцов объектов или категорий. Прототипы представляют собой когнитивные репрезентации категорий – стандарты, в отношении которых оценивается семейное сходство и устанавливается членство категории. Так как различные представители категории не являются идентичными и в той или иной степени отличаются друг от друга, они могут быть рассмотрены как неопределенный ряд, концентрирующийся вокруг прототипа. Прототип, являя собой усреднение, абстракцию категорий, в то же время не включает в себя крайностей, экстремальных случаев. Таким образом, прототип позволяет выделить класс категорий в совокупности их существенных признаков.

Репрезентирование категорий в понятиях прототипов (абстракций из многих образцов) позволяет репрезентировать их в понятиях экземпляров (конкретных представителей категории, с которыми сталкивался человек в своем жизненном опыте) или конкретных образцов, примеров. Например, воробей как прототип категории «птица» применительно к нашей культуре. Понятно, что птиц бывает великое множество и они весьма различны по своим особенностям, но знание прототипа сразу же позволяет определить существенные особенности категории и упорядоченно дифференцировать оцениваемые объекты на относящиеся и не относящиеся к ней.

Категоризируя новые образцы или примеры, люди часто используют не прототипы, а конкретные образцы или экземпляры, доступные им. В частности, именно эта особенность послужила основанием для дискуссий по поводу приоритетности прототипизации или экземпляризации в социальном познании. Например, М. В. Brewer (1988) утверждает, что люди становятся более знакомыми с категорией при изменении прототипической репрезентации на экземплярную. На уровне здравого смысла это и понятно – оперирование усредненной абстракцией при оценке категории довольно сложная задача, гораздо проще ее понять посредством нахождения репрезентирующего ее экземпляра. В то же время С. М. Judd и В. Park (1988) утверждают, что люди используют и прототипы и экземпляры для определения групповой принадлежности, но только экземпляры для определения аутгруппы (чужих, не принадлежащих к своей группе). Тем не менее дискуссии по данной проблеме все еще далеки от завершения.

При всех перечисленных оговорках использование прототипизации достаточно широко распространено в практике социального познания. Нами сформулирована гипотеза о том, что прототип выступает в качестве ведущего при первичной

оценке объекта, общей ориентировке в происходящем, экземпляры же или конкретные образцы включаются в познавательный процесс при углубленной ориентировке или недостаточности представленной в прототипе информации для решения поставленной задачи. Причем если привлечение экземпляра автоматизировано, т. е. носит алгоритмизированный характер, то прототип прежде всего выполняет ориентировочную функцию.

Схематизация

По мере категоризации личности, события или ситуации в процесс социализации включается схематизация – нахождение в опыте соответствующей схемы. Наиболее часто встречающееся определение схемы – знания о понятиях или типах стимулов, включающие их атрибуты и отношения между ними (Fiske, Taylor, 1991). Схемы представляют собой ряд взаимосвязанных мыслей, представлений, аттитюдов, предоставляющих возможность быстрого распознавания объектов при наличии ограниченных информационных ресурсов. В наиболее общем виде они представляют собой некоторые, основанные на индивидуальном опыте обобщенные представления в отношении объектов и ситуаций, применяемые к их быстрой оценке и прогнозированию возможного развития отношений. Когнитивные схемы организуют репрезентации людей по отношению конкретных аспектов их окружения, создают основания для ориентации и избрания оптимальной стратегии обращения. Схемы очень сходны с прототипами и часто используются взаимозаменяемо (Hogg, Vaughan, 1995: 54).

Наиболее известными работами по проблеме схематической репрезентации являются работы Bartlett (1932), Bruner (1957), Anderson, Pichert (1978). Схематические механизмы в социальной психологии рассматривались в работах Markus, Zajonc (1985), Fiske, Taylor (1991), Wyer, Carlston (1994).

Жизненная эмпирия показывает, что, сталкиваясь с ситуацией или конкретным объектом, человек уже обладает некой схематизированной структурой представлений об объекте, ситуации и возможной логике развития событий. Более того, даже при очевидной для других неадекватности избранной схемы он упорно придерживается ее. Причем человек буквально напичкан самыми разнообразными схемами, составляющими его алгоритмический оценочный и поведенческий багаж. Как отмечают J. -P. Leyens и L. Darden (1996, с. 116-117), люди не снабжены всеми необходимыми атрибутами на каждый день. Первое, каждый объект, а точнее представления о нем, обладает элементом неопределенности, заполняемой наличными информационными ресурсами, представленными в имеющихся схемах. Второе, ряд схем могут объединяться друг с другом в семантические сети. Чем более близки схемы друг по отношению к другу, тем более вероятна их одновременная активация, предоставляющая полезную информацию. Обладая способностью совершать выводы и делать обобщения на будущее, фиксируемые в опыте в виде схем, люди получают дополнительные ресурсы оптимального функционирования. Последующая проверка правильности данной схемы приводит к увеличению вероятности ее будущего воспроизведения.

Различают следующие типы схем: личности; ролевые; скрипты; свободного содержания; самости.

Схемы личности – индивидуализированные структуры знаний о конкретных людях и их особенностях. По существу по отношению к любому знакомому, да и не знакомому человеку формируется некая имплицитная теория личности, которая представлена в опыте в виде схемы, отражающей субъективно наиболее существенные или значимые характеристики. Встречаясь с человеком, в большинстве случаев мы не осуществляем его детальное изучение, а как бы осуществляем поиск наиболее пригодной схемы и выступающей в дальнейшем в качестве ориентира для развития взаимоотношений. Причем, детальность схемы во многом определяется степенью знакомства с человеком, его типичности и т. п.

В большинстве исследований схемы личности выводятся как прототипы черт, причем черт, наиболее характерных. Собственно говоря, в данном случае можно говорить о тех существенных чертах личности, которые входят в ее формулируемую имплицитную теорию. В целом, подобное схематизированное представление позволяет нам, во-первых, получить информацию о том, какого типа человек перед нами и, во-вторых, антиципировать природу и перспективы предстоящего взаимодействия. N. Cantor и W. Mischel (1977, 1979) утверждают что черты личности в данном случае выступают как концептуальные прототипы, используемые в процессе переработки информации о других людях.

Ролевые схемы – структуры знаний о требованиях, предъявляемых к определенным социальным ролям. Каждый из нас обладает представлениями о том, что должен делать, каким должен быть человек, занимающий определенную позицию в обществе, т.е. выполняющий соответствующую социальную роль. Эти представления могут варьироваться от человека к человеку, от ситуации к ситуации, но тем не менее они определяют наши ожидания. А ожидания, в свою очередь, формируют своеобразную предуготованность к определенному рода оценкам и интерпретациям.

Скрипты (схемы ситуаций) – структуры знаний об определенных событиях. В случае скриптов речь идет о зафиксированных в опыте человека представлениях о том, что представляют определенного рода ситуации и чего можно ожидать от них, как вести себя. Примерами такого рода ситуаций являются посещение чиновника, встреча с педагогом, вечеринка, спортивное мероприятие, свидание и сотни других. Главное заключается в том, что планируя встречу с такого рода ситуацией, мы антиципируем ее и развитие событий в ней. Причем, сталкиваясь с ней непосредственно с ней целиком полагаемся на имеющийся скрипт, не всегда сразу замечая его рассогласование с реальностью.

R. C. Schank и R. P. Abelson (1977) утверждают, что понимание поведения человека в определенных ситуациях с позиции здравого смысла характеризуется огромным репертуаром неосознаваемых знаний и обобщений – своего рода поведенческой прагматики, ориентирующей нас в повседневной жизни. Эти обобщения по поводу самых разнообразных событий в жизни складываются в структурах памяти и при появлении такого рода необходимости воспроизводятся в качестве готового ориентировочного шаблона, создающего возможность быстрой ориентировки в ситуации, без ее скрупулезного изучения.

Тем не менее скрипты и планы представляют собой не просто стереотипизированные последовательности событий, они включают еще и представления интенциях и целях людей. Целеориентированное знание формирует то необходимое основание, на котором и строится процесс понимания поведения в конкретной ситуации.

Схемы свободного содержания содержат ограниченный набор правил обработки информации, способствующий ориентироваться и принимать решения в ситуациях, не имеющих аналогов в жизненном опыте. Примером являются правила формальной логики. Попадая в совершенно незнакомый город, встречаясь с неизвестными людьми, мы, тем не менее не теряемся, а используем некоторый набор универсальных правил поведения в ситуации неизвестности, который и помогает в определенных рамках ориентироваться в ней.

Схемы самости охватывают значимые аспекты представлений людей о самих себе, крайности в самохарактеристиках, часто выражающие противопоставление себя другим. Люди обладают большим числом схем самости, определяющих своеобразие отношения к поступающей информации. Подчеркиваю, что у каждого человека может быть достаточно большое количество схем самости, включаемых в соответствующих ситуациях и определяющих как самоотношение, так и поведение в них. Н. Markus описывает схемы самости как «когнитивные генерализации о самости, основанные на предшествующем опыте, организующие и направляющие информацию, относящуюся к самости, содержащуюся в индивидуальном человеческом опыте» (1977, с. 64).

Схема охватывает определенное измерение, отражающее какую-либо наиболее характерную черту или особенность Я-концепции. Например, центральной схемой для самости может выступать закомплексованность по поводу какой-либо детали внешности. Если человек комплексует в отношении собственной курносости, то он может нарисовать себе трагическую картину жизни, связанную со всеми последующими невзгодами. Более того, любой нейтральный взгляд в собственный адрес может быть интерпретирован как очередное подтверждение своей ущербности. В целом, схемы самости описываются как хорошо разработанные структуры, связанные с наиболее выраженными и устойчивыми характеристиками личности и поведения. Ее отличительный признак - статичность и трудная изменчивость.

Внутренняя организация схем. В соответствии с уже упоминавшимися работами Rosch по категориям естественных объектов схемы также рассматриваются как иерархически структурированные от более абстрактных и общих категорий информации в вершине структурной пирамиды к более частным и специализированным категориям внизу. Это позволяет личности двигаться от более конкретных образцов к более общим уровням выведения. Таким образом, информация может обрабатываться на различных уровнях абстракции по мере продвижения по структуре схем. Различные схемы могут также иерархически связаны друг с другом, образуя межсхемные иерархии, в которых более высокоупорядоченные схемы соотносятся с более конкретными, низкоупорядоченными.

Тем не менее, строго иерархическая организация информации не является единственным способом структурирования социальной информации. Могут ис-

пользоваться упрощенно линейные или сложные сплетения ассоциаций. Организующие элементы схем показывают способы организации индивидом информации о конкретных социальных областях. В частности, S. E. Taylor и J. Crocker (1981) показали предпочтительность использования сбалансированной организации структур для межличностных взаимоотношений и линейных структур для схем, в которых преобладают отношения доминирования. Схемы социальных событий, или скрипты, состоят из сценических действий, организованных во временной последовательности. Эта временная последовательность отражает целеориентированную природу поведения представленную в схеме события.

По отношению к организации схем в современной социальной психологии представлено два общих подхода – схематический и экземплирный. Первый, основанный на когнитивных моделях памяти, может быть сведен к следующим основным положениям:

1. *Основополагающий вывод об особенностях репрезентации*: схема представляет структурную единицу знания о некотором объекте или понятии. Схемы репрезентируют абстрактные или обобщенные знания, противопоставляясь детализированному знанию об эпизоде, связанному с конкретным временем и контекстом (Fiske, Taylor, 1991; Markus, Zajonc, 1985).
2. *Активация*: схема может быть активирована эксплицитными размышлениями о вопросе или столкновением с соответствующей информацией. Активация схемы делает доступным все структурированное знание, содержащееся в ней.
3. *Уровень доступности*: схема может быть активирована и использоваться в той степени, в которой она доступна. Доступность определяется недавностью и частотой использования.
4. *Независимость единиц*: схемы представляют собой независимые единицы. Соответственно, если одна схема становится активной, это не обязательно приводит к использованию другой, связанной с ней схемы.
5. *Интерпретативное влияние схемы*: схемы влияют на интерпретацию воспринимаемых стимулов. Это означает, что схема влияет на интерпретацию неопределенной или недоступной информации. Схема, соответствующая интерпретации стимула, может быть раскодирована из памяти подобно ситуации присутствия стимула.
6. *Влияние схемы на концентрацию внимания*: в зависимости от обстоятельств активированная схема направляет внимание, иногда на соответствующую, а иногда на неожиданную или несоответствующую информацию.
7. *Восстановительная сигнально-реконструктивная функция схем*: схемы также могут влиять на восстановление и принятие решений, основанных на памяти. Схема может выступать в качестве источников сигналов, способствующих воспроизведению соответствующей схеме информации. Она может также служить в качестве руководства в отношении догадок и реконструкции в случае неудачных попыток интерпретации неопределенных результатов (приводится по Smith E. R., Queller S., 2003, с. 7–8).

Различные теоретические выводы о схематических механизмах варьируются в определенных аспектах:

1. Считается, что схемы репрезентируют информацию о наиболее типичных характеристиках определенных понятий, например, посещения ресторана или врача. Тем не менее в некоторых случаях, делаются выводы о том, что схемы репрезентируют общие правила выведения, независимые от конкретной содержательной области (например, теория баланса Heider может быть описана как схема).
2. Существует варьирование в моделировании путей доступа к схемам, включая модели складирования, батарей и синаптические модели (Wyer, Srull, 1989; Higgins, 1996).

Как альтернатива схематическому подходу, основанному на абстрактном процессе переработки информации, развивается более «жизненно приземленный» с точки зрения его представителей, экземплярный подход. Экземплярные репрезентации основываются на экземплярных моделях категоризации. Данные модели преуменьшают роль абстракций (таких, как обобщения о средних характеристиках категорий) и, наоборот, подчеркивают роль специфического опыта. В несоциальном познании наиболее известные работы включают Brooks (1978), Jacoby, brooks (1984), Whittsella (1987), а в социальной психологии – Lewicki (1985), Smith (1988, 1990), Linville, Fischer, Salovey (1989). Экземплярные механизмы основываются на ряде основных идей:

1. *Основополагающий вывод о репрезентации:* репрезентации записывают информацию о специфических стимулах или жизненном опыте, а не об абстрактных обобщениях. Такие репрезентации могут конструироваться на основе соответствующих действительности восприятиях стимульных объектов, выводов о них, воображении, вторичных обсуждениях и т. п.
2. *Репрезентации фиксируют будущие воспроизведения:* репрезентации специфических стимулов фиксируют паттерны будущих воспроизведений. Такие репрезентации поддерживают наблюдательную чувствительность людей к установлению взаимосвязей с характеристиками категорий (например, они знают о том, что небольшие птицы более склонны к пению, чем большие; Malt, Smith, 1984). Наоборот, схемы должны содержать только информацию о типичных характеристиках (например, что птицы обычно маленькие и они обычно поют), а не о будущей воспроизводимости.
3. *Активация экземпляров повторяющимися сигналами:* воспроизводимые сигналы (самогенерируемые или внешние по происхождению) активируют все запечатленные экземпляры параллельно. Каждый экземпляр активируется в той степени, в которой он сходен с воспроизводимым сигналом. Активация не синонимична воспроизведению, а, наоборот, делает активированные экземпляры доступными для влияния на принятие решений или формирования впечатления (Hintzman, 1986).
4. *Параллельный непосредственный подсчет:* когда новый стимул должен быть оценен, категоризирован или должно быть принято решение о нем,

осуществляется сравнение многих параллельно активированных экземпляров. Сходно, когда требуются обобщения о типе стимулов, они прочитываются посредством активации всех экземпляров банного типа и их суммирование.

5. *Влияние на интерпретацию, внимание и принятие решения*: влияние активированной массы экземпляров осуществляется сходным образом с атрибутированием схемами. Это означает, что активируемые экземпляры оказывают влияние на интерпретацию, внимание, воспроизведение и реконструкции на предсознательном уровне (приводится по Smith E. R., Queller S., 2003, с. 8-9).

Представители экземплярного подхода различаются в выводах о том, где сохраняются экземпляры, а также где сохраняются абстракции и экземпляры.

Таким образом, способ организации схем зависит от ее подхода, содержания, уровня знаний личности и уместности по отношению к конкретному содержанию.

Использование схем. Люди, ситуации и события могут обладать различными характеристиками, не всегда очевидными для выбора в качестве оснований для категоризации, а следовательно, для выбора соответствующей схемы. Общая характеристика особенностей осуществления выбора той или иной схемы и детерминант этого выбора представлена на схеме 13. Как видно, на выборе схемы может отразиться довольно большое количество условий и факторов. Например, конкретный человек может быть белорусом, женщиной католического вероисповедания из Гродненской области, остроумной, хорошо начитанной, не очень спортивной и работающей инженером. Что будет детерминировать основания выбора для ее категоризации и выбора соответствующей схемы?

В процессе выбора схем люди исходно предпочитают принятие скорее субтипов, нежели уровня представленности в иерархии, а также более предпочтительное принятие стереотипов и социальных ролей по сравнению со схемами черт (Augoustinos, Walker, 1996). Предпочтение может отдаваться также более легко идентифицируемым и активизируемым схемам, основывающимся на индивидуально значимых индикаторах, например, цвету кожи, одежде, привлекательности, контекстуальной отличаемости (единственная женщина в компании мужчин) и т. п. большую роль играет привычность использования схем к оценке человека (Hogg, Vaughan, 1995: 57). Причем чем чаще схема используется, тем более верифицированной она субъективно воспринимается, формируя иллюзию валидности. Примером такого рода ригидности использования схем часто является практика людей, работающих в системе человек–человек в течение многих лет, в частности педагогов. Опыт работы со многими классами и учениками приводит к типизации последних и последующей схематизации, по крайней мере, наиболее выделяющихся. В последствии же выработавшаяся схема начинает оказывать медвежью услугу педагогу, так как у него формируется представление о том, что он уже представляет, какое развитие взаимоотношений с данным учеником его ждет. Сформировав схему личности, учитель одновременно формирует у себя интерпретационный фрейм (Yanchuk, 1998), задающий тенденциозность в интерпретации наблюдаемого. Наконец, люди проявляют склонность к использованию соответствующих

состоянию схем (Erber, 1991) и схем, основывающихся скорее на предшествующей, нежели на последней, информации.

Этот в известной степени автоматизированный процесс, ориентирован преимущественно на принятие функциональных и соответствующих характеру решаемых задач схем, обладающих ограниченными рамками точности (Swann, 1984). Правда, в других ситуациях люди нуждаются в более точных схемах, максимально привязанных к конкретному объекту и обстоятельствам. Это изменение в использовании схем получило название изменения с ориентированных на теорию схем на схемы, ориентированные на данные (Fiske, 1993). Иллюстрация сказанному представлена на приведенной схеме 14. Если цена совершения ошибки возрастает, люди более внимательно относятся к данным и могут использовать более точные схемы (Hogg, Vaughan: 1995: 57).

Схема 14. Основные детерминанты выбора схем.

Приводится по Hogg, M.A., Vaughan, G.M., 1995, с. 57.

В исследованиях процесса применения схем описан ряд индивидуальных различий:

1. Атрибутивная сложность – люди варьируются в комплексности и числе объяснений поведения других людей.
2. Неопределенность ориентации – люди варьируются по заинтересованности–незаинтересованности в получении информации.

3. Потребность в знаниях – люди различаются по заинтересованности в получении глубоких знаний об объектах.
4. Когнитивная комплексность – люди различаются по комплексности когнитивных процессов и репрезентаций (там же, с. 58).

Н. Markus (1977) показала наличие выраженных различий по степени сложности схем собственной самости, установив, что эта сложность определяет и характер схематического восприятия других.

Приобретение, развитие и изменение схем. В соответствии с общей теорией схем они научаются или приобретаются из прямого или опосредованного опыта взаимодействия с социальным окружением. Именно через непосредственный опыт и происходит формирование основного репертуара схем (Rumelhart, 1984).

Менее исследован процесс формирования схем. Большая часть из предложенных различными авторами процессов носит преимущественно гипотетический характер. Тем не менее N. Rumelhart (1978) выделяет следующие три процесса:

1. Наращивание – тип научения фактов, прослеживание которых приводит к их фиксации в памяти для последующего воспроизведения.
2. Настройка – сформировавшаяся схема переопределяется и адаптируется для более тесного увязывания с жизненным опытом.
3. Реструктурирование – процесс создания новых схем через их паттернированное обобщение.

Е. Т. Higgins, Р. В. Kuipper и J. М. Olson (1981) предлагают смещение акцентов в сторону определения состояний приобретения, могущих оказывать воздействие на взаимодействие между зафиксированной в памяти информацией и ее последующим воспроизведением (индукция–пропозициональная трансмиссия; одновременность–последовательность образцов; частичность–последовательное соответствие образцов; концентрированность–рассеянность образцов).

М. Rothbart (1981) предлагает следующие три процесса:

1. Бухгалтерия – медленный процесс изменения как реакция на новую очевидность.
2. Конверсия – изменение в случае достижения противоречиями старой схемы состояния критической массы, сопровождаемое радикальной трансформацией.
3. Субтипизация – изменение конфигурации схем как реакция на опровержения посредством выделения ряда субкатегорий.

Процесс изменения схем описывается через выделение его ряда временных особенностей:

1. Схемы становятся более абстрактными и менее связанными с конкретными примерами по мере их накопления (Park, 1986).
2. По мере накопления примеров схемы становятся богаче и комплекснее (Linville, 1982).
3. С ростом комплексности схемы становятся более строго организованными, приобретая все более сложные связи между составляющими их элементами (McKiethen, 1981).
4. Увеличивающаяся организованность приводит к все большей компактности схем (Schul, 1983).

5. Схемы становятся все более устойчивыми, отфильтровывая противоречивые элементы, снижающие валидность (Fiske, Neuberg, 1990).
6. При прочих равных, процесс развития схем направлен на повышение их точности (Hogg, Vaughan, 1995).

S. T. Fiske и R. Dyer (1985) используя положения теории немонотонного научения, показали, что развитие схемы происходит первоначально из научения ряду независимых и не интегрированных компонентов к отдельным и интегрированным схематическим единицам со строгими ассоциативными связями между компонентами. Эти ассоциативные связи укрепляются в процессе их применения в условиях реальной жизненной практики, что, в свою очередь, приводит к тому, что при включении одного из компонентов активизируется вся схематическая структура.

Столь детальное рассмотрение проблематики схематизации обусловлено той популярностью, которую она приобрела в исследованиях 1980-1990-х годов. В то же время, наряду с уже отмечавшимися достоинствами схематический подход обладает и рядом уязвимых черт (Augoustinos, Walker, 1996). Тем не менее исследования в данной проблемной области продолжают интенсивно развиваться и сегодня.

Эвристизация

Подобно соотношению категорий и прототипов в качестве парной единицы по отношению к схеме выступает эвристика. Арсенал зафиксированных в опыте схем хоть и велик и многогранен, но, во-первых, он статичен, а во-вторых, обладает низкой прогностичностью. Человек в своей жизни довольно часто попадает в ситуации, в которых необходимо принятие достаточно новых решений. В них он полагается на эвристики, представляющие собой основанные на имеющемся опыте предположения, предвосхищения или прогнозы наличия у новых объектов определенных свойств и качеств, а у событий – тенденций развития. A. Tversky и D. Kahneman определяют эвристики как «принятые, неформальные руководства, рассматриваемые как полезные и используемые людьми при принятии ими решений и формировании прогнозов» (1974).

Исследования эвристик проводились как раз взаимосвязано с исследованиями проблематики схем. Отмечается, что при отсутствии достаточных оснований для систематического изучения объекта или происходящего люди могут основывать свои решения на принятии информации о некоторых периферических источниках, не связанных непосредственно с ними (Stroebe, Jonas, 1996). Эти предвосхищения могут быть как простыми, основанными на элементарных схемах или принятиях решений (например, непрекаемое доверие экспертам), сложными, предполагающими комплексные модели развития. В любом случае применение эвристик позволяет хоть каким-либо образом сориентироваться в относительно неопределенной ситуации.

Различают несколько типов эвристик: *эвристики; моделируемые; приспособляемые; репрезентативности.*

Доступные эвристики представляют собой наиболее доступную информацию о событиях, т. е. быстро припоминаемую и представляемую. Они использу-

ются для определения частоты или вероятности события на основании быстро припоминаемых примеров или образующихся ассоциаций. В случае доступности внушающих доверие примеров люди резко повышают вероятность их применимости к производимой оценке. Доступные эвристики во многих случаях помогают людям ориентироваться в происходящем и более или менее адекватно прогнозировать развитие событий. Однако во многих ситуациях они же приводят к неадекватности и ошибочным решениям.

Моделируемые эвристики представляют конструирование возможных сценариев будущего развития событий. Человек конструирует вероятностную модель возможного развития событий, предполагающую один или несколько вариантов, взвешивает их и принимает соответствующее решение. Как и в предшествующем типе, здесь многое зависит от индивидуального стиля принятия решений. Одни – предпочитают быстрое конструирование «единственно верной» модели, другие – тщательный анализ вариантов.

Приспосабливаемые эвристики представляют формирование оценок или прогнозов посредством нахождения в собственном или опыте других людей исходных образцов или шаблонов (якорей) и их приспособление к ситуации. В случае приспособляемых эвристик часто реализуется так называемый эффект якорения, проявляющийся в том, что исходная оценка оказывает существенное влияние на последующие. Формируется навязчивый прогноз, который даже при возможном просчете вариантов оказывается более предпочтительным.

Эвристики репрезентативности представляют принятие решения или прогноза вероятности посредством полагания на информацию, рассматриваемую как репрезентативная для данной группы или категории. Примером подобного рода эвристик является гиперобобщение людей в ситуации неопределенности, основанное на собственном опыте или опыте других людей как условии выхода из нее. Эвристики репрезентативности часто приводят к ошибочным прогнозам или оценкам в силу того, что даже при проверке верности сформированных оценок или прогнозов при посредстве обращения к авторитетным другим человек попадает в собственный капкан. Так как обращается к людям исходно солидарным с ним, но отнюдь не отражающим всей совокупности возможных вариантов решений.

Проблематика эвристик и их роли в социальном поведении изучена довольно слабо и требует последующих исследований. Ясно, что роль эвристик в процессе принятия решений достаточно велика в силу динамичности жизни, но полагание на статичный прошлый опыт не дает достаточных оснований для адекватных прогнозов и оценок. Так же велика роль знания об особенностях применяемых конкретным человеком эвристик по той причине, что оно дает хорошее основание для определения, какие решения и оценки он будет принимать в будущем.

Стереотипизация

В социально-психологической литературе последних лет часто имеет место отождествление схем со стереотипами (Augoustinos, Walker, 1996), хотя категория стереотипа хронологически появилась значительно раньше и имела несколько отличную от когнитивной традиции трактовку. Исходно стереотип рассматривается

как «определенный набор относительно устойчивых, упрощенных обобщений о группе или классе людей» (Reber, 1996, с. 754), или как «абстрактные умственные репрезентации социальных групп – групповых схем и групповых прототипов» (Manstead, Hewstone, 1996, с. 628). Подчеркивался именно негативный набор характеристик, как правило, в связи с национальными или расовыми различиями. Даже в случае позитивных стереотипов чаще речь шла о неточных, искаженных представлениях. Сегодня более принятым считается определение стереотипа как «ряда широко распространенных обобщений о психологических характеристиках группы или класса людей» (там же). Стереотип отличается от процесса стереотипизации, представляющей форму реализации такого рода представлений для категоризации или классификации социальных объектов. Учитывая то обстоятельство, что мы анализируем стереотип в качестве именно единицы социального познания, по моему мнению, уместно использование следующего определения стереотипа – «относительно устойчивый и упрощенный образ социального объекта (группы, человека, события, явления и т.п.), складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе» (Петровский, Ярошевский, 1990: 384).

Функции стереотипов. Наличие социальных стереотипов играет весьма существенную роль в социальной жизни по той простой причине, что без них при отсутствии исчерпывающей информации о происходящем или наблюдаемом невозможны были бы ни адекватная оценка, ни адекватный прогноз. Во-первых, стереотип позволяет резко сократить время реагирования на изменяющуюся реальность; во-вторых, ускорить процесс познания; в-третьих, предоставить хоть какое-то первичное основание для ориентировки в происходящем. В то же время, возникая в условиях дефицита информации, социальный стереотип часто оказывается ложным и играет консервативную роль, формируя ошибочные представления людей о происходящем, деформируя процесс интерпретации происходящего и характер межличностного взаимодействия. Любой социальный стереотип, оказавшийся верным в одной ситуации, может оказаться неверным в другой и, следовательно, неэффективным для решения задачи ориентировки личности в окружающем социальном мире.

В европейской социально-психологической традиции проблематика социального стереотипа и стереотипизации особенно тщательно разрабатывалась Н. Tajfel (1981), показавшим взаимосвязь процессов категоризации и стереотипизации. Он обосновывал, что, принимая решение по какому-либо избранному измерению, люди мобилизуют любые относящиеся периферические измерения, которые могут оказаться полезными для ориентировки. В соответствии с предложенным им принципом акцентуации:

1. Категоризация стимулов вызывает перцептивную акцентуацию межкатегориальных сходств и различий по измерению, предполагаемому как коррелирующее с категоризацией.
2. Эффект акцентуации усиливается при значимости категоризации, уместности или ценности их для субъекта.

Принцип акцентуации составляет ядро работ Н. Tajfel по межгрупповым взаимоотношениям и групповому членству, которые послужили в последствии к развитию Turner и коллегами теории социальной идентичности и теории само-категоризации (Hogg, Vaughan, 1995). Tajfel тем не менее считал, что в то время как категоризация может объяснять процесс стереотипизации как зависящее от контекста искажение различной силы, он не объясняет, например, стереотипов относительно конкретной группы. Он считал, что полное объяснение социальной стереотипизации нуждается в несколько более широком анализе межгрупповых взаимоотношений и социальных функций стереотипов.

Формирование и сохранение стереотипов. Стереотипы формируются в результате воспринимаемой характерности фиксируемых отличий или особенностей. Будучи установленными, они поддерживаются в силу того, что создают необходимую ориентировочную основу в отношении оценки определенного рода социальных объектов, приводя к проявлению эффекта первого впечатления, задающего своеобразие отношения к интерпретируемому объекту. Стереотипы как бы принуждают людей на осуществление поиска информации поддерживающей его. В данном случае формируется интерпретационный фрейм, задающий характер интерпретации. Возможности его поддержания и укрепления в силу присущего человеку субъективизма и связанными с ним неисчерпаемыми ресурсами предубежденного интерпретирования и атрибутирования практически безграничны. Поддержание стереотипа в устойчивом состоянии обеспечивается и особенностями познавательной активности. Так как стереотипы выполняют существенную для личности функцию – поддержания соответствия или консонанса в системе представлений.

Стереотипы оказывают влияние на то, как будет интерпретироваться поступающая информация, особенно в случаях отсутствия альтернативной. В соответствии с их функциональной ролью в упрощении и прояснении социального окружения стереотипы выступают в качестве инструментов сохранения возможностей, используемых в ситуациях когнитивной напряженности.

Изменение стереотипов. Практически всеми исследователями отмечается факт сложной изменчивости стереотипов. Одним из решающих условий такого рода изменений является столкновение с их опровержением на собственном трудно опровергаемом опыте. Сам процесс изменения редко бывает радикальным, а чаще последовательным, напоминая оттаивание. В качестве процессов изменения стереотипов называют уже представлявшиеся выше бухгалтерию и конверсию (Manstead, Hewstone, 1996).

Представленный обзор исследований по социальной стереотипизации, конечно же, не дает исчерпывающего представления о проблемной области. Основной задачей была демонстрация его роли в социальном познании. Перечисленные особенности и функционала стереотипов позволяет согласиться с мнением M. Augoustinos и I. Walker (1996) и возможности их отождествления со схематизацией. Эти же авторы предлагают отождествление стереотипов со следующей единицей и одновременно процессом – социальными репрезентациями.

Социальное репрезентирование

Понятие репрезентаций имеет длительную историю и распространение в ряде взаимосвязанных дисциплин в социальных науках. Термин же социальные репрезентации ассоциируется прежде всего с именем выдающегося французского социального психолога С. Московичи (Moscovici), определявшего их как «когнитивные системы, обладающие собственной логикой и языком. Они являются не просто “представлениями о чем-либо”, “образами чего-либо” или аттитюдами в отношении чего-либо, а “теориями” или “областями знаний” со своими собственными правами, для открытия и организации реальности» (1973: xii).

Исходно Московичи в своих рассуждениях отталкивался от понятия «коллективные репрезентации», введенного Э. Дюркгеймом в 1898 году, который предложил его для различения индивидуального и коллективного мышления. Коллективные репрезентации рассматривались Дюркгеймом как представления, широко разделяемые членами общества, социальные по природе и происхождению и относящиеся к обществу. Рассматривая репрезентации как существующие в субстрате индивида, он все время подчеркивал невозможность их объяснения на индивидуальном уровне. В этом коренное отличие европейской традиции, стремящейся преодолеть американский индивидуализм и персонцентризм, что и продолжают в своих работах Московичи и его последователи.

По Московичи социальные репрезентации представляют собой идеи, мысли, образы и знания, которые коллективно разделяются членами общества: согласованный универсум мыслей, социально создаваемых и социально коммуницируемых для формирования частей «общего сознания» (Augoustinos, Walker, 1996, с. 135). Социальные репрезентации относятся к основаниям общего знания и информации, которую разделяют люди в форме теорий здравого смысла о социальном мире. Они включают как концептуальные, так и иллюстративные элементы, посредством которых члены общества получают возможность конструирования социальной реальности.

«Социальные репрезентации имеют отношение к содержанию повседневного мышления и основаниям идей, которые придают согласованность нашим религиозным представлениям, политическим идеям и взаимосвязям, спонтанно создаваемым нами подобно дыханию. Они делают возможным для нас классификацию людей и объектов, сравнивать и объяснять поведение и объективизировать их как части нашего социального окружения. Несмотря на то, что они локализованы в сознании мужчин и женщин, они могут быть найдены “в мире”, а следовательно, изучены обособлено» (Moscovici, 1989, с. 214).

Как отмечал Московичи, одной из отличительных характеристик современного общества является динамическая природа наших убеждений, ценностей и деятельности. Следовательно, одним из приоритетов социальных наук должно быть понимание социальных изменений и изучение «общества в процессе». Более того, социальные науки должны способствовать динамике социальных знаний и направлять социальные изменения. В частности, сама социальная психология должна

быть изменена таким образом, чтобы рассматривать не просто действия и мыслительные процессы индивидов, но и, одновременно, их культурный и общественный контекст. Социальная психология, изучая культуру, эволюцию здравого смысла и его влияния на социальную жизнь, может быть антропологией современного общества. Как таковая, она могла бы развивать связи с социологией, антропологией, лингвистикой и историей, предполагая альтернативные подходы к исследованию и построению теории.

Особо необходимо отметить, что теория социальных репрезентаций применяется не только к здравому смыслу, но и к самой науке. Это предполагает, что развитие теории социальных репрезентаций и нашего понимания науки происходит независимо друг от друга. Теория проводит чёткое разграничение между наукой и здравым смыслом. Хотя объективистский взгляд на реальность характерен для наук, для изучения здравого смысла требуется другой подход, признающий согласованную и конструктивную природу здравого смысла и социального взаимодействия. Подобно здравому смыслу, наука представляет собой социальную деятельность, включающую активное участие и сотрудничество учёных в особом культурном и историческом контексте. И прежде всего наука творится людьми носителями такого же здравого смысла, как и все остальные. Ученый, даже при всем его желании, не может остранииться от своей человеческой сущности, стать в позицию некоего абстрактного богоподобного существа, холодно взирающего на происходящее в его непосредственном окружении. Он так же переживает, также как и все остальные, не может освободиться от своих привязанностей и предубеждений.

Природа социальных репрезентаций. Исходным моментом в построении любой теоретической конструкции в контексте определения сущностных и процессуальных характеристик социальных репрезентаций должно быть определение их структуры. Московичи разработал трехкомпонентную модель социальных репрезентаций: информация (суммы знаний об объекте представления), установки (как обозначения эмоционального отношения к объекту представления) и поля представления (характеризующие внутреннюю организацию элементов представления). В дальнейшем было представлено иерархическое строение поля представления и выделены уровни этой иерархии – ядро и периферия (Abric, 1984, 1989, 1994; Doise, 1985; Jodelet, 1989).

Центральное ядро (устойчивая часть) образуется несколькими элементами социальной репрезентации и служит для организации внутреннего строения и придания смысла всей репрезентации (Flament, 1989). Периферия (менее устойчивая часть) состоит из скриптов, схем, стереотипов и т. д. и «запускает» быстрые поведенческие реакции, не требующие длительного процесса принятия решения. Процесс перестраивания периферийных схем происходит в случае рассогласования между уже имеющимися элементами представления и новыми, отражающими изменившуюся действительность. Здесь периферия играет роль буфера, защищающего центральное ядро от деформации. Если новой информации, не соответствующей ранее сложившемуся представлению, слишком много и периферийные схемы не могут ее полностью адаптировать, изменения затрагивают и центральное ядро, что, в свою очередь, может привести к слому старой социальной репрезентации и созданию новой.

Как отмечает Московичи, структура каждой репрезентации раздвоена, она имеет два лица, не отличающиеся друг от друга. Мы пишем, что репрезентация = образ/смысл, подразумевая, что любому образу соответствует один смысл и любому смыслу соответствует один образ (1989, с. 363).

Среди последних разработок проблемного поля представления – введения понятия валентности элементов (их приближенности к ядру) и привлечение математического аппарата (в частности, статистики χ -квадрата) для определения наименования валентности (Guimelli, 1993). Качественная валентность характеризует принадлежность элемента представления к его ядру. Количественная валентность свидетельствует о высоком индексе связей этого элемента с другими, о его близости, но не принадлежности ядру. Несомненно, возможность определения качественной нагрузки элемента – весомый вклад в развитие концепции социальных представлений. Вместе с тем на сегодняшний день остается нерешенной проблема первичного выделения ядра при переходе к изучению нового объекта социального представления. Ставшая традиционной, проверка элемента представления относительно его связи с ядром позволяет дать утвердительный ответ, но этот подход не в состоянии указать, какие элементы следует подвергнуть проверке. Перебор же всех элементов может оказаться весьма долговременной и трудоемкой процедурой. Выявлению элементов, вносящих наибольший вклад в организацию всего представления (что является одной из функций центрального ядра), может помочь анализ матрицы интеркорреляций и выделение в ней пунктов, имеющих высокую валентность. Поскольку высокой валентностью могут обладать не только элементы центрального ядра (Guimelli, 1993), то С. В. Трушкова (1998, с. 54) предлагает обозначать выделяемый комплекс «структурным ядром» для подчеркивания возможного попадания в него элементов с высокой количественной валентностью. Предложенный ею метод комплексного вычленения высоковалентных элементов включает:

1. Первичный анализ объекта представления с целью выделения содержательных блоков его оценки.
2. Разработку анкеты, вопросы которой принадлежат выделенным блокам и содержат оценки-шкалы.
3. Проведение корреляционного анализа и построение матрицы интеркорреляций пунктов опросника друг с другом.
4. Построчный подсчет количества корреляций каждого пункта.
5. Нахождение общего суммарного количества корреляций по матрице интеркорреляций.
6. Разбиение всего массива корреляций на три области (высокую, низкую и среднюю), имеющие верхнюю количественную границу, равную одной трети от общего числа корреляций.
7. Заполнение высококорреляционной области путем последовательного отбора пунктов, имеющих самое большое число корреляций.
8. Построение графического изображения связей высоковалентных элементов друг с другом (там же).

С одной стороны, социальная репрезентация определена содержанием: информацией, образами, мнениями, отношениями и т. д. С другой стороны, она является репрезентацией лица в отношении с другим лицом. Она зависит от позиции, которую лица занимают в обществе, экономике, культуре. Любая репрезентация есть репрезентация чего-то или кого-то.

Социальные репрезентации характеризуют социальную реальность, которая создана путем наших интеракций и коммуникаций в социальном и физическом мире. В то же время социальные репрезентации формируют мыслительную окружающую среду, которая определяет наше восприятие или понимание реальности и направляет наши действия. Социальные репрезентации вместе с тем определяют наш способ видения мира и то, как мы действуем, но одновременно определены нашими интеракциями и связями. Такое представление о социальной реальности противоречит традиционному образу мышления в социальной психологии. Во-первых, мы сталкиваемся с законом причины и следствия, который утверждает независимость сущностей. Во-вторых, мы должны понять, что приоритет отдается социальным и культурным аспектам реальности, которые являются относительной и наиндивидуальной сущностью социальной жизни.

Природа социальных репрезентаций избегает проводить различие, обычно устанавливаемое между стимулом и реакцией или между личным восприятием объекта и самим объектом. Каждый человек видит и понимает физический и социальный объект особым способом только потому, что имеет свои репрезентации об этом объекте. Объект и человек взаимодействуют в построении и выражении репрезентации. Иными словами, не сущность объекта определяет наши репрезентации, а наши связи с этим объектом. Репрезентация, однажды сформированная, поддерживает и подкрепляет эти связи. Кроме того, репрезентации формируются не только связями между человеком и объектом, но и связями человека с другими людьми и других людей с объектом. Социальные репрезентации конструируются в процессе интеракций и общения с другими людьми, в то же время сами эти взаимодействия и контакты формируются социальными репрезентациями людей. Это характерно для социально построенной реальности в отличие от объективной.

Понятие социальной реальности и ее построение в социальной жизни лежат в основе теории социальных репрезентаций. Исходя из того, что социальные репрезентации определяют нашу социальную реальность, нельзя сказать, что она существует либо исключительно в умах независимых индивидов, либо в объективной реальности независимо от индивидов. В связи с этим возникает необходимость объяснения роли человеческих убеждений и действий, роли культуры и физической окружающей среды в конструировании социального мира.

Характерной чертой социальных репрезентаций является их символическая природа, заключающая в себе их социальные, культурные и исторические аспекты. Она относится к социальной значимости объектов и событий, зависящей от общественного значения. Общественное значение в свою очередь зависит от общественных социальных норм и ценностей и их истории. Во-первых, объект или событие одновременно и немедленно воспринимаются и постигаются в пределах символической реальности. Это выражается двумя аспектами репрезентации: *портретным аспектом*, или *образом*, и *символическим аспектом* или *репрезентацией*. Объект

или событие не рассматривается вначале и затем интерпретируются. Скорее, конкретный образ и символическое значение «идут рука об руку». Таким образом, репрезентации включают объекты, воспроизводящие мир путем мыслеобразов, и понятия, являющиеся абстрактным восприятием мира. Психологическая активность людей базируется на социальной активности общества; на языке, опыте и знаниях, свойственных определенной культуре; на связях и интеракциях социальных групп; на исторических традициях и обычаях. Во-вторых, репрезентации есть всегда о чём-то или о ком-то. Символическое знание (в отличие от познавательной информации) признаёт личность, которая знает что-либо и абстрагируется от того, что знает. Таким образом, всегда существует взаимосвязь между социальными репрезентациями, социальными группами и функциями их самовыражения.

Символическим является то, что познавательные репрезентации совершенно отличаются от социальных. Когнитивная психология предлагает индивидуалистическую и разобщенную значимость репрезентаций. Репрезентация понимается как сокровенное, созданное в уме человека, занимающее место чего-то, существующего независимо от человека. Человек изолирован как от других людей, так и от представляемого мира. В таком случае социальные репрезентации будут просто личным представлением социального объекта. Процесс репрезентации и сама репрезентация утверждают индивидуальный характер. Мыслительные процессы или психологические механизмы находятся в строгом отношении с их социальным контекстом и социальными функциями.

Это полностью противоречит социальным репрезентациям, которые по существу представляют собой социальное, культурное и историческое явление. Символическая сущность социальных репрезентаций выражена как в процессе репрезентации чего-либо, так и функции репрезентаций в социальной жизни. Символическая сущность социальных репрезентаций также поддерживает структуру социальной реальности. Сам акт репрезентации чего-либо всегда творческий. Репрезентация, однажды построенная, существует в некотором смысле независимо от того, что было ее объектом. Репрезентация становится особым объектом «в своем праве». Это относится не только к репрезентациям, сформированным в умах людей, но и к репрезентациям, проявляющимся в результатах и культурных достижениях общества. Репрезентации существуют в средствах массовой информации, в книгах, фильмах, картинах, но главным образом в умах людей. Если репрезентация построена, она сама приобретает силу.

В этом смысле репрезентации являются символическими воспроизведениями в отличие от простой репродукции, также создаваемой ими. Благодаря этой созидательной силе социальные репрезентации играют значительную роль в поддержке социального порядка и осуществлении социальных изменений. Можно сделать вывод, что особый смысл и социальная значимость являются символической сущностью социальных репрезентаций. Здесь основывается индивидуальный и социальный характер репрезентаций и их динамическая конструктивная сила.

Признание символической сущности социальных репрезентаций со всеми сопутствующими аспектами – социальными, культурными и историческими – означает, что, пока мы изучаем здравый смысл и обыденное мышление, невозможно отличить форму репрезентации от ее содержания. Содержание отличается

среди социальных групп, культур и исторических эпох и невозможно отделить систему репрезентаций от процессов, которые их создают.

Опять же это противоречит когнитивной психологии. Последняя сконцентрирована на процессах репрезентаций, которые считаются универсальными, независимыми от специфического содержания репрезентаций. Но, еще раз подчеркнем, репрезентации есть всегда о чём-то, они занимают место аспектов окружающего мира и обозначают их. Это содержание не может быть игнорировано. Не может быть принято положение о том, что мыслительные процессы общие и инвариантные и, следовательно, универсальные. Скорее, поскольку содержание репрезентаций отличается среди различных культур или происходящих в течение какого-либо времени изменений, они формируют репрезентации. Форма и содержание мышления тесно связаны с формой и содержанием коммуникаций и интеракций; с разногласиями и согласием между людьми; со связями социальных групп. Иными словами, способ мышления так же, как и предмет его, зависит от культурного контекста.

Московичи подчеркивал в связи с этим, что некорректно употреблять позитивистские, научные принципы мышления к социальному знанию, поскольку отличаются логика и форма, лежащие в основе различного содержания. «Психологические законы» связаны с содержанием социальных репрезентаций и, следовательно, с их культурным и историческим контекстом. Это имеет далеко идущую причастность к социальной психологии, которая отражена в исследовательском подходе, принятом некоторыми учеными, изучающими социальные репрезентации. Эта причастность должна быть выяснена в связи с нашим пониманием социальной реальности.

Понимание социальной сущности реальности и символической сущности репрезентаций является необходимым условием рассмотрения их конвенциональной и предписывающей природы. Во-первых, социальные репрезентации отображают условно объекты, людей и события, которые мы встречаем в повседневной жизни. Они действуют на уже созданный социальный объект или на какой-либо новый объект, являющийся частью нашего сознания, преобразуя его, так что он соответствует категориям и системам связей, которые мы имеем. Таким образом, любой объект понимается в пределах символической системы, которая обусловлена нашими социальными репрезентациями и, следовательно, нашими культурными условиями. Во-вторых, социальные репрезентации конвенциональны и в силу этого навязывают нам себя с непреодолимой силой. Мы не можем избавиться от условностей репрезентаций, языка и культуры. Мы воспринимаем и понимаем настоящее в пределах прошлого, в пределах традиции и культуры.

Из этого следует, что социальные репрезентации являются историческими по природе. Все системы восприятия и понимания, описания и понимания, которые обращаются внутри общества, связаны с ранее существовавшими системами. Они воспроизводятся благодаря преемственности человеческой культуры и социальной жизни с помощью языка и действий. Этот исторический, основанный на обычаях тезис является потенциально проблематичным. Он является социологическим, поскольку социальные репрезентации рассматриваются такими же принудитель-

ными, как коллективные представления Дюркгейма или социальные факты. Прошлое преобладает над настоящим и настоящее остается бессильным перед лицом условностей.

Социальные репрезентации не только предписывают и конвенциональны, они также и динамичны. Поскольку они обращаются и распространяются в обществе, обнаруживается их пластичность. Наши восприятия и репрезентации, наши взаимосвязи постоянно перестраиваются и переосновываются. Наша социальная реальность преобразуется, когда возникают новые социальные репрезентации и исчезают старые вместе с сопутствующими социальными объектами и связями.

Динамическая сущность социальных репрезентаций вступает в некоторое противоречие с предписывающей природой социальных репрезентаций. Если прошлое превалирует над настоящим, как может настоящее трансформировать прошлое, когда-то бывшее настоящим?

Социальные репрезентации автономны. Они – составные части социальной реальности, в связи с этим особое значение имеют их культурные и сверхиндивидуальные качества. Автономия отражена в динамической природе репрезентаций, причем не только в действии их взаимосвязей, но и, поскольку они циркулируют и диффундируют в обществе, в соединении, притяжении и отталкивании друг от друга, изменении в гармонии с ходом социальной жизни, что оказывает влияние на их форму и содержание. Автономия также отражена и в конвенциональной и предписывающей природе. Приоритет отдается консенсуальным и аспектам социальных репрезентаций, которые разделяются и усиливаются традицией, в добавление к их социальному или коллективному происхождению.

Автономная природа социальных репрезентаций показывает, что как социально-психологический феномен они не могут быть сведены к социальной психологии личности. Конечно, существует опасность оставить личность вне анализа. Это опасность представления скорее социологического, чем социально-психологического тезиса, что может привести к отрицанию роли личности в трансформации и изменении наших социальных репрезентаций. Отдавая так много власти культуре и традиции, личность становится бессильной.

Функции социальных репрезентаций. Подводя итоги рассмотрения природы социальных репрезентаций, можно сказать, что социальные репрезентации – составные части нашей реальности, формирующие символическую мысленно окружающую среду. Следовательно, они играют существенную роль в конструировании и формировании реальности, определяя значение объектов и событий. Социальные репрезентации обеспечивают порядок, по которому люди могут понимать и интерпретировать свой материальный и социальный мир и могут стать действующими лицами в социальной жизни. Социальные репрезентации воплощают в себе и обозначают опыт реальности, которая, в свою очередь, определяет их границы, значимость и взаимоотношения. Таким образом, реальность непрерывна и стабильна. Неопределенность и разнообразие жизни сведены к минимуму, значение действий сделано недвусмысленным. Социальные репрезентации достигают этого, показывая, где искать следствия и как выбирать причины; показывая, чему нужно дать объяснение и что составляет объяснение; располагая событие в контексте системы связей с другими событиями.

Роль социальных репрезентаций в структурировании и координации коммуникаций и социальных интеракций вытекает из их символической природы и конструкции социальной реальности. Индивиды и группы общаются и взаимодействуют друг с другом с помощью общепринятых репрезентаций и общепринятого значения языка и действий. Язык является средством вербальной коммуникации, которое воплощает в себе общепринятое значение и содержание наших социальных репрезентаций. Похоже, социальные репрезентации наполняют наши действия и невербальное общение значением и смыслом.

С. S. Purkhardt подчёркивает, что мы должны помнить о происхождении социальных репрезентаций в коммуникациях и социальных интеракциях (1994, с. 10). Они развиваются, чтобы содействовать целям и интересам индивидов и групп, ориентированных на коммуникацию, понимание и контроль. Когда личности или группы разделяют одни и те же социальные репрезентации, действия понимаются таким же путем. Действие имеет ту же важность и значение как для актера, так и для зрителя. Социальные репрезентации как направляют социальные действия личности или группы, так и позволяют другим понять эти действия. Конечно, там, где социальные репрезентации не разделяются, к примеру, между представителями двух различных культур или конфликтующих групп, случается неверное истолкование действий.

Опять же мы сталкиваемся с дилеммой существования двустороннего влияния между социальными репрезентациями и социальным действием. С одной стороны, структура и содержание социальных репрезентаций определяют наши социальные действия. С другой стороны, коммуникация и социальные интеракции определяют наши социальные репрезентации. Необходимо развивать понимание социальных репрезентаций не только как феномена, но и как прогрессивного динамического процесса. В свою очередь, необходимо развивать понимание коммуникаций и социальных интеракций, идущих вне общения и межличностных связей.

Среди функций социальных репрезентаций следует отметить демаркацию и консолидацию групп. Взаимосвязь между социальными репрезентациями и социальными действиями имеет непосредственное отношение к нашему пониманию групп. Социальные репрезентации формируют мыслительную окружающую среду для коммуникаций и интеракций внутри групп и между ними. Они обеспечивают опору образам и идеям, не требующим доказательства и взаимно принятым объединенными индивидами. Общепринятые значения объектов и событий служат консолидации групп, обеспечивая общепринятую реальность, связи внутри которой сформированы другими людьми. Они также служат для демаркации групп друг от друга с помощью расхождений в значении, свойственных социальным репрезентациям. Иными словами, они идентифицируют группы, которые выражают их так же, как было представлено содержание. Более того, сами социальные репрезентации основываются в жизни групп, конструируются в соответствии с групповыми целями и интеракциями между социальными группами. Таким образом, они регулируют, предвосхищают и подтверждают социальные связи, установленные между группами.

Одной из функций социальных репрезентаций является направление социализации.

Путь, по которому социальные репрезентации формируют нашу социальную реальность, наиболее ясно виден на примере социализации детей. Дети взаимодействуют со своими родителями, которые «пропитаны» социальными репрезентациями, основанными на их детском и взрослом опыте, на их общении и социальных интеракциях. Родители взаимодействуют с детьми в рамках этих социальных репрезентаций, определяющих символическое значение различных типов детского поведения. Таким образом, именно символическое значение поведения интернализуются детьми. Они становятся составной частью личности и ее интеракций с другими людьми. Коммуникации посредством различных форм социальных интеракций и значение, которое они выражают, являются, таким образом, межличностными, прежде чем они интернализуются, чтобы стать внутриличностными. Таким образом, личность абсорбируется в общество и в коллективную мыслительную среду. Это относится как к социализации личности или группы, движущейся к новой окружающей среде, так и к социализации детей. Социальные репрезентации вводят личность в культурные традиции группы и групповые репрезентации используют личность, становясь частью ее индивидуальности.

Хотя ясно, что социальные репрезентации играют важную роль в демаркации и консолидации групп и в процессе социализации, эти аспекты теории нуждаются в значительном развитии. В частности, роль групп, личностей и процессов социализации в эволюции и трансформации социальных репрезентаций требует особого рассмотрения.

Среди функций социальных репрезентаций можно выделить их способность делать незнакомое знакомым. Ранее мы выяснили, что социальные репрезентации упорядочивают и стабилизируют нашу социальную реальность и как коммуникации и интеракции направляются и понимаются с их помощью. Объекты, личности и события воспринимаются и понимаются в связи с нашими социальными репрезентациями. Это справедливо как для тех событий, с которыми мы знакомы, так и для тех, которые кажутся нам незнакомыми.

Московичи характеризует неизвестное как нечто угрожающее из-за отсутствия последовательной связи с прошлым и бессмысленности по отношению к нашим нынешним репрезентациям (5, с. 30). Это может случиться, к примеру, когда условности исчезают, когда различия между абстрактным и конкретным становятся расплывчатыми или когда нетипичное поведение препятствует нормальным социальным интеракциям. Иными словами, если что-либо незнакомое не соответствует нашим ожиданиям, возникает чувство незавершенности или беспорядочности. Это может произойти, когда мы встречаем новую культуру или группу или когда мы имеем дело с новым объектом, событием или понятием. Мы осознаём незнакомые объекты, события или понятия лишь настолько, насколько они видимы, схожи и доступны, но они незнакомы и внушают недоверие настолько, насколько они невидимы, различны и недостижимы. Незнакомое беспокоит, угрожает и обращает на себя внимание тем, что разрушает наше ощущение стабильности и целостности и это также действует как барьер для взаимопонимания.

Незнакомое трансформируется в знакомое путем представления его в контексте связей и значений, входящих в наши социальные репрезентации. Форма и содержание социальных репрезентаций будут определять направление и средства,

с помощью которых группа принимает незнакомое. Это происходит в процессах социальных интеракций и коммуникаций: таким образом, незнакомое становится знакомым через использование его в вербальном общении и в конечном счёте в социальных интеракциях между членами группы. Таким путём его связь с принятой социальной репрезентацией становится определенной и стабильной: когда незнакомое получает значение и ценность, оно вступает в русло наших социальных связей и становится частью нашей социальной реальности.

Интересный пример приводит Московичи в его исследовании понимания психоанализа рядовыми французами на уровне здравого смысла или обыденного сознания. В рамках наших социальных репрезентаций о медицине и медицинской помощи психотерапевт не соответствует нашим представлениям и выступает как незнакомое. Он не выписывает нам лекарств и не говорит, что нам делать, как обычный врач. Скорее, от пациента ожидается активная роль в разговоре и вообще во всем терапевтическом лечении. По существу, психотерапевт является незнакомым. Конечно, некоторые люди, как, например, католики, сравнивают психотерапию с исповедальней и психоаналитика со священником. В этом случае психотерапевт обычен и знаком. Незнакомое становится значительным и важным в нашей социальной реальности и наших связях с другими.

Несмотря на тот факт, что «незнакомое» играет существенную роль в динамике социальных репрезентаций, еще не ясно, как мы должны понимать или определять незнакомое в теоретических рамках. Социальные репрезентации – составные части нашей реальности и трудно увидеть, как незнакомое может находиться вне этой реальности. Более того, несмотря на то что мы говорим, что незнакомое ассимилируется в наши социальные реальности и становится знакомым, нам предстоит выяснить, как это влияет на структуру связей и содержание социальных репрезентаций. Это существенные аспекты для понимания эволюции и трансформации социальных репрезентаций.

Процессы социальных репрезентаций. Среди процессов социальных репрезентаций можно выделить якорение и объективфикацию.

Якорение – это процесс, посредством которого все материальные и социальные объекты и все события и действия располагаются в пределах наших социальных репрезентаций. Истинная сущность социальной реальности свидетельствует, что не может быть значимых понятий или идей, которые не укоренены в наши социальные репрезентации. Более того, якорение – процесс, с помощью которого незнакомые объекты и события вступают в нашу социальную реальность, делая их значимыми и важными в наших социальных связях. Этот процесс лежит в основе динамической природы социальных репрезентаций, сразу трансформируя новую интегрированную идею или понятие, а также одновременно содержание и структуру социальных репрезентаций.

Процесс якорения включает два неразрывно связанные подпроцесса: *классификацию* и *называние*. Объекты, не входящие ни в какую категорию и не имеющие наименования, остаются для нас незначимыми и непередаваемыми, несмотря на то, что мы осознаем их. Их нельзя описать ни самому себе, ни другим; их нельзя оценить. Следовательно, они не могут вступить в наш разговор или играть важную

роль в наших интеракциях. В таком случае они не являются частью нашей реальности. Незнакомое становится знакомым путем классификации и названия объектов в контексте преобладающих социальных репрезентаций, его идентификация определяет его значение или важность в связи с общепринятым значением материальных и социальных объектов или событий.

Классификация включает сравнение незнакомого объекта с прототипами, представляющими данный класс. Это происходит одним из двух путей: генерализации или партикуляризации. Если мы хотим придать особое значение схожести или типичности объектов, мы должны генерализовать рассматриваемый объект и игнорировать различия между неизвестным объектом и прототипом. Если мы хотим подчеркнуть различия или аномальность, мы должны партикуляризовать характеристики незнакомого объекта. Это будет зависеть не только от схожести и различия самих по себе, но и от целей группы и ценностей, ассоциируемых с социальными репрезентациями, и от рассматриваемого объекта или события.

Те черты, которые соответствуют прототипам, приобретут особое значение, будучи классифицированными. Это даёт преимущество конвенциональным чертам прототипов, входящим в наши социальные репрезентации. Доминирует именно социальная репрезентация, а не сам объект. Это отражает символическую природу социальных репрезентаций, благодаря которой реакция предшествует стимулу: мы не познаем объект, а скорее признаём его. Таким образом, классификация чего-либо есть одновременно ограничение. Предписывающая сила классификации обуславливает систему правил поведения и действий, допустимых как в отношении людей, так и в отношении материальных объектов. Посредством интеракций недавно классифицированная личность или объект будут трансформированы, ограничиваясь значением или субъективной значимостью, навязанными социальными репрезентациями.

Единой классифицированный, объект одновременно называется. Это предусматривает не только обозначение, которое может быть прикреплено объекту, но также определяет систему связей с другими объектами и событиями в соответствии со связями данного наименования в сравнении с другими лингвистическими категориями. Наименование помещает объект в комплексную систему взаимосвязанных слов; это предоставляет возможность его идентификации по мере достижения согласования. Называние воздействует на объект, обуславливая три последствия: во-первых, получив название, объект может быть описан и приобретает характеристики в соответствии со связями, существующими у наименования с другими словами; во-вторых, названный объект становится отличным от других объектов с помощью его определенных характеристик и тенденций; в-третьих, объект становится конвенциональным для тех, кто присваивает и употребляет то же наименование.

Эти процессы происходят не в умах индивидов, репрезентации не создаются индивидами в изоляции. Скорее, именно в общественной деятельности индивиды и группы создают репрезентации в ходе общения и интеракций с соответствующими объектами или событиями. Таким образом, неизвестный феномен учреждается в наших социальных репрезентациях и вступает в нашу социальную реальность.

Объектификация – процесс, с помощью которого абстрактные понятия, свойства или взаимосвязи трансформируются и замещаются конкретными образами или предметами. По Московичи, мы «постоянно вынуждены» придавать абстрактным понятиям эквивалентное конкретное значение. С помощью процесса объектификации мы создаем социальные объекты, и мы объективируем абстрактные понятия, забывая что они – продукт наших собственных действий. Мы понимаем, что они наши собственные создания, но объект становится чем-то не только в нашем воображении, но и в действительности. Таким образом, объектификация или десубъектификация – активный и творческий процесс, с помощью которого социальные представления преобразованы так, что незнакомое в одном поколении становится знакомым и естественным в следующем.

Не все понятия могут объективироваться. Имеются ограничения для нашего воображения, обусловленные предписывающим характером социальных представлений и табу, которые они влекут за собой. Объектификация происходит с теми понятиями, которые сливаются с комплексом образов или «фигуративных ядер» социального представления, например понятия, свойственные психоанализу, такие, как сознательное и бессознательное, объединены с нашими социальными представлениями тела. Процессы мышления преобразованы в органы психической системы. Таким образом, психологическое объединяется и ассимилируется в биологическое и понятия «сознательное» и «бессознательное» ассимилируются в биологическое, а понятия «бессознательное» и «сознательное» преобразованы в объекты.

Раз имеет место трансфигурация или натурализация от понятия к образу, образ и реальность неразличимы. Образ не имеет больше статуса символа, но становится частью нашей символической реальности. Он приобретает почти физическое, независимое существование, которое воспринимается как часть мира и имеет действительную силу. Этот процесс очевиден в трансформациях языка. Глаголы, наречия и прилагательные, относящиеся к связям или процессам, быстро трансформируются в существительные. То, что однажды было понятием, трансформируется в объект. Эти существительные не только представляют предметы, но и создают их, облекая их не только значением или важностью, но и всей силой физической реальности.

Таким образом, якорение делает незнакомое значимым, а объектификация трансформирует непостижимое во что-то реальное. Конечно, эти два процесса в отдельности не обеспечивают достаточного понимания трансформации социальных репрезентаций. Во-первых, необходимо описать обратные процессы, с помощью которых известные объекты или события становятся неизвестными и как физические объекты наполняются абстрактными качествами. Во-вторых, мы должны особо выделить не только процессы ассимиляции, посредством которой незнакомое помещается в пределах наших социальных репрезентаций и становится реальным, но также процессы аккомодации, с помощью которой конвенциональные и предписывающие социальные репрезентации сами трансформируются

Социальные репрезентации ранжируются от доминирующих структур, разделяемых обществом или нацией, до дифференцированных структур знаний, раз-

деляемых группами и подгруппами. Первые высоко принудительны и прескриптивны через продолжающуюся историческую репродукцию. Доминирующие репрезентации более сложно локализуемы в современных индустриальных обществах, создающих индивидуалистическую иллюзию личности как центра познания и действий.

Роль социальных репрезентаций заключается в конвенцианизации объектов, локализации их в знакомом категориальном контексте.

Глоссарий

Категоризация – психический процесс отнесения единичного объекта, события, переживания к некоторому классу, в качестве которого могут выступить вербальные и невербальные значения, символы, сенсорные и перцептивные эталоны, социальные стереотипы, стереотипы поведения и т. п. В более популярном значении – это расчленение информационного потока, поступающего от внешнего и внутреннего мира на дискретные, относительно стабильные и значимые единицы, осуществляемое посредством языка. Категоризация позволяет ориентироваться в происходящем, наделяя объекты определенными значениями и позволяя ориентироваться в них.

Объектификация – процесс, с помощью которого абстрактные понятия, свойства или взаимосвязи трансформируются и замещаются конкретными образами или предметами.

Социальные репрезентации – «когнитивные системы, обладающие собственной логикой и языком. Они являются не просто «представлениями о чем-либо», «образами чего-либо» или «аттитудами в отношении чего-либо», а «теориями» или «областями знаний» со своими собственными правами для открытия и организации реальности» (Moscovici). В более популярном понимании социальные репрезентации представляют собой индивидуализированные адаптации нового знания к собственному опыту с позиции здравого смысла, предполагающего нахождение субъективно «понятной» аналогии с чем-либо знакомым и объясняемым.

Стереотип – ряд широко распространенных обобщений о психологических характеристиках группы или класса людей. Стереотип чаще относится к социально-психологическим характеристикам аутгруппы («не наших») и, как правило, носит негативную направленность, подчеркивая недостатки ее членов в их противопоставлении собственным «достоинствам».

Стереотипизация – форма реализации представлений, зафиксированных в стереотипе, для категоризации или классификации социальных объектов.

Схемы когнитивные – ряд взаимосвязанных мыслей, представлений, аттитудов, предоставляющих возможность быстрого распознавания объектов при наличии ограниченных информационных ресурсов. В наиболее общем виде они

представляют собой некоторые, основанные на индивидуальном опыте обобщенные представления в отношении объектов и ситуаций, применяемые к их быстрой оценке и прогнозированию возможного развития отношений, организуют репрезентации людей в отношении конкретных аспектов их окружения, создавая основания для ориентации и избрания оптимальной стратегии обращения.

Эвристики – основанные на имеющемся опыте предположения, предвосхищения или прогнозы наличия у новых объектов определенных свойств и качеств, а у событий -- тенденций развития. Эвристики, строящиеся на индивидуальном и совокупном опыте, позволяют предвосхищать возможное развитие событий и предварительно подготавливаться к реагированию на него.

Якорение – процесс, посредством которого все материальные и социальные объекты и все события и действия располагаются в пределах наших социальных репрезентаций.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие информационно-процессуального подхода к изучению социально-познавательной активности человека?
2. Можно ли описать и объяснить социально-познавательную активность как процесс переработки информации?
3. Как соотносится процесс категоризации с понятийной культурой человека?
4. Какова связь категоризации и своеобразия представлений об окружающем мире?
5. В чем заключается своеобразие подхода с позиции социальных репрезентаций к описанию и объяснению социально-познавательной активности человека?
6. Каковы основные тенденции развития современного информационно-процессуального подхода в социальной психологии?

Темы для размышлений

1. Можно ли говорить о познании себя и окружающего мира как о процессе переработки информации о них?
2. Охарактеризуйте основные единицы социально-познавательной активности, акцентируя внимание на их отличиях и взаимодополняемости.
3. Есть ли связь между культурным уровнем человека и представленностью объектов окружающего мира в сознании, в чем она выражается?
4. Приведите примеры использования когнитивных схем в собственной познавательной практике.

5. Постарайтесь вычленить наиболее характерные черты известных вам групп национальных меньшинств. Проанализируйте, какие черты преобладают в сделанных вами описаниях.
6. Проанализируйте процесс обретения вами нового знания. в чем именно проявляется социальное репрезентирование в нем?

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. – М.: Аспект-Пресс, 1997.
2. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997.
3. Пайнс А., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб, Издательство «Питер», 2000.
4. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
5. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб: Речь, 2000.
6. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. – Мн.: Бестпринт, 2000.

Основной источник

Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

ЧАСТЬ VII.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ ЛЮДЬМИ ДРУГ ДРУГА

Формирование впечатления о личности другого человека

Процесс формирования впечатления в глазах других людей о самом себе является одной из самых привлекательных областей изучения не только для ученых, но и для практики повседневной жизни. Одним из самых мучительных вопросов, которые многие задают себе, является вопрос – Как меня воспринимают другие люди? В зависимости от адекватности найденных ответов часто определяется характер развития взаимоотношений. Неадекватность приводит к иллюзиям, комплекс невзрачности – к трагедиям. Сложность ситуации связана еще и с тем, что у нас слишком мало возможностей получения адекватной информации о самих себе. Человек, положительно относящийся к нам, будет давать либо положительные оценки, либо не решаться донести «горькую правду». Человек, ненавидящий нас, будет воспринимать нас сквозь «темные очки». Это и создает основание для повышенного внимания к данному аспекту межличностных отношений

Формирование впечатления является основным компонентом социальной перцепции и представляет собой процесс формирования оценочных и описательных решений об анализируемом человеке. Большинство исследований связано с выявлением особенностей первого впечатления. Менее изученным является процесс последующего развития и уточнения впечатления по мере накопления опыта межличностного взаимодействия, влияния на него социальных ролей, стереотипов и т. п. В большинстве своем изучается влияние когнитивных и аффективных детерминант на интерпретацию внешности и поведения.

В структуралистских подходах к формированию впечатления отражается линейная комбинация различных моделей, обобщающих различные элементы информации, поступающей об индивиде. Для этого подхода характерна приверженность гештальтистской модели, утверждающей, что отдельные черты составляют единую

целостность, не сводимую к простой сумме составляющих ее частей. Каждая отдельная черта оказывает влияние на значение всех других. Именно последнее и определяет рассмотрение черт лишь как частично влияющих на построение общего впечатления.

В последние годы приоритет в исследованиях процесса формирования впечатления отдается схематическому подходу, согласно которому человек при формировании впечатления о другом чаще использует уже готовые схемы личности. Они представляют ситуационно привязанные имплицитные теории личности, основанные на предшествующем опыте подобного рода оценок, как данного конкретного человека, так и подходящих образцов. Исследования глазодвигательной активности показывают, что первоначально воспринимаемый человек исследуется по контуру с целью создания максимально общих идентификаторов. Затем осуществляется поиск подобных ему идентификаторов или схем в опыте. Если пригодных по степени сходства образец находится, процесс последующего изучения сворачивается. Именно влиянием наличных схем и объясняются многочисленные искажения и ошибки сформировавшегося впечатления. В данном случае выбор человека весьма ограничен. Не имея возможности получения полностью адекватной информации о внутреннем мире воспринимаемого, к тому же имея ограниченный объем информации о предшествующей истории наблюдаемого, интерпретирующий вынужден полагаться на аналогии, схемы, эвристики, стереотипы. Ограниченность информационных ресурсов дополняется обусловленным ею проецированием интерпретирующим своих собственных особенностей личности на интерпретируемого, и освобождение от данного своеобразного трансферта сопряжено со значительными сложностями.

S. T. Fiske и S. L. Neuberg (1990) предложили модель континуума, отталкивающуюся от конструктивистских процессов, в которых впечатление выводится из предсуществующих понятий и теорий об отдельных типах людей, и переходящую к структуралистским процессам, в которых впечатление формируется из некоторой линейной комбинации существенных атрибутов человека. В соответствии с этой моделью конструктивистские процессы являются наиболее общими, в то время как структуралистские процессы вовлекаются лишь в тех случаях, когда объект интерпретации особенно значим для воспринимающего и у него нет в наличии подходящей модели или набора атрибутов для первоначальной категоризации.

Неразрывное единство личности интерпретатора и атрибутов интерпретируемого является основоположением и экологической модели L. Z. McArthur и R. Baron (1983). В соответствии с этой моделью воспринимающий формирует впечатление об объекте восприятия на основе своеобразных предвосхищений, предоставляющих возможность действий в соответствии с преследуемой целью. Характер подобных предвосхищений, или эвристик, зависит не только от структурирования информации о воспринимаемом объекте, но и от настроенности самого воспринимающего. Иными словами, настроенность проявляется в том, что человек видит то, что хочет видеть или настроен видеть. Эта настроенность воспринимающего, в

свою очередь, зависит от социального фокуса воспринимающего, его перцептивных умений и предпринимаемых действий.

Подтверждением правомерности предложенных моделей является то, что характер и особенности впечатления определяются состояниями сознания воспринимающего. В частности, *эффект первого впечатления* или первичности, основывается на том, что первое впечатление о человеке отражает наиболее субъективно приемлемые и активированные характеристики воспринимающегося. Причем своеобразие сформировавшегося впечатления определяется предпочитаемыми интерпретативными дескрипторами. Наиболее часто используемые воспринимающим дескрипторы, личностные конструкты оказывают, безусловно, заметное влияние. Эти конструкты и дескрипторы уже в процессе обработки поступающей информации как бы маркируют отдельные ее элементы и нивелируют другие.

Не менее существенное влияние на формирование впечатления оказывают и схемы самости. В различного рода исследованиях и в собственной эмпирике имеется достаточно много подтверждений влияния собственного образа на интерпретацию образа других людей. Например, часто в образе другого человека фиксируются характеристики, противоположные собственным, а также осуществляется проецирование собственных качеств на него. В данном случае реализуются и такие защитные механизмы, как проекция и рационализация. В первом случае человек проецирует собственные качества на другого в целях оправдания сформировавшегося отношения, во втором случае – «достраивает» образ другого до «желаемого» из материала, который взят «с потолка». Отмеченные особенности формирования впечатления известны как *эффект ожидания*.

Определенное влияние может оказывать и *эффект контраста*. В случае если поведение не противоречит ожидаемому, происходит своеобразная ассимиляция впечатления, когда же оно находится в явном противоречии с ожидаемым, происходит смена ориентаций в оценке на противоположные. Например, на фоне более интеллектуально развитых людей мы можем выглядеть не очень выразительно. Нахождение в неблагоприятных условиях может приводить к переоценке преимуществ более благоприятных и т. п.

Активная роль самого интерпретирующего наиболее полно описывается присущими ему эвристиками, позволяющими существенно упростить процесс формирования впечатления и сформировать ориентиры даже при отсутствии достаточной информации. В частности, особая роль принадлежит доступным эвристикам, в которых представлена наиболее легко припоминаемая и актуализируемая информация, основанная на прошлом опыте оценок. Если же доступные эвристики сочетаются с эвристиками репрезентативности, то их влияние еще более возрастает.

Существенное влияние на впечатление оказывает и эмоциональное отношение, и состояние, испытываемое воспринимающим. В данном случае речь идет о сигнальной функции эмоций, позволяющей ориентироваться в окружающем.

Управление впечатлением о личности

В процессе межличностного взаимодействия существенная роль принадлежит управлению впечатлением, под которым понимается целенаправленная активность по контролю и регулированию информации в целях создания соответствующего образа (Manstead, Hewstone, 1996, с. 314). В процессе управления впечатлением люди стремятся построить в сознании других людей определенные представления о себе и других (например, о друзьях и врагах), объектах (о работе, жилье) или событиях. В случае если совершается попытка контролирования собственного образа в глазах других людей, речь идет о самопрезентации.

Самопрезентация в управлении впечатлением о личности

Под самопрезентацией понимается процесс осознаваемого или неосознаваемого, целенаправленного или стихийного предъявления определенных аспектов собственной самости окружающим, осуществляемый при взаимодействии между людьми. Самопрезентация выступает в качестве субкатегории управления впечатлением, связанным с более широким процессом контроля и регулирования информации, поступающей о других людях, об объектах и о событиях (Manstead and Hewstone, 1996, с. 519).

Категория управления впечатлением имеет довольно длительную историю изучения. Исходно при рассмотрении данного вопроса использовалась аналогия между социальной жизнью и театром. Наиболее точно она отражена Шекспиром в его известной цитате: «Весь мир театр и мужчины и женщины просто актеры». Само психологическое понятие формирования впечатления также имеет драматургическое происхождение. Латинское слово «персона» обозначало маску, надеваемую актером в театре, роль – деревянный барабан с отрывками, которые декларировал актер в театре, аттитюд – отношения и чувства, демонстрируемые актером на театральной сцене.

Первое систематизированное социально-психологическое рассмотрение вопроса управлением впечатлением связано с работами И. Гоффмана (Goffman) и особенно с его известнейшей книгой «Презентация самости в повседневной жизни», отрывки из которой опубликованы на русском языке под названием «Представление себя другим» (1984). Введя концепцию социальной драматургии, Гоффман описывал межличностное поведение как спектакль, в котором заняты актеры. Используя терминологию драматургии, он попытался вскрыть специфику межличностного взаимодействия, зафиксировав факт особой роли в нем презентуемого Я. Гоффман впервые поставил вопрос о существовании в рамках одного и того же человека как бы двух Я – Я для себя и Я – для других, подчиненных целям, преследуемым во взаимодействии. При анализе интеракционистского подхода к структуре человеческой самости уже была представлена логика его рассуждений, приводящая к заключению о существовании еще и третьего Я – «чистого», или «необработанного». В подходе Гоффмана фиксируется внимание на очень важных аспектах меж-

личностного взаимодействия в контексте управления впечатлением – целенаправленность предъявления образа, осознание человеком собственной неаутентичности в самопредъявлении. И не смотря на критику социально-драматургических построений, связанную с гипертрофированием влияния социальных ролей и правил, а также с манипулятивной природой, идеи Goffman послужили фундаментом для огромного спектра открытий в данной проблемной области.

Своеобразный ренессанс исследований в области управления впечатлением начинается в 1980-е годы, когда публикуется много блестящих работ по этому фундаментальному межличностному процессу (Leary, Kowalsky, 1990; Schlenker, Weigold, 1992 и др.). В рамках различных подходов к проблеме управления впечатлением сегодня можно говорить о наличии достаточно выраженного единства взглядов на его рассмотрении, как стратегического процесса коммуникации, связанного с созданием у аудитории преследуемого образа. Причем характерно рассмотрение этого процесса именно как взаимодействия, включающего особенности обеих участвующих сторон. Преднамеренный или непреднамеренный контроль за информацией о себе самом, аудитории и поведении лежит в сердцевине межличностных отношений. В то же время можно констатировать, что в рамках данной проблемной области на сегодняшний день нет какой-либо общеразделяемой теоретической конструкции, поэтому чаще речь идет скорее о теоретическом подходе, нежели о конкретной теории.

Исследования в области управления впечатлением проводятся по двум направлениям. В рамках первого осуществляется развитие старой, интрапсихической традиции к рассмотрению социально-психологической проблематики посредством добавления новых интерпретаций и описаний. Это относится к переосмыслению феномена когнитивного диссонанса, изменению аттитюдов, реактивности, социальной фасилитации, групповой поляризации, агрессивному поведению и т. п. В рамках второго направления осуществляется развитие исследований как самостоятельной проблемной области со своим концептуальным аппаратом. Для этого направления характерно давление социально-когнитивного подхода в аспекте его рассмотрения процесса социального познания.

Анализ управления впечатлением основывается на общей идее о том, что люди пытаются контролировать информацию в целях ее приспособления к специфическим особенностям аудитории во имя решения поставленных задач. Эта тенденция рассматривается как фундаментальная характеристика социального поведения. В этом контексте управление впечатлением становится объектом не только социальной психологии, но и психологии личности, социализации, консультирования, воспитания и т. п.

В рамках осуществляемых исследований предпринимаются попытки нахождения ответов на следующие ключевые вопросы:

1. Почему люди включаются в процесс управления впечатлением?
2. Какой образ самости люди пытаются сконструировать и сохранить?
3. Как они приходят к заключению о необходимости предъявления данного образа?
4. Какова роль аудитории в процессе управления впечатлением?
5. Является ли управление впечатлением искренним или показателям двуличности человека?

6. Каковы индивидуальные различия в управлении впечатлением? (Manstead and Hewstone, 1996, с. 315-316).

На первый вопрос ответ был дан еще Гофманом, подчеркивавшим мотивационный аспект управления впечатлением. Он рассматривал управление впечатлением как средство получения социального одобрения и достижения жизненно значимых социальных целей. Для продуктивного взаимодействия люди должны уметь определять ситуацию и исполняемые роли. Управление впечатлением является необходимой функцией коммуникации окружающим людям определенных идентичностей и планов взаимодействия. Как только желаемая идентичность установлена, каждый из участников взаимодействия возлагает на себя моральные обязательства вести себя в соответствии с избранной идентичностью (правило самоуважения: сохранение собственного лица) и одновременно принятия идентичности, определенной другими участниками взаимодействия (правило тактичности: сохранение лица другого). Таким образом, управление впечатлением позволяет участникам определиться друг в друге и наладить скоординированное и эффективное взаимодействие.

Более частные ответы на вопрос почему люди вовлекаются в процесс управления впечатлением? вытекают из анализа их функций в социальной жизни. Прежде всего оно выполняет инструментальную функцию, позволяя достигать необходимых социальных целей и добиваться материальных результатов, включая одобрение, уважение, заработки, продвижение по работе и т. п. Достаточно очевидно, что успехи в социальной и профессиональной самоактуализации во многом связаны со способностями к управлению впечатлением. Управление впечатлением является также средством удовлетворения потребности во власти и контроле над окружением.

Большинство исследований по управлению впечатлением концентрируются на таком его аспекте, как самопрезентация. С последней и связан вопрос какие именно образы люди стремятся сформировать в глазах окружающих? Первые исследования исходили из посылки, что люди стремятся сконструировать социально одобряемые образы. В них представлена довольно характерная для социальной психологии тенденция оперирования идеальными категориями и моделями. Эти идеальные модели тем не менее часто не стыкуются с житейской эмпирией, как не стыкуются с последней и уже обсуждавшиеся ранее модели рационального человека, когнитивного скупца и т.п.

В исследованиях последних лет признается факт существования различных образов и тактик эффективной самопрезентации (Jones, Pittman, 1982; Schlenker, 1980). В частности, выделяются тактика запугивания, предполагающая презентацию себя как властного, иррационального в целях устрашения аудитории; тактика мольбы, предполагающая презентирование себя как слабого и беззащитного в целях вызывания сочувствия со стороны аудитории; тактика образцовости, предполагающая презентацию себя, как морально выдержанного в целях вызывания у аудитории чувства стыда за свои грехи; тактика «биения себя в грудь», предполагающая презентирование собственных достоинств в целях вызывания уважительного отношения к себе; тактика вкрадчивого обращения, предполагающая презентирование

вызывающего симпатию у окружающих образа и т. д. Часто такие тактики носят чисто манипулятивный характер и принимают формы различных игр, блестяще описанных Э. Берном (1992). Основной целью данных тактик является контроль над поведением других людей. Исследования показывают, что люди отнюдь не всегда стремятся к позитивному презентированию. Предъявляемый образ в большинстве случаев подчинен искомой цели и наиболее продуктивный путь ее достижения определяет специфическое содержание презентации.

Обычно выделяют ряд детерминант презентирования: степень полезности конкретной самопрезентации для достижения цели и правдоподобность самопрезентации. Самопрезентация рассматривается как более полезная, если она более значима для идентичности презентирующего, т. е. содержит значимые компоненты Я-концепции, или максимально способствует достижению значимой цели. Безусловно, самопрезентация не обладает свободой воли, так как адресована социальному окружению и косвенно подчинена ролевым требованиям, невыполнение которых сопряжено с возможностью применения санкций. В. R. Schlenker и М. F. Weingold (1992) выделяют следующие факторы, определяющие своеобразие самопрезентации:

- ее полезность для презентирующего (т. е. субъективная значимость ее тем выше, чем выше оценка результата со стороны значимого окружения);
- правдоподобность предъявляемого образа (т. е. наличие уверенности, что у аудитории не будет оснований для сомнений в искренности).

Вопрос как люди конструируют и сохраняют предъявляемые образы самости, так же является существенным аспектом анализа области управления впечатлением. Исследователи различают преднамеренную и непреднамеренную самопрезентацию. Преднамеренное презентирование является более контролируемым, непреднамеренное – более спонтанным. Сложность контроля и того и другого сопряжена прежде всего со способностью самомониторинга, т.е. эффективности обратной связи.

Теория самомониторинга Снайдера

Теория самомониторинга была разработана М. Snyder (1987), исходя из явных индивидуальных различий у людей в степени мониторинга (т. е. текущего самонаблюдения и контроля) за собственной самопрезентацией: лица с высоким уровнем самомониторинга характеризуются высоким соответствием между желаемым и реальным самопрезентированием. Это достигается за счет обладания способностью рефлексирования своего внешнего облика, а также способности фиксировать рассогласования по реакциям аудитории. Другой отличительной особенностью данного типа людей является гибкость и трансформируемость в зависимости от изменений обстоятельств. В данном случае можно провести некоторую аналогию с хамелеоном, выражающуюся в наличии способности к высокой приспособляемости к обстоятельствам. Несомненным является и то, что для данного типа людей характерен и высокий уровень непредсказуемости в поведении со стороны

окружающих. Лица с низким уровнем самомониторинга в этом контексте отличаются большей естественностью и предсказуемостью, так как в их презентировании отражаются их действительно устойчивые диспозиции.

Исследования особенностей самомониторинга проводятся с помощью шкал самомониторинга, наиболее известными из которых являются 25-пунктная и 18-пунктная шкалы М. Snyder (1974; Snyder и Gangestad, 1986).

Эмпирические исследования в области самомониторинга охватывают широкий спектр вопросов: соотношение самомониторинга и экспрессивного контроля, социальной перцепции, соответствия самооценки и внешней оценки, влияния межличностных ожиданий, зависимости от особенностей ситуации и социальных ролей и т. п.

Теория самоверификации Свана

Процесс самомониторинга тесно переплетен с самоверификацией, под которой понимается стратегия самопрезентирования, направленная на установление обратной связи с окружающими людьми в целях уточнения адекватности Я-концепции. Согласно W. B. Swann (1984; 1987), люди мотивированы на поддержание самосоответствия представлений о самих себе. Процесс самоверификации включается в случае появления сомнений в адекватности этих представлений о субъективно значимых аспектах собственного образа. Само-верификация включает различные формы: избирательное отношение к подтверждающей информации; избирательные отношения с людьми, подтверждающими адекватность Я-концепции; поведение, направленное на подтверждение или опровержение адекватности Я-концепции; обратная связь с другими людьми. В случае неспособности опровержения информации о неадекватности Я-концепции осуществляется ее постепенное уточнение, достигаемое за счет постоянной корректировки во взаимодействии со значимыми другими. Потребность в самоверификации обусловлена необходимостью обеспечения адекватности во взаимоотношениях с окружающими людьми, а также в развитии представлений о самих себе.

Несмотря на представленные механизмы самомониторинга и самоверификации, процесс управления впечатлением в целом, как и процесс самопрезентации в частности, характеризуется наличием больших искажающих влияний, связанных прежде всего с предубеждениями. Анализируя аспект защищающейся самости, я уже отмечал определенную конструктивную роль предубеждений, связанную с обеспечением временной устойчивости системы представлений человека о самом себе, как необходимой предпосылки или основания прогнозирования и контроля происходящего. Эта инерционность образа самого себя, представленная в самопрезентации, также поддерживается посредством механики психологической защиты и тенденций поддержания самоудовлетворенности. Поддержание стабильности образа Я как условия управления впечатлением обеспечивается и особенностями атрибутирования, уже анализировавшимися выше. Общая логика атрибутирования направлена на сохранение позитивного самоотношения. В частности позиционная дифференцированность в аспекте достижений, описанная Джонсом и Дэвисом, фиксирует присущую людям тенденцию возложения ответственности за собственные неудачи на окружающие обстоятельства (1965).

Фиксация возможных расхождений презентруемого Я с реакциями окружающих может переинтерпретироваться посредством дискредитации ролевых предписаний, снижения субъективной значимости взятых обязательств, обособления и т. п., направленных на трансформацию сформированного негативного впечатления на позитивное (например, я наказал его для его же пользы, и он мне в будущем будет еще благодарен). В то же время в подобной апологетике реализовавшегося образа присутствует и факт осознания собственной неискренности, способствующий переоценке совершенных действий, осознания необходимости следования взятым обязательствам, вывода о необходимости коррекции будущего поведения. Продуктивность реализации данной самоподдерживающей стратегии в самопрезентации имеет, конечно, ряд индивидуальных различий, связанных со способностями человека манипулировать собственным сознанием, идентифицироваться с принятой социальной ролью, адекватностью в самооценке и многим другим.

Социально-психологические детерминанты процесса управления впечатлением о личности

Для процесса управления впечатлением существенную роль играет аудитория, относительно которой осуществляется акт самопрезентации. По определению, управление впечатлением предполагает формирование у окружения определенного образа самого себя. Чем более значима и авторитетна аудитория, тем сильнее ее влияние. В последние годы начал тщательно изучаться и аспект влияния воображаемой аудитории. В частности, акт самопрезентации в отдельных случаях является спектаклем для самого себя, в котором человек выступает и зрителем, и экспертом. Этот театр «одного актера» часто сопряжен с риском потери адекватности во взаимоотношениях с другими людьми, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Еще одним не менее значимым вопросом является этический аспект управления впечатлением. Что представляет собой самопрезентация – акт искреннего предъявления себя или демонстрацию двуличной природы? Исходя из того, что управление впечатлением всегда предполагает контроль реакции аудитории, можно говорить о его целеподчиненной природе. Искус отождествления самопрезентации с двуличностью сегодня преодолевается посредством констатации своеобразного континуума искренности и двуличия. И, действительно, анализируя процесс самопрезентирования, постоянно фиксируется их временное чередование с преобладанием того или другого. Опять-таки имеет место детерминированность управления впечатлением индивидуальными особенностями участников, ситуацией взаимодействия, преследуемыми целями, особенностями аудитории и т. д. Причем в данном случае часто не идет и речи о какой-либо последовательности в искренности или манипулятивности самопрезентирования. Человек может достаточно легко менять одно на другое. Поэтому вопрос об определении некой индивидуальной стилистики самопредъявления весьма проблематичен. Например, студент в силу объективных обстоятельств, связанных с недостаточностью подготовки, может превращаться в актера, пытающегося сыграть «роль без вины виноватого».

того» в преддверии экзамена с единственной целью – облегчить свою участь на экзамене. Более того, по мере «вхождения в роль» он может искренне верить в то, что исполняемое соответствует действительности, и совершенно не рефлексировать того обстоятельства, что его «игра» «видна» заинтересованному зрителю (преподавателю). После завершения спектакля студент может превратиться в искреннего в плоскости самопрезентации человека, хотя в случае неудачи спектакля в целях самозащиты будет предпринимать инерционные попытки дискредитации публики. Обвинять его в двуличной природе вряд ли будет обоснованным.

Для того чтобы сформировать в глазах другого человека достаточно полный и искренний образ себя человеку надо предоставить слишком много информации о различных аспектах своего внутреннего мира. К тому же здесь не последнюю роль играет и встречная избирательная активность интерпретирующей аудитории, достраивающей предьявляемый образ до некой временно логически завершенной конструкции. Так как наличная информация ограничена, то процесс достраивания может приобретать самые разнообразные, в том числе и совершенно не соответствующие действительности, формы. Исследования показывают, что наиболее успешны в реализации преследуемых в самопрезентировании целей люди, обладающие способностью прогнозировать оценочную активность аудитории и «продавать ей то, что она хочет купить». Другое дело, что это может создавать много оснований для манипулятивности. Этический контекст также не столь легко интерпретируем. Можно конечно, обвинять человека, демонстрирующего тебе свое дружелюбие в лицемерии и т. п., но одновременно можно говорить и о его культуре самопрезентации – ведь вам то лично приятно подобное внимание к вашей персоне?

Проблема аутентичного и неаутентичного в управлении впечатлением не является однозначной. Аутентичное и неаутентичное в самопрезентации взаимосвязано и взаимозависимо. Аутентичное в Я-концепции определяет то, что предьявляется другим. Как правило, человек демонстрирует те аспекты своего Я, которые субъективно расцениваются им как значимые. В то же время, презентуемое подчинено целям взаимодействия и специфике аудитории, что, в свою очередь, влияет на аутентичность.

В своей теории самопрезентации и самоверификации Сван описывает процесс уточнения человеком представлений о себе самом как предьявление определенных аспектов собственного Я с антиципированием соответствующей реакции со стороны аудитории. Если реальная и прогнозируемая реакции не совпадают, происходит коррекция в самопрезентации и так продолжается до момента обретения устраивающего состояния. В то же время реакция со стороны аудитории на презентуемое может приводить к интериоризации в аутентичное, исходно воспринимаемое как неаутентичное. Человек начинает верить в то, что его Я имеет именно такое своеобразие, которое подтверждается значимыми другими. Исследования показывают, что люди изменяют представления о самих себе и самооценки посредством приведения их в соответствие с предшествующей стратегической самопрезентацией. Причем влияние верификации и мониторинга на образ Я тем выше, чем репрезентативнее с точки зрения человека аудитория.

Эта взаимозависимость процесса формирования впечатления от собственного образа Я и аудитории, так же как и возможность целенаправленного форми-

рования стратегического впечатления с прогнозируемым эффектом, послужила основанием для развития широкой области социально-психологических исследований возможностей, механизмов и путей формирования позитивного впечатления, получившей название межличностной аттракции.

Межличностная аттракция и детерминирующие ее факторы.

Теоретические подходы к феномену межличностной аттракции

В широком смысле под межличностной аттракцией понимается формирование в процессе восприятия людьми друг друга положительного эмоционального отношения друг к другу. Плоскость исследования факторов межличностной аттракции начала разрабатываться в 1930-е годы с анализа таких вопросов, как кто кого привлекает и почему. Особое влияние на развитие исследований оказали Морено (Moreno) и Т. М. Newcomb. В эти же годы выходит популярнейший бестселлер Д. Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», выдержавший пятьдесят переизданий в США и ставший таким же бестселлером в 1980-е годы в нашей стране. Адаптация рекомендаций Карнеги к практике межличностного взаимодействия получила отражение и в отечественной психологической литературе (Гозман, 1987; Панасюк, 1990 и др.).

Внимание, уделяемое этому феномену, привело к появлению многочисленных и разнообразных исследований. В плоскости особого интереса находились вопросы возникновения аттракции при первом знакомстве, дружбе и любви. У исследователей в силу разных причин присутствовала иллюзия того, что закономерности, выявленные в экспериментальных исследованиях, проводимых в основном на студентах, носят исключительно универсальный характер. Следует отметить и традиционную стимульно-реактивную ориентацию исследований. Многочисленные детерминанты аттракции, выявленные в них, как правило, выступают в качестве стимулов, что и обуславливает построение соответствующих (а ля Карнеги) рекомендаций. Присущая тому времени исследовательская эйфория открытия общих законов человеческих взаимоотношений в последующем сменилась периодом пессимизма, особенно характерным для поведенческой психологической традиции. В оправдание полезности проведенной представителями поведенческой традиции работы можно констатировать, что без нее не были бы возможны как фиксация феномена аттракции, так и его экстенсивное изучение, создавшее необходимую базу для последующего углубленного анализа.

Новая волна исследований сформировалась на гребне очередного детища социальных психологов – аттитюда. Аттракция началась рассматриваться как аттитюд, направленный на конкретного человека и охватывающий все три традиционно выделяемых его компонента: когнитивный (представления о человеке), аффективный (чувства к человеку) и поведенческий (тенденция к определенному поведению

во взаимоотношениях с человеком). Причем, как правило, подчеркивалась взаимозависимость каждого из трех выделенных компонентов друг от друга. В теоретических построениях доминировали идеи симметрии, баланса и соответствия между ними. Например, в теории баланса (Heider, 1958) утверждалось, что люди положительно относятся к тем, кто проявляет симпатию к ним самим, т. е. любят своих друзей и ненавидят их врагов. Теория баланса наряду со всеми ее достоинствами имела существенный недостаток – одномерность трактовок и слабую связь с прозаикой реальной жизни. Сложно вообразить универсальное воздействие, приводящее вне зависимости от контекста, динамики отношений к неизбежной аттракции.

В 1970-е годы в поведенческой традиции, в целях ее реанимации, к феномену межличностной аттракции начала использоваться модель подкрепления, разработанная А. J. Lott (1974), и пытающаяся аккумулировать идеи теории баланса и обмена, в соответствии с которыми решающей предпосылкой межличностной аттракции является включение во взаимоотношения подкреплений. Если ваши действия получают подкрепления со стороны других людей, то в отношении к ним и формируется аттракция. Другая модификация интерпретации теории научения к межличностной аттракции, получившая название модели подкрепления–эмоций D. Byrne и G. L. Clore (1970). В этой модели подкрепление дополнено эмоциональным компонентом. Логика полностью соответствует классическому обусловливанию И. П. Павлова. Как собака научается установлению ассоциации между пищей и звонком, так и человек устанавливает ассоциации с позитивными характеристиками других людей и окружения.

Модель подкрепления–эмоций включает следующие положения:

1. Люди идентифицируют воздействующие на них стимулы поощрения или наказания и стремятся к нахождению первых и избеганию вторых.
2. Позитивные чувства ассоциируются с поощрением, а негативные – с наказанием.
3. Стимулы оцениваются в определениях, вызываемых ими чувств. Оценка позитивна в случае возникновения позитивных чувств и негативна при возникновении негативных чувств.
4. Любой нейтральный стимул, ассоциируемый с позитивным подкреплением, вызывает позитивные чувства, в то время как любой нейтральный стимул – с негативными чувствами.

Соответственно, вызывание симпатии или антипатии конкретными людьми связано с теми чувствами, которые ассоциируются с ними. Безусловно, поведенческая интерпретация феномена межличностной аттракции является слишком упрощенной, но одновременно полностью соответствующей общей стимульно-реактивной методологической модели. К тому же анализ эмпирии человеческих отношений показывает наличие довольно строгой зависимости между поощрением и характером эмоциональных отношений. В частности, практически все рекомендации, сформулированные Д. Карнеги, обладают стимульно-реактивной природой, подчиняясь формуле поощрай другого.

В последнее время начинает пониматься сложность феномена межличностной аттракции, его динамическая и процессуальная природа. Единственно четко зафиксированной констатацией является тот факт, что люди предпочитают выстраивать позитивные отношения с теми людьми, которые создают возможности для взаимопощрения. Во многом эти идеи базируются на теории социального обмена Г. С. Хоманс (1958). Описывая межличностные отношения при помощи концептуального аппарата, заимствованного у экономики Хоманс использует коэффициент затрат/приобретений, расшифровывающийся при посредстве рациональной аналогии – человек взвешивает возможные затраты на достижение цели и получаемую выгоду. Если затраты окупаются – отношения позитивны, если они превышают прибыль, то отношения становятся негативными. Логически взаимовыгодные отношения, казалось бы, составляют фундамент межличностной аттракции. Но в реальной жизни человек далеко не всегда рационален в своих чувствах и поступках и не всегда уподобляется бухгалтеру, подводящему баланс взаимоотношений.

Е. В. Фоа и У. Г. Фоа (1975) утверждают шесть типов межличностных отношений, включающих обмен ресурсами:

1. Товары – любые продукты или объекты.
2. Информация – советы, мнения или рекомендации.
3. Любовь – нежные взгляды, тепло или комфорт.
4. Деньги – любые деньги или все то, что имеет цену.
5. Обслуживание – любая телесная активность или принадлежность человеку.
6. Статус – оценочные решения, предоставляющие высокий или низкий престиж.

Любые из этих ресурсов могут быть объектами взаимообмена во взаимоотношениях между людьми. В соответствии с данным подходом в большинстве межличностных отношений мы пытаемся использовать минимаксную стратегию, предполагающую минимизацию затрат и максимизацию выгоды. Данная стратегия может реализовываться как преднамеренно, так и непреднамеренно.

Наряду с Хоманс развитие идей социального обмена связано с разработками J. W. Thibaut и Н. Н. Kelley – авторами теории взаимозависимости (1975, 1978). Анализ сути этой достаточно универсальной теории еще предстоит в более связанных с ней разделах нашего университета. Здесь же я остановлюсь на ее приложении к межличностной аттракции. Согласно подходу этих исследователей, для понимания поведения необходимо распознавание структуры межличностных взаимоотношений, так как именно она (структура) и определяет возможности и условия влияния поощрения или наказания. В их логике взаимоотношения между людьми представляют собой серию актов продажи или деловых трансакций. Ведущей в этой межличностной «торговле» также является минимаксная стратегия – если затраты меньше издержек, то отношения позитивны, если наоборот – негативны. Конечно, можно, при желании, найти достаточно много примеров подобного рода взаимоотношений. Но в то же время можно найти и множество «нерациональных» с этой позиции поступков, например альтруизм. Приводя эти теоретические построения,

мы скорее предоставляем пример развития рассуждений в данной проблемной области, нежели описываю универсальную закономерность.

Еще одним важным понятием теории социального обмена является уровень сравнения личности. Уровень сравнения выступает в роли своеобразного стандарта, относительно которого ориентируется человек в своих социальных взаимоотношениях. Уровень сравнения является продуктом предшествующей истории человека, различного рода взаимообменов в отношениях с другими людьми. В данном положении фиксируется очень важная мысль об относительности и динамичности человеческих стандартов, проявляющихся в том числе в постоянном выборе «по Сеньке шапки». Данное понятие оказывается полезным в плане нахождения объяснительной версии того, почему в отдельных случаях некоторые взаимоотношения являются устраивающими, а в других нет.

Еще одной теорией, часто привлекаемой к объяснению межличностной аттракции, является теория равенства J. Adams (1965). Эта теория связана с рассмотрением двух типов ситуаций:

1. Взаимным обменом ресурсов (например, супружеские отношения).
2. Обменом, в котором происходит распределение ограниченных ресурсов (например, компенсация ущерба).

В обеих ситуациях теория равенства постулирует, что люди стремятся к справедливому распределению ресурсов, основанному на вкладе каждого. По Adams равенство между двумя индивидами А и Б имеет место тогда, когда вклад и полученный результат А равен вкладу и полученному результату Б.

Человек выводит своеобразную пропорцию того, что он должен вложить в данные отношения и что должен получить в итоге. Эта пропорция соотносится с пропорциями других участников взаимоотношений. Если пропорции равны, то распределение ресурсов считается справедливым и равным, и наоборот. Таким образом, взаимоотношения рассматриваются как равные, если все участники пропорциональны в их вкладе и полученных результатах взаимоотношений. Эта пропорциональность обычно определяется как правило справедливого распределения, введенное Homans.

Логика предложенной теоретической конструкции является выверенной и обоснованной по отношению к рациональной, лишенной эмоциональной окраски и субъективной интерпретации системы отношений. В реальной же жизни процесс выведения пропорции справедливости в распределении ресурсов связан со многими сложностями, в том числе с динамикой оценки собственного вклада, субъективными ожиданиями, попытками «переиграть» партнера и т. п. Отчасти эта проблема решается при помощи стандартов распределения, принятых в обществе и выступающих в виде социальных норм. Среди таких норм обычно выделяют:

1. Нормы равенства, такие, как правило справедливого распределения.
2. Нормы социального благосостояния, выражающиеся в правиле пропорционального распределения ресурсов в соответствии с потребностями.
3. Нормы равновесия, проявляющиеся в правиле равного распределения.

Эти социальные нормы у отечественного читателя могут сразу же вызвать известную ассоциацию с недавним прошлым и связанными с ним проблемами. Более того, эта теоретическая конструкция равенства еще раз демонстрирует сложное переплетение различных психологических факторов друг с другом и их процессуальный и динамический характер. Одновременно приведенный анализ показывает сложность соотношения статического и динамического компонентов человеческого поведения. Тем не менее без определения относительно стабильных факторов становится невозможным ни построение какого-либо прогноза, ни какого-либо устойчивого эмпирического основания.

Факторы межличностной аттракции

Относительно устойчивые эмпирические основания межличностной аттракции так же являются объектом многочисленных социально-психологических исследований и получили название факторов аттракции. В широком спектре исследований данной проблемной области было изучено достаточно большое количество факторов, на анализе наиболее существенных из которых мы и остановимся ниже.

Физическая привлекательность. Житейская эмпирия и результаты исследований (Hogg, Vaughan, 1995, с. 409-410) подтверждают народную мудрость – по одежке встречают. Вполне очевидно, что особенно на этапе установления взаимоотношений влияние внешней привлекательности достаточно велико. Эмоционально положительный образ как бы начинает позитивно достраиваться. Внешне привлекательный человек, как это наглядно демонстрируют L. Jackson (1992), а так же В. Ray и N. Rumsey (1986), наделяется целым рядом положительных свойств и качеств – эмоциональностью, теплотой, счастьем, успешностью и т. п. Подтверждение этому может быть найдено и в народных сказках, в которых положительный герой всегда привлекателен или в конечном итоге становится таковым, а негативный персонаж наделен непривлекательной внешностью, примером чему является Баба Яга. Другое дело, что в жизни часто все случается наоборот. Зафиксированное утверждение, конечно же, надо воспринимать как абстрактную констатацию, реальная интерпретация которой может быть опосредована личным эмпирическим опытом межличностных отношений конкретного человека, спецификой его интересов, ценностей, вкуса, привязанностей и т. п. Безусловным является лишь то, что для развития отношений необходимо, особенно на начальном этапе, уделять внимание своей внешности как усилителю продуктивности будущих взаимоотношений. При отсутствии должного внимания этому аспекту может сложиться ситуация, что при отсутствии соответствующей привлекательной формы мало у кого будет возникать интереса пусть и к богатейшему содержанию.

Пространственная близость или дистанция общения. Межличностная аттракция так же определяется и пространственной дистанцией между партнерами как в буквальном, так и в переносном смысле. Исследования показывают, что с увеличением привлекательности изменяется и дистанция общения. Чем ближе друг к другу люди в личностном смысле, тем комфортнее они себя ощущают и в общении

на пространственно более близкой дистанции. В данном случае не срабатывает эффект отрицательной реакции на вторжение в личностную зону. Любое же приближение человека, не вызывающего положительных эмоций, в эту зону может вызывать рост дискомфорта. В частности, данное явление связано и с полем контроля за партнером. Здесь наблюдается следующая закономерность – чем знакомее и приятнее партнер, тем меньше источников информации о нем человек удерживает в поле контроля (влюбленному достаточно фиксировать в поле внимания глаза партнерши), и, наоборот, чем менее позитивны отношения, тем больше источников информации необходимо контролировать на случай негативного развития взаимоотношений. Пространственная близость имеет значение и в самом непосредственном контексте – лишь пересекаясь с человеком в пространстве (мысленном или физическом), возникает возможность развития взаимоотношений с ним.

Знакомство. Знакомство с человеком также может выступать в качестве фактора аттракции. R. B. Zajonc (1968) показал, что повторное предъявление многих стимулов приводит к более положительному отношению к ним. Это же происходит и с фотографиями незнакомых людей при их повторном разглядывании. Данному факту может быть дано много объяснений. Одно из них заключается в том, что часто неопределенность прогноза в отношении объекта, человека или события повышает уровень тревожности, в то время как наличие информированности о них приводит к повышению ощущения контролируемости. В частности, во многих исследованиях был зафиксирован факт возникновения внутреннего напряжения при столкновении с объектами, которые не могут быть категоризированы в собственном эмпирическом опыте человека.

Доступность. Люди, легко доступные и взаимоотношения с которыми не требуют сверхусилий, воспринимаются более положительно. В частности, на этом моменте часто строятся так называемые выходы в народ политических деятелей в период предвыборных кампаний. Хотя в данном случае надо иметь в виду, что факт доступности начинает приобретать свою силу лишь после исходной недоступности, чем также пользуются квалифицированные бюрократы, первоначально создавая массу искусственных преград, а потом милостиво снисходя к человеку. Постоянная же доступность, увы, с течением времени снижает привлекательность объекта.

Ожидание продолжения взаимодействия. В логике уже известной теории баланса Хайдера антиципация будущего развития позитивных взаимоотношений увеличивает привлекательность человека, конечно, при условии, что эти отношения носят позитивный характер.

Взаимность. Симпатия или антипатия к человеку во многих случаях подчиняется принципу взаимности, в соответствии с которым нам нравятся те люди, которым нравимся мы, и наоборот. Тем не менее проявления этого фактора не носят универсального характера. Отнюдь не все люди, симпатизирующие нам, вызывают положительные эмоции. Точно так же, не все люди, которым не нравимся мы, вызывают исключительно негативные эмоции. Исследования показывают, что лица с

высокой самооценкой более самодостаточны, в то время как лица с заниженной самооценкой более подвержены влиянию данного фактора. Влияние взаимности может быть детерминировано и природой конкретной ситуации. Если влияние взаимности основывается на величине поощрения, то результат будет во многом определен отношением к этому поощрению. Фактор взаимности обладает рядом контекстов, учет которых важен для понимания социально-психологической феноменологии. В частности, он может лежать в основе объяснения рационально необъяснимой тяги благополучного ребенка к бомжам, у которых он получает то, что ему не дают родители.

Сходство. Фактор сходства, проявляющийся в тенденции позитивного отношения к людям сходных взглядов, поступков, убеждений и т. п., в отличие от уже анализировавшихся является значительно более комплексным. В его рамках исследовалось много измерений, наиболее устоявшимися из которых являются сходство аттитудов, ценностей и предпочтений в действиях. Не вызывает сомнений, что особенно для этапа установления межличностных отношений факт обнаружения сходства в партнере имеет едва ли не решающее значение. Даже для начала беседы с незнакомым попутчиком в транспорте необходимо найти общую тему диалога, нахождение которой способствует быстрому развитию взаимоотношений и формированию позитивного эмоционального фона. В качестве механизма, определяющего значимость сходства, как детерминанты аттракции, различными исследователями определяется механизм валидации собственной Я-концепции и мировоззрения. Как уже показывалось при рассмотрении теории самоверификации Свана, людям присуща необходимость в поддержании обратной связи с другими людьми в порядке уточнения верности собственных представлений. Получение подтверждений верности собственных построений как бы в знак благодарности увеличивает привлекательность людей, подтверждающих их. Другое объяснение предполагает, что аттрактивность сходных других связана с тем, что взаимоотношения с ними более комфортны. Однако этот же фактор лежит и в основе «ошибки репрезентативности», согласно которой, люди, находясь в состоянии сомнения по какому-либо вопросу, начинают обращаться за советом к значимым другим. При этом часто не учитывается, что эти значимые другие, как правило, придерживаются сходных взглядов и оценок, собственно говоря, почему они и выбираются в качестве значимых и не отражают всего существующего спектра мнений. Изложенное вовсе не означает, что фактор сходства является универсальным в формировании аттракции. Скорее, он более доминирующ на более ранних стадиях развития отношений. На более поздних стадиях в качестве доминирующих могут выступать и другие, например взаимодополняемость.

Взаимодополняемость. В противовес теории сходства R. Winch (1958) сформулировал теорию дополняемости потребностей. Он исходил из предположения, что мы в своих отношениях стремимся к поиску людей, способных содействовать удовлетворению наших актуальных потребностей. В пользу этой гипотезы свидетельствует определенная жизненная эмпирия, заключающаяся в том, что в

межличностных взаимоотношениях люди часто проявляют склонность к установлению более тесных взаимоотношений с людьми, при посредстве которых они получают возможность стать более приспособленными к решению прагматических задач. Часто в подобного рода позитивной оценке имеет место и своеобразная компенсация каких-либо собственных недостатков (например, человек со слабым здоровьем идеализирует здоровых людей и т. п.).

Эмпатия. Особая роль в формировании аттракции играет эмпатия, представляющая собой сочувствие, сопереживание человеку. Н. М. Rosenfeld (1966), объясняя эмпатийный аспект аттракции, указывал на его связь с чувством защищенности, не одиночества человека. Наличие подобного рода отношений позволяет человеку уменьшить негативное эмоциональное напряжение, что и приводит к чувству благодарности их носителю. Но и эмпатия отнюдь не всегда выступает универсальным фактором аттрактивности. Как минимум она должна быть ожидаемой. В случае проявления эмпатии в ситуации, когда человек ее не ждет, эффект может быть противоположным.

Способствование достижению лично значимых целей. Очевидно, что человек, способствующий достижению актуальной цели, обладает высоким потенциалом аттрактивности и, наоборот, люди, фрустрирующие ее достижению менее аттрактивны. Этот вывод находится в полном соответствии с предположением М. Deutch (1962) о том, что кооперативное взаимодействие или представления о нем, ведут к возрастанию межличностной аттракции. Достаточно очевидно, что если кто-либо, обладающий необходимым потенциалом, оказывает вам содействие в достижении значимой цели, то аттрактивность его будет высока. Тем не менее данный фактор также срабатывает не всегда. Исследователи установили своеобразную дифференциацию на симпатию и восхищение чьей-либо компетентностью и симпатию к социоэмоциональным качествам. В частности, эта дифференциация традиционно известна при дифференциации инструментального и социоэмоционального лидерства. Решающим условием аттракции определяется как раз синтез инструментальности и социоэмоциональности. Этим объясняется нежелание обращаться за помощью к человеку, не вызывающему положительного отношения.

Личностная гармония. Понимание сложной взаимообусловленности различных факторов друг с другом и исследования гармоничных супружеских пар привели к выдвижению R. Shultz (1957) фактора личностной гармонии. Выдвинув в качестве ведущего основания гармоничных взаимоотношений потребности включенности, контроля и привязанности, он предположил, что именно их гармоничное сочетание и приводит к высокой аттракции. При этом под потребностью включенности понималось чувство собственной необходимости для других; под потребностью контроля – необходимость принятия участия в выработке и принятии значимых решений; под потребностью привязанности – необходимость в аффилиативных, эмпатийных отношениях. Для диагностики индекса гармоничности Shultz разработал специальную шкалу фундаментальных межличностных отношений (FIRO), оценивающую один генеральный фактор – сходство и дополняемость при-

веденных потребностей и три дополнительных—взаимную совместимость, определяемую единством взглядов на поведение; инициативную совместимость—гармоничность стремлений к удовлетворению данных потребностей; согласованность—согласие на возможность включения каждого из партнеров в любую совместную деятельность. В этой концепции, по моему мнению, впервые достаточно убедительно показана необходимость взаимных усилий партнеров в формировании аттракции. Отчасти пересекаясь с построениями теоретиков социального обмена, Shultz показал, что если одна из сторон не прилагает усилий к развитию взаимоотношений, то с течением времени ее аттрактивность будет падать. Данный вывод особенно важен для практики подбора партнеров. Ориентация на нахождение гармонирующих факторов не дает гарантии в главном – в длительности взаимоотношений и развитии аттрактивности. Лишь наличие совместных усилий и их высокий потенциал инерции с некоторой степенью вероятности гарантирует позитивную динамику аттракции.

Перечисленные факторы, конечно же, отражают интересы и представления определенных исследователей. В последние годы становится очевидным, что их наиболее уязвимой характеристикой является излишняя статичность и претензии на универсальность в транскрипции авторов. Вместе с тем очевидно, что данные факторы отражают важные аспекты развития аттракции и при определенном сочетании условий в определенном времени могут играть существенную роль. Столь же очевидно и то, что будущее развитие данной проблемной области связано прежде всего с привнесением аспектов динамики и процессуальности, сложной переплетенности детерминант межличностной аттракции друг с другом.

Глоссарий

Аттракция – формирование в процессе восприятия людьми друг друга положительного эмоционального отношения друг к другу.

Самоверификация – стратегия самопрезентирования, направленная на установление обратной связи с окружающими людьми в целях уточнения адекватности Я-концепции.

Самомониторинг – процесс самоконтроля над впечатлением, производимым на окружающих. В контексте подхода Снайдера – способность личности адекватно контролировать впечатление, производимое на окружающих, внося коррективы при необходимости.

Самопрезентация – процесс целенаправленного или стихийного, осознаваемого или неосознаваемого формирования определенного образа собственной личности в глазах окружающих, осуществляемый посредством предъявления аутентичных или неаутентичных качеств и особенностей поведения.

Управление впечатлением – стратегический процесс коммуникации, связанный с созданием у аудитории преследуемого образа. Причем характерно рассмотрение этого процесса именно как взаимодействия, включающего особенности обеих участвующих сторон.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы основные особенности эволюции социально-психологических представлений по проблеме восприятия и интерпретации человека человеком?
2. В чем заключаются основные сложности с адекватной интерпретацией личностных особенностей анализируемого человека?
3. Какие способы интерпретации личности другого человека наиболее распространены в практике реконструкции особенностей изучаемого человека?
4. Какие особенности присущи процессу самопрезентации и самоверификации?
5. Какие особенности присущи процессу управления впечатлением о человеке?
6. Какие теоретические подходы сложились в социальной психологии к проблеме аттракции и в чем заключаются их особенности и отличия?
7. Каковы основные тенденции развития исследований по проблеме межличностной аттракции в социальной психологии?
8. Каковы основные тенденции развития исследований по проблеме управления впечатлением в социальной психологии?

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
3. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
4. Знаков В. В. Понимание и познание в общении. – М.: ИПАН РАН, 1994.
5. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. – Мн.: Беларусь, 1990.
6. Крижанская Ю. С., Третьяков В. П. Грамматика общения. – Л.: ЛГУ, 1990.
7. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Издательство «Питер», 2001.
8. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 1996.
9. Панасюк А. Ю. Управленческое общение: практические советы. – М.: Экономика, 1990.
10. Пайнс А., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.
11. Регуш Л. А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. – СПб.: Питер, 2001.

12. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – М.: Аспект Пресс, 1999.

Основной источник

Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

10. Ланс А., Миссен К. Программы по развитию навыков ведения переговоров. СПб.: Питер, 2000.
11. Ротунд Л. А. Переговоры по телефону и переговорная способность. М.: Экономика, 2001.
12. Росс Л., Роберт Р., Чарльз М. и другие. М.: Аспект Пресс, 1999.

ЧАСТЬ VIII

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

В своей социальной жизни человек постоянно сталкивается с необходимостью поиска, конструирования и объяснения происходящего. Мы стремимся к пониманию собственного мира и мира вокруг нас, делая его упорядоченным и означенным. И мы же чувствуем себя дискомфортно, когда сталкиваемся с непонятным, непредсказуемым, не вписывающимся в наши объяснительные схемы. Мы выстраиваем объяснения, почему люди вокруг нас ведут себя именно таким образом, а не каким либо иным, и в этом смысле становимся наивными психологами. Выстраивание объяснений является чрезвычайно полезным потому, что создает возможность ориентировки в происходящем и прогнозировании его развития, что, в свою очередь, предоставляет возможность контроля.

Люди строят объяснения как физического, так и социального мира, и, в целом, они носят причинный характер. Выделяя определенные условия, характеристики окружающих как обуславливающее наблюдаемое, мы концентрируемся на нахождении «подлинных» причин, пытаясь отделить их от второстепенных. Причинные или каузальные объяснения, таким образом, становятся мощными инструментами предсказания и контроля.

Анализ особенностей процесса социального объяснения в современной социальной психологии связывается прежде всего с понятием атрибутирования, определяемого как правдоподобное объяснение человеком самому себе причинности происходящего. Как люди отвечают для себя на вопрос о том, в чем причина происходящего? Какую информацию они используют, принимая решения? Какие стратегии используются людьми при построении выводов? В чем причины ошибочных объяснений? Поиск ответов на эти и многие другие вопросы, связанные с пониманием лежащих в их основе особенностей и механизмов, предпринимается в рамках теории атрибуции (Antaki и Brewin, 1982; Harwey и Weary, 1981; Hewstone, 1989; Kelley и Michela, 1980). Подробный обзор различных теоретических подходов к атрибутированию представлен в русскоязычной традиции Х. Хекхаузенем (1986).

Теории атрибуции

Разработка основ теории атрибуции начинается в 1950-е годы и связана в основном со следующими авторами и их теоретическими конструкциями:

1. Heider (1958) – теория наивного психолога.
2. Jones и Davis (1965) – теория корреспондирующего выведения.
3. Kelley (1967) – ковариационная модель.
4. Schachter (1964) – теория эмоциональной лабильности.
5. Bem (1967, 1972) – теория самовосприятия.
6. Weiner (1979, 1985) – теория атрибуции.
7. Abrahamson (1982) – индекс глобальности.
8. Deschamp (1983), Hewstone (1989), Jaspars (Hewstone и Jaspars, 1982; 1984).

Наивный анализ действий Хайдера

Само понятие атрибуции, как и модель наивного ученого, были введены Ф. Хайдером (F. Heider, 1958). Что делают люди, когда они пытаются объяснить события, происходящие в их социальном и физическом мире? С поиска ответа на этот вопрос и начал свои исследования Хайдер. Прежде всего, он обратил внимание на сложившийся в академической психологии отрыв от реальной жизни, выразившийся в игнорировании проблем, стоящих перед конкретным человеком в его взаимодействии с другими людьми. Попытку исследования наивных, с позиции здравого смысла, теорий «обычными» людьми в условиях «обычной» жизни Хайдер начал с построения модели наивного ученого. Значимость такого рода теорий для социальной психологии связана с тем, что в реальной жизни человек оперирует своими собственными, а не абстрактно теоретическими теориями. А коль социальная психология, хочет она того или нет, претендует на постижение особенностей социальной жизни этих самых «обычных» людей, то она не может обойтись без изучения их объяснительных теорий.

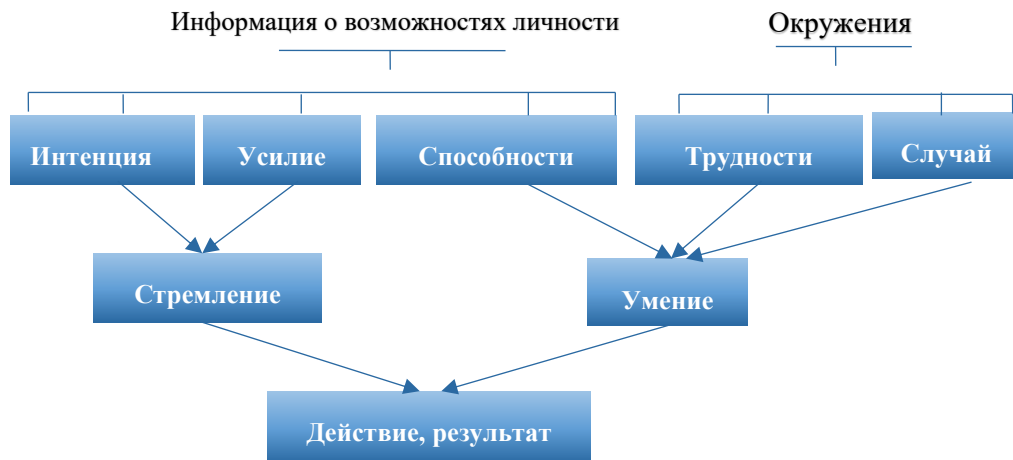
Свои рассуждения Хайдер начал с анализа действия, общая схема которого представлена ниже:

В приведенной схеме в качестве исходной посылки анализа поведения взята предложенная Левиным (Lewin) формула $B = f(P, S)$, определяющая поведение как производную от интернальных (личностных) и экстернальных (ситуативных) факторов. Далее оценка интернальных факторов конкретизируется через выделение интенций, прилагаемых усилий и имеющихся способностей, экстернальные же факторы подразделяются на сложность решаемой задачи и влияние случая. Понимание того, какой ряд факторов должен быть использован, делает мир атрибутирующего более предсказуемым и контролируемым.

Хайдер в своих идеях основывался на трех принципах:

1. Так как люди рассматривают свое поведение как мотивированное, они пытаются выявить мотивы других людей, рассматривая причины и основания их поведения. Выстраивание объяснений без такого причинного языка практически невозможно. Процесс выведения причинности аналогичен тому, который имеет место у ученого, выводящего причинные объяснения природы и значения жизни.

Схема 15. Схема анализа действия по Хайдеру

Приводится по Хекхаузен Х., 1986, с. 76.

2. В силу того, что мы конструируем теории причинности с целью предсказания и контроля окружения, мы стремимся ориентироваться на устойчивые характеристики окружающего, т. е. черты личности и их способности, а также стабильные характеристики ситуации, в которой реализуется поведение и которые воздействуют на него.
3. Атрибутируя причинность поведения, мы дифференцируем личностные факторы (например, качества, способности) и ситуативные факторы (например, своеобразие ситуации, социальное давление). В первом случае речь идет о внутреннем (или диспозиционном) атрибутировании, во втором – о внешнем (или ситуативном) атрибутировании. Хайдер считал, что так как внутренние причины или интенции скрыты в нас самих, то мы можем только предполагать их и то только в случае, если нет явных внешних причин. В то же время мы проявляем высокую готовность приписывать стабильные личностные особенности других людей в качестве причин их поведения.

Хайдер в своих работах в плоскости атрибутирования определил практически все последующие направления исследований по данной проблематике.

Теория корреспондирующего вывода Джонса и Дэвиса

Теория корреспондирующего вывода Е. Джонса (E. E. Jones) и К. Дэвиса (K. E. Davis) объясняет, как люди приходят к выводу о том, что поведение человека соответствует лежащей в его основе диспозиции – например, как мы приходим к заключению, что причиной дружеских отношений является дружелюбие. Джонс и Дэвис считают, что люди заинтересованы в совершении корреспондирующих заключений в силу того, что диспозиционные причины являются стабильными и позволяют делать поведение предсказуемым, что, в свою очередь, увеличивает наше собственное ощущение контролируемости мира. Центральное понятие теории,

«корреспондирующий вывод», определяет процесс принятия воспринимающим решения о том, что наблюдаемое поведение обусловлено, или корреспондирует, конкретным чертам или характеристикам личности. Процесс выведения личностных диспозиций предполагает два процесса – атрибутирование интенций (осознает ли он, что делает) и атрибутирование диспозиций (какие особенности личности заставили его делать это).

Первой задачей воспринимающего является выяснение того, что именно влияет на наблюдаемые действия. Согласно Джонсу и Дэвису, для совершения вывода о том, чем именно обусловлены действия, воспринимающий должен предполагать, что действующий осознает последствия совершаемых действий и что он обладает способностями совершать их.

Решающее влияние на диспозиционное атрибутирование оказывают представления воспринимающего о том, что должны делать люди в сходной ситуации (социальная желательность). Корреспондирующий вывод тем точнее, чем совершаемые действия являются социально не одобряемыми. Лишь поведение, противоречащее социальным ожиданиям, является действительно информативным по отношению к действующему. Когда люди действуют в ситуации в соответствии с социальными ожиданиями или исполняют соответствующую социальную роль их поведение мало информативно.

Для лучшего понимания логики рассуждений Джонса и Дэвиса воспользуемся приводимой схемой:

Схема 16. Процесс совершения корреспондирующего вывода.

Приводится по Hogg, M.A., Vaughan, G.M., 1995, с. 79.

Процесс совершения корреспондирующего выведения, представленный на схеме, предполагает использование пяти источников информации:

1. Свободно избираемое поведение является более информативным в отношении диспозиций, нежели поведение, находящееся под контролем внешней угрозы, побуждения или принуждения.
2. Поведение, которое является уникальным, т. е. не похожим на другое (поведение с необычным эффектом) дает больше информации о диспозициях. Если человек совершает непривычное для него действие, то окружающие приходят к выводу о том, что он осознает, что делает и почему, т. е. его поведение является интенциональным. В то же время, чем меньше уникальных эффектов в поведении, тем больше его выбор говорит о диспозициях личности.
3. Социальная желательность поведения дает мало информации о диспозициях, так как считается, что оно контролируется социальными ролями. В то же время социально нежелательное поведение дает больше оснований для совершения корреспондирующих выводов.
4. Более уверенные корреспондирующие выводы делаются о поведении, имеющем значимые последствия для нас самих, что означает его гедонистическую уместность.
5. Более уверенные корреспондирующие выводы совершаются в отношении поведения, которое непосредственно направлено на нанесение ущерба для нас или осуществляется в наших интересах, что означает высокий персонализм поведения.

Теория корреспондирующих выводов имеет ряд ограничений: 1) несмотря на то, что в теории утверждается необходимость предшествования атрибутирования интенций диспозиционным выводам, некоторые диспозиции определяются как непреднамеренные (например, неуклюжесть). К тому же теория оказывается применимой только к ситуациям с ограниченным выбором; 2) информативность поступков, противоречащих ожиданиям соседствует с информативностью поступков согласованных с ожиданиями (поведение, подтверждающее стереотипы); 3) большинство исследований, проведенных под влиянием теории не были связаны с измерением каузальной атрибуции (Hewstone и Fincham, 1996, с. 170).

Ковариационная модель Келли.

По всей видимости наиболее известной теорией атрибуции является ковариационная модель Х. Келли (H. Kelley, 1967; 1973). Он начинает свой анализ с выяснения вопроса – какая именно информация используется человеком в каузальном атрибутировании. Он рассматривает два возможных случая по отношению к количеству имеющейся в распоряжении человека информации. В первом случае в его распоряжении имеется информация из различных источников, дающая достаточно широкое представление о возможных причинах поведения, и тогда используется логика ковариирования. Во втором случае объем информации ограничен и используется логика конфигурирования. Для иллюстрации использования представленных логик атрибутирования возьмем ситуацию не сдачи экзамена по социальной

психологии. Если эта не сдача является первой и если другие студенты также не добились успеха, то вполне возможным является возложение ответственности скорее на специфику предметной области (сложности вопросов) или личностные особенности экзаменатора (предвзятости отношения к студентам), нежели на себя самого. Во втором случае атрибутирующий исходит из единичных фактов и вынужден обращать внимание на конфигурацию факторов, выступающих как правдоподобные причины наблюдаемого эффекта. В отношении рассматриваемого примера в качестве такового будут сам ответ студента, особенности его личности или привычная схема интерпретации подобного рода ситуаций, сформировавшаяся у атрибутирующего.

В своих рассуждениях Келли, как это уже отмечалось ранее, исходит из рассмотрения человека по аналогии с наивным ученым. Первоначально люди пытаются определить, какие факторы являются коварирующими с анализируемым типом поведения, а затем оценить их каузальную роль. Используемая в процессе рассуждений процедура напоминает широко используемую в математической статистике технику анализа вариантов (ANOVA) и по этой причине модель Келли часто называют моделью ANOVA. В этой модели для выяснения того, какие именно факторы являются определяющими по отношению к конкретному поведению – внутренние (например, особенности личности) или внешние (например, социальное давление), люди используют принцип ковариирования наличной информации.

Процесс ковариирования предполагает оценку трех классов информации, ассоциируемой с происшедшим действием (например, опозданием), особенностями личности (например, студентом) и потенциальной причиной (например, занятием):

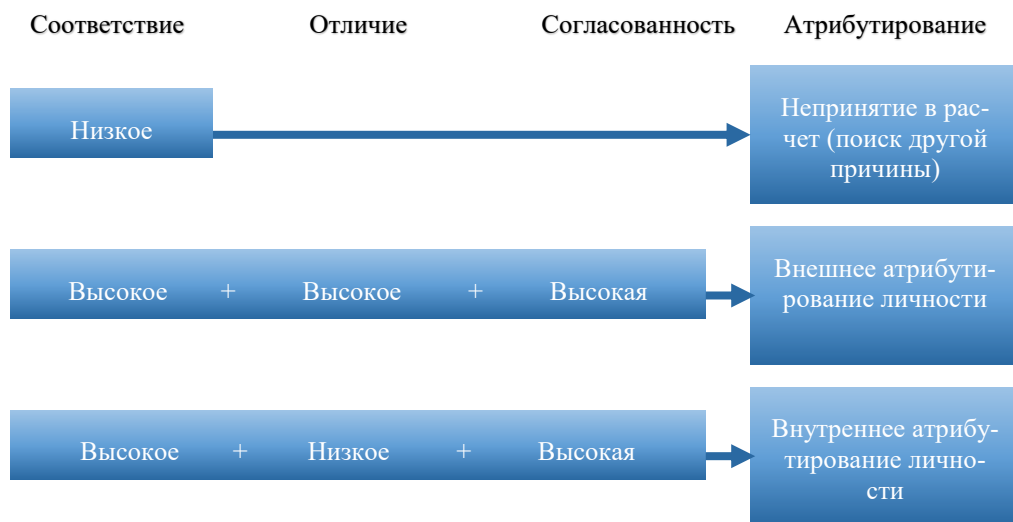
1. Информация о соответствии или последовательности – всегда ли студент опаздывает на занятия по данному предмету (высокая последовательность) или это происходит иногда (низкая последовательность).
2. Информация об отличии – он обычно опаздывает на все занятия (низкое отличие) или только на занятия по этому предмету (высокое отличие).
3. Информация о согласованности – все ли опаздывают на занятия по этому предмету (высокая согласованность) или опаздывает только данный студент (низкая согласованность).

В случае если последовательность невелика, люди не принимают в расчет потенциальную причину и осуществляют поиск альтернативной (схема 16.). Если студент иногда опаздывает на занятия, а иногда нет, то ни он, ни занятие не является коварирующим фактором. Если последовательность, отличие и согласованность высоки, то возможно определение в качестве коварирующего фактора занятие. В случае низких отличия и согласованности возможно ковариирование с особенностями личности студента.

Приведенный пример представляет общую схему рассуждений Келли, проверка которой была предпринята L. A. McArthur (1972). Он выявил восемь возможных комбинаций конфигураций, подтвердив в целом теоретические построения Келли, отметил тенденцию людей переоценивать информацию о согласованности. В то же время исследования, проведенные в последние годы, поставили и ряд общих вопросов:

Схема 17.

Анализ причинности поведения по Келли

Приводится по Hogg M. A., Vaughan G. M., 1995, с. 81.

- Действительно ли исходное предположение об использовании людьми в процессе атрибутирования или ковариирования принципов соответствия, согласованности и отличия соответствует реальной практике повседневной жизни?
- Существует достаточно доказательств того, что в реальности логика атрибутирования значительно скупее.
- Нет реальных гарантий того, что люди фактически используют принципы ковариирования – фактически люди чаще проявляют тенденцию выдвижения в качестве причины наиболее характерные черты или аналогии.
- Если люди атрибутируют по аналогии с ковариированием или коррелированием, то они обязательно должны выступать в роли наивных ученых, что не всегда соответствует действительности (Hogg, Vaughan, 1995, с. 81).
- Корреляция отнюдь не всегда соответствует реальной взаимосвязи между переменными, имеющими место в жизни (Einhorn, Hogath, 1981).
- Люди не являются столь квалифицированными специалистами в области анализа информации, точно так же как отнюдь не все их действия являются рациональными (Alloy, Tabachnic, 1984).

Исследования последних лет в области развития теории ковариации концентрировались на вопросах выяснения, как именно воспринимающий обращается с согласованной, последовательной и отличной информацией. M. Hewstone и J. M. F.

Jaspars (1987) предложили «логическую модель» процесса атрибутирования, представляющую собой метод, посредством которого воспринимающий может анализировать ковариацию (и идентифицировать возможные и достаточные условия происхождения эффекта), но без вычислительного мысленного анализа вариантов. Несмотря на то, что эта модель оказалась более пригодной для предсказания особенностей атрибутирования воспринимающего, она отличается крайне сложной моделью рассмотрения личности. Альтернативная модель «фокусирования на условиях отклонения от нормы» (ACF), предложенная D. J. Hilton и D. Slugoski (1986) представляет элегантную, но простую схему анализа. В соответствии с моделью мы отбираем в качестве причины необходимое условие, которое является отличным от нормы в сравнении с обычными основаниями целевого события. Модель ACF предполагает, что субъект обращается с согласованной, последовательной и отличающейся информацией как с «контрастным случаем» отличающихся от нормы условий, способствующих происхождению события. Отклоняющиеся от нормы условия затем рассматриваются как причины события. Авторы утверждают, что низкая согласованность информации (каждый сделает так) позволяет идентифицировать отклоняющуюся от нормы цель личности; информация о высоком отличии (никто не будет делать так) идентифицирует отличающийся от нормы стимул; информация о низкой последовательности (это не характерно для него) идентифицирует отклоняющиеся от нормы обстоятельства поведения. Модель Келли продолжает оставаться объектом исследований и сегодня (Cheng Novick, 1990; Forsterling, 1995).

Специальным случаем модели Келли является атрибутирование, основанное на отдельных наблюдениях. Понимая, что модель ANOVA является своего рода идеальной моделью и что в реальной жизни человек имеет дело далеко с неполной информацией о причинности наблюдаемого, дефицитом времени и мотивированности на учет множественных факторов, Келли предложил частный вариант своей модели, названной *конфигурированием*. В случае отсутствия необходимой полноты данных к процессу атрибутирования подключаются каузальные схемы. Они представляют собой быстро конструируемые и воспроизводимые представления, предположения, а иногда мини теории, основанные на опыте того, как отдельного рода причины, взаимодействуя друг с другом, могут вызывать определенного рода эффекты. Воспринимающий может интерпретировать информацию, сравнивая и интерпретируя ее при посредстве имеющейся схемы.

Одной из простейших социальных схем является схема множественной достаточности (MSC) (Kelley, 1972). В соответствии с этой схемой любой ряд причин (например, таких, как домашние проблемы, плохие условия работы, недостаточные усилия и т. п.), действуя по отдельности, может приводить к одному и тому же эффекту (например, несдаче экзамена) (Hewstone, Fincham, 1996, с. 173). Келли наряду со схемами предложил ряд сопутствующих им принципов. MSC-схема ассоциируется с *принципом неприятия в расчет*, в соответствии с которым если ряд причин может вызвать один и тот же эффект, то они не должны приниматься во внимание. Вторым принципом является *принцип увеличения* в соответствии с которым роль

данной причины возрастает, если эффект реализуется в присутствии сдерживающей причины. Например, если студент сдает экзамен несмотря на то, что у него высокая температура, это свидетельствует о детерминированности факта сдачи скорее факторами работы и способностей, нежели везения. Принцип увеличения применим как к случаю MSC, так и к более сложной модели *схемы множественной достаточности причин* (MNC). В соответствии с последней для вызывания эффекта должно иметь место совместное влияние ряда причин. Келли предполагал, что такого рода схемы вызываются в случаях описания необычных и экстремальных эффектов (там же, стр. 174).

Келли предполагал существование и целого ряда других типов схем, оперирующих в процессе атрибутирования. С его точки зрения, их наличие является важным по следующим трем основаниям: 1) они помогают воспринимающему атрибутировать при наличии неполной информации; 2) они представляют собой общие причинно-следственные концепции в отношении различных содержательных областей; 3) они представляют воспринимающему «причинные стенограммы» для быстрого и легкого обращения со сложными, комплексными влияниями (Fiske, Taylor, 1991).

Несмотря на крайнюю привлекательность концепции каузальных схем, в их отношении остается много нерешенных вопросов, требующих теоретического и эмпирического изучения. Согласно К. Fiedler, (1982) центральными являются два вопроса: 1) существование и функционирование каузальных схем, пусть и интуитивно правдоподобных, не было успешно продемонстрировано. Те же демонстрации, которые имели место, рассматриваются как чрезмерно искусственные; 2) Fiedler так же критикует абстрактность, свободу от содержания схем. По его мнению, схемы должны представлять организованное знание, основанное на культурных традициях, а не отражать абстрактное отношение причины и следствия.

Несмотря на наличие дискуссионных вопросов как ковариационная, так и конфигурационные модели атрибутирования продолжают оставаться в центре внимания исследователей как один из самых продуктивных подходов к проблемной области атрибутирования.

Теория самовосприятия Бема

Одной из особенностей атрибутирования является то, что они могут осуществляться не только на основе анализа поведения других людей, но и своего собственного. Эта идея была предложена и детально изучена Д. Бемом в рамках его теории самовосприятия. Бем утверждал, что в реальной жизни имеют место и внешнее атрибутирование и самоатрибутирование и между ними нет принципиальной разницы. Более того, если мы обладаем способностью атрибутировать чье-либо поведение диспозициями исполнителя, то ничто не мешает нам делать это и в отношении собственного поведения, выдвигая внутренние причинные основания. Бем приводит следующий пример распространенного атрибутирования человека, любящего есть морепродукты, он часто ест их по собственной воле, предпочитая всем

другим продуктам, употребляемым другими людьми, потому что они соответствуют его вкусу.

Теория самоатрибуции имеет применение и к анализу мотивации совершения тех или иных поступков. В соответствии с ее положениями, если кто-либо принуждается к совершению определенных задач посредством крайне высокого вознаграждения или сильного давления, то их исполнение связывается с внешними причинными основаниями и мотивация соответственно снижается. В случае же минимального вознаграждения или отсутствия внешнего давления сложно избежать внутреннего атрибутирования получением удовольствия, принятым обязательством, высокой ответственностью и т. д., что в конечном счете приводит к повышению мотивации исполнения. Эта тенденция получила название эффекта сверхоправдания, особенности которого представлены на схеме 18.

Схема 18. Эффект сверхоправдания

Приводится по: Hogg M. A., Vaughan G. M., 1995, с. 84.

Эффект сверхоправдания достаточно распространен в практике обыденной жизни. Любое превышение внешнего стимулирования сверх субъективно соответствующего характера и сложности задачи приводит к снижению мотивации исполнения и снижению результатов и удовлетворенности ими. Как отмечают авторы,

этот эффект получил любопытное проявление в практике асоциального поведения в случае парадоксального сверхпоощрения за совершение асоциальных поступков по сравнению с наказанием за них. Он находится и в соответствии с известным принципом оптимума мотивации Додсона-Йеркса, в соответствии с которым любое превышение материального поощрения, субъективно оптимального для удовлетворения текущих потребностей работника уровня, приводит не к повышению результатов, а, наоборот, к их снижению.

В образовательной практике данный эффект предполагает четкий учет со стороны педагога субъективных ожиданий учащихся в отношении оптимального и соответствующего уровню приложенных усилий поощрения. Незаслуженный высокий балл может привести и часто приводит к снижению результатов.

Прикладные исследования атрибутирования

Индивидуальные различия и стиль атрибутирования

Исследование индивидуальных различий в области атрибутирования, а также типов атрибутирования, совершаемых людьми в процессе оценки наблюдаемого, привели к необходимости определения присущих стилевых особенностей. Первенство в постановке и исследовании данного аспекта проблемы атрибутирования принадлежит J. В. Rotter, (1966), который считал, что люди различаются по уровню контроля за поощрениями и наказаниями, поступающими извне. Интерналы рассматривают себя как контролирующие свои действия и свою судьбу, экстерналы более фаталистичны, считая, что возможность контроля над событиями весьма ограничена.

Для диагностики уровня интернальности и экстернальности Rotter была разработана специальная двадцати девятипунктная шкала, предназначенная для определения локуса контроля по отношению к различным типам поведения, включая политические представления, поведение, связанное с достижениями, реакции на болезни и т. п. Сложность использования данной шкалы связана с тем, что при ее посредстве трудно выделить какую-либо отдельную область (отдельное измерение личности) из измеряемого ряда относительно независимых представлений, контролируемых субъектом.

Ряд других опросников был предназначен для определения стилевых особенностей атрибутирования – присущих людям тенденций совершать определенные причинные выводы в различных ситуациях и времени (Feather, Tiggerman, 1984; Layden, 1982; Metalsky, Abramson, 1981; Sweeney и др., 1986). Одним из самых известных опросников является разработанный М. А. Layden опросник ASQ (1982, с. 63-82) и его модификации (Peterson, 1982). Он измеряет типы объяснений, которые

люди дают вызывающим антипатию событиям по трем измерениям: интернальное–экстернальное, стабильное–нестабильное, глобальное–специфическое. Люди, проявляющие тенденцию оценивать вызывающие антипатию события как обусловленные интернальными, стабильными и глобальными факторами, обладают «депрессивным атрибутивным стилем», отражающим склонность к беспомощности и депрессии и приводящим к возможности заболевания.

Вставка 6.

Опросник атрибутивного стиля Layden

Опросник атрибутивного стиля (вариант ASQ, Layden, 1982) предполагает выбор ряда причин по отношению к гипотетической ситуации, в которой присутствует либо положительный, либо отрицательный исход в таких плоскостях, как интеллектуальная компетентность, межличностные взаимоотношения, ситуации морального выбора, а также ситуации, связанные с настроением. В каждой ситуации предлагаются четыре варианта причин: внутренняя стабильная, внутренняя нестабильная, внешняя стабильная и внешняя нестабильная. В качестве примера используемых шкал можно привести следующую ситуацию: «В автобусе вы замечаете, что понравились другому человеку». Эта ситуация сопровождается перечнем следующих возможных причин: «Вы являетесь такого типа человеком, который легко нравится людям» (внутренняя стабильная); «Вы пытались понравиться этому человеку» (внутренняя нестабильная); «это такого рода человек, которому нравится большинство людей» (внешняя стабильная); «этот человек просто находится сегодня в лирическом настроении» (внешняя нестабильная).

Использование опросника ASQ позволило установить, что лица с высоким уровнем самоуважения реагировали на позитивный исход, ориентируясь на внутренние причины, в случае же негативного исхода – на внешние. Лица же с низким уровнем самоуважения реже ориентировались на внутренние причины в случае позитивного исхода и чаще выбирали внутренние причины в случае негативного исхода. Выявленные различия в когнитивных стратегиях связаны и с поведенческими различиями (Layden, 1982, с. 66). В исследованиях установлена тенденция людей с низким уровнем самоуважения к поддержанию негативного образа самих себя. Информация, противоречащая негативному самоотношению, либо игнорируется, либо трансформируется таким образом, чтобы соответствовать общему негативному образу.

Несмотря на очевидную полезность определения атрибутивного стиля, в том числе и для терапевтической практики, использование опросника ASQ дает ограниченные возможности для фиксации кросс-ситуационных различий в каузальном атрибутировании. В этой связи Feather с коллегами (1986) была предпринята попытка его модификации. Они разработали опросник ACS, который измеряет разли-

чия в комплексности атрибутирований, совершаемых в отношении различных событий. Не преувеличивая роли опросных методов в диагностике атрибутивного стиля, следует отметить их полезность в выявлении экстернальности–интернальности клиентов. На наш взгляд, для повышения точности диагностики необходимо привлечение самоописаний собственного поведенческого опыта людей, которое, в случае привлечения различных ситуаций и измерений, позволяет получить более адекватную информацию.

Влияние предубеждений в атрибутировании

Другой не менее ее важной проблемной областью, связанной с особенностями атрибутирования является область предубеждений или неадекватности в определении причинности наблюдаемых действий. Предубеждения могут сказываться на самоотношении, межличностных отношениях, их динамике, характере коммуникации и т. п. Наличие многочисленных искажений, неадекватностей, собственных атрибутированию, выдвинуло в качестве одной из центральных проблему объяснения этой неадекватности, механизмов, ее обуславливающих. В частности, именно этот аспект послужил основанием для отказа от модели рассмотрения человека, как наивного ученого в пользу модели человека как когнитивного скупца.

Обсуждение причин и механизмов подобной тенденциозности и неадекватности атрибутирования еще предстоит, здесь же хотелось бы представить те исследовательские находки, которые накоплены в современной социально-психологической традиции.

Наибольший вклад в разработку проблематики предубеждений в атрибутировании внес L. Ross (1977; Nisbett и Ross, 1980), выявивший присущую людям тенденцию недооценивать влияние ситуативных факторов и переоценивать влияние диспозиционных факторов в контроле поведения, получившую название фундаментальной ошибки атрибуции. Причем, как это показывают исследования, данная тенденция проявляется даже тогда, когда присутствие внешних обуславливающих факторов является очевидным (в частности, повышение ответственности водителя за дорожное происшествие при наличии явных свидетельств неисправности автомобиля и дорожного покрытия).

Первоначально эта тенденция была зафиксирована при изучении аттитюдов. Выяснилось, что атрибутирующий–воспринимающий в объяснении причинности происходящего придает минимальное значение влиянию ситуативных факторов и значительно большее значение личностным.

Различными исследователями были предложены следующие объяснения данному феномену:

1. *Фокус внимания.* Тенденция доминирования личностного атрибутирования объясняется тем, что именно личность наблюдаемого

находится в центре внимания наблюдающего, ситуация же выступает в виде фона. Лишь специальное отвлечение внимания может привести к доминированию ситуативного атрибутирования.

2. *Дифференцированное забывание.* Атрибутирование предполагает репрезентации причинной информации в памяти. В данном случае проявляется характерная тенденция – более легко забывать ситуативные или фоновые причины по сравнению с личностными.
3. *Влияние используемых эвристик.* Предполагается, что поведение рассматривается как детерминируемое в большей степени личностными факторами, чем ситуативными. Действующий и действие формируют «каузальное единство», проявляющееся в фиксации внимания на действующем, а не на ситуации. В случае использования доступных эвристик преддетерминируется приоритет личности над ситуацией, как менее определенной. Подобная преддетерминированность определяется и структурой языка, облегчающего нахождение личностных описаний причинности (например, в языке очень сложно найти словесный эквивалент ситуации, определяющей враждебное поведение). По отношению к английскому языку данная особенность была замечена R. E. Nisbett и L. Ross (1980). Альтернативное объяснение предлагается в случае эвристики репрезентативности или якорения – так как в имплицитных теориях личности большее значение придается диспозиционным детерминантам поведения, то диспозиционные причины рассматриваются как более репрезентативные по сравнению с ситуативными; личностное атрибутирование также рассматривается как легче якорящееся по сравнению с ситуативным атрибутированием.
4. *Факторы культуры и развития.* Исходно личностная тенденциозность атрибутирования связывалась с гипотезой о ее априорном характере. Однако кросс-культурные исследования показали наличие культурных и возрастных особенностей. Так, в западной культуре маленькие дети объясняют наблюдаемое поведение первоначально в ситуативных описаниях и лишь впоследствии научаются диспозиционным. В то же время для хинди имеет место противоположная тенденция, которая характеризуется повышением роли ситуативных объяснений со взрослением.

В последнее время наблюдается тенденция постановки под сомнение фундаментальности данной ошибки. Во-первых, имеются кросс-культурные отличия. Во-вторых, подвергается критике дихотомия личностное–ситуативное. В-третьих, отсутствует четкое определение понятия «ошибка». В-четвертых, при некоторых обстоятельствах в атрибутировании наблюдается доминирование ситуативных факторов: особенно это становится заметным, когда наблюдаемое поведение несовместимо с предшествующими ожиданиями, а также, когда внимание концентрируется на ситуативных факторах, как определяющих поведение.

Другой особенностью атрибутирования, приводящей к тенденциозности, является различие позиций действующего и наблюдателя (Jones, Nisbett, 1972). В позиции наблюдателя, как правило, проявляется тенденция доминирования диспозиционного атрибутирования, в позиции же исполнителя – ситуативного. *Эффект действующего–наблюдателя* часто определяется как своеобразное продолжение фундаментальной ошибки атрибуции.

Проявление этого эффекта характеризуется рядом особенностей: 1) склонностью людей к диспозиционному атрибутированию социально не одобряемых действий независимо от того, кем является действующий; 2) свойственной действующему склонностью к диспозиционному атрибутированию позитивного поведения и ситуативному атрибутированию по отношению к негативному поведению.

В современных исследованиях предлагается изменение эффекта действующего–наблюдателя на эффект «Я–другие» (Watson, 1982), так как, по его мнению, во взаимодействии сложно четко определить ситуацию, когда один человек только действует, а другой наблюдает. Watson отмечает наличие следующей особенности: самоатрибуции по отношению к ситуации выше, чем атрибуции других.

Существуют три возможных объяснения данного феномена:

1. Различия Я–другие связаны с обладанием наблюдателем значительно меньшей информацией по сравнению с самоатрибутирующим. Самоатрибутирующий более информирован о своей прошлой истории, об изменчивости поведения в различных ситуациях. Мы значительно более информированы о себе самих, нежели другие.
2. Различия действующий–наблюдатель обусловлены и отличиями в фокусах внимания: мы и другие обладаем, фигурально говоря, различными точками зрения. Объект, находящийся в центре визуального поля, расценивается как более причинно значимый, но это отнюдь не всегда оказывает четкий эффект на диспозиционность, или ситуативность, атрибутирования.
3. Jones и Nisbett (1972) утверждают, что различия действующий–наблюдатель могут определяться и мотивационными факторами. Если человек мотивирован на фиксации внимания на диспозиционности, то и атрибутирование приобретет соответствующую направленность, в противном же случае будет наблюдаться доминирование ситуативности.

Определенное влияние оказывают и лингвистические факторы. В исследованиях последних лет показано, что действующий и наблюдающий используют различные лингвистические схемы. Действующие обычно избегают утверждений о самих себе в общих и абстрактных понятиях, предпочитая описания своих конкретных диспозиционных качеств. Наоборот, наблюдатели обычно описывают действующих в более абстрактных понятиях, а не в конкретных диспозиционных характеристиках. Это рассматривается как результат каузального мышления или интраиндивидуальных когнитивных процессов, детерминируемых социальными правилами использования языка. Отчасти анализируемый феномен может быть связан и со спецификой адресуемых той или иной позиции причинных вопросов.

Несмотря на наличие многочисленных исследований проблемной области атрибутирования, Я–другие, в ее рамках остается немало неясностей. Единственным более или менее не вызывающим сомнений является влияние перцептивных и лингвистических факторов. Значительно меньше оснований для утверждений о большей точности атрибутирования исполнителя по отношению к наблюдателю. Во-первых, нет строгих критериев определения точности. Во-вторых, даже обладая большей информированностью о своем предшествующем опыте и причинности, исполнитель может оказываться под сильным искажающим влиянием собственной мотивационной сферы.

L. Ross идентифицировал целый ряд ошибок атрибуции (1977). Одной из наиболее известных является так называемый *эффект ложного согласия*, проявляющийся в склонности людей рассматривать собственное поведение как более типичное, предполагая, что и другие люди в подобного рода ситуациях будут вести себя сходным образом. Данный эффект может быть обусловлен рядом факторов: 1) так как люди стремятся поддерживать отношения с людьми сходных взглядов, то это создает иллюзию генерализации; 2) в силу тенденции к самопоследовательности и самоответствию люди избегают обсуждения альтернативных вариантов; 3) присущий субъективизм и избирательность в оценках создают предпосылки для своеобразного зашоривания глаз, проявляющемся в том, что мы видим и слышим то, что хотим видеть и слышать.

Другой ошибкой является недооценка «неравных возможностей ролевого поведения», проявляющаяся в присутствии людям поверхностном отношении к тому обстоятельству, что нормы общения и социальные роли сами по себе создают возможности для разной самореализации. Престижные роли создают больше предпосылок для проявления достоинств человека, роли же подчиненные – для недостатков. Это обусловлено тем, что, анализируя поведение наблюдаемого, данное обстоятельство как бы остается на периферии сознания.

Третьей ошибкой является «недооценивание информационной ценности не случившегося», проявляющееся в недостаточно внимательном отношении к контексту наблюдаемого события, к информации, которая находится за рамками поля анализа, фокуса внимания. Сам Ross иллюстрирует данную ошибку выдержкой из Конана Дойла, который устами Шерлока Холмса говорит: «Лающая собака не доказывает ничего, а молчащая – указывает на то, что вор был ей хорошо знаком».

Четвертая ошибка заключается в «большем доверии к конкретным примерам по сравнению с абстрактными данными», основывающейся на удивительном доверии людей тем примерам, свидетелями которых они являлись или которые были получены из авторитетных для них источников.

Пятой выделяемой ошибкой является «ошибка иллюзорных корреляций», проявляющаяся в распространенной тенденции расценивать то, что является «более доступным, т.е. быстрее припоминаемым, легче воображаемым», как чаще встречающееся.

Перечисленные ошибки представляют собой своеобразные «житейские обобщения», основанные на психологии здравого смысла и выступающие в виде схем или доступных эвристик, применение которых носит алгоритмический характер и не требует какого-либо рационального осмысления.

Особый класс предубеждений представляют *самообслуживающие предубеждения*, которые направлены на защиту или укрепление самооценки или своего образа. Исследования и наблюдения за психологией здравого смысла показывают устойчивую тенденцию связывания причинности собственных успехов с внутренними причинами, например, со своими способностями, в то время как неудачи – с внешними. Эта же тенденция характерна и для внутригрупповых отношений, когда успехи связываются с ингруппой, а неудачи с аутгруппой.

Несмотря на интенсивные исследования самообслуживающих предубеждений, объяснение их природы сталкивается с рядом противоречий и, прежде всего, между когнитивными и мотивационными описаниями (Manstead, Hewstone, 1996, с. 74). Фактически речь идет о двух типах самообслуживающих предубеждений: *самоукрепляющих предубеждениях* (атрибутирование успеха внутренними причинами) и *самозащитных предубеждениях* (атрибутирование неудач внешними причинами). В соответствии с когнитивным, информационно-процессуальным подходом люди:

- стремятся и ожидают успех, нежели неуспех, и проявляют склонность к совершению самоатрибуций по отношению к ожидаемым результатам, нежели неожиданным;
- проявляют большую склонность к совершению ковариаций между реакциями и результатами в случае достижения успехов, нежели в случае неудач;
- ошибочно основывают свои решения на соответствии между реакциями и результатами в случае достижения желаемого результата, нежели на том, как это происходит на самом деле (там же).

В различных исследованиях показана мотивированность людей на поддержание и укрепление самооценки, что, в свою очередь, сказывается на специфике атрибутирования. Однако величина этого влияния определяется рядом факторов, включая степень вовлеченности самооценки в исполняемую деятельность.

Самообслуживающие предубеждения могут рассматриваться в весьма широкой перспективе, которая выходит за рамки успехов и неудач (эгоизм) и распространяется на плоскости самопрезентации и эгоцентризма. В широком смысле эгоизм особенно характерен для межличностного контекста; самопрезентация является типичной для обстоятельств публичной оценки; эгоцентризм более характерен для действий, основанных на воспоминаниях. Рассматриваемые более узко как эгоизм, самообслуживающие предубеждения выходят за рамки атрибутирования и распространяются на выбор гипотез для проверки, генерации правил обращения, поиск информации, относящейся к атрибутированию, оценке приемлемой информации и определению ее пригодности–непригодности. В этом смысле данные предубеждения являются самыми распространенными.

Исследования предубеждений в атрибутировании показали, прежде всего, что процесс взаимодействия человека с социальным миром не аналогичен квазинатурному процессу, положенному в основу теорий атрибуции. Более того, решения часто принимаются очень быстро, основываясь на минимальной информации, и проявляют тенденцию переоценки информации одного типа и недооценки другого.

Продолжая предложенную Heider аналогию с наивным ученым, можно сказать, что это ошибающийся ученый.

Атрибутивная теория мотивации и эмоций Вайнера

Б. Вайнер (B. Weiner 1979; 1985; 1986) предпринял попытку исследования еще одного измерения теории атрибуции – особенностей атрибутирования достижений. Он интересовался причинами и следствиями атрибутирования успешности и неуспешности собственных действий. В его логике предполагается рассмотрение трех измерений достижений:

1. Локус – является ли исполнение обусловленным самим действующим (внутренним) или ситуацией (внешним)?
2. Стабильность – являются ли внутренние или внешние причины стабильными или нестабильными?
3. Контролируемость – в какой степени решение предстоящей задачи находится под контролем исполнителя?

Сочетание этих трех измерений может привести к восьми возможным комбинациям, представленным на схеме X.

Например, неудача на экзамене по социальной психологии может быть атрибутирована необычными помехами, исходящими извне (правый верхний блок на схеме 18); в случае, если студент ранее отличался хорошими результатами (т. е. неудача обусловлена внешними факторами) и был обеспокоен чиханием рядом сидящего студента (стабильным и не контролируемым), так как на следующем экзамене больной коллега может и не появиться либо студент сядет от него подальше.

Схема № 19.

Комбинации измерений атрибутирования достижений

	Внутренние		Внешние	
Контролируемые	Обычные усилия	Необычные усилия	Обычная помощь или помехи со стороны других	Необычная помощь со стороны других
Неконтролируемые	Способности	Состояние	Способности	Случай

Приводится по: Hogg, M.A., Vaughan, G.M., 1995, p. 85.

Модель Вайнера является динамической, так как она учитывает, что люди первоначально осуществляют оценку успешности или неуспешности действий, а потом испытывают соответствующие позитивные или негативные эмоции. Затем они совершают причинное атрибутирование исполнению, что, в свою очередь, вызывает более специфичные эмоции (например, гордость за проявленные способности) и повышение ожидаемой эффективности в отношении будущих действий.

Трехмерная схема Вайнера (локус \times стабильность \times контролируемость) стала основанием для общей теории мотивации и эмоций, которая в общем виде может быть представлена следующим образом:

Событие (неудача на экзамене) \rightarrow эмоциональная реакция на результат \rightarrow каузальная атрибуция \rightarrow психологические последствия \rightarrow будущие ожидания \rightarrow эмоциональные состояния \rightarrow поведение

Модель Вайнера получила достаточно хорошую эмпирическую поддержку, показавшую зависимость атрибутирования от факторов локуса, стабильности и контролируемости информации. В то же время критики отмечают меньшую значимость измерения контролируемости по сравнению с ожидавшимся. К тому же в процессе атрибутирования люди не ограничиваются выделенными тремя измерениями. Например, в ряде исследований установлено наличие измерения интенциональности–интенциональности (Passer, Kelley, Michela; 1978).

В последующих исследованиях Вайнер (1995) показывает, что решение об ответственности за действия может быть использовано как основание для утверждении о генерализованности его исходных принципов по отношению к широкому спектру поведения. Эту возможность генерализации он устанавливает как основание для общей теории социального поведения. Вайнер придает центральную роль атрибутированию ответственности, как определяющему эмоциональное состояние субъекта и направляющего его поведение. Как отмечают Hewstone и Fincham, это приводит к некоторой модификации общей схемы Вайнера, которая может быть представлена в следующем виде (1996, с. 191):

Событие (неудача на экзамене) \rightarrow эмоциональная реакция на результат \rightarrow каузальная атрибуция \rightarrow решение об ответственности \rightarrow эмоциональные состояния (злоба, симпатия) \rightarrow поведение

Значимость этого уточнения заключается не столько в его принципиальной новизне, сколько в обосновании значимости общей схемы анализа для теории социального поведения.

Атрибутирование и наученная беспомощность

Феномен наученной беспомощности

Пожалуй одной из самых интенсивно изучаемых проблемных областей является феномен наученной беспомощности. Этот феномен впервые был описан зоопсихологами Пенсильванского университета, исследовавшими поведение собак,

демобилизованных неотвратимостью электрического шока. Несмотря на научение собак стратегиям избегания электрического шока, через сутки они проявляли значительное ухудшение общего состояния, которое характеризовалось: а) неудачными попытками избегания (мотивационный дефицит); б) неспособностью использовать имеющиеся стратегии избегания шока (когнитивный или ассоциативный дефицит); в) пассивным принятием шока (эмоциональный дефицит).

Исходно возникнув из исследований депрессии, наученная беспомощность определяется как «наученное состояние, вызываемое предъявлениями вредных, вызывающих неудовольствие ситуаций, которых невозможно избежать» (Reber, 1995, с. 332). Смысл феномена сводится к тому, что, сталкиваясь с многочисленными неудачами, человек как бы формирует своеобразную предрасположенность к будущим неудачам, снижает ожидаемую эффективность, что, в свою очередь, обрекает его на новые неудачи. Так как первые и наиболее интенсивные исследования данного феномена проводились в рамках клинической психологии при изучении депрессивности, есть смысл остановиться на их более подробной характеристике.

Описание феномена наученной беспомощности в рамках атрибутивного подхода было предложено L. Y. Abramson, M. E. P. Seligman и J. Teasdale, (1978). Они предположили, что каузальная атрибуция детерминирует реакции на непреодолимые события. Ниже приводится общая модель.

Отталкиваясь от утверждения Вайнера о зависимости атрибутирования от успешности или неуспешности прошлых действий или от решения об ответственности, Abramson, Seligman и Teasdale обосновывают необходимость включения медиаторного звена между представлениями субъекта о причинности и реальных результатах. Беря измерение стабильности, введенное Вайнером, они предлагают дополнить его измерением глобальности, т. е. мерой скрытости от людей причинности событий. Атрибутирование успешности действия способностями человека отражает измерение стабильности, ограничение же успешности только рамками данной задачи – измерением глобальности. Таким образом, стабильность выступает в качестве константной величины, а глобальность – изменчивой, характеризующей степень скрытости причинности событий от атрибутирующего. Как и Вайнер, эти исследователи утверждают, что показатель базисной интернальности в атрибутировании связан с уровнем самоуважения и самооценкой. Лица, проявляющие склонность к интернальности, стабильности и глобальности причинности отличаются повышенной депрессивностью.

Схема 20.

Модель формирования наученной беспомощности

Исходя из посылки, что люди не только фиксируют наблюдаемое событие, но и стремятся понять его причины, отмечается важность фактора контролируемости событий. В случае фиксации элемента неконтролируемости происходящего человек задает себе вопрос – почему это происходит? Именно ответ на этот вопрос (каузальная атрибуция) детерминирует значимость психологической реакции на неконтролируемость, включая такие ее особенности, как депрессивность реакции или формирование чувства стыда.

В рамках данного подхода предлагается выделение трех измерений: локуса контроля, стабильности и глобальности, или генерализованности. Каждое из этих измерений может влиять на формирование депрессии. Локус контроля фиксирует связь самооценки с реакцией на негативное событие, Временная стабильность фиксирует степень «зрелости» беспомощности, т. е. ее протяженность во времени. Измерение глобальности, или генерализованности, фиксирует широту экстраполяции беспомощности. Если негативное событие атрибутируется специфической причине, то последствия не столь разрушительны, если же негативное событие атрибутируется глобальной причине («потому, что я неудачник»), то беспомощность будет генерализована на большой круг ситуаций (отношений со многими людьми), что приведет к глобальной беспомощности.

Abramson, Seligman и Teasdale делают вывод о наличии индивидуальных различий в причинных объяснениях событий, проявляющихся в особенностях стиля атрибутирования. Такая стилистическая особенность, как интернальность, стабильность и глобальность атрибутирования негативных событий и выступает основанием депрессии. Как следствие, терапия такого рода расстройств предполагает изменение внутреннего, стабильного и глобального стиля атрибутирования на более внешний, или экстернальный, менее стабильный и глобальный.

Атрибутивный подход к наученной беспомощности в последние годы получил очень широкое развитие, сопровождавшееся как многочисленными подтверждениями, так и резкой критикой (Abramson, Metalsky, Alloy, 1989). В частности, отмечается ряд сложностей, связанных с генерализацией результатов лабораторных исследований на клиническую практику, невозможность получения строгих экспериментальных подтверждений, связанная с этическими контекстами экспериментального формирования депрессивных состояний у испытуемых и т.д.

Атрибутивный подход Abramson, Seligman и Teasdale во многом сходен с построениями когнитивной теории депрессии L. Beck (1976). Когнитивная триада, которую Beck рассматривает в качестве первопричины реактивной депрессии (т. е., тенденция к депрессивному отношению к себе, окружению и будущему), корреспондирует с тенденцией вынесения интернального, стабильного и глобального атрибутирования негативных событий. Тенденция совершать интернальные атрибуции, корреспондирующие с негативным самоотношением, стабильно негативный взгляд на собственное будущее и глобальность атрибутирования негативных событий отражают общее негативное отношение к окружению.

Как и в случае атрибутивного подхода, изменение депрессивного самоотношения связано, прежде всего, с изменением дисфункциональных представлений и

должно сопровождаться тщательным их анализом по аналогии с научной проверкой гипотез (Forsterling, 1988).

Преодоление наученной беспомощности

Возвращаясь к феномену наученной беспомощности, следует проанализировать в свете вышеизложенных его атрибутивных оснований и возможности его преодоления. Безусловно, одним из основных факторов наученной беспомощности является формирование соответствующей атрибутивной схемы, демобилизующей индивида перед лицом «непреодолимого препятствия». Следовательно, преодоление наученной беспомощности становится возможным лишь в результате трансформации данной атрибутивной схемы, т.е. атрибутивного реструктурирования. Исследования последних лет показали, что опыт взаимодействия с неконтролируемыми событиями и ожидание их неслучайности не обязательно приводят к наученной беспомощности и депрессии. Природу и содержание дефицита представлений, порождаемого опытом взаимодействия с неконтролируемыми событиями, детерминирует каузальная атрибуция, совершаемая индивидом (Peterson, 1982: 100). Если субъект приписывает причинность неконтролируемых событий интернальным, стабильным и глобальным факторам происходит генерализация беспомощности, появляется депрессия и снижается самоуважение. При отсутствии такого рода атрибутирования генерализация не наступает и беспомощность носит ограниченный – временной и пространственный характер.

Преодоление наученной беспомощности, таким образом, становится возможным через атрибутивное реструктурирование интернальности, стабильности и глобальности причинности. С. Peterson предлагает четыре возможные стратегии такого рода реструктурирования:

1. Обогащение окружения. Суть этой стратегии сводится к тому, что ожидание неотвратимых негативных последствий может быть изменено посредством изменения окружения, в котором живет человек. Если социальное окружение примет участие в оказании помощи, то депрессия может быть быстро преодолена.
2. Обучение личностному контролю. В данном случае предполагается изменение отношения к событиям как не контролируемым на контролируемые.
3. Научение смирению. В этом случае при невозможности радикального преодоления неотвратимости негативных последствий имеет место научение человека столкновению с ними с наименьшими издержками.
4. Переучивание атрибуции или атрибутивное реструктурирование. Преодоление депрессии достигается посредством перестраивания сложившейся атрибутивной схемы или заменой ее на другую.

Перечисленные стратегии, конечно же, не исчерпывают всех возможностей преодоления наученной беспомощности и депрессии, однако они отражают суть общих подходов к проблемной области. Более же общие вопросы, связанные с когнитивным реструктурированием, будут рассмотрены в разделе, посвященном атрибутивной терапии.

Атрибутивная терапия

Понятие атрибутивной терапии

Значимость стиля атрибутирования, в частности и процесса атрибутирования, в целом, определяется тем, что фактически вся ситуация взаимодействия человека с самим собой и окружающим его социальным и физическим миром буквально пронизана поиском причинных оснований отражаемых событий и фактов. Неоднократно фиксирувавшаяся ранее логика субъективности человека в его взаимодействии с внешним и внутренним миром создает основания для утверждения о том, что фактически он живет в созданном собою мире, а точнее в опосредованной индивидуальностью субъективной интерпретации этого мира. Как подчеркивают N. Cantor и S. Zirkel – «не само по себе событие в жизни людей является значимым; более значимым для понимания личности является ее интерпретация события» (1990, с. 137). Человек интерпретирует окружающий и собственный мир, выстраивая либо частные, либо глобальные картины представлений и, самое главное, в своем взаимодействии с ними опирается не на некую абстрактную «объективную» реальность, а на конкретную субъективную интерпретацию этой реальности. Отражая индивидуальное своеобразие конкретной личности, эти картины представлений могут быть искаженными, неадекватными и детерминирующими проблемное поле индивида, причем воспроизводящееся в каждом последующем цикле. Более того, в основе данных искаженных картин представлений лежат конкретные причинные основания и определяющие специфику атрибутирования. Например, в качестве причинного основания собственной неудовлетворенности характером взаимоотношений и статусом в социальных отношениях с людьми может выступить какая-либо деталь внешности (курносый нос, оттопыренные уши и т. п.). Приобретая статус значимого элемента схемы самости, он может определять специфику интерпретации происходящего в межличностных взаимоотношениях (разве можно на что-либо рассчитывать с такой внешностью), а также выступать в качестве значимого мотива, определяющего направленность и характер поведения (сделаю пластическую операцию и этот кошмар закончится).

Перечисленные особенности задают специфику стиля атрибутирования, часто определяющие наличие тех или иных личностных предубеждений, коррекция которых является объектом атрибутивной терапии. Атрибутивная терапия или реструктурирование стиля атрибутирования является одним из самых интенсивно развиваемых направлений социально-психологических исследований в рамках прикладного аспекта теории атрибуции.

В наиболее общем понимании под атрибутивной терапией понимают изменение структуры представлений клиента о причинных основаниях его проблемной ситуации. Не вызывает сомнения тот факт, что разрешение проблемного поля человека предполагает выявление причинных оснований, закладываемых им в основание собственных объяснительных версий анализируемых фактов или процессов. Часто эти объяснительные версии являются ложными, в том числе и по причине ограниченности наличной информации, влияния собственной тенденциозности и т. п. Задачей психолога являются коррекция этой неадекватности и замена ложного атрибутирования на более адекватное. Я сознательно подчеркиваю аспект большей, а не полной адекватности по той причине, что часто формируется некая иллюзия обладания психологом полностью «объективной» картиной представлений об особенностях атрибутирования клиента. Это иллюзия. Психолог в силу разных причин, в том числе обусловленных невозможностью выхода за пределы собственной субъективности, отсутствия возможности объективных измерений и т. п., так же оперирует приближенной картиной представлений, и его основной задачей является по возможности повышение ее адекватности.

Техники атрибутивной терапии

Существуют различные подходы и техники атрибутивной терапии, подробный обзор которых представлен Layden (1982), Hewstone и Fincham (1996), Woolfe и Dryden (1996). Различают терапию ложной атрибуции, терапию соответствующей действительности атрибуции специфического события и терапию общего стиля атрибутирования. Терапия ложной атрибуции предполагает убеждение клиента в том, что в основе его негативного эмоционального состояния лежат причины, отличные от тех, которым он его приписывает. Терапия соответствующей действительности атрибуции специфического события предполагает убеждение субъекта в том, что его неудача в конкретном случае связана с его промахами, а не является внутренне стабильной. Терапия общего стиля атрибутирования предполагает научение субъекта пересмотру типичного для него стиля атрибутирования посредством нахождения внутренних оснований для более успешных действий. Клиента просят просмотреть внутренние причины собственных успешных действий в различных ситуациях, концентрируясь на личных способностях и позитивных качествах, которые игнорируются при доминировании негативного самоотношения. Подобная же процедура применяется и в отношении анализа причинности неуспешных действий. Находя неадекватности в атрибутировании, демонстрируя их деструктивную роль, предлагая возможности изменения атрибутивного стиля за счет наличных и приобретенных ресурсов, психолог получает возможность позитивного влияния на самоактуализацию клиента.

Отмечается ряд сложностей, связанных с изменением стиля атрибутирования:

- клиент часто отрицает наличие у него данного стиля атрибутирования;
- доказательство клиентом верности его стиля атрибутирования;

- недоверие к возможностям и позитивным последствиям изменения стиля атрибутирования;
- противодействие изменению стиля атрибутирования в силу его возможной критической оценки значимыми другими.

Перечисленные трудности могут быть преодолены только при условии достаточно скрупулезной работы с применением различных процедур. Абстрагируясь от частных случаев, можно определить ряд необходимых этапов переатрибутирования: диагностика уровня самооценки, депрессивности и особенностей стиля атрибутирования; обсуждение возможностей выработки адекватного стиля атрибутирования; демонстрация возможных неадекватных и адекватных стилей атрибутирования; демонстрация деструктивных последствий наличного стиля атрибутирования; наконец, формирование более адекватного стиля.

Позитивные самоизменения стиля атрибутирования, прежде всего, связаны с изменением самоатрибуции. Лишь наличие позитивного самоотношения, осознание позитивных ресурсов и возможностей их актуализации создают необходимые предпосылки для последующих изменений. Процесс изменения самоатрибуции, стиля атрибутирования и поведения предполагают решение двух задач: 1) укрепление веры клиента в собственной целостности и позитивном потенциале; 2) укрепление его ощущений о свободе поступков (Brehm, 1976; Kopel и Arkowitz, 1975; Sonne и Janoff, 1982).

Наиболее оптимальным путем укрепления представлений о собственной целостности и активной роли в происходящем вокруг является самообозрение или своеобразная самоинвентаризация. Включение механизмов самоанализа позволяет человеку поставить ряд значимых для себя вопросов и попытаться найти исчерпывающие ответы на них. В этом процессе существенная роль принадлежит психологу, помогающему преодолеть шоры заикленности в рамках собственной субъективности, подсказать возможные альтернативные решения. Самость начинает представлять перед ним как некоторая диспозиционная структура, связанная с самоатрибутированием. Включение самообозрения в рамках терапевтической практики достигается двумя возможными путями: 1) посредством предоставления средств и инструментов самоконтроля и 2) техники аудио и видеозаписи. J. W. Brehm (1976) рекомендует привлечение к процессу самообозрения возможно большего числа источников информации. Другим непременным условием эффективности переатрибутирования является стимулирование собственной инициативы клиента, ограждение его от возможности ощущения какого-либо внешнего давления. В интересах избавления от последнего, рекомендуются поддержка самоинициации действий, научение самоощущению и т. п. Типичная программа ускорения процесса переатрибутирования включает формирование способности самоконтроля (ведение дневников и т.п.); расширение знаний о явлении; формирование программы упражнений, направленных на развитие необходимых качеств и оказание помощи в разработке ее индивидуального варианта; обучение контролю сигналов состояния и поведения, показывающих изменения в них; обучение технике релаксации и самостимулирования; обеспечение семейной поддержки предпринимаемым усилиям; наконец, предоставление стандартов совершенства (Sonne, Janoff, 1982, с. 84-92).

Во многом процесс атрибутивного реструктурирования направлен на повышение ожидаемой эффективности (Bandura, 1977). А. Бандура отмечает, что обучение технике самообзора и самоанализа позволяет клиенту существенно ускорить процесс самоизменения и повысить его продуктивность. По его мнению, этот процесс опосредствуется рядом подпроцессов:

- Оценка клиентом предлагаемого поведения как соответствующего или не соответствующего личностным стандартам.
- Возможность осуществления референтного сравнения – сравнения предлагаемого поведения с образцами поведения, предлагаемыми референтной группой.
- Субъективная значимости, ценности предлагаемых изменений для самого клиента.
- Особенности индивидуального восприятия детерминант поведения (Bandura, 1978, с. 344-358).

В качестве определяющих эффективность самоизменений Bandura называет три когнитивных процесса: личностные стандарты, стандарты референтного сравнения и ценность, или значимость, предстоящего изменения. Отмеченные особенности подчеркивают субъект-субъектность во взаимоотношениях психолога и клиента, предполагающую достаточно скрупулезную работу по созданию самоиницированных предпосылок изменений, повышению ожидаемой эффективности, выработке соответствующих поведенческих навыков. Практика атрибутивного реструктурирования свидетельствует о недостаточности только когнитивных трансформаций. Лишь моделирование предстоящего поведения, опосредствованное собственным успешным опытом его актуализации, пусть даже в искусственных условиях, приводит к переводу нового поведения в активный поведенческий репертуар, повышая, по мнению Бандуры, уровень ожидаемой эффективности.

В то же время атрибутивное реструктурирование, как правило, является лишь одним из аспектов психологического вмешательства, причем аспектом, требующим дальнейших исследований. Очевидно лишь то, что любое поведенческое изменение невозможно без изменения его атрибутивных оснований, т. е. без атрибутивного реструктурирования и остается лишь сожалеть, что в отечественной социально-психологической традиции исследования в данной проблемной области носят весьма зачаточный характер.

Атрибутивная терапия и педагогический процесс

В практике образовательного процесса наибольшее распространение получила модель рассмотрения атрибутивного процесса, предложенная Вайнером (Weiner, 1974). Он представил свою модель как атрибутивный анализ поведения, связанный с достижениями. В контексте образовательного процесса особый интерес представляет установленная им связь между восприятием успехов и неудач и поведением, связанным с достижениями. В исследованиях получены достаточно

очевидные подтверждения этой связи с настойчивостью, интенсивностью и выбором поведения в решении задач на достижения (Butkowsky, Willows, 1980). Первостепенным вопросом является вопрос о том, какие именно причины учащиеся выдвигают в качестве определяющих их достижения. Вайнер определил в качестве таковых собственные диспозиции учащихся и информацию, имеющуюся в их распоряжении. Категория личностных диспозиций определяется тремя подкатегориями: а) личностными склонностями; б) демографическим статусом; и в) каузальными схемами. Категория наличной информации включает пять подкатегорий: а) собственные представления; б) представления других людей; в) принудительное или самостоятельное принятие задачи на достижение; г) воздействие со стороны родителей и других референтных лиц; д) воздействие со стороны учителя. Возможные предпосылки и оказываемые ими эффекты представлены на схеме 21.

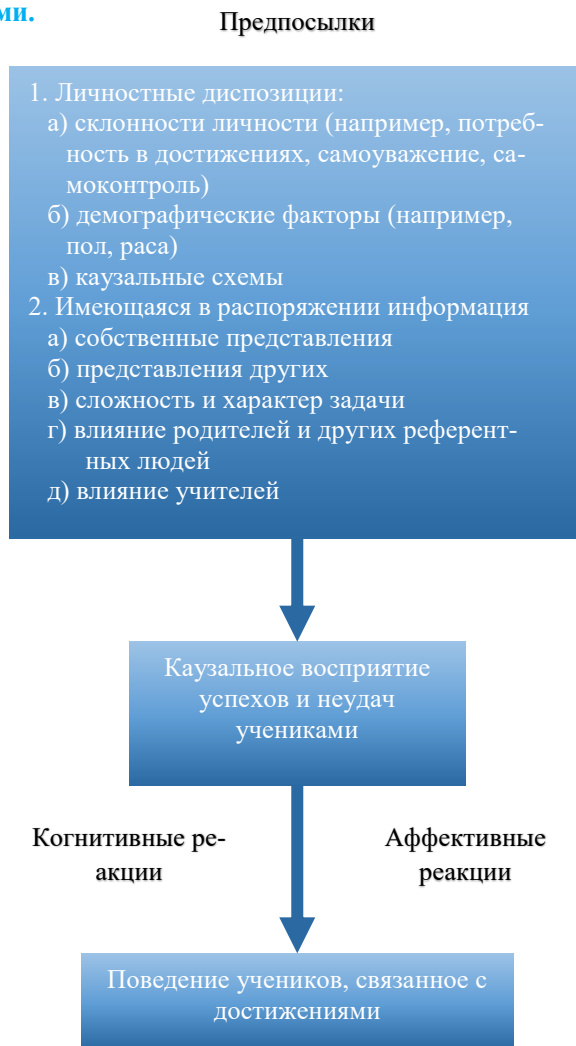
Личностные диспозиции включают мотивационные предубеждения по отношению к формированию и установлению атрибуций, соответствующих потребностям и желаниям учащихся. Они представляют особые наборы причинностей, обусловленные своеобразием качеств личности, ее демографическим статусом и имеющимися каузальными схемами.

В ряде исследований была установлена связь между личностными характеристиками и своеобразием атрибутирования, в частности, с потребностью в достижениях (Bar-Tal, 1982, с. 181). Лица с высокой потребностью в достижениях проявляют склонность к приписыванию успехов способностям и прилагаемым усилиям, в то время как лица с низкой потребностью в достижениях не проявляли четкого осознания атрибутивных предпосылок успехов. Дифференциация атрибутирования была зафиксирована и в отношении уровня самоуважения. Лица с низким самоуважением характеризовались большей ответственностью за собственные неудачи, в то время как лица с высоким уважением, наоборот, проявляли тенденцию к нахождению внешне обусловленной причинности. Такие же зависимости были найдены в отношении локуса контроля, демографических характеристик и своеобразие каузальных схем.

Ряд исследований был проведен в отношении влияния на атрибутирование информации, имеющейся в распоряжении учеников. Особенности атрибутирования во многом обусловлены прошлым опытом учащихся. Соответствие достижений прошлому опыту приводит к увеличению атрибутирования стабильными причинами (например, способностями, сложностью задачи), несоответствие – к увеличению атрибутирования нестабильными причинами (например, отсутствием прилагаемых усилий). Обладание информацией о достижениях других также является действенным в отношении характера атрибутирования. Когда собственные результаты отличаются от результатов других, это способствует самопознанию. Соответствующие другим результаты создают возможности для оценки уровня сложности решаемой задачи. В частности, была зафиксирована присущая студентам склонность атрибутировать достижения собственными достоинствами.

Схема 21.

Предпосылки каузального восприятия, опосредующие поведение, связанное с достижениями.

Приводится по Bar-Tal, D., 1982, с. 180.

Очевидное влияние на характер атрибутирования учащихся оказывают и значимые другие. Так, родители своими оценочными суждениями имплицитно или эксплицитно формируют у них соответствующие каузальные схемы. Сильное влияние оказывают и оценки учителей, причем они оказываются даже более действенными, чем родительские. В частности, наученная беспомощность учащихся в отношении тех или иных учебных дисциплин является следствием оценочных суждений учителей, не всегда четко осознающих деструктивное влияние их оценок.

Модель атрибутирования Вайнера оказалась полезной и для описания специфики взаимодействия в системе учитель – ученик в классе. В соответствии с этой

моделью многие ситуации в классе предполагают оценку успешности и неуспешности действий. Причем в этих ситуациях взаимодействия характер атрибутирования определяется по схеме, описанной Джонсом и Дэвисом позиционной обусловленности, когда успешность и неуспешность устанавливаются с интернальными причинами с позиции учителя и с экстернальными – с позиции учащегося. Каузальное атрибутирование педагога, которое может не соответствовать ученическому, выступает в качестве важной детерминанты его поведения. Во многом это связано и с ожиданиями будущих успехов учащихся педагогом. В случае стабильного повторения у ученика определенных результатов у учителя формируется соответствующая каузальная схема, что в конечном итоге создает основания для классификации причин, а также показателей стабильности и контролируемости. В случае отнесения каузальности к стабильному типу создается основание для антиципирования будущих результатов. На характере атрибутирования учителя может сказываться и стаж его педагогической деятельности. Неоднократное подтверждение, в том числе и субъективное, верности определенной каузальной схемы в ее привязке к столь же устойчивой схеме типа личности, приводит к ореализации последующих взаимоотношений с учеником. Причем чем опытнее учитель, тем консервативнее он становится в стиле атрибутирования. Это и создает предпосылки для неосознаваемого провоцирования учителем эффекта наученной беспомощности у учащихся.

D. Bar-Tal достаточно аргументированно показывает что: а) учащиеся выстраивают причинные основания своим успехам и неудачам; б) каузальное атрибутирование учащихся опосредуется предшествующими факторами и поведением, связанным с достижениями, что свидетельствует о детерминированности успешности учебной деятельности своеобразием атрибутирования; в) на характер атрибутирования учащихся в существенной степени влияют оценки учителей.

Проанализированная модель атрибутирования показывает, что учителя, склонные атрибутировать успешность учебной деятельности учащихся внутренними, стабильными и контролируемыми причинами, а неуспешность – внутренне-нестабильно-контролируемыми причинами, склонны проявлять адаптивное, ориентированное на повышение умений поведение. Учащиеся же, склонные атрибутировать успешность внешним причинам, а неуспешность – внутренне-стабильно-контролируемым причинам, проявляют весьма различные образцы поведения, носящие малоадаптивную, беспомощную направленность.

Для способствования развитию у учащихся адаптивных атрибутивных моделей педагогам рекомендуется обращать внимание на своеобразие стиля атрибутирования учащихся, по возможности выявляя сформировавшиеся у них каузальные схемы. В любом случае до сознания учеников необходимо доводить связь между прилагаемыми усилиями и результатами. Эта информация не должна носить только характер обратной связи, а должна сопровождаться соответствующей инструктивной работой, оказанием помощи в переатрибутировании и формировании более продуктивных каузальных схем. Любой факт достижений, связанных с приложенными усилиями, не должен оставаться без внимания педагога.

Приведенный анализ педагогического аспекта проблемы атрибутирования показывает существенную зависимость процесса обучения от стиля и своеобразия атрибутирования как обучающихся, так и обучаемых. В то же время становится достаточно очевидным и факт неинформированности самих педагогов об их неосознанно негативном участии в формировании наученной беспомощности. Во многом это связано и с очень слабой проработанностью этой проблемной области в отечественной психологии и ее практической непредставленностью в учебной литературе по психологии.

Направления современных исследований в области атрибутирования

Несмотря на то, что исследования проблематики атрибутирования имеют довольно продолжительную историю, интерес к ней ничуть не уменьшается, распространяясь на внутриличностный, межличностный, групповой и социетальный уровни психологического знания (Hewstone, 1999).

На внутриличностном уровне исследования атрибутирования влились в более широкую проблемную область социального познания, в рамках которой особое внимание уделяется изучению логики, процессуальным особенностям и содержанию каузального атрибутирования. В этих исследованиях предприняты попытки разработки более детализированных логических моделей того, как атрибутирующий может анализировать множественные информационные ресурсы, находящиеся в его распоряжении. Процессуальные модели рассматривают особенности формирования и динамики установления причинно-следственных связей, сохранения и последующего воспроизведения атрибутивных схем и скриптов, структурной организации, привлекаемой к атрибутированию информации.

На межличностном уровне накоплен достаточно большой эмпирический материал, описывающий особенности атрибутирования в процессе межличностного взаимодействия, в рамках которого атрибутирование выполняет роль основания подтверждения или опровержения адекватности выдвигаемых причинных оснований наблюдаемого поведения. Существенное внимание уделяется атрибутированию при рассмотрении межличностных конфликтов, близких отношений, супружества и т. п.

В исследованиях межгрупповых отношений проблематика атрибутирования хорошо вписалась в такие явления как ингрупповой фаворитизм, аутгрупповые предубеждения и стереотипы. Именно атрибутированием сегодня объясняются очевидные тенденции дискредитации аутгруппы и поддержания стереотипов.

На социетальном уровне социальные атрибуты рассматриваются как компонент социальных репрезентаций, представляющих широкораспространенные представления о причинах происходящего в обществе. В кросс-культурных иссле-

дованиях выявлены существенные различия в атрибутировании одних и тех же явлений представителями различных культур. В частности, именно развитие кросс-культурных исследований привело к углублению понимания атрибутивных предубеждений.

Наконец атрибутивный анализ привел к углублению понимания основных социально-психологических феноменов, начиная от аттитудов и заканчивая подчинением убеждающему и прочим воздействиям. Несмотря на очевидную искусственность многих теоретических построений, в частности модели человека как «наивного ученого», атрибутивный подход обеспечил существенный прорыв в «человечивании» социальной психологии, обращении ее внимания к проблемам реальной социальной жизни в ее реальном контексте.

Несмотря на относительно многочисленные попытки интеграции существующих теорий атрибуции в единую теорию, они оказались безуспешными, так как каждая теория строится на отличающемся методологическом основании и каждая привносит свое уникальное видение, способствующее углублению представлений. Тем не менее этот диалог разных взглядов строится на нескольких общих основаниях – попытки изучения широкораспространенных представлений или психологии «обыденного сознания», на которую человек полагается в своем реальном объяснении происходящего в мире, пытаясь найти ответы на многочисленные вопросы «почему?»).

Начав главу с рассмотрения классических подходов к проблеме атрибутирования, я постарался представить наиболее значимые наработки не только в контексте теоретических построений, но и их практических приложений. Были проанализированы вопросы, связанные с тем, какого рода информация и как используется людьми в процессе атрибутирования, как вычленяются конкретные типы причинных оснований, какие правила используются, какие ошибки и по какой причине допускаются. Наряду с подробным описанием различных подходов и результатов эмпирических исследований в области атрибутирования мы пытались разобраться в возможных объяснительных версиях анализируемых феноменов, не претендуя на истинность в последней инстанции.

Пытаясь представить достаточно широкую панораму современных исследований в области изучения природы атрибутирования, детерминирующих факторов и основополагающих процессов, я старался создать максимально доступное мне широкое и глубокое представление, отражающее наиболее существенные моменты мировой социально-психологической традиции без каких-либо тенденциозностей и предпочтений.

Наряду с теоретическим обзором читатель получил возможность познакомиться и с прикладными аспектами проблемной области, в том числе обладающими ярко выраженной утилитарной ценностью в отношении вопросов клинической и педагогической психологии.

Глоссарий

Каузальная атрибуция – процесс правдоподобного объяснения человеком самому себе причинности наблюдаемых событий и фактов. Понятие введено в психологию Ф. Хайдером, эмпирически зафиксировавшим склонность людей к построению причинных объяснений наблюдаемого, большей частью связываемых с личностными особенностями действующих.

Каузальная схема – зафиксированное в опыте типичное представление о причинности конкретных действий, наиболее быстро осознаваемое человеком и определяющее его отношение к происходящему. Например, бегающие глаза – свидетельство неискренности.

Ковариирование – аналитическое заключение о причинности происходящего осуществляемое в результате анализа исчерпывающей информации, полученной из разных источников (Келли).

Конфигурирование – автоматический вывод о причинности наблюдаемого при крайне ограниченном объеме информации о происходящем, основанный на извлечении из собственного опыта или опыта значимых других причинного объяснения или схемы (Келли). Например, причиной отказа на просьбу является скупость.

Наученная беспомощность – сформировавшееся в результате нескольких неудач в процессе решения какой-либо задачи ожидание будущей неуспешности ее решения, проявляющееся в общей демобилизации и прекращении, либо просто имитации действий.

Предубеждения атрибутивные – систематические искажения причинных объяснений наблюдаемых событий и фактов, обусловленные ограниченными информационными ресурсами атрибутирующего и его склонностью полагаться на доступный ему опыт или привычные объяснительные схемы. Понятие «предубеждение» вводится как альтернатива понятию «ошибка», так как последнее представляет отклонение от нормативных моделей или отклонение от некоторых принятых критериев валидности. Предубеждение же не ассоциируется с отклонением, а скорее нормой или типичной особенностью.

Самообслуживающие предубеждения – склонность людей к увязыванию причинности собственных успешных действий с личными достоинствами, а неудач – с обстоятельствами. Особенно эта тенденция проявляется в ситуации плохих взаимоотношений с социальными группами, когда действия членов собственной группы позитивизируются, а действия членов аутгрупп негативизируются.

Фундаментальная ошибка атрибуции – установленная в эмпирических исследованиях (Heider, Kelly и др.) тенденция недооценки влияния на причинность наблюдаемого ситуативных факторов и переоценки роли диспозиционных факторов.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие атрибутивного подхода к объяснению социально-психологической феноменологии?
2. Для чего Фриц Хайдер вводит теоретическую модель «человека как наивного ученого»?
3. Что означает корреспондирующий вывод Джонса и Дэвиса?

4. В чем заключается своеобразие ковариационного подхода к атрибутированию Келли?
5. В чем заключается сущность индекса глобальности?
6. Что обуславливает формирование наученной беспомощности?
7. Какие стратегии преодоления наученной беспомощности используются в психокоррекционной работе и в чем заключается их своеобразие?
8. В чем заключается смысл атрибутивной терапии?
9. Какие сложности присущи процессу атрибутивной терапии и с чем они связаны?

Для дополнительного чтения

1. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
2. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М.: Прогресс, 1986

Основной источник

Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Психологическая сущность и структура социально-психологического воздействия.

Понятие социально-психологического воздействия

В структуре общения социально-психологическое воздействие людей друг на друга широко включается в процессы труда, воспитания, пропаганды, психотерапии и другие сферы жизнедеятельности. Действуя преднамеренно или непреднамеренно на осознаваемом или неосознаваемом уровне, оно может играть как положительную, так и отрицательную роль: мобилизовать или демобилизовать потенциальные силы и способности личности и группы, повышать или снижать трудовую и общественную активность, формировать положительные или отрицательные качества личности и т. д.

Воздействие буквально пронизывает всю нашу жизнь. Во взаимоотношениях с окружающими мы выступаем либо в качестве субъекта, либо в качестве объекта воздействия. Сталкиваясь со средствами массовой коммуникации, мы становимся своеобразными мишенями различного рода воздействий, направленных на формирование у нас определенной позиции в отношении того или иного вопроса, события или человека. Нас пытаются мотивировать на совершение определенного выбора, действий, суждений и т. п. На организацию пропагандистских, идеологических и рекламных воздействий выделяются огромные суммы средств. Вполне естественно, что именно воздействие становится объектом пристального внимания и социальных психологов, пытающихся вскрыть его механизмы, особенности применения и условия эффективности.

Тем не менее, прежде чем перейти к обсуждению социально-психологического содержания воздействия, полезно определиться в самом понятии. Систематическое описание категории воздействия относится уже к временам античности. В Древней Греции изучение воздействия было связано с областью риторики. Аристотель выделял в качестве основных условий эффективного воздействия доверие к

источнику воздействия (ethos), апелляции к эмоциям (pathos) и логическую обоснованность (logos). Он также отмечал, что результативность воздействия возрастает, если оно строится на общем основании между воздействующим и объектом воздействия, что предполагает знание особенностей аудитории и ее представлений. Выдающийся оратор Древнего Рима Цицерон выделял пять элементов убеждающего воздействия: создание очевидности аргументов, их организация, искусная стилизация, способствование их запоминанию, их мастерское произнесение.

Первые определения воздействия в основном фокусировались на искусстве построения речи и ораторском мастерстве. В последующем внимание начало концентрироваться на особенностях воздействия как процесса. W. Brembeck и W. Howell определяют воздействие как осознанную попытку изменения мыслей и действий, посредством манипулирования мотивами человека в отношении желаемого исхода (1952). Здесь очевиден переход от логики к мотивам объекта воздействия. В 1970-е годы эти же авторы начинают рассматривать воздействие как коммуникацию, направленную на изменение выбора. Fotheringham определяет воздействие как совокупность эффектов у адресата воздействия. В данном определении акценты смещаются на объект воздействия, который фактически определяет его действительность. Один из крупнейших специалистов в области воздействия К. Burke определяет воздействие как искусное использование ресурсов неопределенности. Он считал, что для идентификации с содержанием воздействия необходимо использовать язык адресата воздействия. Только то, что понятно, причем понятно заданным образом, и приводит к желаемому реагированию. Предполагаемое такого рода идентификацией формирование общего основания между воздействующим и объектом воздействия должно включать всю совокупность средств (вербальных и невербальных, осознаваемых и неосознаваемых и т. п.), способствующих достижению результата.

C. Larson сосредотачивается на процессуальном характере воздействия, отмечая, что оно реализуется только при взаимодействии, кооперации между источником и адресатом. Он определяет воздействие как «создание состояния идентификации или ориентации между источником и адресатом, образуемое посредством использования символов» (1992, с. 11).

A. Manstead (1999) рассматривает под воздействием любую коммуникацию, направленную на изменение представлений, установок других людей, определяя в качестве предмета его социально-психологического анализа факторы, детерминирующие эффективность некоторых форм коммуникации в изменении установок.

В отечественной психологии воздействие определяется как «целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому» (Психологический словарь, с. 58). Такое определение более абстрактно и менее привязано к конкретным содержательным характеристикам, что, с одной стороны, облегчает возможность всеохватности, но создает сложности для конкретизации и содержательной интерпретации. По мнению В. Н. Куликова, психологическое воздействие по своей сущности представляет «проникновение» одной личности (или группы лиц) в психику другой личности (или группы лиц). Целью и результатами этого «проникновения» является изменение, перестройка индивидуальных или групповых психических явлений (взглядов, отношений, мотивов, установок, состояний и т. п.).

Для теоретического анализа проблемы необходимо уточнить исходное понятие психологического воздействия в его соотношении с феноменом действия. Нередко они смешиваются. Между тем, по мнению В. Н. Куликова, это разные явления – действие субъекта, направленное на физический объект, выглядит как оперирование этим объектом. В то же время психологическое воздействие имеет иную направленность, не на физический объект, а на индивидуального или группового субъекта. Таким образом, если действие и деятельность в целом представляют собой «субъектно-объектные» связи, то психологическое воздействие выступает как «субъектно-субъектное» отношение.

Различая психологическое воздействие и деятельность, нельзя их отрывать друг от друга и тем более противопоставлять. Психологическое воздействие включается в коллективную деятельность людей и представляет одну из форм связей и отношений между ними. При этом, с одной стороны, психологическое воздействие опосредуется целями, задачами и содержанием совместной деятельности (А. В. Петровский), а с другой – от целей, задач и содержания психологического воздействия зависит деятельность людей.

Представленные позиции, конечно же, не исчерпывают всего спектра мнений. По нашему мнению, для понимания воздействия полезна идея созидания или сотворчества в процессе воздействия, заключающаяся в признании взаимозависимости его участников. Любое воздействие одновременно является и самовоздействием. Убеждающее воздействие предполагает включение механизмов самоубеждения, внушающее воздействие, в свою очередь, предполагает включение механизмов самовнушения и т. п. По мнению автора именно аспекты созидания и самовоздействия являются решающими для понимания сути и механизмов воздействия как взаимовоздействия.

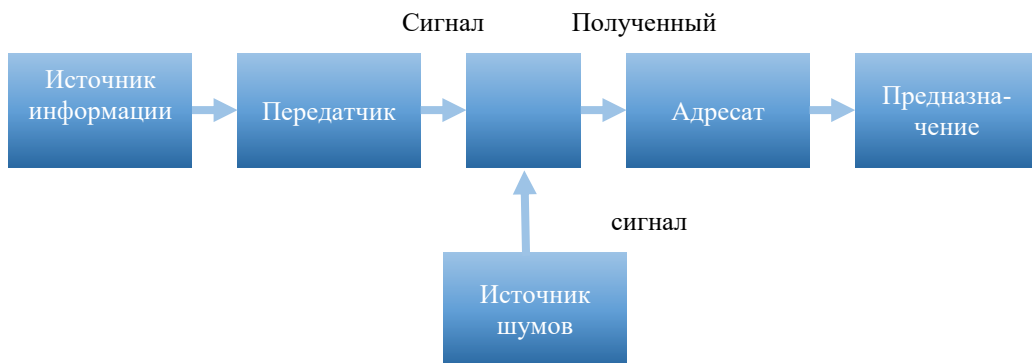
Теоретические модели воздействия

Модели воздействия разрабатывались в разных теоретических традициях, акцентируя внимания на разных аспектах и факторах, определяющих его эффективность. Категория воздействия анализировалась и в рамках бихевиористского подхода, концентрировавшегося на влиянии внешних стимулов на поведенческие реакции. В рамках психодинамической традиции акценты смещались на бессознательную детерминированность поведения. В когнитивной традиции упор делался на процессы переработки информации и рациональную сторону процесса воздействия. Столь же многообразны попытки рассмотрения своеобразия и механики воздействия с позиций конкретных теоретических подходов. Тем не менее наиболее известные модели воздействия в основном разрабатывались в рамках и в контексте теории коммуникации.

Подход с позиций теории коммуникации. Одной из первых и наиболее фундаментальных моделей является классическая модель Шеннона (Shannon) и Вейвера (Weaver), послужившая отправной точкой для многих ее последующих модификаций (1949). Основные элементы предложенной модели приведены на схеме 21.

Схема 22.

Модель коммуникации Шеннона и Вейвера.

Приводится по: Fiske J., 1986, с. 7.

Выделенные в модели элементы, при внешней простоте и лаконичности рассмотрения особенностей процесса коммуникации, со всей очевидностью демонстрируют сложность ее научного исследования. Шеннон и Вейвер дифференцируют эти проблемы в зависимости от сложности решения по уровням:

Таблица 26.

Основные проблемы процесса коммуникации

Уровень А (технические проблемы)	Насколько точно могут быть переданы символы в коммуникации
Уровень В (семантические проблемы)	Насколько четко переданные символы передают желаемое значение
Уровень С (проблемы эффективности)	Насколько эффективно полученные значения влияют на поведение заданным образом

Наиболее простым, как по определению, так и по решению, является уровень технических проблем. Решение их связано, прежде всего, с возможностями преодоления конкретных технических ограничений продуктивности процесса коммуникации. Столь же не сложно определяемы и проблемы семантического уровня. Однако их гораздо сложнее решить, так как возникает проблема семантического сопряжения различных культур и связанных с ними контекстов. Одно и то же понятие в разных культурах наделяется разной семантикой, что зачастую и приводит к проявлению выраженных шумовых искажающих эффектов, приводящих к неадекватности в интерпретации полученной информации, т. е. неадекватности реагирования на произведенное воздействие. Пожалуй, к самому сложному уровню исследований относится проблема эффективности влияния коммуникации на поведение адресата воздействия, которая и составляет предмет социально-психологического анализа.

Применительно к исследованиям данного уровня наиболее пригодной и известной является модификация модели Шеннона и Вейвера, предложенная Д. Берло и известная как SMCR модель по аббревиатуре основополагающих элементов коммуникации: S (source) – источник; M (message) – сообщение; C (channel) – канал; R (receiver) – получатель.

Источник (S) – кто или что кодирует сообщение. Код может быть вербальным, невербальным, визуальным, музыкальным или какой-либо другой модальности.

Сообщение (M) – значения, передаваемые источником посредством кодов.

Канал (C) – путь следования сообщения, включающий возможные искажающие влияния шумов.

Получатель (R) – тот, кто декодирует сообщение, пытаясь отсеять влияние шумов, и добавляет собственные интерпретации.

Каждый из выделенных элементов коммуникации обладает своей спецификой и играет определенную роль в достижении конечной цели воздействия – желаемого изменения поведения. В данной модели достаточно четко прослеживаются реальные сложности, возникающие в процессе передачи информации от источника к получателю. Эти сложности увеличиваются на несколько порядков в случае социальной или межличностной коммуникации.

Коммуникативный подход к воздействию в его собственно социально-психологическом аспекте рассматривается в Модели коммуникации–воздействия как Матрицы ввода–вывода В. МакГайра (McGuire, 1989). Основные факторы убеждающего воздействия отражены в представленной таблице 28.

Модель МакГайра рассматривает сообщения, направленные на изменения установок и действий (колонки таблицы 28.) и последовательные шаги поведенческих действий (строки таблицы 28.), которые сообщение должно вызывать у объекта воздействия в случае актуализации воздействия. Факторы ввода представляют независимые переменные и воздействующие сообщения, которыми манипулируют при построении воздействующей коммуникации.

Факторы источника являются характеристиками воздействующего, такими, как возраст, социоэкономический статус, пол и этническая принадлежность. Факторы источника включают такие характеристики, как организация материала, тип побуждений, стиль подачи, длина и уместность сообщения. Они конкретизируют то, сколько следует говорить по вопросу, в какой последовательности и т. п. Формулирование сообщения является основным компонентом воздействия. Фактор канала коммуникации характеризует модальность передачи воздействующего сообщения. Письменная, слуховая, зрительная, невербальная и вербальная модальности представляют всего лишь некоторые модальности используемые в процессе воздействия. Факторы получателя описывают такие характеристики воздействующего, как возраст, интеллект, образование, интерес к вопросу, пол, этническую принадлежность, особенности личности, стиль жизни. Чем шире и глубже информация об индивидуальных особенностях объекта воздействия, тем легче подготовка и создание эффективного сообщения. Факторы предназначения включают типы поведения, на вызывание которых направлено воздействие, такие как краткосрочные или долгосрочные изменения, изменения конкретных вопросов в рамках целостной идеологической системы, изменение сложившихся представлений и подготовка к будущим изменениям в случае необходимости.

Таблица 27.

Модель коммуникация / воздействие как Матрица ввода / вывода

Ввод: независимые (коммуникация) переменные \ Вывод: Зависимые Переменные (шаги, опосреду- ющие воздей- ствии)	ИСТОЧ- НИК	СООБЩЕ- НИЕ	КАНАЛ	ПОЛУ- ЧАТЕЛЬ	ПРЕДНА- ЗНАЧЕНИЕ
	Количество Единоду- шие Демогра- фия Привлека- тельность Доверие	Тип побуж- дения Тип инфор- мации Включе- ние/вычер- кивание Организация Повторяе- мость	Модаль- ность Направ- ленность. Контекст.	Демогра- фические способ- ности. Личност- ный стиль жизни.	Незамедли- тельность / задержка Предотвра- щение/пре- кращение Прямое / иммуниро- ванное
1. Предъявление коммуникации					
2. Уделение вни- мания ей					
3. Интерес, сим- патия					
4. Понимание ее (научение ей)					
5. Приобретение умений (науче- ние как)					
6. Согласие с ней (изменение ат- титюдов)					
7. Запоминание содержания и– или согласие					
8. Поиск инфор- мации и вос- произведение					
9. Декодирова- ние оснований решений					
10. Поведение в соответствии с решением					
11. Подкрепле- ние желаемых действий					

12. Пост-поведенческая консолидация					
-------------------------------------	--	--	--	--	--

Приводится по McGuire, 1989, с. 45

Факторы ввода, представленные в таблице 28 являются хорошим руководством для конструирования и оценки коммуникационных компаний и диадической коммуникации. Предложенная в модели процедура скрупулезной проработки плана воздействия на кого-либо является весьма необычной и трудозатраты по отношению к индивидуальному случаю организации воздействия. Гораздо более продуктивна эта подготовка в случае направленности на большое количество людей. Для эффективного использования модели важным является прохождение всех 12 шагов с детальной проработкой возможных вариантов воздействия и их последствий. На первом шаге, предполагающем предъявление коммуникации, необходимо продумать процедуру и форму предъявления идеи или продукта. В этом случае важным является определение того, как управлять источником, сообщением, каналом, получателем и факторами предназначения в целях получения максимально возможного эффекта. Несмотря на то что выполнение всех 12 шагов может казаться обременительным, следует иметь в виду, что их выполнение является залогом более успешного убеждающего воздействия.

Конечно же, и модель МакГайра не является исчерпывающей все возможности, но она наиболее полно детализирована, позволяя продумывать многие вопросы перед началом организованного воздействия, хотя в других моделях, которые будут рассмотрены позже, предусматриваются и более экономичные решения.

Подход с позиций теории социального научения. Другой аспект воздействия анализируется в рамках подхода социального научения, пытающегося найти своеобразный интеграл ситуативных и личностных факторов в процессе воздействия. Представляя один из вариантов модернизации бихевиористского подхода, акцентирующегося на внешних или ситуативных детерминантах воздействия, представители подхода социального научения пришли к пониманию роли внутренней активности адресата воздействия. Наиболее известный представитель данного подхода А. Бандура отмечает в этой связи, что люди ни являются побуждаемыми только внутренними драйвами ни подгоняемыми внешними стимулами. Скорее, речь может идти о взаимодействии личностных и внешних факторов (1977, с. 11–12).

Центральной категорией теории социального научения Бандуры является научение через моделирование, предполагающее расширение опыта не столько через метод проб и ошибок, сколько через наблюдение за поведением других людей и своеобразное примеривание пригодности его для себя. Научение через моделирование существенно расширяет возможности человека для развития и выживания. Причем в расширении поведенческого опыта роль подкрепления снижается до уровня одного из факторов. Подкрепление может выступать в качестве предпосылки последующего влияния. Воспроизводя определенное поведение, человек может надеяться на достижение успехов в

будущем. Это ожидание ценных последствий убеждает человека в необходимости нахождения путей повышения внимания к модели и мотивирует его на овладение новым поведением.

Моделирование обладает потенциалом распространения информации среди большого количества людей. Существенна роль в этом процессе и визуальных средств информации, например, кино, телевидения и т. п. фактически они способствуют трансляции моделей поведения по отношению к огромному спектру задач, с которыми человек просто не сталкивался в собственной практике. Люди научаются, среди всего прочего возможным ориентирам в решениях, лингвистическим стилям, концептуальным схемам, информационным стратегиям, познавательным операциям, стандартам поведения и т. п.

Моделирование играет существенную роль и в распространении инноваций. Оно предоставляет людям своеобразные руководства в отношении новых стилей поведения, предоставляя возможность рассмотрения возможных последствий использования того или иного стиля. Конечно же, люди не адаптируют все, что они видят. Они оценивают пригодность новых решений для себя, осуществляя акт оценки ожидаемой эффективности, еще одного центрального для Бандуры понятия, анализ которого уже представлялся. Если ожидаемая эффективность оценивается как достаточно высокая, возрастает вероятность реализации данного поведения и наоборот – при низкой ожидаемой эффективности возрастают тревога и напряженность, приводящие к отказу от актуализации поведения.

Ожидаемая эффективность выступает в качестве первой предпосылки действенности воздействия. Второй его предпосылкой является авторитетность или статусность, модели поведения. Отсюда частое привлечение в рекламном воздействии, направленном на продажу продуктов, знаковых фигур или звезд. Еще одной предпосылкой эффективности воздействия является апеллирование к социальным и моральным обязательствам, например, чувству национальной гордости, якобы требующему заботиться о росте экономики страны, покупая продукцию, сделанную соотечественниками. Безусловно, такого рода факторов, оказывающих влияние на эффективность воздействия, может быть великое множество. Бандура отмечает, что очень трудно предсказать, кто будет особенно чувствителен по отношению к воздействию, так как решающую роль может сыграть любая комбинация факторов.

Когнитивные подходы. В рамках когнитивных подходов основное внимание уделяется разработке моделей, акцентирующихся на стратегиях выработки решений о реагировании на то или иное воздействие. Исходя из общего постулата о том, что по отношению к воздействию может существовать несколько рациональных стратегий реагирования, предполагающих предварительную оценку любой воздействующей коммуникации R. E. Petti и J. T. Cascioppo) предложили модель выработанной вероятности (elaboration likelihood model).

В рамках модели выработанной вероятности описывается ряд возможных стратегий оценки воздействия и выработки стратегии реагирования. Первая стратегия предполагает обращение к имеющемуся опыту и знаниям для

тщательного изучения связанных с вопросом аргументов, содержащихся в полученном сообщении. Например, анализируя предложение со стороны сверстников об обмане преподавателя, студент должен проанализировать свой прошлый опыт использования обмана для достижения сходных целей и совместимости этой стратегии с системой собственных ценностей. Если данная стратегия уже апробирована в опыте и имеет примеры удачного применения, то с позиции модели выработанной вероятности есть достаточные основания для прогнозирования высокой степени вероятности ее использования и в данном случае. Более того, отработанная на собственном опыте и результативная стратегия обладает потенциалом быстрого воспроизведения и трудно изменяема.

Другая стратегия основывается на модели человека как «ленивца» (McGuire, 1969) или когнитивного скупца (Tailor, 1981). В соответствии с ней люди проявляют тенденцию к принятию экономичных решений, следуя принципу экономии сил. Решение принимается на основании относительно простых ассоциаций, выводов и эвристик. Человек реагирует на воздействие наиболее привычным, автоматическим образом, не раздумывая над особенностями конкретного случая. В частности, такого рода автоматизмы часто используются в манипулятивном воздействии и нейролингвистическом программировании.

Согласно модели выработанной вероятности воздействующий должен пытаться получить доступ к соответствующим ассоциациям и опыту, тщательно анализировать и оценивать информацию и на этом основании принимать наиболее оптимальные решения. В случае высокой выработанной вероятности возможность актуализации оптимальных решений велика и наоборот.

Безусловно, и это признается авторами модели, на выработанной вероятности может сказываться влияние огромного числа факторов, в частности личностной вовлеченности. Если человек рассматривает данное решение как лично значимое, то принимает и реализует его значительно легче. Также отмечается, что различные факторы могут играть различную роль в разных ситуативных контекстах. Примером такого ситуативно привязанного реагирования может быть реакция на объявление о вакансии со стороны безработного и работающего. В первом случае сообщение будет восприниматься значительно более обостренно, чем во втором. Точно так же различным будет реагирование студента на определенного рода приложения в ситуации присутствия на занятиях и на студенческой тусовке. В первом случае внимание больше сконцентрировано на учебной деятельности, во втором – на досуговой.

В соответствии с моделью выработанной вероятности утверждается, что в некоторых ситуациях (например, с низкой личностной вовлеченностью) наиболее действенными могут быть периферические сигналы о необходимости изменения поведения, в то время как в других ситуациях (с высокой личностной вовлеченностью) большую роль играет аргументированность предлагаемых в воздействии изменений.

Критики модели выработанных решений отмечают ее неадекватность в случаях параллельного анализа центральной и периферической информации. К тому же очевиден присущий и другим когнитивным моделям компьютерный рационализм, не охватывающий всего многообразия проявлений человеческого поведения в ситуации воздействия. Тем не менее модель выработанной вероятности часто используется и сегодня, так как показывает свою адекватность к определенному классу ситуаций и людям с определенными стилевыми особенностями.

Еще одной популярной моделью, рассматривающей класс решений, предполагающих более скрупулезную оценку имеющихся информационных ресурсов при принятии решения о способе реагирования на воздействие, является модель, предложенная Reardon (1981) под аббревиатурой ACE (appropriateness–consistency–effectiveness). Автор сразу же определяет сферу приложения модели – ситуации, в которой люди мотивированы на размышления и способны их осуществлять, реагируя на адресованное воздействие.

В соответствии с данной моделью, в процессе такого рода размышлений о реагировании люди полагаются на оценку полученной информации по трем критериям: приемлемости, соответствия и эффективности. *Приемлемость* предполагает оценку степени одобряемости предлагаемой идеи значимыми другими или ее соответствия принятым правилам и нормам поведения в такого рода ситуациях. Например, во имя солидарности все студенты должны идти на митинг. *Соответствие* предполагает оценку степени разделяемости предлагаемой идеи или поведения близкими другими или соответствия ее опыту предшествующих действий в такого рода ситуациях. Например, если вы являетесь футбольным болельщиком, то предложение пойти на матч любимой команды не вызовет у вас чувства протеста. Другое дело, если вас пригласят поддержать команду, по отношению к которой вы являетесь ярким противником. В этом случае такое приглашение будет воспринято как посягательство на чувство собственного достоинства. Эффективность предполагает оценку степени результативности той или иной идеи или решения в отношении к достижению преследуемой цели. Например, посещение футбола может рассматриваться как эффективный способ переключения и эмоциональной разрядки.

Модель ACE конкретизирует ряд условий, при которых те или иные воздействия могут быть эффективными. Например, когда мы находимся под наблюдением значимых других, мы не можем быть автономными от них, отстаивая собственную независимость. С большей степенью вероятности мы будем действовать в соответствии с интересами этих значимых других. Данная модель была подтверждена многими исследованиями убеждающего воздействия, что создает основания для учета выделенных критериев приемлемости, соответствия и эффективности при организации целенаправленного воздействия. Хотя, как и все модели рационалистического, компьютерного толка, она не исчерпывает всех возможных вариантов реагирования человека на ситуацию воздействия. Другое дело, что в существующей бесконечности вариантов исследователи опираются на те, которые обладают хоть каким-то потенциалом прогностичности и эмпирического подтверждения.

Модели выработанной вероятности и ACE в определенном смысле можно рассматривать как взаимодополняющие друг друга. Первая фокусируется на личном опыте человека, отработанных способах и схемах реагирования, привычных реакциях, которые довольно часто актуализируются в поведении человека и, соответственно, обладают прогностическим потенциалом. Вторая в большей степени связана с оценкой возможности выработки решений в ситуации наличия достаточных информационных ресурсов. Здесь можно отметить определенную аналогию с принципами конфигурирования и ковариирования Х. Келли, рассматривавшимися в разделе, посвященном теориям атрибуции. Если информационные ресурсы человека ограничены, он полагается на привычные способы решения, эвристики или схемы. Если информационные ресурсы исчерпывающи – имеют место скрупулезный анализ информации, сопоставление различных вариантов решений по аналогии с известной статистической моделью ANOVA.

Представленный обзор теоретических подходов, конечно же, не исчерпывает всего спектра существующих авторских моделей. Тем не менее, он создает определенное впечатление о наиболее широко известных из них, что в свою очередь, создает основания для перехода к рассмотрению вопроса о структуре социально-психологического воздействия.

Структура социально-психологического воздействия

Вопрос о структуре социально-психологического воздействия является достаточно сложным, во-первых, в силу его недостаточной проработанности в литературе и, во-вторых, в силу многообразия способов воздействия и связанных с ними изменений, описанных в ней в достаточно хаотическом виде.

Классическая структура социально-психологического воздействия представлена в рамках подхода с позиции теории коммуникации и включает следующие компоненты:

1. Субъект социально-психологического воздействия – человек, группа, информационный ресурс, средства массовой информации и т. п. организующие и реализующие систему действий, направленных на изменение системы социальных установок (аттитюдов), представлений, отношений, поведения и т. п. личности или группы с целью достижения поставленной цели.
2. Объект социально-психологического воздействия – отдельный индивид, группа, общество, на которые направлено социально-психологическое воздействие.
3. Содержание социально-психологического воздействия – сообщение, информация, действия, направленные на изменение существующей системы социальных установок, представлений, отношений, поведения и т. п.

4. Средства социально-психологического воздействия – способы, технологическое сопровождение, приемы, посредством которых достигается изменение системы социальных установок, представлений, отношений, поведения и т. п.
5. Результат социально-психологического воздействия – изменения в социальных установках, представлениях, отношениях, поведении людей, достигнутые посредством воздействия, направленного на достижение определенных целей.

Перечисленные элементы структуры социально-психологического воздействия представляют авторскую интерпретацию, сопровождаемую признанием правомерности и других подходов. Теперь остановимся на характеристиках отдельных компонентов обозначенной структуры.

В качестве субъектов социально-психологического воздействия могут выступать отдельный индивид, группа, информационный ресурс, средства массовой информации, ситуация и многое другое. Общим является то, что от них исходит воздействие, направленное на изменения в объекте воздействия. Индивид может стремиться произвести соответствующее впечатление на свое окружение прилагая определенные усилия для этого, например, изменив внешний облик. Группа может оказывать давление на своих членов, добиваясь их подчинения групповым нормам. Сегодня в ситуации бурного развития интернета в качестве субъекта воздействия может выступать и определенный информационный ресурс, объединяющий группу пользователей, исходно привлеченных его возможностями, а впоследствии становящийся объектом решения прагматических задач, например рекламирования определенных товаров. Средства массовой информации, ведя пропаганду тех или иных продуктов, идей, стремятся формировать соответствующее мировоззрение своей аудитории, прививая ей определенные идеалы и ценности. Попадая в специально организованную обстановку, человек начинает испытывать на себе ее влияние, призванное склонить его к определенному поведению, примером чему является интимная обстановка, располагающая к определенному рода отношениям.

В качестве объектов воздействия могут выступать отдельные индивиды, социальные группы и более широкие общности, например общества и сообщества. При организации воздействия на них учитываются индивидуальные особенности, присущие им в связи со спецификой используемого способа или средства воздействия. В случае внушающего воздействия учитывается уровень внушаемости личности, в случае убеждающего воздействия – интеллектуальные способности и склонность к рациональному обоснованию психологических особенностей аудитории. В случае группового воздействия в качестве детерминант эффективности могут выступать та же внушаемость (склонность к безотчетному, некритическому принятию мнения группы), конформность (склонность к демонстрации солидарности с группой при внутреннем разногласии с ней), неконформность (склонность к отстаиванию собственной позиции вне зависимости от мнения группового большинства) и негативизм (склонность к отрицанию всего во имя самоутверждения).

Под содержанием воздействия традиционно понимается соответствующим образом выстроенное сообщение, призванное к склонению адресата воздействия к заданным изменениям объекта воздействия. Квалифицированное сообщение пред-

полагает тщательный отбор и структурирование информации, определенную последовательность ее предъявления, проанализированные в уже приводившейся модели коммуникации–воздействия МакГайра. Значение содержания воздействия стало особенно тщательно прорабатываться в последние годы, о чем свидетельствует привлечение специалистов из разных областей знаний в качестве экспертов по выстраиванию имиджа и т. п.

Со средствами социально-психологического воздействия обычно ассоциируются такие его способы, как убеждение, внушение и заражение. При этом под внушением понимается «процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного, активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта» (Психологический словарь, с. 57). Эффективность внушения определяется: 1) свойствами внушающего (социальный статус, представительность, волевое, интеллектуальное и характерологическое превосходство и т. п.); 2) особенностями самого внушаемого (высокая степень внушаемости, состояние эмоционального возбуждения или подавленности; напряженность и т. п.); 3) отношения, складывающиеся между внушающим и внушаемым (авторитетность, доверие, зависимость); 4) способ построения сообщения (императивность, уровень аргументированности, характер сочетания логических и эмоциональных компонентов, подкрепление другими воздействиями).

Под убеждением понимается воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению. При убеждении имеют место отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой функциональной задаче (Там же, с. 413). В данном случае речь идет о воздействии, адресованном рациональному мышлению адресата. Такого рода воздействие предполагает в качестве основания для склонения к предлагаемому решению или действию посредством предоставления исчерпывающей аргументации, логической обоснованности и последовательности ее предъявления с учетом возможной контраргументации. В данном случае часто используются модели принятия решений, с учетом которых и прорабатываются логика и содержание воздействия.

Наконец, в случае заражения речь идет о процессе передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому на психофизиологическом уровне контакта помимо собственно смыслового воздействия или дополнительно к нему. При наличии обратной связи заражение способно нарастать в силу взаимной индукции, приобретая вид циркулярной реакции, т. е. циклического, нарастающего подзаряживания друг от друга участниками массового действия. Эта реакция сопутствует эффективным массовым акциям, публичному восприятию ораторских выступлений, произведений искусства и т. д. и служит дополнительным спланивающим фактором, пока не превысит некоторой оптимальной социальной эффективности. Однако вышедшее из под контроля обоюдное заражение приводит к распаду формальных и неформальных нормативно-ролевых структур и вырождению организованно взаимодействующей группы в ту или иную разновидность толпы (Там же, с. 121). В случае социально-психологического воздействия заражение может использоваться и как один из механизмов подталкивания потребителя к заданному действию, например покупке определенного товара.

В случае результата социально-психологического воздействия речь идет, прежде всего, о тех изменениях, которые происходят у объекта воздействия в его результате. Перестройка системы социальных установок (аттитюдов), представлений, отношений, поведения и т. п. личности или группы под влиянием психологического воздействия может быть различной как по широте охвата затрагиваемых аспектов, так и по стойкости их изменений. По первому критерию, по мнению В. Н. Куликова, различаются парциальные и более общие изменения. Под парциальными подразумевается изменение одного или небольшого количества компонентов, например аттитюдов. Так, силой педагогических воздействий воспитатель может перестроить отношение ученика к тому или иному учебному предмету. О более общих изменениях можно говорить тогда, когда перестраивается целая система представлений, например мировоззрение.

По критерию стойкости изменения могут быть временными и более или менее постоянными, устойчивыми. Возможны случаи, когда измененное под влиянием воздействия отношение или поведение через некоторое время еще раз меняется. В психологическом воздействии всегда можно различать субъект и объект, которые могут быть как индивидуальными, так и групповыми. Но нередко этот процесс принимает характер психологического взаимодействия, т. е. представляет собой соединение двух сопряженных актов, когда индивид А воздействует на индивида Б, а последний не только реагирует на это воздействие, но в свою очередь оказывает воздействие на индивида А. В таких случаях субъект и объект воздействия, а точнее – субъекты взаимодействия, как бы последовательно меняются местами.

Во всех случаях социально-психологическое воздействие, будь то воздействие воспитателя на воспитанника или руководителя на подчиненного, должно рассматриваться как замкнутая система, структурные компоненты которой объединяются в единое целое сложными многоуровневыми связями и отношениями. Эти связи и отношения, как бы надстраиваясь друг над другом, влияют друг на друга и на эффективность социально-психологического воздействия в целом. На когнитивном уровне партнеров по социально-психологическому воздействию связывает взаимное, хотя и с разными целями, познание. Так, воспитатель стремится познать воспитанника для того, чтобы определить стратегию и тактику воздействия, выбрать наиболее эффективный прием. В свою очередь, объект воздействия познает субъект воздействия, прежде всего, с целью определения степени доверия или недоверия к нему, к его воспитательным воздействиям.

В. Н. Куликов считает, что по своему внутреннему существу социально-психологическое воздействие представляет три взаимосвязанных между собой и последовательно переходящих друг в друга этапа. Это, во-первых, так называемый операционный этап, заключающийся в воздействии одной личности или группы на другую личность или группу. Вторым является процессуальный этап, т.е. процесс принятия или отвержения личностью или группой оказываемого на них воздействия. Наконец, третий этап – результативный, представляющий ответные реакции объекта воздействия (1984, с. 161).

В любой форме (воспитательной, управленческой и т. д. социально-психологическое воздействие всегда основывается на определенных мотивах и пресле-

дует конкретные цели. А эти последние определяются идеологией, политикой и моралью того общества или класса, к которому принадлежит субъект воздействия и чьим интересам он служит. Идеологически и политически нейтрального воздействия на массы нет и быть не может.

Включенность социально-психологического воздействия в процессы труда, воспитания, пропаганды и другие сферы жизнедеятельности людей делает весьма актуальной проблему этики воздействия. Проблема этики встает не только перед воздействующим, но и объектом воздействия. В любом случае, особенно при использовании специальных техник – внушения, НЛП, субсенсорных воздействий – должен весьма ответственно обсуждаться вопрос о праве воздействующего использовать их, о его персональной ответственности за результаты. И даже если получено согласие объекта воздействия, следует понимать, что он не всегда отдает себе отчет в возможных рецидивах и недостаточно полно представляет то, что предполагается, полагаясь только на оценку с позиций здравого смысла или неукротимого желания изменений, подавляющего и инстинкт самосохранения. Проблема состоит в том, что как только до объекта воздействия доводятся вся его механика и возможные негативные последствия, существенно снижается либо становится просто невозможным его эффект, например в случае внушения.

Избирательность отношения личности и группы к психологическим воздействиям связана с тем, что на пути этих воздействии стоит психологическая защита. Она является своеобразным «фильтром», отделяющим желательные воздействия от нежелательных, полезные от вредных, соответствующие убеждениям, потребностям и ценностным ориентациям личности или группы и требованиям их социального окружения от противоречащих им.

Таким образом, психологическое воздействие отнюдь не всемогуще, хотя при определенных условиях можно вызывать известные изменения в психике людей, а через нее – в их деятельности и поведении.

Принятие личностью и группой воспитательных, управленческих, пропагандистских, рекламных и других воздействий возможно благодаря тому, что как личность, так и группа обладают податливостью к внешним воздействиям или восприимчивостью к ним. Эта особенность свойственна всем людям, хотя и в разной степени. Применительно к разным способам психологического воздействия она выступает как внушаемость (суггестивность), убеждаемость, конформность и т. д.

Дальнейшие прикладные исследования социально-психологического воздействия должны изучить виды и закономерности податливости людей внешним влияниям. Важной задачей является также разработка «портативных» методик для определения степени податливости личности и группы воспитательному, пропагандистскому, управленческому и другим воздействиям, а это требует изучения разновидностей обозначенного феномена, их специфических особенностей и закономерностей.

Обсуждение прикладных проблем, связанных с субъектом и объектом психологического воздействия, подводит к рассмотрению самого процесса воздействия. Много вопросов связано здесь со способами воздействия: убеждением, заражением, внушением и др., которые в любых формах воздействия, как правило, действуют совместно. Например, педагог разъясняет своим студентам те

или иные положения, убеждает в их правильности определенных представлений, ценностей, внушает необходимость следовать им и т.п. Среди этих способов основным следует признать убеждение, которое рассчитано на сознательное и критическое отношение к внешним воздействиям. Способы психологического воздействия, рассчитанные на сниженную сознательность и критичность тех, на кого они направлены, должны рассматриваться как подсобные.

Для практического использования способов психологического воздействия необходимо четкое представление о каждом способе. Между тем они нередко смешиваются: убеждение с внушением, внушение с заражением, внушаемость с конформностью, конформность с негативизмом и т. д. Необходимо сравнительное изучение различных способов психологического воздействия. В. Н. Куликов предлагает ряд критериев. Во-первых, разные способы психологического воздействия следует сравнивать по степени активности субъекта воздействия. Так при внушении внушающий проявляет значительную активность, старается внушить внушаемому то или иное содержание, повторяет воздействие, порой преодолевая значительные препятствия на пути к цели. В то же время субъект подражания может не проявлять никакой активности и даже не знать, что ему кто-то в чем-то подражает. Во-вторых, критерием отличия одного способа воздействия от другого может быть степень активности объекта воздействия. В процессе убеждения убеждаемый проявляет значительную активность: делает выводы, приходит к суждениям и заключениям и т. д. Убеждающий лишь подводит его к этим выводам, дает факты и доказательства истинности того или иного положения. В то же время при внушении внушающий воздействует «готовым» содержанием, «передает» внушаемому те или иные установки, взгляды, отношения и т. п. Последний принимает их или не принимает, но в формировании практически не участвует. В-третьих, важной сравнительной характеристикой способов психологического воздействия является степень критичности принятия его содержания. Например, внушение принимается внушаемым при сниженной степени критичности, а убеждение требует достаточного уровня критичности убеждаемого.

Представленное описание структуры социально-психологического воздействия позволяет сформировать первое впечатление о его особенностях и компонентах. Вместе с тем в социально-психологическом воздействии присутствует и определенная специфика в зависимости от источника воздействия, к анализу которой мы и приступаем.

Воздействие массовой коммуникации

Исследования особенностей реагирования и противодействия людей воздействию средств массовой коммуникации имеют достаточно длительную историю. Например, исследования эффективности убеждающего воздействия начали особенно интенсивно исследоваться в годы второй мировой войны и не менее интенсивно продолжают и сегодня. Социально-психологические эксперименты в условиях лаборатории, школьных классов и университетских групп, а также полевые исследования внесли существенный вклад в понимание специфики поведения массовой аудитории (Hovland, 1957; McGuire, 1973).

Исследовательская группа К. Ховленда (Hovland) изучала возможности изменения представлений, мнений, ценностей людей и их поведения посредством

различных переменных коммуникации. Также изучались особенности влияния формы и содержания коммуникации на аудиторию. Например, проводилась экспериментальная проверка влияния спровоцированного возбуждения и страха на отношение к односторонней аргументации. Изучалось влияние различных личностных характеристик, сформировавшегося образа коммуникатора и других переменных на убедительность коммуникации и т. п., представленных в развернутой схеме 22.

Общая модель эффективности воздействия была разработана еще Лассуэллом (Lasswell), выделившего в числе основных детерминант убеждающей коммуникации:

- Коммуникатора или источник (кто?).
- Коммуникацию или сообщение (что?).
- Канал коммуникации (как?).
- Аудиторию (кому?).

Результаты многочисленных эмпирических исследований каждой из четырех вышеперечисленных детерминант убеждающей коммуникации в обобщенном виде представлены на схеме X.

Схема 22.

Детерминанты убеждающей коммуникации.

<p>Кто говорит? Коммуникатор</p> <p>Доверие Экспертность Правдивость Привлекательность</p>	<p>Что? Сообщение</p> <p>Обоснованность - эмоциональность Несоответствие. Односторонность – Двусторонность. Первичность – новизна</p>	<p>Как?</p> <p>Канал</p> <p>Активный – пассивный Личностный – массовый</p>	<p>Кому?</p> <p>Аудитория</p> <p>Когнитивный ответ Возраст</p>
---	--	---	---

Приводится по Myers, D.G., 1987, с. 299.

Не останавливаясь на расшифровке приведенных на схеме факторов, которую заинтересованный читатель может найти в опубликованных на русском языке изданиях (Д. Майерс, 1997), отметим, что в последнее время эта классическая четырехзвенная схема дополняется пятой детерминантой – контекстом, в котором осуществляется убеждение (Hogg, Vaughan, 1995, с. 150).

Исследования показали, что особенности реагирования на сообщение определялись субъективным образом личностной и социальной ответственности, а также интенций, приписываемых коммуникатору, его искренностью, образованно-

стью и т. п. Так, испытуемые оказывали существенное противодействие воздействию, исходящему от человека, вызывающего подозрения, но в дальнейшем меняли свое первоначальное отношение к исходящему от него сообщению.

Это отсроченное убеждение было названо *эффектом неожиданного просыпания* (sleeper effect). Объяснение данному эффекту видится в том, что первоначально негативное отношение к сообщению определяется подозрительностью коммуникатора, что и формирует соответствующее отношение к сообщению. Впоследствии же происходит своеобразная диссоциация сообщения от коммуникатора и оно поучает возможность переоценки. В случае образования ассоциаций с каким либо позитивным опытом происходит позитивизация сообщения, в случае негативного опыта – негативизация.

Тем не менее, результаты экспериментальных исследований, полученных в условиях лаборатории, конкретной академической группы далеко не всегда соотносимы с реакциями людей на убеждающее воздействие в условиях реальной жизни.

Условия, в которых люди обычно сталкиваются с пропагандистским воздействием, особенно в ситуации проведения массовых кампаний, отличаются целым рядом отличительных особенностей. Одной из самых важных из них выступает *присутствующий социальный контекст*. У людей часто имеется несколько альтернативных способов, путей и стратегий реагирования на воздействие. Нет гарантий и того, что к воздействию будет привлечено внимание его адресатов. Наконец, существенно влияние имеющейся у людей возможности обсуждать характер проводимой пропагандистской компании экспертами, например, родственниками, друзьями, просто авторитетными людьми. Именно социальному взаимодействию отводится весьма существенная роль в формировании отношения к соответствующим средствам массовой коммуникации. Во-первых, всегда есть возможность обращения к альтернативным источникам. Во-вторых, даже при монополии средств воздействия их действенность определяется фактором авторитетности, т. е. доверия. Это хорошо просматривается на примере российских средств телекоммуникации, столкнувшихся с формированием существенной оппозиции со стороны телезрителей проводимой ими пропагандистской кампании во второй половине 1990-х годов, когда достаточно синхронизированная тремя российскими телеканалами пропагандистская компания столкнулась с проявлением ярко выраженного эффекта бумеранга.

Наличие свободы выбора во многом определяет отличия в предпочтениях по отношению к содержанию осуществляемого воздействия со стороны реципиентов. Интересы, ценности, ожидания, предDisposition людей в существенной степени обусловлены структурой группы, в которой они функционируют. Часто референтная группа формирует круг предпочтений определенной направленности к изданиям, каналам, программам, авторам и ведущим. Следствием этого является то, что тривиальный факт может сформировать весьма специфичное отношение к нему у определенной группы людей. В частности, зафиксирована тенденция стремления к разворачиванию, более широкой интерпретации сообщений, первоначально полученных из средств электронной коммуникации. В целом же предварительная информация служит основанием для различного рода эвристических и предDisposition к

различного рода сообщениям, что во многом определяет своеобразие последующего отношения к ним. В частности, еще Лазарсфельд (Lazarsfeld, 1948) подчеркивал приоритетность социального контекста над психологическими характеристиками личности реципиента.

В последние годы в исследованиях массовой коммуникации в рамках так называемого «утилитарного» подхода все больше внимания уделяется эффектам мыльных «опер». Кроме фиксации высоких возможностей привлечения внимания и своеобразного «засасывания» аудитории сколь-нибудь более убедительных объяснительных версий выдвинуто не было. Последнее касается и социально-психологических механизмов влияния. Вопрос о влиянии средств массовой коммуникации на людей начал, в свою очередь, дополняться вопросом о встречном влиянии аудитории на средства массовой коммуникации (E. Katz, J. Blumer и др., 1979).

В исследованиях E. Katz и M. Gurevitch (1976) был определен перечень социальных и психологических потребностей, удовлетворяемых посредством массовой коммуникации. Зафиксировано тридцать пять потребностей, классифицированных в пять больших групп:

- когнитивные потребности, связанные с увеличением понимания, знаний и информированности;
- аффективные потребности, связанные с усилением эмоциональной сферы, получением удовольствия и удовлетворения эстетических чувств;
- интегративные потребности, связанные с укреплением доверия, статуса, компетентности и стабильности;
- потребности, связанные с укреплением контактов с семьей, друзьями и с миром в целом;
- потребность уменьшения напряженности.

Была выявлена связь средств аудио, видеокоммуникации с получением удовольствия, книг – с развитием самости, газет с – самокомпетентностью и стабильностью. Интересно отметить, что контакты с друзьями, родственниками и другими близкими людьми способствовали увеличению удовлетворения данных потребностей при посредстве средств массовой коммуникации. В определенной степени эта констатация объясняется тем, что средства массовой коммуникации формируют повестку дня аудитории, что, в свою очередь, создает возможности нахождения общих интересов, тем общения, ориентиров в происходящем и т.п.

Изменение аттитюдов: теоретические подходы и исследования

Вопрос изменения аттитюдов в течение последних десятилетий оставался предметом неослабеваемого интереса зарубежных, особенно американских социальных психологов. Причина подобного внимания заключается, прежде всего, в той роли, которая отводится взаимосвязи аттитюдов с поведением человека, а также в огромном спектре прикладных проблемных областей, связанных с решением конкретных задач – от политических и рекламных кампаний до изменения поведе-

ния конкретного человека. Другое основание столь повышенного внимания к изменению аттитюдов представлено в высказывании К. Левина о том, что реальное понимание чего-либо, в том числе и понятия аттитюда, предполагает изучение особенностей его изменений, а не только его стабильных состояний. Например, для исследования гравитации недостаточно констатации факта, что все объекты падают на землю; для более глубокого понимания необходимо исследование ситуаций, в которых одновременно действуют различные гравитационные силы. Также изучение предубеждений самих по себе значительно менее информативно чем изучение факторов, способствующих их возрастанию или снижению.

Обычно исследования в области изменения аттитюдов фокусируются вокруг шести широких теоретических подходов – научения, решений, соответствия, диссонанса, атрибутивного и когнитивно-реактивного. Каждый из перечисленных подходов будет представлен более подробно. Сейчас же, для более глубокого понимания их специфики остановимся на общей характеристике типов исследований изменений аттитюдов, а также связанных с ними методологических проблемах.

Типы исследований изменения аттитюдов.

Среди огромного многообразия исследований изменения аттитюдов можно говорить о двух наиболее общих типах – естественных и лабораторных, различающихся друг от друга по многим параметрам (McGuire, 1985). Оба названных типа исследований имеют как свои достоинства, так и недостатки, на рассмотрении которых мы и остановимся подробнее.

Большая часть исследований в естественных условиях, по крайней мере характерных для американской экспериментальной социально-психологической традиции, связана со студенческими аудиториями. В частности, именно это обстоятельство послужило основанием для критической ремарки по адресу последней, что «вся американская экспериментальная социальная психология по существу представляет социальную психологию американских студентов и ничего большего». Для этого типа исследований характерны исходное определение зависимой переменной (например, влияния убеждающего воздействия) и поиск ряда независимых переменных, посредством изменения которых и оказывается воздействие на зависимую переменную. Такой подход был обозначен как *косвенный конвергентный стиль* исследований изменения аттитюдов (McGuire, 1985). Для этого подхода характерны концентрация на обеспечении точности измерения зависимой переменной и меньшая усложненность процедур контроля и изменения других переменных. Обычно одновременно измеряется и изменяется достаточно много переменных, и для анализа данных используются комплексные методы статистического анализа, которые часто выявляют сложные взаимодействия между переменными. В то же время менее строгий подход к контролю и изменению независимых переменных приводит к многочисленным искажениям и необходимости проверки на больших выборках испытуемых.

В противоположность представленному выше типу исследований, лабораторные исследования, блестяще представленные в работах Л. Фестингера, предполагают участие небольшого числа испытуемых, приходящих самостоятельно и не связанных какими-либо предшествующими отношениями друг с другом в прошлом. Для этого типа исследований характерны выделение какой-либо независимой переменной (например, когнитивного диссонанса) и поиск различных ситуаций, в которых она может проявляться (например, предъявление новой информации, несовместимой с наличными аттитюдами). Этот подход был определен как *косвенный дивергентный стиль* исследований (McGuire, 1985). Он концентрируется на манипулировании одной независимой переменной и контроле других переменных. Как правило, процедуры манипулирования достаточно сложны и точны, предполагая строгую проверку случаев успеха до момента получения достаточно больших оснований для подтверждения. Так как в условиях лаборатории контролируются и другие переменные, нет необходимости в использовании сложных статистических процедур, и значимые результаты могут быть получены и на небольших выборках испытуемых. Ахиллесовой пятой этого подхода являются искусственность ситуации и трудная генерализация выводов на реальные условия жизни. В данном случае представлена хорошая иллюстрация сознательной «жертвы» многообразия реальности жизни во имя научности получаемых результатов.

Не ставя себе целью формулирование критических оснований в отношении экспериментальной социальной психологии с ее часто «слепой» преданностью позитивистской методологии науки, отметим лишь, что большая часть теоретических построений в области изменения аттитюдов покоится именно на ней.

Занимая любую теоретическую и методологическую позицию исследователь, занимающийся изучением социально-психологического воздействия, по мнению С. Littlejohn (1994), должен найти ответы, по крайней мере, на следующие вопросы: какого типа поведенческие изменения связываются с осуществляемым воздействием? Какие процессы лежат в основании изменений в поведении людей, происходящих под влиянием воздействия? В какой степени эти изменения зависят от того, где, когда и при каких условиях происходят изменения?

Попытки нахождения ответов на эти непростые вопросы были предприняты в рамках различных теоретических подходов, моделей, к краткому описанию которых мы и приступим. Следует отметить, что одни из этих подходов рассматривают результат воздействия как изменение аттитюдов, другие – как изменение поведения, связывает их общее – они являются результатом воздействия.

Модели изменения аттитюдов как «одиноких выстрелов». Данные модели имеют достаточно продолжительную историю и связаны с получившими в 1950-е годы широкое распространение интенсивными попытками реализации в социально-психологических исследованиях научных методов позитивистского толка, предполагающих жесткие процедуры операционализации и верификации, якобы обеспечивающие получение абсолютно объективных данных. Исследователи данной ориентации исходили из представления о воздействии как процессе, в котором

исходные аттитюды адресата воздействия могут быть изменены отдельными точечными «выстрелами» посредством таких переменных, как факты, организация, подача, визуальные образы и т. п. Предполагалось, что будучи измененными аттитюды с неизбежностью будут влиять и на изменение поведения. В большинстве своем эти исследования опирались на экспериментальный метод как обладающий наибольшим потенциалом отчленения случайного от неслучайного. Во многом этот подход ориентирован на существование возможности получения в результате многочисленных экстенсивных и интенсивных исследований исчерпывающих представлений о детерминантах поведения и возможностях его изменения при посредстве воздействия. Однако к 1980-м годам исследователи буквально утонули в огромном количестве эмпирически выявленных переменных, что, тем не менее, ничуть не продвинуло в углублении понимания детерминант эффективности воздействия.

Модели соответствия (баланса, диссонанса, консонанса, конгруэнтности и т. п.). данные теоретические конструкции также относятся к так называемым квазинаучным, т.е. использующим экспериментальный метод для открытия паттернов или правил изменения. Основная идея заключается в признании того, что изменение поведения обусловлено несоответствиями между имеющимися представлениями, аттитюдами и поступающей информацией. Исходно человек рассматривается как система, стремящаяся к поддержанию состояния сбалансированности между имеющимися знаниями о себе и окружающем мире и самим этим миром. Состояние соответствия, или консонанса, способствует комфортному сосуществованию. В случае же возникновения противоречий человек испытывает состояние возрастающего напряжения и тревоги – когнитивного диссонанса – и предпринимает усилия для восстановления состояния баланса или когнитивного консонанса. Классическим примером такого рода является человек, стремящийся быть здоровым, осознающий вред курения и продолжающий курить. Еще одним примером является ситуация рассогласования собственных аттитюдов с аттитюдами значимых других. В рамках данного подхода разработано много стратегий преодоления состояния диссонанса. В частности Л. Фестингер предлагает три фундаментальные стратегии: 1) не принятие информации, способной вызвать состояние диссонанса; 2) радикальная перестройка системы представлений; 3) расширение системы представлений посредством дополнения ее новыми элементами знаний. Модели соответствия во многом строятся на представлениях о рациональности поведения человека. На практике же такое поведение далеко не всегда рационально и на изменении поведения в результате социально-психологического воздействия могут оказать влияние совсем иные факторы, в частности, рассматриваемые в рамках бихевиористского подхода, анализирующего особенности научения.

Модели научения. В рамках бихевиористского подхода внимание исследователей концентрируется на изменении поведения. В нем представлен широкий спектр идей от классического обусловливания И. П. Павлова до теории схем подкрепления Б. Скиннера. Общая идея заключается в том, что изменение поведения

связано с механизмом подкрепления новых поведенческих реакций. При всей ортодоксальности такого рода представлений следует отметить, что подавляющее большинство стратегий по изменению поведения, применяемых в пропагандистских и рекламных воздействиях строится именно на этих схемах. Для того чтобы потребителя побудить к покупке следует использовать соответствующие стимулы (яркая упаковка, авторитетные высказывания, организованный ситуативный контекст и т. п.) и подкрепить желаемое поведение (при помощи купонов, встреч, льгот и т. п.). Столь широкая популярность стимульно-реактивной схемы связана с несколькими моментами: *во-первых*, выявление действенных стимулов и схем подкрепления строится на экспериментальном подтверждении, что, в свою очередь, вселяет надежность на универсальный характер найденных решений; *во-вторых*, они применимы для достаточно широких аудиторий и в этом смысле экономичны, так как использование индивидуального подхода к каждому потребителю является чрезвычайно затратным; *в-третьих*, во многом они полагаются на первичную стимуляцию определенной категории лиц, которые в последствии выступают в качестве образцов для подражания, так как приобщение к новому поведению часто строится не на рациональном выборе, а на моде, заражении и т. п.

Модели социальных решений и социального научения. Несмотря на то что данные подходы также полагаются на эксперимент как ведущий метод исследования, в поле их внимания находится именно внутренняя активность человека, связанная с изменениями, происходящими под влиянием воздействий. Обращение к внутренним и ненаблюдаемым факторам социально-психологического воздействия обусловлено осознанием сегодня, казалось бы, очевидного факта – человек не просто является объектом воздействующих стимулов, он обладает собственной активностью и избирательностью, он полагается не только на собственный опыт, но и опыт других людей, получая возможность моделирования будущего поведения. Однако обращение к внутренней активности связано и с рядом трудностей, обусловленных, прежде всего, сложной эмпирической подтверждаемостью. В качестве ненаблюдаемых переменных выступают те же аттитуды, болезненные ощущения, сравнения собственных чувств с чувствами других людей. Социально-психологическое воздействие и связанные с ним изменения объясняются как результат индивидуального сравнения воздействующих сообщений с внутренними якорями или точками отсчета. Эти внутренние якоря связаны и усиливаются социальной аффилиацией и эго-вовлеченностью. Если воздействие воспринимается как субъективно значимое, то и результативность его более высока и наоборот. Обращение к внутренней активности привело к разработке собственных оригинальных подходов, позволяющих выстраивать убеждающее воздействие с учетом возможностей и особенностей соотношения с индивидуальными приоритетами, оценивать принципиальную «вписываемость» сообщения в сложившуюся систему якорей, наконец, учитывать возможности моделирования и своеобразного примеривания к себе предлагаемого изменения поведения и отношения.

Модели эффектов средств массовой коммуникации. С развитием средств массовой коммуникации человечество начало испытывать сильно выраженную зависимость от них, что послужило основанием для разработки различных моделей, объясняющих этот феномен. Сложно говорить о какой-либо единой модели, так как подавляющее большинство из них ориентировано на объяснение конкретных эффектов влияния массовой коммуникации на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и общества в целом. При обсуждении проблемы воздействия средств массовой информации, отмечается ряд особенностей. *Во-первых*, средства массовой информации создают общее информационное поле, используемое большими группами людей для принятия решений, например об отношении к какому-либо событию, выбору кандидата, покупки и т. п. *Во-вторых*, зависимость от средств массовой информации делает нас особо чувствительными к 1) пропаганде; 2) искажению реальности; 3) направлению нашего внимания на определенные вопросы или решения и отвлечению от других; 4) зависимости от средств массовой информации, определяющей своеобразие нашего видения мира и значимость, придаваемую определенным вопросам.

При обсуждении воздействия средств массовой коммуникации или их эффектов дискутируется ряд тем, непосредственно связанных с эффективностью социально-психологического воздействия. Одна из них связана с тем, что получатель информационных воздействий, особенно в случаях включения в межличностную коммуникацию по поводу средств массовой информации, становится активным участником воздействия. Конечно, мы обладаем способностью выбора в отношении того становиться ли нам объектом воздействия или нет избирательно предъявляя себя данному воздействию и сравнивая собственные оценки с оценками других людей. Вторая тема связана с многообразием и универсальностью средств массовой информации как источника постоянного взаимодействия. Фактически эта массированная атака средств массовой информации приводит к деиндивидуализации человека, изолируя его от общества. Свидетельством чему является своеобразное прилипание к телевизору или тому же Интернету, становящимся основными поставщиками представлений, мнений, оценок и формирующих отношение к происходящему. Сегодня формируется новое поколение, для которого непосредственные контакты между людьми становятся менее значимыми.

Представленный обзор моделей изменения поведения под влиянием социально-психологического воздействия не является исчерпывающим. Вполне возможны и другие модели. Общим для них является стремление к нахождению эмпирических детерминант изменения поведения в процессе воздействия. В силу популярности проблемы количество проведенных исследований огромно и вряд ли есть смысл давать обширную характеристику всех полученных результатов, да и физически это просто невозможно. Тем не менее есть смысл остановиться на анализе некоторых наиболее интересных переменных, к чему мы и приступаем.

Эмпирические детерминанты изменения аттитюдов

При наличии огромного количества переменных, оказывающих влияние на изменение аттитюдов, мы остановимся на анализе лишь тех, которые связаны с процессом коммуникации, а именно: *источником, сообщением, аудиторией и целенаправленным поведением.*

В исследованиях, проводившихся на протяжении более чем двадцати лет, был выявлен огромный спектр переменных, обзор которых представлен в приводимой ниже вставке 6.

Вставка 6.

Независимые переменные, излучавшиеся в исследованиях по изменению аттитюдов.

Переменные источника

- Престиж
- Доверие
- Экспертность
- Правдивость
- Привлекательность
 - Физическая привлекательность
 - Сходство
 - Знакомство
 - Симпатия
 - Личностная гармония
 - Равенство
 - Взаимодополняемость
 - Эмпатия
 - Личностная гармония
 - Контрастность
 - Способствование достижению личносно значимых целей
- Власть
- Предрасположенность к убеждению / объективность (предостережение / раздор)

Переменные сообщения

- Тип обращения
 - Рациональный, эмоциональный, моральный
 - Позитивный / негативный (вызывающий страх)
 - Подкрепление сообщения
 - Стиль сообщения, юмор и т. п.
 - Качество аргументов
 - Формулировка
- Включение и исключение
 - Имплицитные / эксплицитные заключения
 - Опровержение / игнорирование противоречащих аргументов
 - Повтор сообщения (мера предъявления)
 - Ситуативная информация (степень ответственности за свои неудачные действия)
- Порядок предъявления (первичность / новизна; забывание)
 - Вынесение заключений первым или последним
 - Соответствие желанием и согласию
 - Кульминация / антикульминация (сила первых или последних аргументов)

Опровержение перед или после поддерживающими аргументами
Несоответствие аттитюдам аудитории

Переменные средств

Непосредственный опыт / сообщение о нем

Межличностный контакт

Модальность (зрительная / слуховая и т.п.)

Средства массовой коммуникации / личное влияние

Групповое обсуждение

Влияние меньшинств

Действенность различных средств массовой коммуникации

Переменные аудитории

Активная / пассивная роль

Насильственное подчинение (поддержка неприемлемого, недостаточная обоснованность, влияние приложенных усилий)

Избирательное предъяснение

Действующий / наблюдающий (самоатрибутирование / атрибутирование других)

Генерализованность убеждаемости

Социальная поддержка

Демографические переменные (возраст, пол и т. п.)

Факторы способностей

Личностные факторы убеждаемости

Когнитивные факторы

Вовлеченность в вопрос (уместность, значимость вопроса)

Латтитуды принятия и отвергания

Процессы после принятия решения

Обязательства и возможность выбора

Силлогистические основания

Последовательность заключений

Регуляционные процессы (использование сигналов, дополнение / усреднение информации, ассимиляция и контраст, перспективы)

Не подтверждение ожиданий

осознаваемая свобода

Самоосведомленность

Комплексность аттитюдов

Приемлемость аттитюдов

Простота мыслей

Эмоциональные факторы

Возбуждение

Символические аттитюды

Мотивы аудитории

Управление впечатлением

Многообразие методов изменения аттитюдов

Когнитивные реакции (систематичность переработки)

Эвристичность переработки

Переменные цели поведения

Сопротивление изменениям

Генерализация эффектов за пределами целевой области

Непосредственное / отсроченное влияние

Прямое влияние \ сопротивление контраргументам

Изменение вербальных аттитюдов изменение поведения

Перечисленные психологические детерминанты изменения аттитудов приводят к нескольким существенным выводам. *Во-первых*, процесс изменения аттитудов многопланов и многоаспектен. *Во-вторых*, это изменение в существенной степени обусловлено ситуативным контекстом, определяющим, какие детерминанты или их комбинация будут ведущими в данных условиях. *В-третьих*, детерминанты изменения аттитудов не являются универсальными. Последний вывод особенно важен, так как эмпирическая фактура, накопленная в экспериментальных социально-психологических исследованиях в подавляющей своей части накапливалась в рамках бихевиористской традиции, исходно ориентирующейся на открытия универсальных закономерностей, как это показывалось в разделе, посвященном анализу теоретических подходов в социальной психологии. Следствием такого рода универсалистской ориентации являлась и чрезвычайная популярность соответствующей психологической литературы (типа книг Карнеги). Время и определенное социально-психологическое прозрение привело, *во-первых*, к пониманию контекстуальной привязанности факторов, определяющих эффективность изменения аттитудов; *во-вторых*, к необходимости нахождения новых идей и подходов.

Предсказание поведения

Проблема предсказания поведения неразрывно связана как с проблемой эффективности социально-психологического воздействия, так и с изменением социальных установок или аттитудов как индикаторов данных изменений. Вопрос на что полагаться при прогнозировании поведения является одним из самых существенных. В различных отраслях он решается по-разному. Так, с позиции факторного подхода ответ однозначен – на факторы или устойчивые индивидуально-психологические черты или характеристики личности. Однако у такого рода ответа есть очень уязвимое звено – полагание на факторы или черты дает слишком общие, рамочные ориентиры в отношении скорее тенденций проявления определенных личностных особенностей и не более. Естественно, что в социальной психологии такой рамочный подход не вызывает особой симпатии, так как социально-психологический прогноз требует, *во-первых*, большей конкретности; *во-вторых*, привязанности к реальным условиям социальной жизни людей.

При отсутствии каких-либо иных возможностей нахождения устойчивых оснований для прогноза социальные психологи были вынуждены полагаться на оценки и мнения людей в отношении их возможных действий в будущем, т.е. на аттитуды. Прекрасно понимая, что мнения и оценки могут быть достаточно динамичными и контекстуально привязанными, социальные психологи прилагали усилия для нахождения относительно стабильных тенденций, способных выступить в качестве оснований для прогноза. Выявление такого рода стабильных оснований достигалось посредством использования соответствующих методов, например, шкал, семантического, дифференциала и т. д., привязки выявленных аттитудов к различного рода контекстам, нахождения дополнительных условий их стабильности. Но даже нахождение этих дополнительных условий не снимало большинства проблем потенциала прогностичности аттитудов.

Не останавливаясь на исторических особенностях данной проблемы и классических подходах, более углубленное знакомство с которыми может быть произведено при помощи учебного пособия Д. Майерса «Социальная психология» (1997), отметим, что сама идея рассмотрения аттитюда как единственного основания для социально-психологического прогноза утратила свою актуальность. Единственный компромисс, который достоин упоминания, предложен М. Рокичем в лице дифференциации двух типов аттитюдов: аттитюда на объект и аттитюда на ситуацию. Данная дифференциация была предложена на основании хорошо известных экспериментов Лапьера, показавших, что предполагаемый прогноз в отношении будущих действий с объектом (аттитюд на объект) может существенно отличаться от реальных действий по отношению к нему в конкретной ситуации взаимодействия (аттитюд на ситуацию).

Теперь перейдем к более современным моделям, включающим в плоскость анализа наряду с аттитюдами и другие факторы.

Теория обоснованных действий Фишбейна и Айзена

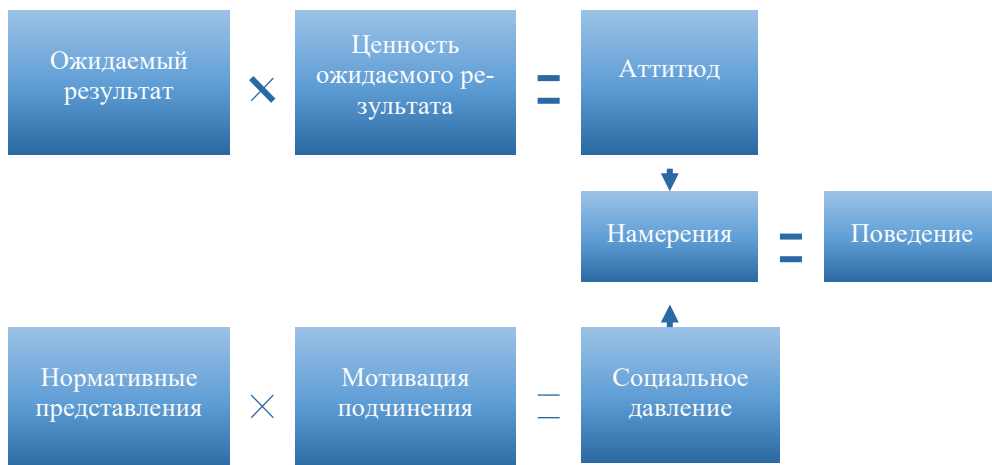
Наиболее часто цитируемой и признаваемой в области прогнозирования поведения является разработанная М. Фишбейном (M. Fishbein) и И. Айзенем (I. Ajzen) теория обоснованных действий (Ajzen, Fishbein, 1975; 1980), которая строится на принципе, предполагающем, что люди в своих действиях основываются на представлениях и приемлемой информации, а не на логическом обосновании. Теория устанавливает, что поведенческие интенции личности обычно являются наиболее адекватными предсказателями того, как будет вести себя человек. В свою очередь поведенческие интенции могут быть предсказаны в случае наличия знаний об относящихся к ним аттитюдов и представлений. В частности, поведенческие интенции к осуществлению определенного рода поведения (например, выбор определенной специальности для обучения) представляют функцию двух факторов: собственных аттитюдов личности в отношении поведения и субъективной нормы, связанной с представлениями других людей о том, как она должна поступать в подобного рода ситуациях. Каждый из этих факторов высчитывается по модели ценности ожиданий, предполагающей объединение ряда характерных представлений об осознаваемой вероятности (или ожиданиях), составляемых в оценочных выражениях (осознаваемой ценности результата для индивида).

Таким образом, аттитюды индивида в отношении поведения объединяют поведенческие представления (представления о последствиях актуализации поведения), каждое из которых составляется из личностных оценок возможных последствий. Аттитюд представляет собой сумму такого рода соединений. Аналогично создается субъективная норма, выводимая из нормативных представлений (предположений о том, что значимые другие могут думать о том, как надо поступать в такого рода ситуациях), каждое из которых определяется мотивированностью личности на подчинение значимых других. Результатом подобного рода выведения и

является субъективная норма. В схематизированном виде механика действия теории обоснованных действий приводится на схеме 23.

Схема 23

Модель предсказания поведения Айзена и Фишбейна.

Приводится по Gergen K. J., Gergen M. M, 1981, p. 196.

В одном из своих ранних исследований Фишбейн попытался предсказать при помощи предложенной модели момент вступления студентов университета, в котором он работал, в добрачные половые отношения. В начале семестра были оценены аттитюды в отношении добрачных половых отношений, представления о том, что думают об этом значимые другие, выявлена мотивированность на подчинение давлению значимых других. В конце семестра было проведено исследование вопроса о том, когда фактически студенты были вовлечены в добрачные половые отношения. Результаты исследований превзошли все ожидания. Ряд последующих исследований, осуществленных другими авторами, также подтвердил высокую прогностичность предложенной теоретической модели.

Подключение к аттитюдам в качестве оснований для прогноза ожиданий самого субъекта в отношении результата, его субъективной значимости или ценности, нормативных представлений и их значимости или мотивации на подчинение безусловно расширяет возможности более адекватного прогнозирования, но не исчерпывает всех проблем.

Во-первых, не решается проблема соответствия ожиданий с тем, что будет в реальности, так как ситуативный контекст может существенно измениться. Это было достаточно убедительно показано Милтоном Рокичем. Во-вторых, при оценке ожиданий все равно присутствует существенный элемент гипотетичности. В-третьих, необходимо учитывать как динамику самой личности, так и ситуативного контекста, которые весьма сложно прогнозируемы и могут выступать в виде тенденций. Тем не менее как определенный новый шаг в исследовании проблемы

прогнозирования изменения поведения, данная модель представляет интерес. Во многом она пересекается с моделью, разработанной известным кросс-культурным психологом Харри Триандисом (Triandis).

Модель межличностного поведения Триандиса

Наиболее близкой к представленной выше модели теории обоснованных действий Айзен и Фишбейн, правда с оригинальными дополнениями, является модель Х. Триандиса. Сопоставление этих двух моделей в их символической форме представлено в таблице 29.

Таблица 28.

Сравнение двух моделей предсказания поведения, основывающихся на аттитюдах, представлениях и интенциях.

Айзен., Фишбейн	Триандис
<ol style="list-style-type: none"> 1. $B \sim I$ 2. $I = (AB)w_1 + (SN)w_2$ 3. $AB = \sum b_i e_i$ 4. $SN = \sum n_i m_i$ <p>где B – поведение I – интенции w – эмпирический вес AB – аттитюд на объект SN – субъективная норма b_i – поведенческие представления о том, что поведение B приведет к последствию i e_i – оценка последствия i n_i – нормативные представления о том, что группа или индивид i думают, что я должен выполнить определенные действия m_i – мотивация на подчинение группе или индивиду i</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. $PB = (HwH + IwI) F$ 2. $I = (S)Ws + (A)wA + (C)wc$ 3. $C = \sum b_i e_i$ 4. S – включает влияние норм, ролей, социальных соглашений, самомониторинга и Я-концепции <p>где PB – вероятность поведения I – интенция w – эмпирический вес H – привычное исполнение поведения F – способствующие условия (включая способности, возбуждение и знания) S – социальные факторы A – эмоциональное отношение к поведению C – оценка последствий поведения b_i – представление о том, что поведение приведет к последствию i e_i – оценка последствия i</p>

Приводится по Oskamp S., 1994, с. 91.

В качестве дополнения к модели Фишбейна и Айзена Триандис, соглашаясь со значимостью интенций для предсказания поведения, добавляет еще два фактора: привычки и способствующие условия. Значимость этих дополнений объясняется тем, что во многих ситуациях человек полагается скорее на привычные способы

поведения, нежели на рациональные решения. Эта особенность достаточно убедительно показана как в рамках бихевиористского подхода, так и теории самоатрибуции Д. Бема. Она продемонстрирована и в исследованиях представителей когнитивного подхода по отношению к области социального познания, которые показали, что при анализе объекта человек первоначально обращается к поиску в собственном опыте возможной отработанной схемы – ориентации в нем, а уже впоследствии (если такой схемы не находится) начинает изучать объект.

Это же замечание касается и способствующих условий. Если мы знаем способствующие условия и вероятность их проявления, то прогностичность наших предсказаний существенно возрастает. В противном случае она может иметь весьма существенные разногласия с тем, что будет происходить в реальности. Тем не менее и предложенные Триандисом дополнения также не являются основаниями для получения универсального прогноза.

Причину невключения факторов, предложенных Триандисом, Фишбейн и Айзен объясняют тем, что они разрабатывали свою систему предсказания поведения, находящегося под произвольным контролем, не отрицая роли привычек и способствующих условий при предсказании произвольного поведения.

Наряду с перечисленными факторами в ряде исследований было продемонстрировано влияние на эффективность предсказания поведения таких переменных, как личные моральные обязательства в случае ситуаций, связанных с реализацией моральных принципов (Gorsuch, Ortberg, 1983; Pagel, Davidson, 1984). Budd и Spencer (1984) продемонстрировали значимость центральности аттитюдов в структуре личности и уверенности в их верности. Sheth (1974), предложил отличную систему предсказания поведения покупателей, включающую измерение привычек, оценочных представлений, общего социального окружения, антиципируемой ситуации и возможных неожиданных эффектов, а также эмоционального состояния, поведенческих представлений и самого поведения.

Подход с позиции теории социальных решений Шерифа

Отличающийся подход к прогнозированию поведения был предложен М. Шерифом (Sherif). Он исходит из положений своей теории социальных решений, подчеркивающей неотделимость аффективного и когнитивного аспектов принятия решений об объектах.

Основной вклад Шерифа в разработку проблематики аттитюдов связан с введением категории «латтитюд», представляющего диапазон позиций, принимаемых или отвергаемых индивидом в отношении данного вопроса. Шериф отмечает, что единичные показатели дают мало информации об аттитюдах человека. Выход им видится в измерении латтитюдов принятия, отвергания и отсутствия взятых обязательств, а также включения индикатора эго-вовлеченности. *Латтитюд принятия* представляет ряд позиций в отношении вопроса (личности, объекта), которые чело-

век считает приемлемыми для себя. *Латтитюд отвергания* представляет ряд позиций человека в отношении объекта, которые воспринимаются им как неприемлемые. *Латтитюд отсутствия обязательств* представляет любую позицию по вопросу, которую человек не принимает, но и не отвергает. Результаты исследований привели Шерифа к заключению о том, что измерение эго-вовлеченности предоставляет возможность определения широты латтитюда отвергания индивида. Сильно эго-вовлеченные люди отвергают большинство позиций как лично неприемлемые по сравнению с людьми слабо вовлеченными. Шериф утверждает, что эти три латтитюда составляют ряд категорий, используемых людьми в оценке объектов аттитюдов.

Процедура измерения трех названных латтитюдов предполагает принятие решений опрашиваемых о приемлемости или неприемлемости для них большого числа аттитюдных позиций. В частности, в исследовании президентских выборов Шериф использовал девять позиций, варьирующихся от полного приятия, до полного неприятия кандидата.

Для теории социальных решений особую значимость имеют принципы ассимиляции и контраста (Sherif, Hovland, 1965). *Принцип ассимиляции* утверждает, что социальные стимулы, например, политические кандидаты или убеждающие сообщения, соответствующие латтитюду принятия индивида, ассимилируются. Это означает, что они: а) рассматриваются как более близкие, чем на самом деле; б) более положительно оцениваются; в) вызывают некоторые изменения в аттитюдах индивида в сторону защиты сообщений. Согласно *принципу контраста* в случае соответствия социального стимула латтитюду отвергания контраст увеличивается. Это означает, что они: а) рассматриваются как более отличные от собственных, чем они есть на самом деле; б) более негативно оцениваются и в) во многих случаях изменяют латтитюд на противоположный навязываемому. Другими словами, в случае близости объекта аттитюда нашим собственным аттитюдам мы проявляем тенденцию к оценке их как более близких по сравнению с тем, чем они являются на самом деле (ассимиляция), когда же мы оцениваем их как отличные от наших, мы преувеличиваем отличия по сравнению с теми, которые имеются в реальности.

Теория социальных решений Шерифа обладает и прогностическими возможностями, которые могут быть сведены к следующему:

1. Сообщения, снижающие латтитюд принятия, способствуют изменению аттитюдов.
2. Если сообщение направлено на подрыв латтитюда отвергания, то оно либо не произведет изменения аттитюда, либо изменит его весьма в незначительной степени. В этом случае может реализоваться эффект бумеранга, когда противоречащее сообщение еще больше укрепляет позицию адресата воздействия в верности его собственных решений.

По отношению к латтитюдам принятия и отсутствия обязательств проявляется тенденция повышения вероятности изменения аттитюдов в случае отличия предлагаемых сообщений от представлений личности. В то же время, чем большее

воздействие адресуется латтитюду отвергания, тем меньшие изменения оно способно вызвать. Теория социальных решений Шерифа обладает и прогностическими возможностями, которые могут быть сведены к следующему:

1. Сообщения, снижающие латтитюд принятия, способствуют изменению аттитюдов.
2. Если сообщение направлено на подрыв латтитюда отвергания, то оно либо не произведет изменения аттитюда, либо изменит его весьма незначительной степени. В этом случае может реализоваться эффект бумеранга, когда противоречащее сообщение еще больше укрепляет позицию адресата воздействия в верности его собственных решений.
3. Чем более отличается сообщение от представлений личности, тем выше вероятность изменения аттитюдов по отношению к латтитюдам принятия и отсутствия обязательств. В то же время, чем большее воздействие адресуется латтитюду отвергания, тем меньшие изменения оно способно вызвать.
4. Чем выше эго-вовлеченность личности в вопрос, тем сильнее латтитюд отвергания, слабее латтитюд отсутствия обязательств и, соответственно, ниже вероятность изменения аттитюда.

Представленный обзор подходов к проблеме прогнозирования поведения может быть дополнен и другими моделями. Но все они, представляя собой определенные шаги в решении проблемы нахождения устойчивых оснований для прогнозирования поведения должны восприниматься с определенной степенью критичности в силу того, что, по крайней мере, в авторских претензиях претендуют на исчерпываемость и законченность. В реальности, увы, эти основания не столь очевидны в силу уже отмечавшихся ранее обстоятельств: динамичности личности и ситуативного контекста. Тем не менее при определенных условиях данные модели вполне продуктивны в самой постановке вопроса о зависимости поведения и от аттитюдов, и от интенций, и от привычек, и от динамики обстоятельств, и от соответствия латтитюдам принятия или отвергания и от многого другого.

Устойчивость к социально-психологическому воздействию и ее механизмы

Психологическая защита как механизм социально психологической устойчивости к воздействию

Как уже отмечалось, объекту социально-психологического воздействия присущ механизм психологической защиты от нежелательных и вредных воздействий. Конкретные механизмы социально-психологической защиты, постановка проблемы уже рассматривались в разделе самости личности, поэтому остановимся лишь на аспекте ее роли по отношению к социально-психологическому воздействию.

Применительно к социально-психологическому воздействию роль механизмов психологической защиты выражается, прежде всего, в выполнении эго-защитной функции. В этой связи Дж. Клеппер говорит о «самоотборе», «выборочном восприятии», «выборочном запоминании». Г. Келман и А. Игли указывают на роль ценностей, вкусов, традиций, усвоенных личностью, в формировании своего рода устойчивости по отношению к изменениям и т. п.

Исследования отечественных ученых показывают, что психологическая защита является механизмом, присущим каждой взрослой и нормальной личности, а также сложившейся группе. Она предотвращает нарушение внутренней устойчивости личности и группы, нарушение нормального течения психической жизни людей под влиянием нежелательных и социально вредных воздействий, что делает человека невосприимчивым к вредным влияниям, дурным примерам поведения и т. п.

Психологическая защита подразумевает критическое отношение объекта воздействия к субъекту и к содержанию воздействия. Применительно к воспитанию, например, это будет выглядеть как критическое отношение воспитанника к воспитателю и к тому, о чем последний ведет речь. В одних случаях психологическая защита может выражать критическое отношение личности или группы к тому, кто на них воздействует, а в других – критическое отношение к содержанию воздействия. Вместе с этим нередко наблюдается «перенос» защитных отношений с одного компонента психологического воздействия на другой. Так, критическое отношение ученика к воспитателю может «переноситься» на то, о чем он говорит.

Психологической защите свойственны определенные закономерности, знание которых сделает все функциональные формы психологического воздействия более эффективными. Выяснение этих закономерностей – задача будущих прикладных исследований. Пилотажные исследования Н. В. Андриенко (2000) позволили ей сформулировать ряд продуктивных предположений. Во-первых, результаты экспериментов указывают на избирательный характер психологической защиты. Даже один и тот же воспитанник может обнаружить разную степень противодействия разным воспитателям, а также разному содержанию, исходящему от одного и того же воспитателя. Во-вторых, обнаружены динамизм психологической защиты, колебание ее силы как в сторону повышения, так и в сторону понижения.

Пределом психологической защиты является такое повышение ее силы, когда личность или группа перестает принимать и выполнять воздействия, идущие от конкретного воспитателя или имеющие определенное содержание. Но в это же время, воспитательные воздействия другого (других) воспитателя или имеющие другое содержание могут приниматься. Так, подросток может перестать воспринимать воспитательные воздействия родителей, но может принимать воздействия учителей или своих товарищей.

Д. Майерс (1997) предлагает в качестве дополнения к механизмам психологической устойчивости ряд тенденций самоудовлетворенности, проявляющихся в избирательном отношении к социально-психологическому воздействию. Эта возможность переинтерпретации в целях сохранения позитивного самоотношения, а в конечном итоге устойчивости Я-концепции часто ассоциируется с так называемыми самоудовлетворяющими предубеждениями или тенденциями. Майерс выделяет следующие из них:

- объяснение причинности, направленное на поддержание самоудовлетворенности (человек отбирает причины, устраивающие его, и игнорирует – не устраивающие);
- сравнения в собственную пользу (избирается устраивающая система координат или эталонов и провозглашается единственно верной);
- склонность к самообольщению;
- переоценка желательности именно совершенных действий в данной ситуации (я не мог поступить иначе);
- переоценка точности сформировавшихся представлений и принятых решений (у меня верная информация, и принятое решение является наиболее оптимальным в данной ситуации);
- забывание прошлого в выгодном для себя свете;
- стремление к нахождению дополнительных возможностей самооправдания при невозможности избавиться от воспоминаний о совершенных негативных действиях;
- склонность выдвигать в качестве критериев оценки других людей собственных сильных сторон;
- преувеличение объективности результатов проверки собственных действий в случае их позитивности;
- склонность к эгоцентризму, проявляющаяся в преувеличении собственной ответственности за действия других людей при объективно весьма незначительной роли для них (стремление дать совет при отсутствии просьбы о нем);
- склонность к рассмотрению собственных поведенческих мотивов как более позитивных, а мотивов других людей – как менее позитивных (я помог по причине собственного альтруизма, он – из-за корысти);
- нереалистичский оптимизм в отношении будущего развития событий;
- курьезная тенденция улучшать собственный имидж путем недооценки согласованности действий других людей.

Общая направленность перечисленных самоудовлетворяющих предубеждений очевидна – сохранение позитивного самоотношения. Не преувеличивая универсальности описанных Майерсом эмпирически подтвержденных фактов, отметим их соответствие общей логике обеспечения устойчивости позитивных самопредставлений. Описанным тенденциям самоудовлетворяющих предубеждений относится и рациональное обоснование. Излишний динамизм представлений способствует дезориентации в развитии, так как многие изменения не отражают устойчивых тенденций. В силу данного обстоятельства становится обоснованным разумный консерватизм, оберегающий человека от импульсивных решений. Выступая в роли своеобразных консервативных фильтров, механизмы психологической защиты и самоудовлетворяющие тенденции являются своего рода «жертвой» во имя стабильности и устойчивости. Как мы видели, такого рода «жертва» присутствует и в случае реализующегося в социальном познании процесса категоризации, когда категория, приобретая статус дискретного и статичного образования, нивелирую-

шего динамику и многообразие проявлений категоризируемого объекта, обеспечивает необходимую стабильность отношения к объектам окружающего мира по аналогии со свойством константности восприятия.

Проанализированные явления представляют сформировавшуюся в опыте индивида и транслируемую ему культурой предзащищенность к социально-психологическим воздействиям. Однако эта предзащита может быть сформирована и посредством самого воздействия или предварительной подготовки к нему, что будет показано на примере психологического прививания.

Психологическое прививание

Воздействие на аудиторию со стороны средств массовой информации отнюдь не обязательно приводит к слепому повиновению реципиента. Более того, в отдельных случаях воздействие вызывает столь мощное противодействие, что усиливаются противоположные представления. Этот феномен был экспериментально подтвержден С. Kiesler, (1971). В качестве одного из условий возрастания сопротивления воздействию Кеслер определил слабые попытки повлиять на представления человека с целью их изменения. Было продемонстрировано, что люди, связанные определенным рода обязательствами в отношении их позиции по какой-либо проблеме, реагируют на попытки изменения их представлений, усилением веры в правильность своих взглядов и становятся еще более приверженными своим позициям.

В качестве второго основания того, что слабые по силе и действенности воздействия вызывают противодействие, является концепция психологического прививания В. МакГайра (McGuire W.J., 1964). МакГайр с удивлением обнаружил, что людей можно «прививать» по отношению к воздействиям извне по аналогии с биологическим прививанием.

Во-первых, им было выявлено существование некоторых культурных триумфов – утверждений, с которыми люди проявляют склонность легко соглашаться, например «чистить зубы после еды полезно». Во-вторых, была показана возможность быстрого разрушения этих триумфов под влиянием массивного воздействия со стороны вызывающего доверие источника (например, о том, что частая чистка зубов приводит к стиранию эмали). В то же время было наглядно продемонстрировано, что если перед этим массивным воздействием у людей, которым оно адресовано, сформирован иммунитет посредством первого недостаточно убедительного и интенсивного воздействия, то у них резко возрастает сопротивляемость и по отношению к значительно более мощным попыткам.

В своих исследованиях МакГайр показал наличие своеобразной «закрытости» людей по отношению к оценочным суждениям, поступающим от других. Он утверждает, что возможность прививания возрастает при условии предварительного предъявления: (1) достаточно убедительных аргументов против распространенных триумфов скомбинированных с 2) с аргументами, демонстрирующими некорректность контраргументации (McGuire, 1961).

Возможность использования результатов лабораторных исследований в реальных условиях была продемонстрирована исследовательской группой Макалистера (McAlister, 1980). В их исследованиях была представлена попытка формирования у студентов иммунитета к давлению со стороны окружения на курение,

например, студентам предлагалось отреагировать на рекламу того, что женщина, куря сигареты, отстаивает свою свободу репликой – это на самом деле не является ее свободой, так как она находится на никотиновой крючке. Реагирование на реплику «птенец», адресованную некурящему в виду его отказа закурить, парировать репликой «я на самом деле стал бы птенцом, если бы согласился закурить». После ряда подобного рода занятий, длившихся в течение двух семестров, привитые студенты оказались значительно более устойчивыми к курению, чем не привитые.

Психологическое прививание средствами массовой информации происходит и посредством неудачных пропагандистских кампаний или присутствия в них элементов лжи. Неудачное воздействие, также как и ложь, формируют у аудитории недоверие к соответствующим источникам и вырабатывают склонность действовать вопреки.

Возможность прививания присутствует и на индивидуальном уровне. Своеобразная гарантия относительно объективного отношения к навязываемым воздействиям заключается в активном отношении к информации, обсуждении ее с другими людьми. В случае если информация не может быть подвергнута объективному анализу, то тем хуже для нее. Если же анализ возможен, то его необходимо проводить с максимальной скрупулезностью.

Сопrotивление влиянию обусловлено рядом социально-психологических факторов. В качестве одного из них многими исследователями (Brehm, 1966; Wicklund, Brehm, 1976) называется потребность в свободе. Любое посягательство на свободу выбора вызывает реакцию бумеранга. Вероятность сопротивления возрастает:

- по мере возрастания угрозы свободе;
- по мере возрастания значимости для индивида информации и поведения;
- при наличии устойчивых представлений об обладании неотъемлемым правом на свободу.

Вторым фактором выдвигается потребность быть отличным от других, в сохранении собственной уникальности (Snyder, Fromkin, 1980).

Психологическое прививание на личностном уровне можно определить как процесс предоставления индивиду информации, подготавливающей его к возможным негативным последствиям или трудностям на пути решения тех или иных задач (Feld, Radin, 1992).

Основополагающий принцип психологического прививания заключается в том, что сопротивление индивида внешним воздействиям усиливается благодаря предварительному знакомству с возможными негативными последствиями.

I. L. Janis и L. Mann (1977) включают в психологическое прививание предварительное информирование человека о тех потерях, стрессе или осложнениях, с которыми он может столкнуться, приняв то или иное решение, средствах, при помощи которых эти последствия могут быть преодолены, и внешних обстоятельствах, которые способствуют этому. Цель этих процедур заключается в снятии следающего за принятием решения стресса посредством увеличения знаний и представлений, снижающих действенность воздействия.

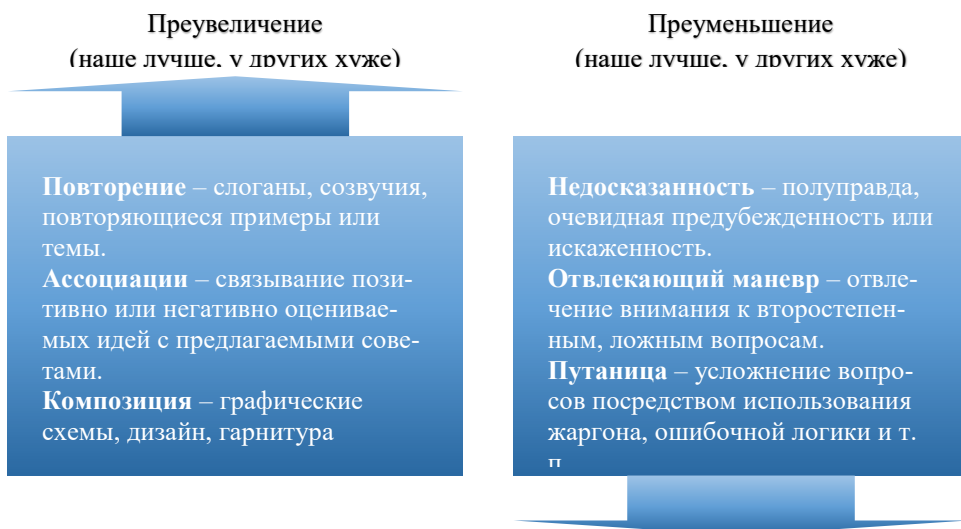
В различных концепциях психологического прививания обсуждаются пути развития у человека подготовленности к предстоящему психологическому воздействию. Развитие же критических способностей по отношению к воздействию стало предметом исследования Х. Ранка (Rank), к рассмотрению которой мы и приступим.

Метод самозащиты Ранка

Исследование различных моделей убеждающего воздействия привело Ранка к осознанию факта их потенциальной опасности для индивида, так как он зачастую просто не подозревает объектом каких манипуляций и внушений становится. Для противодействия такого рода воздействиям Х. Ранк разработал схему преувеличения / преуменьшения, основные элементы которой представлены на схеме 24.

Схема 24.

Схема преувеличения / преуменьшения Ранка.

Приводится по Larson C. U., 1992, с. 15

Основная идея Ранка заключается в констатации того факта, что обычно воздействующий использует две основные стратегии для достижения своих целей: преувеличивает некоторые аспекты пропагандируемой идеи или рекламируемого продукта при одновременном преуменьшении других. Иногда они уподобляются иллюзионистам, пытаясь отвлечь внимание от одних сторон и привлечь внимание к другим.

Воздействующий может использовать следующие стратегии:

- преувеличение собственных сильных сторон;
- преувеличение слабых сторон конкурента;
- преуменьшение собственных слабых сторон;
- преуменьшение сильных сторон конкурента;

На тактическом уровне воздействующий может использовать повторение, ассоциации и композицию для преувеличения сильных сторон своего предложения. Он также может использовать недосказанность, отвлекающие маневры, запутывание для преуменьшения слабых сторон своего предложения или сильных сторон конкурента.

Стратегии воздействия, как правило, являются пошаговыми, включая определенные тактические действия. Так, в ситуации выборов кандидат стремится очернить своих конкурентов и преувеличить собственные отличия от них в лучшую сторону. В случае использования тактики повторения он постоянно будет «стучать себя в грудь», рассказывая о достоинствах. При ассоциировании он будет стремиться формировать ассоциации с авторитетными другими, примером чего является постоянное апеллирование к поддержке президентом. В случае композиции, как отмечает G. McLuhan, происходит «причесывание» одной информации относительно другой. Используемые средства наглядной агитации направлены на создание позитивного образа самого себя и сопровождаются негативными картинками конкурента – показ криминального или коммунистического прошлого и т. п. В случае недосказанности имеет место неафиширование своего материального благополучия и порочащих связей. В случае использования отвлекающих маневров речь идет об отвлечении внимания от своей проблемности за счет преувеличения катастрофических последствий надвигающегося экономического кризиса с подчеркиванием, по возможности, того, что при его избрании катастрофических последствий можно будет избежать. Наконец при использовании запутывания многие кандидаты начинают использовать туманные фразы, включающие не понятные, но производящие на обывателя неизгладимое впечатление термины, например дефолт, секвестр и т. п.

Ранк предлагает ряд советов для распознавания используемых в убеждающем воздействии тактических приемов. В случае столкновения с пропагандистской скороговоркой мы должны сохранять холодность, отстраненность и скептицизм в отношении происходящего. Для достижения этой цели предлагается следующий инструмент самоанализа, представленный в таблице 30.

Таблица 30.

Карта подсчета схемы преувеличения / преуменьшения Ранка.

Преувеличение собственных достоинств	Преувеличение недостатков других
1.	1.
2.	2.
3.	3.
Преуменьшение собственных недостатков	Преуменьшение достоинств других
1.	1.
2.	2.
3.	3.

Приводится по Larson C.U., 1992, с. 23.

Анализируя при помощи приведенной карты подсчета осуществляемое по отношению к вам воздействие, следует внимательно фиксировать в ней, сколько раз используются повторение, ассоциации, композиционные уловки, недосказанности, отвлечения внимания и запутывания. По мере проведения подсчета вы увидите особенности используемых стратегий и тактик и, возможно, повысите степень критичности по отношению к происходящему. Собственно говоря, использование любых аналитических инструментов и средств прояснения возможных скрываемых

контекстов способствует возрастанию критичности, а, следовательно, и устойчивости по отношению к производимому воздействию. Общая схема такого рода острого анализа нами уже рассматривалась в разделе, посвященном атрибутивной терапии. Этому способствует даже сохранение простой установки на возможность присутствия скрываемых моментов. Эта схема вполне уместна и по отношению к оценке осуществляемого социально-психологического воздействия. Другое дело, что сохранение критичности к происходящему не должно превращаться в стилевую особенность, так как в этом случае возникает потенциальная возможность «нахождения врагов» там, где их просто нет.

Рассмотренный в разделе проблемный пласт социально-психологического воздействия создает необходимую основу для перехода к следующей, более сложной плоскости человеческих взаимоотношений межличностному – взаимодействию. На протяжении всего раздела мы пытались провести линию о субъект-субъектном характере воздействия. Оно никогда не бывает односторонним. У человека всегда есть выбор – поддаваться или не поддаваться, быть пассивным или активным в отношении происходящего. Какие сложности встают перед людьми в процессе налаживания продуктивных взаимоотношений мы рассмотрим далее.

Глоссарий

Внушение – процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного, активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта»

Латтитюд – предложенная Шерифом модификация аттитюда, обозначающая диапазон позиций, принимаемых или отвергаемых индивидом в отношении данного вопроса. Введение латтитюда обусловлено стремлением повысить прогностический потенциал аттитюда за счет оценки имеющихся в опыте человека устойчивых предпочтений в отношении определенных событий и фактов.

Психологическое прививание – снижение эффективности воздействия посредством предварительного информирования адресата о его содержании. В случае прививания, по аналогии с биологической прививкой, содержание воздействия смягчается за счет опускания наиболее острой и болезненной информации.

Вопросы для обсуждения

1. В чем своеобразие социально-психологического воздействия?
2. Какие виды социально-психологического воздействия выделяются и в чем их специфика?
3. Какие основные теоретические подходы к социально-психологическому воздействию существуют и в чем они отличаются друг от друга?

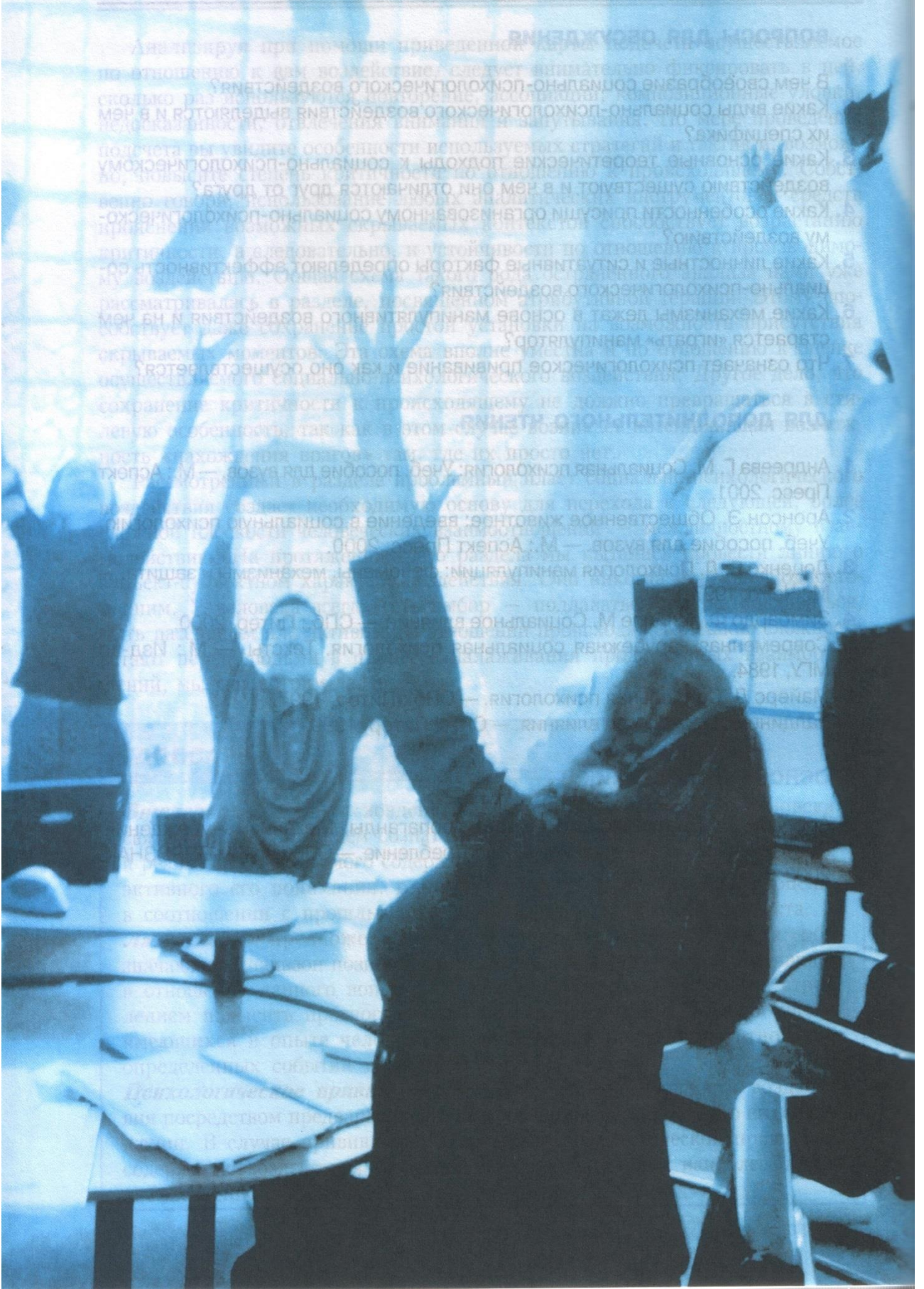
4. Какие особенности присущи организованному социально-психологическому воздействию?
5. Какие личностные и ситуативные факторы определяют эффективность социально-психологического воздействия?
6. Какие механизмы лежат в основе манипулятивного воздействия и на чем старается «играть» манипулятор?
7. Что означает психологическое прививание и как оно осуществляется?

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Социальная психология. Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
2. Аронсон Э. Общественное животное: введение в социальную психологию. Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000.
3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997.
4. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
5. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
6. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Изд-во «Питер», 1997.
7. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999.

Основной источник

Аронсон Э, Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения. Повседневное использование и злоупотребление. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

Психологическая пра...
... посредством пред...
... В слуха... жив...

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Теоретические подходы к межличностному взаимодействию

Межличностное взаимодействие: сущность и содержание.

Межличностное взаимодействие является одной из центральных для социальной психологии категорий. Именно в социальном взаимодействии, как это было показано в предыдущих разделах, происходит формирование социальной сущности человека, выражаемое его самостью. Как подчеркивал Дж.-Г. Мид, лишь вступая во взаимодействие, устанавливая взаимоотношения с другими людьми, помещая их в свой внутренний мир и рефлексирова их возможные реакции на свои действия, человек становится социальным существом. Собственно, говоря и сама социальная психология получила достаточные основания для обретения самостоятельного статуса благодаря включению в свой предмет социального взаимодействия и всей феноменологии, сопряженной с ним.

Социальное взаимодействие буквально пронизывает все сферы и плоскости социальной жизни, создавая огромное количество микро- и макрозадач, от разрешения которых в существенной степени зависят и самочувствие, и самоотношение человека, его жизненные перспективы и самоудовлетворенность. Взаимодействие с необходимостью приводит к установлению взаимоотношений между людьми. Одни являются ситуативными и краткосрочными, другие – более долгосрочными, наконец, в последних выделяются взаимоотношения особо значимые для человека, с которыми связано его выживание в социальном, да и физическом мире. Человек может уставать от взаимоотношений с людьми, трагически переживать их, испытывать эйфорию и счастье. Не может он лишь одного – быть изолированным от них. Более того, оказываясь по тем или иным причинам в продолжительном одиночестве, будучи социально депривированным, он начинает испытывать острый дискомфорт, приводящий к депрессии и потери жизненных смыслов.

В предшествующих разделах мы уже рассмотрели такие аспекты межличностного взаимодействия, как перцептивный и коммуникативный. В рамках этих аспектов был дан развернутый анализ того, как человек интерпретирует, познает, атрибутирует и понимает мир окружающих его людей, как он обменивается информацией и какие сложности возникают в этом обмене. Остановимся более подробно на интерактивном аспекте и представляющем собственно межличностное взаимодействие.

Что регулирует межличностные взаимоотношения, что ориентирует нас в перспективе их развития, что сдерживает наши порывы и что определяет выбор, совершаемый нами? Ответы на эти и другие вопросы станут объектом нашего анализа. Ответы не простые, так как, во-первых, предполагают четкое определение того, что представляют собой как взаимодействие, так и взаимоотношения; во-вторых, в чем конкретно они проявляются и на что следует обращать внимание, изучая их. Как отмечает Radley, (1996, с. 25) возникают не менее серьезные вопросы, связанные с выяснением того, могут ли взаимоотношения быть объяснены в конкретных деталях и могут ли эти детали выступать в качестве эмпирических индикаторов состояния и развития взаимоотношений? Наконец, надо определиться в том, какие именно отношения следует анализировать – взаимоотношения между мужем и женой, родителями и детьми, учащимися и т. п. Последнее предполагает более широкую дифференциацию взаимоотношений на межличностные и социальные.

Каждый из выделенных типов взаимоотношений включает взаимодействие. Причем эти взаимодействия с течением времени изменяются. В частности пример уже анализировавшегося ранее эффекта ореола показывает, что длительные взаимоотношения с течением времени могут приводить к притуплению бдительности, образованию доминирующей эмоциональной валентности, задающих как характер интерпретации происходящего, так и характер взаимодействия. Изложенное определяет логику рассмотрения вопроса, сформировавшуюся исторически и отражающую последовательное рассмотрение различных аспектов проблемы. Первоначально определимся в сути и содержании взаимодействия в общем, через прояснение результатов эмпирического исследования нормативно-ролевой регуляции взаимодействия, затем перейдем к современной проблематике, связанной с углублением в суть вопроса.

Межличностное взаимодействие как общение

Место взаимодействия в структуре общения. Категория общения является специфично отечественной, практически не используется в большинстве психологических традиций. Интерактивная сторона общения – это условный термин, обозначающий характеристику тех компонентов общения, которые связаны с взаимодействием людей, с непосредственной организацией их совместной деятельности. Исследование проблемы взаимодействия имеет в социальной психологии давнюю традицию. Интуитивно легко допустить несомненную связь, которая

существует между общением и взаимодействием людей, однако трудно развести эти понятия и тем самым сделать эксперименты более точно ориентированными. Часть авторов, как отмечает Е. В. Андриенко просто отождествляют общение и взаимодействие, интерпретируя и то и другое как коммуникацию в узком смысле слова (т. е. как обмен информацией), другие рассматривают отношения между взаимодействием и общением как отношение формы некоторого процесса и его содержания (2000). Иногда предпочитают говорить о связанном, но все же самостоятельном существовании общения как коммуникации и взаимодействия как интеракции. Часть этих разночтений порождена терминологическими трудностями, в частности тем, что понятие «общение» употребляется то в узком, то в широком смысле слова. Если придерживаться предложенной при характеристике структуры общения схемы, т. е. полагать, что общение в широком смысле слова (как реальность межличностных и общественных отношений) включает в себя коммуникацию в узком смысле слова (как обмен информацией), то логично допустить такую интерпретацию взаимодействия, если оно предстает как *другая* (по сравнению с коммуникативной) сторона общения. Какая «другая» – на этот вопрос еще надо ответить.

Если коммуникативный процесс рождается на основе некоторой совместной деятельности, то обмен знаниями и идеями по поводу этой деятельности неизбежно предполагает, что достигнутое взаимопонимание реализуется в новых совместных попытках развить далее деятельность, организовать ее. Одновременно участие многих людей в этой деятельности означает, что каждый должен внести свой особый вклад в нее, что и позволяет интерпретировать взаимодействие как организацию совместной деятельности.

В ходе ее для участников чрезвычайно важно не только обмениваться информацией, но и организовать «обмен действиями», спланировать общую деятельность. При этом планировании возможна такая регуляция действий одного индивида «планами, созревшими в голове другого» (Ломов, 1975, с. 132), которая делает деятельность действительно совместной, в которой ее носителем будет выступать уже не отдельный индивид, а группа. Таким образом, на вопрос о том, какая же «другая» сторона общения раскрывается понятием «взаимодействие», можно ответить: та сторона, которая фиксирует не только обмен информацией, но и организацию *совместных действий*, позволяющих партнерам реализовать некоторую общую для них деятельность. Такое решение вопроса исключает отрыв взаимодействия от коммуникации, но исключает и отождествление их: коммуникация организуется в ходе совместной деятельности, «по поводу» ее, и именно в этом процессе людям необходимо обмениваться и информацией, и самой деятельностью, т.е. вырабатывать формы и нормы совместных действий. В истории социальной психологии существовало несколько попыток описать структуру взаимодействий. Так, например, большое распространение получила так называемая теория действия, или теория социального действия, в которой в различных вариантах предлагалось описание индивидуального акта действия. К этой идее обращались и социологи (М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс) и социальные психологи. Все фиксировали некоторые компоненты взаимодействия: люди, их связь, воздей-

ствие друг на друга и, как следствие этого, их изменения. Задача всегда формулировалась как поиск доминирующих факторов мотивации действий во взаимодействии.

Примером того, как реализовалась эта идея, может служить теория Т. Парсонса, в которой была предпринята попытка наметить общий категориальный аппарат для описания структуры социального действия. В основе социальной деятельности лежат межличностные взаимодействия, на них строится человеческая деятельность в ее широком проявлении, она – результат единичных действий. Единичное действие есть некоторый элементарный акт; из них впоследствии складываются системы действий. Каждый акт берется сам по себе, изолированно, с точки зрения абстрактной схемы, в качестве элементов которой выступают: а) деятель; б) «другой» (объект, на который направлено действие); в) нормы (по которым организуется взаимодействие); г) ценности (которые принимает каждый участник); д) ситуация (в которой совершается действие). Деятель мотивирован тем, что его действие направлено на реализацию его установок (потребностей). В отношении «другого» деятель развивает систему ориентаций и ожиданий, которые определены как стремлением к достижению цели, так и учетом вероятных реакций другого. Может быть выделено пять пар таких ориентации, которые дают классификацию возможных видов взаимодействий. Предполагается, что при помощи этих пяти пар можно описать все виды человеческой деятельности.

Эта попытка оказалась неудачной: схема действия, раскрывающая его «анатомию», была настолько абстрактной, что никакого значения для эмпирического анализа различных видов действий не имела. Несостоятельной она оказалась и для экспериментальной практики: на основе этой теоретической схемы было проведено одно-единственное исследование самим создателем концепции. Методологически некорректным здесь явился сам принцип – выделение некоторых абстрактных элементов структуры индивидуального действия. При таком подходе вообще невозможно схватить содержательную сторону действий, ибо она задается содержанием социальной деятельности в целом. Поэтому логичнее начинать с характеристики социальной деятельности, а *от нее* идти к структуре отдельных индивидуальных действий, т.е. в прямо противоположном направлении. Направление же, предложенное Парсонсом, неизбежно приводит к утрате социального контекста, поскольку в нем все богатство социальной деятельности (иными словами, всей совокупности общественных отношений) выводится из психологии индивида.

Другая попытка построить структуру взаимодействия связана с описанием ступеней его развития. При этом взаимодействие расчленяется не на элементарные акты, а на стадии, которые оно проходит. Такой подход предложен, в частности, польским социологом Я. Щепаньским. Для Щепаньского центральным понятием при описании социального поведения является понятие социальной связи. Она может быть представлена как последовательное осуществление: а) пространственного контакта; б) психического контакта (по Щепаньскому, это взаимная заинтересованность); в) социального контакта (здесь это – совместная деятельность); г) взаимодействия (что определяется, как «систематическое, постоян-

ное осуществление действий, имеющих целью вызвать соответствующую реакцию со стороны партнера»); наконец, д) социального отношения (взаимно сопряженных систем действий) (1969, с. 84). Хотя все сказанное относится к характеристике «социальной связи», такой ее вид, как «взаимодействие», представлен наиболее полно. Выстраивание в ряд ступеней, предшествующих взаимодействию, не является слишком строгим: пространственный и психический контакты в этой схеме выступают в качестве предпосылок индивидуального акта взаимодействия, и потому схема не снимает погрешностей предшествующей попытки. Но включение в число предпосылок взаимодействия «социального контакта», понятого как совместная деятельность, во многом меняет картину: если взаимодействие возникает как реализация совместной деятельности, то дорога к изучению его содержательной стороны остается открытой. Довольно близкой к описанной схеме является схема, предложенная в отечественной социальной психологии В. Н. Панферовым (1989).

Наконец, еще один подход к структурному описанию взаимодействия представлен в *транзактном анализе* – направлении, предлагающем регулирование действий участников взаимодействия через регулирование их позиций, а также учет характера ситуаций и стиля взаимодействия (Берн, 1988). С точки зрения транзактного анализа каждый участник взаимодействия в принципе может занимать одну из трех *позиций*, которые условно можно обозначить как Родитель, Взрослый, Ребенок. Эти позиции ни в коей мере не связаны с соответствующей социальной ролью: это лишь чисто психологическое описание определенной стратегии во взаимодействии (позиция Ребенка может быть определена как позиция «Хочу!», позиция Родителя как «Надо!», позиция Взрослого – объединение «Хочу» и «Надо»). Взаимодействие эффективно тогда, когда транзакции носят «дополнительный» характер, т.е. совпадают: если партнер обращается к другому как Взрослый, то и тот отвечает с такой же позиции. Если же один из участников взаимодействия адресуется к другому с позиции Взрослого, а тот отвечает ему с позиции Родителя, то взаимодействие нарушается и может вообще прекратиться.

Второй показатель эффективности – адекватное понимание *ситуации* (как и в случае обмена информацией) и адекватный стиль *действия* в ней. В социальной психологии существует много классификаций ситуаций взаимодействия. Уже упоминалась классификация, предложенная в отечественной социальной психологии А. А. Леонтьевым (социально-ориентированные, предметно-ориентированные и личностно-ориентированные ситуации). Другие примеры приведены М. Аргайлом и Э. Берном. Аргайл называет официальные социальные события, случайные эпизодические встречи, формальные контакты на работе и в быту, асимметричные ситуации (в обучении, руководстве и пр.). Э. Берн уделяет особое внимание различным ритуалам, полуритуалам (имеющим место в развлечениях) и играм (понимаемым весьма широко, включая интимные, политические игры и т.п.) (Берн, 1988).

Каждая ситуация диктует свой стиль поведения и действий: в каждой из них человек по-разному «подает» себя, а если эта самоподача не адекватна, взаимодействие затруднено. Если стиль сформирован на основе действий в какой-то конкрет-

ной ситуации, а потом механически перенесен на другую ситуацию, то, естественно, успех не может быть гарантирован. Различают три основных стиля действий: ритуальный, манипулятивный и гуманистический. На примере использования ритуального стиля особенно легко показать необходимость соотнесения стиля с ситуацией. Ритуальный стиль обычно задан некоторой культурой. Например, стиль приветствий, вопросов, задаваемых при встрече, характера ожидаемых ответов. Так, в американской культуре принято на вопрос «Как дела?» отвечать «Прекрасно!», как бы дела ни обстояли на самом деле. Для нашей культуры свойственно отвечать «по существу», притом не стесняться негативных характеристик собственного бытия («Ой, жизни нет, цены растут, транспорт не работает» и т. д.). Человек, привыкший к другому ритуалу, получив такой ответ, будет озадачен, как взаимодействовать дальше. Что касается использования манипулятивного или гуманистического стиля взаимодействия, то это отдельная большая проблема, особенно в практической социальной психологии (Петровская, 1983).

Важно сделать общий вывод о том, что расчленение единого акта взаимодействия на такие компоненты, как позиции участников, ситуация и стиль действий, также способствует более тщательному психологическому анализу этой стороны общения, делая определенную попытку связать ее с содержанием деятельности.

Типы взаимодействий. Существует еще один описательный подход при анализе взаимодействия – построение классификаций различных его видов. Интуитивно ясно, что практически люди вступают в бесконечное количество различных видов взаимодействия. Для экспериментальных исследований крайне важно как минимум обозначить некоторые основные типы этих взаимодействий. Наиболее распространенным является дихотомическое деление всех возможных видов взаимодействий на два противоположных вида: кооперация и конкуренция. Разные авторы обозначают эти два основных вида различными терминами. Кроме кооперации и конкуренции, говорят о согласии и конфликте, приспособлении и оппозиции, ассоциации и диссоциации и т. д. За всеми этими понятиями ясно виден принцип выделения различных видов взаимодействия. В первом случае анализируются такие его проявления, которые способствуют организации совместной деятельности, являются «позитивными» с этой точки зрения. Во вторую группу попадают взаимодействия, так или иначе «распатывающие» совместную деятельность, представляющие собой определенного рода препятствия для нее.

Кооперация, или кооперативное взаимодействие, означает координацию единичных сил участников (упорядочивание, комбинирование, суммирование этих сил). Кооперация – необходимый элемент совместной деятельности, порожденный ее особой природой. А. Н. Леонтьев называл две основные черты совместной деятельности: а) разделение единого процесса деятельности между участниками; б) изменение деятельности каждого, так как результат деятельности каждого не приводит к удовлетворению его потребности, что на общепсихологическом языке означает, что «предмет» и «мотив» деятельности не совпадают (Леонтьев, 1972, с. 270–271).

Каким же образом соединяется непосредственный результат деятельности каждого участника с конечным результатом совместной деятельности? Средством такого соединения являются развившиеся в ходе совместной деятельности отноше-

ния, которые реализованы прежде всего в кооперации. Важным показателем «тесноты» кооперативного взаимодействия является включенность в него всех участников процесса. Поэтому экспериментальные исследования кооперации чаще всего имеют дело с анализом вкладов участников взаимодействия и степени их включенности в него.

Что касается другого типа взаимодействий – конкуренции, то здесь чаще всего анализ сконцентрирован на наиболее яркой ее форме, т. е. на конфликте. При изучении конфликта социальной психологией прежде всего необходимо определение собственного угла зрения в этой проблеме, поскольку конфликты выступают предметом исследования и в ряде других дисциплин: социологии, политологии и пр. Социальная психология сосредоточивает свое внимание на двух вопросах: с одной стороны, на анализе вторичных социально-психологических аспектов в каждом конфликте (например, осознание конфликта его участниками); с другой – на выделении частного класса конфликтов, порождаемых специфическими социально-психологическими факторами. Не останавливаясь на деталях конфликтного взаимодействия, исчерпывающе описанных Н. В. Гришиной (2000), отметим определенную переоценку ценностей, происшедшую в отношении этого феномена в отечественной психологии в последние годы. Если ранее конфликт рассматривался исключительно в деструктивном аспекте, то сегодня он начинает рассматриваться и в своей конструктивной функции. Впрочем такой подход уже давно разрабатывался зарубежными социальными психологами в особенности в работах М. Дойча.

При анализе различных типов взаимодействия принципиально важна проблема содержания деятельности, в рамках которой даны те или иные виды взаимодействия. Так, можно констатировать кооперативную форму взаимодействия не только в условиях производства, но, например, и при осуществлении каких-либо асоциальных, противоправных поступков – совместного ограбления, кражи и т. д. Поэтому кооперация в социально-негативной деятельности не обязательно та форма, которую необходимо стимулировать: напротив, деятельность, конфликтная в условиях асоциальной деятельности, может оцениваться позитивно. Кооперация и конкуренция – лишь формы «психологического рисунка» взаимодействия, содержание же и в том и в другом случае задается более широкой системой деятельности, куда кооперация или конкуренция включена. Поэтому при исследовании как кооперативных, так и конкурентных форм взаимодействия недопустимо рассматривать их вне общего контекста деятельности.

Взаимодействие как организация совместной деятельности.

Общепсихологическая теория деятельности, принятая в отечественной психологической науке, задает и в данном случае некоторые принципы для социально-психологического исследования. Подобно тому как в индивидуальной деятельности ее цель раскрывается не на уровне отдельных действий, а лишь на уровне деятельности как таковой, в социальной психологии смысл взаимодействий раскрывается лишь при условии включенности их в некоторую общую деятельность.

Конкретным содержанием различных форм совместной деятельности является определенное соотношение индивидуальных «вкладов», которые делаются

участниками. Так, одна из схем предлагает выделить три *возможные формы*, или модели: 1) каждый участник делает свою часть общей работы независимо от других – «совместно-индивидуальная деятельность» (например, некоторые производственные бригады, где у каждого члена свое задание); 2) общая задача выполняется последовательно каждым участником – «совместно-последовательная деятельность» (например, конвейер); 3) когда имеет место одновременное взаимодействие каждого участника со всеми остальными – «совместно-взаимодействующая деятельность» (пример – спортивные команды, научные коллективы или конструкторские бюро) (Уманский, 1980, с. 131). Психологический рисунок взаимодействия в каждой из этих моделей своеобразен, и дело экспериментальных исследований установить его в каждом конкретном случае.

Однако задача исследования взаимодействия этим не исчерпывается. Подобно тому, как в случае анализа коммуникативной стороны общения была установлена зависимость между характером коммуникации и отношениями, существующими между партнерами, здесь также необходимо проследить, как та или иная система взаимодействия сопряжена со сложившимися между участниками взаимодействия *отношениями*.

Поскольку взаимодействия «одинаковы» по форме своего проявления, в истории социальных наук уже существовала попытка построить всю систему социального знания, опираясь только на анализ формы взаимодействия (так называемая формальная социология Г. Зиммеля). Убедительный пример недостаточности только формального анализа взаимодействия дает традиция, связанная с исследованием альтруизма. Альтруизм относится к такой области проявлений человеческой личности, которая приобретает смысл лишь в системе определенной социальной деятельности. Вопрос здесь упирается в содержание нравственных категорий, а оно не может быть понято лишь из «близлежащих» проявлений взаимодействия. Является ли альтруистическим поведение человека, помогающего бежать злостному преступнику? Только более широкий социальный контекст позволяет ответить на этот вопрос.

При анализе взаимодействия имеет значение и тот факт, как каждым участником осознается его вклад в общую деятельность (Харацц, 1977, с. 29). Именно это осознание помогает ему корректировать свою стратегию. Только при этом условии может быть вскрыт психологический механизм взаимодействия, возникающий на основе взаимопонимания между его участниками. Очевидно, что от меры понимания партнерами друг друга зависит успешность стратегии и тактики совместных действий, чтобы был возможен их «обмен». Причем, если стратегия взаимодействия определена характером тех общественных отношений, которые представлены выполняемой социальной деятельностью, то тактика взаимодействия определяется предшествующим представлением о партнере.

Таким образом, для познания механизма взаимодействия необходимо выяснить, как намерения, мотивы, установки одного индивида «накладываются» на представление о партнере, и как то и другое проявляется в принятии совместного решения. Иными словами, дальнейший анализ проблемы общения требует более детального рассмотрения вопроса о том, как формируется образ партнера по общению, от точности которого зависит успех совместной деятельности. Такая постановка вопроса требует перехода к рассмотрению третьей стороны общения,

условно названной нами перцептивной, анализ которой представлен в разделе, посвященном социальному познанию людьми друг друга.

Типология межличностного взаимодействия Бейлса

Наряду с выделением двух полярностей в межличностном взаимодействии в социальной психологии существуют поиски и иного рода – выделения более частных, элементарных типов взаимодействия, которые могли бы быть использованы в эмпирическом исследовании в качестве единицы наблюдения. Одна из наиболее известных попыток такого рода принадлежит Р. Бейлсу (R. F. Bales), который разработал схему, позволяющую по единому плану регистрировать различные виды взаимодействия в группе. Бейлс фиксировал при помощи метода наблюдения те реальные проявления взаимодействий, которые можно было увидеть в группе детей, выполняющих некоторую совместную деятельность. Первоначальный список таких видов взаимодействий оказался весьма обширным (насчитывал около 82 наименований) и потому был непригоден для проведения эксперимента. Бейлс свел наблюдаемые образцы взаимодействия в категории, предположив, что в принципе каждая групповая деятельность может быть описана при помощи четырех категорий, в которых зафиксированы ее проявления: область позитивных эмоций, область негативных эмоций, область решения проблем и область постановки этих проблем. Тогда все зафиксированные виды взаимодействий были разнесены по четырем рубрикам:

Таблица 30.

Категории и виды взаимодействия (по Бейлсу)

Область позитивных эмоций	1) солидарность 2) снятие напряжения 3) согласие
Область решения проблем	4) предложение, указание 5) мнение 6) ориентация других
Область постановки проблем	7) просьба об информации 8) просьба высказать мнение 9) просьба об указании
Область негативных эмоций	10) несогласие 11) создание напряженности 12) демонстрация антагонизма

Получившиеся двенадцать видов взаимодействия были оставлены Бейлсом, с одной стороны, как тот минимум, который необходим для учета всех возможных видов взаимодействия; с другой стороны, как максимум, который допустим в эксперименте.

Схема Бейлса получила довольно широкое распространение, несмотря на ряд существенных критических замечаний, высказанных в ее адрес. Самое элементарное возражение состоит в том, что никакого логического обоснования существования именно двенадцати возможных видов не приводится, равным образом как и определения именно четырех (а не трех, пяти и т. д.) категорий. Возникает естественный вопрос: почему именно этими двенадцатью характеристиками исчерпываются все возможные виды интеракций? Второе возражение касается того, что в предложенном перечне взаимодействий нет единого основания, по которому они были бы выделены: в списке присутствуют вперемешку как чисто коммуникативные проявления индивидов (например, высказывание мнения), так и непосредственные проявления их в «действиях» (например, отталкивание другого при выполнении какого-то действия и т. д.). Главный аргумент, не позволяющий придавать этой схеме слишком большого значения, состоит в том, что в ней полностью отсутствует характеристика содержания общей групповой деятельности, т. е. схвачены лишь формальные моменты взаимодействия.

Мы вновь сталкиваемся с острым методологическим вопросом о том, может ли в принципе методика социально-психологического исследования фиксировать содержательную сторону деятельности?

Трудность фиксации в эксперименте содержательной стороны взаимодействия породила в истории социальной психологии тенденцию упростить ситуацию анализа и обратиться преимущественно к исследованию взаимодействия в *диаде*, т. е. к взаимодействию лишь двух людей. Такого рода исследования, проводимые в рамках теории «диадического взаимодействия», являют собой еще один пример того, насколько даже самое тщательное изучение формы процесса мало дает для понимания его сущности. При изучении «диадического взаимодействия», а более подробно оно исследовано американскими социальными психологами Дж. Тибо и Г. Келли, используется предложенная на основе математической теории игр «дилемма узника». В эксперименте задается некоторая диада: два узника, находящихся в заточении и лишенных возможности общаться. Строится матрица, в которой фиксируются возможные стратегии их взаимодействия на допросе, когда каждый будет отвечать, не зная точно, как ведет себя другой. Если принять две крайние возможности их поведения: «сознаться» и «не сознаться», то, в принципе, каждый имеет именно эту альтернативу. Однако результат будет различен в зависимости от того, какой из вариантов ответа изберет каждый. Могут сложиться четыре ситуации из комбинаций различных стратегий узников: оба сознаются; первый сознается, второй не сознается; второй сознается, а первый — нет; оба не сознаются. Матрица фиксирует четыре возможные комбинации. При этом рассчитывается выигрыш, который получится при различных комбинациях этих стратегий для каждого «игрока». Этот выигрыш и является «исходом» в каждой модели игровой ситуации. Применение в этом случае некоторых положений теории игр создает заманчивую перспективу не только описания, но и прогноза поведения каждого участника взаимодействия.

Однако возникают многочисленные ограничения, которые влечет за собой применение этой методики к анализу реальных ситуаций человеческого взаимодействия. Прежде всего, как известно, в теории игр рассматриваются игры двух типов: с нулевой суммой и с ненулевой суммой. Первый случай предполагает,

что в такой игре выигрыш одного точно равен проигрышу другого, т. е. ситуацию, крайне редко встречающуюся в реальном взаимодействии даже двух участников.

Что же касается игр с ненулевой суммой, аналоги которых можно найти значительно больше в реальных проявлениях человеческого взаимодействия, то аппарат их значительно сложнее и степень формализации значительно меньше. Не случайно, что их использование в социально-психологических работах встречается довольно редко. Применяемый же аппарат игр с нулевой суммой приводит к крайнему обеднению специфики социально-психологического взаимодействия людей. В многочисленных ситуациях взаимодействия при разработке стратегий своего поведения люди чрезвычайно редко уподобляются узникам из дилеммы. Конечно, нельзя отказать этой методике в том, что в плане формального анализа стратегий взаимодействия она дает определенный материал, во всяком случае позволяет констатировать различные способы построения таких стратегий. Этим и объясняется возможность применения методики в некоторых специальных исследованиях.

Подход к межличностному взаимодействию в символическом интеракционизме

Значимость интерактивной стороны общения обусловила тот факт, что в истории социальной психологии сложилось целое направление, рассматривающее взаимодействие в качестве центральной категории социально-психологического анализа. Это направление связано с именем Дж. –Г. Мида, который дал направлению и имя – «символический интеракционизм». Выясняя социальную природу человеческого «Я», Мид вслед за В. Джемсом пришел к выводу, что в становлении этого «Я» решающую роль играет взаимодействие. Мид использовал также идею Ч. Кули о так называемом «зеркальном Я», где личность понимается как сумма психических реакций человека на мнения окружающих. Однако у Миды вопрос решается значительно сложнее. Становление «Я» происходит действительно в ситуациях взаимодействия, но не потому, что люди есть простые реакции на мнения других, а потому, что в этих ситуациях формируется личность, в них она осознает себя, не просто смотрясь в других, но действуя совместно с ними. Моделью таких ситуаций является игра, которая у Миды выступает в двух формах: play и game. В игре человек выбирает для себя так называемого значимого другого и ориентируется на то, как он воспринимается этим «значимым другим». В соответствии с этим у человека формируется и представление о себе самом, о своем «Я». Вслед за В. Джемсом Мид разделяет это «Я» на два начала (здесь за неимением адекватных русских терминов мы сохраняем их английское наименование «I» и «Me»). «I» – это импульсивная творческая сторона «Я», непосредственный ответ на требование ситуации; «Me» – это рефлексия «I», своего рода норма, контролирующая действия «I» от имени других, это усвоение личностью отношений, которые складываются в ситуации взаимодействия и которые требуют сообразовываться с ними. Постоянная рефлексия «I» при помощи

«те» необходима для зрелой личности, ибо именно она способствует адекватному восприятию личностью себя самой и своих собственных действий.

Таким образом, центральная мысль интеракционистской концепции состоит в том, что личность формируется во взаимодействии с другими личностями, и механизмом этого процесса является установление контроля действий личности теми представлениями о ней, которые складываются у окружающих.

В целом, символический интеракционизм острее многих других теоретических ориентации социальной психологии поставил вопрос о социальных детерминантах взаимодействия, о его роли для формирования личности.

Взаимодействие как взаимозависимость: теория взаимозависимости Тибо и Келли.

Дж. Тибо (J. W. Thibaut) и Х. Келли (H. H. Kelley) разработали теорию взаимозависимости с целью развития и уточнения построений теории поля Левина, в частности, репрезентации жизненного пространства человеческой мотивации. Теория представляет таксономию паттернов взаимозависимости – концептуальную модель, в рамках которой могут анализироваться все возможные формы взаимозависимости в категориях их четырех критических свойств – степени взаимозависимости, взаимности зависимости, корреспондирования результатов и оснований зависимости. Предлагается также и метод оценки основных свойств взаимозависимости, а также обсуждаются пути трансформации личностных ценностей и диспозиций в наблюдаемых паттернах взаимозависимости.

Теория взаимозависимости концентрируется на межличностном взаимодействии как на ядре всех социально-психологических феноменов. Предполагается, что коммуницируя друг с другом, люди вырабатывают своеобразные продукты друг для друга, т. е. реализуют поведенческие реакции, обладающие эффектом влияния друг на друга. В данной логике рассуждений предполагается, что взаимодействие включает потенциал одностороннего и двустороннего влияния – возможность того, что поведение людей будет оказывать воздействие на поведение и состояния окружающих. В новых ситуациях и взаимоотношениях весь потенциал стимулирующего воздействия не сразу становится полностью очевидным для взаимодействующих сторон – он постигается и раскрывается на протяжении всего процесса развития взаимоотношений, приводящего к постепенному раскрытию поведенческого репертуара.

Варианты и результаты поведения формально репрезентируются посредством использования простого концептуального средства – матрицы результатов. В данном контексте под матрицей понимается инструмент концептуализации особенностей взаимодействия в количественных величинах и представленных в ней. Простейшая форма взаимодействия 2x2 может быть описана посредством мат-

рицы, описывающей ситуацию взаимодействия двух индивидов А и В обменивающимися двумя единичными поведенческими актами или их фрагментами. Общая схема взаимодействия и его результатов представлена на схеме 25.

Схема 25.

Матрица диадического взаимодействия

		Партнер А	
		0	4
Партнер В	2	4	
	4	2	
		4	2

Два столбца отражают два взаимоисключающих типа или фрагмента поведения (a_1 и a_2), которых может придерживаться партнер А, а две строки отражают два типа поведения (b_1 и b_2), которых может придерживаться партнер В. Каждый из четырех элементов матрицы представляет собой пересечение определенных типов поведения партнеров А и В. Для каждого из типов поведения число, помещенное над диагональю, обозначает результат, получаемый партнером А, число же, помещенное под диагональю, обозначает результат партнера В. применительно к рисунку, если партнер А производит действие a_1 , а В – b_1 , А получает результат 0, а В – результат 2.

При оценке соответствия взаимоотношений между членами диады необходим определенного рода стандарт для изменения приемлемости результатов получаемых им. Для осуществления такого рода оценки Тибо и Келли установили два типа стандартов – уровень сравнения (УС) и уровень сравнения для альтернатив (УС_{альт.}). УС – стандарт, по которому участники оценивают «привлекательность» своих взаимоотношений или то, насколько они удовлетворительны. Этот стандарт отражает качество результатов, которые, как считает участник, им или ею заслужены. Результаты, превышающие УС, воспринимаются как относительно удовлетворительные, те, что ниже УС, – как неудовлетворительные. Местоположение УС на индивидуальной шкале результатов определяется всей совокупностью результатов, известных человеку как из непосредственно опыта, так и из наблюдения за окружающими. Чем совершеннее результат, тем больший вес он будет иметь при формирований УС.

УС_{альт.} может быть определен просто как самый низкий уровень результатов, который примет партнер в свете имеющихся альтернативных возможностей в других взаимоотношениях. Из определения следует, что, если результаты опустятся

ниже $УС_{альт.}$ партнер разорвет ношения. Местоположение $УС_{альт.}$ зависит главным образом от качества наиболее привлекательного из альтернативных взаимоотношений, легко доступного для партнера. По мере того как результаты взаимоотношения все в большей и большей степени превосходят $УС_{альт.}$, партнер постепенно становится все более зависимым от данного взаимоотношения как единственного источника его опыта.

Степень, в которой результаты превосходят $УС_{альт.}$, определяет, насколько сильна зависимость партнера от диады для получения благоприятного результата. Соответственно, числа введенные в матрицу результат, обычно отсчитываются от $УС_{альт.}$ как от нулевой точки, числа в матрице обозначают степень, в которой каждый партнер зависим от диады, а совокупность чисел, таким образом, представляет модель их взаимозависимости. Зависимость каждого из членов диады составляет основу для власти одного из них над другим. Так, власть А над В определяется рядом результатов, к которым А может привести В, причем это ряд есть расстояние между $УС_{альт.}$, определенным В, и максимальным из возможных для возможностей А по отношению к В.

Различаются два типа власти – управление судьбой и управление поведением. В первом случае речь идет о возможности влияния А на результаты В вне зависимости от активности последнего. Если каждый из участников диады обладает такими возможностями, речь идет о взаимном управлении судьбой (ВУС). В случае управления поведением (ВП) подразумевается возможность за счет варьирования поведением А изменять поведение В. При наличии обоюдных возможностей такого рода имеет место взаимное управление поведением (ВУП). Общая логика гармоничного взаимодействия определяется согласованностью результатов и претензий партнеров, в случае же рассогласования возникает ситуация конфликта, обусловленного рассогласованием оценок внесенного вклада и полученного итогового результата.

Гармоничное взаимодействие интерпретируется Тибо и Келли посредством понятия эффективной матрицы. Эффективная матрица, по мнению авторов, подытоживает набор вероятностей «поведение – результат», актуальных в момент совершения поступков. Решения о поступках включают выбор среди альтернатив, как определено в эффективной матрице, и принимаются с учетом результатов, указанных в ней. Оценка последствий действия, производящаяся после его совершения, делается также с учетом результатов, введенных в эффективной матрице. (Существуют, однако, как мы скажем ниже, некоторые пределы чрезмерной привязанности участников к эффективной матрице.) Короче говоря, действия как предпринимаются, так и оцениваются с учетом результатов, введенных в эффективной матрице.

Можно выделить две группы факторов или процессов, вносящих вклад в эффективную матрицу. Они действуют последовательно во времени, причем вторая группа опирается на результаты первой. Разграничение облегчается представлением первых результатов в заданной матрице. Так, мы выделяем: а) группу причинных факторов, создающих заданную матрицу на основе; б) группы процессов, определенных моделью этой матрицы и действующих так, чтобы преобразовать ее. Результатом этого преобразования является эффективная матрица.

Заданная матрица определяется факторами окружающей среды и институциональными факторами в сочетании с факторами личностными (потребности, умения и т. д.). Матрица «задана» в том смысле, что варианты поведения и результаты находятся строго под контролем факторов, внешних по отношению к самому межличностному отношению. Результат в каждом элементе матрицы – каждое пересекающееся или совместное поведение – задан для взаимоотношения силой установления социального и физического окружения и соответствующих качеств двух людей.

Не существует тесной причинной связи между заданной матрицей и поведением, которое она определяет. Результаты, определенные по отдельности, элемент за элементом, как в заданной матрице, не объясняют поведения в отношениях взаимозависимости. То, на что участники часто действительно реагируют, – так это модель заданной матрицы, например, на несоответствие между их собственным результатом и результатом партнера в данном элементе матрицы, на тот факт, что в определенных элементах матрицы оба результата высоки или на возможность выбора между различными по предпочтительности элементами. В результате, реагируя на разные стороны модели заданной матрицы, участники трансформируют ее в новую матрицу – эффективную матрицу, которая уже тесно связана с их поведением.

Именно для того чтобы привлечь особое внимание к этому процессу трансформации, вводится различие между заданной и эффективной матрицами. Цепь причинных событий, ведущая к эффективной матрице, может быть, как мы думаем, разорвана, чтобы разграничить: а) процессы, создающие модель результатов; каждый результат определяется отдельно, безотносительно к другим; б) процессы, определенные этой моделью (т.е. специфические для нее) и на нее воздействующие.

Теория Тибо и Келли в дальнейшем была расширена С. Rusbult (1986), который показал, что обязательства во взаимоотношениях определяются не только результатом и приемлемостью альтернатив и личным вкладом партнеров в развитие взаимодействия. Было показано – чем больше вклад в развитие взаимоотношений, тем более значимыми они становятся. При этом вклад рассматривается в контексте внутренне и внешне присущих элементов (затраченное время, эмоциональная энергия, общие друзья, взаимные обязательства и т. п.). Вклад отличается от обычных затрат на развитие взаимоотношений и получаемых выгод, прежде всего тем, что он не может быть легко забыт или изменен в оценке его ценности в случае прекращения взаимоотношений. Он выполняет не только укрепляющую, но и стабилизирующую функцию для развития взаимоотношений – прекращение взаимоотношений означает потерю затраченных на их развитие ресурсов.

Представленный подход с позиций теории взаимозависимости фиксирует элемент взаимности участвующих во взаимодействии сторон. Взаимность во взаимодействии часто ассоциируется с обменом ресурсами, теоретическая модель которого разработана Хомансом (Homans, 1961) в его теории социального поведения как обмена, представляя взаимодействие как обмен ресурсами и рассматривавшуюся нами при анализе теорий межличностной аттракции.

Нормативная регуляция межличностного взаимодействия

Первоначально взаимодействие в рамках социальной психологии анализировалось в контексте социальных норм, устанавливаемых людьми во взаимоотношениях друг с другом для обеспечения некоторой определенности и ясности в перспективах их развития. Норма – это всегда жертва индивидуальной свободы во имя определенности взаимоотношений. Трудно представить себе взаимодействие между людьми, не регулируемое социально разделяемыми нормами. Кому уступить дорогу, брать или не брать чужое, ходить или не ходить на свидание, сдавать или не сдавать экзамен, грубить или не грубить? Ответы на эти вопросы программируются социальными нормами, а также нашим желанием подчиниться им с учетом возможных негативных последствий неподчинения как в ближайшей, так и отдаленной перспективе.

При внешней иллюзии абсолютной свободы в выборе поведения, в силу своей зависимости от других людей, человек отдает часть своей свободы во имя скоординированности своих действий с действиями других людей. Последнее в рамках социальной психологии исследовалось в контексте взаимоотношений индивида и группы и в более широком аспекте – индивида и общества.

Одним из наиболее известных в данном контексте исследований явилось исследование М. Шерифа процесса образования групповых норм, в котором было показано, что по мере согласования позиции по обсуждаемой проблеме в группе принятое решение начинает приобретать самодовлеющую силу – детерминируют или изменяют реакции члена группы на ситуацию (Sherif, 1936). Данное исследование, как и повседневная практика, показывают, что нормы не выступают в качестве причинно обуславливающих оснований социального поведения людей, а формируются в процессе межличностного взаимодействия, создающего основу для формирования норм, но не создающего их.

В этом контексте социальные нормы рассматриваются как разделяемые способы рассмотрения объектов и обращения с ними. Они включаются в систему социального контроля, обеспечивают существование и функционирование как отдельных членов общества, так и его институтов, образуя нормативно-ценностную систему культуры. Благодаря социальным нормам обеспечиваются стабильность, устойчивость, сбалансированность общества. Таким образом, социальные нормы выступают в качестве средства осуществления важнейших социальных функций и средства социальной регуляции введения.

Характеризуя значение социальных норм, М. И. Бобнева отмечает, что они «являются средствами и проводниками самых разнообразных регулирующих и детерминирующих воздействий. Сами по себе они создают нормативную спецификацию условий поведения, т. е. определяют то, что поведение людей развертывается в особом мире, отличном не только от мира неживой, но и внечеловеческой живой природы, а именно мире, который характеризуется нормативными, предписываемыми, деонтическими и оценочными параметрами. Социальные нормы обеспечи-

вают этническую обусловленность психических свойств и поведения людей, религиозную и антирелигиозную направленность. Они являются проводниками социального и институционального контроля управления» (1976, с. 147).

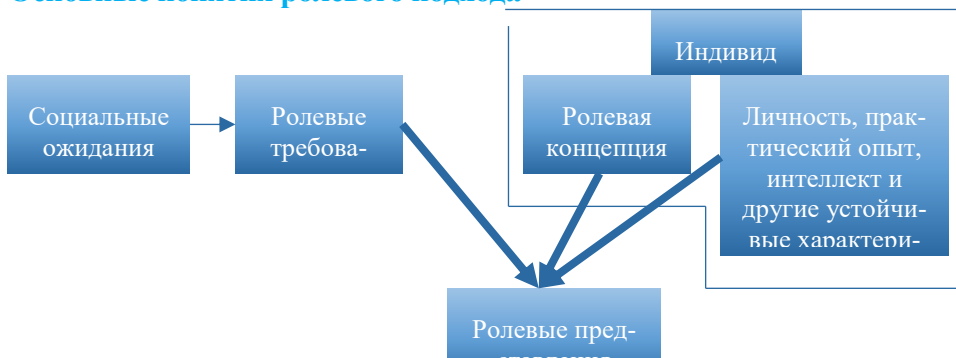
В процессе регуляции поведения социальные нормы взаимодействуют со многими формами социальной регуляции, детерминации и обусловливания поведения и свойств личности: социальное влияние, «заражение», социальное давление, подражание, социальная «мимикрия», регуляция массовидных форм поведения. Они включаются в другие средства и способы социальной регуляции поведения, существующие и используемые в обществе: ролевые ожидания, обряды, обычаи, ритуалы и т. п. При осуществлении регулирующих воздействий социальные нормы сами выступают в роли и внешних и внутренних факторов регуляции поведения. «Будучи усвоенными, интериоризированными, превратившись в факторы внутреннего мира человека, социальные нормы воздействуют на поведение через систему внутренних факторов регуляции – самосознание и самооценку, мотивационную систему, понимание и установки, т. е. становятся собственно личностными средствами регуляции поведения» (там же, с. 147–148). Наконец, социальные нормы участвуют в формировании «высшего этажа» регулятивных механизмов поведения человека: его идеалов, убеждений, мировоззренческих установок, высших нормативных представлений и нравственных образований – чувства долга, совести.

Социальные нормы, важнейший компонент системы социальной регуляции поведения и регуляции социального поведения, своеобразный «цемент общества» (Elster, 1989, с. 251). Нормы проясняют поведенческий выбор, помогают определить направление действий и мотивацию, организуют социальное взаимодействие, а также помогают сориентироваться в возможных линиях поведения других людей, тем самым создавая основания для прогноза. Каждый член общества в определенной степени сдерживается именно нормами, совершая выбор между подчинением и неподчинением им. Эта линия на подчинение или неподчинение, как правило, описывается в рамках различных вариаций ролевого подхода, основные понятия которого представлены на схеме 26.

Расшифровывая суть ролевого описания социального поведения личности теоретики ролевого подхода исходят из постулата о том, что поведение личности в социальном взаимодействии определяется в первую очередь позицией, занимаемой индивидом в структуре межличностных взаимоотношений и социальных отношений в целом. В обществе по отношению к этой позиции формируется ряд ожиданий в отношении того, как человек должен вести себя в соответствии с занимаемым статусом. Эти ожидания, включающие ряд гипотетических нормативных требований к поведению определяются как ролевые требования или ролевые предписания.

Схема 26.

Основные понятия ролевого подхода

Приводится по Feld, S., Radin, N., 1982, с. 62.

В то же время выбор человека в отношении подчинения или неподчинения этим требованиям во многом определяется индивидуальными особенностями личности: ее социальным опытом, самоотношением, отношением к окружению и т. п. Преломленное индивидуальным своеобразием собственные представления о том как человек должен вести себя в соответствии с социальной ролью, определяются как ролевая концепция. Именно взаимодействие, часто конфликтное, между ролевыми требованиями и ролевой концепцией и определяют специфику ролевых представлений, фиксирующих окончательный выбор человека в отношении совершения поступка, линии поведения, подчинения или неподчинения социальной норме.

Ролевое объяснение действия социальной нормы не является исчерпывающим, но оно дает хорошую иллюстрацию сложности воплощения нормы в поведении. Более глубокое же рассмотрение данной проблемы связано с нахождением ответов на вопросы о том, почему люди в одних случаях подчиняются социальным нормам, а в других случаях нет? Почему они совершают альтруистские и безрассудные действия? акты агрессии в отношении людей, относящихся лояльно к ним? и многие другие.

В многочисленных теоретических попытках нахождения ответов на данные вопросы часто обсуждается проблематика психологических механизмов формирования и действия социальных норм.

Психологические механизмы формирования и действия социальных норм.

В том, как строится и реализуется процесс активного взаимоотношения и взаимонаправленности воздействий общества и его членов, также проявляется характер систем социальных норм и соответственно характер данного общества. Социальная действительность обуславливает и то, что в различных типах общества с различными общественными системами, укладами и условиями в качестве объектов научных исследований неминусом выступают различные тип и виды нормативных образований и то, что различными оказываются предметы, подходы и проблематика исследований.

Изучение вопроса формирования, влияния и действия норм, вырабатываемых и распространенных в непосредственном окружении человека, вместо абстрактного изолированного от общества «психологического человека» старой психологии дополняется индивид, включенным в группы своего непосредственного окружения, в социальные общности.

При изучении механизмов формирования, действия, распространения этих норм и их качественного содержания перед психологией и социальной психологией возникают специальные теоретические, методологические и методические задачи. Необходимо выяснить, как социальные нормы представлены в сознании, как

они выполняют роль регуляторов и детерминант, как строятся регуляция поведения и регулируемое поведение?

Классические исследования М. Шерифа (1936) процесса формирования групповых норм показывают необходимость нахождения в ситуации выбора приемлемых социальных эталонов, ориентирующих в происходящем и показывающих возможные направления поведения при антиципации возможных последствий того или иного выбора. Для осуществления субъективно обоснованного выбора человек как бы осуществляет акт самоверификации оценивая решения значимых других либо «примеряет» наработанные обществом и зафиксированные в культуре эталоны поведения. Осуществив этот выбор, он берет на себя обязательства, инерционное влияние которых и определяет приверженность установленной норме, в последующих действиях, известное как эффект принятых обязательств. Шериф подчеркивает взаимный характер принятых норм, а не пассивное воплощение социального предписания. Таким образом, одним из механизмов нормообразования выступает идентификация с групповым решением или нормой.

Наряду с идентификацией в качестве возможных механизмов нормообразования в истории социальной психологии рассматривались «заражение», подражание и др., общим для которых является интернализация нормы, как производной от авторитетности их первоисточника с последующей ее экстернализацией в поведении. Трансляция же норм осуществляется в процессе социализации, в рамках которой осуществляется приобщение индивида к ценностям культуры. Причем аккумуляция культурных норм всегда опосредована непосредственным окружением индивида, задающим уникальность интерпретации и отношения к социальной норме, ее личностный смысл. Таким образом, усвоение нормы рассматривается как взаимоактивный процесс взаимодействия трансляторов и аккумуляторов социальных норм. Норма не просто усваивается, а преломляется через индивидуальный опыт, трансформируется и иерархизируется, становясь либо активной, либо пассивной. Это взаимоактивное взаимодействие и создает основание для динамики социальных норм.

Представленность социальных норм в общественном сознании и в тех сферах индивидуального сознания, которые формируются как отображение определенных сфер общественных отношений (например, сфера правосознания), не вызывает вопросов и наряду со сферой обыденного сознания членов определенных групп обычно используется конкретной социологией при разработке этой дисциплиной проблем социального содержания и социального механизма действия норм. Одним из типичных примеров является изучение таких социальных механизмов действия норм, как механизмы распространения норм в той или иной популяции, степени принятия группой качественно определенных типов норм и даже степени их «осознанности», точнее «сообщаемости», т. е. возможности получить их формулировки или иные типы ответов от обследуемых представителей общностей. Это достаточно убедительно было продемонстрировано в исследованиях Т. Ньюкомба (Newcomb, 1943), изучавшего трансформацию политических аттитюдов студентов из консервативных семей, в процессе 4-летнего обучения в колледже. Ньюкомб по-

казал, что противодействие консервативных семейных и либеральных студенческих норм в большинстве случаев приводило к первенству последних, причем это доминирование было зафиксировано им и через 25 лет.

Наличие нормы в феноменальном поле сознания и самосознания личности в виде вербального образования, разумеется, возможно (что показывают и экспериментальные исследования и практика повседневного существования и общения человека) и необходимо. Соответственно необходимо и психологическое изучение феноменального поля сознания. Попытка такого рода исследования осуществлена в рамках теории норм, постулирующей, что формирование норм или эталонов осуществляется в рамках любого индивидуального опыта (Miller, Turnball и McFarland, 1991). Причем специфика индивидуального отношения к норме определяется тем, что разные ее аспекты оцениваются субъективно отличным образом. Исследования свидетельствуют, что по отношению к норме может иметь место большое количество альтернатив в рамках опыта конкретного субъекта. Однако некоторые из альтернатив кажутся более естественными нежели другие или быстрее воспроизводятся в памяти. Ситуативно установленная норма, в случае ее признания субъектом начинает признаваться как стандартная и обретает сильно выраженный инерционный эффект.

Теория норм и понятие взаимности позволяют найти необходимые объяснения феномену различной трактовки двух событий, приведших к одним и тем же последствиям. В целом, основной вывод теории норм сводится к двум постулатам:

- жизненный опыт формирует собственные оценочные эталоны или нормы;
- нормы формируемые жизненным опытом, включают одни элементы и не включают другие. (Manstead, Hewstone, 1996, с. 412)

Данная теоретическая конструкция, приобретающая особую популярность в 1980-е годы фиксирует внимание, во-первых, на идиографическом или имическом аспекте социальных норм, и, во-вторых, на иерархической их организации, предполагающей приоритетность одних элементов субъективного жизненного опыта над другими в нормообразовании.

Однако следует обратить внимание на психологический факт, полученный в исследованиях: при специальном опросе (подчеркнем, что это уже определенная форма общения – ролевое общение – экспериментатора и испытуемого, осуществляемая опять-таки по определенным законам и нормам) человек формулирует норму и придает ей функцию обоснования своего поведения. Но это означает не только то, что норма может и бывает представлена в феноменальном поле сознания в определенных условиях взаимодействия, но и то, что у человека есть побуждение обосновать свое поведение.

Присутствие нормы в сознании позволяет человеку отнестись к ней и оценить свои и чужие поступки с содержательной, качественной стороны в категориях ценностных и нравственных отношений, оценить себя, ситуацию, партнеров по общению и их поведение, соотнести оцениваемые явления с каким-то эталоном, отобрать, отсеять, сформировать отношение, т. е. регулировать поведение и общение. Осознание нормы позволяет «включить» именно эти процессы.

Как структурные факторы социальные нормы выступают в роли селективных образований, в роли регуляторов систем личностных смыслов и оценок. Человек может при первом обращении не сообщить в вербальной, т. е. вербально осознанной форме, формулировку социальной нормы, но он видит – воспринимает в действительности то, что ему диктуется этой нормой. Именно этот механизм регуляции психических и даже психофизиологических процессов лежит в основе тех феноменов изменения в ситуации группового давления порогов цветовой чувствительности и способности различения, о которых сообщает С. Московичи.

Норма может не быть представлена в феноменальном поле сознания в развернутой и точной формулировке, но она может перестроить мотивационную систему человека таким образом, что определенные виды поступков и линии поведения будут для него «закрыты», исключены, и их он будет оценивать как безнравственные (что могут показать, например, исследования явлений коллективизма и «группового эгоизма»).

Преобразование нормы в структурный фактор внутреннего мира личности может объяснить и ее «участие» в выборе альтернатив действий и линий поведения, и ее антиципирующую, упреждающую, опережающую результат функцию регуляции поведения. Предписывающая характеристика нормативных образований связана именно с такой возможностью структурных преобразований и «включений» механизмов установки, ожидания, антиципации и т. п. Именно как структурная характеристика внутреннего мира человека социальная норма может сказываться на свойствах, качествах, проявлениях личности и самой структуре этих свойств личности, в чем и проявляется функция норм в формировании определенного типа личности.

Прямое представление нормы сознанию индивида является одним из важнейших каналов социализации и приобретения знаний о нормах. Но и этот путь, и структурные преобразования внутреннего мира личности под воздействием социальных норм наиболее действенны и адекватны при организации условий, форм, способов поведения, в которых заложены, объективированы необходимые социальные нормы. Таковыми являются обычно стихийно и сознательно складывающиеся условия общения, в ходе которого реально происходит структурное «отображение» человеком социальных норм. Но в роли подобных условий могут выступить и специально организованные (с учетом данных социальных норм) формы и виды деятельности и поведения человека, а в более широком контексте – определенным образом организованная вся социальная среда, само общество.

При таком типе воздействия социальных норм значение процессов осознания их, включения их как содержательных в феноменальное поле сознания и самосознания личности несравненно важнее, чем в случае усвоения готовых формул и положений. Именно в этом случае возникает возможность расширения сферы самосознания, формирование процессов саморегулирования, сознательной оценки содержания норм в нравственных и ценностных категориях, а также формирования и проявления в этих процессах подлинной активности личности, остающейся при усвоении норм как знаний всего лишь пассивным восприимчиком и накопителем нормативной информации.

Простейший житейский вопрос «Что я делаю и почему?», поставленный самим человеком, может включить сложнейшие психологические и социальные механизмы регуляции поведения. Включение нормы в сознание, делает личность ответственной за выбираемые варианты и формы поведения, за содержание тех социальных норм, которым в своем поведении и в жизни следует человек и в выработке и преобразовании которых он только в этом случае может и должен принять активное участие. Только в этом случае человек может стать не «игрушкой», подвластной каким-то анонимным внеличным силам, но именно активной личностной силой процесса общественного развития прежде всего потому, что социальные нормы не просто «складываются» в обществе, общностях, в процессах общения людей, но люди сами «складывают» их.

Наряду с представлением социальной нормы в феноменальном поле сознания личности, в структуре индивидуального сознания и поведения, через преобразование этой структуры, ее перестройку социальные нормы оказывают регулятивное воздействие на поведение человека, его свойства и проявления. Соответственно можно предположить, что «усвоение» социальных норм, формирование их у человека происходят путем структурной перестройки сознания, его феноменального поля и его регулятивных функций, равно как и перестройки мотивационно-побудительной и оценочной системы личности. Наряду с рациональной перестройкой феноменального поля сознания в процессе актуализации норм имеет место и своеобразная поведенческая автоматизация. Будучи отработанной и подтвердив свою репрезентативность, норма обретает статус поведенческого автоматизма или алгоритма, обуславливающего ее включение в соответствующий поведенческий шаблон. Именно шаблонизация нормы, при исключении каких-либо субъективных возможностей рационализации ее невыполнения приводит к тому, что человек автоматически включает норму в поведение, не рассуждая и не подвергая это поведение критическому анализу.

Приведенный анализ нормативной регуляции социального взаимодействия не является исчерпывающим. Тем не менее он дает представление о том, что процесс взаимодействия регулируется нормами, устанавливаемыми как контекстом конкретной культурной традиции, так и адаптацией этой традиции к специфическим условиям непосредственного социального окружения и собственного жизненного опыта.

Межличностное взаимодействие и социальный контекст

Взаимодействие всегда предполагает определенный социальный контекст. Более того, оно невозможно без этого контекста – в противном случае исчезает сама возможность взаимодействия. Одной из ведущих образующих этого контекста выступает язык, который не только поддерживает контекст взаимодействия, но и формирует его (Giles, Coupland, 1991). Так как взаимодействие в существенной своей

части осуществляется в вербальной форме, то изучение особенностей выбора специфики языкового взаимодействия относительно ситуативного контекста его осуществления стало объектом серьезного социально-психологического анализа.

Одна из первых попыток изучения особенностей речевого взаимодействия представителей различных статусных групп была предпринята D. A. Bernstein (1971). Он сравнивал особенности лексики представителей среднего и рабочего класса Великобритании. В исследовании достаточно убедительно продемонстрировано, что для представителей рабочего класса характерно использование ограниченных речевых кодов, отражающих специфику социального окружения и его структуры, в которых формировалась лексика испытуемых. Результаты его исследований были подвергнуты серьезной критике за их очевидную тенденциозность, но в то же время они со всей очевидностью поставили вопрос о различных контекстах, которыми оперируют говорящие, используя одни и те же знаковые системы. Этот вопрос уже обсуждался в процессе рассмотрения коммуникативной составляющей межличностного взаимодействия с демонстрацией того сложного процесса передачи содержания сообщения от коммуникатора к реципиенту связанного с преодолением различного рода фильтров. Остановимся на рассмотрении проблематики речевой аккомодации, связанной с необходимостью своеобразной подгонки языка взаимодействия к возможностям партнера в целях обеспечения необходимого уровня взаимопонимания.

Межличностное взаимодействие как взаимопонимание

Межличностное взаимодействие как процесс формирования разделяемого поля значений

Углублению в проблематику межличностного взаимодействия с неизбежностью ставит вопрос о его связи с процессом взаимопонимания участвующих сторон. Причем последнее не столь просто, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что даже будучи хорошо «вооруженными» навыками «чтения личности» другого человека, учитывая многочисленные факторы, определяющие адекватность оценки и интерпретации индивидуальных особенностей партнера по взаимодействию, мы сталкиваемся, пожалуй с наиболее фундаментальной проблемой – знаковой опосредованностью межличностного взаимодействия в целом и взаимопонимания участниками, в частности. Мы никогда не имеем и не будем иметь возможности непосредственного доступа к тому, что происходит во внутреннем мире другого человека, и в этом смысле вполне оправданной является поговорка о том, что «чужая душа – потемки». По существу, пытаясь понять другого человека, мы опираемся только на те сигналы или знаки, которые он транслирует нам, а также на собственный и совокупный опыт предположений о том, что это могло бы значить. Но опыт, пусть и совокупный, может быть отнесен к другому человеку весьма условно. И когда мы обращаемся к «знающим» людям, мы должны понимать, что их знания, во-первых, более уместны по отношению к ним самим, и, во-вторых, что

адекватность этих знаний по отношению к данной конкретной ситуации весьма условна.

Опосредованность знаками межличностного взаимодействия вполне очевидна, но эта «очевидность» долгое время отвлекала исследователей от попыток проникновения в ее суть. Более того, понимание этой очевидности практически всегда было сопряжено с господствовавшими в той или иной системе метапарадигмальными представлениями. В частности, модернистский универсализм долгое время проповедовал идею однозначности интерпретации значений, представленных в знаках. Это нашло свое выражение и в психосемантических исследованиях (Петренко, 2001), а также переживших не так давно волну популярности изданиях типа «читать человека как книгу», в которых представлены многочисленные описания однозначной интерпретации тех или иных сигналов невербальной коммуникации – мимики, жестов и т. п. Читать то его можно, вопрос заключается лишь в том, насколько это «чтение» близко к пониманию того, что думает и чувствует «читающий» на самом деле. Самое интересное заключается в том, что чем больше «читающий» уверен в верности своего «прочтения», тем менее адекватен он становится в оценке имеющего место в действительности. Один и тот же жест может иметь совершенно отличное значение в разных ситуативных контекстах. Более того, он может иметь множественные значения, определяемые в том числе и собственным опытом, людей, пытающихся его понять. В этом смысле вполне справедлива поговорка: «Вижу то, что хочу видеть».

Стремление к нахождению однозначных, экспериментально подтвержденных оснований понимания того, что происходит во внутреннем мире партнеров по взаимодействию, долгое время доминировало в социальной психологии, приведя к огромному количеству эмпирически установленных фактов, увы, не приблизивших к исчерпывающему пониманию проблемы межличностного взаимодействия.

С течением времени стало все более очевидным нахождение новых подходов, отличных от традиционной стимульно-реактивной схемы. Первый вывод заключался в осознании того факта, что *взаимодействие не статично, а интерактивно, что в процессе взаимодействия имеет место не обмен некоторыми неизменными сигналами или знаками, а значениями, которые устанавливаются, формируются и постоянно развиваются*. Второй вывод связан с осознанием необходимости погружения во внутренние миры взаимодействующих сторон с целью выяснения того, как формируемые значения синхронизируются и верифицируются. Это «погружение» становится возможным только на основе качественно отличной исследовательской методологии – диалогической (методология второго лица), в которой установление знания становится невозможным без обращения к его источнику, т. е. исследуемому человеку. Третий вывод был связан с осознанием того, что *взаимоотношения не «постигаются» или «направляются», а «делаются» или «создаются» самими участвующими сторонами*. Взаимоотношения – продукт совместный. И если одна из сторон не стремится к построению здания совместных взаимоотношений, то и взаимоотношения будут весьма недолговечны.

Индивиды, вступающие во взаимоотношения, пытаются в первую очередь не «прочитать», а понять друг друга, стремясь сконструировать системы значений

каждого из участников взаимодействия в собственных понятиях. По мере включения во взаимоотношения взаимное изучение начинается с включения полученных от партнера сигналов в контекст особой истории совместных взаимоотношений. По мнению S. Duck, выяснение особенностей такого взаимопонимания предполагает изучение путей, «посредством которых два человека конструируют системы личностных значений друг друга на различных уровнях, как процесс этого конструирования влияет на их способность понимать друг друга, как понимание влияет на отношение одного человека к другому и как эти процессы озаменовывают начало создания разделяемых значений для их взаимоотношений» (1994, с. 97).

Межличностное взаимопонимание как нахождение сходства

Одним из условий взаимопонимания является нахождение сходства во взглядах, оценках, мнениях, трактовках и т. п. Именно сходство на определенном этапе развития социально-психологических представлений на природу построения межличностных взаимоотношений начинает выступать в качестве фундаментальной категории, приходящей на смену традиционно бихевиористской стимульно-реактивной модели детерминант успешности межличностного взаимодействия. В рамках данной модели накоплено огромное количество экспериментально полученных данных, свидетельствующих о влиянии различного рода переменных на успешность развития взаимоотношений. Примером такого рода внешних факторов выступает *коммуникативная компетентность*, традиционно трактуемая как определенный набор умений и правил, обеспечивающих скоординированность и синхронизированность межличностного взаимодействия. Характерной особенностью такого рода рассмотрения является избегание анализа влияния какой-либо внутренней активности субъектов взаимодействия, что в принципе является вполне естественным для поведенческой традиции с ее приоритетом «объективности» в научном описании, т. к. любая внутренняя активность неизбежно повышает субъективность в описании и интерпретации изучаемого феномена. На определенном историческом этапе изучения данной проблемы этот подход сыграл позитивную роль, позволив накопить широкий спектр условий и факторов, учет которых позволял достигнуть определенных успехов в развитии межличностных взаимоотношений. Наиболее широкая систематизация такого рода факторов с позиции здравого смысла представлена в серии известных читателю книг Д. Карнеги. Однако с течением времени также становится очевидным и то, что внешнее описание не приближает нас к пониманию того, что происходит во внутреннем мире взаимодействующих сторон. Отсутствие же таких представлений приводит к поверхностному описанию межличностного взаимодействия, не решающего главной проблемы – достижения необходимого уровня взаимопонимания, так как можно строго соблюдать все рекомендации, абсолютно не учитывая позиции партнера и, соответственно, достигая лишь мнимого успеха. Более того, такого рода тактика фактически приводит к проповедованию манипулятивного характера человеческих взаимоотношений, строящегося на принципе: кто более вооружен, тот и добивается

успеха. Не говоря об антигуманном характере такого рода стратегий, ярко продемонстрированном Шостромом в его известной книге «Человек-манипулятор», следует отметить, что даже в случае достижения успеха при решении какой-либо конкретной задачи он носит весьма локальный характер, сопровождаясь постоянным риском раскрытия своей манипулятивной природы и, соответственно, потенциальным проигрышем.

Осознание ограниченности такого подхода стимулировало попытки нахождения внутриличностных предпосылок успешности межличностного взаимодействия, в качестве которых начали рассматриваться факторы сходства. При первом рассмотрении кажется вполне очевидным, что люди, обладающие сходством взглядов, представлений, оценок, мнений и т. п., обладают, во-первых, большим потенциалом налаживания продуктивных взаимоотношений и, во-вторых, возможностью нахождения дополнительных оснований для взаимопонимания. Сходство как бы создает ту необходимую точку опоры, на которой можно строить здание взаимоотношений. По крайней мере, находя сходство в чем-либо, человек получает возможность ориентировки в другом человеке и антиципирования его возможных реакций на то или иное предложение или развитие событий. Вполне понятно, что отдельные сходства не дают оснований для исчерпывающих ориентиров, но одновременно это лучше, чем полнейшее их отсутствие. Другое дело, что возникает более серьезная проблема определения того, существует ли это сходство на самом деле и насколько оно устойчиво во времени. Последнее замечание является существенным по той причине, что люди часто убеждают себя в наличии схождения с другими людьми, ориентируя себя во взаимоотношениях скорее на нахождение подтверждений, нежели опровержений, исходно сформировавшейся имплицитной теории личности партнера.

Тем не менее ориентация на сходство послужила стимулом для формирования целого направления социально-психологических исследований, ориентированных на нахождение оснований гармоничности, соответствия, конгруэнтности и т. п. (Festinger, 1954; Heider, 1958; Newcomb, 1971; и др.). Как отмечает Duck, «поиск схождения часто побуждается осознанием различий и стремлением преодолеть их, сопровождаемым внутренним согласием с правом на их существование (т. е. толерантностью), направленным на понимание значения различий» (1994, с. 98). Например, различию может быть придано значение, обеспечивающее автономию, укрепление личностной интеграции или очевидность личностной открытости и взаимной толерантности.

Социально-психологические исследования схождения получили широкое развитие, в том числе и в проблематике межличностной аттракции. Сегодня можно с полной уверенностью говорить, по крайней мере, о том, что сходство по конкретному вопросу существенно увеличивает понимание или способность осознания и коммуницирования с другими в связанной с ним проблемной области. Одновременно оно предоставляет возможность вынесения более обоснованного суждения о других партнерах, создавая хороший фундамент для приспособления друг к другу, используя сходство в качестве точки отсчета для обсуждения условий.

Партнеры не нуждаются в исчерпывающей картине друг друга, тем не менее они нуждаются в наличии рабочих моделей. Таким образом, партнеры по взаимоотношениям используют сходство для экономии времени и усилий, связанных с изучением личностных особенностей друг друга и определения условной перспективы развития. *Во-первых*, установление сходства партнера с самим собой по некоторым аспектам снимает необходимость уделения внимания всем аспектам проявлений партнера, направленным на создание целостного образа, концентрируя внимание лишь на тех, которые имеют непосредственное отношение к ведущему аспекту взаимоотношений. *Во-вторых*, тенденция расширения или выхода за пределы наличного знания позволяет партнерам конструировать проективные модели систем значений друг друга без их дополнительного изучения. Наличие выявленных сходств как бы задает реперные точки или каркас системы значений партнера, «пустоты» или «информационные бреши» которой последовательно достраиваются по принципу непротиворечивости или последовательности. Следовательно, сходства выступают своеобразными индикаторами принципиальной возможности заполнения существующих информационных брешей собственными представлениями, т. е. возможностью проецирования. *В-третьих*, сходство выступает основанием консенсусной валидности, выражающейся в том, что мы осознаем тот факт, что другие люди могут смотреть на вещи иным образом (Vugne, 1971; Duck, 1994). Если же мы находим сходство наших рассуждений с другими, то это выступает в качестве дополнительного основания обоснованности, т. е. валидности.

Так как социальные отношения представляют процесс сдерживания, балансирования и регулирования других, а также продолжающийся процесс трансформации, влияние сходства будет бесконечным. Взаимоотношения расширяются во времени, вне зависимости от увеличения уровня их близости происходит не только поиск новых элементов сходства, но и новых уровней организации системы значений партнера.

По мнению Duck, обсуждение вопроса соотношения сходств и различий предполагает обсуждение ряда существенных аспектов обсуждаемых вопросов, сводящихся к учету специфики разнохарактерных групп элементов: «а) внешнеприсущих взаимоотношениям (прошлых событий, случившихся с партнерами по отдельности, или взглядов, сформировавшихся до момента встречи с партнером, или установок к вопросам, не имеющих непосредственного отношения к взаимоотношениям, таким как, например, политические взгляды и т. п.; б) внутреннеприсущих взаимоотношениям, таким как сходство представлений об отношениях, сходство взглядов на конструктивное и деструктивное конфликтное поведение, а также ряду аспектов, непосредственно не представленных во взаимоотношениях – взгляды на будущее взаимоотношений, то как их регулировать, как работать и отдыхать, распределять время и т.п.» (1994, с. 101). Значимость учета этих отличающихся по содержанию и роли аспектов определяется, прежде всего, тем что лишь вторые имеют непосредственное отношение к взаимопониманию, т. к. непосредственно представлены участникам взаимодействия. Влияние же первых носит опосредованный и односторонний характер и может быть интерпретировано второй стороной весьма приблизительно и в большей степени субъективно. Тем не менее выяснение их различной роли требует выяснения ряда дополнительных моментов

или, в терминологии Дака, «многих лиц психологического сходства» (там же, с. 101).

Первоначально исследователи проявляли тенденцию измерения психологического сходства не в социальном контексте, а скорее в аспекте когнитивных процессов. Лишь в начале 1990-х годов XX века проблема влияния социального контекста начала занимать доминирующую позицию. В исследованиях невербального поведения и социальных умений было установлено, что их сходство оказывает влияние на характер взаимодействия лишь при условии наличия совместного желания к продолжению такого рода взаимоотношений (Burlinson, Denton, 1992). Было продемонстрировано, что в процессе установления сходства между собой и другими людьми по необходимости вовлекается ряд важных психологических и связанных социальных процессов, а не просто включается обособленный процесс реагирования на текущее состояние дел. Вывод о сходстве требует, как минимум, наличия модели системы мышления другого человека, одновременно являясь признанием того, что он обладает таковой. Первоначальные взаимодействия в процессе развития взаимоотношений направлены на обсуждение и выявление сходств, согласующихся с их предшествующей историей, аттитюдами, жизненными переживаниями до момента установления отношений. По мере развития взаимоотношений для партнеров становится важным дополнение представлений проявлениями, сравнениями и обсуждением путей обращения с их совместной историей самой по себе. Таким образом, сочетание сходств формирует новую область жизненных переживаний: отношений и психологических реакций на взаимоотношения со стороны каждого из партнеров и их общего опыта жизненных переживаний в контексте сопричастности к ним, дополняемых другими типами взаимного изучения.

Следует заметить, что понятие «психологическое сходство» используется в широком спектре значений, варьируясь от сходства аттитюдов, ценностей, решений, личностных черт до эквивалентности оценок жизненных переживаний и событий (Bochner, Krueger, Chmielewski, 1982). Авторы часто смешивают термины, определяя сходство, взаимность и согласие как взаимозаменяемые; иногда рассматривая сходство как предшествующее взаимности, взаимозависимости, проекции или осознаваемому сходству (Kenny, 1988; Acitelly 1993; и др.); иногда отмечая крайне небольшое отличие между «пониманием» и «осознаваемым сходством»; ряд авторов не видит существенных отличий между эмпатией и другими интросубъективными процессами (Ickes, Tooke, Stinson, Baker, Bissonnet, 1988); наконец, многие забывают признать различные особенности перцептивных фокусов внимания в различных точках эволюции межличностных отношений (Duck, 1994, с. 103). Особенно очевидна тенденция отсутствия какой-либо дифференциации между сходством внутренне- и внешнеприсущих аспектов взаимоотношений и тенденция непомещения их в контекст времени (там же).

Эта разногласица находится в полном противоречии с тем очевидным фактом, что можно быть похожим на кого-либо другого без какого-либо понимания его (например, люди могут использовать одни и те же слова, обмениваться сходными фразами, не продвигаясь ни на йоту в понимании друг друга). В то же время вы можете полностью понимать друг друга, не обладая никаким сходством (например,

можно понимать, что испытывает другой человек при отсутствии какого-либо понимания с его стороны, что вы подразумеваете). С течением времени и развитием взаимоотношений два исходно отличных жизненных опыта переживания интерсубъективного сходства и взаимопонимания могут совпадать все в большей и большей степени, не являясь неизбежно одним и тем же по своей сути.

Особое место в исследованиях сходства принадлежит Дж. Келли (Kelly, 1955, 1970), предположившему, что именно сходство значений, а не сходство представлений, аттитудов и т. п. самих по себе, является центральным для определения психологического сходства. Келли, уточняя свое первоначальное предположение (1955), формулирует это так: «Степень, в которой одна личность использует конструкты жизненного опыта, сходна тем, которые использует другая (личность), ее психологические процессы психологически сходны с процессами другой личности (в отношении жизненного опыта)» (1970, с. 20). Психологическое сходство не зависит от того, «ведут ли себя два человека сходным образом, произносят ли они одни и те же слова, имеют ли они один и тот же опыт жизненных переживаний, понимание означает: жизненный опыт=событие» (Duck, 1994, с. 107). Психологическое сходство заключается в способах, посредством которых люди сходно конструируют и дают полностью организованное личностное значение событий (т. е., жизненный опыт=субъективная интерпретация). Такие конструкты могут быть исключительно поняты только из индивидуальных высказываний или специфических поступков самих по себе, но в большей степени из организации значений и более широких личностных контекстов, в которых происходят высказывания и поведение. Постижение этой организации и глубины требует времени и социальных взаимодействий между партнерами по взаимоотношениям.

Так как высказывания могут принимать различные формы, личность может быть описана на многих уровнях. Например, я могу одновременно относиться к себе как личности, обладающей такими характеристиками, как высокая, физически привлекательная, интеллигентная, беспокойная, подавленная переживаниями детства, несчастливая, курящая, консервативная, хорошая мать, раздражительная, поддерживающая X и т.п. В других обстоятельствах на передний план могут выйти иные элементы, например, раздражительная, навряд ли поддерживающая X на предстоящей деловой встрече, но «хорошая мать» и «очень юморная» на вечеринке в компании друзей. Такого рода трансформации множественны и многоаспектны.

Таким образом «личностная система значений может быть понята на различных уровнях психологической организации (т.е. в группах «аттитудов», или кластеров ценностей, или общего стиля поведения, или различных подсистем личностных конструктов)» (Duck, 1994, с. 108). Следовательно, психологическое сходство может быть установлено и оценено одновременно или последовательно на различных уровнях психологической организации. Если это так, то и научное и житейское исследования общего психологического сходства сами по себе становятся менее значимыми по сравнению с исследованием сходства на множественных уровнях психологической организации. Два человека могут быть сходными на одном уровне организации (например, оба экстраверты), не будучи сходными в отношении определенных представлений, ценностей или личностных подсистем других

уровней (Acitelli с соавт., 1993). В условиях поведения в реальной жизни иерархическая и комплексная природа личности всегда будет представлять проблемы, требующие постижения.

Сходство не является ни простым, ни абсолютным по своему характеру и гораздо меньше по эффекту. Системы значений проявляются на различных уровнях организации в различных обстоятельствах или различными средствами выражения в различных взаимодействиях. В результате при нормальном развитии взаимоотношений можно внезапно обнаружить сходство (или различие) чего-либо в определенном времени и месте, по отношению к определенному типу содержания как будто бы этого не было ранее. Конструирование значений, понимание, сходство или единственность с другим человеком являются процессом нескончаемого установления и изменения различных составляющих бесконечного процесса отношения. Психологическое сходство полезнее рассматривать как продолжающийся активный процесс конструирования, а не как некоторое состояние.

Сходство обладает и убеждающим потенциалом. Сходство мгновенно соединяет людей, стимулируя выводы и их расширение, предоставляя людям основу для распространения дискурса. Одно сходство между двумя людьми незамедлительно внушает – но только внушает – расширенную, организованную систему других сходств, которая может быть более тщательно изучена в рассуждениях бесконечного процесса развития отношений. Определенный пример сродства отдельных жизненных переживаний=событий предоставляет относительно безопасное руководство к пониманию другого человека, правда только при условии контекстуализации с другой информацией о системе значений, в которую она вплетена (например, информации о связанных понятиях, или информации о предшествующем поведении, или информации о «мотивах»).

Процесс понимания друг друга представляет своеобразное прогрессирующее движение через различные уровни сродства. Являясь по существу функционирующим социальным процессом, сообщающим нам о развитии отношений как последовательном, серийном конструировании системы значений личности. Постигание сущности и особенностей этого процесса становится невозможным без обращения к проблеме социального контекста, позволяющего определить рамки возможных значений, которыми могут оперировать участники взаимодействия. С. R. Berger утверждал, что «пересечение значений или сродств в постижении особенностей других наиболее часто случается непреднамеренно и не обязательно создается взаимодействием» (1993, с. 115). Этот вывод является абсолютно обоснованным. Во-первых, индивиды могут быть «сходными» по многообразным основаниям, среди которых может быть влияние принадлежности к одной культуре и системе языка, способствующее конструированию многих вещей сходным образом. Так двум русскоязычным людям гораздо легче сходно рассматривать какое-либо явление, например, литературное творчество Салтыкова-Щедрина, отражающее определенную культурную традицию. Колорит его же произведений будет слабодоступен представителю другой, например, англосаксонской культуры. Представителям студенческой субкультуры гораздо легче прийти к общему мнению в оценке действий преподавателя на экзамене, чем людям либо не имеющим опыт столкновения с данным контекстом либо изрядно подзабывшим его. Это же относится и к системе

взаимоотношений взрослого и ребенка, часто связываемого с «барьерами непонимания». На самом деле «барьер» как раз и заключается в том, что взрослый оперирует гораздо более широким опытом жизненных переживаний, невольно проецируемым на анализ ситуации поведения ребенка, и часто «видит», а точнее приписывает то, что «не видит» ребенок в силу отсутствия у него такового. Поэтому, строго говоря, понять своего ребенка можно только «очистившись» от влияния собственного дополнительного опыта и «окунувшись» в опыт жизненных переживаний, которыми тот оперирует. Назидание в данном случае и неуместно и неэффективно, так как осознание родительского опыта может носить только гипотетический характер и в большинстве случаев просто не связывается с непосредственной житейской практикой ребенка. Ровеснику же, оперирующему сходным опытом, гораздо легче посмотреть на проблему «сходным» образом.

Berger абсолютно прав, утверждая, что большинство примеров нахождения общности носит ярко выраженный случайный характер. Это утверждение находится в полном соответствии и с выводом Duck о том, что большинство важных ситуаций межличностных отношений (случаев, способствующих осознанию глубинных структур организации систем значений другого человека) создаются участниками этих взаимоотношений в социальном процессе (Duck, 1994, с. 116). Некоторые основания общности устанавливаются непреднамеренно благодаря членству в одной языковой культуре, ограниченному набору образов, связанных с человеческим бытием, членству в культурном сообществе, представляющем ряд предустановленных способов рассмотрения событий и фактов, способствующих поддержанию данного членства и т. п. Все это несомненно полезно для социальных взаимоотношений. Тем не менее, наиболее важные формы психологического понимания, лежащие в основе взаимоотношений, выходят за их рамки и основываются на глубинных уровнях психологического конструирования.

Межличностное взаимопонимание как процесс построения взаимоотношений

Принципиальным моментом в рассмотрении обсуждаемого вопроса является отказ от традиционной логики внешнего «чтения» партнера, все еще присутствующей во многих социально-психологических учебниках. Отношения не «читаются», а строятся, расширяясь и углубляясь за счет включения все новых и новых контекстов и систем личностных значений и смыслов, согласовываемых или разделяемых партнерами. При этом полезно введение двух разграничений по отношению к формируемому сходству: различие сходства в конкретных вопросах (традиционно и имплицитно измеряемое в исследованиях, оценивающих степень сходства отдельных аттитюдов или характеристик личности) от сходства организационных структур значений. Второе отличие связано с природой и фокусом обсуждаемых вопросов. В то время как одни исследования фокусируются на вопросах, внешнеобуславливающих взаимоотношения (например, аттитюды), другие – на сходстве поведения или когниций, связанных с взаимоотношениями самими по себе, третьи – изучают сходство как способность «читать» мысли и чувства в осу-

ществляемом взаимодействии. Отражая классический подход к проблеме формирования взаимоотношений как внешнерегулируемых, эти подходы в целом игнорируют интерактивную и процессуальную природу межличностных взаимоотношений.

Эта процессуальная и интерактивная природа взаимоотношений становится более очевидной при обращении к категории «общность» и дополняющим ее категориям «эквивалентность» и «разделяемость». Базовой формой сходства является общность переживаний=событий, так называемое «общее прошлое» (Katovich, Couch, 1992). В данном случае подразумевается, что одни и те же события происходили в жизни двух людей, например, когда они были детьми, студентами, участниками каких-либо молодежных движений и т.п. Эти люди не выражают свою общность до момента признания того, что оно было стимулируемого какими-либо обстоятельствами или эпизодами совместной деятельности. Но такого рода разделение прошлого опыта жизненных переживаний с необходимостью предполагает и включение двух других процессов: процесса декларирования и оценки. Декларирование (или самораскрытие) предьявляет общий опыт жизненных переживаний или общие аттитюды и формирует своеобразное общее прошлое в том смысле, что с этого момента оба партнера по взаимоотношениям начинают участвовать в совместном его обсуждении. Взаимность представляет совместную реализацию людей, обладающих базовой общностью, выявленной в процессе совместного обсуждения. Взаимность также предполагает двунаправленный перенос чувств и мыслей об общих вопросах посредством конструирования общего каркаса отношений (Genero, 1992).

Оценка представляет оценку, выносимую человеком в отношении общих вопросов. Соответственно взаимность может привести к дальнейшей реконструкции другого человека в результате обнаружения, что участники взаимоотношений обладают эквивалентными ценностями, относящимися к взаимоотношениям и включающим их. Речь идет о том, что у участников взаимодействия в индивидуальном опыте не только представлены одни и те же события, но и оцениваются эти жизненные переживания = события эквивалентно. Эквивалентность сама по себе может выступать индикатором того, что участники взаимодействия обладают сходным пониманием некоторых других, не связанных областей значений, в рамках которых они интерпретируют осмысливают и проявляют заботу о сохранении этой эквивалентности.

В таблице 32. различные элементы сходства могут быть представлены по принципу классической матрицы 2 x 2 ANOVA по декларированному и оценочному измерениям. Оценочное измерение обозначает тот факт, что сходство, в обычной его трактовке, включает как общие факты, так и их общие оценки. Само существование общности представляет одну из форм сходства, но наши оценки этих жизненных переживаний = событий добавляют еще одно возможное измерение сходства. Подобным образом измерение декларированного обозначает тот факт, что два человека могут иметь в совместном опыте общие события и осознавать или не осознавать это. Как декларирование, так и оценка являются важными характеристиками простого факта общности.

Таблица 32.

Четыре компонента «сходства».

	Не декларированное	Декларированное
Не оцениваемое	Общность жизненных переживаний = событий	Взаимность
Оцениваемое	Эквивалентность оценок	Разделяемые значения

Приводится по Duck S., 1994, с. 118.

Важным моментом является не только установление различий между декларированием и оценкой, но и определение их места в социальном процессе серийного конструирования их значений (схема 27). Сходство конструируется и реконструируется серийно в процессе признания исходной общности и предшествует формированию моделей значений. Схема 27 представляет процесс во временной перспективе, в рамках которой общность предшествует взаимности, взаимность предшествует эквивалентности, наконец, эквивалентность предшествует разделению значений. На ней же схематично представлено прогрессирующее развитие конструкций партнеров по взаимодействию относительно друг друга применительно к вопросу X. на уровне общности А и Б относятся к вопросу X независимо друг от друга. На уровне взаимности они совместно рассматривают вопрос X в контексте выяснения того, что переживает каждый из них (жизненное переживание = событие). На уровне эквивалентности они осознают, как оценивают X (жизненные переживания = субъективная интерпретация). На уровне разделения они осознают то, как они оценивают не только X, но и ряд других вопросов, событий и жизненных переживаний, контекстуализирующих их оценку X. (т. е., они обладают общей организацией значений, связанных с вопросом X).

Представленная модель может быть применена к анализу как внутренне, так и внешнеприсущих взаимоотношениям вопросов. Можно предположить, что в иерархии факторов, определяющих процесс развития взаимоотношений, разделение значений оказывает решающее континуальное и трансформирующее влияние. Она описывает не какой-то единичный или обособленный процесс, а общий процесс развития взаимоотношений со всеми включенными аспектами и фокусами внимания, ревизующимися во взаимоотношениях. Эта же схема может быть применена и к анализу различий, представляя модель прогрессирующего конструирования взаимоотношений между самостью и жизненными переживаниями, мыслями и системами значений участников.

Как отмечает Duck, «эта модель помещает (не) сходство в социально транзактивный контекст конструирования значений. Она предоставляет социально-ролевой взгляд на конструирование значений, стоящий над сходством (или над чем-

либо еще) и не рассматривающий его как какое-то абсолютное, глобальное и недифференцированное мыслительное взаимоотношение двух людей» (1994, с. 120).

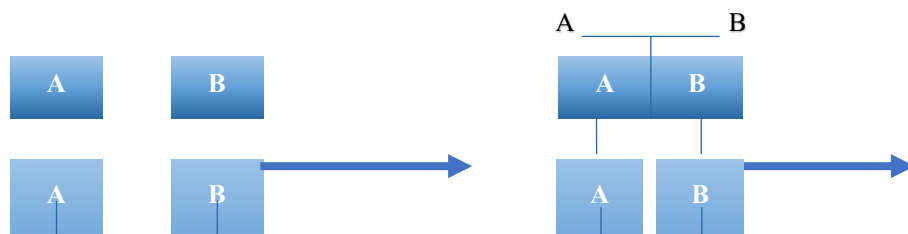
Данный подход предлагает процесс, моделирующий изменения во взаимоотношениях субъекта А и субъекта Б по мере их продвижения на различные уровни конструирования систем значений друг друга в отношении обсуждаемых вопросов. В процессе развития взаимоотношений реализуются постоянное расширение и уточнение представлений о системах значений друг друга, приводящие, в свою очередь, к их переосмыслению и дальнейшему уточнению, трансформирующему характер взаимодействия и социальных ролей, исполняемых ими по отношению друг к другу. Изучение сходства как основания понимания систем значений участников взаимоотношений предполагает, по мнению Дака, рассмотрение «ряда важных вопросов: 1) Существует ли объективно оцениваемое «сходство», локализуемое в соотношении объективных характеристик (т.е. общности) двух людей? 2) знают ли оба человека о существовании общих элементов в их истории друг друга (общность) (которое является состоянием знания, «локализованного» в мышлении двух людей как результата самораскрытия общности)? 3) Знает ли каждый из людей о том, как другой человек оценивает явление (эквивалентность) (состояние знания, локализованного в выводах, полученных в процессе разговора)? 4) Знает ли каждый из людей о системе взглядов, на основе которой порождается общность, и о том, как она организована (разделяемое значение)» (там же, 121).

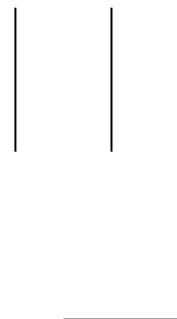
Предложенная модель, построенная на основании сходства, может быть применена и к основанию различий, порождающих процессы совершения вывода, рассуждений и договаривания или трансформации взаимоотношений, обусловленных выяснением наличия различий во взглядах, подходах и т. п. и, соответственно, существующих системах значений. Как сходство, так и различия могут увеличивать постижение систем значений друг друга. Осознание существующей асимметрии систем значений выступает в качестве основания для более глубокого понимания друг друга.

Подводя итоги рассмотрения сходства как основания формирования единого поля значений, Duck делает следующие выводы: 1) Сходство продуцирует своеобразное взаимосодействие и помогает партнерам аккомодироваться друг к другу; 2) Сходство в каких-либо точках систем значений способствует общему пониманию другого человека в обсуждаемом вопросе; 3) Сходство на одном уровне создает основания для достижения сходства на других уровнях посредством уточнения представлений об организации знаний партнера и расширения представлений о своеобразии его системы значений; 4) Сходство осуществляет имплицитную валидизацию собственного способа мышления; 5) Сходство инициирует социальный процесс дискурса и сравнения, приводящих к формированию большей взаимозависимости, близости и тесноты взаимоотношений (там же, с. 124).

Схема 28.

Общая модель серийного конструирования значений.

Приводится по Duck S., 1994, с. 119.

В современных психологических подходах сходство рассматривается как основывающееся на общей интерпретации и конструировании ряда событий, а не на нахождении подтверждений сходства индивидуально-специфических ценностей, суждений, представлений, отдельных эпизодов жизненного опыта и т. п., как это считалось раньше. Такое изменение представлений связано со своеобразным переходом от психологии описательной и объяснительной к психологии понимающей. В основе последней лежит идея о конструируемости знаний о психологической феноменологии и динамическом интерактивном характере этого знания. С позиций данного подхода сходство скорее включает сходную организацию различных элементов значений, нежели идентификацию сходства отдельных выводов и решений по определенным вопросам, производимую по критерию сходства их текстовых выражений. Введение измерений интериорности (внутренней присущности) и экстериорности (внешней присущности) существенно расширило и углубило рамки анализа и понимания. Внешнее сходство далеко не всегда является гарантом сходства внутреннего. Более того, сходство не носит изоморфного характера, оно скорее гомоморфно. Индивиды могут быть сходными в одних областях и не сходными в других. Они могут использовать сходные слова и фразы, но вкладывать в

них разный смысл и систему значений. Сложность (как для осуществляющего социальные действия, так и для исследователя) заключается в идентификации не только специфических, но и более широких общих направлений, по которым два человека являются «психологически сходными».

Психологическое сходство по своему существу является организующим понятием, и задачей партнера по взаимоотношениям является постижение организации как мышления другого, так и специфического содержания отдельных аспектов обсуждаемых вопросов. Причем осознание направлений размышлений партнера как бы задает каркас, рамки понимания, уточнение же содержания приближает к системам значений друг друга, но только приближает и не более. Это сближение систем значений носит циклический, уточняющий характер, предполагающий на каждом последующем шаге или цикле более широкое и глубокое понимание друг друга и содержания транслируемых сообщений.

Является ли развитие взаимоотношений просто процессом взаимного открытия самостей все большей и большей информационной глубины? И да и нет. Очевидно, что мы узнаем о партнере все больше и больше по мере развертывания взаимоотношений, но это корреляционное утверждение. Ранее мы уже упоминали о том, что информация может быть внутренне и внешне присуща взаимоотношениям и никогда не является инертной. Взаимоотношения включают конструирование, выводы и трансформацию во всеохватывающем социальном процессе, включающем в себя общение. Традиционное рассмотрение целостного процесса развития взаимоотношений «как накопления все большей и большей информации друг о друге является ограниченным в силу уделения малого внимания роли диалога в выражении информации, изменении этого выражения, трансформации фактов в соответствии с целями, преследуемыми выражающим, наконец, конструировании разделяемых значений слушателем» (Duck, 1994, с. 128). Именно «разделение значений» является существенным и решающим для построения взаимоотношений, так как без такового, по существу, не происходит взаимопроникновения в мир друг друга и незримо присутствует возможность внешнего понимания при его отсутствии в реальности. Транслируя некоторую систему знаков, партнеры по взаимоотношениям рискуют оставаться в мирах собственных значений, не проводя скрупулезной работы по уточнению степени их пересечений, т. е. разделенности. Такого рода обособленность друг от друга выражается в разговоре «глухих», когда каждая из взаимодействующих сторон проецирует свои системы значений друг на друга, не заботясь о выяснении степени их совпадения, что традиционно ассоциируется с барьерами коммуникации или общения.

Где же локализовано это разделение (или сходство или близость значений)? Представлено ли оно в наблюдаемом поведении людей, или в их мышлении, или в чем-то, находящемся между ними? Нахождение ответов на эти вопросы становится возможным лишь при обращении к общению или речевой активности партнеров по взаимоотношениям. В этом контексте оказывается полезной предложенная Н. Т. Reis, P. R. Shaver (1988) процессуальная модель, описывающая близость или разделяемость систем значений как продукт взаимодействия. Для понимания специфики этого «продукта» полезно обращение к рассуждениям выдающегося представителя символического интеракционизма Дж. Г. Мида. Мид предположил, что значение

действий в социальных обстоятельствах отчасти происходит из вопросов, задаваемых слушателем говорящему: «Действие или регулятивный ответ второго организма предоставляет сигнал первому организму о значении, которым он обладает» (1934, с. 78). Этот сигнал является своеобразным ориентиром для говорящего в том, удалось ли ему донести соответствующее значение для слушателя. Причем сложность процесса заключается именно в том, что вывод об адекватности реагирования, опять-таки, осуществляется через обращение не к самому значению, а его знаку или символическому выражению. Так как знак или символическое выражение переданного значения, в свою очередь, требуют интерпретации, всегда возникает вопрос об ее адекватности. Отсюда, получая некоторую систему знаков или наблюдаемых реакций от партнера, мы получаем возможность их субъективной интерпретации, отличающейся от оригинальной. В силу невозможности непосредственного и исчерпывающего доступа к системам значений друг друга у партнеров по взаимоотношениям появляется единственная возможность регулирования взаимодействия – конструирование разделяемой системы значений, находящейся между ними, а не в них по отдельности. J. Shotter (1987) отмечает в этой связи, что ответ другого конструирует социальное значение для обоих партнеров. У говорящего всегда присутствует возможность корректировки интерпретации переданного значения слушателем, основываясь на собственной интерпретации внешнего выражения его понимания. Как следствие, люди могут говорить об одном и том же, не понимая друг друга или приписывая расходящиеся системы значений.

В повседневной практике реальность взаимоотношений порождается в процессе диадических транс-акций. Ответ другого человека является основанием для формирования и определения значений взаимодействий и социальных действий. Действия всегда включают некоторое количество неопределенностей и остается не полностью определенным и до того момента, пока действующий не придет к выводу о том, как его действия проинтерпретированы партнером. Такого рода интерпретация не может быть исчерпывающей или изоморфной в принципе, так как жизненные опыты партнеров по взаимоотношениям исходно различны, т. е. жизненные опыты и являются основанием для означивания или наделения смыслами, понимания друг друга. Если жизненные опыты не пересекаются, то взаимопонимание становится невозможным в принципе. Оно становится возможным только при условии формирования некоторых согласованных позиций о том, что это есть это, а не нечто другое. Лишь формирование поля сходных значений создает саму возможность взаимоотношений. Возможность такого рода сходства определяется общностью культуры и жизненных опытов, позволяющая найти некоторые точки пересечения значений, в свою очередь, создающих основания для взаимопонимания. Чем больше партнеры узнают друг друга, тем больше они сближаются друг с другом и узнают о ряде социальных действий, принимаемых партнером. Такая работа по взаимоуточнению позиций по обсуждаемому вопросу создает как фундамент для нахождения точек пересечения, так и для будущих ожиданий.

Нахождение сходства (или значений) утверждений во многом определяется ситуативным контекстом и аудиторией, которой они адресованы. Вот почему основополагающим условием взаимопонимания становится сходство индивидуальных жизненных опытов, культур и субкультур, задающих системы значений. Однако

даже принадлежность к одной культуре или субкультуре, обладание пресекающимся жизненным опытом не делает транслируемые системы значений абсолютными, т. е. неотражаемыми. Относительная неотражаемость становится возможной лишь в крайне ограниченном спектре простейших ситуаций первичного знакомства при отсутствии какого-либо исходного знания друг о друге. В таких обстоятельствах люди вынуждены полагаться скорее на культурные, нежели индивидуальные скрипты (представления об особенностях ситуации), определяющие возможные пути развития взаимоотношений, причем варьирующиеся от культуры к культуре и частично от субкультуры к субкультуре (Althen, 1993). Но, как отмечает Duck, эти абсолютные значения практически не играют никакой роли по отношению к взаимоотношениям, определяемым как близкие (1994, с. 134). И далее: «Мы должны быть очень осмотрительны предоставляя приоритет культурным усреднениям значений по отношению к значениям, диадически конструируемым во взаимоотношениях в конкретных обстоятельствах или примерах жизненных опытов» (там же). По отношению к взаимоотношениям имеют значения и те и другие. Центральное культурное ядро значений должно быть локализовано в отдельном диадическом, личностном и временном контекстах, к которым оно адаптировано. Ища только ядро значений, имеющее общее применение, мы можем добиться успеха в описании общности, как в случае прогноза погоды, адресованного ряду локальных регионов и весьма некорректного по отношению к конкретному городу. Не определившись в значении, которым обладают слово, объект, предложение, высказывание, действие, событие или личность в индивидуальной личностной системе значений в конкретном временном, личностном или физическом контекстах, мы игнорируем символическое влияние такого рода единиц на одного или обоих партнеров. Между тем это влияние очень велико, так как партнеры создают свои собственные личностно значимые символы взаимоотношений. С течением времени они приходят к пониманию символов, представленных в сознании друг друга и того, как они возникли. Когда символы разделяются во взаимоотношениях партнерами конкретные формы слов и жестов начинают приобретать индивидуальные значения (Waxter, 1987). Более того, представление о том, что значение разделяется партнерами, усиливает его влияние на развитие взаимоотношений. В этом смысле «значения находятся в сознании людей, а не в вещах и словах» (Duck, 1994, с. 135).

Пространственное расположение значений

Еще один не менее фундаментальный вопрос – где находятся значения? В классической реалистической традиции ответ достаточно однозначен – значения вещей внутренне присущи им. Наблюдатель просто распознает, раскрывает или открывает их. В релятивистском подходе значение скорее представлено в восприятии познающего, нежели является внутренне присущим объекту. С этой точки зрения, вещь означает то, что она означает потому, что так думает познающий – и действует

он с ней в соответствии с собственными представлениями о вещи, а не ее объективными характеристиками. В данном случае речь идет о социально конструктивистском подходе, исходящем из положения о том, что познание объекта определяется состоянием культуры, а не его внутренне присущими свойствами (Pidgeon, Henwood, 1998). При внешней радикальности этот подход имеет под собой достаточно серьезные основания, утверждая, что в силу нашей вплетенности в общество и систему языка и жизненный опыт социализации люди интернализируют соответствующие системы значений и полагаются в своих интерпретациях наблюдаемого именно на них. Конвенциональная природа значений выражается в том, что они представляют собой не некоторые научно подтвержденные, т. е. объективные, свойства реальности, а представления о них, основанные скорее на интернализованном культурном содержании. Конвенциональное согласие является скорее эмпирическим, нежели естественным или объективным, что создает основание для существования различных точек зрения. Люди могут менять взгляды на определения под влиянием различных факторов. Определяющим является то, что в своем понимании реальности они полагаются на свои собственные системы значений, адаптированные к соответствующей культурной традиции. Duck показывает в этой связи, что внешняя ситуация может быть в некотором смысле одинаковой для обоих партнеров (жизненное переживание=событие), в то время как их внутренняя репрезентация может быть весьма различной (жизненные переживания=интерпретация). Справедливость данного вывода достаточно очевидна на примере различной интерпретации одних и тех же событий разными людьми. По мере развития взаимоотношений эти интерпретации, касающиеся друг друга, могут расширяться, уточняться и корректироваться, а иногда и радикально переосмысливаться, наделяясь диаметрально противоположными значениями. Во взаимоотношениях партнеры исходно могут предполагать о том, что другая сторона осведомлена о некоторых общих культурных значениях терминов, а также обладает их индивидуальными интерпретациями. Характер этих интерпретаций не является объективно доступным и может быть лишь реконструирован с определенной степенью предположительности по внешним реакциям и высказываниям. В зависимости от уровня осведомленности в индивидуальных особенностях партнера и его жизненном опыте транслируемому содержанию придается некоторое усредненное значение (в смысле культурного содержания) как основание для предположительной интерпретации его понимания партнером по взаимоотношениям (в смысле личностной системы значений).

В исследовании взаимоотношений исследователь должен задавать не только вопросы типа «Что является типичным – средним значением данного поведения или характеристикой действия?», но и «Каково разделение личностных значений, вырабатываемое двумя людьми, лично знающими друг друга? Как значение помещается между людьми, стремящимися узнать друг друга?». Этот последний вопрос относится не к единицам информации, а к знаниям (т. е. организованному массиву, в котором единицы информации находятся в определенных отношениях друг с другом). По существу речь идет не о каком-то отдельном процессе циклического конструирования, основанном на выяснении того, чем является значение, а фактически о композиции многих источников и процессов.

Цикличность конструирования разделяемого поля значений в межличностном взаимодействии

Циклическое конструирование значений может быть рассмотрено как включающее три широких компонента: а) *содержательный компонент*, относящийся к значению слов в их широком понимании в культуре; б) *индивидуальный компонент*, относящийся к типичным модификациям культурных кодов слушателя / говорящего и индивидуальным адаптациям форм культурного выражения; в) *контекстуальный компонент*, относящийся к индивидуальной модификации слушателем привычных или культурных кодов к конкретным обстоятельствам (Montgomery, 1988).

Содержательный компонент социальных значений является согласованным ядром, сверяемым с культурными точками отсчета, например, нахождением соответствующих значений, представленных в словарях, или в невербальных системах коммуникации также культурно понимаемых (Keeley, Hart, 1994). Таким образом, культурные правила использования и выражения значений идей применимы и пригодны в качестве исходных базовых руководств для предъявления личностных значений.

Индивидуальный компонент обладает двумя элементами, отражающими друг друга: элементы говорящего и слушающего. *Элемент говорящего* основывается на его индивидуальных характеристиках личности (типичном способе осознания коммуникативных контекстов), стиле говорящего (общих способах подачи сообщений), намерениях личности, социальной позиции (пол, социальный класс, этническая принадлежность и т.п.), уровне знаний личности и их приспособлении к системе значений слушателя и осведомленность говорящего в них. *Элемент слушающего* отражает те же характеристики, что и для говорящего: индивидуальные характеристики личности говорящего, атрибутирования намерений говорящего слушателем, уровень знаний слушателя о системе значений говорящего как модификаторах сообщений и целей коммуникации, наконец осведомленности слушателя в них. Перечисленные элементы слушателя и говорящего, личностные вариации в их использовании (производные от общего личностного стиля или от моментальных приспособлений к обстоятельствам) в существенной степени основываются на ядерных социальных значениях, но также изменяют интерпретацию значений.

Контекстуальный компонент суммирует и выходит за рамки разделяемых социальных значений слов. Он является результатом окружения взаимоотношений, места/обстоятельств и социального контекста прошлых взаимоотношений или отношений культуры, способствующих прояснению для партнеров того, что общекультурное содержание или личностный стиль не является чем-либо исчерпывающим их высказывания. Такое интерпретативное изменение центрального ядра социальных значений основывается на прошлых конструированиях партнеров друг друга, позволяющих интерпретировать действия или слова в максимальном приближении к знаниям. Такое изменение также содержит способность распознавания того, что любое необычное утверждение одновременно замещает, опровергает или отрицает привычные или ожидаемые ответы.

Эта декомпозиция различных влияний на конструирование значений взаимоотношений позволяет нам исследовать не только специфические высказывания в контексте, но и пути научения партнерами особенностям циклического выстраивания значений и их организации. В случае если партнеры не знакомы друг с другом, большее влияние будут оказывать общее содержание и контекст. С другой стороны, индивидуальный компонент будет оказывать большее внимание в случае знакомства партнеров друг с другом.

Особая роль во взаимопостижении и формировании разделяемого поля значений принадлежит повседневной речи, в которой представлена не только трансляция некоторого содержания и отношения к нему, но и информация об особенностях систем значений друг друга. Повседневная речь является не только нейтральным средством или простым экспрессивным действием, но также и организатором миров взаимоотношений, а также путей их поддержания, сохранения и продолжения. Повседневная речь во взаимоотношениях происходит между людьми, обладающими идентичностью и историей (некоторые обладают совместной историей), и каждое речевое высказывание формируется и формирует их влияние, как отмечал М. М. Бахтин (1981, 1984). Общение также продолжает идентичность и историю и распространяет их реальность на будущее взаимодействие.

В повседневном общении возможно получение очень ценной информации в любой момент времени, например: 1) о путях расщепления потока жизненных переживаний, которое может отражать особенности индивидуального способа действий (и который требует объяснения со стороны партнера); 2) выборах, которые каждый из партнеров делает описывая и антиципируя поток жизненных переживаний; 3) способах конструирования и реконструирования воспоминаний о прошлом; 4) желании адекватно интерпретировать (обсуждать и уточнять значения друг с другом) и т.п. Речь также создает фундаментальное основание для организации значений во взаимоотношениях.

Наряду с регуляцией взаимодействия общение создает фундаментальное основание для организации значений взаимоотношений. Это включает прямое влияние общения (например, уточняющие вопросы, адресованные друг другу, предложения, аргументация и т.п.), а также пути, которыми разговоры о чем либо снабжают нас дополнительной информацией для выводов или заключений об особенностях взаимоотношений. G. S. Wood (1993) рассматривает общение как основное средство выстраивания взаимоотношений. Она утверждает, что «культура отношений порождается в коммуникации и становится все возрастающе влиятельной на способы познания партнеров, бытия и действий во взаимоотношениях друг с другом и внешним миром. Именно через общение люди определяют самих себя и свои взаимоотношения и посредством общения сформированные определения включаются и пересматриваются на протяжении взаимоотношений» (1982, с. 75).

Общение также создает предпосылки для совместного конструирования значений. Вполне очевидно, процесс создания совместного понимания является результатом и производной многих других процессов. Он основывается на индивидуальной циклической переработке информации, создании индивидуальных идиоматических кодов, ассимилируемых партнерами, договаривании о согласовании (разделяемых значениях) о совместном поведении. Исходной точкой отсчета взаимосо-

гласия должна быть индивидуальная система значений, которую партнеры помещают во взаимоотношения и последующие взаимодействия между ними. Партнеры могут делать сравнения между собой и другими только исходя из своих исходных представлений, основанных на первом впечатлении. В последующем они начинают осознавать степень, в которой их индивидуальные представления пересекаются или согласовываются друг с другом. Процесс взаимного конструирования мысленных пересечений является расширяющимся и комплексным, делая взаимоотношения также расширяющимися и комплексными процессами. Эти процессы включают нечто большее, чем простое прояснение значений друг друга. В реальной жизни кооперирование, согласованное поведение и взаимопостижения являются не просто абстракциями, о которых пишут исследователи, а действиями, осуществляемыми через взаимодействие и речь (Duck, 1994, с. 1964). Процесс совместного конструирования значений действует как на индивидуальном, так и совместном уровнях. Он находит свое выражение как в повседневном общении так и в обыденном поведении.

По мнению Duck, партнеры по взаимоотношениям продвигаются в трех типах значений одновременно: а) того, что было собрано двумя обособленными индивидами до их встречи, представляющего их личный взгляд на мир, проецируемый на взаимоотношения (две индивидуальные личностные системы значений); б) того, что сконструировано двумя участниками взаимоотношений по мере их знакомства друг с другом (реконструкции жизненного опыта, интерпретации систем значений друг друга,); в) того, что совместно выработано на протяжении совместных взаимоотношений по мере продвижения и разделения исходных и пересмотренных систем значений (1994, с. 146). Начиная согласовывать системы значений, партнеры обогащают их, делясь друг с другом и обсуждая их с самими собой. Согласовывая исходно отличные взгляды на жизнь, они конструируют систему совместных значений, присутствующую только во взаимоотношениях друг с другом. Природа совместной системы взаимоотношений диадична и выражается в новых взглядах, являющихся результатом обсуждения и согласования. Две отличные системы значений или способов характеристики событий соединяются вместе, и образовавшаяся связь создает новый способ концептуализации той или иной области знания. Сформировавшаяся общая система значений определяет и процесс переосмысления как собственной истории, так и истории совместных взаимоотношений.

Межличностное взаимодействие как культурно-исторически детерминированный диалог

Нахождение дополнительных ресурсов социально-психологического изучения особенностей межличностного взаимодействия определяется в смещении акцентов с отстраненного объективного описания к пониманию специфики внутренних переживаний личности и их динамики, т.е. развития. Схватывание этого развития становится невозможным без включения контекста культурно-исторической детерминированности (Л. С. Выготский) и диалогического характера познания и понимания (М. Бахтин). Как подчеркивает в этой связи Дж. Брунер (J. Bruner, 1990),

центральной категорией психологии должна стать категория «значение», а не стимулы и реакции и непосредственно наблюдаемое поведение. Значения не транслируются в раз и на всегда заданном содержании, они формируются во взаимоотношениях, опосредованных культурой и субкультурой. Язык приобретает способность к значению из взаимоотношений между людьми, в которых они устанавливаются, уточняются и развиваются. Любой, в том числе и научный дискурс, произрастает из сообщества пользователей языка, и каждое такое сообщество, как и отдельный индивид, привносят в его содержание свое индивидуально специфичное значение, понятное в наибольшей степени членам этого сообщества, обладающего наиболее пересекающимся, общим опытом жизненных переживаний. Но даже в рамках наиболее близкого сообщества не идет речи о тождественности систем значений, так как каждый индивид привносит в него свою собственную уникальность и неповторимость, без приближения к осознанию которой невозможно утверждение о наличии понимания и взаимопонимания. Координирующий характер значений определяет их новый порядок, в свою очередь устанавливающий новые формы активности. Так как значения формируются во взаимоотношениях, приспособляясь к условиям координации взаимодействия, они всегда открыты для изменений. Любое взаимодействие создает условия для уточнения и изменения существующих значений, что, в свою очередь, приводит к генерированию нового порядка значений. Это, в свою очередь, предполагает переход от психологии описательной, через психологию объяснительную, к психологии понимающей.

Предметом понимающей психологии становится рассмотрение вопросов взаимопонимания как формирования единого поля значений в процессе межличностного взаимодействия в системах различного уровня сложности (обыденное сознание–обыденное сознание, исследуемый–исследователь и т. п.). Общая схема этого процесса представлена ниже на схеме. 28.

Как следует из общей схемы, основной проблемой процесса взаимопонимания является его знаковая опосредованность, которая проявляется в потенциальной возможности неадекватного означивания транслируемых символических сообщений партнерами друг другу. Эта неадекватность обусловлена исходными отличиями в опытах жизненных переживаний, выступающих в качестве необходимых оснований заполнения присутствующих в любом знаковом сообщении пустот или лакун, без которого становится невозможным реконструкция смысла. И если на этапах формирования дискурса и его материализации содержание сообщения соотносится с жизненным опытом автора, то на этапе материализации дискурса происходит его отчуждение – и он становится статичным. Заполнение пустот материализованного дискурса на уровне получателя сообщения осуществляется посредством обращения к его собственному опыту, который может существенно отличаться от опыта отправителя.

Схема 29.

Взаимопонимание как процесс формирования разделяемого поля значений

Единственная возможность уточнения адекватности интерпретации полученной системы значений представлена в обратной связи, т. е. обращении к отправителю за уточнением правильности понимания. Но даже в случае подтверждения правильности следует иметь в виду, что вывод о ней, опять-таки, знаково опосредован и включает элемент неадекватности интерпретации в связи с расхождением индивидуальных опытов жизненных переживаний. В частности, именно это различие в индивидуальных опытах и лежит в основе так называемой проблемы взаимопонимания «родителей и детей». Так как в индивидуальном опыте родителей присутствует ряд последующих наслоений жизненных переживаний, не присутствующих в опыте детей, это приводит в случае детей к недопониманию, а в случае родителей – «перепониманию», т. е. приписыванию значений, в реальности не представленных в сообщении.

Представленный анализ показывает, что без идентификации индивидуальных опытов друг друга всех сторон, участвующих во взаимодействии, взаимопонимание обречено на неадекватность. Более того, даже в случае идентификации границ опытов друг друга присутствует искажающий эффект привязанности этих опытов к соответствующему историко-культурному, субкультурному и ситуативному контекстам, что наглядно представлено на схеме. Именно эта разнокачественность даже пересекающихся индивидуальных опытов вкупе с влиянием общекультурального, субкультурального и ситуативного контекстов приводит к тому, что взаимодействующие стороны могут интерпретировать происходящее несколько по-иному.

В частности, именно по этой причине возникают конфликты отцов и детей, во многих случаях связанные с тем, что конфликтующие по-разному интерпретируют происходящее, исходя так сказать «из собственной колокольни». По идее, для того чтобы понять ребенка, родителю необходимо очиститься от более «поздних наслоений» опыта, идентифицировавшись с опытом собственного ребенка. В этом случае появляется возможность приближения к пониманию, но не более. Это приближение к пониманию ребенка предполагает «говорение с ним на одном языке», оперирование одним и тем же опытом, т. е. примерами, ценностями, приоритетами,

привязанностями и многим другим. Сделать это весьма не просто. Например, чтобы приблизиться к пониманию состояния влюбившегося подростка родителю надо вспомнить свою первую любовь, причем, приблизив свои воспоминания к реальности, освободившись от «позднейших наслоений» последующих влюбленностей с учетом, увы, огрубелости чувств и «несколько поменявшейся» ситуации. Современный подросток любит несколько по-другому по сравнению с его родителями. На многие вещи он смотрит проще, на многие же сложнее – и не учитывать этого нельзя. Но даже гипотетически очистившись от искажающих наслоений все равно невозможно достичь полной идентичности, так как нынешние дети социализировались в другой культурной ситуации. Сегодняшние дети – это дети Интернет-культуры, иной массовой коммуникации, иных фильмов и книжек, наконец, иных ценностей и приоритетов, которых взрослому никогда не понять так, как это понимает ребенок. Тем не менее приближение к пониманию необходимо. Достижение его становится возможным в постоянном диалоге, сопровождаемом постоянным уточнением того, что кажется, с тем, что есть на самом деле. Причем этот диалог должен быть непрерывным и взаимоуточняющим. В этом случае у родителя (да и у ребенка), будет возможность постоянной ориентировки в происходящем и соразвития с его ребенком. Если такое взаиморазвитие не обременительно для обеих сторон, оно создает основания для расширения совместного опыта, который, как это было показано ранее, расширяет и углубляет возможности взаимопонимания за счет оперирования близкими по содержанию системами значений и эмоциональным отношением. Вот почему родителям необходимо постоянно общаться со своими детьми, дабы не сталкиваться с неожиданными открытиями того, что они не понимают друг друга.

Таким образом, первичным условием взаимопонимания являются идентификация своеобразия индивидуальных опытов, уточнение адекватности сформировавшихся систем значений в отношении транслируемого содержания и построение совместного опыта, т. е. единого поля значений. Вписывание нового содержания с необходимостью предполагает якорение нового опыта с уже имеющимся, т. е. социальное репрезентирование (Moscovici, 1998), описанное нами в разделе социально-познавательной активности. Лишь вписывая и вписываясь в системы значений друг друга мы и обретаем возможность взаимопонимания. В то же время без такого рода взаимовписывания в системы значений друг друга и построения общих систем значений всегда присутствует вероятность жития в собственной виртуальной реальности, сильно отличающейся от реальности реальной, разделяемой другими людьми. В частности так называемые барьеры общения как раз и возникают в ситуациях несопрягаемых систем значений и индивидуальных опытов жизненных переживаний. Мы можем приписывать другим свои системы значений, можем создавать видимость их верификации ни на йоту не приближаясь к взаимопониманию. Родитель может произносить ритуальную фразу «Как дела?», выслушивать ответы и оставаться в собственном поле значений, которое может быть весьма далеко от поля значений ребенка. Он может просвещать со своей собственной позиции, часто не понимая, что она может быть совершенно непонятна и неадекватна как возрастным, так и субкультуральным особенностям партнера. Самое интересное за-

ключается в том, что такого рода «просвещение» сохраняет у просветителя иллюзорное чувство абсолютной истинности и понятности. Хотя на самом деле она понятна только самому «просветителю» и никому другому.

Итак мы рассмотрели одну из наиболее сложных и интересных областей социальной психологии – межличностное взаимодействие. Ознакомившись с эволюцией теоретических представлений и многообразием подходов, мы получили возможность осознания всей многогранности явления межличностных взаимоотношений. Так же мы получили возможность ориентировки в путях и средствах гармонизации межличностных отношений, возможных способах взаимодействия и взаимовлияния.

Будучи существом социальным человек буквально «воткан» в эти взаимоотношения, точно так же, как он воткан в различные социальные общности, окружающие его и функционирующие по своим специфическим законам. Одной из наиболее часто встречаемых таких общностей являются малые группы, к рассмотрению которых мы и приступим в следующем разделе.

Глоссарий

Значение – выступая в качестве одного из необходимых компонентов понимания и взаимопонимания, может быть определено, по крайней мере, в трех аспектах: 1) то, что стремится передать говорящий; 2) представление, ассоциируемое с используемым физическим знаком и описываемым им объектом; 3) понятое и осознанное читателем или слушателем представление о переданном в знаках.

Знак – в наиболее широком понимании индикатор, сигнал, намек. В контексте межличностного взаимодействия – событие или действие, символизирующее определенное значение, находящееся за рамками воспринимаемого.

Интеракция – процесс межличностного взаимодействия и взаимовлияния. В социальном взаимодействии поведение одного участника межличностного взаимодействия выступает в качестве стимула для поведения другого и наоборот.

Вопросы для обсуждения

1. Каково соотношение взаимодействия и общения?
2. В чем различие основных теоретических подходов к проблеме межличностного взаимодействия?
3. Каково соотношение интерактивного, коммуникативного и аффективного компонентов общения?
4. Каковы основные условия координации и синхронизации межличностного взаимодействия?
5. В чем заключаются основные сложности адекватной передачи систем значений в процессе межличностной коммуникации?
6. Какова роль обратной связи в процессе формирования единого поля значений?
7. Что надо учитывать, стремясь понять партнера по взаимодействию?

1. Знаков В. В. Понимание и познание в общении. – М.: ИПАН РАН, 1994.
2. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Издательство «Питер», 2001.
3. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003.
4. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
5. Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. – М.: ИПАН РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999.

Основной источник

1. Андриенко Е. В. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В. А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2000.

ЧАСТЬ XI.

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МАЛОЙ ГРУППЕ

Понятие и исторические особенности формирования проблематики малых групп

Рассмотрение любой проблемной области предполагает определение базового понятия. По отношению к малой группе это сделать весьма не просто в виду, во-первых, относительно длительной истории ее исследований и, во-вторых, весьма многообразных подходов и трактовок к ее определению. Как отмечают одни из наиболее информированных в отечественной психологии исследователей по проблематике малых групп Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская, «в своих попытках соответствующим образом определить малую группу авторы, как правило, шли от собственного ее понимания, диктовавшего акцентирование тех или иных сторон группового процесса, иногда выбираемых априори, чаще же выявляемых чисто эмпирическим путем» (2001, с. 8). Авторы ссылаются на анализ более полутора десятков такого рода определений, проведенный М. Шоу (Shaw, 1981), и расклассифицировавшего их по следующим шести категориям: 1) с точки зрения восприятия членами группы отдельных партнеров и группы в целом; 2) с точки зрения мотивации членов группы; 3) с точки зрения групповых целей; 4) с точки зрения организационных (структурных) характеристик группы; 5) с точки зрения взаимозависимости; 6) взаимодействия членов группы. На основе проведенного анализа Шоу приходит к следующему определению малой группы – *двое или более лиц, которые взаимодействуют друг с другом таким образом, что каждое лицо влияет и подвергается влиянию каждого другого лица* (Приводится по: Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская, 2001, с. 8).

Один из крупнейших современных специалистов по проблематике малых групп М. Хогг также отмечает отсутствие согласия в определении малой группы к сегодняшнему дню (Manstead, Hewstone, 1999, с. 269). Он отмечает, что единственное согласие существует в том, что группа это не просто объединение людей, нахо-

дящихся во взаимодействии друг с другом, а объединение, обретающее новое качество, связанное именно с принадлежностью к данной группе. Эта перспектива в рассмотрении малой группы, основания которой заложены в работах В. МакДауголла, М. Шерифа и Г. Тэджфела, была продолжена в рамках теорий социальной идентичности и самокатегоризации. В них утверждается, что анализ групп только в понятиях межличностных процессов является редукционистским – он не дает адекватного представления именно о групповых процессах, концентрируясь на процессах межличностных взаимоотношений.

С учетом изложенного можно предложить собственное определение малой группы как *объединения людей, имеющего пространственную и временную локализованность, непосредственно взаимодействующих друг с другом, идентифицирующих и категоризирующих себя как членов группы, межличностные взаимоотношения в котором обретают новое качество, не сводимое к простой сумме индивидуальных качеств.*

Малые группы являются предметом исследования не только социальной психологии, но и общей психологии, социологии, организационной психологии и др. Как отмечает В. П. Позняков, специфику социально-психологического изучения малых групп составляет акцентирование на взаимосвязи и взаимоотношениях, составляющих группу индивидов, между ними и группой и самой малой группе как целом (Социальная психология, 2002, с. 194). К этому определению предмета социальной психологии малых групп, с нашей точки зрения, следует добавить качественный аспект. Социальная психология изучает то, как членство в группе отражается на самоидентичности и самокатегоризации ее членов, с одной стороны, и социально-психологических качествах самой группы, регулирующих самоотношение и мироотношение.

Выделение малой группы как объединения людей, обладающего специфическим качеством неизбежно ставит вопрос о его границах. Причем, как и в случае определения малой группы, единства позиций не наблюдается и здесь. В качестве возможного компромиссного решения можно согласиться с предложением того же В. П. Познякова о том, что нижние и верхние границы малой группы определяются ее качественными признаками, основными из которых являются: **«контактность»** – *возможность каждого члена группы регулярно общаться друг с другом, воспринимать и оценивать друг друга, обмениваться информацией, взаимными оценками и воздействиями* и **«целостность»** – *социальная и психологическая общность индивидов, входящих в группу, позволяющая воспринимать их как единое целое»* (там же, с. 194). Эти признаки, с нашей точки зрения, целесообразно дополнить признаком «гештальтность» в контексте содержания самого понятия «гештальт» – новое качество, обретаемое целым, не сводимое к простой сумме составляющих его частей.

Определение содержания понятия «малая группа» традиционно связано с выяснением вопроса о ее верхней и нижней границах. По данному вопросу также не существует согласованности позиций. Одни исследователи придерживаются позиции диады как нижнего предела малой группы, утверждая, что этого мнения придерживается большинство ученых (Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская, 2001, с. 10). Другие авторы (В. П. Позняков и др.), не менее резонно утверждают, что малая

группа начинается с трех участников, «поскольку в группе из двух человек – диаде – групповые социально-психологические процессы протекают особым образом» (Социальная психология, 2002, с. 194). Мы придерживаемся сходной позиции в том числе и по причине того, что лишь в присутствии третьего человека возникает ситуация необходимости выхода за пределы диадической замкнутости с учетом возможной реакции третьей стороны, не обязательно совпадающей с согласованным в диаде мнением. Более того, именно присутствие третьего лица интенсифицирует рефлексивные процессы в силу необходимости учета того, как оно, возможно, отреагирует на происходящее. В этом случае получаем новое качество, которое и выдвигается как группообразующее.

Еще более пестрая картина подходов сложилась в отношении определения верхней границы малой группы. Большинство исследователей соглашались с мнением о том, что верхняя граница определяется ее качественными признаками и обычно не превышает 20 – 30 человек (там же). Этот вопрос соседствует с вопросом об оптимальном составе группы, который определяется в пределах 5 – 12 человек, так как в меньших по размеру группах более вероятно проявление феномена социального пресыщения, а группы большего размера обладают и большей неустойчивостью, проявляющейся в их распадении на микрогруппы или группировки, контакты в которых носят более тесный характер. Правда, следует отметить, что обсуждение этого вопроса должно связываться с учетом специфики совместной деятельности и ситуативного контекста, в котором она реализуется. В одних обстоятельствах объединение людей будет соответствовать качественным признакам малой группы и в большем составе, в других – в меньшем. Вопрос о жестком определении границ малой группы является скорее данью универалистской или модернистской традиции, которая, как это было показано ранее, становится все менее и менее популярной у исследователей. Компромиссные же решения в виде дифференциации первичных и вторичных групп вряд ли являются продуктивными, так как снова создают основания для непродуктивной полемики.

Тем не менее, вопрос о классификации малых групп имеет свою историю и решения, обобщая которые, можно согласиться с классификацией схематически представленной тем же В. П. Позняковым, которая отражена на приводимой схеме X.

Как явствует из приведенной схемы, наиболее общая дифференциация малых групп производится по критерию искусственности – естественности. В рамках этой оппозиции представлена и еще одна важная для социальной психологии проблема, неоднократно обсуждавшаяся в учебнике ранее – проблема соотношения экспериментальной реальности с реальностью «естественной», с которой мы сталкиваемся в своей непосредственной житейской практике. Искусственные группы, наиболее часто ассоциируемые с лабораторными, специально создаются для научных исследований, направленных на экспериментальное выявление общих закономерностей и тенденций, характерных для изучаемого феномена. Понимая сегодня, что экспериментальный метод имеет весьма ограниченные возможности по сравнению с реальной практикой, отметим, что именно он позволяет отделить случайное от неслучайного, существенное от несущественного. Ничего иного в арсенале

психолога просто нет. Другое дело вопрос о степени генерализуемости выявленных закономерностей. В контексте выявления универсальных законов природы сущего утверждение об их «соответствии» весьма спорно, в контексте же «улавливания» общих тенденций, освобождения от возможной субъективности и зашоренности потенциал лабораторного эксперимента (с известными оговорками) весьма высок.

Схема № 30.

Виды малых групп

Приводится по: Социальная психология, 2002, с. 195.

Вопрос о классификации естественных групп столь же не прост. Тем не менее, вполне можно согласиться с мнением того же В. П. Позняка о том, что наиболее очевидными из них являются разновидности, представленные на схеме. Выделение других разновидностей, представленных в многочисленных работах по проблематике малых групп (Г. М. Андреева, Э. Аронсон, А. И. Донцов, Я. Л. Коломинский, Д. Майерс, А. В. Петровский, Л. И. Уманский и др.), менее очевидно и вряд ли заслуживает специального внимания, так как оно вполне может быть удовлетворено при обращении к соответствующим публикациям.

Предложенная классификация малых групп предполагает более развернутое описание выделенных в ее рамках разновидностей, к которому мы и приступаем. Под формальной группой понимаются «группы, членство и взаимоотношения в которых носят преимущественно формальный характер, т.е. определяются формальными предписаниями и договоренностями» (там же). С формальными группами мы сталкиваемся наиболее часто – это и школьный класс и студенческая группа, это и первичные структурные единицы различных социальных организаций и институтов и многое другое. Ведущей сферой активности этих групп и основным психологическим механизмом объединения индивидов является совместная деятельность, направленная на удовлетворение различного рода потребностей. Эти группы

представляют собой элементы социальной структуры общества и характер их активности (как и особенности взаимоотношений) во многом передают его специфику или имиджеский аспект.

Под неформальными группами понимаются «объединения людей, возникающие на основе внутренних, присущих индивидам потребностей в общении, принадлежности, понимании, симпатии и любви» (там же, с. 195–196). Примерами неформальных групп являются дружеские компании, неформальные объединения людей, связанных общими интересами, увлечениями, потребностями и т. п. Отличительные особенности неформальных групп от формальных коренятся в механизмах объединения и характере межличностных взаимоотношений. В их создании, как правило, ведущая роль принадлежит самостоятельному выбору членов группы. Хотя деление групп на формальные и неформальные все же обладает и определенной долей условности. В рамках формальных групп могут формироваться группы неформальные и, наоборот, из неформальных – формальные. Примеров такого рода стало особенно много в нашей социальной реальности, когда из членов неформальных групп начали образовываться соответствующие фирмы. Этот последний пример особенно интересен для изучения, так как иллюстрирует процесс формализации «взаимоотношений», предполагающий регулирование взаимоотношений не только неформальными, но и формальными правилами и нормами, что порой приводит к изменению характера межличностных взаимоотношений членов группы.

Отражая специфику такого рода неформальных групп, В. П. Позняков вводит использует понятие психологической общности, для которой характерно превращение взаимоотношений в ведущую сферу активности, определяющую и характер совместной деятельности. Осознание членами группы сходства, общности друг друга, своих отличий от других способствует идентификации и категоризации себя как членов группы и формирования чувства «мы». Одним из проявлений этой позитивной идентификации себя с группой является внутригрупповая приверженность – «тенденция к более позитивному эмоциональному отношению индивида к своей группе и более позитивной оценке ее членов» (там же, с. 197). Психологическая общность проявляется и в ряде социально-психологических характеристик – совместимость, сработанность, сплоченность, социально-психологический климат и т. п.

Особой характеристикой малой группы является ее референтность под которой понимается значимость групповых ценностей, норм, оценок для индивида. Само понятие референтности возникает из констатации того, что определенные группы (реальные или виртуальные) начинают выступать для человека в качестве своего рода эталонов или идеалов, относительно которых он оценивает самого себя, которым стремится подражать и у которых берет ориентиры для самого себя. Безусловно, референтность весьма динамична и то, что было референтным в подростковом возрасте, вряд ли сохранится у взрослого человека, но именно эти группы формируют своеобразные эталонные модели, определяющие перспективу развития, т. е. своеобразные зоны ближайшего и отдаленного развития. Поэтому знание такого рода референтов помогает определиться в перспективе и возможных направлениях активности человека. В качестве основных функций референтных групп выделяются ориентировочная, сравнительная и нормативная. Человек нуждается в

ориентирах, за которыми обращается к референтной группе. Он же сравнивает себя с эталонами, которые представляет референтная группа. Наконец, оно нуждается в определенных нормативах поведения, которые, опять-таки, берет у эталонной группы. В частности, именно эту референтность используют в пропагандистском, рекламном и прочих воздействиях. Если референтная группа придерживается определенного рода нормативов, то есть вполне высокая вероятность того, что их будут придерживаться и поклонники или последователи. В этой связи особый интерес вызывает соотношение формальных и неформальных референтных групп. У государства, особенно тоталитарно-авторитарного, всегда возникает стремление «навязать» подходящую референтную группу, но, к счастью, выбор все-таки остается за самим индивидом и он старается сохранить свою самостоятельность, демонстрируя конформность. Правда политическая элита часто «покупает» конформную демонстрацию лояльности «формальной референтной группе» за «чистую монету». Примерами такого рода демонстраций лояльности навязываемым референтным группам в не столь далеком прошлом, была активность по занятию «ответственных постов» и демонстрации следования указаниям партии в пионерских и комсомольских организациях. Престарелые партийные бонзы умилялись от прилюдных демонстраций приверженности коммунистическим идеалам. Нечто подобное имело место и уже совсем в недалеком прошлом в лице «идущих вместе».

В этой связи особое место принадлежит двум взаимосвязанным понятиям «малая группа» и «коллектив». Этот вопрос имеет принципиальное значение в том числе и по причине того, что понятие коллектива долгое время являлось одним из центральных для советской традиции в социально-психологическом изучении малых групп, а такое качество личности как коллективизм, рассматривалось как своеобразный эталон или референтная группа, поддерживаемый официальными идеологическими структурами. Для понимания сути этого своеобразного феномена полезно обратиться к его «классическому определению: «Коллектив – наиболее характерная для системы социалистических общественных отношений группа высокого уровня развития, где межличностные отношения опосредованы общественно ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности» (Краткий психологический словарь, 1985, с. 144). И далее, «формирование коллектива связано с включением его членов в совместную социально значимую деятельность, особым образом организованную и управляемую, цели которой подчинены целям социалистического общества, а ценности являются ценностями социалистического образа жизни» (там же). большой вклад в разработку данного понятия внесли такие авторы, как Г. М. Андреева, А. И. Донцов, А. В. Петровский, Л. И. Уманский, Е. В. Шорохова и многие другие. А. В. Петровским была разработана концепция деятельности опосредствования межличностных взаимоотношений и психологическая теория коллектива, на «фундаменте» которых были экспериментально выявлены такие специфические параметры коллектива, как ценностно-ориентационное единство, коллективистское самоопределение, коллективистская идентификация, социально-ценный характер мотивации межличностных выборов, высокая референтность коллектива для его членов, объективность возложения и принятия ответственности за результаты совместной деятельности. В этих исследованиях было

показано, «что выявленные направлением групповой динамики и другими течениями буржуазной социальной психологии закономерности межличностных взаимоотношений в малых группах не могут быть распространены на коллектив» (там же, с. 145). Однако подрыв «закономерностей буржуазной социальной психологии» оказался, к счастью, недолгим, а наивысший уровень социально-психологической зрелости в реальности оказался признаком стагнации. Рьяное доказательство референтности коллектива сопровождалось любопытными трюизмами: всякий коллектив представляет собой малую группу, но не всякая группа может быть признана коллективом (Коломинский, 1976).

Разработка психологической теории коллектива во многом иллюстративна в отношении идеологизированности отечественной социальной психологии тех лет, а также демонстрации влияния исследовательских установок на изучение и интерпретацию эмпирических фактов. Тем не менее понятие коллективизма получило широкое распространение в кросс-культурной психологии в аспекте сравнения различных культур. Особой популярностью в этой связи пользуется измерение коллективизм–индивидуализм, введенное G. Hofstede (1980). Измерение индивидуализма относится к особенности западной культуры, проявляющейся в рассмотрении человека как обособленного, самодостаточного, самостоятельного индивида, обладающего правом независимого выбора. В коллективистских же обществах личность рассматривается преимущественно по отношению к другим членам общества, ограничиваясь чувством долга и принятыми обязательствами. Если в первом случае в качестве первоосновы общества выступает отдельный индивид, то во втором случае таковым является само общество, в котором индивидуальные интересы подчиняются коллективным. В качестве представителя полюса индивидуализма выступают североамериканцы, а в качестве полюса коллективизма – японцы. В определенном смысле эта особенность коллективизма является более характерной для нашей культурной традиции православной соборности.

Близким понятием, приобретшим популярность в последние годы, является понятие «команда». G. Katzenbach и D. Smith определяют команду как небольшое количество людей (возможный объем – от 2 до 35, но обычно не более 10 человек) с взаимодополняющими умениями, связанных единым замыслом, стремящихся к общим целям и разделяющих ответственность за их достижения (1993). Понятие команды во многом обязано своим появлением исследованиям в области управленческой психологии в связи с констатацией факта существенного влияния командного духа, атмосферы взаимоподдержки на успешность решения управленческих задач. В частности, командный дух противопоставлялся по эффективности североамериканскому индивидуализму. Такого рода жертвование индивидуальными интересами во имя командных является существенным элементом корпоративной культуры, формированию которого уделяется достаточно большое внимание как в процессе подготовки менеджеров, так и в работе с персоналом на производстве. В контексте изложенного следует отметить, что команда – это не растворение отдельного члена группы в ней (как в случае коллективизма), а скорее обретение дополнительных ресурсов за счет объединения взаимных ресурсов и обретения групповой идентичности как доминантной в решении производственных задач.

Как отмечают Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская, в трактовке команды много общего с описанием коллектива в работах отечественных психологов 1970-1980-х годов. «В то же время трактовка команды как группы высокого уровня развития, сравнительно с пониманием коллектива, более реалистична, прагматична, лишена идеологических ярлыков, увы, столь частых для коллективной проблематики советского времени» (2001, с. 13).

Этими же авторами отмечается ряд важных прикладных умений, присущих членам команды:

- *технические* или *функциональные умения* (чем шире диапазон таких умений у людей, тем успешнее действует команда);
- *умения принимать решения и решать проблемы* (причем на начальных этапах этими умениями может обладать лишь часть членов команды, у остальных же они развиваются в процессе совместной работы);
- *интерперсональные умения* (умения строить отношения с другими людьми, эффективно используя различные коммуникативные средства) (там же).

На наш взгляд, и в данном случае речь идет скорее об идеальной конструкции того же свойства, что и перечень характеристик коллектива (ценностно-ориентационное единство, действенная групповая эмоциональная идентификация, коллективистское самоопределение и пр.) номотетического свойства. Реальной же отличительной особенностью команды являются именно взаимоподдержка и взаимозаинтересованность, обусловленные формированием общей групповой идентичности. Такая групповая идентичность и способствует формированию некой единой ауры или общего Я, приводящего к тому, что проблемы каждого члена команды становятся общими, как общими становятся и достижения.

Хотя исследование социально-психологических особенностей команд только начинается и в них присутствует больше вопросов, чем ответов хотелось бы высказать предостережения, связанные с формирующимся стремлением к нахождению неких эталонных характеристик универалистского свойства. Эта опасность хорошо проиллюстрирована историей исследований по проблематике лидерства, которая будет более подробно представлена ранее. Сетования на то, что серьезные проблемы связаны с операционализацией основных признаков команды, переводом их на язык значений, позволяющих использовать специальные измерительные средства (Кричевский, Дубовская, 2001, с. 14), на самом деле обусловлены ограниченными возможностями позитивистской методологии и универалистского подхода. Если же исследования проводятся на базе интегративной методологии, сочетая возможности количественных и качественных методов, номотетику и идиографию, то и проблем обозначенного свойства будет существенно меньше.

Следует отметить, что изучение команды придало новый импульс развитию исследований по проблематике малых групп, исчерпавшим свой творческий потенциал к 1980-м годам. Однако продвижение вперед невозможно без знания исторических особенностей становления и развития представлений о малых группах, к рассмотрению которых мы и приступим.

Развитие теоретических подходов к малой группе за рубежом

Рассмотрение исторических особенностей становления и развития проблематики малых групп является одновременно и простой и не простой задачей. С одной стороны в каждом учебнике по социальной психологии представлена своеобразная хронология развития исследований, сопровождаемая выделением определенных этапов или ступеней (Аронсон, 1999; Кричевский, Дубовская, 2001; Хьюстон, 2004 и др.). С другой стороны, ни в одном из них практически не представлен анализ развития этих представлений с учетом эволюции как методологии научного познания, так и социальной психологии как системы знания с учетом меняющегося культурно-исторического контекста рассмотрения, в том числе и научных представлений. Без последнего же становится невозможным ни выявление тенденций, ни определение перспектив развития исследований. Авторское осмысление этого процесса и предлагается читателю.

В качестве точки отсчета обычно определяется 1898 год – год опубликования Н. Триплетом результатов своих исследований эффективности индивидуальных действий в условиях индивидуального исполнения и в присутствии других людей. Хотя, строго говоря, эти исследования скорее имеют отношение к становлению социальной психологии нежели к изучению малой группы. Так как в качестве присутственного фона в исследованиях Триплета была не группа, а «собрание» людей, был выявлен ряд условий, при которых это присутствие других людей оказывает позитивное или негативное воздействие на эффективность деятельности. К тому же исследования Триплета были «не научными», так как опирались не на процедуру классического эксперимента, а на результаты наблюдения, что впоследствии послужило основанием для их обвинения в субъективности и умозрительности.

сделаем небольшой исторический экскурс в развитие самой социальной психологии, опять-таки, до момента приобретения статуса научной конституированности воспринимавшейся как ненаучная. Претензия же на обретение статуса научности была столь велика, что она затмила все остальное. Поиск путей и средств обретения статуса научности стимулировал поиск соответствующей исследовательской методологии, в качестве которой в начале XX века выступала только позитивистская методология с ее принципами операционализации и верификации как критериями научности результатов и экспериментом как методом исследования. Именно это обстоятельство послужило основанием для превращения социальной психологии в эмпирическую науку и предопределило доминирование эксперименталистского подхода, о котором мы много говорили в своем историческом курсе, представленном в первых главах учебника.

Первоначально само понимание группы, с легкой руки Г. Олпорта, основывалось на идее простой суммы отдельных индивидов, объединенных в рамках некоторой общности и не более. Все же групповые особенности просто повторялись в каждом индивидуальном сознании (Allport, 1924). Представление же о группе как о качественно отличной реальности, отличающейся от простой суммы ее членов, сформировалось только к концу 1920-х годов благодаря усилиям выдающегося

психолога того времени Курта Левина, создавшего целое исследовательское направление групповой динамики и одноименного исследовательского Центра.

В 1930-е годы благодаря усилиям К. Левина был создан задел для развития исследований по проблематике малых групп на многие годы. Под его руководством были проведены знаменитые опыты Р. Липпита и Р. Уайта по изучению групповой атмосферы и стилей лидерства. Его типология лидерства – демократический, авторитарный и либеральный – популярна и сегодня. Одним из первых он начал исследования по проблемам социального влияния, групповому принятию решений, внутригрупповым конфликтам, групповой динамике и т.п. При этом он подчеркивал необходимость работы с реальными группами в условиях их реальной жизни, определяя их как решающее условие проверки валидности теоретических построений и нахождения решения различных практических проблем.

К. Левиным были сформулированы теоретические положения о группе как динамическом целом, обладающем свойствами, отличными от свойств составляющих его частей или суммы последних. Понимание группы как своеобразного гештальта было предопределено и тем, что Левин как ученый формировался в гештальт-традиции, идеи и принципы которой он и перенес на социально-психологическую проблематику. Это гештальтистское основание, часто ассоциируемое с системным подходом в психологии, обусловило выдвижение в качестве отличительных признаков группы принципа взаимозависимости ее членов. Преодолевая индивидуалистический подход Олпорта, Левин подчеркивал необходимость изучения целостных феноменов групповой жизни. Еще одной особенностью подхода Левина являлось указание на важность учета исторического контекста по отношению к изучаемым явлениям. Гений Левина, к сожалению, существенно опередил свое время и утонул в потоке эмпирицизма в социальной психологии, превратившей ее в огромный массив экспериментально установленных фактов.

В 1930–начале 1940-х годов наряду с достижениями направления групповой динамики интенсивно разрабатывалась проблематика формирования групповых норм (Шериф, Ньюкомб), получило развитие социометрическое направление (Морено), были получены многие интересные экспериментальные факты.

Новый этап развития исследований по проблематике малых групп начинается в 1940-е годы. Особая роль в нем принадлежит историческому контексту – второй мировой войне. Многие социальные психологи принимали самое непосредственное участие в выполнении военных заказов на разработку проблематики социального влияния и группового поведения. В послевоенные годы интерес к групповой проблематике еще более усилился в связи с процессами индустриализации и резкого возрастания коллективных форм труда. В эти годы оформились основные направления исследования малых групп, сложились важнейшие теоретические подходы, экспериментализм достиг своей наивысшей точки. Характеризуя данный этап, можно определять его как этап нереалистического оптимизма, характеризующийся, как минимум, двумя особенностями: во-первых, господством универсализма модернистского толка, выражавшемся в уверенности в том, что при посредстве бесчисленных экспериментов удастся выявить универсальные законы структуры и функционирования малых групп; во-вторых, что возможности социальной психологии, основанной на позитивистской методологии безграничны.

Определенное «отрезвление» от «нереалистического оптимизма» начинается в 1960-е годы. Несмотря на то, казалось бы бурное продолжение традиций экспериментирования и разработки сложившихся направлений исследования и традиций, наблюдается резкий рост критического переосмысления достигнутого, сопровождаемый снижением оптимизма в связи с осознанием низкой экологической валидности и ограниченности полученных закономерностей и разнородных эмпирических фактов. Более того, лавина эмпирических фактов потеряла возможность подвергаться какому-либо осмысленному анализу, новых же идей просто не появлялось. Отмечалось отсутствие теории, позволяющей адекватно интерпретировать и интегрировать гигантский массив разнородных эмпирических фактов (Zander, 1979). По-прежнему не удалось преодолеть персоноцентризма в рассмотрении проблематики малых групп. Как отмечает тот же Зандер, «исследования чаще фокусировались на поведении отдельных индивидов в группе, нежели на свойствах и результатах группы как целого (там же, с. 447). Другой, не менее известный исследователь проблематики малых групп, Штейнер, пишет в этой связи, что группа рассматривалась как «один из аспектов жизненного пространства личности, а не целое, обладающее собственной динамикой» (Steiner, 1983, с. 539). С этими утверждениями нельзя не согласиться, правда при одном условии – постижение того, что именно происходит в группе, возможно лишь при обращении к индивидуальному сознанию члена группы или фиксации внимания на внешних проявлениях или так называемом групповом поведении. Но в первом и во втором случаях возникает один и тот же вопрос – как отделить индивидуальное от группового? Ответ на этот вопрос требует нахождения оптимальной исследовательской методологии, выходящей за рамки жесткой позитивистской схемы.

Еще одной особенностью данного периода является формирование европейской альтернативы засилью американской эмпирицистской социальной психологии. После длительного периода присутствия в качестве статистов на социально-психологической сцене европейские социальные психологи начали заявлять о себе, представляя новые подходы и решения. Оформилось направление теории социальных репрезентаций С. Московичи, появились оригинальные разработки в области межгрупповых отношений (Г. Тэджфел, Дж. Тарнер), группового принятия решений (Г. Ламм) и др. Правда следует согласиться с утверждением Р. Л. Кричевского и Е. М. Дубовской о том, что «критический настрой западноевропейцев никак не отразился на характере их конкретных исследований, во многом основывавшихся на ими же отвергаемых экспериментальных парадигмах прошлых лет» (2001, с. 24–25).

С определенной долей условности можно говорить о том, что в 1970–80-е годы продолжились тенденции, сформировавшиеся ранее: в области теории – господство эклектики; в подходе к изучению группы – акцент на индивидуальном поведении в ней; превалирование диадных отношений над собственно групповыми; в эмпирических исследованиях – превалирование лабораторных экспериментов над изучением естественных групп.

Конечно же, нельзя говорить о том, что никаких позитивных тенденций в развитии исследований данного периода не было. Это утверждение справедливо к

плоскости теоретических «прорывов» или инсайтов, создающих основания для новых путей и средств изучения феноменологии малых групп. Определенные успехи были достигнуты в области так называемых полевых и прикладных исследований, например в экстремальных условиях, в области математического и компьютерного моделирования и т. д.

В целом можно говорить о ряде подходов, направлений и переменных исследований малых групп, представленных в обзорной таблице 33, разработанной Н.Т. Reiss и С.М. Judd (2000)

Таблица 33.

Основные вопросы, парадигмы и переменные групповых исследований

Самостоятельные вопросы / области исследования	Представляющие парадигмы (публикации)	Представляемые независимые переменные	Представляемые зависимые переменные
1	2	3	4
Формирование и развитие группы Каковы функции членства в группе? Как набраны и социализированы члены группы? Проходит ли группа стандартные стадии развития или работы?	Взаимозависимость Festinger (Back, 1951). Взаимодействие Bales (Bales et al., 1951). Процесс приобретения Newcomb (Newcomb, 1961) аффилиация (Schachter 1959). Вновь пришедший Levine, Moreland (Moreland, 1985).	Соответствие задачи группе. Другие источники знания членов группы. Тип задач. Размер группы.	Уровень сплоченности группы. Распределение речевых актов. Желание способствовать.
Структура группы. Каковы паттерны взаимоотношений (симпатия, власть, статус, коммуникация и т.д.) среди членов группы? Каково влияние этих паттернов на функционирование группы? Каковы ожидания в отношении поведения членов группы (например, роли, нормы), способствующие ее развитию и управлению?	Коммуникативные сети (Leavitt, 1951). Продуктивность норм Schachter (Schachter 1959) Неравенство Adam's (Walster, Bersheid, 1978).	Характеристики задачи. Допускаемые паттерны коммуникации. Групповая сплоченность.	Исполнение задачи. Оценка группового членства. Распределение свое / других. Осознаваемые социальные нормы / роли.
Процесс социального влияния Каковы основные процессы, посредством которых члены группы оказывают влияние друг на друга?	Конформность Asch (Asch, 1951). Групповые нормы Sherif (Sherif, 1936). Подчинение Milgram (Milgram, 1974). Вмешательство наблюдателя (Later, Darley,	Тип задачи. Уровень групповой сплоченности. Уровень статуса / власти влияющего.	Уровень подчинения. Подражающее поведение. Присоединенность / отсоединенность от группы.

Какие личностные и ситуативные факторы определяют появление и эффективность лидерства.	1970). Социальное научение (Bandura, 1962). Реакция на отклонение (Schachter, 1951). Стиль лидерства (Lewin, Lippett, White, 1939)	Взаимоотношения между членами Стиль лидерства.	Групповое исполнение.
Продуктивность группы Как члены группы, группа и особенности задачи влияют на продуктивность группы? Какие факторы влияют на достижения, неудачи или номинальный потенциал группы?	Социальная фасилитация (Zajonc, 1965). Концептуальное знание Laughlin (Laughlin, Johnson, 1966). Совместное принятие решений (Coch, French, 1948). Социальное безделье (Latane, Williams, Harkins, 1979).	Присутствие других. Распределение способностей, личностных качеств и т. п. членов. Размер группы.	Исполнение задачи. Напряженность членов. Вклад членов.
Групповое принятие решений Есть ли систематические правила соединения индивидуального и группового выбора? При каких условиях групповые решения лучше или хуже индивидуальных? Каковы уникальные особенности группового принятия решений по сравнению с индивидуальными?	Групповая дискуссия (Lewin, 1953) Смещение риска (Wallak, Kogan, Bem, 1962). Высмеивание (Davis, Kerr, Atkin, Holt, Meek, 1975). Групповое мышление (Janis, 1982). Коллективная индукция (Laughlin, 1996).	Публичное / личностное обсуждение. Тип решаемой задачи. Процедурные факторы. Состав группы.	Способствование интенциям, выражаемым в группе. Контрастирование индивидуальных и групповых решений. Распределение групповых решений. Функциональные отношения между индивидуальными и групповыми решениями (схема социальных решений).

<p>Внутригрупповой конфликт Как взаимозависимость паттернов группового членства направляет поведением членов? Каковы пути взаимобмена ресурсами членов группы в разрешении конфликтов (например, через заключение сделок, переговоры, формирование коалиций)? Как разрешают конфликт между личными и групповыми интересами члены группы?</p>	<p>Дилемма заключенный / социальный (Rapaport, 1976; Brewer, Kramer, 1986; Dawes, McTavish, Shakler, 1977). Заключение сделок (Siegal, Fournaker, 1960). Игра в обмен (Detsch, Krauss, 1962). Коалиции (Komorita, Chertkoff, 1973).</p>	<p>Соотношение игра / задача. Предварительное обучение / собственный опыт. Социальные мотивы.</p>	<p>Абсолютная / относительная выгода членства в группе.</p>
<p>Процессы в окружающей среде Как характеристики физической среды влияют на поведение группы и ее членов? Как группа использует физическое окружение?</p>	<p>(Festinger, Schacter, Back, 1950). Личностное пространство Sommers (Sommers, 1959). Групповая изоляция (Altman, Haythorn, 1967). Объединенное исполнение (Freedman, Klevansky, Ehrlich, 1971).</p>	<p>Функциональная дистанция между членами группы. Позиция расположения. Временные требования.</p>	<p>Территориальное поведение. Исполнение задачи. Межличностная аттракция / враждебность.</p>
<p><i>Экстрагрупповые процессы</i></p>			
<p>Группа как контекст для действий Как присутствие в группе, особенно в очень большой группе или толпе сказывается на мышлении и действиях.</p>	<p>Деиндивидуализация (Diener, Lusk, DeFour, Flax, 1980). Появление-избавление (Kelley, Condry, Dahlke, Hill, 1965).</p>	<p>Размер группы / толпы. Уровень анонимности.</p>	<p>Асоциальное поведение. Контрнормативное поведение.</p>

Межгрупповые отношения Каковы причины и пути разрешения межгрупповых конфликтов? Как членство в группе сказывается на социальном восприятии?	Оппозиция Sherif (Sherif et al., 1961). Минимальная группа (Tajfel, Billig, Bundy, Flament, 1971). Ин / аутгрупповая гомогенность (Judd, Park, 1988).	Групповое членство. Проницаемость групповых границ. Уровень межгруппового конфликта ин-тересов.	Межгрупповой конфликт. Локализация ресурсов членов ин / аут группы. Восприятие / оценка членов ин / аут группы.
--	---	---	---

Приводится по Reis Н. Т., Judd С.М., 2000, с. 162-163.

Проведенный обзор показывает, что начиная с 1980-х годов в групповых исследованиях практически не предложено каких-либо качественно новых подходов и идей. Уже цитировавшийся нами известный специалист по групповой динамике И. Стейнер не отрицая возможности дальнейшего прогресса в изучении малых групп, полагает, что «в будущем многие перспективные исследования в этой области следует ожидать за пределами психологического и социологического ведомств как результат усилий специалистов в сфере бизнеса и образования, промышленного производства и семейной терапии, а главное, прогресс этот может оказаться весьма растянутым во времени» (Steiner, 1983, с. 547).

Завершая краткий обзор эволюции зарубежных исследований проблематики малых групп, остановимся на общей характеристике основных теоретических подходов, сложившихся за многие десятилетия развития исследований в обозначенной проблемной области. К началу 1970-х годов с определенной долей условности можно говорить о следующих более или менее самостоятельных подходах, в той или иной мере определявших развитие групповой психологии: групповая динамика, интеракционистский подход, теория систем, социометрический подход, психодинамический подход, общепсихологический подход, эмпирико-статистическое направление, формально-модельный подход, теория подкрепления (Кричевский, Дубовская, 2001; Хьюстон, 2004).

Многие из перечисленных подходов имеют скорее историческую значимость и их сложно отдифференцировать по критерию самостоятельности или определенности в методологических основаниях. В более современных версиях к числу наиболее разработанных относятся подход групповой динамики, эксперименталистский, психодинамический, социально-конструктивистский подходы и подход с позиции теории социальных репрезентаций (Manstead, Hewstone, 1999; Хьюстон, 2004 и др.), на более подробном рассмотрении которых мы и остановимся.

Как уже отмечалось выше, проблема малой группы рассматривается в рамках различных теоретических подходов. Избрание в качестве первого подхода групповой динамики обусловлено, прежде всего, тем, что строго говоря именно с него и начинается изучение малой группы как качественно специфичного явления, характеризующегося только ему присущими особенностями и закономерностями. Влияние подхода групповой динамики на развитие исследований по проблеме малых групп заключается также и в скрупулезной разработке процедуры экспериментирования в естественных условиях группового функционирования. Так как в силу

известных обстоятельств эксперименталистское направление стало одним из самых популярных на многие десятилетия, то оно хронологически представляется вторым. Совершенно оригинальным подходом является психодинамический, предоставляющий альтернативный взгляд на проблему малой группы и процессы, реализующиеся в ней. Развитие социально-конструктивистских идей и попытка их приложения к изучению проблематики малых групп обусловило необходимость и их представления. Тем более, что социально-конструктивистский подход является одним из наиболее популярных сегодня. Наконец, присутствие в жизни группы аспекта внутренних переживаний, обладающих уникальной специфичностью, обусловило обращение к экзистенциально-феноменологическому подходу.

Подход групповой динамики строится на положениях теории поля, описанной в работах К. Левина, недавно переведенных на русский язык (2000). Представляя собой попытку универсального описания поведения личности Левин рассматривает его как продукт поля взаимозависимых сил. Основные понятия и положения данного подхода освещались ранее, поэтому их вполне можно восстановить, обратившись к соответствующему разделу учебника. Именно с работ Левина по существу начинается изучение малой группы как качественно своеобразного явления, в существенной степени определяющего поведение членов группы. Как подход теории поля, лежащий в основании исследований по групповой динамике, так и понятийный аппарат теории поля достаточно сложны и необычны для восприятия. Для описания феноменологии малой группы Левин использует такие понятия теории поля, как «валентность», «вектор», «ходология», дополняя их специальными понятиями – «взаимозависимость», «молярный анализ», «напряжение» и др. Этот понятийный аппарат, анализ которого уже был представлен выше, использовался для изучения таких вопросов, связанных с выяснением того как изменчивость и стабильность группового членства влияют на ее функционирование? При каких условиях изменяется групповая эффективность? Как группа способствует или препятствует изменениям? Эти и многие другие вопросы, находясь в плоскости исследовательского анализа Левина, были направлены на эмпирическое выявление особенностей и закономерностей групповой динамики. С Левина начинаются и действительно серьезные экспериментальные исследования малых групп в естественных условиях их существования. Основная направленность этих исследований была связана с преодолением сложившихся к тому времени представлений о жизни группы как простой суммы индивидуальных жизненных переживаний. Левин попытался сместить акценты с индивидуалистического подхода к рассмотрению групповой феноменологии на собственно групповой подход. В фокусе внимания Левина и коллег находились вопросы, связанные с выяснением того, как формируется группа, как она связана с другими группами и др. В качестве специальных областей исследовательских интересов выступали такие явления как лидерство, групповая сплоченность и др. Начиная с 1940-х годов, Левин полностью сосредотачивается на изучении групповой динамики, разработав методологию изучения активности и создав основания для изучения результативности тренинговых групп. Разработанный Левиным подход к изучению групповой динамики лег в основу ряда теорий относящихся к отдельным феноменам: сплоченности (Cartwright, 1968), социальной власти (French, Raven, 1968), соперничеству–сотрудничеству (Deutsch,

1968) образованию группы (Festinger, 1954), внутригрупповому давлению (Fiedler, 1978), групповым притязаниям (Zander, 1971) и др. Отличительной особенностью подхода Левина являлось рассмотрение группы как гештальта, предполагающего несводимость целого к простой сумме составляющих его частей. Одновременно он предполагал динамический характер взаимоотношений и процессов в малой группе, причинный характер взаимосвязей между членами группы и подгруппами, сплоченность, сильные барьеры в отношении членов, покидающих группу, и силы притяжения в отношении друг друга. Подход групповой динамики оказал сильное влияние на последующие разработки в области малой группы, в частности исследования социально-психологического климата Р. Липпита (Lippitt) и Ч. Уайта (White) (1943), знаменитые Беннингтонские исследования Т. Ньюкомба (Newcomb, 1943), теорию кооперации и соревнования М. Дойча (Deutsch), исследования отклонения, отвержения и коммуникации С. Шахтера (Schachter, 1950), теорию социального сравнения Л. Фестингера (Festinger) и др.

Экспериментальный подход. Пика своего развития исследование проблематики малых групп получили, как это уже отмечалось, в рамках так называемого экспериментального подхода в 1930-е годы. Сам термин «экспериментальный» описывает общий стиль социально-психологических исследований и теоретического доказательства. Приоритетом для данной исследовательской традиции является обеспечение измеряемости, надежности и объективности при разработке гипотез и их проверке в специально организованных ситуациях, позволяющих контролировать различные переменные. Конечно же, экспериментальные исследования не ограничиваются только условиями лаборатории, позволяющими строго контролировать зависимые и независимые переменные. Это может происходить и за пределами лаборатории в так называемых «полевых исследованиях», но сделать это далеко не просто. Экспериментальный подход ввел в социально-психологические исследования малых групп анализ когнитивных и мотивационных изменений, происходящих в индивидах по мере их становления членами группы.

Со времени первого контролируемого исследования психологического воздействия присутствия других, проведенного в 1897 году Триплетом, изучение групп с позиции экспериментального подхода стали фокусироваться на многих аспектах взаимоотношений между индивидом и группой. Ключевым моментом, определившим развитие исследований на долгие годы, стало выявление путей способствования и препятствования малой группой индивидуальному исполнению, получивших свое выражение в феноменах социальной фасилитации и ингибиции, которые более подробно будут рассмотрены позже. Так же изучалось то, кто включается в состав группы, а кто нет (при каких обстоятельствах и на основании каких критериев). Изучение группового влияния и групповых процессов варьировалось в зависимости от того, на каких приоритетных позициях стояли сами исследователи – ведущей роли индивидуальных особенностей членов группы или группового контекста самого по себе. Почему мы столь связаны с другими людьми? Почему мы объединяемся в группы? Почему групповое членство является столь важным для людей, обладающих, в принципе, полной свободой воли и выбора собственного пути? Вот всего лишь несколько вопросов, ответы на которые пытались найти пред-

ставители экспериментального подхода. Важной проблемной областью для экспериментальной традиции являлось и выяснение степени, в которой мы готовы сохранять собственную индивидуальность, а в какой – подчиниться групповому мнению. Это изучалось применительно к разного типа влияниям: семьи, рабочего окружения, меньшинства–большинства и многого другого.

В экспериментальных исследованиях было выявлено немало интересных феноменов, с одной стороны, привлечших дополнительных интерес к социальной психологии как области знания, а с другой, позволивших расширить и углубить представления социальных взаимоотношениях. Классические эксперименты М. Шерифа (1936) инициировали целую исследовательскую область – групповое давление. Блестящие эксперименты С. Аша (1955) четко определили особенности конформного поведения. Особенности подчинения авторитетному воздействию были описаны С. Милгрэмом в его широкоизвестных опытах с использованием шокового генератора, вызвавших широкое обсуждение проблемы этики психологического исследования.

Развитие исследований группового влияния было продолжено С. Московичи в изучении влияния группового меньшинства. Тэджфел и Тарнер начали изучать проблему формирования социальной идентичности в контексте теории самокатегоризации. Социальная же идентичность начала связываться и с процессом групповой поляризации.

С течением времени взгляды менялись, как и теоретические объяснения и подходы. Менялось и само понятие группы, использовавшееся к разнообразным объединениям людей – малым и большим, формальным и неформальным, краткосрочным и имеющим продолжительную историю существования. Благодаря европейским исследователям экспериментальная традиция начала дополняться новыми подходами и идеями. Все более очевидной стала необходимость рассмотрения групп в их социальных и культурных контекстах, в которых они функционируют и либо сохраняют относительную стабильность, либо испытывают драматические изменения.

Психодинамический подход также изучает влияние группы на социальное поведение составляющих ее индивидов, их жизненные переживания и совместное конструирование реальности, а также те качества, которые связываются с групповой принадлежностью. Этот подход стремится рассматривать групповую феноменологию с совершенно иной точки зрения, основывающейся на ряде фундаментальных положений о групповых психологических процессах, природе индивидов и их отношении к группе. В отличие от эксперименталистского рационализма в фокусе внимания представителей психодинамического подхода находятся неосознаваемые и иррациональные процессы и явления. Здесь представлен поворот к качественно отличному дискурсу – отличающемуся типу теоретизирования и методам исследования. Исследователей данной теоретической ориентации, прежде всего, интересуют бессознательные мотивы, неосознаваемая коммуникация и процессы идентификации и проекции.

Методы, используемые в данном подходе, разительно отличаются от классических экспериментальных, ориентирующихся на обеспечение объективности и

поиск истины в ее причинно-следственных связях – цели традиционной науки. Такого рода методы имеют, как это неоднократно отмечалось, сильные и слабые стороны. Конечно, переменные могут операционально определяться и контролироваться, конечно многое в поведении может открыто проявляться и, соответственно, наблюдаться. Но ориентация на объективность в ее естественнонаучном понимании и контроль приводят к тому, что многое из происходящего в межличностных взаимоотношениях и случающегося между людьми, и столь характерного для группового взаимодействия в повседневной жизни, просто не принимается в расчет, обедняя психологическое понимание и создавая сложности для нахождения дополнительных ресурсов развития и углубления представлений о групповых процессах и явлениях. В этом аспекте психодинамический подход обладает рядом существенных достоинств, которые по мнению, Н. Morgan и К. Thomas, могут быть сведены к следующим основным моментам:

1. *Экологическая валидность.* Психодинамический подход обычно изучает группы, функционирующие на протяжении продолжительного времени – даже если они начинают изучаться с момента их образования в начале исследования. Часто эти группы имеют свою историю существования и роль в реальной жизни, например, семьи, рабочие группы, команды, терапевтические группы и т. п., которые обладают существенно более высокой экологической валидностью по сравнению с экспериментальными. В реальной жизни мы редко сталкиваемся с только что созданными группами, состоящими из людей, не знакомых друг с другом. Большая часть нашего жизненного опыта пребывания в группах связана с продолжающимися отношениями группового членства. Мы живем в группах и находимся под их постоянным влиянием. Нас постоянно окружают люди, и мы в определенном смысле живем в группах на протяжении всей нашей жизни даже в случае их непосредственного отсутствия, включаясь в символические интеракции с референтными группами, представленными в нашем внутреннем мире.
2. *Концентрация на значениях и жизненных переживаниях.* Психодинамический подход постоянно стремится заглянуть под поверхность того, что непосредственно наблюдается. Он пытается понять групповую жизнь в понятиях значений и субъективных жизненных переживаний и эмоциональных отношений членов группы. Он акцентирует внимание на неосознаваемых мотивах отдельных членов группы, неосознаваемой коммуникации между ними и динамике коллективного бессознательного в группе как единстве.
3. *Метод и доказательство.* Психодинамический метод полагается на доказательства, не признаваемые экспериментальным подходом. Доминирующим методом является включенное наблюдение, ассоциируемое с психоанализом, в котором исследователь и исследуемые являются участниками того, что происходит, переживая давление и неосознаваемую коммуникацию и обособливаясь. Одновременно находясь в этих двух позициях, групповой аналитик, фасилитатор или «лидер» и

наблюдают и отслеживают то, что происходит с позиции обыденного сознания и анализируют свои собственные наблюдения и реакции на то, что происходит и лишь затем делает выводы о лежащих в основании происходящего значениях. Все эти наблюдения осуществляются во времени и часто во многих обстоятельствах, предоставляя динамический взгляд на группу и флуктуации процессов. Такого рода совместное исследование наглядно показывают психотерапевтические группы.

4. *Выводы о людях.* В первую очередь в основании психодинамических взглядов на индивидуально-психологическую природу групповых процессов лежат акценты на неосознаваемой мотивации и защитной природе внутренних миров людей. С точки зрения представителей данного подхода, люди скорее конструируют свои версии происходящего, нежели «открывают его истинную природу». Именно эта конструирующая природа человека и создает фундамент для отношения к происходящему, определяет его интерпретацию. Причем эта интерпретация в существенной степени определяется бессознательными процессами, направленными на избегание боли, конфликтов и беспокойства, вследствие чего в центре внимания исследователей находится получение возможности доступа к неосознаваемым мотивам посредством осознанной рефлексии валидности этих значений, планов и интенций. Второй основополагающей идеей является представление о том, что наша самость не является четко структурированной и определенной, отдельные области которой являются не непроницаемыми, а скорее, наоборот, проницаемой, неопределенной и характеризующейся постоянными взаимопроникновениями и изменениями. Более того, психологические феномены не локализованы во внутреннем мире индивида, а находятся в постоянном процессе взаимообменов с окружающими, создаваясь и находясь между ними. Когда люди находятся в группе, эти границы становятся более проницаемыми. Переопределение психологических феноменов в группе приводит к ощущению смешанности себя с другими и смешанности с группой как группой. Эта идея выдвигает на первый план бессознательные коммуникативные процессы идентификации и проекции. Помещая эти процессы в центр внимания, мы обнаруживаем глубину, с которой люди и групповая жизнь выступают в качестве источников и охранников самости. Когда люди оказываются в группе, они оказываются менее обособленными как индивиды и это служит источником возрастающего беспокойства. Некоторые из этих беспокойств сохраняются с детских усилий обособить себя как индивидов и особенно от сращенности с матерью. Как только идея проницаемости и смешения между людьми принимается кем-либо как возможность, как нечто происходящее в более тесных взаимоотношениях и усиливающееся благодаря принадлежности к группе, групповые процессы приобретают новое значение.

5. *Групповое мышление*. Психодинамический подход предоставляет ряд понятий, позволяющих размышлять о смещении между индивидами. Он также представляет понятийные средства размышлений о том, как это происходит в группе и посредством чего осуществляется приход (неосознаваемый) к коллективным системам значений и коллективным действиям – групповому – мышлению (1996, с. 66–69).

Представленные особенности психодинамического подхода скорее отражают его идеологию и методологию. Разворачиваются же они в целом ряде конкретных исследований, позволивших, во-первых, получить новые объяснения особенностей проявления групповой психологической феноменологии в реальных условиях жизни; во-вторых, получить дополнительные ресурсы для развития и углубления социально-психологических представлений о феноменологии малых групп.

Наиболее известные и принесшие широкую известность исследования групповых процессов с психодинамической перспективой были проведены в Тэвистокской клинике и Тэвистокском институте человеческих отношений W. Bion (1961), показавшим существование скрытой, неосознаваемой группы, происходящие процессы в которой оказывают существенное влияние на поведение членов реальных групп. Именно Bion принадлежит большинство идей психодинамического подхода к изучению феноменологии малых групп, интенсивно разрабатываемых сегодня.

Обладая несомненным инноваторским потенциалом, психодинамический подход обладает теми же слабостями, что и психоанализ как его метаоснование. Первое и наиболее часто предъявляемое критическое замечание связано с очевидной высокой субъективностью результатов. Второй вопрос связан с обсуждением самой возможности валидации данных, основанных на том, что скрыто в подсознании и вытеснено. Как вообще обращаться с данными, обладающими косвенным характером?

Совершенно иная картина характерна для развития исследований в отечественной традиции, определяемая господством «единственно верной» методологии – методологии марксистской.

Развитие исследований малой группы в отечественной традиции

О собственно социально-психологических исследованиях по проблематике малой группы в рамках советской психологической традиции можно говорить лишь начиная с 1960-х годов. Часто совершаемые упоминания об исследованиях В. М. Бехтерева, А. С. Макаренко, А. С. Залужного являются натянутыми, так как они проводились отнюдь не в социально психологическом контексте. Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская (1991), опубликовавшие, по моему мнению, одну из самых серьезных отечественных работ по проблематике малой группы, выделяют три этапа в развитии исследований.

Первый этап (1960-е годы) ознаменовался преимущественной эмпирической направленностью работ. Шло активное, правда, не всегда корректное ознакомление с зарубежным опытом изучения малых групп, подвергался новому осмыслению предшествующий опыт исследований в области коллективообразования (А. С. Макаренко), начали формироваться исследовательские центры – первоначально в Ленинграде, а впоследствии в Москве, Минске и т. д. В эти годы зарождается белорусская школа в исследованиях малой группы, ассоциируемая, прежде всего, с работами Я. Л. Коломинского, развивавшего идеи социометрического подхода Дж. Морено с учетом отечественного культурного контекста.

Второй этап в развитии исследований приходится на 1970-е годы и связан с разработкой теории коллектива (Петровский и др.). Эти исследования ассоциируются, прежде всего, с двумя теоретическими концепциями – стратометрической (Психологическая теория коллектива, 1979) и параметрической (Уманский, 1975) концепциями коллектива. Представляя собой достаточно искусственные конструкции, эти концепции сопровождалась большой эмпирической базой. В данный период появились разделы, связанные с управленческой деятельностью (Свенцицкий, 1975), межгрупповыми отношениями (Агеев, 1983), экологией группы (Леонов, Лебедев, 1975), социально-психологическим тренингом (Петровская, 1982), групповой сплоченностью (Немов, 1984).

Третий этап в развитии исследований по социально-психологической проблематике малой группы приходится на 1990-е годы. Продолжая линию на использование марксистской методологии, исследования данного периода характеризуются и рядом публикаций по отдельным проблемам групповой психологии: руководству и лидерству (Кричевский, Рыжак, 1985), групповой интеграции (Донцов, 1984), социально-психологическому тренингу (Емельянов, 1985), психологическому климату (Бойко, Ковалев, Панферов, 1983), поведению личности в группе (Психология развивающейся личности, 1987), внутригрупповым (Гозман, 1987) и межгрупповым отношениям (Агеев, 1990). Причем адресат большого числа исследований малых групп этого периода – сфера промышленного производства с многообразием проблем, возникающих в деятельности первичных производственных коллективов (Свенцицкий, 1986). Другая значительная область приложения современных разработок отечественной групповой психологии – практика школьной жизни (Коломинский, 1984), включая и непосредственно процесс решения учебных задач (Рубцов, 1987). Правда, в последнем случае, имея в виду ситуацию учения, групповая деятельность рассматривается скорее в контексте проблем педагогической психологии.

Анализ многолетних исследований в области групповой психологии в нашей стране позволяет выделить ряд подходов к изучению феноменов социальной группы, сложившихся за истекшие десятилетия и в немалой степени влияющих на движение научной мысли, детально проанализированных Р. Л. Кричевским и Е. М. Дубовской (1991). Как отмечают авторы, до сих пор работа такого рода в отечественной социальной психологии не; проводилась, поэтому называемые ими подходы кому-то могут, показаться спорными.

По их имени, на сегодняшний день в отечественной групповой психологии можно выделить как минимум четыре крупных исследовательских подхода: 1) деятельностный; 2) социометрическое направление; 3) параметрическая концепция; 4) организационно-управленческий. Их суть может быть сведена к следующим основным особенностям.

Деятельностный подход основывается на одном из основополагающих принципов марксистской психологии – принципе деятельности. Приложение принципа деятельности к изучению малой группы нашло свое выражение в построении ряда теорий групповой активности. К ним относятся: уже упоминавшаяся стратометрическая концепция групповой активности А. В. Петровского (1979), получившая дальнейшее развитие в системно-деятельностном анализе поведения личности в группе (Семенов, 1983); предложенный М. Г. Ярошевским программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива (1978) и модель социально-перцептивных процессов в совместной деятельности Г. М. Андреевой (1980). Кроме того, идеи деятельностного подхода воплотились в изучении отдельных феноменов социальной группы: ее интеграции (Донцов, 1984) и эффективности (Немов, 1984), руководства и лидерства (Кричевский, Дубовская, 1991), межгрупповых отношений (Агеев, 1990).

Социометрическое направление. Как и в зарубежной групповой психологии, немалое число и отечественных исследований малой группы могут быть отнесены к так называемому социометрическому направлению. В советской и белорусской социальной психологии большой вклад в развитие этого направления внес Я. Л. Коломинский, не только много сделавший в плане конструирования различных социометрических процедур, но и включивший эмпирический метод в содержательный теоретический контекст (1976). Правда следует отметить, что по мнению ряда зарубежных исследователей, социометрический подход, популярный во времена его создателя Дж. Морено, давно уже пережил пик популярности и рассматривается многими авторами как тупиковый (Feld, Radin, 1982)

Параметрическая концепция. Создателем этого исследовательского подхода является Л. И. Уманский, в 1960–1970-е годы; разработавший оригинальную концепцию групповой активности: (1980). Основная идея подхода состоит в предположении, что поэтапное развитие малой (контактной по Л. И. Уманскому) группы, осуществляется благодаря развитию ее важнейших социально-психологических параметров (1975). Наиболее значительные исследования, выполненные в рамках этой концепции, касаются организационных, эмоциональных и динамических характеристик группы.

Организационно-управленческий подход. В основу данного подхода положены разрабатываемые в советской обществоведческой, в том числе социологической и социально-психологической, науке представления о социальной организации и управленческой деятельности (Китов, 1984). Относящиеся к рассматриваемому направлению (у его истоков стоят психологи ленинградской школы и прежде

всего Е. С. Кузьмин) многочисленные исследования групп и коллективов носят выраженный прикладной характер и в большинстве своем ориентированы на решение конкретных управленческих задач.

Глоссарий

Малая группа – относительно устойчивая, локализованная в пространстве и во времени общность людей, межличностные взаимоотношения в которой регулируются разделяемыми большинством ценностями и нормами регулирования взаимоотношений и поведения.

Подход групповой динамики рассматривает малую группу как качественно своеобразное явление, в существенной степени определяющее поведение членов группы, описывая их в понятиях теории поля.

Психодинамический подход стремится рассматривать групповую феноменологию с совершенно иной точки зрения, основывающейся на ряде фундаментальных положений о групповых психологических процессах, природе индивидов и их отношении к группе. В отличие от эксперименталистского рационализма в фокусе внимания представителей психодинамического подхода находятся неосознаваемые и иррациональные процессы и явления.

Экспериментальный подход в исследованиях малых групп провозглашает в качестве приоритета измеримость, надежность и объективность при разработке гипотез и их проверке в специально организованных ситуациях, позволяющих контролировать различные переменные.

Вопросы для обсуждения

1. Как трактуется малая группа в современной социальной психологии?
2. Какие разновидности малых групп выделяются и в чем различие существующих подходов к их классификации?
3. Каковы основные этапы развития исследований малых групп и в чем их специфика?
4. Каковы основные подходы к исследованию малых групп за рубежом и в чем их особенности?
5. Какие методологические принципы лежат в основе анализа малой группы?
6. Какие эмпирические методы исследования малых групп Вам известны и в чем заключается их специфика?

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. – М.: Изд-во ИЭП МГУ, 1991.
3. Пайнс А., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб, Издательство «Питер», 2000.
4. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Н. Сухов, А. А. Бодалев, В. Н. Казанцев и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
5. Социальная психология: Учебное пособие / Отв. Ред. А. Л. Журавлев. – М.: ПЕРСЭ, 2002.

6. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Основной источник

1. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.

Генезис и развитие малой группы

Рассмотрение вопроса о функционировании малой группы предполагает выяснение того как она складывается и развивается, какие механизмы лежат в ее основании, каковы причины и мотивы вступления людей в отношения взаимозависимости. Такого рода рассмотрение предполагает представления существующего спектра позиций и подходов, предоставляя читателю критерии и возможности самоопределения в них. С обращения к первому из выделенных вопросов мы и начнем свой анализ.

Возникновение малой группы

Вопрос психологических особенностей возникновения малой группы детально проанализирован в работах Р. Л. Кричевского и Е. М. Дубовской (1991; 2001). Авторы показывают всю сложность и многоаспектность ответов на него. Они пишут: «Вопрос этот на первый взгляд может показаться излишним. Ведь если исходить из уже излагавшегося выше понимания малой группы как своеобразной функциональной единицы в системе общественного разделения труда как макроячейки той или иной социальной структуры, то в этом случае ответ оказывается чрезвычайно прост: возникновение малой группы следует интерпретировать как обусловленное запросами общественно-экономического характера, рожденными в недрах социальных институтов и организаций» (1991, с. 46).

Причины возникновения малой группы должны рассматриваться в нескольких аспектах:

- вне зависимости от входящих в нее индивидов как официальной, формальной организационной единицы;
- в контексте побуждений, заставляющих людей идти в эту группу;
- возникновения в рамках официального подразделения психологических, неформальных малых групп.

Прежде всего необходимость решения людьми определенных социальных задач порождает потребность в создании элементарных функциональных объединений типа малых групп, позволяющих более успешно решать те или иные задачи.

Что же касается преимущественно психологических причин вхождения в определенную социальную группу, то наиболее демонстративным их примером может служить стремление индивидов к удовлетворению потребностей, связанных

со сферой человеческого общения. В этом случае малая группа выступает как своеобразная микросреда общения, в которой индивид находит источники удовлетворения соответствующих потребностей. К числу таких источников М. Шоу (1981) относит, в частности, межличностную аттракцию и групповое членство само по себе, рассматривая последнее как источник удовлетворения аффилиативной потребности.

Разумеется, деление факторов личного предпочтения индивидом той или иной группы (в совокупности они представляют собой не что иное, как мотивацию группового членства) на социальные и психологические оказывается во многих случаях весьма относительным. Конечно же, не сутобо психологические моменты оказываются, как правило, доминирующими в выборе индивидом той или иной организованной (да и не только, как показывает жизнь, организованной) малой группы, тем не менее, учет всех названных обстоятельств является весьма существенным в целях получения более содержательного объяснения картины реально возникающего процесса. Факторы, побуждающие индивида к вхождению в группу, не исчерпываются единственно лишь системой его потребностей и ценностей, включают в себя ряд других переменных: например, социальный опыт индивида, сформировавшуюся у него самооценку, ожидания, связанные с предстоящим групповым членством, особенности группы будущего членства с точки зрения ее целей, программ, специфики деятельности и т. д.

Функциональное объяснение объединения людей в малые группы предлагает М. Шоу, выделяющий две функции: 1) они выступают непосредственной средой достижения индивидами личных целей, чем усиливает стремление войти в нее и сохранять в ней свое членство; 2) они выполняет инструментальную функцию: благодаря пребыванию в данной группе индивид получает доступ к интересующим его целям, лежащим за пределами интересов группы. Примером реализации последней является членство в студенческой группе как временно неизбежное на пути достижения цели получения высшего образования и квалификации, которые в последующем определяют и социальный статус человека, и его жизненную перспективу.

Еще одной важной причиной является рыночная конъюнктура, часто весьма существенно сказывающаяся на попытках выбора людьми определенных профессиональных групп, нередко в ущерб многим полезным, казалось бы социально значимым, но малооплачиваемым в нашей стране видам деятельности, например в образовании, медицине, культуре и т. п.

С точки зрения Р. Л. Кричевского и Е. М. Дубовской, возникновение организованной малой группы следует рассматривать как двухступенчатый процесс, состоящий, во-первых, в объявлении ее в качестве формального, официального звена социальной организацией, и, во-вторых, в наполнении ее конкретными индивидами, способными квалифицированно решать организационные задачи. Что касается первого из указанных этапов возникновения группы, то он полностью детерминирован предписаниями организационной структуры и не зависит от входящих в группу индивидов. Что же касается второго этапа, то он обусловлен не только предписаниями и, заметим, активностью организационной структуры, но и зависит от личных побуждений входящих в группу индивидов (1991, с. 480).

Завершая рассмотрение причин возникновения малых групп можно согласиться с предложенной этими же авторами на дифференциацию их на субъективные (психологические и объективные (непсихологические)). Изучение первых и составляет предмет социально-психологического анализа.

Развитие малой группы

Сформировавшись, малая группа начинает свою жизнь со всеми свойственными ей особенностями. В социальной психологии представлен широкий спектр подходов и моделей рассмотрения процессов развития группы. Тем не менее, при всем разнообразии имеющихся точек зрения на характер развития малой группы в них, как мы увидим далее, обнаруживается и ряд общих моментов, а главное – в совокупности своей они позволяют составить довольно широкую, хотя и весьма пеструю, картину динамики реально разворачивающегося процесса. Остановимся подробнее на некоторых представляющихся нам наиболее значительными подходах к анализу обсуждаемого аспекта группового функционирования.

Следует заметить, что специфика анализа этого процесса во многом зависит от общих представлений исследователя о группе, от его видения картины разворачивающегося группового процесса. Чаще всего они представлены в виде выделения этапности или стадийности группообразования.

Наиболее широкую известность за рубежом получила двухмерная, или двухфакторная, модель Б. Такмена (Tuckman, 1965). Он описывает динамику группового процесса, исходя из учета условий, в которых формируется группа: наличия двух сфер (измерений, факторов) групповой активности – деловой (решение групповой задачи) и межличностной (развитие групповой структуры); положения группы в гипотетической последовательности развития, т. е. в соответствующей стадии. Согласно модели, в каждой из указанных сфер предполагается прохождение группой четырех последовательно сменяющих друг друга этапов. В сфере межличностной активности к ним относятся: 1) стадия «проверки зависимости», предполагающая ориентировку членов группы в характере действий друг друга и поиск взаимоприемлемого межличностного поведения в группе; 2) стадия «внутреннего конфликта», основная особенность которой – нарушение взаимодействия и отсутствие единства между членами группы; 3) стадия «развития групповой сплоченности», достигаемая посредством постепенной гармонизации отношений, исчезновения межличностных конфликтов; 4) стадия «функционально-ролевой соотнесенности», в основном связанная с образованием ролевой структуры группы, являющейся «своеобразным резонатором», посредством которого «проигрывается» групповая задача» (Tuckman, 1965, с. 387).

В сфере деловой активности он выделяет: 1) стадию «ориентировки в задаче», т. е. поиск членами группы оптимального способа решения задачи; 2) стадию «эмоционального ответа на требования задачи», состоящую в противодействии членов группы требованиям, предъявляемым им содержанием задачи вследствие несовпадения личных намерений индивидов с предписаниями последней; 3) стадию «открытого обмена релевантными интерпретациями», понимаемую автором

как этап групповой жизни, на котором имеет место максимальный информационный обмен, позволяющий партнерам глубже проникнуть, в намерения друг друга и предложить альтернативную трактовку информации; 4) стадию «принятия решений» – этап, характеризующийся конструктивными попытками успешного решения задачи.

Спустя более десятилетия после ее публикации автор вновь провел анализ современных ему исследований группового развития, придя к заключению о справедливости (в целом) предложенной ранее схемы (1977). Вместе с тем имеют место попытки ее трансформации применительно к конкретному роду деятельности естественных малых групп. В этом смысле интерес представляет работа G. Stanford и A. Roark, изучавших развитие такой малой группы, как школьный класс, и выделивших при этом следующие семь стадий группообразования (1974).

Первая, начальная, стадия характеризуется ориентационными тенденциями в поведении учащихся. На этом этапе групповой жизни формируются представления учащихся о классе и друг друге. Первые межличностные взаимодействия в это время еще очень осторожны и ведут к образованию диад. Учитель воспринимается как основной авторитет в классе. *Вторая стадия* – период формирования групповых норм, начало складывания группового самосознания. На данной стадии возможно неравномерное развитие группы в деловой и эмоциональной сферах. *Третья стадия* получила название «стадии конфликта», когда наблюдаются столкновения между отдельными членами класса в силу переоценки ими своих возможностей и стремления решать все проблемы самостоятельно, не консультируясь с учителем. *Четвертая стадия* характеризуется как переходная от состояния конфликта к состоянию сбалансированности в отношениях между учащимися. Общение становится более конструктивным и открытым, чем на предыдущих этапах, появляются элементы групповой солидарности и сплоченности. *Пятая стадия* группового развития интересна тем, что здесь впервые, как полагают исследователи, возникает сложившаяся группа с отчетливо выраженным чувством «Мы», в котором проявляются забота всех учащихся о классе, интерес к нему и сплочение. На этой стадии заметна тенденция к интеграции групповой и индивидуальной цели, причем ведущими становятся учебные цели. В плане соотношения развития сфер групповой активности отмечается значительное преобладание деловой сферы. Считается, что это наиболее удобный для учителя этап функционирования класса.

На *шестой стадии* картина меняется, доминирующую роль теперь играет сфера эмоциональной активности, резко возрастает значение отношений типа «Я–Ты», личные взаимодействия становятся особенно тесными, происходит переоценка групповых норм. По мнению авторов, группа на этой стадии напоминает очень удачную семью. *Седьмая стадия* – актуализация – относится к высшему этапу групповой зрелости, когда уровни развития обеих сфер выровнены и степень сплоченности группы весьма высока. Группа является открытой для проявления и разрешения конфликта. Признается разнообразие индивидуальных учебных стилей. Единодушие становится единственным признаваемым путем принятия решений, и расхождение во взглядах допускается до тех пор, пока не выработана общая точка зрения на проблему.

Эта же логика во многом сохраняется и в специфически советской схеме анализа коллективообразования, к знакомству которой мы и приступаем.

Модели коллективообразования. Наиболее известной такой моделью является стратометрическая концепция коллектива, разрабатывавшаяся А. В. Петровским с сотрудниками (1982, 1986) и во многом опирающаяся на идеи того же Б. Такмена. В качестве критериев построения гипотетической типологии групп выдвигаются: 1) степень опосредствованности межличностных отношений в группе содержанием совместной деятельности; 2) общественная значимость последней, имея в виду уровень ее позитивности – негативности, с точки зрения общественного прогресса. Исходя из предложенных критериев, развитие группы описывается как движение в своеобразном континууме, положительным и отрицательным полюсами которого являются соответственно коллектив (высокие позитивные показатели по обоим критериям); корпорация (высокий позитивный показатель по первому и высокий негативный показатель по второму критериям); в центральной точке располагается так называемая диффузная группа (общность, в которой практически отсутствует совместная деятельность); а промежуточное положение между диффузной группой, и положительным и отрицательным полюсами континуума занимают соответственно просоциальная и асоциальная ассоциации, т. е. группы с низкой степенью опосредствования межличностных отношений совместной деятельностью (Петровский, 1982, с. 164–167).

Отличительной особенностью этой схемы группового развития является отчетливая реализация в ней принципа деятельности, позволяющая вывести анализ проблемы за пределы отдельно взятой малой группы и рассмотреть ее в системе широких социальных детерминант, задавая определенный методологический норматив исследования проблемы. Сложнее, однако, обстоит дело с конкретным приложением обсуждаемой схемы к множеству реально функционирующих групп, поскольку процесс развития представлен в ней слишком в обобщенной форме, минуя многие возможные этапы и не отражая складывания отдельных компонентов жизнедеятельности группы как составляющих целостного социального организма. Более того, положенный в основание понятия «коллектив» принцип единообразия, развернутый в ряде специальных понятий – «ценностно-ориентационное единство», «коллективистское самоопределение», оказался крайне абстрактным и идеологизированным, провозглашающим торжество «одинаковомыслия», свойственного тоталитаризму.

Теоретически и идеологически близким описанному подходу является параметрический подход к исследованию группы, предложенный Л. И. Уманским (1975, 1980). В основу его концептуальной схемы положено представление о социально-психологических параметрах группы, являющихся своеобразными критериями – отличительными признаками развития группы как коллектива. К числу таких параметров, в частности, относятся: содержание нравственной направленности группы – интегративное единство ее целей, мотивов, ценностных ориентаций; организационное единство группы; групповая подготовленность в сфере той или иной деятельности; психологическое единство – интеллектуальная, эмоциональ-

ная, волевая коммуникативность, характеризующая соответственно процесс межличностного познания и взаимопонимания в группе, межличностные контакты эмоционального характера, стрессоустойчивость и надежность группы в экстремальных ситуациях (1975, с. 79).

В зависимости от выраженности каждого из параметров группа располагается по степени своего развития в континууме, срединную точку которого занимает группа-конгломерат, т. е. группа, состоящая из незнакомых между собой людей, а полюсами являются коллектив и антиколлектив. Движение группы к позитивному полюсу – коллективу сопряжено с последовательным прохождением ею двух качественно новых стадий – кооперации и автономизации. Причем между группой-конгломератом и группой-кооперацией возможно появление таких промежуточных уровней, как номинальная группа и группа-ассоциация (1980, с. 77–80).

Интересной особенностью проводившегося Л. И. Уманским и его сотрудниками анализа группообразования являются прослеживание развивающихся в группе процессов и феноменов, фиксация постепенного превращения ее в действительно коллективного субъекта деятельности. Так, если на уровне группы-ассоциации контуры групповой структуры лишь просматриваются, то группа-кооперация уже отличается развитой и успешно действующей организационной структурой, высоким уровнем групповой подготовленности и сотрудничества, тогда как для группы-автономии характерными оказываются «синтетические» процессы типа групповой идентификации, обособления, эталонизации (монореферентности), внутренней слитности и спаянности, создающие основу для перехода на высший уровень (1980, с. 78–79).

Заслуживает внимания и своеобразие динамики коллективообразования, выявлявшейся, как правило, во временно функционирующих организованных юношеских группах в условиях лагерей комсомольского актива. В частности, был показан неравномерный и пульсирующий характер движения изучавшихся групп от неколектива к коллективу, сопровождавшийся наличием различных динамических форм коллективообразования (прямовосходящей, пульсирующе-восходящей, прямого и пульсирующего плато, прямонисходящей и пульсирующе-нисходящей) и разнообразием их сочетания (Кирпичник, 1980).

Как и представители стратометрической концепции, исследователи, опирающиеся на идеи параметрического подхода, выделяют особую стадию развития группы – приобретение ею элементов корпоративности, становление корпорацией. Однако в рамках обсуждаемого подхода корпорация не рассматривается как асоциальное образование. Скорее, это группа с гипертрофированными чертами автономизации, ведущими к «групповому эгоизму». Следует заметить, что позднее Л. И. Уманский представил несколько более расширенный перечень социально-психологических параметров группы, рассматривая их в качестве составляющих групповой структуры.

По мнению Л. И. Уманского, своевременное обнаружение и устранение в группе, достигшей стадии автономии, элементов корпоративности, эффективное

включение ее в межгрупповое взаимодействие, коррекция групповой направленности (придание последней подлинно общественного характера) способны вывести группу, хотя бы по наличному состоянию, на уровень коллектива.

Что же касается другой выделяемой в контексте обсуждаемого подхода линии развития группы – движения ее в направлении отрицательного полюса – антиколлектива, то общности, располагающиеся в этой части континуума, характеризуются как «группы, замкнутые извне, но отличающиеся внутригрупповой антипатией, межличностным эгоцентризмом и эгоизмом (интраэгоизмом), активной дезинтеграцией, конфликтностью и агрессивностью», и классифицируются по двум уровням, условно называемым «дезинтеграцией» и «интраэгоизмом».

Свой вариант параметрической классификации коллективообразования предложил А. Н. Лутошкин (1977), использовавший нетрадиционные образно-символические приемы – номинальная группа представлена в образе «песчаной россыпи», группа-кооперация – в образе «мерцающего маяка», а группа-автономия – в образе «алого паруса» и т. д.

Общей уязвимостью моделей коллективообразования является их абстрактно-идеологизированный характер, проявляющийся в господстве принципов эстетизма и идеологического соответствия над реальными процессами. В этом смысле их экологическая валидность весьма низка.

Особый интерес представляют модели развития группы в условиях экстремальной деятельности, часто определяемые как «экзотические» (Harrison, Connors, 1984). К специфическим условиям группового функционирования обычно относятся ограниченность групповых и индивидуальных перемещений, стресс, изоляция от внешнего мира и т. п. экстремальный характер группового функционирования приводит к обострению и ускорению многих процессов группообразования. Интересные выводы, основанные на результатах наблюдений известного путешественника Ю. А. Сенкевича, сделал М. А. Новиков, отмечая обязательный характер проявления трех основных стадий: ознакомления, дискуссий и ролевых ориентаций.

На стадии *ознакомления*, продолжающейся наиболее короткое время, развиваются ориентировочные и исследовательские реакции членов группы. На стадии *дискуссий*, длящейся от нескольких дней до двух-трех недель, характерно интенсивное общение, направленное на прояснение взглядов друг друга. Результатом дискуссий является возникновение структурного контура группы с признаками функционально-ролевой дифференциации и коалиционирования. На стадии *ролевых ориентаций* группа складывается как некоторая целостная система, обладающая соответствующей социально-психологической атрибутикой. При длительном функционировании такой группы с течением времени одни коалиции могут заменяться другими.

Общей особенностью всех проанализированных моделей является акцентирование внимания на группе как целостной системе в ущерб процессам и явлениям, реализующимся в поведении ее отдельных членов. Такого рода автономизация группы от субъекта групповых процессов и явлений, т. е. членов группы, является характерной особенностью классической академической социальной психологии,

для которой характерно игнорирование роли личности в том числе и по причине обособления собственного предмета от общей психологии и психологии личности. Тем не менее групповые процессы и явления проявляются именно в поведении членов группы, на котором несомненно сказывается и членство в ней. Такого рода взаимовлияние прослеживается в процессе групповой социализации, к рассмотрению которой мы и переходим.

Групповая социализация

Очевидной особенностью многих групп, с которыми мы сталкиваемся в реальной жизни является то, что составляющие их люди объединяются друг с другом, новые члены группы устанавливают отношения со старыми, социализируя ее ценности и нормы. Этот динамический аспект групп часто игнорируется социальными психологами.

Попытка решения этой проблемы была предпринята J. Levine и R. Moreland (1994), предложивших модель групповой социализации для описания и объяснения поведения индивидов в группе.

Под групповой социализацией авторы понимают аффективные, когнитивные и поведенческие изменения, являющиеся результатом обоюдного влияния индивида и группы на протяжении всего временного пространства взаимодействия. В ходе взаимодействия разворачиваются три психологических процесса: оценивание, принятие обязательств и ролевое перемещение. Причем каждый из них может быть оценен как с точки зрения индивида, так и группы в целом. *Оценивание* отражает усилия, прилагаемые группой и индивидом, с целью определения и при необходимости – изменения уровня вознаграждения, который стороны способны представить друг другу. Этот уровень получил название *вознаграждаемости отношений* и определяется степенью удовлетворенности нормативных ожиданий друг друга.

Вознаграждаемость отношений определяет *принятие обязательств*. В случае восприятия сторонами вознаграждаемости своих прошлых, настоящих и будущих непосредственных отношений как возрастающую, они склонны в большей степени связывать себя обязательствами и наоборот.

Ролевые перемещения вызываются изменениями в обязательствах сторон. Они являются продуктом динамики отношений в системе «индивид–группа», вследствие чего обязательства могут быть скорректированы. Оценка этих обязательств осуществляется посредством специального *критерия решения*, основывающегося на: 1) общих представлениях об эволюции типичных отношений между индивидами и группами; 2) конкретных мнениях относительно наблюдаемой эволюцией этих отношений. Когда обязательства группы перед индивидом достигают критерия решения, группа начинает менять свои взгляды на его роль, стараясь мотивировать его на ролевое перемещение. Аналогичным образом по отношению к группе ведет себя и индивид. Само ролевое перемещение представляет собой процесс прохождения через три ролевые области – нечленства, квазичленства и полноправного членства. К *нечленам* группы относят ее потенциальных членов, могущих стать членами группы в будущем, и *экс-членов* – индивидов, выбывших из группы.

Квaziчленами являются члены группы, не достигшие статуса полноправных членов, и маргинальные члены, утратившие этот статус. Наконец, полноправными членами являются индивиды, тесно идентифицировавшиеся с группой, пользующиеся всеми привилегиями и разделяющими все обязательства, связанные с членством в группе.

Динамика групповой социализации описывается посредством ряда последовательных фаз, отделяемых друг от друга ролевыми перемещениями индивида. Выделяются следующие фазы: исследование, собственно социализация, сохранение, ресоциализация и воспоминание.

На *фазе исследования* индивид выступает в роли предполагаемого члена группы, и она включает две подфазы: *рекрутирование* (выяснение группой возможностей индивида с точки зрения их соответствия целям группы) и *зондирование* (выяснение индивидом возможностей группы с точки зрения удовлетворения собственных потребностей). В случае удовлетворения обоюдных требований критерию вхождения в группу происходит ролевое перемещение к роли нового члена группы.

На *фазе собственно социализации* также присутствуют две подфазы: *ассимиляция* (группа воздействует на индивида с целью максимизировать его вклад в ее достижения) и *аккомодации* (индивид старается воздействовать на группу с целью повысить ее вклад в удовлетворение его потребностей). Эта фаза заканчивается при удовлетворении критерия признания индивида членом группы, после чего происходит ролевое перемещение в роль полноправного члена группы.

На *фазе сохранения* начинаются ролевые переговоры, направленные на уяснение ролевого вклада индивида с точки зрения: 1) максимизации его вклада в достижение групповых целей; 2) удовлетворения им собственных потребностей. В случае неудачи ролевых переговоров стороны будут вести речь о снижении требований к ролевым обязательствам. В случае снижения уровня обязательств ниже критерия дивергенции (расхождения) произойдет новое ролевое перемещение – превращение индивида из полноправного члена группы в маргинального.

С момента перехода на ролевую позицию маргинального члена группы начинается *фаза ресоциализации* в процессе которой индивид и группа пытаются восстановить вознаграждаемость своих предшествующих отношений. В зависимости от успешности взаимодействия обеих сторон могут начинаться процессы ассимиляции и аккомодации, которые могут привести к включению процесса конвергенции на роль полноправного члена группы. В случае неудачности процесса он может завершиться новым ролевым перемещением и привести к уходу из группы.

Наконец, на *фазе воспоминания* заканчивается процесс групповой социализации. Индивид становится экс-членом группы, и вновь выделяются две подфазы: *традиция* (групповое согласие о прошлом вкладе индивида в достижения групповых целей) и *реминисценция* (воспоминание индивида о сделанном для него группой). Постепенно обязательства между индивидом и группой стабилизируются на определенном уровне.

Особенности модели процесса социализации Moreland и Levine представлены на приводимой схеме 31.

Схема 31.

Модель процесса групповой социализации Moreland и Levine

Приводится по Hogg, Vaughan, 1995, с. 236.

Процесс перехода ролей рассматривается как важный аспект жизни группы, особенно ролей, которые связаны со становлением членом группы. В целом переход ролей ритуализируется с общественными событиями. Он может приносить удовлетворение, сопровождаясь поздравлениями или подарками (например, в случае дня рождения или бракосочетания), а очень часто может сопровождаться болью, страданием, деградацией (например, в случае обрезания, поминок). Эти ритуалы могут выполнять ряд функций:

1. Символическая – предоставляющая согласованное и общественное признание множественности идентичности.
2. Обучения – некоторые ритуалы помогают приобрести новые роли и нормативные стандарты.
3. Демонстрации лояльности – приятные инициативы, включающие подарки, и особые почести могут вызывать удовлетворение, усиливающее обязательства в отношении группы.

Конечно, теория групповой социализации пока находится в стадии становления, что отмечают и сами ее авторы, но ее исследовательский потенциал весьма перспективен.

Социализация групповых ролей и обретение групповой идентичности сами по себе привносят динамику в жизнь группы. Но объединяясь друг с другом, члены группы образуют новое качество, которое развивается по своим особым законам и основывается на специфических механизмах, к анализу которых мы и переходим.

Механизмы групповой динамики

Одним из наиболее сложных и важных вопросов, касающихся функционирования малой группы, является вопрос о лежащих в его основании механизмах. Без понимания того, что происходит в группе, что меняется в ней, благодаря чему она изменяется, невозможно углубление в суть проблемы. Простая констатация того, что нечто меняется и меняется с определенными особенностями вряд ли прибавляет ясности. К сожалению, упомянутый вопрос «Посредством чего?» до сих пор относится к категории малоизученных. Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская (2001) выделяют три основных механизма групповой динамики: 1) разрешение внутригрупповых противоречий; 2) «идиосинкразический кредит»; 3) психологический обмен. С нашей точки зрения, эти механизмы могут быть дополнены механизмом влияния меньшинства группы и адаптация к изменениям в социальном окружении. Поскольку первый из названных механизмов наиболее соответствует идее развития, именно с него мы и начнем последующее изложение.

Разрешение внутригрупповых противоречий. Данный механизм не случайно приводится первым. Вполне логично предположить, что группа меняется в том случае, если возникают противоречия между ее актуальным состоянием и его соответствием окружающему контексту. Если таких противоречий не возникает, то не возникает потребности к изменениям. Так как группа представляет собой «живой организм», то характерным для него является и наличие определенной динамики – меняются отношения между членами группы, меняются и условия ее функционирования. Эти изменения с неизбежностью порождают необходимость внутренних изменений и т. п.

Исследователи группового развития указывают на наличие нескольких типов внутригрупповых противоречий. Так, изучая динамику коллективообразования во временных юношеских группах, А. Г. Кирпичник (1980) обратил внимание на противоречия, во-первых, между возрастающими потенциальными возможностями группы и ее актуальной деятельностью и, во-вторых, между растущим стремлением членов группы к самореализации и самоутверждению и одновременно усиливающимися тенденциями включения личности в групповую структуру, интеграции ее с группой. Обнаружилось, что переход группы с одного уровня развития на другой происходит скачкообразно в результате обострения противоречий и их последующего разрешения.

Еще один тип внутригрупповых противоречий описывает F. Shambaugh (1978), основывающий свой анализ развития малой группы на материалах большого числа исследований психоаналитического толка, начиная с известной работы Фрейда по групповому влиянию (1925). Суть рассуждений Ф. Шамбо можно свести к следующим основным моментам. Развитие группы есть результат столкновения противоречивых тенденций, периодически возникающих в ней вследствие рассогласования поведения лидера с ожиданиями, связываемыми с его действиями последователями. Подобное рассогласование приводит группу к дестабилизации и конфликту. Разрешение конфликта заканчивается наступлением «фазы гармонии»,

характеризующейся стабилизацией отношений и оптимистической направленностью межличностного восприятия, после чего вновь появляются «возмущения» в системе, связанные с очередными противоречиями между лидером и последователями. Лишь по мере прохождения группой целой серии конфликтных фаз и выработки у ее членов общих «культурных» критериев оценки действительности структура группы окончательно стабилизируется. Эта стабилизация может быть относительно продолжительной при условии сохранения баланса взаимоотношений с внешней средой.

«Идиосинкразический кредит». В еще большей степени с анализом поведения лидера связано выделение нами другого механизма развития группы, получившего в работах Е. Холландера (Hollander, 1964; 1970) название феномена «идиосинкразического кредита». Абстрагируясь от излишней детализации подхода, отметим что, вопреки традиционным представлениям, с точки зрения Холландера, высокостатусный субъект (лидер) не обязательно жестко реализует нормы группы, но привносит в ее жизнь некоторые новшества, хотя бы и ценою отхода от ряда прежних норм, способствуя тем самым более эффективному достижению групповой цели и переводя группу на иной, более высокий уровень функционирования. Причем, согласно модели, члену группы может быть позволено отклонение от групповых норм пропорционально его прошлому вкладу в достижение групповых целей, вследствие чего и возникает феномен «идиосинкразического кредита», представляющий собой своеобразное разрешение группы на девиантное поведение (поведение, отклоняющееся от групповых норм, характеризуется Е. Холландером как идиосинкразическое). Поскольку, исходя из эмпирических данных, считается, что субъект с высоким статусом (как правило, лидер) гораздо сильнее других членов ориентирован на группу (фактор мотивации), обладает наибольшей компетентностью в групповой задаче и вносит значительный вклад в ее решение, ему в большей мере, чем низкостатусному субъекту, позволено отклоняться от групповых норм, если это способствует лучшему достижению целей группы. Таким образом, феномен «идиосинкразического кредита», как он описывается Е. Холландером, выступает в качестве одного из условий внедрения в жизнь группы элементов инновационности (1970), создавая тем самым предпосылки перехода группы на новую, более высокую степень жизнедеятельности.

Механизм «идиосинкразического кредита» хоть и не обладает исчерпывающей эмпирической подтвержденностью, но дает хорошую возможность объяснения возможностей выхода группы за рамки жесткой регламентированности групповыми стандартами, не позволяющими находить инновационные, нестандартные решения и тем самым адаптироваться к изменениям в окружении. По крайней мере обоснование самой возможности отклонения от групповых стандартов наиболее авторитетному члену группы – лидеру – выглядит вполне логичным. Во многом такого рода отклонения от установившихся стандартов характерны и для взаимоотношений между меньшинством и большинством группы, более подробное рассмотрение которого будет рассмотрено ниже.

Психологический обмен. Этот механизм является следствием более широкой концепции психологического обмена Хоманса. Следует отметить, что в психо-

логии (особенно в социальной) понятие «обмен» пользуется большой популярностью. Корректнее использование понятия «психологический обмен», чтобы дифференцировать последний от обмена, совершающегося в системе экономических отношений людей и являющегося исходным, базисным в ряду других возможных проявлений человеческого обмена.

В различных вариациях идея обмена может быть сведена к следующему – члены группы обмениваются друг с другом своим опытом, достижениями, ценностями и т. п., что приводит к изменениям друг в друге, да и в группе в целом. В случае продуктивности такого обмена группа развивается, в противном случае – деградирует и прекращает свое существование. Следует заметить, что обмен имеет место не только внутри группы, но и ее внешним окружением.

Примером является концепция ценностного обмена (Кричевский, 1985). Суть ее может быть сведена к следующему – в существующем многообразии форм совместной деятельности ценности могут выступать в виде каких-либо значимых характеристик членов группы, относящихся к свойствам их личности, ее направленности, умениям, опыту и т. п. и реализуемых ими в ходе решения стоящих перед группой задач с пользой для отдельных партнеров и группы в целом. Психологическое содержание ценностного обмена состоит в обоюдном удовлетворении сторонами-участницами взаимодействия определенных социальных потребностей друг друга путем взаимного предоставления каждой из них другой стороне соответствующих ценностей.

В связи с анализом процесса ценностного обмена применительно к межличностному взаимодействию вводится понятие ценностного вклада индивида относительно отдельных партнеров и группы в целом (обобщенно-ценностный вклад в жизнедеятельность группы). Под ценностным вкладом понимаются любые полезные, т. е. представляющие ценность и, следовательно, работающие на удовлетворение потребностей как отдельных субъектов, так и «совокупного субъекта» – социальной группы, действия, адресованные как отдельным членам группы, так и группе в целом и имеющие самые разные формы проявления.

Влияние меньшинства. Идея влияния меньшинства была реализована в исследованиях Московичи и Фуше (Faucheux). Исходно разрабатываясь как альтернатива идее конформного поведения С. Аша, провозглашающего несомненный приоритет мнения большинства по отношению к индивидуальному. В соответствии с ней утверждается, что взаимоотношения большинства и меньшинства не столь одномерны как это кажется на первый взгляд. Внутренняя уверенность в верности собственных представлений не является результатом их соответствия объективной реальности, а скорее производной от соотношения с существующими в окружении мнениями и оценками. Если внешние и внутренние оценки совпадают это приводит к осознанию собственной правоты, в противном случае возникает ситуация сомнений. Более того, если очевидные для большинства оценки начинают сталкиваться с противоречиями, обусловленными их рассогласованием с конкретными обстоятельствами и полученными результатами, то возникает потребность нахождения альтернативных решений, которые и могут поступать от меньшинства, выступающего, как и в случае идиосинкразического кредита, их поставщиком. Мос-

ковичи отмечал, что в группе всегда присутствуют несогласия и конфликты как необходимые условия ее развития. Внешнее подчинение большинству только видимое, и в ситуации внутригруппового диссонанса мнение большинства может оказаться очень влиятельным. Он выделяет три модальности социального влияния в ситуации внутригруппового конфликта:

1. *Конформность* – влияние большинства, навязывающего меньшинству своей точки зрения.
2. *Нормализация* – взаимный компромисс, приводящий к конвергенции идей.
3. *Инновация* – создание ситуации конфликта меньшинством с целью убеждения большинства в необходимости принятия его точки зрения.

Московичи разработал генетическую модель влияния меньшинства, которую назвал ее генетической, так как акцентировал внимание на том, как именно социальные конфликты сказываются на социальных изменениях. В соответствии с моделью люди исходно склонны к избеганию конфликтов и при наличии возможности предпочитают принятие любого подходящего способа решения конфликта. Меньшинство акцентирует внимание на причинах конфликта и предлагает соответствующие альтернативные решения. Таким образом, влияние меньшинства может выступать в качестве одного из механизмов развития группы.

Адаптация к изменениям в социальном окружении. Представленные механизмы в основном описывали внутренние движущие силы развития группы. Но даже в абстракции внутригрупповые процессы не могут рассматриваться вне их связи с изменениями в ее непосредственном и опосредованном социальном окружении. Именно изменения в социальном окружении и стимулируют изменения в самой группе. Причем такого рода адаптация носит интерактивный характер. Представляя своего рода компромисс, адаптация лишь в относительной степени может соотноситься с понятием оптимальных решений. Скорее можно говорить лишь о нахождении некоторой медианы учета особенностей, интересов и возможностей взаимодействующих сторон, обеспечивающей минимально достаточный уровень взаимоприемлемости. Именно интерактивный характер адаптации приобретает особую популярность сегодня. Примером такого рода интерактивности является подход «исторической экологии», развиваемый Cumley (1994), подчеркивающий зависимый от обстоятельств и обладающий потенциально широким спектром возможностей характер человеческого приспособления к ограничениям окружающей среды. В нем утверждается, что человек не только адаптируется и регулирует свое поведения по отношению к внешней среде, но одновременно прилагает усилия к изменению этой среды в целях достижения состояния устраивающего равновесия. Причем интерактивный характер взаимодействия сопровождается постоянным изменением условий достижения достигнутого компромисса, что и выступает одним из ведущих условий развития, в том числе и малой группы как таковой.

Безусловно приведенные механизмы групповой динамики не исчерпывают проблемы определения движущих сил развития малой группы. Можно говорить и о других возможных «движителях» и социально-психологических факторах.

Динамика группового процесса весьма сложна и многоаспектна. Можно говорить о ее этапности или стадийности, о ее связи с процессами групповой социализации, включающей в плоскость рассмотрения интерактивный характер групповых процессов и явлений, предполагающий более детальное рассмотрение в нем роли индивидуальных членов группы.

Глоссарий

Групповая динамика – в широком смысле любые коллективные взаимодействия, имеющие место в группе. В специальном значении – изучение динамических процессов в группе, проявляющихся в таких внутригрупповых процессах, как власть, изменение власти, лидерство, формирование группы и т. п., взаимоотношения группы с другими группами, групповая сплоченность, групповое принятие решений и др.

Групповое поведение – активность группы, являющаяся результатом множественных взаимодействий в группе как целом, свойство внутригруппового взаимодействия, не сводимое к простой сумме поведений отдельных членов группы. Часто используется как синоним понятию «групповая работа».

Групповые процессы – процессы, возникающие и реализующиеся в межличностных взаимодействиях в группе, способствующие идентификации людей как членов данной группы и влияющие на характер межличностных взаимоотношений, отношение к происходящему и групповое поведение.

Идиосинкразический кредит – понятие, введенное Е. Холландером, обозначающее предоставление лидеру группы возможности отклонения от групповых стандартов, способствующее более эффективному достижению групповой цели и переводу группы на иной, более высокий уровень функционирования

Вопросы для обсуждения

1. Какие факторы лежат в основе образования малой группы?
2. Охарактеризуйте основные модели развития группы и модели коллективообразования. В чем их принципиальное отличие друг от друга?
3. Какие особенности присущи процессу развития малой группы в экстремальных условиях?
4. В чем отличия процессов групповой социализации и группообразования?
5. Какие механизмы групповой динамики вам известны и в чем заключается их специфика?

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1999.
3. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: Речь, 2000.

5. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Н. Сухов, А. А. Бодалев, В. Н. Казанцев и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
6. Хьюстон М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Основной источник

Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.

Характеристики малой группы.

С течением времени малая группа приобретает определенную устойчивость, проявляющуюся в формировании между ее членами определенных паттернов взаимоотношений, норм, распределения ролей, поведенческих реакций, коммуникативных сетей и т. п. Все это вместе взятое и образует так называемые характеристики малой группы. Начиная с момента своего образования группа начинает структурироваться. Важность этого процесса для понимания групповой феноменологии определяется, прежде всего, тем, что именно он во многом определяет своеобразие группы и специфику ее исследования. В зависимости от особенностей сформировавшейся структуры взаимоотношений в группе определяется как самочувствие ее членов, так и ее внешняя оценка. Существующее многообразие малых групп делает очень не простым выбор ее ведущих характеристик. Одним из критериев их выделения является отношение к целостности группы. С определенной долей условности к таковым можно отнести: структуру группы, функционирующие в ней нормы, групповую сплоченность и коммуникативные сети. В этой последовательности мы и будем их рассматривать.

Групповая структура

Проведение структурного анализа предполагает определение в соотношении понятий «структура» и «система». Поэтому дальнейшее наше изложение будет строиться главным образом с учетом таких выраженных системных признаков структуры, как ее равномерность и разноразность, позволяющих наиболее полно охватить взаимосвязи между элементами социального целого, именуемого малой группой – иными словами, наиболее полно описать ее структуру. Точно так же, как важно определение и в методологии анализа. Последнее часто выступает в качестве своеобразного водораздела между различными теоретическими подходами и моделями. В зависимости от предпочитаемой методологии происходят выделение ведущих принципов, полагаемых в их основание, а также интерпретация природы группового функционирования.

Поуровневый анализ групповой структуры. При его проведении полезно полагание на принцип ведущей деятельности, позволяющий раздифференцировать структурные характеристики группы. Различные типы групповых деятельностей задают и различные системы внутригрупповых отношений: деловых, отвечающих деятельности инструментального типа, и эмоциональных, отвечающих деятельности экспрессивного типа. Реализация членами группы определенных институционально заданных функций в сфере ведущей деятельности группы – по решению задач, поставленных перед ней в рамках более широкой социальной общности (организации), порождает систему так называемых официальных отношений. Но одновременно для решения этих же задач в ходе развертывания той же самой деятельности возникают функциональные образования, заранее социальной организацией не предписанные. Таковы, например, роли критика, эрудита, генератора идей в научном коллективе (Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская, 1991).

Связи между реализующими эти роли индивидами образуют систему неофициальных деловых отношений, наряду с которой в группе сосуществует и система неофициальных отношений – отношений эмоционального типа, представляющих собой различные неинструментальные формы межличностного общения, например, отношений симпатии–антипатии, выступающих в качестве объединяющего или разъединяющего принципа.

Несколько отличающийся подход представляет стратометрическая модель, предложенная А. В. Петровским (1979), обладающая определенным сходством с подходом Такмена. Она включает несколько слоев (страт), каждый из которых характеризуется определенным принципом построения межличностных отношений и соответственно своеобразием проявления тех или иных групповых феноменов и процессов. В качестве центрального (ядерного) звена берется сама предметная деятельность группы, ее содержательные общественно-экономические и социально-политические характеристики. Эта страта определяет своеобразие социальных (официальных) отношений в группе. Три последующие страты являются психологическими по своей сути. В первой из них фиксируются отношение каждого члена группы к групповой деятельности, ее целям, задачам, принципам, на которых она строится, мотивация деятельности, ее социальный смысл для каждого участника. Во второй страте представлены межличностные отношения, опосредствованные содержанием групповой совместной деятельности, ее целями и задачами, принятыми в группе принципами и ценностными ориентациями и т.п. Что же касается третьего психологического уровня групповой структуры, то он представляет собой поверхностный слой межличностных отношений, свободный от детерминирующих влияний реализуемой совместной деятельности. Хотя рассматриваемая модель и не предлагает сколько-нибудь развернутой типологии межличностных отношений в группе, тем не менее, заложенные в ней идеи могут послужить полезной основой для построения в будущем такой типологии, позволяя в полной мере реализовать в анализе социальной группы, в том числе ее структурного звена, методологический принцип деятельности.

Многомерный анализ групповой структуры. Другой возможный ракурс рассмотрения групповой структуры, по мнению Р. Л. Кричевского, связан с пониманием ее как многомерного образования (Кричевский, Дубовская, 1991, с. 74–80). В качестве ведущего принципа здесь выступает принцип статуса или престижности занимаемых индивидами позиций в системах официальных и неофициальных внутригрупповых отношений. В любой из них можно выделить разные по степени престижности позиции (например, континуум позиций в системе официальных отношений на университетской кафедре может быть обозначен двумя крайними полюсами: позицией заведующего и позицией лаборанта, в системе любых неофициальных отношений – позициями лидера и аутсайдера и т. д.) и, выстроив их по вертикали, получить различные измерения групповой структуры. Между ними вполне допустимы и взаимопереходы, и взаимодополнения.

О каких же измерениях групповой структуры пойдет далее речь? К их числу различными авторами относятся: ролевое, статусное, социометрическое измерение, позиции социальной власти, лидерство, коммуникативные сети. Перейдем к их краткой характеристике.

Ролевое измерение представляет попытку использования применительно к анализу групповой структуры положений ролевого подхода, особенности которого ранее уже представлялись нами подробно. Здесь же отметим то, что в структуре взаимоотношений в группе многое поверхностно объясняется особенностями исполняемых ролей. Согласно ролевому подходу по отношению к любой позиции, занимаемой индивидом в структуре межличностных взаимоотношений существуют социальные ожидания (ролевые представления), выступающие в качестве первичных регуляторов координации взаимодействия. Эти ожидания могут полностью идентифицироваться членами группы, а могут рассогласовываться с индивидуальными представлениями. Реальное же поведение представляет своего рода компромисс между социальными ожиданиями и собственными представлениями. Роли не являются качествами людей, а скорее поведенческими предписаниями, прикрепляемыми к ним. Они могут быть полностью неформальными и имплицитными (например, группа друзей) или формальными и эксплицитными (например, экипаж самолета).

Существование ролей в групповых взаимоотношениях реализуется по ряду оснований:

1. Они представляют разделение труда в группе – только в самых простых группах его не существует.
2. Они снабжают четко определяемыми социальными ожиданиями в отношении друг друга в группе и информацией о том, как они связаны друг с другом.
3. Они снабжают членов группы самоопределениями и положением в группе, тем самым способствуя ее функционированию (Hogg, Vaughan, 1995, с. 243).

Хотя мы часто говорим о том, что исполняем роли это является не совсем корректным. На самом деле мы рассматриваемся как их исполнители только со сто-

роны в силу свойственного наблюдающим свойства фиксировать внимание на исполнителе, недооценивая роль ситуативного контекста по отношению к его поведению (фундаментальная ошибка атрибуции). Тем не менее ролевое измерение может оказаться весьма полезным при создании и описании внешней групповой структуры. Исполняемые роли крайне вариативны и во многом связаны со статусом человека в группе.

Статусное измерение дает представление о субординированности позиций индивидов в системе отношений в малой группе. Различия в статусе могут оказывать существенное влияние и на отношение извне и на самоотношение человека. Более того, они во многом определяют и возможности самореализации.

В частности, определенная связь выявлена между величиной статуса индивида и степенью соответствия его поведения нормам группы. С оговорками можно говорить о следующих особенностях: 1) высокостатусный член группы более конформен, чем низкостатусный; 2) высокий статус в группе обеспечивается полным согласием с групповыми нормами; 3) в отдельных ситуациях наибольшую приверженность групповым нормам демонстрирует субъект, занимающий вторую по степени престижности позицию в группе; 4) высокостатусному субъекту может быть позволено отклонение от групповых норм в попытке способствовать достижению групповой цели (феномен «идиосинкразического кредита»). В подобном разнообразии альтернатив отражена несомненная сложность группового процесса (равно, впрочем, как и сложность эмпирического его изучения), не позволяющая согласно системному пониманию группы, линейно трактовать взаимосвязи, возникающие между теми или иными ее феноменами и требующая придать их анализу вероятностный характер.

В дополнение отметим, что иногда поведение высокостатусных членов группы соотносится не столько непосредственно с принятыми в ней нормами, сколько с ожиданиями их низкостатусных партнеров, безусловно, подверженными влиянию групповых норм (К. Gergen, M. Gergen, 1981). В этом случае выделяются два типа ситуаций, в одном из которых акцент делается на продуктивности группы, а в другом – на ее сплоченности. Показано, что в ситуациях первого типа высокостатусные субъекты неохотно идут навстречу ожиданиям низкостатусных коллег, полагая, что для достижения групповой цели им необходимо свободно распоряжаться ресурсами группы, и, кроме того, конформность к ожиданиям низкостатусного партнера расценивается как угроза положению высокостатусного субъекта в группе. В ситуациях второго типа подобный эффект отсутствует, поскольку считается, что в этом случае конформность к ожиданиям низкостатусных партнеров не препятствует достижению групповой цели и не представляет угрозы чьему бы то ни было статусу, являясь, напротив, позитивным условием единения группы. Таким образом, в данном случае мы имеем дело со своего рода двухмерным анализом поведения высокостатусных членов группы, соотносимого с некоторым нормативным пластом групповой жизни, репрезентированным в соответствующих ожиданиях их низкостатусных партнеров.

Еще одним аспектом статусного структурного измерения является феномен «генерализации статуса», суть которого в том, что статусные характеристики индивидов, связанные с членством в других социальных группах и первоначально внешние к ситуации межличностного взаимодействия в данной группе (своего рода «внешний» статус), будучи привнесенными в эту ситуацию, начинают оказывать значительное влияние на особенности разворачивающегося взаимодействия, в частности на «внутренний» статус самих его участников (Webster, Driskell, 1983).

Статусная иерархия в группе не является фиксированной: она может врываться во времени и от ситуации к ситуации. Возьмем, например, оркестр. Ведущий виолончелист может обладать очень высоким статусом на концерте, в то время как другие оркестранты могут обладать таковым в неформальных отношениях или на переговорах с руководством. В данном случае многое зависит от конкретной системы координат социального сравнения. Меняется она, может меняться и статус. Статусная иерархия может быть и институциональной по характеру. Занимаемая позиция определяет и статус, примером чему является популярный трюизм: я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак.

В соответствии с теорией состояния ожидания статус определяется двумя источниками:

1. Специфическими характеристиками статуса – характеристиками, определяемыми соответствием способностей групповым задачам (например, атлетизмом в спортивной команде).
2. Диффузными статусными характеристиками – характеристиками, которые непосредственно не связаны с групповыми задачами, но позитивно оцениваемы в обществе (например, бытие ребенком, старшим по возрасту).

Диффузные статусные характеристики ассоциируемые с ожиданиями полезности генерализируются на широкий класс ситуаций, даже весьма далеких от групповых задач.

Статусное измерение весьма тесно пересекается с измерением *социометрическим*, характеризующим субординированность позиций индивидов в системе внутригрупповых межличностных предпочтений, и репрезентируется как в классическом варианте социометрической структуры группы, так и в аутосоциометрической ее модификации. По существу, социометрическое измерение в значительной мере является аналогом неформальной статусной структуры группы, и в этом смысле определенный интерес представляют данные, полученные рядом авторов при изучении связи неформального статуса с различными аспектами группового процесса.

Измерение *социальной власти* отражает субординированность вертикальных расположений индивидов в зависимости от их способности оказывать влияние в группе. Собственно говоря, феномен социальной власти, изучение которого одним из первых предпринял еще в 1940-е годы К. Левин (2000), и означает актуальное (чаще потенциальное) влияние, оказываемое одним из членов группы на другого (Хьюстон, 2004). Причем проявления этого влияния могут осуществляться по разным направлениям, о чем свидетельствуют результаты теоретического анализа,

проведенного French и Raven (1968) с целью выделения различных типов социальной власти в отношениях между людьми. Всего ими называются пять таких типов социальной власти: 1) *вознаграждающая* (способствует вознаграждению другого лица); 2) *принуждающая* (способствует принуждению, наказанию другого лица); 3) *легитимная* (основывается на допущении, что один субъект имеет узаконенное право предписывать поведение другого субъекта); 4) *референтная* (в ее основе лежат отношения симпатии, эмоционального предпочтения); 5) *экспертная* (базируется на превосходстве другого лица в специальных знаниях, компетентности в определенной деятельности). Каждый из перечисленных типов социальной власти предполагает влияние, в одних случаях (например, легитимная власть) носящее более выраженный социальный, а в других (например, референтная власть) — психологический характер. Заметим, однако, что и такие, казалось бы, сугубо социальные типы влияния, как вознаграждающая и принуждающая власть, могут иметь заметную психологическую окраску, если характер вознаграждений и наказаний является психологическим по своей сути (например, определенные их эмоциональные эквиваленты).

Согласно материалам эмпирических исследований (Shaw, 1971) наиболее влиятельный по тому или иному параметру социальной власти субъект часто воспринимается другими членами группы в качестве своеобразного ее коммуникативного центра, ему же нередко приписывается окружающими большая личностная привлекательность, нежели лицу, обладающему малой степенью социальной власти. Таким образом, измерения социальной власти в той или иной мере могут совпадать с коммуникативным и социометрическим измерениями групповой структуры. К этому следует добавить, что к числу разновидностей социальной власти относятся и феномены руководства и лидерства, выступающие как проявления процесса влияния, в одном случае (руководство) институционально зафиксированного, социального, а в другом (лидерство) — возникающего спонтанно, психологического.

Следующим из выделенных измерений структуры малой группы является *лидерство*. Если, согласно концепции ценностного обмена, рассматривать лидерство как «процесс межличностного влияния, обусловленный реализацией ценностей, присущих членам группы, и направленный на достижение стоящих перед группой целей», а лидера — как члена группы, обладающего наибольшим ценностным потенциалом, обеспечивающим ему ведущее влияние в группе» (Кричевский, Рыжак, 1985, с. 112), то правомерно полагать, что в лидерстве отражена субординированность позиций индивидов в зависимости от их ценностных потенциалов и, что весьма существенно, их ценностных вкладов в жизнедеятельность группы. Обсуждаемый феномен, взятый в качестве некоторого структурного измерения, наиболее демонстративно обнаруживает себя в структурах инструментального и эмоционального лидерства.

Измерение *коммуникативных сетей* показывает субординированность позиций индивидов в зависимости от расположения последних в системах информационных потоков и концентрации у них той или иной касающейся группы информации. Вполне очевидно, что обладание информацией тесно связано с величиной

официального статуса индивида в группе, что, как правило, высокостатусным членам группы адресуется больше сообщений и они носят более благоприятный (дружелюбный) характер, нежели сообщения, посылаемые низкостатусным индивидам.

В последние годы интерес к проблеме внутригрупповых коммуникаций особенно возрос, и это отнюдь не случайно, поскольку, как утверждается в литературе (Хьюстон, 2004; Manstead, Hewstone, 1995), коммуникация лежит в основе группового процесса. К тому же подход коммуникативных сетей открывает качественно новую перспективу в исследованиях малых групп, преодолевшую инерцию классических подходов, доминировавшую в социальной психологии на протяжении многих десятилетий. В силу названных обстоятельств он более подробно будет рассмотрен в качестве специального раздела.

Представленные измерения групповой структуры позволяют дать более развернутое и вместе с тем подлинно системное ее описание. Проведенный анализ показывает взаимосвязь и взаимовлияние рассматривавшихся измерений. Так, субъекту, занимающему лидерскую позицию в группе, присущ высокий неформальный статус, вместе с тем личность с высокими позитивными социометрическими показателями имеет большие шансы выйти в лидеры, и в то же время лидерство есть проявление психологического влияния, неформальной власти и т. д. Каждое отдельное измерение групповой структуры выступает неким детерминирующим фактором развития других измерений и в конечном счете – структуры группы в целом. Правда, по мнению специалистов (Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская, 2001), складывание целостной структуры зависит и от ряда иных факторов, в том числе личностных характеристик членов группы и условий функционирования последней.

Модели групповой структуры. Этот аспект рассмотрения групповой структуры связан с возможностью либо статической, либо процессуальной ее репрезентации. Действительно, структура малой группы может быть зафиксирована в какой-то конкретный момент жизни этого социального организма, отражая актуальное его состояние, определенный баланс или дисбаланс между элементами социального целого. Модели, призванные дать представление об относительно инвариантных состояниях групповой структуры, относятся к категории статистических и описываются элементами формальной логики и теории графов.

С точки зрения Р. Л. Кричевского, гораздо более интересными являются модели иного типа – ориентированные на процесс и подчеркивающие (правда, далеко не всегда достаточно отчетливо) временные изменения в структуре (Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская, 1991, с. 80–83). Одна из таких моделей – внутренняя и внешняя система Д. Хоманса (Homans, 1961). Основу данной теоретической конструкции составляют представления о некоторых основных элементах группового поведения, к которым автор относит индивидуальные действия членов группы, их эмоциональные отношения друг к другу (или чувства) и их взаимодействия в виде взаимосвязанного поведения (к этим элементам добавляются еще и групповые нормы как определенные стандарты поведения, вырабатываемые группой). Постулируется, что между упомянутыми элементами группового поведения имеется тесная

позитивная связь, так что изменения в одном из них приводят к аналогичным изменениям в других.

Согласно модели Д. Хоманса, каждая группа имеет своеобразную границу, внешней к которой является окружающая среда: физическая, техническая, социальная. Отсюда возникают задачи эффективного функционирования группы во внешней среде, порождаемые требованиями последней и вызывающие к жизни упомянутые ранее элементы группового поведения. В своей совокупности они образуют внешнюю систему. Однако жизнь группы не исчерпывается только проблемами, связанными с ее внешней средой. Групповое поведение, первоначально генерируемое необходимостью решения проблем внешней среды, порождает новый тип поведения, непосредственно внешней средой не побуждаемый и ориентированный на собственные проблемы группы. Лежащие в его основе элементы (индивидуальные действия, взаимодействия, чувства) составляют внутреннюю систему. Таким образом, обе «системы» имеют одинаковое поэлементное содержание, но различаются функционально. При этом подчеркиваются тесная их взаимосвязь и почти полная невозможность операционального разделения.

Другая ориентированная на процесс двухмерная модель групповой структуры предложена Р. Бейлсом (1965), делающим акцент на взаимодействии ее делового (относящегося к решению задачи) и межличностного (или эмоционального) аспектов. С точки зрения этого автора, возрастающая в процессе решения стоящей перед группой задачи функциональная специализация участников ведет к дифференциации их позиций, перераспределению в доступе к имеющимся ресурсам и различиям в степени влияния на партнеров. Подобные изменения, вероятно необходимые для более эффективного решения задачи и адаптации к внешней ситуации, одновременно создают трудности во внутригрупповых отношениях, вызывая напряжения межличностного плана, способствуя возникновению дезинтеграционных тенденций. Однако нарастающие напряжения в свою очередь порождают давление, направленное в сторону интеграции, и стремление членов группы к единению «работает» как бы в противовес дифференциации, столь необходимой для решения инструментальной задачи. Таким образом, в определенный момент жизни группа попадает в состояние временного равновесия, являющегося некоей равнодействующей двух противоположных сил.

Проведенный Р. Бейлсом анализ представляет интерес, поскольку указывает на следующее весьма существенное для успешного функционирования группы обстоятельство: групповая структура (в инструментальном ее измерении), наиболее эффективная для решения поставленной перед группой задачи, может оказаться неудовлетворительной в межличностном (экспрессивное измерение) плане. И, следовательно, необходима соответствующая сбалансированность этих парциальных структурных измерений.

Последняя из рассматриваемых нами динамических моделей групповой структуры принадлежит Р. Кэттеллу (1960), широко известному скорее исследованиями в области психологии личности, нежели разработками социально-психологического характера. Тем не менее предложенная им концепция группового пове-

дения, получившая название теории групповой синтальности (под столь необычным названием понимается поведение группы, действующей как целое), относится специалистами (1960) к числу достаточно популярных за рубежом. Не касаясь всех аспектов данного подхода, остановимся только на том из них, который имеет непосредственное отношение к обсуждаемому вопросу.

Одним из ключевых в теории групповой синтальности является понятие синергии. Предполагается, что каждый индивид, вступая в группу, привносит в нее определенное количество индивидуальной энергии, предназначенной для развертывания групповой активности. Общее количество этой индивидуальной энергии, имеющейся у группы, и есть синергия. Часть ее (так называемая «синергия сохранения группы»), как считает Р. Кэттелл, расходуется на сохранение существования группы в качестве некоей целостности, а оставшееся количество (так называемая «эффективная синергия») направляется на достижение целей, ради которых группа создана.

Таким образом, с одной стороны, синергия фактически выступает в качестве своеобразного строительного материала групповой структуры (внутреннего каркаса), а с другой – представляет фактор, организующий и направляющий активность группы вне ее. Модель обращена к проблеме поиска психического энергопотенциала групповой деятельности, пока еще крайне далекой от сколько-нибудь удовлетворительного разрешения (отчасти она затрагивается нами в следующей главе в связи с анализом мотивационных процессов в группе). В предложенной Р. Кэттеллом теории говорится и о культурной детерминации, как поведения отдельных членов группы, так и развивающихся в ней моделей межличностного взаимодействия. К сожалению, процесс жизни конкретной малой группы описывается при этом вне условий и требований порождающего ее организационного контекста; связей с другими элементами макросоциума и разнообразных форм организационного контроля.

Три представленные динамические модели групповой структуры, продолжающие линию двухмерного ее анализа, конечно, не исчерпывают все возможные на этот счет варианты теоретического конструирования, однако, несмотря на ряд очевидных пробелов (или, во всяком случае, дискуссионных мест), они, по нашему мнению, являются полезным этапом в разработке проблематики организации группового процесса.

Нормативное поведение в малой группе

Одним из наиболее существенных структурообразующих процессов в малой группе является нормообразование. Строя взаимоотношения друг с другом, члены группы начинают формировать некоторый набор правил совместной деятельности, которые выступают в качестве регуляторов взаимоотношений. Эти правила, или нормы, вырабатываются в отношении поведения любого элемента групповой структуры и их взаимоотношений друг с другом. Как отмечают Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская, *«групповая (или социальная) норма как некоторое правило, стандарт поведения в малой группе, как регулятор развертывающихся в ней отношений*

нередко причисляется специалистами к элементам именно групповой структуры, будучи сопряженной с другими ее элементами – статусом, ролью» (2001, с. 119).

Относительная самостоятельность групповых норм определяется тем, что лишь беря на себя определенного рода обязательства в отношении других людей, мы получаем некоторые гарантии прогнозируемости и определенности этих взаимоотношений. Жертвуя частью своей «абсолютной свободы, мы обретаем, с одной стороны, несвободу от принятых обязательств, а, с другой стороны, получаем гарантии неущемления согласованных взаимных обязательств, своего рода социальную защищенность от возможного посягательства на собственные интересы со стороны других, поддерживаясь другими членами группы, разделяющими установленные социальные нормы.

Анализ многообразия групповых норм, порожденных системами официальных и неофициальных отношений, ролевых предписаний и т. д., позволяет дать следующую общую характеристику функционирования норм в малой группе: «Во-первых, нормы есть продукты социального взаимодействия, возникающие в процессе жизнедеятельности группы, а также вводимые в нее более крупной социальной общностью (например, организацией). Во-вторых, группа не устанавливает нормы для каждой возможной ситуации; нормы формируются лишь относительно действий и ситуаций, имеющих некоторую значимость для группы. В-третьих, нормы могут прилагаться к ситуации в целом, безотносительно к отдельным участвующим в ней членам группы и реализуемым ими ролям, а могут регламентировать реализацию той или иной роли в разных ситуациях, т. е. выступать как сугубо ролевые стандарты поведения. В-четвертых, нормы различаются по степени принятия их группой: некоторые нормы одобряются почти всеми ее членами, тогда как другие находят поддержку лишь у незначительного меньшинства, а иные не одобряются вовсе. В-пятых, нормы различаются также по степени и широте допускаемой ими девиантности и соответствующему ей диапазону применяемых санкций» (Кричевский, Дубовская, 2001, с. 119–120). Все перечисленные аспекты норм предписывают некоторые социально одобряемые способы поведения в определенных ситуативных контекстах. Социальные нормы в отличие от статистической нормы включают оценочный компонент. Люди, не подчиняющиеся нормам и не могущие дать внятных объяснений причинности такого отклонения, оцениваются негативно. Это осуждение может включать демонстрацию враждебности, групповое давление, направленное на изменение поведения, негативные санкции и наказание. Однако характер реагирования группы на отклонение от норм зависит от их значимости и личностных особенностей отклоняющегося. Если норма значима для группы, а личность, отклоняющаяся от нее, не значима, давление на подчинение может усиливаться и, наоборот, если норма не значима, то и отклонение от нее не будет вызывать возрастания давления. Специфичной особенностью является отклонение от групповых норм лидера группы, определяемое как идиосинкразический кредит, более подробное описание которого будет представлено в разделе, посвященном анализу механизмов групповой динамики. В этом случае отклонение от нормы не вызывает группового давления на подчинение, так как предоставляет группе возможность оценки новых способов поведения, могущих выступать в качестве возможной перспективы развития группы.

Некоторые нормы, например табу в отношении инцеста или каннибализма, структурируют действия в широком многообразии контекстов и культур. Большинство же норм носят весьма ограниченную область применения. Например, нормы, регулирующие приветствие и невербальную коммуникацию, существенно варьируются от культуры к культуре и от субкультуры к субкультуре. Более того, они могут существенно изменяться при социокультурных изменениях. Так, в подростковой среде часто проявляются попытки отклонения от норм, выступающие как форма подчеркивания собственной независимости от мира взрослых. Поэтому знание культурной специфичности или имиджи норм является важным аспектом налаживания продуктивной коммуникации. Как раз в этом случае применима поговорка – «со своим уставом в чужой монастырь не лезут». Точно так же продуктивность взаимоотношений воспитателя с воспитанниками должна предполагать информированности первого о специфических нормах, принятых в группе подростков.

Формирование и влияние норм. Феномен формирования и функционирования норм являлся предметом многочисленных исследований, проводившихся в рамках разных традиций. Пожалуй, наибольший вклад в изучение их особенностей внес М. Шериф. Исходя из посылки, что люди нуждаются в обладании представлениями о том, почему то, что они делают, о чем думают и что чувствуют, является верным и соответствующим происходящему. Наблюдая за поведением других людей, они устанавливают спектр возможных способов поведения в той или иной ситуации, формируя своеобразные системы координат или контексты социального сравнения. Установленные усредненные позиции в таких системах координат рассматриваются ими как более корректные по сравнению с крайними. Шериф считал, что такое объяснение природы социальных норм находится в соответствии со стремлением группы к нахождению согласованных решений в группе. Для проверки этого предположения он провел свои классические эксперименты, основанные на аутокинетическом эффекте (вставка X), в которых двух–трехчленным группам предлагалось оценить величину смещения светового пятна в условиях полностью затемненного помещения, в котором практически невозможно нахождение какой-то определенной точки отсчета или системы координат и последующего изучения влияния установленной нормы на индивидуальные оценки.

Вставка 7.

Аутокинетический эксперимент М. Шерифа: экспериментальное формирование групповых норм

Формирование норм

Музафер Шериф считал, что социальные нормы вырабатываются для регуляции поведения в условиях неопределенности. Для изучения этой идеи он использовал зрительную иллюзию - аутокинетический эффект. Аутокинезия представляет собой оптическую иллюзию, возникающую при фиксации световой точки в полностью затемненной комнате и проявляющейся в ее перемещении, обусловленном движениями глаз при отсутствии физических систем отсчета (объектов). Первоначально каждому участнику по отдельности предлагалось

оценить величину смещения цветового пятна, а затем в процессе группового обсуждения, причем многократно. Величина смещения в случае принятия индивидуальных решений варьировалась от 3 до 30 сантиметров. После принятия индивидуального решения формировалась усредненная оценка, которая сохранялась в последующих пробах. В процессе же группового обсуждения оценки начинали согласовываться до достижения группового консенсуса. На заключительном этапе согласованная оценка принималась членами группы в качестве своей собственной. Более того, на последующих групповых сессиях она сохранялась, выступая в качестве групповой нормы.

Последующие исследования показали изменения индивидуальных и групповых оценок в случаях присутствия в группе лиц, принимающих экстремальные решения, отклоняясь от групповых решений, эти «экстремаль» добивались их изменения.

Инициированные Шерифом исследования стимулировали многоаспектные и многочисленные эксперименты по проблеме формирования норм. Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская объединяют их в три крупных блока:

- исследования, изучающие влияние норм, разделяемых большинством членов группы;
- исследования, изучающие влияние норм, разделяемых меньшинством членов группы;
- исследования, изучающие последствия отклонения индивидов от групповых норм (2001, с. 120).

Исследования нормативного влияния группового большинства. Исследования этого направления во многом стимулированы ставшими уже классическими работами С. Аша (Asch, 1951; 1955), по существу положившими начало экспериментальному изучению феномена конформного поведения на основе использования так называемых подставных групп. В экспериментах Аша фиксировался факт согласия личности с мнением группового большинства – своего рода групповой нормой под влиянием группового давления. В современной литературе представлены подробные описания этих экспериментов, вызывающих несомненный интерес (Аронсон, 1998; Майерс, 1997; Пайнс и Маслач, 2000 и др.). Одна из наиболее иллюстративных в этом смысле модификаций экспериментов Аша приводится во вставке 8.

Вставка 8.

Исследование конформного поведения под влиянием группового давления

В детском саду у детей, сидящих за одним столом, просят оценить вкус пищи. Причем у большинства она вкусная, а у одного ребенка – нет. Опрос организован таким образом, что ребенок, у которого пища невкусная, должен отвечать последним. Выслушав положительные отзывы сверстников, ребенок оказывается перед дилеммой – отстаивать свою позицию или подчиниться мнению большинства. У маленьких детей превалирует тенденция к подчинению.

Как показали исследования Аша, в случае группового давления возможны четыре типа реакций, связываемых им с личностными особенностями: некритическое подчинение мнению большинства, приводящее к полному согласию и изменению собственных оценок, – *внушаемость*; внешнее подчинение мнению группы при внутреннем разногласии с ним во имя избежания возможного конфликта – *конформность*; отстаивание собственной позиции вне зависимости от ее совпадения с мнением большинства – *нонконформность*; наконец, демонстрация несогласия с любым мнением группы, даже при внутреннем согласии с ним, во имя самоутверждения – *негативизм*.

В многочисленных эмпирических исследованиях феномена конформного поведения изучался целый ряд индивидуальных и личностных характеристик членов группы, предрасположенных к нему. В литературе (см., например, Кричевский, Дубовская, 2001; Хьюстон, 2004 и др.) приводятся данные, свидетельствующие об отрицательной зависимости между склонностью членов группы к конформному поведению и такими их личностными чертами, как интеллект, способность к лидерству, толерантность к стрессу, социальная активность и ответственность. Показано также, что лица женского пола более конформны, чем лица мужского пола. Кроме того, изучались возрастные колебания конформного поведения. М. Шоу и Ф. Костанзо (Shaw, 1971) показали наличие криволинейной зависимости между возрастом и конформностью, причем максимума конформность достигает к 12 – 13 годам, затем, постепенно снижается (были взяты четыре возрастные группы испытуемых: 7 – 9, 11 – 13, 15 – 17 лет, 19 – 21 год). Следует отметить, что различия в конформности весьма вариативны не только от культуры к культуре, но и субъективной значимости изучаемого нормативного давления, субкультурного и ситуативного контекстов. Человек может проявлять высокую конформность в одном ситуативном контексте и низкую – в другом.

К числу изучавшихся исследователями групповых факторов конформного поведения, как показывают Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская (2001), относятся величина группы, структура коммуникативных сетей, степень групповой сплоченности, особенности композиции группы. Показано, что конформность возрастает с увеличением единодушного в своих ответах группового большинства, как правило, до 3 – 4 человек. Однако стоило в этом большинстве хотя бы одному человеку проявить инакомыслие (оно выражалось в противоречии его ответа с мнением остального большинства), как процент конформных реакций тотчас же резко падал. Были выявлены также позитивные зависимости между усилением децентрализации коммуникативных сетей и групповой сплоченности, с одной стороны, и ростом конформного поведения, с другой. Установлено, что гомогенные, т. е. однородные по какому-либо признаку, группы отличаются большей конформностью, чем гетерогенные группы. Причем влияние фактора гомогенности на усиление конформности связано с тем, насколько релевантен для последней признак, лежащий в основе гомогенности группы. Важным условием конформного поведения являются, кроме того, оценка так называемого наивного (по терминологии С. Аша) субъекта, олицетворяющим собой групповое меньшинство, как собственной компетентности, так

и компетентности группового большинства. В частности, высокая степень уверенности наивного субъекта в собственной компетентности уменьшает его зависимость от мнения группового большинства. Однако эта зависимость будет возрастать, если компетентность группового большинства оценивается наивным субъектом высоко.

В модели социального влияния в малой группе, предложенной Г. Келменом (Kelman, 1967), обращается внимание на факторы, обуславливающие активность самой личности в принятии решения в ситуации возникающего перед ней выбора. Им описываются три качественно отличных уровня конформного поведения: подчинение, идентификация и интернализация. В случае *подчинения* принятие влияния другого лица или группы носит чисто внешний, прагматический характер, а продолжительность подобного поведения ограничивается ситуацией присутствия источника влияния.

Следующий уровень принятия влияния другого лица или группы – *идентификация*. Рассматриваются две ее разновидности: классическая идентификация и идентификация в форме реципрокно-ролевого отношения. В первом случае субъект идентификации стремится частично или полностью уподобиться агенту влияния (будь то отдельные члены группы, ее большинство или группа в целом) в силу испытываемой к нему симпатии и наличия у него желательных для усвоения черт. Во втором случае принятие влияния осуществляется в форме реципрокно-ролевого отношения: каждый участник взаимодействия ждет от другого определенного поведения и сам старается оправдать ожидания партнера (или партнеров). Причем, если сложившиеся отношения удовлетворяют человека, он будет вести себя так вне зависимости от того, наблюдает за ним партнер или нет, поскольку для его собственного самоуважения существенно оправдать ожидания другого. Идентификация может частично напоминать подчинение, если имеет место принятие личностью навязываемого поведения, не вызывающего у нее чувств удовлетворения. Вместе с тем идентификация отличается от подчинения тем, что в этом случае, как считает автор, субъект большей частью верит в навязываемые ему мнения и формы поведения. В любом случае, как полагает Г. Келмен, мнения, принятые через посредство идентификации, не интегрированы с ценностной системой личности, а скорее изолированы от нее.

Такая интеграция характерна для третьего уровня принятия социального влияния – *интернализации*. Отличительной особенностью последней является совпадение (частичное или полное) мнений, высказываемых отдельным лицом или группой, с системой ценностей данной конкретной личности. Фактически в этом случае элементы оказываемого влияния становятся частью самой личностной системы субъекта, которую автор пытается дифференцировать от системы социально-ролевых ожиданий. Благодаря действию процесса интернализации поведение члена группы становится относительно независимым от внешних условий: присутствия агента влияния, побудительных воздействий соответствующей социальной роли. Однако, как отмечает Г. Келмен, субъект не может полностью осво-

бодиться от влияния ситуационных переменных. В некоторых случаях, столкнувшись множеством ситуационных требований, ему приходится выбирать из ряда конкурирующих ценностей.

В подходе Г. Джерарда представлена попытка связать рассмотрение конформного поведения личности с процессом поиска ею соответствующей информации в группе. Она реализовалась в построении информационной теории конформности (Gerard, 1972), основывающейся на идее о том, что конформность должна рассматриваться как часть более общей теории, затрагивающей последствия поиска информации, связанной с межличностными отношениями в ситуациях сравнения и оценки собственного поведения с поведением других членов группы. Джерард выделяет два типа социального сравнения: сравнительное и отраженное оценивание, определяя два общих типа зависимости от других членов группы – информационную зависимость и зависимость влияния, т. е. зависимость, обусловленную либо присутствием других членов группы в качестве источника информации, либо наличием власти одного субъекта над другим. Оба типа зависимости делают личность повышено чувствительной к социальному воздействию. Рефлексивное оценивание, по мнению Джерарда, основывается на обоих типах зависимости, в то время как сравнительное оценивание включает в себя преимущественно информационную зависимость. Таким образом, информационный подход позволяет рассматривать конформность в аспекте процессов социального сравнения, трактуя ее как одно из проявлений тенденции сравнения.

Несколько попыток объяснения феномена конформного поведения осуществлена в рамках подхода с позиции теории психологического обмена. Основатель данного подхода Дж. Хоманс распространил свое понимание обмена на феномены группового поведения (Homans, 1961). По его мнению, личность ведет себя конформно не ради соответствия групповой норме, а с целью заслужить одобрение других членов группы. Отсутствие группового одобрения приводит к отказу от конформного поведения. Так как члены группы считают, что конформность групповым нормам является утилитарной ценностью, то социальное одобрение выступает в качестве механизма его подкрепления.

Рассмотрение нормативного функционирования в контексте конформного поведения не представляет одну позицию, характеризующуюся в большей степени экспериментально-эмпирической подоплекой. Представляя «взгляд со стороны», представители данного подхода сталкиваются с целым рядом сложностей объяснительного свойства. Более глубинный взгляд представлен в разработках французской школы, к рассмотрению особенностей которой мы и переходим.

Исследования нормативного влияния группового меньшинства. Оформи́вшись в качестве самостоятельного направления в социально-психологических исследованиях к 1970-м годам, французская школа исходно выступала как альтернатива американской эксперименталистской традиции академического толка. Исходя из стремления приблизить социальную психологию к феноменологии реальной, а не лабораторной, социальной жизни, французские социальные психологи (Moscovici, Faucheux, 1972; Moscovici, Paucheler, 1983) разработали альтернативу уже анализировавшемуся выше конформистскому подходу. По мнению одного из

крупнейших представителей этого подхода С. Московичи (1983), традиционный подход делает акцент на рассмотрении трех аспектов проблемы: социальном контроле за поведением индивидуумов, исчезновении различий между ними, выработке единообразия группового поведения. Такое понимание нормативного (уже – конформного) поведения составляет основу функционалистской модели социального взаимодействия, согласно которой поведение личности в группе есть адаптивный процесс, призванный уравновесить ее с окружающей социальной средой. Способствуя этой адаптации, конформность фактически выступает как определенное требование социальной системы (группы), предъявляемое к ее членам с целью выработки между ними согласия, способствующего установлению равновесия в системе. Поэтому индивидуумы, следующие групповым нормам, должны в логике модели рассматриваться действующими в функциональном и адаптивном ключе, а отклоняющиеся от принятых норм воспринимаются как ведущие себя дисфункциональным и дезадаптивным образом.

Согласно Московичи (1983), функционалистская модель социального взаимодействия содержит следующие шесть фундаментальных положений.

1. Влияние в группе распределяется неравномерно и осуществляется односторонне. Точка зрения большинства пользуется уважением, поскольку считается, что она правильна и «нормальна», в то время как точка зрения любого меньшинства, расходящаяся со взглядами большинства, неправильна и девиантна. Одна сторона (большинство) рассматривается как активная и открытая изменениям, а другая (меньшинство) – как пассивная и сопротивляющаяся переменам.
2. Функция социального влияния состоит в том, чтобы сохранять и укреплять социальный контроль. Согласно функционалистской модели, для осуществления социального контроля необходимо, чтобы все члены группы придерживались сходных ценностей, норм, оценочных критериев. Сопротивление им или отклонение от них угрожает функционированию группы, поэтому в интересах последней, чтобы влияние было, прежде всего, средством «исправления» девиантов.
3. Отношения зависимости обуславливают направление и величину социального влияния, осуществляемого в группе. В исследовании процесса влияния зависимость рассматривается как фундаментальный детерминирующий фактор. Каждый индивидуум принимает влияние и проявляет согласие, чтобы заслужить одобрение остальных членов группы. И каждый из них зависит от остальных в получении информации, поскольку все индивидуумы стремятся построить правильную и устойчивую картину мира, делающую валидной их оценки.
4. Формы, в которых выступает процесс влияния, зависят от состояния неопределенности, испытываемого субъектом, и его потребно-

сти редуцировать эту неопределенность. В частности, если возрастает неопределенность в оценке наличной ситуации, собственного мнения и т.п., а объективные критерии такой оценки размыты, состояние внутренней неуверенности личности усиливается, делая ее более податливой к влиянию других.

5. Согласие, достигаемое благодаря взаимному обмену влиянием, основывается на объективной норме. Но если таковой не оказывается, людям не остается ничего другого, как обратиться к общепринятому мнению, заменяющему объективный критерий.
6. Все процессы влияния должны быть поняты как проявления конформности. Ее понимание может принимать, однако, крайние формы, когда объективная реальность элиминируется из проводимого исследователем анализа (приводится по: Кричевский, Дубовская, 2001, с. 131–132).

Московичи разработал дескриптивную модель влияния меньшинства (1983), представляющую собой альтернативу изложенной выше функционалистской модели, включает следующие «блоки» анализа:

1. Функционирование социальных групп зависит от согласия их членов относительно каких-то фундаментальных жизненных принципов. Усилия меньшинства должны быть направлены на расшатывание этого согласия. Конечно, группа постарается оказать давление на меньшинство, чтобы восстановить имевшееся ранее единообразие взглядов. Однако какие-либо жесткие санкции к отклоняющимся (в виде, например, их изгнания) во многих группах не столь уж часты, поэтому большинство членов группы должно какое-то время довольствоваться поддержанием относительно терпимых отношений с упорствующим в своем мнении меньшинством, что оказывается весьма существенным для развертывания влияния не только по пути, ведущему от большинства к меньшинству, а главное, в обратном направлении. Кроме того, необычные виды поведения (маргинальность, девиантность и т. п.) обладают весьма притягательной силой для окружающих и, содержа в себе элементы неожиданности, оригинальности, способны, в конечном счете, вызвать одобрение других членов группы.

2. Стилль поведения, демонстрируемый меньшинством, может в значительной мере обуславливать его способность к влиянию. В этом смысле особенно важны такие характеристики стиля, как его устойчивость, уверенность индивидуума в правоте своей позиции, изложение и структурирование им соответствующих аргументов.

3. Социальное изменение и инновация, подобно социальному контролю, являются проявлениями влияния. Оспаривая точку зрения, согласно которой изменения и инновации, дело рук только лидера, они отстаивают и право меньшинства инициировать эти процессы. Примером может служить ситуация с изменением групповых норм, олицетворяющих собой достаточно устоявшиеся законы большинства. При определенных условиях, однако, меньшинство способно «выдвинуть» свою норму и взять верх над консервативным большинством.

4. Процессы влияния неизбежно связаны с преодолением конфликта, возникающего между наличным мнением индивида и тем, что ему предлагают (или навязывают) другие. Однако решается конфликт по-разному, в зависимости от того, кто предлагает (или навязывает) иное мнение: большинство или меньшинство. При воздействии большинства нередко происходит лишь сравнение личностью своей позиции с мнением большинства, а демонстрация согласия с последним определяется поиском одобрения и нежеланием показывать свое несогласие. В случае же влияния меньшинства человек побуждается к поиску новых аргументов, подтверждению своей позиции, рассмотрению большего числа возможных мнений. Отмечается также, что, несмотря на возникновение своеобразного когнитивного конфликта, сдвиг индивидуальной точки зрения в сторону позиции большинства происходит на самых ранних этапах принятия решения или же на первых минутах дискуссии, в то время как сдвиг к мнению меньшинства происходит гораздо позже, «пробиваясь» сквозь сильную негативную установку окружающих (Nemeth, 1986). Причем согласие с меньшинством носит, как правило, более непрямой и латентный характер, нежели согласие с большинством.

5. Влияние меньшинства во внутригрупповых процессах было зафиксировано и при обращении к столь традиционному для социально-психологической проблематики феномену, каким является «эффект ореола». Причем проявления влияния были рассмотрены исследователями применительно к таким его разновидностям, как семантический и временной «эффект ореола», эффект последствия и т. д. (приводится по: Кричевский, Дубовская, 2001, с. 133–140).

Сформулированные Московичи и его сотрудниками теоретические положения и иллюстрирующие их эмпирические факты в целом хорошо поддерживают идею нормативного влияния меньшинства, хотя она разделяется далеко не всеми исследователями, в частности, из-за ее якобы научной нестрогости. Эти обвинения, поступающие со стороны приверженцев американской экспериментальной психологической традиции, следует воспринимать также критически в силу уже обсуждавшейся проблемы сопряженности методологических оснований. По крайней мере, сегодня работы Московичи чаще ассоциируются с европейской линией в социальной психологии, отличающейся большей глубинностью и связью с феноменологией реальной социальной жизни.

Подход Московичи является далеко не единственной попыткой изучения поведения в системе большинство–меньшинство. Немес (Nemeth, 1986) предприняла попытку расширения зоны анализа влияния, связывая его не только с давлением группы или отдельных ее членов, но и с рассмотрением процессов внимания, мышления, с учетом стандартных и нестандартных решений и суждений, имеющих место в группе. Развиваемые этой исследовательницей представления касаются выяснения различий в специфике влияния, оказываемого групповым большинством и групповым меньшинством. По ее мнению, влияние меньшинства и большинства различается не только силой и открытостью (в смысле демонстрации согласия), но и характером вызываемой у членов группы концентрации внимания, своеобразием процесса принятия решения. При воздействии большинства внимание остальных членов группы концентрируется именно на предлагаемой им позиции. В случае

влияния меньшинства внимание фокусируется на других альтернативах, часто отличных от позиции как самого меньшинства, так и остальных членов группы. Следовательно, можно сказать, что лица, сталкивающиеся с мнением меньшинства, прилагают больше усилий для развертывания познавательной активности, нежели это имеет место в ситуации влияния большинства. Иными словами, обнаруживаются определенные различия в характере мышления члена группы при возникновении несогласия с позициями большинства и меньшинства.

В случае рассогласования мнений меньшинства с точкой зрения того или иного члена группы последний проверяет значительное количество альтернатив возможных решений, и мыслительный процесс разворачивается во многих направлениях. Возрастает вероятность найти новые неожиданные решения, которые, вполне возможно, окажутся эффективнее предыдущих. Причем в ситуации влияния меньшинства доминирует тенденция к дивергенции вариантов решения. В случае же влияния большинства преобладает тенденция к конвергенции решений в направлении позиции большинства. Внимание личности фокусируется лишь на тех аспектах задачи, которые близки к мнению большинства. Другие возможные варианты решения остаются вне поля зрения субъекта. Чем же объясняются описанные различия? Немес усматривает их причину, прежде всего, в степени стрессогенности ситуации принятия решения. Так как сильное эмоциональное возбуждение вызывает концентрацию внимания на центральной задаче и уменьшит его направленности на периферийные проблемы (Nemeth, 1986). Поэтому, как полагает Немес, возрастание стресса при рассогласовании мнения личности с позицией большинства приводит к концентрации внимания на одном варианте решения, предлагаемом большинством, и в целом ухудшает качественные показатели решения. При воздействии же меньшинства стрессогенность ситуации минимальна и условия для решения проблемы близки к оптимальным. Иными словами, в ситуации влияния большинства человек фактически поставлен перед своеобразным альтернативным выбором: собственная позиция или мнение большинства. И его внимание нередко (либо в силу посылки, что большинство всегда право, либо из страха перед неодобрением большинства) обращается к последней альтернативе. Другое дело – ситуация влияния меньшинства. Если на ранней стадии рассмотрения проблемы его мнение может быть отвергнуто индивидом, то при уверенном и последовательном отстаивании меньшинством выдвигаемой точки зрения она постепенно должна начать приниматься во внимание членами группы, что приведет к переоценке всей ситуации, в которой в качестве одной из наличных альтернатив выступит именно позиция меньшинства. Кроме того, устойчивая и долговременная позиция меньшинства, расходящаяся как с мнением отдельного члена группы, так и ее большинства, порождает своеобразную конфликтную ситуацию, ведущую к усилению познавательной активности ее участников (напомним, при описании модели Московичи, отмечалось, что в случае рассогласования с мнением большинства конфликт разрешается на начальном этапе дискуссии и далее уже не влияет на процесс принятия решения).

Результаты экспериментов свидетельствуют, что процессы влияния большинства и меньшинства различаются главным образом формой своего выражения.

Так, большинство оказывает довольно сильное влияние в смысле распространения его в группе в виде принятия индивидами («наивными субъектами», по терминологии С. Аша) навязываемой им позиции. При этом они сужают выбор рассматриваемых возможностей, ограничиваясь лишь той, которую им предлагает большинство, не стремятся к поиску альтернатив, не замечают другие решения, в том числе правильные. Что же касается влияния меньшинства, то хотя оно проявляется с гораздо меньшей силой, однако стимулирует более дивергентные стратегии мышления членов группы, способствует росту оригинальности и разнообразия решений и, что очень важно, их эффективности. Причем влияние меньшинства оказывается полезным (в плане генерирования индивидами оригинальных решений) даже в том случае, если лежащее в его основе мнение является ошибочным.

Подход с позиции группового меньшинства позволяет рассмотреть новые грани процесса нормативного функционирования, приблизив их, во-первых, к феноменологии реальности повседневной социальной жизни, и, во-вторых, создав предпосылки для понимания тех процессов, которые в этой реальности реализуются. Позитивная роль меньшинств для развития группы проявляется в предоставлении им альтернативных решений проблем и моделей поведения. В более широком контексте эта идея реализуется в демократических обществах, создающих условия для проявления инакомыслия как своеобразного стимулятора генерации новых идей и проверки обоснованности принимаемых решений.

Развитие и трансляция норм. Исследования особенностей и механизмов нормообразования составляют еще одну фундаментальную область, чрезвычайно полезную для понимания социально-психологической проблематики социальной регуляции поведения. Нормы выступают в качестве писаных и неписаных правил поведения, но в большинстве своем они адаптируются в процессе координации совместных действий до момента достижения консенсуса. В соответствии с классическим анализом этого процесса, проведенным М. Шерифом (Sherif, 1936), адаптация, или выравнивание норм, отражает формирование своеобразных точек отсчета или оснований для взаимного регулирования поведения между людьми, вступающими во взаимоотношения. Отдельные индивиды, объединяясь друг с другом, быстро структурируют свой жизненный опыт в соответствии с выработанными общими стандартами. Эти стандарты берутся извне и поддерживаются посредством внешних авторитетов или лидера группы, но, как подчеркивает Шериф, в любом случае они являются результатом взаимовлияния. Члены группы не просто подчиняются решениям окружающих, а используют выработанный консенсус для изменения собственных представлений и оценок. Как отмечает Форсайт (Forsyth), интернализовавшись, групповая норма становится частью стабильной групповой структуры (Manstead, Hewstone, 1999, с. 414). Став традиционной, групповая норма стимулирует адаптацию к ней новых членов группы.

В процессе социализации происходит интернализация огромного количества религиозных, экономических, моральных, политических, межличностных стандартов, или норм, передающихся от поколения к поколению. В то время как дети интернализуют нормы соответствующего поведения из своей культуры, новый работник усваивает множество правил того, что можно, а что нельзя делать в

организации, что приветствуется, а что может вызвать негативное отношение. То же самое происходит и в студенческой группе на момент ее образования. Более того, новая студенческая группа интернализует некоторый набор правил от более старших и «бывалых» коллег, тем самым сохраняя традиции. Со временем, конечно же, происходят определенные изменения в групповых нормах, адаптируя их к изменившемуся социокультурному контексту и потребностям новых членов. В уже рассматривавшейся теоретической модели влияния меньшинства Московичи (1985) показано, что выражение несогласия с мнением большинства групповым меньшинством приводит к изменению групповых норм для сохранения видимости последовательности и объективности.

Т. Ньюкомб (1943) продемонстрировал особенности трансляции норм между поколениями в своих известных исследованиях политических аттитюдов, проводившемся на студентах американского колледжа. Было показано, что первоначально, являясь выходцами из консервативных семей, они проявляли повышенный радикализм. Изменившиеся на либеральные аттитюды сохранились и к моменту окончания колледжа через четыре года. Либеральные аттитюды поддерживались наиболее популярными студентами, наиболее глубоко включенными в университетское сообщество, побуждая новых студентов к подражанию и демонстрации собственного либерализма. Последующие следования показали, что изменившиеся политические аттитюды сохранились и через 25 лет.

Особенность трансляции норм была показана и многими другими исследователями. Candall (1988) продемонстрировал эту особенность на примере межпоколенной трансляции булимии – цикличности пирушек сопровождаемой самоиницируемой рвотой или иными формами очищения организма, сохраняющейся в качестве групповой нормы. Будучи социально осуждаемой, булимия сохраняется во многих специфических субкультурах, например ведущий стола, или тамада, танцевальные труппы, команды, женские клубы и др. Candall отмечает, что эти группы не рассматривают подобное поведение как угрозу здоровью, а скорее – как средство контроля веса и т. п. В его исследованиях членов женских клубов было установлено, что эта групповая норма поддерживалась наиболее популярными женщинами. Значимость этих исследования заключается еще и в демонстрации способности группой устанавливать свои собственные нормы или стандарты, в том числе и противоречащие социально одобряемым. Еще одной особенностью является зависимость сохранения и трансляции норм от авторитетности поддерживающих их фигур. В более широком контексте такого рода отклонение можно объяснить и тягой к оригинальности, стремлением подчеркнуть собственную уникальность и т. п. Одновременно подобное отклонение может выступать в качестве возможного средства нахождения новых ресурсов и возможностей развития как группы, так и ее членов.

Влияние норм. Нормы обладают столь мощным влиянием, что часто вынуждают подчиняться им и лиц, исходно не согласных с ними. Показательной иллюстрацией такого рода влияния являются знаменитые эксперименты Аша с подставной группой, провоцирующей человека на подчинение решениям, противоречащим исходным. Не останавливаясь на подробном описании этих экспериментов,

которое представлено в литературе (см., например, Майерс, 1997; Хьюстон, 2004 и др.), отметим лишь очевидность необычайной силы влияния авторитетного большинства, в еще большей степени показанного в известных экспериментах С. Милгрэма и Д. Зимбардо (там же), вызвавших бурную дискуссию в научном сообществе по проблеме этики психологического исследования.

Более фундаментальным является вопрос, почему мы действуем, мыслим в соответствии с существующими социальными нормами? Один из возможных ответов заключается в подтверждении того, что в качестве основного источника выступают личностные и межличностные факторы. На межличностном уровне люди предпочитают действовать в соответствии с принятыми нормами в силу многообразия возможных негативных последствий, связанных с неподчинением им. В межличностных отношениях лица, отклоняющиеся от норм, испытывают разнообразные формы давления со стороны социального окружения. Отклонение от соблюдения гражданских норм сопровождается напоминанием о чувстве гражданской ответственности и необходимости изменения поведения в сторону социально одобряемого. Правопослушное поведение поддерживается целой системой институтов, а отклонение от правовых норм сопровождается соответствующими санкциями вплоть до ограничения свободы. Люди, отклоняющиеся от групповых норм, испытывают антипатию со стороны окружающих, занимают более низкий социальный статус, постоянное давление на подчинение, а в крайних случаях исключаются из группы. Избирающим альтернативные способы поведения постоянно напоминает о необходимости соблюдения норм и т. п.

Нормативное влияние обладает и личностной компонентой. Нормы являются не только внешними ограничениями, но и интернализированными самоограничениями, направленными на подчинение принятым стандартам поведения. Интернализация норм и превращение их в личностные стандарты сопровождается испытыванием чувства долга и ответственности. Именно превращение норм во внутриличностные стандарты и приводит к возникновению внутриличностных конфликтов в ситуациях возможности проявления поведения, противоречащего нормам. Примером такого рода внутриличностного конфликта является ощущение неловкости в случае появления в общественном транспорте старшего по возрасту и необходимости уступить ему место. Социализированная норма уважительного отношения к старшим, пересекаясь с собственными интересами, может спровоцировать включение механизмов психологической защиты, направленных на нахождение «ресурсов самооправдания» неподчинения принятым стандартам поведения в подобного рода ситуациях. К числу такого рода самооправданий могут быть отнесены дискредитация объекта приложения нормы, нахождения «более достойных» для проявления нормативного поведения и т. д.

Целая серия исследований, связанных с последствиями противонормативных действий, была предпринята С. Милгрэмом (Milgram, 1992). В частности, им изучалась реакция очереди на попытки проникновения в метро без очереди. Очередь выступала в качестве субъекта поддержки нормативного поведения. Причем чем больше людей в ней находилось, тем более активное воздействие на отклоня-

ющихся от норм применялось. Эти воздействия варьировались от простых призывов к совести до физического воздействия на нарушителей. Такого рода «реальные эксперименты» мы наблюдаем практически ежедневно, сталкиваясь с попытками отклонения от принятых стандартов поведения. Они же демонстрируют и возможные вариации в реакции, определяющиеся в том числе и личностными качествами поддерживающих и нарушающих нормы. Милгрэмом были выявлены и особенности переживаний самих нарушителей норм, свидетельствующие о росте эмоционального напряжения, внутреннего беспокойства в отношении возможных последствий и т. д.

Таким образом, нормы являются не просто внешними силами, требующими определенного рода действий. Скорее они являются основополагающими компонентами социальной структуры, связывающей отдельных членов общества в социальный порядок. Иногда индивиды подчиняются нормам во имя избежания возможных негативных последствий со стороны окружающих. Но в большинстве случаев нормативное поведение находится в соответствии с личностными предпочтениями, представлениями и ценностями. Нормы существуют независимо от отдельных индивидов, но независимо от этого нормы создаются индивидами для придания упорядоченности их социальным контактам. Такого рода упорядочение является необходимым элементом взаиморегулирования поведения, его координации и, наконец, прогнозируемости развития событий. Предсказуемость поведения в соответствии с принятыми стандартами освобождает нас от необходимости постоянной готовности к непредвиденному развитию событий. Общество всегда заинтересовано в поддержке стандартов поведения, предпринимая санкции по отношению к отклоняющемуся поведению.

Последствия отклонения от групповых норм. Исследования последствий отклонения от групповых норм столь же многообразны, как и исследования их актуализации и формирования описанные ранее. К числу классических здесь относятся эксперименты S. Schachter (1951), характеризующиеся весьма оригинальным методическим исполнением и заслуживающие хотя бы краткого описания. Были созданы четыре типа студенческих групп (автор называет их «клубами»), периодически собиравшихся для обсуждения интересовавших их вопросов (члены одной из групп интересовались юриспруденцией, другой – редакторским делом, третьей – театром и кино, четвертой – техническими проблемами) и отличавшихся друг от друга уровнем сплоченности и степенью значимости для членов каждой из них предназначавшейся к обсуждению в эксперименте темы (она касалась истории судебного дела несовершеннолетнего преступника). Группы состояли из 5 – 7 человек, каждый из которых знакомился с историей этого правонарушителя и определял посредством 7-балльной шкалы, что с ним следует сделать. Затем их мнения зачитывались группе. Одновременно свои суждения по упомянутому вопросу высказывали три дополнительно введшихся в эксперимент участника – «сообщники» экспериментатора. Один из них сразу же соглашался с неким усредненным мнением группы (своего рода «нормой») и поддерживал его в ходе последующей дискуссии, а два других занимали противоположную ему позицию. Однако в процессе дискуссии один из «сообщников» принимал влияние группы и менял свое

мнение, а другой упорствовал в своем решении до конца дискуссии. В результате было четко установлено, что первоначально все обращения в группе направлялись в сторону отклонявшихся с целью побудить их отказаться от первоначальной точки зрения. После того как один из них соглашался с группой, адресовавшиеся ему коммуникативные потоки ослабевали. Что же касается «сообщника», не соглашавшегося с большинством, то после сильного давления на него со стороны группы общение с ним прекращалось: группа как бы отвергала его (об этом же свидетельствовали данные постэкспериментального опроса испытуемых), причем выявленные в эксперименте тенденции (давления и отвержения) возрастали в зависимости от степени сплоченности группы и релевантности обсуждавшейся темы.

Помощь группе в достижении целей невозможна без нахождения компромисса интересов. Такого рода компромиссы часто и выступают в качестве групповых норм или стандартов. Так как в целях группы представлены интересы ее отдельных членов, то их участие в поддержании групповых норм является вполне обоснованным. Изложенное вполне согласуется и со второй функцией – сохранении целостности группы. Собственно говоря, и объединяются люди в группу для обретения дополнительных ресурсов решения значимых для них задач. Осознание того, что в группе эти задачи могут быть решены лучше, и мотивирует стремление отдельных членов группы к сохранению ее целостности. Применительно к третьей из них речь идет о выработке своеобразной точки отсчета, с которой человек мог бы соотнести свои мнения, суждения на предмет выяснения их валидности. Такой точкой отсчета и является так называемая «реальность» (или «социальная реальность»), представляющая собой некое групповое согласие (своеобразную групповую норму) по поводу тех или иных жизненных явлений, ситуаций и т. д. (Cartwright, Zanna, 1968). Подобная «реальность» позволяет личности избежать неопределенности как относительно оценки принимаемых ею решений (Festinger, 1954), так и относительно интерпретации своего состояния (Schachter, 1959). Наконец, последняя из названных функций связана с достижением членами группы согласия по поводу отношений их группы с социальным окружением (другими группами, организацией и т. д.), что, как полагают исследователи (Cartwright, Zanna, 1968), обеспечивает ее жизнеспособность и адаптацию в социуме, согласованность групповых действий.

Реализация указанных выше функций во многом обусловлена развитием единообразия оценок, решений, поведенческих моделей членов группы, вызываемого в свою очередь процессами внутригруппового давления, и существует, по-видимому, немало ситуаций, в которых наличие такого единообразия является важным фактором эффективности группы. В этой связи Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская (2001, с. 144) ставят вполне резонные вопросы – всегда ли полезно единообразие? Способствует ли оно зарождению творческого начала в группе, стимулирует ли динамику групповых процессов (ведь единообразие – антагонист противоречий, этого «топлива» развития), привносит ли в жизнь группы элементы инновационности? Ответы на эти вопросы не столь просты, как может показаться. С одной стороны, единообразие порождает определенность и прогнозируемость взаимоот-

ношений, правда, лишая эти взаимоотношения стимулов для развития и углубления. Единообразие полезно как условие сохранения и выживания группы, находящейся в выраженных экстремальных, сопряженных с угрозой ее нормальной жизнедеятельности условиях, о чем свидетельствуют многочисленные эмпирические данные, но является и фактором застоя и регресса, ведущим к развитию деструктивных процессов в относительно спокойных («нормальных») ситуациях группового функционирования. Такого рода сочетание номотетики и идиографии в нормообразовании в привязке к имике и итике создает основания для понимания сложности процесса их взаимодействия и взаимовлияния. Отдавая часть собственной свободы окружающим, человек приобретает определенность и защищенность, но отсутствие уникальности и развития приводит его к деградации, а группу – к распаду. Именно в этих ситуациях элементы творчества и разного рода инновации, ведущие к пересмотру не отвечающих требованиям времени групповых стандартов, могут стать отличительными признаками групповой жизни. Именно эти аспекты проблемы были поставлены и исследованы Московичи в его работах по взаимоотношениям группового большинства и меньшинства.

Итак, формирование групповых стандартов или норм, способствующих достижению групповых целей и задач, сопровождается усилиями по поддержанию целостности группы. Наиболее близкой и изученной характеристикой целостности выступает групповая сплоченность, к рассмотрению которой мы и приступаем.

Групповая сплоченность

Одной из самых отличительных особенностей групп является их сплоченность. Обращаясь к опыту столкновения с различными группами в реальной жизни, мы можем констатировать, что одни из них более сплочены, а другие менее, одни характеризуются взаимопомощью, взаимоподдержкой и т. п., а другие представляют механическое объединение сосуществующих друг с другом индивидов. Вопрос о природе и особенностях групповой сплоченности имеет довольно продолжительную историю изучения, хотя и содержит, как это отмечают Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская больше вопросов, чем ответов (2001, с. 143).

М. Hogg и G Vaughan (1995) рассматривают групповую сплоченность как наиболее основополагающее качество группы – способ «соединения вместе», образования самоорганизующегося единства, характеризующегося единообразием поведения, представлений и взаимоподдержкой друг друга. Групповая сплоченность является довольно вариативным качеством: некоторые группы более сплочены чем другие, а некоторые более сплочены в определенных контекстах и временных промежутках и менее сплочены в других. Группы с крайне низким уровнем сплоченности вообще трудно относить к группам, поэтому понятие сплоченности выступает в качестве одной из основных характеристик группы как таковой – психологического процесса трансформации обособленных индивидов в социальную группу. Сплоченность, таким образом, является описательным понятием, используемым для рассмотрения группы как целого. Но оно также является и психологическим понятием, описывающим индивидуальные психологические процессы, лежащие в

основании групповой сплоченности и психологии группового членства. В этом и заключается проблема – можно говорить о том, что группа является сплоченной, но нельзя говорить о том, что член группы является сплоченным.

Официально исследования групповой сплоченности были начаты Фестингером, Шахтером и Беком (Festinger, Schachter, Back, 1950). Они исходили из предположения о том, что психологическое поле сил, порождаемое привлекательностью (аттрактивностью) группы и ее членов, и степень, в которой группа способствует достижению индивидуальных целей влияет на индивида. Результирующая валентность этих сил и формирует сплоченность, определяющую продолжительность группового членства и приверженность групповым стандартам. В силу того что понятие «поле сил» сложнооперационализируемо (сложно разработать систему эмпирических индикаторов и средств их измерения), оно было быстро упрощено социальными психологами. В частности, этими же исследователями сплоченность выявлялась на основании ответов опрашиваемых на вопросы типа: «каких трех людей вы рассматриваете как наиболее социальных?» (1950, с. 37).

Большинство зарубежных исследователей согласны в том, что рассмотрение групповой сплоченности в аспекте привлекательности, аттрактивности группы или межличностной привлекательности обусловлено отношением к ней как суммативному целому, оставляемому отдельными членами и соответствующей операционализацией. Так как определить характеристики групповой сплоченности невозможно без обращения к оценкам членов группы, то и операционализация групповой сплоченности осуществляется посредством их измерения. Не удивительно, что, как отмечает М. Ногг, в исследованиях представлены факторы, повышающие межличностную аттракцию (сходство, сотрудничество, межличностное принятие, разделяемая угроза и т. п.), увеличивающие групповую сплоченность и, соответственно, подчиняемость групповым стандартам, проявления сходства, развитую внутригрупповую коммуникацию, взаимозависимость и т. п. (приводится по: Manstead, Hewstone, 1999, с. 263).

В более общей модели социальной взаимосвязанности или межличностной взаимозависимости, разработанной Ногг (1992) обосновывается, что исходно обособленные индивиды объединяются для достижения разделяемых целей, достижение которых невозможно посредством индивидуальных усилий. Взаимная зависимость и кооперативное взаимодействие формируют взаимодовлетворение, позитивное взаимоотношение, межличностную привлекательность и сплоченность. Различия же в исследовательских подходах связаны только с перечнем компонентов, включаемых в данную модель.

Особая линия исследований групповой сплоченности представлена в разработках отечественных исследователей, пытавшихся рассматривать ее на иных идеолого-методологических основаниях. В рамках этого подхода групповая сплоченность неоднократно являлась предметом достаточно развернутого рассмотрения в отечественной литературе как в плане анализа теоретических подходов, так и в смысле изложения результатов конкретных эмпирических исследований, включая детальное описание конкретных методических средств. Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская выделяют следующие основные подходы к феномену групповой

сплоченности: сплоченность как межличностная аттракция; сплоченность как результат мотивации группового членства; сплоченность как ценностно-ориентационное единство (1991, с. 105–114).

Сплоченность как межличностная аттракция. Рассмотрение групповой сплоченности в контексте аттракции нами было уже представлено выше. Здесь же есть смысл ознакомить читателя с теми переменными, которые были выявлены в многочисленных эмпирических исследованиях и описанных в работе А. Lott и В. Lott (1969): частота взаимодействия индивидов; кооперативный характер их взаимодействия; стиль руководства группой (преимущественно демократический), фрустрация и угроза течению группового процесса (как следствие межгрупповых отношений), статусные и поведенческие (личностные) характеристики членов группы; разнообразные проявления сходства между людьми (в установках, возрасте, профессии, этнического плана и т. д.); успех в выполнении группового задания и т. д. В числе следствий аттрактивно контекстуализированной групповой сплоченности называются: агрессивное поведение в отношении несимпатичного члена группы, более благоприятная оценка членами группы ситуации межличностного взаимодействия, изменения в оценке других лиц (например, люди, к которым личность питает симпатию, нередко рассматриваются ею как «себе подобные») и во внутригрупповой коммуникации (в ряде случаев, хотя и далеко не всегда, симпатия позитивно коррелирует с частотой коммуникации партнеров), рост конформного поведения, возможное возрастание продуктивности группы (однако, в целом между сплоченностью и продуктивностью имеет место скорее криволинейная зависимость, о чем мы еще будем говорить).

Зарубежные исследователи, представляющие подходы с позиций теорий социальной идентичности и самокатегоризации, ставят более фундаментальный вопрос о целесообразности и возможности сведения феномена групповой сплоченности к межличностной привлекательности и уместности ее отношения к групповым процессам вообще. В качестве возможного решения предлагается дифференциация личностной аттракции (действительно межличностной аттракции, основывающейся на близких взаимоотношениях и индивидуальных предпочтениях) и социальной аттракции (межиндивидуальной симпатии, основанной на восприятии себя и других в понятиях групповой нормативности и прототипичности). Личностная аттракция практически не влияет на групповую сплоченность, в то время как социальная аттракция является естественным ее компонентом. Как отмечает М. Hogg, социальная аттракция является лишь одним из многочисленных эффектов (этноцентризм, конформность, межгрупповая дифференциация, стереотипизация, внутригрупповая солидарность) процесса самокатегоризации, проявляемого в теории самокатегоризации (приводится по: Manstead, Hewstone, 1995, с. 263). Этот анализ обладает двумя преимуществами по сравнению с существующими моделями:

- не сводит групповую солидарность и сплоченность к межличностной аттракции;
- применим к малым интерактивным группам (единственный валидный аспект традиционных моделей), таким многогранным социальным ка-

тегориям, как этнические группы или нации (люди чувствуют привлекательность друг к другу на основе этнических или национальных норм) (там же, с. 264).

Аттрактивный аспект не является исчерпывающим существо проблемы групповой сплоченности. Во многом она связана и с мотивационным аспектом, к рассмотрению которого мы и приступаем.

Сплоченность как результат мотивации группового членства. Попытка рассмотрения феномена групповой сплоченности в мотивационном аспекте принадлежит Картрайту (Cartwright, 1968). Он предложил развернутую модель групповой сплоченности, в основу которой положено представление о сплоченности как некоей результирующей сил, или мотивов, побуждающих индивидов к сохранению членства в данной конкретной группе. Совокупность этих сил, иными словами детерминант сплоченности, представлена в модели следующим набором переменных: 1) мотивационная основа тяготения субъекта к группе, включающая в себя совокупность его потребностей и ценностей; 2) побудительные свойства группы, отраженные в ее целях, программах, характеристиках ее членов, способе действия, престиже и других признаках, важных для мотивационной основы субъекта; 3) его ожидания или субъективная вероятность того, что членство будет иметь для него благоприятные или отрицательные последствия; 4) индивидуальный уровень сравнения – некоторая средняя субъективная оценка последствий пребывания человека в разных социальных группах. В приведенной модели мотивация членства рассматривается в тесной связи с другими переменными, преимущественно относящимися к личностным особенностям их членов. При этом подчеркивается, что определенные характеристики группы будут иметь побудительную силу для субъекта лишь в том случае, если они отвечают соответствующим потребностям, входящим в его мотивационную основу тяготения к группе.

Основное внимание среди приведенных детерминант сплоченности в рассматриваемой модели уделено побудительным свойствам групп, и сделано это вследствие наибольшей исследовательской проработки данного аспекта проблемы. К числу таких свойств отнесены: 1) привлекательность членов группы (т. е. степень симпатии, испытываемой к ним окружающими); 2) сходство между членами группы (чаще всего в ценностях, установках и т. п.); 3) особенности групповых целей (их соответствие потребностям членов группы, четкость постановки, успех группы в их достижении); 4) своеобразие взаимосвязи членов группы (чаще всего, речь идет о последствиях кооперативной и конкурентной стратегий поведения членов группы); 5) удовлетворенность групповой деятельностью (как часть общей удовлетворенности трудом); 6) характер руководства и принятия решений (имеются в виду стили руководства и действительное участие индивидов в выработке групповых решений); 7) структурные свойства группы (главным образом модели коммуникативных сетей и статусно-ролевые аспекты структуры); 8) групповая атмосфера (ее аналогом, как правило, являются особенности межличностных отношений, складывающихся между членами группы); 9) величина группы.

Наряду с рассмотрением детерминант групповой сплоченности в модели D. Cartwright (1968) обсуждаются и возможные последствия ее роста, а именно: 1) сохранение группового членства (проявляется, в частности, в уменьшении числа уходов из группы); 2) усиление влияния, оказываемого группой на своих членов (более заметными становятся проявления феномена конформного поведения); 3) возрастающее участие в жизни группы (подразумевается большая включенность индивидов в групповую деятельность); 4) рост индивидуальной адаптации к группе и переживание чувства личной безопасности (в значительной мере, в силу так называемого квазитерапевтического эффекта, вызываемого фактором группового сплочения и выражающегося в росте самооценки и снижении тревожности членов малой группы).

Анализ соотношения возможных причин и следствий сплоченности позволил Cartwright сделать вывод относительно необходимости создания объяснительных моделей данного феномена, которые имели бы форму «круговой причинности», с целью получения более адекватных представлений о развитии, сохранении и уменьшении сплоченности групп. Эта модель относится к числу одной из самых интересных, так как в ней содержится несколько полезных для построения будущих исследовательских подходов идей. Во-первых, обращение к мотивационной основе поведения индивидов, т. е. фактически учет субъективного фактора при рассмотрении, казалось бы, сугубо группового феномена; во-вторых, указание на разнохарактерную (при более содержательном, системном анализе – многомерную) природу детерминации групповой сплоченности; в-третьих, подчеркивание взаимосвязи некоторых важных компонентов модели, необходимое для уяснения конкретной роли феномена сплоченности в групповом процессе.

Сплоченность как ценностно-ориентационное единство. Как альтернативную попытку рассмотрения феномена групповой сплоченности можно рассматривать подход разрабатывавшийся А. В. Петровским и другими сторонниками стратометрической концепции групповой активности, основывающийся на представлении о сплоченности группы как ее ценностно-ориентационном единстве (А. В. Петровский, 1982). Следует согласиться с замечанием Р. Л. Кричевского и Е. М. Дубовской о том, что идея рассмотрения сходства, или единства, ряда личностных особенностей членов группы, например, их мнений, ценностей, установок, в контексте проблемы сплоченности не нова (2001, с. 153). Эта идея высказывалась в зарубежной литературе еще в начале 1950-х годов и связана в первую очередь с исследованиями Фестингера и Ньюкомба (1954). Более того, и идея поуровневой иерархии, лежащая в основе стратометрической концепции, была предложена Такменом (Tuckman) еще в 1960-е годы. Тем не менее определенная новизна в этой концепции присутствует и она заслуживает обсуждения.

Согласно А. В. Петровскому, «сплоченность как ценностно-ориентационное единство – это характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадения оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам (лицам, задачам, идеям, событиям), наиболее значимым для группы в целом» (А. В. Петровский, 1986, с. 182). Причем, как подчеркивает автор стратометрической концепции, ценностно-ориентационное единство группы как показатель ее сплочения

отнодь не предполагает совпадения оценок и позиций членов группы во всех отношениях, нивелировку личности в группе, например в сфере вкусов, эстетических ценностей, читательских интересов и т. д. Ценностно-ориентационное единство в коллективе – это, прежде всего, сближение оценок в нравственной и деловой сфер, в подходе к целям и задачам совместной деятельности». Здесь следует отметить, что в исследованиях многих зарубежных авторов показывается потенциальная опасность такого рода ценностно-ориентационного сходства для развития группы, так как при его высшем уровне начисто отсутствует возможность инакомыслия, а следовательно, и обсуждения возможных альтернативных решений и ориентиров. Ценностно-ориентационное единство скорее сродни тоталитаризму нежели демократии.

А. И. Донцовым в развитие данной концепции выделена одна из высших форм ценностно-ориентационного единства в группе – предметно-ценностное единство, характеризующее момент совпадения ценностных ориентаций членов группы в отношении предмета совместной деятельности. Представляя достаточно искусственную и скорее рациональную конструкцию, ценностно-ориентационное единство как основание групповой сплоченности практически исключает эмоциональную компоненту, представляя взаимоотношения в группе чисто рациональными. Как альтернатива аттрактивности, в которой превалирует эмоциональная компонента, она вполне уместна. Но по отношению к реально наблюдаемым проявлениям феномена групповой сплоченности скорее поверхностна, так как дух команды, взаимоподдержка и прочие проявления сплоченности в большей степени эмоциональны, нежели рациональны. Определенный выход из этого противоречия предлагается Г. М. Андреевой (2000) и А. И. Донцовым (1984), соотносившими три психологических слоя (уровня) разработанной А. В. Петровским модели многоуровневой структуры межличностных отношений с различными возможными проявлениями сплоченности. Эмоциональная компонента, по их мнению, относится к третьему психологическому уровню, базирующемуся преимущественно на эмоциональных контактах членов группы, ко второму психологическому уровню – сплоченность, выраженная в совпадении у них ценностей, связанных с процессом совместной деятельности, наконец, к первому психологическому уровню – сплоченность, в основе которой лежит разделение всеми членами группы общих целей групповой деятельности, т.е. сплоченность как единство целей групповой деятельности или целевое единство группы.

Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская формулируют ряд вопросов в отношении изучения феномена групповой сплоченности: достаточна ли в изучении сплоченности апелляция только лишь к одному, хотя бы и очень существенному, ее условию? Получаем ли мы при этом адекватное описание феномена? Как быть с другими возможными детерминантами сплоченности (часть из них, приведена в настоящем параграфе)? Следует ли при рассмотрении сплоченности как сугубо группового феномена учитывать и активность (собственные побуждения, цели, актуализируемый опыт и т. д.) самих сплочиваемых индивидуумов? И, наконец, что же все-таки мы имеем в виду, оперируя понятием сплоченность если исходить не из интуитивной и «вкусовой», а логически обоснованной его трактовки? (2001).

Попытки нахождения ответов на эти и другие вопросы стимулировали дальнейшее развитие исследований в области групповой сплоченности. Одним из наиболее популярных стал подход с позиций теории социальной идентичности и теории социальной категоризации (Hogg, 1992). Представители подхода с позиций теории социальной идентичности задаются вопросом, насколько уместно рассматривать групповую сплоченность как суммативное объединение индивидуальных характеристик составляющих группу индивидов и насколько эти характеристики вообще связаны с групповыми процессами, предлагая в качестве перспективы введение интегральных показателей социальности группы.

Социально-коммуникативные сети

Люди, занимающие определенные позиции в структуре межличностных взаимоотношений в группе или обладающие определенным статусом, нуждаются в координации совместных действий посредством процесса коммуникации. Они находятся в определенной системе межличностных или социальных отношений. В зависимости от развитости этой системы определяется и социальный статус индивида. Люди обсуждают друг с другом различные проблемы, устанавливая устойчивые или динамичные социально-коммуникативные связи или создают соответствующие сети, регулирующие то, кто и с кем должен коммуницировать в определенных ситуациях и с какой степенью взаимовлияния.

Понимание роли социальных связей в жизни индивида и группы обусловило поиск теоретических объяснений их места и роли. Одно из них представлено в подходе социальных сетей, приобретшем особую популярность в последние годы. Понятие социальных сетей было выдвинуто Barnes в начале 1950-х годов. Однако потребовалось значительное время для оформления анализа социальных сетей – новой методологии, ориентированной на исследование реляционных, а не атрибутивных данных, и, в первую очередь, на изучение структурных свойств отношений, т. е. их повторяющихся, регулярных паттернов. Импульс развитию анализа социальных сетей придали работы в области городской и сельской антропологии (А. Радклифф-Браун, Дж. Барнс, Э. Ботт, К. Митчел). Эти исследователи подвергли сомнению присущий структурному функционализму принцип нормативно-ценностной обусловленности поведения личности и сконцентрировались на изучении объективно наблюдаемых форм поведения – межличностной коммуникации. Поведение индивида или группы объяснялось как производное социальных сетей, элементом которых они выступают. Для изучения влияния социальных сетей была разработана специальная исследовательская методология – анализ социальных сетей (*network analysis*), основывающаяся на предположении о том, что социальная структура взаимосвязей индивида, группы или организации влияет на убеждения и поведение. Исходная посылка заключалась в обосновании того, что детерминанты поведения и убеждений кроются в самом устройстве социальной структуры. Согласно данному подходу, социальная жизнь рассматривается как клубок или цепочка взаимосвязей. Главной задачей анализа социальных сетей является понимание того, как социальные структуры расширяют или ограничивают возможности и влияют на поведение и убеждения членов социальной сети – *акторов*.

В самом широком понимании под *сетью* понимается *паттерн связей или контактов между объектами*. Самая простая сеть состоит из двух объектов и по крайней мере одной взаимосвязи между ними. В случае *социальных сетей*, эти связи являются социальными и рассматриваются как взаимоотношения между членами социальной сети. Такие связи или отношения появляются и поддерживаются благодаря постоянным, повторяющимся взаимодействиям между членами сети. Самой простой, помимо диадной, является *эгоцентрическая сеть* (ее также называют *эго-сетью, или частной*), т. е. совокупность всех социальных связей отдельного индивида. Такую совокупность еще называют *межличностным окружением*. Каждый объект сети, или актер, обладает своим межличностным окружением, называемым *зоной первого порядка*. Межличностное окружение индивидов, составляющих зону первого порядка актера, называют зоной *второго порядка* и так далее. Хотя количество таких зон может быть в принципе бесконечным, их влияние на фокусный объект постепенно снижается, и объекты зоны четвертого порядка оказывают уже весьма незначительное влияние на актера. Так что число эффективных зон находится между двумя и тремя. Таким образом, формируется второй вид социальных сетей – *социоцентрические или целостные сети*. *Социоцентрическая сеть* показывает как выглядит целостная картина взаимосвязей между всеми членами социальной группы, в отличие от эго-сети, которая как бы является совокупностью взаимосвязей с точки зрения одного человека.

Выделяют три типа эго-сетей: 1) *типичная локальная сеть* – это одноуровневая сеть единичного радиуса, называемая также зоной первого порядка, представляющая группу индивидов, с которой связан центральный индивид (эго), не ограниченной в размерах и могущей быть реконструированной посредством наблюдения или опроса; 2) *ограниченная сеть единичного радиуса*, отличающаяся от предыдущей по размеру, задаваемому исследователем, и представляющая собой фрагмент типичной сети; 3) *«снежный ком»*, представляющий бесконечную цепь взаимосвязанных социальных сетей. Реконструкция сети данного типа начинается с одного индивида (эго), который называет определенное количество участников своей сети, с которыми в дальнейшем повторяют эту же процедуру. Зона второго порядка для эго включает зону первого порядка конкретного индивида и зону первого порядка каждого из членов его сети. На каждой новой стадии к прежним добавляются новые люди, все новые и новые кандидатуры.

Характер сети определяется прочностью связей, обычно подкрепляемой *гомофилией* (homophily или homophily) – склонностью людей взаимодействовать с похожими людьми. Гомофилия является одним из локальных процессов, объясняющих статические и динамические свойства сетей. М. Моргис выделяет два локальных механизма: *избирательное связывание* и *соседство в пространстве и во времени*. Первый механизм и представляет собой гомофилию, второй – является скорее условием образования связей.

Являясь членами социального круга, его члены получают возможность пользоваться ресурсами, предоставляемыми остальными членами сети. Совокупность общих сетевых ресурсов, предоставляемых ею и которыми может пользоваться индивидуальный член сети, называется *социальным капиталом*. Величина социального капитала, которым обладает член социальной сети, представляет функцию

включенности члена сети во взаимосвязи с остальными членами сети (то есть занимаемой внутри сети позиции), а также размера и структуры самой сети. Важно подчеркнуть, что социальный капитал представляют не количество членов сети, а ее плотность и устройство. Wellman выделяет следующие факторы, определяющие величину социального капитала:

- потребности и ресурсы, которыми индивид уже обладает, включая способность привлекать социальную поддержку или социальные характеристики эго;
- количество связей в личной сети актора или размер сети;
- ресурсы, которыми обладают члены данной сети;
- сходство между эго и членами сети, т. е. сходство их социальных характеристик;
- желание членов сети предоставить свое эго или доступность ресурсов;
- поддержка (краткосрочная или долгосрочная), которую члены сети уже оказали эго;
- предыстория поддержки, которую эго оказал членам своей сети или взаимность;
- характеристики всех ее членов, включая их сходство и дисперсию или композиция сети;
- структура межличностных связей (информационные потоки – распространение информации о нуждах и ресурсах членов сети, и социальный контроль – расширение или ограничение предоставления ресурсов);
- связи с отдаленными членами сети через посредников.

Прочно интегрированный или популярный член сети, занимающий элитную центральную позицию, обладает высоким социальным капиталом. В соответствии с *законом власти* для того, чтобы построить социальный капитал необходимо завязать взаимосвязи с как можно с большим количеством людей, и желательно, чтобы они уже обладали высоким собственным социальным капиталом.

С понятием социальных сетей связано понятие сетей коммуникативных. Люди находятся не просто в социальных отношениях, но и поддерживают и расширяют их посредством коммуникации. Круг людей, с которыми взаимодействует индивид образует его коммуникативную сеть. Каково же влияние различных типов установившихся коммуникативных сетей на поведение группы и какие факторы влияют на них?

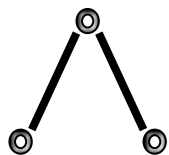
А. Bavelas (1968) утверждает, что каждый человек может быть включен в большое количество коммуникативных сетей. Например, вы можете непосредственно коммуницировать с деканом факультета по определенным вопросам, включенным в установившийся регламент формальных отношений. Но если вам необходимо решать вопросы, выходящие за его рамки, вы ищите людей, имеющих доступ к коммуникативным сетям, в регламент которых они входят, т. е. обладающих соответствующим социальным капиталом. Например, вы можете искать знакомых декана в среде ваших знакомых и т. п. В нашей культуре это называется поиском связей, а человек с широкими связями обладает статусом «социального капиталиста», обеспечивающим ему определенные «дивиденды». На представленной

схеме 30 показаны некоторые коммуникативные сети – слева более централизованные, справа – менее.

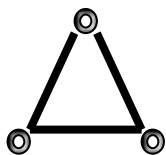
Схема 32.

Типы коммуникативных сетей.

Трехличностные сети

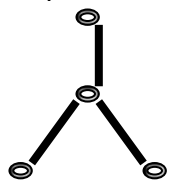

Штурвал
(или цепь)

Цикл
(или полностью
связанный)

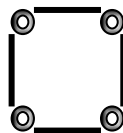
Четырехличностные сети

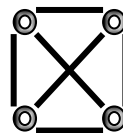
Штурвал

Цепь

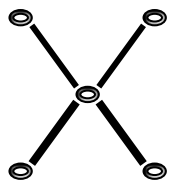

Цикл

Полностью
связанный

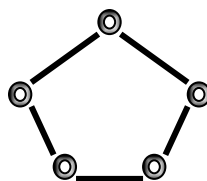
Пятиличностные сети

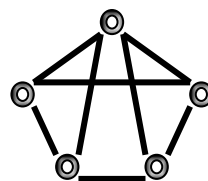
Штурвал

Цепь

Цикл

Полностью
связанный

Приводится по: Hogg, Vaughan, 1995, с. 247

Может показаться, что для решения относительно простых задач более продуктивными являются централизованные коммуникативные сети. Лица, находящиеся в центре внимания, имеют больше возможностей получать, интегрировать и эффективно обрабатывать информацию, в то время как лица, находящиеся на периферии, выполняют вспомогательные роли. Для более сложных задач более пригодна децентрализованная структура, так как количество и качество информации, подлежащей переработке, может захлестывать лиц, находящихся в центре коммуникации, резко снижая возможности перерабатывать и интегрировать информацию.

Другой проблемой является степень автономии членов группы. Так как они зависимы от регуляции коммуникационных центров, то информационные потоки, проходя мимо них периферические члены группы обладают меньшим влиянием и могут ощущать себя ограниченными и зависимыми. Согласно M. Mulder (1960), это приводит к росту автономии и удовлетворенности.

Центральным моментом обсуждаемой проблемы является выяснение эффективности решения группой тех или иных проблем в условиях централизованных и децентрализованных коммуникативных сетей. Изучается также влияние, оказываемое коммуникативными сетями на возникновение лидерства, организационное развитие группы и удовлетворенность ее членов. Исследования показывают, что, как правило, централизованные сети в сопоставлении с децентрализованными сетями усиливают возникновение лидерства и организационное развитие группы, но препятствуют эффективности решения сложных проблем и уменьшают удовлетворенность членов группы (Shaw, 1971).

Если допустить, что модели коммуникативных сетей в определенной мере детерминируют групповую эффективность, возникает необходимость объяснить, посредством каких факторов это происходит. К числу таких факторов, своего рода промежуточных переменных, относят: 1) способность членов группы к развитию организационной структуры; 2) степень свободы, с которой личность может функционировать в группе, имея в виду, что независимость действий члена группы обусловлена не только доступностью получаемой информации, но и всевозможными ситуационными моментами, действиями других членов группы и оценкой воспринимаемой субъектом ситуации; 3) насыщение или информационную перегрузку, испытываемую членами группы в позициях коммуникативной сети, причем особенно чувствительны к насыщению позиции, расположенные в центре сети, и сами централизованные сети, чем нередко и объясняется меньшая эффективность централизованных сетей в решении сложных проблем; 4) уровень развития малой социальной группы, способный в ряде случаев, как свидетельствуют материалы работ, выполненных в рамках стратометрической концепции коллектива, существенным образом влиять на взаимосвязь рассматриваемых переменных.

Экология функционирования группы

То, что люди взаимодействуют друг с другом в условиях малой группы, способствуют или препятствуют достижению ее целей, борются за власть и т. п. составляет ее внутреннюю активность. Тем не менее группы размещаются, живут, действуют отнюдь не в безвоздушном пространстве, а в условиях конкретного физического и социального окружения, которые в той или иной степени оказывают влияние на процесс группового функционирования. Действительно, любая группа включена, как правило, во вполне конкретную физическую среду, пребывание в которой описывается в литературе рядом специфических понятий, отражающих реальность социально-психологической феноменологии социального поведения людей. J. M. Levine и R. L. Moreland (1995) выделяют три важных аспекта группового окружения – физическое, социальное и временное. С одного из них – физического – мы и начнем свой анализ.

Физическое окружение является наиболее очевидным условием, в котором действует группа. Например, мы не удивляемся тому, что на характере взаимоотношений в группе сказываются опасные условия работы – работа под землей (шах-

теры), под водой (водолазы), в космосе (космонавты). Такая работа требует выработки специфических групповых норм, регулирующих совместное поведение в опасных условиях. Практика показывает, что группы, успешно действующие в таких условиях, характеризуются сильным лидерством, высокой сплоченностью и выраженным подчинением групповому давлению. Эти характеристики способствуют скоординированности совместных действий и снижению конфликтов между членами, повышая уровень адаптивности к действиям в условиях опасности.

Levine и Moreland описывают целый ряд механизмов поддержания групповой адаптивности. Одним из такого рода механизмов являются различного рода ритуальные церемонии принятия в члены группы. Примерами такого рода ритуалов богата и отечественная практика различного рода групп, работающих в экстремальных условиях. Часто демонстрируемым на экранах телевизоров примером является принятие в «краповые береты». Отличительной особенностью такого рода ритуалов является помещение новобранца в очень сложные условия испытания с целью «понимания, как сложно «живется» ветеранам и насколько важна их поддержка. Еще одной особенностью является наглядная демонстрация реальной власти группы и тяжести неподчинения принятым в ней нормам.

Конечно, физическое окружение не должно быть опасным для большинства людей, а скорее способствующим максимальной реализации индивидуальных и групповых возможностей. На создание таких оптимальных условий и направлены многочисленные исследования, в том числе и психологов. В частности, в уже упоминавшихся Хотторнских экспериментах было показано влияние на производительность труда освещенности, цветового оформления, температуры, уровня шума и т.п.

Однако не все связано только с физическими стимулами. Часто не менее действенным является и социальное окружение. Так, ветераны могут интерпретировать особенности состояния физического окружения, «вооружая» новобранца целым рядом примет и признаков опасности. Они же задают своеобразные эталоны сравнения, позволяющие осуществлять оценку собственной готовности к выполнению той или иной деятельности. Например, новички научаются контролировать уровень беспокойства, наблюдая за примерами спокойного выполнения деятельности ветеранами.

Возрастающее применение компьютеров во всех сферах человеческой деятельности позволило в еще большей степени привлечь внимание к проблеме влияния технологий на групповую работу. Исследования показывают, что электронная коммуникация оказывает влияние на группу по целому ряду направлений, включая снижение общего уровня контактов в группе, выравнивание уровня участия членов группы и ослабление статусную систему. Компьютерная коммуникация также снижает сопротивление членов группы отклонениям от принятых конвенциональных норм социального взаимодействия, делая их все более автономными. С понятием физического окружения связано рассматриваемое, вслед за Шоу (Schaw, 1971), Кричевским и Дубовской (1991; 2001), понятие территориальности.

Под *территориальностью* понимаются занятие личностью или группой определенного физического (возможно и географического) пространства и контроль над ним и находящимися в нем объектами. Территориальность выполняет функцию предотвращения межгрупповых конфликтов, обеспечивая тем самым безопасность отдельных членов группы. Принято выделять индивидуальную и групповую территориальность. Шоу выделяет два признака групповой территориальности: 1) установление группой территориальных прав и защита занимаемого пространства от вторжения; 2) контроль над значительно большей, нежели в случае индивидуального поведения, территорией (1971).

Анализ групповой территориальности и связанных с ней переменных привел исследователей к попыткам построения некоторой классификации занимаемых группой пространств (территорий). Различают: *первичную* территорию – пространство, занимаемое первичной группой, например семьей; *вторичную* территорию – пространство, занимаемое вторичной группой, например рабочей бригадой; *публичную* территорию – пространство, доступное для всех стремящихся в него попасть индивидов. J. J. Edney выделяет *публичную* территорию; *домашняя* территория – пространство, дающее свободу поведения в сочетании с чувством контроля и интимности; территорию *взаимодействия* – пространство, в котором могут происходить собрания, политические мероприятия и т. п.; *телесную* территория – анатомическое пространство и его непосредственное окружение (1974).

Социальное окружение. Наряду с физическим пространством, группы также включены в пространство социальное, состоящее из других групп и отдельных индивидов, присутствие которых оказывает влияние на групповые процессы и результаты деятельности.

В исследованиях было подмечено, что на социальное поведение человека оказывает существенное влияние характеристики окружающего пространства. В социальной психологии введено и специальное понятие «личное пространство», трактуемое как область непосредственного окружения личности, активно ею охраняемую, вторжение в которую вызывает состояние дискомфорта (Hayduk, 1983; Nolanhan, 1986). В отличие от физического пространства личное пространство не связано с какой-либо физической (географической) областью, оно имеет непосредственное отношение лишь к телу субъекта. Причем его границы строго не фиксированы и, как будет показано далее, меняются в зависимости от психологических и социальных отношений субъекта с другими людьми.

Хотя личное пространство, прежде всего, рассматривается в связи с факторами индивидуального поведения (полом, возрастом, особенностями личности и т. п. (Hayduk, 1983), эта переменная имеет важное значение и для группового процесса, поскольку вторжение одного из членов группы в ходе развертывания внутригруппового общения в личное пространство кого-либо из партнеров в случае нежелательности подобных действий может вызвать негативные реакции с его стороны и в конечном счете сказаться на эффективности группового функционирования.

Исследования показали, что личное пространство способно заметно уменьшаться под влиянием так называемой ситуационной обезличенности. Последняя

имеет место, если взаимодействие людей включено в рамки определенных ролевых отношений (например, некоторые моменты взаимодействия больного и врача), придающих ситуации общения в известной мере безличный характер. Изменение личного пространства по величине дистанции взаимодействия обусловлено целым рядом факторов, к числу которых относят знакомство и симпатию, пол, статус, культурные особенности, возраст (Sommer, 1983). Так, показано, что тесное знакомство и симпатия сокращают дистанцию общения. Люди проявляют склонность подходить ближе к равным по статусу партнерам, нежели к лицам с высоким и низким статусом. В ситуации общения женщины располагаются к собеседнику (собеседнице) ближе чем мужчины. Примером влияния культурных традиций является тот факт, что латиноамериканцы используют гораздо более короткие дистанции взаимодействия, чем представители англосаксонских наций. Наконец, общение детей протекает на значительно более близком, нежели у взрослых, расстоянии.

К социальному пространству могут быть отнесены и пространственные расположения членов группы. По мнению исследователей, выбор субъектами местоположения в группе носит культурно-детерминированный характер. В частности, лица, воспринимающие себя в качестве высокостатусных членов группы, стремятся к тому, чтобы их местоположение согласовывалось с этими представлениями. Так, наблюдения зарубежных исследователей за поведением присяжных заседателей обнаруживают, что присяжные, обладающие высоким социальным (внешним) статусом (менеджеры, представители свободных профессий), во время заседаний занимают место во главе стола гораздо чаще, чем представители других социальных слоев.

Большой цикл исследований по обсуждаемому вопросу выполнен R. Sommer (1983), использовавшим как всевозможные опросные методы, так и анализ реального внутридидного взаимодействия равностатусных партнеров в ходе решения экспериментальных задач. Им было показано, что в ситуациях решения кооперативных задач испытуемые располагаются с одной стороны стола, рядом друг с другом (бок о бок), а в ситуациях решения задач, вызывающих конкуренцию, испытуемые предпочитают сидеть по обе стороны стола, напротив друг друга (лицом к лицу). Учитывая равный социальный статус партнеров, их поведение нельзя объяснить причинами культурного характера.

Пространственные расположения членов группы влияют на развитие внутригруппового взаимодействия, в частности его коммуникативной стороны. Так, экспериментальные данные показывают, что, сидя за круглым, квадратным или прямоугольным столом, члены дискуссионной группы чаще обмениваются информацией с партнерами, находящимися напротив них, нежели с соседями. Этого не происходит, однако, в группах с сильным директивным руководителем, жестко контролирующим коммуникативные потоки, вследствие чего большая часть информации, если того требует руководитель, адресуется именно соседям.

Выбор членами группы того или иного местоположения в групповом пространстве обнаруживает определенную взаимосвязь пространственной позиции со статусом ее владельца. Справедливости ради следует сказать, что речь в основном идет лишь о лидерском статусе (другие разновидности внутригруппового статуса

применительно к вопросам групповой экологии исследователями практически не рассматриваются). Из литературы (Manstead, Hewstone, 1996) известно, например, что лидер, как правило, занимает позицию во главе стола и, напротив, субъект, оказывающийся во главе стола воспринимается обычно как лидер. Последнее объясняется причинами чисто культурного характера. При этом подчеркнем, что занятие членами группы соответствующих территориальных позиций в «поле» группового функционирования—вопрос для них далеко не второстепенный: ведь обладание позицией, лежащей, скажем, на перекрестке внутригрупповых коммуникаций, дает ее обладателю немалый контроль над ходом группового процесса, а следовательно, возможность повысить свой статус, стать лидером.

Существует несколько подходов, позволяющих концептуализировать социальное пространство. Согласно наиболее распространенному в социальной психологии общему подходу, межгрупповое взаимодействие рассматривается как преимущественно конкурентное и часто враждебное. Так как в последние годы большее распространение получили межэтнические конфликты, социальные психологи уделяли достаточно большое внимание рассмотрению их особенностей. Но межгрупповые отношения имеют и много других форм.

Немало примеров и кооперативного характера межгрупповых отношений. В некоторых случаях это кооперирование носит косвенный характер. Так, некоторые группы используют опыт других для повышения продуктивности собственной деятельности или в качестве сравнительных эталонов для оценки собственной адекватности и эффективности. В других случаях кооперация проявляется более непосредственно. Группы обмениваются информацией и достижениями, осознавая преимущество совместных решений.

Многие малые группы являются составными частями больших организаций и социальных движений. Хорошая организация способствует росту групповых достижений, плохая – приводит к конфликтам и снижению продуктивности групповой деятельности. Конечно же, группы в организации обладают значительно меньшим влиянием. Однако группы проявляют активность по контролю за собственной участью, используя различные стратегии напоминая о своем существовании, защищая себя от стороннего вмешательства и т. п. Успешность такого рода активности обеспечивается посредством разработки специализированных ролей для своих членов – «разведчиков» (поставляющих информацию и ресурсы извне), «послов» (поставляющих информацию и ресурсы вовне), «часовых» (оберегающих информацию и ресурсы от внешнего наблюдения), «цензоров» (контролирующих информацию и ресурсы отправляемые вовне) и т. п.

В этих рассуждениях имплицитно присутствует мысль о том, что человек может принадлежать только одной группе и различные группы имеют различное членство. Но это отнюдь не соответствует действительности, одним из существенных путей влияния на социальное окружение является разделяемое членство. Принадлежность человека к многим группам создает основания для их взаимозависимости, так как опыт поведения в одной группе неизбежно начинает транслироваться и на другие, становясь достоянием окружающих. Например, физическое ин-

теллектуальное и социальное развитие детей, происходящее под влиянием собственной семьи оказывается под влиянием и других групп -- других семей, школы, церкви, различного рода неформальных объединений и т. п. В некоторых случаях группы настолько пересекаются, что границы группы начинают размываться и людям становится трудно дифференцировать групповые роли. Примером такого рода являются семейные фирмы, в которых межличностные взаимоотношения переплетаются с производственными. М. Н. Davis и R. J. Stern (1980) описывают ряд техник, позволяющих отделить семейные отношения от производственных: разработка широко принятых правил по распределению власти между поколениями и отделение деловой активности от семейных конфликтов.

Наконец, социальное окружение малых групп часто включает людей, которые фактически не являются членами групп, – потенциальных и бывших членов, друзей и родственников, продавцов и клиентов, врагов и др. В отдельных случаях такое потенциальное влияние сказывается достаточно сильно. Например, простое присутствие врагов приводит к консолидации группы.

Временное окружение. Группы существенно отличаются и по времени существования. Некоторые группы существуют всего лишь несколько минут, в то время как другие имеют столетнюю историю. При наличии достаточно длительной истории существования временное окружение воздействует на групповые процессы и достижения двумя возможными путями. Во-первых, течением времени изменения происходят и в группе в целом. Они аналогичны тем изменениям, которые происходят в личности по мере ее созревания. Во-вторых, временные изменения происходят и в отношении группы к каждому ее члену. Levine и Moreland определяют такого рода изменения как групповую социализацию (1995, с. 427). Несмотря на то что развитие группы и групповая социализация отличаются, они могут влиять друг на друга самыми различными путями.

Одна из наиболее известных теорий развития группы предложена Такменом (Tuckman, 1965), выделяющим пять стадий развития: 1) *формирования*, характеризующуюся стремлением членов группы сориентироваться в группе; 2) *штормления*, когда члены группы пытаются склонить группу к помощи в удовлетворении личных интересов; 3) *нормирования*, когда устанавливаются нормы взаимоотношений, способствующие избеганию межличностных конфликтов; 4) *исполнения*, когда члены группы стремятся к максимизации совместных действий и продуктивности, работая над достижением групповых целей посредством принятия ролей и совместных решений; 5) *ухода*, когда члены группы стремятся разорвать поведенческие и эмоциональные отношения с членами группы. Теоретическая модель Такмена оказалась пригодной для описания поведения некоторых типов групп (терапевтические, тренинговые, группы самопомощи). Конечно же, эта модель не носит универсального характера. Как отмечают Levine и Moreland, в ней не представлены механизмы, обеспечивающие переход от одной стадии к другой и мало говорится о факторах, детерминирующих развитие группы.

Как уже отмечалось, имеются различия между развитием группы (временными изменениями в группе в целом) и групповой социализацией (временными

изменениями во взаимоотношениях группы с каждым ее членом). Групповая социализация может анализироваться в понятиях психологических процессов – оценки, обязательств и ролевых переходов. Оценка включает принятие решений о значимости взаимоотношений между группой и членами. Эти решения касаются того, какие обязательства берут в отношении друг друга группа и члены. По мере развития или ухудшения взаимоотношений имеют место и переходы ролей.

Взаимоотношения между членом и группой начинаются с *исследовательской* фазы, на которой происходит уточнение характера и полезности взаимоотношений, а также возможностей каждой из сторон. Вторую фазу представляет *групповая социализация*. В процессе социализации индивид пытается изменить группу таким образом, чтобы она максимально способствовала достижению собственных интересов и групповых целей. На *фазе сохранения* между группой и индивидом осуществляется поиск согласованных взаимных интересов к роли друг друга. На четвертой фазе осуществляется процесс *ресоциализации*. Член группы снова пытается приспособиться к группе, в то время как последняя пытается приспособиться к нему. Наконец, на пятой фазе – *воспоминаний* член группы и группа оценивают предшествующие взаимоотношения. Эти оценки становятся частью реминисценций члена группы и групповых традиций.

Экология и групповое поведение. В предыдущем обсуждении мы очень мало останавливались на связи экологических аспектов жизнедеятельности группы с особенностями ее функционирования. Но ведь группа не просто располагается в каком-то пространстве, она адаптируется к нему, обживает его, активно в нем действует, вступает в межгрупповые отношения и т. д. Кроме того, происходит развитие разнообразных внутригрупповых феноменов и процессов, влияющих друг на друга и в конечном счете на групповую эффективность. А что же окружающая группу среда, какова ее роль в разворачивающихся событиях и процессах? Нельзя сказать, чтобы этот вопрос не интересовал исследователей. Однако в его разработке заметен явный крен в сторону изучения групп, находящихся в так называемых «экзотических» условиях, т. е. условиях, характеризующихся развитием стресса, изоляцией от внешнего мира, ограниченностью перемещений и т. п. Преимущественная ориентация исследователей на столь специфическую среду, вероятно, связана с особой сложностью и важностью задач, решаемых группами, располагающимися на борту подводной лодки, в кабине космического корабля или во льдах Антарктики. Кроме того, необычная, экстремальная обстановка нередко способствует гораздо более яркому, нежели это имеет место в размеренных ситуациях повседневной жизни, проявлению тех или иных групповых феноменов. Поэтому по своему значению ведущиеся в данной области работы далеко выходят за рамки решения только прикладных задач. Каковы же наиболее характерные для обсуждаемых экологических условий особенности группового процесса?

Согласно данным многих авторов (Р. Л. Кричевский, Е.М. Дубовская, 1991; Harrison, Connors, 1984; Manstead, Hewstone, 1996), одной из наиболее ярких особенностей функционирования частично или полностью изолированных групп является практически неизбежное возникновение в них межличностных конфликтов,

иногда достаточно скрытых от глаз стороннего наблюдателя, иногда же вполне отчетливо эксплицированных в поведении. Развитие подобного рода тенденций носит отнюдь не случайный характер. Как отмечает М. А. Новиков, «пространственная организация малой группы в ограниченных по объему кабинах космических кораблей, в глубоководных и подземных камерах, характеризуясь объединением рабочих и бытовых помещений, неизменностью и специфичностью интерьера, практической невозможностью подлинного уединения, «витринностью» проживания, неизбежностью вторжения в «территориальные воды» друг друга, в сильной степени воздействует на состояние нервной системы и характер протекания межличностных процессов» (1981, с. 179–180).

Разумеется, конфликты типичны и для подавляющего (если не абсолютного) числа групп, жизнедеятельность которых лишена всяких признаков экстремальности. Дело, однако, в том, какое значение для внутригрупповых отношений приобретают те или иные межличностные «возмущения» в обычных и экстремальных ситуациях, какова «цена» этих, порой даже минимальных осложнений. Обратимся к мнению специалистов. Вот что пишут по этому поводу А. Harrison и М. Connors, авторы, пожалуй, крупнейшего на сегодня обзора исследований групп в «экзотической» среде: «Один и тот же уровень негативной эмоциональной реакции, который останется незамеченным в студенческом общежитии или в семье представителей среднего класса, спровоцирует длительную дискуссию, случись он в Антарктике или в космическом пространстве» (1984, с. 75). Причем нужно иметь в виду, что такая, мягко говоря, дискуссия, по отзывам специалистов и самих участников «экзотических» экспедиций, есть не что иное, как весьма острый межличностный конфликт.

Представляют интерес причины возникающих в рассматриваемых условиях конфликтов. По мнению М. А. Новикова, они вызываются неэффективностью взаимодействия, различиями в оценке собственного вклада в общую деятельность и вклада других, недовольством членов экипажа в случае блокировки канала связи с другими социальными группами и т. д. По данным, приводимым в обзоре Харрисона и Коннора, причиной конфликта могут быть ролевые различия членов группы, ведущие к восприятию одних групповых ролей как более важных и престижных, чем другие (Harrison, Connors, 1984). Многие авторы называют в качестве причины конфликтов фактор астенизации, сопутствующий длительному пребыванию группы в условиях частичной и особенно полной изоляции (Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская, 1991).

Другая интересная особенность рассматриваемых групп связана с характером их контактирования с другими группами и отдельными внешними по отношению к ним лицами. Описывая ситуацию «экспедиции посещения», связанную с взаимодействием двух экспериментальных экипажей, один из которых проходил 120-суточное испытание в замкнутой среде, а другой навещал его, М. А. Новиков указывает на развитие у членов основного экипажа отрицательных эмоций, вызванных присутствием гостей. «Подобные реакции, – пишет автор, – можно наблюдать практически всегда, когда речь идет о сформировавшейся и длительно действующей

шей автономной группе. Присоединение новых людей воспринимается как инвазия, т. е. вторжение и разрушение сформировавшейся в группе коммуникативной сети, объединяющей и превращающей ее в некий «синтетический сверхорганизм» (1981, с. 209).

Последняя из выделенных на основе анализа литературных данных (Harrison, Connors, 1984) достаточно ярких особенностей жизнедеятельности групп в «экзотической» среде – развитие в них социальных давлений, направленных на поддержание групповых норм, достижение общих целей и координацию действий отдельных членов группы. Считается, что любые девиантные и инновационные явления, развивающиеся в группе, ведут к ее дестабилизации. Поэтому жесткая социальная регуляция кажется вполне оправданной, учитывая специфику групповой среды, но вместе с тем она нередко осуществляется за счет блокирования творческих и эффективных решений, подавления критического начала. По-видимому, как отмечают Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская, должен существовать какой-то разумный баланс между поведением, строго соответствующим групповым стандартам, и поведением, от них не зависимым (1991, с. 125). Однако какие-либо конкретные соображения на этот счет в литературе отсутствуют.

Как можно заключить из приведенных материалов, среда обитания малой социальной группы является важным составным элементом анализа группового процесса. Нельзя дать адекватную интерпретацию поведения отдельных индивидов и группы в целом, не принимая во внимание конкретные условия «пространства» его реализации. Во всяком случае, подлинно системное рассмотрение малой группы требует учета широкого спектра детерминант, и среди них экологической переменной отводится далеко не последнее место. Разумеется, исследованиям обсуждаемого аспекта групповой динамики может быть предъявлено немало претензий ввиду их недостаточного теоретического обеспечения (хотя было бы неверно говорить об отсутствии к нему интереса со стороны специалистов, о чем мы уже упоминали) и заметного эмпиризма, затрудняющего классификацию выполненных работ. Не следует, однако, забывать, что речь идет об одной из самых молодых областей психологии малых групп, существование которой выпадает из поля зрения подчас даже авторов крупных исследовательских подходов (в том числе, к сожалению, и отечественных).

Глоссарий

Аутокинетический эффект – явление движения светового пятна в абсолютно затемненном помещении. Основывается на естественной иллюзии, обусловленной отсутствием сравнительной системы координат, приводящим к поиску новой. Использовалось в экспериментах по изучению особенностей формирования и проявления групповых норм.

Внушаемость – некритическое согласие с мнением авторитетного большинства группы, выражающееся в принятии навязываемых оценок и мнений, осознании их как единственно верных.

Групповая поляризация – особенность процесса принятия группового решения, проявляющаяся в углублении разногласий между сформировавшимися полярными группировками.

Конформность – особенность поведения членов группы, проявляющаяся в подчинении воздействию, исходящему от группового большинства, во избежание потенциального конфликта с ним. На уровне отдельного члена группы проявляется во внешнем согласии с мнением группового большинства при внутреннем разногласии с ним.

Негативизм – внешнее выражение несогласия с мнением группового большинства во имя самоутверждения как полностью независимого и автономного человека. Причем это несогласие демонстрируется и в тех случаях, когда имеется внутреннее согласие с мнением группового большинства.

Нонконформность – склонность к отстаиванию собственной позиции вне зависимости от ее совпадения с мнением группового большинства.

Социальное влияние – изменения в представлениях, установках, мнениях и оценках членов группы в результате воздействий других членов группы.

Вопросы для обсуждения

1. Назовите основные структурные компоненты малой группы и дайте их характеристик.
2. Какие динамические модели групповой структуры Вам известны и в чем их принципиальные отличия?
3. Что обозначают понятия «ингруппа» и «аутгруппа»? В рамках какого направления исследований они наиболее полно изучены?
4. В чем выражается нормативное влияние группового большинства? В чем оно проявляется?
5. Чем характерно влияние группового меньшинства? Какие процессы в группе оно стимулирует?
6. Какие теоретические подходы существуют к исследованию феномена групповой сплоченности?

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
3. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Н. Сухов, А. А. Бодалев, В. Н. Казанцев и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
4. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Основной источник

Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.

Феномены управления групповым процессом

До сих пор предметом рассмотрения являлась феноменология группового процесса. развертывание последнего требует немалых усилий по его организации, поддержанию целевой направленности, координации индивидуальных действий и т. п. – словом, нуждается в эффективном управлении. Возникает вопрос относительно средств подобного управления. В данном случае речь идет не о методических приемах управления, а о его феноменологических характеристиках, имеющих социально-психологическое содержание, относящихся к малой группе – лидерство в малой группе и руководство ею.

Учитывая чрезвычайную популярность названных выше феноменов, вследствие чего они не раз становились предметом серьезного сопоставительного анализа в работах отечественных (Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская, 1991; 2001) и зарубежных (М. Хьюстон, 2004) авторов. Перейдем непосредственно к изложению соответствующих исследовательских данных.

Феномен лидерства

Феномен лидерства давно привлекает внимание социальных психологов. Сам факт, что люди следуют за каким-либо человеком, делегируя ему право принимать решения и организовывать совместную деятельность, ставит ряд вопросов, требующих нахождения обоснованных ответов: Почему? Благодаря чему? На каком основании? Посредством каких механизмов? Нахождение ответов на эти и многие другие вопросы стимулировало многочисленные попытки выстраивания различных теоретических моделей, а также эмпирически выявленных факторов, определяющих выдвижение человека на позицию лидера.

Понятие лидерства. Прежде чем переходить к существующим концепциям лидерства, необходимо определить само понятие. Одним из наиболее распространенных в отечественной психологии является определение, предложенное В. П. Позняковым – «Лидерство в малой группе – это феномен воздействия и влияния индивида на мнения, оценки отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов» (Социальная психология, 2002, с. 216). В западной социальной психологии лидерство определяется как «признаваемое окружением обладание способностью оказывать позитивное мотивирующее влияние на мысли, чувства и действия членов группы, соответствующее групповым целям» (Manstead, Hewstone, 1999, с. 358). F. Smith отмечает, что ключевым словом этого определения должно являться «влияние», соответствующее групповым целям. Такое определение акцентирует внимание на социальном и поведенческом аспектах, не придавая существенного значения позиции, занимаемой конкретным человеком в структуре межличностных взаимоотношений в группе. Здесь подчеркиваются качественные характеристики личности, связанные с особенностями ее взаимоотношений с членами группы, их мыслями, и действиями и их оценкой окружающими. Статусные же характеристики, такие, как должность, звание и прочее, либо способствуют, либо препятствуют проявлению этих качеств. Еще одной существенной особенностью этого

определения является акцентирование на аспекте признаваемости окружающими. В современной социальной психологии четко дифференцируются наличие соответствующих способностей и субъективное признание их наличия. В обыденной реальности это проявляется в том, что человек может и обладать соответствующим лидерским потенциалом, но не будучи признанным окружением он не добьется актуализации этого потенциала. И, наоборот, не обладая оптимальным набором личностных качеств, быть признанным лидером. Таким образом налицо момент социальной конструируемости лидерства. Именно поэтому особую роль приобретает процесс формирования «имиджа».

Нельзя смешивать понятия «лидер» и «лидерство». Люди, определяемые или известные как «лидеры», обладают значительно большим позитивным влиянием по сравнению с обычными членами группы, хотя такие же личностные качества могут присутствовать в разной степени и у остальных членов группы. Сам же процесс выдвижения человека на позицию лидера способствует: во-первых, «усилению» этих качеств; во-вторых, приданию большей авторитетности осуществляемому лидером влиянию на членов группы, точно так же, как потеря авторитетности лидером приводит к усилению субъективной выраженности недостатков.

Необходимо отличать лидерство от подчиняющей власти. Лидерство предполагает отношение власти и подчинения, но индивиды, основывающиеся на принуждении как основе власти, не рассматриваются как лидеры, теряя возможность неформального признания и поддержки. Поэтому лидерство не ассоциируется с диктатурой или тиранией. Именно поэтому различного рода диктатуры в основном держатся на страхе и быстро теряют авторитет при крушении режимов, примером чему являются недавние события в Ираке, когда конформная демонстрация лояльности президенту Хусейну при власти сменилась абсолютным его забвением после свержения режима.

Лидерство как явление, основанное на социально-психологических механизмах, следует отличать и от руководства, в основе которого лежит использование экономических, организационных и командно-административных методов воздействия (Б. Д. Парыгин). Это отличие выражается в том, что «основными признаками лидерства являются: более высокая активность и инициативность индивида при решении группой совместных задач, большая информированность о решаемой задаче, членах группы и ситуации в целом, более выраженная способность оказывать влияние на других членов группы, большее соответствие поведения социальным установкам, ценностям и нормам, принятым в данной группе, большая выраженность личных качеств, эталонных для данной группы» (В. П. Позняков, 2002, с. 217).

Функции лидерства. Рассмотрение феномена лидерства предполагает определение в его функциях. В. П. Позняков называет следующие основные функции лидера: *организация совместной жизнедеятельности в различных ее сферах, выработка и поддержание групповых норм, внешнее представительство группы во взаимоотношениях с другими группами, принятие ответственности за результаты групповой деятельности, установление и поддержание благоприятных социально-психологических отношений в группе* (там же).

Типы лидерства. Проблема типологии лидерства имеет длительную историю. Разными авторами предлагались различные подходы и критерии (Г. М. Андреева, Я. Л. Коломинский, А. В. Петровский, Л. И. Уманский и др.) В.П. Позняков в соответствии с выделением двух основных сфер жизнедеятельности малой группы: деловой, связанной с осуществлением совместной деятельности и решением групповых задач, и эмоциональной, связанной с процессом общения и развития психологических отношений между членами группы, предлагает выделение двух основных видов лидерства: лидерство в деловой сфере (иногда его «инструментальное лидерство») и лидерство в эмоциональной сфере («экспрессивное лидерство»). Эти два вида лидерства могут быть персонифицированы в одном лице, но чаще они распределяются между разными членами группы. В зависимости от степени выраженности направленности на ту или иную сферу жизнедеятельности группы можно выделить типы лидеров, ориентированных на решение групповых задач; лидеров, ориентированных на общение и взаимоотношения в группе; и универсальных лидеров. Внутри каждой из сфер групповой жизнедеятельности могут быть выделены более дифференцированные роли: лидер–организатор, лидер–специалист, лидер–мотиватор, лидер–генератор эмоционального настроения и т. д. (там же).

Рассмотрим основные теоретические подходы к феномену лидерства.

Теоретические подходы к лидерству.

Эволюция теоретических подходов к лидерству во многом определялась развитием психологического знания. Пережив в свое время персонцентризм, выразившийся в теории черт, пройдя через ситуационизм (ситуативная теория лидерства), компромисс был найден в виде так называемой синтетической теории лидерства (F. Fiedler и др.). В рамках последнего феномен лидерства рассматривается как определяющийся взаимодействием ряда переменных, основными из которых являются: психологические характеристики личности самого лидера, социально-психологические характеристики членов малой группы, особенности ситуации, в которой находится группа, и характер решаемых задач. Для большего понимания сути проблемы есть смысл остановиться на каждом из названных подходов более подробно.

Подход теории черт. Он является хронологически первым, отталкиваясь от Фрейдовского понимания харизматического лидера. Само понятие «харизма», или «богоданность», исходит из посылки о наличии у лидера неких исключительных качеств, выделяющих его из окружающих других и определяющих делегирование ему властных полномочий. По Фрейду, лидер–харизматик осознает свою «исключительность» по отношению к окружающим и несет свой «терновый венок», одаривая их своим снисхождением.

Более рациональная подоплека данного подхода заключается в очевидном, на первый взгляд, выводе о том, что если человеку доверяют власть, значит он обладает некоторыми личностными качествами, отличающими его от других членов группы. Вопрос заключается в определении того, благодаря каким именно каче-

ствам происходит это выделение. В 1950-е годы предпринимаются многочисленные попытки нахождения такого рода личностных характеристик (личностных черт), отличающих лидеров от нелидеров. В качестве точки отсчета выступало интуитивное предположение о том, что лидерство коррелирует с такими чертами личности как интеллект, маскулинность, доминантность, экстраверсия, консерватизм (Lord, DeVader, Alliger, 1986). Однако результаты исследований оказались обескураживающими – практически никаких значимых корреляций установлено не было. В частности, R. Stogdill (1974), проведя комплексный обзор исследований в области лидерства, показал, что изучение личностных качеств лидеров дает противоречивые результаты. К числу наиболее часто упоминаемых исследователями *личных качеств эффективных лидеров* относятся: интеллект, стремление к знаниям, доминантность, уверенность в себе, эмоциональная уравновешенность, стрессоустойчивость, креативность, стремление к достижению, предприимчивость, надежность, ответственность, независимость, общительность (Р. Л. Кричевский, 1996). Однако, как показывают другие исследования, взаимосвязь между степенью выраженности отдельных качеств и эффективностью лидерства носит неоднозначный характер, в разных ситуациях эффективные лидеры обнаруживают разные качества. В результате анализа Stogdill сделал вывод о том, что не существует такого набора личных качеств, который присутствует у всех эффективных лидеров, и что структура личных качеств лидера должна соотноситься с личными качествами членов группы, характером групповой деятельности и решаемыми задачами.

P. Smith отмечает в этой связи, что в такого рода исследованиях обычно проявляется ошибка номинальности, заключающаяся в предположении о том, что люди, занимающие позицию лидера, являются исключительно источниками позитивных влияний. В реальной же жизни лидеры могут и игнорироваться, и быть объектами манипуляции, и многое другое, что приводит к тому, что их личностные качества носят скорее эпифеноменальный нежели каузальный характер (Manstead, Hewstone, 1999, с. 359). Lord, DeVader и Alliger (1986) показывают роль имплицитных теорий лидерства, формируемых социокультурными условиями, и выступающих в качестве своеобразных шаблонов объяснения феномена лидерства личностными чертами в случае поддержки лидера. Это вполне согласуется с особенностями атрибутирования, проявляющимися в склонности людей связывать ответственность за поведение именно с чертами личности в ущерб ситуативным факторам, выражающейся в фундаментальной ошибке атрибуции. Второе замечание Smith касается вопроса низкой чувствительности исследований личностных черт лидеров к вариативности фактора эффективности лидерства в различных ситуативных контекстах или роли последователей в избрании и оценке лидера (Manstead, Hewstone, 1999, с. 359).

Поведенческий подход. На протяжении 1950-1960-х годов большое количество исследований было проведено в поисках поведенческих особенностей лидеров. Интуитивно предполагалось, что феномен лидерства связан с особенностями поведения или стилем поведения. В рамках этого подхода осуществлялись многочисленные исследования стилей лидерства и разработаны их классификации. Наибольшую известность получили классификации стилей лидерства К. Левина, описавшего и исследовавшего *автократический, демократический и либеральный* стили лидерства, и Р. Лайкерта, выделившего стиль лидерства, *ориентированный*

на задачу, и стиль лидерства, *ориентированный на человека*. Был разработан ряд опросников и других инструментов для измерения особенностей восприятия поведения лидера лидером и его последователями, которые, в свою очередь, соотносились с измерениями группового восприятия, аттитюдами и исполнением. Примером такого рода опросника является Опросник описания поведения лидера (LBDQ), выявляющий мнения людей в отношении частоты проявлений лидером определенных типов поведения и их связи с удовлетворенностью работой, групповой продуктивностью, одобрением лидера и т. п. В результате такого рода исследований было разработано огромное количество биполярных моделей, основанных на идее континуума стилей лидерства, варьирующегося между антагонистическими полюсами – автократическим и демократическим, директивным и партиципативным и т.п. Вне зависимости от различий в названиях предлагаемых моделей и теорий общей их особенностью является концентрация на различиях между «фокусированными на последователях» или поведением, направленном на сохранении группы, с одной стороны, и «ориентированными на задачу» или поведением, ориентированное на достижение групповых целей.

Если биполярные модели в основном ориентированы на выявление стилевых особенностей, то другие – на выявление «независимых измерений» лидерства, проявляющихся в различных. Исследования стиля лидерства эксплицитно показали социально-поведенческую природу лидерства. Эти же исследования свидетельствуют об отсутствии однозначной связи между характеристиками стиля лидерства и его эффективностью.

Ситуационный подход. Разочарование в нахождении личностных и стилевых детерминант лидерства стимулировало развитие исследований ситуативных факторов. Сторонники *ситуационного подхода* (Ф. Фидлер, В. Bass, Т. Mitchell и Р. Nauth) пришли к выводу, что эффективность лидерства определяется соответствием качеств лидера и особенностей его поведения ситуации, в которой находится группа (характеру решаемой задачи, сложившимся условиям: степени благоприятности отношений лидера с членами группы, величине реальной власти, которой обладает лидер в группе). Ф. Фидлер обнаружил интересную закономерность: стиль лидерства, ориентированный на задачу, чаще эффективен в наиболее и наименее благоприятных ситуациях, а стиль, ориентированный на человека, – в умеренно благоприятных условиях. Наконец, в рамках функционального подхода лидерство понимается как функция группы, т. е. явление, порожаемое особенностями групповой активности и характеристиками группы в целом. В. Bass (1990), например, установил, что автократическое лидерство более эффективно в авторитарном окружении, партиципативное же лидерство более успешно в ситуации, когда требуется принятие решения последователями и когда имеется время для его согласования; лидерство, ориентированное на задачу является более эффективным, когда обстоятельства, влияющие на принятие решения лидером о выполнимости задачи, являются благоприятными или неблагоприятными; наконец отношения между рассмотрением и инициацией структуры, с одной стороны, и удовлетворенностью и продуктивностью последователей, с другой стороны, зависят от потребности подчиненных в информации, уровня работы и ожиданий в отношении поведения лидера среди других.

Теории непредвиденных обстоятельств. Приведенные теоретические подходы показывают, что по отношению к лидерству очень велика роль непредвиденных обстоятельств, причем последние могут быть очень сложными. Как отмечает F. Smith, «на сегодняшний день ни одна из существующих теоретических моделей не обладает возможностью абсолютно точного определения того, какие элементы ситуации могут оказать решающее влияние на эффективность лидерства или при каких условиях оно может обладать наибольшим влиянием» (1999, с. 360). Ф. Фидлер с коллегами выделяют три фактора, определяющих способность лидера влиять на подчиненных: структура задачи, взаимоотношения лидер – члены группы и влияние позиции лидера.

Vroom и Jago (1988) разработали модель стиля эффективного лидерства для ситуаций быстрого принятия решений в зависимости от степени реальности получения «положительного» результата и необходимости их принятия подчиненными. Они определяют континуум стилей, ранжирующихся от авторитарического, через консультативный до полностью группового принятия решения и предписывают ряд вопросов о требованиях к задаче, определяющих наиболее пригодный стиль поведения в той или иной ситуации.

Третья модель, ассоциируемая в основном с работами R. House и A. Mitchell (1974), определяет условия, при которых различные стили лидерства проявляют подчиненным связи между исполнением и поощрением, исходя из идеи о том, что чем яснее эта связь, тем выше мотивация. Определение большей пригодности директивного или партисипативного стиля лидерства по отношению к подчиненным осуществляется на основании оценки их личностных качеств и определенности задачи.

Основной вывод, вытекающий из этих и многих других моделей подобного рода заключается в том, что лидер должен быть подготовлен к возможным изменениям в обстоятельствах и риску потери контроля над ними. Тем не менее такого рода знание совсем не означает подчинения обстоятельства или подчинение ожиданиям.

Интегративная модель предложена F. Smith и A. Frieze (1987), предположившими в качестве фундаментальной детерминанты избрания лидера, исполнения и оценки соответствие особенностям группового членства. Они исходят из часто игнорируемого вывода о том, что ни группа, ни организация не являются чем-то обособленным. Все они являются частью сравнительного межгруппового окружения, по отношению к которому Тэджфелом и Тарнером (Tajfel, Turner, 1979) было введено понятие межличностно-межгруппового континуума, описывающего эффекты вариаций психологической значимости группового членства. На межличностном полюсе взаимодействия между членами группы полностью детерминируются личностными качествами, на межгрупповом полюсе – групповым членством.

Переход между состояниями акцентируется и смягчается межгрупповым сравнением, влияющим практически на любой аспект социального поведения. В более общем плане такие групповые факторы, как соревнование, дискриминация, потеря группового статуса и т. п., побуждают людей рассматривать себя и других в понятиях качеств и свойств, соотносимых с группой, и в меньшей степени в понятиях личных интересов. Таким образом, имеет место своеобразная деперсонализация.

Когда статус группы низок, выбор лидера и оценка его действий основываются на личной проверке и с точки зрения личного благополучия (например, статуса, поощрения, признания) в группе или организации. Предполагается, что лидер будет уделять особое внимание оценке «лояльности» и активности по сохранению группы. Как утверждает F. Smith, эта модель может быть расширена при условии признания того, что такого рода активность будет носить транзакционный характер (как направленность на оптимизацию личных отношений и условий принадлежности или система поощрения исполнения) или трансформационный характер (как двустороннее или многостороннее руководство, личностное и профессиональное развитие). Оба эти аспекта связаны с внутренним управлением группой.

Когда статус группы высок, процесс деперсонализации переориентирует внимание с личных интересов на групповые. В случае осознания членами группы необходимости соблюдения групповых правил и интуитивных представлений о том, как можно способствовать их развитию, доминирующее влияние начинают играть выбор и оценки лидера. Предполагается, что действия лидера находятся в полном соответствии с достижением стратегических целей группы.

Представленные теоретические модели, конечно же, не отражают всего спектра существующих, но дают достаточно полное представление о существующих подходах и решениях.

Руководство малой группой

В отличие от лидерства руководство представляет собой, если так можно выразиться, сугубо управленческий феномен. По этой причине дальнейшее наше изложение сосредоточивается непосредственно на различных аспектах феноменологии руководства.

Руководство и лидерство. Проблема соотношения этих феноменов в литературе пока носит постановочный характер, нежели исследуется реально. В то же время обращение к этому вопросу подразумевает не только решение интересной научной задачи, но и предполагает получение ответа сугубо прикладного характера. Действительно, если посредством лидерства упорядочивается система неформальных отношений, а руководство выступает в качестве фактора организации официальной структуры, каково в таком случае оптимальное сочетание указанных феноменов для успешного функционирования группы? Иными словами, как должны соотноситься между собой действия руководителя и лидера, необходимо ли руководителю реализовывать все возможные (или хотя бы основные) лидерские роли или достаточно довольствоваться какой-то одной (но какой именно?) из них и т. п.? Вопросы подобного рода можно, конечно, множить. Гораздо сложнее дело обстоит с нахождением ответов на них, причиной чему является почти полное отсутствие необходимых эмпирических данных.

В исследованиях, проведенных под руководством Р. Л. Кричевского, подверглась сомнению традиционная точка зрения, согласно которой коллектив функционирует эффективнее, если его руководитель является одновременно и лидером (так сказать, лидером вообще), поскольку, учитывая сложный (системный) характер лидерства в первичном коллективе (Кричевский, Дубовская, 1991, с. 173–176),

необходимо еще уточнить, какую конкретно лидерскую роль реализует руководитель. Правильнее будет сказать, что важным условием эффективности коллектива является лидирование руководителя в ведущем типе групповой деятельности, выражающееся как в реализации им соответствующей лидерской роли, так и в достаточно высокой степени его лидерского потенциала применительно к этой роли.

Однако сформулированный выше вывод уместен далеко не для каждого первичного коллектива. Существует немало коллективов (трудовых и особенно военных, спортивных, учебно-воспитательных и т. п.), где в силу значительных различий между руководителем и подчиненными, связанных с возрастными и субординационными моментами, с особенностями пространственного расположения индивидов в ходе выполнения целевой функции коллектива (так, во многих ситуациях соревновательной спортивной деятельности тренер фактически находится вне «поля» непосредственного решения задачи), психологическое влияние, оказываемое руководителем на членов коллектива, выражается в том, что он выступает для них не лидером в обычном понимании этого термина (лидером является кто-то из партнеров «по горизонтали», как в спортивной команде или школьном классе), но скорее авторитетом или, лучше сказать, лидирующим авторитетом.

Руководство как системный феномен. Системный подход при всей его привлекательности содержит немало сложностей. Следует отметить, что его элементы к анализу феномена руководства имели место еще в знаменитых экспериментах со стилями руководства, выполненных более полувека назад в школе К. Левина (White, Lippit, 1968). В настоящее время трудно найти сколько-нибудь серьезную теоретическую схему руководства, лишенную признаков системности. По крайней мере, стремление к автономному рассмотрению тех или иных особенностей руководства (например, черт личности руководителя, взятых, так сказать, *per se*) наблюдается в последние годы все реже.

Одной из наиболее значительных попыток системной репрезентации руководства применительно к малой группе является «вероятностная модель эффективности руководства» Ф. Фидлера (Fiedler, 1978). Подход Ф. Фидлера пользуется достаточным признанием среди специалистов, он успешно апробирован в сотнях лабораторных и полевых исследований, проведенных во многих странах мира, прошел ряд специальных проверок на валидность.

Другая психологическая составляющая Фидлеровской модели – параметры ситуации, в которой действует руководитель. Таких параметров три: степень благоприятности отношений руководителя с подчиненными; величина позиции власти (влияния) руководителя в группе (имеются в виду его возможности в контроле за действиями подчиненных и использовании различных средств стимулирования их активности); структура групповой задачи. Совокупная количественная оценка (по специально разработанным шкалам) всех перечисленных выше параметров дает представление о величине осуществляемого руководителем «ситуационного контроля» (СК), т. е. степени владения им ситуацией функционирования группы.

Руководство как реализация обмена во внутригрупповом взаимодействии. Р подход с позиции теории обмена использовался по отношению ко многим феноменам. Попытка его реализации применительно к руководству была предпри-

нята Д. Греном с сотрудниками, разработавшими вертикальную диадическую модель обмена в организационном лидерстве (т. е. фактически – руководстве), базирующуюся на большом количестве материалов полевых исследований. Авторы модели делают акцент на изучении внутрисиадных отношений в системе «руководитель – подчиненный», на анализе обмена между руководителем и конкретным подчиненным (в качестве последнего нередко берется руководитель более, низкого ранга). Понятие «обмен» используется в данном подходе в общепринятом, обиходном, смысле, как взаимная передача членами диады друг другу чего-либо (например, значимой для них информации, каких-то идей и т. п.).

Предполагается, что отношения в диаде носят дифференцированный характер и зависят от того: а) насколько компетентны и квалифицированы подчиненные; б) в какой степени им можно доверять (особенно когда отсутствует непосредственный контроль со стороны руководителя); в) готовности взять на себя ответственность в решении вопросов, касающихся организации. Подчиненные с высокой степенью проявления названных выше особенностей (так называемые «ин-групповые» члены) относятся к числу предпочитаемых руководителем. Напротив, у подчиненных, склонных к рутинным и менее ответственным действиям (так называемые «аут-групповые» члены), отношения с руководителем носят характер более формального служебного обмена.

Разработанный Д. Греном с сотрудниками подход относится специалистами к категории сложившихся направлений исследования руководства и пользуется достаточно высокой научной репутацией, хотя он не лишен ряда недостатков. Р. Л. Кричевский (1991) относит к ним, например, ограниченность анализа обмена исключительно диадным уровнем отношений, тогда как в действительности мы сталкиваемся с гораздо более сложными его проявлениями. Кроме того, в обсуждаемом подходе отсутствует четкое выделение социального «поля» обмена, поскольку вряд ли оно ограничивается исключительно рамками диады. Да и сам обмен носит довольно-таки «усеченный» характер, во всяком случае, из описания «вертикальной диадической модели» трудно выяснить, каковы конкретные последствия обмена лично для руководителя.

Руководство как когнитивный феномен. Последним из рассматриваемых здесь аспектов проблематики руководства – а именно его когнитивный план – лишь недавно привлек к себе внимание специалистов, что явилось отражением довольно влиятельных исследовательских тенденций, наблюдаемых в современной социальной психологии, во многом стимулированных общепсихологическими разработками в области когнитивных процессов. Конкретно речь в данном случае идет, прежде всего, о приложении идей, рожденных в связи с изучением явления каузальной атрибуции, к анализу феномена руководства. Следствием такого рода работы явилась, в частности, предложенная S. Green и T. Mitchell (1979) атрибутивная модель руководства, включающая два основных звена: а) поведение подчиненного – атрибуция руководителя; б) атрибуция руководителя – поведение руководителя. Содержательно модель представляет собой набор гипотез, сформулированных исследователями по поводу возможных атрибутированных и поведенческих акций, совершаемых руководителем в ходе его взаимодействия с группой, в своих главных чертах сводится к следующему.

В модели на основе предварительного анализа литературных данных выделяются два основных измерения каузальных атрибуций, опосредствующих отношение руководителя к подчиненным, – локус контроля и стабильность. Локус контроля определяет направленность действий руководителя: предположительно либо на подчиненного (если, по мнению руководителя, решение задачи зависит от так называемых внутренних причин, например способностей, знаний членов группы), либо на ситуационные факторы (если, по мнению руководителя, решение задачи обусловлено так называемыми внешними причинами, например ее сложностью). Стабильность атрибуций влияет как на оценку руководителем текущих действий подчиненного, так и во многом обуславливает его ожидания относительно будущего поведения членов группы.

Решающим фактором атрибутирования и последующего поведения руководителя являются отношения, складывающиеся между ним и подчиненным. В частности, предполагается, что чем более эмпатичен руководитель в общении с подчиненным, чем сильнее воспринимает его как похожего на себя, проявляет к нему уважение и симпатию, тем вероятнее формирование у руководителя позитивных каузальных атрибуций относительно подчиненного (например, приписывание успеха внутренним причинам, а неудачи – внешним). Согласно другой гипотезе, чем значительнее (в силу, например, занимаемых социальных позиций) дистанция между руководителем и подчиненным, тем вероятнее, что его атрибуции о действии подчиненного будут носить неблагоприятный характер для последнего. В соответствии с еще одним прогностическим следствием модели, позитивные атрибуции будут усиливать вознаграждающее и редуцировать карающее поведение руководителя, тогда как негативное атрибутирование будет иметь результатом противоположное по своему характеру поведение руководителя.

В модели выделяются и некоторые другие факторы, обуславливающие своеобразие как атрибутирования руководителя, так и предпринимаемых им действий. В частности, одно из положений, сформулированных S. Green и T. Mitchell, гласит, что атрибуции руководителя детерминированы степенью совпадения его ожиданий относительно действий подчиненного с их реальной актуализацией. В связи с этим предполагается, что соответствие действий подчиненного ожиданиям руководителя повлечет со стороны последнего интерпретацию подгибных действий как вызванных внутренними причинами (например, усилиями подчиненного), а несоответствие – обусловит приписывание им причин внешнего характера (например, везения).

Представленная модель не единственная попытка реализации когнитивного подхода в анализе руководства. В большинстве своем эти исследования, будучи связаны с выяснением того, как индивидуумы воспринимают и оценивают действия руководителя, подвергая их причинной интерпретации, составляют основу сформулированной R. Lord и B. Alliger (1985) теории переработки социальной информации применительно к руководству.

Главное достоинство упомянутой теории состоит в выделении ее создателями факторов, влияющих на восприятие и интерпретацию наблюдателем (им может быть, в частности, подчиненный) поведения руководителя. К их числу отне-

сены: 1) частота руководящих действий наблюдаемого субъекта в групповой ситуации (пожалуй, наиболее сильный детерминирующий фактор; 2) соответствие наблюдаемого поведения неким гипотетическим категориальным признакам, присутствующим в сознании наблюдателя (например, категории «руководитель») в форме «прототипа»; 3) социальные нормы, вырабатываемые относительно поведения руководителя в конкретных ситуациях и репрезентированные наблюдателю в виде особых «перцептивных формул»; 4) степень совпадения ожидаемых действий руководителя с требованиями, проистекающими от характеристик решаемой им задачи.

В заключение упомянем еще одну модель руководства, разработанную А. Ashour (1982), в которой феномен руководства берется не как чисто когнитивное образование, а как сложная когнитивно-поведенческая структура, характеризующая взаимодействие руководителя и подчиненных.

Групповое принятие решения

Групповое решение является одним из системных признаков малой группы, как отмечают Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская, «своеобразным атрибутом последней как «совокупного субъекта. И аналогично любому другому групповому феномену оно может быть подвергнуто в целях более детального рассмотрения специальному членению на отдельные составляющие – компоненты единого развертывающегося во времени процесса. К числу таких компонентов, прежде всего, относится групповая задача» (1991, с. 152).

Групповая задача. В ряду переменных процесса принятия группового решения задача занимает весьма существенное место: во многом она может быть квалифицирована как источник и объект этого процесса. М. Шоу (1981) выделяет следующие основные направления изучения групповых задач: 1) описание стандартных групповых задач; 2) построение типологий групповых задач; 3) димENSIONАЛЬНЫЙ анализ групповых задач, 4) выяснение влияния характеристик задачи на групповой процесс.

Под стандартными групповыми задачами понимаются задачи с четко установленными характеристиками, легко видоизменяемыми в целях исследования тех или иных аспектов группового поведения. В таких задачах описаны исходные условия, конечные продукты и определены действия, требуемые от членов группы для успешного достижения цели. По мнению R. В. Zajonc (1980), стандартная групповая задача должна позволить экспериментатору осуществлять точные и независимые измерения показателей индивидуальных и групповых действий, манипулировать условиями задачи, не меняя при этом ее сути, влиять на взаимозависимость членов группы, не затрагивая основных характеристик задачи, и т. д.

В социальной психологии представлено немало типологий управленческих задач. В самом элементарном выражении они классифицируют их на две взаимоисключающие категории: например, простые и сложные, или конъюнктивные (требующие кооперации усилий и координации действий) и дизъюнктивные (антитеза конъюнктивным).

D. Hackman и С. Morris (1983) разработали более сложную классификацию, включающую следующие типы групповых задач: 1) продукционные (их решение ведет к получению оригинальных, творческих продуктов, например, к генерированию новых идей); 2) дискуссионные (требуют от членов группы дискуссии по поводу конкретного вопроса и выработки согласованного решения); 3) проблемные (они требуют спецификации процесса, развертываемого с целью решения некоторой проблемы).

Наиболее развернутую – восьмивариантную – типологию групповых задач построил недавно D. McGrath, I. Altman, (1966), положивший в основу своей классификации представление о группе как системе, которая осуществляет четыре функции (причем реализация каждой из них сопряжена с выполнением двух типов соответствующих задач): 1) генерирует (имея дело соответственно с задачами порождения замыслов и выдвижения оригинальных идей); 2) выбирает (имея дело соответственно с задачами поиска правильного ответа и поиска предпочитаемого ответа); 3) решает (имея дело соответственно с задачами в области когнитивного конфликта и в ситуациях взаимодействия со смешанными мотивами); 4) выполняет (имея дело соответственно с задачами как соревновательными, состязательными, так и противоположного им свойства, в обоих случаях, однако, предполагающими физическое взаимодействие).

М. Шоу (1971) предложил выделить различные измерения или стороны, планы рассмотрения групповой задачи, т. е. представить ее как многомерное образование. Используя строгие вычислительные процедуры включая факторный анализ и опираясь на мнение компетентных экспертов, он получил следующие измерения групповой задачи: 1) трудность (величина усилия, требуемого для выполнения задачи); 2) множественность решения (сложное измерение, включающее набор возможных приемлемых решений, альтернативы выполнения задачи, степень верификации приемлемых решений); 3) внутренний интерес к задаче (степень, в которой задача сама по себе представляет интерес для членов группы, побуждая их активность); 4) требования кооперации (степень интеграции действий членов группы для выполнения задачи); 5) интеллектуально-манипулятивные требования (диапазон требований к решению задачи от чисто умственного до чисто двигательного характера); 6) популяционное знакомство (степень, в которой члены группы уже сталкивались с подобной задачей в жизни).

Этот анализ нашел практическую реализацию в «вероятностной модели эффективности руководства» Ф. Фидлера, одним из важнейших компонентов которой является так называемый ситуационный континуум, включающий позицию власти руководителя, его отношения с подчиненными, структуру групповой задачи. Последнее из указанных измерений характеризует групповую задачу со стороны четкости выдвинутой цели, путей и способов ее достижения, наличия множественности решений, возможности проверки правильности решения, причем каждое из этих измерений имеет количественное выражение.

Последний относящийся к обсуждаемой проблеме вопрос касается влияния характеристик задачи на групповой процесс. Эта зависимость выявлялась, в частности в сериях лабораторных экспериментов, выполненных в разное время D.

Hackman и С. Morris (1975), использовавшими три описанных выше типа групповых задач: *продукционные, дискуссионные и проблемные*. Аналогом эффективности группового поведения (группы состояли из трех испытуемых) служила его продуктивность, представленная такими параметрами, как ориентация на действие, оригинальность решения, оптимизм, включенность в дискуссию, продолжительность и качество решения. В результате было показано, что решение проблемных задач характеризовалось сильной ориентацией на действие, продукционных задач – значительным уровнем оригинальности выдвигаемых идей, а дискуссионных задач – высокой степенью включенности испытуемых в обсуждаемый вопрос. Кроме того, было установлено, что лидеры экспериментальных групп проявляли наибольшую активность в решении проблемных задач.

Влияние типа задачи, или формы организации (модели) совместной деятельности, на групповой процесс отчетливо обнаружено и в цикле исследований, проведенных Л. И. Уманским с сотрудниками в естественных группах (1980). Оказалось, например, что по мере организации совместной деятельности, т. е. при переходе ее от совместно индивидуальной модели к совместно взаимодействующей, возрастают положительные проявления межличностного общения, выражаемые позитивными речевыми реакциями партнеров.

Еще один интересующий нас аспект анализа обсуждаемого вопроса затрагивает зависимость группового процесса от гетерогенности – гомогенности групповых целей, причем гетерогенность последних в литературе принято связывать с ситуацией конкуренции, соперничества, а их гомогенность – с ситуацией кооперации, сотрудничества. Как отмечалось выше изучение кооперативного и конкурентного поведения во многом связано с усилиями М. Дойча и его сотрудников (Deutsch, 1973). В частности, ими было показано, что в условиях кооперации (гомогенные цели) сравнительно с конкурентной ситуацией (гетерогенные цели) члены группы более внимательны и дружелюбны друг к другу, чаще взаимодействуют между собой и координируют усилия по решению экспериментальной задачи, проявляют более сильное чувство долга по отношению к партнерам, высказывают большее удовлетворение группой и ее результатами.

Обращением к различным аспектам исследования групповой задачи анализ процесса принятия группового решения, естественно, не исчерпывается. Задача ставится перед группой для того, чтобы последняя ее решала. Поэтому решение групповой задачи (имея в виду, прежде всего, когнитивные и мотивационные его компоненты) можно рассматривать в качестве другой, наряду с самой задачей, важной составляющей процесса принятия группового решения. К обсуждению этой составляющей мы и переходим.

Феноменология решения групповой задачи. Решение групповой задачи можно представить в виде совокупности разнообразных феноменов, которыми репрезентируется этот процесс. Отдельные из них приводятся ниже. Традиционно первым из них рассматривается феномен *социальной фасилитации* – именно его изучением в конце XIX столетия Н. Триплет положил начало экспериментальной социальной психологии. В своих известных исследованиях влияния присутствия зрителей на активность спортсменов-велосипедистов он выявил условия, способ-

ствующие достижению рекордных результатов и снижающие их. Правда, сам термин «социальная фасилитация» был введен значительно позднее Ф. Олпортом (Allport, 1954). Феномен социальной фасилитации характеризует собой *влияние, оказываемое на действие индивидуума присутствием других лиц*. Причем последние могут выступать как в роли пассивных зрителей (публичный эффект влияния), так и в роли самих участников решения задачи, работающих, правда, строго индивидуально (коакционный эффект влияния). Говоря о социальной фасилитации, современные авторы (Manstead, Hewstone, 1996) имеют в виду определенные последствия, вызываемые просто присутствием других людей, безотносительно к степени их активности. В частности, присутствие других людей будет оказывать стимулирующее воздействие на качество исполнения деятельности при следующих условиях:

- относительной простоте выполняемых задач, не требующих высоко развитых умений и навыков;
- субъективной значимости выполнения деятельности;
- субъективной значимости самих зрителей и их способности оценить качество исполнения деятельности.

При рассмотрении группового решения задачи исследователи нередко касаются вопроса о соотношении, эффективности индивидуальных и групповых действий. В целом этот вопрос, имеющий довольно широкое освещение в психологической литературе (Shaw, 1981), в силу своей «пограничной» специфики, выходит за рамки настоящего обсуждения. Однако мы хотели бы обратить внимание на следующий существенный в плане решения групповой задачи момент. Хотя, по данным содержательного обзора G. Hill (1982), групповое действие, как правило, качественно и количественно превосходит действие среднего индивида, оно, о чем также свидетельствуют материалы обзора, нередко уступает в эффективности действию незаурядной личности, в особенности когда группа, укомплектованная малоспособными людьми, сталкивается со сложной проблемой. Применительно к выработке продуктивных групповых решений сказанное означает необходимость специального подбора членов группы, исходя из соответствующих их профессиональных характеристик. Как отмечают в этой связи Г. Келли и Д. Тибо (1969), для успеха группы в ней должен обязательно находиться субъект, превосходящий своих партнеров в изобретательности и компетентности и, что существенно, обладающий способностью к лидерству.

Лидер может оказывать сильное влияние на процесс выработки группового решения, делая его более рискованным, нежели решения отдельных членов группы. Это явление получило название «феномен сдвига риска», под которым понимается *выраженная тенденция группового принятия к принятию более рискованных решений по сравнению с индивидуально принимаемыми решениями*. Как отмечают Р. Л. Кричевский и Е. М. Дубовская, «демонстрируемый огромным числом исследований сдвиг в направлении выбора индивидуумом более рискованного решения выступает как результат внутригруппового взаимодействия и сопутствующей ему дискуссии, т. е. как продукт собственно группового процесса, фрагменты которого, как правило, моделируются в лабораторном эксперименте» (1991, с. 159).

В отношении возникновения феномена сдвига риска было предложено три взаимодополняющие гипотезы: диффузии ответственности, лидерства и риска как ценности.

Согласно первой из гипотез, групповая дискуссия порождает эмоциональные контакты между членами группы и может привести к тому, что индивидум будет испытывать меньшую ответственность за рискованные решения, поскольку они вырабатываются всей группой. Следовательно, если предполагаемые рискованные «шаги» потерпят неудачу, индивидум будет ответствен не один – ответственность распространится на всех членов группы.

Гипотеза лидерства фокусируется на свойствах членов группы, воспринимаемых ею в качестве лидеров. Предполагается, что люди первоначально, т. е. до дискуссии, более склонные к выбору рискованных решений, стремятся также к большему господству и влиянию в групповой дискуссии. Такие люди, как правило, являются лидерами. Поэтому окончательная степень группового риска может быть результатом влияния лидера группы.

Наконец, гипотеза риска как ценности основывается на идее социальной значимости, престижности риска в условиях жизни современного экономически развитого общества, вследствие чего в групповой ситуации большинство людей должно стремиться к принятию более рискованных решений, чтобы таким путем повысить свой статус в группе. Это, в частности, касается осторожных индивидов. В ходе групповой дискуссии они согласно гипотезе будут мотивированы изменять свои оценки в сторону большего риска с целью создать о себе представление как о людях, способных рисковать.

Основываясь на этих и ряде других аналогичных данных, D. Pruitt (1971) пришел к заключению, что вместо специфически ориентированного термина «сдвиг риска» целесообразнее использовать термины, имеющие более широкое звучание, такие, например, как «сдвиг выбора» или «сдвиг, вызванный влиянием группы». Однако предпочтение исследователей в данном случае оказалось на стороне другого термина – «групповая поляризация», обозначающего явление *возрастания экстремальности мнений (их экстремизация) в процессе принятия группового решения, в обычном понимании подразумевающего не что иное, как размежевание позиций членов группы*. Подчеркивается также разница между понятиями «поляризация» и «экстремизация»: поляризация означает сдвиг в направлении к уже избранному индивидумом полюсу, экстремизация предполагает движение в сторону от нейтральности в любом направлении. Поэтому можно сказать, что поляризация есть всегда и экстремизация, но не наоборот.

Феномен групповой поляризации тесно связан с феноменом сдвига риска, но вместе с тем не идентичен ему, отражая гораздо более общие закономерности группового принятия решений. Сдвиг риска выступает частным случаем групповой поляризации. Существует две группы объяснительных моделей эффекта поляризации. Согласно одним из них, поляризация вызывается аффективными (нормативными) процессами. Предполагается, что во многих жизненных обстоятельствах экстремальные мнения (или взгляды) являются социально желательным фактором. И чтобы избежать неблагоприятной социальной оценки, так называемые «средние» члены группы будут «сдвигать» свои суждения в направлении экстремальной по-

зиции. Что же касается моделей второй группы, то они содержат трактовку поляризации как результата действия когнитивных (информационных) процессов. С точки зрения основной заложенной в этих моделях идеи, поляризация возникает в условиях поиска членами группы убедительных аргументов в поддержку одной из имеющихся у них альтернатив. Причем наиболее успешно мнения членов поляризуются в ходе дискуссии в том случае, когда убедительные аргументы в пользу соответствующей альтернативы первоначально приходят в голову лишь нескольким субъектам. Будучи затем сообщены другим членам группы, эти аргументы вызывают заметный сдвиг во мнениях участников дискуссии.

В эмпирических исследованиях был выявлен ряд факторов, обуславливающих изменение уровня притязаний группы в процессе принятия группового решения. Так, определенную роль играет социальное окружение (наличие других групп), побуждающее данную группу либо повышать, либо понижать свой уровень притязаний. Еще одним фактором являются специфические мотивы групповой ориентации, влияющие на решения членов группы. А. Зандер (1979) называет два таких мотива: стремление к достижению группового успеха и стремление избежать последствий неудачи. Эти мотивы выражаются либо в предрасположенности активно участвовать в групповой деятельности и намерении успешно ее выполнить, либо в стремлении воздерживаться от групповой деятельности, поскольку ожидается, что она приведет к неудаче. Причем функционирование указанных мотивов до известной степени опосредствовано уровнем сплоченности группы, позицией индивидуума в группе, а также возможностью получения вознаграждений.

Выделяется ряд факторов, способствующих успешному ведению переговоров. Временной фактор, способный в ряде случаев (неопределенность момента окончания переговоров, предупреждение участников о скором их завершении, введение штрафных санкций за каждый раунд переговоров и т. д.) оказывать давление на противодействующие стороны, побуждая их идти на взаимные уступки. Последние имеют место также в ситуациях, обнаруживающих невозможность заключения сделки и завершения переговоров в виду того, что они заходят в тупик. Кроме того, весьма существенным условием успешного ведения переговоров является позитивность отношений их участников. В ходе решения экспериментальных игровых задач наилучшие результаты с точки зрения выработки итогового решения демонстрировали близкие друзья и благополучные супружеские пары, что объясняется наличием у них установок учитывать взаимные интересы. Наконец, важную роль в достижении согласия играет посредник: предполагается, что на предложение третьего лица легче согласиться и пойти на уступки.

К этой же группе относится открытый в 1970-е годы I. L. Janis (1972) феномен *группового мышления* (groupthink), определяемый как стиль мышления людей, которые полностью включены в единую группу; в этой группе стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий. Выделяются следующие признаки: 1) иллюзия неуязвимости, разделяемая большинством или всеми членами группы, следствием чего являются излишний оптимизм и тяга к чрезмерному риску; 2) коллективное стремление дать рациональное объяснение принимаемому решению, дабы отбросить любые возможные возражения; 3) безусловная вера в исповедуемые группой принципы поведения, побуждающие ее членов игнорировать моральные последствия принимаемых решений; 4)

стереотипные взгляды на соперников (другие группы) либо как обладающих слишком негативными чертами, чтобы вступать с ними в какие-то переговоры, либо как очень слабых или глупых, чтобы удержаться от соблазна воспрепятствовать достижению ими своих целей; 5) открытое давление на членов группы, выдвигающих аргументы против групповых стереотипов, требованием лояльности; 6) самоцензура членов группы, их готовностью минимизировать собственные сомнения и контраргументы, касающиеся групповых решений; 7) иллюзия единодушия относительно оценок, мнений, согласующихся с точкой зрения большинства; 8) появление самозванных охранителей группового духа – индивидуумов, которые защищают группу от неблагоприятной информации, способной нарушить испытываемое ими чувство удовлетворенности принимаемыми решениями (Janis, 1983).

Стиль группового мышления, с одной стороны, повышает единство группы и самоудовлетворенность ее членов, а с другой – снижает качество решений, приводит к тому, что групповые решения часто оказываются хуже индивидуальных. Несомненно также, что *groupthink* теснейшим образом связан с такими феноменами группового поведения, как конформность и сплоченность, и нередко имеет место в группах, функционирующих в кризисных стрессогенных ситуациях.

Еще одна модель предложена L. Hoffman и R. Stein (1983), предназначенная для описания динамики решения проблем малой группой. В рамках модели выделяется пять фаз принятия решения: 1) определение проблемы или постановка целей; 2) спецификация барьеров, которые предстоит преодолеть; 3) генерирование альтернативных решений; 4) оценка решений; 5) адаптация принятого решения. Эти фазы рассматриваются, однако, упомянутыми авторами автономно от обсуждавшихся выше феноменов решения групповой задачи и составляют особый исследовательский план, специальное обращение к которому выходит за рамки настоящей работы.

Рассматривая многообразные аспекты процесса группового функционирования, мы, с одной стороны, старались по возможности более полно представить феноменологическое богатство этого процесса, а с другой, раскрыть присущие ему сложные переплетения групповых и индивидуальных аспектов поведения. Как показал проведенный анализ, в качестве целостной системы малая группа всегда «вписана» в определенную среду: физическую, техническую, социальную. Экологические факторы обуславливают многие поведенческие эффекты индивидуального и группового характера, в ряде случаев (например, в экстремальных ситуациях) значительно обостряя их проявление и отражаясь, в конечном счете, на эффективности функционирования группы.

Глоссарий

Лидерство в малой группе – феномен воздействия и влияния индивида на мнения, оценки отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов.

Руководство – использование экономических, организационных и административных методов воздействия.

Вопросы для обсуждения

1. Что понимается под экологическим аспектом группового функционирования?
2. Какие базовые понятия характеризуют экологический аспект группового функционирования и почему?
3. В чем заключается личностный фактор группового функционирования?
4. Как представлены межличностные взаимоотношения в процессе группового функционирования?
5. Каковы основные феномены межличностных взаимоотношений в группе и в чем их специфика?
6. Что понимается под групповой задачей?
7. Какие особенности проявляются в процессе принятия групповых решений?
8. Как соотносятся личностные и групповые особенности в процессе принятия групповых решений?

Для дополнительного чтения

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1999.
3. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
4. Пайнс А., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб, Издательство «Питер», 2000.
5. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
6. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Н. Сухов, А. А. Бодалев, В. Н. Казанцев и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.

Основной источник

1. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.

ЧАСТЬ XII.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Феномен социального поведения и его особенностей, являющейся предметом рассмотрения данного раздела книги, является одной из наиболее сложных проблемных областей социальной психологии. Само понятие в большей степени связано с попыткой понять некоторые специфические формы поведения человека в обществе, связанные с оказанием безвозмездной помощи, посягательством на достоинство других людей, предубежденным отношением к ним. Эти формы поведения не могут быть выведены или объяснены в рамках какой-либо рациональной логики, так как в первом случае речь идет о действиях в той или иной степени затратных для себя, во втором – о действиях, приносящих вред себе и другим и подвергающихся социальному осуждению, в третьем – о предвзятом отношении к другим, незаметном для себя или находящем неочевидные для других оправдания. Тем не менее, они распространены, их результаты ощущаются на себе многими, наконец, оно не может быть выведено логически из внутренней природы самого человека и социальной природы человечества в силу своей противоречивости и необоснованности. Поэтому то оно и обозначается как социальное поведение в классическом его бихевиористском понимании – как то, что наблюдаемо и описываемо.

Но современная социальная психология не удовлетворяется констатацией внешне наблюдаемых особенностей, как и не ограничивается описанием и анализом ситуаций, в которых оно проявляется, а пытается понять их социальную, в том числе и личностную подоплеку, знание которой позволит найти и необходимые регуляторы. Начнем с поведения просоциального как наиболее гуманного, и в поощрении и развитии которого человечество заинтересовано в первую очередь.

Просоциальное поведение

Просоциальное поведение представляет собой очень широкое понятие, включающего в свое содержание действия, позитивно оцениваемые обществом. Все действия, направленные на оказание помощи другим людям явля-

ются формами просоциального поведения. I. G. Wispe (1972), один из виднейших исследователей в области просоциального поведения, определяет его как поведение, обладающее позитивными социальными последствиями и привносящее вклад в физическое и психологическое благополучие других людей. Блеквелловская энциклопедия социальной психологии определяет его как «позитивно оцениваемые межличностные действия, соответствующие культурным и социальным стандартам» (1996, с. 460). Объектом просоциального поведения опять-таки выступают не абстрактные организации или люди вообще, а конкретные люди, столкнувшиеся с различного рода проблемами (например, голодающие, неимущие, жертвы природных катаклизмов и т. п.). Близкими понятиями (но не синонимами) являются «помогающее поведение», «оказание поддержки», «альтруизм», «благотворительность», «сотрудничество», «дружба», «самопожертвование» и многое другое.

Главной целью данной главы является нахождение ответа на вопрос: почему люди бескорыстно помогают друг другу? Как и в предшествующих главах эта проблема рассматривается с позиции разных перспектив и подходов: биологического, персонологического, интеракционистского и теории социальных систем. Рассматриваются два важнейших для объяснения феномена просоциального поведения понятия: *эмпатия* и *социальная ответственность*. Описываемые теории дополняют друг друга и в комбинации могут быть использованы для прогнозирования просоциального поведения. Исследования оказания помощи показывают, что влияние ситуации на просоциальное поведение велико. Однако помимо ситуационных факторов необходимо учитывать индивидуальные различия, лежащие в основании альтруистической личности. И, наконец, обсуждаются психологические особенности принятия помощи.

Схема 31. Соотношение альтруизма, просоциального и помогающего поведения.

Приводится по Хьюстон, М., 2004, с. 278.

Термины «помогающее поведение», «просоциальное поведение» и «альтруизм» описывают взаимодействие между людьми, оказывающими помощь, и теми, кто ее принимает. При этом люди, оказывающие помощь, всегда чего-то лишаются (денег, времени, здоровья и т. п.), а принимающие помощь – всегда что-то приобретают, причем получаемое ими обычно дороже для них, чем затраченное первыми. «Помощь» – самое широкое из этих понятий. О «просоциальном поведении» говорят как о действии, направленном на улучшение положения принимающего помощь. Применение данного понятия ограничивается ситуациями, в которых субъект действия не мотивирован исполнением профессиональных обязанностей, а объектом помощи является люди сами по себе, а не организация. В определении «альтруизма» существует еще одно ограничивающее ситуацию условие, а именно: мотивация действий оказывающего помощь характеризуется принятием позиции другого и наличием эмпатии. Соотношение трех данных понятий проиллюстрировано на схеме 31. В целом, просоциальное поведение может явиться как результатом стремления к получению собственной выгоды (эгоистически мотивированное поведение), а также быть выгодным для других людей (альтруистически мотивированное поведение). По ходу рассмотрения вопроса мы будем использовать термин «просоциальное поведение», включая в его содержание как эгоистически, так и альтруистически мотивированное поведение. Термин «альтруистическое поведение» будет использоваться для подчеркивания альтруистической мотивации данного конкретного действия.

Примеры альтруистического поведения многогранны и многообразны: это может быть и помощь старушке, переходящей улицу, дача денег в займы, оказание первой медицинской помощи нуждающемуся человеку и другие альтруистические поступки. В фильме Стивена Спилберга «Список Шиндлера» показана реальная история драматического спасения из нацистской Германии германским промышленником Оскаром Шиндлером более тысячи евреев. Этот человек подвергался большому личному риску и жертвовал как своим временем, так и деньгами, чтобы помочь евреям бежать от нацистов. Разрушительнейшее цунами 2004-го года в Юго-Восточной Азии, унесшее десятки тысяч жизней, всколыхнуло людей всего мира, собравших сотни миллионов долларов безвозмездной помощи для пострадавших. Немало таких примеров и в нашей собственной истории. В осажденном Ленинграде полуголодные люди делились последним кусочком хлеба. Традиционным для нашей культуры является оказание помощи для погорельцев и других пострадавших. Общее в них одно – отклик на проблемную ситуацию других, принятие их боли и страданий на себя.

Теоретические подходы к просоциальному поведению

Вопрос о том, что лежит в основании просоциального поведения, во многом определяется уровнем анализа: биологический, личностный, межличностный или анализ на уровне социальных систем. Нахождение ответа

на этот вопрос интересуют исследователей, придерживающихся разных психологических перспектив и подходов. Ни один из них не дает исчерпывающего объяснения, но каждый из них вносит свою лепту в углубление представлений о сути и возможной природе данного явления. По нашему глубокому убеждению только в диалоге разноточья становится возможным нахождение новых возможностей и ресурсов понимания феномена просоциального поведения и всех других социально-психологических феноменов. Так как любое социальное явление является продуктом взаимодействия людей, а они живут в собственном биологическом теле, то с биологического подхода мы и начнем.

Социобиологический подход объясняет просоциальное поведение в понятиях врожденных или генетических тенденций. Возникает интересный вопрос: как процесс естественного отбора мог бы благоприятствовать гену, повышающему склонность индивидуума помогать другим? Просоциальное поведение может считаться результатом естественного отбора, если оно скорее повышает, чем понижает шансы индивида (или его родственников) на оставление потомства. Развитию просоциального поведения могут способствовать два общих процесса: родственный отбор и норма взаимности.

Начнем с *родственного* отбора. Репродуктивный успех индивида (то есть видовая приспособленность) предполагает распространение его генов в следующем поколении. Видовая приспособленность представляет собой сумму собственных успехов индивида в выведении потомства (прямая приспособленность) и некоторой доли соответствующих достижений его сородичей, обеспеченных им (непрямая приспособленность). Например, коэффициент родства между детьми одной семьи (сиблингов) составляет $1/2$. Следовательно, распространению своих генов один из сиблингов может способствовать, повышая шансы на выживание своих братьев и сестер.

Теория взаимного альтруизма (Trivers, 1971) объясняет просоциальное поведение на основе принципа взаимности среди неродственников. Базовое положение этой теории состоит в том, что просоциальное поведение благоприятствует естественному отбору, если оно строится на принципе взаимности и если затраты, вкладываемые помогающими, ниже, чем получаемая ими при этом польза. Смысл принципа взаимного альтруизма может быть проиллюстрирован следующим примером: Тане стоит защищать свою подругу при условии, что другие (в частности, подруга), будут защищать Таню. Кросс-культурные исследования оказания и принятия помощи показывают, что взаимность является универсальным феноменом, существующим в различных культурах, и что частота оказания и частота принятия помощи высоко коррелируют между собой.

Если затраты помогающего низки, а польза, получаемая принимающим, высока, взаимный альтруизм может быть выгодным. Проблема с просоциальным поведением такого типа состоит в том, что другие могут эксплуатировать его в своих эгоистических целях. Таким образом, взаимный альтруизм может быть ограничен определенными условиями: высоким уровнем доверия между оказывающим помощь и принимающим ее, стабильностью состава группы, продолжительностью ее существования и высоким уровнем признательности между членами группы. Доверие часто возникает как следствие близкого знакомства и сходства установок. Таковы, в целом, условия, повышающие вероятность взаимной поддержки и снижающие опасность эксплуатации просоциальных реакций.

Социобиологи утверждают: просоциальное поведение сохраняется только в случае его способствования выживанию биологического вида. В противном случае оно было бы атавистичным. Во многих паттернах поведения в естественном окружении могут быть найдены примеры такого парадоксального для выживания явления как самопожертвование. Описано много случаев самопожертвования самками птиц себя во имя отвлечения от птенцов хищников. Мангусты сражаются со своими гораздо более сильными врагами, защищая окружающих, в том числе людей, от их угрозы.

Тем не менее все эти вроде бы связанные с самопожертвованием действия не являются в полной мере альтруистичными или «бесплатными». Они направлены на выживание рода. Согласно социобиологам, индивиды мотивированы на развитие не просто своей приспособленности, а исключительной приспособленности, которая включает как их собственное выживание, так и выживание следующего поколения. Эта способность самопожертвования во имя выживания рода с точки зрения социобиологов, может передаваться только генетически благодаря наличию гена выживания. По их мнению, этот вывод подтверждается еще и тем, что способность самопожертвования не может быть поддержана посредством механизма подкрепления или поощрения / наказания.

Идея о том, что мы обладаем биологической предуготованностью к оказанию помощи, является дискуссионной и стимулирует ряд дебатов между социобиологами и психологами (Vine, 1983). В целом социальные психологи не принимают биологического объяснения просоциального поведения. Социобиологические представления подвергаются критике прежде всего из-за игнорирования самой возможности социального научения, которое, с их точки зрения, играет одну из ведущих ролей в процессе развития просоциального поведения. Дополнительное основание для критики связано с его непригодностью для объяснения индивидуальных различий в просоциальном поведении. Еще одно основание связано с тем, что социобиологический подход не объясняет возрастные изменения просоциального поведения.

Личностный подход рассматривает просоциальное поведение с точки зрения склонности индивида к оказанию помощи. Однако эта склонность не обязательно считается генетически обусловленной (хотя эта возможность не исключается), а приписывается социальному научению. Существуют два основных типа личностных теорий альтруизма: одни объясняют альтруистическое поведение в терминах настроений, (эмоциональных) состояний, а другие утверждают, что альтруизм определяется устойчивыми характеристиками личности.

Эмпирические исследования показывают, что помогающее поведение основано на *позитивном настроении*, порождаемом успехом либо мыслями о бывших приятных событиях. Например, дети, находящиеся в хорошем настроении, больше расположены к милосердию и охотнее делятся с другими, чем дети в нейтральном настроении.

Однако эффект, оказываемый хорошим настроением на принятие помогающего поведения, относительно непродолжителен. В полевом исследовании (Isen, Clark, Schwartz, 1976) жителям Ланкастера (штат Пенсильвания) приносили в дом в качестве подарка упаковку канцелярских принадлежностей. Спустя непродолжительное время у них дома раздавался телефонный звонок; звонивший якобы набирал ошибочный номер. Он просил испытуемых помочь ему дозвониться

в нужное место. Экспериментальный звонок раздавался спустя 1, 4, 7, 10, 13, 16 или 20 минут после первого контакта (доставки посылки). Отклик на эту просьбу был весьма велик через 1, 4 или 7 минут после получения подарка (в среднем за выполнение задачи брались 83 процента участников). При промежутке в 10, 13 и 16 минут уровень позитивной реакции снижался примерно до 50 процентов. И, наконец, 20 минут спустя после получения подарка только 12 процентов испытуемых соглашались оказать незнакомцу любезность. описанные результаты могут быть объяснены моделью «недавности аффекта», разработанной Bower (1981) и Forgas (1992). В модели рассматривается роль настроения в переработке информации. Считается, что оно способствует избирательной активации и облегчает доступ к содержанию памяти, соответствующему данному настроению. Хорошее настроение порождает позитивные мысли, которые включают в себя и позитивно окрашенные действия, в частности, просоциальное поведение.

Другой подход, также рассматривающий роль эмоциональных состояний с информационной точки зрения, известен под названием модель «аффекта как источника информации» (Schwarz, 1990). Предполагается, что люди следуют эвристике «Что я чувствую на этот счет?», в том смысле, что свое актуальное эмоциональное состояние они используют как некую информацию, интегрируя ее как составляющую в общем выводе о ситуации. В отличие от модели «недавности аффекта» модель «аффекта как источника информации» используется при анализе упрощенной переработки стимула на основе эвристик. Например, если человека просят кого-то оценить, он может просто сослаться на то, что чувствует по отношению к нему.

Таким образом, чувства могут выступать в качестве источника информации, замещающего тщательное аналитическое суждение. Например, приятное чувство может заставить человека поверить в безопасность данного окружения. Модель «аффекта как источника информации» просто предполагает, что субъекты действия воспринимают свое настроение как показатель безопасности ситуации. Сигналы об опасности подавляют просоциальные реакции, тогда как относительное отсутствие опасности и соответствующее хорошее настроение могут способствовать просоциальному поведению.

При обобщении данных, касающихся влияния хорошего и плохого настроения, выявилась их асимметричность. Судя по всему, эффект хорошего настроения сильнее и устойчивее, чем плохого. С эволюционной точки зрения может быть выдвинуто возражение, что *плохое настроение* сигнализирует о неприятностях и возможной опасности. Следовательно, оправдан вывод о том, что, когда индивид находится в состоянии высокой сосредоточенности на себе, плохое настроение подрывает альтруистические намерения, повышая воспринимаемую цену вмешательства.

Мета-анализ действий личности в условиях плохого и нейтрального настроения обнаружил, что угрызения совести (вина перед другими) – как негативная эмоция особого рода – устойчиво повышают вероятность помогающего поведения. В целом чувство вины, будучи реакцией на собственные дурные поступки, играет определенную роль в поддержании связей личности. Уровень просоциального поведения будет максимальным, если субъект действия нанес вред другому лицу (угрызения совести), и минимальным, если вред нанесен другим лицом ему самому (виктимизация).

Подход теории социального научения. В рамках данного подхода практически все разновидности и формы поведения объясняются в понятиях научения, обусловленного социальным окружением. В отношении просоциального поведения они подчеркивают ведущую роль двух процессов: поощрения / наказания и научения через наблюдение или моделирование.

Аргументируя роль поощрения / наказания представители данного подхода обосновывают существование механизмов внутреннего поощрения, например уже рассматривавшегося аффекта. Существенна роль и внешнего поощрения / наказания, способствующего интернализации просоциального поведения, что продемонстрировано в ряде экспериментальных исследований (К. Durkin, 1995, p. 440).

Тем не менее тот факт что при специально организованных в лабораторных условиях поощрениях / наказаниях повышается уровень проявления просоциального поведения, ставит вопрос о возможности их переноса на естественные условия. Одна из проблем заключается в том, что дети скорее реагируют на требования экспериментатора, нежели самостоятельно приходят к решениям об осуществлении просоциальных действий. Часто они просто антиципируют его цели и хотят знать, сколько и что они получают за выполнение желаемых действий. Еще одна проблема связана с тем, что если подкрепления прекращаются, можно предположить, что поведение вернется к исходному уровню, что означает необходимость наличия постоянных подкреплений просоциального поведения на протяжении всей жизни.

Частично эта проблема решается посредством включения процессов *научения через наблюдение* или *моделирование*. Многие исследования, да жизненная практика свидетельствуют о том, что дети подражают просоциальным моделям. В частности моделирование просоциального поведения в игровой форме часто повышает его воспроизведение в условиях реальной жизни. Дети с удовольствием воспроизводят модели при условии сохранения позитивного фона. Исследования эффекта телевизионного моделирования просоциального поведения также показали их эффективность, особенно если они предоставляются регулярно и в привлекательной форме. Другое дело, что детям сложно вычлнить эти модели из передач, специально на это не направленных.

Возникает вполне резонный вопрос, почему моделирование должно способствовать развитию просоциального поведения и, особенно, связанного с самопожертвованием? Ряд возможных оснований описывают D. G. Perry и K. Bussey:

1. Модели могут учить детей тому, что следует делать, соответственно дети могут бояться наказания за невыполнение социально желательных действий.
2. Наблюдая последствия чьих-либо просоциальных действий, может смягчить влияние представлений о возможных издержках такого поведения.
3. Модели могут предоставлять иллюстрации позитивных последствий бытия просоциальным (такие люди вызывают восхищение) (1984, с. 247).

В противоположность социобиологии подход с позиции теории социального научения предоставляет основание, внушающее доверие снование для объяснения индивидуальных различий в просоциальном поведении, обосновывая, что в их основе лежат различия в социализации. В то же время этот подход не лишен и недостатка, выражающегося в недооценке самостоятельной активности детей и их по-

нимании причин просоциального поведения. Другим недостатком подхода является придавание процессу развития знания кумулятивного характера, в то время как в реальности оно носит качественный характер со свойственными ему скачками и переходами.

Социально-когнитивный подход. Подход фокусируется на мыслительной активности, которая, как предполагается лежит в основании просоциального поведения. Сегодня многими авторами он признается как ведущий в данной области. В рамках подхода нет какое-либо единой теоретической концепции, а скорее он представляет ряд относительно автономных теоретических подходов к феномену просоциального поведения. Особо сильное влияние на основоположения подхода оказали разработки представителей когнитивной психологии (особенно Пиаже) и разработки из экспериментальной социальной психологии в области социальной перцепции и атрибутирования.

В. Latane и J.M. Darley (1970) отмечают, что для просоциального реагирования необходима быстрая переработка больших объемов информации. Просоциальное поведение включает ряд основополагающих когнитивных процессов, включая восприятие, мышление, принятие решений, разрешение проблем и т. д., а также осведомленности в ожиданиях и нормах, регулирующих межличностные отношения.

Считается, что обретение соответствующей мыслительной компетентности не является мгновенным или кумулятивным, а скорее результатом более широких принципов качественных изменений, происходящих по мере интеллектуального развития в детстве. Оно представляет собой переход от нелогичности и эгоцентричности к логичности и эмпатичности и, наконец, моральности. В целом исследования просоциального развития показывают формирование способности построения перспективы, ассоциируемой с просоциальным поведением.

В исследовании был выявлен ряд нормативных ожиданий, регулирующих просоциальное поведение: *норма социальной ответственности* – мы должны помогать людям, нуждающимся в помощи (Berkowitz, Daniels, 1963), *норма взаимности* – мы должны помогать тем, кто помогает нам (Grouldner, 1960), *норма заслуженности* – мы заслуживаем того, что заслужили (Long, Lerner, 1963).

Приобретение норм не дает исчерпывающего представления о развитии просоциального поведения. Perry и Bussey (1984) отмечают сложность идентификации какой-либо единственной нормы как определяющей оказание помощи. Причем конформное по отношению к норме поведение, с одной стороны, может свидетельствовать о ее интерализованности конкретным индивидом, а с другой стороны – подчинении социальному давлению (Turner, 1991). В определенных социальных контекстах может действовать несколько норм, конкурирующих друг с другом.

Еще одним аспектом просоциального поведения является его связанность с эмпатией. Она действительно может мотивировать просоциальные действия. Hoffman (1987) разработал интересную модель формирования эмпатии в ее взаимосвязи с социально-познавательной активностью. Он предположил, что дети проходят следующие стадии:

1. *Глобальная эмпатия* – ребенок недифференцированно реагирует на проблемы окружающих. В жизни много примеров такого рода, когда годовалый ребенок начинает плакать или смеяться вместе с окружающими.

2. *Эгоцентрическая эмпатия* – связанная с дифференциацией Я и другие и выражающаяся в осознании сложности постижения чувств других людей.
3. *Эмпатия к переживаниям других* – связанная с развитием принятия ролей других людей и формированием способности к принятию их чувств и переживаний.
4. *Эмпатия к условиям жизни других людей* – связанная с развитием способности распознавания сложностей условий жизни окружающих.

Вместе с тем в рамках социально-когнитивного подхода к просоциальному поведению остается и ряд нерешенных вопросов. Первый связан с вопросом, почему люди оказывают помощь. Представления, отраженные выше, вносят мало ясности. Подход практически индифферентен по отношению к изменениям, происходящим в социальном окружении индивида и их влияния на просоциальное поведение.

Межличностный подход. Сторонники межличностного подхода основное внимание уделяют взаимозависимости людей. Представим себе, что Дима и Катя, готовясь к приближающемуся экзамену, решили объединить свои усилия. С этого момента они начинают зависеть друг от друга, поскольку их успех хотя бы отчасти определяется качеством сотрудничества. Структура межличностного взаимодействия может быть описана на основе достижения желаемых результатов. Каковы для Димы и Кати преимущества и недостатки сотрудничества или соперничества? Считается, что люди стремятся максимизировать приобретения и минимизировать затраты. Наиболее разработанным объяснением поведения при межличностном общении является теория обмена, основные положения которой впервые были сформулированы Homans (1961), Thibaut и Kelley (1959) и Blau (1964). С точки зрения теории обмена, в ситуациях общения людьми движет стремление к достижению максимально позитивных для себя последствий.

В 1978 году Н. Kelley и J. Thibaut расширили рамки начальной теории, создав общую теорию взаимозависимости, основные моменты которой уже знакомы по главе, посвященной межличностному взаимодействию. Пойдя дальше исходных формулировок теории обмена, они сделали предположение, что взаимозависимые индивиды трансформируют отношения обмена, основанные на затратах и приобретениях, в просоциальные отношения. Возможно, для взаимозависимых личностей подобная *просоциальная трансформация* поведения взаимно желательна. Она означает, что отныне действия человека ориентированы не только на личностно значимые последствия. Приоритет эгоистического решения (что является наилучшим для себя) заменяется приоритетом просоциального решения (что является наилучшим для другого). Если приоритет первого типа является основой отношений обмена, то второй тип составляют отношения общности (или общинные отношения).

Вероятность просоциальных трансформаций зависит от многих факторов. Как известно, возникают они не всегда, но их можно ожидать, если об-

ратиться к длительно существующим дружеским отношениям. Таким образом, важная причина, порождающая просоциальные трансформации, скрывается в перспективе длительной взаимозависимости людей. Далее разница между обменом и отношениями общности будет охарактеризована подробнее.

Просоциальная личность

Влияние личности на просоциальное поведение особенно велико когда речь идет о долговременной деятельности, например о работе добровольцем в благотворительных организациях или донором, безвозмездно отдающим свою кровь. Но и при спонтанном просоциальном поведении совокупность качеств, присущих просоциальной личности, считается важным фактором. Исследования показывают, что на оба данных типа просоциального поведения оказывают влияние одни и те же личностные характеристики.

В качестве личностных детерминант просоциального поведения часто называются уже отмечавшиеся социальная ответственность и эмпатия, а также внутренний локус контроля. В то время как социальная ответственность и внутренний локус контроля способствуют возникновению у очевидцев происшествия чувства необходимости оказать помощь, высокая эмпатия помогает лучше понять нужды других. Oliner и Oliner (1988) показали, что у оказывающих помощь выражен внутренний локуса контроля. Хекхаузен связывает данный фактор с генерализованной социальной ответственностью.

Еще одним свойством, присущим просоциальной личности, является вера в справедливость мироустройства (Lerner, 1980), выражающая представление о том, что в целом люди получают то, что они заслуживают. Незаслуженные страдания других представляют собой активную угрозу этой позиции. Чтобы утвердить ее, применяются различные поведенческие и когнитивные стратегии, в том числе попытки облегчить страдания жертвы путем оказания ей помощи либо преуменьшить ценность самой жертвы. Обе стратегии вполне действенны в восстановлении веры в справедливость мироустройства, поскольку они снижают представление о несправедливости страданий. С теоретической точки зрения, связь между верой в справедливость мироустройства и просоциальным поведением зависит от ожидаемой эффективности просоциального поведения. Если оно оказывается эффективным (в том смысле, что проблема оказывается разрешенной), вера в справедливость мироустройства усиливает стремление помочь. Однако то же самое убеждение может оказать негативное влияние на просоциальное поведение, если страдания жертвы продолжатся, так как продолжающиеся страдания подрывают веру в справедливость мироустройства, и лучшей стратегией сохранения этой веры становится снижение ценности жертвы.

Большая часть исследований посвящена спонтанному просоциальному поведению. Хуже изучено волонтерство и оказание помощи на долговременной основе. Сравнение обоих типов помогающего поведения обосновывают предположение о том, что волонтерство на постоянной основе в большей мере,

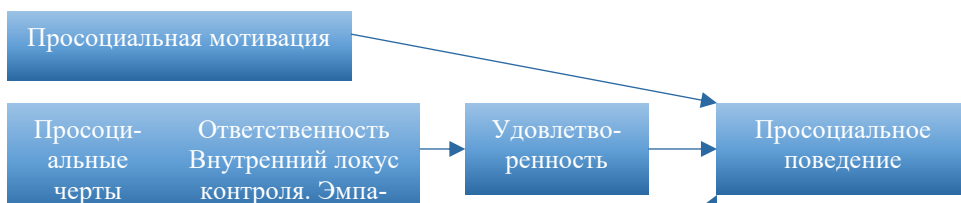
чем спонтанная помощь, определяется диспозиционными особенностями помогающего. В исследовании Omoto и Snyder (1995) изучались две группы диспозиционных переменных: просоциальность типа личности (измерявшаяся на основе показателей воспитания, эмпатического сочувствия и социальной ответственности) и мотивация к волонтерству. Последняя изучалась с помощью вопросника, содержавшего шкалы мотивации пяти типов: ценностей, понимания, личностного развития, заботы об общественном благе и стремления к повышению уважения. Результаты по пяти шкалам комбинировались в единый показатель мотивации волонтерства. Ответы сотрудников организации, оказывающей помощь жертвам СПИДа, показали прямую связь этого показателя с продолжительностью работы в организации. Просоциальный тип личности респондентов оказывал положительное воздействие на удовлетворенность волонтера своей деятельностью, что, в свою очередь, позитивно сказывалось на продолжительности его работы. В целом прикладные исследования свидетельствуют о положительной корреляции диспозиционных эмпатии и просоциального поведения.

М. Н. Davis (1983) определил эмпатию как совокупность отдельных, но взаимно перекрывающихся конструктов. Он разработал многомерный опросник, состоящий из 28 пунктов, сгруппированных в четыре субшкалы, который был назван тестом межличностной реактивности (Interpersonal Reactivity Index). В качестве субшкал были выделены: принятие позиции другого (например, «Порой я пытаюсь понять своих друзей, представляя себе, как положение выглядит с их точки зрения»); эмпатическое переживание (например, «Я часто чувствую нежность и озабоченность по отношению к людям, которым повезло меньше, чем мне»); воображение (например, «Меня по-настоящему захватывают чувства литературных персонажей») и личностный дистресс (например, «Ситуации эмоционального напряжения пугают меня»). Принятие позиции другого и эмпатическое переживание могут рассматриваться как параметры диспозициональной эмпатии, тогда как персональный дистресс тесно связан с тревожностью, а воображение – с чувствительностью по отношению к другим. Диспозициональная эмпатия и личностный дистресс могут находиться в противоречии с ситуативной эмпатией и ситуативным дистрессом.

Модель просоциальной личности включает в себя три компонента: просоциальную мотивацию, просоциальные черты и веру в справедливость мироустройства (схема 32). Просоциальная мотивация и просоциальные черты оказывают только позитивное влияние на просоциальность поведения в разнообразных ситуациях, тогда как эффект веры в справедливость мироустройства зависит от того, верит ли человек, что оказание помощи может полностью ликвидировать несправедливость.

Схема 34.

Модель просоциальной личности

Приводится по Хьюстон, М., 2004, с. 285.

Данная модель не охватывает всего многообразия личностных детерминант просоциального поведения. Более того, тот же принцип взаимного детерминизма Бандуры убедительно обосновывает столь же равную значимость по отношению к нему социального контекста, к рассмотрению которого и переходим.

Гендерные особенности просоциального поведения

Проведенный анализ личностных особенностей просоциального поведения не включает гендерного аспекта, который сегодня привлекает все большее внимание. Даже на первый взгляд женщины производят впечатление более эмпатичных и готовых оказать помощь человеку, оказавшемуся в проблемной ситуации.

Социальные стереотипы о том, что женщины более заботливы, более эмоциональны и более чувствительны к нуждам других, чем мужчины, которые создают впечатление как о более жестких и жизнеутверждающих, достаточно распространены в разных культурах и подтверждаются многими исследованиями (Vem, 1993; Eagly, 1987; Piliavin, Unger, 1985 и др.). Еще М. Шериф набирал участников своих знаменитых экспериментов среди мальчиков, как менее просоциальных. Как с позиций теории социального научения, так и социобиологического подхода, просоциальное поведение рассматривается как обладающее половыми различиями и большей выраженностью у женщин. Согласно воззрениям социобиологов, мужчины рассматриваются как выполняющие защитную функцию в отношении своей семьи, в то время как женщины ассоциируются с заботой в отношении окружающих и особенно детей. Согласно теоретикам социального научения, оказание помощи и моделирование должны способствовать трансляции культурных норм, регулирующих поведение женщин и мужчин. Все это порождает вопрос о том, в чем именно коренятся эти различия между полами в просоциальном поведении и эмпатии и существуют ли они на самом деле.

Исследователи гендерных различий в проявлении просоциального поведения у взрослых выяснили: когда потенциальными помощниками были мужчины,

«пострадавшие» женщины имели больше шансов получить помощь. Когда потенциальными помощниками были женщины, то помощь в равной степени получали «пострадавшие» мужчины и «пострадавшие» женщины. Мужчины чаще всего оказывают помощь одиноким и привлекательным женщинам. Женщины не только получают больше предложений о помощи в определённых ситуациях, но также чаще обращаются за ней. Этот факт объясняется гендерными различиями между независимостью мужчин и внутренней зависимостью женщин.

Также бытует мнение о том, что в кризисных ситуациях, в случаях крайней необходимости женщины скорее получают помощь, нежели мужчины, тем более в том случае, когда эта помощь исходит от мужчин. Женщины также чаще обращаются за помощью. Люди склонны помогать тем, кто, по их мнению, нуждается в помощи и заслуживает её, а также тем, кто похож на них.

Общепринятые стереотипы, описывающие женщин заботливыми и сочувствующими, наталкивают на мысль, что они должны больше, чем мужчины, помогать окружающим, тогда как в ходе мета-анализа социально-психологических исследований готовности помочь, проведённого А. Н. Eagly (1987), выяснилось, что чаще помогают другим мужчины, а не женщины. Авторы объясняют такой результат тем фактом, что типичное социально-психологическое исследование готовности помочь включает в себя создание ситуаций кратковременной помощи незнакомому человеку, как раз таких, в которых мужчина скорее всего окажет необходимую помощь. Авторы указывают на то, что мужчины не отличаются от женщин в готовности помочь, однако существуют половые различия в оказании помощи, которые зависят от типов просоциального поведения.

Отличие типов просоциального поведения у мужчин и у женщин можно понять, предварительно рассмотрев различные социальные роли, которые занимают мужчины и женщины. Согласно теории социальных ролей Eagly, не различия между мужчинами и женщинами заставляют их принимать разные социальные роли, а скорее благодаря различию в социальных ролях мужчины отличаются от женщин. В отношении просоциальных поведенческих действий это положение можно сформулировать так: нормы, отвечающие за оказание помощи, различны для мужской и женской роли. Например, женская гендерная роль предписывает женщине заботиться о личных и эмоциональных потребностях других и помогать им в достижении целей («заботливая помощь»). Мужская роль поощряет проявления более «героических» видов помощи, включающих необычные и рискованные действия по спасению, а также «джентльменские» виды помощи: помочь женщине, несущей тяжести и т. д.

Ж. А. Piliavin и его коллеги объясняли гендерные различия оказания помощи в терминах соотношения «цена – выгода». Следуя их модели, люди помогают в том случае, если считают, что выгода от помощи превосходит ту цену, которая осуществляется. Мужчины и женщины склонны по-разному определять цену и выгоду в зависимости от требуемого приложения физической силы и связанной с действиями опасности. Исследования выявляют весомые показатели половых различий, из которых видно, что мужчины скорее готовы помочь окружающим. Определённые

виды помощи могут быть в большей или меньшей степени присущими тому или иному гендеру, и соответствующий полу вид помощи воспринимается как имеющий меньшую цену.

Зарубежные психологи склоняются к мысли, что женщины более чувствительны и эмоциональны к потребностям других людей, чем мужчины. Социологи считают важным наличие образцов для подражания как источника информации относительно того, как и когда мужчины или женщины должны вести себя просоциально. Другие исследователи указывают на то, что обработка информации и определение ее применимости разрабатывает познавательность, социальную компетентность и социальные знания. Согласно социобиологам, мужчины берут на себя роль защитника, в то время как женщины – заботливо относиться к людям, особенно к детям.

Следует отметить, что общепринятые стереотипы содержат идею о существовании множественных гендерных отличий в сфере эмпатии. По мнению Д. Барри, женщины лучше выражают эмоции и более восприимчивы к чувствам окружающих (эмпатичны), чем мужчины. Это объясняется тем, что мужественность обычно связывается с достижениями, автономностью и стремлением к контролю – причем такому, в котором на первом месте стоят способность влиять на осознанное выражение или скрытие своих чувств. А женственность, наоборот, ассоциируется с межличностной коммуникацией, стремлением к объединению и активным выражением своих чувств. Различия в эмоциональности между мужчинами и женщинами можно рассматривать на нескольких уровнях. На одном уровне способность понимать эмоциональное состояние других (эмпатия) и умение выразить это понимание (эмпатическая экспрессия). На другом уровне – переживания самим человеком своих эмоций (эмоциональные переживания) и его способы эти эмоции выражать (эмоциональная экспрессия).

Наблюдение за моделью поведения оказывает влияние на формирование просоциального поведения. Культура, принятая в определённом обществе предлагает определённые образцы для подражания членами различных социальных групп. Так, модели поведения, предлагаемые для мальчиков, значительно отличаются от моделей поведения для девочек. Н. Иссенберг указывает на то, что в среднем женщины всех возрастов проявляют больший интерес к чувствам других, чем мужчины. Хотя представители обоих полов одинаково разбираются в чувствах других людей, женщины более склонны к сопереживанию, так как эта роль им присуща имеющейся культурой. Эксперименты, посвящённые изучению просоциального поведения, показали, что подражание поведению модели происходит с большей вероятностью в тех случаях, когда наблюдающие ощущают сходство между собой и моделью или когда модель воспринимается авторитетней и компетентней, чем они сами. Так, мальчики склонны подражать поведению других мальчиков, нежели поведению девочек, а дети скорее подражают поведению тех детей, которые чем-либо выделяются среди прочих: более социализированы, находятся в центре внимания или интересных событий (Крайг, 2000, с. 423).

Традиционно анализ половых различий сводится к демонстрации и доказательству характерных отличий мужской и женской природы при замалчивании возможной близости некоторых психологических и поведенческих реакций у мужчин и женщин. Эпизодически обращаясь к проблеме половой дифференциации, психологи ограничиваются констатацией «естественной противоположности мужского и женского начала». Наиболее часто подчёркивается – это наличие между мальчиками и девочками (мужчинами и женщинами) в интеллектуальном, моральном развитии, мотивации достижений, сфере поведенческих проявлений. Большинство исследователей склонны утверждать, что именно различия между полами в значительной степени имеют социокультурную детерминацию.

Теоретический анализ психологической литературы по данной проблеме позволяет сделать выводы о том, что просоциальное поведение имеет тенденцию увеличиваться с возрастом и уже с начальной школы можно судить о гендерных проявлениях. Развитие просоциального поведения варьируется, в том числе повторяющееся (рекуррентно), важные факторы – это опыт и понимание других людей и их потребностей.

Анализ результатов многочисленных психологических исследований о гендерных различиях в просоциальном поведении, которое зависит от вида требуемой помощи и от того, подходит ли этот вид проявления просоциального поведения гендерной роли испытуемого.

В целом нет сомнений в том, что социальные стереотипы о половых различиях достаточно устойчивы (Eagly, Crowley, 1986), но результаты эмпирических исследований не столь однозначны в подтверждении проявлений этих различий в просоциальном поведении. Теоретики социального научения отмечают важную роль моделей как источников информации о том, как и при каких условиях мужчинам и женщинам осуществлять просоциальное поведение. Представители социально-когнитивного подхода дополняют этот вывод утверждением о том, что переработка этой информации и определение ее пригодности к условиям конкретной ситуации опосредованы развитием когнитивной компетентности и социального знания.

Социальный контекст просоциального поведения

Как уже отмечалось выше, влияние социального контекста на просоциальное поведение столь же существенно, как и определенных личностных качеств. Традиционно к контекстуальным аспектам относят социализацию, влияние ситуативных факторов, гендерные и кросс-культурные различия.

Особенности социализации. Большую часть своего времени люди проводят в социальных системах: с друзьями, одноклассниками, коллегами и родственниками. Именно в них устанавливаются социальные нормы и ритуалы взаимодействия. Подобающему поведению человек обучается в процессе социализации: в семье, в школе, по телевидению и черпая примеры, предоставляе-

мые литературой и популярной музыкой. Проявления просоциального поведения у детей возникают уже на втором году жизни; старшие дошкольники чаще демонстрируют просоциальное поведение, чем младшие. Развитие личности является результатом социального научения. Обращение к теории социальных систем применительно к данной области является нетрадиционным. Странники теории исходят из того, что на социальное поведение влияют факторы, неотъемлемо присущие социальным системам (или социальным образованиям). Существуют культурные нормы, ценности и обычаи (ритуалы), разделяемые всем сообществом в целом; взаимные ожидания (социальные ожидания) между носителями социальных ролей, а также права и обязанности, основанные на традиции и на общих этических принципах, таких, как Декларация прав человека и многие другие документы.

Фундамент просоциального поведения закладывается в семье. Через многочисленные примеры, эмпатическое отношение, предоставление моделей поведения в огромном количестве социальных контекстах ребенок формирует представление о том, как и почему надо вести себя в целом и оказывать помощь в частности. Интересно отметить, что дети, воспитывающиеся в детских домах существенно менее просоциальны и часто превращаются в бездушных конформистов, легко приспосабливающихся к искусственным средам (лагерь отдыха, места лишения свободы, армия) и крайне сложно адаптирующихся к условиям обычных человеческих отношений. Вполне естественно возникает вопрос, почему это происходит? Ведь часто условия (материальные) жизни в детском доме даже лучше. С детьми работают профессиональные воспитатели, а результат оставляет желать много лучшего.

В исследовании Rossi и Rossi (1990), проведенном на большой выборке бостонских семей, было выявлено, что представления об обязательствах, чувство признательности в существенной степени определяются степенью связанности с самостью. Чем теснее семейные связи тем выше уровень принятия обязательств в оказании помощи и чувство признательности. Наиболее выраженные обязательства были выявлены у родителей и детей. На втором уровне оказались обязательства в отношении бабушек, дедушек, ровесников и т. д.

Eisenberg и Mussen (1989), изучавшие привязанности и стиль семейных отношений, обнаружили, что чем выше уровень первых и чем более партнерский стиль семейных отношений, тем выше обязательства детей в отношении оказания помощи. Особенностью этого исследования является и констатация необходимости в постоянном и максимально многоаспектном общении с детьми, в процессе которого взаимодействующие стороны получают более глубокое и широкое представление друг о друге, позволяющее достичь высокого уровня взаимопонимания и взаиморазвития, наконец, они просто привязываются друг к другу, откликаясь на проблемы и стремясь помочь в их решении. В семьях же с плохим обращением дети становятся самоизолированными и агрессивными. В процессе семейных диалогов родители не просто артикулируют социальные нормы и ценности, но и предоставляют модели их воплощения.

Влияние ситуации. Актуализация просоциального, как и любого другого социального поведения, всегда реализуется в определенном ситуативном контексте.

сте. В социальной психологии представлено много моделей рассмотрения его влияния на просоциальное поведение. Остановимся на двух классических исследованиях В. Latane и J. M. Darley (1970) и J. A. Piliavin с коллегами (1981).

Latane и Darley изучали эмпатию свидетелей к страданиям других людей, или чувство их гражданской ответственности, которое должно было приводить к вмешательству в опасной ситуации. В ситуации присутствия многих свидетелей вероятность оказания помощи возрастала. Прежде чем перейти к анализу результатов опроса, рассмотрим некоторые элементы наличной ситуации:

- она должна включать опасность для личности или ее собственности;
- это должно быть необычное событие;
- она может широко варьироваться в природе, от пожара до дорожно-транспортного происшествия;
- она не должна быть предвидена так, чтобы человек не имел возможности заранее подготовиться к поведению в ней;
- она требует моментальных действий, чтобы не дать человеку возможности поразмышлять и взвесить все за и против.

Это достигалось, как и в экспериментах Шерифа по формированию групповых норм, посредством создания ситуации неопределенности и отсутствия какой-либо очевидной структуры действий в отношении принятия решений. Соответственно должна существовать высокая вероятность того, что индивид будет обращаться к окружающим для нахождения моделей деятельности. Была выдвинута гипотеза, что индивиду будут действовать отличным образом в случае, когда они одни и когда присутствуют другие свидетели. Их когнитивная модель вмешательства очевидцев предполагала, что то, как очевидцы будут реагировать, является результатом серии решений. В любой точке пути к принятию решения об оказании помощи должна присутствовать возможность завершения помогающего поведения. Основные шаги этой модели представлены на схеме 33:

Схема 33.

Процесс принятия решения в когнитивной модели Latane и Darley

Приводится по: Hogg, Vaughan, 1995, p. 451.

Вывод Latane и Darley был однозначен – присутствие других может препятствовать оказанию помощи: чем больше людей, тем слабее реакция. Люди объясняли свое пассивное реагирование тем, что ситуация не опасна. Этому парадоксальному факту может быть дано несколько объяснений:

1. Диффузия ответственности – присутствие других приводит к снижению собственной ответственности.
2. Препятствование аудиторией – другие свидетели могут способствовать включению механизмов самосознания и включению влияния так называемой социальной ошибки.
3. Социальное влияние – другие наблюдатели предоставляют модель пассивного поведения.

В последующих исследованиях установлена еще одна закономерность – возрастание информации приводит к снижению вероятности оказания помощи. Правда, эта тенденция проявлялась при условии, что свидетели не знакомы друг с другом. Если же они были знакомы, то вероятность оказания помощи не снижалась.

J. A. Piliavin с коллегами (1981) разработал интегрированную *когнитивно-физиологическую модель*. Согласно их предположению, прежде чем принять решение об оказании помощи, человек проходит ряд этапов. *Первый*, он испытывает возрастание возбуждения, уровень которого определяется силой дистресса наблюдаемого другого. *Второй*, это возбуждение идентифицируется как эмоция. *Третий*, оцениваются последствия оказания или неоказания помощи.

Если мы сталкиваемся с дистрессом других людей, состояние нашего возбуждения возрастает. Это своего рода ориентировочная реакция, предназначенная для концентрации внимания на том, что происходит. Она быстро приводит к повышению физиологических, защитных реакций, подготавливающих наблюдателя к действию. Чем выше уровень возбуждения, тем выше шанс оказания свидетелем помощи.

Состояние возбуждения это одно, а специфическая эмоция (страх, злора, любовь и т. п.) другое. В целом возбуждение не вызывает специфическую эмоцию автоматически. Знания или мысли людей о возбуждении играют критическую роль в ее идентификации. В случае дистресса другого человека сигналы ситуации запускают два различных ряда реакций: личный дистресс и эмпатическое участие. Личностный дистресс представляет переживание беспокойства в случае возникновения проблем у другого человека. Эмпатическое участие является ответом на проблемы другого человека.

Согласно Piliavin, физиологическое возбуждение часто идентифицируется очевидцем как собственный *личностный дистресс*. Если вы видите, что у кого-то сердечный приступ, часто Вам самим становится плохо и Вы обозначаете это состояние как личностный дистресс. Piliavin предположил, что оказание помощи кому-либо снижает этот личностный дистресс, что и является одной из причин оказания помощи. Toi и Watson (1982) предлагают другую версию данного феномена. Они считают, что в данном случае речь идет о так называемом эмпатическом участии. Различие подходов заключается в том, что оказание помощи мотивируется эмпатическим участием в проблемах других, состраданием к ним, а не снижением собственного дистресса. Только в этом случае и можно говорить о подлинном альтруизме как таковом.

Piliavin утверждает, что прежде чем оказывать помощь, человек взвешивает последствия ее возможного оказания. Общим принципом в данном случае выдвигается минимизация затрат. Потенциально присутствуют две возможные затраты – время и усилия. Чем больше затраты, тем меньше вероятность оказания помощи.

Он различает также оценку затрат, связанных с неоказанием помощи. Действительно, при, казалось бы, автономии человека от других может быть связано в том числе и с моральным и с косвенным материальным ущербом, связанным с изменением отношения со стороны окружающих и возможности соответствующего реагирования на ваши проблемы. Критическим в этом случае является характер взаимоотношений свидетелей с жертвой. Чем ближе эти отношения, тем выше вероятность оказания помощи и наоборот.

В подходе Piliavin есть немало отличительных особенностей по сравнению с уже рассматривавшимся подходом Latane и Nida (1981), отмечавшими прямую зависимость между числом свидетелей проблемной ситуации и не оказанием помощи. Piliavin утверждает, что наличие многих свидетелей приводит к снижению ее ценности не оказания помощи и размыванию личной ответственности за происходящее.

Личностные затраты многоплановы и вариативны. К их числу, в частности, относятся общественная цензура и самобичевание. Для определения уровня затрат / выгоды Piliavin с коллегами использовали матрицу, представленную на схеме 34.

Схема 34.

Модель влияния величины затрат на оказание помощи человеку, находящемуся в проблемной ситуации

Приводится по: Piliavin etc., 1981.

Исследования Piliavin с использованием данной матрицы показали, что в ситуациях, оцениваемых как высоко личностно значимые вероятность оказания помощи резко повышается, а цена неоказания помощи снижается.

В отношении подхода Piliavin часто звучат обвинения в механицизме и упрощенности, но сам он замечает в этой связи: «Сегодня можно говорить о некотором

изменении «парадигмы» по сравнению с предшествующей позицией о том, что поведение, оцениваемое как альтруистическое, при более внимательном рассмотрении может показаться как содержащее эгоистические мотивы. Скорее, можно утверждать, что теоретические построения и данные более соотносятся с истинным альтруизмом – с действиями, направленными на выгоду другого – имеют место и являются элементом человеческой природы» (Piliavin, Charng, 1990, с. 27).

В глобальном плане просоциальное поведение и его особенности определяются культурой. Но культура многообразна и наряду с уже известным читателю историческим аспектом включает аспект имический. Представители разных культур в чем-то сходны, а в чем-то отличны. Эти отличия составляют предмет кросс-культурных исследований, ставших особенно популярными в последние годы. Одно из наиболее фундаментальных – различия по введенному Хофстедом измерению: коллективизм–индивидуализм (Hofstede, 1983). Общая культурная ориентация может оказывать существенное влияние на процесс социализации, проявляясь либо в формировании склонности полагания на самих себя в индивидуалистских культурах, либо большему подчинению социальным нормативам в культурах коллективистского типа (Triandis, 1991). Это, в свою очередь, может приводить к существенным вариациям в просоциальном поведении в обществе. Так, американские дети оцениваются как значительно менее просоциальные, чем дети из коллективистских культур, например китайские (Smith, Bond, 1994).

Проанализированные модели не исчерпывают существующего многообразия подходов, но убедительно свидетельствуют о влиянии социального контекста на просоциальное поведение. Открытым остается вопрос, что именно в социальном контексте обуславливает это влияние. Одним из ответов на него является вывод о том, что просоциальное поведение регулируется социальными нормами и ценностями, к рассмотрению которых мы и переходим.

Нормативно-ценностная регуляция просоциального поведения

Существенная роль в поддержании просоциального поведения принадлежит ценностям и нормам, принятым в обществе. Чем более они интернализированы, тем больше вероятность актуализации просоциального поведения и наоборот.

Норма социальной ответственности предписывает членам общества помогать людям, оказавшимся в сложном положении. Просоциальное поведение можно считать прямым следствием чувства ответственности, переживаемого в социальной ситуации. Ранние исследования показали, что люди с большим энтузиазмом оказывают помощь, когда более субъективно значим для них человек. Было выдвинуто предположение, что воспринимаемая зависимость активизирует представления о норме социальной ответственности, которая, в свою очередь, мотивирует просоциальное поведение. Однако просоциальные действия требуют самопожертвования, которого можно избежать, возложив ответственность на других людей или обстоятельства. Как уже отмечалось ранее, присутствие других людей приводит к диффузии ответственности – и чем их больше, тем она меньше.

Нормативные регуляторы усваиваются в процессе социализации. Пытаясь дифференцировать культуральные правила и индивидуальные чувства, Шварц противопоставил социальные нормы личностным (Schwartz, 1977). Мы обучаемся социальным (культурным) ценностям и правилам по-разному. Поэтому когнитивная сфера каждого человека характеризуется своей собственной, особой, уникальной конфигурацией индивидуальных ценностей и норм.

Как же порождаются просоциальные действия? Запуск просоциального поведения описан S. H. Schwartz и J. Howard (1981), предложившими процессуальную модель альтруизма, которая предполагает пять последовательных шагов:

внимание → мотивация → оценка → защита → поведение

Первый этап этого процесса начинается, когда личность осознает, что кто-то нуждается в оказании помощи. Фаза внимания включает в себя распознавание чужого дистресса, отбор эффективного альтруистического действия и осознания собственной готовности к оказанию помощи. *Второй* этап связан с конструированием личной нормы на основе социальных ценностей и с последующим генерированием чувства морального долга (фаза мотивации). Сутью *третьего* этапа (оценка ожидаемых последствий альтруистических действий) является оценка потенциальных затрат и приобретений. Затраты в данном случае складываются из социальных затрат (например, риск социального неодобрения), физических затрат (допустим, боли), дистресса, связанного с возможностью нарушения представления о себе, и моральных затрат (которые будут результатом нарушения индивидуальных норм). На *четвертом* этапе личность может выработать основания для отказа от персональной ответственности. Человек может отдать предпочтение личным интересам и отвергнуть ответственность за других как несправедливое требование. Кроме того, ответственность может быть воспринята как противоречащая другим обязательствам, или же человек может решить, что ему недостает необходимых для вмешательства способностей или ресурсов. На *пятом* этапе, человек начинает действовать или отказывается от действия в зависимости от того, к какому результату привел процесс принятия решения.

Данную модель иллюстрирует следующий пример. Людей просили читать слепым детям учебники. Первый этап фазы внимания – это признание того, что потребности слепых детей не удовлетворены. За этим следует вопрос, возможны ли эффективные действия для того, чтобы справиться с проблемой, и чувствует ли потенциальный помощник себя пригодным для выполнения этих действий (конкретно – для чтения слепым детям). Если ответ утвердительный, то на основе соответствующих ценностей доброжелательности и универсализма возникает чувство морального обязательства (фаза мотивации). Если возникшее чувство сильно, потенциальный помощник начинает обдумывать ожидаемые последствия своей помощи (например, сколько времени должно быть уделено этому, как будет поощряться альтруистический поступок). Если оценка не приводит ни к каким выводам (т. е. «за» и «против» взаимно уравновешиваются), потенциальный помощник, возможно, будет склонен отвергнуть личную ответственность (фаза защиты). Решение читать слепым детям (фаза

действия) принимается лишь в том случае, если предварительная оценка приводит к положительному результату.

Нормы основываются на ценностях, которые многогранны. S. H. Schwartz определяет ценности как «убеждения, которыми устанавливаются границы социальной желательности» (1994, р. 20). Область их действия шире любой конкретной ситуации. Ими мы руководствуемся при выборе формы поведения, оценке людей и событий. Ценности же упорядочены в соответствии с их относительной субъективной значимостью. Основываясь на данных по 44 странам, Schwartz подтвердил существование десяти типов социальных ценностей (в частности, достижений, конформности, безопасности). Две ценности оказались непосредственно связанными с просоциальным поведением. Это доброжелательность, которая определяется, как «сохранение и приумножение благополучия людей, с которыми личность находится в частом личном контакте»; и универсализм – «понимание, бережное отношение, терпимость и защита благополучия *всех* людей и природы» (выделено курсивом в оригинале). Доброжелательность действует в сфере личных отношений, универсализм же включает в себя социальную справедливость и просоциальные обязательства в более широком социальном контексте. Эмпирически выявленная двумерная структура ценностей показывает, что доброжелательность и универсализм тесно связаны друг с другом. Было продемонстрировано, что ценности влияют на когнитивно-аффективную оценку ситуаций и на привлекательность альтернатив при выборе. В этом смысле доброжелательность соотносима с ответственным поведением. Универсализм же, в отличие от нее, соотносим с социальной справедливостью.

Очевидны и теоретические следствия. Подлинная альтруистическая мотивация вступает в действие только после удовлетворения эгоистических стремлений, связанных со справедливостью положения человека в социальной системе. Достижения, «не дотягивающие» до уровня личного стандарта справедливости, порождают эгоистическую ориентацию, доминирующую над альтруистическими склонностями. Правда? следует отметить, что эта тенденция проявляется преимущественно по отношению к так называемым индивидуалистическим культурам в контексте известного измерения Хофстеде индивидуализм – коллективизм.

Подход с позиции социальных систем принимает во внимание воздействия, как способствующие просоциальному поведению, так и ослабляющие его. Прежде всего, это нормы, поддерживающие эгоистическую ориентацию. Во многих ситуациях существуют нормативные барьеры, препятствующие оказанию помощи. Была описана норма самодостаточности, предполагающая, что, прежде всего? жертвы должны заботиться о себе сами. Если жертвы пренебрегают этим, стремление помочь может подавляться. Во многих общественных местах, по-видимому, превалирует норма самодостаточности.

Некоторые другие социальные нормы также имеют тенденцию ослаблять альтруистическое поведение. Во многих обществах существуют выраженные ин- и аутогрупповые установки. Люди обычно демонстрируют солидарность со своим сообществом, подчеркивая разницу собственных установок с установками

людей, которые являются членами внешних по отношению к ним групп и как бы меньше заслуживают помощи. Многочисленные исследования показывают, что помощь зависит от расы жертвы. Как правило, помощь предлагается активнее, если жертва принадлежит к той же расе, что и оказывающий помощь. Но это происходит лишь в том случае, если нормативные требования к оказанию помощи слабы или же легко найти оправдания для отказа в ней. Похоже, люди не хотят быть заподозренными в предрассудках.

Условия оказания помощи и ее последствия

Вопрос определения условий, способствующих оказанию помощи, многоаспектен. В данном контексте подразумеваются условия, при которых индивид оказывает помощь. Для просоциального поведения важен ситуационный контроль, означающий, что на вероятность вмешательства в ту или иную ситуацию существенно влияют социальные условия и условия непосредственного окружения.

Для иллюстрации сказанного сошлемся результаты эксперимента по изучению вмешательства в чрезвычайной ситуации (Darley, Batson, 1973). Испытуемыми в нем были студенты теологического семинара. Часть студентов получала инструкцию думать о профессиональных проблемах, тогда как других просили поразмышлять над притчей о добром самаритянине. Когда испытуемый покидал аудиторию, экспериментатор говорил ему либо что тот опаздывает («Ой, вы же опаздываете, вас там уже несколько минут ждут»), либо, что он пришел как раз вовремя («Ассистент готов для работы с вами, так что идите к нему»), либо что у него есть еще запас времени («Вы подождите немного, это не долго»).

По дороге испытуемые видели «жертву» – человека, который, судя по всему, упал на пол. Зависимой переменной был процент студентов, предложивших помощь. Инструкция, дававшаяся студентам (обдумывание теологических проблем или размышления по поводу притчи), влияла на альтруистическое поведение слабо, хотя те, кому было предложено думать о добром самаритянине, оказывали помощь несколько чаще. Более сильный эффект оказывали манипуляции запасом времени. В целом, когда испытуемые торопились, они реже предлагали помощь, хотя причина спешки была не особенно серьезна.

Эксперимент показал, что даже, казалось бы, тривиальные ситуационные переменные могут существенно влиять на альтруистические действия. Его результаты позволяют также судить о том, какого уровня альтруизм можно ожидать в ситуациях, требующих срочного вмешательства и когда в ситуацию вовлечен лишь один очевидец. Чуть меньше половины испытуемых, оказавших помощь (получивших инструкцию думать о профессиональных проблемах и не испытывавших ни спешки, ни избытка времени), проявляют более или менее выраженный уровень альтруизма для сравнимых жизненных ситуаций.

Важным является и вопрос – какие процессы, происходящие в группах очевидцев происшествия, препятствуют оказанию помощи? Вспомним, что уже было сказано в отношении причин просоциального поведения. Чтобы у человека возникло желание помочь, он должен ощутить свою ответственность, осознать эпизод

как ситуацию, требующую помощи, и быть уверен, что его действия приведут к одобрению, а не к насмешкам со стороны окружающих. Соответствуют этим положениям и эмпирические данные, доказывающие, что причиной «социального давления» помощи могут стать три процесса:

- 1 Когда очевидец один, он чувствует, что ответственность за вмешательство фокусируется на нем. Присутствие других понижает уровень ощущаемой ответственности. *Диффузия ответственности* редуцирует альтруизм. Этот эффект увеличивается с ростом числа присутствующих.
- 2 Неопределенность ситуации порождает у очевидца чувство неуверенности. Поскольку каждый из очевидцев колеблется, пытаясь разобраться, что же происходит, они служат друг для друга моделью пассивного поведения.
- 3 *Оценка восприятия своих действий другими*. Присутствие других очевидцев вызывает в человеке чувство неловкости, поскольку они оказываются свидетелями потенциального вмешательства. Волнение особенно заметно, когда очевидец не уверен, удачным ли окажется его вмешательство. Однако этот же феномен может и повышать вероятность вмешательства.

Люди, предлагающие помощь, обычно убеждены, что если кому-то помочь, то человеку в результате не просто станет лучше, а он еще будет испытывать чувство благодарности. Однако опыт повседневной жизни говорит о том, что это далеко не всегда так. В частности, иллюстрации сказанному представляют примеры избирательности оказания иностранной помощи, предоставляемой развивающимся странам. Многие государства Третьего мира с резкой обидой воспринимают действия правительств помогающих им стран. Почему возникает такая, на первый взгляд, парадоксальная картина?

По мнению К. Gergen и М. Gergen (1983), одно из возможных объяснений данного явления связано с выводом о том, что донор и реципиент договариваются о смысле своей межличностной связи: если Дарья помогает Маше, этим она определяет Машу как лицо, нуждающееся в помощи. Их отношения могут быть проинтерпретированы не только как взаимный обмен, но и как длительная зависимость реципиента от донора. Если альтруистическое действие воспринимается как один из моментов взаимного обмена, реципиент может считать, что оба вовлеченных в эту связь индивиды находятся во взаимной зависимости друг от друга. Во втором же случае альтруистическое действие как бы подчеркивает зависимость реципиента, что может сопровождаться осознанием себя как ущербного.

В подобных взаимоотношениях позиции доноров и реципиентов различны. Для доноров выгодно, что оказание помощи оценивается как социально желательное и «порядочное» действие. Хотя оно и требует затрат (например, времени, денег и усилий), позитивные последствия оказания помощи могут перевесить негативные. Реципиент же не хочет, чтобы оказывающий помощь считал его не способным контролировать собственную судьбу. Избавляя себя от негативных ощущений, связанных с подразумеваемыми слабостью и подчиненностью, ассоциирующимися с ролью реципиента, индивид может

трансформировать свое восприятие альтруистической связи, акцентируя внимание на ценности собственного вклада.

Fisher, DePaulo и Nadler (1981) выделяют в отношениях помощи следующие основные компоненты, влияющие на восприятие помощи: 1) характеристики донора (например, намерение манипулировать); 2) характеристики реципиента (например, самоуважение); 3) характеристики самой помощи (например, ее размеры); 4) характеристики контекста ее оказания (например, возможность ответной помощи).

Компоненты оказания помощи определяют величину ущерба или поддержки Я-образу реципиента. Если преобладает ощущение потенциального ущерба, можно ожидать отрицательной реакции. Она включает в себя негативные чувства, негативную оценку донора и самой помощи, а также выраженную мотивацию.

Каковы же основные детерминанты просоциального поведения? В данной главе мы акцентировали внимание на эффектах взаимности, настроении, социальной ответственности, эмпатии и образцах для подражания.

Главный принцип – это взаимность затрат и приобретений. Человек, отвечающий услугой на услугу, следует нормативным поведенческим предписаниям, поддерживаемым естественным отбором. Такое поведение чаще всего воспринимается как узаконенное, и для реципиентов помощи маловероятны негативные последствия.

Хорошее настроение повышает вероятность просоциального поведения, тогда как следствия плохого – более разнообразны. Однако угрызения совести, вызываемые проступком, позволяют с достаточной уверенностью прогнозировать просоциальное поведение, которое может интерпретироваться как процесс, содействующий поддержанию личностных связей.

Диффузия ответственности снижает вероятность вмешательства очевидцев в происходящее; при этом индивидуальная склонность принимать на себя социальную ответственность прямо коррелирует с просоциальным поведением. Эмпатия – еще одно качество, в различной степени выраженное у отдельных людей и тоже непосредственно связанное с готовностью к просоциальному поведению. Сказанное справедливо как для диспозиционной, так и для ситуативной эмпатии. Социальная ответственность и эмпатия являются центральными характеристиками просоциальной личности.

Феномены незнания чужой оценки и оценки своих действий другими, наблюдавшиеся в группах пассивных очевидцев в ситуациях, требующих срочного вмешательства, могут служить примерами влияния окружения на наблюдателя. Если феномен незнания чужой оценки порождается пассивными очевидцами, принимаемыми индивидом за образец поведения, то оценка своих действий другими является выражением тревожности, возникающей у многих людей, когда они не уверены в том, что следует предпринять, и знают, что действовать придется на глазах у публики.

Теории, создаваемые для объяснения просоциального поведения, дополняют друг друга и могут применяться одновременно. Это позволяет лучше понять, чем определяется оказание или неокказание помощи в каждом конкретном

случае. Если происходящее не воспринимается индивидом как ситуация, требующая помощи; если среди очевидцев возникает диффузия ответственности; если затраты на помощь высоки; если те, кто потенциально может оказать помощь, чувствуют, что другие посмеются над их неспособностью компетентно помочь, тогда вероятность вмешательства в обстоятельствах, не требующих отлагательств, весьма низка.

Глоссарий

Вера в справедливость мироустройства (*just-world belief*). Общее представление, что в целом люди получают то, чего они заслуживают. Незаслуженные страдания других угрожают вере в справедливость мироустройства и мотивируют попытки восстановить ее путем уменьшения страданий жертвы (оказание помощи) или переоценки ее значимости.

Взаимность (норма взаимности) (*reciprocity norm* of). Норма, в соответствии с которой мы должны делать для других то, что они делают для нас. Норма взаимности призывает к позитивным ответам на «хорошее» поведение и к негативным на «плохое». О просоциальной взаимности говорят в тех случаях, когда люди осуществляют помощь, «оплачивая» ранее предоставленную им услугу.

Диффузия ответственности (*diffusion of responsibility*). Когнитивная реинтерпретация происходящего, разделяющая ответственность между группой лиц, в результате чего каждый из членов переживает меньшую ответственность. Иначе говоря, в группе каждый индивид чувствует себя менее ответственным, чем в одиночку. Между свидетелями происшествия, требующего срочного вмешательства, ослабление чувства ответственности за происходящее может стать причиной замедления оказания помощи.

Осознание нахождения под наблюдением (*evaluation apprehension*). Неприятное чувство, испытываемое человеком, за чьим поведением наблюдают посторонние. Оно может породить тревогу и ухудшить качество деятельности или уровень ее выполнения, в зависимости от привычности задачи и от прошлого опыта.

Плюралистическое игнорирование (*pluralistic ignorance*) – убежденность, что собственное восприятие ситуации отличается от точки зрения других (при том, что видимое поведение субъекта идентично поведению других наблюдателей). В группах очевидцев событий, требующих срочного вмешательства: ошибочный вывод каждого из очевидцев, что другие интерпретируют происходящее как безобидное происшествие.

Социальная ответственность – норма социальной ответственности (*social responsibility, norm of*) Предписывает людям помогать тем, кто от них зависит. Она противоположна норме самодостаточности, предполагающей, что в первую очередь люди должны заботиться о самих себе.

Угрызения совести, или вина перед другими (*interpersonal guilt*) Неприятное чувство по отношению к самому себе, возникающее в результате осознания своей ответственности и неприятности других людей или за причиненный им ущерб.

Эмпатия (*empathy*). Аффективное состояние, возникающее у индивида при непосредственном наблюдении эмоционального состояния другого лица. Это состояние является результатом принятия личностью позиции другого и понимания его чувств.

Вопросы для обсуждения

1. Многие исследования обнаруживают влияние хорошего настроения на помогающее поведение. Как вы объясняете эти результаты? Почему эффект хорошего настроения крайне непродолжителен?
2. Каковы характеристики просоциальной личности?
3. Какую роль играет эмпатия в качестве детерминанты просоциального поведения?
4. Опишите разницу между ситуационной и диспозиционной эмпатией.
5. Являются ли мотивы просоциального поведения альтруистическими или эгоистическими? Какие эмпирические исследования можно было бы провести, чтобы исследовать этот вопрос?
6. Как вы объясните тот факт, что просоциальное поведение редуцируется, если нарушается личный стандарт справедливости?
7. Как ситуационные факторы усиливают или ослабляют просоциальное поведение, осуществляемое в соответствии с нормой социальной ответственности?
8. Возможно ли уменьшить диффузию ответственности, часто наблюдаемую в чрезвычайных ситуациях?
9. Почему уместно говорить о норме взаимности в просоциальном поведении, особенно если речь идет о принимающих помощь лицах, обладающих высокой самооценкой?

Для дополнительного чтения

- Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1999.
- Пайнс А., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.
- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., ЭКСМО-Пресс, 1998.

Основной источник

Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Агрессивное поведение

В главе представлен обзор теоретических подходов и результатов эмпирических исследований, направленных на выяснение особенностей и механизмов осуществления и формирования агрессивного поведения. Проблема агрессивного поведения рассматривается с учетом специфики конкретных социальных систем, в которых оно проявляется (таких, как семья, школа и работа и т. п.). Представлено описание интегративных моделей, анализирующих агрессивное поведение с точки зрения субъекта.

Показывается, что процесс принятия решения об осуществлении или неосуществлении агрессивных действий находится в прямой зависимости от социальных норм, атрибутирования и интерпретации, осуществляемых с конкретных позиций. Рассматриваются индивидуальные особенности проявления агрессии, реагирования на агрессию и пути ее регулирования.

Определение агрессии

Агрессия и насилие являются, о чем свидетельствуют средства массовой информации, достаточно распространенными формами поведения в обществе. Многие из нас становились либо жертвами насилия или агрессивных действий, либо их свидетелями. Чего греха таить, и сами мы иногда проявляем агрессивность в отношении окружающих. Агрессивное поведение стало характерной особенностью современной жизни, и многие убеждены в том, что она постоянно растет.

Определение агрессии в существенной степени детерминировано теоретическими подходами, которые будут представлены позже. Особую проблему для социальных психологов представляет определение агрессии по результатам эмпирических исследований. Изучение агрессивного поведения в экспериментальных или естественных условиях требует определенного согласия в отношении путей и средств описания и объяснения феномена. Еще одну проблему создает определение агрессии на бытовом уровне или с позиции обыденного сознания, предполагающее наделение данного феномена определенным и понятным значением. Степень согласия в определении агрессии определяется так же и социальными и культурными стандартами воспринимающего. Существуют культуры и субкультуры, рассматривающие насилие как вполне естественное и даже необходимое. С другой стороны насилие рассматривается как неприемлемое для европейской культурной традиции.

По отношению к агрессивному поведению предпринято немало теоретических объяснений и эмпирических исследований, результаты которых часто противоречат друг другу. Такое противоречие имеет место и по отношению к самому определению феномена. Тем не менее сегодня можно говорить об определенном согласии исследователей в том, что для агрессивного поведения особенно характерны: 1) причинение ущерба или нанесение травмы другому лицу или организму; 2) намерение вызвать негативные последствия для жертвы. Оба эти аспекта охватываются определением, предложенным R. A. Baron: «Агрессией называется любая форма поведения, направленная на причинение ущерба или нанесение травмы другому живому существу, стремящемуся избежать подобного обращения» (Baron, 1977, p. 74). Блеквелловская энциклопедия по социальной психологии определяет ее как: «Преднамеренное и внутринеобусловленное причинение вреда другому человеку, мотивированному на избегание такого обращения с собой» (2000, с. 16).

Проблема определения агрессии связана с проблемой ее измерения. Любое определение должно содержать элемент операциональности, предполагающий включение индикаторов проявления изучаемого феномена и средств их измерения и фиксации. На практике исследователи склонны использовать определения, соответствующие их собственным приоритетам. Следствием этого является варьирова-

ние способов и инструментов изучения агрессивности от автора к автору при внешнем использовании одного и того же понятия «агрессия». Например можно ли уравнивать протест аборигенов против захвата их родной земли с актами международного терроризма?

Так как проблема определения агрессии не решена мы должны задаться вопросом как ее операционализировать, т. е. создать операциональное определение. Сложность решения этой задачи связана еще и с тем, что различные авторы используют разные измерительные процедуры к одному и тому же понятию или номинальному определению. Примеры такого рода представлены во вставке 9.

Вставка 9.

Экспериментальные аналоги агрессии

- Стучание кулаком по надувной пластиковой кукле (Bandura с соавт, 1963).
- Нажимание на кнопку, вызывающую электрический шок у кого-либо другого (Buss, 1965).
- Бланковая оценка учителями и одноклассниками уровня агрессивности детей ((Eron, 1982).
- Письменные самоотчеты подростков, состоящих на учете в милиции, их прошлого агрессивного поведения (Leyens etc., 1978).
- Словесное выражение готовности использовать насилие в лабораторных условиях (Geen, 1978).

Приводится по Hogg M. A., Vaughan G. M., 1995, с. 369.

По этой причине вопрос проведения исследования требует скрупулезной проработки операциональных определений и подбора адекватных инструментов, выраженных в них индикаторов агрессивности как таковой. Этот момент должен обсуждаться при сопоставлении результатов различных исследований друг с другом, так как вполне может получиться, что сравниваются совершенно несоизмеримые данные. Например, если придерживаться уже упоминавшегося определения агрессии как «преднамеренного и внутринеобусловленного причинения вреда другому человеку, мотивированному на избегание такого обращения с собой», мы должны использовать как минимум инструменты, позволяющие фиксировать преднамеренный и внутринеобусловленный характер агрессивных действий и уровень мотивированности объектов агрессивных действий на их избегание.

Типология агрессивного поведения

Существует множество способов вести себя агрессивно. Некоторые авторы проводили классификацию типов агрессивного поведения на основе различных критериев, деля, в частности, агрессию на физическую и вербальную (Buss, 1961), на оборонительную и наступательную, спровоцированную и беспричинную (Zillmann, 1979), аффективную и инструментальную (Geen, 2000) и др. Очевидно то, что наше восприятие агрессивных действий выходит за рамки объективного описания или наблюдения, основываясь, скорее, на предположениях. Мы вернемся к этому явлению в дальнейшем. Здесь же приведем

типологию агрессивного поведения, обобщенную известным отечественным исследователем данной проблемы И. А. Фурмановым (2004, с. 23-24). Он типологизирует агрессивность по ряду критериев:

1. **По направленности на объект** – на *внешнюю (гетеро)*, характеризующуюся открытым проявлением агрессии в адрес конкретных лиц (прямая агрессия) либо на безличные обстоятельства, предметы или социальное окружение (смещенная агрессия) и *внутреннюю (ауто)*, характеризующуюся выражением обвинений или требований, адресованных самому себе.
2. **По способу выражения** – на *произвольную*, возникающую из желания, намерения, воспрепятствовать, повредить кому-либо, обойтись с кем-то несправедливо, кого-нибудь оскорбить и *непроизвольную*, представляющую собой нецеленаправленный и быстро прекращающийся взрыв гнева или ярости, когда действие неподконтрольно субъекту и протекает по типу аффекта.
3. **По конечной цели** – на *инструментальную (конструктивную)*, когда действия имеют позитивную ориентацию и направлены на достижение цели нейтрального характера, а агрессия используется при этом лишь в качестве средства (здесь рассматривают индивидуальную инструментальную-своекорыстную и бескорыстную, а также социально-мотивированную инструментальную-асоциальную и просоциальную агрессию), и *враждебную (деструктивную)*, когда в действиях прослеживается стремление к насилию, а их целью является нанесение вреда другому человеку.
4. **По форме выражения** – на *физическую агрессию*, предполагающую предпочтительное использование физической силы против другого лица; *вербальную агрессию* – выражение негативных чувств как через форму (крик, визг) или через содержание (оскорбления, ругань и т. п.) словесных ответов; *косвенную агрессию* – действия, направленные окольным путем на другое лицо, хоть как-то связанное с обидчиком или ни на кого не направленное прямо (удар кулаком по столу); *негативизм* – оппозиционная форма поведения, направленная обычно против авторитета или руководства, могущее нарастать от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся порядков.

Теоретические подходы к агрессии

Проблема нахождения объяснений человеческой злобы и жестокости в отношении себе подобным интересовала с древних времен. Различного рода объяснения можно с определенной долей условности разделить на два широких класса – биологические и социальные. Причем доказательства приводятся в пользу каждого из них в рамках более широкой оппозиции – природное / приобретенное: является ли агрессия детерминированной нашей биологией или окружением?

Рассмотрение природы агрессивности в рамках социальной психологии обуславливает больший интерес к теоретическим подходам, акцентирующим внимание на влиянии социального окружения, т. е. приобретенного. Тем не

менее, определенное внимание будет уделено и роли биологического, или природного. В результате все агрессивные действия совершаются нашей телесной системой, следовательно, ее роль никак не может быть преуменьшена.

Биологические подходы. Долгое время ситуацию определяли биологические представления о причинах агрессивного поведения. Это дискуссии об агрессии как инстинкте (McDougall, 1908), влечении (Freud, 1920) или инстинктивном поведении (Logenz, 1963). Повседневный опыт показывает, что феномен агрессии всеобщ, и это неизбежно приводит к его анализу с точки зрения эволюционных функций агрессии. Сформированная естественным отбором, агрессия рассматривается как поведенческая стратегия, имеющая приспособительную ценность с точки зрения цели эволюции, каковой является успешное воспроизводство индивидуумом своих генов (Dawkins, 1989). Агрессия рассматривается как инстинкт, в природе которого лежат генетические факторы. В этой связи полезно описание некоторых характеристик инстинкта:

1. *Целенаправленный* и имеющий завершение в конкретных последствиях, а именно в нападении.
2. *Полезный* для индивидов и животных.
3. *Адаптирующий* к обычному окружению (но не к необычному).
4. *Разделяемый* большинством представителей вида (несмотря на то что его проявления могут сильно варьироваться от одной особи к другой).
5. Развивающийся по мере взросления взрослой особи.
6. Ненаучаемый на основе индивидуального опыта (хотя может проявляться в научаемых обстоятельствах контекста (Hogg, Vaughan, 1995, p. 366).

Биологический подход не является однородным. В его рамках можно выделить три направления в объяснении природы агрессии. В каждом из них утверждается, что агрессия является внутриприсущим элементом человеческой природы, что мы от рождения запрограммированы на агрессивные действия. Наиболее старым является версия З. Фрейда, разработанная в самом начале прошлого столетия. Позже появилась этологическая версия, основанная на исследованиях поведения животных. Третьей и наиболее современной является социобиологическая. В этой последовательности мы и рассмотрим их особенности.

Фрейд (1930) предположил, что человеческая агрессия коренится в инстинкте смерти, *танатосе*, как диалектической противоположности инстинкту жизни, *эросу*. Танатос исходно рассматривался как направленный на саморазрушение, но впоследствии был перенаправлен на других. В определенной степени подход Фрейда был инициирован разрушительными последствиями первой мировой войны. Столкнувшись с многочисленными примерами нечеловеческой жестокости и разрушений он попытался дать им свое объяснение в виде наследуемого инстинкта. С точки зрения Фрейда, мораль, этика являются собой лишь тончайшую пленку на агрессивном сознании троплодита. Как только эта пленка прорывается, он хватается за дубину и крушит все подряд. Агрессивные побуждения, основывающиеся на танатосе, находят свое выражение в росте телесного напряжения, нуж-

дающегося в разрядке. Данный подход является иллюстрацией однофакторного решения: агрессия является естественнообусловленной и нуждается в высвобождении. Концепция Фрейда была пересмотрена постфрейдистами, рассматривавшими агрессию более рационально, но также как внутрисущий процесс, посредством которого люди высвобождают инстинкт выживания, ведущий для всех представителей животного мира (Hartmann, etc., 1949).

Идеи *этологического подхода* сформулированы в трех наиболее известных книгах о поведении животных: «Об агрессии» К. Лоренца (1966), «Территориальный императив» Ardrey (1966) и «Беззащитная человекообразная обезьяна» Морриса (1967). Объяснение природы агрессивности основывается на данных этологии, области биологии, занимающейся изучением животных инстинктов или фиксированных поведенческих паттернов животных, живущих в естественных условиях обитания.

Как и неофрейдисты, этологи отмечают позитивный, функциональный аспект агрессии, признавая что несмотря на то, что основание агрессии или инстинкт является внутрисущим, актуальное агрессивное поведение вызывается специфическими стимулами окружающей среды, известными как возбудители. Лоренц, опираясь на принцип эволюции, обосновывает, что агрессия обладает ценностью для выживания. Одинокое животное существенно более агрессивно по отношению к другим представителям своего вида служа цели распределения и более эффективного использования ограниченных ресурсов, таких, как выбор сексуальных партнеров для спаривания, пищи и территории. Большую часть времени внутривидовая агрессия не сопровождается применением насилия, а сопровождается демонстрацией агрессивности и запугиванием других животных, вынуждая их уйти со сцены. Убийство конкурентов используется лишь в крайних случаях. Эта теория является двухфакторной: 1) агрессия является внутривидовой; 2) зависит от соответствующих стимулов возбудителей внешнего окружения.

Эта идея была спроецирована Лоренцем и на человека. Конечно ценность агрессии для выживания человека менее очевидна, чем для других животных. Тем не менее при желании ряд сходств все же может быть найден: 1) в состоянии ярости мы не можем остановиться; 2) для убийства мы, как и хищники, используем дополнительные средства – оружие.

Последние разработки в области нахождения биологических оснований агрессии связаны с *социобиологией*, пытающейся найти биологические основания социального поведения. Основываясь на эволюционной теории Ч. Дарвина, социобиологи обосновывают то, что определенные виды поведения поддерживаются генами выживания, которые способствуют долголетию индивида, передаваясь от поколения к поколению. Агрессия является адаптивной, так как связана с продлением человеческого рода через производство потомства. Она повышает возможность доступа к ресурсам и тем самым обеспечивает выживание как отдельного индивида, так и человеческого рода. Адаптивность агрессии по отношению к человечеству проявляется опять-таки через повышение возможностей доступа к ресурсам, обеспечивая экономическое развитие за счет сохранения собственных ресурсов и завоевание новых. Пример такого рода дают США.

В целом биологический подход к объяснению агрессии получил достаточную популярность в силу обоснования необходимости насилия как являющегося частью человеческой природы. Вполне очевидно и то, что так как агрессивные действия осуществляются телесной субстанцией, то определенная роль не может не принадлежать ей. Более того невозможность нахождения однозначных физических коррелятов агрессии создает основания для различных предположений о них, в наиболее современных версиях, переходящих на уровень генов и биохимических процессов. Однако большинство социальных исследователей не считают биологические факторы агрессии решающими и значительно больше внимания уделяют факторам социальным и биосоциальным, к рассмотрению которых мы и переходим.

Социальные психологи предпочитают анализировать социальные факторы и процессы, в частности социальное научение, влияние социального контекста и др. Несмотря на то, что большинство исследователей не связывают агрессию с инстинктами, некоторые из них рассматривают их как драйвы или побуждения, которые могут как научаться, так и внутренне стимулироваться и каждый из которых вызывается определенными социальными событиями или обстоятельствами. Так как эти подходы включают и биологические элементы, они могут быть отнесены к биосоциальным теориям. Две из представляемых ниже обосновывают, что драйвы (или состояния возбуждения) являются предусловиями агрессии, хотя и различаются по внутренним и внешним факторам, способствующим агрессивным реакциям.

Агрессия и фрустрация. В 1939 году пять авторов, так называемая Йельская группа, издали книгу под названием «Фрустрация и агрессия» (*Frustration and Aggression*), положившую начало экспериментальному изучению агрессии в рамках социальной психологии. В течение нескольких десятилетий гипотеза фрустрации — агрессии была теоретическим ядром исследований в данной области. В основе подхода лежит идея о том, что совершать агрессивные поступки индивида побуждает энергия, порождаемая фрустрацией. Под фрустрацией понимается состояние, возникающее в случае блокирования достижения цели. При этом под агрессией понимается действие, направленное на причинение ущерба другому организму. Два эти понятия связаны между собой двумя основоположениями: 1) фрустрация всегда ведет к какой-то форме агрессии; 2) агрессия всегда является следствием фрустрации. Тем не менее агрессия отнюдь не всегда направлена на причину фрустрации и может принимать различные формы. Если, например, источник фрустрации физически очень силен или обладает социальной властью, фрустрированная личность может обратить свою агрессию против другой, менее опасной личности, или же выразить ее более косвенным способом. Формами переноса агрессии является замещение объекта и замещение реакции. В соответствии с представлением о катарсисе, тенденция действовать агрессивно редуцируется путем демонстрации агрессивного поведения или его заместителей. Первые обоснования гипотезы агрессии / фрустрации были подвергнуты критике. Отмечалось, что фрустрация не всегда ведет к агрессии, а часто сопровождается бегством или апатией. К тому же агрессия

часто проявляется и без предшествующей фрустрации. С учетом критики были внесены изменения в основоположения теории. Фрустрация стала рассматриваться лишь как один из стимулов к агрессии. При этом в индивидуальной иерархии возможных реакций агрессия превратилась лишь в доминирующую тенденцию, вызываемую фрустрацией. Общая схема приобрела следующий вид – фрустрация порождает готовность к агрессии, но проявится ли она в актуальном поведении, зависит от дополнительных условий.

Более точно определить связь между фрустрацией и агрессией попытался Л. Берковиц (L. Berkowitz, 1964, 1969, 1974) – автор теории активирующих ключевых стимулов (cue-arousal theory). С его точки зрения, акт агрессии имеет два разных источника: рост активации, вызванной гневом по отношению к агрессору, и ключевые признаки ситуации. Чтобы систематически проверить положения теории активирующих ключевых стимулов, Берковиц с коллегами провел серию экспериментов (Berkowitz, 1974). Наиболее известным их результатом является так называемый *эффект оружия* (*weapons effect*).

Оружие, как указывает Берковиц, – это ярчайший пример ситуационного ключа агрессии. Его присутствие в принципе должно вести к более острым проявлениям агрессии (в отличие от объектов, вызывающих нейтральные ассоциации). Берковицем и Лепажем был проведен эксперимент (Berkovitz, LePage, 1967), проверяющий следующую гипотезу: если оружие действует как ключевой раздражитель, будут ли фрустрированные или разгневанные люди в присутствии оружия проявлять большую агрессию? Испытуемые (юноши, студенты колледжа) должны были выполнять определенное задание и получить от помощника экспериментатора оценку (различное количество ударов током). Оценка не зависела от реального выполнения задания, но должна была порождать чувство гнева разной силы. Испытуемые, получившие больше ударов, чаще сообщали о гнев, чем испытуемые, получившие только один удар. На втором этапе эксперимента как испытывающие, так и не испытывающие гнева участники должны были оценить работу помощника экспериментатора путем нанесения ему ударов током. Производилось манипулирование ситуационными ключами агрессии. В одном случае на соседнем столе помещались ружье и револьвер, в другом там не было ничего. Результаты явно соответствовали гипотезе: на количество ударов током, наносимых помощнику экспериментатора не испытывавшими гнева участниками, ключи агрессии не оказывали никакого эффекта. Разгневанные испытуемые, напротив, в присутствии оружия наносили больше электроударов, чем в его отсутствие. Данное исследование (как и ряд других) подтвердило, что ключевые стимулы действительно усиливали агрессивные реакции. Тем не менее были внесены и некоторые корректировки в исходные теоретические построения. Утверждается, аффективно окрашенные объекты действуют скорее в когнитивном плане, провоцируя у разгневанных испытуемых возникновение агрессивных мыслей и образов. Простое присутствие ключевых стимулов агрессии, независимо от предшествующей фрустрации или гнева, может облегчить оживление схем памяти связанных с агрессией.

Неспецифическая активация / возбуждение. Модель неспецифической активации / возбуждения была предложена Зильманном (Zillmann) в 1979 году. В соответствии с данной моделью проявление агрессии (или любой другой эмоции такого типа) является функцией трех факторов:

1. Наученных типов агрессивного поведения.
2. Неспецифических активаций или возбуждения, полученных из других источников.
3. Интерпретации человеком состояния возбуждения, которое ассоциируется им с агрессивной реакцией.

Зильманн с коллегами утверждают, что остаточная эмоциональная активация от предыдущей ситуации может усиливать активацию, порождаемую новой ситуацией, выделяя два условия передачи возбуждения и, следовательно, возрастания агрессии: 1) агрессия является доминирующей тенденцией реагирования на новую ситуацию, т. е. индивид уже предрасположен действовать агрессивно; 2) активация интерпретируется (или определяется) в контексте последующей агрессии. В ответ на унижительное замечание или несправедливое обвинение мы ощущаем повышение кровяного давления и учащение дыхания. Но те же самые признаки физиологической активации могут возникнуть в ситуации, когда нас неожиданно попросят выступить перед группой на семинаре. Очевидной интерпретацией того же физиологического состояния будет замешательство или страх, и агрессивная реакция окажется маловероятной. Особенности такого рода поведения иллюстрирует приводимая схема 36. Когда активация может быть определенно приписана неагрессивным стимулам, она будет интерпретирована правильно и не повлияет ни на уровень, ни на вероятность возникновения агрессивного поведения. Таким образом, возрастания агрессии в результате общей активации можно ожидать, когда у индивида отсутствует четкая информация о причинах ее возникновения.

Нетрудно предположить, что возрастающее возбуждение может привести людей к более агрессивным реакциям по сравнению с их поведением в обычном состоянии.

Схема 36.

Модель неспецифической активации / возбуждения Зильманна.

Приводится по Hogg, Vaughan, 1995, p. 370.

Подход социального научения к агрессии. Теории социального научения представляют одну из наиболее успешных попыток когнитивизации классического бихевиоризма за счет включения в плоскость рассмотрения когнитивных механизмов внутренней активности личности, детерминирующих ее поведение. Они исследуют процессы, ответственные:

- за приобретение поведения или его последовательностей;
- за побуждения к действиям;
- за сохранение поведения.

Наиболее известным представителем этого подхода является А. Бандура, использовавший вместе с Уолтерсом (Walters) подход социального научения к пониманию агрессии. Конечно асоциальное поведение может научиться как и просоциальное. Хотя Бандура и признавал роль биологического фактора по отношению к агрессии, но придавал значительно большее значение жизненному опыту, который может направляться и формироваться. В процессе социализации ребенок может научиться агрессии либо через непосредственное, либо через опосредованное подкрепление.

Идея научения через непосредственные реакции или инструментальное подкрепление основывается на принципе оперантного обусловливания Скиннера, рассматривавшегося нами ранее в разделе, посвященном бихевиористскому подходу. Например, если один ребенок возьмет у другого игрушку и никто не воспрепятствует этому, то он может повторить этот поступок и в последующем, обретя желанную вещь и получив подкрепление агрессивного действия. Такое поведение может породить разные последствия. Если оно оказалось успешным (т.е. оказалось удачным способом получения привлекательного предмета), ребенок может использовать те же приемы и в других аналогичных ситуациях. Через позитивное подкрепление склонность вести себя агрессивно будет усиливаться. Сегодня можно считать доказанным, что люди приобретают различные формы агрессивного поведения посредством инструментального обусловливания. Внешние условия окружения контролируют освоение и применение агрессивных приемов. В таком деле могут оказаться эффективными различные формы подкрепления: получение привлекательных вещей, таких, как игрушки, деньги, сласти; завоевание социального одобрения и повышение статуса; избегание боли. В дальнейшем социальная поддержка (групповые или социальные нормы) также может усилить выражение враждебности, или агрессивные реакции.

Впоследствии эта идея получила развитие в принципе научения через моделирование, утверждающего, что далеко не все поведение обретается через инструментальное подкрепление или научение на собственном опыте, а большая часть поведенческих алгоритмов усваивается в результате аккумуляции опыта других. Бандура (1973) предположил, что первым шагом к приобретению новых форм агрессивного поведения как раз и является процесс научения через моделирование. Индивид приобретает новые и более сложные формы поведения, наблюдая как само поведение, так и его последствия на других людях или образцах. В типичном эксперименте по подражанию образцам или моделям (Bandura, Ross, Ross, 1961, 1963)

дети наблюдали за действиями взрослого. Он демонстрировал необычное и совершенно новое для них поведение – бил большую надувную игрушку (куклу «Бобо») резиновым молотком, пинал ее ногами и кричал на нее. В контрольной группе дети наблюдали за взрослым, спокойно игравшим с игрушками. На втором этапе эксперимента игравший взрослый (модель) вознаграждался экспериментатором либо вовсе оставался ненагражденным. Далее дети получали возможность поиграть теми же самыми игрушками. Выяснилось, что они имитировали ту же модель поведения, которая на их глазах получала подкрепление.

В большинстве экспериментов с детьми подчеркивается освоение новых форм поведения, сходные опыты со взрослыми показывают, как в некоторых ситуациях наблюдение поведенческой модели может ослабить подавление агрессии. Модели агрессивного поведения предоставляются детям преимущественно в двух основных социальных контекстах, каждый из которых релевантен их повседневному социальному взаимодействию: это семья и группы сверстников (Bandura, 1973). С этим аспектом связаны и постоянные дискуссии о роли СМИ в провоцировании агрессивного поведения, особенно среди молодежной аудитории.

Согласно Бандуре, будет ли человек агрессивен в той или иной ситуации зависит от ряда условий:

- присутствия предшествующего опыта агрессивного поведения, включая как своего собственного, так и других людей;
- степени успешности прошлого агрессивного поведения;
- вероятности того, что нынешнее агрессивное поведение будет скорее успешным, чем неуспешным;
- комплекса когнитивных, социальных и окружающих факторов, присутствующих в ситуации.

Бандура показал в самых разных экспериментальных условиях, что дети очень быстро мимически реагируют на проявление агрессивных действий со стороны других. Если взрослые предъявляют модель агрессивного поведения, не следует сомневаться, что дети оценивают их как агрессивных и авторитарных людей. Столь же эффективно и предъявление моделей агрессивного поведения на телевидении.

Теория социального научения стимулировала многочисленные исследования агрессии в самых разнообразных ее аспектах. Они в свою очередь привлекли внимание общественности к причинам агрессии, в частности на связь между ростом насилия и его показом на телевидении среди детей и взрослых. Если насилие научается, показ агрессивного поведения и моделей его успешного осуществления вызывает желание к подражанию. Примеры возрастания насилия в подростковой среде характерны после показа различных криминальных сериалов. Агрессивность становится установленным способом поведения, а иногда стилем жизни, повторяющимся от поколения к поколению. Но это не обязательно означает, что изменения в стиле жизни невозможны. Они, конечно, возможны, но требуют значительных усилий и специальных программ по модификации поведения. В своих последующих исследованиях Бандура разработал принцип взаимного детерминизма, уже известный нашему читателю, в соответствии с которым изменения возможны при учете взаимной детерминированности личностных, ситуативных и активностных факторов. Изменить поведение значит изменить личность, ее окружение и характер

доминирующей активности. Недостаточно изменить только отношение к агрессии. Следует создать и условия, не способствующие ее проявлению, а также вооружить человека видами активности, способствующими адаптации к изменившимся условиям существования.

Представленный обзор теоретических подходов к проблеме агрессии свидетельствует о ее сложности и многогранности, а также дискуссионности предлагаемых в них объяснений. Дискуссии происходят не только по сути предлагаемых объяснительных моделей, но и по самому определению феномена агрессии. Ясно одно, что ни одна из них не дает исчерпывающего объяснения и лишь в диалоге научного сообщества, представляющего различные точки зрения, возможно углубление и развитие этих представлений.

Личностные и ситуативные факторы агрессии

Несмотря на то что вычленение личностных и ситуативных факторов агрессии возможно лишь в абстракции из методических соображений, оно полезно. С позиции здравого смысла, лица, совершающие агрессивные действия, обладают определенными особенностями, наконец, разные ситуации по разному влияют на их актуализацию. В своей оценке действий человека эта дифференциация вполне очевидна. Более того, в соответствии с особенностями атрибутирования наше внимание сосредотачивается именно на личностных особенностях, являющихся причинами наблюдаемого агрессивного поведения. Но тот же опыт подсказывает, что в обычной жизни совершенно безобидный человек в определенной ситуации может стать агрессивным, скандал в семье, драка на стадионе, «эмоциональный всплеск» в магазине и т. п. Эта же дифференциация характерна и для развития самой социальной психологии, правда в другой последовательности. Первоначально основное внимание уделялось именно ситуативным факторам, которые лишь впоследствии были дополнены личностными. Тем не менее рассмотрение этого аспекта проблемы агрессии мы начнем с личностных переменных, связываемых с агрессией.

Личностные переменные. Идея о том, что люди ведут себя агрессивно, потому что обладают агрессивными качествами является достаточно привлекательной с точки зрения здравого смысла. Конечно, этот вывод является упрощенным, но по ряду оснований, связанных с возрастными, гендерными, культурными и прочими особенностями, некоторые люди ведут себя более агрессивно, чем другие.

Исследования последних лет показали наличие выраженных *поведенческих паттернов*, названных *Тип А личности* (Matthews, 1982). Этот синдром связывается с выраженностью коронарного заболевания сердца. Лица с данной особенностью проявляют высокую склонность к гиперактивному и соревновательному взаимодействию с другими людьми. Эмпирические исследования показали, что они становились агрессивными по отношению к людям, воспринимающимся им как конкуренты в решении значимых задач. Они предпочитают работать добиваться целей в одиночку, испытывая состояние повышенного стресса и стараясь не показать собственную некомпетентность перед окружающими и считая, что они полностью контролируют ситуацию. Им сложно воспитывать детей, они отличаются повышенной конфликтностью во взаимоотношениях со сверстниками и подчиненными и т.п.

Другой источник индивидуальных различий связан с *гендером* и основывается на особенностях половой социализации, что находит свое выражение в том, что мальчики являются более агрессивными чем девочки, которые стараются скрывать данную особенность. Безусловно эта тенденция не является неизменной и варьируется от одной субкультуры к другой. В связи с ростом популярности феминистских идей в последние годы наблюдается рост агрессивности и у девочек. В то же время мальчики чаще становятся жертвами физического насилия, а девочки проявляют большую склонность к вербальной агрессии.

Одним из инструментальных оснований агрессивности является *катарсис*, связанный с реализацией поведения как средства выплеска или разрядки сдерживаемых эмоций. Хотя в сегодняшнем сознании идея катарсиса в большей степени ассоциируется с З. Фрейдом, ее истоки прослеживаются в работах Аристотеля и древнегреческих трагедиях: для освобождения от эмоционального возбуждения люди совершают обряд очищения своих чувств. В данном контексте совершение агрессивных действий может способствовать эмоциональной разрядке. Пример такого рода разрядки известен из японской индустриальной практики – разрядки отрицательных эмоций работников производства в отношении своего непосредственного начальства путем избивания их муляжей в специально отведенных для этого помещениях. Однако отношения между фрустрацией и катарсисом значительно более сложны – агрессия может снять эмоциональное напряжение по отношению к определенным событиям и повысить – по отношению к другим. Можно считать, что уровень обычной агрессивности индивида вне зависимости его катарсиса, чувства стыда и т.п. оказывает существенное влияние на ощущения большей или меньшей агрессивности.

Существенно влияет на агрессию и *непосредственное провоцирование*. Вполне очевидно, что в случае провоцирования вероятность агрессии возрастает. Более того, провокация может приводить к настоящим эмоциональным взрывам, сопровождающимся крайними проявлениями агрессии, примеры чего в большом количестве представлены в спорте, барах и т. п. Это еще раз подтверждает значимость принципа взаимности. Практика показывает, что беспочвенная агрессия значительно меньше выражена по сравнению со спровоцированной. Другое дело, что сам провоцирующий объект даже может и не подозревать о своей роли (так как его действия интерпретируются) а ее характер может определяться особенностями внутреннего состояния интерпретатора. Поэтому велика роль профилактики агрессии, заключающейся, в частности, в ознакомлении людей с теми действиями, которые могут спровоцировать агрессивные действия.

На проявление агрессии влияет и *алкоголь*, снижающий уровень кортикального контроля и повышая активность более примитивных отделов головного мозга. К тому же употребление алкоголя сопровождается своеобразным социальным давлением на совершение агрессивных действий. Можно говорить об определенном ролевом наборе человека, находящегося в состоянии алкогольного опьянения: повышенная возбудимость, мания величия, стремление к привлечению внимания, самоуверенность в своих силах и т. д. Следует отметить, тем не менее, что фактическая статистика, устанавливающая связь между совершением агрессивных действий и алкоголем, расходится с обыденными представлениями. Исследования по-

казывают, что значительно выше роль стресса и агрессивного стиля жизни вне зависимости от употребления алкоголя. Но очевидно и то, что агрессивные люди предпочитают употреблять алкоголь, поэтому и возникает дилемма первичности.

Еще один социально-когнитивный феномен, связанный с агрессией, представляет *расторможенность*, выражающаяся в снижении социальных сил, направленных на сдерживание агрессии. В определенных ситуациях действие этих сил становится минимальным, например, на спортивном мероприятии или массовом гулянии. В этом случае имеет место влияние присутствия других, приводящее к размыванию собственной идентичности или деиндивидуализации. Эти аспекты более подробно будут рассмотрены в главе, посвященной массовидным социально-психологическим явлениям. В частности, L. Mann (1981) использовал понятие деиндивидуализации к исследованию коллективной агрессии. Он изучал описания коллективной агрессии в средствах массовой коммуникации с 1960-х по 1970-е годы. Их общей особенностью было коллективное наблюдение за каким-либо публичным действием, привлекающим внимание. Была выявлена зависимость начала коллективной агрессии от времени привлечения внимания, масштабов толпы, уровня эмоционального возбуждения и т. п., представленных на схеме 37.

Наибольшую известность получили исследования расторможенного поведения английских футбольных фанов, наводивших в свое время ужас на добропорядочных граждан всей Западной Европы. Причина такого расторможенного поведения была найдена в том, что фаны подогревали себя задолго до самого матча, приходя на стадион уже в состоянии крайнего возбуждения. То, что внешне выглядит как единая возбужденная толпа, на самом деле состоит из ряда отдельных группировок фанатов, имеющих разный статус. Участвуя в ритуализированной агрессии на протяжении относительно длительного промежутка времени преданные последователи получают в последующем перспективу увеличения статуса и стремятся продолжить свое продвижение в «карьерной структуре». соперничающие фаны, следующие групповым правилам, могут избегать физического ущерба для себя и других. Например, преследование противников после матча не обязательно завершается насилием, проявляющемся в захвате жертвы и вымещении агрессии на ней. Скорее можно говорить о преследовании цели привлечения общественного внимания и получения удовольствия от принадлежности к данной группе. Следовательно, агрессия не является неконтролируемой как это часто подается средствами массовой информации. Когда все-таки происходит насилие оно скорее является необычным и связывается с особенностями конкретной личности.

Схема 37.

Расторможенная толпа: опыт деиндивидуации и фрустрации

Приводится по Hogg, Vaughan, 1995, с. 381.

Футбольное хулиганство может объясняться и в более социетальных понятиях. В частности, Марфи (Murphy) с коллегами описали возбужденность британских болельщиков как своеобразную спортивную забаву, связанную со сформировавшейся в 1950-е годы ценностью маскулинной агрессии, опять-таки ассоциировавшейся скорее с игрой, нежели действительно намеренным действием. Попытки правительства установить контроль над этим аспектом спорта провалились в силу того, что вызвали резкое протестное движение, усилили солидарность со стороны собратьев по классу и увеличили число актов насилия между матчами. Этот тип анализа проводится с позиции понятий межгрупповых отношений и субкультурной легитимизации агрессии.

Наряду с перечисленными переменными выявлен был целый ряд других, носящих более локальный характер. Был развенчан и ряд мифов, в частности, миф о наличии связи между некоторыми психологическими нарушениями и межличностным насилием, например, умственными нарушениями. Был разрушен и миф о существовании особой Y хромосомы – XYU по сравнению с обычной XY – как предпосылки агрессивности. Точно так же как миф о наличии в мозге специального центра контроля над агрессией. С течением времени стало очевидной и существенная роль ситуативных переменных, к анализу которых мы и переходим.

Ситуативные переменные. На насилие оказывают влияние различные аспекты физического окружения. Например, было показано, что существует связь между температурой и коллективным насилием – увеличение температуры относительно обычной приводит к росту бунтов. Повышение агрессивности происходит и в случае вторжения в личностное физическое пространство. В частности, в больших питейных заведениях, в которых сиди рядом много людей, возрастает риск возникновения шумных скандалов.

Социетальный уровень анализа показывает существование определенных групп людей, воспринимаемых как ущербных или обладающих незаслуженными преимуществами по тем или иным значимым критериям. В таком контексте представление о том, что кто-либо посягает на права людей, вызывает вполне естественную агрессию. На индивидуальном уровне это может включать вандализм, изнасилование или грабежи. На межгрупповом уровне это может проявляться в коллективном насилиии, протестных движениях и бунтах. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в разделе предубеждений.

Существуют и выраженные кросс-культурные различия в насилии и агрессии. В истории и культуре немало примеров социальных групп и целых народностей, оцениваемых как особо агрессивные. Это факт, что разные общества рассматривают агрессивное поведение весьма различным образом в зависимости от исторических, нормативных и социально-контекстуальных факторов, что иногда приводит к росту межкультурного непонимания. В частности, в Новой Зеландии существует весьма неоднозначное отношение к жителям острова Самоа, оцениваемым как агрессивные. В постсоветском пространстве на бытовом уровне также существовала определенная предвзятость по отношению к так называемым «лицам кавказской национальности», выражающаяся в отношении к ним как к склонным к насилию и агрессии. Кросс-культурные различия в отношении к агрессии и в более широком аспекте в отношении к правам человека приводят к противоречиям между западными нациями и нациями, только становящимися на путь индустриализации и демократизации.

Еще одну ситуационную переменную агрессии составляет субкультуры насилия. Внутри обществ это, как правило, небольшие группы или субкультуры меньшинств, в которых насилие особенно ценится и легитимизируется как стиль жизни, способствующий повышению статуса и власти в более широком общественном масштабе. Представления, нормы и ценности таких групп отражают одобрение агрессивности. Эти группы часто обозначаются как «банды», проповедующие насилие и поощряющие насильственные действия. На определенном этапе развития постсоветского общества бандитские группировки получили достаточно широкое распространение, терроризируя широкие слои населения и проповедуя культ силы. Такого рода группировки существуют и в пенитенциарных сообществах. Насилие в данных сообществах является фактически институционализированным и неофициально признаваемым представителями правоохранительных органов.

Сегодня очевидно, что агрессия не является простым актом, основанным на определенных причинах. Несмотря на то что некоторые наиболее очевидные причины могут в конечном счете казаться аспектами конкретных обстоятельств, на самом деле они являются следствиями гораздо более широких и основополагающих социальных и культурных факторов. Существенную часть этой панорамы представлений составляют средства массовой информации, к рассмотрению роли которых мы и приступаем.

Агрессия как социальное взаимодействие

Интерпретация индивидуального поведения как агрессивного. Определяя поведение как агрессивное, мы выходим за рамки простого описания, производя оценку совершенных действий. Вывод, сделанный наблюдателем или даже самим участником, имеет социальные последствия. Если поведение признано агрессивным, то кажутся уместными негативные санкции. В широкомасштабном исследовании аттитюдов американцев-мужчин по отношению к различным формам агрессии было выявлено, что одно и то же поведение (например, нападение полиции на студентов во время демонстрации) может быть воспринято

как позитивно, так и негативно в зависимости от того, было ли сочтено предшествующее ему действие (сама протестная акция) легитимным или нелегитимным. Эмпирические исследования, связанные с оценкой поведения как агрессивного, показывают, что ключевыми критериями являются *намерение причинить вред, реально нанесенный ущерб и нарушение норм*. Если исходить из представления о том, что агрессивность является интерпретационной, а не описательным понятием, то в фокусе внимания окажутся особенности истолкования происходящего участвующими сторонами. Во-первых, необходим учет социально-нормативного контекста, определяющего рассматриваемое действие; во-вторых, особенности атрибутирования; в-третьих, позиции в агрессивном взаимодействии, с которой производится оценка (с точки зрения ее субъекта, объекта агрессии или внешнего наблюдателя).

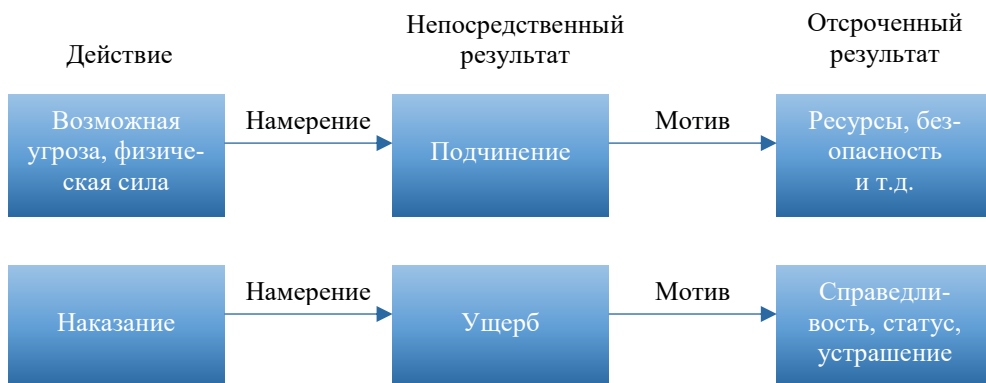
В ряде исследований показано, что субъекты агрессии оценивали свои собственные поступки значительно более позитивно, чем объекты (и наблюдатели). Различие в оценках имеет место независимо от того, был ли «агрессор» инициатором взаимодействия или же просто реагировал на поведение оппонента. В дальнейших исследованиях обнаружилось, что различие в оценках связано не только с неодинаковостью восприятия агрессивного взаимодействия, но и с разницей в подходе к оценке собственного и «чужого» действий.

Социальное влияние и принуждение. Агрессия включает в себя субъективные суждения о намерениях инициатора действия и нормативной приемлемости данной формы поведения. Тедeschi (Tedeschi) с сотрудниками предложили анализировать агрессию, дифференцировав само поведение и его оценку. Будучи рассмотренным в оценочно-нейтральной манере, агрессивное поведение включает в себя особую форму социального влияния. Один индивид принуждает другого сделать нечто, что этот другой человек делать бы не стал. Агрессия, таким образом, состоит в применении *принуждения* в форме угроз и наказаний. Посредством угрозы мы даем понять, что желаем от другого чего-то конкретного и что в случае неподчинения последует наказание. При этом под наказанием понимается любая форма обращения, неприятная для жертвы.

Tedeschi и Felson (1994) предложили *социально-интеракционистскую теорию принуждающего действия*. С их точки зрения субъект действия, прежде чем прибегать к угрозам или принуждению, рассматривает альтернативные средства достижения соответствующих целей. Выделяется три основные цели, мотивирующие выбор принуждения: 1) контроль над другими; 2) восстановление справедливости; 3) самоутверждение, или защита чувства идентичности. Решение субъекта относительно применения принуждения будет определяться *ожиданиями* относительно вероятности достижения цели именно этим путем и субъективной *ценностью* цели, при этом производится оценка возможных *приобретений* и *потерь*, связанных с альтернативами поведения (схема 38).

Схема 39.

Компоненты принуждающего действия

Приводится по: М. Хьюстон, 2004, с. 324.

Осуществлению акта принуждения предшествует процесс рационального рассуждения. Оно может различаться по уровню проработанности и широте охвата проблемы, наконец, оказаться необоснованным, особенно в случае эмоциональной напряженности или необходимости принятия быстрого решения. В зависимости от того какая из трех обозначенных выше целей принуждения преследуется, последствия принуждающих действий оцениваются по-разному. Если целью является получение какого-то позитивного ресурса, желательным последствием может быть подчинение жертвы. Если же цель состоит в восстановлении справедливости или самоидентичности, возможно нанесение объекту ущерба или физического повреждения. Вопрос о том, будет ли принуждающее действие оценено как *агрессия*, не является принципиальным. Ответ на него в гораздо меньшей степени зависит от условий, в которых осуществляется данное поведение. Главным являются условия *интерпретации* поведения как «агрессивного». Данный вывод является вполне резонным, так как человек в своей оценке происходящего полагается не на некие объективные характеристики происходящего, а на свою интерпретацию его. Своеобразие этой интерпретации будет определяться уникальностью самого интерпретатора и теми фокусами внимания, которые определяют характер и особенности восприятия и оценки. Все это вместе взятое связано с особенностями атрибутирования, с которыми читатель познакомился в предыдущих разделах книги.

Сами действия не содержат в себе объективных и однозначных критериев оценки и объяснения. Особый интерес для социальной психологии представляют объяснения воспринимающих ситуацию как агрессивную. Подчеркиваются два аспекта атрибутирования. Во-первых, человек должен определить, кто или что воспринимается как *несущие ответственность* за негативное событие. Во-вторых,

атрибуции заполняют промежуток между наблюдаемым в реальности и должным, то есть между тем, какие действия субъект совершил на самом деле, и тем, что ему следовало бы сделать в данной ситуации.

Расхождение между реальностью и нормой особенно значимо, когда на субъекта действия возлагается ответственность за его негативные последствия. В данном случае полезной может оказаться схема анализа действия Ф. Хейдера или модель ковариирования Х. Келли, позволяющие отделить случайное от неслучайного. В логике Хейдера приписывание ответственности за проступок предполагает принятие решения о том, *намеревался* ли человек причинить вред или, по крайней мере, мог ли он *предвидеть* негативные последствия своего поведения. Результаты разнообразных исследований показывают, что жертва или наблюдатель будут тем более разгневаны и склонны к мести, чем более неприятны последствия происшедшего и чем больше воспринимаемое расхождение между происходящим в реальности и тем, что должно быть.

Коллективная агрессия

Яростные стычки во время футбольных матчей или жестокие драки между полицией и демонстрантами – яркие примеры ситуаций, когда люди в группах ведут себя так, как, вероятно, им бы и в голову не пришло вести себя в одиночку. Даже на уровне индивидуального опыта очевидно, что в группах люди ведут себя более агрессивно по сравнению с индивидуальным поведением.

В традиции ранней психологии народов и масс, связываемой с именами таких авторов, как Лебон, Тард и Сигеле (LeBon, Tarde and Sighele), влияние группы проявлялось в иррациональном, импульсивном и менее нормативном поведении по сравнению с индивидуальным. Современная версия данного подхода представлена в рамках теории деиндивидуализации (Zimbardo, 1969). Отчасти вопрос своеобразия коллективного поведения уже затрагивался при рассмотрении ситуативных переменных агрессии. Там же отмечалась и роль деиндивидуализации, понимаемой как особое состояние, при котором контроль индивида над собственным поведением ослабляется и беспокойство о нормативных стандартах, самопрезентации и последствиях собственного поведения снижается. В исследованиях установлено, что деиндивидуализации способствуют различные факторы, такие, как анонимность, диффузия ответственности и дефицит времени. В целом эти исследования подтверждают идею о том, что нахождение в группе оказывает на личность деиндивидуализирующий эффект, в частности ослабляя привычное подавление агрессивности.

Еще одно объяснение специфики коллективного поведения представлено в *теории возникновения норм*, являющейся своеобразной альтернативой теории деиндивидуализации (Turner & Killian, 1972). В соответствии с ней крайние формы поведения в группах или толпе более вероятны *не* потому, что индивиды утрачивают свои сдерживающие способности или меньше заботятся о соблюдении норм, а по причине формирования *новых* норм, связанных с обретением новой групповой идентичности. Ряд исследователей, разработавших модель

социальной идентичности деиндивидуализации (social identity model of deindividuation, SIDE), предположили что решающая роль в столь необычном поведении принадлежит именно сформировавшимся внутригрупповым нормам, связанным с осознанием себя как членов данной группы и обретением групповой идентичности. В ситуации столкновения полиции с демонстрантами может возникнуть новая норма, в соответствии с которой люди должны защищаться от полиции. Агрессивное поведение (драки, погромы и т.п.) становится возможным не потому, что члены группы или толпы менее конформны, а вследствие изменения *самых норм*, на которые ориентировано поведение. При сравнении теорий деиндивидуализации и возникновения норм были получены данные, подтверждающие обе теории. Анонимные испытуемые вели себя более агрессивно, но только тогда, когда агрессивное поведение соответствовало нормам, и менее агрессивно, когда оно не соответствовало им.

Теория деиндивидуализации позволяет ожидать более выраженной агрессии в групповых ситуациях (по сравнению с индивидуальными). Однако и здесь экспериментальные данные не дают однозначного ответа. Будут ли члены группы действовать по отношению к оппоненту в экстремальной форме, зависит от норм, доминирующих в данной группе. В исследованиях Рабби (Rabbie, 1982) подтверждена гипотеза усовершенствования норм, согласно которой группы ведут себя менее агрессивно по сравнению с отдельными индивидами только в случаях присутствия строго определенных социальных нормативных регуляторов, мотивирующих на демонстрацию социальной лояльности перед остальными членами группы. Для групповых ситуаций характерна экстремальность поведения в силу того, что члены группы взаимно поддерживают друг друга во мнении и действуют должным образом.

Особую разновидность коллективной агрессии представляет *геноцид* (иногда называемый «этнической чисткой»), рассматриваемый как ее наиболее экстремальная форма. Геноцид предполагает наличие властной иерархии, в которой агрессоры являются доминирующей, а жертвы – подавляемой группой. К агрессии против последних негативные санкции не применяются; напротив, о зверствах можно объявлять открыто, так как они оправдываются господствующей идеологией.

Е. Staub в своей книге «Корни зла» (1989) показывает, что важным фактором ситуации, предшествующей геноциду, являются тяжелые условия жизни. В случае нестабильности общества и резкого снижения роли отдельных его членов к самостоятельным инициативам (например, во время войны), легко возникают идеологии, предлагающие простые решения (например, фашизм). С точки зрения правящего большинства этническая чистка выполняет социальные функции, поскольку изгнание меньшинства призвано решить социальные проблемы.

Основываясь на анализе четырех примеров массового убийства, или геноцида, самым вопиющим из которых является холокост в Германии, Staub подчеркивает, что зверства геноцида развиваются постепенно. В этом процессе ключевую роль играют нормы, выдвигаемые обществом и практически реализуемые пассивными созерцателями, которые могут либо одобрить, либо осудить

агрессию. Начиная с наносящих небольшой ущерб действий, виновники могут постепенно породить психологические перемены. В зависимости от господствующей идеологии агрессивный акт может означать как обесценивание жертвы, так и указание на превосходящий статус обидчика. После этого может наблюдаться рост уровня причиняемого ущерба и одновременно укрепляться ощущение собственной «правоты». Доминирующая группа провозглашает, что должна защищать себя от меньшинства. Во имя «этнической чистоты» легитимизируются репрессивные действия, изгнания и, наконец, массовые убийства. По мнению Стауба, в этом процессе велика потенциальная сила пассивных очевидцев. Их действие или бездействие может как противостоять идеологии, поощряющей агрессию, так и поддерживать ее.

Агрессия может быть реакцией на переживание фрустрации и гнева, особенно если в ситуации присутствуют ключевые раздражители, вызывающие ассоциации с имеющимися у субъекта структурами знания («агрессивными» схемами). Агрессивному поведению можно обучиться как путем инструментального обусловливания, так и через подражание образцам или моделям. Готовность реально осуществить подобное поведение возникает в случаях, если оно воспринимается как полезное средство достижения цели (например, покончить физически или психологически с неприятной ситуацией, ответственность за которую возлагается на другого).

Одно и то же поведение может быть оценено как агрессивное, и как неагрессивное, в зависимости от существующих норм и характеристик, которые будут ему приписаны. Также имеет значение позиция, с которой выносятся суждения. В частности, отмечаются четкие различия между точками зрения обидчика и жертвы в оценке одного и того же поведения.

Агрессивное поведение, будь оно межличностным или межгрупповым, как и иные формы социального поведения, регулируется принятыми в социуме и релевантными ситуации нормами. При поиске причин агрессии, таким образом, мы не должны углубляться в обстоятельства, «подпитывающие» влечения индивида или снижающие рациональный контроль над поведением. Скорее, следует сосредоточиться на условиях, которые с точки зрения субъекта агрессии заставляют воспринимать вред, намеренно наносимый другому лицу, как оправданный и уместный.

Институционализация агрессии

Ранее мы рассматривали различные теоретические подходы, объясняющие возникновение агрессивного поведения в целом. Специальное внимание было уделено влиянию СМИ на формирование отношения к агрессии и насилию. Но исходно влияние СМИ определяется отношением к транслируемому им содержанию, формирующемуся под влиянием непосредственного и опосредованного социального окружения – общества, семьи, субкультуры ровесников, школы, работы и т. п., к рассмотрению которых мы и переходим.

Роль общества. Отношение к насилию в существенной степени определяется социокультурными ценностями, поддерживаемыми обществом. Именно в нем

формируются модели поведения, оцениваемые как социально значимые. Сложность ситуации с насилием и агрессией заключается в том, что отнюдь не во всех обществах агрессия воспринимается как безальтернативное зло. Более того, история дает нам немало фактов государственной поддержки культа насилия и связанной с ним агрессии (фашистская Германия, тоталитарные режимы). И сегодня вопрос об использовании насилия в отношении иных обществ не является однозначно определенным. Примеров такого рода предостаточно и в новейшей истории. Тем не менее роль общества в установлении социального порядка непереоценима. Защита этого порядка обеспечивается конституцией и законами. Соответственно поддержание этого порядка также связано с использованием насилия. Другое дело, что с развитием цивилизации использование насилия, в том числе и для поддержания порядка, все более ограничивается.

Насилие в семье. Семья выступает в качестве ведущего института социализации. Именно благодаря ее влиянию ребенок может стать приспособленным и компетентным членом общества, уважающим социально значимые ценности и уважающим социальное окружение. В то же время именно благодаря семье ребенок может оказаться совершенно неприспособленным к жизни в обществе, испытывая состояние злости и агрессии. Известный исследователь этой проблемы Gelles пишет в этой связи следующее: «Люди имеют гораздо больше возможностей оказаться убитыми, подвергнуться физическому нападению, быть избитыми, получить удар, затрещину в своем собственном доме от членов своей семьи, чем в любом другом месте и в любом другом обществе» (1997, с. 1). Чтобы соединить эти два очень разных лика семьи, нужно помнить, что в общем спектре поведения частота агрессивных действий относительно низка. Однако по отношению к среднему уровню агрессивного поведения агрессивность в домашних условиях, по-видимому, довольно высока. Распространенность по всему миру агрессии в семье должна рассматриваться как острая социальная проблема.

Обсуждение любого явления предполагает формулирование его определения. Под *агрессией в семье* понимается устойчивая картина жестокого поведения, связанного со злоупотреблением силой, которая в настоящее время встречается все чаще и становится все жестче. Она включает в себя широкий контекст.

Считается, что инициатором нападения в близких отношениях могут быть и мужчина, и женщина. Отмечается, однако, разница в тяжести травм, нанесенных в результате таких насильственных действий: травмы, наносимые женщинами, менее тяжелы, чем травмы, наносимые мужчинами. В любом случае, независимо от пола, агрессивные действия, осуществляемые взрослыми членами семьи, будут значимыми моделями для детей и, вполне вероятно, могут воспроизводиться и в их собственных семьях.

Почему же семья бывает столь жестокой? Был установлен ряд факторов, специфических для семьи как социальной группы, определяющих формирование в ней атмосферы близости и поддержки, так и существующий потенциал агрессивности и злоупотребления силой (Gelles, Straus, 1979). Члены семьи постоянно взаимодействуют друг с другом; они вовлечены в широкий круг совместной деятельности, что требует от каждого высокой самоотдачи. Можно предполагать, что кто-то из

родственников сочтет своим правом и даже обязанностью воздействовать на поведение других, на их убеждения и ценности. Семья предоставляет множество возможностей для негативной взаимозависимости. За продолжительное время, проводимое членами семьи вместе, накапливается знание о сильных и слабых сторонах каждого. Интернализируются модели позитивного и негативного разрешения самых разнообразных ситуаций, которые в дальнейшем могут воспроизводиться во взаимоотношениях с окружающими. Если в семье царит культ силы, то существует высокая степень вероятности использования ее членами семьи и во взаимоотношениях с другими людьми. Если формируется отношение к агрессии как к чему-то самому собой разумеющемуся, то и вероятность агрессивного поведения будет также высока.

Gelles (1997) была предложена теория интимной агрессии основанная на теории обмена и взаимозависимости. Интимная агрессия, как и другие виды поведения в социальных отношениях, определяется стремлением к выгоде и минимизации затрат. К агрессии прибегают в тех случаях, когда выигрыш оказывается вероятнее проигрыша. «Затраты» субъекта агрессии уменьшаются при: отсутствии действенного внешнего социального контроля; неравенстве силы мужчин и женщин и особой оценке агрессивности как повышающей статус необходимой составляющей образа «настоящего мужчины».

Агрессия в школе и на работе. Нам всем приходилось встречаться или слышать о людях, которые в школе или на работе страдали от постоянных преследований и нападок одноклассников или коллег. Часто подобные ситуации ведут к серьезным проблемам со здоровьем: иногда жертвы идут на крайние меры с целью избавления от этого жизненного кошмара. Несмотря на то, что сам феномен, получивший название «виктимизация», столь же стар как и человечество, но специальные его исследования начались лишь недавно.

О виктимизации можно говорить в случае, если «личность подвергается третированию, если она неоднократно и в течение длительного времени сталкивается с негативными действиями со стороны одного или более других лиц» (Olweus, 1994, с. 98). Под «негативными действиями» имеется в виду агрессивное поведение – физическое и вербальное, прямое и косвенное. Для описываемого явления характерно наличие неравенства в физической силе, статусе или власти. Жертва занимает низшее положение по сравнению с обидчиком и, таким образом, не может адекватно защищаться от нападений. Среди реакций жертвы отмечаются психосоматические симптомы, неоднократное умышленное причинение ущерба жертве в прямой или косвенной форме, снижение успеваемости и потеря самоуважения. Обидчики, запугивающие товарищей в школе, с большей вероятностью в будущем будут демонстрировать делинквентное поведение. Вполне вероятно, что эта склонность к третированию будут проявляться и в школе и на работе. В исследованиях был выявлен ряд характеристик жертв виктимизации и агрессоров. Первым свойственны тревожность, оборонительная позиция, низкая самооценка, физическая слабость или внешние отличия от большинства; вторым, часто физически более сильным, характерна наступательность в самых разнообразных ситуациях, склонность к доминированию, высокая импульсивность и устойчивая самооценка. Было показано, что многие из упомянутых личностных особенностей связаны с различными сти-

лями поведения родителей в отношении детей. Характер преследований также зависит от тендерных и возрастных различий. Девочки чаще, чем мальчики, демонстрируют косвенные нападения, реже – прямые физические. С возрастом, благодаря снижению физической агрессии среди мальчиков, эти различия сглаживаются. Среди взрослых физическое насилие играет в запугивании крайне незначительную роль.

Одним из наиболее сложных вопросов является определение условий виктимизации. Возможный ответ на него представлен в предложенной Schafer гипотезе социального несоответствия (1997). В ней в качестве основания виктимизации определяется отсутствие совместимости между общим социально-психологическим климатом группы лиц равного статуса и установками и поведением жертвы. В зависимости от типа групповых норм одни и те же стили поведения могут привести либо к отвержению и виктимизации, либо к принятию в равноправные члены группы. Основываясь на теории референтного знания, Фолджер и Бэрн отмечают, что кажущаяся несправедливость действий обидчиков может быть вызвана «соответствием» невольных жертв представлениям (когнитивным схемам памяти) агрессоров (Folger, Baron, 1996).

В настоящее время в исследованиях данной проблемы применительно к условиям школы и производства изучаются различные факторы, могущие оказаться значимыми для анализа сути данного явления. Однако какого-либо единства взглядов не существует. Классическое выделение личностных и ситуативных факторов виктимизации также не предоставляет исчерпывающих решений. Общая ситуация во многом совпадает с ситуацией исследований явления стигматизации, которые будут представлены в следующей главе. Более-менее выраженное согласие существует лишь в том, что равную ответственность несут все участвующие в данном процессе стороны, т. е. оно является результатом межличностного взаимодействия, к рассмотрению которого мы и приступим.

Средства массовой информации и агрессия

Влияние различных средств массовой информации, и особенно визуальных, на агрессивное поведение является предметом многочисленных исследований и общественных дебатов. В общественном мнении одним из наиболее распространенных представлений является то, что СМИ несут самую большую ответственность за распространение насилия в нашем обществе. Предполагается, что агрессивные эпизоды на экране повышают агрессивность зрителя. Эти укоренившиеся представления в отношении распространения агрессивных действий не только выглядят правдоподобными, но и представляют относительно простое решение проблемы: устранить агрессию можно запретив ее показ по телевидению.

Влияние СМИ безусловно велико. А. Бандура экспериментально доказал, как кино и теледемонстрации насилия искажают отношение к насилию, санируя как агрессивные действия, так и ущерб, наносимый жертвам. Это внушает опасную

мысль о том, что агрессия не является вредной. Более того, агрессор часто представляется как «герой», действующий в экстремальных ситуациях, а его жертвы как слабые и уязвимые люди. В отношении данного вопроса Бандура занимает однозначную позицию – такого рода демонстрации перед детьми приводят к интернализации моделей агрессивного поведения и снижают представления о неизбежности его наказания. В данном контексте возникают два вопроса: 1) усиливают ли СМИ, демонстрирующие сцены насилия, агрессию; 2) каковы психологические процессы, вызывающие или опосредующие возможный эффект воздействия СМИ?

Вслед за Бандурой большинство исследователей склонны считать, что наблюдение агрессии часто имеет своим следствием усиление агрессивных реакций. Тем не менее, существует и критическое отношение к ней, связанное с обсуждением экологической валидности полученных в экспериментальных исследованиях результатов. Однако в полевых исследованиях последних лет, основанных на мета-анализе, вновь показано – сцены насилия в СМИ стимулируют агрессивное поведение потребителей своей продукции.

Чтобы разобраться в возможных долговременных эффектах наблюдения агрессии по ТВ, проводились лонгитюдные исследования, в которых в определенные моменты времени количественно оценивались привычка к просмотру телевизора и наблюдаемое агрессивное поведение. Тестирование одной и той же выборки респондентов в возрасте восьми лет, а затем – 18 лет подтвердило, что высокий уровень агрессии в данном возрасте связан с относительно частым просмотром фильмов, содержащих сцены насилия. Было показано существование устойчивого кратковременного эффекта воздействия телевизионных демонстраций агрессии на поведение зрителей. Относительно долговременного влияния была показана значимая положительная корреляция между уровнем телевизионной демонстрации агрессии и выраженностью тенденции к агрессивному поведению. Материалы о насилии в СМИ с большей вероятностью повышает агрессивные склонности зрителя при следующих условиях:

- 1 *Эффективность*. Агрессия в СМИ представлена как эффективный инструмент достижения целей, который можно применять безнаказанно.
- 2 *Нормативность*. При показе физической агрессии или действий, намеренно наносящих ущерб, не уделяется внимания их негативным последствиям для жертвы – ее страданиям, горю или боли. Более того, агрессия часто представляется как оправданная (когда в качестве ее субъектов выступают «хорошие парни», например полиция).
- 3 *Уместность*. Изображаемый обидчик имеет некоторое сходство со зрителем, который может, таким образом, вообразить себя в подобной роли. Агрессия представлена скорее в реалистической, чем в фантастической манере.
- 4 *Восприимчивость*. Наблюдая агрессивную сцену, зритель находится в состоянии эмоционального подъема (удовольствие, гнев, фрустрация), который мешает выработке более отстраненного или критического отношения к происходящему.

Очевидно, что сцены насилия в СМИ воздействуют на агрессивность зрителей в реальной жизни. Особый интерес представляют причины и механизмы такого рода влияния. Одно из объяснений предлагает Гунтер (Gunter, 1994), сделавший вывод: кроме процессов передачи возбуждения и подражания образцам постоянное наблюдение за агрессивными персонажами и третируемыми жертвами может снизить эмоциональную чувствительность зрителей к жестокому обращению (десензитизация) и ослабить ответственность за собственные агрессивные действия. Если на телеэкране «враги» демонстрируют агрессивное поведение и остаются безнаказанными, «сдерживающие силы» у зрителя в отношении ненормативного поведения могут ослабевать. Испытуемые-мужчины которым в течение недели ежедневно демонстрировались агрессивно-порнографические фильмы, сообщили о притуплении чувства депрессии, раздражения и тревоги. Они в большей мере стали оценивать фильмы как приятные, и в меньшей – как содержащие насилие и унижительные для женщин. Частые сцены агрессии в СМИ также влияют и на аттитюды. Люди, выяснившие при помощи СМИ, что конфликты часто решаются агрессивным путем и что один агрессивный поступок обычно влечет за собой другой, могут недооценивать свои собственные шансы стать жертвой. Связь между агрессией в СМИ и поведенческой агрессией не однонаправлена, хотя этот факт часто не замечается. В реальной жизни программы, содержащие сцены насилия, обычно не показываются детям и подросткам специально. Они имеют возможность выбора каналов, фильмов и видео в соответствии с собственными интересами. Тем не менее вопрос социального регулирования этой возможности выбора все еще остается открытым. Безусловно выбор должен быть, но, одновременно должно присутствовать и доступное объяснение его возможных последствий. Именно такая стратегия получила распространение в антитабачных кампаниях последних лет.

Еще одним аспектом рассмотрения проблемы влияния СМИ на агрессию является связь последней с *эротикой*. Казалось бы, эта связь не является очевидной. Однако вполне резонным является и вопрос о том, как возбуждение, возникающее под влиянием эротических сцен, сказывается на поведении человека и не приводит ли оно к повышению агрессивности. В контексте обсуждавшегося ранее эффекта передачи возбуждения можно получить утвердительный ответ. Но этот феномен связан и с предшествующим опытом субъекта в отношении переживания фрустрирующих событий, стимулирующих агрессивное поведение. Тогда возникает вопрос о том, является ли эротическое возбуждение достаточным для стимуляции агрессии. Следует отметить, что в данном случае речь идет об эротике, не стимулирующей насилие. С одной стороны просмотр мягких эротических сцен может способствовать снижению агрессии, но с другой стороны, просмотр крайне эротического содержания, например сексуальных отношений, может увеличивать агрессию.

Исследования влияния долговременного предьявления порнографии показали его способствование росту агрессивности. Они также развенчали миф о предпочтении женщин в отношении сексуального насилия. В исследованиях представителей феминистской традиции было показано, что:

1. Демонстрация насилия приводит к десензитизации юношей в отношении актов насилия над девушками.
2. Демонстрация порнографии приводит к развитию негативных attitudes в отношении женщин.

Некоторые исследователи феминистской ориентации делают вывод о том, что порнография оказывает пагубное влияние, когда представляет женщину как подчиненную мужчине и предназначенную для удовлетворения его сексуальных потребностей.

Рассмотрение вопроса о влиянии СМИ на агрессию связано с еще одним психологическим пластом, оказывающим самое непосредственное влияние на развитие агрессивности – социального окружения, при непосредственном участии которого формируется отношение ко многим аспектам социальной жизни, в том числе и к агрессии.

Регуляция агрессии

Влияние СМИ на проявление агрессии ставит вопрос о необходимости ее регулирования. В качестве такого рода регуляторов выступают социальные нормы и формирование адекватных представлений у людей о сути, последствиях и собственной ответственности за совершенное или молчаливое потакание ему. Регулирование агрессии также осуществляется и посредством возможностей психологической и психотерапевтической практики.

Нормативная регуляция агрессии. Обычно родители говорят своим детям, что они не должны бить, царапать или пинать детей и что если будут вести себя подобным образом, то они будут наказаны. Но если их маленький сын возвращается домой в слезах, заявляя, что кто-то отнял у него велосипед или толкнул его, те же родители обычно говорят: «Если тебя кто-то обидел, дай сдачу». Эта норма взаимности («око за око...»), представляющая социально разделяемое предписание, действующее в самых разных сообществах, является весьма распространенной. Если человек считает себя жертвой агрессии, то, следуя норме взаимности, он может чувствовать себя вправе расквитаться. Когда инициатор действия воспринимается как носитель агрессивного, оскорбительного и несправедливого поведения, реакция того, кто физически нападает на него в ответ на провокацию, расценивается как правомерная самозащита.

Из вышеизложенного становится очевидным, что определенная информация повышает вероятность отнесения действия к разряду агрессивных и, следовательно, повышает вероятность последующей ответной агрессии. Точно так же информация, ослабляющая атрибуцию ответственности или восприятие нарушения нормы, может повлиять на развитие характера агрессивного межличностного взаимодействия. Его инициатор оценивается менее негативно, и гнев жертвы и ее стремление расквитаться оказываются слабее. В нашей культурной традиции совершение агрессивных действий человеком, находящимся в состоянии подпития, выступает в роли «смягчающего» фактора. Часто актуализируется логика здравого смысла – пьяный человек не может контролировать свои действия и поэтому его можно простить. Для этого процесса очень значима исходная позиция оценщика к совершенному действию, исходная

ориентация на прощение приводит к избирательному нахождению оправданий и, наоборот, ориентация на виновность приводит к столь же тенденциозному нахождению подтверждений злонамеренности.

Когнитивная регуляция агрессии. В предыдущих разделах было показано, что представление об агрессии складывается из противоположных точек зрения и интерпретаций собственных и чужих намерений и поступков. Таким образом, в координации поведения в агрессивном взаимодействии ключевую роль играет процесс обработки социальной информации. Доджем (Dodge, 1986), одним из авторов представлявшейся нами ранее модели когнитивной переработки информации, изучалась ограниченность возможностей восприятия и (или) интерпретации социальных ключей (подсказок), направляемых участниками эпизода взаимодействия друг другу. Применительно к процессу переработки социальной информации в процессе социального приспособления детей Додж с коллегами создали интегративную модель, в которой в агрессивных конфликтах выделяются специфические компоненты ко-ориентационных процессов (Crick, Dodge, 1994).

В уточненной версии модели представленной на схеме 4 выделяется шесть стадий: 1) декодирование ключевых *стимулов ситуации* (*восприятие, внимание; например, Томас видит, что Майкл берет его игрушку*); 2) их интерпретация (*например, «Миша хочет меня спровоцировать»*); 3) уяснение целей собственной реакции (*например, избежать неприятностей, взять обратно игрушку*); 4) оценка возможных реакций (*например, стукнуть Мишу, пожаловаться на Мишу его матери*); 5) выбор одной из них; наконец, 6) осуществление действия (*например, Томас бьет Майкла*). На любой процесс на каждом этапе влияют более частные структуры знания, такие, как нормы, правила или социальные схемы. Они, в свою очередь, находятся под влиянием опыта, получаемого в ходе когнитивного процесса.

Модель позволяет описать как ситуационную последовательность взаимодействий и постепенное развитие устойчивых индивидуальных различий в ожиданиях относительно поведения другого человека, использование отработанных в опыте реакций. Сравнение мальчиков, оценивавшихся сверстниками и преподавателями как агрессивные, с неагрессивными показало предрасположенность первых к приписыванию враждебности фрустрирующим их лицам. Предполагается, что атрибутивная установка на приписывание враждебности основана на недостаточности наличной информации на стадиях декодирования и интерпретации социальных стимулов (схема 4).

Снижение агрессии. С развитием поведенческих технологий, основанных на теории социального научения, возросло внимание к средствам профилактики и контроля агрессии. Эффективность вмешательства, направленного на снижение агрессивного поведения как на межличностном, так и межгрупповом уровнях, поставило вопрос о принятии в том числе и политических решений. В мировом сообществе обсуждаются меры, направленные на регулирование и контроль за насилием. На уровне семьи родители могут привнести существенный вклад в воспитание более

миролюбивых детей, поощряя поведение, несовместимое с насилием, и избегая использования наказания в качестве средства воспитания.

На межличностном уровне появляются основания для оптимизма в возможности решения проблемы насилия посредством использования техник изменения или модификации поведения, тренинга социальных умений, моделирования неагрессивного поведения, управления напряжением и агрессивностью, предполагающих развитие способности к самоконтролю.

Массовое насилие (такое, как геноцид и война), представляет совершенно другой вопрос. Включение в программы обучения уроков мира является полезным для развития способности размышлять о мотивах агрессивных действий и их последствиях как по отношению к самому себе, так и другим людям. Но такого рода образования пока остаются уделом лишь высокоразвитых и демократических стран. Массовая агрессия, представляющая собой межгрупповую агрессию, гораздо менее поддается снижению и регулированию посредством простых решений и технологий. Снижение агрессии предполагает изменение групповой идентичности, групповых стереотипов и предубеждений, конфликтующих интересов между группами и истории межгрупповых отношений.

Мы не должны сохранять иллюзий в отношении нахождения быстрых и эффективных средств снижения агрессии вообще. Тем не менее на уровне международного сообщества агрессия все еще остается по причине существования неравенства между различными группами населения. На межличностном уровне, она связана с умением людей управлять фрустрацией. И на обоих уровнях имеется большой к

Глоссарий

Агрессия в семье (*family aggression*) Согласно определению Американской психологической ассоциации (*Task Force on Violence and the Family, APA, 1996*) – это поведение, для которого характерны насилие и злоупотребление силой, охватывающее широкий спектр вредного обращения в физическом, сексуальном и психологическом смыслах. Подобное поведение при близких отношениях осуществляется одной личностью против другой, чтобы неправомерно захватить власть над ней или препятствовать ей пользоваться властью, контролем и авторитетом.

Атрибутивная установка враждебности (*hostile attribution bias*). Главным в восприятии действия в качестве агрессивного является вывод о враждебности намерений субъекта действия. В соответствии с нормой взаимности жертва отвечает собственными агрессивными действиями. В противоположность неагрессивной личности высоко агрессивный индивид склонен реагировать более враждебно в случае расценивания наличной информации о намерениях субъекта действия как неоднозначной. При отсутствии ясной и исчерпывающей информации о намерениях другого человека реакция агрессора совпадает с тенденцией приписывать фрустратору враждебные мотивы.

Взаимность (*норма взаимности*) (*reciprocity of norm*). Норма, в соответствии с которой мы должны делать для других то, что они делают

для нас. Норма взаимности призывает к позитивным ответам на «хорошее» поведение и к негативным на «плохое». О просоциальной взаимности говорят в тех случаях, когда люди осуществляют помощь, «оплачивая» ранее предоставленную им услугу.

Виктимизация (victimization; синонимы: *bullying* (запугивание), *mobbing* (моббинг; букв.: нападение банды). Относится к людям, оказывающимся изолированными в своей социальной среде (в школе и на работе) и часто подвергающимся нападениям или дурному обращению. Отличительный признак этого явления – неоднократное умышленное причинение ущерба жертве в форме прямой или косвенной агрессии. Как правило, обидчиков бывает несколько и они имеют более высокий статус (социальный и/или обусловленный преимуществом в физической силе). При этом жертва оказывается физически слабее и/или обладает низким статусом, а также часто не соответствует групповым стандартам.

Гипотеза фрустрации – агрессии (*frustration – Frustration-aggression hypothesis*). Агрессия – это всегда результат фрустрации.

Деиндивидуализация (*deindividuation*) – состояние, при котором ослабевают рациональный контроль и ориентация на социальные нормы, приводя к большей готовности экстремально реагировать и нарушать общепризнанные правила.

Катарсис (*catharsis*) – высвобождение агрессивной энергии посредством агрессивных реакций или альтернативных форм поведения.

Когнитивный неоассоцианизм (*cognitive neoassociationism*) – теория, разработанная Л. Берковицем, утверждающая существование прямой связи между неприятными событиями или негативными аффектами и активацией, приводящей к драке или бегству. Отрицает необходимость когнитивных медиаторов для возникновения (эмоциональной) агрессии.

Коллективная агрессия (*collective aggression*) – агрессия, осуществляемая одновременно большим количеством людей, группами или толпами как спонтанно (бунты), так и на плановой основе (войны).

Научение через моделирование (*modeling*) – склонность индивида приобретать новые (и более сложные) формы поведения, наблюдая это поведение и его последствия на реальных или символических образцах.

Социально-интеракционистская теория принуждающего действия (*social interactionist theory of coercive action*) – теория, в которой для описания и объяснения агрессии поведенческий и оценочный аспекты действия рассматриваются независимо. В терминах поведения агрессия определяется как принуждение (*coercive power*). Будет ли принуждение воспринято как «агрессивное» – это зависит от оценочных суждений внешнего наблюдателя.

Теория передачи возбуждения (*excitation-transfer theory*) – возбуждение, напрямую не связанное с агрессией, может добавляться к агрессивно-специфической активации, усиливая, таким образом, агрессивные ответы.

Вопросы для обсуждения

1. Охарактеризуйте описательную и оценочную составляющие понятия «агрессия».
2. Какими путями процессы атрибуции влияют на агрессивные намерения и действия?

3. Воздействие сцен насилия в СМИ на агрессию очевидно. В чем основные причины такого рода действенности СМИ?
4. Каковы специфические условия, повышающие вероятность насилия в семье?
5. Каковы типичные характеристики жертв и обидчиков в ситуации виктимизации?
6. Обсудите связь между агрессией и актом принуждения.
7. В чем причины агрессивного поведения различного рода фанов?
8. Какова роль общества и семьи в снижении агрессии?

Для дополнительного чтения

- Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1999.
- Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. – М.: ВЛАДОС, 1999.
- Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
- Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
- Фурманов И. А. Детская агрессивность: диагностика и коррекция. – Мн.: 1996.
- Фурманов И. А. Психология детей с нарушениями поведения. – М.: ВЛАДОС, 2004.

Основной источник

Хьюстон М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Социальные предубеждения

У большинства современно мыслящих людей социальные предубеждения в различных формах их проявлений вызывают негативное отношение. Тем не менее эти же предубеждения буквально пронизывают различные стороны социальной жизни как на уровне межличностных отношений, так и на уровне взаимоотношений более широких сообществ. В чем причины их распространенности и живучести? Поиск ответов на данный вопрос занимает социальных психологов на протяжении десятилетий. Ими разработан ряд теоретических объяснений, накоплен большой эмпирический описательный материал. Они и составят предмет нашего рассмотрения. Эта глава написана с использованием результатов проведенного под нашим научным руководством диссертационного исследования феномена предубеждения Ю.С. Смирновой.

Понятие социальных предубеждений

Большинство людей время от времени испытывают предубежденное отношение к себе, связанное со статусными, культурными, внешними и многими другими особенностями. По отношению к некоторым из них это отношение приобретает экстремальные формы, проявляющиеся в уже рассматривавшейся виктимизации, стигматизации, расовой и половой дискриминации.

Несмотря на многочисленность исследований по проблематике социальных предубеждений, как и в случае с агрессией, возникают трудности с его определением. Эта неопределенность приводит к путанице исследуемых аспектов и разноголосице в интерпретации результатов исследований.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова предубеждение определяется как «предвзятое отрицательное мнение, отношение к кому-чему-нибудь» (1987, с. 472). «Предвзятое» значит «заранее и ложно принятое» (там же, с. 469). Близким по своему значению является слово «предрассудок», определяемое как «ставший привычным ложный взгляд на что-нибудь» (там же, с. 471). В отечественной социальной психологии каких-либо строгих определений данного феномена просто нет. Более широкое освещение понятие предубеждения получило в англоязычных источниках по социальной психологии, где используется английское слово «prejudice», переводимое на русский и как предубеждение и как предрассудок. В Блеквелловской энциклопедии социальной психологии предубеждение определяется как «установление унижающих аттитюдов или представлений, выражение негативного эмоционального отношения или проявление враждебности или дискриминационного поведения в отношении членов группы вследствие их принадлежности к данной группе» (1996, с. 450).

Давая обобщенную характеристику феномена предубеждения, следует подчеркнуть, что он всегда является характеристикой межгрупповых отношений; имеет место по отношению к какой-либо социальной группе, а также отдельному

человеку при условии его идентификации с этой группой. Являясь межгрупповым феноменом, предубеждения проявляются в сфере межличностных отношений. Общие свойства, приписываемые группе, превращаются в частные, свойственные отдельному индивиду. В то же время предубеждение рассматривается как аттитюд (отношение, социальная установка), причем негативный. Подчеркивается, что это негативная оценка группы и ее членов (отрицательное, враждебное, презрительное отношение, антипатия, неприязнь, осуждение). Предубеждения характеризуют неадекватность, необоснованность, ложность, основываются на ошибочной негибкой генерализации, неполной, неверной, неточной информации, а в силу этого, являются неоправданными, наконец, препятствуют адекватному восприятию и интерпретации сообщения или действия. В то же время предубеждение носит априорный характер, выступает как предварительное, предшествующее объективному знанию, заранее принятое мнение, преждевременное суждение, не основанное на фактах.

Степень ошибочности и неточности предубеждений является следствием их априорного характера и может быть различной. Они могут базироваться как на адекватной (пусть предварительной и непроверенной) информации об объекте, так и быть полностью ложными, ошибочными. Их необоснованность будет обусловлена, таким образом, не ложностью, ошибочностью когнитивно-аффективной составляющей, а ее неподтвержденностью фактами, опытом.

В своем широком смысле понятие «предубеждение» используется не только по отношению к сфере межгрупповых отношений, но охватывает и другие контексты. Например, предубежденное отношение к рекламе, товарам отечественного или зарубежного производства, желтой прессе, бразильским сериалам и т.д. В психологии активно исследуется феномен авторской предубежденности в науке и исследовательские предубеждения. Особое внимание уделяется данному феномену в психологическом исследовании

В основе предубеждений может лежать не только стереотип, но и недоверие, страх, неприязнь и непринятие людьми всего, что отличается от них, не похоже на них, неизвестно и, следовательно, непредсказуемо. Принадлежность людей к разным социальным группам подчеркивает их различия, разделение на «мы» и «они», где последние будут рассматриваться как далекие, другие, непонятные, непредсказуемые, вызывающие опасение и т. д. Предубеждения в таком случае могут использоваться для оправдания своего негативного поведения и рационализации негативных чувств. Они также позволяют избежать ответственности и чувства вины за свои поступки, оправдать свои недостатки и поддержать самоуважение, компенсировать чувство неполноценности и подчеркнуть свое преимущество, добиться подчинения себе других, повысить свой статус и т. д.

Близким по своему содержанию к понятию «предубеждение» является также термин «дискриминация». Это неоправданно негативное поведение по отношению к группе или ее членам, часто имеющее в своей основе негативную установку предвзятости, то есть предубеждение. При этом часто ведется речь о комплексе предубеждений и дискриминации в отношении определенной социальной группы и ее представителей. Так, термин «расизм» обозначает установки предвзятости и

дискриминирующее поведение в отношении представителей той или иной расы. В англоязычной психологии существуют аналогичные термины для обозначения предубеждений и дискриминации, в основании которых лежат различия по возрасту (ageism), полу (sexism), сексуальной ориентации (heterosexism), классовой принадлежности (classism) и т. д., более подробное рассмотрение которых будет представлено несколько позже.

Предубеждения – распространенное явление. Трудно найти человека, который был бы абсолютно свободен от различного рода предубеждений и предрассудков. Предрассудки свойственны каждому человеку, различие состоит в том, в какой форме и в какой сфере они себя проявляют, а также в уровне предвзятости того или иного субъекта. Именно уровень предрассудков лег в основу их типологии, предложенной Р. Брислин и представленной в русскоязычной версии В. В. Попковым:

- яркие необоснованные предрассудки предполагают открытое заявление о том, что члены чужой группы стоят «ниже» и являются «хуже» представителей собственной группы;
- символические предрассудки подразумевают наличие негативных чувств к чужой группе, которая воспринимается как угрожающая культурным базовым ценностям своей группы;
- токенизм состоит в предоставлении официального преимущества представителям определенных групп в обществе, чтобы создать видимость справедливости; наличие предрассудков их обладателями не признается;
- предрассудки «длинной руки» подразумевают позитивное отношение в ситуации общения, которое носит случайный, формальный, поверхностный характер, и негативное – в ситуации более близкого контакта;
- фактические пристрастия и антипатии ведут к негативному отношению к представителям чужой группы в том случае, если их действия не устраивают членов собственной группы;
- «знакомое и незнакомое» представляет самый низкий уровень предрассудка и по своей форме состоит в том что контактируя с представителями чужой группы, человек в любом случае будет чувствовать себя некомфортно по сравнению с взаимодействием с представителями собственной группы (оно менее стрессогенно) (2002, с. 189-190).

Предубеждения присутствуют во всех сферах отношений между людьми; могут касаться самых разных сторон жизни общества. В зависимости от сферы проявления выделяют расовые, этнические, гендерные, классовые, религиозные, политические, профессиональные, возрастные предубеждения, предубеждения по отношению к сексуальным меньшинствам, алкоголикам, наркоманам, преступникам, толстым или худым и т.д.

Выступая как межгрупповой феномен, выражая определенное эмоционально-оценочное отношение к представителям группы, предубеждения проявляют себя регуляторами конкретных межличностных отношений. Они выполняют функции оправдания неблагоприятного поведения человека или группы и рационализации их негативных чувств. Эти предубеждения часто чреватые негативными,

деструктивными последствиями, мешают установлению хороших отношений между людьми, являются причиной непонимания, разногласий, источником межгрупповых и межличностных конфликтов и столкновений, дискриминации, препятствуют объективности и автономности оценок происходящего, наконец, подготавливают благоприятную почву для стигматизации и могут проявляться в ней.

Подчеркивается устойчивость предубеждений: они с трудом поддаются изменениям под воздействием убеждения путем логической аргументации с использованием рациональных доводов. Отмечается, что предубежденный субъект совершенно не мотивирован осознать, что он пристрастен или консервативен и не может дать объективную, независимую оценку происходящим событиям. Осознание же собственной пристрастности и несправедливости в оценках не обязательно ведет к снижению предубежденности, но способствует использованию человеком таких когнитивных и речевых стратегий выражения предубеждений, которые позволяют сохранять позитивный образ самого себя и осуществлять оптимальную самопрезентацию в качестве терпимого, понимающего, широко мыслящего гражданина. Анализируются такие когнитивные и речевые стратегии в рамках дискурсивно-аналитических исследований коммуникации по поводу стигматизированных меньшинств.

Пытаясь понять природу предубеждений, Hetch приводит 4 метафорических определения:

1. Предупреждение как боязнь отличающегося и неизвестного.
2. Предубеждение как неприятие отличающегося и неизвестного.
3. Предубеждение как борьба за редкие ресурсы.
4. Предубеждение как иерархия.

Эти четыре аспекта могут рассматриваться с точки зрения различных подходов к пониманию природы предубеждений и их специфики (приводится по: Durkin, K., 1995, с. 3).

Теоретические подходы к рассмотрению предубеждений

В литературе, посвященной рассмотрению предубеждений, межгрупповых отношений в целом, отмечается, что предубеждение – результат действия многих взаимосвязанных факторов: экономических, политических, исторических, культурных, социально-структурных, социально-психологических.

Социально-психологические исследования вносят существенный вклад в понимание природы этого явления, его специфики, особенностей формирования и проявления.

Феномен предубеждения изучается с позиций различных теоретических традиций и подходов, предлагающих свое объяснение его природы и фокусируясь на различных аспектах. В свете интегративно-эклетического подхода это является вполне естественным и взаимообогащающим.

Большинство из существующих объяснений феномена предубеждений уходит своими корнями в психологию межгрупповых отношений. Именно в этой области социально-психологических исследований предпринимались неоднократные попытки объяснить природу межгрупповой агрессии, напряженности и дискриминации. Практически все существующие теории постулируют факт неизбежности аутгрупповой агрессии.

Социобиологический подход. С точки зрения подхода, который опирается на основные положения эволюционной теории, нетерпимость является врожденной или, по меньшей мере, имеет биологическую основу. Влияние социальных и личностных факторов представителями этого подхода (Р. Хернштейн, К. Мюррей, Д. Спербер, В. Рейнолдс, В. Фолгер, Н. Степан) не рассматривается. Боязнь чужаков и потребность в групповой идентификации связаны с врожденным стремлением сохранить свой вид, свою группу, а стратегии коммуникации служат целям выживания и подвержены действию факторов естественного отбора. Предубеждения являются, таким образом, биологически целесообразными. Социобиологический подход к объяснению интересующего нас явления имеет свои ограничения и не предоставляет объяснения тому факту, что одни субъекты являются предубежденными, а другие – характеризуются высоким уровнем терпимости не отвечает на вопрос, чем обусловлено содержание и направленность предубеждений, их динамика, и т. д.

Психоаналитический подход. На психологические корни межгрупповой напряженности впервые обратил внимание родоначальник психоанализа З. Фрейд, предложив в своих поздних работах достаточно стройную систему взглядов на природу этого явления. З. Фрейд постулировал факт неизбежности, универсальности аутгрупповой враждебности в любом межгрупповом взаимодействии, интерпретировав ее как главное средство поддержания сплоченности и стабильности группы. В рамках психоаналитической ориентации в социальной психологии рассматривался и механизм возникновения межгрупповой враждебности. Он состоит в переносе амбивалентных эмоциональных отношений в семье в более широкий социальный контекст: отношение к лидеру и идентификация с собственной группой складываются по модели отношения к отцу в семье, агрессия же переносится на аутгруппу. Идеи З. Фрейда и его последователей оказали значительное влияние на дальнейшее развитие представлений о закономерностях межгрупповых отношений.

Ярким примером является концепция «авторитарной личности», предложенная Т. Адорно с коллегами. Авторы использовали идею психоанализа о предопределенности личности взрослого человека детским опытом. Исследователей интересовали психологические корни авторитарности, этноцентризма, фашизма. Их гипотеза состояла в том, что существуют люди, предрасположенные к предубеждениям. Источник такой предрасположенности коренится в особенностях социализации. Главными агентами социализации являются родители. Если они используют излишне жесткий дисциплинарный режим, требуя от ребенка строгого соблюдения социальных норм и не предоставляя ему тем самым возможности самовыражения, то у ребенка возникает естественная агрессия по отношению к ним, которая пере-

несется на альтернативные цели. Конечный результат – формирование авторитарной личности, главной характеристикой которой являются ее нетерпимость, предубежденное отношение к представителям аутгруппы. Психологический портрет авторитарной личности представлен следующими характеристиками: твердость и непреклонность убеждений; конвенциональная система ценностей; непримируемость по отношению к собственной или чужой слабости; убежденность, что людей следует наказывать за нарушение социальных норм и не стоит пытаться их понять; высокая подозрительность, особенно при столкновении с чем-то новым; уважение к власти и строгое следование ее указаниям. Отношение такой авторитарной личности к власти складывается по модели отношения к родителям. Постоянно сдерживаемая враждебность к власти по механизму замещения направляется на другие социальные группы.

Данный подход объясняет склонность отдельных лиц к предубеждениям и дискриминации. Предубеждения, свойственные социальным группам, не находят в данной концепции своего объяснения. Непроясненными остаются также варианты демонстрации аутгрупповой враждебности «неавторитарными» личностями, а также отсутствие видимых проявлений враждебности субъектами, которые по шкале авторитаризма набирают высокий балл.

Обращение к психоаналитической ориентации обнаруживает трактовку предубеждения как следствия действия механизма психологической защиты – проекции. Проекция заключается в «бессознательном приписывании субъектом имеющихся у него неосознаваемых мыслей, переживаний, черт и мотивов другим людям» (Росс, Нисбетт, 2000, с. 287). Как механизм психологической защиты проекция выполняет функцию охраны психики от осознания собственных «неприемлемых» устремлений. Те отрицательные эмоции, которые направлялись бы против себя, при этом направляются на объекты проекции и субъекту удается таким путем сохранить высокий уровень самоуважения. Таким образом, предубеждения являются следствием проекции неприемлемой части себя на других и влекут за собой наказание тех других за обладание этими негативными качествами.

К. Г. Юнг, родоначальник аналитической психологии, в архетипической структуре личности рассматривает архетип тени. Тень воплощает непризнаваемые, несовместимые с сознательно избранной установкой стремления и качества; это низшая часть личности, ее темные аспекты, совокупность ее непривлекательных качеств.

Бессознательное и вытесненное содержание психического, как отмечалось выше, минуя сознание, легко проецируется на окружающие объекты. Подобная экстернализация вызывающих беспокойство психических содержаний – способ, который позволяет тени обрести внешнее выражение. Тень проецируется на других. Человек просто обвиняет своего врага в недостатках, которые не хочет признать за собой. Он злится на непризнаваемые им части собственного существа. Как отмечает Д. В. Ольшанский: «Лучший способ распознать отрицательную проекцию и научиться понимать свою тень – это обратить внимание как раз на тех людей и на те ситуации, которые вызывают у нас особенно сильное беспокойство, враждебность и злобу» (2001, с. 85). Таким образом, в терминах аналитической психологии предубеждения есть результат проецирования тени на окружающие объекты.

Причем зачастую объект выполняет роль «крючка» для проекции и даже активно «приманивает» ее. В этом случае проецирующий и получатель проекции становятся «одной душой» (one soul) и нуждаются друг в друге для сохранения душевного равновесия и просто существования, даже если в процессе этих странных взаимоотношений и разрушают друг друга. Психическое человека нуждается во враге и даже вносит свой вклад в его создание. Сознательное же отношение и терпимость к тени сдерживают проецирование негативных качеств психического на других и непроизвольную потребность в создании врагов.

Необихевиористский подход. Наиболее яркой иллюстрацией данного подхода является уже известная читателю концепция фрустрации и агрессии Дж. Долларда и Н. Миллера предлагаемая в качестве основной следующая идея: наличие агрессивного поведения всегда предполагает существование фрустрации, и наоборот, фрустрация ведет к некоторой форме агрессии. Предубеждения как паттерн враждебности, с позиций данной теории, могут возникать как следствие фрустрации. Субъекты, имеющие одинаковые причины переживать фрустрацию, не обязательно в равной мере подвержены влиянию предубеждений. Иногда люди придерживаются убеждений, удовлетворяющих их неосознанные потребности. Предубеждения дают ощущение превосходства над теми, кто является их объектом. За предубеждениями может стоять чувство неполноценности. Предубеждения часто сильнее у тех, кто занимает невысокое социальное положение или чье положение резко ухудшилось, чей позитивный образ Я находится под угрозой.

Для понимания феномена предубеждений важное значение приобретает следующее предположение Дж. Долларда: влияние следующих друг за другом фрустрирующих событий сохраняется в течение определенного времени и может быть совокупным (то есть происходит нарастание внутреннего напряжения), а все агрессивные акты при этом играют роль некой формы катарсиса, разрядки от напряжения. Во многих фрустрирующих ситуациях человек не в состоянии прямо выразить свои агрессивные устремления по отношению к фрустратору (со стороны последнего можно ожидать ответных агрессивных действий, источник фрустрации не совсем ясен или же он находится в самом индивиде, моральные нормы накладывают ограничения на выражение негативных эмоций). Во всех подобных случаях выбираются новые объекты для агрессии, которые не имеют никакого отношения к фрустрации, невиновны и не способны к удовлетворительной самозащите. Происходит перемещение агрессии, наиболее распространенной разновидностью которого является поиск «козла отпущения». Исследование авторитаризма показало, что члены группы, которой руководит авторитарный лидер, применяющий, главным образом, отрицательные санкции и фрустрирующий своих подчиненных, более агрессивны по отношению друг к другу, чем члены группы, руководимой в демократическом стиле.

В литературе этот подход к рассмотрению предубеждений и межгрупповой враждебности известен также как теория «стигматизации».

Подход стигматизации. Стигматизируемый, или «козел отпущения», – человек, на которого постоянно сваливают ответственность. Поиск «козла отпущения» как социально-психологическое явление было подвергнуто всестороннему

анализу в работе Т. Дугласа (Douglas, 1993). По мнению автора, установки необоснованной враждебности могут возникать вследствие переноса вины и ответственности за собственные неблагоприятные поступки на других. Исторические корни данного явления уходят в глубокую древность. Попытки избежать ответственности за совершенные проступки, ослабить крайне неприятное чувство вины предпринимались уже в то время и принимали форму разнообразных ритуалов очищения. Люди верили в существование всевидящего наблюдателя – бога, который мог наказать и наградить. Чтобы избежать болезней, катастроф и других бедствий, они символически перекладывали груз вины и ответственности за совершенные проступки на других людей, на животных или какие-то неодушевленные предметы. Ритуал периодически повторялся. Люди стремились обрести прощение за свои грехи и плохие поступки, чтобы избежать гнева всевидящего бога и выжить. Выражение «козел отпущения (искупления)» возникло из описания существовавшего у древних евреев особого обряда возложения грехов всего народа на живого козла. В день грехоотпущения первосвященник помещал обе руки на голову животного в знак возложения на него грехов еврейского народа, после чего козел изгонялся в пустыню. С тех времен в обществе произошли многочисленные изменения. Но люди по-прежнему совершают социально нежелательные поступки и стремятся избежать наказания, предупредить негативные последствия своего поведения, освободиться от груза ответственности, перекладывая ее на плечи других людей, уменьшить или облегчить свою вину и возникающее в результате внутреннее напряжение. Но явление «козла отпущения» уже нельзя назвать ритуалом очищения. Это скорее механизм адаптации, а точнее псевдоадаптации, индивидуальная или групповая стратегия выживания, техника самосохранения, поддержания самоуважения. Нетерпимость, установки враждебности, предубеждения, с позиций данной теории, возникают как способ переложить ответственность и избавиться от неприятного чувства вины за собственные неблагоприятные поступки.

Подход межгрупповых противоречий. Этот подход к изучению межгрупповой проблематики инициирован работами М. Шерифа, который ввел в качестве объяснительного принципа категорию «интеракции», отмечая, что именно непосредственное взаимодействие обуславливает характер межгрупповых отношений. К появлению межгрупповой враждебности ведет реальный конфликт интересов. Эти идеи М. Шерифа нашли свое дальнейшее развитие в разработанной Д. Кэмпбеллом реалистической теории межгруппового конфликта. С точки зрения Кэмпбелла, реальный конфликт интересов различных групп обуславливает межгрупповой конфликт, отношения конкуренции, восприятие реальной угрозы отдельными членами группы. Реальная угроза, в свою очередь, обуславливает враждебность по отношению к ее источнику, т. е. внешней группе. Таким образом, объективное столкновение интересов усиливает предубеждения. Реалистическая теория группового конфликта легла в основу исследования предубеждений к иммигрантам. По мнению исследователей, в формировании предубеждений важную роль играют восприятие угрозы со стороны аутгруппы и оценка сходства или различия между своей и чужой группой. Источником враждебности становятся не только межгрупповая дифференциация и восприятие различия, но и оценка сходства своей и чужой групп по значимым характеристикам. Различают культурную угрозу и реальную

угрозу. Первая обусловлена восприятием межгрупповых различий: представители аутгруппы обладают иными моральными нормами, ценностями, стилем общения и т. д., которые могут угрожать стабильности собственной культурной среды. Представители чужой группы могут восприниматься также как конкуренты в какой-либо сфере. Воспринимаемый в связи с этим реальный конфликт интересов может привести к предубеждениям в случае сходства по значимым для успеха характеристикам. Так, иммигранты становятся объектом предубеждений, если они воспринимаются как конкуренты в области трудоустройства и оцениваются как равные представителям своей группы по уровню профессионализма. Уже на примере этого исследования можно проследить роль когнитивных процессов в развитии межгрупповых отношений и формировании предубеждений. Важное значение приобретает не столько реальная ситуация, сколько ее восприятие и интерпретация.

Когнитивный подход. Данный подход не является однородным и корректно говорить о группе подходов, одним из которых (наиболее известным) является подход, основанный на теории социальной идентичности Г. Тэджфела (часто определяемый как теория социальной категоризации или минимальной межгрупповой парадигмы) уже знакомый читателю. В соответствии с его положениями человек упорядочивает социальный мир, разбивая его на категории, распределяя людей по группам (социальная категоризация). Отнесение человеком себя к одной из этих категорий и составляет процесс социальной идентификации. Социальная идентичность представляет собой самоопределение в терминах принадлежности к социальной группе. Вместе с личностной идентичностью она составляет Я-концепцию личности. Человеку свойственно стремиться к формированию и сохранению позитивной Я-концепции. В формировании социальной идентичности участвуют процессы социального сравнения и межгрупповой дифференциации. Для формирования и сохранения позитивной социальной идентичности необходимо установить различие между группами в пользу собственной. Отсюда и большая благосклонность к членам своей группы, а также враждебность и дискриминация по отношению к чужой группе. Человек склонен характеризовать свою группу позитивно, чтобы позитивно оценивать себя.

Проанализировав результаты многочисленных экспериментов, Г. Тэджфел пришел к следующим выводам. Межгрупповая дискриминация в форме аутгрупповой враждебности или ингруппового фаворитизма возникает даже в том случае, если собственные интересы личности и ингруппы совершенно не затрагиваются, не существует каких-либо объективных межгрупповых противоречий, соревнования или враждебности, предшествующей актуальной ситуации. Закон неизбежности установления позитивно валентных различий в пользу ингруппы признается универсальной константой социальных отношений вообще. Чем более значима для личности определенная социальная идентичность, тем более выраженной будет тенденция ингруппового фаворитизма, создавая предпосылки для формирования предубеждений. Значимость групповой идентичности усиливает также неблагоприятные эффекты для представителей стигматизированных групп (снижение самооценки и негативное эмоциональное состояние).

Особое место в исследованиях предубеждений занимает область атрибутивных процессов, которые уже известны читателю. Применительно к проблематике

предубеждений особый интерес представляет та часть теорий атрибуции, которая анализирует вопрос о приписывании ответственности за какие-либо события. Сразу следует отметить, что в теориях атрибуции отсутствует строгость в употреблении понятия «причинность», и категории «ответственность», «причинность», «вина», «зависимость», «долг» употребляются как синонимичные.

Отклонения реальной каузальной атрибуции от ее «идеальных» моделей известны как «ошибки» атрибуции. Ошибки атрибуции становятся источником предубеждений. Мотивационная предубежденность атрибутирующего субъекта состоит в искажениях, выполняющих защитную функцию и позволяющих сохранить высокую самооценку и положительные представления о себе. В пользу существования самозащитной атрибуции ответственности у личности свидетельствует множество экспериментальных фактов, которые указывают на искаженное восприятие людьми последствий происшествий и пристрастное приписывание ответственности за них. К предубеждениям ведет обыденный диспозиционизм, известный как фундаментальная ошибка атрибуции, т.е. склонность преувеличивать ситуационные причины в пользу диспозиционных, различающееся восприятие причин поведения исполнителем и наблюдателем.

Многочисленные исследования посвящены атрибуции негативных событий и заслуженности страданий. Было установлено: чем больше страдает человек, тем в большей мере он представляется постороннему наблюдателю неприятным, недостойным и заслуживающим того, что с ним происходит. В психологии данное явление известно как «вера в справедливый мир: мир справедлив, и если человек страдает, он сам виноват в своем неблагополучии, он имеет то, что заслужил». Это убеждение вытекает из следующего предположения: люди нуждаются в том, чтобы контролировать свои потребности. Если выясняется, что жертва невинна, то для восстановления веры в справедливость необходима компенсация за невинные страдания, в противном случае еще больше обостряется отвержение невинной жертвы, возрастает неприязнь к ней, умаляются достоинства и преувеличиваются недостатки. Предубеждения, таким образом, могут быть следствием диспозиционной атрибуции субъектом неблагополучия и негативных событий, происходящих с представителем той или иной социальной категории.

Атрибутивно-ценностная модель рассматривает следующие условия формирования предубеждений: 1) негативная оценка обществом того или иного атрибута; 2) приписывание ответственности за обладание данным негативным атрибутом самому субъекту.

Если субъект убежден, что алкоголизм есть следствие слабой воли, то личность и злоупотребление алкоголем воспринимаются как одно целое. Тенденция к выстраиванию последовательных, непротиворечивых образов («хорошее связано только с хорошим, плохое только с плохим») приведет к тому, что если алкоголизм оценивается негативно, такую же оценку получит и личность человека, злоупотребляющего алкоголем. Согласно атрибутивно-ценностной модели предубеждений, быть убежденным, что «алкоголизм – это плохо», то же самое, что считать «алкоголик – плохой». Такая связь является более сильной для индивидуалистских культур и менее выраженной для коллективистских. Авторы также устанавливают связь между стереотипами и предубеждениями. Негативные стереотипы становятся

предубеждениями, если группа признается ответственной за обладание этими негативными стереотипными характеристиками. Таким образом, в формировании предубеждений участвует интернальная атрибуция неблагоприятного положения стигматизируемых и влечет за собой их отвержение. Экстернальная атрибуция, напротив, снижает уровень предвзятости и состоит в приписывании причин неблагоприятного положения аутистической группы внешним факторам: дискриминации, неравному статусу и т. д.

Исследования В. И. Секуна позволили выделить четыре интернальных характеристики: 1) вера в то, что все происходящее зависит от случая; 2) вера в то, что все происходящее с человеком зависит от него самого, от его личной активности и трудолюбия; 3) вера в судьбу. От человека ничего не зависит; 4) вера в то, что все зависит от самих людей (1996, с. 51 – 53). Они все могут и за все отвечают сами. В формировании и сохранении предубеждений участвуют второй и четвертый элементы данной структуры интернальности. Из второго логично выстраивается система убеждений согласно которой успешен тот, кто усердно трудится, а провал определяется личностными факторами: отсутствием усилий, слабостью характера. Четвертый ведет к уверенности: во всем происходящем виноваты сами люди и может проявляться в «стремлении обвинять людей во всем».

Предубеждения неизбежно сопряжены с оценкой себя и других людей. Любая характеристика, составляющая предубеждение содержит в себе не только и не столько описание, сколько оценку. В предубеждениях оценочная сторона превалирует над описательной. В структуре социально-перцептивной оценки выделяют три стороны: содержательную, характеризующую смысл оценки; уровневую, показывающую адекватность или точность оценки, и стилевую, представляющую собой оценочную стратегию субъекта, его когнитивный стиль. Содержание предубеждений специфично по отношению к конкретному объекту предвзятости. Вместе с тем можно выделить и универсальные измерения, например негативная валентность предубеждения. Адекватность предубеждений обсуждалась ранее. Что касается стилевой стороны, то можно предположить, что когнитивный стиль предубежденных и непредубежденных людей различается по таким параметрам, как вариативность, стабильность, экстремальность, полезависимость–полнезависимость, когнитивная сложность, амбивалентность и др.

Когнитивные концепции позволяют объяснить устойчивость предубеждений. Наличие информации, которая им противоречит, вовсе не обязательно ведет к опровержению предвзятости и тенденциозности. Для подтверждения предубеждений также используется логическая аргументация, а новая информация включается в уже существующие когнитивные структуры (ассимиляция). Последние также могут быть скорректированы и видоизменены в соответствии с вновь поступающими данными (аккомодация). В случае получения новой информации ассимиляция преобладает над аккомодацией. Такое явление получило название «эффекта ассимиляции», или «ошибки ассимиляции».

Проблема устойчивости предубеждений занимает одну из ведущих позиций в социально-психологических исследованиях в данной области. При этом под устойчивостью понимается не столько их неизменность, сколько сопротивляемость изменениям. Описано множество механизмов, способствующих устойчивости

предубеждений. Помимо уже названных пристрастной ассимиляции и атрибутивных искажений, отмечают избирательность восприятия и памяти, подбор аттиодно-релевантной информации, воображение, иллюзорные корреляции. Существует большое количество способов девальвации, противоречащих исходной установке фактов: опровергающую информацию можно проигнорировать, признать несущественной, ложной, переинтерпретировать, рассматривать как исключение и т. д. Проблема устойчивости предубеждений интересует исследователей в контексте изучения закономерностей изменения предубеждений и разработки эффективных средств их преодоления.

Л. Соорег (1971) рассматривает стратегии, которые используют предубежденные люди для снижения когнитивного диссонанса в случае вынужденного восприятия информации, опровергающей предубеждения. Это реакции предубежденных лиц на пропаганду противоположной точки зрения. К этим путям они относят следующие: изначально адекватное восприятие информации, вслед за которым идет цепь рассуждений, искажающих это понимание; восприятие информации как недостоверной; непонимание информации либо ошибочное понимание.

Деятельностный подход. Учет когнитивных факторов в объяснении межгрупповых отношений присутствует и в отечественной традиции, представленной деятельностным подходом (В. С. Агеев, 1990). Исследование зависимости, опосредованности внутренней психической деятельности субъекта от его внешней практической деятельности составило одно из главных направлений в советской психологии. В. С. Агеев выдвигает «изучение деятельностной природы когнитивных процессов, ответственных за социальные аспекты поведения личности, в качестве важнейшей теоретико-методологической и исследовательской задачи» (1990, с. 36). Когнитивные процессы должны быть объяснены через специфику деятельности группы, объективными условиями, в которых существует и взаимодействует группа. Объективные условия влияют и на сами межгрупповые взаимодействия и на когнитивные процессы. В свою очередь межгрупповое взаимодействие по механизму обратной связи воздействует на объективно существующие социальные условия (социальную стратификацию и дифференциацию между группами).

Подход социального влияния. В литературе, посвященной феномену предубеждений, уделяется внимание их социальным источникам. К ним относят отношения господства-подчинения, существующие в обществе иерархии. Люди, испытывающие удовлетворение от своего социального и экономического превосходства, будут оправдывать свое положение при помощи предвзятых мнений. В частности, еще Г. Олпорт указывал на то, что предубеждения и конфликты прекращаются, если группы обладают одинаковым статусом.

Согласно теории социального доминирования (Дж. Сиданиус, С. Левин, Ф. Прагто) межгрупповая дискриминация и предубеждения проистекают из универсального желания сформировать и сохранить статус группы в межгрупповой иерархии, что подкрепляется также социальной идеологией и политикой. Высококатегорные группы в большей степени поддержат неравенство и идеологию, лежащую в его основе (ориентация социального доминирования (SDO), то есть предубеждение в данном случае обеспечивает поддержку существующей в обществе иерархической структуры).

Рассматривается также институциональная поддержка предубеждений через средства массовой информации, систему образования и т. д.

Дискурсный подход. Существуют также подходы, рассматривающие роль языка, лингвистических средств в формировании предубеждений (D. Bar-Tal). Используемые слова и выражения во многом направляют внимание человека и определяют видение окружающего. В рамках этого направления проводятся исследования языковых выражений, с помощью которых группы конструируют негативный образ аутгруппы. Изучаются устные и письменные сообщения, их структура, тематика. Анализируются шутки, граффити и т. д. Одним из наиболее известных дискурсных аналитиков в области исследования предубеждений и нетерпимости является Т. А. ван Дейк [63]. Анализу подвергаются сообщения в средствах массовой информации, образовательные и политические дискурсы.

Ван Дейк осуществил анализ когнитивных и речевых стратегий выражения предубеждений на примере этнических предубеждений. Отмечается, что эти стратегии выражают предубеждения в социально приемлемой форме и тем самым позволяют человеку поддержать высоким общий уровень самоуважения и сохранять представление о себе как образованном, интеллигентном, тактичном и справедливом человеке. По его мнению, дискурс и коммуникация являются «жизненно необходимыми способами воспроизводства» расовых предрассудков (1989, с. 4). Представители предубежденной группы принимают участие во множестве коммуникативных ситуаций, в которых идеологически оформленное этническое отношение к группам меньшинства получает ориентированное на убеждение выражение и передается другим представителям белой части населения. Дискурсный анализ, таким образом, направлен на изучение способов выражения и передачи предубеждений.

В психологии уделяется также внимание особенностям формирования предубеждений. Существуют два теоретических подхода к рассмотрению особенностей формирования предубеждений: подход *теории социального отражения предубеждений* (The social reflection theory of prejudice) и *социально-когнитивная теория развития предубеждений* (A social cognitive theory of the development of prejudice). В соответствии с первым подходом люди приобретают предубеждения в процессе социализации. Взрослые передают детям аттитюды и стереотипы, отражающие систему отношений в обществе и статус группы, к которой они принадлежат. Маленькие дети изначально не имеют предубеждений, а усваивают их через социальное научение. Представители второго подхода придерживаются точки зрения, согласно которой дети характеризуются предубежденным отношением к другим людям, демонстрируя недоверие и неприязнь к непохожим на них, отличающимся от них и, следовательно, непредсказуемым для них лицам. По мере когнитивного развития дети начинают понимать значение различий между людьми, смысл социальных категорий, ярлыков, их произвольность, а также все больше внимания обращают на внутренние, индивидуальные качества человека, а не на межгрупповые различия. В результате этих достижений в развитии когнитивной сферы предубеждения становятся менее интенсивными. Если следовать данной позиции, интенсивные предубеждения взрослых связаны с их когнитивным недоразвитием.

Предубеждения могут быть следствием поспешных и необоснованных выводов, основанных на личном опыте, а также результатом некритичного усвоения

стандартизированных суждений, принятых в определённой общественной группе. Сформировавшись, оно может работать по механизму самореализующихся пророчеств и сохраняться вследствие инерции конформности, когда люди согласовывают свое поведение с предубеждением, которое распространено и является социально приемлемым в их окружении.

Представленное многообразие теоретических подходов свидетельствует, прежде всего, о сложности феномена предубеждения и его многоаспектности. Последняя проявляется и в многообразии его форм и проявлений, наиболее известными из которых являются уже упоминавшиеся дискриминация, сексизм, расизм и стигматизация, к рассмотрению которых мы и переходим.

Формы проявления предубеждений

Человеческое бытие достаточно многосторонне и изменчиво в своей способности делать практически любую социальную группу объектом предубеждений. Тем не менее существуют определенные группы, которые подвергаются в наиболее острой форме, к числу которых относятся предубеждения, основанные на половых, расовых, этнических, возрастных, сексуальных, физических и умственных особенностях.

Сексизм. Исследования сексизма значимы для социальной психологии по крайней мере в двух аспектах:

- говорят нам о социально-психологических механизмах предубеждений в целом;
- адресованы тем формам предубеждений, которые могут влиять на две формы человеческого бытия.

Исследования половых стереотипов показали, что как мужчины, так и женщины убеждены в том, что показатели мужчин выше по параметрам интеллекта и независимости, в то время как показатели женщин выше по душевной теплоте и эмоциональным переживаниям. Эти результаты оказались выраженными и в кросс-культурном аспекте: в Европе, Северной и Южной Америке, Австралии и некоторых регионах Ближнего Востока. Это согласованные *социальные стереотипы*. Знание таких стереотипов не обязательно характеризуют различные группы. Фактически соответствие между знаниями и представлениями присутствует только людей с выраженными предубеждениями. Очевидно и то, что мужчины и женщины наряду с различиями обладают и существенным сходством.

Конечно, измерения интеллекта, независимости, теплоты и эмоциональных переживаний являются значимыми атрибутами человеческой сущности. Если бы они были абсолютно верными, то во взаимоотношениях между полами было значительно меньше проблем. Тем не менее исследования показывают, что стереотипы о женщинах обладают значительно ценностью по сравнению с мужскими. Неужели половые стереотипы точно отражают особенности личности и поведения? Безусловно, различия существуют, что показывают и результаты многочисленных исследований. Но социально-психологические исследования говорят и о том, что эти результаты не обладают высокой степенью достоверности. Иными словами,

они не могут исчерпывающе свидетельствовать о том, что их обладатели являются либо мужчинами, либо женщинами. Например, исследования мужчин и женщин кандидатов в военные и управленцы показало весьма незначительные отличия между ними. Более того некоторые кандидаты женщины превосходили по многим параметрам своих коллег мужчин. В целом можно говорить о том, что половые стереотипы в большей степени являются мифами.

Но очевидно и то, что существует выраженное половое разделение труда. Большинство официантов, продавцов, секретарей, телефонистов, медперсонала и т. п. – женщины, а большинство правоведа, инженеров, военных, руководителей и т. п. – мужчины. Такое искусственное разделение труда получило обозначение – женский и мужской труд. При любом анализе межгрупповых отношений между полами мы не должны забывать о том, что мужчины в силу разных социально-политических причин обладают большей властью по сравнению с женщинами. Этот анализ с позиции теории социальной идентичности говорит о том, что существующее разделение приводит к различиям в социальных идентификаторах мужчин и женщин. Не удивительно, что женщинам крайне сложно добиться определенных статусных позиций в обществе в силу существования социальных стереотипов в отношении их потенциальной профессиональной компетентности.

Несмотря на то что гендерные стереотипы начинают формироваться в семье, легитимизируются они фактически в школе. Приход в школу является критической точкой в развитии гендерной идентичности и интернализации аттитюдов в отношении гендерных ролей.

Одним из наиболее мощных инструментов передачи и сохранения традиционных половых стереотипов являются СМИ. Всем нам хорошо известны те эталоны женского и мужского поведения, которые представляются в различного рода «мыльных операх», ток-шоу и т. п. не смотря на то, что кумулятивная сила этих образов не должна переоцениваться существуют значительно более открытые формы навязывания гендерных ролей. R. L. Archer ввел специальное понятие «фейсизм» (face-ism) для описания склонности женщин уделять повышенное внимание своему телу и его демонстрации. Они проанализировали большое число визуальных образов мужчин и женщин (газетных и журнальных фотографий и рисунков студентов), подтверждающих этот вывод. Для примера просмотрите внимательно какое-либо телеинтервью и обратите внимание, на что нацелена телекамера оператора в случае интервьюируемых мужчины и женщины.

В исследованиях описаны различные формы сексизма. Примеры такого рода представлены в использовании понятий «человек», «руководитель», «человечество» и т. д., отличающиеся тем, что они мужского рода. В частности на этот аспект обратили особое внимание феминистки добившись изменения этой маскулинной традиции. Заинтересованный читатель может обратить внимание, что во многих англоязычных текстах присутствует половое уточнение, что к обсуждаемому вопросу имеют отношение и мужчины и женщины (например, если пишется «мужчина», то в скобках «ставится «женщина» и наоборот). Определение пола присутствует и в

таких понятиях, как «домохозяйка» и «глава» и многое другое. Так как это происходит при посредстве языка, определяющего наше мировосприятие, крайне важным является изменение распространения им половых стереотипов, включая имплицитные значения слов и предложений. В частности по требованиям Американской психологической ассоциации публикации не должны содержать сексизмов.

Одной из показательных областей проявления сексизма является оценка исполнения. Он проявляется в разной оценке письменных работ, живописных произведений и т. п. мужчинами и женщинами. Точно так же, как сексистские стереотипы проявляются в мифах о том, что лучшие кулинары и модельеры – мужчины. В этих стереотипах косвенно присутствует вывод о том, что женщины менее компетентны, чем мужчины.

Также очевидно, что существуют различия и в объяснении причин успехов и неудач в зависимости от пола действующего. В целом успешное исполнение мужчин атрибутируется способностям, в то время как идентичное исполнение женщин атрибутируется удаче или легкости задачи. Очевидно и то, что женщины, добивающиеся успехов в типично мужских видах деятельности (например, назначение на руководящий пост), рассматриваются как менее заслуженные или достигнутое чисто женскими средствами по сравнению с тем же успехом мужчин. В целом, тем не менее, полово-стереотипные атрибуции проявляют тенденцию к вынесению различных оценок в отношении мужчин и женщин.

В то время как эти формы дискриминации крайне трудно изменяемы вполне очевидны и достижения демократических стран в области уравнивания полов в оценке их роли и вклада в различные сферы жизни общества. Примером чего является активная законодательная деятельность по устранению дискриминации.

Социально-психологические исследования фиксируют определенную эффективность этих изменений. В частности, произошли выраженные изменения в отношении женщин руководителей, женщин-парламентариев и др.

Расизм. Дискриминация по расовому или этническому признаку является одной из наиболее антигуманных. В то время как сексизм ответственен за сохраняющуюся практику избирательного отношения по признаку пола, в преодолении которой достигнуты определенные успехи, геноцид по-прежнему остается универсальным средством решения многих межнациональных проблем, например, в Камбодже, Ираке, Южной Африке, Югославии и др. Большинство исследований по данной проблеме было проведено в Соединенных Штатах Америки по проблеме аттитудов в отношении темнокожего населения. Эти же исследования демонстрируют радикальное изменение этих аттитудов за последние годы. Тем не менее расовая предубежденность все еще существует и каких либо перспектив ее радикального изменения пока не видно. Характерны они и для постсоветского пространства. По крайней мере, у существенной части населения Запада существует выраженное предубежденное отношение к лицам так называемой «кавказской национальности».

Несмотря на наметившиеся положительные тенденции сегодня нельзя говорить о том, что расизм изживает себя. Конечно, расистские взгляды стали более

скрытыми, но примеров их проявления более чем достаточно. За примерами можно обращаться к средствам массовой информации, поставляемым практически ежедневно. Например, расистские взгляды проявляются в соблюдении социальной дистанции (например, женитьбе, приеме на работу, выборе школы и т. п.).

Предубежденность может проявляться и в практически автоматизированном восприятии, проявляющемся в мгновенной фиксации расовой принадлежности оцениваемых людей. Можно говорить и о символическом расизме, проявляющемся в негативных чувствах в отношении темнокожих и т. п. Наконец, последние исследования показывают, как расизм может варьироваться и как он воткан в слова, которые мы используем в своей повседневной жизни. Примеры такого рода символического расизма широко представлены в работах Т. А. ван Дейка (1989). Большинство из нас осведомлено о расовых стереотипах, что часто сопровождается их автоматизированным применением.

В заключение следует отметить, что, несмотря на то, что открытый расизм и расовые предубеждения подвергаются моральному осуждению и большинство людей действует соответственным образом, избавиться от них не столь просто, как это может показаться. Микроб расизма все еще существует и он может быть обнаружен во многих областях.

Эйджизм. Во многих культурах, особенно тех, в которых сохраняются большие семьи, старики почитаются – они рассматриваются как мудрые учителя и руководители. Во многих других странах, в которых доминируют небольшие семьи, эта традиция становится нехарактерной и старость начинает вызывать раздражение. Здесь странах больше ценится молодость, а возрастные люди вызывают негативные стереотипы и расцениваются как обременительные и немощные члены общества. Они лишаются многих социальных прав и игнорируются их социальные потребности. Социальные психологи только недавно обратили внимание на эту проблему, начав системно изучать явление эйджизма.

Токенизм, или символическая благотворительность. Токенизм (от англ. token – символический, кажущийся) обозначает совершение актов символической благотворительности или подачек в отношении членов группы меньшинств (этнических, женщин, неимущих и т. п.). Впоследствии такие символические благотворительные действия выступают в качестве своеобразного знака снижения вероятности проявления более выраженных и более значимых позитивных действий или последующей возможности дискриминации: «Не надоедай мне. Разве я мало сделал?». Примером такого рода является описание ситуаций взаимоотношений белых с темнокожими американцами, представленное в исследовании Розенфилд (Rosenfield, 1982), когда, совершив символическую благотворительность в отношении темнокожего, белые американцы были значительно менее предрасположены к совершению каких-либо позитивных действий в отношении других незнатных представителей этой этнической группы. Более того, этот эффект активировал негативный стереотип в отношении темнокожих американцев, например, идентификации их как темнокожих попрошайек (нищих).

Токенизм или символическая благотворительность, подачки может использоваться организациями и обществами в целом. В США, например, критикуется символическое привлечение к работе представителей меньшинств (темнокожих, женщин, испаноязычных) организациями, которые впоследствии не предпринимают никаких действий в отношении обеспечения их подлинного равноправия. Создается впечатление, что эти организации могут использовать меньшинства в качестве символической защиты от возможных обвинений в предубеждениях. Токенизм на этом уровне может иметь крайне вредные последствия для самооценки тех меньшинств, которые используется в качестве такого рода символов.

Стигматизация

Многим из нас приходилось сталкиваться с крайне необычным и морально нечисто плотным явлением – глумлением, третируванием, издевательствам над личностью другого человека, что часто приводит к весьма трагичным последствиям для него. Необычность явления связана с тем, что это предвзятое отношение возникает неизвестно на каком основании. Третируемый может быть сильным и слабым, внешне привлекательным и непривлекательным, способным и недалеким и т. п. Третирующие также неоднородны. Это могут быть с виду интеллигентные люди и явно выраженные подонки, слабые и сильные, отличники и двоечники. Необычна и реакция окружающих – они либо не замечает актов глумления над личностью другого, либо иногда принимают участие в травле. Это странное явление обозначается загадочным термином – стигматизация. С особенностями его мы и попытаемся разобраться.

Древние греки использовали слово «стигма» для описания телесных знаков, которые имели своим предназначением указать на нечто необычное, неестественное, постыдное, «плохое» в человеке, его социальном, психологическом или моральном статусе. Это были выжженные или вырезанные на теле человека знаки, которые свидетельствовали о том, что он – раб, преступник, изменник (своего рода клеймо позора, гласившее: «Этого человека следует сторониться»). В последующем с возникновением христианства ситуация несколько поменялась. Так, сыпь на коже стала восприниматься как проявление божьей милости. Следует вспомнить и о таком явлении, как «стигматы» на теле.

В настоящее время стигма употребляется в первом значении, хотя это уже не некое клеймо на теле, а любой знак, указывающий на «постыдный» статус человека, его неполноценность, порочность, опасность и т.д.

Стигма (греч. stigma – укол, пятно) – «любой недостаток или дефект, или знак таковых, который оказывает серьезное негативное воздействие на социальное принятие затронутого индивида» (Шефер, Шледер, 1993, с. 190). Это знак, служащий для того, чтобы мы могли увидеть что-то необычное или плохое в нравственном облике его носителя. Стигма представляет собой некий атрибут, дискредитирующий человека в глазах окружающих, это качество, выдающее некое «постыдное» свойство индивида, его ущербность, дефект, нежелательное отличие от нормы.

Стигма наделяет индивида статусом неполноценного человека («не вполне человека»), вызывает его неприятие или, по меньшей мере, отсутствие готовности взаимодействовать с ним «на равных».

Стигматизация, таким образом, предстает как процесс «клеймения», навешивания негативного ярлыка (стигмы), вызывающего предрассудочное отношение к его носителю, неприятие, отвержение, дискриминацию, осуждение. В ярлыках выражается наиболее абстрактная и общая информация об объекте и, по очень точному замечанию Г. Олпорта, они «действуют как сирены, заставляя нас забывать обо всех более тонких различиях».

Стигма настойчиво привлекает к себе внимание, заставляя игнорировать информацию, которая свидетельствует о возможности полноценного социального контакта с ее носителем и обладании последними какими-то другими характеристиками. Носителю стигмы приписывается целый ряд других недостатков, «дефектов», обуславливающих его восприятие в качестве неполноценного, опасного, ненормального, специфического, нетрадиционного, особенного, «не такого», человека «другой природы». А это, в свою очередь, затрудняет или даже исключает возможность осуществления взаимодействия со стигматизируемым на равных.

Стигма рассматривается как особый тип отношений между качеством и стереотипом. Стигма выдает некое постыдное качество, но характер этого качества определяется не им самим, а скорее отношениями по поводу него.

Социальный мир разнообразен. Существуют принятые в обществе способы разбиения социальных субъектов и объектов на группы, установленные способы социальной категоризации. При этом набор качеств, которыми должен обладать данный класс объектов, которые считаются нормальными и естественными, достаточно жестко определяемым. Относя человека к той или иной социальной категории, индивид приписывает ему набор этих характеристик и общается с ним как с уже знакомым, не задумываясь о природе этого знакомства, имея некоторые нормативные ожидания и требования в отношении его поведения. Субъект определяет тем самым его «социальную идентичность». Эту предписанную социальную идентичность И. Гоффман обозначил как «виртуальную социальную идентичность», а те характеристики (социальные и личные), которыми индивид в действительности обладает, были обозначены автором как «истинная социальная идентичность». При встрече с незнакомым человеком стигматизация имеет место в случае нежелательного, воспринимаемого в крайних вариантах даже как опасного, расхождения истинной и виртуальной идентичностей. Иными словами, стигматизируемый – это человек, который не соответствует в каком-то отношении нормативным требованиям и ожиданиям, причем это несоответствие является нежелательным. В сознании стигматизатора он «превращается из цельного обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом (подпорченного)» (Майерс, 1998, с. 60). В этом аспекте стигма выступает в качестве особого типа несоответствия истинной и виртуальной социальной идентичностей.

Таким образом, стигматизация выступает как социально-психологическое явление, состоящее в навешивании негативных ярлыков, дискредитирующих индивида в глазах окружающих и вызывающих их стойкую социальную изоляцию и

нежелание, отсутствие готовности взаимодействовать с ним на равных. Стигма свидетельствует о нежелательном отклонении от нормы, воспринимаемом как признак неполноценности, ущербности, специфичности ее носителя.

Стигматизации могут также способствовать особенности реагирования стигматизированного на негативное отношение к нему. Мы можем воспринять его защитный ответ на ситуацию как прямое выражение его недостатка.

И. Гоффман выделяет три типа таких характеристик, обозначаемых в используемой им и нами терминологии «стигма»:

- физический дефект;
- недостаток характера, воспринимаемый как слабость воли;
- родовая стигма (раса, национальность, вероисповедание и др.), которая может передаваться из поколения в поколение (Goffman, 1986, с. 14).

Наиболее полно природа феномена стигматизации, его специфики, динамики анализируется в рамках интеракционистского направления в психологии, центральной объяснительной категорией в котором является взаимодействие, которое стимулирует формирование качества стигматизированности и явление вторичной стигматизации. Символический интеракционизм представлен в следующих основополагающих идеях: индивид и общество неотделимы друг от друга; индивиды представляют собой рефлексивную и интерактивную сущность, обладающую самостью; реагируют на объекты окружающего мира в соответствии со значениями, которыми они обладают для них. Подчеркивая активную роль человека в формировании его окружения, интеракционисты приходят к выводу о том, что значение объекта представлено в поведении, направленном на него, а не в объекте самом по себе. В рамках теории стигматизации, предложенной Г. Беккером, анализируется явление вторичной девиации. В частности, Г. Беккер отмечает, что отклонение представляет собой результат определенного воздействия на поведение индивида со стороны других людей.

Предубеждения выступают в качестве систем значений значения, которыми обладают социальные объекты, взаимодействие с которыми осуществляется на основе этих значений. В процессе социального взаимодействия реализуется трансформация социального объекта. Таким образом, природа социального объекта может конструироваться предубеждениями, имеющимися у людей по отношению к нему. Р. Мертон предложил термин «самодостаточные пророчества», которым обозначал степень вклада, вносимого людьми в создание таких жизненных обстоятельств, которые подтверждают их ранее существовавшие гипотезы об окружающем мире.

Стигматизация есть акт навешивания ярлыка. Любой ярлык содержит минимальное количество упрощенной, схематизированной информации о его носителе. Ярлык актуализирует установки по отношению к той социальной категории, которую он называет. Кроме того, ярлык затмевает собой все другие характеристики субъекта. В силу этого можно говорить о том, что стигматизация как акт навешивания ярлыков представляет собой актуализацию предубеждений и предрассудков, т. е. установки предвзятости.

Ярлык содержит минимум информации, практически всегда основан на личном мнении и предрассудках ярлыкодателя и зачастую направлен на то, чтобы вы-

звать у человека стойкую негативную эмоциональную реакцию. Нередко ярлык появляется раньше, чем то качество, на которое он указывает. Навешивание ярлыков приводит к выработке соответствующих этому ярлыку ожиданий от человека и определенной линии поведения по отношению к нему. В результате имеет место самореализующееся пророчество. То, во что человек верит (ярлык) в отношении другого человека или группы людей, служит формированию реальности, подтверждающей эту веру. Предубеждение, негативное представление о стигматизируемом, таким образом, может найти в результате подтверждение в его поведении.

Ярлык принимается без конкретного доказательства и объяснения и уже неважно, каков человек (носитель ярлыка) на самом деле. Причем принимается любая информация, подтверждающая ярлык, и игнорируется противоречащая ему. Предубеждения, таким образом, приводят к избирательности восприятия (замечается в человеке, прежде всего, плохое) и односторонности интерпретаций (все поступки, поведение человека видятся через призму негативного отношения к нему, в соответствии с уже сформировавшимися стереотипными негативными представлениями о нем).

Явление стигматизации, таким образом, неразрывно связано с предубеждениями. Предубеждения могут выступать в качестве предпосылок стигматизации и в качестве ее результата, служа целям рационализации, оправдания негативных чувств и негативного поведения к стигматизированному. Стигматизация есть акт «клеяния», навешивания ярлыка, предубеждения есть установка по отношению к носителю ярлыка. Распространенные в той или иной социальной среде предубеждения и предрассудки задают соответствующие стигматизирующие атрибуты.

Особый вопрос представляют причины выбора в качестве стигматизируемого определенного человека. Первое, что приходит в голову, – этот человек обладает какими-либо «дефектами», обуславливающими обретение статуса изгоя. Однако специальные исследования показали значительно более сложную природу вопроса, заключающуюся в сложном сочетании личностных и ситуативных переменных.

В качестве ведущего фактора, определяющего потенциальную жертву стигматизации Дуглас выделил видимое, наблюдаемое отличие человека от большинства (Douglas, 1993, с. 135). Это основной способ выбора кого-то из членов группы на роль «козла отпущения». Жертвой стигматизаторов становится человек, непохожий на них, не такой, как все. Вообще индивидуальные различия выполняют адаптивную функцию, составляют ресурсы группы, способствуют ее развитию, расширяют и углубляют ее возможности, повышают продуктивность при решении групповых задач и достижении поставленных целей, являясь при этом приемлемым и значимым. Неординарность и индивидуальность ценятся высоко и приветствуются окружающими. Но отличие, которое было приемлемым в обычных обстоятельствах, когда дела шли хорошо, рассматривалось как полезное, может достаточно быстро стать фрустрирующим, раздражающим, вызывающим неприязнь, предубеждение, враждебность по отношению к его носителю, особенно если группа находится на переходном этапе своего развития, когда она наиболее уязвима. Человек, ставший жертвой стигматизации, рассматривается как препятству-

ющий дальнейшему существованию группы, ее прогрессу, достижению поставленных целей, особенно если он мало участвует в делах группы, является некомпетентным. Отличие может касаться самых разнообразных характеристик человека, особенностей его поведения. Оно может быть связано с внешностью, возрастом, половой, расовой, национальной принадлежностью, религиозными и другими убеждениями, социальным положением и т. д. Здесь немаловажную роль играют имеющиеся у стигматизаторов предубеждения. Отличие может касаться как негативных сторон человека, например, его некомпетентности, так и позитивных. Например, более высокий уровень интеллектуального развития по сравнению с остальными может быть раздражающим, вызывающим неприязнь и предубежденное отношение. В периоды отчаяния, сильного напряжения даже цвет волос может послужить предпосылкой для стигматизации человека. Степень отличия стигматизируемого от стигматизаторов служит своего рода мерой интенсивности напряжения последних, заставляющего культурных людей вести себя незтично и несправедливо по отношению к своему коллеге, делая из него «козла отпущения».

В качестве ещё одной предпосылки, определяющей выбор человека на роль козла отпущения, R. A. Feldman и J. S. Wodarski (1975) выделяют социальное бессилие. Оно предполагает низкую значимость человека для стигматизаторов, невлиятельность, низкий статус, некомпетентность, изолированность, а также неспособность отплатить, постоять за себя, дать отпор. Существует гипотеза, согласно которой с целью обезопасить себя от ответных агрессивных актов, в качестве «козла отпущения» выбирают «безобидный объект». Но наличие социального бессилия не является обязательным условием для осуществления стигматизации. На роль «козла отпущения» иногда выбираются и сильные, обладающие властью члены группы. Стигматизированным может стать лидер, руководитель. Этот тип решения связан с культурной моделью, согласно которой, если группа «действует плохо», это вина руководителя. Важно отметить, что, становясь «козлом отпущения», человек приобретает ценность и значимость для стигматизаторов, так как позволяет им избавиться от неприятного чувства вины, ответственности, разрядить напряжение, выместить обиды и т. д. Поэтому во многих случаях имеет место неосознанное стремление стигматизаторов удержать человека, ставшего для них козлом отпущения, рядом.

Социальное бессилие не является абсолютно надежным критерием выбора жертвы, когда в качестве индикаторов слабости используются молчаливость и необщительность, которые также могут выступать мерой независимости и личностной силы. Л. Берковиц и Грин критиковали гипотезу «безопасности». Они утверждали, что фрустрация вызывает враждебность, только если задевает чувство самоуважения, поддержать которое можно, обвиняя в своих неудачах не слабых, а более сильных и значимых индивидов.

По отношению к своей потенциальной жертве стигматизаторы испытывают неприязнь, антипатию. Среди характеристик, вызывающих неприязнь, различные авторы также выделили: сходство с фрустратором, отличие от большинства, провоцирующее поведение, раздражительность, повышенная тревожность, стремление продемонстрировать свое превосходство, удачливость, хвастливость, непринятие социальных норм, пренебрежение общими правилами, недисциплинированность,

агрессивность, выражение неудовлетворенности своей группой и позицией в ней, болезненность и слабость, чувство вины, низкий уровень самоуважения, некоммуникабельность, а также наличие какого-то физического дефекта, психического расстройства. Антипатия к стигматизаторам может привести в действие принцип взаимности, в соответствии с которым людям несимпатичны и неприятны те, кому они не нравятся. Л. Я. Гозман указывает на немаловажную роль внешнего облика, показывая, что часто некрасивый ребенок рассматривается как «плохой». «Не случайно именно некрасивым или страдающим каким-то физическим недостатком детям нередко приписывают дурные мысли и поступки» (1988, с. 11). От менее «симпатичных» детей ждут плохого поведения. И, возможно, чувствуя пристрастность взрослых, ребенок пойдет им навстречу, оправдывая их ожидания по механизму самоподтверждающегося пророчества.

Важную предпосылку стигматизации составляют потребности стигматизируемого. Они могут усилить процесс стигматизации. Например, принимая роль козла отпущения, человек удовлетворяет потребность во внимании, которую не смог удовлетворить каким-либо иным способом. Здесь срабатывает принцип: лучше такое внимание, чем вообще никакого. И. Гофман указывает, что процесс стигматизации усиливается, если стигматизированный в результате получает вторичный выигрыш, используя свое положение как «оправдание неуспеха, который возник по иным причинам» (1986, с. 21).

Стигматизации могут также способствовать особенности реагирования стигматизированного на негативное отношение к нему. И. Гофман говорит, что «мы можем воспринять его защитный ответ на ситуацию как прямое выражение его недостатка» (там же, с. 16).

Для обозначения характеристик, вызывающих стигматизацию, он использует термин стигма, выделяя три типа таких характеристик:

- физический дефект;
- недостаток характера (слабая воля, эмоциональность, высокомерность, нечестность и т.д.);
- родовая стигма (раса, национальность, вероисповедание и др.), которая может передаваться из поколения в поколение (там же, с. 14).

И. Гофман также указывает на тенденцию стигмы к распространению, из-за чего люди избегают связи с её носителями.

Переход из одной группы в другую часто не решает проблемы стигматизированности, освобождения от роли «козла отпущения». Это может быть связано с формированием уже рассматривавшегося ранее феномена наученной беспомощности. Сталкиваясь с многочисленными неудачами, человек как бы формирует своеобразную предуготованность к будущим неудачам (в данном случае, враждебности окружающих), снижает уровень ожидаемой эффективности, что, в свою очередь, обрекает его на новые неудачи. Он начинает вести себя как жертва – пассивно и неэнергично. Наученная беспомощность есть разновидность утраты веры в справедливый мир. Она соответствует пессимистическому (депрессивному) атрибутивному стилю. Антиципируя повторение неприятного прошлого в новой ситуации, человек неадекватно интерпретирует нейтральное отношение окружающих как

негативное и столь же неадекватно реагирует, привлекая к себе внимание потенциальных стигматизаторов.

Эффекты социальных предубеждений

Из предшествующего анализа следует, что объекты предубеждений и дискриминации обладают низким статусом влияния в обществе и не могут избежать принятого в нем негативного отношения. Члены этих групп интернализуют эти оценки и формируют негативный образ самих себя, который проявляется в различных контекстах в форме заниженной самооценки. В частности, исследования показывают, что женщины в целом разделяют негативные стереотипы в их отношении со стороны мужчин, часто оценивая себя в представленных в них характеристиках и в некоторых обстоятельствах, в которых пол выступает в качестве основания для самовосприятия, демонстрируют заниженную самооценку (Hogg, Vaughan, 1995). В то же время группы и их члены являются очень изобретательными в нахождении способов смирения с низким статусом и депрессивная самооценка является неизбежным следствием предубеждений.

Снижение самооценки. Повседневное столкновение с выражениями предубеждений приводит к снижению самооценки, так как в ее основании всегда лежит социальное сравнение. Отношение к представителям стигматизированных групп детерминировано имеющимися в отношении них предубеждениями. Вполне очевидно, что такого рода снижение проявляется в самых разнообразных формах социальных предубеждений, в том числе и в случае только что рассматривавшейся стигматизации. Носители стигмы воспринимаются окружающими как неполноценные, неспособные люди, а стигма оценивается окружающими как некое порочащее, «постыдное» качество. Результатом становятся чувство стыда, которое испытывается в связи с обладанием стигмой, и стремление скрыть этот факт (если это возможно) от окружающих. Носитель стигмы может также вслед за окружающими осознавать свою неполноценность, стыдиться ее.

Представители стигматизированных групп часто подвергаются социальному отчуждению, дискриминации со стороны окружающих, что в значительной мере снижает вероятность их успешности в различных сферах жизнедеятельности. Самооценка человека зависит от уровня его достижений. Поэтому вероятность формирования заниженной самооценки у членов стигматизированных групп высока.

Вместе с тем вопреки кажущейся непротиворечивости данной логики рассуждений эмпирические исследования в этой области продемонстрировали, что самооценка членов стигматизированных групп по своему уровню не ниже, а иногда даже выше самооценки представителей нестигматизированных групп. Для достижения этой цели используются следующие стратегии:

- приписывание причин своих неудач действию предубеждений и дискриминации;
- обесценивание тех сфер, в которых в силу своей стигматизированности они не могут проявить себя;

- избирательное сравнение себя с другими обладателями стигмы, а не с стигматизированными индивидами.

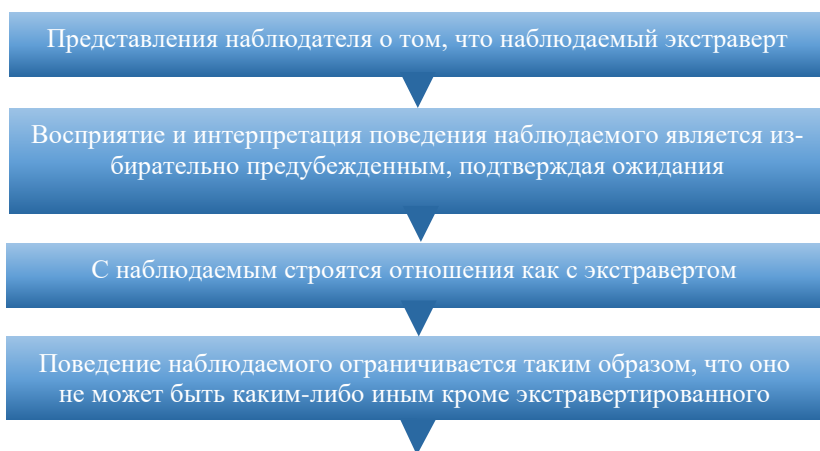
Неудачи и понесенный ущерб. Жертвы предубеждений, принадлежащие к отвергаемой группе, лишаются источников, предоставляемых обществом для достижения успехов – например, получения качественного образования, должного медицинского обслуживания, материальное благополучие, высокооплачиваемой работы и т. п. Таким образом, дискриминация делает очевидной реальную неуспешность и неудачливость в достижении высших стандартов в обществе. Это осознание неудачливости интернализуется жертвами предубеждений, становящейся хронически апатичными и немотивированными – они просто демонстрируют псевдоактивность в силу осознания собственной безуспешности.

Широкую известность в социальной психологии получил феномен «самоудовлетворяющих пророчеств», проявляющийся в формировании реальности, соответствующей сформировавшимся устойчивым представлениям о самих себе. Если эти представления согласовываются с негативными социальными стереотипами, то результатом станет негативное самоотношение, приводящее к нахождению внешних подтверждений его обоснованности. Классическим примером такого рода являются эксперименты Розенталя и Джекобсона (Rosenthal, Jacobson, 1968), подменявших показатели IQ сильных и средних учеников и соответствующим образом представлявших их учителям. Результат экспериментов заключался в том, что как ученики были представлены, так они и закончили обучение, независимо от исходных объективных оснований. Не вдаваясь в детали данного исследования и не давая оценки его этичности, отметим лишь то, что учащиеся, представленные как малоспособные, смирились со сформированной оценкой и не прилагали усилий для ее опровержения.

Процесс, посредством которого представления формировали реальность, на протяжении ряда лет исследовался М. Snyder (1984). У испытуемых формировалось представление, что человек, на встречу с которым они идут, обладает ярко выраженной экстравертированностью. Последствия такого рода установки прослеживались в процессе характера взаимодействия от его начальной точки до конца. Результаты исследования подтвердили – поведение наблюдателя и самовосприятие подчиняются исходным ожиданиям (схема 39).

Схема 40.

Как представления создают реальность.

Приводится по Hogg, Vaughan, 1995, с. 300.

Еще одним эффектом социальных предубеждений является *формирование негативной социальной идентичности*. Осознание своей принадлежности к стигматизируемой социальной группе, субъективная идентификация с ней соответственно могут привести к формированию негативной социальной идентичности и снижению самооценки. Это особенно характерно для тех случаев, когда человек стал обладателем стигматизирующего качества уже после того, как усвоил доминирующие в обществе стереотипы и предубеждения и сам в прошлом подвергал стигматизации и отвержению соответствующие категории людей, относился к ним с пренебрежением. Примером такого рода является включение человека в группу нищих, просящих милостыню.

По мнению авторов концепции социальной идентичности, когда последняя не удовлетворяет человека, он стремится либо покинуть низкостатусную социальную группу и присоединиться к более высоко оцениваемой группе, либо подчеркнуть позитивное отличие своей группы от остальных релевантных аутгрупп. Исследование динамики идентификации человека с группой нищих обнаружило феномен постепенного разотождествления со стигматизированной группой по основным личностным качествам, приписываемым представителям этой группы. Сходное явление было обнаружено С. R. Kaiser и С. T. Miller в исследовании реакции на предубеждения и дискриминацию (2001).

Депрессия, подавленность. Стигматизация сопровождается ощущением подавленности, бесперспективности собственного существования. В частности, как отмечает А. Финзен, люди, страдающие психическими заболеваниями (например, шизофренией), задаются вопросом, связанным с потребностью скрывать свое заболевание, отрицать его: «Стоит ли продолжать жить с этим заболеванием?» (2001, с. 57). Такая установка повышает риск суицида. Одиночество и социальная изоляция, будучи результатом стигматизации и предубежденного отношения окружающих, могут стать источником безнадежности и отчаяния, а это – основные мотивы суицида.

Снижение чувства контроля над окружающим миром, наученная беспомощность, пессимистический атрибутивный стиль. Наученная беспомощность возникает в тех случаях, когда человек считает себя не способным контролировать то, что с ним происходит. Сталкиваясь с многочисленными неудачами, он формирует своеобразную предуготованность к будущим неудачам, снижает уровень ожидаемой эффективности, что, в свою очередь, обрекает его на новые неудачи. Он

начинает вести себя как жертва – пассивно и неэнергично. Наученная беспомощность есть разновидность утраты веры в справедливый мир. Человек при этом прибегает к пессимистическому (депрессивному) атрибутивному стилю, при котором негативные переживания, результаты и жизненные обстоятельства он относит на счет неконтролируемых личностных или ситуативных факторов.

Наличие вторичной выгоды. Так, например, в ряде случаев наличие стигмы и используется ее носителями для оправдания собственной неуспешности, которая имела место по причинам, не связанным с обладанием стигмой. Это способ избежать социальной ответственности: «Как я такой неполноценный могу достичь успеха?». Устранение стигмы (например, устранение физического недостатка путем хирургической операции) делает человека беззащитным перед возрастающими требованиями окружающих и лишает его возможности оправдания собственного бездействия и неудач, несостоятельности. Если человек не готов справиться с подобной ситуацией, он может избрать невротическую модель поведения.

Низкий уровень достижений. Ощущение собственной беспомощности может привести к снижению уровня притязаний, пассивности и бездействию и, как следствие, низким результатам и достижениям. Но такая ситуация может быть обусловлена и объективно наличием дискриминации носителей стигмы, их непринятием и социальной изоляцией, а это существенно снижает вероятность их успеха в той или иной сфере.

Вторичная девиация. Стигматизация как акт навешивания ярлыка рассматривается в качестве источника девиантного поведения. G. Becker отметил, что девиация есть «не качество поступка, который совершает человек, а скорее следствие применения другими людьми правил и санкций против «нарушителя» (1963, с. 9). Появление девиантного поведения возможно при одном только определении индивида как социально отклоняющегося и применении по отношению к нему репрессивных или исправительных мер. Постепенно человек сам привыкает считать себя таковым и начинает вести себя в соответствии с новой ролью. Таким образом, предубеждения могут оправдываться по механизму самореализующихся пророчеств.

Последствия для общения. Результатом предубежденного отношения и стигматизации являются подозрительность и недоверие представителей стигматизированных групп к окружающим. Они либо ведут себя агрессивно, занимают оборонительную позицию, либо становятся замкнутыми и избегают контакта с окружающими в ожидании враждебного отношения с их стороны, или, по меньшей мере, особо пристального внимания к своей персоне и своему «недостатку». Стигматизированные часто стремятся скрыть, если это возможно, то качество, которое может вызвать предубеждения в отношении них. Ведь даже если окружающие тщательно контролируют свои высказывания и свое поведение со стигматизированными, они все равно демонстрируют неловкость в общении с последними, боясь неосознанно их оскорбить, лишней раз напомнить об их «неполноценности».

И. Гофман также указывает на тенденцию стигмы к иррадиации, распространению ее влияния на родных и близких стигматизированных индивидов, которые также могут подвергаться социальной изоляции. Так, стигма «преступник», «алкоголик» и т. д. с легкостью переносятся на ближайшее окружение. Ярлыки «жена

алкоголика», «сын преступника» и другие подобные обозначения также представляют собой стигму, «клеймо».

Перечисленные негативные эффекты социальных предубеждений ставят вопрос о путях их профилактики или преодоления.

Преодоление социальных предубеждений

Как уже отмечалось ранее, предубеждения чреватые негативными последствиями. Они способствуют непониманию, являются источником конфликтов, ограничивают позитивный опыт социальных контактов. В свете этого актуальной становится разработка стратегий преодоления предубеждений. Возможности распознавания и преодоления предубеждения представляют собой еще одну область социально-психологических исследований.

Следует отметить, что формированию предубеждений способствуют не только психологические, но и (не в последнюю очередь) другие факторы: экономические, культурные, политические и т. д.. Поэтому возможности психологических средств в преодолении предубеждений ограничены, хотя психологи и вносят существенный вклад в разработку подобных стратегий.

Один из возможных путей – создание общих целей, сплачивающих людей и элиминирующих их предубеждения. Эффективность данной стратегии в снятии межгрупповой враждебности подтверждают эксперименты М. Шерифа в летнем лагере. Хотя отмечается, что подобный эффект возможен лишь в случае успешного достижения общей цели. В противном случае неприязнь усиливается.

Дж. Тернер указал другой путь – перекатегоризацию, отмечая, что, если люди переоценят свою групповую принадлежность и будут рассматривать себя как принадлежащих к одной социальной группе, их отношение друг к другу станет более благосклонным. Еще одним потенциально эффективным способом является выделение двух или более пересекающихся друг с другом социальных категорий, например возраста и пола. В этом случае дифференциации по полу и возрасту компенсируют друг друга и предубеждения будут редуцированы. Но к этой стратегии следует относиться очень осторожно, так как, подчеркнув другие различия между людьми, можно породить ещё более сильные предубеждения.

Г. Оллпорт предложил гипотезу контакта (*contact hypothesis*), предполагающую установление коммуникации между враждующими, расширение возможностей их общения, способствующую уменьшению предубежденности. Эта стратегия показала свою эффективность в процессе преодоления негативных этнических стереотипов. Более полная и многогранная коммуникация способствует осознания того, что у людей, по отношению к которым существуют предубеждения наряду с негативными имеются и позитивные качества. Более того, при непосредственных контактах обнаруживается, что представители данной группы отличаются друг от друга, а следовательно и относиться к ним можно по-разному. Эффективной может быть персонализация общения. Снижение предубежденности к партнеру по общению может не распространяться на других представителей стигматизированной группы. В этом смысле более эффективной будет коммуникация с «типичным»

представителем этой группы. Ослаблению предубеждений может способствовать создание условий равностатусного сотрудничества, так как неравный статус – источник предубеждений.

В. С. Агеев проанализировал условия возникновения негативных форм социальной конкуренции, враждебности. Были выделены соответствующие рекомендации по снижению социальной напряженности: а) критерии оценки любых дел и достижений должны быть абсолютно ясными и понятными для всех членов групп, независимо от их статусных соотношений; б) достижение значимого для человека результата и соответствующая оценка должны быть связаны с его усилиями и способностями и не должны быть жестко связаны с общегрупповыми стандартами; в) крайним вариантом является исключение всякой возможности социального сравнения между разностатусными группами вплоть до полного исключения контактов между ними (1990, с. 17-18). Следует отметить, что речь идет о снижении напряженности в отношениях между малыми группами.

Предубеждения выступают как ригидные установки предвзятости. Соответственно развитие критического мышления и рефлексивной культуры человека может привести к снижению его предубежденности. Преодоление репродуктивности, механистичности, одностороннего, предвзятого видения ситуации, выход за пределы существующих схем мышления и образцов деятельности есть предпосылки успешности снижения предубежденности. Рефлексия обеспечивает выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее суждения о ней.

Проблема рефлексии рассматривается в трех основных контекстах, каждый из которых имеет место в рамках интересующей нас проблемной области: а) изучение процесса мышления; б) коммуникативный и кооперативный контекст; в) самосознание личности. Рефлексия развивается через способность к децентрации, выхода за пределы собственной позиции. Это диалогическое отношение к себе как к человеку, как к субъекту. Диалог предполагает наличие по крайней мере двух смысловых позиций. Взаимодействие нескольких позиций есть условие преодоления предвзятости, субъективности, поскольку позволяет расширить опыт, приобрести новые знания. Рассмотрение ситуации с различных позиций ведет к более полному и адекватному ее пониманию, создавая предпосылки для успешного преодоления предубеждений.

Возможности рефлексивного анализа в преодолении предубежденности и субъективности ограничены. Возникает вопрос об адекватности и истинности рефлексии. Это связано с тем, что для снижения своей предвзятости человек может использовать процедуры, выбор которых обусловлен все тем же влиянием предубежденности и их возможностью подтвердить объективность его позиции, адекватность его выводов. Здесь, в частности, можно вспомнить те когнитивные и речевые стратегии, которые позволяют смягчить выражение предубеждений, но не сами предубеждения. Рефлексивный анализ субъективен. Рефлексия эффективна только тогда, когда ее истинностные характеристики удовлетворительны. Развертывание внутреннего или внешнего диалога также может иметь своим результатом не уточнение и изменение позиции, на усиление исходных установок. Занимая обо-

ронительную позицию, субъект наработывает аргументы в пользу своей когнитивной схемы, установки, предубеждения, еще раз убеждая себя в их адекватности. Вопрос об условиях, при которых рефлексия способствует снижению предубеждений, требует дополнительного изучения, что не входит в задачи нашего исследования. Отметим лишь, что развитие навыков рефлексивного анализа и установка на критическое мышление в отношении собственных позиций есть предпосылка снижения предвзятости рассматриваемого субъекта.

Развитие рефлексивной культуры, культуры общения и психологической культуры создают предпосылки для непредвзятого отношения и общения, для профилактики и преодоления предубеждений. Как отмечает В. Н. Куницына, «избавлению от предрассудков помогает образование, развитие самосознания и интенсивное самопознание, формирование чувства собственного достоинства, которое не позволяет пренебрежительно относиться к другим людям; (2001, с. 338).

Можно вести речь о двух основных направлениях в отношении их профилактики и преодоления. Одно из них концентрирует свое внимание на возможностях изменения социальных установок предвзятости, доминирующих в обществе. Разрабатываются соответствующие программы дестигматизации, предназначенные для реализации через систему образования и СМИ. Ряд авторов выказывает пессимизм в отношении эффективности подобных мер. А. Финзен предлагает сконцентрировать внимание, прежде всего, на социальной и психологической работе специалистов с людьми, ставшими объектом предубеждений, и их ближайшим окружением. Такое направление в профилактике и преодолении последствий стигматизации и предубеждений состоит во внешнем вмешательстве, направленном на повышение самооценки стигматизируемых, коррекцию атрибутивного стиля, что обеспечивает их успешную адаптацию в условиях стигматизации. Очевидно, что работа должна вестись и в том и в другом направлениях.

Глоссарий

Эйджизм (от англ. age-ism) – проявление предубежденного отношения к представителям другой возрастной группы, выражающееся либо в умалении либо дискредитации присущих им достоинств и выстраивания пренебрежительных отношений или игнорирования.

Сексизм (от англ. sex-ism) – проявление предубежденного отношения к противоположному полу, выражающееся в преуменьшении его достоинств и гипертрофировании недостатков.

Стигма (греч. stigma – укол, пятно) – обозначает любой недостаток или дефект, или знак таковых, который оказывает серьезное негативное воздействие на социальное принятие затронутого индивида. Она представляет собой некий атрибут, дискредитирующий человека в глазах окружающих, качество, выдающее некоторое «постыдное» свойство индивида, его ущербность, дефект, нежелательное отличие от нормы,

наделяет его статусом неполноценного человека («не вполне человека»), вызывая его неприятие или, по меньшей мере, отсутствие готовности взаимодействовать с ним «на равных».

Стигматизация (*stigmatization*) выступает как социально-психологическое явление, состоящее в навешивании негативных ярлыков, дискредитирующих индивида в глазах окружающих и вызывающих их стойкую социальную изоляцию и нежелание, отсутствие готовности взаимодействовать с ним на равных.

Токенизм (от англ. *token* – символический, кажущийся) обозначает совершение актов символической благотворительности или подачек в отношении членов группы меньшинств (этнических, женщин, немущих и т. п.) с целью получения своеобразной индульгенции от более значимых действий в отношении обеспечения подлинного равноправия

Фейсизм (от англ. *face-ism*) понятие, введенное Archer, для обозначения склонности женщин уделять повышенное внимание своему телу и его демонстрации.

Вопросы для обсуждения

1. Сформулируйте операциональное определение понятия «социальное предрассудение».
2. Обсудите особенности теоретических подходов к проблеме социальных предрассудений. В чем причины их многообразия?
3. Какими путями процессы атрибуции влияют на социальные предрассудения?
4. Опишите роль СМИ в формировании социальных предрассудений.
5. Каковы специфические условия, повышающие вероятность проявления социальных предрассудений?
6. Каковы типичные характеристики стигматизируемых и стигматизаторов?
7. Обсудите наиболее известные формы проявления предрассудений.
8. Проанализируйте известные Вам примеры проявления сексизма. В чем коренятся причины его живучести?
9. Представлены ли в нашей культуре рецидивы расизма? Если да, попытайтесь проанализировать причины его существования.
10. Проанализируйте известные Вам примеры проявления эйджизма.
11. Какова роль общества и семьи в формировании предрассудений?
12. Охарактеризуйте основные пути снижения предрассудений. Попытайтесь определить лежащие в их основании психологические механизмы.

Для дополнительного чтения

- Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1999.
- Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорельца В. М. Межличностное общение. – СПб.: Питер, 2001.

- Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2001.
- Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Издательство «Питер», 2000, с. 182 – 199.
- Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. – М.: Аспект Пресс, 2000.
- Финзен А. Психоз и стигма. – М.: Алетея, 2001.

Основной источник

Кенрик Д., Нейберг С., Чалдини Р. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! (Агрессия. Лидерство. Альтруизм. Конфликты. Группы) / Научный редактор профессор А.Л. Свенцицкий. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Вхождение отечественной психологии в эпоху постмодерна совпало с годами перестройки, сопровождаемыми процессами радикальных изменений в социально-политическом строе всего постсоветского пространства. Изменения в экономических отношениях сопровождались ростом демократизации всех сфер жизни общества, в том числе и информационного поля психологической литературы. Отечественный потребитель, находившийся в ситуации существования единственной психологической традиции, начал сталкиваться с появлением психологической литературы, представляющей иные взгляды и решения, часто противоречащие знакомым и, казалось бы, незыблемым. Отсутствие какой-либо подготовленности к восприятию такого рода литературы, ранее нещадно критиковавшейся, либо подававшей в удобном «соусе», разделило психологическое сообщество на три условных лагеря: «ортодоксальных консерваторов», продолжающих с энергией, достойной лучшего применения, отстаивать непогрешимость прошлых представлений; радикалов, смело тиражирующих новые подходы, по форме и содержанию весьма отличающихся от оригинальных; наконец, растерянное большинство, стремящееся к самоопределению в ситуации множественного выбора, не обеспеченного четкими и определенными критериями оценки. Сложность ситуации усугубляется и тем, что в силу открытости границ и рынка принятие каких-либо «государственно-регулирующих» решений стало невозможным. И даже ортодоксальные консерваторы вынуждены смириться с присутствием на психологическом рынке конкурентов, имеющих многолетнюю историю своего существования.

Эта диатропика парадигмальных координат психологического знания обуславливает необходимость ее инвентаризации и осмысления в контексте определения перспектив развития. Такая инвентаризация проводилась и ранее, но, как правило, в контексте определения верных и неверных координат, а еще точнее – единственно верной традиции. Возможность же относительно беспристрастного знакомства с альтернативными психологическими традициями хотя и была представлена в зарубежных работах по истории психологии, но не была реализована в силу невладения иностранным языком отечественным читателем и отсутствием квалифицированных переводов. Но исторические описания не беспристрастны и каждое из них редко претендует на выработку серьезных оценочно-критериальных оснований межпарадигмального сопоставления и пытается скрыть свои симпатии к какой-либо одной. В силу отмеченных выше обстоятельств анализ ситуации постмодерна в психологии представляется более чем актуальным. Тем более, что само понятие постмодерна не является данностью нашей культуры, только начинающей переходить от тоталитаризма к демократии.

Сложность сопоставления различных систем парадигмальных координат, традиций и школ сопряжена еще и с тем, что в предлагаемых подходах практически не выдвигается в качестве ведущего основания само социальное бытие личности и

ее окружения в их социально- и кросс-культурном контекстах. Историк также является человеком, не лишенным собственных предубеждений, находящимся под влиянием соответствующей парадигмальной и культурной традиции.

С переходом в культуре от модернизма к постмодернизму, с повышенным интересом к многообразию и уникальности социального бытия личности как объекта психологического анализа происходит прорыв в переосмыслении соотношения психологической науки, и социального бытия личности и ее окружения (Kvale, 1997). Именно в эпоху постмодерна происходит осознание психологами самого факта, что психологическая наука слишком далеко оторвалась от своего непосредственного объекта и предмета исследования, точно также как начинает все больше осознаваться неадекватность использования к изучению живой человеческой сущности препарирующего свойства методов естествознания. Этому способствуют общекультурная метафоризация психологического знания; отсутствие прямого доступа к исследуемой реальности, возможность множественной интерпретации изучаемого феномена сопряжены с обсуждением проблемы влияния личности исследователя на выбор методологии и метода, процесс исследования и интерпретацию его результатов.

В ситуации постмодерна особенно активно обсуждается проблема перспектив развития современного психологического знания. Как подчеркивает один из крупнейших представителей социального конструктивизма в психологии Шоттер (J. Shotter): «Постмодернистский подход к пониманию требует от нас, в первую и главную очередь, отказа от “великой повести” о теоретическом единстве знания, проявляющемся в более локальных и практических целях. Это означает отказ от глубочайших выводов (и надежд), от мышления эпохи Просвещения заключающемся в утверждении: то что реально доступно восприятию и представляет собой упорядоченный и систематический мир (потенциально), одинаковый для всех нас – таким образом, что если мы упорствуем в своих исследованиях и аргументах, то тем самым мы защищаем универсальное согласие о его природе» (1997, с. 69). И далее, «наша неудача в доказательстве существования универсальности является важной неудачей; мы продолжаем обращаться с тем что, по-видимому, является единством гетерогенности (означающей систему отличий), как с единством гомогенностей (означающем систему сходств)» (там же, с. 69–70).

В психологии эпохи постмодернизма выбирается курс на обеспечение тесной связи психологической науки с повседневной прозаикой жизни человека в условиях экзистенциально-феноменального бытия в условиях непосредственного социального окружения. Но в качестве ведущей цели определяется не предоставление единственно верных истин, а предложение альтернативных позиций, отражающих многообразие трактовок и возможных решений, объяснений того или иного явления. Вместо занятия нейтральной позиции психолог приглашается к идентификации с позицией личности, профессионала и политика. Активность, деконструкция, диатропика, полилинейность берутся на вооружение представителями гендерной, дискурсной, критической, экзистенциально-феноменологической традиций. В

рамках такого подхода людям предлагаются возможности выбора, альтернативы, применимые к пониманию повседневной жизни.

Постмодернизм призывает ученых присоединиться к сумятице культурной жизни – стать активным участником конструирования культуры. «Вместо того, чтобы говорить “это по причине этого” психолог постмодерна “говорит о том, каким это может стать”. Надо обрести смелость преодолеть барьеры здравого смысла, вводя новые формы теории, интерпретации, интеллектуальности» (К. J. Gergen, 1997, с. 27). В этой связи Gergen предлагает понятие «генеративная теория», призванное преодолеть конвенциональное мышление и таким образом открыть новое альтернативное мышление и действия. По его мнению, посредством такого теоретизирования ученые могут внести свой вклад в формы культуры понимания, объединения символических ресурсов, доступных людям в их непосредственной жизни. Постмодернистская психология пытается соединить психологов и общество.

В рамках когнитивного подхода, ориентирующегося на эксперимент и выявление номотетики, в качестве исходной базовой посылки выступает признание факта наличия объективной реальности. Как следствие, особое внимание уделяется операционализации и верификации предмета исследования. основополагающей метафорой данного подхода выступает компьютер и лежащие в основе его функционирования процессы переработки информационных баз данных. Но и в рамках этого рационалистического подхода к рассмотрению социального бытия личности и ее окружения присутствуют элементы эклектики. «С одной стороны, этот подход отмечает потенциальную регулярность в путях взаимодействия людей и их интерпретации окружающего мира, являющейся результатом фиксированных характеристик перерабатывающих информацию систем, таких, как категоризация. Эти не прекращающиеся процессы утверждают устойчивость и непрерывность реакций человека в отношении быстрых изменений. С другой стороны, обсуждение влияния культуры на когнитивный стиль показывает наличие огромной подвижности» (там же, с. 355–356).

В рамках экзистенциально-феноменологического подхода, служащего методологическим основанием гуманистической традиции акценты смещаются в сторону субъективных жизненных переживаний и рефлексивной осведомленности. Отсюда акцентация в исследованиях на феноменологическом анализе жизненных переживаний и концептуализацию путей переживания мира. И в этом случае имеет место эклектизация рационального анализа и призывов к схватыванию жизненных переживаний. «Субъективные переживания сами по себе обладают способностью не только репрезентировать, но и генерировать. Посредством рефлексии и мышления возможен подход к изменениям и новизне. Другое основоположение заключается в признании человеческой способности к рефлексированию собственных переживаний, которое может играть существенную роль в генерировании того, о чем мы думаем, ощущаем, делаем и становимся» (там же, с. 357). В рамках данного подхода утверждается, что «мы обладаем способностью создавать самих себя», одно-

временно отмечается присутствие «некоторых характеристик человеческого существования (например, ограниченность, способность выбора), которые являются фундаментальными и присущи всем людям (обладание правом игнорирования возможности выбора)» (там же).

Социальные конструктивисты исходят из утверждения ведущей роли языка и дискурса в конструировании человеком социального мира. «Утверждается, что язык и дискурс конструируют социальную и индивидуальную реальность» (там же, с. 358). Как и экзистенциальные феноменологи, социальные конструктивисты подвергают сомнению полезность экспериментального нахождения абстрактных обобщений о поведении человека. Одновременно выражается сомнение в отношении идеи о самодержательности и личности субъективных переживаний, утверждаемых экзистенциальными феноменологами. Их скорее интересует социальная история рассуждений об экзистенциальных потребностях, нежели рассмотрение их в качестве фундаментальных аспектов человеческой сущности. В то время как представители биологического подхода больше акцентируют внимание на универсальной природе основополагающих процессов, например, эмоциональной экспрессии, социальные конструктивисты больше интересуются тем, как осуществляется взаимодействие между социальным и биологическим.

Психологи, работающие в рамках психодинамического подхода, при всех их специфических отличиях от оригинальной версии З. Фрейда, едины в определении центрального основоположения – «структура, содержание и динамика психики не обязательно доступны сознанию» (Thomas, 1996, с. 286). Если социальный конструктивизм приглашает к радикальному переосмыслению природы человеческих жизненных переживаний и социальной жизни, то же делают и представители психодинамического подхода. Но в отличие от утверждения первых об осознанном социальном конструировании представлений о мире, представители психодинамического подхода выдвигают на первый план биологическую природу и бессознательное. В отличие от рационализма когнитивистов и (с определенными оговорками) экзистенциальных феноменологов ими делаются акценты на иррациональность.

Представленный иллюстративный обзор рассмотрения проблемы социального поведения с позиции разных перспектив ставит вопрос определения в них и избрания стратегии взаимодействия. Одну из таких стратегий предлагают Стевенс и Везерелл – «рассмотрение их как взаимодополняющих, показывающих различные грани сложного предмета исследования» (R. Stevens, M. Wetherell, 1996, с. 362). При неизбрании данной стратегии минимизируется потенциал взаимообогащения идеями и решениями.

Одной из самых сложных проблем межпарадигмального диалога является нахождение точек сопряжения несопрягаемого. Эти же авторы ставят и ряд вопросов, возникающих при поиске путей такого рода сопряжения: «Что должно быть сделано? Какой позиции должен придерживаться исследователь, сталкиваясь с различиями такого рода? Эти вопросы порождают вопросы о статусе знания, его истинности и природе реальности» (там же, с. 366).

Предлагаются и две возможные стратегии:

1. «Дискуссии между перспективами и существованием конкурирующих объяснений могут рассматриваться как эмпирическая проблема – означающая, что расхождения могут быть преодолены в дальнейших исследованиях проблемы установления истинности и природы реальности случая. В случае невозможности проведения решающего эксперимента, мы должны рассматривать данную проблему как решаемую в будущем по мере развития теории».
2. Признание конструируемости реальности. В соответствии с данной позицией «не существует реальности, не зависимой от наших концепций и теорий: в этом случае дискуссии являются серьезным вопросом – так как они связаны с выяснением того нахождения путей сопряжения несовместимых мировоззрений при присутствии ограниченного числа критериев для арбитражирования. Единственное, что мы можем сделать в данной ситуации, – убеждать друг друга при помощи аргументов и будущих исследований, проясняющих дебатлируемые вопросы. Изменения наступят со временем (не обязательно лучшие) скорее через разработку новых мировоззрений и новых парадигм научных дискуссий, нежели при помощи эмпирических решений» (там же, с. 366).

В случае избрания первой стратегии возникает проблема критериев и оценочных стратегий, которые могут быть применены к столь несовместимым подходам. В то время как биолог апеллирует осязаемыми измерениями физиологических процессов, социальный конструктивист делает заключения, исходя из анализа идеологии и ее влияния. В то время как представитель экспериментального направления может полагаться на результаты экспериментов, экзистенциальный феноменолог оперирует обращениями к жизненным переживаниям.

К. J. Gergen пропагандирует вторую стратегию, отрицая саму идею о том, что любое знание может репрезентировать некоторые фундаментальные основания или универсальность в отношении всего понимания реальности. По его мнению, направления в психологии должны рассматриваться «как проникновения в дискурсивную практику мира» (1980, с. 103). Оптимальные формы дискурса нуждаются в оценке со стороны других дискурсов, таких, как литература, политика, рассуждения с позиции обыденного сознания. Разговоры и диалоги между ними являются необходимыми и континуальными. Автор утверждает, что фактически в этом контексте социальный психолог имеет этические и политические обязательства в привнесении собственного вклада в аргументацию, реализующуюся в демократическом обществе, утверждая собственную позицию.

Предложенные эпистемологические основания вполне убедительно доказывают невозможность решения проблемы многообразия путем нахождения единого универсального основания, одинаково приемлемого и для естествознания и для социальных наук, тем самым создавая предпосылки для разработки методологических подходов, предполагающих интеграцию психологических знаний (а также естественнонаучных и гуманитарных) о человека и его социальном окружении.

Констатация необходимости качественно иных подходов к изучению разных уровней, оснований или способов человеческой активности, при одновременном сохранении продуктивного диалога между изучающими их областями науки, должна сопровождаться выдвиганием психологических оснований рассмотрения этой активности.

В качестве первого из них выступают идеи о процессуальности и пространственно-временной континуальности, исходно поставленные и реализуемые в рамках философского прагматизма и его психологического последователя – интеракционизма. Это, прежде всего, «идеи о значении объекта, развитии социальной самости как функции социального научения, мыслительной активности как процессуальной, человека как активной сущности, активной роли организма в формировании его окружения, социальных изменений через посредничество человеческих усилий и активную роль ситуации в повседневной жизни» (Franklin, 1982, с. 77).

Идеи символической природы социальной сущности человека дополняются и развиваются положениями культурно-исторической теории развития Л. С. Выготского, предложившего различие двух планов поведения – натурального (результат биологической эволюции животного мира) и культурного (результате исторического развития общества), слитых в развитии психики. Опосредованность культурного развития орудиями, направленными «вовне», на преобразование действительности, и знаками, направленными «вовнутрь», сначала на преобразование других людей, а затем на управление собственным поведением.

Характеризуя роль символической природы человека в его поведении в контексте выяснения соотношения сознания и слова, Л. С. Выготский подчеркивал, что «если ощущающее и мыслящее сознание располагает разными способами отражения действительности, то они представляют собой и разные типы сознания. Но если речь идет о разных типах сознания, то вполне резонным становится вопрос о методах их исследования, путях объяснения, которые тоже должны быть разными, но одновременно соотносимыми и сопрягаемыми друг с другом, так как оба актуализируются в поведении единого объекта – человека» (1982, с. 361).

Таким образом, для ситуации постмодерна характерно осознание неизбежности присутствия в психологическом исследовании многообразия теоретических подходов и эмпирических результатов, обусловленных, во-первых, сложностью объекта и предмета психологического исследования, связанной с их экзистенциально-феноменальной континуальностью и процессуальностью; во-вторых, троичной качественно отличной природой (биологическая, символическая, рефлексивная) детерминации человеческой активности, не позволяющей использовать качественно однозначные способы их описания и объяснения, а также инструменты изучения; в-третьих, зависимостью теоретических обобщений от способности исследователя достраивать целостное представление о сути исследуемого феномена на основании имеющихся в его распоряжении фрагментов знания; в-четвертых, многообразием практики и ее обусловленностью от конкретного ситуативного контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, уважаемый читатель, перед вами предстала панорама подходов и теорий современного социально-психологического знания, ознакомление с которой, надеюсь, создало первичные ориентиры в нем. Знакомство с многообразием подходов и решений было направлено на развитие предпосылок демократизации сознания, проявляющегося в самом факте признания возможности и необходимости существования альтернатив как основания развития. Одной из целей книги была предоставление читателю возможности осознанного и обоснованного выбора в собственной перспективе, особенностью которого является наличие возможности комбинировать различные подходы, предоставляемая интегративно-эkleктическим подходом.

Первым уроком, извлеченным из книги, является осознание того, что подходов в социальной психологии может и должно быть много, так как сам ее предмет обладает качественной специфичностью по сравнению с предметом естествознания – идеальной представленностью в сознании людей и в «социальном эфире» их взаимоотношений. Сколько людей – столько мнений. Но многообразие мнений во все не означает релятивистского характера социально-психологического знания. Люди могут и должны договариваться, соблюдая установленные нормы, способствующие нахождению оптимальных возможностей сосуществования. Поэтому социально-психологическое знание носит конвенциональный характер, следствием чего является необходимость соблюдения принципов научной доказательности, позволяющих приходиться к взаимоприемлемым решениям. Вот почему большое внимание в книге уделялось именно этому вопросу.

Второй урок заключается в осознании того, что знание не является статичным – меняются люди, меняются и представления. На каждом последующем этапе развития знания расширяются и углубляются, уточняются и корректируются, аккумулируя все лучшее и избавляясь от заблуждений. Именно в этом и проявляется культурно-детерминированный характер познания. Культура расширяет и углубляет наши знания делая нас более понимающими суть происходящего и вооружая средствами взаимодействия с ним.

Третий урок заключается в осознании диалогического характера социально-психологического знания. Оно не представляет собой некоего универсального набора догм, а является основанием для читательского осмысления социальной реальности, в которой человек существует. Социально-психологическое знание призвано направлять внимание, расширять и углублять представления, создавая предпосылки для понимания сути и природы происходящего. Но решения о них, как и понимание происходящего, осуществляется самим читателем и реализует он себя в жизни сам. Человек не является автоматом, слепо реализующим указания программ поведения, а активным субъектом поведения и преобразований, в придании научно обоснованного характера которым и заключается призвание социальной психологии.

Наш диалог подошел к концу, точнее к паузе для осмысления его результатов. В следующих изданиях результаты этого переосмысления найдут свое выражение. Очень надеюсь на рекомендации по улучшению содержания и формы его представления.

С уважением, профессор Янчук В. А. yanchuk@academy.edu.by

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

A

Abelson R.P. · 361
Abramson L.Y. · 429
Adams J. · 401
Ajzen I. · 471
Akers D. · 97
Alliger B. · 626
Allport G. · 10
Alpert · 143
Altman I. · 628
Anderson J.R. · 62, 132
Archer R.L. · 707
Ashour A. · 627
Augustinos M. · 371

B

Baer D. · 97, 105
Baldwin · 306
Bales R.F. · 494
Bandura A. · 242, 312, 331, 342, 435
Baron R. · 389
Bar-Tal D. · 436
Bartlett S. · 17
Bass B. · 621
Baumeister R.F. · 251
Beck L. · 430
Becker H. · 122
Bem D. · 245, 297
Bem S.L. · 91, 168
Berger C.R. · 515
Berkowitz L. · 669
Bernstein D.A. · 508
Berscheid · 16
Bijou S. · 97, 105
Bion W. · 113
Blaikie N.W. · 227
Bochner A.P. · 74
Breakwell G. · 271
Brehm J.W. · 434
Brembeck W. · 445
Brewer M.B. · 359
Bruner J. · 251
Brunner J. · 357
Bruno F. · 250
Bryman A.A. · 227
Burges R. · 97, 99
Burke K. · 445
Burman E. · 152, 153
Bussey K. · 642
Butler G.M. · 285
Byrne D. · 399

C

Cacioppo J.T. · 451
Cantor N. · 361, 432

Carlson · 306
Cartwright D. · 13
Chafetz J.S. · 79
Cicourel A. · 123
Clore G.I. · 399
Coleman I.C. · 270
Coleman J. · 312
Cooley C.H. · 8
Cooley C.-H. · 295
Cooper J. · 704
Crick N.R. · 129
Crocker J. · 363
Csikszentmihalyi · 141

D

Damon · 300
Darden L. · 354, 358
Darley J. M. · 652
Darley J.M. · 643
Davis K.E. · 412
Davis M.H. · 646
De Rosa A.-M. · 85
Deutch M. · 8, 405
Dodge K.A. · 129
Donaldson M. · 142
Douglas T. · 700
Duck S. · 33, 510
Duffy M. · 225
Durkin K. · 313
Duval S. · 283
Dyer R. · 368

E

Eagly A.H. · 648
Emmons · 306
Endler · 244
Enright R. · 327
Epstein S. · 307
Erikson E. · 267

F

Fairbeirn W. · 323
Feldman R.A. · 714
Festinger L. · 131, 290
Feyerabend P.K. · 49
Fiedler F. · 619
Fishbein M. · 471
Fiske S.T. · 132, 368, 389
Foa E.B. · 400
Foa U.G. · 400
Fogelson R.D. · 265
Fox K. · 159
Franklin C. · 43
Franks · 282
Frieze A. · 622

G

Garfinkel G. · 123
Gergen K.J. · 17, 37, 44, 51, 60, 78, 147, 155, 178, 276
Gergen M. · 158
Gilligan C. · 328
Goffman E. · 121
Gordon C. · 275
Green S. · 625, 626
Guidano V.F. · 150
Gurevitch M. · 462

H

Hackman D. · 628, 629
Haigh G.V. · 285
Hampson S.E. · 247
Harre R. · 148
Hart · 300
Heidegger · 137, 140
Heider F. · 11, 131, 411
Hewstone M. · 8, 416
Higgins · 304, 305
Higgins E.T. · 367
Hill G. · 630
Hilton D.J. · 417
Hoffman L. · 633
Hofstede G. · 540
Hogg M.A. · 263
Hollis M. · 54
Holmes · 306
Homans G. · 400
House R. · 622
Howard J. · 656
Howell W. · 445
Husserl E. · 137

J

Jackson L. · 402
Jago · 622
Janis I.L. · 480, 632
Jaspars J.M. · 19, 417
Jones E.E. · 412
Judd C.M. · 359

K

Kahneman D. · 134
Kaiser C.R. · 718
Katz E. · 462
Katzenbach G. · 540
Kelley H. · 644
Kelley H.H. · 400, 414, 497
Kelly G. · 148

Kelly J. · 242
 Kernberg O. · 242, 322
 Kiesler C. · 479
 Klein M. · 242
 Klinger · 306
 Kohlberg L. · 324
 Kohut H. · 242, 322
 Krahe B. · 244
 Krappman L. · 266
 Kuhn M.H. · 125
 Kuipper P.B. · 367
 Kunkel · 104
 Kvale S. · 39, 82

L

Larson C. · 445
 Larson C.U. · 481
 Latane B. · 643, 652
 Lather P. · 158
 Layden M.A. · 420
 Leary T. · 143
 Lewin K. · 47
 Leyens J.-P. · 354, 358
 Lickert · 14
 Liotti G.A. · 150
 Lipman M. · 191
 Little · 306
 Littlejohn S. · 50, 53, 59,
 81
 Lord R. · 626
 Lott A.J. · 162, 399
 Lyotard J.-F. · 39

M

MacCormac · 61
 Magnusson D. · 87, 243
 Mahoney M.J. · 147
 Mann L. · 480
 Manstead A. · 8, 445
 Marcia J.E. · 267
 Markus H. · 289, 304,
 362, 367
 Marolla · 282
 Matteson D.R. · 270
 McAdams · 304
 McAdams D. · 305
 McAdams D.P. · 78
 McAlister · 479
 McArthur L.A. · 415
 McArthur L.Z. · 389
 McClintock G. · 469
 McDougall · 8, 666
 McDougall W. · 8, 97
 McGrath D. · 628
 McGuire W. · 448
 McGuire W.J. · 276, 479
 McLuchan G. · 482
 McPartland · 126
 McPhee R.D. · 75
 Mead J.-H. · 8
 Medawar P.B. · 49
 Miller C.T. · 718

Mischel W. · 78, 144,
 242, 361
 Mitchell A. · 622
 Mitchell M. · 225
 Mitchell T. · 625, 626
 Morgan G. · 227
 Morris C. · 628, 629
 Morse J. · 225, 276
 Moscovici S. · 9

N

Nagasawa · 104
 Neuberg S.L. · 389
 Newcomb T. · 131, 398,
 504
 Nisbett R.E. · 423

O

Olson J.M. · 367
 Omoto · 646
 Osgood C.E. · 14, 131
 Oskamp S. · 469

P

Park B. · 359
 Parker I. · 152, 154, 190
 Pepitone A. · 12, 13
 Perls · 143
 Perry D.G. · 642
 Pervin L. · 62
 Pervin L.A. · 40
 Peterson C. · 431
 Petti R.E. · 451
 Piliavin J.A. · 648, 652,
 653
 Polkinghorne D.E. · 80,
 188
 Polkinghorne D.T. · 220
 Poole M.S. · 75
 Porter J. · 148
 Pruitt D. · 631
 Purkhardt C.S. · 379

Q

Queller S. · 365

R

Radley · 487
 Ray B. · 402
 Reiker · 294
 Reis H.T. · 521
 Richard · 143
 Ricouer P. · 32
 Robson C. · 227
 Roceach M. · 291

Rose H. · 165
 Rosenberg M. · 275, 295,
 298
 Rosenfeld H.M. · 405
 Ross L. · 8, 12, 422, 423
 Rothbart M. · 133, 367
 Rotter J.B. · 282
 Rotter M. · 242
 Rumelhart N. · 367
 Rumsey N. · 402
 Rusbult C. · 500

S

Sankey H. · 175
 Sapsford R. · 78, 79
 Sartre J.-P. · 140
 Schank R.C. · 361
 Schlenker · 304
 Schlenker B.R. · 394
 Schutz · 143
 Schwartz S.H. · 656, 657
 Seligman M.E. · 260, 429
 Shannon · 446
 Shaver P.R. · 521
 Shotter J. · 38, 522
 Shultz R. · 405
 Simmel · 8
 Slugoski D. · 417
 Smircich L. · 227
 Smith D. · 540
 Smith E.R. · 363, 365
 Smith F. · 622
 Smithie K. · 158
 Snyder · 646
Snyder M. · 287, 394,
 395, 717
 Spence J.T. · 91
 Spinelli E. · 139
 Staub E. · 246, 681
 Stein R. · 633
 Stevens R. · 82, 178, 228
 Stogdill R. · 620
 Stryker · 126
 Suppe · 71
 Swann W.B. · 297, 395

T

Taylor S.E. · 132, 363
 Tajfel H. · 8, 18, 271,
 272, 370
 Tannenbaum F. · 122
 Tannenbaum P.H. · 131
 Taylor D.M. · 133
 Teasdale J. · 429
 Tesser A. · 289
 Thibaut J. · 644
 Thibaut J.W. · 400, 497
 Thomas K. · 242
 Thorn · 306
 Thurstone L.L. · 14
 Triandis H. · 189
 Tsourvakas G. · 226

Turner R. · 122, 263, 271
Tversky A. · 134

V

Van Dijk T. · 153
Viney · 61, 96
Vroom · 622

W

Walker I. · 371
Waterman A.S. · 268
Weaver · 446
Weiner B. · 427
Weingold M.F. · 394
Weinstein M. · 192
Wertheimer M. · 60
Wetherell M. · 82, 178
Whorf B.I. · 357
Wicklund R.A. · 283
Winch R. · 404
Winnicott D. · 242
Wiseman R. · 294
Wodarski J.S. · 714
Wood G.S. · 297, 526

Z

Zajonc R.B. · 403
Zinger · 253
Zirkel S. · 432

A

Агеев В.С. · 704
Айзен И. · 471
Айзенк Х. · 71
Ананьев Б.Г. · 314, 337
Андреева Г.М. · 20, 236,
237, 239, 537
Андриенко Е.В. · 313, 336,
488
Андриенко Н.В. · 477
Антонова Н.В. · 273
Аргайл М. · 490
Аронсон Э · 537
Артемьев В.А. · 21

Б

Баллон А. · 323
Бандура А. · 87, 435, 671
Бандура. · 450
Бартлетт С. · 17
Бахтин М.М. · 23, 526
Бейлс Р. · 494
Беккер Х. · 122
Бем Д. · 418
Бем С. · 339

Берковиц Л. · 669
Берло Д. · 448
Берн Ш. · 162
Берн Э. · 490
Берном Э. · 394
Бехтерев В.М. · 10, 20,
21, 316
Библер В.С. · 88, 173,
176
Блонский П.П. · 334
Блумер Дж. · 120
Бобнева М.И. · 501
Брунер Дж. · 155, 527
Быховский Б.Э. · 25

В

Вайнер Б. · 427, 428
ван Дейк Т.А. · 705
Василевский С.М. · 25
Вейвер · 446
Вертгеймер М. · 60
Витгенштейн Л. · 260
Водейко Р.И. · 26
Войтоловский Л.Н. · 20
Вольфсон С.Я. · 25
Вундт В. · 17, 20, 352
Выготский Л.С. · 22, 23,
25, 26, 34, 312, 334,
527

Г

Гальперин П.Я. · 93
Герген К. · 78
Герген К.Д. · 17
Гордеева О.А. · 93
Гофман И. · 121, 265,
391, 719
Гоффман И. · 711
Грауманн К. · 12, 15
Гришина Н.В. · 492
Гуссерль Э. · 137

Д

Дарвин Ч. · 667
Джемс В. · 56, 117, 118,
257, 496
Дженкс К. · 34
Джонс Е. · 412
Дзуки Э. · 203
Доллард Дж. · 699
Дональдсон М. · 142,
257
Донцов А.И. · 537
Доценко Е.Л. · 76, 89,
188
Дубовская Е.М. · 534
Дуглас Т. · 700
Дэвиса К. · 412
Дюркгейм Э. · 17, 372

Е

Емельянов Ю.Н. · 276

З

Здравомыслова Е. · 163,
165
Зиглер Д. · 77, 89

И

Иванова Е. · 169
Ивановский В.Н. · 25
Игли А. · 477
Ильин И.И. · 34

К

Канценбоген С.З. · 25
Каплан А. · 44
Карнеги Д. · 13
Картрайт Д. · 13
Карус К.-Г. · 109
Касавин И.Т. · 56
Квейле С. · 39
Келли Г. · 495, 630
Келли Дж. · 149, 198,
257, 514
Келли Х. · 414, 454, 497
Келман Г. · 477
Кенрик Д. · 240
Кернберг О. · 254
Клевченя М.С. · 26
Клейн М. · 254, 322
Клеппер Дж. · 477
Клецина И.С. · 168
Ковалев Г.А. · 75
Ковалевский М.М. · 20
Коломинский Я.Л. · 26,
537
Кон И.С. · 169, 237, 288,
299
Кондратьева С.В. · 27
Копельман А. · 20
Корнилов К.Н. · 21
Кохут Х. · 255
Крайг Г. · 334
Кричевский Р.Л. · 534,
623
Кромби А. · 76
Кули Ч.Х. · 8
Куликов В.Н. · 445, 457
Кун Т. · 47, 69, 70, 77
Куницына В.Н. · 722
Кьялдини Р. · 240
Кэмпбелл Д. · 700

Л

Лапьер Р.Т. · 14

Лассуэлл · 460
Лаудан Л. · 182
Лебон Г. · 10
Левин К. · 10, 14, 15, 17,
47, 624
Левин С. · 704
Леонтьев А.А. · 490
Леонтьев А.Н. · 23, 334,
491
Линдсей Г. · 78
Лиотар Ж. · 39
Лири Т. · 143
Лисина М.И. · 334
Литтлджон С. · 50, 59
Лоренц К. · 336, 667
Лурья А.Р. · 23, 26

М

Майерс Д. · 339, 477
Макалистер · 479
Макаренко А.Н. · 22
МакГайр В. · 448, 479
Макдауголл В. · 10, 535
Маккормак · 61
Маслоу А. · 332
Меде · 18
Меде Г. · 10
Мид Дж.Г. · 8, 486
Мид Дж.-Г. · 119
Мид Дж.-Г. · 243
Мид Дж.-Г. · 496
Мид Дж.-Г. · 521
Мид М. · 169
Мида Дж. · 264
Морено · 398
Московичи С. · 9, 18,
134, 372

Н

Нисбетт Л. · 132
Ньюберг С. · 240
Ньюкомб Т. · 504

О

Оллпорт Г. · 10
Оллпорт Ф. · 13
Оллпортом Ф. · 630

П

Павлов И.П. · 16
Панферов В.Н. · 490
Парсонс С. · 340
Парсонс Т. · 489
Парыгин Б.Д. · 238, 618
Первин Л.А. · 40
Пергаменщик Л.А. · 28
Петренко В.Ф. · 275

Петровский А.В. · 336,
446, 537
Пиаже Ж. · 17, 323
Платонов К.К. · 236
Плеханов Г.В. · 22
Позняков В.П. · 535, 617
Поппер К. · 81
Пратто Ф. · 704
предмет социальной
психологии · 8

Р

Ранк Х. · 481
Рикер П. · 32
Роджерс К. · 258
Рокич М. · 14
Росс Л. · 132
Рубинштейн С.Л. · 23

С

Салливан Г. · 254
Секун В.И. · 28, 703
Сиданиус Дж. · 704
Скиннер Б. · 36, 330
Смирнова Ю.С. · 295
Сорокин П.А. · 20
Степин В.С. · 33
Страйкер · 126
Сухов А.Н. · 186

Т

Танненбаум Ф. · 122
Тарнер Р. · 122
Тедеш · 678
Темкина А. · 163, 165
Тернер Дж. · 720
Тибо Д. · 630
Тибо Дж. · 495, 497
Триандис Х. · 473
Триплет Н. · 542, 629
Трушкова С.В. · 374
Тэджфел Г. · 535, 701
Тэджфел Х. · 18

У

Уманский Л.И. · 537
Уотсон Дж. · 330

Ф

Фейерабенд П. · 49, 70
Фейрабенд П. · 49
Фейрбейрн У. · 255
Фестингер Л. · 464
Фидлер Ф. · 622
Финзен А. · 722

Фишбейн М. · 471
фон Гартман Э. · 109
Франкл В. · 258
Фрейд З. · 110, 319, 666
Фурманов И.А. · 28, 665

Х

Хабермас Ю. · 266
Хайдеггер М. · 137
Хайдер Ф. · 11, 16, 131,
134, 198, 411
Харре Р. · 148
Ховленд К. · 459
Холл К. · 78
Хьелл Л. · 77, 89

Ч

Чайковский Ю.В. · 59,
176
Челпанов Г.И. · 21
Чикченмихай · 141

Ш

Шарко Ж.-М. · 109
Шевандрин Н.А. · 341
Шевандрин Н.И. · 347
Шеннон · 446
Шериф М. · 10, 474, 501,
504, 535, 700, 720
Широкова А.Б. · 26
Шопенгауэр А. · 109
Шоттер Дж. · 38
Шоу М. · 534, 628

Щ

Щепаньский Я. · 489

Э

Эйнштейн А. · 173
Эрикссон Э. · 267, 268,
320

Ю

Юревич А.В. · 76

Я

Ядов В.А. · 237
Янчук В.А. · 28, 280
Ярцев Д.В. · 317

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003.
2. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1983.
3. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие (социально-психологические проблемы). – М.: Изд-во МГУ, 1990.
4. Айзенк Г. Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? Критерии таксономической парадигмы. // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С. 9-23.
5. Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. Психология науки. Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт Флинта, 1998.
6. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1980.
7. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. – СПб.: Питер, 2001.
8. Андреева Г. М. Принцип деятельности и построение системы социально-психологического знания // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. 1980. № 4.
9. Андреева Г. М. К истории становления социальной психологии в России. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. 1997. № 4. С. 6-17.
10. Андреева Г. М. Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2000.
11. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2000.
12. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. – М.: Аспект Пресс, 2001.
13. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Современная социальная психология на Западе. – М.: Изд-во МГУ, 1977.
14. Андреева Г. М., Донцов А. И., Хараш А. У. Принципы исследования межличностного восприятия в условиях совместной групповой деятельности // Межгрупповое восприятие в группе. – М.: Изд-во, 1981.
15. Андриенко Е. В. Социальная психология: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений / Под ред. В. А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 200.
16. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М.: Аспект Пресс, 1999.
17. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999.
18. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
19. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессивность. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.
20. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
21. Баранов А. В., Сопиков А. П. Влияние группы на индивида // Социальные исследования. Вып. 3. Проблемы труда и личности. – М., 1970.
22. Бахтин М. М. К философии поступка. – М.: Лабиринт, 1996.
23. Бахтин М. М. проблемы творчества Достоевского. – Киев: Next, 1994.
24. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
25. Белкин П. Г., Емельянов Е. Н., Иванов М. А. Социальная психология научного коллектива. – М.: Наука, 1987.
26. Белянин В. П. Введение в психолингвистику. – М.: ЧеРо, 1999.
27. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
28. Берн Э. Игры, в которые играют люди, Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры, Психология человеческой судьбы. – Мн.: ПРАМЕБ, 1992
29. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
30. Берн Э. Игры, в которые играют люди. – М.: Педагогика, 1988. 400 с.

31. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Педагогика., 1986.
32. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994.
33. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
34. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. / Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976, с. 145-171.
35. Богомолова Н. Н., Стефаненко Н. Г. Контент-анализ. – М.: Изд-во МГУ, 1992.
36. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
37. Бодалев А. А. Личность и общение: Избранные труды. – М.: Педагогика, 1983.
38. Бодди Д, Пейтон Р. Основы менеджмента. – СПб.: Питер, 1999.
39. Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin). Том 1 (А-О). – М: Вече, АСТ, 2000.
40. Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin). Том 2 (П-Я). – М: Вече, АСТ, 2000.
41. Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. – М.: Наука, 1983.
42. Бурлачук Л. Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психологической диагностике: – Киев, 1989.
43. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 1997.
44. Введение в гендерные исследования. Ч. 1. учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001.
45. Введение практическую социальную психологию / Под ред. Ю. М. Жукова, Л. А. Петровской, О. В. Соловьевой. – М: Смысл, 1999.
46. Волков И. П. Социометрические методы в социально-психологических исследованиях. – Л.: ЛГУ, 1970.
47. Волков И. П. Межличностный контакт как психологическая основа группообразования // Вопросы психологии познания людьми друг друга и общения. – Краснодар, 1978.
48. Время как фактор изменений личности. Сборник науч. Трудов / Под ред. А. Б. Брушлинского и В.А. Поликарпова. – Мн.: ЕГУ, 2003.
49. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1982.
50. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития высших психических функций. – М.: Педагогика, 1983.
51. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 5. Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. – 400 с.
52. Гадамер Х. -Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
53. Генетические проблемы социальной психологии / Под ред. Я. Л. Коломинского, М. И. Лисиной. – Мн., 1985.
54. Гласс Дж., Стенли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. – М.: Прогресс, 1976.
55. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. – М.: Изд-во МГУ, 1987.
56. Гозман Л. Я., Ажгихина Н. И. Психология симпатий. – М.: Знание, 1988.
57. Головаха Е. И., Кроник. Психологическое время личности. – Киев, 1984.
58. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента: Учебное пособие. Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
59. Гоффман Э. Представление себя другим. / Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984, с. 188-196.
60. Грановская Р. М., Никольская И. М. Психологическая защита у детей. – СПб.: Речь, 2003
61. Гришина Н. В. Давайте договоримся: Практическое пособие для тех, кому приходится разрешать конфликты. – СПб.: «Сова»: 1994.

62. Гришина Н. В. Психология конфликта. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.
63. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1993.
64. Дейк ван Т. А. Расизм и язык. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989.
65. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
66. Джемс В. Научные основы психологии. – С. -Петербургская Электротпечатня. 1902.
67. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. Учебник для вузов – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
68. Дзуки Э. Введение в методологию социально-психологического исследования. – Милан – Новосибирск, 1997.
69. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996. – 352 с.
70. Донцов А. И. Психология коллектива. Методологические проблемы исследований. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
71. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997.
72. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
73. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
74. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии. 2-е изд., перераб. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
75. Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985.
76. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
77. Еникеев М. И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. – М.: «Изд-во ПРИОР», 2002.
78. Зимбардо Ф. Застенчивость (что это такое и как с ней справиться). – СПб.: Питер Пресс, 1996.
79. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
80. Знаков В. В. Понимание и познание в общении. – М.: ИПАН РАН, 1994.
81. Знаков В. В. Понимание как проблема человеческого бытия. // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 7-15.
82. Ильин И. И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.
83. Ильин И. И. Постмодернизм: От истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998.
84. Ильин И. И. Постмодернизм: Словарь терминов. – М.: Интрада, 2001.
85. Каган М. С. Система и структура // Системные исследования. методологические проблемы. – М., 1983.
86. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 752 с.
87. Касавин И. Т. О дескриптивном понимании истины. // Философские науки, 1990. № 8. С. 64-73.
88. Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов. – СПб.: Речь, 2000.
89. Кенрик Д., Нейберг С., Чалдини Р. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! (Агрессия. Лидерство. Альтруизм. Конфликты. Группы.)/ Научный редактор профессор А.Л. Свенцицкий. – СПб.: прайм-ЕВ-РОЗНАК, 2002.
90. Квинн В. Прикладная психология. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
91. Киселев М. Ю. Страх и стигма: о социально-психологических механизмах стигматизации больных СПИДом и жертв радиационных катастроф // Психологический журнал. 1999. №4. С. 40–47.

92. Ковалев Г. А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // *Вопр. Психол.* 1993. № 1. С. 13-23.
93. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – М.: Изд-во МГУ, 1979.
94. Коломинский Я. Л. Психология детского коллектива: система личностных взаимоотношений. – Мн.: Нар. асвета, 1984.
95. Коломинский Я. Л. Социальная психология школьного класса. – Мн. Адукацыя і выхаванне, 1997.
96. Коломинский Я. Л. Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности): Учеб. пособие. – Мн.: Тетра Системс, 2000.
97. Коломинский Я. Л. Психологическая культура или психологическая цивилизация? // *Псіхалогія.* 2001. № 4. С. 85 –89.
98. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984.
99. Кон И. С. Открытие Я. – М.: Политиздат, 1978.
100. Кон И. С. Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. – М., 1998.
101. Крижанская Ю. С., Третьяков В. П. Грамматика общения. – Л.: ЛГУ, 1990.
102. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии. // *Психологический журнал*, 1993. № 2. С. 113-126.
103. Кричевский Р. Л. Исследования малых групп в американской социальной психологии // *Проблемы зарубежной социальной психологии.* – М.: Изд-во МГУ, 1976.
104. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. О функциях и механизмах идентификации во внутригрупповом межличностном общении // *Психология межличностного познания.* – М.: Изд-во МГУ, 1981.
105. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
106. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001.
107. Куликов Л. В. Психологическое исследование: методические рекомендации по проведению. – СПб.: Речь, 2001.
108. Куницына В. Н. Стиль общения и его формирование. – Л.: Знание, 1985.
109. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Издательство «Питер», 2001.
110. Куттер П. Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов. – СПб.: Питер, 1997.
111. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях – СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
112. Лаак Я. Психодиагностика: проблемы содержания и методов. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.
113. Лапланш Ж., Понталис Ж. -Б. Словарь по психоанализу. – М.: Высш. шк., 1996.
114. Лебедев-Любимов А. Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2002.
115. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Питер, 1996.
116. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. – СПб: Речь, 2000.
117. Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: Речь, 2000.
118. Левин К. Топология и теория поля // *Хрестоматия по истории психологии* – М.: ИЗД-ВО МГУ, 1980, с. 121-146.
119. Леонов А. А., Лебедев В. И. Психологические проблемы межпланетных полетов. – М.: Политиздат, 1975.
120. Леонтьев Д. А. Что такое экзистенциальная психология? / *Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии.* – М: Смысл, 1997, с. 40-54.
121. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003.
122. Лейтц Г. Психодрама: Теория и практика: Классическая психодрама Дж. Морено. – М., 1994.
123. Либих С. С. Коллективная психотерапия неврозов. – Л.: Медицина, 1974.

124. Линдсей Н., Норман Д. Переработка информации человеком. – М.: Мысль, 1974.
125. Ломов Б. Д. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.
126. Лутошкин А. Н. Системная модель коллектива и некоторые принципы исследования групповых эмоциональных потенциалов / Социально-психологические проблемы личности и коллектива. – Ярославль, 1977.
127. Мадди С. Теории личности: Сравнительный анализ. – СПб: Изд-во «Речь», 2003.
128. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Изд-во «Питер», 1997.
129. Майерс Д. Психология / Под общей науч. ред. В.А. Янчука. – Мн.: ООО «Поппури», 2001.
130. Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. – М.: Наука, 1989.
131. Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. – М: Наука, 1975.
132. Методология и методы социальной психологии / Под ед. Е. В. Шороховой. – М: Наука, 1977.
133. Московичи С. Век толпы. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Прогресс, 1998.
134. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 1. С. 3-18; Т. 2. С. 3-14.
135. Муздыбаев К. Психология ответственности. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983.
136. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1984.
137. Немов Р. С. Социально-психологический анализ эффективности деятельности коллектива. – М., 1984.
138. Новиков М. А. Психофизиологические и экпсихологические аспекты межличностного взаимодействия в автономных условиях // Проблемы общения в психологии. – М., 1968.
139. Обозов Н. Н. Психология малых групп // социальная психология. – Л.: ЛГУ, 1979.
140. Обозов Н. Н., Обозова А. Н. Три подхода к исследованию психологической совместности // Вопросы психологии. 1981. № 6.
141. Общая психодиагностика / Под ред. Бодалева А. А., Столина В. В. – М.: Изд-во, 1987.
142. Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. – СПб.: «Ювента», 1996.
143. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 19-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1987.
144. Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
145. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. – М.: Мысль, 1971.
146. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб.: ИГУП, 1999.
147. Пайнс А., Маслач К. Практикум по социальной психологии. – СПб., Изд-во «Питер», 2000.
148. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2000.
149. Перспективы социальной психологии. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
150. Петренко В. Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие для вузов по специальности «Психология». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
151. Петровская Л. А. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического тренинга. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
152. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

153. Попков В. Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процессы межкультурной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. Т. 3. С. 178–191.
154. Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX - XX веков. – Иваново, Изд-во ИвГУ, 1994.
155. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979.
156. Похилько В. И., Федотова Е. О. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3, с. 151-158.
157. Практикум по психодиагностике. Дифференциальная психометрика / Под ред. Столина В. В., Шмелева А. Г. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
158. Прикладная социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова и А. А. Деркача – М.: Изд-во «Институт практической психологии; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1998.
159. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. – М.: Педагогика, 1979.
160. Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е.В. Шороховой, М. И. Бобневой. – М.: Наука, 1976.
161. Психология. Словарь. / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990.
162. Психология. Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Я. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990.
163. Психология личности: Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
164. Психология масс. Хрестоматия. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ», 1998.
165. Психология развивающейся личности / Под ред. А. В. Петровского, – М.: Педагогика, 1987.
166. Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2003.
167. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. – СПб.: ЗАО «Изд-во «Питер», 1999.
168. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Т. 1, 2. – М.: Вече. АСТ, 2000.
169. Регуляция социально-психологического климата трудового коллектива. – Л.: Изд-во «Наука», 1986.
170. Регуш Л. А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
171. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. – М.: Медиум, 1995.
172. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. – М: Институт психологии АН, 1998.
173. Робер М., Тильман Ф. Психология индивида и группы. – М.: Прогресс, 1988.
174. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. – М.: Аспект Пресс, 1999.
175. Рубин Дж., Пруйт Д., Ким Хе Сунг. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
176. Рубцов В. В. Организация и развитие совместных действий у детей в процессе обучения. – М.: Педагогика, 1987.
177. Рудестам К. Групповая психотерапия. – М: Прогресс, 1990.
178. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты – М.: АГРАФ, 2001.
179. Свенцицкий А. Л. Социальная психология управления. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
180. Секун В.И. Психология активности. – Мн.: Ред. журн. «Адукацыя і выхаванне», 1996.
181. Семенов В. Е. К проблеме понимания и классификации групп в марксистской социальной психологии // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Философия. 1982. № 11.

182. Сивуха С. В. Практикум по социальной психологии (социальное познание, эмоции, коммуникация, личность): Учеб.-метод. пособие. – Мн.: ЕГУ, 2002.
183. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2003.
184. Скотт Д. Г. Способы разрешения конфликтов. – Киев. «Верзилин и К, ЛТД»: 1991.
185. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995.
186. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов. – М.: Школьная пресса, 2000.
187. Смирнова Ю. С. Предубеждения: понятие, механизмы, эффекты // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3: Гіст. Філас. Псіхал. Палітал. Сацыял. Экан. Права. 2004. №1. С. 56 – 62.
188. Собчик Л.Н. Диагностика психологической совместимости. – СПб.: Речь, 2003.
189. Современная зарубежная социальная психология. Тексты. / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
190. Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002.
191. Солдагова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
192. Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. С. Семенова. – Л.: Наука, 1979.
193. Социальная психология / Под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1987.
194. Социальная психология: учебное пособие / Отв. Ред. А. Л. Журавлев. – М.: ПЕРСЭ, 2002.
195. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Н. Сухов, А. А. Бодалев, В. Н. Казанцев и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
196. Социальная психология личности в вопросах и ответах / Под ред. В. А. Лабунской. – М.: Аспект Пресс, 1999.
197. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2003.
198. Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. – М.: Академический проект, ИПАН РАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999.
199. Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. – М: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998.
200. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 1. Теория. – М.: Прогресс, 1996.
201. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 2. Практика. – М.: Прогресс, 1996.
202. Трусов В.П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов. – Л.: ЛГУ, 1980. - 140 с.
203. Трушкова С.В. Анализ матрицы интеркорреляций как метод локализации структурного ядра социального представления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1998. № 1. С. 52-57.
204. Уманский Л.И. Поэтапное развитие группы как коллектива. – М.: Просвещение, 1975.
205. Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников. М: Просвещение, 1980.
206. Фейрабенд П. Избранные труды по философии и методологии науки: Переводы с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1986.
207. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб.: Речь, 2000.
208. Философия культуры: Становление и развитие. – СПб.: Изд-во «Лань», 1998.
209. Финзен А. Психоз и стигма. – М.: Алетейа, 2001.
210. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражений. – М.: Наука: 1990

211. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.
212. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам. – М.: Прогресс, 1987.
213. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – М., 1925.
214. Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Прогресс, 1989.
215. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. В З. Фрейд «Психоаналитические этюды». – Мн.: Беларусь, 1991.
216. Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
217. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.
218. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. – СПб.: Речь, 2001
219. Холл К. С., Линдсей Г. Теории личности. – М.: КСП+, 1997.
220. Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х годов - середина 30-х годов XX в.) / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
221. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер Пресс, 1997.
222. Хьюстон, М. Введение в социальную психологию. Европейский подход: Учебник для студентов вузов / М. Хьюстон, В. Штребе. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
223. Чайковский Ю. В. Познавательные модели // Знание - сила. 1993. № 4. С. 105-111.
224. Чайковский Ю. В. Элементы эволюционной диатропики. М: Наука, 1990.
225. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999.
226. Чудновский В. Э. О некоторых исследованиях конформизма в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии. 1971. № 4.
227. Чудновский В. Э. Нравственная устойчивость личности. – М.: Просвещение, 1981.
228. Шевандрин Н. И. Социальная психология в образовании: Учеб. Пособие. Ч. 1. Концептуальные и прикладные основы социальной психологии. – М.: ВЛАДОС, 1995.
229. Шефер Б., Шледер Б. Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Психологический журнал. – 1993. – № 1. – С.
230. Шибутани Т. Социальная психология. – М: Прогресс, 1969.
231. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. – М.: КСП+, 1999.
232. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику. – М: Изд-во МГУ, 1983.
233. Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
234. Шоттер Д. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы». // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 107-117.
235. Шпет Г.Г. Психология социального бытия. – М: Ин-т практической психологии, 1996.
236. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии / Под ред. А.Д. Наследова. – СПб.: Изд-во «Евразия», 2002.
237. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967.
238. Эмоциональные и познавательные характеристики общения/ Отв. ред. В.А. Лабунская. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1990.
239. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. / Общ ред. И предисл. А. В. Толстых. – М: Изд. группа «Прогресс» – М: Прогресс, 1996.
240. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Речь, 2000.

241. Эриксон М. Г., Росси Э. Л. Человек из Февраля: Гипнотерапия и развитие самосознания личности. / Пер. с англ. Е. Л. Дуглач. – М: Независимая фирма «Класс», 1995.
242. Юревич А. В. Системный кризис в психологии // *Вопр. психол.* 1999. № 2. С. 14–23.
243. Юревич А. В. Психология и методология // *Психол. журн.* – 2000. Т. 21. № 5, с. 35–47.
244. Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии // *Вопросы психологии.* 2001. № 5. С. 5-18.
245. Юревич А. В. Социальная психология науки. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
246. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетический подход. – Мн.: Бест-принт, 2000.
247. Янчук В. А. Интегративно-эклетический подход к анализу психологической феноменологии. Словарь-справочник. – Мн.: АПО, 2001.
248. Янчук В. А. Психология постмодерна / *Время как фактор изменений личности. Сборник науч. трудов / Под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова.* – Мн.: ЕГУ, 2003, с. 175-201.
249. Ярошевский М. Г. Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива // *Вопросы психологии.* 1978. № 3.
250. Ярошевский М. Г. История психологии. – М.: Мысль, 1985.
251. Abramson, L. Y., Metalsky, G. I., Alloy, L. B. Helplessness depression: A theory-based subtype of depression. // *Psychological Review*, 1989, 96, pp. 358-372.
252. Abramson, L.Y., Seligman, M.E.P., and Teasdale, J. Learned helplessness in humans: critique and reformulation. // *Journal of Abnormal Psychology*, 1978, 87, pp. 49-74.
253. Abric J. -C. A theoretical and experimental approach to the study of social representation. In: *Social representations / R. Farr, S. Moscovici (eds.).* – Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
254. Achinstein, P. *Laws and Explanation.* NY: Oxford University Press, 1971.
255. Acitelly L. K., Douvan E., Veroff J. Perceptions of conflict in the first year of marriage: How important are similarity and understanding? // *Journal of Social and personal Relationships*, 1993, 10, pp. 5-19.
256. Adams, J. Inequity in social exchange». / In: L. Berkowitz (ed.), // *Advances in Experimental Social Psychology.* Vol. 2. – NY.: Academic Press, 1965, pp. 267-299.
257. Adler, P. And Adler P.A. Symbolic interactionism. / In: Douglas, J. D. etc. (eds.). *Introduction to the Sociologies of Everyday Life.* – Boston: Allyn and Bacon, 1980.
258. Alloy, L.B., and Tabachnic, N. Assessment of covariation by humans and animals: the joint influence of prior expectations and current situational information. // *Psychological Review*, 1984, 91, pp. 112-149.
259. Allport, G.W. *Personality: A psychological interpretation.* – NY: Halt, Rinehart, Winston, 1937.
260. Allport, G.W. The general and the unique in psychological science. // *Journal of Personality*, 1962, Vol. 30, pp. 405-422.
261. Anderson, J.R. *Cognitive psychology and its implications.* –San Francisco: Freeman, 1985.
262. Antaki C. *Analyzing everyday explanation: A casebook of methods.* – London: Sage, 1988.
263. Antaki, C., Brewin, C. (Eds.). *Attributions and Psychological Change.* – London: Academic Press, 1982.
264. Arlow, J. The concept of psychic reality and related problems // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1985, 33, pp. 521-535.
265. Aronfeld, J. Conduct and conscience: the socialization of internalized control over behavior. – NY: Academic Press, 1968.

266. Asch, S. Opinions and social pressures // *Scientific American*, 1955, 193 (5), pp. 31-35.
267. Augoustinos, M., and Walker, I. *Social cognition: An integrated introduction*. – London: Sage Publications, 1996.
268. Bachman J. G., O'Malley P. M. Self-esteem in young men: A longitudinal analysis of the impact of educational attainment // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1977, Vol. 35, pp. 365-380.
269. Baldwin, M. W., Holmes, J. G. Salient Private Audiences and Awareness of the Self. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, Vol. 52, pp. 1087-1098.
270. Bandura A. Influence of models' reinforcement contingencies on the acquisition of imitative responses // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1965, 1, p. 589-595.
271. Bandura A. *Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.
272. Bandura, A. Self-Efficacy: toward a unifying theory of behavioral changes // *Psychological Review*, 1977, Vol. 84, pp. 191-215.
273. Bandura, A. The self-esteem in reciprocal determinism. // *American Psychologist*, 1978, Vol. 33, pp. 344-358.
274. Baron, R. A., Richardson, D. R. *Human Aggression* (2nd ed.). – NY: Plenum Press, 1994.
275. Bar-Tal, D. The effects of teachers behavior on pupils attributions: A review. / In: C. Antaki, and C. Brewin (eds.). *Attributions and Psychological Change*. – London: Academic Press, 1982, pp. 177-194.
276. Bass B.M. *Bass and Stogdill's handbook of leadership: Theory, research and managerial application* (3rd ed.). – NY: Free Press, 1990.
277. Batson, C. D.. *The altruism question. Toward a social-psychological answer*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1991.
278. Baxter L.A. Symbols of relationship identity in relationship cultures // *Journal of Social and Personal Relationships*, 1987, Vol. 4, pp. 261—279.
279. Beck, A.T. *Cognitive therapy and the emotional disorders*. – NY: International University Press, 1976.
280. Becker, H., Geer, B., Hughes, E. and Strauss, A. *Boys in White*. – Chicago: University of Chicago Press, 1961.
281. Bem, D.J. Self-perception Theory. / In: L. Berkowitz (ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 6. – NY: Academic Press, 1972, pp. 1-62.
282. Bem, D.J. Self-Perception: An Alternative Interpretation of Cognitive Dissonance // *Psychological Review*, 1964, Vol. 74, pp. 183-200.
283. Bem, S. *The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality*. – New Haven, Conn.: Yale University Press, 1993.
284. Benedict R. *Patterns of Culture*. – Boston: Houghton Mifflin, 1934.
285. Berger Goals, plans and mutual understanding in personal relationships / In: S.W. Duck (Ed.), *Individuals in relationships (Understanding Relationship Processes Series)*. – Newbury Park, CA: Sage, 1993, Vol. 1, pp. 30-59.
286. Berkowitz L. Social norms, feelings and other factors affecting helping and altruism. // «*Advances in experimental social psychology*», v. 6. NY: McGraw-Hill, 1972.
287. Berkowitz, L. *Aggression: Its causes, consequences, and control*. – NY: McGraw-Hill, 1993.
288. Berkowitz, L., Daniels, L.R. Responsibility and dependency // *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1963, Vol. 66, pp. 429-436.
289. Berkowitz, L., LePage, A. Weapons as aggression-eliciting stimuli. // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1967, Vol. 7, pp. 202-207.
290. Bion, W.R. *Experience in group and other papers*. – London: Tavistock Publications, 1961.
291. Blackburn, S. *The Oxford Dictionary of Philosophy*. – Oxford: Oxford University Press, 1996.

292. Blankenship V., Hnat S., Hess T., Brown D.R. Reciprocal interaction and similarity of personality attributes // *Journal of Social and Personal Relationships*, 1984, Vol. 1, pp. 415-432.
293. Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1969.
294. Bochner A.P., Krueger D.I., Chmielewski T.L. Interpersonal perceptions and marital adjustment // *Journal of Communication*, 1982, Vol. 32, pp. 135–147.
295. Bochner, A.P. Perspectives on Inquiry: Representation, Conversation and Reflection. / In: *Handbook of Interpersonal Communication* \ Ed. M.L. Knapp. – Beverly Hills: Sage, 1985, pp. 27-58.
296. Bowlby, J. *Attachment and loss: Vol. 1. Attachment*. – NY: Basic Books, 1969.
297. Bowlby, J. *Attachment and loss: Vol. 2. Separation*. – NY: Basic Books, 1973.
298. Brehm, S. *Application of Social Psychology to Clinical Practice*. – Washington: Hemisphere Publishing Corporation, 1976.
299. Brennan, J. F. *History and systems in psychology*. 4 th ed. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1994.
300. Brewer, M. B. A dual process model of impression formation / In: T. K. Srull, R. S. Wyer (Eds.), *Advances in social cognition: A dual process model of impression formation*. Vol. 1. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.
301. Brewin. (Eds.). *Attributions and Psychological Change*. – London: Academic Press, 1982, pp. 3-21.
302. Brinberg, D., McGrath, J.E. *Validity and Research Process*. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1985.
303. Brush, S.G. Should the History of Science be Rated X? // *Science*, 1974, Vol. 183, pp. 1164-1172.
304. Bryman A. *Charisma and leadership in organisations*. – London: Sage, 1992.
305. Bunnin, N., Tsui-James, E. P. *The Blackwell Companion to Philosophy*. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996.
306. Burleson B. R., Denton W. N. A new look at similarity and attraction in marriage: Similarities in social-cognitive and communication skills as predictors of attraction and satisfaction // *Communication Monographs*, 1992, Vol. 59, pp. 269—287.
307. Burns J. M. *Leadership*. – NY: Harper & Row, 1978.
308. Butkowsky, I. S., and Willows, D. M. Cognitive-motivational characteristics of children varying in reading ability: Evidence for learned haplessness in poor readers // *Educational Psychology*, 1980, Vol. 72, pp. 408-422.
309. Byrne D. *The attraction paradigm*. –NY: Academic Press, 1971.
310. Byrne, D., Clore, G.L. A reinforcement model of evaluative responses // *Personality: An International Journal*, 1970, Vol. 1, pp. 103-128.
311. Calvin, S. Hall, Lindsey G. *Theories of Personality*. – NY: Wiley, 1970.
312. Cantor, N. Mischel, W. Prototypes in person perception / In: L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology*, Vol. 12. – NY: Academic Press, 1979, pp. 3-52.
313. Cantor, N. Mischel, W. Traits as prototypes: effects on recognition memory // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1977, Vol. 35, 38-48.
314. Cantor, N., Fleeson, W. Life tasks and self-regulatory processes / In: M. Maehr, P. Pintrich (Eds.), *Advances in motivation and achievement*. Vol. 7. Greenwich, CT: JAI Press, 1990.
315. Cantor, N., and Zirkel, S. Personality, Cognition, and Purposive Behavior. / In: A. Pervin (ed.), *Handbook of Personality Theory and Research*. – NY: Guilford Press, 1990, pp. 134-163.
316. Carlson, R. Studies in script theory: Adult analogs of childhood nuclear scene. // *Journal of personality and social psychology*, 1981, 40 (3), 501-510.
317. Cavan, S. *Liqueur License*. – Chicago: Aldine, 1966.
318. Chafetz, J. S. *A Primer on the Construction and Testing of Theories in Social Psychology*. Itaksa, Ill: Free press, 1978.

319. Chaplin, J. P. and Krawiec, T. S. *Systems and Theories of Psychology*. 4th ed. – NY: Holt, Rinehart & Winston, 1979.
320. Chein, The awareness of self and the structure of the ego // *Psychological Review*, 1944, Vol. 51, 304-314.
321. Cheng, P.W., and Novick, L.R. A qualitative model of causal induction. // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, Vol. 58, 545-547.
322. Clark, M. S. (Ed.). *Prosocial behaviour*. – Newbury Park, CA: Sage, 1991.
323. Clarkson, P. The Eclectic and Integrative Paradigm: Between The Scylla of Confluence and the Charibdis of Confusion. / In R. Woolfe, and W. Dryden. *Counseling Psychology*. – London: Sage Publications, 1996, pp. 258-283.
324. Coolican, H. *Research methods and statistics in psychology*. – London: Hodder and Stoughton, 1994.
325. Costner, H. L. and Leik, R. K. “Deductions from Axiomatic Theory,” // *American Sociological Review* (December 1964), pp. 819-835.
326. Damon, W., Hart, W. The development of self-understanding in childhood and adolescence. – NY: Cambridge University Press, 1988.
327. Davis, M .H. Measuring individual differences in empathy / *JSAS Catalogue of Selected Documents in Psychology*, 1980, Vol. 10, 85.
328. De Waele, J. -P. and Harre, R. Autobiography as a psychological method. In Ginsburg, G. P. (ed.) *Emerging strategies in social psychological research*. – Chichester: Wiley, 1979.
329. Darley, J. M., Batson C. D. “From Jerusalem to Jericho: a study of situational and dispositional variables in helping behavior” // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. Vol. 27, pp. 377-383.
330. Deschamp, J-C. Social Attribution. / In: J. Jaspars, F. D., Fincham and M. Hewstone (eds.), *Attribution Theory and Research: Conceptual, Developmental and Social Dimensions*. – London: Academic press, 1983, pp. 223-240
331. Deutch, M., Krauss, R.M. *Theories in Social Psychology*. – NY: Basic Books, 1964.
332. Douglas T. Scapegoats. Transferring blame. – London, New York, 1993.
333. Duck S. *Meaningful relationships: Talking, sense and relating*. – London: Sage publications, 1994.
334. Durkin, K. *Developmental social psychology: From infancy to old age*. – London: Blackwell Publishers, 1995.
335. Duval, S., Wicklund, R.A. *A theory of objective self-awareness*. – NY: Academic Press, 1972.
336. Eagley, A. H. *Sex differences in Social Behavior: A Social-role Analysis*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1987.
337. Eagley, A. H., Crowley, M. Gender and helping behavior: a meta-analytic review of the social psychological literature // *Psychological Review*, 1986, Vol. 100, pp. 283-308.
338. Eco, U. Horns, Hooves, and Insteps: Some hypothesis on three types of abduction / In: Sebeok, Th.A. Eco, U. (Eds.) *The Sign of three: Dupin, Holmes, and Pierce*. – Bloomington, 1983.
339. Einhorn, H. J., Hogarth, R. M. Behavioral decision theory: processes of judgement and choice // *Annual Review of Psychology*, 1981, Vol. 32, pp. 53-88.
340. Eisenberg, N.. *Altruistic emotion, cognition, and behaviour*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1986.
341. Eisenberg, N. Mussen, P.H. *The Roots of Prosocial Behavior in Children*. – Cambridge University Press, 1989.
342. Elliot, S. N., Kratochwill, T. R., Littlefield, J., and Travers, J. F. *Educational psychology: Effective teaching, effective learning*. – London: Brown & Benchmark Publishers, 1996.
343. Elster, J. *The cement of society: A study of social order*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

344. Emmons, R.A. The personal striving approach to personality / In: L. Pervin (Ed.), Goal concepts in personality and social psychology. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989, pp. 87-126.
345. Epstein, S. Cognitive-experiential Self-theory / In Pervin, L.A. (ed.) Handbook of Personality: Theory and Research. – NY: The Guilford Press, 1990, pp. 165-192.
346. Erber, R. Affective and semantic priming: effects of mood on category accessibility and inference. // Journal of Experimental Social Psychology, 1991, Vol. 27, 480-498.
347. Erikson, E. M. Childhood and society. – NY: Norton, 1963.
348. Erikson, E. M. Identity: Youth and crises. – NY: Norton, 1968.
349. Erikson, E. M. The problem of Ego-identity // Journal of the American Psychoanalytic Association, 1956, Vol. 4, pp. 56-121.
350. Eron L. D., Huesmann L. R., Lefkowitz M. M., Walder L. D. Does television violence cause aggression? // American Psychologist, 1972, 27, pp. 253-63.
351. Fairbairn, W. R. D. Psychoanalytic studies of the personality. – London: Routledge & Kegan Paul, 1952.
352. Feather, N.T., and Tiggerman, M. A balanced measure of attribution style. Australian // Journal of Psychology, 1984, Vol. 36, pp. 267-283.
353. Festinger I. A theory of social comparison process // Human relations, 1954, Vol. 7, pp. 117-140.
354. Festinger, L. A theory of cognitive dissonance. – Evanston, Ill.: Row Peterson, 1957.
355. Feyerabend, P.K. Against Method. – London: NLB, 1975.
356. Feyerabend, P.K. Farewell to Reason. – London: Verso, 1988.
357. Fiedler, K. Causal Schemata: review and criticism of research on a popular construct // Journal of Personality and Social Psychology, 1982, Vol. 42, pp. 1001-1013.
358. Fiedler F. E., Garcia J. E. New approaches to effective leadership: Cognitive resources and organisational performance. – NY: Wiley, 1987.
359. Fiedler, K. Processing social information for judgements and decisions / In: Hewstone, M., Stroebe, W., and Stephenson, G.M. (eds.). Introduction to Social Psychology. – London: Blackwell Publishers, 1996, p. 135-166.
360. Fiske, S. T., Dyer, L. M. Structure and development of social schemata: Evidence from positive and negative transfer effects // Journal of Personality and Social Psychology, 1985, Vol. 48, pp. 839-852.
361. Fiske, S. T., Neuberg, S. L. A continuum of impression formation from category-based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation / In: M.P. Zanna (Ed.), // Advances in experimental social psychology, 1990, Vol. 23. – NY: Academic Press, pp. 1-74.
362. Fiske, S. T., and Taylor, S. E. Social Cognition. – NY: McGraw-Hill (2nd ed.), 1991.
363. Foa, E. B., Foa, U. G. Resource theory of Social Exchange. – Morristown, NJ: General Learning Press, 1975.
364. Ford, J. E. Systematic Pluralism: Introduction to Issue. // The Monist, 1990, 73, 335-349.
365. Forgas, J. P. Responsibility attribution by individuals and groups: the effects of interaction episode // European Journal of Social Psychology, 1981, Vol. 11, pp. 87-99.
366. Forsterling, F. Attribution theory in clinical psychology. – Chichester: J. Wiley, 1988.
367. Forsterling, F. The functional value of realistic attributions / In: W. Stroebe and M. Hewstone (eds.), // European Journal of Social Psychology. – Chichester: Wiley, 1995, vol. 5, pp. 151-180.
368. Foucault, M. Power / Knowledge: Selected interviews and Other Weightings 1972-1977. – NY: Pantheon, 1980.
369. Franklin, C.W. Theoretical perspectives in social psychology. – Boston: Little, Brown and Company, 1982.

370. Franks, D.D., Marolla, J. Efficacy and social approval as interacting dimensions of self-esteem: formulation through construct validation // *Sociometry*, 1976, Vol. 39, pp. 324 - 341.
371. Freedman J.L., Fraser S.C. Compliance without pressure: the foot-in-the-door technique. // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1966, vol. 4, No. 2, pp. 195-202.
372. Freese, L., Roceach, M. On the Use of Alternative Interpretation in Contemporary Social Psychology // *Social Psychology Quarterly*, 1979, Vol. 42, No. 3, pp. 195-201.
373. Freud, S. A new Series of introductory Lectures on Psycho-Analysis. – NY: Norton, 1933.
374. Friedrich L.K., Stein A.H. Aggressive and prosocial television programs and the natural behaviour of pre-school children // *Monograph of the Society for Research in Child Development*, 1973, Vol. 38 (4, serial No. 51).
375. Fromm, E. *Escape from Freedom*. – NY: Rinehart, 1941.
376. Fromm, E. *Man for Himself*. – NY: Rinehart, 1947.
377. Fromm, E. *The sane society*. – Greenwich, CT: Fawcett Books, 1962.
378. Geen, R. G. Aggression and antisocial behaviour. / In: D. T. Gilbert, S. T. Fiske, G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (4th ed., Vol. 2, pp. 317-356). – New York: McGraw-Hill, 1998.
379. Genero N. P., Miller J. B., Surrey J., Baldwin L. M. Measuring perceived mutuality in close relationships: Validation of the mutual psychological development questionnaire // *Journal of identity in contemporary life*, 1992, Vol. 6, pp. 3-48.
380. Gergen, K.J. *Toward Transformation in Social Knowledge*. – NY: Springer-Verlag, 1982.
381. Gergen, K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology // *American Psychologist*, 1980, Vol. 40, pp. 266–275.
382. Gergen, K.J. Toward a postmodern psychology / In: Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. – London: Sage Publications, 1997, pp. 17–30.
383. Gergen, K.J., Gergen, M. M. Explaining Human Conduct: Form and Functions. In *Explaining Human Behaviour: Consciousness, Human Action, and Social Structure*, / In: P.F. Secord. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1982, pp. 127-154.
384. Giles, H., Coupland, N. *Language: Contexts and consequences*. – Buckingham: Open University Press, 1991.
385. Gilligan, C. *In a different voice*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982.
386. Goldstein, A. P. *The ecology of aggression*. – New York: Plenum Press, 1994.
387. Gordon, C. Persons-conceptions analytic dictionaries for the General inquirer System of computaraided content analysis. – Unpublished paper, 1974.
388. Graumann C. F. Introduction to history of social psychology / In: Hewstone M., Stroebe W., Stephenson G.M. [Eds.] *Introduction to social psychology*. 2nd ed. – London: Blackwell Publishers, 1996, pp. 3–23.
389. Graumann C.F., Gergen K.J. (Eds.) *Historical dimensions of psychological discourse*. – NY: Cambridge University Press, 1996.
390. Greenberg, J.R., & Mitchell, S.A. *Object Relations in Psychoanalytic Theory*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
391. Guerriere, D. «Physis, Sophia, Psyche» / In: J. Sallis and K. Maly (eds.), *Heraclitean Fragments: A Companion Volume to the Heidegger / Fink Seminar on Heraclitus*. – Alabama, CA: University of Alabama Press, 1980.
392. Guidano, V.F., Liotti, G.A. *Cognitive Processes and Emotional Disorders*. – NY: Guilford, 1983.
393. Guidano, V.F. *Complexity of the Self: a Developmental Approach to Psychopathology and Therapy*. – NY: Guilford, 1987.
394. Guimelli C. Ocating the central core of social representations: Towards a method // *European Journal of Social Psychology*, 1993, Vol. 23.
395. Habermas, J. *Knowledge and Human Interests*. – Boston: Beacon Press, 1971.

396. Hall, B.L. Participatory research: an approach to change. *Convergence*, // *An International Journal of Adult Education*, 1975, Vol. 8 (2), pp. 24-32.
397. Hall, C., S., Lindsey, G. *Theories of Personality*. – NY: Wiley & Sons, 1998.
398. Halliday S., Leslie J.C. A longitudinal semi-cross-sectional study of the development of mother-child interaction // *British Journal of Developmental Psychology*, 1986, Vol. 4 (3), pp. 221-32.
399. Harre R. *Personal Being*. – Cambridge, MA; Harvard University Press, 1984.
400. Harre R. *Physical Being*. – Oxford: Basil Blackwell, 1986.
401. Harre R. The positivist-empiricist approach and its alternative / In: Reason R., Rowan J. *Human Inquiry: A Sourcebook of New Paradigm Research*. – Chichester: Wiley, 1981.
402. Harre R. *Varieties of Realism*. – Oxford: Basil Blackwell, 1986.
403. Hartmann, H. Comments on the psychoanalytic theory of the ego // *Psychoanalytic Study of the Child*, 1950, Vol. 5, 74-96.
404. Hartmann, H. *Ego psychology and the problem of adaptation*. – NY: International University Press, 1959.
405. Hatfield E., Walster G. W. *A New Look at Love*. – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1981.
406. Hawes S. E. Positioning a dialogic reflexivity in the practice of feminist supervision / In: B. M. Bayer, J. Shotter (Eds.). *Reconstructing the psychological subject: Bodies, practices and technologies*. – London: Sage Publications, 1998, pp. 94 – 110.
407. Heather N. *Radical Perspectives in Psychology*. London: Methuen, 1976.
408. Heidegger, M. *Being and Time*. – Oxford: Basil Blackwell, 1962.
409. Heider F. *The psychology of interpersonal relations*. – NY: John Wiley, 1958.
410. Heider, F. *The Psychology of Interpersonal Relations*. NY: Wiley, 1958.
411. Hermans, H.J.M. On the integration of nomothetic and idiographic methods in the study of personal meaning // *Journal of Personality*, 1988, Vol. 56, 785-812.
412. Hewstone, M. *Causal Attribution: From Cognitive Processes to Collective Beliefs*. – Oxford: Blackwell, 1989.
413. Hewstone, M., Jaspars, J. M. F. Covariation and causal attribution: a logical model of the intuitive analysis of variance // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, Vol. 53, pp. 663-672.
414. Hewstone, M., and Jaspars, J.M.F. *Intergroup Relations and Attribution Processes*. / In: H. Tajfel (ed.), *Social Identity and Intergroup Relations*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982, pp. 99-133.
415. Hewstone, M., and Jaspars, J. M. F. *Social Dimensions of Attribution* / In: H. Tajfel (ed.), *The Social Dimension*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 379-404.
416. Hewstone, M., Stroebe, W., Stephenson, G.M. (eds.). *Introduction to Social Psychology*. – London: Blackwell Publishers, 1996.
417. Higgins E. T., Tikocinsky, O., Vookles, J. Patterns of self-beliefs: the psychological significance of relations among the actual, ideal, ought, can, and future selves / In: M. Olson, P. M. Zanna (Eds.), *The Ontario Symposium: Vol. 6. Self-inference processes*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1990.
418. Higgins, E. T. *Personality, social psychology, and person – situation relations: standards and knowledge activation as a common language*. / In Pervin, L. A. (ed.) *Handbook of Personality: Theory and Research*. –NY: The Guilford Press, 1990, pp. 303-338.
419. Higgins, E. T. *Self-discrepancy: a theory relating self and affect*. // *Psychological Review*, 1987, 94, 319-340.
420. Higgins, E. T., Kuipper, N. A., Olson, J. M. *Social cognition: A need to get persona*. / In: E. T. Higgins, C. P. Herman, M.P. Zanna (Eds.), *Social cognition: The Ontario symposium*, Vol. 1. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1981, pp. 395-420.
421. Hilgard, E. R. *Human motives and the concept of the self* // *American Psychologist*, 1949, Vol.4, pp. 374-382.

422. Hoffman, M. L. The contribution of empathy to justice and moral judgement. / In N. Eisenberg, J. Strayer (Eds), *Empathy and in Development*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987
423. Hofstede, Dimensions of national cultures in fifty countries and three regions. / In: J. B. Derogowski, Dziurawiec, R. C. Annis (Eds), *Explications in Cross-cultural Psychology*. – Lisse: Swets and Zeitlinger, 1983
424. Hogg, M. A., Vaughan, G. M. *Social Psychology: An introduction*. – London: Prentice Hall, 1995.
425. Hollis, M. *Philosophy of Social Science* / In: N. Bunnin and E.P. Tsui-James. *The Blackwell Companion to Philosophy*. – Oxford: Blackwell Publishers, 1996, pp. 359-387.
426. Hollway W. *Subjectivity and method in social psychology: gender, meaning, and science*. – London: Sage Publications, 1989.
427. Holt, R. R. The current status of psychoanalytic theory // *Psychoanalytic Psychology*, 1985, Vol. 2, pp. 289-315.
428. Holzman, P. Psychoanalysis: Is the therapy destroying science? // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 1985, Vol. 33, pp. 725-770.
429. Homans, G. C. *Social Behavior: In Elementary Forms*. – NY: Harcourt, Brace & World, 1961.
430. Hoover K. R. *The Elements of Social Scientific Thinking*. 2nd ed. – NY: St. Martin's, 1980.
431. Hothersall, D. *History of Psychology*. – NY: McGraw-Hill, 1995.
432. House, J. S. "The Three Faces of Social Psychology," // *Sociometry*, 1977, Vol. 40, no. 2, pp. 161-177.
433. Hothersall D. *History of psychology*. – NY: McGraw-Hill, 1995.
434. House, R. J., Mitchell, T. R. Path-goal theory of leadership. // *Journal of Contemporary Business*, 1974, Vol. 3, pp. 81-97.
435. Husserl, E. *Phenomenological Psychology*. – The Hague: Nyhoff, 1977.
436. Ickes W., Tooke W., Stinson L., Baker V. L., Bissonnett V. Naturalistic social cognition: Intersubjectivity in same-sex dyads // *Journal of Nonverbal Behavior*, 1988, Vol. 12, pp. 58-84.
437. Isen, A. M., Clark, M., Schwartz, M. duration of the effects of good mood on helping generosity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. Vol. 34, pp. 385-393.
438. James, W. *The Principles of Psychology*. Reprint – NY: Dover, 1950.
439. Jodelet D. Representation sociales: un domain en expansion // *Les representations sociales* / D. Jodelet (ed.). Paris, 1989.
440. Jones, E. E., Davis, K. E. From Acts to Dispositions: the Attributions process in Person Perception / In: L. Berkowitz (ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 2. – NY: Academic Press, 1965, pp. 219-266.
441. Jones, E. E., Pittman, T. S. Toward a general theory of strategic self-presentation / In: J. Suls (Ed.), *Psychological Perspectives on the Self*. Vol. 1. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1982, pp. 231-262.
442. Judd, C. M., Park, B. Out-group homogeneity: judgements of variability at the individual and group levels // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988, Vol. 54, pp. 778-788.
443. Katovich M. A., Couch C. J. The nature of social past and their use as foundations for situated action // *Symbolic Interaction*, 1992, Vol. 15, pp. 25–47.
444. Katzenbach G., Smith, D. The discipline of team // *Harvard Business Review*, 1993. Vol. 71.
445. Keeley M., Hart A. Nonverbal behavior in interaction / In: S.W. Duck (Ed.), *Dynamics of interaction Understanding Relationships Processes Series*, Vol. 4, pp. 135–162. – Thousands Oaks, CA,: Sage, 1994.
446. Kelley, H. H. Attribution Theory in Social Psychology / In: D. Levine (ed.), *Nebraska Symposium on Motivation*. – Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1967, pp. 192-238.

447. Kelly G. A. Brief introduction to personality construct theory / In: D. Bannister (Ed.), *perspectives in personal construct theory*. – London: Academic Press, 1970, pp. 1–26.
448. Kelly, G. A. *The Psychology of Personal Constructs*. –NY: Norton, 1955.
449. Kendler H. H. *Historical foundations of modern psychology*. – Pacific Grove, Calif.: Brooks-Cole, 1987.
450. Kenny, D. A. A general model of consensus and accuracy in interpersonal perception // *Psychological Review*, 1991, 98, 155-163.
451. Kernberg, O. *Object relations theory and clinical psychoanalysis*. – NY: Jason Aronson, 1976.
452. Kernberg, O. *Severe personality disorders: Psychotherapeutic strategies*. – New Haven, CT: Yale University Press, 1984.
453. Kidder L. N. *Selltiz Wrightsman and Cook's Research Methods in Social Relations*, 4th ed. – NY: Holt, Rinehart and Winston, 1981.
454. Kiesler C. A. In *Experimental Social Psychology*. Ed. by Mills J. L., 1971.
455. Klein, M. *Contributions to psycho-analysis, 1921-1945*. – London: Hogarth Press, 1948.
456. Kohlberg L. *Essays on Moral Development*. – NY: Harcourt Brace Jovanovich, 1981.
457. Kohlberg, L. *Moral stages and moralization* / In: T. Lickona (Ed.), *Moral development and behavior*. – NY: Holt, Rinehart & Winston, 1976.
458. Kohler, W. *Gestalt Psychology*. – NY: Liveright Press, 1947.
459. Kohut, H. *How does analysis cure?* (A. Goldberg, Ed., with collaboration of P. E. Stepanky). – Chicago: University of Chicago Press, 1984.
460. Kohut, H. *The analysis of the self: A systematic psychoanalytic approach to the treatment of narcissistic personality disorders*. – NY: International University Press, 1971.
461. Kohut, H. *The restoration of the self*. NY: International University Press, 1977.
462. Kopel, S., and Arkowitz, H. *The role of attribution and self-perception in behavior change: Implication for behavior therapy* // *Genetic Psychology Monographs*, 1975, Vol. 92, pp. 175-212.
463. Korn, J. H. *Illusions of reality: A history of deception in social psychology*. – NY: State University of New York Press, 1997.
464. Kotter, J. R. *A force for change: How leadership differs from management*. – NY: Free Press, 1990.
465. Krahe B. *Personality and social psychology: Toward synthesis*. – London: Sage Publications, 1992. – 278 p.
466. Kuhn M. H., McPartland, T. *An empirical investigation of self-attitudes* // *American sociological review*, 1954, Vol. 19, pp. 68-76.
467. Kuhn, T. S. *Second Thought Paradigms*. In: Suppe, F. (Ed.) , *The Structure of Scientific Theories*. London: University of Illinois Press, 1974, pp. 459-482.
468. Kuhn, T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. – Chicago: University of Chicago Press, 1970.
469. Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. – London: Sage Publications, 1997.
470. Kvale S. *Introduction: From the archeology of the psyche to the architecture of cultural landscapes* / In: Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. – London: Sage Publications, 1997, pp. 1–16.
471. Kvale S. *Postmodern psychology: A contradictions in terms?* / In: Kvale, S. (Ed.) *Psychology and postmodernism*. – London: Sage Publications, 1997, pp. 31–57.
472. Latane, B., Darley, J.M. *The Unresponsive Bystander: Why Doesn't He Help*. – NY: Appleton-Century-Crofts, 1970.
473. Latane, B., Nida, S. *Social impact theory and group influence: a social engineering perspective* / In P.B. Paulus (Ed.), *Psychology of group Influence*. – Hillsday, NJ: Erlbaum, 1980.

474. Latane, B., Rodin, J. A lady in distress: Inhibiting effects of friends and strangers on bystander intervention. // *Journal of Experimental Social Psychology*, 1969, V. 5, 189—202.
475. Layden, M. A. Attributional style therapy. / In C. Antaki, and C. Brewin (eds.). *Attributions and Psychological Change*. – London: Academic Press, 1982, pp. 63-82.
476. Leahey, T. H. *A history of modern psychology*. 2th ed. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1994.
477. Leary D. Psyche's muse: the role of metaphor in the history of psychology / In: D. E. Leary (Ed.), *Metaphors in the history of psychology*. – NY: Cambridge University Press, 1992, pp. 1 – 78.
478. Leary D. Metaphor, Theory, and practice in the history of psychology / In: D.E. Leary (Ed.), *Metaphors in the history of psychology*. – NY: Cambridge University Press, 1992.
479. Leary D. (Ed.) *Metaphors in the history of psychology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
480. Leary, M. R., Kowalsky, R. M. Impression management: A literature review and two-component model // *Psychological Bulletin*, 1990, Vol. 107, pp. 34-47.
481. Lefrancois, G. R. *The Lifespan*. – Belmont, Calif.: Wudsworth Publishing Company, 1993.
482. Lerner, M. G. The justice motive: some hypotheses as to its origins and forms // *Journal of Personality*. 1977. Vol. 45, pp. 1-52.
483. Levine J., Moreland R. Group socialization: Theory and research // *European Review of Social Psychology*. 1994. Vol. 5.
484. Lewin, K. *A dynamic theory of personality*. – NY: McGraw-Hill, 1935.
485. Lewin, K. *Field Theory in Social Science*. – NY: Harper & Brothers, 1951.
486. Lewin, K. *Principles of Topological Psychology*. – NY: McGraw-Hill, 1936.
487. Leyens, J. P., Dardenne, B. Basic concepts and approaches in social cognition. / In: Hewstone, M., Stroebe, W., Stephenson, G.M. (eds.). *Introduction to Social Psychology*. – London: Blackwell Publishers, 1996, 109-134.
488. Linville, P. W. Affective consequences of complexity regarding the self and others. / In: M. S. Clarke and S. T. Fiske (Eds.) *Affect and cognition: 17th Annual Carnegie Symposium on Cognition*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1982, pp. 79-109.
489. Linville, P. W., Carlson D. E. Social cognition on the self. / In P. G. Davine, D. I. Hamilton, T. M. Ostrom (Eds.), *Social cognition: Impact on social psychology*. – NY: Springer-Verlag, 1991, p. 143-193.
490. Little, B. R. Personal projects analysis: Trivial pursuits, magnificent obsessions, and the search of coherence. In D. M. Buss, N. Cantor (Eds.), // *Personality psychology: Recent trends and emerging directions*. – NY: Springer-Verlag, 1989, pp. 15-31.
491. Littlejohn S. W. *Theories of Human Communication*. – Belmont, Calif.: Wudsworth Publishing Company, 1994.
492. Long, J. T., Lerner, M. J. Deserving, the "personal contract," and altruistic behavior by children // *Journal of Personality and Social Behavior*, 1963, Vol. 29, pp. 351-356.
493. Lord R. G., DeVader, C. L., Alliger, G. M. A meta-analysis of the relation between personality traits and leadership perceptions: An application of validity generalization procedures. // *Journal of Applied Psychology*, 1986, Vol. 71, pp. 402-410.
494. Lott A.J., Lott, B.E. The role of reward in the formation of positive interpersonal attitudes. / In: T.L. Huston (ed.), *Foundations of Interpersonal Attraction*. – NY: Academic Press, 1974, pp. 171-189.
495. Lundin, R. W. *Theories and Systems of Psychology*. – Lexington, Ma.: D.C. Heath, 1979.
496. Lyotard J. -F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. – Manchester: Manchester University Press, 1984.
497. Ma H. K. The Chinese perspective on moral judgement. // *International Journal of Psychology*, 1988, Vol. 23, pp. 201-27.

498. MacCormac E.R. Metaphor and Pluralism. // *The Monist*, 1990, pp. 411-420.
499. Mackie D. M. Systematic and nonsystematic processing of majority and minority persuasive communication. // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, Vol. 53, pp. 41-52.
500. Madison C. B. *The hermeneutics of postmodernity: Figures and themes.* – Bloomington: Indiana University Press, 1990 – 206 p.
501. Mahoney M. J. *Scientist as Subject: The psychological imperative.* – Cambridge, MA: Ballinger Publishers, 1976.
502. Mahoney M. J. *Human Change Process: the Scientific Foundations of psychotherapy.* – NY.: Basic Books, 1991.
503. Manstead, A. S. R, Hewstone M. (Eds.). *The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology* – London: Blackwell, 1996.
504. Markus, H. Self-schemata and processing information about the self.// *Journal of personality and Social Psychology*, 1977, 35: 63-78.
505. Markus, H., Cross, S. The interpersonal self. In A. Pervin (ed.), *Handbook of Personality Theory and Research.* – NY: Guilford Press, 1990, pp. 576-608.
506. Markus, H., Nurius, P. Possible selves. // *American Psychologist*, 1986, Vol. 41 (9), pp. 954-969.
507. Markus, H., Ruvolo, A. Possible Selves: personalized representation of goals. / In L.A. Pervin (Ed.), *Goal concepts in personality and social psychology.* – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989, pp. 211-242.
508. Masling J. Role-related behavior of the subject and psychologist and its effect upon psychological data. / In: Levine D. (ed.) *Nebraska Symposium on Motivation.* – Lincoln, Neb.: University of Nebraska Press, 1966.
509. Maslow, A.H. *Motivation and Personality.* – NY.: Harper, 1954.
510. Mayer, S.F., Sutton, K. *Personality: An Integrative Approach.* – NJ: Prentice-Hall, 1996. – 652 p.
511. McAdams, D. P. The development of narrative identity. / In: D. M. Buss, N. Cantor (Eds.), *Personality psychology: Recent trends and emerging directions.* – NY: Springer-Verlag, 1989, pp. 160-174.
512. McAdams, D. P. *The person: An introduction to personality.* – Orlando, Florida: Harcourt Brace & Company, 1994.
513. McArthur, L. A. The how and what of why: some determinants of consequences of causal attributions // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1972, Vol. 22, pp. 171-193.
514. McArthur, L. Z., Baron, R. Toward an ecological theory of social perception. // *Psychological Review*, 1983, Vol. 90, pp. 215-247.
515. McKiethen, K. B., Reitman, J. S., Rueter, H. H., Hirtle, S. C. Knowledge organization and skill differences in computer programmers. // *Cognitive Psychology*, 1981, Vol. 13, 307-325.
516. Mead G.H. *Mind, self and society: From the standpoint of social behaviorist* (C.W. Morris, Ed.) – Chicago: University of Chicago Press, 1967 (Original work published 1934).
517. Mead, G. H. *Mind, Self and Society.* Chicago: University of Chicago Press, 1934.
518. Medawar, P. B. *The Limits of Science.* – NY: Harper & Raw, 1985.
519. Menninger, K., Mayman, M., Pruiser, P. *The vital balance: The life process in mental health and illness.* – NY: Viking, 1963.
520. Metalsky, G. I., Abramson, L. I. Attributional styles: toward a framework for conceptualization and assessment. / In: P. C. Kendall, S. D. Hollon (eds.), *Cognitive-Behavioral Intentions: Assessment Methods.* – NY: Academic Press, 1981.
521. Miller J. G., Bersoff D. M., Harwood R.L. Perception of social responsibilities in India and the United States: Moral imperative or personal decisions? // *Journal of personality and Social Psychology*, 1990, Vol. 58, pp. 33-47.
522. Miller, D. T., Turnbull, W., McFarland, C. Counterfactual thinking and social perception: Thinking about what might have been. / In: M. Zanna (Ed.), *Advances in*

- experimental social psychology. – San Diego, CA: Academic Press, 1991, Vol. 23, pp. 305-331.
523. Miles, M. B., Huberman A.M. Qualitative data analysis. – London: Sage Publication, 1994.
524. Mischel, S. A. Relational concepts in psychoanalysis: integration. – Cambridge: Harvard University Press, 1988.
525. Mischel, W. Introduction to personality. – Orlando, Florida: Harcourt Brace & Company, 1993. – 627 p.
526. Morse N. C., Reimer E. The experimental change of a major organisational variable // Journal of abnormal social psychology, 1956, Vol. 52, pp. 120-129
527. Morse, S, Gergen, K.J. Social comparison, self-consistency, and the concept of self. // Journal of Personality and Social Psychology, 1970, Vol. 16, pp. 148-156.
528. Moscovici, S. Foreword. / In: C. Herzlich, Health and illness: A social psychological analysis. – London: Academic Press, 1973.
529. Moscovici S. The phenomenon of social representation. / In: R.M. Farr and S. Moscovici (Eds.), Social Representations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 14–43.
530. Moscovici, S. Social influence and conformity. / In: G. Lindzey, E. Aronson (Eds.), Handbook of social psychology (3rd ed.,). – NY: Random House, 1985, vol. 2, pp. 347-412.
531. Moscovici, S. Notes toward a description of social representations. – European Journal of Social Psychology. 1988, Vol. 18: 211-250.
532. Moscovici S. The history and actuality of social representations / In: U. Flick (Ed.), 'The psychology of the social'. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 209–247.
533. Moscovici S., Faucheux C. Op. cit. Sherif M. The Psychology of Social Norms. – NY., 1956.
534. Moscovici S., Faucheux C. Social influence, conformity bias and the study of active minorities. // Advances in experimental social psychology, v. 6. Ed. by Berkowitz – L., NY., 1972.
535. Moustakas, C. E., Ed. The self: Explorations in Personal Growth. – NY: Harper, 1956
536. Murphy, L. Personality. –NY: Harper, 1947.
537. Murray, H. A. Explorations in personality. – NY: Oxford University Press, 1938.
538. Neel, A. Theories of Psychology: A Handbook. – Cambridge, Ma: Shenkman, 1969.
539. Newcomb T.M. Dyadic balance as a source of clues about interpersonal attraction / / In: I. Murstein, Theories of attraction and love. – NY: Springer, 1971. pp. 31—45.
540. Nisbett R. Ethnocentrism and comparative method. / In A. Desai (ed.) Essays on modernization of underdeveloped societies. Vol. 1. – Bombay: Thacker, 1971, pp. 95-114.
541. Nisbett, R.E., Ross, L. Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgement. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1980.
542. O'Connor, J., Seymour, J. Introducing Neuro-Linguistic Programming. – London: Aquarian, 1990.
543. Oakes, P. J., Haslam, S. A., Turner, J. C. Stereotyping and social reality. – London: Blackwell Publisher, 1994.
544. Osgood C. E. The representational model and relevant research methods. / In: Trends in content analysis. – Urbana, 1959, pp.33-88.
545. Park, B. A method for studying the development of impression of real people. // Journal of Personality and Social Psychology, 1986, Vol. 51, pp. 907-917.
546. Parker I., Shotter J. Deconstructing social psychology. – London: Routledge, 1990.
547. Passer, M. W., Kelley, H. H., Michela, J. L. Multidimensional scaling of the causes for negative interpersonal behavior. // Journal of Personality and Social Psychology, 1978, Vol. 36, pp. 951-962.
548. Patton M.Q. Qualitative Evaluation Methods. – London: Sage, 1980.

549. Perry, D. G., Bussey, K. Social Development. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1984.
550. Pervin, L. A. (ed.) Handbook of Personality: Theory and Research. – NY.: The Guilford Press, 1990.
551. Pervin, L. A. Personality theories. – NY: Guilford Press, 1998.
552. Pidgeon, N., Henwood K. Using grounded theory in psychological research / N. Hayes (Ed.), Doing qualitative analysis in psychology. – Hove, east Sussex: Psychology Press, 1998, pp. 245—274.
553. Piliavin, J. A., Callero, P. Giving blood: The development of an altruistic identity. – Baltimore: Johns Hopkins University Press(1991).
554. Piliavin, J. A., Charng, H. -W. Altruism: a review of recent theory and research // Annual Review of Sociology. 1990, Vol. 16, pp. 27-65.
555. Piliavin, J.A., Unger, R.K. The helpful but helpless female: myth or reality? / In: V. E. O'Leary, R. K. Unger, B. S. Wallston (Eds), Women, Gender, and Social Psychology.—Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1985.
556. Polkinghorne D. E. Postmodern epistemology of practice / In.: S. Kvale (Ed.), Psychology and postmodernism. – London: Sage Publications, 1997, pp. 146–165.
557. Potter, J. Wetherell M. Discourse and social psychology. – Beverly Hills, CA: Sage, 1987.
558. Radley, A. Relationships in detail: study of social interaction. / In: Miell, D., and Dallos, R. Social interaction and personal relationships. – London: Sage Publications, 1996, pp. 25-100.
559. Rapaport, D. The scientific methodology of psychoanalysis. / In: M. Gill (Ed.), The collected papers of David Rapaport. – NY: Basic Books, 1967.
560. Reber, A. S. The Penguin Dictionary of Psychology. 2-d ed. – London: Penguin Books, 1995.
561. Reck A. J. An Historical Sketch of Pluralism. // The Monist, 1990, 73, 367-387.
562. Reis H. T., Shaver P. R. Intimacy as an interpersonal process / In: S.W. Duck, D.F. Hay, S. E. Hobfoll, W. Ickes, B. Montgomery (Eds.), Handbook of personal relationships: Theory, research and interventions. – NY: John Wiley, 1988, pp. 367—390.
563. Reis H. T., Judd C.M. Handbook of research methods in social and personality psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000
564. Ricoeur, P. Freud and philosophy: An essay on interpretation. – New Haven, CT: Yale University Press, 1971.
565. Rogers, C. R. Client-centered Therapy: alts Current Practice, Implications and Theory. – Boston: Houghton-Mifflin, 1951.
566. Rosch, E. Principles of categorization. / In E. Rosch and B.B. Lloyd (Eds.), Cognition and categorization. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, pp. 27-48.
567. Rosenberg M. J. The conditions and consequences of evaluation apprehension. / In: R. Rosenthal and R.L. Rosnow (eds.), Artifacts in behavioural research. – NY.: Academic Press, 1969.
568. Rosenberg, M. (Ed.) Social Psychology of the self-concept. – Arlington Heights: Davidson, 1982, pp. 1-12.
569. Rosenberg, M. Conceiving the self. – NY: Basic Books, 1986.
570. Rosenthal R. Experimental effects in behavioural research. – NY: Irvington, 1976.
571. Rosenthal R., Rosnow R.L. The volunteer subject. – NY: Wiley, 1975
572. Ross, L. The intuitive psychologist and his shortcomings: distortions in the attribution process / In: L. Berkowitz (ed.), Advances in Experimental Social Psychology. NY: Academic Press, 1977, vol. 10, pp. 174-220.
573. Ross, L., and Nisbett, R.E. The Person and the Situation: perspectives of Social psychology. – NY: McGraw-Hill, 1991.
574. Rossi, A.S., и Rossi, P.H. Of Human Bonding: parent-child relations across Life course. – NY: de Gruyter, 1990.

575. Rothbart, M. Memory processes and social beliefs / In D. L. Hamilton (Ed.), *Cognitive processes in stereotyping and Intergroup behavior*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1981, pp. 145-182.
576. Rotter, J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // *Psychological Monographs*, 1966, Vol. 80 (Whole No 609).
577. Rotter, J. B. *Social Learning and Clinical Psychology*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1954.
578. Rotter, J. B. Some problems and misconceptions related to the construct of internal versus external reinforcement // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, Vol. 43, 1975, pp. 56-67.
579. Rotter, J. B., Chance, J.E., Phares, E.J (Eds.). *Applications of a social learning theory of personality*. – NY: Holt, Rinehart & Winston, 1972.
580. Rumelhart, D.E. Schemata and the cognitive system / In: R.S. Wyer, Jr. T.K., Srull (Eds.), *Handbook of social cognition Vol. 1*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1984, pp. 161-188.
581. Rumelhart, D.E., Norman, D.A. Accretion, tuning and restructuring: Three modes of learning / In: J.W. Cotton and R. Klatzky (Eds.), *Semantic factors in cognition*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
582. Rusbult, C.E., Johnson, D.J., Morrow, G. Predicting satisfaction and commitment in adult romantic involvements: an assessment of generalizability of the Investment Model // *Social Psychology Quarterly*, 1986, Vol. 49, pp. 81-89.
583. Sandler, J., Rosenblatt, B. The concept of representational world. // *Psychoanalytic Study of the Child*, 1962, Vol. 17, pp. 128-145.
584. Sapsford R., Still A., Wetherell M., Miell D., and Stevens R. (Eds.) *Theory and social psychology*. – London: Sage Publications, 1998.
585. Schachter, S. The Interaction of Cognitive and Physiological Determinants of Emotional State.. In L. Berkowitz (ed.) // *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 1. – NY: Academic Press, 1964, pp. 49-80.
586. Schank, R. C. and Abelson, R. P. Scripts, plans, goals and understanding: An inquiry into human knowledge structures. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977.
587. Schlenker, B. R. Impression management: The self-concept, social identity, and interpersonal relations. – Monterey, CA: Brooks & Cole, 1980.
588. Schlenker, B.R., Weigold, M.F. Goals and self-identification process: Construing desired identities / In L. Pervin (Ed.), *Goal concepts in personality and social psychology*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989, pp. 243-290.
589. Schlenker, B.R., Weigold, M.F. Interpersonal processes involving impression regulation and management // *Annual Review of Psychology*, 1992, Vol. 43, pp. 33-168.
590. Schroeder, D. A., Penner, L. A., Dovidio, J. F., Piliavin J. A. *The psychology of helping and altruism*. – New York: McGraw-Hill, 1995.
591. Schul, Y. Integration and abstraction in impression formation // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1983, 44, 45-54.
592. Schwartz Sh. H. Normative Explanations of Helping Behavior: A. Critique Proposal and Empirical Test // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1973, Vol. 9, N 4, p. 348-364.
593. Scott J. F. *Internalization of Norms*. – NY., 1971.
594. Scott, P., Spencer, C. *Psychology: Contemporary introduction*. – London: Blackwell Publishers, 1998.
595. Schwarz, S. H. Normative influences on altruism / In: L. Berkowitz (ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*. 1977. Vol. 10, pp. 222-279.
596. Seligman, M. E. P. The attribution style questionnaire // *Cognitive style and research*, 1982, Vol. 6, pp. 287-300.
597. Semin, G. R., Gergen, K. J. *Everyday understanding: Social and scientific implications*. – London: Sage, 1990.
598. Sherif M Sherif C. W. *Social Psychology*. – NY., 1969.
599. Sherif, M., Cantril, H. *The Psychology of Ego-evolvments*. – N.Y.: Wiley, 1947.

600. Shotter J. The social construction of an “us”: Problems of accountability and narratology / In: R. Burnett, P. McGhee, D. D. Clarke (Eds.), *Accounting for relationships*. – London: Methuen, 1987, pp. 225–247.
601. Shotter J. “Getting in touch”: The meta-methodology of a postmodern science of mental life / In: Kvale, S. (Ed) *Psychology and postmodernism*. – London: Sage Publications, 1997, pp. 58–72.
602. Singer, J.L., Kolligian, J. Jr. Personality: Developments in the study of private experience. // *Annual Review of Psychology*, 1987, Vol. 38, pp. 533-574.
603. Smith, E. R., Zarate, M. A. Exemplar-based model of social judgement. // *Psychological Review*, 1992, Vol. 99, pp. 2-21.
604. Smith, P. B., Bond, M.H. *Social psychology across cultures: Analysis and perspectives*. – London: Harvester Wheatsheaf, 1994.
605. Smith P. B., Fritz A. S. A person-niche theory of depersonalization for leader selection, performance and evaluation / In C. Hendrick (Ed.), *Review of personality and social psychology: Grape processes*, Vol. 8. – Newbury Park, CA: Sage, 1987.
606. Smith E. R., Queller S. Cognitive representations / In: Brewer M., Hewstone M. *Social cognition*. – L: Blackwell Publishing, 2003.
607. Snyder, M. *Public appearances / public realities: The psychology of self-monitoring*. – NY: W.H. Freeman, 1987.
608. Snyder, M. Self-monitoring of expressive Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1974, 30, pp. 526-537.
609. Snyder, M., Gangestad, S. On the nature of self-monitoring: Matters of assessment, matters of validity. // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, Vol. 51, pp. 125-139.
610. *Sociological Theory: Inquiries and Paradigms*. – NY: Harper & Row, 1967.
611. Sonne, J. L., Janoff, D. S. Attributions and the Maintenance of Behavior Change / In: C. Antaki, C. Brewin (eds.). *Attributions and Psychological Change*. – London: Academic Press, 1982, pp. 83-96.
612. Spacapan, S., Oskamp, S. (Eds.). *Helping and being helped. Naturalistic studies*. – Newbury Park, CA: Sage, 1992.
613. Spence, D. P. *Narrative truth and historical truth: Meaning and interpretation in psychoanalysis*. – NY: Norton, 1982.
614. Spinelli, E. *Demystifying Therapy*. – London: Constable, 1994.
615. Spinelli, E. The Existential-Phenomenological Paradigm / In: Woolfe, R., Dryden, W. (Editors). *Handbook of Counseling Psychology*. – London: Sage, 1996, pp. 180-200.
616. Spinelli, E. *The Interpreted World: an Introduction to Phenomenological Psychology*. – London: Sage, 1989.
617. Staub, E. *The roots of evil. The origins of genocide and other group violence*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
618. Staub, E., Bar-Tal, J., Karilowski, J., Reykowski, J. *Development and maintenance of prosocial behavior*. – NY.: Plenum Press, 1984.
619. Steele, C. M. The psychology of self-affirmation: Sustaining the integrity of the self. / In: L. Berkowitz (Ed.) // *Advances in experimental social psychology*. Vol. 21. NY: Academic Press, 1988, pp. 261-302.
620. Stern, D. N. *The interpersonal world of the infant: A view from psychoanalysis and developmental psychology*. – NY: Basic Books, 1985.
621. Stevens R., Wetherell M. The self in the modern world: drawing together the threads / In: Stevens R. (Ed.) *Understanding the self*. – London: Sage Publication, 1996, pp. 339–368.
622. Stryker, S. “Developments” in “Two Social Psychologies”: Toward an Appreciation of Mutual Relevance,” // *Sociometry*, 1977, Vol. 40, no. 4, pp. 145-160.
623. Summonds, P. M. *The Ego and the Self*. – NY: Appleton-Century-Crofts, 1951.
624. Suppe, F. Exemplars? Theories and Disciplinary Matrices. / In: Suppe, F. (Ed.), *The Structure of Scientific Theories*. – London: University of Illinois Press, 1974, pp. 483-499.

625. Swann, W. B. Jr. The Self as Architect of Social Reality / In: B. R. Shlenker (Ed.), *The self and social life*. – NY: McGraw-Hill, 1985, pp. 100-126.
626. Swann, W. B. Jr. Identity negotiation: Where two roads meet // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, Vol. 53, pp. 1038-1051.
627. Swann, W. B. Jr. Quest for accuracy in person perception: A matter of pragmatics // *Psychological Review*, 1984, Vol. 91, pp. 437-447.
628. Sweeney, P. D., Anderson, K., and Bailey, S. Attribution style in depression: a meta-analytic review // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, Vol. 50, 974-991.
629. Tajfel, H. Social stereotypes and social groups / In: J.C. Turner and H. Giles (Eds.), *Intergroup behaviour*. – Oxford: Blackwell, 1981, pp. 144-167.
630. Tajfel, H., Turner J.C. An integrative theory of Intergroup conduct / In: W.G. Austin, S. Worchel (Eds.), *The social psychology of Intergroup relations*. – Monterey, CA: Brooks / Cole, 1979.
631. Taylor, S. E., Crocker, J. Schematic basis of social information processing / In: E.T. Higgins, C. P., Herman and M. P. Zanna (Eds.), *Social cognition: The Ontario symposium (vol. 1)*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1981, pp. 89-134.
632. Taylor, S.E., Brown, J. Illusion well being: Some social psychological contributions to the theory of mental health // *Psychological Bulletin*, 1988, Vol. 103 (3), pp. 193-210.
633. Tedeschi, J. T., Felson, R. B. Aggression and coercive actions: A social interactionist perspective. – Washington, DC: American Psychological Association, 1994.
634. Tesser, A. Toward a self-evaluation maintenance model of social behavior. In L. Berkowitz (Ed.) // *Advances in experimental social psychology*. Vol. 21. – San Diego: Academic Press, 1988, pp. 181-227.
635. Thibaut, J. W., Kelley, H. H. *Interpersonal relations: A theory of interdependence*. – NY: Wiley, 1978.
636. Thibaut, J. W., Kelley, H. H. *The Social Psychology of Groups*. – NY: Wiley, 1975.
637. Thomas K. W. Toward Multidimensional Values in Teaching. The Example of Conflict Behaviours. – NY: *Academy of Management Review*, 1977, vol. 2, pp. 485-496.
638. Thomas K. The defensive self: a psychodynamic perspective / In: Stevens R. (Ed.) *Understanding the self*. – London: Sage Publication, 1996, pp. 281–338.
639. Thomas K. The psychodynamics of relating / Miell D, Dallos R. [Eds.] *Social interaction and personal relationships*. – London: Sage Publications, 1996, pp. 157–212.
640. Thorne, A. The press of personality: A study of conversation between introverts and extraverts // *Journal of personality and social psychology*, 1987, Vol. 53, pp. 718-726.
641. Thurstone L. L., Chave E. J. *The measurement of attitude*. – Chicago, 1929.
642. Toi, M., Batson, C. D. More evidence that empathy is source of altruistic motivation // *The Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. V. 43, pp. 281-292.
643. Triandis, H. C. Cross-cultural differences in assertiveness / competition vs. group loyalty / cooperation. / In: R. A. Hinde, Groebel, *Cooperation and Prosocial Behavior*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
644. Triandis, H. C. *Culture and Social Behavior*. – NY: McGraw-Hill, 1994.
645. Trivers, R. The evolution of reciprocal altruism // *Quarterly Review of Biology*. 1971. Vol. 46, pp. 35-57.
646. Turner, J. C. *Social influence*. – Buckingham: Open University Press, 1991.
647. Tversky, A. Kahneman, D. Judgement under uncertainty: heuristics and biases. // *Science*, 1974, Vol. 185, pp. 1124-1131.
648. Valle, R.S., Halling, S. (eds.). *Existential-Phenomenological Perspectives in Psychology*. – London: Plenum Press, 1989.
649. Van Dijk, T. A. (Ed.). *Discourse studies: A multidisciplinary introduction*. Vol. 1. *Discourse as structure and process*. – London: Sage Publication, 1997. – 356 p.

650. Van Dijk, T. A. (Ed.). Discourse studies: A multidisciplinary introduction. Vol. 2. Discourse as social interaction. – London: Sage Publication, 1997. – 324 p.
651. Vine, I. Sociobiology and social psychology: rivalry or symbiosis? The explanation of altruism // *British Journal of Social Psychology*, 1983, Vol. 22, pp. 1-11.
652. Viney, W. A History of Psychology: Ideas and Context. – Boston: Allyn and Bacon, 1994.
653. Vroom, V. H., Jago, A. G. The new leadership: Managing participation in organisations. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1988.
654. Watson, D. The actor and the observer: How are their perceptions of causality divergent? // *Psychological Bulletin*, 1982, Vol. 92, pp. 682-700.
655. Weber S. J., Cook T. D. Subject effects in laboratory research: an examination of subject roles, demand characteristics and valid inference // *Psychology Bulletin*, 1972, 77, 273-95.
656. Weiner, B. «Spontaneous Causal Thinking // *Psychological Bulletin*, 1985, 97, pp. 74-84.
657. Weiner, B. A Theory of Motivation for Some Classroom Experiences // *Journal of Educational Psychology*, 1979, 71, pp. 3-25.
658. Weiner, B. Achievement Motivation and Attribution Theory. – Morristown, NJ: General Learning Press, 1974.
659. Weiner, B. An Attributional Theory of Motivation and Emotion. – NY: Springer-Verlag, 1986.
660. Weiner, B. Judgements of Responsibility. – NY: Guilford, 1995.
661. Wertheimer, M. Fundamental Issues in Psychology. – NY: Holt, Rinehart and Winston, 1972.
662. Wertheimer, M. Humanistic Psychology and the Humane but Tough-minded Psychologist // *American Psychologist*, 1978, Vol. 33, pp. 739-745.
663. Wertheimer, M. Psychomotor coordination of auditory and visual space at birth // *Science*, 1961, Vol. 134, №1962.
664. Westen, D. Psychoanalytic Approach to Personality. / In: A. Pervin (ed.), *Handbook of Personality: Theory and Research*. – NY: Guilford Press, 1990, pp. 21-65.
665. Wetherell, M. (Ed.) *Social psychology: Identities, groups and social issues*. – London: Sage Publications, 1996.
666. Whorf, B. Language, thought and reality. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956.
667. Whyte, R. The Self-Concept: Revised Edition. Volume 1. A Review of Methodological Considerations and Measuring instruments. – Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press, 1974.
668. Whyte, R. The Self-Concept: A Critical Survey of Pertinent research Literature. – Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press, 1961.
669. Winches, R. Mate selection: A Study of complementary needs. – NY: Harper & Row, 1958.
670. Wiseman, J. P. Stations of Lost. – NY: Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1970.
671. Wispe, L. G. Positive forms of social behavior: A overview // *Journal of Social Issues*. 1972. Vol. 28, pp. 1-19.
672. Wittgenstein, L. Philosophical investigations. – Oxford: Blackwell, 1953.
673. Wood J. T. Engendered relations: Interaction, caring, power and responsibility in intimacy / In: S.W. Duck (Ed.), *Social contexts and relationships // Understanding Relationships Processes Series*, Vol. 3, – Thousands Oaks, CA: Sage, 1993, pp. 26-54.
674. Wood, J.V. Theory and research concerning social comparison of personal attitudes // *Psychological Bulletin*, 1989, Vol. 106, pp. 231-148.
675. Woolfe, R Dryden, W. (Eds.) *Counselling Psychology*. – London: Sage Publications, 1996.
676. Woolfe, R., Dryden, W. (Eds.). *Handbook of Counselling Psychology*. – London: Sage, 1996.

677. Word C.H., Zanna M.P., Cooper J. The non-verbal mediation of self-fulfilling prophecies in interracial interaction // *Journal of Experimental Social Psychology*, 1974, Vol. 10, pp. 109-120.
678. Wright G., Fowler C. *Investigative design and statistics*. – London: Penguin Books, England, 1986.
679. Wright, S. *Crowds and Riots*. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1978.
680. Zajonc, R.B. Attitudinal effects of mere exposure // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1968, Vol. 9, pp. 1-27. Yanchuk V.A. *Cross-cultural diversity: an integrative-eclectical approach*. Course reader. – University of Humberside Press, 1996.
681. Yanchuk, V. A. An integrative-eclectical approach to analyzing social psychological phenomena across cultures / Extended abstracts of the XIV International Congress of the International Association for Cross-cultural Psychology, august 3-8, 1998, Western Washington. – Western Washington: Western Washington University Press, 1998.
682. Yanchuk V. Methodological triangularity approach to cross-cultural phenomenon's analysis / In: Sim, Q.E., Tanzer N.K. (Eds.), *Cultural diversity and European integration*, Abstracts of Joint European Conference of International Association for Cross-Cultural Psychology and the International Test Commission, University of Graz, Austria, June 29 – July 2, 1999. – Karl-Franzes Universität Press, 1999, pp. 134 – 135.
683. Yanchuk V. A. Agenda-setting interpretative frame in the structure of social thinking / In: *La pensee sociale: questions vives*. 29-30 avril et 1er mai 1999, – Montreal. Montreal: UQAM University Press, 1999, pp. 234 – 251.

СОЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
ЧАСТЫ. ПРЕДМЕТ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	7
ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	7
<i>Эволюция представлений о предмете социальной психологии</i>	<i>7</i>
<i>Области социально-психологических исследований</i>	<i>9</i>
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	12
<i>Развитие социальной психологии за рубежом</i>	<i>12</i>
<i>Развитие советской социальной психологии.....</i>	<i>20</i>
<i>Становление и развитие белорусской социальной психологии</i>	<i>24</i>
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ 	32
<i>Роль метатеоретических метафор в развитии психологического знания </i>	<i>32</i>
<i>Эволюция социально-психологического знания: от модернизма к постмодернизму</i>	<i>33</i>
ЧАСТЬ II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	43
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	43
<i>Понятие теории в социальных науках</i>	<i>43</i>
<i>Традиционный идеал и развитие теории</i>	<i>45</i>
<i>Функции научной теории.....</i>	<i>50</i>
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	52
<i>Области философского анализа.....</i>	<i>52</i>
<i>Эпистемологические основы.</i>	<i>54</i>
<i>Онтологические основы.</i>	<i>60</i>
<i>Аксиологические основы.....</i>	<i>63</i>
ЧАСТЬ III. МНОГООБРАЗИЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ КООРДИНАТ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	69
<i>Понятие парадигмы и его психологическая специфика.....</i>	<i>69</i>
<i>Оценочные критерии соотнесения психологических парадигм</i>	<i>77</i>
<i>Критериальное поле соотнесения парадигмальных координат</i>	<i>88</i>
БИХЕВИОРИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	96
<i>Основные понятия современного бихевиоризма</i>	<i>98</i>
<i>Основные идеи современного бихевиоризма.</i>	<i>103</i>
<i>Специфика бихевиористского подхода к рассмотрению социально- психологической феноменологии</i>	<i>105</i>
ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	109
<i>Историко-культурные основания психодинамического подхода</i>	<i>109</i>
<i>Специфика психодинамического подхода в социальной психологии</i>	<i>111</i>
<i>Основополагающие понятия индивида и группы</i>	<i>113</i>
ИНТЕРАКЦИОНИСТСКИЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЕГО СПЕЦИФИКА	117
<i>Философские предпосылки интеракционистского подхода</i>	<i>117</i>
<i>Процессуальный символический интеракционизм</i>	<i>118</i>
<i>Основные идеи процессуального символического интеракционизма</i>	<i>124</i>
<i>Структурный символический интеракционизм</i>	<i>125</i>
<i>Основоположения структурного символического интеракционизма.</i>	<i>126</i>
СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	129

<i>Теоретические основания когнитивного подхода к анализу социально-психологической феноменологии</i>	129
<i>Социально-когнитивные модели рассмотрения человека как субъекта социально-познавательной активности</i>	131
<i>Анализ социально-познавательной активности</i>	132
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	136
<i>Методологические основания экзистенциально-феноменологического подхода</i>	136
<i>Экзистенциально-феноменологическая модель познания</i>	138
<i>Особенности экзистенциально-феноменологического подхода в социальной психологии</i>	141
КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	147
<i>Методологические основания социально-конструктивистского подхода</i>	147
<i>Основные теоретические подходы в социальном конструктивизме</i>	148
<i>Специфика конструктивистского подхода в социальной психологии</i>	155
ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	161
<i>Эпистемологические основания гендерного подхода</i>	162
<i>Специфика методов исследования гендерном подходе</i>	166
<i>Гендерная проблематика в социальной психологии</i>	167
ИНТЕГРАТИВНО-ЭКЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	171
<i>Методолого-психологические основания подхода</i>	171
<i>Механизмы интегративной эклектики</i>	179
МЕЖПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	185
ЧАСТЬ IV. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	196
СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	196
<i>Измерение в социальной психологии</i>	199
<i>Валидность социально-психологического исследования</i>	203
<i>Проведение социально-психологического исследования</i>	212
МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	215
<i>Эволюция исследовательских методологий в социальной психологии</i>	215
<i>Соотношение количественных и качественных методов</i>	219
<i>Пути оптимального сочетания количественных и качественных методов</i>	223
<i>Методологическая триангуляция</i>	224
<i>Интегративная эклектика путем триангуляции</i>	228
ЧАСТЬ V. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ	236
СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ЛИЧНОСТИ	238
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЛИЧНОСТИ	241
ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	247
САМОСТЬ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЕ ЯДРО ЛИЧНОСТИ	250
МНОГООБРАЗИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ САМОСТИ	251
СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СУЩЕСТВУЮЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ САМОСТИ	261
<i>Понятие социальной идентичности</i>	261
<i>Теоретические подходы к социальной идентичности</i>	264
Я-КОНЦЕПЦИЯ В СТРУКТУРЕ САМОСТИ	274
<i>Структура и содержание Я-концепции</i>	275
<i>Теоретические модели организации системы Я-концепции</i>	290
<i>Принципы формирования Я-концепции</i>	294
<i>Возрастная динамика Я-концепции</i>	299

<i>Психологическая устойчивость Я-концепции и механизмы ее поддержания</i>	301
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ САМОСТИ	304
<i>Теории среднего уровня</i>	304
<i>Когнитивно-жизненно-переживаемая теория самости Эпштейна</i>	307
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ	311
<i>Понятие социализации</i>	311
<i>Теоретические подходы к проблеме социализации</i>	318
<i>Стадии социализации</i>	336
<i>Механизмы социализации</i>	338
<i>Институты социализации</i>	345
<i>Феноменология и направления социализации</i>	347
ЧАСТЬ VI. КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МИРА	352
СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ	352
СОЦИАЛЬНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	354
<i>Категоризация</i>	357
<i>Прототипизация</i>	359
<i>Схематизация</i>	360
<i>Эвристизация</i>	368
<i>Стереотипизация</i>	369
<i>Социальное репрезентирование</i>	372
ЧАСТЬ VII. СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ ЛЮДЬМИ ДРУГ ДРУГА	388
ФОРМИРОВАНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА	388
УПРАВЛЕНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕМ О ЛИЧНОСТИ	391
<i>Самопрезентация в управлении впечатлением о личности</i>	391
<i>Теория самомониторинга Снайдера</i>	394
<i>Теория самоверификации Свана</i>	395
<i>Социально-психологические детерминанты процесса управления впечатлением о личности</i>	396
МЕЖЛИЧНОСТНАЯ АТТРАКЦИЯ И ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ЕЕ ФАКТОРЫ	398
<i>Теоретические подходы к феномену межличностной аттракции</i>	398
<i>Факторы межличностной аттракции</i>	402
ЧАСТЬ VIII. СОЦИАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ	410
ТЕОРИИ АТТРИБУЦИИ	411
<i>Наивный анализ действий Хайдера</i>	411
<i>Теория корреспондирующего вывода Джонса и Дэвиса</i>	412
<i>Ковариационная модель Келли</i>	414
<i>Теория самовосприятия Бема</i>	418
ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АТТРИБУТИРОВАНИЯ	420
<i>Индивидуальные различия и стиль атрибутирования</i>	420
<i>Влияние предубеждений в атрибутировании</i>	422
<i>Аттрибутивная теория мотивации и эмоций Вайнера</i>	427
АТТРИБУТИРОВАНИЕ И НАУЧЕННАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ	428
<i>Феномен наученной беспомощности</i>	428
<i>Преодоление наученной беспомощности</i>	431
АТТРИБУТИВНАЯ ТЕРАПИЯ	432
<i>Понятие атрибутивной терапии</i>	432
<i>Техники атрибутивной терапии</i>	433
<i>Аттрибутивная терапия и педагогический процесс</i>	435
<i>Направления современных исследований в области атрибутирования</i>	439

ЧАСТЬ IX. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ.....	444
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	444
<i>Понятие социально-психологического воздействия</i>	<i>444</i>
<i>Теоретические модели воздействия.....</i>	<i>446</i>
<i>Структура социально-психологического воздействия</i>	<i>454</i>
<i>Воздействие массовой коммуникации</i>	<i>459</i>
ИЗМЕНЕНИЕ АТТИТЮДОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ	462
<i>Типы исследований изменения аттитюдов.....</i>	<i>463</i>
<i>Эмпирические детерминанты изменения аттитюдов</i>	<i>468</i>
ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОВЕДЕНИЯ	470
<i>Теория обесованных действий Фишбейна и Айзена.....</i>	<i>471</i>
<i>Модель межличностного поведения Триандиса</i>	<i>473</i>
<i>Подход с позиции теории социальных решений Шерифа</i>	<i>474</i>
УСТОЙЧИВОСТЬ К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ И ЕЕ МЕХАНИЗМЫ.....	476
<i>Психологическая защита как механизм социально психологической устойчивости к воздействию</i>	<i>476</i>
<i>Психологическое прививание</i>	<i>479</i>
<i>Метод самозащиты Ранка.....</i>	<i>481</i>
ЧАСТЬ X. МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	486
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К МЕЖЛИЧНОСТНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ	486
<i>Межличностное взаимодействие: сущность и содержание.....</i>	<i>486</i>
<i>Межличностное взаимодействие как общение.....</i>	<i>487</i>
<i>Взаимодействие как организация совместной деятельности.....</i>	<i>492</i>
<i>Типология межличностного взаимодействия Бейлса</i>	<i>494</i>
<i>Подход к межличностному взаимодействию в символическом интеракционизме</i>	<i>496</i>
<i>Взаимодействие как взаимозависимость: теория взаимозависимости Тибо и Келли.....</i>	<i>497</i>
НОРМАТИВНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	501
<i>Психологические механизмы формирования и действия социальных норм.....</i>	<i>503</i>
<i>Межличностное взаимодействие и социальный контекст.....</i>	<i>507</i>
МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ВЗАИМОПОНИМАНИЕ	508
<i>Межличностное взаимодействие как процесс формирования разделяемого поля значений.....</i>	<i>508</i>
<i>Межличностное взаимопонимание как нахождение сходства</i>	<i>510</i>
<i>Межличностное взаимопонимание как процесс построения взаимоотношений.....</i>	<i>516</i>
<i>Пространственное расположение значений.....</i>	<i>523</i>
<i>Цикличность конструирования разделяемого поля значений в межличностном взаимодействии.....</i>	<i>525</i>
<i>Межличностное взаимодействие как культурно-исторически детерминированный диалог.....</i>	<i>527</i>
ЧАСТЬ XI. МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МАЛОЙ ГРУППЕ	534
ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ МАЛЫХ ГРУПП	534
<i>Развитие теоретических подходов к малой группе за рубежом</i>	<i>542</i>
<i>Развитие исследований малой группы в отечественной традиции</i>	<i>554</i>
ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ МАЛОЙ ГРУППЫ.....	558

<i>Возникновение малой группы</i>	558
<i>Развитие малой группы</i>	560
<i>Групповая социализация</i>	565
<i>Механизмы групповой динамики</i>	568
ХАРАКТЕРИСТИКИ МАЛОЙ ГРУППЫ	573
<i>Групповая структура</i>	573
<i>Нормативное поведение в малой группе</i>	581
<i>Групповая сплоченность</i>	597
<i>Социально-коммуникативные сети</i>	603
<i>Экология функционирования группы</i>	607
ФЕНОМЕНЫ УПРАВЛЕНИЯ ГРУППОВЫМ ПРОЦЕССОМ	617
<i>Феномен лидерства</i>	617
<i>Теоретические подходы к лидерству</i>	619
<i>Руководство малой группой</i>	623
<i>Групповое принятие решения</i>	627
ЧАСТЬ XII. СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	636
ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	636
<i>Теоретические подходы к просоциальному поведению</i>	638
<i>Просоциальная личность</i>	645
<i>Гендерные особенности просоциального поведения</i>	647
<i>Социальный контекст просоциального поведения</i>	650
<i>Нормативно-ценностная регуляция просоциального поведения</i>	655
<i>Условия оказания помощи и ее последствия</i>	658
АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	662
<i>Определение агрессии</i>	663
<i>Типология агрессивного поведения</i>	664
<i>Теоретические подходы к агрессии</i>	665
<i>Личностные и ситуативные факторы агрессии</i>	673
<i>Агрессия как социальное взаимодействие</i>	677
<i>Коллективная агрессия</i>	680
<i>Институционализация агрессии</i>	682
<i>Средства массовой информации и агрессия</i>	685
<i>Регуляция агрессии</i>	688
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ	693
<i>Понятие социальных предубеждений</i>	693
<i>Теоретические подходы к рассмотрению предубеждений</i>	696
<i>Формы проявления предубеждений</i>	706
<i>Стигматизация</i>	710
<i>Эффекты социальных предубеждений</i>	716
<i>Преодоление социальных предубеждений</i>	720
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	725
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	731
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	732
ЛИТЕРАТУРА:	736
СОЕРЖАНИЕ	762

Учебное издание

Янчук Владимир Александрович

**ВВЕДЕНИЕ
В СОВРЕМЕННУЮ СОЦИАЛЬНУЮ
ПСИХОЛОГИЮ**

Учебное пособие для вузов

Директор издательства *И. В. Зайцев* Главный редактор *Е. П. Горелик*
Художественный редактор *А. А. Кулаженко* На обложке: ил. *А. Кула-
женко*

Подписано в печать с диапозитивов 28.06.2005. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Peterburg. Усл. печ. л.
61,92. Уч.-изд. л 59,7. Тираж 4000 экз. Заказ № 622.

Общество с ограниченной ответственностью «АСАР». ЛИ №
0233/0133063 от 30.04.2004 г. 220004, Минск, Романовская Слобода, 5

Типография ООО «Юстмаж» Лиц. ЛП № 02330/0148792 от 30.04.2004 г.
г. Минск, ул. Кнорина, 50

Янчук Владимир Александрович

Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Академии последипломного образования. Профессор Белорусского государственного и Европейского гуманитарного университетов, приглашенный лектор Оксфордского, Сассекского и Хамберсайдского университетов (Великобритания). Член экспертного совета по психологическим наукам ВАК Республики Беларусь. Член Международных ассоциаций кросс-культурной психологии (IACCP) и радикальной психологии (IARP), общества теоретической психологии (ISTP). Участник международных научно-исследовательских проектов TEMPUS и INTAS, осуществлявшихся под эгидой Европейского Союза совместно с университетами Великобритании, Швеции и Франции. Участник многих международных психологических конгрессов. Автор более 150 научных публикаций, 30 из которых опубликованы за рубежом. Автор методологического интегративно-эклектического подхода к анализу социальной феноменологии, идеи и прикладные приложения которого реализованы в рамках исследовательского направления. Подготовил ряд кандидатов психологических наук. Область научных интересов составляют проблемы методологии и методов исследований в социальных науках, культурной детерминации, понимания, межличностного взаимопонимания, образования, кросс-культурные исследования.

Минск «Асар»

ISBN 985-6711-24-X

9 789856 711247